А.Ф. Ковшарь

ПТИЦЫ. ДОРОГИ. ЛЮДИ.

(ВОСПОМИНАНИЯ ОРНИТОЛОГА)

Часть 1. Полвека в СССР, при социализме (1941-1991)

За год до начала войны. Западная Украина, город Ровно, 17 марта 1940 года.

УДК 598.2/9 (092.2)
ББК 84 Рус-5
К56

ISBN 978-601-7287-13-9

Ковшарь А.Ф. Птицы. Дороги. Люди (воспоминания орнитолога). В двух частях. Часть 1. Полвека в СССР, при социализме (1941-1991). Алматы, 2014. 664 с., 232 илл.

Воспоминания известного казахстанского орнитолога, охватывающие более чем 70-летний период времени, представляют собой смесь мемуарного жанра с документальным: написанные на основе дневниковых записей автора, они содержат многие точные даты событий, подробные описания маршрутов экспедиций и впечатлений от увиденного. Иллюстрации в виде копий документов и писем ещё более усиливают эту документальную сторону повествования. Взяв за основу личные дневники, автор в соответствии с названием книги описывает не только встречи с птицами и свои путевые впечатления, но и даёт зарисовки многих людей, с которыми ему доводилось встречаться. Публикуемая первая часть этих воспоминаний особенно богата именно воспоминаниями о людях той эпохи – своих прямых учителях, друзьях, коллегах.

ISBN 978-601-7287-13-9

Kovshar A.F. Birds. Routes. People (memoirs of an ornithologist). Part 1. Half a century in the USSR, in socialism (1941-1991). Almaty, 2014. 664 p., with 232 illustrations.

Memoirs of a well-known Kazakhstan ornithologist comprise more than 70 years and represent a mixture of memoirs and documentary: based on the diaries of the author, they contain many specific dates of the events, detailed descriptions of expedition routes along with the travel impressions from them. Illustrations in the form of documents and letters strengthen the documentary side of the book. Based on the personal diaries, the author, as the title suggests, describes not only bird records and his own travel impression, but also gives his own interpretation to the portraits of many people (not only ornithologists), whom he had a chance to meet. The first part of the memoirs is especially full of memories of the people of this time – first mentors, friends and colleagues.

ISBN 978-601-7287-13-9

© А.Ф. Ковшарь, 2014 – текст, черно-белые иллюстрации
© Г.Н. Бейкова, 2014 – компьютерный дизайн, вёрстка
© В.А. Ковшарь, 2014 – обработка иллюстраций

Формат 64x92 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 41,5 п.л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ТОО «BTS Print» Алматы, ул. Римского-Корсакова, 3

Вместо предисловия

Ясным апрельским утром 1981 года, сидя в кабине старенького грузовика ГАЗ-66, направлявшегося из Алма-Аты на запад, в Чимкент, а оттуда – в пустыню Бетпак-Дала, я привычно осматривал открытые пространства впереди и справа от шоссе, записывал в блокнот каждую встреченную птицу и пребывал в том приподнятом состоянии, которое знакомо каждому зоологу (и, видимо, ботанику тоже!), отправляющемуся в очередную экспедиционную поездку. По пути в неведомую мне знаменитую пустыню предстояло посетить до боли знакомые места – заповедник Аксу-Джабаглы, где прошли семь лучших лет моей жизни, первые на казахстанской земле. Воспоминания нахлынули сами собой и сложились в какую-то хаотическую мозаику картинок, из которых со временем четко проступили три слова: «**птицы…дороги…люди**». Именно так, решил я, назову книгу воспоминаний, которую непременно напишу когда-нибудь. Почему именно в таком порядке? Потому что птицы – это основная цель всех моих поездок, они зовут в дорогу, на которой встречаются самые разные люди – порой просто удивительные и не менее интересные, чем сами птицы (последнее начинаешь понимать лишь с возрастом).

Пока видение не ушло, я записал эти три слова в записную книжку. И вот уже более 30 лет идея эта не оставляет меня, но с каждым годом даже укрепляется, по мере того, как растет количество интересных встреч – и с птицами, и с людьми – и пополняется багаж знаний, а вместе с тем растет желание поделиться им с другими. Ведь не зря народная мудрость гласит: жизнь прожить – не поле перейти. Мое поле оказалось, к счастью, достаточно длинным, различных впечатлений и встреч на нём было с избытком – лишь бы хватило словарного запаса описать их, да передать бы, хоть частично, ту атмосферу…

Моему поколению «повезло» на события. Появившись на свет в страшные годы разгула сталинских репрессий, подобно хилым всходам-самосеву на месте сплошь вырубленного леса, мы только-только начали воспринимать и запоминать окружающий мир, как на страну обрушилось величайшее испытание – война. Одним из нас пришлось делать первые шаги познания мира в условиях немецкой оккупации, другим, в том числе и мне, – на не менее трудных дорогах эвакуации, длившихся месяцы, а то и годы. Путь бегства нашего семейства, начавшись на Украине в июне 1941 г., завершился на берегах Волги только через год – поздней осенью 1942 г., с длительными остановками (в Донбассе, Ставрополе и Соль-Илецке), с форсированием Каспийского моря и продолжительным вояжем по пустыням Средней Азии – через Красноводск, Ташкент, Кзыл-Орду. Дополнительно географию страны мы изучали по ежедневным сводкам Совинформбюро…

День великой Победы моё поколение хорошо запомнило как день (и не один!) всеобщего ликования, всеобщей радости. Эта радость *выживших* людей помогала преодолевать трудности послевоенного периода, когда ученики-первоклашки первые в своей жизни буквы учились писать на… газетах, в лучшем случае – на обёрточной бумаге, а хлеб был самым желанным продуктом питания. Но все эти трудности переносились с полной уверенностью, что они временные, потому что мы строим коммунизм, когда *всем будет хорошо*. И каким же потрясением для нас, 17-18-летних, стало так называемое развенчание культа личности Сталина! Оказывается, мы поклонялись не тому идолу (а наши отцы и старшие братья тысячами умирали с его именем на фронтах войны!). Об этом как-то не принято говорить, но ведь так называемая «хрущёвская оттепель», помимо своего, несомненно, положительного значения, оставила и этот горький осадок в душах юнцов. И он только усилился после того, как великий разоблачитель начал создавать собственный культ и проводить один за другим непродуманные и неоправданные эксперименты в масштабах огромной страны.

В последовавшие после «оттепели» 70-е и 80-е годы, по мере повышения благосостояния народа (это легко было видеть, сравнив его с 40-50-ми гг.), мы снова уверовали, что строим светлую жизнь под чутким руководством партии. Это сейчас только особо «продвинутые» личности заявляют, что они и тогда видели, что в стране что-то не так (как хочется казаться прозорливым хотя бы задним числом!). Но тогда, во время правления геронтократии, которое позже назовут временем «застоя», подавляющее большинство простых людей не задавались вопросом, к чему приведёт эта лёгкая жизнь (а она действительно намного полегчала). Мы жили в великой (и не только по размерам) стране, которая выстояла в страшной войне, залечила раны и занималась большими стройками века – Братская гидростанция, БАМ, целина. Всё это вселяло гордость.

И вдруг оказалось, что опять всё не так. Нашёлся пророк, сказавший, что мы живём *неправильно*, что надо всё ломать и строить заново. Этот удар, названный невинно «перестройкой», а означавший окончание эксперимента с построением коммунизма в отдельно взятой стране, оказался особенно сильным. Ликование диссидентов, давно проповедовавших необходимость введения изменений в нашей жизни, очень быстро сменилось разочарованием основной массы населения, столкнувшегося на практике со знакомым ещё из школьных учебников понятием «реставрация капитализма». Но… «ломать – не строить», и преобразования пошли стремительно, только успевай переваривать лавину информации о приватизации и прочих новшествах.

Вот и получилось, что родившись в одной стране, которой, казалось, конца и края не будет, мы вдруг очутились в разных странах, к тому же с далеко не одинаковым общественным устройством. Будучи свидетелем и в какой-то мере участником перечисленных событий, я не могу в своих воспоминаниях о жизни и занятиях птицами не отразить и само время, в котором протекала эта жизнь. Времена оказались настолько разные, что воспоминания пришлось разделить на две части: «социализм» и «капитализм».

Путь к птицам (история детских привязанностей)

У большинства неординарных людей, достигших определенных успехов в той или иной отрасли науки, литературы или искусства, интерес к ним прорезывался чрезвычайно рано, по крайней мере, так принято считать. Классический пример – Моцарт, сочинявший музыку уже в 4 года. Можно назвать массу людей, которые определились со своими привязанностями в 6-7 лет и хотя бы смутно следовали им уже с этого возраста.

Ничего подобного у меня не было. Родившись 17 марта 1937 года вторым ребенком у счастливой супружеской пары в городе Полтаве на Украине, я рос ничем не примечательным и не проявлявшим никаких особых способностей ребенком. Отец Ковшарь Федор Федорович (1905-1963) и мать Литовченко Ганна Ивановна (1909-1993) были оба родом из села Плоска, Решетиловского района Полтавской области (всего 25 км от Полтавы в сторону Кременчуга). Еще во времена Тараса Шевченко Решетиловка славилась своими каракулевыми смушками, которые имели спрос на знаменитой ежегодной Сорочинской ярмарке, столь красочно описанной Н.В. Гоголем. А в XX веке не меньшим спросом пользовались изделия решетиловских вышивальщиц, поэтому здесь была создана школа художественных промыслов, которая и сейчас ежегодно готовит сотни мастериц художественной вышивки и ткацких изделий.

Родители мамы – Литовченко Иван Павлович (1875-1952) и Литовченко Кылына (Акулина) Павловна (1876-1970) – крестьянская семья среднего достатка, явно коренные жители села Плоска (бабушка родом из соседнего села Левенцивка, ее девичья фамилия Просяник); в семье было 11 детей, из которых 7 (Иван, Орина, Дмитрий, Ганна, Мария, Григорий, Степан) выросли и обзавелись семьями. Родители отца – беднейшая семья и явно пришлые, никакой родни в этих местах у них не было (уже живя в Казахстане, я случайно узнал, что в Харьковской области есть село Ковшаровка!). Дед Федор работал рабочим на Полтавской кондитерской фабрике, умер, когда отцу было 6 лет; бабушка (знаю только кличку – Маджарка) вела очень скудное хозяйство, растила детей (Семен, Афанасий, Алексей, Орина, Григорий, Федор), а затем внуков. Она дожила до 90 лет и умерла в 1939 г. – перед началом второй мировой войны, едва успев меня поняньчить.

Отец в юности был активным комсомольцем, а затем – убежденным коммунистом, получил среднее юридическое образование в Харькове и большую часть жизни проработал народным судьей. Мама, закончившая всего 2 класса сельской школы (надо было няньчить младших братьев), была домохозяйкой и вырастила 4 детей, причем старшую дочь похоронила во время эвакуации в Поволжье (Марийская АССР). Я был вторым ребенком в семье, старшая сестра Серафима родилась 22 апреля 1931 г. (умерла 29 декабря 1942 г.), брат Юрий – 19 октября 1941 г. (умер 5 января 2000 г.), сестра Сима – 7 апреля 1944г. (умерла 1 мая 2010 г.). Никого уже не осталось…

В 1940 году отец был направлен на работу членом областного суда в город Ровно (Западная Украина), который только что присоединили к Украине. Обстановка в этом «добровольно» присоединенном городе была очень неспокой-

ной, и самое первое воспоминание моего детства – человек с пистолетом ночью у раскрытого настежь окна (мой отец). Война застала нас в доме бабушки в Полтавской области, где родители проводили свой отпуск. Город Ровно был занят в первый же день, а нам предстояла долгая и трудная эвакуация на подводах – через Донбасс, Каспий и Среднюю Азию.

Этот нелегкий для взрослых путь запечатлелся в моем сознании в виде нескольких картинок. Самая яркая из них – первый снег при лунном свете с тысячами искорок в нем, которые при каждом вздрагивании подводы, на которой я лежу, прыгают и гаснут – красота неописуемая! На мои вопросы, что это такое, взрослые отвечают: «снег», а откуда эти искорки, они и сами не знают. Вторая картинка – бомбежка под Ворошиловградом, где мы с сестрой в деревенской избе села Войтово прячемся от возможных осколков под подоконниками (как объяснила мне 10-летняя сестра, он летит только прямо и завернуть не может). И еще крик мамы в соседней комнате, куда меня почему-то не пускали, а потом вынесли орущего младенца и сказали, что это мой брат Юра. Это было 19 октября 1941 г.

Длинный путь через Краснодар, Ставрополь, Махачкалу, Баку, Красноводск, Ташкент, Арысь, Кзыл-Орду временно прервался лишь в Соль-Илецке, где мы провели 2 осенних месяца. В память ярко врезался обнесенный глиняным дувалом небольшой приморский парк в Красноводске, где людей набилось столько, что сесть на землю было негде; днем по колено в пыли ходили какие-то люди в черных мохнатых шапках, а по ночам то и дело слышны были крики испуганных женщин и какие-то тени перепрыгивали через дувал. А на станциях по пути дальнейшего следования – горы арбузов и дынь, которые моя тетя выменивала на пачки чаю. Закончилось это плачевно – дизентерией…

Надо сказать, что эвакуировались мы вместе с военным заводом имени Молотова, на котором работала мамина сестра. На высоком волжском берегу близ села Звенигово (Марийская АССР) этот завод был развёрнут и стал выпускать снаряды для танков. Первые впечатления о природе – лес на крутом берегу Волги в Звенигово, где мы прожили полтора года. Но и здесь я не помню птиц. Хотя сама река покоряла своим раздольем, а леса по ее берегам были просто сказочными. Зимнее же катание на санках с высокого и крутого берега Волги было захватывающим. Оно-то стоило жизни моей старшей сестре, которая, посадив меня перед собой, прикрывала с боков своими ногами и на высокой скорости ударилась лодыжкой о высокий пень. Полученный ушиб, в конечном счете, завершился заражением крови, и через две недели, 29 декабря 1942 г. ее не стало…

Расположенное в лесу село Звенигово было обнесено забором с воротами, за пределы которых нас, детей, не выпускали. Так что никакого близкого общения с природой и здесь не получалось. Естественную детскую тягу к животным возмещало разведение пуховых кроликов, которых в семье так и называли «толины кролики», и которых мы с двоюродной сестрой Валей содержали в подполе нашего дома, а наши мамы время от времени вычесывали с них мягкий шелковистый пух и вязали из него варежки и шапочки.

Когда стало известно об освобождении от немцев Харькова и Полтавы (23 августа и 23 сентября 1943 г.), мои родители засобирались домой и отправились в путь с первым же пароходом, вышедшим вслед за ледоколом 21 апреля 1944 г., хотя моей младшей сестре едва исполнилось всего две недели от роду. С собой захватили и нескольких пуховых кроликов, чтобы показать это диво-дивное на Украине, где ничего подобного не видывали. И они отплатили нам тем, что фактически помогли спасти наш пароход от затопления. Заглянув с сестрой Валей в каюту, чтобы покормить кроликов, мы увидели, что их корм (овёс) плавает, а вода уже толстым слоем покрыла дно каюты. Пожаловались взрослым, которые находились на палубе, любуясь весенним разливом Волги, когда берегов почти не видно. Срочно всех нас собрали на верхнюю палубу, где дети и взрослые несколько часов дрожали от страха около огромной черной трубы, пока команда откачивала воду и устраняла течь. Особенно пугало то, что не видно берегов…

Лето 1944 года мы провели у бабушки в Полтавской области среди живописной украинской природы – прекрасные луга, живописные байрачные леса, пруды и речушки. А в сентябре я пошел в первый класс начальной школы в городе Проскуров (ныне Хмельницкий) Камянец-Подольской области, совсем недалеко от западной границы Украины. Здесь еще всё напоминало об ушедшей на запад войне: среди городских развалин одноклассники то и дело подрывались на оставленных немцами минах и гранатах (даже в младших классах не редкость были одноногие ученики), а в лесах орудовали вооружённые банды, именовавшие себя бандеровцами… Поскольку за городскую черту нас, детей, не выпускали, то и с природой контактов практически не было. Правда, однажды все же удалось посетить с нашим конюхом типичное западно-украинское село с черешнями, побывать в буково-ясеневом лесу, изрытом окопами и ямами от бомб и покупаться в малюсенькой речке с громким названием Западный Буг, которая начиналась где-то недалеко, а ширина её здесь была не более 10 метров.

Запомнилось 9 мая 1945 года, когда весь город наполнился пальбой в честь Дня Победы. Мы жили тогда рядом с городской тюрьмой в небольшом флигеле во дворе областного суда, где работал отец (было ли это соседство суда и тюрьмы случайным – так и не пойму до сих пор!) и мне хорошо было видно, как ликовали и те, кто находился там, за колючей проволокой… Это был день всеобщей радости и счастья…

Первое свидание с птицами состоялось лишь летом 1948 года, когда мы переехали на левобережную Украину и поселились в селе Драбово, тогда Полтавской, а ныне – Черкасской области. Здесь, будучи уже учеником 5-го класса (имея в кармане первый в жизни документ – свидетельство об окончании начальной школы!), я пристрастился к коллекционированию птичьих яиц. Разнообразие их раскраски будоражило воображение: белые, зеленоватые, голубые, розоватые. А по этому фону – различные точки, пятнышки и закорючки. Особенно ценились у нас яйца иволги, на которых мы находили целые буквы – «к», «с», «т», а также тире и запятые. А каким захватывающе интересным был сам

процесс поиска гнезд камышевок среди тростников или лесных птиц в дуплах и кронах деревьев, не говоря уже о поисках яиц жаворонков и других гнездящихся на земле птиц!

Однако это увлечение вытеснил вездесущий футбол, которым тогда все мы просто бредили. Это был период послевоенного подъема советского футбола, имена знаменитых футболистов были на устах у всех взрослых, а мы, пацаны, гоняли мяч с утра до ночи. До самого окончания школы футбол был главной любовью – занятием, без которого жизнь не мыслилась. А в 8-м классе к нему присоединилось увлечение шахматами, когда мы умудрялись играть по 10-20 партий в день и даже пробовали разбирать партии чемпиона мира Михаила Ботвинника, книгу которого «100 избранных партий» мне удалось купить.

Еще одна страсть преследовала меня с первого класса – чтение литературы. Читал все подряд – от «Всадника без головы» Майн Рида и «Хижины дяди Тома» Бичер Стоу до «Люди с чистой совестью» П.П. Вершигоры и «От Путивля до Карпат» С.А. Ковпака. А из русской классики – А.С. Пушкина (причем в одинаковой степени любил и стихи и прозу) и почему-то Н.А. Гончарова (знаменитый «Обрыв» перечитывал несколько раз), а Н.В. Гоголя обожал и зачитывался его «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и другими рассказами на украинскую тему, столь близкими к укладу жизни всей моей родни.

Так и было поделено отрочество меж трех китов: футбол – литература – шахматы. Еще одна школьная любовь – математика, которая мне легко давалась и вызывала азарт преодоления сложных ситуаций. Даже с друзьями-одноклассниками занимался, помогая им освоить эту науку. Учитель математики прочил мне большое математическое будущее. Никакой биологической профориентации в нашей сельской местности не было, и даже учителя биологии я не помню! Поэтому интерес к природе возникал лишь изредка – на заячьих охотах в поле и в лесу. Но я не мог даже представить себе, что это может быть профессией! Родители также не могли помочь в выборе профессии: мама об этом ничего не знала, а отец, которого я очень любил и мнением которого дорожил, сказал мне: «Кем угодно – только не юристом!». Поэтому, закончив школу с серебряной медалью (что тогда еще давало право поступления в ВУЗ без экзаменов), я не знал, как мне использовать это преимущество, и после долгих колебаний поехал поступать в Харьковский авиационный институт, благо это всего 170 км от дома. И лишь в поезде одноклассник (тоже медалист) Витя Новохатка, который ехал поступать на биологический факультет старейшего Харьковского университета, раскрыл мне глаза на такую возможность и за 4 часа пути окончательно «перевербовал», за что я всю жизнь был ему благодарен. Документы мы сдали вместе и оба были зачислены… Забегая вперед, скажу, что Виктор Гордеевич Новохатка стал известным фитопатологом, по окончании университета проработал 11 лет в Долинской ЛОС на Южном Сахалине, а после этого много лет – в знаменитом Мироновском институте селекции пшеницы под Киевом, где ряд лет заведовал лабораторией. Там и умер в своем кабинете, прямо на рабочем месте – инфаркт…

Детство, школа (1941-1954)

1

2

3

4

5

1 – две семьи в Ставрополе, 1942. Сидят мама, её сестра Маруся и дядя Ваня с Юркой на руках, крайняя справа – сестра Валя; стоят сёстры Лёля и Сима и я;

2 – семейное фото 1945 г., город Проскуров: на коленях у родителей брат Юра и сестра Сима;

3 – моя последняя школа. Решетиловка, 1954 г.;

4 - футбольная команда (1953 г.), Крайний справа – Виктор Новохатка, я четвёртый справа;

5 – выпускной 10-в класс, 1954 г. Решетиловская средняя школа.

Решетиловка (1954-1959)

6

7

8

9

10

11

12

6-8 - родители (1944, 1970), брат Юра, сестра Сима, 1956;
9 - родительский дом, 1954, Решетиловка;
10 - с мамой и с братом, 1956;
11 - на втором курсе, 1956;
12 - перед отъездом на работу в Казахстан, август 1959: с родителями и женой Тамарой. Между мной и мамой - двоюродная сестра Надя.

На пути ученичества (студенческие годы в Харькове)

Само слово «университет» пугало и внушало пиетет. Тогда оно еще не претерпело нынешней девальвации, когда в университеты переименованы почти все пединституты и скоро, видимо, настанет очередь техникумов и колледжей. В 50-х гг. из 24 высших учебных заведений в городе Харькове было 20 институтов, три Академии и только один университет – ХГУ имени А.М. Горького. Поэтому мы с Виктором, выпускники простой периферийной школы, не без трепета ступили на порог старого здания главного корпуса, где работала приемная комиссия… О зачислении студентами нас известили открытками уже через неделю! А еще через месяц, прибыв со своими нехитрыми пожитками, нашли себе угол в полуподвальной комнатке у границы ботанического сада и зоопарка. Только через год нам удалось удостоиться чести жить в студенческом общежитии на Артёма, 49.

Нам повезло с вузом. Этот старейший отечественный университет, основанный в 1805 г., за полтора века своего существования имел очень высокие традиции в области биологических наук, восходящие еще к тому времени, когда в нем учился Илья Ильич Мечников. Качество преподавания и уровень специализации студентов Харьковского университета в 50-х гг. XX ст. были очень высокими. Достаточно сказать, что на биологическом факультете тогда имелось **четыре** *зоологических* кафедры – зоологии позвоночных, зоологии беспозвоночных, ихтиологии и энтомологии. Спецкурс «орнитология» читался в течение двух лет (четыре полных семестра). Много знаний давал имевшийся при факультете Музей дарвинизма, в котором была хорошо представлена фауна всех континентов (результат обширных поездок харьковских зоологов в XIX веке). Наконец, студенты старших курсов принимали участие в настоящих комплексных экспедициях зоологических и ботанических кафедр и писали свои дипломные работы по материалам, собранным в этих экспедициях. Особенно сильны были зоологические традиции. Кафедру зоологии позвоночных в свое время возглавляли поочередно такие крупные зоологи как академик П.П. Сушкин, профессора А.М. Никольский, В.В. Станчинский, а с 1939 г. – И.Б. Волчанецкий. Последний, закончивший в 1918 году Московский университет у самого академика М.А. Мензбира, и стал моим первым научным наставником, руководителем научных экспедиций, курсовой и дипломной работ. Но это было потом.

До этого надо было пройти два года обучения, общего для всего курса, когда все 60 студентов слушали общие лекции и отрабатывали практикумы. И только на летней практике после второго курса происходило распределение на кафедры (исключением являлись только будущие биохимики и физиологи, которые уже первые два курса имели свою, дополнительную программу). Здесь я должен сделать одно признание, которое может показаться странным для людей, знающий меня многие годы. Боясь занятий вивисекцией (а представление у нас, первокурсников, было такое, что зоологи только тем и занимаются, что режут бедных животных), я с первого курса числился ботаником. И только в конце второго года обучения, и особенно после летней практики по зоологии позво-

ночных, я уже ни на йоту не сомневался, что буду зоологом, а именно – орнитологом. Главным виновником этого оказался человек, о котором стоит рассказать отдельно, это он сделал орнитологами и меня, и моих друзей.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что воспоминания об *alma mater* – это попытка на миг вернуться в свою молодость, в атмосферу того времени, и с позиций приобретенного жизненного опыта по-новому взглянуть на далекое начало своей самостоятельной жизни. И, конечно же, на первом месте здесь – воспоминания об учителях. О тех, кто направил тебя по тому пути, которым ты следуешь вот уже десятилетия. Особенно важно это для того, кто в силу сложившихся обстоятельств оказался слишком далеко от *alma mater* и не имеет возможности присутствовать на периодических встречах выпускников, хоть частично утоляющих естественную жажду воспоминаний.

Александр Сергеевич Лисецкий (1919-1991)

Студентам Харьковского государственного университета периода 50-х гг. XX столетия повезло на учителей. В этом старом классическом высшем учебном заведении в середине XX ст. ещё преподавали старые профессора – гидробиолог Л.А. Шкорбатов, фитопатолог Т.Д. Страхов, орнитолог И.Б. Волчанецкий, физиолог В.Н. Никитин, биохимик И.Н. Буланкин. Но помимо этих «звезд первой величины», генералов науки, были и такие малозаметные труженики, которые-то и делали из нас зоологов, ботаников или физиологов. Именно таким был ассистент кафедры зоологии позвоночных Александр Сергеевич Лисецкий – впоследствии кандидат наук, доцент и заведующий этой кафедрой.

Невысокого роста, но плотного телосложения (о таких в старину говорили: «не ладно скроен да крепко сшит»), с небольшими и глубоко посаженными глазами на крупной голове почти без шеи, он обладал недюжинной физической силой, волевой натурой и производил впечатление какого-то сгустка энергии. Студенты его уважали и побаивались: распекая провинившегося едкими словами, он так сверлил его своим колючим взглядом, что хотелось поскорее забиться куда-то в угол. Зато для друзей он был добр, ласков и бесконечно предан в дружбе. Знаниями своими (а они были глубокими в самых различных областях) делился охотно, если замечал у собеседника неподдельный интерес. О его фронтовом прошлом мы знали только то, что он был танкистом и в последние годы войны командовал танковой ротой. Говорить на эту тему он не любил и ничего не рассказывал, кроме одного забавного случая, когда уже после войны их танк нечаянно во время чистки орудия выстрелил по Еревану, на окраине которого стояла их воинская часть…

Первая наша встреча состоялась в мае 1955 г. на полевой практике по зоологии, хотя сам Александр Сергеевич впоследствии не раз говаривал мне, что заприметил меня еще зимой 1954/55 г., встречая несколько раз с девушкой в парке им. Т.Г. Шевченко. И якобы тогда уже решил, что из меня выйдет толк. Надо хорошо знать Лисецкого, чтобы понять – в шутку он это говорил или всерьез.

Тогда же я просто гордился тем, что «старик Лисецкий нас заметил». Кстати, на подобного рода экспромты он никогда не обижался и даже подхватывал их, развивая дальше.

Здесь уместно пояснить, какими были взаимоотношения Александра Сергеевича с «кафедральными» студентами. Я бы назвал их почти панибратскими, но при соблюдении истинного пиетета с нашей стороны к нему как старшему брату (тогда мы даже не задумывались о его возрасте, и я только годы спустя выяснил, что он годился мне в отцы). Шутки, прибаутки, анекдоты – причем не всегда приличные (*А.С.* был большим любителем анекдотов и впоследствии много лет присылал их мне даже в Казахстан) – все это производило впечатление непреходящего веселья. При этом для удобства обращения длинное словосочетание из имени и отчества как-то само собой превратилось в короткое «Сака», которым мы называли его сначала за глаза, а потом – и в глаза. Некоторые студенты сгоряча даже говорили ему «ты», особенно после окончания университета, но у большинства из нас все-таки сохранилось обращение к нему на «Вы».

Умение вести себя с молодыми на равных – большой дар для преподавателя. Этим даром Александр Сергеевич был наделен с лихвой. Участвуя во многих проделках вместе со студентами, он нередко был заводилой. Достаточно вспомнить историю с так называемым «Пестичным обществом», как в шутку именовалось наше кафедральное братство, основанное *А.С.* вместе с другом детства Андреем Куниченко, который по иронии судьбы был студентом у своего друга. Были разработаны символика и ритуал приема в это «тайное» общество, которое никаких иных целей, кроме веселья, не ставило. Много лет спустя, повзрослев, мы не раз вспоминали, ***что*** в те времена означало раскрытие любого «тайного» общества. Но тогда мы были молоды и беззаботны, а играть в это «общество» было удивительно интересно и весело.

Александр Сергеевич никогда не пил спиртного (мне он как-то сказал, что в детстве его взрослые напоили так, что едва выжил), а вот курил очень своеобразно: он только *докуривал* – видимо, сохранилась фронтовая привычка. Все попытки дать ему целую папиросу или сигарету он отметал начисто: «Ты закуривай, а я докурю». Вторая необычная черта – пристрастие к сладкому. Он клал в стакан чая 5-6-7 ложек сахара и пил такой сироп с удовольствием. Зато совершенно не переносил горячего супа. Однажды, в колхозной столовой на берегу Днепра, где не оказалось холодной воды, он при мне вылил в борщ почти полбутылки холодного лимонада! Такие причуды еще больше привязывали нас, молодежь, к этому необычному человеку.

Незаурядная фигура Александра Сергеевича пленяла нас не только глубиной познаний в зоологии и ботанике («какой же ты зоолог, если не знаешь ботаники?» – не раз говорил он), но и преданностью природе, непримиримостью к ее губителям. Среди студентов ходила легенда о том, как Лисецкий, увидев из окна поезда браконьера, рубившего в лесу елку, вышел на первом же полустанке и пошел его «вязать». И это очень похоже на правду. В таких случаях он был совершенно непримирим и безжалостен к нарушителям. Так и кажется, что даже отца родного не пожалел бы, застукай его за этим.

Как преданность науке воспринимали мы и не совсем обычный образ жизни Александра Сергеевича, хотя обусловлен он был, скорее всего, более прозаическими жизненными обстоятельствами. Фактически он жил на кафедре, в той же комнате, где и работал, – на третьем этаже здания на улице Тринклера 8, где сейчас размещается Музей природы (это здание до 1960 года занимал биологический факультет, а половина третьего этажа принадлежала кафедре зоологии позвоночных). В этой небольшой комнате за фанерной перегородкой находилась фотолаборатория, в которой и держал Александр Сергеевич свою походную раскладушку и постель. По вечерам он доставал этот нехитрый скарб, включал любимую музыку (он с гордостью говорил, что у него есть все патефонные записи Утесова и Лещенко) и садился за святая святых – расправлять бабочек. В это время он был радушным хозяином, угощал чаем, анекдотами и просто рассказами. Здесь можно было, не мешая ему, снимать шкурку с птицы и учиться делать чучело; обмениваться впечатлениями о недавней поездке и встреченных птицах; мечтать о новых поездках. А то и просто тренироваться в заучивании латинских названий птиц.

Мы знали, что в подвальном помещении этого же здания, где жила часть сотрудников биофака, проживает в небольшой комнатке и мать Лисецкого, у которой он бывал не часто, но подробности их взаимоотношений были для нас тайной… Много лет спустя, приезжая на короткое время из Казахстана, я не раз гостил в уютной квартире на Гиршмана 17, где поселился Александр Сергеевич с женой Ирой Туранской и где у них родилась дочь Вита. При этом я не раз ловил себя на мысли, что неординарная фигура Саки как-то не вписывается в интерьер ухоженной городской квартиры – как будто ему тесно и неуютно в этих рамках. Может быть, это просто казалось…

Описание колоритной фигуры А.С. Лисецкого будет неполным без упоминания о его привязанностях и антипатиях. Главными чертами его характера были пристрастность и нетерпимость. Основными пристрастиями, помимо птиц, были бабочки и женщины. Он и сам нередко шутил на эту тему, называя и тех и других «бабцами». Пальму первенства всегда держали бабочки, которых он коллекционировал всю жизнь, привлекая к этой работе всех своих друзей и знакомых, имея своих «бабчиных» агентов почти во всех городах СССР. Каждому из нас, своих выпускников, уезжавших на работу в Казахстан, Среднюю Азии и на Дальний Восток, он вручил по раскладному сачку для ловли бабочек, выполненному каким-то умельцем по его специальному заказу. И первые годы я свято выполнял его завет: ловить и ловить, днем и ночью…

Нетерпим был Сака прежде всего к фальши в человеке (и в обществе!), к предательству, необязательности. Вот яркий образец его непримиримости. В день начала Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, три друга (один из них – *А.С.*) дали слово пойти добровольцами на фронт и отправились домой собираться. К военкомату пришли двое, оба вернулись с фронта живыми. А третьего, который после войны работал бок-о-бок, в одном учреждении, Александр Сергеевич так и не простил до конца своих дней… Другой при-

мер: товарищ-соперник очернил его в глазах любимой девушки и… перестал для него существовать как товарищ, а получил прозвище «Обалдуй». Чего-чего а жесткости ему было не занимать.

Так кем же был для нас Лисецкий? Преподавателем, приобщавшим нас к зоологии? Не только. Заведующий кафедрой профессор Илья Борисович Волчанецкий тоже далеко не без успеха занимался этим, за что мы ему по сей день благодарны. Но он давал нам теорию и к тому же был мало доступен, находясь где-то там, наверху. И когда он проходил по кафедральному коридору – высокий, статный, с неизменной тюбетейкой на гордо поднятой голове – мало у кого из студентов хватало смелости подойти к нему и спросить о чем-либо. Лисецкий же был свой, почти на «ты», и получить ответ у него можно было на любой вопрос, в том числе и не касающийся зоологии. Сейчас, спустя много лет, я понимаю, что Сака был для нас и «дядька»-воспитатель наподобие того, что был у Гринева, и батянякомбат, о котором поется в фронтовой песне, и просто товарищ, с которым можно было поделиться любыми сомнениями и мыслями, даже сугубо личными.

Вот один из ярких примеров. В августе 1959 года, когда я уезжал работать на Тянь-Шань, Сака с присущей ему грубоватостью спросил: «Неужели ты, паразит, поедешь в эти прекрасные горы без фотоаппарата? Это же преступление». И понимая, что у меня просто нет денег на этот злополучный фотоаппарат, он купил и принес мне на вокзал новенький «Зоркий-4», стоивший тогда баснословные деньги – 1200 рублей. «Разбогатеешь – вернёшь» – сказал он, сунув мне аппарат в руку. А ведь он никогда не был богачом. И я не знал покоя почти два года, пока не рассчитался с ним. Зато я с первого дня снимал!.

Формируя из нас зоологов, Александр Сергеевич не только учил нас распознавать птиц в поле или делать тушки, промеры, записи и т.д. От него мы узнавали о своих предшественниках, о работавших раньше на кафедре выдающихся ученых – Владимире Владимировиче Станчинском, Николае Ивановиче Калабухове. И так незаметно, исподволь, устанавливалась преемственность знаний и поколений, продолжались традиции кафедры. Встретив впоследствии в Казахстане бывших выпускников нашей кафедры (например, Валентина Леонидовича Шевченко, с которым со временем по-настоящему подружился), я уже давно знал их по рассказам Лисецкого.

Личная научная судьба Александра Сергеевича сложилась не очень удачно. Сначала война, затем другие причины помешали всецело отдаться любимому делу. Да и в самом определении любимого дела был заложен конфликт: бабочки или птицы? В результате кандидатскую диссертацию Сака пишет… по грызунам! И пишет ее очень долго, поскольку душа к ним у него не лежала, и само написание работы вылилось в неприятную обязанность. Но он все-таки довел ее до конца, защитил. И вернулся к птицам и бабочкам. Зато как радовался он успехам своих учеников, в которых вложил всю душу! И огорчался, когда его воспринимали как соперника…

Последний раз мы виделись летом 1987 года в окрестностях родной биостанции, где Сака с Ирой поселились на даче. Странно было видеть его в роли дачника, но видно было, что возиться с землей ему доставляет удовольствие.

И верилось, что он все еще успеет сделать: и привести в порядок свою коллекцию бабочек, и опубликовать многолетние наблюдения по птицам Харьковщины. Но, к сожалению, не успел. Что ж, зато он преуспел в другом: во многих уголках необъятных просторов бывшего Союза и далеко за его пределами живут и работают орнитологи, путевку в жизнь которым в свое время дал Александр Сергеевич Лисецкий.

*****

В отличие от городских снобов, знавших всё и вся, нас, приезжих, в университете поражало все – от больших аудиторий, в которых когда-то учился сам Мечников (одна из них так и называлась – Мечниковской) до старорежимных профессоров в шапочках и ермолках (И.Б. Волчанецкий всегда и везде носил тюбетейку). Особенной была сама атмосфера общей влюбленности в науку, которая была для наших преподавателей превыше всего. Наиболее ярко это проявилось в первые же дни, когда в Мечниковской аудитории перед нами стали выступать преподаватели разных кафедр, рассказывая о своей науке, ее целях, задачах и чем занимается их кафедра. Большинство из них были такими патриотами своей науки, своего направления, что остаться равнодушным было просто невозможно, и после каждого такого агитвыступления возникало желание посвятить жизнь именно этой науке. Хорошо помню, как зав. кафедрой беспозвоночных Нина Николаевна Шевченко, еще довольно молодая и красивая женщина, начала свою речь словами: «Я обеими руками – за кафедру позвоночных, но беспозвоночные ничуть не менее интересны» – и далее следовал вдохновенный панегирик беспозвоночным животным и теме регенерации, которой она непосредственно занималась…

Так же вдохновенно большинство из них читали лекции и проводили практические занятия. Даже необходимость вскрывать лягушку уже не казалась чем-то страшным, а вызывала скорее любопытство: а что там, как там? Словом, все сомнения мои исчезли, и я стал одним из самых прилежных студентов. Этому способствовало и быстрое постижение такого трудного для многих дела, как конспектирование лекций. Как-то само собой удавалось короткими фразами записывалось главное и это нисколько не мешало и слушать и записывать. Впоследствии это умение не раз выручало в жизни. Конечно же, не обходилось и без пропусков лекций, сбегания в кино и т.д. Однако интерес к занятиям преобладал – особенно на тех предметах, которые читали блестящие лекторы. Так, например, я не пропустил ни одной лекции по биохимии, которую читал наш любимый ректор академик Иван Николаевич Буланкин. И не потому, что меня интересовала биохимия (на третьем курсе я уже был убежденным орнитологом), но как он читал – заслушаешься!… Не зря потом мой однокурсник Волик Лесников взял мои конспекты и перепечатал их на машинке (невиданная для того времени роскошь! Скорее всего, это сделала его мама, Татьяна Владимировна Ярошенко, обожавшая своего сына) для всего курса. И не случайно эта тетрадка хранится у меня до сих пор – вместе с двумя тетрадками лекций И.Б. Волчанецкого по орнитологии.

Харьковский университет (1954-1959)

13 – Ю.В. Шибаев и наша общая любимица кафедры ушастая сова Женика *(Asio otus);*

14 – А.С. Лисецкий подкармливает котят. Симферополь, май 1957 г.;

15 – первая орнитологическая экскурсия на практике. Биостанция ХГУ, Гайдары, 1956 г.;
А.С. Лисецкий (5-й слева) рассказывает нам о золотистых щурках *(Merops apiaster)*, за норами которых мы ведём наблюдения (мы с Шибаевым 4 и 5 справа).

Харьковский университет

16 – мы с Шибаевым в военных лагерях. Остёр на Десне, Черниговская обл., июль 1958 г.;

17 – Игорь Кривицкий, первая зима в заповеднике. Кургальджино, декабрь 1959 г.;

18 – страничка из выпускного альбома. Харьков, июнь 1959 г. Мария Павловна Божко вскоре защитила докторскую по тлям (читала нам сравнительную анатомию животных). Доцент Яков Пантелеймонович Зубко - териолог, занимался полёвками. Нашему любимому «патрону» Илье Борисовичу Волчанецкому ниже посвящён специальный очерк.

Познание птиц началось с полевой практики по зоологии позвоночных, которую проводил после второго курса А.С. Лисецкий на Биостанции, созданной старыми профессорами еще в 1915 г. в долине Северского Донца близ города Змиева. К тому времени биостанции исполнилось уже 40 лет – срок немалый. На крутом склоне, поросшем дубравой (в дневниках мы писали «ясене-липовая дубрава»), приютилось пару домиков и среди них – летняя кухня, а также небольшие вспомогательные помещения. Когда приезжали студенты, ставились палатки, как в экспедиции.

Практикум по птицам был особый. Если экскурсии по беспозвоночным животным или ботанике начинались после завтрака, около 9 час утра, то орнитологи выходили на маршрут уже в пол-четвертого, т.е. в сущности ночью – так рано начинают петь европейские птицы. Поеживаясь от ночной прохлады и обильной росы, практиканты время от времени останавливались и слушали тихие пояснения преподавателя: «поет сплюшка… это – козодой, а это – кто? Ну, конечно же, соловей». Вскоре запевали лесные коньки, горихвостки, синицы и т.д. А после появления солнца можно было уже видеть и самих птиц. Среди них мы, конечно же, в первую очередь выделяли самых ярких и красивых – иволгу, сизоворонку, золотистую щурку, зимородка. Но мало по малу добавлялись новые виды, даже названий которых мы раньше не слышали. И уже с интересом сыпались вопросы: «А это кто, Александр Сергеевич?». И невысокий плотный Лисецкий казался гигантом, знающим абсолютно все. Тем более что кроме птиц он называл нам очень многие растения, земноводных, пресмыкающихся, жуков и бабочек. Тогда мы еще не знали, что бабочки – любовь всей его жизни.

В городе познание птиц мы продолжали уже самостоятельно – по коллекции. На кафедре, кроме научной коллекции (святая святых!), с которой работал сам «патрон», как величали все кафедральные Илью Борисовича Волчанецкого, была еще так называемая учебная, хранившаяся отдельно в шкафах в комнатке Н.И. Калабухова, рядом с его знаменитым термоградиентом (оригинальной конструкции металлическим лабиринтом, в разных местах которого создавалась различная температура, чтобы можно было выяснить, какую же предпочитают помещенные туда мышевидные грызуны). Термоградиент нас не интересовал, тем более что сам Николай Иванович уже много лет жил и работал на Дальнем Востоке, а вот шкафы с птицами привлекали. И часто после занятий, иногда – уже вечером, мы с Юрой Шибаевым забирались в эту комнату для дипломников и начинали экзаменовать друг друга, вынимая из ящика ту или иную птицу. Среди них попадались и настоящие раритеты – с Дальнего Востока или Средней Азии. Именно там я впервые увидел краснокрылого чечевичника, с которым спустя несколько лет близко познакомился в Казахстане. Экзаменуемый должен был назвать русское и латинское имя птицы и сказать – из каковских она. Наш третий друг – Игорь Кривицкий, учившийся курсом старше – участия в этих «детских» играх не принимал: он был воспитанником Лисецкого еще с 13-летнего возраста и ко времени нашего знакомства сумел побывать уже в двух зоологических экспедициях. Да и статус неоднократного чемпиона области по самбо не располагал к этому…

Здесь самое время рассказать об этих друзьях, которые всю свою дальнейшую жизнь посвятили орнитологии и стали известнейшими специалистами-орнитологами. Справедливости ради, надо сказать, что на нашей кафедре зоологии позвоночных, самой «мужской» на биофаке, были и другие прекрасные ребята, но жизнь развела их по разным направлениям: Гена Казаков уехал работать гидробиологом на Амур, Сергей Торсуков занялся той же наукой в Харьковской области, а Андрей Куниченко – самый старший из нас, друг детства А.С. Лисецкого – отдался преподаванию в школе и родил сына, тоже Андрея, как две капли похожего на отца (торжество генетики!), и вот этот-то Куниченко-младший занялся орнитологией в Молдавии и Украине. Кстати, на биофаке посмеивались: вот уж поистине кафедра зоологии: Волчанецкий – Лисецкий – Куниченко!… Еще больше веселила острословов дружба двух моих однокурсниц – Шуры Вовк (волк) и Люды Заяц. Даже преподаватели нет-нет да и прохаживались по этому поводу… Наконец, кроме перечисленных «старожилов», на кафедре в 1956 году появились еще два зоолога из числа студентов Харьковского пединститута, который в этом году слили с нашим университетом. Это были Павел Рева и Гвардий Кузнецов. Первый впоследствии стал орнитологом, защитил кандидатскую диссертацию по водоплавающим птицам днепровских водохранилищ и долгое время работал доцентом Черкасского пединститута; он рано ушел из жизни. Второй вскоре после окончания университета работал зоологом в Иссык-Кульском заповеднике в Киргизии (успел написать мне оттуда 2 письма), а затем переехал в Белоруссию и, по всей видимости, ушел из зоологии. По-настоящему орнитология «зацепила» нас троих.

Итак – мои друзья («скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты»)…

Игорь Александрович Кривицкий (1935-2008)

Теплым июньским вечером 1955 года у костра на биостанции Гайдары среди нас, закончивших первый курс и проходящих в этом благословенном месте долины Северского Донца летнюю практику по зоологии, появился статный, спортивного вида, подвижный и веселый парень, который сразу же привлек к себе всеобщее внимание. Это и был Игорь Кривицкий, студент второго курса кафедры зоологии позвоночных, только что вернувшийся из первой настоящей научной экспедиции по Молдавии. Видно был, как тепло, по-дружески, обращались к нему наши молодые преподаватели, проводившие практику, и его однокурсники, проходившие ее вместе с нами, а девушки буквально не сводили с него глаз. Да и было с чего. Помимо прекрасных физических данных и веселого общительного нрава, парень был удивительно остроумен, хотя и пользовался этим своим даром в меру, не перебарщивая. Кстати, таким он и остался на многие годы, вызывая у одних восхищение, у других зависть…

До сих пор помню, с каким чувством зависти провожали мы, второкурсники, в феврале 1956 года на первую всесоюзную орнитологическую конференцию своих друзей третьекурсников, которым кафедра зоологии позвоночных нашла деньги на проезд «Харьков-Ленинград»! Нам, уже подавшим заявления

на кафедру, тоже было предложено, но – за свой счет. Какой же «свой счет» мог быть тогда у студента?!. А Игорь годы спустя с гордостью показывал общую фотографию участников конференции, где среди массы советских орнитологов сидят и они, «птенцы» из гнезда профессора И.Б. Волчанецкого.

В суматохе городской студенческой жизни 1955/56 учебного года мы виделись редко, тем более, что учились на разных курсах, а занятия в те годы, когда биофак ютился в старинном здании на Тринклера 8 (сейчас там Музей природы), проводились в разных концах города. И только на третьем курсе, распределившись на кафедру зоологии позвоночных, я стал там регулярно встречать Кривицкого. Нас, студентов двух смежных курсов, было на кафедре всего 8, по четыре с каждого курса: мы с Юрой Шибаевым, Павел Рева и Гвардий Кузнецов – третьекурсники; Игорь Кривицкий, Гена Казаков, Сергей Торсуков и Андрей Куниченко – четвертый курс. Неисчислимое количество однокурсниц, составлявших порядка 90% личного состава каждого курса, не в счет хотя бы потому, что ни одна из них не заинтересовалась орнитологией…

Наша кафедра была на биофаке самая «мужская» по составу студентов, что и понятно: для занятия орнитологией в те времена главным было умение добывать птиц из охотничьего ружья. Тем более что сбор орнитологической коллекции для уточнения подвидовой принадлежности был главным коньком нашего «патрона» – профессора Ильи Борисовича Волчанецкого. Перед этим неприступным с виду рослым пожилым мужчиной в неизменной тюбетейке робели не только мы, студенты, но и многие преподаватели.

Для общения со студентами на кафедре существовал ассистент Александр Сергеевич Лисецкий. Он-то и был нашим первым учителем не только в орнитологии, но и в зоологии вообще и даже в ботанике! С Игорем их связывали какие-то особо близкие отношения. Только годы спустя я узнал, что Игорь еще 13-летним мальчишкой был юннатом у Лисецкого. Вскоре и для всех нас, кафедральных, он стал больше, чем преподавателем, – скорее старшим товарищем, в рабочем кабинете которого мы могли оставаться после занятий до глубокого вечера, так как он и ночевал здесь же, держа за фанерной перегородкой, в фотолаборатории, раскладушку. Глядя, как он увлеченно, с любовью расправляет своих бабочек (несметное количество сборов чешуекрылых хранилось в стоящих здесь же шкафах), мы старались тоже заниматься делом: снимали шкурки с добытых птиц, учились набивать чучела, а то и просто заучивали написанные на этикетках латинские названия птиц. Игорь, хотя и был харьковчанином и имел в этом городе множество друзей помимо биофака, частенько тоже пропадал по вечерам здесь, на кафедре, где за всеобщим «трепом» формировались наши зоологические знания и привязанности. Эти вчера давали нам гораздо больше, чем официальные лекции.

Лидерские качества Игоря в полной мере проявлялись в полевых условиях. Когда в мае 1957 года мы, третьекурсники, собирались в свою первую научную экспедицию в горный Крым, Игорь уже имел за плечами опыт прошлогодней экспедиции в эти горы, а также предыдущих поездок по Молдавии и Украине. Сказывалось и его увлечение туризмом – походы на Карпаты, на Урал, по тер-

ритории Харьковщины. Не удивительно, что он сразу же стал лидером в нашей первой научной экспедиции, в равной степени возглавляя и работу, и развлечения. А в последних он был великий мастер – не случайно же при создании на кафедре шуточного «пестичного общества» ему был присвоен титул «пестик-изобретун». Розыгрыши не всегда были безобидными. Например, отправляя в самостоятельную длительную поездку на озеро Донузлав двух наших друзей – Казакова и Реву – мы в одной из пачек заменили галеты на аккуратно выпиленные фанерки, вложив внутрь пачки отпечатанную на машинке инструкцию, как ими пользоваться. Как и должно было случиться, очередь до этой пачки дошла в самой неподходящей ситуации, когда наши друзья ночевали в каком-то стоге сена, промокшие и продрогшие. Вспыльчивый Гена Казаков решил утром же написать гневное письмо в адрес изготовителей, и только прочитав при дневном свете упомянутую «Инструкцию», понял, чьих это рук дело…

Но особенно расцветал организаторский талант Игоря в колхозах и совхозах, куда нас регулярно посылали на уборку урожая. Уже в первой такой поездке, в Запорожскую область, Игорь убедил своих однокурсников сбежать от своего курса и поехать в тот колхоз, в котором работали мы. Это была одна из самых веселых поездок – работа в болгарском селе Мариновка, среди изобилия домашнего сухого виноградного вина и мраморных арбузов. А на следующий год настал наш черед – сбежать от своих однокурсниц и присоединиться к Игорю с друзьями. И было это в Калининдорфском районе Херсонской области, совсем рядом с легендарной Асканией, с которой мы тогда впервые и познакомились. А для меня эта поездка имела и вовсе неожиданные последствия – она оказалась концом моей холостяцкой жизни…

Следующий этап – Казахстан. Получив диплом на год раньше нас с Юрием Шибаевым, Игорь добросовестно отработал его при родной кафедре препаратором (спустя год Илья Борисович оказал такую честь и мне). И вот 17 августа 1959 года мы втроем покинули родной Харьков с целью попасть на Вторую Всесоюзную орнитологическую конференцию, открывавшуюся 18 августа в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, а оттуда отбыть на места работы в заповедники: Шибаев – на Дальний Восток, в Судзухинский, а мы с Игорем – в Казахстан (он в Центральный, степной, в недавно созданный Кургальджинский заповедник, а я – в Южный, в заповедник Аксу-Джабаглы, что в горах Западного Тянь-Шаня). Так мы с Игорем оказались в одной системе вдали от родных пенатов. И хотя между нами пролегало более тысячи километров казахстанской степи, все же мы были самыми близкими соседями и по нескольку раз в год могли встречаться в столице – Алма-Ате. А самое важное – мы попали в руки к одному и тому же учителю, который и завершил наше формирование как орнитологов. Это был Игорь Александрович Долгушин – глава казахстанской орнитологии, доктор, профессор, заведующий лабораторией орнитологии в Институте зоологии Казахской Академии наук, а главное – удивительной души человек. К его 100-летнему юбилею в 2008 г. мы выпустили книгу воспоминаний о нем, среди которых самые яркие – воспоминания Игоря Кривицкого…

В Кургальджинском заповеднике Игорь проработал три года (с осени 1959 г. по весну 1962 г.) – самые трудные годы становления молодого заповедника в условиях, когда целей и задач заповедников не понимало не только окружающее население, но и руководство всех уровней – от районного до главы государства Никиты Сергеевича Хрущева, который, в конце концов, и добился очередного закрытия ряда заповедников, в том числе и Кургальджинского. Об этом Кривицкий с горечью писал мне в письмах, а позже поведал в своих мемуарах «Казахстанская целина и птицы» (1999).

Но это было годы спустя. А тогда было очень трудно покидать полюбившуюся степь с ее птицами и людьми, с которыми в стужу и зной приходилось защищать заповедный режим. Вот где пригодились навыки и закалка самбиста, бывшего чемпиона Харьковской области по этому виду спорта! До сих пор помню рассказы Игоря об этом. И как браконьеры сбрасывали с машины ящики под колеса мотоцикла, на котором он с егерем преследовал их по степному бездорожью, и как потом умоляли вернуть им отобранное транспортное средство, без которого невозможно вернуться в город, за 100-200 км… А суровые степные зимы с их буранами и ветрами не раз вспоминались ему в Харькове и десятилетия спустя. Рассказы его о них были очень красочными и увлекательными.

На этом фоне прекрасными отдушинами были наши встречи в Алма-Ате, куда мы регулярно приезжали с годовыми отчетами в Главк и к своему научному руководителю – И.А. Долгушину. Не только сам он, но и вся его лаборатория были как бальзам на душу нам, одичавшим в своем заповедном одиночестве. Сам Игорь как-то оценил этот коллектив в своей манере: «Прекрасный народ – и насчет поговорить-покурить, и насчет нутра». Встреч этих мы ожидали месяцами и всячески подстраивались к разного рода событиям и датам, чтобы оказаться в столице в одно время. Однажды, приехав раньше меня, Игорь тут же отправил телеграмму такого содержания: «Заповедник Аксу-Джабаглы. Ст. н. сотрудн. А.Ф. Ковшарю. Почему задерживаетесь отчетом? Кривицкий». И перепуганный директор спрашивал меня: «а кто такой Кривицкий?», справедливо опасаясь, что это новый, еще не известный ему чиновник главка. В одну из таких встреч Игорь сообщил мне и о своем решении жениться (избранница его была мне хорошо знакома по биофаку, где училась курсом младше), в другую – о том, что вынужден уехать из Кургальджино, который превратили в рядовое охотничье хозяйство…

Были и встречи на всесоюзных конференциях, а после отъезда Игоря из Казахстана они стали едва ли не единственной возможностью увидеться. Надо сказать, что ни одной всесоюзной орнитологической конференции мы не пропустили – со второй (Москва, 1959) по 12-ю (Ставрополь, 2006). Из них самыми запоминающимися были третья (Львов, 1962), четвертая (Алма-Ата, 1965) и пятая (Ашхабад, 1969). Конечно, сыграло свою роль и то, что мы были молоды, полны сил и энергии, но немаловажное значение имела и сама организация этих конференций и особенно – экскурсий (Карпаты, Тянь-Шань, Копетдаг). Зато на последней, в заснеженном Ставрополе, я едва узнал Игоря в молчаливом и сосредоточено-серьезном человеке, избегавшем любого резкого движения. И хотя в ответ на мои попытки растормошить его он прочел мне шуточное сти-

хотворение, начинавшееся словами: «Отзвенело лето, отцвела капуста…», но уже через минуту снова был сосредоточен на чем-то очень важном и как будто известном только ему одному…

Весь харьковский период жизни Игоря (после возвращения из Казахстана) мы с ним переписывались. Писал он редко, но каково было качество самих писем!… Он был непревзойденным мастером эпистолярного жанра, к сожалению, угасшего в последние два десятилетия XX века, с приходом к нам всеобщей компьютеризации. Я не помню ни одного человека, который бы не восхищался его письмами. И все наши общие знакомые, орнитологи и другие зоологи, просто коллеги, обычно спрашивали меня: «Что пишет Кривицкий?» в надежде, что я зачитаю им отрывки из его очередного письма.

Стиль его писем за 49 лет нашей переписки с каждым годом все более напоминал художественную прозу с большой долей природного юмора, а то и сарказма. Первое письмо, датированное 2 октября 1959 года, представляет собой лаконичную информацию о его житье-бытье на новом месте: «Живем мы далеко от цивилизации – 250 км от Акмолинска, 75 км от ближайшей почты и магазина. Поселок наш состоит из 10 домиков, стоит в степи на берегу реки. В реке рыбы всякой – мульён. Щук ловим в массе. Птицы всякой тоже тыщи, когда гуси летят, так солнца не видно…».

Через полгода, вдоволь наскучавшись в одиночестве, он так описывает внезапный приезд одного из наших общих харьковских знакомых:

«Написал тебе письмо, лег в кровать и читал. Часа в три ночи вдруг стук в окно. В такое время я не ожидал гостей. Я поднялся, начал вглядываться в окно. За окном показалась какая-то знакомая улыбка и блеснул зуб железный. Я схватил фонарик и посветил. То, что я увидел, как бы ударило меня по голове: за окном я увидел… Э. Ильенкова. Нет, я твердо решил, что это мираж, что я схожу с ума. Да покажись мне в окне черт, я бы вовсе не удивился, а тут… Но это был действительно он. Оказывается, Эдуард Трофимович в сессию попал на операцию и был вынужден взять отпуск на год. Не долго думая, он махнул ко мне. Большие и ответственные посты его не интересуют, ему только нужно иметь прожиточный минимум. Завтра пристрою его участковым егерем на 420 целковых». И в следующем письме через пару недель: «У нас сейчас примерно как на Артема в общежитии – все те же лица. Но они несколько изменились. Эдика все такой же лодырь и бездельник, особой помощи от него я не вижу, кроме всяких забот-хлопот. Ну, а Женика – ты же знаешь Женику! В первые дни он истерически орал, когда находил какого-нибудь жучка, потом увлекся рыбной ловлей. Теперь нет ни жучков, ни рыбы. Я даже и не знаю – это хорошо или плохо, что он приехал…».

А вот как «нескучно» можно написать об операции: «Итак, мне вырезали гланды. Ты скажешь: несчастный… – я знаю, что ты скажешь! Не могу похвастаться, что чувствую себя лучше, но может это дело времени. Единственная, на мой взгляд, польза от операции – та, что, пролежав 5 дней в больнице, я имел бюллетень… с 8 по 31 декабря (только не дай Бог – Степанов узнает!). Этих дальневосточников [Ю.В. Шибаева и Н.М. Литвиненко – *АК*] мне провожать не удалось, т.к. в день их отъезда мне это самое вырезали. Они пришли со мной попрощаться. Я выбежал к ним в своей больничной экипировке. Вероятно, у меня была не совсем веселая рожа, т.к. моя очередь идти в операционную была следующая, а кого-то уже потрошили. Прощания были спешными. Всякие пожелания и т.п. Шибаев был верен себе, он пришел в больницу

с бревном подмышкой. Бревно какой-то особой породы. Но этого преимущества не поняли темно-серые обитатели нашей палаты и плохо подумали о Юше…»

Совсем другие настроения в апрельском письме 1962 года, когда над заповедником нависли грозные тучи реорганизации, а Игорю в этот период приходилось исполнять обязанности директора: «Все страшно не в туды. И не только от директорства, но и вообще от проблем заповедных. Пока еще из нас не сделали показательного охотхозяйства, где я мог бы со своим'с интеллектом и образованием (а так же ж со внешностью) блеснуть перед иностранными туристами и отечественными сановниками своими знаниями и… университетским значком. Рассказал бы им про методы количественного учета воробьиных птиц на крыше Бобиного дома или еще чем блеснул – задом, к примеру, когда б им на увеселение сиганул бы в воду вниз головой… Эх, жаль, что я шпаги глотать не обучен! Тоже хлеб для нашего брата-зоолога».

А письмо, написанное летом 1966 г., вскоре после похорон любимого учителя (И.А. Долгушина), – целый философский трактат, полный любви и горечи… Спустя почти 40 лет, в 2004 году, на мое предложение написать воспоминания о Долгушине он отвечает: «Я бы просил прощения за некоторую задержку с ответом на твои просьбы и письма, но памятуя о твоей предполагавшейся отлучке в Эмираты, или ещё куда то, я и не торопился особенно, тем более, что писание о предшественниках – процесс длительный. По примеру летописцев, старцев древних, это сколько же прожить надобно? Но шутки шутками, а дело ты свершаешь святое. Отмахав на свете порядочно лет, вдруг обнаруживаешь, что рядом с тобою пребывающее окружение, вроде и такие же, как ты, и с тобою на «ты», но ни фига (как москвичи говорят) не знают самой близкой истории. Ну, простительно, что про Наполеона и победившего его Ивана Грозного (или наоборот), да про Сталина, ни бум-бум. Но о тех, кто ещё вот-вот был с нами рядом, тепло чьих рук мы ещё ощущаем на наших ладонях, – без понятия! Вроде как и не было. Потому что молодёжь, да ещё и современная. Нынешняя манера: вот я чевой-то открыл, нашёл, и дорогу мне в учёные! В не очень парламентском стиле говорю тут одному приставателю-соискателю, дескать, книжек бы ты разных почитал, прежде чем Америку открывать. А в ответ: «Вон их сколько, и жизни не хватит всё прочитать, да и зачем, ведь всё это старая литература, сколько лет-то прошло, когда это было… Зарудный какой то да Эверсман, ещё дореволюционные…»

В самом конце 2004 года (30 декабря) снова на ту же тему: «Очень давно не общались, вроде дольше и некуда. Причина не в лени, а в бесконечной текучке и непозволительно быстром течении времени. По статусу писинерскому [пенсионерскому – АК], можно бы и предаться неге, со скамеечки в парке созерцать бесстыдных девок. Ан нет, не до этого. Нескончаемая череда всяких забав. Да и понятно, много обязанностей перед родными и близкими, перед теми, кто ждёт от меня подвигов, перед службой. А тут ещё революция у нас случилась, и мы ждём – что из этого получится. Некогда тебе сообщал, что я с добрым чувством воспринял твой призыв отметить юбилей Долгушина книгой про него. И пишу. На всех моих столах лежат бумажки, на которых и накапливается материал. Тетрадка в портфеле, записной блокнот в командировке. О Долгушине иначе нельзя. Ведь воспоминания, думы об этом человеке возникают вдруг, негаданно, не всегда в соответствующем писательскому труду месте. Вот на бумажечке и черкнёшь: «Долг о Слудском…» и в таком роде. А потом это развиваешь в стиле литературно-публицистическом. Технология называется… Всё, что с ним связано, происходило ещё в начале моей жизни. Это по календарю – пол столетия (почти). А по хрестоматийным выкладкам, вроде близко к официальной цифре продолжительности жизни человечьей. Вот и понимай, как с конца концов видится то, что было в начале» (30 декабря 2004 г.).

И в самом последнем своем письме Игорь так выражает свое впечатление об этой книге воспоминаний, которую я ему выслал: «Подлый «День выпускника» пока не даёт засесть за полученную вчера книжку про Долгушина. Бегло пробежав по страницам, я любуюсь и восхищаюсь, и книжкой, и мужеством её создателя. И думаю, что памятники создавать – не обязательно долбить гранит и мараться в гипсе…» (19 апреля 2008 г.). Строки эти, написанные моим другом всего за месяц до смерти, очень мне дороги… И сейчас, когда я перебираю и перечитываю его письма, за их строками я вижу самого Игоря – молодого, энергичного, всегда веселого и уверенного в правильности избранного пути, на котором было так много интересного.

Юрий Викторович Шибаев (27 июня 1937)

Так уж получилось, что из полутора десятков моих однокурсников самым близким мне по духу оказался этот серьезный, немногословный и очень скромный парень, коренной обитатель города Харькова. Наряду с Лисецким и Кривицким он стал тем магнитом, который прочно перетянул в зоологию бывшего псевдо-ботаника. И за 5 лет учебы (несмотря на то, что он жил дома, а я – в общежитии) мы так сдружились, что Лисецкий, глядя, как мы в обычной манере пикируемся, говорил: «Как же вы, паразиты, будете жить друг без друга?!». И я не находил ответа, потому что и сам себе не мог этого представить. Вместе с Игорем Юрка пристрастился к туризму, они ходили в походы – то в Карпаты, то на Южный Урал и слыли уже заправскими туристами, бывалыми ребятами; привозили оттуда прекрасные песни, которые мы с упоением распевали. И тут было ясно – кто ведущий, а кто ведомый.

У нас же все было совсем по-другому. Оба не стремились быть лидерами, но очень многое понимали и чувствовали одинаково, а кое в чем и дополняли друг друга. Так, у Юрки был несомненный художественный дар – он прекрасно рисовал (все оформление стенгазет биофака было на нем) и особенно любил заниматься резьбой по дереву. Этим он занимался постоянно, в том числе и на лекциях, и особенно при нашей совместной подготовке к экзаменам. Последнее обычно происходило таким образом: перед экзаменом Юра приходил к нам в общежитие, предупредив родителей, что заночует у нас. Чтобы не мешать спать ребятам, мы, взяв конспекты и учебники, спускались в освещенный подвал общежития, где был оборудован тир. Здесь около освещенных мишеней, я читал вслух, а Юра слушал и вырезал по дереву, останавливая меня время от времени и переспрашивая. Меня это устраивало, потому что я-то на слух ничего не воспринимал, мне надо было видеть своими глазами текст. После полуночи Юра начинал клевать носом, а ко мне, «сове» от рождения, приходило второе дыхание. Где-то под утро мы шли в комнату, чтобы хоть часок подремать перед экзаменом. И все это сходило с рук – получали пятерки…

Будучи очень красивым и всегда выглядя моложе своих лет, Юра очень страдал от постоянных комплиментов, на которые не скупились женщины. Не только все наши однокурсницы, но и студентки младших курсов были влюбле-

ны в него и бегали (как мне потом рассказывали) посмотреть на него. Называли они все его не иначе как «Юрочка», что не только смущало, но и злило его. Но, будучи человеком скромным, он только краснел, чем еще больше нравился женщинам… Когда спустя много лет мы с ним заходили в вестибюль Биолого-почвенного института во Владивостоке, где он работает и поныне, дежурная у входа приветствовала его: «Здравствуй, Юрочка», и я понял, что ничего не изменилось – разве что Юрка уже привык к этому и стал легче переносить. Однако я ошибся. Когда через три года на конференции по миграциям птиц в Алма-Ате его, уже признанного мэтра в орнитологии, мои молодые сотрудники, лишь вчера увидевшие его впервые, стали называть «Юрочка», он помрачнел и сказал мне: «Ну почему они тебя называют Анатолий Федорович, а меня Юрочка?!». Ответа я не знаю до сих пор. Видимо, это какой-то рок – казаться для всех юношей до самой старости.

Среди многих достоинств моего друга (искренность, честность, художественный дар, прекрасное знание певчих, а затем – и водных птиц и т.д.) есть один, недоступный большинству из нас. Он однолюб в самом высоком смысле этого слова. Влюбившись еще студентом в Наташу Литвиненко (в которую нельзя было не влюбиться), он всю жизнь любил только ее и любит до сих пор, хотя ее уже много лет нет с нами. Нельзя, говоря о Юре, промолчать о Наташе – ярчайшей фигуре нашего орнитологического сообщества. Она училась двумя годами раньше нас, и я помню, как мы с Юркой, затаив дыхание слушали на студенческом научном кружке ее доклад о биологии широкорота в Супутинском заповеднике на Дальнем Востоке. Тогда многие из слушателей влюбились в эту энергичную, веселую и на редкость целеустремленную девушку. Но у Юры эта влюбленность осталась на всю жизнь. И она отвечала ему тем же. Кстати, особенно сблизила их совместная работа в редколлегии биофаковской стенгазеты под странным, казалось бы, названием – «НОСОРОГ» (Новогодняя Остро Сатирическая Очень Рискованно Оформленная Газета), каждый предновогодний выпуск которой был событием на биофаке. Главным заводилой этого мероприятия была Наташа, а Юра был непременным художником-оформителем. Одному Богу известно, сколько длинных вечеров, наполненных веселым творчеством, провели они за этим занятием…

Когда мы с Юрой учились на последнем курсе и работали над своими дипломами (оба – по материалам крымской и кавказской экспедиций кафедры в 1957 и 1958 гг.), мы мечтали работать вместе на Дальнем Востоке. Наташа уже второй год работала там, и я понимал, что она готовит почву для Юры, следовательно, второму орнитологу там надеяться не на что. Поэтому и обратил свои взоры на Тянь-Шань и вообще горы Средней Азии (после крымско-кавказских вояжей мы чувствовали себя «горняками»). И хотя расставаться очень не хотелось, но я прекрасно осознавал, что справедливость такого «расклада» налицо.

В результате с лета 1959 года Юра начинает работать (вместе с Наташей) в Судзухинском (ныне Лазовском) заповеднике Дальнего Востока. Годы работы в Лазовском заповеднике носили поисковый характер. Первые публикации Юры и Наташи были по региональной фаунистике, редким видам, миграциям

водоплавающих, роли птиц в циркуляции арбовирусов. После переезда супругов в 1963 г. в заповедник «Кедровая Падь» Дальневосточного Отделения Академии Наук СССР, основной для Юры стала тематика о миграциях пластинчатоклювых. Местом постоянных полевых работ стали озеро Ханка и Хасанские озера — на крайнем юго-западе Приморья. В результате в 1975 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию «Миграция пластинчатоклювых на материковой части юга Дальнего Востока».

Благодаря Юре и Наташе мне удалось присутствовать на этой защите, где посчастливилось познакомиться с тем самым профессором Николаем Ивановичем Калабуховым, под термоградиентом которого мы с Юркой просидели не один день. Особенно приятно было на банкете слышать обращенный к нам его тост: «За школу Волчанецкого!», тем более что еще в Харькове я не раз слышал, что Илья Борисович был главной причиной ухода *Н.И.* из университета. Но самым интересным было посещение истоков реки Уссури (гора Облачная) и острова Карамзин в заливе Петра Великого.

Подъем на гору Облачная мы совершили вместе с орнитологами Александром Александровичем Назаренко и Алексеем Петровичем Крюковым, и самым интересным для меня, помимо знакомства с широкоротом (*Eurystomus orientalis*) и мандаринкой (*Aix galericulata*), было сравнение песен земляного дрозда (*Zootera dauma*) с теми, которые я всего несколько дней назад слышал от пролетных птиц в Заилийском Алатау; толстоклювой камышевки (*Herbivocula schwarzi*) и бурой пеночки (*Phylloscopus fuscatus*) с хорошо знакомыми мне песнями индийской пеночки (*Phylloscopus griseolus*), а также песен сибирской красношейки (*Luscinia calliope*) и обитающей в Тянь-Шане черногрудой красношейки (*Luscinia pectoralis*). Результаты этого прослушивания были обоюдно интересны нам с А.А. Назаренко. Двухдневный поход по дальневосточному лесу с буреломом был настолько непривычен, что к концу первого дня у меня разболелась переломанная 7 лет назад нога и я, как говорится, «лег костьми». Юрка не на шутку встревожился и уже был готов проклинать себя за то, что затеял этот поход. Однако на второй день, лишь только кончился лес и начался подъем на вершину по привычному открытому щебнистому склону с зарослями кедрового стланика и микробиоты (очень похожи на наши тянь-шаньские арчевники!), я вырвался вперед, и Юрка с Александром Александровичем вздохнули спокойно.

Вторая, морская поездка была вообще волшебной. О знаменитом острове Карамзин, на котором Наташа изучала пёстролицего буревестника (*Calonectris leucomelas*) и чернохвостую чайку (*Larus crassirostris*), я знал давно и взглянуть на него и его пернатых обитателей было пределом моих мечтаний. Особенно запомнился мне рассказ о том, как Наташу на этом острове бомбили во время учений наши доблестные пограничники, сочтя этот остров необитаемым и не обращая никакого внимания на пускаемые ею ракеты. На ее упреки, высказанные позже в высоком начальственном кабинете, ей снисходительно ответили: «Мы же не смотрим в форточку – кто чего пускает, а бомбим *по приборам*»…

На остров нас с Юрой (Наташа поехать не смогла) забросили на своем суденышке знакомые аквалангисты, которые обещали забрать нас через сутки.

Однако вернулись они только через два дня, чему я был очень рад, поскольку уезжать из этого волшебного места совсем не хотелось. Ночевали мы в самодельном помещении, сколоченном из дощечек и прижатом к скале. По поводу этого сооружения, размером 1х2 м и высотой чуть больше метра, Юрка с гордостью сказал: «Знаешь, Сэм (старая студенческая привычка называть друг друга именами героев О'Генри), каждый мужчина должен родить сына, посадить дерево и построить дом. Так вот, сына я родил (Андрюшке тогда было лет 10), деревья сажал не раз, и вот, наконец, построил дом!». Смешно было называть это домом. Но когда мы в темноте пошли к морю помыть руки и набрать воды, то горевшая в крошечном окошке свеча красочно говорила о том, что это все-таки жилье, а не дощатый ящик, каким он выглядел днём.

Здесь все было сказочное – и крошечное жилье, состоявшее из лежанки на двоих; и поразительно теплый ливень, после которого мы, выпив чайку, *босиком* пошли вверх по распадку (после Тянь-Шаня это была просто фантастика!) смотреть птиц. Не забуду тот леденящий душу крик, который многократно отразился в скалах. «Это он и есть, пестролицый буревестник» – сказал Юра и подвел меня к норе, в глубине которой блестел глаз сидевшей там птицы. Вскоре мы дождались, как в уже густых сумерках буревестники стали выбираться из нор и сначала падать по крутому каменистому склону, а потом подниматься на крыло и исчезать в морской дымке. Ничего подобного я никогда не видел и уже не увижу… Тут же в сумерках, летали иглохвостые стрижи.

На следующий день мы насмотрелись на чернохвостых чаек и испытали их атаки, для чего предусмотрительно надели старые штормовки, которые вскоре покрылись довольно густо пятнами жидких экскрементов. Выбравшись из-под этого «обстрела», мы достигли скального склона, обрывавшегося прямо к морю. Это была колония кайр, как сказал с гордостью Юра – самая южная в СССР. Птицы сидели на узких скальных карнизах, насиживая яйца. «Хочешь привезти в Алма-Ату кладку кайры?» спросил Юра. Это было очень заманчиво, но когда я взглянул на пенящийся далеко внизу морской прибой, ноги вдруг стали ватными и отказались идти. Я не альпинист и никогда им не был, но в Тянь-Шане по таким же скалистым склонам ходил свободно, не боясь. Никогда не думал, что это, казалось бы, привычное дело здесь окажется просто невозможным. Стыдясь своей слабости, я отказался от кладки, но Юрка все понял и смело вскарабкался к ближайшему гнезду, а я стоял с замиранием сердца и проклинал себя – и за свою трусость, и за то, что не могу его удержать… Сейчас эта кладка хранится в зоологической коллекции Института зоологии в Алма-Ате.

Вечером, на закате, когда мы высматривали бот Гены Косыгина (который в этот день так и не пришел), мы стали свидетелями военных учений: один самолет буксировал какой-то крупный предмет, по которому остальные стреляли. Затем началась бомбежка моря и огромные фонтаны вздымались из воды. И тут я обратил внимание, что скалы вокруг местами буквально нашпигованы оплавленным металлом – видимо, это был излюбленный военный полигон. Стало очень неуютно, и я подумал: а что же пережила Наташа, когда была здесь совсем одна и бомбили не море, а остров!..

Три года спустя, когда в Алма-Ате состоялась Вторая Всесоюзная конференция по миграциям птиц, Шибаев вместе с Юрой Назаровым нанес ответный визит в высокогорье Заилийского Алатау. В Тянь-Шане он был впервые (Наталья летом 1958 года работала в Аксу-Джабаглы). В августе 1978 г., после окончания конференции, на нашем стационаре «Большое Алматинское озеро» собралось более 20 орнитологов со всех концов Союза – Калининграда (почти весь штат Рыбачинской орнитологической станции во главе с В.Р. Дольником и двумя его дочерьми), Киева (В.В. Серебряков), Томска (С.С. Москвитин), Красноярска, Владивостока и др. Был и Игорь Кривицкий – в кои-то веки мы собрались втроем!

Когда все гости разъехались, мы с Юрой остались одни, и я повел его на перевал Проходного ущелья (Алмарасан), чтобы во всей красе посмотреть наши высокогорья. Вышли мы рано утром и сначала поднялись на Космостанцию (с 2500 до 3300 м над уровнем моря), а оттуда по Проходному ущелью прошли на одноименный перевал. Чтобы не идти обратно тем же путем, я предложил перевалить к подножью пика Озерный, а оттуда спускаться вдоль речки до Большого Алматинского озера.

Даже для хорошо тренированного человека это было слишком, но мне так хотелось показать другу все наши красоты, что я совсем забыл – каково было мне три года назад в непривычной обстановке уссурийского леса. Надеялся на то, что Юрка всегда был крепче меня, и в этот раз не подведет. Спуск к Озерному мы начали уже при последних лучах солнца, и я торопился, чтобы до темноты закончить его и встать на туристскую тропу, по которой наши туристы ходили на Иссык-Куль. Выйдя на эту тропу в полной темноте, оба вздохнули с облегчением, хотя предстояло еще около 6 км пути. Вскоре обнаружилось, что тропу местами пересек прошедший в этот день селевой поток, и мы то и дело соскальзывали с камней в грязь. К тому же моя левая нога от таких перегрузок отказала, что, прежде всего, выразилось в частом спотыкании – чуть ли не на каждом втором шагу. Юрке я ничем не мог помочь, только слышал, как он тяжело дышал (говорить мы давно перестали и шли молча). В довершение всего уже около самого озера тропа, взойдя на скальный выступ, вдруг пропала – впереди в темноте зиял обрыв! Оказалось, что это дело рук взрывников-селевиков, которые строили дорогу на перевал. На поиски обхода ушло еще полчаса. К домику стационара мы подошли около двух часов ночи. К моему удивлению, в окне горел свет, а за столом сидел и читал книжку Вадим Иванович Капитонов, который при нашем появлении обернулся и спокойно спросил: «А вы что – куда-то уходили?». Не отвечая ни слова, мы рухнули на койки…

На следующее утро Юра не встал и не мог пошевелиться. У него поднялась температура, и я не на шутку испугался, поскольку никакой медицинской помощи на стационаре не водилось. Однако опытный Капитонов поставил диагноз: переутомление – нужен покой. И действительно, к вечеру мой друг пришел в норму.

После этого мы встречались с Юрой только на журавлиных конференциях. Из этих встреч самая интересная была в 2003 году в заповеднике Аскания-Нова, где мы были вместе 45 лет назад, еще студентами.

В отличие от Кривицкого, Юрка никогда не был графоманом и не очень жаловал эпистолярный жанр. Однако в первые 2-3 года они с Наташкой писали мне довольно часто, причем обычно письма имели явную направленность показать прелести ДВК. Со временем обоюдный поток писем иссяк, и Юрка приспособился поздравлять с Новым годом по телефону, что и делает с завидным постоянством по сей день. При этом, не считаясь с дорогим тарифом, он расспрашивает о делах и отвечает на мои вопросы. Обычно после такого разговора я сажусь за компьютер и пишу ему длинное «годичное электронное послание» с описанием событий своей жизни, о работе, внуках…

Когда в 2001 году не стало Наташи (сгорела она внезапно, моментально), Юра совсем замолчал. И лишь через годы стал приходить в себя. Сам он на эту тему говорить не любит – боль еще не прошла и, видимо, теперь уже и не пройдет. Привожу выдержки из опубликованного в сборнике «Орнитология» (выпуск 34/1, М., 2007) юбилейного очерка о Ю.В. Шибаеве, написанного его коллегами:

«Безвременная кончина Натальи Михайловны, последовавшая 30 января 2001 г. после скоротечной и фатальной болезни, просто обрушила личную и профессиональную жизнь Юрия Викторовича. Лишь спустя два года он нашел в себе силы вернуться к делам. Работы на острове Фуругельма позволили ему проследить этап начального заселения Морского заповедника малой колпицей и некоей чайкой «Желтого моря» («Sea Yellow Gull» — по терминологии южнокорейских birdwatcher'ов). Были продолжены наблюдения и над местной популяцией желтоклювой цапли. Естественно, он также был участником упомянутых выше мониторинговых работ в долине Уссури и среднего Амура. Равно как и участником разного рода научно-представительских мероприятий (например, международного экофорума «Природа без границ», Владивосток, июнь 2006 г.), где обсуждались проблемы охраны и неистощительного использования биологического разнообразия Дальнего Востока» (Назаренко, Сурмач, Чернобаева и др., 2007, с. 121).

И поскольку именно коллеги по многолетней совместной работе в лаборатории знают все результаты твоей работы и могут по достоинству их оценить, я с большим удовлетворением (и почему-то – с гордостью) привожу заключительный абзац этого очерка:

«Юрий Викторович, ведущий научный сотрудник Лаборатории орнитологии БПИ ДВО РАН, автор более 140 научных работ. Можно отметить его авторское участие в следующих, недавно опубликованных, коллективных монографиях: Seabirds of the Russian Far East (Ottawa, 2000), The Threatened Birds of Asia (BirdLife Intern., 2001), Красная книга Российской Федерации (М., 2001), Красная книга Приморского края. Животные (Владивосток, 2005). Он член Союза охраны птиц России, член Рабочей Группы по журавлям, аналогичной группы по гусям и лебедям Восточной Европы и Северной Азии, а также – Crane Specialists Group и Species Survival Commission, IUCN» (там же, с. 122).

Первые экспедиции: Крымские горы (1957) **и Западный Кавказ** (1958)

Но вернемся в город Харьков на полвека назад. В 1954 году очень торжественно было отпраздновано 300-летие воссоединения Украины с Россией, в честь чего Никита Хрущев подарил Украине полуостров Крым. В этом же году отмечали 300-летие самого Харькова. А год спустя, в 1955 году, наш город празд-

новал 150-летие Харьковского университета, и мы, студенты, были привлечены к этим мероприятиям в полную меру. Кроме этих событий монотонное течение будней бдительное начальство скрашивало ежегодными поездками на сельскохозяйственные работы. Из них больше всего запомнились две, самые дальние: в 1955 г. в Запорожскую область, где мы с болгарском селе Мариновка убирали арбузы, и в 1956 г. в Херсонскую, куда нам с Шибаевым «посчастливилось» попасть дважды. В августе мы работали на уборке зерна недалеко от Днепра; работали на току по ночам, а днем на машинах с нашим зерном удирали на элеватор в село Львов на берегу Днепра, откуда с помощью сельских мальчишек переправлялись на острова, где в плавнях стреляли красивых птиц для поделки чучел – этому искусству нас обучал руководивший группой А.С. Лисецкий. А в сентябре мы вместе с курсом Игоря Кривицкого (куда сбежали так же, как и он к нам год назад) трудились в Калининдорфском районе, недалеко от с. Чапли – знаменитого заповедника Аскания-Нова, куда официально ездили на экскурсию. Кроме этих, как правило месячных, поездок было еще и множество однодневных, в ближайшие села.

Но подлинным праздником для нас были кафедральные экспедиции. О них не раз говорили долгими зимними вечерами, а готовиться начинали уже в апреле. Ждали их и наши преподаватели, и может быть даже с большим нетерпением, чем мы. Помнится, как-то на лекции профессор Сергей Иванович Медведев мечтательно произнес: «А на Кавказе сейчас светлячки летают…». Лишь много времени спустя, в лесу близ Туапсе, мы поняли – что это такое, когда мириады светящихся точек прорезают в самых разных направлениях почти черный южный небосвод…

Готовиться к экспедиции на кафедре начинали заранее. Сначала закупались картонные гильзы для патронов 16-го калибра (других у нас тогда не было), порох – дымный и бездымный, капсюля, дробь (особенно ценилась самая мелкая – №12, или как ее еще называли «дунст»). Картонные гильзы предназначались для полных зарядов – с дробью среднего и крупного размера (№№ 5, 4 и 2), но и среди них часть наполнялась относительно мелкой дробью (№ 8). Эти патроны, которые предназначались на весь срок поездки, после зарядки закручивались так называемой «закруткой» и укладывались в коробки. Но были еще и металлические гильзы, которые предназначались для полу-зарядов. В сущности, так они только назывались, поскольку в гильзу закладывалось 2/3 навески пороха и столько же – дроби (№№ 10-12). Причем, если порох был бездымный, то сначала на капсюль насыпалось чуточку дымного – для более быстрого воспламенения. Поскольку полу-заряды заряжались уже в экспедиции (практически каждый вечер), то все эти материалы упаковывались вместе с барклаем и другим инструментарием в особый ящик – чаще всего в крепкий дощатый. Но еще до зарядки патронов, Илья Борисович Волчанецкий, которого на кафедре за глаза звали не иначе как «патрон», заставлял будущих участников составить список литературы по району будущей экспедиции и проработать его. Так я впервые познакомился с работами А.А. Браунера, А.М. Никольского, И.И. Пузанова, Л.А. Молчанова и др.

Крымская экспедиция (1957)

19 – Карадаг, первая в жизни гора. Крым, 1957 г.;
20 – на набережной Ялты после встречи с дядей Юры Шибаева;
21 – изготовление тушек птиц: Кривицкий, Чебранов, Шибаев, Ковшарь;
22 – троица добытчиков-орнитологов (Шибаев, Ковшарь, Кривицкий) после удачной экскурсии;
23 – утренняя запись голосов птиц. Горный Крым, май-июнь 1957 г.;
24 – А.С. Лисецкий выталкивает машину «патрона». Вдали видна типичная татарская сакля.

Крым (1957) **и Западный Кавказ** (1958)

25

26

27

28

25 – в машине с Андреем Куниченко;
26 – та же машина к концу крымской экспедиции;
27 – дикари на дне Большого Крымского каньона (миллионы лет до июня 1957 г.);
28 – с Шибаевым на хребте Маркотх, над городом и бухтой Геленджик. Июнь 1958 г.;
29 – энтомологи на экскурсии у перевала Гойтх (гора Индюк). Зап. Кавказ, июнь 1958 г.

29

За несколько дней до экспедиции начиналась закупка и заготовка продуктов длительного хранения. На первом месте было сливочное масло, которое лаборантка кафедры Мария Фёдоровна (бессменная повариха наших экспедиций) перетапливала у себя дома, в полуподвале биофака, и набирала, таким образом, 5-литровые бутыли. В мудрости этого деяния я не раз убеждался потом в поле: продукт был всегда свежий и всегда под рукой. Также заранее сушились в больших количествах сухари, которые потом не раз выручали нас в горах, в лесу или просто в дороге. Крупы, вермишель и другие «сухие» продукты закупались также заранее и постепенно накапливались на кафедре. Поэтому, когда появлялась машина, загрузка ее занимала всего пару часов, а уже на выезде из города в студенческом общежитии получали матрацы с полосатыми чехлами – вместо спальных мешков. Вместо палаток брали брезентовые тенты.

Первая для нас с Юркой экспедиция состоялась в мае 1957 года в горный Крым, для Игоря и Генки с Андреем она была уже второй, и они нам снисходительно все объясняли. Кафедра зоологии позвоночных организовывала экспедицию с кафедрой энтомологии (заведующий – профессор С.И. Медведев), иногда – с кафедрой ботаники (заведующий – профессор Ю.Н. Прокудин), причем начальником экспедиции всегда был строгий и деловитый Илья Борисович Волчанецкий. Он ехал впереди за рулем своей старенькой «Победы», часто оставляя далеко позади наш более тихоходный грузовик и успевая до нашего прибытия решить в каком-нибудь лесхозе оргвопросы на местах будущей ночевки. А затем встречал нас на трассе и вел на место бивуака.

Несмотря на царский «подарок» Н.С. Хрущева, Крым и в 1957 году еще не был украинским в полном смысле. При въезде на полуостров, на Чонгарском мосту, который никак нельзя было объехать (слева и справа – Сиваш, или «гнилое море»), была настоящая погранзастава, проверявшая и инструктировавшая каждую машину. Человек в форме объявлял, что вы въезжаете на территорию Крыма и обязуетесь выполнять здесь такие-то и такие-то правила, в том числе и правила езды по дорогам Крыма. Помню, как поразило нас тогда последнее – свои, особые дорожные правила! А вскоре мы познакомились и с языком шоферов, которые боролись, как могли, с этими правилами: двойной удар обеими руками сверху по баранке (после звукового сигнала) говорил встречному собрату: «Осторожнее – впереди крючок (гаишник)».

После степного Джанкоя путь наш пролегал на юго-восток, к Симферополю. Там во дворе пединститута нас приютил на ночевку заведующий кафедрой зоологии, старый знакомый нашего «патрона» с непривычной французской фамилией – Делямурэ. Пока профессора обменивались своими новостями, мы пошли знакомиться с городом и, конечно же, «побузили» – отведали бузу и чебуреки. Несмотря на то, что Игорь, уже имевший негативный опыт потребления этого напитка, советовал особенно им не увлекаться, буза нам с Юркой понравилась, а чебуреки – еще больше.

Отсюда, из Симферополя, наши пути разделялись: Гена Казаков и Павлик Рева самостоятельно, на перекладных, отправлялись к северо-западу, где им предстояло три недели изучать водоплавающих птиц озера Донуз-

лав, а оставшийся состав проследовал на восток, по маршруту: Белогорск (бывший Бахсан) – Карадаг – Загорское на Каче – Караби-яйла – Бахчисарай – Ай-Петри – Большой Крымский каньон – Ялта. Собственно экспедиция началась в Белогорске, а первой 3-дневной стоянкой стало подножье горы Карадаг, недалеко от биостанции того же имени. Здесь мы провели первые свои пешие экскурсии на вершины Три Брата (Эчкидаг) и сам Карадаг. Следует сказать, что нас всю экспедицию преследовали двойные названия населенных пунктов и даже местностей – последствие сплошного переименования после выселения крымских татар. Бахчисарай и Карадаг – одни из немногих уцелевших старых названий. В одном из сёл местный житель поведал нам, как происходило само выселение – за одну ночь! По его словам, вечером в саклях ложились спать одни люди, а утром солнце встречало уже новых хозяев, которых ночью привозили в грузовиках взамен прежних; скотина в хлевах и пожитки в саклях оставались (людей насильно загружали в машины и увозили неведомо куда). В результате, хотя прошло уже несколько лет, ни одного татарина за месяц экспедиции мы не видели, только слухи ходили, что где-то в лесах прячется сбежавший из новых мест поселения татарин, который вернулся, чтобы отомстить, и поэтому может отравить колодцы…

На первой же экскурсии в Карадаге мы впервые столкнулись с местной крымской флорой и с экскурсии в лагерь вернулись с «букетами» диких цветов, чтобы у своих преподавателей узнать, что это за растения. Здесь нас поразил своими знаниями Сергей Иванович Медведев – добрейший человек, которого за глаза мы все звали «дядя Сережа», настолько он был по-домашнему прост, несмотря на свое профессорское звание и заслуженную славу знаменитого энтомолога, специалиста по пластинчатоусым жукам, автора многотомных сводок по этой группе из серии «Фауна СССР». Поскольку пришли мы с экскурсии уже в начавшихся сумерках, светлого времени оставалось в обрез, а до утра все эти великолепные растения увяли бы и превратились в сено. Сергей Иванович взял у кого-то фонарик и при его свете определил все без исключения растения, говоря нам не только русские и латинские их названия, но и сопровождая определение краткими комментариями – что это за растения, к какому семейству они относятся. После этого наше уважение и любовь к этому человеку возросли многократно. Рассказывали, что даже сам заведующий кафедрой высших растений, профессор Юрий Николаевич Прокудин, когда затруднялся с определением растения, отсылал к Сергею Ивановичу…

Самое время объяснить, в чем заключались в экспедиции наши обязанности. Поскольку Илью Борисовича Волчанецкого прежде всего интересовала история авифаун Крыма и Кавказа, их взаимоотношения не только на видовом, но и на подвидовом уровне, целью экспедиции был сбор серий тушек птиц – практически всех, хотя для некоторых отдавалось предпочтение и нам рекомендовалось искать их с особым усердием. Обычно все это говорилось у костра после ужина, поскольку утра в обычном понимании у нас просто не было. Подъем нам делал Сака в три часа ночи – чтобы в половине четвертого мы уже

выходили на маршрут и максимально использовали предстоящие 4 часа, так как к 8 часам южное солнышко уже так припекало, что птицы умолкали, а найти их, молчащих, было практически пустым делом. Задачей же каждого из нас было – добыть как можно больше поющих самцов и сделать их них тушки, предварительно обработав (размеры, вес, определение пола и измерение гонад, взятие содержимого желудков).

Несмотря на юг, переходное от ночи к утру предрассветное время было прохладным, и это очень мягко сказано. К тому же обильные южные росы очень быстро смачивали нас почти до пояса (особенно на высокотравных участках), поэтому нередко, как говорится, «зуб на зуб не попадал», и я, чертыхаясь, каждый раз вспоминал памятную с детства украинскую пословицу: «Поки сонце зійде, роса очі виїсть». Однако стоило солнышку подсушить траву и нас, как становилось тепло, и мы быстро согревались. Это были самые блаженные минуты, пока не наступала настоящая жара, но к тому времени каждый из нас, как правило, бывал уже на пути к лагерю. Предстоящая встреча, обмен впечатлениями, показ трофеев и следующий за этим горячий завтрак были наградой за росу и холод.

Однако завтракать приходилось наспех: добытый материал в жару быстро портился и надо было как можно быстрее его обработать и превратить в тушки. Илья Борисович обходил нас, работающих в тени кустиков, и собирал у каждого сведения для этикеток, которые заполнял тушью в машине лично он – во избежание путаницы. Однако, учитывая наши «относительные» знания птиц, без путаницы и тут не обходилось. Поскольку само название птицы на этикетке писалось только по-латыни (а почерк нашего патрона – это особый случай!), нередко мы затруднялись – какой птице принадлежит та или иная этикетка. Обычно выручал Лисецкий, который, вволю поиздевавшись («эх ты, да какой же ты после этого орнитолог»), в конце концов, показывал, какую бумажку к какой тушке привязывать. И всё же, как бы ты ни стеснялся, но боязнь перепутать заставляла спрашивать…

Искусство снятия шкурки с маленькой птицы и изготовления тушки давалось мне нелегко, и я с завистью наблюдал, как толстые узловаты пальцы Андрея Куниченко (точно такие же пальцы я увидел через 50 лет у его сына!) ловко и умело «обрабатывали» крошечную пеночку, что просто глазам не верилось. И на изготовление тушечки он тратил 10-15 минут (!), тогда как у меня уходило около часа, и в результате этого мучения шкурка была в нескольких местах изорвана – приходилось ее стягивать нитками, а потом безуспешно пытаться пригладить топорщившиеся перья. А Андрей уже потрошил третью по счету, и время от времени слышен был его бодрый голос: «Сашок, мышьячку мне не подашь?», на что Лисецкий неизменно отвечал: «А как же, Андрюша! Для друга верного мышьячку не жалко». Три-четыре, а то и пять часов такой напряженной работы на жаре порой доводили до исступления, и мне казалось, что никогда в жизни я этого искусства не осилю. Выводил из этого состояния оцепенения только громкий голос Марьи Федоровны: «Хлопцы, кто из вас принесет воды (дров)?» или даже «Хлопцы, пора обедать».

Спасительный, как нам казалось, кустарник, в тень которого мы стремились от яркого солнца, оказывался ловушкой: в нем кишмя кишели иксодовые клещи. Никогда и нигде больше такого количества их я не видел. И никогда не забуду, как дядя Сережа, стесняясь и извиняясь, попросил нас посмотреть, что у него со спиной – там оказалось более 40 впившихся клещей, которые мы втроем снимали почти полчаса. Мне самому такой клещ впился в… причинное место, и Юрка с Игорем вволю поиздевались, пока один держал меня, а другой извлекал клеща пинцетом, и оба сочувствовали моей молодой жене (я женился всего за два месяца до этого), которая в данное время была в экспедиции и тоже в Крыму – в составе кафедры гидробиологии и ихтиологии в Севастополе…

Но все трудности и неприятности с лихвой вознаграждались недолгими вечерними часами у костра, где мы после ужина слушали интересные рассказы наших профессоров, а после их ухода еще долго тихонько пели под гитару. Кстати, неприступный наш патрон на поверку оказался «своим парнем» и мы, затаив дыхание, слушали его экспедиционные рассказы, а то и стихи, в том числе – «Бунт в Ватикане» А.К. Толстого… Впоследствии я не раз имел случай убедиться в том, как преображается человек в полевых условиях.

Много радости и удовольствия приносили сами экскурсии, на которых каждый день удавалось видеть что-то новое и интересное. Если в первые дни, чтобы выполнить «план» (негласно считалось, что каждый должен сделать в день 5 тушек), приходилось стрелять почти в каждую запевшую птицу, то с каждым днем я достаточно уверенно отличал по песне все большее число видов птиц, в том числе черноголовую славку, певчего дрозда, зарянку и других более сложных птиц. А относительно полевого жаворонка, просянки, лесного конька, сойки, зяблика и говорить было нечего. Словом, с каждым днем добыча птиц становилась все более осмысленной и прицельной, хотя все еще нередко приходилось следовать основному правилу добытчика: не знаешь птицу – добудь ее. Так приходили знания птицы в поле – по её внешнему виду, движениям, голосу.

Запомнились некоторые яркие эпизоды на пути этого учения. Однажды в лучах восходящего солнца я увидел на самой верхушке высокого дерева поющую птицу, которая показалась мне величиной с дрозда. Песня была красивой и совершенно незнакомой. Прицелившись, я выстрелил и, как ни странно, попал. Но по мере того, как птица замертво падала, она на глазах уменьшалась в размерах, и к моим ногам упала маленькая птичка, оказавшаяся зарянкой (*Erithacus rubecula*). Впоследствии я не раз убеждался, как в контровых лучах восходящего солнца увеличиваются размеры птиц – особенно у жаворонков, которые кажутся порой просто огромными. Запомнилась нам с Юркой и просянка (*Emberiza calandra*), которая оказалась столь крепкой «на убой», что практически все добытые нами экземпляры доставались нам лишь после второго – третьего выстрела. Зато ее прочная кожа (которая и спасала ее от мелкой дроби) была своего рода наградой при изготовлении тушки – порвать ее не могли даже мои неумелые руки. А вот стремительные стрижи, особенно белобрюхие (*Apus melba*), были нашей охотничьей мечтой. Лишь Андрей Куниченко и Сака могли позволить себе выстрел по этой мишени и приносили иногда в лагерь одну-

две добытых птицы. Не выдержав соблазна, я однажды на Карадаге расстрелял по ним весь патронташ (24 патрона), но вернулся в лагерь с пустыми руками. Юрка с такого же числа выстрелов одного добыл…

Стремительные горные речушки с их ледяной водой не позволяли искупаться в такую жару. Поэтому, прибыв на новое место, мы первым делом строили запруду из камней. А к вечеру того же дня мелководная искусственная «лагуна» позволяла не только вымыться, но и поваляться в относительно теплой воде. В некоторых местах удавалось хоть немного углубить дно, мы пытались даже нырять. А море было за хребтом…

Однажды на Караби-яйле, где мы остановились на пару дней, у нас с Юркой одновременно возникла мысль – «сбегать» к морю покупаться. В компанию к нам напросились наши однокурсницы. Они с вечера приготовили провизию, и рано утром мы вышли на экскурсию в сторону моря, надеясь искупаться и к вечеру вернуться в лагерь как ни в чем не бывало. Дорога оказалась гораздо длиннее, чем мы думали, и к морю мы спустились (перевалив хребет) только после полудня – усталые и голодные. Искупавшись, сразу же развязали продовольственный рюкзак и остолбенели: в нем оказалось всего четыре кусочка хлеба и столько же кусочков сахара-рафинада! Девчонки оправдывались: «А мы не подумали, что надо больше»… Обратный путь после морского купания и столь скромного ланча оказался еще более долгим и утомительным и к закату мы смогли подняться только к верхней границе леса, за которой шел открытый каменистый подъем с осыпями, к тому же очень крутой. Идти дальше в темноте нечего было и думать.

Надо было устраиваться на ночлег. Как только село солнце, дневной жары как не бывало, подул свежий ветерок, а потом и вовсе стало холодно. Разложили костер и решили, что спать будем по очереди. Хорошо, что Юрка по старой туристской привычке держал у себя в рюкзаке несколько картофелин, которые мы тут же испекли в костре. Мне казалось, что вкуснее этой горело-печеной картошки я никогда ничего не ел. Уложив девчонок около костра и укрыв их единственным оказавшимся в моем рюкзаке легким плащом (поистине: запас карман не трёт!), мы с Юркой большую часть ночи проплясали у костра. До сих пор не пойму, как мы не околели в легких рубашках с короткими рукавами, но замерзли так, что лишь только начало светлеть, разбудили девчонок и пошли на гору.

В лагере нас ожидал такой разгон, а глаза Саки извергали такие молнии, что лучше не вспоминать. Игорь, который по какой-то причине не пошел с нами, рассказывал, что тут было с вечера и ночью (оказывается, нас искали по всей яйле и особенно в колодцах-шурфах, решив, что мы могли туда упасть), и посоветовал сегодня к Саке не подходить…

Казалось бы – урок на всю жизнь. Однако в самом конце экспедиции у нас с Юркой едва не случилась вторая «холодная ночевка». Последняя наша стоянка была на вершине Ай-Петри, над самой Ялтой. Понимая, что нам очень хочется посмотреть город и его знаменитые окрестности, наш патрон разрешил нам остаться здесь на пару дней, чтобы отдохнуть и привести в порядок экспедици-

онное имущество, а сам на своей «Победе» уехал в Харьков, захватив с собой Сергея Ивановича Медведева и Марию Павловну Божко. Предоставленной нам свободой мы воспользовались сполна. Сначала на один день спустились в Большой Крымский каньон – изумительной красоты место, открытое для ученых и туристов Иваном Ивановичем Пузановым всего лет за 30 до этого.

Эта узкая, глубиной около 300 м, щель с крутыми, местами почти отвесными, скалистыми бортами, на которых лишь местами чудом приютились отдельные деревца крымской крючковатой сосны (*Pinus hamata*), внизу практически смыкалась, так что ширина «дна» составляла местами всего 1-2 м и состояло оно из чередования вымытых вешними водами котлованов и каменных перемычек между ними. Передвижение по этому «ухабистому» дну было возможно только благодаря заботливо поставленным туристами сосновым стволам, уже отполированным сотнями рук наших предшественников. На дно каньона можно было попасть только по единственной тропке, которую-то и выведал у местных жителей Иван Иванович. Нам ее показал Илья Борисович, который уже бывал здесь. Но строго наказал – ни в коем случае в каньоне не стрелять во избежание обвалов. Прогулка по этому уникальному месту была просто волшебной, хотя в орнитологическом отношении практически пустой.

На следующий день наш водитель Женя Чебранов и Андрей Куниченко занялись машиной, а мы вчетвером отправились на попутной машине в Ялту. Здесь я впервые понял, что такое настоящий серпантин, когда дорога регулярно закладывает петли (мы с Юркой насчитали до 24 таких петель на километр) и ты едешь там же, где проезжал только что, но несколькими метрами ниже и в обратную сторону. В самом городе, уже на набережной, наши мнения разделились. Нам с Юркой больше всего хотелось посмотреть знаменитый Никитский ботанический сад, а Игорь и Сергей уже видели его год назад и желали побродить по городу. Договорились, что мы с Юркой на катере направляемся в Никиту (полчаса хода морем), а в 18-00 все четверо встречаемся здесь, на набережной, у входа в ресторан «Ялта». Казалось бы – чего проще…

Однако впечатления от Никитского ботанического сада были столь яркие, что мы все-таки немного задержались и на месте встречи оказались получасом позже. Не допуская мысли о том, что наши друзья могут не дождаться нас, мы терпеливо стояли у входа в ресторан. Прошел час, второй и в душу стало закрадываться сомнение: чегой-то здесь не так. Прогулявшись вдоль длиннющего (метров сто) здания ресторана, я увидел на втором его конце точно такой же вход, и тут уже сомнение постепенно переросло в уверенность, что мы с ребятами ждали друг друга у разных входов. Тут же возникло подозрение, что прождав два часа, они решили, что мы уже уехали, и тоже поторопились добраться к лагерю засветло. Положение наше было незавидное: на Ай-Петри по темноте попуток не будет, а деньги наши остались у Игоря…

Тем временем приближались сумерки, и с моря потянул свежий бриз. Стало явно прохладно, а впереди обещала быть холодной ночь. Бродя по набережной, мы стали лихорадочно искать выход. А в это время репродуктор на набережной гремел, зазывая желающих «Совершить морскую прогулку на теплоходе Яхонт»

и разодетые парочки поднимались на борт этого великолепного корабля. Гремела музыка, везде мелькали бескозырки и широкие матросские клёши, слышался счастливый женский смех. Все это еще больше усугубляло наше и без того плохое настроение (хотя временами мелькала шальная мысль: «Это же приключение! Выживем! Зато потом будет, что вспомнить»). Юра вспомнил, что у него здесь, в Ялте, живет дядя, вот только ни адреса, ни телефона он не знает. И даже в фамилии не очень уверен, потому что дядя по маминой линии. Немного воспряли духом, и тут вдруг слышен голос: «Да это же Юрочка!». И около нас остановилась пара средних лет. Объятия, восклицания! Оказалось, что это Юркин дядя с женой, но не ялтинский, а киевский, который здесь отдыхает на курорте. Они торопились в театр и лишь мельком осведомились, как мы здесь оказались и все ли у нас в порядке. На что Юрка, не моргнув глазом, подтвердил, что все у нас в порядке! На это был способен только он. Тётя очень торопилась в театр, но дядя, сказав: «Подождите минуточку», зашел в гастроном и вскоре вышел оттуда с «огнетушителем» – бутылкой массандровского вина. Передав его нам, они удалились. Это нас немного приободрило, тем более, что, пошарив по карманам, мы наскребли копеек на полбуханки хлеба. Значит, жить можно!

Юрка мучительно пытался вспомнить хоть что-то о ялтинском дяде. Оказалось, что он работает в типографии, улица такая-то (или такая-то?), скорее даже улочка, на самой окраине города, которая упирается в горы. И вот по этим смутным «признакам» мы все-же нашли его дом (Юрка когда-то в детстве был здесь один раз). Проверив у соседей, действительно ли здесь живет такой-то, мы услышали утвердительный ответ и добавление, что он сегодня на ночном дежурстве! Пришлось ретироваться, и пока еще можно было что-то различать в светлых сумерках, мы вышли за город (благо – рядом) и на открытом склоне стали подыскивать себе место для ночлега. Ни одного дерева! И даже кустов не густо. Когда стало совсем прохладно, подкрепились несколькими глотками вина. Но потом решили еще раз попытать счастья. Запрятав бутылку в траву под высоковольтной линией, мы снова спустились на ту узенькую улочку, где жил дядя, и стали по ней прогуливаться в ожидании, что вот он пройдет мимо. Из распахнутых настежь окон доносились голоса и музыка, горели цветные абажуры, по улице то и дело проходили вездесущие матросы, и создавалось впечатление, что у всех праздник, одни только мы заброшенные и вынуждены ночевать на улице.

Но вот нам повезло: в окнах дяди зажегся свет и мы кинулись туда. Дядя действительно пришел только что. Приготовленная им яичница была выше всяких похвал, как и узенькая солдатская кровать, на которую он нас уложил. Я тут же уснул, а Юрка еще перезарядил фотоаппарат и какое-то время поговорил с дядей. Рано утром, разыскав наш «клад», мы добрались до лагеря и после взаимных упреков – кто кого не дождался – распили эту бутылку, отпраздновав тем самым окончание экспедиции.

Конечно, в этой первой моей настоящей экспедиции не все было так лучезарно – постоянный недосып с накапливающимся утомлением к концу экспедиции давали о себе знать (хотя бы моим рекордным весом – 53 кг). Однако так

уж устроена наша память, что все отрицательное забывается, а остается только положительное. И в этом плане крымская экспедиция 1957 года осталась в моей памяти одним из самых ярких и прекрасных воспоминаний. Помимо гор, птиц и наших приключений очень приятно вспомнить Бахчисарай с его знаменитым фонтаном в ханском дворце и самшитовой рощей, пещерный монастырь Тепе-Кермен по дороге из Бахчисарая в Севастополь, Алупку, Феодосию с ее знаменитым музеем Айвазовского. А главное, что дала мне эта экспедиция, помимо новых знаний и умений, – полную уверенность в правильном выборе профессии, лучше которой просто ничего не может быть.

Вторая кафедральная экспедиция – на северо-западный Кавказ в мае-июне 1958 г. – была не столь яркой, к тому же она была омрачена гибелью одного из участников – студента третьего курса Бори Маньковского. Мы с Юркой были уже вполне опытными «экспедиционными волками» и оказались старшими, потому что Игорь остался в Харькове защищать диплом и сдавать госэкзамены, наш однокурсник Женя Белецкий (учившийся на кафедре энтомологии у С.И. Медведева) пробыл с нами недолго и срочно вернулся в Харьков по телеграмме о болезни жены, а третьекурсники Боря Маньковский и Люда Перепелица (уже объявившие о своей помолвке) еще не имели никакого опыта экспедиционной работы. Борис слыл потомственным зоологом, так как у нас на биофаке когда-то учился его отец, и сыну прочили большое будущее. Высокий красивый парень с великолепным басом, он на всех концертах самодеятельности пел песни из репертуара Поля Робсона, и надо сказать, что голос был очень даже похож…

Маршрут экспедиции был следующим: Харьков – Ростов – Краснодар – Горячий Ключ – перевал Гойтх и гора Индюк – Туапсе – Джубга – Геленджик и хребет Маркотх над ним. Этот маршрут был избран потому, что именно эти места на хорошо изученном Кавказе редко посещались орнитологами. Последним их посещал И.И. Пузанов: в 1929 г. вместе с Я.Я. Цееб, в 1935 г. – со студентами Г.П. Кипарисовым и Ф.Д. Шапошниковым, в 1937 г. – с П. Смирновым. Его статья «Орнитофауна Северо-Западной Черкессии и некоторые соображения о ее происхождении и связях» (1938) была для нас единственной путеводной звездой при подготовке к нашей экспедиции. К слову сказать, спутник И.И. Пузанова Федор Дмитриевич Шапошников впоследствии стал известным специалистом по копытным, работал в Алтайском заповеднике, потом – в Аксу-Джабаглы и, когда мы в середине 60-х гг. встретились в горах Таласского Алатау (он привез туда на практику студентов Тюменьского пединститута), нам было что вспомнить о знакомых по студенческим экспедициям местах «Северо-Западной Черкессии».

Западный Кавказ встретил нас проливными и затяжными дождями. Так под перевалом Гойтх он лил три дня подряд, все реки и ручьи вспухли и стали красно-коричневыми от растворенной в них глины, и нам ничего не оставалось, как ослабив брезентовую крышу нашей машины, собирать на ней изрядное количество дождевой воды, которую затем изобретательный наш шофер Женя Чебранов отсасывал шлангом в ведро. Там я впервые понял то, в чем не раз убеждался впоследствии: хороший водитель – половина успеха экспедиции. Женя Чебранов был именно таким. Он был намного старше нас (шоферил на фронте!),

машину знал прекрасно и вообще был спокойным, покладистым и рассудительным человеком с хорошим характером. Не случайно Илья Борисович в каждую экспедицию брал водителем именно Чебранова.

Из-за дождей мы не смогли попасть на гору Фишт, где патрон сулил нам настоящее высокогорье – с бородачами, клушицами и альпийскими галками. Пришлось довольствоваться лицезрением этой вершины со стороны и представлять себе, как там летают эти прекрасные птицы (я ещё не знал, что скоро насмотрюсь на них вдоволь).

Из ярких впечатлений этой экспедиции вспоминаются почему-то древесные лягушки-квакши, вечерний хор которых местами заглушал голос человека, и особенно – летающие светлячки. Вот уж когда мы вспомнили фразу Сергея Ивановича Медведева, мечтательно оброненную в тиши университетской аудитории: «А на Кавказе сейчас светлячки летают…»! Впервые это зрелище мы наблюдали недалеко от Джубги. Во время ужина угольно-чёрное небо над лесной поляной вдруг прорезала какая-то светящаяся точка, за ней – вторая, третья… десятая. Это было какое-то фантастическое броуновское движение, а мы чувствовали себя как в камере Вильсона или на другой планете. Ужин был забыт, и все мы бросились ловить эти точки – кто сачком, кто руками. Однако вскоре бросили это занятие, превращающее сказочное зрелище во что-то обыденное: на ладони лежал обычный маленький жучок, у которого слегка светилось брюшко. Вот уж поистине – не трогай красоту грубыми руками…

В этой экспедиции мы лучше узнали Сергея Ивановича Медведева. Этот Ученый с большой буквы, автор целых томов «Фауны СССР» по пластинчатоусым жукам, был настоящий кладезь знаний во многих областях зоологии и ботаники. Он имел просто феноменальную память – помнил фамилии всех своих студентов за 30-летний период преподавания в университете. О некоторых из них рассказывал иногда такие подробности, что просто диву даешься – как все это умещалось в одной голове. Кроме того, он мог процитировать многие литературные произведения – как прозу, так и поэзию, знал множество историй, притч, пословиц… И при всем при этом он был очень скромным, удивительно добрым человеком: ему присылали на определение материал со всего Советского Союза, а более напористые товарищи из Кавказа приезжали прямо в Харьков со своим материалом и жили там неделями, пока не «выдавливали» свое…

Таким же добрым и безотказным он был и на кафедре, чем нередко пользовались не совсем добросовестные люди. Одна из лаборанток, уже немолодая дама, буквально командовала им, за что мы с Юркой буквально возненавидели ее и готовы были делать ей всяческие козни, пока не вскрылась основная причина ее «террора». Дело в том, что Сергею Ивановичу категорически нельзя было курить, а он с трудом переносил этот запрет. Обычно, увидев нас курящими (хоть в экспедиции, хоть на лестнице в коридоре университета) он подходил и, постоянно оглядываясь – нет ли его охранницы – просительно говорил: «У вас нет ли чего-нибудь курительного?». Курил жадно, часто затягиваясь, а нам и невдомек было, что строгая Галина Николаевна своими запретами и окриками делала ему во сто крат больше пользы, чем мы своими «угощениями»…

Была у него еще одна особенность. Будучи совсем бесстрашным при ловле змей, в том числе и ядовитых, которых он схватывал около головы каким-то молниеносным движением руки (без прижимания к земле рогатулькой или палочкой), он панически боялся собак, в том числе и тех, у которых на морде написано, что они совершенно безобидны. Так, из выходящего во внутренний двор окна третьего этажа старого биофака мы не раз видели, как он упрашивал добряка Карó – старого эрдель-терьера, наше ходячее наглядное пособие по физиологии животных с выведенной на щеке трубочкой, из которой капала слюна – который радостно бросался навстречу каждому, кто выходил во двор. Дядя Серёжа ему говорил: «Собака-собака! Уйди, собака»…

Ходили слухи, что Сергей Иванович когда-то был судим, но за что – не известно. Только в 1984 г., познакомившись в Туркмении с академиком Ниной Трофимовной Нечаевой, я от нее узнал, что в начале 30-х гг. они вместе работали в заповеднике Аскания-Нова, где заместителем директора по науке был их учитель по Харьковскому университету профессор-эколог Владимир Владимирович Станчинский. Против него и были направлены инсинуации политического характера, состряпано дело, которое рикошетом коснулось и Сергея Ивановича. А еще через 15 лет я прочитал об этом в книге В.Е. Борейко «Дон-Кихоты» (Москва, 1998), где в очерке «Жизнь и смерть эколога Станчинского» несколько раз упоминается и имя С.И. Медведева: «в первой декаде октября 1933 г.… арестовали Александра Гунали, Сергея Медведева, Клима Сиянко – всего 17 человек» (с. 232). В обвинении, которое было предъявлено их руководителю значилось: «*Станчинский В.В. является основателем и руководителем к-р* (*контр-революционной – АК*) *организации…, ставившей своей целью свержение Совласти и восстановление капиталистического строя… лично завербовал в к-р организацию Фортунатова, Розанова, Шуммера, Медведева, Гунали, Гильберта, Диковского, Правикова, Нечаева, Белякова и Плегова и давал им задание по вовлечению в к-р организацию других научных сотрудников Аскания-Нова…*» (там же, с. 235). Есть в упомянутом очерке и такие слова: «А какова твоя политическая линия – пристал Презент к молодому энтомологу Сергею Медведеву, – сколько ты за месяц разоблачил врагов народа?» (с. 231). Бедный дядя Сережа, попавший в жестокую презентовско-лысенковскую мясорубку!. Уж он-то никак не мог быть «разоблачителем врагов».

Но вернемся в нашу экспедицию 1958 года. Тот трагический случай, о котором нелегко вспоминать даже сейчас, спустя более полувека, произошел в долине речки Пшада недалеко от Геленджика. Утром, как обычно, мы разошлись по лесу, чтобы к обеду вернуться в лагерь с добычей. На обратном пути, уже во второй половине дня, я не без основания торопился в сторону лагеря, так как внезапно почерневшее небо обещало очередной ливень с грозой. В это время послышались истошные вопли, показавшиеся мне детскими. Выйдя на источник этих звуков, я увидел маленькую Люду Перепелицу, причитающую над распростертым на земле Борисом. Он был без сознания и громко стонал, а на правом плече – завязанный узлом и пропитанный кровью свитер, который Люда наложила ему в виде жгута. Оказалось, что они увидели какую-то змею, и Борис

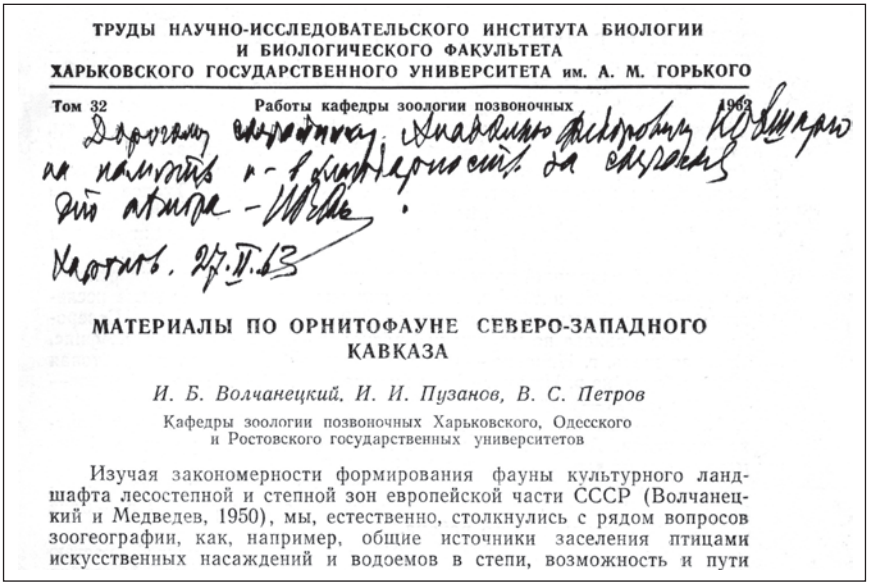
решил ее поймать, придавив к земле прикладом и держа ружье за ствол (признаюсь, частенько так делали и мы). В это время ружье выстрелило, и заряд дроби попал ему в плечо, задев подключичную артерию. Накладывать в таком месте жгут очень сложно даже опытному спасателю, специалисту…

Срочно нужна была машина, и я побежал к лагерю, который оказался не так уж далеко. Несколько минут понадобилось, чтобы отвязать от бортов тент, под которым мы спали, и убрать вещи из-под колес. И в это время начался дождь. Женя вел машину по каменистому руслу ручья, по которому было больше шансов подъехать как можно ближе к нужному месту. Оставив машину в ручье, мы с одеялами вместо носилок побежали к Борису, но, еще не добежав, увидели, что Женя решил все-таки подъехать поближе. И, конечно же, – забуксовал. И вот вместо того, чтобы нести тело к машине, нам пришлось выкапывать машину, которая садилась все глубже. Люда кричала: «Ему холодно, накройте его… дайте ему воды», а Илья Борисович остановил меня, когда я схватился за кружку, и каким-то чужим голосом сказал: «Уже не надо». Особенно резануло ухо это «уже». И тут мы увидели, как тело накрывают с головой…

Теперь вместо оказания помощи надо было ехать за милицией, что и сделал Илья Борисович на своей машине, наказав нам по очереди дежурить около тела, поскольку оставлять его в лесу нельзя – здесь немало шакалов и других хищников. Первое дежурство выпало на нас с Юрой. Поскольку дождь лил, не переставая, нас снабдили, кто чем мог: Сергей Иванович дал свой клеенчатый плащ, сказав, что он не промокает, девчонки дали нам по складному брезентовому стулу вместо зонтиков, и даже прижимистая Галина Николаевна выдала фляжку со спиртом, чтобы можно было согреться. Так мы и стояли до темноты – обалдевшие от всего происшедшего, с брезентовыми стульями на голове, время от времени делая глоток-другой из фляжки… И только среди ночи показались фары приехавшей милицейской машины, и нас отвели в палатку, где после горячего чаю мы уснули, как убитые…

Утром нам предстоял рабочий день без начальства, которое уехало в Краснодар организовывать отправку тела в Харьков. Надо было работать, но ружье брать в руки не хотелось – слишком велико было потрясение. Поэтому по гребню хребта Маркотх, на который мы с Юркой поднялись на экскурсию, пришлось ходить без ружей и только наблюдали в бинокль полевых жаворонков, которых здесь оказалось довольно много…

Вскоре после этого события мы с Юрой оставили экспедицию и поездом из Ростова отправились в Харьков, где военная кафедра собирала всех студентов 4-го курса для отправки в лагерные сборы в составе Вооруженных сил СССР (это оказались известные в Украине Остёрские лагеря в Черниговской области). После наших ранних подъемов в экспедиции армейский распорядок дня (подъем в 6 часов!) показался нам с Юркой, в отличие от наших однокурсников-горожан, едва ли не курортом. А сосновый бор, в котором мы стояли, располагал к занятиям орнитологией: в армейской палатке мы содержали прожорливого кукушонка, которого кормили многочисленными в бору мраморными хрущами, используя для их ловли все свободное (т.н. «личное») время.



ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА БИОЛОГИИ
И БИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. А. М. ГОРЬКОГО

Том 32 Работы кафедры зоологии позвоночных 1962

Дорогому соучастнику Ильюшину Ю.Б. на память о совместных экспедициях от автора – Ильюшин. Харьков. 27.V.63

МАТЕРИАЛЫ ПО ОРНИТОФАУНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

И. Б. Волчанецкий, И. И. Пузанов, В. С. Петров

Кафедры зоологии позвоночных Харьковского, Одесского и Ростовского государственных университетов

Изучая закономерности формирования фауны культурного ландшафта лесостепной и степной зон европейской части СССР (Волчанецкий и Медведев, 1950), мы, естественно, столкнулись с рядом вопросов зоогеографии, как, например, общие источники заселения птицами искусственных насаждений и водоемов в степи, возможность и пути

Рис. 1. Первый автограф И.Б. Волчанецкого

По материалам кафедральных экспедиций мы с Юрой написали и защитили две дипломные работы: моя называлась «Орнитофауна открытых пространств Западного Кавказа», а у Юры – «Орнитофауна лесных пространств Западного Кавказа». В год нашей защиты (1959) основные вытяжки из них были опубликованы в сборнике студенческих работ в виде общей статьи «К орнитофауне Западного Кавказа», где нашим соавтором стала Люда Перепелица… А еще через три года Илья Борисович прислал мне в Казахстан оттиск своей с И.А. Пузановым и В.С. Петровым статьи по материалам последней нашей экспедиции. Автограф написан знаменитым «нечитаемым» почерком Волчанецкого и начинается со слов «Дорогому соучастнику…». И глядя на эту надпись через полвека, я поневоле вспоминаю все подробности этой непростой экспедиции…

На следующую весну нам предстояла защита дипломных работ, но желание поехать еще в одну экспедицию было столь велико, что мы упросили Илью Борисовича взять нас хоть на две недели, дав слово, что предстоящий госэкзамен (на подготовку к которому было отведено аж три недели!) сдадим на пятерки – благо экспедиция была по северо-восточной Украине, откуда вернуться в Харьков можно было в любой день. Но эти две недели, хоть и проведены были в прекрасных лесах (один Тростянецкий парк чего стоит!), все же были окрашены грустью расставания с университетом: даже в экспедиции мы чувствовали себя больше гостями, чем хозяевами. Из птиц запомнились только поющие везде в самую жару обыкновенные и садовые овсянки (*Emberiza citrinella, Emberiza hortulana*), их было превеликое множество…

И здесь самое время рассказать о нашем патроне и наставнике.

Илья Борисович Волчанецкий (1895-1980)

Среди преподавателей университета Илья Борисович Волчанецкий выделялся не только высоким ростом, но и статной прямой фигурой, с высоко поднятой головой и неизменной тюбетейкой на макушке. На человека незнакомого все это производило впечатление недоступности, а может быть и высокомерия. Мне, первокурснику, при первой встрече он показался типичным осколком дворянского сословия. Студентам он наряду с почтением внушал еще и страх, так как о его каверзных, издевательских вопросах на экзаменах ходили легенды. Лишь впоследствии он сам объяснил мне это естественным желанием привести перепуганного человека в норму, заставив его хоть на минуту задуматься над простыми элементарными вещами. Это желание знакомо всем экзаменаторам. Почувствовал его и я, когда в свое время начал принимать экзамены у студентов. Кстати, о своеобразной методе приведения в чувство экзаменуемого, применяемой иногда одним из старейших профессоров Харьковского университета, известного альголога Коршикова, рассказывали, что при виде такого невменяемого студента он клал перед ним чистый лист бумаги и говорил строгим тоном: рисуй ножницы! Если тот не падал в обморок и как-то пытался выполнить это распоряжение, то профессор уже другим тоном задавал ему вопрос по-существу.

При более близком знакомстве с Ильей Борисовичем как-то само собой это чувство робости и страха проходило, а окончательно полюбили его мы после первой же экспедиции, где он предстал совершенно другим человеком. Однако ничего о его прежней жизни, кроме того, что он раньше заведовал кафедрой Саратовского университета, мы так и не знали. И только благодаря Игорю Кривицкому, который к 100-летию опубликовал первую биографию Волчанецкого (Selevinia, 1995), мы получили более полное представление о нашем «патроне». Впоследствии в более расширенном виде биография его появилась в книге «Орнитологи Украины» (Есилевская, Кривицкий, 1999). Ниже привожу краткую биографическую справку по материалам этих публикаций.

Илья Борисович Волчанецкий родился в 1895 г. 25 мая (7 июня по новому стилю) в городе Новороссийске, в семье инженера-топографа. В 1913 г. закончил Тифлисскую гимназию и поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где специализировался в области зоологии. Закончил университет в 1918 г. с дипломом 1 степени.

После окончания университета он преподавал в г. Алатырь в Чувашии, а с 1922 г. – в Саратовском университете, где с 1925 г. заведовал кафедрой зоологии. В это время он обследует Волжско-Уральское междуречье и публикует одну из лучших своих ранних работ – «К орнитофауне Волжско-Уральской степи//Тр. НИИ Харьковского ун-та, сектор экологии, 1937, т. 4. С. 21-81.». Эта крупная фаунистическая статья более полувека оставалась основным источником сведений о птицах Волжско-Уральского междуречья; не потеряла она своего значения и сейчас – как ценнейший репер при выяснении всех последующих изменений фауны региона.

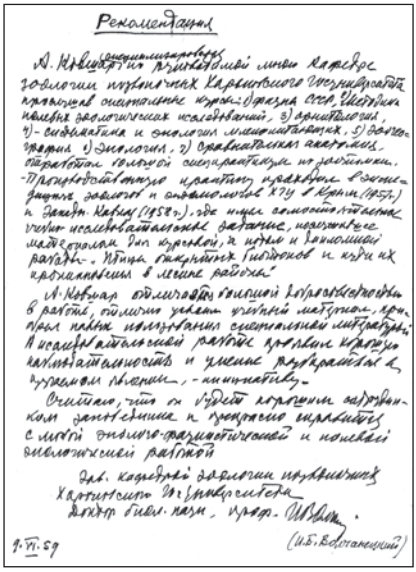
В 1935 г. И.Б. Волчанецкий получает приглашение в Харьковский университет, с которым связывает судьбу почти на 40 лет – до 1974 г. Здесь он стал

продолжателем традиций таких выдающихся зоологов как А.М. Никольский, П.П. Сушкин, В.В. Станчинский. В 1941 г вместе с университетом он эвакуировался в Кзыл-Орду, где возглавил кафедру объединенного Украинского (Киевского и Харьковского) университета. Об этом периоде жизни хорошо написали его биографы: «В условиях лишений и тревог, Илья Борисович проявил присущую ему огромную трудоспособность и целеустремленность, ни на час не прекращая трудиться в науке. Учебные занятия шли по сокращенной программе, без спецкурсов и практик, напряженно. А по ночам – работа над докторской диссертацией. Ее рукопись поражает титаническим трудом, вложенным в сотни страниц темно-серой оберточной бумаги. Защитил он докторскую диссертацию «Географические закономерности эволюции рисунка и окраски наряда дятлов» в феврале 1945 г, уже в Харькове. В ней автор продемонстрировал свою многогранность ученого-систематика, зоогеографа, фауниста, эволюциониста (Есилевская, Кривицкий, 1999). Надо сказать, что к теме этой – географическая изменчивость наряда птиц – он впоследствии возвращался не раз (Волчанецкий, 1959, 1964, 1968, 1980) и одна из самых интересных его работ называлась «Закономерные географические изменения наряда жаворонков и вопрос об истории распространения этого семейства» (Бюл. МОИП, 1968).

Илья Борисович был очень эрудирован, знал несколько иностранных языков и много реферировал иностранных научных работ для реферативного журнала. Он знал наизусть немало литературных произведений и в экспедиции, сидя у костра, мог декламировать целые поэмы. Помимо птиц он хорошо знал млекопитающих, земноводных, пресмыкающихся; мастерски имитировал повадки животных и их голоса. Его научные исследования были пронизаны идеями эволюциониста, ученого с широким кругозором, – даже в те годы, когда эволюционные идеи в студенческой среде признавались крамолой. Большой опыт исследовательской работы, творческий подход к преподаванию поставили Илью Борисовича Волчанецкого в число наиболее авторитетных профессоров не только Харьковского университета; с почтением отзывались о нем столичные ученые. Не случайно он стал одним из авторов 5 и 6-го томов уникального монографического издания «Птицы Советского Союзы» (1954), написав в первом жаворонков, а во втором – славок. Именно это обстоятельство было предметом гордости всех нас, его учеников! Как и то, что он дружил с такими учеными как И.И. Пузанов.

Очень ярко написал о нём Игорь Кривицкий: «Илья Борисович не был блестящим лектором. Монотонно и негромко он вел рассказ о вещах, в общем-то, обычных. Но как! Лекция захватывала виртуозностью мышления и сопровождалась рисунками, которые делались тут же, мелом на доске. Размашисто, как это часто делают карикатуристы, он двумя-тремя росчерками изображал всё – летящую птицу, бредущего динозавра, схему восходящих потоков воздуха и их воздействие на парящую птицу, или работу жаберного аппарата миноги». Непривычные к его манере чтения люди могли сразу же заснуть, и многие студенты даже хвастались этим. А одна из шуток неугомонного Кривицкого начиналась такими словами: «Сегодня на лекции патрона на Геньку Казакова вдруг напа-

ла бессонница». Справедливости ради надо сказать, что причина была не только в тихом и монотонном голосе лектора, но и в длительности лекции, которая продолжалась 4-6 часов: это был спецкурс «орнитология» и читался он один раз в неделю вот такими большими кусками (впоследствии при чтении аналогичного курса я избегал этого).



Рекомендация

Д. Новичонок [illegible] кафедре зоологии позвоночных Харьковского Государственного университета спецкурс лекций: 1) курса орн. Украины, 2) - систематика и экология млекопитающих, 3) Зоогеография 1) Экология, 2) сравнительная анатомия, 3) Разработка полевой специальности по дисциплине. - Производственную практику провести в заповедниках зоологич. и орнитологич. профиля в Крыму (1957 г.) и Западн. Казахстане (1958 г.), где иметь самостоятельные учеты численности животных, подготовить материал для курсовой, а затем и дипломной работы. - Темы студенческих докладов и курсовых работ согласовывать с кафедрой.

А. Новичонок обнаружил большой интерес к работе, отлично усвоил учебный материал, хорошо умеет пользоваться специальной литературой. В полевой работе проявил хорошую самостоятельность и умение разбираться в трудном вопросе, - инициативу.

Считаю, что он будет хорошим преподавателем зоологии и проведет интересные занятия с элементами экспериментальной и полевой биологической работой.

Зав. кафедрой зоологии позвоночных Харьковского Ун-та
Доктор биол. наук, проф. (И.Б. Волчанецкий)

9.VI.59

Рис. 2. Рекомендация И.Б. Волчанецкого

Работая в Харьковском университете, Илья Борисович ежегодно организовывал комплексные экспедиции по разным местам левобережной Украины, в Молдавию, Крым, Предкавказье, на Западный Кавказ, в Дагестан, в Заволжье – озёра Эльтон, Баскунчак и т.д. Кроме того, вывозил своих студентов для прохождения практики в районы Заполярья, в Туркменистан и на Тянь-Шань. Но больше всего он любил Кавказ, знал его безупречно и посвятил ему лучшие свои работы.

Илья Борисович был человеком высокой принципиальности, никогда не шедшим на сделку с совестью, и сторонился высоких общественных постов; только Харьковскую организацию Украинского общества охраны природы возглавлял долго. Никогда не позволял себе грубости в общении с подчиненными, достаточно было его строгого замечания. Но за этой строгостью и неприступностью профессора обнаруживался жизнелюб, милый, внимательный, веселый собеседник, радующийся шутке и умеющий пошутить. Очень ценил юмор, любил подтрунивать над друзьями и студентами, но и не обижался, когда подтрунивали над ним.

Многих студентов очень занимало – почему он всегда в тюбетейке и что там, под ней. Один из наших студентов, всеобщий любимец Жора Тимченко, который, кажется, умел все – и пробежать стометровку за рекордно короткое время, и спеть вдруг голосом Неждановой – поставил своей целью сфотографировать «лысину» патрона. Как потом он сам мне рассказывал, в одной из экспедиций он выследил, куда ходит умываться Илья Борисович, и устроил около этого места на берегу реки целую засаду в тростниках. И когда настала вожделенная минута, наводя резкость в своем стареньком «ФЭДе» (тогда не было современной фотоаппаратуры!), он вдруг увидел, как рука патрона повернулась в его сторону и показала ему кукиш! От неожиданности Жора упал в воду, и снимок не состоялся. Только раскатистый смех патрона говорил о том, что это было не во сне, а наяву. Позже, уже на старших курсах, нам с Юркой не раз доводилось заходить в кабинет патрона вслед за ним (по его приглашению) и быть

свидетелями момента, когда шляпа заменялась тюбетейкой. Но делалось это настолько быстро, что невозможно было ничего рассмотреть – кроме небольшой, ничем не примечательной шишки…

Руководя дипломными работами, Илья Борисович всегда был в курсе наших дел, возился с нашими неумелыми рукописями, а в экспедиции периодически просматривал полевые дневники и делал пометки – что сделано правильно, а что не так. До сих пор храню один такой дневник из экспедиции 1958 года, где на обороте обложки почерком *И.Б.* написано: «писать надо на одной стороне листа – потёртости мешают читать», а далее – несколько страниц, исписанных мною карандашом и затертых так, что местами невозможно восстановить текст. А ведь читая спецкурс «Методика полевых зоологических исследований» Илья Борисович подробно разъяснял нам все эти «азы», уделяя внимание даже таким мелочам, как степень мягкости карандаша… Он внимательно следил за работой студенческого научного кружка, никогда не пропуская заседаний. Кружок на кафедре был делом святым, к его работе привлекались сотрудники и студенты. Это было место общения, обмена мнениями и опытом; здесь спрашивали и разъясняли…

За 40 лет своей преподавательской работы Илья Борисович Волчанецкий выпустил десятки орнитологов, из которых многие в разные годы изучали животный мир Казахстана (В.В. Шевченко, В.Л. Шевченко, В.А. Наглов, Б.В. Трощенко, А.Ф. Ковшарь, И.А. Кривицкий, А.П. Гисцов, В.В. Жевнеров, Е.М. Белоусов и др.), Дальнего Востока (Н.М. Литвиненко, Ю.В. Шибаев) и других интересных мест Евразии.

Прощай, *alma mater!*

Последний год в университете промелькнул очень быстро – как один день. Ещё осенью, в самом начале 5-го курса, заботливый Лисецкий почти каждый день напоминал нам, что пора писать письма – искать себе работу. При этом в свойственной ему манере припугивал: «Если не хочешь всю жизнь провести учителем Зачепиловской средней школы…». Рассказывал о «золотом дне» – противочумной системе Казахстана и Средней Азии, куда уехало довольно много наших выпускников (В.А. Наглов, Б.В. Трощенко, В.Л. Шевченко). Правда, отношения с этой системой были подпорчены тем обстоятельством, что выпускники предыдущего года в последний момент передумали и не поехали, что, как считал Лисецкий, закрыло туда дорогу нам. Часто вспоминал он некий заповедник Аксу-Джабаглы в Южном Казахстане, где вот уже много лет работает бывший выпускник кафедры Виктор Васильевич Шевченко. Началась лихорадка писания писем.

А поскольку никаких адресов мы не знали, едва ли не единственным источником их были справочники для поступающих в вузы. Один мой однокурсник так и сделал: добросовестно написал в 44 вуза! А когда со временем он получил 14 положительных ответов, то мы уже не завидовали ему, а сочувствовали его мукам выбора. Я же, заболев горами после Крыма и Кавказа, написал наугад (без адресов) письма в Управления по заповедникам и разослал их в 4 города:

Алма-Ата, Ташкент, Фрунзе и Сталинабад (в Ашхабад писать не стал, считая, что настоящих гор в этой пустынной республике нет). Содержание писем было предельно лаконичным: «В 1959 году заканчиваю кафедру зоологии позвоночных Харьковского университета, где специализировался по птицам под руководством профессора И.Б. Волчанецкого, и желаю работать в одном из горных заповедников вашей республики».

Так как ответов долго не было (да и адреса «на деревню дедушке» не внушали доверия), я решил, что все это – пустой номер. А Лисецкий, этот змей-искуситель, питавший ко мне добрые чувства, стал предлагать мне беспроигрышный, по его мнению, вариант. Он спросил меня: «А не хочешь ли ты быть четвертым (или пятым – сейчас уже не помню) человеком в Союзе?». И поведал, что в нашей стране есть такая фабрика наглядных пособий под названием «Природа и школа», и что в городе Мерефа под Харьковом находится один из 4-5 филиалов этой фабрики. Задача филиала, штат которого состоит всего из двух человек (как правило, муж и жена) – сбор гербария и насекомых для школ. Филиал только собирает материал (причем для гербария огородных растений при филиале имеется приусадебный участок размером несколько соток земли), высушивает его и отправляет в Центр (видимо, в Москву), где уже из него изготавливают пособия.

Филиалом в Мерефе вот уже более 25 лет заведовал хороший знакомый Лисецкого Иван Степанович Паляничка, которому пора было уходить на пенсию. С ним-то и свел меня, вернее нас с женой, Лисецкий. Знакомство оказалось взаимно приятным, и мы с Иваном Степановичем и его супругой быстро обо всем договорились. Позже они сказали Лисецкому, что им эта молодая пара понравилась и они готовы передать им (нам) свое хозяйство, на которое потратили четверть века. И хотя я далеко не был уверен, что такой род деятельности (больше всего похожий на фермерство) мне по душе, но страх перед той пресловутой Зачепиловской школой с ее ужасными учениками заставлял соглашаться…

На последние зимние каникулы в феврале 1959 г. я уезжал в полной уверенности, что следующую зиму проведу уже в собственном поместье в Мерефе, где, как успел меня убедить Лисецкий, в перерывах между прополкой-прореживанием морковных грядок и сбором коллекции насекомых смогу проводить и наблюдения за жизнью местных птиц. Такая перспектива, если не радовала, то, во всяком случае, примиряла с неизбежным.

Но когда я вернулся после каникул в Харьков, на биофаке меня встретил Лисецкий аж с тремя конвертами и заставил отплясать за каждый из них. Первым я прочитал ответ из Ташкента, где сообщалось, что мест для орнитолога в их заповедниках нет. Второй не пришлось даже читать: на конверте стоял штемпель, что такого адресата в городе Фрунзе не существует. Зато третье письмо стоило внимания! В нём черным по белому было напечатано следующее: «Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников МСХ КазССР может взять Вас на работу в заповедник Аксу-Джабаглы. Сообщите, куда обращаться по поводу Вашего распределения. Начальник управления В.А. Степанов». И содержание и весь тон письма не оставляли никакого сомнения в том, что мне повезло!!!

Сообщив, что по поводу моего распределения надо обращаться в Министерство высшего образования Украины, я с чувством вины вспомнил про симпатичную пару из Мерефы: как сообщить им о своем предательстве? Выручил Лисецкий, который взял сложность объяснения с ними на себя и порекомендовал на моё место Павлика Реву. Я же лихорадочно начал искать хоть какую-то информацию о загадочном Аксу-Джабаглы. В те доинтернетовские времена это было нелегко! Начал, как водится, с Большой Советской энциклопедии, где об этом заповеднике были напечатаны три строчки, из которых самыми ценными были сведения о площади (74 тыс. га) и о том, что заповедник расположен в горах Западного Тянь-Шаня на высотах 1200-4000 м над уровнем моря. Все это звучало, как музыка, и заставляло работать воображение. А ночью я иногда просыпался в холодном поту от того, что падаю с высоты аж 4000 м! Ничего выше 2800 м (гора Фишт на Западном Кавказе) в своей жизни я не видел, да и на эту гору мне удалось посмотреть только снизу, поскольку дожди не пустили нас туда.

Последовали мучительные дни ожидания ответа из Киева. В один из таких дней на кафедру пришел мой однокурсник Гвардий Кузнецов и радостно сообщил, что его берут на работу… в заповедник Аксу-Джабаглы! Вместе с радостью за товарища я испытал и тяжелейшее сомнение: а не на одно ли место нас берут? Тем более что Гвардий писал не в Управление, а непосредственно в заповедник и ответил ему директор заповедника. Игорь Кривицкий тогда же получил положительный ответ от того же Степанова, что его могут взять на работу в недавно открытый Кургальджинский заповедник. Это сподвигло меня на второе письмо Степанову – с запросом насчет второго места в Аксу-Джабаглы для Кузнецова. Вскоре я получил копию письма Степанова на имя директора заповедника, в котором в строгой форме указывалось, что подбор научных кадров в заповедниках – прерогатива Управления, и что на это место Главк уже взял Ковшаря. Следом за этим, будучи уже на лагерных сборах в Донбассе, я получил письмо от директора заповедника Е.А. Ганюшина с запросом адреса, по которому высылать мне деньги для переезда – так называемые «подъёмные»

Казак ССР
Ауыл шаруашылығы Министрлігі

АНШЫЛЫҚ ШАРУАШЫЛЫҒЫ
ЖӘНЕ ЗАПОВЕДНИКТЕР
БАС БАСКАРМАСЫ

Министерство сельского хозяйства
Казахской ССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА
И ЗАПОВЕДНИКОВ

для телеграмм Казгазопоста. Расчетный счет № 14112 в Алма-Атинской конторе Госбанка г. Алма-Аты

28 февраля 1959 г.
№ 3-634.

г. Алма-Ата, ул. М. Горького № 157, телефон № 47-36

Студенту Ковшарь А.

г. Харьков, ул. Артема № 49
общежитие ком. № 18.

Главное Управление охотничьего хозяйства и заповедников Каз. ССР, 25/II-1959 г. обратилось в Министерство Высшего образования УССР и биофак ХГУ с ходатайством о направлении Вас в Казахстан для работы по специальности в Аксу-Джебаглинском Госзаповеднике / Южно-Казахстанская область/.

Начальник Главного Управления:-

В. СТЕПАНОВ.

Рис. 3. Письмо, решившее мою судьбу.

МІНІСТЕРСТВО ВИЩОЇ ОСВІТИ УРСР

Київ, Хрещатик № 34, Тел. 5-31-67

№ РС 9/186 к. 30 квітня 1959 р.

РЕКТОРУ ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖУНІВЕРСИТЕТУ

проф. БУЛАНКІНУ І.М.

Копія: тов. КОВШАР А.Ф.

м.Харків, вул.Данілевського
№ 5, біофак.

При цьому надсилаємо на розгляд комісії листа випускника тов. Ковшар А.Ф. з питання призначення його на роботу після закінчення держуніверситету.

Додаток: І арк. нал. вх. № 186-К.

Начальник відділу кадрів і розподілу молодих спеціалістів

Б.БЕЗУГЛИЙ

Рис. 4. Долгожданный ответ из Киева.

(рис. 5). Друг мой Гвардюша довольно быстро утешился и уже через год оказался в Иссык-Кульском заповеднике.

Ответ из Киева оказался достаточно обтекаемым: «На усмотрение комиссии по распределению», что еще три месяца держало меня в неведении – удастся ли…

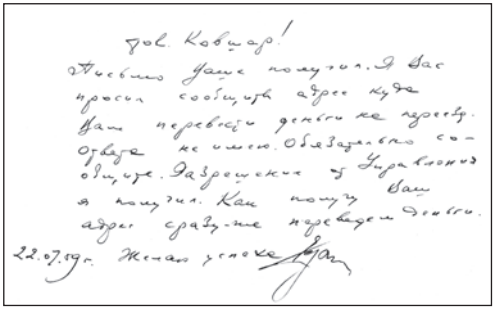


Рис. 5. Письмо Е.А. Ганюшина из заповедника Аксу-Джабаглы.

Но всё обошлось как нельзя лучше. Тогда у всех на устах была Целина. И когда в июне 1959 г. председатель Комиссии по распределению, назвав мою фамилию, спросил, куда я еду, и я ответил, что в Казахстан, он даже встал и сказал: «Вот с кого надо брать пример – этот молодой человек едет на Целину». Пожав мне руку при вручении диплома с отличием, он еще раз пожелал мне честно и плодотворно трудиться на казахстанской целине… И когда уже в Казахстане меня спрашивали, как я попал сюда из Харькова, я отвечал коротко – «по распределению». И это была чистая правда, хотя и не вся – без этих предшествующих самому распределению событий.

Не обошелся без приключений и сам переезд в Казахстан. Понимая, что уезжаем далеко и надолго (хотя и не догадывались – на сколько!) мы с Юрой и Игорем решили покинуть Харьков в один день 17 августа 1959 г. – с тем, чтобы вместе принять участие в открывавшейся 18 августа в МГУ Второй Всесоюзной орнитологической конференции, а уж оттуда разными поездами отправиться к местам будущей службы – во Владивосток (Юрка), Акмолинск (Игорь) и Чимкент (точнее – Тюлькубас; мы с Тамарой). Так и сделали.

А.С. Лисецкий дал мне как не имеющему в Москве ни родни, ни знакомых, адресок бабушки, которая сдает жилье по сходной цене, при этом предупредил, что это замечательная старушка – правнучка знаменитого композитора Глинки и живет она в самом центре Москвы. Это меня затем очень выручило, так как в первый же день я попал во вторую городскую больницу на Соколиной горе и скорую помощь мне вызывала именно эта добрая бабушка. Жена в тот же день попала в другую больницу, и Юра с Игорем проведывали нас по очереди, обманывая меня, что у неё все в порядке. Одним словом, на конференции я присутствовал только в день её открытия. Там же, на Соколиной горе, и попрощались мы с Юркой и Игорем, которые поехали дальше, а меня выпустили из инфекционной больницы (диагноз: дизентерия) лишь через неделю.

Багаж наш «по билету» давно уже уехал в Казахстан, а мы прибыли на станцию Тюлькубас вечером 30 августа – тогда поезд из Москвы до Тюлькубаса шел больше 4-х суток (в одной только Кзыл-Орде стоянка длилась более полутора часов, поскольку там менялась бригада и набирали воду; даже в Тюлькубасе поезд стоял целых 40 мин).

Нам повезло: в Тюлькубасе нас встретил на своем видавшем виды ГАЗ-51 «ЯФ 09-65» шофер заповедника Петр Фомич Хвостиков, ставший впоследствии одним из самых близких мне друзей в заповеднике. В заповедник мы ехали втроем в кабине, пользуясь ночным временем и полным отсутствием автоинспекции в этих местах. Никогда потом я не встречал на ночных дорогах в долине Арыси и других ближайших окрестностях заповедника столько тушканчиков, как в ту ночь…

Становление орнитолога (работа в заповеднике Аксу-Джабаглы)

Заповедник Аксу-Джабаглы и его основатель Б.П. Тризна[1]

Уникальная природа Казахстанско-Среднеазиатского региона издавна привлекала пытливые взоры исследователей и любителей природы, которые даже в бурные годы революционных потрясений пытались сделать все для ее сохранения и изучения. Так, еще до завершения гражданской войны, в 1920 году в Ташкенте был создан Туркестанский комитет по охране памятников старины, природы и искусства (Туркомстарис, впоследствии Средазкомстарис), который широко развернул работу по обследованию территорий и объектов, подлежащих охране. В июле 1920 г. один из членов этого комитета профессор Среднеазиатского, впоследствии Ташкентского университета, известный гидробиолог А.Л. Бродский посетил верховья рек Аксу и Джабаглы (западная часть Таласского Алатау). Фауна района произвела большое впечатление на Абрама Львовича, и он обратился в Туркомстарис с предложением об организации здесь заповедника. Комитет поддержал его предложение и в 1922-1923 гг. эту территорию обследовали профессора САГУ, известные ученые, ботаники М.Г. Попов, Е.П. Коровин и М.В. Культиасов, почвовед Н.А. Димо и эколог Д.Н. Кашкаров. Они дали положительное заключение, на основании которого 12 октября 1925 г. принято «Определение особой комиссии ВЦИК по землеустройству Туркестанской республики», постановившей произвести землеустроительные работы по отводу территории заповедника в намеченных обследованием границах, а 14 июля 1926 г. Совет Народных Комиссаров Казахской АССР принял постановление об учреждении государственного заповедника Аксу-Джабаглы. Цель организации заповедника – сохранить в неприкосновенном виде типичные ландшафты Западного Тянь-Шаня для изучения закономерностей развития природных комплексов этой горной системы. Так был создан первый на территории Средней Азии и Казахстана заповедник, положивший начало современной заповедной системе региона.

Предстояло создать принципиально новое для того времени учреждение по охране природы, прекратить всякую хозяйственную деятельность на 30 тыс. га горной территории, значительная часть которой из поколения в поколение использовалась как пастбища. И все это в условиях жесткого режима экономии финансовых средств и почти полной безграмотности окружающего населения.

[1] Первая публикация – см. Ковшарь А.Ф. История становления первого заповедника Казахстана//Заповеднику Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата: «Наука», 1976. С. 16-34.

Нелегкая эта задача выпала на долю первого директора **Бориса Петровича Тризны**, руководившего заповедником в течение 10 трудных лет, со дня основания до появления первого штатного научного сотрудника.

Имя Тризны в то время было хорошо известно не только местным жителям (Борис Петрович долгое время являлся Туркестанским участковым приставом, а затем – помощником начальника Черняевского уезда), но и натуралистам, интересующимся природой Средней Азии. Украинец по национальности, дворянин по происхождению, он родился в 1867 г. в Киеве, но всю жизнь прожил в Туркестане и, будучи тонким наблюдателем-натуралистом, превосходно знал природу Южного Казахстана, особенно долины Сырдарьи и гор Каратау, был широко образован, свободно владел французским и казахским языками. Многие ученые, исследовавшие природу Средней Азии, получали от него различные консультации и практические советы. В частности, Тризну очень ценил и наблюдениями его не раз пользовался знаменитый исследователь орнитофауны Средней Азии Николай Алексеевич Зарудный, назвавший в его честь несколько подвидов птиц.

С первых же дней организации Туркомстариса Б.П. Тризна, несмотря на преклонный возраст, принял самое деятельное участие в работе по охране природы. В течение ряда лет он является уполномоченным по охране природы в Сырдарьинской губернии, заведует краеведческим музеем в Кзыл-Орде, состоит председателем Сырдарьинского отдела Общества изучения Казахстана. Он поднимает вопрос о сохранении знаменитой мечети Ходжи Ахмеда Яссави в г. Туркестане и организует комиссию по охране этого памятника; является инициатором создания заповедника цитварной полыни в Кабулсае и двух палеонтологических заповедников, ставших впоследствии филиалом Аксу-Джабаглы.

Истоки такой широкой образованности и разносторонности интересов Бориса Петровича стали известны только недавно, после публикации в 2009 г. Архивом Президента Республики Казахстан и Посольством Украины в Республике Казахстан книги «Казахстан – Украина. Дороги и перекрестки», где на с. 17-19 напечатана «Краткая автобиография-исповедь» Б.П. Тризны. Из её текста и предпосланного ей вступления стало ясно, что этот образованнейший для своего времени человек был одним из потомков архимандрита Иосифа Тризны, возглавлявшего Киево-Печерскую лавру в 1647-1656 гг., а в Среднюю Азию был сослан в 1887 г. за причастность к Лопатинскому процессу народовольцев, 5 лет служил солдатом в Ташкенте и только в 1892 г. произведен в офицеры… А в 1917 г., после февральской революции, делегаты от населения Сырдарьинской и Самаркандской областей избрали его комиссаром Сырдарьинской области. В июне 1918 г. Б.П. Тризна – краевой комиссар военной народной охраны Туркестанских путей сообщения, с 15 августа 1922 г. – начальник по охране зарослей дармина (цитварной полыни) при Чимкентском сантонинном заводе, а с 24 октября 1924 г. – помощник директора того же завода по охране зарослей дармина.

Рекомендуя Б.П. Тризну на должность директора заповедника Аксу-Джабаглы и уполномоченного по охране природы Сырдарьинской губернии, Тур-

комстарис в письме Сырдарьинскому губисполкому от 12 февраля 1925 г. особо подчеркивал его авторитет среди местного населения: «Безупречность Б.П. Тризны, проживающего в Туркестане несколько десятков лет, всем известна, и отношение к нему местного коренного населения не оставляют желать лучшего. При вручении дела охраны и общего наблюдения за заповедником Б.П. Тризне Комитет будет уверен, что это дело находится в надежных руках и избавит как Комитет, так и губисполком от ряда недоразумений и эксцессов между охраной и населением». Последующие 10 лет подтвердили верность этих слов.

Выделение территории будущего заповедника Б.П. Тризна начал уже в мае 1925 г., а в мае 1926 г. были установлены по его границе столбы с соответствующими надписями на русском и казахском языках. С этого времени история заповедника прослеживается по официальной переписке и отчетам Б.П. Тризны[2]. Из них явствует, что в течение первых 10 лет штат заповедника состоял из директора, инструктора охраны и пяти наблюдателей, располагавших двумя казенными лошадьми. В обоих палеонтологических заповедниках – Акбастау и Карабастау – было по одному пешему наблюдателю.

«Должен с удовлетворением констатировать, что первое время все бедняки и середняки вели себя вполне корректно, в чем я убеждался лично не один раз. Но три бая решили, что им можно наплевать на все распоряжения и законы и забрались с несколькими тысячами баранов в центр заповедника. С тех пор и до сегодняшнего дня я веду борьбу за интересы науки и за нагло попираемый престиж Советской власти и ее постановлений» (из письма Б.П. Тризны в ГубОНО, 1928 г.). За первые два года своего существования заповедник представил в областные органы 11 протоколов и докладных записок о нарушениях баями заповедного режима. По этому поводу Б.П. Тризна писал в том же письме в ГубОНО: «Покушения на заповедник увеличиваются… Я не прошу никаких жестоких репрессий. Я хочу только указать, что пора найти средство поддержать престиж Советской власти и ее распоряжений и охранить научные ценности заповедника, о которых знает и Европа». Так остро, злободневно и совершенно правильно ставил Тризна вопрос о неприкосновенности заповедника уже в первые годы его существования.

Однако главную угрозу заповеднику представляли не отдельные нарушения частных лиц. Засушливым летом 1927 г. около 20 тыс. голов скота в Тюлькубасском районе оказалось в тяжелом положении, и Сырдарьинский губисполком 20 июня 1927 г. постановил: «Просить Казсовнарком разрешить предоставить до 1 сентября 1927 г. под выпас скота заповедник Аксу-Джабаглы как единственное урочище, где выпас возможен» (протокол 32). В тот же день Б.П. Тризна обратился в губисполком с докладной запиской «К вопросу об использовании пастбищ заповедника Аксу-Джабаглы». Это особый документ. С болью в сердце, с юношеской страстностью и запальчивостью пытается спасти заповедник шестидесятилетний энтузиаст: «По долгу своей службы Советскому Казахстану я обязан защищать научно-культурные интересы… Я не преуменьшаю размеров

[2] В дальнейшем изложении использованы архивные материалы заповедника Аксу-Джабаглы. – *Прим. автора*

кормового бедствия. Я горячо сочувствую попыткам спасти скот. Я прошу только серьезно подумать о заповеднике и его задачах и не разрушать, буде возможно, того, что не подлежит разрушению».

Далее дана убедительная характеристика научно-культурной ценности заповедника, свидетельствующая о глубоком понимании Тризной самих основ заповедного дела: «Казахский государственный заповедник Аксу-Джабаглы – единственный пока заповедник Средней Азии (в Европейской России к 1927 г. было уже 12 заповедников, в том числе и Кавказский в 200 000 десятин). После того, как в Советской России наука приняла явно практический, жизненный уклон, а теории из стен лабораторий переходят к исследованиям живой природы, заповедники обратили на себя внимание всего ученого мира. Я хорошо знаю, как высоко ценится Аксу-Джабаглинский заповедник в университетских кругах Ташкента, какое значение придают ему Академия наук, Главнаука. Я знаю, какие широкие научно-исследовательские планы по заповеднику проектирует Наркомпрос в Кзыл-Орде. Уже третий год в связи с заповедником идут разные научные исследования в Ташкенте. Третий год, по мере возможности, охраняется его естественно-историческая неприкосновенность. За это время успело уже установиться то равновесие ботанических и зоологических стаций заповедника, которое так важно с новейшей, экологической точки зрения для исследования всех законов биосферы. Даже частичное использование заповедника, вторжение туда человека и стад скота радикально изменит всю эту природно-естественную картину естественно-нормальной законообразности, нанесет колоссальнейший, ничем не оценимый вред науке и ее работникам. Такова та цена, которую придется заплатить за такой паллиатив, как пастбища заповедника, призванные спасти от нынешнего стихийного бедствия…

Есть еще одна сторона в данном вопросе. Это сторона научно-культурная. У нас в России, а в Казахстане в особенности, эта сторона имеет огромное значение… Надо показать темному человеку, что Советская власть легкомысленно и бесцельно не возьмет под охрану более 20 000 десятин хотя бы скалистых снежных гор. Надо доказать, что заповедники, охрана природы и ее богатств – насущная задача, что заповедник Аксу-Джабаглы затеян «всерьёз и надолго», что это дело научно-государственной необходимости. Что же касается ближайших, сегодняшних интересов скотоводства, то Советское государство сумеет найти средства более действенные и более разумные, чем необдуманное уничтожение научных и научно-культурных ценностей, на которые уже затрачено, и затрачено не зря, как думают некоторые неумные люди, столько средств и труда».

В итоге 13 июля 1927 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров КАССР: «Признать, что заповедник Аксу-Джебоглы-су, имеющий исключительное научное значение, не может быть использован, даже частично, для каких бы то ни было целей, кроме научных». Вторым пунктом этого постановления Совнарком предложил Наркомпросу и Сырдарьинскому губисполкому «принять все меры к безболезненному освобождению заповедника от скота». Освобождение это затянулось до середины августа, так как горстка служащих заповедника была бессильна против массы скота и людей, проникших на его территорию.

Так, шаг за шагом при поддержке Туркомстариса и Наркомпроса КАССР отстаивал и защищал Б.П. Тризна территорию заповедника, который, по его словам, стал его любимым детищем и самым больным местом. В результате уже в отчете за 1929-1930 гг. Тризна смог, наконец, написать: «Случаи нарушения заповедности с каждым годом идут на убыль. В населении все шире распространяется идея серьезности и неизбежности охраны природы в такой именно форме – государственного заповедника». С законной гордостью сообщал Тризна в мае 1932 г. в Сектор науки Наркомпроса РСФСР: «Мы разъяснили многое несознательным, мы научили тех, кто действительно не знал, и в меру разумения и своих сил популяризировали охрану природы в массах. Заповедник вошел в сознание местного, окружающего его населения, браконьерство почти исчезло и надо только следить за тем, чтобы обострившийся мясной кризис не привел некоторых местных не очень вдумчивых деятелей к тем ведомственным загибам и перегибам, которые были причиной ряда прорывов последнего времени».

Правильно понимая цели и задачи заповедника, Б.П. Тризна не сводил их к одной только охране территории. Наиболее полно изложены его взгляды в ответе на запрос Главнауки 28 декабря 1929 г.: «Основная задача заповедника сводится: 1) к сохранению в неприкосновенности характернейшего уголка природы Таласского Алатау как части Тянь-Шаня; 2) к созданию наиболее благоприятных условий для научно-исследовательской работы по изучению природы Западного Тянь-Шаня; 3) к научно-техническому разрешению основных очередных проблем сельского хозяйства и промышленности юго-восточной части Чимкентской области… Из указанных задач заповедника вытекает необходимость строгой охраны всего ландшафта заповедника, его флоры, фауны и недр». В том же письме Тризна подробнее останавливается на задачах научной работы: «Научные учреждения только в заповеднике имеют возможность в полной мере применять новейшие методы изучения природы, т.е. методы экологические в обширном смысле этого понятия, при которых наилучше выявляются взаимно обусловленная в своих частях целостность всей динамики природы и необходимость научно-организационного учета производственного момента в деле изучения и покорения этой природы» (отчёт Б.П. Тризны за 1929-1930 гг.).

Тяжелые 1925-1935 гг. в полной мере отразились на материальном положении заповедника. Основанный на скудные средства Туркомстариса, он уже в октябре 1926 г. был передан на содержание Наркомпроса и фактически остался без средств к существованию. В августе 1927 г. директор заповедника сообщал Средазкомстарису: «Все наблюдатели несут службу сейчас на собственных лошадях. Казенные лошади имеются только у меня и у старшего наблюдателя. Но у последнего не так давно лошадь внезапно пала. Крайне необходимо немедленно приобрести коня, но у меня нет средств… Корм лошадей поглощает часть зарплаты наблюдателей, так как с октября 1926 г. все наблюдатели получают не 25 руб. фуражных, а только 15 руб. Эти 15 руб., безусловно, недостаточны, особенно для тех, кто по роду службы должен быть в постоянных разъездах». В следующие 4 года материальное положение заповедника не улучшилось.

Особенно тяжелым был 1931 г. «К концу 1931 г. только героические усилия наблюдателей спасли заповедник от гибели. В 1931 г. я не имел совсем утвержденного бюджета. Мы были раздеты, жили в буквальном смысле впроголодь, работали почти без транспортных средств, а для кормления двух выбившихся из сил от непосильной работы калек-лошадей с разбитыми ногами и растертыми спинами и двух ишаков я вынужден был непрерывно занимать мелкими суммами у своих знакомых и просить своего сына в меру возможности погашать мои долги по содержанию заповедника…» (Тризна – Сектору науки Наркомпроса РСФСР, 1932 г.).

Какой верой в правоту и необходимость своего дела надо было обладать, чтобы работать в таких условиях! В 1932 г. наблюдатели, не получавшие с начала мая до конца года довольствия, начали разбегаться. «Я должен был понизить те обычные требования, которые я предъявлял к работе наблюдателей. Я должен был дать 4 раза разрешение на отстрел кабанов и козлов в охранной зоне заповедника, в тех именно районах, где особенно многочисленны стада козлов и где кабаны причиняют наибольший вред хлебным посевам. Иного способа разрешить обострившийся продовольственный кризис я не сумел найти… Наблюдатели-объездчики, занятые мыслью о прокорме семьи, чаще отлучались со своих наблюдательных постов и больше должны были думать о собственном пропитании, чем о работе охраны. И у меня не поворачивался язык укорять их за это. Но все-таки заповедник они охраняли. Если не на ишаках, к счастью еще уцелевших в нашем транспорте, то, по моему примеру – пешком…» (отчет за 1932 г.).

Все-таки заповедник они охраняли! Голодные, полураздетые, пешком – во главе со своим 65-летним директором. Вера, одержимость этого немолодого уже человека, которого все знали как доброго и справедливого, помогала и наблюдателям, многие из которых сами были истинными любителями природы. Среди них особого упоминания заслуживает ровесник Тризны инструктор охраны Петр Лаврентьевич Дымович, прослуживший в заповеднике 10 лет – с мая 1925 по 15 августа 1935 г. «безукоризненно честно и с исключительной добросовестностью», как об этом сказано в удостоверении, выданном ему Б.П. Тризной 2 сентября 1935 г. А молодежь, воспитанная Тризной, посвятила егерьской службе всю свою жизнь. В 1959 г., когда я начал работать в заповеднике, в нем еще работали егеря Евтихий Устименко и Темирали Бурыбаев, начинавшие свою службу в 1925 г. Оба они на всю жизнь сохранили самые теплые воспоминания о своем первом директоре и наставнике.

Много времени уделял Тризна вопросам учета стада охраняемых животных. Об этом писал он в каждом годовом отчете, а в 1933 г. в специальном докладе Главнауке, говоря об увеличении поголовья охраняемых животных в заповеднике, он указывает: «Это не только естественный прирост никем не тревожимого и с каждым годом все успешнее охраняемого мира зверей, но и результат миграции животных в заповедник из соседних участков Таласского Алатау и его предгорий». По настоянию директора наблюдатели помимо охраны ведут дневники полевых наблюдений за флорой, фауной и состоянием погоды. Ежегодно

силами наблюдателей проводится ремонт горных троп, планируется устройство переправ и мостов через горные реки. Строятся сторожки, одна из которых уже более 75 лет служит полевой базой для работ научных сотрудников в урочище Кши-Каинды. Ее так и зовут до сих пор – «домик Тризны».

Но самой большой заботой Тризны, после охраны территории, была научная работа в заповеднике. Несмотря на тяжелейшее материальное положение, он всеми путями добивается научного обследования заповедника. В письме сектору науки Наркомпроса РСФСР Тризна пишет: «Велись и ведутся в заповеднике и научно-исследовательские работы… по указанным не зависящим от меня причинам далеко не в таком размере, о каком я мечтал. С лета 1926 г. на более чем скромные средства Средазкомстариса при очень небольшой материальной и весьма горячей личной поддержке всех работников заповедника начались интереснейшие зоолого-экологические исследования сотрудника проф. Д.Н. Кашкарова тов. А.П. Коровина. Это был неутомимый и очень опытный наблюдатель, от которого я ожидал много для нашего заповедника… Я с величайшим интересом следил за развертыванием чрезвычайно важных, совершенно новых комплексных экологических наблюдений так мало еще изученной природы и жизни высокого Тянь-Шаня». Надо сказать, что работа А.П. Коровина, трагически погибшего на следующий год, спустя 6 лет была продолжена Л.М. Шульпиным (также благодаря Б.П. Тризне). «Интересуются заповедником и ботаники… Одно время я задумал даже многолетний план подробного изучения растительного покрова всех растительных сообществ заповедника и полного флористического описания его. По новейшим воззрениям, с экологической точки зрения, зоология теснейшим образом связана с ботаникой и наоборот, а ландшафт всегда закономерен. Но и большой ботанический план пока – только план» (отчёт, 1932). Здесь же Тризна, с присущей ему прямотой, разъясняет, почему ботанический план остался только планом на бумаге: «…надо создать не только план работы, но и обеспечить его заранее твердой финансовой базой. Надо трезво смотреть на вещи: без экономического фундамента дела не делаются на земле».

В отчете за 1934 год Тризна писал: «В течение ряда лет в заповеднике велись научно-исследовательские работы по самым разным дисциплинам. Но каких это стоило мне усилий – соблазнить, заманить ту или иную группу ученых в наш мало оборудованный… заповедник! Да и у немногих организаций имеются свободные деньги для случайных, внеплановых, не санкционированных… заранее свыше экспедиций».

Примером того, как Тризна «заманивал» ученых в заповедник, может служить его письмо во Всесоюзный геологический комитет: «В заповеднике Казахстана Аксу-Джабаглы, который фактически существует с 1925 года, до сих пор велись только ботанические и зоологические научные исследования. Ни геологических, ни гидротехнических, ни гидрометрических экспедиций там еще не было. А между тем не может быть сомнений, что весь Аксу-Джабаглинский заповедник с его весьма древними породами представляет громадный интерес для каждого геолога. Я поэтому позволю себе просить Геологический Комитет включить в план своих ближайших работ, т.е. работ 1930 г., организацию

ряда научно-исследовательских экспедиций в госзаповедник Аксу-Джабаглы с самыми широкими заданиями. К великому сожалению, заповедник настолько беден в финансовом отношении, что с трудом содержит свой ничтожный административно-хозяйственный аппарат. На научные работы у нас пока нет никаких средств. Зато во всех других отношениях всем исследователям, работникам будет оказано возможно полное, возможно широкое содействие». Какой это пример для подражания нынешним директорам, которые смотрят на посещения заповедника или нацпарка учеными лишь как на источник дохода для этой организации!!!

Однако понимая, что одними экспедициями исследовать природу заповедника во всей ее сложности и многообразии невозможно, Тризна с 1928 года настойчиво добивался введения в штат заповедника научного персонала. Ему даже удалось убедить в этом Южно-Казахстанский облисполком. Но, несмотря на поддержку облисполкома, даже в начале 1935 г., когда заметно наладилась финансовая база заповедника, Тризна еще вынужден был писать: «Заповедник прежде всего научно-производственное учреждение. Научная работа в нем должна занимать первое место. Для того, чтобы заповедник в той или иной мере удовлетворял своему назначению, я считаю, что в нем должно быть, по крайней мере, два постоянных научных сотрудника – ботаник и зоолог. А с 1926 г. я никак не моту добиться получить хоть одного научного сотрудника. Поэтому все научно-исследовательские работы в заповеднике носят спорадический, бессистемный, неожиданный, внеплановый характер и не дают надлежащих научно-практических результатов» (отчет за 1934 г.).

Только летом 1935 г. многолетние хлопоты Тризны увенчались успехом – в заповеднике появился первый постоянный научный сотрудник ботаник А.П. Масальский. Сейчас, спустя 75 лет, когда в заповеднике имеется целый научный отдел, в составе которого есть специалисты самых различных направлений, трудно даже представить себе, какой победой для заповедника было появление первого штатного научного сотрудника. Это означало переход к планомерному стационарному изучению природы заповедника. В сущности это событие, совпавшее по времени с установлением твердой финансовой базы, знаменовало собой окончание периода становления заповедника как научного учреждения. Период этот длился 10 лет. «Шутка ли сказать – десять лет!… Десять лет идет борьба с переменными и часто очень неожиданными по форме успехами за существование того учреждения, в необходимости и полезности которого не может сомневаться ни один просвещенный человек». Эти слова Бориса Петровича, написанные им 17 января 1935 г., полны горькой истины: да, 10 лет становления заповедника Аксу-Джабаглы – это годы суровой, тяжелой борьбы за его существование…

У нас любят повторять фразу о переоценке роли личности. Однако роль Бориса Петровича Тризны для заповедника Аксу-Джабаглы трудно переоценить. Он фактически создал заповедник (в 1925-1926 гг., до выхода Постановления о создании заповедника, он платил наблюдателям-охранникам лично – из зарплаты своего сына-геолога!) и единолично руководил им первые 10 лет – самые

тяжелые в истории заповедника! К сожалению, как нередко бывает, и как особенно часто было в 30-е годы, закончилась эта подвижническая жизнь трагически. Нашлись люди, которые из корыстных побуждений оклеветали его, обвинив во всех смертных грехах вплоть до финансовых (у него ведь не было даже бухгалтера!), и остаток дней своих он, потративший все свои сбережения на заповедник, провел в семье своего бывшего сотрудника, проживавшего в одном из аулов на краю каньона реки Аксу (напротив села Советское), где и завещал себя похоронить. Умер он в 1937 г., в возрасте 70 лет. К сожалению, поиски его могилы, предпринятые в середине 60-х гг. мною вместе с лесничим заповедника П.С. Поляковым, так и не дали результатов – слишком много времени прошло и не осталось никаких свидетелей…

Однако справедливость должна восторжествовать. По моему глубокому убеждению, заповедник должен носить имя это человека, отдавшего ему весь остаток своей неординарной жизни и вырастившего этот заповедник в самый трудный, младенческий период его существования…

Довоенные орнитологи заповедника (1926-1941)

Представление о том, что такое заповедник Аксу-Джабаглы, было бы не полным без хотя бы краткого упоминания о тех орнитологах, которые работали на его территории в первые полтора десятилетия существования – до начала Великой Отечественной войны. Первый из них был Алексей Петрович **Коровин** (1902-1927), младший брат известного ботаника профессора Евгения Петровича Коровина, автора монографических работ по флоре Средней Азии. Еще будучи студентом Среднеазиатского университета (САГУ), А.П. Коровин с проф. Д.Н. Кашкаровым посетил территорию будущего заповедника Аксу-Джабаглы. Результатом поездки явилась их совместная статья, в которой основное внимание было уделено грызунам, а птицы были приведены списком без комментариев. В 1926 г. на средства Ташкентского музея природы была организована поездка для изучения птиц только что созданного заповедника в составе двух студентов САГУ – А.П. Коровина, А.А. Угарова и абитуриента Р.Н. Мекленбурцева; последний спустя 70 лет опубликовал воспоминания об этой поездке (Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 7. Алма-Ата, 1996, с. 7-11). Собранные 180 экз. птиц были переданы в Музей природы (Ташкент), а сведения о них использованы в публикациях Л.М. Шульпина (1956-1965) и А.Ф. Ковшаря (1966). К сожалению, А.П. Коровин погиб в 1927 г., успев опубликовать только одну орнитологическую работу (Ревизия географических форм *Erythrina rhodochlamys* преимущественно по материалам Зоологического музея Академии наук// Бюлл. САГУ, 1934, № 12. Вып. 19. С. 67-74). Гораздо более глубокий след в науке оставили работы на территории заповедника крупного советского орнитолога Л.М. **Шульпина**, который за три посещения заповедника собрал на его территории столько орнитологических материалов, что они должны были лечь в основу его докторской диссертации и остаются востребованными специалистами до сих пор.

Леонид Михайлович Шульпин (1905-1942)

Фамилия Шульпина как автора первого русского учебника по орнитологии (1940) была хорошо знакома мне со студенческих лет. И хотя учились мы по другому учебнику, составленному проф. Г.П. Дементьевым, – «Руководство по зоологии. Том. 6. Птицы», увидевшему свет в том же 1940 году, тем не менее, учебник Шульпина, названный очень просто «Орнитология», Илья Борисович показывал нам при чтении спецкурса. Собираясь на работу в заповедник, я и предполагать не мог, что здесь когда-то работал этот великий орнитолог (а если бы знал, то, наверное, оробел бы: что можно еще сделать после него?). Тем более мне и в голову не могло прийти, что всего через несколько лет я буду издавать последнюю посмертную статью Шульпина о птицах заповедника Аксу-Джабаглы…

Один из самых талантливых орнитологов советского периода Леонид Михайлович Шульпин был также в числе зачинателей академической зоологической науки в Казахстане. За свою короткую, но яркую жизнь он сумел оставить в науке столь глубокий след, который иному не под силу и за 50 лет кропотливых научных изысканий.

Леонид Михайлович Шульпин родился 5 июня 1905 года в семье выходца из крестьян Симбирской губернии. После окончания школы в городе Карсуне Ульяновской губернии в августе 1924 г. поступил на биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета, которое и закончил в июне 1929 года по специальности «промысловые сухопутные животные (зоолог)», как записано рукой самого Шульпина в его личном деле, хранящемся в архиве Академии наук Республики Казахстан в Алма-Ате. В том же очень лаконичном документе сказано о знании языков (английский – читаю и могу объясниться, немецкий и французский – перевод со словарем) и об окончании аспирантуры в Академии наук СССР без указания сроков обучения (видимо, 1929-1933 гг., так как документ подписан 12 декабря 1933 г.).

Уже в студенческие годы *Л.М.* активно занимается исследовательской работой, посвященной изучению птиц Уссурийского края. Первая его публикация «Новые данные по распространению птиц в Южно-Уссурийском крае и описание новых форм» появилась в Ежегоднике Зоологического музея Академии наук в конце 1927 г., а ко времени окончания университета он был уже автором пяти научных работ, в том числе такой относительно крупной как «Заметки о птицах Алтая» (Ежегодник Зоол. Музея, 1929, т.29, с 15-26). Птицы Дальнего Востока привлекали *Л.М.* всю жизнь, его публикации о них появлялись в течение 30-х гг., когда он уже исследовал Казахстан и Среднюю Азию. Цикл дальневосточных публикаций был завершен в 1936 г. выходом капитальной сводки *Л.М.* «Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья» объемом 436 стр.

По окончанию аспирантуры Л.М. работает в Зоологическом институте Академии наук и одновременно читает лекции в Ленинградском университете. Как вспоминала впоследствии М.А. Кузьмина, лекции Шульпина выгодно отличались от лекций других преподавателей и именно ему она обязана тем, что стала орнитологом. Летом 1930 г. *Л.М.* посещает пустыню Каракум в Туркмениста-

не, где собирает небольшую коллекцию птиц, поступившую, как и прежние его сборы, в Зоологический институт АН СССР.

В Казахстане Леонид Михайлович появляется в 1932 г. и до 1934 г. заведует сектором зоологии Казахстанской базы Академии наук СССР, в составе которого работали тогда орнитологи И.А. Долгушин и М.А. Кузьмина. Его исследовательская работа в Казахстане проходила на территории двух заповедников – Алма-Атинского, который Л.М. Шульпин обследовал с 23 августа по 17 октября 1932 г. и 13-30 мая 1933 г., а также Аксу-Джабаглы, где он работал более капитально в 1933-1935 гг.

Результаты обследования Алма-Атинского заповедника составили первый выпуск его трудов, изданный в виде монографического исследования «Экологический очерк птиц Алма-Атинского государственного заповедника» (1939). В этой работе, помимо общего списка встреченных птиц с указанием распределения их по высотным поясам («зонам»), *Л.М.* дает свою оригинальную и ставшую впоследствии знаменитой экологическую классификацию птиц, в основу которой положено «различное приспособление птиц к добыванию корма, ведущее к образованию различного облика, строения и поведения птиц» (отсюда – термины «кронники», «наземники», «воздухореи» и др.).

В заповеднике Аксу-Джабаглы в течение летнего сезона 1933 г. Л.М. работал во главе экспедиции Казахстанской базы АН СССР в составе: Р.Н. Мекленбурцев (зоолог) и И.А. Линчевский (ботаник). Во время экспедиции было собрано около 400 экземпляров птиц, большинство из которых было добыто самим *Л.М.* Вот как вспоминает об этом Р.Н. Мекленбурцев (1996), опубликовавший к 70-летнему юбилею заповедника статью об этой экспедиции: «Завидную энергию и целеустремленность проявлял Л.М. Шульпин. Часто он исчезал из лагеря еще в темноте и возвращался лишь к вечеру, нагруженный добытыми птицами. Препарировал он их быстро и ловко, предварительно взвесив, тщательно просматривал содержимое желудков и состояние половых органов. Снятые шкурки Леонид Михайлович набивал слегка смятым комком ваты, пропуская через шею и клюв конец этого комка, оттянутый в виде жгута. Тушки при таком способе получались округлыми, с короткой, втянутой шеей» (Мекленбурцев, 1996, с. 11).

Л.М. Шульпин. Заповедник Аксу-Джабаглы, лето 1933 г. *Фото Р.Н Мекленбурцева*

О работоспособности и энергии *Л.М.* по части набивки тушек среди орнитологов старшего поколения хо-

дили легенды. Одну из них мне довелось услышать от Игоря Александровича Долгушина, поведавшего ее со слов А.Б. Кистяковского, работавшего с Л.М. в одной из экспедиций на Дальнем Востоке. Как-то *Л.М.*, заключив с Кистяковским пари о том, кто больше тушек сделает за день, выиграл его, сделав 67 тушек птиц, которых сам в тот же день добыл! Кистяковский же успел сделать «всего» 65, и как говорил Долгушин, «пал костьми», а Шульпин еще долго заканчивал записи в дневнике. Правда, такая спешка нередко приводила к отрицательным последствиям. Так, значительная часть орнитологических сборов *Л.М.* из Аксу-Джабаглы, переданных им в хранилище Зоологического института, пропала из-за плохого состояния (видимо, вследствие недостаточной протравки мышьяком) и сохранились только данные этикеток.

После экспедиции 1933 г., орнитологическим результатом которой явилась объемистая рукопись *Л.М.* под названием «Ландшафтные зоны Аксу-Джабаглинского заповедника и их авифаунистическое население» (хранится в Архиве Академии Наук РК), *Л.М.* совершил в заповедник еще короткую экскурсию в январе 1934 г. и более длительную – летом 1935 г. В результате этих поездок им был собран уникальный по тем временам материал о биологии многих горных птиц, образ жизни которых и спустя десятилетия оставался все ещё не изученным. Эти материалы должны были лечь в основу докторской диссертации *Л.М.*, однако так и остались неопубликованными до самой смерти автора.

Возможно, главной причиной послужила работа *Л.М.* над уже упомянутым учебником «Орнитология», потребовавшим очень много времени и сил на сбор, анализ и интерпретацию учебного материала. Об этом свидетельствует хотя бы последняя глава книги – «Практическое значение птиц» (с. 511-544), в которой скрупулезно собрано огромное количество фактов, среди которых и такой: «На Константиновской ярмарке в б. Акмолинской области в 1894 г. было продано 800 лебяжьих шкурок и 8000 шкурок гагар»…

Жизнь Л.М. оборвалась в 1942 году в одном из партизанских отрядов, подробности его гибели неизвестны. Уже после окончания войны Игорь Александрович Долгушин, считавший себя не только другом, но в значительной мере и учеником *Л.М.*, разыскал в Ленинграде его аксу-джабаглинские дневники и по ним подготовил к печати ту часть его рукописи, которая касалась воробьиных птиц. «Эта часть рукописи была почти совершенно закончена, и потребовалось лишь внести даты отдельных наблюдений, места встреч того или иного вида птиц, устранить некоторые недоделки рукописи» – так писал об этом И.А. Долгушин в предисловии к последней посмертной публикации материалов *Л.М.* Благодаря настойчивости И.А. Долгушина богатейшие материалы *Л.М.* увидели свет в основном в изданиях Академии наук Казахстана много лет спустя после смерти их автора (Шульпин, 1948, 1953, 1956, 1961). Последняя часть, посвященная представителям семейств дроздовых, завирушковых, оляпковых и ласточковых, опубликована во втором выпуске Трудов заповедника Аксу-Джабаглы (1965) с упомянутым предисловием И.А. Долгушина, считавшего, что «материалы и мысли Л.М. Шульпина представляют большой интерес, хотя и не всегда соответствуют воззрениям большинства орнитологов». Богатство факти-

ческого материала, ювелирная тщательность его обработки и детальность изложения – вот особенности этих публикаций *Л.М.*, являющихся по праву украшением казахстанской (и не только, но и всей советской) орнитологии.

За короткий период своего творчества Леонид Михайлович Шульпин сделал удивительно много. Его научные публикации поражают не количеством (хотя для 17 лет работы 28 публикаций не так уж мало!), сколько своим качеством, оригинальностью и самобытностью мышления автора. Так, в небольшой (всего 3 странички) статье «О фаунистических особенностях северо-западного Тянь-Шаня» (1936), написанной по результатам анализа материалов из Аксу-Джабаглы, *Л.М.* сумел отметить все главные черты фауны этого района, подтвердившиеся через 30 лет на более обширном материале – не только орнитологическом (Ковшарь, 1966), но и энтомологическом (Крыжановский, 1965). Поистине прав был И.А. Долгушин, считавший, что ненаписанная *Л.М.* общая часть работы по птицам Аксу-Джабаглы – одна из больших потерь, которые понесла орнитологическая наука во второй мировой войне. Эти же слова можно с полным правом отнести и к самому Леониду Михайловичу, погибшему в расцвете сил и таланта, который так много мог еще дать любимой науке.

*****

После Л.М. Шульпина орнитологические наблюдения в заповеднике в довоенное время вели Виталий Иванович **Орлов** (1937-1939), уделявший особое внимание куриным, и Павел Алексеевич **Янушко** (1936-1939), переключившийся с 1939 г. на млекопитающих и разработавший методику количественных учетов копытных (1943) применительно к территории заповедника Аксу-Джабаглы, а также пытавшийся переселять в заповедник с территорий, расположенных западнее, сурка Мензбира. В первые годы моей работы я разыскал его через брата Николая, работавшего у нас препаратором, и некоторое время вел с ним переписку, закончившуюся публикацией во 2-м выпуске Трудов (1965) совместной статьи «Новые данные о млекопитающих заповедника Аксу-Джабаглы». Но встречаться с ним мне так и не приходилось, как и с В.И. Орловым, который еще долгое время, как выяснилось в 70-х гг., преподавал в одном из московских пединститутов. Оба они оставили в библиотеке заповедника хранившиеся на карточках записи отрывочных наблюдений за птицами, использованные при составлении «Птиц Таласского Алатау». Справедливости ради надо упомянуть здесь и безвременно погибшего в заповеднике выпускника САГУ Виталия Дмитриевича **Крестьянинова**, работавшего в заповеднике в 1949-1950 гг. и занимавшегося в основном герпетологией, но оставившего ряд записей и по птицам, в том числе и наброски статьи об устройстве свободных гнезд на скалах рыжепоясничной ласточкой (*Hirundo daurica*). О Викторе Васильевиче Шевченко, с которым наши пути пересеклись на много лет, речь пойдет в отдельном очерке.

Первые шаги в заповеднике: Новониколаевка и её обитатели

Вот в какое замечательное место посчастливилось мне попасть после окончания университета, чтобы на практике применить полученные там знания. Должен сказать, что ничего из написанного выше я не знал, когда в последний день августа 1959 года пришел в заповедник оформляться на работу. Да и мало кто знал хоть половину этого, пока мне не удалось поработать с архивами заповедника и опросить немногих живых свидетелей.

Всего-то 7 лет с небольшим прожили мы с женой в заповеднике, но какие это были годы! И как много они в себя вместили событий, знакомств, познания жизни и природы… Всё здесь было для нас в новинку: и отдельный сельский дом, в который нас поселили, и протекающий рядом арык, из которого пили воду люди и скот (а сидящие на корточках женщины тут же полоскали в нём пеленки), и отсутствие электричества (обещали, что скоро закончится строительство Джабаглинской ГЭС), и выезды в горы исключительно верхом, поскольку дорог на территории заповедника не было… Последнее было самым примечательным, а первым моим «лошадиным» учителем был Абдулла Ахметханович Аитов, но об этом стоит рассказать подробнее в своем месте.

Когда в первое же утро 31 августа 1959 г. я пришел в контору заповедника, то почувствовал себя как будто в одном из украинских сёл – так хорошо был знаком и обширный хоздвор с кузницей, большим стогом сена в дальнем углу, коновязями около ворот и кормушками для лошадей; и сама контора – обычная сельская хата с навесом, подпираемым деревянными сохами. Внутри этого глинобитного здания было прохладно, невзирая на августовскую жару. Сходство усиливалось также примыкавшим к двору роскошным яблоневым садом. Яблони росли и между домами, ветки их кренились под большими красивыми плодами, называемыми «тюлькубасский апорт». Несколько не вписывалось в эту сельскую идиллию только аккуратный дощатый финский домик, в котором располагался научный отдел заповедника с маленькими комнатками-кабинетами.

Село Новониколаевка, которое в начале XXI века переименовано в село Жабагылы, возникло в 1892 году как один из результатов столыпинских реформ, когда здесь появились первые переселенцы с Украины. Как рассказывали мне старожилы, их деды добирались до этих мест на подводах по нескольку месяцев, ехали большими семьями и целыми хуторами – в новые края, где земли было много и правительство, платившее даже подъёмные на это переселение, обещало дать земли столько, сколько сможешь обработать своим семейством. И давало. И обрабатывали, не жалея сил. Поэтому в сухих степных предгорьях северных подножий Западного Тянь-Шаня выросли десятки сел, засаженных фруктовыми деревьями (особенно яблонями, которые здесь прекрасно росли) и носивших имена, напоминавшие о далекой родине – Вознесеновка, Корниловка, Раевка, Ванновка, Высокое и т.д.

Новониколаевка, расположившаяся в трех километрах от подножий Таласского Алатау и в 6 км западнее от выхода из гор реки Джабаглы, не была исключением: большинство усадеб утопало в роскошных яблоневых садах. Всего в 2-3 км западнее располагался небольшой казахский аул Кумусбастау (сере-

бряный родник) а в 6 км восточнее, прямо у выхода из ущелья р. Джабаглы, – аул Жабагылы. О последнем часто упоминают орнитологи – А.П. Коровин, работавший на территории заповедника в 1926 году, и Л.М. Шульпин, обследовавший заповедник в 1933-1935 гг. К сожалению, в эпоху колхозного строительства, при очередном буме «укрупнения» где-то на границе 30-х и 40-х гг. жителей маленького аула Жабагылы насильственно переселили в Новониколаевку, где находилась центральная усадьба колхоза. И в 1959 году, когда я приехал в заповедник, Абдулла показывал мне развалины мазанок этого аула и кладбище рядом с ним. Сейчас на этом месте остались только холмики да 2-3 старых одиночных дерева…

Рис. 6. Центральная усадьба заповедника в 1960 г. *Фото автора.*

Директор заповедника Евгений Алексеевич Ганюшин – среднего роста пожилой мужчина с большой лысиной и умными живыми глазами – встретил меня приветливо, хотя и с некоторым замешательством. Сам же заговорил об истории с Г. Кузнецовым, и все стало как-то легко и непринужденно. Скоро я уже знал, что он лесник по образованию, одно время был даже директором Прибалхашского лесхоза, воевал все 4 года войны, а в душе заядлый охотник и вообще любит природу – с удовольствием читает книги о птицах и зверях, в том числе не только Спангенберга или Шнитникова, но даже таких авторов как Хейнрот – «Из жизни птиц». А когда его вопрос, чем я собираюсь заняться, застал меня врасплох, он посоветовал мне подумать об организации музея и подготовке путеводителя по заповеднику. И даже, немного стесняясь, показал мне списки птиц и млекопитающих, которые он составил для будущего музея. Должен сказать, что и тем и другим, правда, попутно с основной работой, я и занялся, благодаря Евгению Алексеевичу.

Он же сообщил мне, что через 4 дня состоится учет численности копытных – архара и сибирского горного козла, и мне надо готовиться, чтобы принять в нем участие. Тогда я еще не знал, что никогда больше не встречу директора заповедника, который занимается организацией учетов животных и сам принимает в них непосредственное участие. И действительно, издав приказ о проведении трехдневного учета копытных и назначив руководителем группы учетчиков зоолога Р.В. Полосухина, Евгений Алексеевич закончил его словами: «С группой выезжаю и я, а руководство заповедником на эти дни возлагаю на главного лесничего А.А. Ивановского». И в назначенный день и час явился на хоздвор в старенькой солдатской шинели и такой же видавшей виды фуражке.

Аксу-Джабаглы (1959-1966)

30 – вид на Каскабулак из с. Новониколаевка;
31 – на вершине Каскабулака, 5 августа 1963 г.;
32 – коллектив заповедника, март 1960 г. Слева направо в первом ряду наблюдатели И.Баранов, В.Калиненко, И. Илензеер; зам.директора А.Ковшарь; во втором – директор К.И.Тасанбаев, лесничий А.А.Ивановский, Какижанов (из Главка), наблюдатели Темирали Бурыбаев и Муратали Сабаев. В третьем ряду слева Г.Е.Клюкин, Абдулла Аитов, жена его Роза Шагабутдинова (кассир), В.М.Жируев, облохотинспектор Соловьёв, Альжан Есалиев, Виктор Халявко и др.
33 – Н.Х. Кармышева, Муратали Сабаев и Альжан Есалиев со своим семейством на кордоне Аксу;
34 – там же, изготовление баурсаков.

Аксу-Джабаглы (1959-1966)

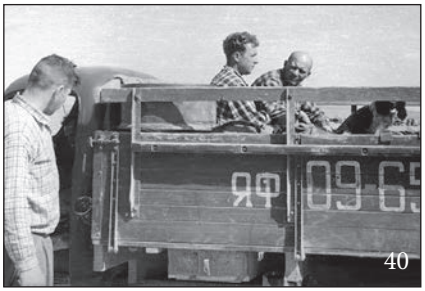
35

36

37

38

39


40

35 – каньон Аксу, май 1960;
36 – ледник Ковшаря в истоках р.Кши-Аксу;
37 – спящий медведь на перевале Кши-Каинды;
38 – горные козлы тау-теке там же;
39 – сани «выходного дня» по пути к ущелью Джабаглы (П.Ф.Хвостиков и Е.А.Ганюшин);
40 - на охоте в низовьях Таласа: П.Ф.Хвостиков (стоит), Р.В.Полосухин и Е.А.Ганюшин со спаниэлем Санчем);
41 – Сева Утехин поднимается на перевал Кши-Каинды под снегопадом. 18 октября 1961 г.

41

Здесь самое время рассказать о моем дебюте в верховой езде. Узнав, что я новичок в этом деле, мне дали самого спокойного и смирного коня по кличке «Янушко» (фамилия препаратора заповедника; здесь часто лошадей звали по именам хозяев). Кавалькада из 12 всадников покинула село, и вскоре я заметил, что остался один – в полукилометре от остальных. То один, то другой из учётчиков возвращались ко мне и спрашивали – не случилось ли чего. Я отвечал, что лошадь устала. Тогда один из наблюдателей, сын самого опытного наблюдателя заповедника Иван Жируев сказал, что конь просто ленится и его надо стегать время от времени. Это было уже в горах, когда мы ехали по всхолмленным лугам Кши-Каинды, и я сказал, что мой конь просто слабее его коня. Тут Ваня, не долго думая, пересадил меня на своего коня, сел на «Янушку» и быстрым аллюром удалился. Я же на его быстроходном коньке снова плёлся сзади всех. Так был получен первый урок, что конем надо всё-таки управлять. И учить этому меня стал наш лаборант Абдулла Ахметханович Аитов. Попутно он учил меня всяким премудростям поведения в горных условиях и вообще всяким вещам, необходимым в жизни.

Этот интересный человек, на 10-13 лет старше меня, будучи очень неглупым от природы, уже имел большой жизненный опыт. Он родился в Западном Китае (Синьцзян) и детство провел там, при советском посольстве. Вернувшись уже юношей в Ташкент, он поступил в юридический институт, но по состоянию здоровья вынужден был оставить учебу и переехал в расположенный недалеко заповедник Аксу-Джабаглы, где работала его двоюродная сестра Нурания Халиловна Кармышева. Произошло это лет за 6-7 до моего приезда, так что Абдулла уже считал себя старожилом Новониколаевки и заповедника.

Возвращаясь к своей первой верховой поездке, должен сказать, что после 12 часов пути (с перерывами) Абдулла и Иван буквально сняли меня с лошади, идти я не мог. Мы были последними в цепочке учётчиков, расставленных на склонах гор по 2-3 человека на расстоянии нескольких километров группа от группы. Место называлось Курусай. Это был открытый щебнистый склон с отдельными пятнами стелющейся арчи на абсолютной высоте 2700 м; выше нас громоздились полуразрушенные скалы, в которых отдыхали днем объекты нашего учета. Приехали мы уже к вечеру и только успели поставить свою маленькую палаточку и спрятать в балках с кустарником лошадей, как козлы и архары стали группами появляться из-за скал и спускаться на травянистые участки. Наша задача была записать всех животных по полу и возрасту в специально разграфленную анкету и отмечать, когда и откуда то или иное стадо появилось и когда и куда оно ушло. И так – до самой темноты. Утром все повторялось, только начинался учет с рассветом, а заканчивался около 10 часов утра, когда животные уходили на дневку в скалы. Зато середина дня была свободна, и ее можно было посвятить птицам. Здесь я впервые увидел темнобрюхих, или гималайских уларов (*Tetraogallus himalayensis*), которых в популярных книжках называют горной индейкой. Эти крупные и красивые, но сверхосторожные птицы могли оказаться рядом только тогда, когда ты лежишь в засаде, наблюдая за козлами. Первая такая встреча на близком расстоянии осталась в памяти надолго.

Других, более мелких и менее ярких птиц, приходилось узнавать в бинокль, при этом очень пригодились наши с Юрой «тренинги» с коллекциями тушек. Так, я сразу же узнал краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguinea*), когда стайка их с тихими мелодичными голосами опустилась на камни. На воле эта птица оказалась еще более красивой, чем в коллекции. Я еще не знал, что всего через два года судьба сведет меня с этой птицей поближе и мне удастся найти ее первые в СССР гнезда и осмотреть первую в мире кладку яиц. А пока, бродя с биноклем по открытым каменистым склонам Курусая, я часто вспоминал слова Лисецкого, сказанные нам с Юркой незадолго до отъезда: «Как я вам завидую, что скоро вы окажетесь в местах, где вы ничего не знаете. Ходишь дурак-дураком – и то неведомо и другое». Я в полную меру оценил эти эмоции своего учителя…

На обратном пути через три дня мы постепенно воссоединялись с предыдущими группами – никто не трогался с места, пока не подъедут дальние, потому что нельзя оставлять в горах людей одних, пусть даже вдвоем, даже опытных наблюдателей. Помню как мы ждали спускающихся с котлована Каскабулака Василия Матвеевича Жируева и директора, Евгения Алексеевича, изъявившего желание побывать в этой самой высокой (более 3500 м над уровнем моря) галлерее древних наскальных рисунков, к тому же – в месте, где больше всего встречается самцов архаров. В сентябре на такой высоте ночью уже нередки заморозки и по согбенной фигурке в шинели было видно, что промерзли они сильно (о чем впоследствии красочно рассказывали). Но когда подъехали ближе, то явно горящие на посиневшем от холода небритом лице глаза директора красноречиво говорили о той радости, которую он испытал в этой поездке. И действительно, когда вся учетная группа уже собралась в последнем пункте, у домика Тризны в Кши-Каинды, Евгений Алексеевич отпустил всех домой, а Василия Матвеевича попросил остаться переночевать в этом домике. Остались и мы с Иваном и Абдуллой. И неспроста. За ужином Евгений Алексеевич как бы невзначай спросил у дяди Васи: правда ли, что если подняться на перевал Кши-Каинды, то оттуда по гребню хребта идет тропка, по которой можно верхом проехать до Талдыбулака, а оттуда спуститься прямо в Новониколаевку. Получив ответ, он выразил желание завтра проехать этой тропой. Я тоже захотел.

Выехали рано, до рассвета, потому что подъем на перевал (с 1800 до 3100 м) очень крут и занимает много времени. С перевала вся долина Арыси – как на ладони. Хорошо виден извивающийся змейкой поезд, а за ним, севернее, – обе гряды Каратау, включая западную ветвь Боролдайтау. А Джабаглинские горы на правобережье одноименной реки вообще кажутся просто буграми, всхолмлениями с тоненькими струйками осыпей. Но самая красивая панорама открывается на юг: до самого горизонта – снежные горы, хребет за хребтом. Где-то за последним хребтом, Пскемским, как сказали мне – Ташкент… Не раз после этого я имел счастье любоваться этой панорамой и наблюдать, как восторгаются ею те, кто видит все это впервые, например, участники комплексной экспедиции по проекту ГЭФ/ПРООН (июнь 2001 г.) или участники съемочной группы фильма «Аксу-Джабаглы – хранилище жизни» (сентябрь 2003 г.). Но тогда первое впечатление было самым сильным.

Едва заметная конная тропа не раз терялась на скалистых участках из белого мрамора, и один только дядя Вася знал – куда надо ехать дольше. Когда проезжали по самому краю хребта, буквально из-под ног с характерными булькающими криками вылетали улары, которых оказалось не так уж мало. Здесь я впервые увидел красавца-бородача (*Gypaëtus barbatus*) и даже сгоряча, по старой привычке, выстрелил в него, но к счастью – без всяких последствий, хотя слышно было, как дробь ударила по широко расставленным перьям, ни одно из которых не пострадало. Это был мой первый в жизни и последний выстрел по бородачу.

Дорога заняла у нас больше 12 часов, и в Талдыбулак мы начали спускаться лишь к вечеру, уставшие и проголодавшиеся настолько, что сразу же набросились на первые яблони Сиверса, усеянные плодами. Здесь я впервые столкнулся с понятием «формовое разнообразие дикоплодовых лесов Западного Тянь-Шаня», о котором впоследствии часто слышал от наших ботаников: у каждого дерева был свой вкус яблок и наряду с откровенно кислыми попадались кисло-сладкие и просто сладкие плоды… Добрались домой мы только к вечеру, и особо длинными показались последние 3 км пути по предгорной степи.

Как-то, уже через несколько лет, я попробовал подсчитать, сколько же километров пришлось проехать верхом за эти годы. Получились *тысячи* километров – ведь только до кордона Топшак на северо-востоке заповедника, учитывая обратный путь, надо было преодолеть 50-60 км горных троп, а поездка до самого южного, Дарбазы, занимала и все 90-100 км. Для того, чтобы выдержать эту дорогу, на седло для мягкости подстилался обычный ватник, а ружье – непременный атрибут орнитолога того времени – возилось только под левым коленом стволом вниз. Не зная этих правил, я в первую же поездку, повесив ружье за спину, уже за полчаса пути набил себе хребет острой металлической скобой, защищающей спусковой крючок. Под коленом же нога автоматически прижимала ружье к седлу, и это не требовало от всадника никаких дополнительных усилий.

Правда, бывали и неудобства от такого способа – нельзя было быстро соскочить из седла, пока не достанешь из-под колена ружье. Однажды по этой причине я упал с лошади – первый и последний раз. Мой конь, запутавшись передними ногами в ветвях лежавшего поперек крутой тропы дерева, резко упал на колени, и я сполз по его шее через голову – прямо под передние ноги. Выскочить мне не удалось из-за того, что колено автоматически прижимало к седлу ствол ружья. После этого в особо опасных местах я старался на время вешать ружье за спину или даже просто держать его в руке. Однако все предусмотреть не возможно. В другой раз, когда мой конь на крутом каменистом спуске в каньон Аксу в месте, где тропа круто поворачивала вправо под нависающей конгломератовой скалой, вдруг упал на передние ноги, я сделал попытку соскочить с него… – и не смог, так как отставшая короткая набойка на левой подошве сапога зацепилась за стремя, и я повис на руках и левой ноге в стремени! С тех пор при починке сапог я следил, чтобы новую подошву набивали на всю поверхность, вплоть до каблука. А присутствовавший при этом случае Абдулла очень к месту рассказал мне поучительную историю, как здесь погиб

один московский турист, севший на лощадь в «триконях» (он так и не смог вынуть ногу из стремени и ушел вместе с лошадью с крутого обрыва).

Абдулла, с которым я проработал два первых полевых сезона, был моим главным учителем в горах. Имея мягкий и веселый нрав, он как-то ненавязчиво помогал в трудных случаях, всегда оказываясь рядом в нужную минуту. Сейчас я не в состоянии вспомнить даже сотой доли тех мелочей, которым у него научился. К тому же он был хороший интересный собеседник, со своим, непривычным для меня мышлением, и беседы наши продолжались также зимними вечерами в селе, пока его жена Роза (работавшая у нас кассиром) не забирала его домой, к троим детям – Адиле, Яшару и Махмуду. Дело в том, что меня на новом месте интересовало все: народные обычаи, уклад жизни, включая приготовление экзотической для меня пищи, и, конечно же, – язык. И Абдулла охотно согласился быть моим учителем. Будучи татарином, он свободно владел казахским языком, и ему не составляло труда давать мне уроки. Правда, Иван Жируев, который как и его отец, владел казахским языком, также пытался учить меня ему, но и здесь меня спас от подвоха именно Абдулла. Когда Иван, хитро улыбаясь, стал говорить, что здороваться надо по-разному с людьми разного возраста и старика, например, надо приветствовать именно вот так и никак иначе, Абдулла наклонился ко мне и сказал: «Не вздумай так сказать – побьют!». Я начал возражать, что я сам много раз слышал, что к старикам обращаются именно так: «Ассолом-алейкем, аксакал!». И тут Абдулла раскрыл мне глаза на то, что Иван учил меня очень похоже, но не совсем так: изменив всего один звук (букву), он сумел превратить приличное приветствие в оскорбление. Конечно, он просто подшутил надо мной. Но с тех пор в вопросах лингвистики я стал осторожнее и доверял только Абдулле, который серьезно, терпеливо и очень доходчиво учил меня азам языка.

Как жаль, что он так рано уехал в свой Ташкент! А меня поглотили занятия птицами, значительно уменьшилось время с рождением дочери и кроме того еще десятки мелких «текучих» дел на работе… Словом, язык я так и не выучил, остались только некоторые выражения, особенно пословицы и поговорки, которые я и сейчас с удовольствием вспоминаю и иногда удачно применяю, хотя и не все помню в оригинале. Например, только в русском переводе запомнилась мне одна из самых мудрых пословиц: «Путь после хорошего человека всегда должен быть чистым» или другая: «Арча – мать леса». А какая прелесть вот этот оригинал: «Бастық қарға болса – тумсуғун боқтан кетпейді» (если голова ворона, то клюв всегда будет в дерьме). А сколько поучительных историй он знал! И рассказывал часто – и о своей китайской жизни (в том числе о денежной реформе в Синьцзяне, когда его отец приносил домой зарплату в нескольких мешках – и как потом эти мешки сжигали во время реформы), и об Узбекистане (в том числе интересные и поучительные истории об Алишере Навои – и как он, будучи ещё совсем молодым поэтом, смущал своими двусмысленными просьбами девушек, и как будучи уже умудренным военачальником, оставил свой шатер, в котором слепила гнездо ласточка, и приказал охраннику свернуть шатер только после того, как птенцы покинут гнездо).

Заходили у нас разговоры и на темы, близкие к идеолого-политическим. И здесь Адбулла поражал моё просоветское воображение неординарностью своего мышления. Например, когда я, узнав, что он читает и знает Коран, стал высказывать удивление – как в наш просвещенный век можно верить в Бога, Абдулла спокойно возразил: «Но ведь ты тоже веришь. Только ты веришь в Ленина, а я – в Аллаха». И мне нечего было возразить, потому что чувствовал – он прав. Еще больше поразил он меня следующей сентенцией о психологии человека: «Вот возьми и дай человеку рубль – просто так, ни за что, ни про что. Он скажет тебе спасибо. Начни давать регулярно и через некоторое время он перестанет тебя благодарить, сочтя это в порядке вещей. А потом вдруг вместо рубля дай ему полтинник – так он же обидится!!!». И это было удивительно верно.

Одним словом мне с ним всегда было интересно, особенно долгими зимними вечерами той зимы 1960/61 г., когда Тамара осталась в Харькове рожать, а я зимовал один. И не раз Роза приходила за ним или присылала ребят, а днем на работе спрашивала меня – чем это я так прикормил ее мужа, уж не выпиваем ли мы с ним по вечерам. Иногда бывало и такое, но чаще всего нам было интересно и без спиртного. Удивительно мудро решил он вопрос о языке в семье: дома говорили только по-татарски. Причем он даже пожаловался мне как-то, что Махмуд (младший сын) стал на вопросы бабушки, заданные на родном языке, отвечать по-русски. После этого он наказал малыша и запретил ему дома говорить на другом языке. Когда я усомнился в правильности такого решения, Абдулла уверенно ответил: только так и надо, иначе он не будет знать родного языка. А русский он всё-равно потом выучит на улице, играясь со сверстниками. И добавил, что так же было и со старшим сыном Яшаром, и с дочерью Адилей. Тогда я считал, что он перегибает палку, и только спустя десятилетия понял, как он был прав: мои дочери, не имевшие подобного запрета, так и не знают украинского языка, хотя и поют на нём народные песни…

Евгений Алексеевич Ганюшин, золотой души человек, имел одну распространенную среди русских людей слабость – спиртное. Люди, раскусив это очень быстро, наперебой звали его в гости, придумывая самые разные поводы, чтобы труднее было отказаться. А когда уж фантазия иссякала, то звали просто «на пельмени». Ираида Филипповна, жена Евгения Алексеевича, очень переживала по этому поводу, прекрасно понимая опасность. Под стать мужу, она было тоже очень доброй, порядочной и глубоко интеллигентной женщиной. К сожалению, её больное сердце с трудом переносило абсолютную высоту 1200 м над уровнем моря, на котором находилось наше село Новониколаевка, и ей часто делала уколы наша медсестра Лидия Кузьминишна Колесникова, жена моего друга Петра Фомича Хвостикова. Женщины очень подружились между собой и с моей женой, а мы, трое мужиков, – между собой. Получилось что-то вроде союза семей, когда все праздники проводили вместе, да и в обычные вечера нередко собирались. Но однажды осенью, когда мы с Петром и Евгением Алексеевичем находились в низовьях Таласа в командировке по добыче экспонатов для Музея природы (так значилось в документах, а в действительности это была самая настоящая охота «по перу», на которой я впервые столкнулся с такими

птицам как фазан и многие южные виды уток), случилась беда: 12-летний сынишка *Е.А.*, тоже бредивший охотой, нечаянно застрелил соседнего мальчика… Ираида Филипповна от такого известия слегла, а Евгению Алексеевичу ничего не оставалось, как искать себе другое место работы. Вот тогда он и предложил мне переехать в их дом, который был намного суше и теплее, чем тот, в котором нас поселили в первый день. Так мы стали жить фактически одной семьей, и я ближе познакомился с Евгением Алексеевичем.

Лесник по образованию, он прошел всю войну, но вторую ее половину – неудачно, попал в штрафную роту. Он тогда командовал взводом и, когда выполнял приказ «Назад – ни шагу!», застрелил двух своих солдат, поддавшихся панике и побежавших. Сколько подобных случаев нам показывали в старых фильмах о войне и всегда офицер, который таким образом остановил бегство, был показан героем. А Ганюшин, хотя и добился того же, в результате попал в штрафную роту. Но больше всего казнил себя он сам. Даже полтора десятилетия спустя он не мог говорить об этом спокойно: сначала должен был выпить, а рассказывая, плакал: «Я их, молодых ребят, вот этими руками…» Такой дальний отголосок войны не смог бы оставить равнодушным даже самого черствого человека…

Уехали Ганюшины среди зимы, оставив пока в нашем доме весь свой нехитрый скарб, а самое главное – спаниэля по имени Санчо Панса, а проще говоря «Санч». Для меня, никогда не державшего собак, было очень интересным и поучительным общение с этой умной собакой. Прирожденный охотник, Санч из-под своих лохматых, висящих до земли ушей видел все – и особенно хозяина. Когда директор садился в машину, Санч тут же опрометью кидался в кабину и устраивался у его ног, готовый ехать куда угодно. И стоило немалых усилий выдворить его оттуда, убеждая, что сейчас едут не на охоту. Еще меня поражало, как реагировал он на окрик хозяина. Иногда среди ночи Санч, спавший на стеклянной веранде дома, вдруг начинал ворочаться и скулить, но стоило только Евгению Алексеевичу вполголоса, даже спросонья, сказать «Санч, перестань», как тут же следовал глубокий, почти человеческий вздох – и наступала полная тишина.

Отъезд хозяина прошел для Санча незамеченным – он и раньше уезжал в райцентр. Дальнейшие свои переживания Санч не показывал, перенеся свою привязанность на меня. Тем более, что каждую субботу я, оставшись за директора, запрягал в легкие сани лошадь и на весь день выезжал в ущелье реки Джабаглы, где находился ближайший наш кордон, на котором жил дядя Вася (Василий Матвеевич Жируев) со своей женой тётей Варей. Как только Санч видел у меня в руках ружье, он тут же запрыгивал в сани, а я и не собирался его выгонять. Наоборот, в пути он сам часто выпрыгивал из саней и нёсся стремглав – то вперед, то назад, то снова перегонял сани и таки образом на расстоянии 6 км успевал «намотать», по крайней мере, вдвое больше. Однако отдыхать на кордоне он не собирался и зорко следил за мной и ружьем. Обычно я тоже не рассиживался, а отправлялся вверх по ущелью, благо дядя Вася сам распрягал и устраивал лошадь. Зато после нескольких часов ходьбы по глубокому снегу и камням (Санч не отставал ни на шаг!) так приятно было на кордоне пить чай с барбарисом, как-то по-особому заваренный тётей Варей!…

Южные каменистые склоны ущелья, как правило, были бесснежны или хотя бы с большими проталинами, и там не редкость были активные насекомые, а однажды я был поражен видом летающей и садящейся на скалу бабочки. Самыми многочисленными среди птиц были вездесущие кеклики, в скалах нередко устраивали целые концерты большие скалистые поползни, в зарослях облепихи по руслу реки нередко встречались чернозобые дрозды, красноспинные, а то и краснобрюхие горихвостки; иногда прилетали стаи элегантных бархатисто-черных клушиц с рубиново-красными клювами. А один раз я был удостоен редкого зрелища, когда всего в 10-15 м над головой пролетел на бреющем полете огромный бородач и пропеллирующие его маховые перья издавали ни с чем не сравнимый не той гул, не то вой. Больше этого звука мне слышать не приходилось…

Обратный путь в село совершали уже при луне, и даже Санч лежал теперь спокойно, прижавшись к моим ногам. Эти минуты – быстрым аллюром лошадь доносила до села легкие сани за какие-то полчаса – я любил больше всего: была какая-то необъяснимая прелесть в этой зимней тишине и удовлетворенность всем замечательно прошедшим днем.

За несколько месяцев я так привязался к Санчу (и он ко мне!), что когда летом Ганюшины приехали за вещами, расставание оказалось очень непростым. После того, как все речи были сказаны, на посошок выпито, и мы с Хвостиковыми и Аитовыми вышли к машине провожать отъезжающих, Санч как-то по-особому заглядывал всем в глаза. Вот Евгений Алексеевич сел в кабину, и Санч запрыгнул вслед за ним. Но тут же выскочил и подбежал ко мне, заглядывая в глаза и как бы приглашая следовать за ним. Все замолчали, а потом Евгений Алексеевич позвал: «Санч, ко мне». Спаниэль подошел к машине, но тут же снова вернулся ко мне. И так повторилось несколько раз. Терпеть это не было сил – пришлось силой водворить пса в кабинку и просить шофера поскорее ехать. После этого я понял, что никогда не буду заводить собаку, зная, что когда-то придется расставаться.

Новый директор, Керим Избасарович Тасанбаев, был всего лет на 5 старше меня. Он закончил Тимирязевскую сельхозакадемию в Москве, после чего попал с туберкулёзом в один из крымских санаториев, где женился на молоденькой медсестре Маше (Мария Васильевна) и по рекомендации врачей приехал к нам в горную местность, показанную для лечения этой болезни. Маша была нашей ровесницей, и они быстро подружились с Тамарой. Вскоре Маша стала нашим сельским фельдшером взамен Лиды Колесниковой, которая вместе с Петром Хвостиковым переехала жить в райцентр Ванновку. Так началась смена состава нашей сельской интеллигенции, и нам пришлось привыкать и к новым людям, и к новым порядкам в заповеднике.

Керим был очень спокойным, вежливым, выдержанным руководителем. Пытался быть демократичным, а ко мне как к старожилу относился с подчеркнутым уважением. Будучи большим любителем игры в шахматы, он каждый вечер приглашал меня к себе домой на поединок, а заодно – и Тамару, чтобы Маше не было скучно. Обставлялось это всё как настоящие гости: готовилось

мясное блюдо, на стол ставилась бутылка сладкого красного вина «Узбекистон» – и начинались шахматы. Когда мы пришли в первый раз, Керим показал на стенку, на которой на видном месте висела камча, и шутя сказал, что это – для жены, иначе в хорошем доме нельзя. Маша только ухмыльнулась – видимо, камча не мешала им жить дружно. Почему он любил именно это вино, я узнал довольно скоро: его старший брат был первым секретарем райкома партии в Пахта-Аральском районе, что фактически находился на территории соседнего Узбекистана. В высоком авторитете этого брата я убедился в Ташкенте в декабре того же года, когда записка с подписью Керима Тасанбаева открыла мне двери гостиницы совхоза Пахта-Арал на улице Хорезмской, 32. Тогда дежурная сказала администратору: «Сам Тасанбаев подписал!», и меня без звука поселили в этом пятистенном особняке, бывшем доме народной артистки СССР Тамары Ханум, где тогда еще жили ее старенькие родители…

И все же Керим был совсем не похож на предыдущего директора. Не было того неприкрытого интереса к природе, к работе «научников», как называли на селе научных сотрудников, а по большому счету – и того понимания цели и задач заповедника, который как-то инстинктивно был заложен в Ганюшине. Тасанбаев руководил заповедником, как бы он руководил любой другой «конторой», в том числе и не связанной с природой. Но руководил он неплохо, к людям относился ровно, а к делу внимательно. Это все мы поняли, когда через год он уехал на учебу в Высшую партийную школу в Алма-Ату – для начала на год (оставив меня вместо себя директором), а затем – и насовсем.

Третий директор, Леонид Константинович Коновалов, мордвин по национальности, был прямой противоположностью Кериму. По возрасту он годился мне в отцы (очень скоро я узнал, что он был однокурсником М.Н. Корелова по Среднеазиатскому, ныне Ташкентскому университету), а внешне – очень солидным: высокого роста, тучный, с громким командным голосом и величественными манерами. Но главное – это был целый кладезь номенклатурных знаний и привычек. Начать с того, что в Аксу-Джабаглы он приехал директором уже второй раз.

О его первом директорстве рассказывал мне как-то Абдулла и, по его рассказам, сложился образ хитрого и властного человека, не знающего никакой жалости к подчиненным и считающего, что ему все дозволено. И убрали его тогда по причине нечистоплотного поведения на выборах, где он пытался всеми правдами и неправдами пробраться в депутаты. И только председатель предвыборной комиссии, бывший тогда заместителем директора по науке В.Т. Гаврилов, отказавшийся подписать окончательные документы по голосованию как сфабрикованные, остановил этот взлёт Коновалова. Однако выборы-то были сорваны, разразился скандал, и в райкоме приказали обоим фигурантам убираться как можно дальше от этих мест. Гаврилов, чувствуя себя правым, из упрямства остался в заповеднике (когда я приехал, он работал ночным сторожем!), а Коновалов всплыл аж в Черноморском заповеднике на Украине и… тоже директором. Как говорил мне его бывший зам по науке Никитин (имени и отчества уже не помню), и там он вел себя столь же вызывающе и беспардонно, вплоть до того, что писал даже анонимки на неугодных ему сотрудников. Когда его

убрали и оттуда, он через некоторое время появился в знаменитом охотничьем хозяйства Завидово под Москвой и уже оттуда вернулся к нам. Вот такой «большой человек» с огромным руководящим опытом «осчастливил» наш заповедник. И первое время всем нам показывал патрон, подаренный ему самим Андреем Андреевичем Громыко, которого он сопровождал на охоте!.

Принимая от меня дела, он был отменно вежлив и даже сладок, хотя первый же его вопрос сразу насторожил меня. Вопрос был о лошадях – нашем главном и единственном транспортном средстве для работы в горах. Посмотрев в реестре, что их у нас около 20, новый директор спросил меня: «А они вам баланс не тянут?». Смысл вопроса стал ясен вскоре, когда он начал рьяно уменьшать поголовье лошадей… С его приездом начались кадровые перемены – уезжали те, кто раньше работал с Коноваловым, считая, что здесь теперь делать нечего. Засобирались и вскоре уехали в Ташкент Аитовы, за ними переехал в Ванновку со своей многодетной семьей один из лучших работников начальник охраны заповедника Виктор Калиненко. Были и такие, которые приветствовали возвращение прежнего начальника различного рода подношениями: кто курицей или поросенком «на развод», а кто – мешком муки или комбикорма для скота.

Вообще работавшие на центральной усадьбе заповедника сотрудники, всего чуть больше 30 человек, как и все жители села, представляли для меня, новичка, большой интерес как своеобразная ячейка, сложившаяся в основном в годы войны. Поэтому состав коллектива был многонациональный – я насчитал представителей 14 национальностей: украинцы, казахи, татары, немцы, азербайджанцы, цыгане, поляки, русские, уйгуры и т.д. Была даже одна чувашка – уборщица Ульяна, попавшая сюда во время эвакуации и прожившая здесь всю свою жизнь (последний раз мы встречались на юбилее заповедника в 1987 г.). Не было только чеченцев, хотя по югу Казахстана, и в области, в том числе в Тюлькубасском районе, их жило немало. И здесь меня просветил Абдулла. Чеченцы периодически появлялись здесь, но так и не смогли прижиться, поскольку начинали воровать скот, а рачительные крестьяне не могли этого вынести и стали их просто отстреливать. Он так и говорил: «последний чеченец был убит в 195-таком-то году». По этой причине за Новониколаевкой прочно укрепилось второе название «Джаманорус» (плохие русские), так и продержавшееся до самого переименования села в 90-х гг. XX ст. К слову, Абдулла косвенно страдал из-за своего внешнего сходства с чеченцем – ему даже отказывались продавать билет в кассах железной дороги, требуя письменных доказательств, что он татарин, а не чеченец, передвижение которых по железной дороге было ограничено (тогда железнодорожные билеты продавали без документов и только Абдулла вынужден был показывать свой паспорт).

Справедливости ради надо сказать, что первопоселенцы конца XIX ст. были только первой волной эмиграции. Второй волной оказались осевшие в этих тёплых краях белогвардейцы. Один такой, по фамилии Лозовой, жил в селе при мне и, несмотря на преклонный возраст, отличался жесткостью нрава и своего сына-школьника за любую провинность наказывал беспощадно, сажая его в «холодную», т.е. в погреб. Второго, благообразного старичка-пчеловода, ко-

торый каждый год приходил брать лесной билет на постановку в заповеднике пасеки, представил мне Абдулла как бывшего дутовского полковника. Третья волна переселенцев – раскулаченные в 30-х гг. И, наконец, четвертая волна – эвакуация в годы войны, после которой часть людей осталась в этих местах. Были и просто «беглые люди», оседавшие в первых же попавшихся благодатных местах на пути из Сибири в хлебный Ташкент. Одним словом, конгломерат был ещё тот, и я временами жалел, что я не историк или этнограф – очень уж много интересного было вокруг.

*****

Однако в селе я жил только в холодное время года. С первыми проблесками весны начинались поездки в горы, а там была своя, совершенно другая жизнь – без директоров и подчиненных, без рутинных рабочих будней и даже без семейных забот. Главное было – наблюдения за птицами, среди которых было так много не изученных! И даже имена их звучали, как музыка: райская мухоловка, синяя птица… А ведь кроме птиц в горах нас окружали и диковинные звери – горные козлы, архары, барсы, медведи. Когда-то я описал встречи с ними по свежим впечатлениям в очерке «В гостях у синей птицы», опубликованном в книжке «Заповедник Аксу-Джабаглы» (Алма-Ата, «Кайнар», 1982). Привожу этот очерк с авторской правкой и некоторыми сокращениями.

Находки орнитолога

Каждую весну, как только появятся первые проталины и в воздухе запахнет талой землёй, зоолога все больше и большее тянет в поле. Бывает, не везёт: тысячи всяких причин не дают возможности выбраться в горы. Дни идут, распускаются листья на деревьях и кустах, во-всю поют прилетевшие с юга птицы, и у многих из них уже есть потомство, а ты вынужден почему-либо сидеть на месте, испытывая тоску. Но если, наконец, наступает долгожданный день, хандру как рукой снимает. Закупив продукты и собрав необходимое снаряжение, ты ранним майским утром седлаешь коня и трогаешься в путь. Едешь навстречу ласковому утреннему солнцу, всходящему за верховьями реки Джабаглы. Лошади легко ступают по ещё не высохшей от ночной росы траве, свежий утренний воздух напоен ароматами цветущих трав и пением жаворонков. На душе радостно и тревожно в предчувствии новых встреч с пернатыми и четвероногими.

Чтобы выяснить, растёт ли то или иное растение в данной местности, достаточно его хоть раз увидеть. С птицами дело обстоит гораздо сложнее. Можно не раз и не два встречать птицу и всё же не быть уверенным, гнездится она здесь или же просто прилетела откуда-то на время. Так, райскую мухоловку (*Terpsiphone paradisi*), одну из самых красивых птиц Западного Тянь-Шаня, долгое время не находили на территории заповедника. Не видел ее здесь и такой тонкий наблюдатель птиц как Леонид Михайлович Шульпин за три сезона работы в заповеднике (1933-1935), но включил всё же в список птиц, которые могут быть здесь обнаружены впоследствии. Первым в заповеднике эту пти-

цу встретил Виктор Васильевич Шевченко – сначала 24 июля 1944 г. в каньоне реки Аксу, а затем 7 июня 1949 г. в Новониколаевке (после снегопада в горах). Летом 1958 г. ее в том же каньоне реки Аксу видела Наташа Литвиненко. Но всё это были встречи одиночных птиц, не дававшие оснований предполагать ее гнездование здесь.

Вот почему, когда 31 мая 1960 г. я в том же каньоне Аксу встретил эту птицу, я принялся искать ее гнездо. И после долгих поисков в яблоневом лесу урочища Караалма удалось-таки обнаружить пустое гнездо, так и оставшееся незанятым до конца лета. А 23 июня того же года в узкой ленточке березняка в урочище Кши-Каинды я наконец нашел жилое гнездо райской мухоловки с четырьмя яйцами, из которых вскоре вылупились птенцы. Наблюдения за их кормлением и сбор под гнездом остатков пищи – преимущественно ярких крыльев дневных бабочек – дали мне основание для публикации в сборнике «Орнитология» (1962) своей первой научной заметки. Так было установлено гнездование райской мухоловки в заповеднике.

Еще заманчивее для орнитолога находка гнезда птицы, у которой их ещё не находили в пределах целой страны (не говоря уже о птицах, гнезда которых вообще не известны науке). Кстати, такие виды есть ещё и сейчас, а тогда, в середине XX столетия, таких птиц в высокогорье Тянь-Шаня было немало.

Когда в июле 1960 г. в истоках р. Джабаглы я встретил птенца черногрудой красношейки (*Luscinia pectoralis*), гнезда этого соловья с территории СССР ещё не были известны в научной литературе. В прекрасной 6-томной сводке «Птицы Советского Союза» в разделе «Размножение» очерка об этой птице стояла лаконичная фраза: «Сведений нет». Нетрудно представить, как мне захотелось найти гнездо! Но лето уже заканчивалось, пришлось ждать следующего года.

В конце июня 1961 г. мы втроем, с Абдуллой и Иваном, выехали в верховья р. Кши-Аксу – туда, где встречал этих птиц еще Л.М. Шульпин. Начались поиски. Но велись они вслепую, так как неизвестно было даже, где надо искать. Изредка видели мы самцов, поющих на кустах арчи, или самок, кормящихся на субальпийском лугу. Искать пробовали и там, и сям – безрезультатно.

Как-то перед вечером, возвращаясь верхом в лагерь, мы с Абдуллой увидели на кусте арчи самца черногрудой красношейки с кормом в клюве. Это уже был шанс! Оставалось ждать, куда он понесёт корм. Но красногорлый хитрец был не так прост. Он и не думал показывать нам гнездо: с тихим писком перелетал по верхушкам арчи, присаживаясь по нескольку раз на одни и те же веточки, поворачивался к нам то головой, то боком, то хвостом и всячески тянул время, выжидая, когда мы уберемся. А ждать нам было трудно: с одной стороны, подгоняло вполне понятное нетерпение, с другой – садившееся за гребень горного хребта солнце. Решили обыскать весь куст.

Как и следовало ожидать, ничего мы не нашли. Но птица буквально стонала, летая с кормом вокруг нас, и эти ее крики убеждали, что гнездо где-то здесь, стоит лишь хорошенько посмотреть. Ещё час упорных поисков в зарослях не дал результатов. И тогда, отчаявшись разглядеть что-либо в густых переплетениях, мы отправились в лагерь.

Усталые и подавленные, возвращались уже в надвигающихся сумерках. Неприятно было чувствовать себя беспомощным перед таким, казалось бы, нехитрым делом, как поиски гнезда пичуги величиной с воробья. В какой-то мере утешало лишь то, что и другим до сих пор не удавалось его найти. Вдруг почти из-под копыта моего Орлика с шумом выпорхнула какая-то серая птичка, и в то же мгновение я увидел на том месте что-то голубое. Так и есть – гнездо с пятью ярко-голубыми яйцами! Ещё боясь верить в удачу, осторожно отвожу в сторону коня, чтобы не наступил ненароком. Теперь главное – выяснить, чье это гнездо. Раздавшийся через пару минут настойчивый писк красношейки развеял все сомнения…

Так было найдено первое гнездо черногрудой красношейки. Через день удалось найти второе, а к концу недели – и пятое, а главное – понаблюдать за гнездовой жизнью этой интересной птицы. А когда мы вернулись в Новониколаевку, меня ожидал только что присланный новый сборник научных статей, и в одной из них я нашел описание первого в СССР гнезда черногрудой красношейки, найденного в Центральном Тянь-Шане Ардалионом Алексеевичем Винокуровым, с которым мы вскоре и познакомились. Однако даже эта публикация не очень меня расстроила. Всё равно радость открытия осталась со мной. И даже сейчас, спустя полвека, я помню все до мельчайших подробностей, особенно ощущение нового, неизведанного.

Еще более заманчивой птицей был краснокрылый чечевичник (*Rhodopechys sanguinea*). Хотя в пятом томе сводки «Птицы Советского Союза» и было написано, что «Бамбергу были доставлены яйца этой птицы», однако никто из орнитологов, в том числе, видимо, и сам писавший, не верили этим данным, уж очень ненадежными они выглядели. Ведь сборщики яиц не всегда были достаточно квалифицированными и вполне могли ошибиться в определении вида; сам же Бамберг ни гнезд, ни тем более их хозяев не видел. Одним словом, гнезда, яйца и птенцы этого вьюрка, населяющего горы Африки, Передней и Средней Азии, ещё не были описаны, когда я познакомился с ним в Аксу-Джабаглы.

Здесь надо хотя бы в двух словах коснуться причин. Дело в том, что краснокрылый чечевичник, живя в ксерофильных, каменистых участках гор, очень широко перемещается в поисках пищи даже в летнее время, встречаясь от предгорий до вершин хребтов, в диапазоне высот 1200-3000 м. Поэтому орнитологи по-разному определяли места его гнездования, и даже Л.М. Шульпин считал, что чечевичник гнездится в стелющейся арче. Естественно, что попытки искать его там были заранее обречены на провал.

Поиски гнезда краснокрылого чечевичника я начал с первых же дней работы в заповеднике. Лето 1960 г. ушло на знакомство с самой птицей и выяснение мест её гнездования. К концу лета я уже был уверен, что искать чечевичника надо в скалистых участках высокогорий. Поэтому после находки черногрудой красношейки в июле 1961 г. мы направили своих коней на перевал Кши-Каинды (3100 м над уровнем моря). Обосновались здесь на пару недель, чтобы не спеша обыскать всё.

В первые же дни стало ясно, что искать гнёзда надо на южном склоне, куда изредка пролетали взрослые птицы с набитыми кормом подъязычными

мешками. Однако наблюдения за ними долгое время ничего не давали: птицы отдыхали на скалах, самцы при этом иногда пели, затем слетали к снежникам и кормились у их кромки, там, где в полосе таяния снега попадаются и различные семена, и какие-то мелкие белые личинки насекомых. После длительной кормежки птица вдруг взлетала и скрывалась где-то за скалами, как бы демонстрируя человеку свое превосходство. Ничего не оставалось, как искать новой встречи, которая, как правило, заканчивалась так же.

Выслеживая чечевичников, мы нашли в норке под камнем гнездо гималайского вьюрка (*Leucosticte nemoricola*) с четырьмя птенцами. Это тоже была ценная находка, так как гнезд его у нас ещё не находили (указание в «Птицах Советского Союза» на то, что Н.А. Зарудный нашел гнездо этого вьюрка на арче, было явно ошибочным, что и подтвердилось впоследствии). Стали наблюдать за ним, окольцевали птенцов. Но в один из дней вместо птенцов я вытащил из гнезда крупного щитомордника (*Agkistrodon halys*), в кишечнике у него оказались два наших птенчика с кольцами…

А с чечевичником нам явно не везло. По целому ряду признаков можно было заключить, что они гнездятся где-то здесь. Но где? И вот однажды мы наткнулись на самца, который вел себя несколько иначе, чем другие. Он не пел, а молча сидел и как-то осторожно оглядывался время от времени. И, тем не менее, после получаса такого многообещающего поведения он взлетел и скрылся далеко за гребнем хребта. На следующий день мы всё-таки пришли сюда. Чечевичника долго не было, мы уж думали, что и в этот раз просчитались. Но вот где-то вверху раздался сочный голос, и тут же яркий самец круто спикировал на скалу. Он посидел на ней не более минуты и уверенно залетел за нее. Обгоняя друг друга, мы с Абдуллой бросились по осыпи вперед, на скалу, чтобы оттуда увидеть точное место, куда села птица. Добежав, я успел лишь заметить, откуда она вылетела. Под этим камнем и оказалось гнездо с первой в мире (!) кладкой краснокрылого чечевичника. Через два дня нам удалось найти второе гнездо, с птенцами, а через год – еще четыре.

Осенью 1962 г. в Ленинграде Елизавета Владимировна Козлова показала мне статью французского орнитолога Олиера, в которой он описывает первое гнездо краснокрылого чечевичника с птенцами, найденное им в Марокко. Но *гнёзд с яйцами* этой птицы за пределами СССР не находили еще много лет… А яйца её описал известный немецкий орнитолог Niethammer уже после нашей находки – по яйцу, снесенному самкой в клетке!.

И ещё об одной находке хотелось бы мне рассказать. Речь пойдет о рыжешейной синице (*Parus rufonuchalis*). Долгое время гнезд этой немногочисленной жительницы арчовых лесов не находили, и мой учитель, Игорь Александрович Долгушин, шутя говорил, бывало, что она размножается почкованием. И уже серьезно добавлял, что найти её гнездо я просто обязан, потому что нигде в Казахстане, кроме заповедника Аксу-Джабаглы, эта птица не живет.

По-настоящему заняться поисками гнезда птицы нам с Виталием Вырыпаевым, недавно устроившимся в заповедник лаборантом, удалось только в 1964 г. Но к концу лета пришлось убедиться, что найти его будет очень трудно. Конеч-

но, невозможно было тратить время только на синицу, но чем бы мы ни занимались, за какими бы птицами не наблюдали, я все время помнил об этой неуловимой, загадочной пичуге.

На следующий год, помимо обычных поисков, мы развесили в местах обитания рыжешейной синицы в урочище Дарбаза около сотни искусственных гнездовий в надежде, что хоть несколько штук она займет. Однако занятым оказалось только одно и, что хуже всего, обнаружили это мы только перед вылетом птенцов, так что никаких наблюдений провести не удалось. Так бесславно закончился ещё один сезон. Нельзя сказать, что он пропал зря. Мы провели интереснейшие наблюдения у гнёзд синей птицы, получили очень нужные сведения о гнездовой жизни желтогрудой синицы, дрозда-дерябы и ряда других птиц. Но в поисках гнезда рыжешейной синицы мы ни на йоту не приблизились к цели.

На третий год мы перебазировали лагерь в урочище Чуулдак, где рыжешейные синицы встречались как будто бы чаще. Это значит, что за день экскурсии можно было заметить не одну синицу, а двух или даже трех. При такой низкой численности надежды на повторную встречу в тот же день (а потерять ее из виду гораздо легче, чем встретить) очень незначительны. В этом году мы начали поиски с апреля. Около двух недель потратили впустую, хотя в некоторые дни удавалось часами наблюдать за встреченными синицами, перебегая вслед за ними от дерева к дереву.

Но вот 9 мая, когда все помощники уехали на праздник домой, мне посчастливилось заметить, как певший до того самец рыжешейной синицы умолк, несколько минут молча посидел в кроне старой арчи, росшей на опушке разреженного арчевника, и вдруг спорхнул на открытый каменистый склон, следом за ним слетела самка. Некоторое время они прыгали по крупному камню, торчащему наполовину из земли, а затем одна из птиц зашла в щель под ним и больше я её не видел; вторая же через несколько секунд улетела.

Боясь, что прозевал вылет второй птицы, я осторожно приблизился к камню. Под ним была норка, которая вела в довольно большую полость, образовавшуюся на стыке двух крупных камней и прикрытую сверху почвой. В полости, в чашеобразном гнезде, свитом из мха и шерсти, сидела на шести насиженных яйцах самка рыжешейной синицы. Так вот почему нам не удавалось найти гнездо этой синицы! Ведь мы искали его на деревьях, осматривали все мало-мальски пригодные выемки в стволах арчи, пазухи толстых сучьев и прикорневые дупла.

С этого дня писки пошли успешнее. Через три недели у нас под наблюдением было уже семь гнезд, из них два в трещинах скал и пять – в земляных норках. Так была разгадана тайна рыжешейной синицы. Может быть, кое-кому покажется неуместным употребление здесь слова «тайна». Но для настоящего натуралиста каждая неизвестная черта в биологии или поведении того или иного животного – маленькая тайна, которую он всегда стремится разгадать. Так по крупицам и возводится светлое здание науки, где формируются в единое целое знания об окружающей нас природе.

Синяя птица *(Myophonus caeruleus)*

Когда-то Метерлинк написал красивую и поэтичную сказку о синей птице. Она очень импонировала вере человека в добро, в торжество справедливости, в счастье. И она осталась жить. А название «синяя птица» стало символом прекрасного даже для людей, которые никогда не читали этой сказки и понятия не имеют, кто ее написал. Сколько раз я убеждался в этом! Стоило только упомянуть при незнакомых людях, что у меня дома живет синяя птица, как тут же приходилось отвечать на вопрос: «Как синяя птица? Та самая?» И как же они разочаровывались, когда узнавали, что это не птица счастья, а всего-навсего один из представителей семейства дроздовых…

А напрасно разочаровывались. Синяя птица, или как её еще иногда называют лиловый дрозд, хотя и не имеет никакого отношения к сказке Метерлинка, сама по себе достаточно интересна – своим внешним видом, поведением, большой редкостью и слабой изученностью.

«Синяя птица представляет красивое, бойкое и умное существо, которое даже при некотором знакомстве кажется странным и загадочным»,— так охарактеризовал ее Николай Алексеевич Зарудный, который первым из русских орнитологов в начале XX века дал описание образа жизни этой дотоле неизвестной птицы (кстати, по материалам и наблюдениям, проведенным у южных границ будущего заповедника Аксу-Джабаглы).

Внешне она несколько напоминает всем известного черного дрозда, с которым только и может быть спутана в некоторых случаях. Однако при внимательном рассмотрении не так уж трудно отличить ее по целому ряду признаков. Она заметно крупнее дрозда, гораздо более высокая на ногах, имеет менее вертикальную, чем у дроздов, посадку и несколько приподнятое надхвостье. Хорошо видна цепочка белых точек поперек крыла, а при хорошем освещении – и заметный лиловый отлив оперения, которое издалека и в пасмурную погоду кажется черным.

Эта птица распространена в Южной Азии, откуда проникает в горы Средней Азии до северных хребтов Тянь-Шаня. Настоящая горная и вместе с тем теплолюбивая птица, обитающая по берегам рек в среднем поясе гор. Поселяется в узких глубоких ущельях, там, где отвесные скалы или хотя бы крупные каменные глыбы у бурного потока чередуются с древесно-кустарниковыми зарослями. Очень любит теснины и водопады, сырые и обомшелые скалы. Все время синяя птица находится в непрерывном движении, и когда на какой-нибудь миг замирает, склонив набок голову, то производит впечатление воплощенного внимания. Великолепно прыгает по любым отвесным скалам, удерживаясь на едва заметных выступах и карнизах. Летает немного, но полет сильный и красивый. Легко и часто возбуждается. При этом резко поднимает хвост почти вертикально, а затем плавно опускает, то распуская веером, то складывая.

Голос синей птицы сильный и громкий, особенно пронзителен крик тревоги, который хорошо слышен даже сквозь рев и грохот водопада. Песня состоит из отдельных мелодичных посвистов самых различных тональностей, больше всего напоминающих лучшие образцы художественного свиста человека. Пом-

ню, когда я впервые услышал ее в каньоне реки Аксу, то долго не хотел верить, что это поет птица – все казалось, что сейчас из-за скалы покажется веселый озорной мальчишка, который и насвистывает эту незатейливую мелодию. А вот как описывает ее Н.А. Зарудный в «Заметках по орнитологии» (1912): «Пение синей птицы великолепно. Оно громкое, вызывающее и в то же время удивительно нежное и мелодичное. В силу разнообразия акустических условий горных ущелий, оно слышится не всегда в одинаковом тембре и напряжении, но всегда остается приятным среди той обстановки, в которой обитает обыкновенно синяя птица. Поющий самец большею частью усаживается либо на вершину крупного камня, либо на дерево или где-нибудь на скалу, всегда таким образом, чтобы шум и грохот потока не заглушал пения. Это последнее представляет часто первые звуки пробуждающегося утра…». Могу лишь добавить, что для комнатных условий пение синей птицы, пожалуй, слишком громкое и слушать его лучше из соседней комнаты.

В мае 1960 г. в каньоне реки Аксу я впервые увидел синюю птицу. Я еще не знал ни ее бойкого нрава, ни прекрасного пения, а просто обрадовался встрече с этой редкой и экзотичной птицей, к тому же малоизученной. Ведь со времени наблюдений Зарудного прошло уже почти полвека, а ничего существенно нового по биологии этой птицы в нашей литературе не появлялось. Правда, вскоре после того, как я познакомился с синей птицей, вышла статья И.Ф. Бородихина, который нашел гнездо синей птицы в Заилийском Алатау и выкормил птенцов в домашних условиях. Ее дополняли устные рассказы Икара Федоровича, который был в восторге от выращенных им приемышей.

Все это только укрепило меня в желании во что бы то ни стало найти гнездо синей птицы. Но это оказалось нелегким делом. В долине Джабаглы, где мы в основном работали в 1960-1962 гг., этой птицы почти не было, а в каньоне р. Аксу, где она постоянно встречалась, добраться до её гнезд нечего было и думать. Таким же труднодоступным оказалось и единственное гнездо, найденное на скалах водопада Кши-Каинды. Поневоле вспоминались описания Зарудного: «Гнезда свои синяя птица закладывает всегда или почти всегда около воды и не высоко над нею, частью в глубоких промежутках между громоздящимися друг на друга камнями, частью в глубоких и узких трещинах, частью в маленьких выбоинах скал. Лишь немногие из обнаруженных могут сделаться добычей натуралиста: то невозможно пролезть человеку между камнями или, по крайней мере, разобрать их, то он видит перед собой отвесную стену, спускающуюся в бурливую, стремительно несущуюся воду, которая с глухим гулом поворачивает громадные каменные глыбы на дне. Только немногие гнезда остаются видными снаружи и это именно такие, подобраться к которым прямо-таки невозможно».

И только спустя пять лет, когда мы начали работать в долине реки Балдабрек, мне по-настоящему повезло. Во-первых, именно здесь синяя птица наиболее многочисленна: на протяжении примерно 5 км мы обнаружили восемь пар! Это, можно сказать, рекорд для птицы, у которой небольшое ущелье занимает, как правило, одна пара. И еще немаловажное обстоятельство: скалы здесь, особенно в средней части долины, оказались сравнительно доступными для людей,

не имеющих специальной подготовки и оборудования. В этом ущелье мы почувствовали себя в гостях у синей птицы.

Ясным погожим утром 21 мая 1965 г., ещё не веря своим глазам, я осматриваю гнездо синей птицы. Какая-то фантастическая удача! Мало того, что это настоящее жилое гнездо с еще теплыми от тела только что вылетевшей самки четырьмя яйцами, так оно еще и устроено как будто специально для удобства наблюдений – на небольшой полуразрушенной скалке у крошечного ручейка, протекающего среди высокоствольного арчевника. Ручеек в этом месте струится в миниатюрном каньончике с обрывистыми стенками, местами до 8-9 м высотой, но ведь гнездо-то расположено на уровне моего роста, а через ручеек можно просто перепрыгнуть.

Разбив лагерь всего в трехстах метрах, мы начали наблюдения за гнездом. Чтобы не нарушать жизненный уклад этих строгих, сторожких птиц, решили вести наблюдения из специальной палатки. Но вот беда: поставить ее оказалось негде – ни одной мало-мальски ровной площадки в том месте, откуда предполагалось вести наблюдения. Пришлось крепить палатку полом к вертикальной поверхности скалы, а сидеть в ней – на потолке, опиравшемся на небольшой карниз. Это было не совсем удобно, особенно когда наблюдать приходилось часами.

К палатке синие птицы, как и большинство других, привыкли в течение первого же дня, и жизнь гнезда протекала своим чередом. Самка большую часть времени насиживала яйца, а самец, находясь где-нибудь поблизости, зорко следил за окрестностями, в случае опасности он предупреждал самку резким криком, а сам взлетал, отвлекая внимание врага на себя. К гнезду он не подлетал и самку не кормил, она сама отлучалась на 5-10 мин по нескольку раз в день.

К 10 ч утра 31 мая все яйца в гнезде были проклюнуты, а на утро следующего дня в гнезде лежали четыре слепых и почти голых птенчика; темно-серый пушок торчал несколькими пучочками лишь на голове, крыле и спине. Сквозь розовую кожу просвечивали ребра и внутренние органы. Чтобы осмотреть гнездо, пришлось силой сгонять с него самку, которая очень неохотно взлетела всего в нескольких метрах перед человеком, тогда как прежде скрывалась всегда заблаговременно.

Около недели самка обогревала птенцов, слетая с гнезда так же редко, как и при насиживании. Теперь у гнезда стал появляться и отец, который время от времени приносил птенцам корм: веснянок, гусениц бабочек-совок, жуков-усачей, мух-шпанок, кобылок, певчих цикадок и других насекомых. Изредка в клюве у него были пауки, моллюски или ящерицы – алайские гологлазы. Тот же корм носила и самка.

Первые десять дней птенцы стремительно наращивали свой вес, иногда почти удваивая его, к концу этого срока они уже весили почти как взрослая птица. Зато внешний вид их менялся мало. Только на пятый день под кожей обозначились темные участки будущих перьев, а сами они показались лишь на седьмой день, тогда же появились щелки глаз. По-настоящему начали оперяться только с 10-дневного возраста, когда стало разворачиваться крупное перо на крыльях и хвосте. С этого дня внешний вид птенцов менялся на глазах, зато вес их

оставался примерно на одном уровне. К 17-му дню птенцы были уже полностью прикрыты перьями, по их виду можно было предположить, что до вылета из гнезда остались считанные дни.

В этот день, опасаясь, как бы птенцы, случайно напуганные кем-нибудь, не разлетелись, я взял одного на воспитание. Хотел взять двух, но со вторым решил повременить до завтра. Дело в том, что я собирался еще хотя бы раз взять пробы пищи птенцов: наложив на шею каждому слабое проволочное колечко, извлечь из ротовой полости то, что принесут родители. А так как птенцы уже были большие и могли разбежаться, мне пришлось привязать их за лапки к днищу гнезда (такой способ я уже практиковал, когда надо было искусственно продлить срок пребывания птенцов в гнезде).

Рано утром, как обычно, я незаметно, из-за скалы, проник в палатку для наблюдений. И не поверил своим глазам: гнезда на скале не было. Так непонятно и непривычно было видеть вместо массивного, хорошо заметного гнезда голый участок скалы с небольшим выступом. Бегом, как будто можно было еще что-то исправить, направился я к скале. Гнездо лежало у её подножия, смятое и разорванное, с несколькими лапками, привязанными проволочкой к днищу, а рядом на песчаном участке берега виднелись четкие свежие следы медведя. Видимо, он шёл по руслу ручья и, поровнявшись с гнездом, услышал, как над его головой зазвенели колокольчиками голодные птенцы, которые нередко так реагируют на посторонний шум. Что было дальше, нетрудно себе представить. Если лохматый великан не гнушается бабочками-совками и даже муравьями, то три крупных птенца общим весом около полукилограмма были для него настоящей находкой…

Вот так и вышло, что, погубив трех птенцов, я спас четвертого, который в это время мирно дремал в картонной коробке из-под утюга в углу палатки. Находясь в темноте, он действительно» большую часть времени спал, но стоило открыть коробку, как он широко раскрывал клюв и так пронзительно кричал, что хоть уши закрывай.

Уже на следующий день я посадил к нему трех оперенных птенцов дерябы, у которых погибли родители. Теперь все птенцы спали, согревая друг друга, а когда мы открывали крышку, то первыми раскрывали рты и начинали кричать дерябы, и лишь несколько мгновений спустя откуда-то снизу поднималась на тоненькой шейке, как на стебельке, огромная по сравнению с дерябьей голова, и над их головками как будто расцветал крупный оранжево-желтый цветок; одновременно пронзительные серебряные колокольчики заглушали все прочие звуки. К счастью, саранчовых, цикад и других насекомых на роскошных лугах Кольжайлау хватало, и птенцы росли быстро.

Когда через несколько дней лагерь снялся с места, коробку с выкормышами пришлось подвесить себе на шею и так возить их с собой на лошади. Кочевали птенцы с нами до июля, когда попали в Новониколаевку на постоянное место жительства. Здесь Синего (так без всякой фантазии окрестили мы спасенного птенца) отсадили от дроздят в отдельную клетку, в которую поставили большую миску с водой для купания. Упрашивать не пришлось – уже через несколько минут он вымок до нитки…

Сначала Синьку кормили только насекомыми, а однажды, когда после сильного ветра под тополями оказалось много разбившихся пуховых птенцов испанского воробья, попробовали использовать их. Синий как будто не замечал, что это уже не саранча: по 4—5 птенцов один за другим исчезали в его широко раскрытом клюве. Глядя, как он уплетает пуховичков, я вспомнил, что и в природе синие птицы не так уж редко занимаются разбоем. Одна синяя птица на моих глазах поймала в густой траве довольно крупную полёвку, другая – слётка каменного воробья. Не зря дрозды-дерябы, завидев синюю птицу, часто принимаются гонять ее, как это они делают с сорокой или ястребом. •

К концу лета выросшего птенца уже трудно было прокормить только насекомыми. Тогда я перевел его на омлет, к которому добавлял немного тертой яичной скорлупы и хитина от твердых покровов насекомых. А когда Синий стал брать корм сам, ему предложили булку, смоченную молоком. Хороший пример подавала майна, жившая в соседней клетке,— она ела все подряд. Через некоторое время я поселил их вместе в комнатной вольере. Первые дни годовалая майна вела себя как хозяйка, отбирая у Синего все лакомые кусочки, но вскоре он уже поколачивал ее, и временами требовалась вся изворотливость майны, чтобы уйти от справедливого возмездия. Вообще надо сказать, что синие птицы не общительны. В природе они никогда не образуют стай или хотя бы каких-нибудь скоплений, а в неволе одинаково плохо уживаются как со своими родственниками, так и с птицами другого вида.

Почти год прожили в одной вольере Синий с майной, а затем пришлось их все-таки рассадить: Синий стал забивать свою более слабую соседку. За время совместного обитания обе птицы научились одинаково свистеть. Первое, что они исполняли безукоризненно точно, была мелодия песни Аркадия Островского «Вьюга смешала землю с небом», получившей приз лучшей песни 1965 года. По этой причине песню по радио транслировали ежедневно, а иногда – и по нескольку раз в день. И птицы каждый раз с упоением подхватывали мелодию, выводя ее чисто, звонко и совершенно точно.

В августе в квартире появился еще один птенец синей птицы, а через год – ещё один. Оба они очень быстро усвоили от старшего собрата прекрасную мелодию Островского и исполняли ее иногда «хором». Отданные впоследствии в Алма-Ату, они продолжали вокализировать у своих новых хозяев, причем один из них усвоил еще и мелодию «Интернационала», которая предваряла тогда все передачи китайского радио…

А мой «первенец» со временем забыл мелодию Островского. И вместо нее стал петь видовую песню, в которой лишь иногда, при изрядной доле фантазии, можно угадать знакомые нотки. И до самой смерти в 1982 г. он пел по утрам эту песню – чистые, звонкие и сочные посвисты в различной тональности, причем не в виде стандартного набора звуков, а каждый раз хоть немного импровизируя. Перебравшись в 1967 г. в Алма-Ату, я каждое лето брал его с собой в горы, чтобы пять месяцев в году он жил в родной обстановке, дышал целебным горным воздухом. Может, поэтому он и прожил целых 17 лет? Или причина этого долголетия в счастливом спасении от медвежьих когтей?. Надо сказать, что умер он

не своей смертью, а внезапно – от болевого шока, когда «спецы» в ветеринарной части Алма-Атинского зоопарка вздумали прижечь йодом потрескавшиеся подошвы его лап – вполне обычное, «дежурное» заболевание клеточных птиц…

Наблюдения в неволе позволили ближе узнать характер этой птицы. Выращенный из птенца, Синий не был пуглив, во всяком случае, он не боялся знакомых людей (правда, панически боялся маленьких детей). Но и ручным его назвать нельзя. Он прекрасно знал хозяина и, заслышав в прихожей мой голос после нескольких дней отсутствия, заливался на редкость звонкой песней. Но и мне он не позволял прикоснуться к нему, как это делают другие птицы. Именно в клетке удалось детально рассмотреть, как синяя птица расправляется с крупной добычей. Крепко зажав кончиком клюва брошенную ей мышь или полевку, она круговыми движениями головы многократно ударяет добычу о камень, на котором стоит. Так же поступает и с пойманной змеей, отбивая ее о камни. Однажды Синий заглотил таким образом небольшого узорчатого полоза (*Elaphe dione*), причем сделал это в два приема, с передышкой минут в пять, во время которой половина змеи свисала из клюва дремавшего птенца.

Как-то, не подумав, я посадил на несколько минут в вольер к Синему только что пойманную варакушку (*Cyanosylvia svecica*). В тот же момент он сверху камнем упал на нее, схватил за крыло и привычным круговым движением с размаху ударил о пол. К счастью, он держал ее за маховые перья, которые вырвались и остались у него в клюве, а жертва, описав половину дуги, отлетела к сетке вольера и тут же прошмыгнула сквозь крупную ячею. Жившему у меня краснокрылому чечевичнику повезло меньше. Вылетев из своей клетки, он присел на сетку вольера Синего и тут же был втянут внутрь. Через некоторое время только облачко летавших по комнате перьев свидетельствовало о разыгравшейся в мое отсутствие трагедии…

Выпущенный из клетки в комнату, Синий вел себя по-хозяйски: безбоязненно взлетал на письменный стол, за которым я писал, и даже пытался выдернуть ручку из рук пишущего человека. Но особенно любил проверять все ниши на книжных полках, влезая иногда в совсем уж тесные отверстия. Иногда, привязав к нитке спичечный коробок, я играл с ним, как с кошкой, – он азартно бросался на этот движущийся предмет. А после часовой прогулки по комнате он весьма охотно шёл в клетку и сразу же направлялся в купалку, которую использовал по нескольку раз в день. И все же синяя птица в квартире – это лишь тень, жалкое подобие той великолепной птицы, которая живет среди скал и бурных потоков…

Кеклик *(Alectoris chukar)*

«Чуть только темное ущелье осветится первыми лучами восходящего солнца, из-под камней расщелин скал, пещер и трещин гор появляются… каменные куропатки. Осмотревшись и встряхнувшись, они быстро разбегаются в разные стороны. Кажется, что они вовсе не осторожны и совершенно беззаботно бегают взад и вперед между камнями и кустарниками, но это далеко не верно;

послышится ли подозрительный шорох, крик, сорвется ли камень с горы и, прыгая со скалы на скалу, покатится с гулким шумом вниз по горе; послышатся ли шаги, топот лошади или покажется вдали пернатый хищник, каменные куропатки уже остановились, насторожились и собрались в кучку, беспокойно оглядываясь и прислушиваясь…». Так точно и поэтично описывает каменных куропаток, или кекликов, Михаил Александрович Мензбир в книге «Птицы России» (т. 1, 1895).

Название «кеклик» звукоподражательное, оно как нельзя лучше передает голос этой курочки, который часто можно слышать в местах, где они водятся: «кек-лик», «кек-лик» или «кекелек…кекелек». Это ярко раскрашенная куропатка: при общей голубовато-серой окраске оперения, она имеет светло-охристые горло и щеки, окаймленные широким черным ожерельем, а бока тела – в широких белых, черных и рыжих поперечных полосах; клюв и лапы – коралловокрасные. Распространены кеклики в горных районах Южной Европы, и южной половины Азии, включая горы юга и востока Казахстана.

В заповеднике Аксу-Джабаглы кекликов много. Они как раз любят такие безлесные, в меру сухие горы с каменистыми склонами, множеством полуразрушенных скал и зарослями лиственных кустарников, а кое-где – и высокотравья. Такие места в благоприятные годы буквально кишат кекликами, особенно в августе.

Подвижный, живой и крикливый кеклик не склонен без крайней необходимости таиться и прятаться, как это делают многие птицы, живущие среди высокой и густой растительности. Напротив, его часто можно видеть на голых камнях и скалах, особенно к концу дня, когда на закате кеклики начинают свои концерты. Однако в местах, где их преследуют, они становятся очень скрытными, и вместо того чтобы при появлении человека убегать (если опасность ниже) или улетать (если человек оказался выше), они прячутся между камнями или под густыми кустами и, только пропустив врага, взлетают у него за спиной. При этом часто взлетают не все сразу: не успеешь проводить взглядом одного, как слева или справа вылетает другой, а там с еще более громким хлопаньем крыльев – третий… Как и у других куропаток, быстрые взмахи крыльев чередуются со скольжением на неподвижно расставленных крыльях. Садясь, они пробегают по инерции несколько шагов и лишь после этого затихают и осторожно осматриваются.

Как и большинство куриных птиц, кеклики поедают в основном растительную пищу. Зимой это чаще всего семена злаков, щирицы, диких луков, ягоды эфедры и прикорневые луковички мятлика луковичного. Особенно охотно лакомятся они зеленью злаков, сохраняющейся на солнцепёках. Ранней весной склевывают листья, цветы, иногда клубни и луковички по крайней мере 33 видов растений, а изредка – проснувшихся насекомых (жуков, муравьев и т. д.). Летом гораздо чаще, чем в другие сезоны, поедают животные корма, хотя растительные и в это время главные. Из 68 видов растений, отмеченных в питании кеклика в это время М.А. Кузьминой, основные – иксиолирион, лук нескольких видов, мятлик луковичный, гусиный лук (чаще всего луковицы, реже – семена

и листья), клубни герани и плоды кустарниковой тянь-шаньской вишни. Осенью к ним добавляются семена мари, клубни скалигерии, плоды железного дерева и эфедры. Птенцы кормятся почти исключительно насекомыми и только с возрастом они постепенно переходят на растительный корм. Очень характерно для кекликов посещение водопоев.

В начале апреля, а на южных склонах невысоких гор уже в марте, разбившиеся на пары кеклики начинают подыскивать места для гнезд. Под надежным прикрытием камня, земляного навеса или просто густого кустика самка вырывает небольшую ямку и выстилает ее старыми листьями или травой. В нее она откладывает от 6 до 20 охристо-бежевого цвета яиц, покрытых редкими черноватыми точками.

Очень оживленные споры среди специалистов вызвали некоторые черты поведения кекликов при размножении. Еще в IV веке до нашей эры Аристотель в замечательной сводке «История животных», в главе шестой книги IX писал: «Куропатки высиживают и тот и другой, причем самец и самка выращивают каждый своих». Такое утверждение настолько не вязалось с общим представлением о размножении птиц, что его сочли просто легендой, коих в сочинениях этого великого ученого было не так уж мало!

Но вот в 1924 г. сразу два орнитолога, Порталь и Девар, в двух одновременно опубликованных статьях сообщили, что у обитающей на Балканах красной куропатки (вида, близкого к нашему кеклику) самка несётся дважды: первую кладку насиживает сама, а вторую – самец; каждый из родителей воспитывает потом свой выводок. И снова скептически настроенные ученые отмахнулись от этих наблюдений, сочтя их как произвольное толкование фактов. Даже проверять никто не взялся. Правда, дважды появлялись сообщения о добыче самцов с наседными пятнами в Казахстане, но дальше предположений, о возможности участия некоторых самцов в насиживании кладок дело не пошло. Зато в оппозиции недостатка не было. Появилось даже обоснование невозможности насиживания кладок самцами кекликов. Опираясь на экспериментальные данные инкубационных качеств яиц домашних и диких куриных, автор одной из работ, изданной в 1965 г., заключает, что хранение ненасиженных яиц в гнезде в течение 25 дней приведет к пониженному (на 94%!) вылуплению птенцов, при котором устройство двух гнезд кекликом потеряет всякий биологический смысл.

«Оправдать» Аристотеля выпало на долю одного из моих коллег, сына Марии Алексеевны Кузьминой – Юрия Николаевича Грачева. Занявшись в 1974 г. детальным изучением биологии джунгарского кеклика, он за первые три года нашел четыре гнезда, в которых яйца насиживали самцы (статья в книге «Биология птиц в Казахстане», 1978). Значит, правы были Аристотель и его последователи! Ошибались они только в очередности: самец насиживает не вторую, а *первую* кладку. Между откладкой последнего яйца и началом насиживания кладки самцом, проходит не менее 7 дней, что, однако, существенно не влияет на вылупление птенцов. Конечно, не все кеклики заняты двойным гнездованием, а сколько именно – сказать трудно, это предстоит еще выяснять. По мнению Грачева, оно бывает не чаще, чем у одной пары из пяти.

Как же мало надо иногда, чтобы казавшееся еще вчера невероятным сегодня стало очевидным! Так и здесь: стоило одному человеку получить убедительные доказательства, как и другие стали припоминать нечто подобное из своей практики. Вспомнилось и мне, как в мае 1961 г. я взял в коллекцию кладку кеклика из 20 свежих яиц, которую посчитал брошенной потому, что птица перестала появляться на гнезде после снесения последнего яйца. Тогда мне и в голову не приходило, что отсутствие птицы может объясняться не только тем, что гнездо брошено. Еще ближе к разгадке был Б.М. Губин, который там же, в Аксу-Джабаглы, проверив через месяц «брошенное» гнездо кеклика, нашел в нем половинки яиц, аккуратно вложенные одна в другую, что является верным признаком вылупления птенцов. Теперь мы прекрасно понимали, о чем говорили эти находки…

В последнее время, по мере более глубокого проникновения орнитологов в интимный мир птиц, открывается все больше нового и неожиданного в их поведении. Не так давно английский орнитолог Аллен Хуг опубликовал интересные наблюдения над двумя случаями насиживания яиц самцами белой куропатки (*Lagopus lagopus*). Один из этих самцов просто заменил самку, почему-то не проявившую никакого интереса к собственным яйцам, а второй насиживал попеременно с самкой, причем даже дрался с ней за право насиживать кладку. По-видимому, у куриных это явление распространено гораздо шире, и взаимоотношения в семье сложнее, чем мы сейчас предполагаем.

А разве не оригинальны результаты наблюдений над поведением самцов кекликов в гнездовой период, полученные с помощью звуковых раздражителей бывшим сотрудником заповедника Виталием Александровичем Вырыпаевым? В соседнем Чаткальском заповеднике он воспроизводил записанный на магнитофонную пленку голос самца в местах, где гнездовые участки уже заняты другими кекликами. При этом выяснилось, что среди самцов кеклика существует сложная иерархия, которая устанавливается при помощи звуковых сигналов. О ранге каждого нового крикнувшего самца соседи судят по его голосу: если есть в нем определенные скрипящие звуки, значит, будет он господствовать, доминировать. Сколько же нового ждет исследователей на этом пути, ведь дверь в «социальную жизнь» птиц еще только приоткрыта…

Устройство кекликами двух гнезд, в которых одну кладку насиживает самец, а другую самка, является приспособлением, дающим возможность в максимально короткие сроки восстанавливать численность после суровых многоснежных зим, когда обычными способами, без привлечения дополнительных резервов, это заняло бы несколько лет.

Внезапные резкие падения численности кекликов не раз наблюдались и в Аксу-Джабаглы. В суровые многоснежные зимы, когда для кекликов затруднено добывание корма и даже само передвижение по глубокому рыхлому снегу, они в большом числе появляются в предгорьях и в населенных пунктах. Но обычно это не спасает птиц от гибели, так как в предгорной степи, где снег лежит ровным слоем, корм недоступен, а в населенных пунктах их просто истребляют. Так, суровая зима 1927/28 г. привела к тому, что кеклик почти исчез, и в августе

1928 г. проехавший по заповеднику С.А. Северцов во всей долине реки Джабаглы заметил всего 2 выводка (!) вместо десятков в обычные годы.

Гибель кекликов в декабре 1931 г. со слов егеря заповедника Е.И. Устименко описал Л.М. Шульпин; приходилось мне слышать этот рассказ и от самого Евтихия Ивановича. В том году в начале декабря в горах выпал большой снег, и кеклики, сбившись в стаи по 50-60 особей, появились на улицах Новониколаевки, забегая во дворы и даже сараи. Их ловили различными способами: за две недели сам Устименко поймал около 70 кекликов.

О массовой гибели кекликов в декабре 1948 г. рассказывал мне Виктор Васильевич Шевченко. В ночь на 21 декабря температура понизилась до –31° (рекордная цифра для последних 50 лет!). Большие морозы стояли несколько дней. В эти дни в Новониколаевке был сильный буран, когда здесь появились стайки кекликов. Птицы, сильно истощенные, держались по пустырям и огородам. С 28 декабря в селе уже встречались трупы кекликов, которые после окончания бурана найдены также в окрестных предгорьях.

Очень резкое падение численности кекликов было во время суровой зимы 1968/69 г. Тогда лесничий заповедника наблюдал редкое явление – массовое переселение кекликов: сотни и тысячи птиц шли по снегу от Майликентского перевала в сторону каньона р. Аксу. Весной и летом 1969 г. кеклики в заповеднике и его окрестностях были настолько редки, что почти не попадались на глаза. Однако через пару лет они были уже обычны в предгорьях, а в 1973 г. – и в горах. И решающую роль в этом сыграло, видимо, двойное гнездование, долгое время считавшееся выдумкой Аристотеля…

В обычные зимы кеклики в заповеднике остаются в горах, перемещаясь на южные склоны. Плотность их на этих солнцепеках бывает довольно значительной: в каньоне р. Аксу, например, за час экскурсии в январе я встречал до 50 кекликов, а на правобережье р. Джабаглы – от 50 до 150. Весь зимний день кеклики проводят в поисках пищи. На ночь, по свидетельству Ф.Д. Шапошникова, они зарываются в снег группками по 2-4, при этом ложатся плотно друг к другу. Я такого не наблюдал, но из-под занесенных снегом камней выпугивал кекликов не раз. Много раз приходилось видеть следы ночевок в нишах скал и полупещерках, а большие кучи помета говорили о том, что птицы ночевали не одну ночь.

Кеклики хорошо приживаются в неволе, не требовательны к пище и при нормальном уходе довольно быстро становятся ручными. Они могут жить даже в очень тесных клетках, в которых едва поворачиваются. По свидетельству В.Н. Шнитникова, такие клетки с кекликами прежде можно было видеть на улицах среднеазиатских городов, главным образом у лавок; а на Кавказе кекликов держали для устройства боев.

Как-то один из сотрудников заповедника принес птицу, пойманную в глубоком рыхлом снегу. Это был едва ли не первый живой кеклик, которого я держал в руках. Он мне настолько понравился, что я долго просил хозяина уступить его мне для содержания дома. Парень заупрямился, говоря, что взял его для той же цели. Однако через несколько дней он сам принес его. Оказалось, что новосёл

слишком быстро освоился на новом месте. Сначала он гонял по двору голубей, и это всех забавляло. Потом принялся за кур, и это тоже терпели, но когда он изгнал со двора любимую кошку хозяйки, парню предъявили ультиматум: отнеси, мол, куда-нибудь, а то мы за себя не ручаемся.

У меня в комнате кеклик освоился быстро. В первый же день он в моем присутствии смело запрыгнул на письменный стол и тщательно обследовал на нем все бумаги. Через день он уже взбирался мне на плечо и подолгу сидел там, иногда привалившись к шее и закрыв глаза. К весне он настолько терроризировал моих домашних, что пришлось определить его в вольер на улице, где по утрам и особенно перед закатом он распевал на всю деревню. Уезжая на лето в горы, мы взяли его с собой и там выпустили.

Бородач (*Gypaëtus barbatus*)

Бородач, или ягнятник – одна из самых крупных и самых красивых хищных птиц нашей фауны. Благодаря тонкому изящному силуэту с длинными узкими крыльями и хвостом в полете он кажется похожим на сокола. Сходство усиливает также полет – легкий, быстрый, свободный. И только вблизи замечаешь, какая это махина. К тому же крупные маховые перья бородача издают своеобразный воющий звук, способный на расстоянии 20-30 м привести в замешательство даже человека. Когда слышишь звук, который издает вырвавшийся внезапно из-за гребня хребта бородач, поневоле задаешь себе вопрос: «Так ли уж фантастичны породившие второе имя этой птицы рассказы о сталкивании бородачами в пропасть копытных?» Еще в 30-х гг. исследовавший авифауну заповедника Леонид Михайлович Шульпин обратил внимание на то, что бородач очень часто летает низко у гребней хребтов, то и дело внезапно показываясь из-за скал на небольшой высоте, что скорее можно назвать охотничьим полетом, чем полетом падальщика, высматривающего трупы. Мне дважды удалось видеть поведение хищника, в какой-то мере подтверждающее мнение Леонида Михайловича.

Однажды на южных склонах ущелья Кши-Аксу мы наблюдали за козлами (*Capra sibirica*), забравшимися на отвесные мраморные скалы. Казалось бы, явление обычное, но каждый раз удивляешься ловкости этих животных, умеющих находить путь в непроходимых, казалось бы, скалах. Каких только поз не принимают они, какие только карнизики не используют!. Вот и на этот раз несколько самцов буквально прилепились в разных местах отвесной скалы – как альпинисты. Особенно неудобно устроился один молодой козел, поставивший все четыре ноги на мизерный пятачок карниза. Вдруг среди ясного безоблачного дня какая-то тень упала на козла, и в ту же секунду над ним пролетел бородач. Козлик непроизвольно дернулся. Загремел вниз обвалившийся край карниза, а задние ноги животного безвольно повисли. Но только на какую-то долю секунды. Вот снова все четыре копытца встали на еще меньшем пятачке. А бородач лишь покачнулся и, не меняя курса, продолжал свой путь к следующей скале… «Пронесло!»— облегченно вздохнули мы, но каждый подумал, что в другой раз может

и не повезти, и тогда бородачу останется только спуститься к подножью скалы, чтобы полакомиться свежей козлятиной…

Как-то на перевале Кши-Каинды мы были свидетелями, как бородач пытался взять длиннохвостого сурка (*Marmota caudata*). Первой попытки мы не видели, а услышали лишь необычно пронзительный крик сурка примерно в 200 м от нашего лагеря. Посмотрев в направлении крика, мы увидели, как со склона поднимался бородач с сурком в лапах, но уже в 1 м от земли уронил его. Упавший сурок, не переставая кричать, медленно передвигался вниз по склону при помощи одних только передних лап; задние у него, похоже, были повреждены. Тем временем набравший высоту бородач сделал круг и снова опустился на сурка, вытянув лапы. Все повторилось: сурок кричит, извивается, с высоты 1-2 м падает на землю и отползает в сторону норы, а бородач, отлетев метров на 50, садится на скалу и чистит клюв. После третьей попытки, повторившейся через минуту, сурок все-таки ушел в нору, а бородач полетел вдоль гряды скал с наветренной стороны, ловко используя воздушные течения.

Все же, видимо, живая добыча не так уж часто бывает в его меню. Обычно приходится довольствоваться трупами, причем нередко – уже высохшими их остатками (костями, кусками кожи с шерстью и т. д.). Бородач способен заглатывать целиком очень крупные кости – например, позвонок барана, голень косули. Видимо, отсюда и происходит одно из киргизских названий этой птицы – балта-джуттар (заглатывающий топор), хотя на этот счет существует легенда, трактующая происхождение названия иначе.

«По окончании насиживания из яйца ягнятника вылупляется топор. Топор этот обладает чудесными свойствами. Нет ничего на свете, чего бы он не смог разрубить, и наоборот, его ничем нельзя разбить. Он может изчезнуть только в том случае, если его проглотит сама птица. Если человек найдет этот топор, он на всю жизнь обеспечен чудесным оружием. Но в гнезде топор существует лишь три дня. После этого срока он превращается в щенка, называемого кумаик: у этого щенка глаза белые, как у родителей. Если человек найдет гнездо со щенком, он может воспитать себе чудесную собаку, могущую легко справиться с самым сильным зверем, даже с драконом; мало того, эта собака сможет определить судьбу владельца, сделав его счастливым человеком. Щенок в гнезде существует также только три дня. Если его в течение этого срока не вынет из гнезда человек, он превратится в обыкновенного птенца ягнятника»…

Записавший эту легенду ученый Дмитрий Петрович Дементьев («Киргизские легенды о птицах», 1949) обратил внимание на то, что в отличие от беркута бородач во всех киргизских легендах никогда не выступает в роли хищника и ему не приписывают нападения на крупных зверей, тогда как о беркуте нередко рассказывают, что он бросается и на человека. Есть даже легенда о том, как бородач из хищника превратился в падальщика: «Хищные птицы состязались в скорости и ловкости. Ягнятник стремительно летел впереди на своих длинных больших крыльях, обгоняя соперников. Вдруг он увидел тушу павшего козла. Забыв обо всем, бросился к ней, схватил ее и понес. Пророк наказал его за жадность: лапы его стали слабыми, и он ничего не может взять ими, кроме кости».

Как жаль, что в фольклоре народов Северной Африки и Южной Европы не было таких красивых, а главное – полезных легенд! В противном случае они не

истребили бы эту безобидную птицу под предлогом того, что она наносит серьезный вред овцеводству… В настоящее время в этих странах бородач исчез или стоит на грани исчезновения.

К счастью, в Тянь-Шане положение с бородачом еще не столь катастрофическое, а в заповеднике Аксу-Джабаглы он вполне обычен и встречается не реже, чем беркут. Одна из опасностей, грозящих этой птице – отлов для зоопарков. Поэтому Красная книга Казахстана рекомендует зоопаркам заняться разведением бородача для удовлетворения потребностей самих зоопарков. О реальности этого свидетельствует положительный опыт разведения бородачей в Алма-Атинском, Петербургском и некоторых других зоопарках.

Пернатые строители

Меня всегда привлекало и удивляло то разнообразие в устройстве своих жилищ, по которому птицы не знают себе равных среди других позвоночных животных. И здесь мне хочется привести краткий обзор того, что я успел узнать за время работы в заповеднике.

Проще всех живет козодой (*Caprimulgus europaeus*), тот самый, которого казахи не очень почтительно называют «тентек кус» (придурковатая птица), – видимо, за многие странности поведения. Он вообще не делает гнезда, а откладывает яйца просто на землю. Даже ямки не выкапывает. В лесу яйца лежат прямо на лесной подстилке, а в Аксу-Джабаглы они чаще всего попадаются на галечнике или открытом щебенистом склоне, но никогда – в густой или высокой траве. Как будто птица специально старается, чтобы они были на виду. Правда, окраска у них такая, что на щебенке или голой земле их не сразу заметишь, даже когда с них только что слетела насиживающая самка. Кстати сказать, и сама она практически не видна на этом фоне, пока не взлетит из-под ног. Вот и вопрос – так ли уж придурковата эта птица…

Небольшой куличок-перевозчик (*Actitis hypoleucos*) также поселяется на земле и тоже преимущественно на открытых участках. Но он уже выискивает ямку, хотя бы след от лошадиного копыта. И кое-как выстилает ее растительной ветошью. И когда серая самочка кулика садится на гнездо-ямку, заметить ее так же трудно, как и самку козодоя. Похоже гнездится другой наш мелкий кулик – малый зуёк (*Charadrius dubius*). Такие же гнезда у всех жаворонков, которые иногда сами углубляют ямку да более тщательно ее выстилают. Некоторые жаворонки, например, рогатый (*Eremophila alpestris*), гнездясь на очень крутых склонах, мостят нижний край гнезда в виде небольшого валика из мелких камешков, чтобы лоток гнезда был горизонтальный. Другие, как полевой (*Alauda arvensis*) и двупятнистый (*Melanocorypha bimaculata*), предпочитают, чтобы гнездовая ямка находилась среди густой травы. В более густых травянистых зарослях прячут свои кладки коростели (*Crex crex*), перепела (*Coturnix coturnix*) и серые куропатки (*Perdix perdix*).

Но чаще гнездящиеся на земле птицы стараются выбрать место под каким-нибудь укрытием – будь то камень, пень или другой предмет, защищающий яйца

и птенцов сверху от солнца, дождя, снега и любопытного глаза. Естественно; что в горах чаще всего таким предметом бывает именно камень. Так устраивают гнезда улары, кеклики, коньки (полевой, лесной, горный), трясогузки (горная и маскированная), горные овсянки, черноголовые чеканы и другие. Все они делают гнезда в виде рыхло сплетенной чашечки, а у кеклика и улара это – просто тонкая выстилка гнездовой ямки. Особого умения для постройки такого гнезда не требуется. А вот гнездящиеся также на земле пеночки (*Phylloscopus*) и черногрудые красношейки (*Luscinia pectoralis*) вьют гнезда посложнее – в виде шалашика с входом сбоку; такие гнезда имеют сверху свод, сплетенный самой птицей. Иногда стенки гнезда оплетают растущие стебли трав или мелкого кустарника, что не только хорошо маскирует гнездо, но и делает его более прочным.

Некоторые птицы гнездятся в норах. В заповеднике это, прежде всего, единственная утка – огарь (*Tadorna ferruginea*), занимающий норы сурков, а также ещё около десяти видов: сизоворонка, щурка, удод, обыкновенная галка, скворец, гималайский вьюрок, три вида каменок (обыкновенная, плясунья и плешанка), иногда – пустельга и сизый голубь. У большинства из гнездящихся так птиц жилища упрощены, обычно в виде рыхлых чашечек, иногда (в сырых местах) очень толстостенных, а удод и пустельга могут вообще не вымащивать гнездовую камеру, а откладывают яйца прямо на землю.

Вообще птицы, гнездящиеся на земле, а их в заповеднике около 50 видов, делают наиболее примитивные «дома». Сродни им гнезда некоторых птиц в пустотах скал, например: филина, черного и белобрюхого стрижей, ворона, клушицы, альпийской галки, красного, снежного и жемчужного вьюрков, каменного воробья, скалистой овсянки и овсянки Стюарта. Гнезда крупных хищников на скалах отличаются громоздким каркасом из толстых веток и сучьев. Возведение его не сложно, но очень трудоемко. Таковы гнезда стервятников, белоголовых сипов, бородачей, беркутов, курганников, змееядов.

На скалах же располагаются оригинальные гнезда синих птиц и оляпок. И те и другие сделаны в основном из мха, только у синих птиц они имеют вид глубокой чаши, лоток которой выстлан тоненькими корешками и широкими листьями древесных пород, чаще всего барбариса. Бурые оляпки (*Cinclus pallasii*) помещают на полочках скал или на поверхности крупных валунов посредине речного потока закрытые «шалашики», немного напоминающие гнезда пеночек. Они делаются почти исключительно из зеленого мха, а внутри их помещается чашевидный бокал, сплетенный из стеблей трав, преимущественно злаков. Такие же гнезда может делать белобрюхая оляпка (*Cinclus cinclus*), но чаще она устраивает их под водой, в пустотах между камнями, через которые перекатывается вода, образуя водопадик. Ее гнездо состоит из двух слоев – с наружи мох, а внутри злаки. Его расположение полностью гарантирует яйца и птенцов от любого хищника. Хорошо помню первое такое гнездо, найденное в 1960 г. в Талдыбулаке. И как Абдулла нашел оригинальный способ проверки этого гнезда, перегораживая каждый раз водопадик фанерным щитом, чтобы удлинённый таким образом поток ледяной воды падал не на голову проверяющего гнездо человека, а хотя бы на поясницу (см. рис. 7).

Рис. 7. Абдулла перегораживает водопадик, под которым – гнездо оляпки.

Здесь же, на скалах, создают свои лепные жилища все гнездящиеся в заповеднике ласточки, кроме деревенской (*Hirundo rustica*), которая живет только в постройках и изредка – под мостами. У скалистой ласточки (*Ptyonoprogne rupestris*) гнездо такое же, как у деревенской: обычная половинка чашечки, прикрепленная боком к вертикальной поверхности скалы и выстланная травинками, корешками и перьями. У городской ласточки, или воронка (*Delichon urbica*), оно более закрыто: вход сужен, как будто у прилепленного к скале земляного полушара срезана только верхушка. И, наконец, у рыжепоясничной ласточки (*Hirundo daurica*), также иногда гнездящейся на скалах (хотя в основном она строит гнезда в домах и сараях), вход не только сужен, но и вытянут в виде трубки, длиной иногда до 10-15 см. Гнёзда ее чаще крепятся не к вертикальной, а к горизонтальной поверхности потолков пещер или домов.

Наиболее оригинальные из лепных гнезд сооружают большие скалистые поползни (*Sitta tephronota*) – крупных размеров, колоссальной прочности, с украшениями. Облюбовав себе какую-нибудь выемку в скале (вот почему эти птицы особенно любят конгломераты, сплошь состоящие из выемок разного калибра), поползни лепят из глины как бы воронку, прикрепленную широкой стороной к скале. Входная трубка, как правило, короткая, не более 10-15 см. Стенки гнезда толстые, около 2 см, и чрезвычайно прочные: некоторые гнезда выдерживают вес человека. Как-то мне приходилось помогать Игорю Кривицкому отделять от скалы нежилое гнездо, которое он доставил в Музей природы нашего университета. На это ушло около часа работы зубилом и молотком.

Самое же замечательное в этих гнездах – это их наружное и внутреннее оформление. В наружную стенку всех найденных нами гнезд были влеплены бле-

стящие надкрылья жуков, особенно листоедов, бронзовок и нарывников, а также остатки красных клопиков и других насекомых. Украшениями нередко служат также перья птиц, которые поползень втыкает как в ещё влажные стенки гнезда, так и в расщелины скал вокруг него, иногда в нескольких метрах. Однажды в щель около гнезда была воткнута змеиная шкурка. Внутри гнезда выстланы шерстью грызунов, добытой из погадок сов и других хищных птиц, а поверх этой шерсти всегда есть пухлый слой пыли, источником которой служат те же погадки. Трудно представить, как и чем дышат птенцы в этой довольно тесной и темной камере. Зато в смысле защиты от врагов такое гнездо – настоящая крепость.

Однажды, не зная, есть ли кто в найденном нами гнезде, мы попробовали обследовать его внутренности сорванной мягкой травинкой. Тотчас послышалась возня, и сидевшая внутри самка закрыла вход плотной пробкой из выстилки гнезда! Чего-чего, а этого мы никак не ожидали! Решили пронаблюдать. Вскоре прилетел самец с кормом. Увидев пробку, уже выглядывавшую из летка, так как самка время от времени поправляла её изнутри, он долго ползал по поверхности гнезда и по скале вокруг него, не зная, куда девать принесенный корм, а затем отлетел метров на 15 и там раскричался. Отдать корм ему удалось только минут через десять, когда самка освободила вход.

Об удобстве гнезд поползней говорит уже то, что их занимают каждый год если не прежние хозяева, то новые. Не раз в них поселялись индийские и каменные воробьи.

Всего на скалах гнездится 28 видов птиц, вместе с обитающими на земле они составляют гораздо более половины всего летнего пернатого населения заповедника.

Гнезда, свитые на ветвях, имеют жесткий каркас из веточек, на нем покоится основной слой из мха, сухой травы и корешков; этот же слой формирует внутреннюю чашу гнезда – лоток, который выстилается более мягким материалом. Такова «принципиальная схема» гнезда птицы в кроне дерева. Ей соответствуют гнезда мелких соколков (чеглоков, пустельг), ястреба-перепелятника, дроздов (дерябы и черного), арчового дубоноса, зеленушки и других. У дроздов внутренняя поверхность чаши вымазывается землей, а лоток выстилается только сухими стеблями и листьями злаков, чаще всего типчака. Удивительно стандартна выстилка в гнездах арчовых дубоносов (*Mycerobas carnipes*) – исключительно полосы луба арчи. У зеленушек эти полоски составляют средний слой, поверх которого в лотке имеется довольно толстая перьевая выстилка. Каркас в гнёздах обоих видов делается всегда из веточек, чаще всего – жимолости.

Замечательные гнезда на ветвях арчи вьют красношапочные вьюрки (*Serinus pusillus*). На основании, состоящем из сухих стеблей трав, сплетается глубокая чашечка из тончайших, нитевидных полосок луба жимолости, которая чрезвычайно обильно выстилается пухом, занимающим чуть ли не половину лотка. Ещё аккуратнее сделанное почти из одного растительного пуха гнездо седоголового щегла (*Carduelis caniceps*). А буланые вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*) сооружают нечто вроде гибрида между гнездом горлицы и щегла: на жестком широком основании из торчащих во все стороны веточек и сухих стеблей сор-

няков покоится плотно свитая чашечка из травинок, изнутри как бы вытканная растительным пухом, образовавшим подобие войлочной выстилки.

Иногда довольно чётко различаются гнездовые постройки близких видов, относящихся к одному роду: например, арчовой (*Carpodacus rhodochlamys*) и обыкновенной (*Carpodacus erythrinus*) чечевиц. Первая гнездится только на арче и выстилает лоток шерстью и пухом, вторая предпочитает лиственные кустарники, даже внутри куста арчи чаще прикрепляет гнездо к стеблям жимолости и никогда не выстилает лоток шерстью. Или, скажем, четыре вида славок. Гнездо серой славки (*Sylvia communis*) легко узнается по обилию злаков в наружной стенке. Остальные наши славки сплетают наружный слой гнезда из луба жимолости, причем горная славка (*Sylvia althaea*) делает из него практически все гнездо, а певчая (*Sylvia hortensis*) и ястребиная (*Sylvia nisoria*) обязательно вплетают в наружный слой стебли с соцветиями душицы; между собой гнезда этих двух последних видов отличаются тем, что певчая никогда не выстилает лоток конским волосом, тогда как ястребиная делает это довольно часто.

Но бывает и так, что у птиц, относящихся к разным родам и даже семействам, гнезда оказываются практически не отличимыми. Так, очень трудно бывает отличить гнездо певчей славки от гнезда желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*). В некоторых случаях о сходстве гнезд свидетельствует поведение самих птиц. Я бы не сказал, что гнезда серой и райской мухоловок так уж похожи. Первая в наших условиях предпочитает размещать их на толстых горизонтальных ветках арчи или в пазухах толстых сучьев у самого ствола берез, вторая вьет гнездо на тоненькой свисающей веточке яблони или березы, да так, что конусовидное гнездышко прикрепляется к этой веточке всей своей боковой стороной. Казалось бы – что общего? Материал, правда, один – луб, тоненькие травинки, паутина. И вот как-то раз в каньоне реки Аксу я нашел типичное гнездышко райской мухоловки, в котором деловито, по-хозяйски, сидела на кладке серая мухоловка. В тот же день нашел и другое гнездышко райской мухоловки, занятое серой. Значит, чем-то они все-таки похожи, если один вид занимает постройку другого.

Как и на земле, на ветвях преобладают открытые, чашеобразные гнезда. Закрытых меньше. Прежде всего, это шалашики индийских пеночек (*Phylloscopus griseolus*), которые отличаются от гнезд настоящих пеночек не только своим расположением на ветвях (они, кстати, могут помещаться и на траве), но и крупной величиной, грубым материалом, а также обильной выстилкой из перьев. Очень характерны гнезда индийских и испанских воробьев (*Passer indicus, Passer hispaniolensis*) – громоздкие сооружения из свежего сена, имеющие форму вытянутого овала с входом в верхней части; гнезда индийских воробьев, в отличие от испанских, хорошо выстланы перьями.

Но наиболее замечательны закрытые гнезда на деревьях у ремезов. В заповеднике обитает черноголовый ремез (*Remiz coronatus*). Его типично ремезиные, напоминающие рукавичку гнезда, сотканные из растительного пуха, часто свисают на концах тоненьких веточек берез и ив над речками и ручьями заповедника. Сначала птицы сплетают корзинку, подвешенную к ветке посредине,

так что получается два входа. Потом один из них заплетается совсем, а второй выводится в виде трубки, направленной косо вниз. Гнездо, хоть и гораздо крупнее самой птички, весящей всего около 10 г, почти невесомо. Несколько раз мне приходилось видеть гнездо ремеза, сделанное не из тополиного или ивового пуха, как обычно, а из тонкой овечьей шерсти. Расположение его на тоненькой веточке над водой практически исключает проникновение врага, разве что какой-нибудь ястреб унесет само гнездо, что, вообще говоря, не исключено. Интересно, что раньше гнезда ремеза (по-казахски «куркултай») ценились в народе как лекарство. И сейчас еще иногда окуривают дымом от горящего гнезда вымя коровы с потрескавшимися дойками. По-видимому, это скорее ритуальные приемы, чем настоящее лечение.

Поскольку древовидная арча чаще всего имеет форму полукуста-полудерева, на ней с успехом устраивают свои гнезда многие кустарниковые птицы – такие, как славки, чечевицы, коноплянки. А вот дуплогнездникам не повезло, потому что дупел в арче практически нет. Очень прочная и смолистая древесина этого дерева не гниет, и сучья из него никогда не выпадают, а так и торчат, когда ветви обламываются. Дятлов же здесь нет. Вот и приходится синицам искать себе убежище вне арчовых стволов. Гнезда желтогрудых синиц (*Parus flavipectus*) находили мы под крышей лесной сторожки, в щели каменной кладки недостроенного дома, а Евгений Павлович Спангенберг в хребте Киргизский Алатау – в норках глинистых обрывов, причем он наблюдал, как синички сами рыли эти норки. В земляных норках и в трещинах скал гнездится и вторая синица заповедника – рыжешейная, или гималайская (*Parus rufonuchalis*). Как и у других синиц, жилища их представляют собой мягкую выстилку гнездовой камеры. То же они делают и в искусственных гнездовьях, выстилая их слоем шерсти вперемешку с полосками луба.

Гнезда воробьев и ласточек всем известны. Однако… Однажды у меня в сарае деревенские ласточки слепили не совсем обычное гнездо. То есть само оно было, как всегда, из комочков земли, но вот крепилось не к стенке, как положено, а к четырем свисающим с крыши верхушкам тростника. Вот на этих четырех гибких подвесах оно и раскачивалось, пока самка высиживала, а потом вдвоем с самцом выкармливала птенцов. На следующий год история повторилась, а на третий, когда гнездо было нечаянно разрушено, ласточки сделали новое, точно такое же. Виктор Васильевич Шевченко, которому я рассказал эту историю и показал фотографию гнезда, воскликнул: «Вернулась-таки!». И напомнил мне, что есть распространённое мнение, будто ласточки жили первоначально в тростниках по берегам водоемов…

Много вопросов возникает при виде такого разнообразия способов устройства гнезд птицами. Почему одни птицы гнездятся только так и не иначе, а другие – почти что как угодно? Например, арчовый дубонос (*Mycerobas carnipes*) и арчовая чечевица вьют гнезда только на арче (за пределами заповедника – также на елях), а бледная завирушка (*Prunella fulvescens*) – и на арче, и на лиственных кустарниках, и на земле, и на скале… Почему арчовому дубоносу (причем не одной особи, а всем!) для постройки гнезда достаточно веточек жимолости

и полос арчовой коры, а зеленая пеночка может возвести свой шалашик из одного мха, тогда как певчая славка (*Sylvia hortensis*) использует для этой цели не менее 46 видов растений? Почему белоголовый сип (*Gyps fulvus*) и бородач (*Gypaetus barbatus*) гнездятся на скалах, а черный гриф (*Aegypius monachus*), который гораздо более близкий родственник сипа, чем бородач, – только на деревьях? И т.д.

*****

Вот далеко не полный перечень тех орнитологических объектов и вопросов, которыми занимался я в горах. За 7 лет было найдено несколько сотен гнезд, проведены многочасовые наблюдения за гнездовой жизнью птиц и в итоге написана книга «Птицы Таласского Алатау» (Алма-Ата, 1966), ставшая впоследствии кандидатской диссертацией. Однако помимо птиц в горах нас окружали другие животные и в первую очередь – звери, многие из которых просто не могут оставить равнодушным любого человека, а биолога – тем более. Из них, конечно же, наиболее интересны копытные и крупные хищники. Вот о встречах с ними и пойдет дальнейший рассказ.

Архары (*Ovis ammon karelini*)

За годы работы в заповеднике мне не раз приходилось отвечать на вопрос: какое животное *главное* в заповеднике? Поскольку единственно правильное объяснение, что в заповеднике **всё главное**, как правило, не удовлетворяло спрашивающего, приходилось первым в ряду «главных» животных называть архара. Потому что этот великолепный дикий баран столь характерен для заповедника, что вполне мог бы служить его эмблемой.

Архары относятся к группе горных баранов, знаменитых своим колоссальным разнообразием весовых категорий: взрослые особи могут весить от 40 до 200 кг. Столь же велики различия в размерах рогов: длина их изменяется от 67 до 190 см, а объем у представителей крупных рас более чем в 12 раз больше, чем у мелких собратьев. Как говорят систематики, размах географической изменчивости у горных баранов не имеет себе равного среди млекопитающих. Поэтому многие специалисты вплоть до 40-х гг. XX ст. признавали несколько самостоятельных видов баранов, а крупнейший отечественный зоолог XIX ст. Николай Алексеевич Северцов разбивал баранов даже на два рода – муфлонов (7 видов) и собственно баранов, или аргали (5 видов). Позже специалисты сочли всех горных баранов одним родом, состоящим из двух видов – горный баран, или архар, и снежный баран, или чубук. Из 11 подвидов архара самый крупный – алтайский из группы аргали (высота самцов в холке до 125 см, длина рога также до 125 см), а самый мелкий – муфлон (высота самцов около 75 см, наибольшая длина рога также 75 см).

Обитающий в заповеднике архар относится к тянь-шаньскому подвиду, одному из наиболее крупных: высота самцов в холке – около 110 см, длина рога

достигает 129 см; вес самцов – до 170 кг, самок – до 100 кг. Архары этого подвида населяют Тянь-Шань на юг до Нарына и Ферганского хребта включительно, на север – до Чу-Илийских гор, на запад – до заповедника Аксу-Джабаглы.

В заповеднике архар водится только в северной его половине, не проникая южнее рек Аксу и Кши-Аксу. Причина проста: являясь настоящим горным животным, архар, тем не менее, избегает скал, предпочитая платообразные участки и пологие, сглаженные склоны. Поэтому мощные скальные обнажения правобережий рек Аксу, Кши-Аксу и Бугулутура – вполне серьезное препятствие к распространению архара в южную половину заповедника. Занимаемая архарами территория представляет собой сочетание различных типов высокогорного ландшафта, среди которых преобладают сравнительно пологие склоны и террасы, покрытые степной и луговой растительностью. Эти места богаты также осыпями и снежниками, дающими баранам приют в жаркое дневное время.

Обычно архары держатся стадами, чаще всего по 10-20 особей, реже – по 5-10 или по 2-5. Одиночки, а также крупные стада, в несколько десятков голов, встречаются редко, но мне несколько раз удавалось видеть такие скопления – около 100 архаров в одном стаде – на склонах верховьев Каскабулака выше 3500 м над уровнем моря.

Гон у архаров заповедника проходит в октябре – ноябре. Во второй половине апреля самки приносят по одному, очень редко – по два светлосерых ягненка весом около 4.5 кг. Первое время они очень слабые и лежат где-нибудь в укромном месте, но уже на 4-5-й день архаренок следует за матерью по крутым склонам и в случае опасности может бежать с большой скоростью и ловкостью. По знаку матери он прячется между камнями, плотно прижавшись к земле, и лежит совершенно неподвижно все время, пока мать отводит врага подальше. К зиме архаренок достигает около половины размера матери, хорошо ест различную траву, но еще пытается сосать. Растут архары, особенно самцы, несколько лет, продолжительность их жизни 10-12 лет, хотя, конечно, до этого возраста доживают единицы.

Во время окота архаров еще нередки снегопады и морозы, что в некоторые годы приводит к повышенной гибели молодняка. Такие случаи отмечались суровой весной 1969 г. В урочище Топшак егерь Иван Дмитриевич Косенко нашел мертвую самку архара и полузамерзшего ягненка. Егерь выходил его и назвал Буран. Малыш вырос и превратился в стройного белоногого красавца-самца, совсем ручного. Жил он полувольно на кордоне, ходил вместе с домашним скотом, а у людей стал всеобщим любимцем.

Большую часть года (около 10 месяцев) взрослые самцы ходят отдельно от самок, с которыми находятся ягнята – сеголетки и подростки обоего пола. Смешанные стада попадаются редко. По наблюдениям в заповеднике, весной и летом их всего 3.4%, а зимой – 9% всех встреченных стад, тогда как осенью, во время гона, смешанных стад 45%, причем в них находится около 70% поголовья архаров заповедника.

Каждое стадо в летнее время придерживается определенного района. Стада самок находятся в основном в верховьях рек Джабаглы, Топшак и Курусай, где

пастбища и дневные лёжки расположены близко одно от другого. Самцы встречаются повсюду на склонах левого берега реки Джабаглы, но больше всего их на горе Каскабулак.

«Распорядок дня» у архаров чётко меняется по сезонам года. Летом большую часть дня они проводят на осыпях или в тени скал в верхней части гор (выше 2500 м), где прохладнее и меньше слепней. Передними ногами они выбивают небольшие углубления и ложатся в них. Заметить лежащего архара очень трудно – он лишь немного возвышается над поверхностью склона, сливаясь с окружающим фоном. Часть архаров, главным образом самцы, поднимаются до снежников и день проводят на лежках вблизи снега.

Перед вечером, когда спадает жара, примерно с 17-18 ч, архары встают, быстро спускаются на ближайшее пастбище, и, медленно продвигаясь, пасутся. Утолив немного голод, они начинают передвигаться по пастбищу более оживленно и уходят дальше, поедая теперь не все подряд, а выискивая более вкусный корм – люцерну тянь-шаньскую, остролодочник таласский, астрагалы нескольких видов, козелец туркестанский, некоторые копеечники, а из злаков – джунгарский лисохвост и ежу сборную. Ночь проводят на пастбище или солонце, а с восходом солнца начинают подниматься к местам дневного отдыха, где и залегают около 9-10 часов утра.

По наблюдениям Н.Х. Кармышевой, архары в заповеднике поедают растения около 70 видов. Весной они предпочитают мятлики, эремурусы (Регеля и молочноцветковый), пырей. Летом в больших количествах поедают ежу сборную, таласский остролодочник, различные астрагалы, джунгарский нут и джунгарский лисохвост, люцерну тянь-шаньскую, туркестанский козелец и многое другое. Осенью чаще других в питании архаров попадаются типчак, живородящий мятлик, тонконог, осоки.

В теплое время года архары очень нуждаются в минеральном питании и регулярно посещают солонцы, которые сотрудники заповедника закладывают специально для них. Привязанность архаров к определенным солонцам очень велика. Были случаи, когда мы вынужденно изменяли расположение солонца, так как прежнее место узнали браконьеры. Но каждый раз архары еще долго и упорно приходили на старый солонец, хотя он был обильно полит креозотом и другими дурно пахнущими веществами.

Столь же привязаны архары к местам водопоев, что также нередко стоит им жизни.

Осенью по мере похолодания и сокращения продолжительности дня архары все меньше и меньше времени проводят на дневных лежках; к концу осени и зимой они уже пасутся целыми днями, без перерыва. Зимние ночи проводят там же, где кормятся.

К сожалению, на зиму в заповеднике остается лишь часть архаров, а остальные откочевывают к южным бесснежным склонам соседнего хребта Каратау, проходя по предгорьям и равнине путь длиной около 70-80 км. Это интересное явление установил Федор Дмитриевич Шапошников, специально изучавший в 1953-1955 гг. образ жизни населяющих заповедник архаров. Вот как он сам

описывает кочевку архаров в журнале «Природа» (1956, № 1): «Горные бараны, обитающие в летние месяцы в альпийском и субальпийском поясах Таласского Алатау, после образования снежного покрова на этих высотах в ноябре-декабре спускаются вниз и идут на зимовку в Каратау. Их осенний миграционный путь проходит по северным склонам Джабаглытау, далее на востоке пересекает долины небольших рек Аксая, Коксая и у перевала Куюк поворачивает на север – в Каратау. Здесь горные бараны пересекают железнодорожный путь над тоннелем. Осенняя миграция проходит дружно, в два-три дня.

Число мигрирующих горных баранов меняется из года в год. В малоснежные зимы их проходит меньше, в многоснежные – больше. Небольшая часть горных баранов остается зимовать на хребте Джабаглытау. На зимовке в Каратау популяция горных баранов, пришедших из Таласского Алатау, распределяется небольшими группами по северо-восточным бесснежным склонам, обращенным к Бийлюкульской впадине…

Весенняя миграция горных баранов из Каратау в Таласский Алатау начинается в конце апреля и заканчивается к середине мая, когда на северных склонах субальпийского пояса Таласского Алатау сходит снежный покров. Большая часть горных баранов идет через перевал Куюк, как и осенью. Небольшие группы, преимущественно самцы, переходят сначала на Боролдайский хребет, пересекают долину р. Арысь в районе пос. Высокое и затем поднимаются на Джабаглытау. Сопоставляя время миграций с периодом размножения, можно отметить, что начало и разгар гона у горных баранов таласской популяции, а также окот самок проходят в основном на территории Таласского Алатау».

Сколько же архаров обитает в заповеднике? Установить это не так-то просто – попробуйте пересчитать животных в горном районе со сложным, пересеченным рельефом… Ответить на такой вопрос взялся зоолог Павел Алексеевич Янушко. Ещё в 1937 г. он занялся разработкой методики количественного учета копытных животных и, прежде всего, архара в заповеднике. Несколько сезонов упорного труда дали свои результаты: был разработан простой и надежный в условиях Аксу-Джабаглы способ подсчета архаров и сибирских горных козлов в долине реки Джабаглы и ее притоков. Суть этой методики, которой зоологи заповедника пользуются с 1943 г., очень проста.

В конце лета или в начале осени (август-сентябрь), когда архары с подросшим молодняком уже собрались в довольно большие стада, но еще не начали спускаться с верховий в нижние части гор, все наблюдатели и научные сотрудники заповедника, не менее 12 человек, выезжают в долину реки Джабаглы. Здесь руководитель учета расставляет их на посты, показывая каждому сектор обзора. Обычно пост находится на одном из притоков реки Джабаглы, а сектор обзора охватывает верховья этого притока, причем секторы соседних учетчиков соприкасаются или перекрываются. Таким образом, одновременно 12 учетчиков просматривают весь район обитания архаров в заповеднике, что и является самой главной чертой этого метода П.А. Янушко.

Три дня ведется эта работа. Каждое утро учетчики, которые ночуют по троечетверо в палатках, выезжают верхом каждый на свой пост, прячут лошадей

в заросших арчой и жимолостью балках, а сами, пристроившись незаметно под скалой или в кусте арчи, в течение нескольких часов «обшаривают» в бинокли каждый склончик в своем секторе. Заметив животных, записывают в специальные карточки: время наблюдения, количество особей (в том числе, сколько самцов, самок и сеголетков), а также – откуда пришло стадо и куда ушло. Последнее очень важно, так как позволяет при обработке карточек легко найти стадо, побывавшее у нескольких учетчиков.

Наблюдения ведут все учетчики одновременно, по два раза в день: утром с рассвета до 10 ч, вечером с 16 ч до заката. Набирается, таким образом, 72 карточки за 6 зорь учета. При обработке *данные за каждую зорю* суммируются, при этом стадо, встреченное у нескольких учетчиков, считается только один раз. Максимальное количество архаров, учтенное за одну зорю, принимается за показатель их численности для данного района. Многолетний опыт применения этого метода в заповеднике показал, что 12 учетчиков могут получить весьма надежные результаты, если только правильно расставлены силы и не упущено время. Однажды, в сентябре 1960 г., мы провели учет с опозданием всего в несколько дней, когда часть архаров перешла уже на более низкие отроги Джабаглинских гор. Пришлось спустя неделю повторять учет в новом месте с добавлением маршрутных наблюдений на более низком хребте Джабаглытау.

Проведенные учеты показали, что на территории заповедника в позднелетнее-раннеосеннее время держится от 200 до 300 архаров. Раньше, в 1933-1935 гг., в заповеднике насчитывалось примерно 60-80 этих животных. К 1950 г. число их, как показывают результаты учетов, постепенно возрастало и достигло 670 голов. Но с 1952 г. на территории заповедника начались работы поисковых геологических партий. Примерно с того же времени в местах обитания архаров стали выпасать скот окрестные колхозы. Значительное количество скота, постоянное пребывание людей и наличие собак вынуждали архаров уходить в труднодоступные и более спокойные места за пределами заповедника – такие, как верховья реки Аксай и др. Вполне возможно, что увеличился отход архаров на зимовках и при миграции их через сравнительно густонаселенную Джувалинскую долину. Одним словом, уже в 1954 г. численность архаров в заповеднике упала до 288 голов и с тех пор так и держится. Минимальной она была в 1955 и 1961 гг. (по 202 особи), близкой к максимальной – в 1957 г. (286 архаров) и в 1960 г. (264).

Причина резкого повсеместного уменьшения численности, а местами и полного исчезновения архаров – так называемый антропогенный фактор. Еще Марко Поло, путешествуя по Памиру, нашел «бесчисленные множества диких баранов в одетых цветами и зеленью горных равнинах Бадахшана и Вахша». Николай Михайлович Пржевальский 100 лет назад наблюдал в Центральной Азии вблизи палаток местного населения стада «красивых животных, которые спокойно паслись по зеленому скату горы». Но, к сожалению, сегодня процесс исчезновения диких баранов наблюдается и в этих, столь удаленных от центров цивилизации местах. Считают даже, что современное распространение диких баранов преимущественно в зоне высокогорий – вторичное, развивающееся под действием антропогенного фактора. Наиболее примитивная форма выраже-

ния его – истребительная, она же и наиболее древняя, ей столько же лет, сколько человечеству. Но со временем гораздо большие масштабы приобрела вторая, косвенная форма – вытеснение стадами домашнего скота по мере развития животноводства. Она оказалась гибельнее, чем прямое уничтожение. «Нам кажется, что мы не допустим особого преувеличения, если скажем, что злейший враг дикого барана есть баран домашний». Так писал В.И. Цалкин в книге «Горные бараны Европы и Азии» (М., 1951).

Надо сказать, что помимо пищевой конкуренции домашние овцы опасны архарам еще и тем, что у них одни и те же паразиты и болезни. Особенно опасна чесотка, поражающая в первую очередь ноги около копыт и меховой покров, в том числе и на голове, что в зимнее время ведет к истощению и гибели животного. Вспышка чесотки архаров и козлов в 1967-1968 гг. стоила жизни не одной сотне этих животных.

В условиях заповедника обе формы антропогенного воздействия сведены к минимуму. Но все же не ликвидированы совсем. Прежде всего, большая часть архаров на зиму мигрирует за пределы заповедника. Весной же возвращаются назад далеко не все уходившие осенью животные. Назрела необходимость изыскать способы эффективной охраны архаров на зимовках в Каратау и в период миграции, для чего предварительно обследовать места зимовок и уточнить сроки и пути миграций. Без этих мероприятий заповедник так и останется местом *временного* убежища архаров и то в основном взрослых самцов, поскольку охрана самок и молодняка даже в летнее время недостаточна.…Яркий солнечный свет последних дней апреля щедро льется на крутые склоны и снежные вершины. Он слепит глаза архару, неподвижно застывшему на западном склоне, покрытом сухой прошлогодней травой и чахлыми кустами жимолости. Поодаль, уже по ту сторону гребня, мирно пасется стадо, голов пятьдесят. Вдруг передовой что-то учуял, его тонкий слух уловил какие-то необычные звуки, а изощренное обоняние – какие-то чужие запахи. Внезапно вскинувшись, рогач легким шагом поднялся на гребень. Послышался резкий стук копыт о камни, и вот уже все архары, гордо вскинув головы с красиво очерченными на фоне голубого неба завитками рогов, легким аллюром удаляются вдоль гребня. Вначале они еще держатся скученно, но уже через несколько секунд вытягиваются столь характерной для этих животных цепочкой и, постепенно замедляя бег, с достоинством и даже величаво поднимаются вверх по склону. Незабываемое зрелище!.

Сибирский горный козел (*Capra sibirica*)

Из-под моей ноги вывернулся и с шумом покатился вниз камень. «Осторожно! – предупредил меня Ваня Жируев, шедший впереди. – Осыпь в любой момент может сдвинуться. Прощупывай каждый камень ногой и палкой». И он показал мне, как это делать. Мы поднимались по крутому заснеженному северному склону ущелья. Внизу шумел ручей Кши-Каинды, очерченный тонкой линией кустарника и берез, а вверху, где-то за выступами камней, виднелся маленький домик Тризны – цель нашего путешествия.

Вот уже целый день бродили мы по ущелью реки Джабаглы в поисках маралов, несколько раз переходили реку, поднимались на склоны, но напрасно: кроме двух следов да трех кучек помета ничего так и не увидели. Видимо, не здесь следовало искать. Но где? Как будто угадывая мои мысли, Ваня остановился и указал палкой на противоположный, заросший арчой склон: «Марал там, я уверен». «Возможно – сказал я, переводя дух – но все равно сегодня уже не пойдем. Поздно, не успеем. Добраться бы до кордона, обогреться, высушиться». Ваня согласно кивнул головой. Несколько минут мы шли молча, слышно было только тяжелое дыхание да стук палок о камни.

Вдруг откуда-то сверху посыпались комья снега. В недоумении я некоторое время осматривал выступы торчащих надо мной камней, но так ничего и не увидел. Ваня на мой немой вопрос ответил коротко: «Козлы». И добавил: «Хочешь увидеть вблизи?» Ну, конечно же, я хотел! Вот уже почти три месяца, как я работаю в заповеднике, уже, можно сказать, считаю себя старожилом, а козла ближе двухсот метров еще не видел.

«Тогда пойдем медленнее и осторожнее. Чтобы ни один камень не вырвался из-под ноги!» – предупредил Ваня. Пошли, скрадываясь. И куда только усталость девалась?! Ноги сами стали находить нужный камень, дыхание уже больше не доставляло хлопот – все было подчинено одной мысли: «Только бы они не убежали раньше, чем мы подойдем вон к той арче!.». А короткий ноябрьский день быстро катился к концу. Солнце отмеряло на небосклоне шаги гораздо шире наших, и вот уже оно повисло на гребне хребта, что впереди нас. Так и хотелось крикнуть: «Подожди, не уходи еще хоть с полчаса!»… Вот и заветная арча. Как по команде, опускаемся на снег и сидим без движения. Потихоньку высовываемся из укрытия.

Первое, что я вижу, – стадо козлов метрах в 40 спускается со склона прямо на нас. Впереди идет старик, гораздо темнее остальных, с огромными закрученными рогами. Остальные идут за ним цепочкой. Зрелище настолько замечательное и для меня новое, что я невольно вскрикиваю. Козлы замирают, но уже через какое-то мгновение все стадо легким карьером обходит нас справа и скрывается за выступом скалы. И долго еще слышу я шуршание осыпающегося снега. Как в сказке про серебряное копытце… Мои мысли прерывает Ваня: «Ну как, видел?» Молча киваю головой. Ваня – старожил этих мест. Его отец уже второй десяток лет работает егерем в заповеднике. Живут, конечно, всей семьей на кордоне в горах. С детства привык Ваня к горам, к птицам и зверям, его не удивить стадом козлов. Но и он, вижу, доволен этой встречей…

Так состоялось мое «короткое» знакомство с горными козлами. Вечером в кордоне было много рассказов о встречах с козлами, самых неожиданных, интересных, захватывающих. А у меня следующая незабываемая встреча с ними состоялась только в июле следующего года.

Мы тогда стояли лагерем у озера Айнаколь. Название озера означает «зеркальное». И действительно, озерко это, в поперечнике всего 30-40 м, отличается на редкость прозрачной водой – на дне его видны даже мельчайшие камешки. Берега его, как и других подобных озерец в заповеднике, лишены древесно-ку-

старниковой растительности, и само озеро издали выглядит этаким блюдечком воды среди замечательного суходольного луга, высота травостоя которого доходит местами до пояса. Склон образует в том месте террасу шириной всего несколько десятков метров, а затем круто уходит вверх. Он покрыт стелющейся туркестанской арчой – довольно густым «лесом» высотой не более метра. Ветки арчи настолько прочны и так плотно переплетены между собой, что по верхушкам такого «леса» можно ходить, лишь изредка проваливаясь.

Немного выше стелющейся арчи, на открытом склоне, расположен искусственный солонец. Около 15 таких солонцов разбросано по территории заповедника в местах наибольшего скопления копытных животных – архаров, козлов, маралов, косуль. Все эти животные, питаясь летом сочным зелёным кормом, испытывают большую потребность в соли, а естественных солонцов в нашей местности практически нет. Вот и приходится специально закладывать такие солонцы, где бы животные могли получать необходимые для их организма натрий и хлор. Каждую весну на такой солонец завозят 100-150 кг соли, а затем в течение лета добавляют ещё – по мере поедания соли животными.

Уже не раз поглядывал я на этот солонец в надежде увидеть там архара или козла, но тщетно: вытоптанное среди травы черное земляное пятно с сиротливо валявшимися на нем крупными кусками соли оставалось пустым. Видимо, слишком близко стояла наша палатка, около которой постоянно паслись четыре лошади, а мы вчетвером целыми днями ходили по окрестностям. И все это на расстоянии каких-нибудь 300 м от солонца.

Но вот однажды погожим июльским вечером, когда мы возвращались с очередной экскурсии и уже подходили к лагерю, Ваня толкнул меня в бок: «Посмотри-ка на солонец!» Там были два козла, оба самцы. Один лежал, другой стоял около него и, наклонив голову, грыз соль. Как и когда они прошли незамеченными? Ведь весь склон выше солонца совершенно открыт.

Не теряя времени, мы бросили у палатки все лишнее и лощиной пробрались к стелющейся арче. Несколько минут, которые мы карабкались по арчевнику, казались мне вечностью. Но вот уже и крайний куст. Козлы от него на расстоянии не более 20 метров. Вот они, совсем близко, красавцы наших гор! Крутые ребристые рога, широкий лоб и крупные глаза навыкате – как будто безразличные ко всему, но в то же время чуткие, настороженные: такие не пропустят ни малейшего подозрительного предмета или движения. «Как же я мог оставить в палатке фотоаппарат?— ругал я себя мысленно.— Когда еще представится такая возможность».

А день тем временем догорал на наших глазах. Солнце, споткнувшись о край хребта, рассыпало свои золотые лучи по склонам, на траву легли длинные тени. Последний раз отразились солнечные блики в кусках соли и в ребристых рогах козлов. Потянуло свежим ветром с верховий. Тихонько, чтобы не напугать зверей, поднялись мы и, разминая отекшие ноги, направились к лагерю… Впоследствии мне много раз приходилось встречать козлов от двух-трех особей до стад в несколько десятков голов. Чаще всего встречались они на расстоянии 100-200 м, иногда ближе, иногда дальше.

Козлы распространены по всей территории заповедника – везде, где есть скалистые места. Зверь этот по своей природе очень любит скалы, к ним приспособлено все его тело, весь его образ жизни. В летнее время большую часть дня козлы лежат где-нибудь в тени скал, часто вблизи снега. Здесь они спасаются от жары и от надоедливых слепней, причиняющих животным немало беспокойства. Когда жара спадет, стада козлов поднимаются со своих дневных лежек и сначала медленно, а затем все быстрее спускаются на субальпийские луга, где жадно набрасываются на свежую зеленую траву. Утолив голод, звери направляются к солонцу, где зачастую остаются до темноты. Большую часть ночи козлы пасутся. Утро застает их обычно по пути к местам дневных лежек, которых они достигают около 9-10 ч утра. С наступлением осени время дневного отдыха сокращается, а зимой козлы проводят на пастбищах уже большую часть дня. Зимуют они, как правило, немного ниже мест их летнего обитания, но некоторые остаются и на зиму у самых вершин гор, где на крутых склонах снег сдувает сильными ветрами.…

Ясным морозным утром 31 января 1961 г. мы с лаборантом Толей Ивасенко начали подъем на заснеженный крутой склон вершины, разделяющей ущелья Кши- и Улькен-Каинды (между собой мы называли ее Уларья). Давно уже хотелось узнать, какие птицы зимуют на вершине этой горы, достигающей более 3000 м над уровнем моря.

Сначала путь наш проходил по высокоствольному, а потом – по стелющемуся арчевнику. Снегу везде было по пояс. Пришлось идти след в след, меняясь сначала через каждые 100 м, затем – через 50, 20 и даже 10 м. После нескольких часов упорного карабканья мы достигли края арчевника, где глубина снежного покрова не превышала полуметра. Идти стало легче, но ненадолго: поднялся сильный встречный ветер, буквально валивший с ног. Шли по системе: шаг вперед – три шага назад. Наконец, достигли 3000 м. Здесь уже скалы, под прикрытием которых идти гораздо легче, а на каменистых участках и снега поменьше. Стали попадаться и выдувы – голые плешины особо крутых скатов, где снег сдувает ветром.

За несколько часов пути – ничего живого, лишь на снегу и камнях несколько раз попался характерный помет дроздов-деряб (*Turdus viscivorus*) из остатков арчовых ягод. Это было тем более неожиданно, что даже летом дерябы в заповеднике на такую высоту не забираются. А вот, наконец, и знакомый трескучий крик дерябы развеял все сомнения.

Уже около самой вершины мы встретили козлов. На голом, свободном от снега щебенистом склоне лежали семь животных: три старых рогача, два самца поменьше и еще два – подростки-прошлогодки. Значит, не только старые самцы, как принято считать, зимуют на такой большой высоте! Козлы лежали, подобрав под себя передние ноги и как будто дремали, а поднявшийся ветер постепенно заносил их колючей холодной поземкой. Внезапно холодный порыв ветра буквально вынес из-за скалы беркута, и тот пулей пронесся мимо козлов и исчез за поземкой…

В декабре у козлов происходит гон, а во второй половине мая самка приносит одного, реже – двух козлят, которые, едва обсохнув, уже могут следовать

за матерью. Главными врагами козлов являются волк и барс, а на новорожденный молодняк могут нападать даже лисы и беркуты. Но наибольшую опасность представляет человек.

Пугливость козлов в значительной мере зависит от степени преследования их человеком в данной местности. Мне не раз приходилось неделями и даже месяцами жить в каком-нибудь месте среди козлов, и каждый раз я убеждался в том, что там, где этих зверей не преследуют, они довольно быстро привыкают к человеку и всему, что с ним связано, – палатке, костру, лошадям и пр. Самый яркий пример этому – следующий.

В июле 1961 г. мы втроем – я, Ваня и Абдулла – жили почти полмесяца на перевале Кши-Каинды, а точнее – в небольшом котлованчике на 50 м ниже самого перевала. Это около 3000 м над ур. м., как раз типичное место обитания козлов. И действительно, козлов здесь было много. Только первые два дня мы их никак не могли увидеть. Затем они стали встречаться поодиночке, по два-три. А однажды на рассвете мы услышали стук копыт совсем близко. Выглянув, увидели двух козлов всего в 20 м от палатки. Они грызли землю как раз в том месте, где вчера были привязаны наши лошади. В этом мы убедились, проверив место через полчаса, когда взошло солнце и животные ушли за перевал. К сожалению, соли у нас было мало, всего килограмма два. Сразу же на нее было наложено «вето» и, оставив себе самый минимум, а главное – лозунг «беречь каждую крупицу», всю остальную мы высыпали в двух местах – в 10 и 15 м от палатки.

На второе утро новоиспеченный солонец посетили уже 7 козлов, которые пробыли здесь почти до 9 ч. Мой фотоаппарат работал на полную нагрузку. Козлы уже не обращали ни малейшего внимания ни на палатку, ни на лошадей, вначале неприязненно отнесшихся к пришельцам. Вскоре и лошади перестали фыркать, храпеть и спокойно паслись, не обращая внимания на этих странных рогатых детей гор, которые почему-то вместо того, чтобы щипать травку, грызли землю. Почувствовав, что их не трогают, козлы совсем осмелели. В следующий раз они привели всю свою родню – целую общину в 17 голов. Здесь были и самцы, и самки, и безрогие козлята этого года, и красавец-рогач, приходившийся им, видимо, прадедом. Стадо это приходило ежедневно в 5 ч вечера, когда солнце было еще высоко. Увидев нас у палатки, козлы останавливались на гребне хребта в 100 м и терпеливо ждали, пока мы допьём чай и зальём костер. И стоило нам уйти в палатку, как все стадо бегом направлялось на солонец и принималось за трапезу.

Поедая солёную землю, вылизывая ее, козел становится на колени и в такой позе стоит до тех пор, пока его не сменит ожидающий собрат. Стадо все время в движении, ни одна особь не стоит на месте более минуты, так же как ни одной минуты не проходит без стука рогов об рога. Эти беззлобные ежеминутные потасовки очень характерны для стада, находящегося на солонце; они несколько напоминают детскую игру «передай дальше»: получив удар, пострадавший отскакивает и бодает первого попавшегося. Участвуют в этой игре и самцы, и самки. Только самые маленькие непричастны к игре родителей, да старый патриарх никогда не получает тумаков, хотя сам раздает их частенько…

Трапеза продолжалось, видимо, всю ночь, так как сквозь сон мы часто слышали стук рогов и топот копыт. Утром все наши гости неизменно оказывались на месте. Часть из них в это время отдыхала. Никакого специального сторожа, но время от времени кто-нибудь (чаще всего одна из старых самок) поднимал голову, настораживался и фыркал, призывая слишком расшалившихся собратьев к бдительности.

Целую неделю приходили козлы к нам в гости. Они приучили нас прятаться в палатку в 6 ч вечера и выходить из нее утром не раньше 9 ч. В это время хозяевами лагеря были козлы, и мы не раз слышали хруст наших сухарей на их твердых зубах. А один любопытный молодой самец даже попробовал лежащую под пологом палатки сырую картофелину, но так и не смог её разжевать.

Однажды мне надо было взять фотоштатив, забытый как раз недалеко от того места, где пировали козлы. Не желая пугать животных появлением из палатки, я решил прогнать их каким-нибудь звуком, чтобы не подорвать «доверие» к палатке. «Эй, вы, убирайтесь!»— сказал я вполголоса. Козлы подняли головы, прислушались. Через несколько секунд фыркнули и снова принялись за соль. Я произнес эти слова громче. Та же реакция. Тогда я запел. Козлы снова перестали есть соль и прослушали песню до конца. Но не изъявляли никакого желания бежать. Это нас развеселило. Вдвоем с Ваней мы начали петь песню за песней, исполняя их все громче и громче. «Из-за острова на стрежень» пели уже, как подвыпившие гуляки. Все это козлы выслушивали с терпеливым вниманием, но по окончании пения снова принимались за еду. Наконец, мне пришла в голову счастливая мысль – «завыть волком». Сначала это выходило плохо, и козлы с недоверием слушали странные звуки. Но вот в какой-то момент у меня получилось! Стадо сразу же отпрянуло от соли, и через несколько секунд только топот да скатывающиеся со склона камни свидетельствовали об их былом присутствии… Такими доверчивыми могут быть эти пугливые животные!…Горные козлы, или тау-теке, – одно из основных богатств заповедника. Поскольку распространены они по всей территории, и в первую очередь в самых недоступных местах, никто не знает точно, сколько их в заповеднике. По самым приблизительным подсчётам – не менее нескольких тысяч. Во всяком случае, в долине реки Джабаглы во время учета архаров мы насчитывали по нескольку сотен козлов. Не раз приходилось видеть осенью стада около 200 голов, но самое впечатляющее зрелище видел я в верховьях Джабаглы в августе 1963г.: 155 отборных самцов-рогачей паслись на каменистом склоне между скал, все как на подбор, лишь несколько особей выделялись по возрасту, рога их были чуть покороче, чем у остальных.

Снежный барс, или **ирбис (***Uncia uncia***)**

Это ближайший сосед горного козла на скалах. И не просто сосед, а гроза козлов, могущественный фактор естественного отбора, ежедневно приводящий в исполнение приговор над более слабыми и менее приспособленными. Характеристику барса, по наблюдениям в заповеднике Аксу-Джабаглы, дает

Л.М. Шульпин в «Материалах по млекопитающим и гадам Таласского Алатау» (Изв. АН СССР, 1948): «Собранные мной сведения рисуют весьма тесную зависимость в расселении ирбиса от наличия и миграций горного козла, являющегося основной пищей этого хищника… В летнее время, когда козлы пасутся преимущественно в альпийском и субальпийском поясах, ирбис чаще всего держится на этих же высотах, но со спуском козлов вниз ирбис тоже переселяется в ущелья и зимой далеко проникает в каньон Аксу, до урочища Каралма и ниже, вместе с зимующими здесь козлами».

Барс – крупная кошка с высоким густым мехом дымчатой буровато-серой окраски, испещренным черными или черно-бурыми кольцами. Длина туловища с головой около 130 см, хвоста – 90 см, вес старого самца достигает 40 кг. Распространен в горах Центральной и Средней Азии и Южной Сибири. Обычно живет летом на уровне снежной линии, между 3500 и 4000 м над ур. м., а в Гималаях – даже до 5500 м.

Для скалистых участков хребта Таласский Алатау снежные барсы не менее характерны, чем козлы. В 20-30-х гг. XX ст. А.П. Коровин и Л.М. Шульпин отмечали, что барс не так уж редок в заповеднике. Однако в последние годы численность этого замечательного зверя повсеместно резко сократилась, и сейчас он числится в списке животных, занесенных в Красную книгу Казахстана.

В 1960 г., когда я только начал работать в заповеднике, увидеть барса уже было очень нелегко. Тем горячее было это желание, не дававшее покоя при каждом выезде в скалистые участки высокогорья. Однако мне явно не везло, что видно из следующего.

Как-то в феврале 1961 г. с двумя приехавшими на зимние каникулы московскими студентами (это были Женя Матюшкин и Гера Кузнецов, оба впоследствии крупные териологи, а Матюшкин стал главным специалистом страны именно по крупным кошкам) мы выехали в урочище Кши-Каинды. За три дня ходьбы по заснеженным склонам мы вдоволь налюбовались козлами, косулями и зимующими здесь птицами, не видели только барса. Но стоило мне уехать, как в тот же день оставшиеся на сутки ребята встретили двух барсов и в деталях наблюдали их охоту на козлов, о чем вскоре напечатали заметку в журнале «Природа».

В июле того же года с постоянным спутником тех времен Абдуллой Аитовым забрался я на южные склоны Кши-Аксу в районе перевала Кши-Каинды. Высота – около 3100 м, вокруг скалы, осыпи, небольшие пятна снега, словом, вполне подходящее место для барса. И мечта увидеть его разгорелась с новой силой. С мыслями о барсе поднимался я по крутому склону между грядами скал. Вдруг впереди за скалами послышалось какое-то не то урчание, не то сопение. Услышал его и Абдулла. Не сговариваясь, мы кинулись вперед, насколько позволяло стесненное дыхание. Я уже не сомневался, что через несколько секунд увижу барса, а может, даже барса и медведя, сцепившихся в смертельной схватке. Вот и гребень склончика, на который мы с таким превеликим трудом взобрались. Каково же было мое изумление (и не скрою – разочарование), когда вместо барса мы увидели стадо диких кабанов, во весь опор мчавшихся от нас по склону: 5 взрослых и 12 малышей в мгновение ока преодолели 200 м травя-

нистого склона и снова оказались в скальнике. Глядя, как они почти по-козлиному пробираются узкими карнизами белых мраморных скал, я не мог поверить, что это те же увальни-кабаны, которых обычно встречаешь если не в тростниках, то уж во всяком случае в лесных зарослях, но никак не на отвесных скалах.

На какое-то время мы забыли даже о барсе. Но, как вскоре выяснилось, он о нас не забыл. Пока я предавался мыслям о странном поведении кабанов, Абдулла внимательно рассматривал небольшую площадку среди скал, покрытую ровным слоем крупного черного песка, образовавшегося при разрушении этих же скал. Площадка была как будто специально подготовлена кем-то для чтения следов. Только читать было нечего: кроме двух-трех отпечатков птичьих лапок ничего мы не увидели. Оставив на площадке и свои следы, мы пошли дальше. Каково же было наше удивление, когда на обратном пути, всего через полчаса, мы увидели поверх наших следов четкие, свежие отпечатки лап барса! Он явно прошёл здесь вслед за нами. Однако увидеть самого барса так и не удалось…

Летом того же года мы выехали группой в долину самой южной реки заповедника – Балдыбрек. Путь в верховья ее, где мы намеревались разбить лагерь, долог и утомителен. Лишь к вечеру добрались до брошенного поселка геологов, расположенного на высоте около 2500 м, среди роскошных прангосовых лугов гималайского типа (образованных замечательным зонтичным – *Prangos pabularia*) и скал, круто обрывающихся прямо в русло реки. Обнаружив, что нет нашего нового ботаника Севы Утехина, парня весьма рассеянного, к тому же не умеющего обращаться с лошадьми, я повернул своего Орлика назад. Опускающиеся сумерки заставляли торопиться. К счастью, за вторым поворотом ущелья встретился пропавший. Он вел коня в поводу и был сильно возбужден: размахивал руками, что-то кричал и делал мне какие-то знаки. Оказывается, он только что видел барса, который перешел дорогу всего в 30-40 м перед ним и не спеша удалился в скалы. Потрясенный Сева поминутно поправлял сползающие очки и твердил: «Какая киска!».

Нет, мне положительно не везло на барса! Описанные случаи не единственные. За семь лет работы в заповеднике я так и не видел барса, хотя не раз еще он был совсем рядом. То на учете архаров барс прошел по скале в каких-нибудь двухстах метрах от меня, а егерь, находившийся в полукилометре, видел его в бинокль и подавал мне какие-то знаки, смысл которых я так и не смог уловить. То, приехав в одно из сел, я узнаю, что буквально днями местные жители убили барса, который средь бела дня пытался утащить осла; зверь оказался старым, больным и беззубым…

Все меньше барсов в горах Тянь-Шаня. В Аксу-Джабаглы их остались, видимо, считанные пары. Полагают, что в долине реки Джабаглы, на протяжении 20-25 км, живет всего одна семья. Не намного выше численность и в других хребтах. Тем не менее, на территории соседней Киргизии этого редкого зверя ещё не так давно отлавливали, и в немалых количествах. По официальным данным (Млекопитающие Киргизии. Фрунзе, 1972, с. 378), только Пржевальской зообазой за 11 лет (с 1948 по 1959 г.) было отловлено 74 барса, а в 1965 и 1966 гг. в горах Киргизии в целях зооэкспорта поймано 17 барсов.

Не зря Красная книга Казахстана (1978) призывает: «Вместо отлова барсов для зооэкспорта необходимо наладить их разведение в зоопарках, где барсы давали бы потомство».

Медвежий рай

В Казахстане медведя называют почти нежно – «аю». Он населяет горные районы юго-востока республики, где обитает особый подвид – тянь-шаньский бурый медведь, называемый еще белокоготным (*Ursus arctos isabellinus*). Это сравнительно мелкая раса медведей, весом обычно «всего» 100-200 кг. Мех окрашен чаще всего в светло-бурые тона, но встречаются ярко-рыжие и даже черно-бурые медведи. Внешний вид типично медвежий: массивный и неуклюжий зверь с толстой короткой шеей и большой головой. На снегу и сырой земле хорошо заметны характерные следы медведя с отпечатками когтей и голых ступней. Но чаще всего о присутствии зверя приходится судить по крупным кучам весьма характерного помета, содержащего растительные остатки.

Считается, что медведь – хозяин тайги. А вот понятия «медведь» и «безлесные скалистые горы» как-то не сочетаются. Тем не менее, в заповеднике Аксу-Джабаглы, где нет настоящего леса (парковые насаждения древовидной арчи не в счет), медведь не только есть, но и обычен. Одно время даже с легкой руки журналистов в целом ряде газет появились корреспонденции, утверждавшие, что медведей в Аксу-Джабаглы столько же, как на Камчатке. Но по сведениям Красной книги Казахской ССР (1978), в Западном Тянь- Шане обитало около 100-120 медведей, из них более половины – на территории заповедника Аксу-Джабаглы. Это вовсе немало для такой небольшой площади.

Основными местами обитания медведя в заповеднике почему-то считают арчовые леса, хотя в них-то он встречается редко. Чаще его можно видеть в субальпийском или альпийском поясах, где он либо пасется на высокотравных лугах, либо бродит по открытым местам, либо отдыхает среди скал или стелющейся арчи. Кстати, первая моя встреча с медведем в сентябре 1959 г. произошла именно в такой обстановке: крупная медведица играла с двумя медвежатами на зеленом субальпийском лугу крутого северного склона верховий Кши-Каинды.

Наиболее активны медведи в ранние утренние и предвечерние часы, но в заповеднике мы часто встречали их и среди дня. Помню, как-то в жаркий июньский полдень мы почти час наблюдали, как медведь, сидя почти как человек, с увлечением объедал душистые желтые соцветия ферулы (*Ferula tenuisecta*). Съев их вокруг себя, он, не вставая, а лишь ерзая на заднице, перемещался на 2-3 м, садился и, наклоняя к себе передними лапами высокие стебли ферулы, с видимым удовольствием объедал их сладкие, богатые липким нектаром верхушки. Не раз приходилось видеть, как медведи подолгу переворачивали камни, выискивая на их нижней поверхности жирных бабочек-совок, которых в таких местах бывает множество.

Весной часто попадаются следы медвежьих раскопок цветущих тюльпанов Грейга, луковицами которого любят лакомиться звери в это время. Вообще

медведи заповедника в основном травоядны. Нурания Халиловна Кармышева, исследовавшая содержимое остатков большого количество помета и наблюдавшая медведей на кормежке в течение длительного времени, установила, что они поедают 51 вид растений, из которых более половины – травы. Весной, помимо тюльпанов, в кормах медведей преобладают утолщенные корневища ячменя луковичного, всходы эремуруса Регеля и луки – Дробова и Фетисова, а также цветы и листья одуванчика и ревеня Максимовича. Кстати, последний (*Rheum maximovitchi*) играет большую роль в освобождении кишечника медведя от так называемого «втулка», образовавшегося после долгой зимней спячки. В летнем питании обнаружены остатки более 25 видов, из них в наибольшем количестве поедаются надземные части ферул, зеленые перья лука краснеющего, соцветия и листья гречишников и др. Осенью преобладают плоды – яблони, трёх видов арчи, барбариса, шиповников и многих других ягодных кустарников (жимолостей, рябины, крушины, смородины).

При таком разнообразии меню никакие неурожаи той или иной породы медведю не страшны, лишь бы только не было перевыпаса или промышленного сбора плодов, чего в заповеднике и быть не должно. Лишь в исключительные годы медведи в Аксу-Джабаглы испытывают голод. Таким был 1948-й. Н.Х. Кармышева в одной из своих статей (Труды Института зоологии, 1963) пишет: «В тот год в заповеднике яблони совсем не плодоносили, недород был и на другие плодовые (боярышник, рябина, шиповник и др.)», из-за жары и большой сухости рано засохли травы в горах. В сентябре 1948 г. в 15 км от границ заповедника, на территории ж. д. разъезда № 115, был убит медведь. Неделю спустя другой медведь был убит на окраине с. Ванновки (районный центр Тюлькубасского района) в саду колхозника. В начале марта 1949 г. в 3 км от границы заповедника, в с. Новониколаевке, был убит третий медведь. При вскрытии его желудок и кишечник оказались пустыми» (Кармышева, 1963)..

Животные корма в питании тянь-шаньских медведей играют второстепенную роль. Мне не известно ни одного достоверного случая нападения медведя на крупное копытное, в частности домашнее. Не раз приходилось видеть разрытые медведем норы длиннохвостого сурка, однако большинство таких попыток безуспешны, так как добраться до самих сурков в столь каменистом грунте почти невозможно.

По отношению к человеку тянь-шаньского медведя можно назвать миролюбивым и даже трусливым. Обычно все случайные встречи в горах заканчиваются бегством животного. Сотрудники заповедника настолько привыкли к этому, что работают бок о бок с медведями без всякого оружия, зная, что зверь всегда уступит дорогу. Однако попадаются медведи, которые ведут себя не совсем обычно и заставляют человека пережить неприятные минуты. Несколько таких случаев было и в моей практике...

Однажды мы с Абдуллой шли по скалистому участку склона в альпийском поясе. Впереди, за крупной скалой, увидели медведя, направляющегося в нашу сторону. Нам предстояло пройти по единственной удобной козлиной тропке под скалой, туда же направлялся и медведь. Чтобы не сталкиваться нос к носу со зверем в узком месте, мы решили пугнуть его заранее, а чтобы не очень напу-

гать, я просто показался из-за скалы. Но это не произвело на медведя ни малейшего впечатления – он продолжал идти, как ни в чём не бывало. После тихого окрика он остановился, долго всматривался и нюхал воздух. Тут только я сообразил, что он просто не видит меня, и резко замахал руками. Медведь развернулся и затрусил вниз. Впоследствии я не раз убеждался в слабости их зрения.

Как-то, работая в районе перевала Кши-Каинды, я пошел пополудни понаблюдать за птицами. Экскурсия складывалась удачно: нашел гнездо горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*) с птенцами, затем – гнездо лесного конька (*Anthus trivialis*). Вскоре я услышал голоса темнобрюхих уларов (*Tetraogallus himalayensis*), кормившихся ниже меня по склону. Зная, что эти крупные куриные на кормежке обычно постепенно поднимаются пешком по склону, я решил покараулить их и понаблюдать за поведением, а если удастся – то и добыть для коллекции. Устроившись поудобнее в кусте стелющейся арчи на небольшой относительно пологой площадке среди крутого склона, я стал наблюдать за уларами. Они что-то не спешили подниматься наверх. Солнце уже начало клониться к горизонту, а птицы всё еще были где-то метрах в двухстах от меня.

Вдруг сверху, за спиной, послышался шорох, как будто чьи-то шаги. Так и есть – крупный медведь, не спеша, выходит на гребень, по которому я пробрался на эту удобную площадку. Тут только замечаю, что вокруг меня много сухого медвежьего помета. По-видимому, не раз он обозревал с этого удобного места окрестности. Досадуя, что не подумал об этом раньше, я решил дипломатично напомнить хозяину, что у него гость. Почтительно кашлянул. Медведь остановился, долго всматривался в меня с расстояния всего 50 м, но потом снова продолжил свой путь в мою сторону.

Расстояние между нами сокращалось. Вот-вот зверь выйдет на гребешок, и тогда я окажусь в ловушке, а обходить, карабкаясь, крутым склоном на виду у него мне не очень-то хотелось. Я привстал и кашлянул громче. Реакция – та же, только на сей раз косолапый дольше нюхал воздух вытянутыми в трубочку губами… Он был в каких-нибудь 5-6 м от гребня и всего метров 30 от меня. Солнце уже не катилось, а стремительно падало вниз по небосклону. Еще немного и оно скроется за зубчатой вершиной Кши-Каинды. И тогда… У меня даже мороз пошел по коже от перспективы остаться в темноте один на один с таким несговорчивым медведем. Выхода не оставалось, надо было идти навстречу.

Медленно, сжимая в руках приклад ружья, направился я в сторону медведя. То, что в руках ружье, мало утешало. Во-первых, оно заряжено дробью для мелких птичек и можно легко ранить и этим только рассердить зверя; во-вторых, мне совсем не хотелось стрелять ни в чем не повинное животное. Так лихорадочно думал я, приближаясь к медведю медленно и тихо, боясь вывести его из себя лишним движением. А он тем временем, увидев, наконец, меня, остановился, но вовсе не собирался уступать, а сел и, казалось, с любопытством рассматривал меня. Когда между нами осталось метров пятнадцать, медведь, не вставая, стал ерзать, спускаясь потихоньку с гребня и освобождая мне проход. Я, в свою очередь, непроизвольно стал забирать вправо, чтобы пройти как можно дальше от этого странного зверя. Прошел метрах в десяти и начал пятить-

ся, оставаясь лицом к медведю. Постепенно гребень стал скрывать меня. Тогда медведь вылез на него, чтобы лучше меня видеть. Кончился гребень, пошел крутой подъем, а я все ещё пятился, не сводя ружейного ствола с медведя. И лишь когда между нами стало не менее 100 м, я обернулся и что есть духу помчался прочь. Медведь же остался сидеть, глядя мне вслед.

Уже в палатке, выругав ни в чём не повинных мирно спавших Ивана и Абдуллу, я долго думал над странным поведением этого медведя. А почему, собственно говоря, странным? Просто он был дома и не хотел уступать свое любимое место пришельцу. Кстати, вёл он себя в высшей степени прилично, даже не пугнул каким-нибудь ложным выпадом. А я видел однажды, как может напугать так даже крошечный медвежонок.

После этого случая я потерял охоту заигрывать с медведями, а стал относиться к ним уважительно и серьезно, зная, что реакция зверя может быть самой различной в зависимости от конкретной обстановки. Ведь даже домашние животные ведут себя не всегда так, как мы предполагаем…

Правда, однажды я все-таки изменил этому правилу, когда с егерем Михаилом Алексеевичем Горбовым решил проверить, как близко можно подойти к спящему медведю. Трудно сказать, что здесь повлияло: то ли то, что медведь был не очень велик и совсем не страшный с виду, когда, устроившись на наших глазах на верхушке растрескавшейся скалки, по-настоящему уснул, прикрыв голову лапой; то ли то, что нас было всё-таки двое. Одним словом, потратив на съемку *спящего* медведя всю пленку, я отложил ставший ненужным фотоаппарат и с пустыми руками (ружей у нас не было) стал подходить к медведю вдвоем с дядей Мишей.

Мы находились уже метрах в семи от зверя, когда под ногой предательски стукнулся камень о камень. Медведь тотчас поднял голову и уставился на нас, а мы, не дыша, застыли в самых неудобных позах. Он снова закрыл голову лапой, но через секунду вдруг резко открыл, как бы испытывая нас. Потом нехотя развернулся, чтобы уйти. И в ту же секунду я услышал сзади голос: «Миша, куда ты!» Это не выдержал Михаил Алексеевич. Медведь рывком встал на задние лапы, одновременно развернувшись к нам, и так стоял несколько секунд – во весь рост, лицом к нам, раздувая ноздри и тихо урча. Затем опустился на четвереньки и моментально исчез за скалой. Никогда ни до, ни после этого случая мне не приходилось видеть медведя в такой позе, а запечатлеть это великолепие было нечем!… Но даже в этой непростой обстановке меня развеселило поведение дяди Миши Горбова, слывшего в селе непревзойденным вруном (так оно и было!). Он радовался, как ребенок, и все повторял: «Ну как же замечательно, что мы были вместе с вами! Ведь мне бы никто не поверил, расскажи я о таком случае!».

Лошади не боятся медведей. Сколько раз мы встречали косолапых, будучи верхом, но ни разу лошади не проявили при этом паники, не обращались в бегство и т.д. Лишь на близком расстоянии они храпят и пятятся, но не выходят при этом из повиновения.

Однажды мы наблюдали реакцию лошадей, пасшихся вдали от людей. Все три были привязаны в балочке в 100 м от лагеря. Находясь на склоне в полуки-

лометре, мы видели, как к этой балочке приближаются «попаски» медведица с пестуном. Подойдя к краю балочки первой, медведица увидела лошадей и тут же, развернувшись под прямым углом, галопом умчалась на крутой склон. Пестун, не поняв, в чем дело, подошел к тому месту, откуда убежала мать, тоже посмотрел на лошадей и только тогда бросился вдогонку медведице. Лошади же, бросив есть, стали, как вкопанные, распустили по ветру хвосты и, вытянув шеи, смотрели вслед медведям, пока те не скрылись с глаз.

Не было случая, чтобы медведь тронул палатку, в которой спят люди. Но пустую палатку однажды порвал. Мы оставили ее на три дня в урочище Кызольгенколь, как не раз делали, когда заканчивались продукты или по какой-либо другой причине надо было срочно спуститься в поселок (такие были времена!). Вернувшись к вечеру третьего дня, мы нашли нашу палатку изорванной, а бутылку со спиртом, запрятанную в карман палатки, разбитой о камни, которых было немало среди высокой травы рядом с палаткой. Курьезно, что в другом кармане была бутылка с медом, которую, возможно, и искал грабитель. Она осталась цела и невредима. Остатки палатки медведь сгреб в кучу и сверху оставил «визитную карточку» весом в несколько килограммов, в основном из непереваренных остатков стеблей ферулы и каких-то ягод. А рядом валялся брусок хозяйственного мыла с прекрасными отпечатками зубов медведя.…Колоритная фигура медведя – такое же украшение скал и склонов заповедника, как и козлы или архары. Хочется верить, что нынешнее пребывание этого замечательного зверя в списках Красной книги – явление временное, и что он ещё долго будет встречаться не только в заповедниках, но и в других местах тянь-шаньских гор.

*****

Вот так насыщенно и интересно проходили дни в горах. И каждый раз, когда у нас заканчивались продукты (много ли возьмешь с собой на лошади?) или срок самой поездки, которая каждый раз оформлялась приказом по заповеднику как командировка, то к радости возвращения домой всегда примешивалось и чувство сожаления – не хотелось покидать эти благословенные места даже на короткий срок. И однажды, в первый сезон, я получил хороший урок за самовольное продление срока нашей работы в горах.

Было это в верховьях реки Кши-Аксу, или Жусалы, как ее иногда называли местные. Дорога туда не близкая, причем надо было переваливать не столь высокий (2600 м), сколь неудобный из-за крутого подъема перевал Улькен-Каинды. Именно там, в нескольких километрах после спуска с перевала, в местах, посещаемых настолько редко, что старая конная тропа в нескольких местах сплошь заросла стелющейся арчой, мне и удалось найти те первые гнезда соловья-красношейки (*Luscinia pectoralis*), о которых я упоминал. Но ведь найти гнездо – это только начало работы, главное потом – провести около него наблюдения за жизнью этой семьи. А вот на это-то времени и не оставалось, поскольку срок нашей «командировки» уже заканчивался. И я обратился к своим спутникам с просьбой остаться еще на несколько дней, чтобы я мог успеть сделать хоть са-

мое необходимое. Оба – Иван и Абдулла – хоть и стремились поскорее к своим семьям, не стали возражать, а деловито подсчитали наши продукты и сказали, что дня 4 мы продержимся. Вместо закончившегося хлеба варили рис и макароны, чайную заварку также заменили «подручными средствами» из окружающих растений. Но вот когда на 3-й день вдруг закончилось курево, оба мои спутника молча стали собирать свои вещи…

Когда мы к концу 3-го после официального окончания «командировки» дня, усталые и голодные, вернулись в село, нас ожидала полнейшая обструкция со стороны жён. Моя просто плакала, а Роза и Мария закатили Абдулле и Ивану такие скандалы, что после этого мы закаялись опаздывать с гор. Оказывается, все они ходили к директору и требовали организовать поиски, и при этом Роза и Мария обвиняли Тамару в том, что ее муж как начальник виноват, и она должна нести ответственность за подобный проступок. После этого я всегда оформлял выезд на пару дней дольше, чтобы срок возвращения был гарантирован. А досрочный приезд всегда воспринимался совсем по-другому…

Среди всех тех людей, с которыми за период проживания в заповеднике свела меня судьба (а со многими – и подружила!), особое место занимает семейная пара, о которой в год моего приезда в селе вспоминали едва ли не каждый день. Еще бы: она прожила здесь 20 лет, а он 15! Речь идет о Нурании Халиловне Кармышевой и Викторе Васильевиче Шевченко, отдавших заповеднику значительную часть своей жизни и перебравшихся в Алма-Ату как раз в год моего приезда, в 1959 году.

Виктор Васильевич Шевченко (1913-1984)

Это имя я не раз слышал ещё в Харькове от Александра Сергеевича Лисецкого именно в связи с заповедником Аксу-Джабаглы. И провожая меня, он передавал большой привет ему, еще не зная, что Виктор Васильевич уже живет в Алма-Ате.

Виктор Васильевич Шевченко в 1936 году закончил кафедру зоологии позвоночных Харьковского университета, где застал таких корифеев как проф. В.В. Станчинский, но заканчивал университет уже у И.Б. Волчанецкого, у которого в 1936-1939 гг. прошел и аспирантуру, защитив в 1940 г. кандидатскую диссертацию на тему «Материалы к орнитофауне степного правобережья Украины» и опубликовав ряд статей – по чайкам Присивашья и птицам лесонасаждений юга Украины. Был оставлен при кафедре для преподавательской работы, где его и застала война, сломавшая всю его дальнейшую жизнь. Эвакуироваться он не смог и приказом оккупационных властей был назначен деканом родного факультета! Занятия в университете так и не начались, так как молодежь пряталась, не без основания боясь быть отправленной на работы в Германию, но пятно «пособника» осталось за *В.В.* надолго. После освобождения Харькова 23 августа 1943 г. он был репрессирован, лишен учёной степени и звания и сослан в Казахстан – в заповедник Аксу-Джабаглы. Можно только представить себе, какие чувства он испытывал к этому месту (а я, ничего не зная об этой предыстории, всё удивлялся, почему рассказы мои о заповеднике не доставляли ему

радости!). И только Реджинальд Полосухин, зоолог заповедника, открыл мне секрет, рассказав, как он передавал привет от *В.В.* своему учителю по Горьковскому университету проф. Е.М. Воронцову – бывшему сокурснику *В.В.* – и какую неожиданно резкую отповедь получил: фронтовик Воронцов и слышать не захотел о своем бывшем однокурснике… Если уж бывшие однокашники поверили в его виновность, то как же тяжело было жить с таким незаслуженным пятном – до самой середины 50-х гг., когда Виктор Васильевич был реабилитирован! За его честь вступился светлой памяти ректор Харьковского университета академик И.Н. Буланкин, поручился бывший однокурсник, полковой комиссар М.П. Воловик, лишившийся ноги на фронте…

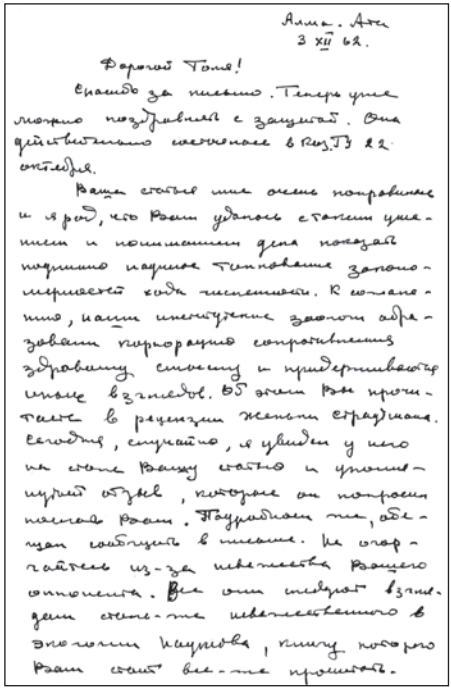
Как ни трудно было, но в заповеднике Виктор Васильевич начал с приведения в порядок коллекции и составления первого списка птиц, который опубликовал в 1948 г. (имевшиеся у И.А. Долгушина рукописные материалы погибшего в партизанском отряде в 1942 году Л.М. Шульпина были ему недоступны – видимо все по той же причине недоверия фронтовика). Супруга Виктора Васильевича Тамара Трофимовна Борисенко там же в заповеднике работала энтомологом, успешно занимаясь фауной слепней. И здесь Виктора Васильевича подстерегал второй удар, совершенно неожиданный. Не вынеся известия об измене *В.В.* с Кармышевой, Тамара Трофимовна, как рассказывал мне потом Абдулла, в один день собрала вещи и уехала на Украину, не оставив даже адреса.

Видимо, боль была очень острой и глубокой, потому что вскоре после этого Виктор Васильевич бросил птиц и взялся за продолжение тематики жены – как убежденно говорил Абдулла, именно в память о любимой жене. Так он стал энтомологом. В 1956 г. он публикует определитель слепней Казахстана, а в 1961 г. – крупную монографию «Слепни Казахстана», по которой в 1962 г. защищает докторскую диссертацию.

В свой первый приезд в Алма-Ату в сентябре 1959 г. я не мог не посетить Виктора Васильевича, к которому у меня была масса орнитологических вопросов и приветов из Харькова. Жили они тогда с Нуранией Халиловной на улице Мира 164, кв. 8, чуть ниже проспекта Абая. И с ними жила мама Виктора Васильевича Любовь Ивановна (незадолго до этого Виктор Васильевич похоронил в Харькове отца и перевез в Алма-Ату маму). Эта милейшая старушка встретила меня (а впоследствии – нас с Игорем) как родного: не знала где посадить и чем угостить дорогих земляков и всё расспрашивала про Харьков, как там сейчас Миша Воловик, как другие преподаватели университета, которых она знала… С тех пор я всегда приходил в этот дом, как свой, а Виктор Васильевич относился к нам с Игорем, как к сыновьям. Мягкость и доброта этого человека не знали границ. Как бы ни был он занят (что хорошо было видно по бумагам на письменном столе), он всегда от души радовался приходу гостей, а беседы с ним приносили не только знания, но и простое удовольствие от человеческого общения. Когда у меня родилась дочь, он, как настоящий дедушка, рассматривал ее фотографии и в каждом письме передавал привет «девчёнышу». Видно было, как не хватает ему общения с детьми, внуками. Но детей им с Нуранией Бог так и не дал. В этой семье двух докторов (ботаника и зоолога) процветал культ науки.

Первые свои рукописи (пробу пера) я неизменно посылал в три адреса: прежнему учителю И.Б. Волчанецкому, современному руководителю И.А. Долгушину и Виктору Васильевичу Шевченко, а полученные отзывы сравнивал и использовал все замечания. От Виктора Васильевича чаще приходили похвалы, но и дельные замечания и пожелания были не редкость. Особенно поддержал он меня, когда я «оступился» и, как выразился Эдик Гаврилов, взялся не за свое дело: написал статью о динамике численности мышевидных грызунов в заповеднике Аксу-Джабаглы по данным ежегодных многолетних количественных учетов их весной и осенью. Увлекшись идеями Д. Лэка и обнаружив четырехлетние пики численности грызунов, не отражающие хода погодных условий, я позволил себе выразить предположение о преобладающей роли *внутренних* факторов и об автоматическом регулировании численности. Послав ее в Институт зоологии с надеждой, что ее напечатают в Трудах этого института, я в ответ получил разгромную рецензию, в которой меня обвиняли в преклонении перед иностранными теориями, незнании биологии наших животных, еще в чём-то, за что ещё совсем недавно можно было загреметь в места не столь отдаленные. Мой учитель Игорь Александрович Долгушин посмеялся и сказал: «Плюнь ты на это дело и забудь».

А Виктор Васильевич прислал подробное письмо, в котором были следующие строки: «Ваша статья мне очень понравилась и я рад, что вам удалось с таким умением и пониманием дела показать подлинно научное толкование закономерного хода численности. К сожалению, наши институтские зоологи образовали корпорацию сопротивления здравому смыслу и придерживаются иных взглядов. Об этом Вы прочитаете в рецензии Женьки Страутмана. Сегодня случайно я увидел у него на столе Вашу статью и упомянутый отзыв, который он попросил послать Вам. Подробности же обещал послать в письме. Не огорчайтесь из-за невежества вашего оппонента. Все они следуют взглядам столь же невежественного в экологии Наумова, книгу которого Вам стоит все же пролистать. Тем не менее, лучше вычеркнуть из рукописи места, где говорится об «автоматическом регулировании» численности. Это необходимо, поскольку сборник, так или иначе, будут редактировать наши институтские зоологи, а от них никуда не денешься.


Алма-Ата
3 XII 62.

Дорогой Толя!

Спасибо за письмо. Теперь уже можно поздравлять с защитой. Она действительно состоялась в Вильнюсе 22 октября.

Ваша статья мне очень понравилась и я рад, что Вам удалось с таким умением и пониманием дела показать подлинно научное толкование закономерного хода численности. К сожалению, наши институтские зоологи образовали корпорацию сопротивления здравому смыслу и придерживаются иных взглядов. Об этом Вы прочитаете в рецензии Женьки Страутмана. Сегодня, случайно, я увидел у него на столе Вашу статью и упомянутый отзыв, которые он попросил послать Вам. Подробности же обещал послать в письме. Не огорчайтесь из-за невежества вашего оппонента. Все они следуют взглядам столь же невежественного в экологии Наумова, книгу которого Вам стоит все-же пролистать.

Рис. 8. Письмо В.В. Шевченко от 3 декабря 1962 г.

На мой же взгляд, принцип Элтона и Ваша интерпретация этих явлений у *A. sylvaticus* безусловно правильны и вполне материалистичны. В противном случае мы становимся на путь отрицания объективных закономерностей и искусственно подтасовываем факты. Мне остается сделать лишь замечание относительно заглавия. Слова «динамика численности» в смысле движения того или иного количественного показателя употреблять не логично. Об этом прочитайте в статье покойного В.Н. Беклемишева «Термины и понятия, необходимые при количественном изучении популяций эктопаразитов и нидиколов». Зоол. журнал, 1961, том XL, вып. 2. Я бы Вашу статью озаглавил: «О колебаниях численности мышевидных грызунов в заповеднике Аксу-Джабаглы» (письмо от 3 декабря 1962 г.).

Вот так подробно, не жалея времени, растолковал он мне, чем сильно поддержал. К сожалению, я не сделал того, что он советовал, статью печатать не стал, а под улюлюканье собратьев-орнитологов просто забросил рукопись, подарив её через несколько лет В.А. Обидиной, готовившей диссертацию по мышевидным грызунам заповедника…

Первое алматинское 10-летие Виктор Васильевич работал в Институте зоологии, ряд лет заведовал лабораторией паразитических членистоногих, а в 1969 г. перешел на кафедру зоологии в Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова (ныне КазНУ им. Аль-Фараби), которой заведовал до 1975 г., после чего остался профессором этой кафедры. Здесь в полной мере проявился его талант не только ученого, но и великолепного преподавателя, чья эрудиция вместе с его добротой и внимательностью к людям снискали ему всеобщее уважение. И когда мы чествовали его в этом университете в день 70-летия, он в ответ с полным правом сказал старинную фразу: «Я сделал все, что мог. Кто сможет лучше – пусть пробует».

Память об этом добром человеке до сих пор жива среди всех, кто знал его достаточно близко.

Нурания Халиловна Кармышева (1913-1985)

Если Борис Петрович Тризна посвятил заповеднику последние 10 лет своей жизни, то эта женщина отдала ему самые ценные 20 лет, сразу же после окончания университета. Родилась Нурания Халиловна в 1913 г. в городе Кульдже (северо-западный Китай). Отец служил бухгалтером у богатого купца на кожевенном заводе и часто выезжал по его поручениям за границу. В одну из таких поездок в СССР в 1923 году он не вернулся, и семья (жена и 5 детей) воссоединилась только в 1926 г. До 1932 г. жили в Москве, где отец работал в советских учреждениях. Здесь Нурания закончила школу и пошла работать на книжную фабрику – сначала подчитчицей, а потом корректором. В 1932 г. вся семья переехала в Андижан, а в 1934 г. Нурания поступила на биофак Среднеазиатского университета им. Ленина (САГУ), который закончила в 1939 г. и по распределению была направлена работать в заповедник Аксу-Джабаглы. За 20 лет работы в заповеднике не раз становилась заместителем директора по научной части, а однажды длительное время была директором заповедника. В 1955 г. *Н.Х.* защитила кандидатскую диссертацию на тему «Арчевники Аксу-Джабаглинского заповедника и их типология», в 1975 г. – докторскую. Опубликовала около 50

научных статей и две монографии: «Флора и растительность заповедника Аксу-Джабаглы» (1973) и «Флора и растительность западных отрогов Таласского Алатау» (1982). После заповедника до самого ухода на пенсию работала в отделе (лаборатории) высших растений института ботаники АН Казахстана.

В заповеднике и самом селе Новониколаевка Нурания Халиловна пользовалась большим авторитетом. В первые годы мне часто приходилось слышать: «Нурания Халиловна сказала…», «Нурания Халиловна считает… » – как будто она ещё жила в селе. Очень много о её работе в заповеднике рассказывал Абдулла Аитов, который приходился ей двоюродным братом и попал сюда на работу по её протекции. Да и сама Нурания Халиловна так строила маршруты своих экспедиционных поездок, что появлялась в родном заповеднике чуть ли не каждый год. Надо было видеть, как встречали её в селе – женщины шли к ней, как к какому-то высокому начальству (даже если без дела, то просто засвидетельствовать свое почтение и пригласить в гости). И она никогда не отказывалась, считая своим святым долгом проведать всех, а многим привозила хоть какие-то подарки-сувениры. Сейчас не помню подробностей, но нередко она улаживала какие-то межсемейные конфликты, примиряла молодых или взрослых детей с родителями и т.д.

Но особенно большой фурор производило появление в селе ее отца, которого все мусульмане села почитали как великого муллу и шли, чтобы поклониться и поцеловать полы его одежды. По словам Абдуллы, дядя Халил Кармышев действительно был очень высокообразованным верующим человеком, прекрасно знал Коран и имел непререкаемый авторитет чуть ли не везде в пределах Южного Казахстана. Его слово как мирского судьи всегда было последним и обсуждению не подлежало. Помню, как у местного продавца-казаха в Новониколаевке обнаружили большую недостачу, и ему грозило уголовное наказание. Пригласили старого Кармышева, он собрал всех аксакалов и сказал, что делу этому нельзя давать ход, надо собрать в селе эти деньги у всех правоверных и внести в кассу. Так и сделали, хотя многие приносили деньги со скрипом. Однако никто не стал возражать или высказывать недовольство таким решением. Абдулла рассказывал, как он, старый Кармышев, принял в свою семью Виктора Васильевича, когда они поженились с Нуранией Халиловной. Чтобы не было лишних кривотолков и нареканий, он убедил своего будущего зятя отвечать всем, что он принял мусульманство, и даже на вопрос относительно обрезания также отвечал утвердительно. Это мудрое решение сразу сняло напряжение в обществе, и никто не решился судачить об этом браке.

Нурания Халиловна, обладавшая твердым, волевым характером, сразу же взяла опеку над своим мягким и нерешительным мужем, а он безропотно сносил ее указания. И лишь иногда позволял себе выразить слабый протест. Об одном таком комическом случае рассказывал мне Абдулла. Хозяйственная Нурания купила как-то улей с пчелами в этом же селе, но достаточно далеко от их дома (того самого, в котором впоследствии жил я). Она несколько раз просила Виктора Васильевича принести этот улей, но он, занятый своими делами, пропускал эти просьбы мимо ушей. После очередного напоминания, которое было

высказано уже в более решительной форме, он уступил и, вопреки своему желанию, отправился выполнять его. Спустя некоторое время глазам Нурании (и других жителей села!) предстала такая картина: посередине широкой и прямой новониколаевской улицы медленно идет её немалого роста муж и катит впереди себя подошвой ноги улей, как футбольный мяч… Больше подобного рода поручения не повторялись.

В городской квартире Нурания Халиловна также была хозяйкой и очень оберегала рабочий покой Виктора Васильевича. В иных случаях, видя, как он сильно занят, она могла прозрачно намекнуть гостю, что пора уходить. Лучше всего о её характере говорило то, как при ее появлении прерывала беседы с нами Любовь Ивановна и спешила уйти в свою комнату, чтобы не мешать. Но как хозяйка Нурания была очень хлебосольной, хорошо готовила и любила угощать, только всегда следила, чтобы «Витя не выпил лишнего», хорошо зная за ним такой грешок. А он всё пытался нас с Игорем угостить…

Для меня Нурания Халиловна была как живая история заповедника – такой кладезь знаний, которым я постоянно пользовался даже после того, как раскопал архив заповедника. Конечно, она не застала Бориса Петровича Тризну и Леонида Михайловича Шульпина, но зато со всеми остальными заповедными фигурами, начиная с Масальского и Линчевского, была лично знакома и многое могла рассказать. Беседы на эти темы были у нас как в ее городской квартире в Алма-Ате, так и при каждом ее приезде в заповедник, а приезжала она почти ежегодно – все ее экспедиции планировались так, чтобы можно было хоть на день-два завернуть в родной заповедник. Например, летом 1961 г., запланировав экспедицию в хребет Каржантау, она даже арендовала в заповеднике его единственную (!) автомашину, и мой друг Петро Хвостиков целый месяц возил их по горам, а закончилась экспедиция в Ташкенте, где Нурания Халиловна присутствовала на юбилее своего учителя профессора САГУ Евгения Петровича Коровина.

Особенно увлекали меня рассказы Нурании Халиловны о регулярных объездах территории заповедника, о чем она впоследствии поведала в своем очерке о наблюдателях заповедника (Кармышева, 1976). Раз в год группа из лучших наблюдателей и научных сотрудников совершала полный объезд территории заповедника по периметру его границ, но не по подножьям, а по высокогорным тропам, где проходила южная граница заповедника. На такой объезд быстрым маршем уходило 11-12 дней, а если при этом проводились необходимые научные наблюдения – то и до 30 дней. Вот как пишет об этом Нурания Халиловна в упомянутом очерке: «После трехкратного объезда заповедника под предводительством Тузельбая-аки, проводившегося чаще по разным дорогам, я имела уже достаточно полное представление о флоре и растительном покрове его и собрала интересный в видовом отношении гербарий. К тому времени я настолько освоилась с заповедником, что могла быть проводником экспедиций» (Кармышева, 1976, с.36).

Вот эти-то знания Нурании Халиловны и не давали мне покоя – очень хотелось использовать их для возрождения старой традиции и объехать, наконец, всю южную часть заповедника, где давно уже не ступала нога сотрудника запо-

ведника. И старые работники заповедника, в том числе такие опытные наблюдатели, как Евтихий Иванович Устименко, Темирали Бурыбаев или Василий Матвеевич Жируев, в один голос говорили, что провести по этому маршруту может только Нурания Халиловна. И она, уступив моим просьбам, дала согласие. Поскольку такой объезд возможен только в конце лета, когда откроются все перевалы, мы наметили его на конец июля – начало августа 1962 г.

В июле 1962 г. Нурания Халиловна приехала в заповедник с двумя спутницами – ботаником Машей Васягиной и работницей Центрального музея Катей Авериной, а также лаборантом-почвоведом Алексеем Иксановым. Поселились у меня (это ведь дом Нурании) и здесь, в Новониколаевке, началась подготовка к экспедиции, которая должна была начаться с самого южного кордона – Дарбаза. Чтобы не утомлять лошадей перед трудной и дальней дорогой, их перегнали в Дарбазу налегке, а нас доставил туда всё на той же единственной автомашине заповедника Петро Хвостиков. Еще в Новониколаевке, где гости провели несколько дней, я обратил внимание, как строга Нурания Халиловна со своими молодыми спутницами, оберегая их от «дурного глаза» и буквально укладывая пораньше спать. Но разве можно удержать молодежь? Каждый вечер под тем или иным предлогом они вместе с моей женой убегали куда-нибудь в гости, а однажды даже забрались в наш яблоневый сад за яблоками, которых можно было нарвать и днем.

В Дарбазе мы встретились с приехавшими в экспедицию в Каржантау Евгением Иоганновичем Страутманом, Вадимом Ивановичем Капитоновым и подростком Аликом – сыном Аркадия Александровича Слудского. Вадим, работавший в Казахстане всего второй год и занимавшийся сурком Мензбира, узнав, что наш путь лежит через ледник Шунгульдук, где мы будем работать несколько дней, решил присоединиться к нам, что и сделал при помощи дарбазинского наблюдателя Ратта.

Стоянка в Шунгульдуке (около 3000 м) была необходима не только для сбора гербария, но и для проверки и подгонки перед дальним походом всей амуниции. Так, например, оказалось, что некоторые лошади плохо подкованы, и часть из них уже потеряли подковы. Пришлось перековывать их прямо в лагере, и здесь большую помощь оказал нам Алеша Иксанов, владевший этим ремеслом (мое же участие заключалось лишь в том, чтобы держать ногу лошади). Сам процесс оказался очень интересным и занял всю вторую половину дня – после утренней экскурсии зоологов и ботаников.

На второй день, накануне начала основного маршрута экспедиции, погода стала портиться – появились черные тучи, упало давление. В горах, да еще на такой высоте, – это обычное дело, поэтому никто из нас не придал этому значения. Однако ночью Нурании Халиловне стало плохо с сердцем, и утром мы вынуждены были сворачивать лагерь и в спешном порядке спускать ее вниз, на кордон. Это значило, что надо сворачивать и всю нашу экспедицию – куда мы могли двигаться без проводника? Было очень обидно бросать уже начатое живое дело, и я, скрепя сердце, подошел к Нурании Халиловне и попросил ее нарисовать нам маршрут, по которому мы собирались пройти. Даже не весь мар-

шрут (это невозможно), а хотя бы первую часть его – до реки Майдантал, куда я так мечтал попасть. Перед этим я заручился согласием наблюдателя из Аксу Альжана Есалиева, на которого всегда можно было положиться, и сказал Нурании Халиловне, что мы с Альжаном попробуем проехать хотя бы в Майдантал. Видно было, как ей не хотелось нас отпускать. Одним из доводов было то, что на перевал Корумтор придется подниматься по леднику, где тропа вообще не видна, и ещё не известно – в каком он состоянии в этом году. Дело чуть было не испортил наблюдатель Ратт, сказавший, что в прошлом году целая группа из Чимкентского облисполкома пыталась проехать в Майдантал по этой тропе, чтобы осмотреть, какие там имеются пастбища, но не смогла именно из-за этого ледника, где кто-то сорвался вместе с лошадью… Надо отдать должное Нурании: она не стала слушать паникующего Ратта и нарисовала нам планчик, дав необходимые инструкции Альжану.

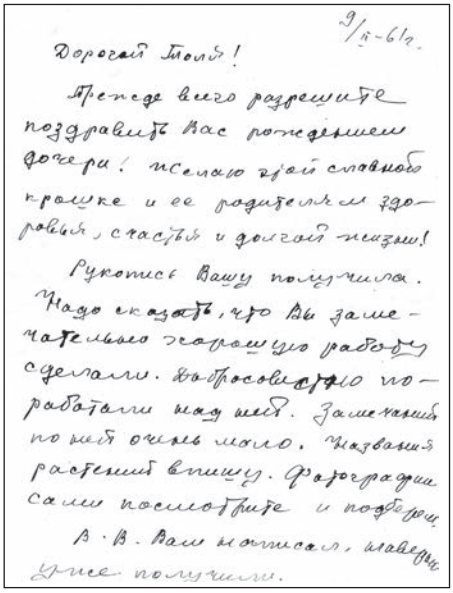
И с этим мы расстались: большая группа всадников начала спускаться вниз, к Дарбазе, а мы с Альжаном направились в Майдантал. Когда по леднику, который оказался не таким уж страшным, к вечеру мы взобрались на перевал Кумтор, то вместе с открывшейся на юге захватывающей дух панорамой горных хребтов мы увидели целых пять отар овец и столько же юрт, около которых дымились очаги и бегали дети. На смену досаде, что эта заповедная территория так интенсивно используется, пришла вдруг мысль об уютном ночлеге. Но Альжан, с которым я поделился этой мыслью, сказал: «Ни в коем случае!!! Это киргизы, для которых угнать лошадь – доблесть. Так что, если не хочешь остаться без лошади, надо ехать до Майдантала, чтобы ночь провести подальше от юрт». И, проезжая без остановки мимо юрт, мы на вопросы хозяев отвечали, что мы геологи и торопимся к своим. «А, золотари» – понимающе говорили чабаны, и слово это врезалось в мою память. Только через два часа, уже совсем на закате, достигли мы Майдантала. Меня поразила ширина этой мощной реки, в несколько раз превосходившей нашу Аксу. И здесь везде были отары. Так что ночь нам пришлось провести у костра, карауля наших коней…

Больше мы с Нуранией Халиловной не предпринимали попыток объезда территории заповедника. Но осенью 1963 г. в Ташкенте, в разговоре с Борисом Михайловичем Петровым, работавшим в то время зоологом в соседнем Чаткальском заповеднике, мы снова вернулись к этой идее, но в расширенном плане – объехать оба наши заповедника вместе (объезд своего он уже один раз делал). Обсуждали это и далее в переписке, и даже в письме от 1 марта 1964 г. он писал мне: «Приехать к вам предполагаю на 1 мая или в июне, второе – вероятнее». Однако приехать не получилось, а вскоре он вернулся домой, в Югославию, так что осуществить наши с ним планы так и не удалось…

Очень активно, с большим энтузиазмом отнеслась Нурания Халиловна к моей идее издания второго (после 1948 года!) выпуска Трудов заповедника, а также к рукописи первого Путеводителя по заповеднику. Сохранившаяся у меня обширная переписка (более 20 писем Нурании Халиловны) рисует яркую картину, как она пыталась пробить брешь в тогдашней системе запретов, когда каждое издание должно было получить одобрение высших органов влас-

ти – вплоть до ЦК компартии. И ей удалось многое сделать на уровне Главка по заповедникам и издательства «Кайнар», куда она не раз обращалась по этим вопросам, за что я ей безмерно благодарен. Еще более благодарен за все те замечания и дополнения к Путеводителю, что она сделала, подробно объяснив все в письмах. Не менее активно включилась она и работу по отбору рукописей для второго выпуска трудов. Так, в письме от 9 февраля 1963 г. она пишет мне: «Вчера получила письмо из Ташкента, от Ученого секретаря биофака САГУ Анны Даниловны Пятаевой. Она пишет, что из заповедника получили письмо с просьбой прислать список работ, которые были опубликованы на основании исследований в районе заповедника (такие письма я разослал во многие учреждения – *АК*). Пишет, что список готовится и что в него будут входить и дипломные работы, хранящиеся в фундаментальной библиотеке… Я тоже действую. Получила список работ и ряд фотографий от Культиасова-младшего, от старшего пока ответа нет. Подготовить все это пожилому человеку не так просто. Я просила его указать маршруты…». Подобных мест в ее письмах этого периода много.

Еще с большим энтузиазмом отнеслась она через два года к нашей идее об увековечении памяти Бориса Петровича Тризны. Вот что она пишет об этом в письме от 15 июля 1965 г.: «Очень рада была получить от Вас письмо да с такими дельными, хорошими сообщениями. Надо сказать, что идея Ваша и Павла Степановича об издании «биографии» заповедника и перевоза праха Бориса Петровича Тризны в заповедник прекрасна. Последняя особенно понравилась мне. Это же благородное дело! У меня есть фотокарточка Б.П. Тризны, правда нельзя сказать, чтобы удачная. Думаю, что у Романа Николаевича Мекленбурцева есть фотографии с лучшими изображениями Тризны. Возможно, *Р.Н.* знает дочь Тризны и знает ее адрес (она живет в Москве). У неё наверняка есть карточки отца. Мои старания найти фото Александра Петровича Масальского не увенчались успехом. Возможно, его фото найдется у Ивасенко Степана (отчество забыла) или у Устименко Евтихия Ивановича? В каком месте захоронить прах Б.П. Тризны? Здесь следует учесть далеко вперёд возможные, непредвиденные обстоятельства. Место, где стоит домик Тризны, подвержено оползням. Там, возможно, есть пустоты в земле. Когда на коне спускаешься к домику, в каком-то месте под копытом слышится глухой гул пустоты. Дарбаза очень мало посещаема. Мне кажется, что в список подходящих мест стоит включить правую сторону каньона Аксу (Борис Петрович велел себя похоронить около Кзыл-Жалау, чтобы издали «смотреть» на любимые им горы), а также первую площадку на подъеме от озера Кзылжар в сторону Кши-Каинды. В общем, я и *В.В.* поддерживаем Ваши начиная и постараемся быть Вашими помощниками»…


9/II-61 г.

Дорогой Толя!

Прежде всего разрешите поздравить Вас рождением дочери! Желаю этой славной крошке и ее родителям здоровья, счастья и долгой жизни!

Рукопись Вашу получила. Надо сказать, что Вы замечательно хорошую работу сделали. Добросовестно поработали над ней. Замечаний по ней очень мало. Названия растений впишу. Фотографии сами посмотрите и подберем.

В.В. Вам написал, наверное уже получили.

Рис. 9. Письмо Н.Х. Кармышевой, 9.02.1961 г.

Многое можно было бы вспомнить о Нурании Халиловне. Например, о том, как в первый год моей работы она, увидев меня скачущим галопом по центральной улице Новониколаевки, не преминула пожурить за это. Ровным, каким-то менторским тоном она сказала: «Анатолий Федорович, это неприлично – скакать на лошади в селе. И вообще лошади для того, чтобы на них ездить, а не скакать». И мне это запомнилось.

Как ни удивительно, но и у этой сильной, волевой и даже властной женщины были свои слабости. Главная из них – она панически боялась грозы. Когда я впервые увидел её реакцию на гром и молнию, когда мы были вместе в поле (она изменилась в лице и стала молиться), то не смог удержать улыбки. А она сказала: «Вы просто не знаете ещё, какие страшные они бывают, наши грозы». Эти ее слова я вспомнил, когда впервые в жизни сам испугался грозы. Как-то в середине жаркого июля, поднимаясь из каньона Аксу в верхней его части (район Таяксалды), я обратил внимание на то, что с запада в каньон буквально вползла черная туча и постепенно заполнила его весь. Скорость её движения была очень большой: не успел я ускорить шаг, чтобы поскорее выбраться из каньона, как она была уже рядом и вскоре накрыла меня. Дневной свет исчез, и эту кромешную тьму в разных направлениях прорезали молнии и гремел гром. Ничего подобного я в своей жизни не видел ни до, ни после. И тут, испытав животный страх, я вспомнил Нуранию Халиловну и понял, что она имела в виду.

И последнее, что я не могу не вспомнить, – как помогла мне Нурания Халиловна уже в 1967 г., при переезде из заповедника в Алма-Ату. Приехав в город в январе, я долго не мог найти жильё для семьи, которая до весны оставалась в заповеднике. Узнав об этом, Нурания Халиловна предложила купить квартиру *в рассрочку* у неё, вернее, у её сестры Джамалии Халиловны, на которую квартира была оформлена. А поскольку этот каркасно-камышитовый дом по адресу Курмангазы 24, кв. 2 (всего 4 квартиры на двух этажах с входами с соседних дворов) уже был предназначен на слом и продавать его было нельзя, Нурания Халиловна лишь ей известными путями получила всё-таки разрешение и в результате я оказался счастливым обладателем половины второго этажа, на которой благополучно прожил еще три года, когда домик наш снесли, а мы получили квартиру в большом новом доме, построенном на этом же месте. Вот уже более 40 лет живём мы в этом доме и добрым словом поминаем Нуранию Халиловну Кармышеву.

Научный отдел заповедника и его обитатели

Научный отдел заповедника, заведовать которым назначили меня вскоре по приезде, состоял из двух зоологов, одного ботаника, лаборанта и препаратора. Так как Виктор Васильевич и Нурания Халиловна уехали всего несколько месяцев назад, места их были свободны. В уютном финском домике работали три сотрудника – зоолог Реджинальд Викторович Полосухин, лаборант Абдулла Аитов, о котором я уже не раз упоминал, и препаратор Николай Алексеевич Янушко, младший брат зоолога Павла Алексеевича Янушко, работавшего в заповеднике в 1939-1943 гг. Именно Янушко-старший разработал методику учета

копытных, которой мы пользовались, он же предпринял неудавшуюся попытку переселения в северную часть заповедника эндемика Западного Тянь-Шаня – сурка Мензбира. В 50-х гг. он уже работал где-то на Кавказе.

Реджинальд Викторович Полосухин, выпускник Горьковского (ныне – Нижний Новгород) университета, специализировавшийся в Alma mater по гельминтологии, здесь, в заповеднике, занимался изучением экологии… медведя! Это о нём рассказывали нам еще в Харькове Наташа Литвиненко и Николай Яковлевич Ружинский, побывавшие в Аксу-Джабаглы летом 1958 г. По их словам, там работает интересный парень, который пьёт водку и собирает сухой помет медведя. И всё благодаря А.А. Слудскому, обратившему его насильно в териолога. При встрече это оказался невысокий парень моего возраста (чуть постарше), говоривший скороговоркой и очень смешливый. Узнав, что я женат, он тут же пригласил нас с женой вечером в гости – для знакомства. Жил он тут же, на центральном дворе, в полуподвальчике деревенской избы, рядом была комнатка уборщицы Ульяны. Когда вечером мы с женой в полном «вечернем туалете» пришли в первые званые гости, то глазам предстала такая картина: хозяин в майке брился безопасной бритвой, глядя в осколок зеркала, воткнутый острым концом в круглую буханку чёрного хлеба! Кстати, больше ничего, кроме этой буханки, на столе не было. Впечатление было очень сильное.

При ближайшем знакомстве Реджик, как его звали в селе, оказался очень неглупым парнем из хорошей семьи (отец – полковник), к тому же довольно веселым, с хорошим, компанейским характером. Извечный русский порок – слабость к спиртному – привел к тому, что необходимость заниматься нелюбимым и неинтересным ему делом он заливал водкой. Как рассказывал Абдулла, Реджик набирал полный курджун бутылок, занимал у Евгения Алексеевича его собаку Санча и отбывал на полевые, где время от времени собирал сухой медвежий помет – пока не заканчивалась водка. Вот тогда приходилось застёгивать палатку, брать Санча и спускаться в село за «провизией». Первый раз он даже попробовал застегнуть в палатке Санча (чтобы охранял!), но тот вскоре порвал палатку и убежал, догнав Реджика на полпути к селу. Эта рваная палатка-серебрянка по наследству досталась мне. Именно Реджинальд проводил учет копытных в сентябре 1959 г. – первый в моей жизни. Он же объяснил мне всю методику учета. Он же в ту поездку показал мне первого медведя (медведицу с медвежонком) в верховьях Кши-Каинды, а когда мы возвращались в сумерках, признался, что у него куриная слепота и он после захода солнца ничего не видит. Заметив, как я испугался, он рассмеялся и сказал: «Ничего страшного – я просто отпускаю повод, и мой Мальчик сам найдет дорогу»…

Проработали вместе с ним мы всего два месяца. Однажды, в канун октябрьских праздников, он пришел ко мне возбужденный и сказал, что у него появилась реальная возможность изменить свою жизнь – приглашают в аспирантуру во Владивосток. От меня требуется помощь: взять на себя составление Летописи природы за этот год. Он понимает, что я ничего не знаю о том, как это делать, но он готов все меня показать и объяснить за оставшиеся до отъезда два или три дня. Пришлось соврать директору, что я готов делать Летопись природы за 1959

год (помог мне Абдулла). Больше я Реджика не видел. Лишь пару месяцев спустя Наташа Литвиненко написала из Владивостока, что встретила его в одном из кафе совершенно трезвого…

Николай Алексеевич Янушко, работавший в заповеднике уже почти 20 лет, очень неплохо делал чучела. Медведь его работы украшал деревенский вестибюль конторы заповедника и на каждого нового посетителя производил неизгладимое впечатление. В зимнее время его частенько использовали для просушки мокрых тулупов после поездок в районный центр за зарплатой; сколько ни ругалось начальство, истребить эту многолетнюю привычку наших сотрудников никак не удавалось. Характер у Николая Алексеевича был мягкий, покладистый, но с ехидцей. Он любил рассказывать всякие истории, особенно о том, как служил в армии на территории Ирана и сколько кабанов там перестрелял. Насмешливый Иван Жируев часто провоцировал его вопросом: «Так сколько ты кабанов убил в Иране?», на что Николай неизменно серьезно отвечал своим немного шепелявым голосом: «Трли тысячи, не меньше». Вскоре он переехал в Чимкент и на его место я попросил взять Ивана Жируева, который, работая наблюдателем на кордоне Талдыбулак, проявлял большой интерес к работе научников. Так Ваня влился в нашу научную группу и в течение двух сезонов вместе с Абдуллой был моим постоянным спутником в горах. Он свободно владел казахским языком и любил пошутить. Когда в горах с противоположного склона какой-нибудь чабан кричал, задавая дежурный вопрос: «Насвай барма? Темеке барма?», Ваня отвечал ему так же громко и без акцента: «Жок! Бір каска татар бар» (нет, один лысый татарин есть – намек на лысого Абдуллу).

Четвертым в научном отделе стал я, а на место второго зоолога после отъезда Реджинальда Полосухина Е.А. Ганюшин определил мою жену Тамару – гидробиолога по специальности. Год проработала она в этой должности, утвердила себе тему по гидрофауне горных потоков, проштудировала Жадина и Бродского, ездила на стажировку в Ташкент и Алма-Ату и один полевой сезон 1960 года честно проработала на территории бассейна р. Джабаглы. Ей даже дали самую мягкую в ходу лошадь – белую в яблоках кобылу-иноходца по имени Чайка. Однако в январе 1961 г. родилась дочь Виктория, и Тамаре пришлось уйти в школу, где помимо биологии она чего только ни преподавала…

На место ботаника, долго пустовавшее, Нурания Халиловна нашла в Алма-Ате выпускника МГУ **Всеволода Донатовича Утехина**, неудачно распределившегося в распоряжение Центральной комплексной экспедиции Казахстана, которой тогда командовал человек с запоминающейся фамилией – Моргайлик. Как рассказал мне сам **Сева**, там к нему первоначально отнеслись хорошо, но после того, как он потерял спальный мешок, сжёг палатку, поломал и потерял еще что-то, стали относиться хуже… Эта рассеянность настоящего учёного преследовала Севу всю жизнь, в том числе и у нас, в заповеднике. Довольно высокий, сутуловатый и близорукий, он носил очки и внешне был этаким типичным Паганелем. О «подвигах» его за два неполных года работы в заповеднике накопилось столько легенд, что уже трудно было понять – где правда, а где вымысел. Но то, что привязанная им лошадь обязательно уходила – это было правилом.

А потеря записных книжек и карандашей случалась так часто, что он стал привязывать их прочным шпагатом. Однажды я был свидетелем просто трагического события – в конце сезона Сева утерял толстую записную книжку, в которую заносил *тысячи* измерений растений, подсчётов цветов и плодов. Весь сезон пошел насмарку. Благодаря Севе я, по природе тоже рассеянный, научился после каждого привала проверять – все ли у меня на месте – бинокль, записная книжка, карандаш, светофильтр, крышка от фотоаппарата…

И при всём при том это был прекрасный ботаник, специалист высокого класса. Это он научил меня узнавать самые распространенные, фоновые растения, по крайней мере, родовые названия которых я помню до сих пор. Он занимался реферированием научных статей в «Реферативный журнал Биология», причем реферировал не только с английского или немецкого, но при необходимости – с испанского, чешского, польского. Вообще способности к языкам у него были необыкновенные. Он изучил узбекский язык – чтобы читать Навои в подлиннике. А в Новониколаевке усиленно изучал казахский язык. Он и сам писал стихи, но никому их не показывал. Лишь одно стихотворение он мне прочитал. И называлось оно «**Excelsior**» (К вершине!) – лирически-философское произведение:

На склонах погасли тюльпаны.
Звенят водопады в скалах.
Под простыней тумана
Долины дремлют устало.

Теплы садов закоулки.
Душиста вечера млечность.
Но там, где ущелья гулки,
Вершины глядят в бесконечность.

Сады цветут для влюбленных.
Туман серебрится скромно
Но в синеве отдалённой
Вершины белы и бездомны.

В тумане белеют дувалы.
Неспешно движутся люди.
Туманная ночь сказала:
Живи, что будет, то будет.

Но мысль, против воли пришедшая,
Оставить в покое не хочет:
Как страшно и сумасшедше
Одному на вершине ночью!

И вот уже сон мне снится,
Как в отрочестве тревожном:
Погоня за синей птицей.
Победа над невозможным.

И вот ледяных кристаллов
В крови я чувствую жженье,
Конец мучений Тантала,
Чудо Преображенья!.

Но рядом арык болтает.
Пахнет из сада сладко,
И наважденье тает
В молочной мгле без остатка

Свои на земле заботы.
Живущим внизу – до гор ли!
И только жалко чего-то,
Какая-то горечь в горле.

А в синеве отдаленной
Молчат вершин изваяния.
О блеск ледяного трона,
О пики в лунном сиянии!

Они сверкают сурово,
За ними – простор широкий.
Там наше бессильно слово.
Оттуда нисходят пророки…

*****

Помню, каким возбужденным вернулся Сева из поездки в Ильменьский заповедник (ездил на какое-то совещание) – там он познакомился с В.Н. Тимофеевым-Ресовским! Он постоянно вспоминал о нём и все повторял: «Какой интересный дядечка!». Несмотря на значительную разницу характеров и привычек, мы с Севой довольно быстро подружились – как и Игорь Кривицкий с его однокурсником Борей Абатуровым в Кургальджино. Там поначалу тоже не всё шло гладко, но крепкая дружба сохранилась на десятилетия, а мы с Борисом Даниловичем, который теперь крупный московский зоолог и эколог, с тех са-

мых пор время от времени обмениваемся письмами, хотя встретились только 20 лет спустя – в 1984 г. в Кара-Кале (юго-западный Туркменистан), на совещании по заповедникам.

После первого своего отпуска Сева привез из Москвы жену Свету, такую же, как он – росленькую, светленькую и тоже в очках. А из второго отпуска весной 1962 г. он уже не вернулся, так как Света родила ему двух сыновей – Борю и Митю – и родители Севы, Донат Николаевич и Кира Михайловна, вполне резонно не рискнули отдать их в неопытные руки молодых родителей. Пришлось Севе увольняться, хотя заповедник он полюбил всей душой и просто плакал, покидая его.

В Москве после заповедника он работал в Институте географии АН СССР, защитил там кандидатскую, за которую ему на защите прочили докторскую степень, имел немало аспирантов из числа иностранцев – и вообще Всеволод Донатович Утехин оставил в науке большой след. Как-то осенью 1979 г. я прожил у него в московской квартире несколько дней. Сева был нарасхват – то он спешил на встречу с каким-то аспирантом-вьетнамцем, то на какое-то совещание. Его рабочий кабинет по вечерам был в моем полном распоряжении, и я обратил внимание на то, что везде, где только можно, были прикреплены написанные его рукой записки – что и в какой день надо сделать, с пометками «срочно»; таких записок были десятки. Значит, он все-таки нашёл вот такой способ бороться со своей извечной рассеянностью, победил её. К сожалению, он рано погиб – в 1986 г., в год своего 50-летия, – не выдержало сердце…

Заповедник снова остался без ботаника, отсутствие которого стало ощущаться довольно остро – хотя бы для постоянного ведения Летописи природы. Мои поиски долго не давали результатов. Воспользовавшись командировкой во Львов на конференцию (а после неё – поездкой в Ленинград), я искал ботаника в трех университетах – Львовском, Ленинградском и Харьковском. Нашел только в последнем и помог мне все тот же Сака. Он вспомнил, что на кафедре высших растений есть студентка, просто «помешанная на растениях», и она уже на последнем курсе. По моей просьбе он устроил мне встречу с ней у себя на кафедре. Первые же полчаса нашей беседы подтвердили слова Саки о том, что девушка просто бредит ботаникой: она с горящими глазами расспрашивала меня о заповеднике, его ландшафтах, растениях. А я в ответ говорил ей о наших трудностях: о том, что у нас нет электричества и радио, что нет водопровода и пьём воду из арыка, что нет медицинской помощи, а зимой снег переметает дороги, особенно в глубоких саях (балках) и мы отрезаны от внешнего мира, несмотря на то, что до райцентра всего 18 км. Стойко выдержав все мои запугивания, девушка записала все контакты, необходимые для связи с заповедным Главком в Алма-Ате, и сказала, что приложит все усилия, чтобы попасть в этот заповедник. А в июле следующего 1963 года, когда мы с семьей оказались в Харькове, она уже была готова и, взяв билет на тот же поезд, приехала в одном купе вместе с нами.

Так в заповеднике появился новый ботаник – **Анна Андреевна Иващенко**, ныне – ведущий флорист Казахстана. Она проработала в заповеднике 22 года

и лишь в 1985 г. перебралась в Институт ботаники в Алма-Ату, побив таким образом рекорд своей научной руководительницы – Нурании Халиловны Кармышевой. Уже через неделю после приезда она приняла первое «боевое крещение», поднявшись со мной на вершину Каскабулака, где стойко перенесла все трудности, хотя совсем не выносила яркого и жгучего южного солнца, от которого начинала болеть голова. Три сезона проработали мы вместе в горах и за это время Галя (это особенности украинского имени: Галя – Ганна – Анна; так звали и мою маму) стала не только хорошим знатоком флоры Западного Тянь-Шаня, но и пристрастилась к другой науке – орнитологии, поскольку ей удавалось легко находить гнезда птиц. Так и повелось с тех пор, что она и ботаник, и орнитолог. Кроме того, большую помощь оказывала она мне, определяя растительные остатки, входящие в состав материала птичьих гнезд; на эту тему у нас имеются совместные публикации, как и о природе заповедника в целом (Иващенко, Ковшарь, 1969, 1972; Ковшарь, Иващенко,1982).

В последние 25 лет Анна Андреевна совместно с Олегом Беляловым выпустила ряд научно-популярных книг и альбомов о растениях Казахстана: «Аксу-Джабаглы» (1988), «Растительный мир Казахстана» (2004), «Сокровища растительного мира Казахстана» (2005), «Заповедники и национальные парки Казахстана» (2006) и др.

В том же 1962 году обновился и технический состав научного отдела заповедника: на смену Николаю Янушко и Ивану Жируеву на должности лаборантов пришли **Вера Степановна Веремеенко** и **Толя Ивасенко**. Вера Степановна прослужила верой и правдой несколько лет, оказывая нам неоценимую помощь не только в оформлении отчётов и Летописи природы, но и в поле, куда она до этого никогда не выезжала, так как работала в селе завклубом. А вот Толя Ивасенко, пришедший 17-летним парнем, и в горах поражавший меня абсолютным отсутствием боязни высоты, отработал лишь один полевой сезон и пал жертвой первой волны наркотиков, только появившихся на юге Казахстана. Накануне своего ухода в армию он не только выпил с ребятами, как это всегда было принято в сёлах, но и попробовал это зелье, «травку», после чего вёл себя не адекватно, а начав приходить в себя, пришел ночью в научный отдел, взял из шкафа ружье «Белка» (то самое, что подвело в свое время Толю Ганюшина) и застрелился…

На смену ему вскоре появился **Виталий Вырыпаев**. Погожим летним днем 1964 г. порог моего рабочего «кабинета» в научном отделе переступил невысокий коренастый парень примерно моего возраста с открытым приветливым лицом. «Вырыпаев» – коротко отрекомендовался он и поинтересовался, не найдется ли у нас для него работы. После получаса откровенной беседы, во время которой говорил преимущественно он, я уже знал о нем почти всё. Уроженец города Джамбул (ныне Тараз), он недавно вернулся в родные края из Сибири, где на далекой речке Бирюсе работал в охотничьем хозяйстве, женился и родил дочь. Теперь, поступив на заочное отделение биофака Киргизского университета в городе Фрунзе, он ищет работу по специальности, а вообще горы эти знает

с детства и всегда мечтал в них работать. Место лаборанта в заповеднике его вполне устроило, и с этого времени мы с ним проработали вместе два с половиной года, разыскивая гнезда загадочной по тем временам рыжешейной синицы (*Parus rufonuchalis*), о биологии которой тогда ничего не было известно, и создавая первый в заповеднике музей природы в только что построенном жилом доме. В конце 60-х гг. Виталий перебрался в Чаткальский заповедник Узбекистана, где с азартом изучал медведя и кеклика. Но вскоре он оказался в Киргизии, где и осел на просторах Тянь-Шаня на всю жизнь, утоляя свою жажду познания дикой природы этой горной страны и ее обитателей, среди которых его больше всего привлекали копытные и крупные хищники – медведь, барс, волк, рысь. За последние десятилетия виделись мы редко, хотя дважды он навестил меня в Алма-Ате: один раз с гордостью подарил свою книжку «Волк в Киргизии», другой раз познакомил с новой женой… Печальную весть о его кончине в Барнауле 18 февраля 2009 г. сообщил мне Евгений Кашкаров, приславший воспоминания о нём для публикации в «Selevinia».

Однако за семь лет работы в заповеднике мне встречались не только перечисленные сотрудники научного отдела. Очень интересные люди работали в горах, на кордонах, за пределами Новониколаевки. Еще большее число знакомств было с орнитологами вне заповедника. И здесь пришло, наконец, время рассказать о человеке, который завершил начатое Волчанецким мое формирование как орнитолога и вообще научного работника. Речь идет о моем научном руководителе – Игоре Александровиче Долгушине. О нём я написал воспоминания к его 100-летию (2008), привожу их с некоторыми сокращениями.

Игорь Александрович Долгушин (1908-1966)

Как трудно, оказывается, написать о человеке, которого не только хорошо знал, но и любил и уважал беспредельно! Может, именно это беспредельное уважение и мешает, а высокая степень ответственности порождает безотчетный страх перед возможной ошибкой. Вот уже более 40 лет собираюсь я написать о своем Учителе, и откладывать дальше некуда – впереди его столетний юбилей, который надо отметить достойно, а все попытки начать свои воспоминания по-прежнему кажутся неуклюжими и никуда не годными, слова – бледными и невыразительными, неподходящими для данного случая…

Москва, 18 августа 1959 года. Здесь, в цитадели науки, в здании Московского университета имени М.В. Ломоносова, открылась Вторая Всесоюзная орнитологическая конференция – первый в моей жизни настоящий научный форум (кто мог предполагать, что мне посчастливится быть участником всех последующих – вплоть до 13-й, уже не всесоюзной, а орнитологов Северной Евразии, состоявшейся в 2010 г. в Оренбурге!). Тогда, в августе 1959-го, это был первый шаг в науку для меня и двух моих друзей – Игоря Кривицкого и Юрия Шибаева – выпускников Харьковского университета, направляющихся на работу в заповедники: Кургальджинский и Аксу-Джабаглы в Казахстане, Судзухинский – на Дальнем Востоке.

В президиуме конференции, которую открывал старейший орнитолог Советского Союза А.Ф. Котс – цвет советской орнитологической науки, известные нам по сводкам и определителям птиц профессора Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Л.А. Портенко, А.И. Иванов, Ф.И. Страутман. И среди них – незнакомое сухощавое лицо с густыми кустистыми бровями и острыми, живыми глазами. Фамилия Долгушин, которую в ответ на мой вопрос назвал сосед, тоже ни о чем мне не говорила – вот такими дремучими невеждами были мы, новоиспеченные специалисты… И сейчас, спустя полвека, я не могу понять – как можно было, едучи на работу в Казахстан и считая себя уже почти орнитологом, не знать этой фамилии? Может, потому, что первый том знаменитой сводки «Птицы Казахстана» выйдет лишь через год, а из орнитологов, кроме классиков (Северцова, Мензбира, Сушкина, Бутурлина и Зарудного) мы знали фамилии только авторов определителей, выходивших в Москве и Ленинграде…

Месяц спустя, в сентябре 1959 г., уже в должности старшего научного сотрудника заповедника Аксу-Джабаглы, я прибыл в Алма-Ату для утверждения своей первой научной темы в Академии наук и в Главном управлении по заповедникам. Виктор Васильевич Шевченко при первой же нашей встрече напутствовал меня, что, если я хочу заниматься птицами, то должен попасть именно к Долгушину. Иначе есть возможность оказаться вдруг специалистом по мышам или другим млекопитающим, как это случилось с другим аксу-джабаглинским зоологом Реджинальдом Полосухиным, гельминтологом по образованию, который вот уже два года изучает питание медведя. Этот «подарок» сделал ему Аркадий Александрович Слудский, заведующий лабораторией млекопитающих, очень энергичный и властный человек.

Получив от Виктора Васильевича описание внешности Слудского, я не без робости ступил под гулкий купол вестибюля великолепного здания Академии наук Казахстана на улице Шевченко, 28, и по длинным коридорам, минуя ковровые дорожки, пробирался вдоль стеночки, избегая встречаться с тучными лысоватыми мужчинами средних лет, как будто Аркадий Александрович мог уже в коридоре вычислить меня и разгадать мои замыслы. Наконец, мне показали комнату, в которой должен быть профессор Долгушин, и я с облегчением, но не без трепета, открыл ее дверь.

В небольшой комнате было изрядно накурено и два человека за столом играли в шахматы. Один из них оказался тем самым незнакомцем из президиума конференции, а второй, как потом выяснилось, был Василий Федорович Гаврин. Не ожидая такой обстановки, я сбивчиво представился, попытался объяснить причину своего визита (явно не к месту, судя по обстановке) и тут же допустил бестактность, выразив радость по поводу того, что я наконец-то у орнитологов, избежав опасности стать териологом. Игорь Александрович внимательно посмотрев на меня, спокойно сказал, что млекопитающие ничуть не хуже птиц и занятие ими не является чем-то постыдным. Смешавшись еще больше, я стал твердить, что я хочу заниматься только орнитологией, что я заканчивал кафедру у Волчанецкого, писал дипломную работу по птицам открытых пространств Западного Кавказа. Мой бессвязный лепет перебил Василий Федорович: «Ну ты,

профессор, ты будешь играть – или мы бросим это дело?» – громко сказал он, обращаясь к своему партнеру, как будто меня тут и не было. Игорь Александрович ответил не ему, а мне: «Вот видите, нам тут не дадут поговорить. Приходите лучше ко мне домой вечером – я тут живу в 100 метрах, на углу Шевченко и Ленина. Вот адрес». Осмелев, я спросил его, а во сколько часов начинается у него вечер. Не задумываясь, Игорь Александрович тут же ответил: «До 6 я здесь, до 7 ужинаю, с 7 до 8 ругаюсь с женой – значит, приходите в 8».

Так неожиданно легко, с шутками и прибаутками, состоялось это самое главное в моей жизни знакомство, и больше всего запомнилась простота и искренность этого человека. Забегая вперед, скажу, что в назначенные 8 часов он встретил меня, как давно знакомого человека, и буквально «заговорил» на любые темы, кроме орнитологии. Когда через 4 часа я посмотрел на часы, то не поверил, что уже полночь. Мне казалось, что мы беседуем не более получаса. И лишь наполненная до краев пепельница в виде большой гипсовой совы с распростертыми крыльями (я тогда тоже курил «Беломор») не оставляла сомнения, что часы не врут. Заметив мой взгляд, Игорь Александрович спросил, есть ли мне где ночевать, и предложил тот диван, на котором мы сидели. Получив ответ, что я остановился в гостинице «Алма-Ата» на Панфилова (совсем рядом), он сказал, что я могу оставить ему наброски программы своей темы, а завтра он скажет мне свое мнение.

Когда я возвращался в гостиницу абсолютно пустыми ночными улицами тогдашней Алма-Аты, то поймал себя на мысли, что испытываю сейчас состояние влюбленности, намного более сильное, чем после самого яркого любовного свидания. Хотелось запеть или сделать что-то такое-эдакое, из ряда вон выходящее… Впоследствии я не раз ловил себя на таком же приливе сил и жажды деятельности после очередной беседы с Игорем Александровичем, а полгода спустя мне о том же поведал и мой друг Игорь Кривицкий…

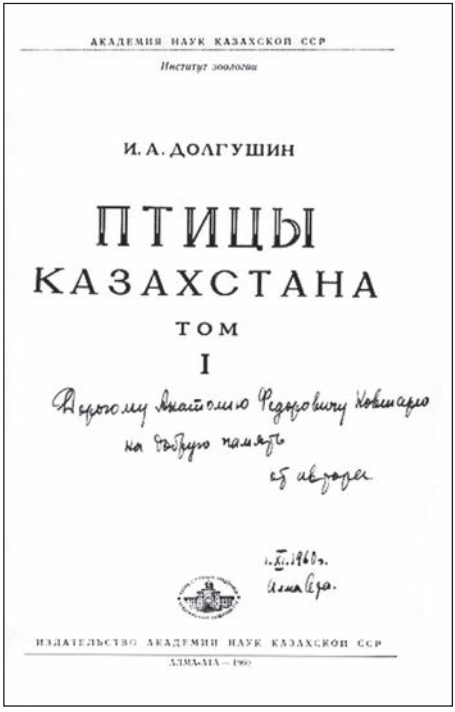
Так чем же так покорил нас (позже выяснилось, что не только нас, а многих) этот с виду ничем не примечательный скромный человек с умными, внимательными глазами? На первый взгляд – своей простотой и естественностью. Даже внешне. За семь лет нашего знакомства я ни разу не видел его одетым «с иголочки». Казалось, он не придавал значения костюму и вовсе не заботился о том, как выглядит. И рядом с аристократичным Г.П. Дементьевым, элегантным В.Н. Скалоном, всегда модно одетыми А.К. Рустамовым или Ф.И. Страутманом, не говоря уже о Д.И. Бибикове или С.М. Успенском, он выглядел простолюдином, но ничуть не в уничижительном смысле этого слова.

Свой простецкий внешний вид Игорь Александрович подкреплял и столь же простой речью, в которой не было места «красивостям». Однако при всей своей простоте речь его была правильной и, к слову будь сказано, он никогда не сквернословил. Однако любил повторять, что он «чалдон» и гордится этим. Правда, говорилось это обычно полушутя, и трудно было понять, насколько серьезно сам он относится к сказанному.

Не совсем вязалась с «чалдонством» та внутренняя интеллигентность, которая была ему присуща и выражалась в большинстве его жестов, поступков

и во многом другом. Меня всегда восхищало это как пример самообразования и самовоспитания человека из средних слоев общества. И только сейчас, узнав подлинную генеалогию долгушинского рода, начинаешь понимать истоки этой интеллигентности, ее врождённые корни.

С первых же бесед с ним поражали его обширные познания во многих областях – например, в литературе. Как-то, освоившись в его уютном, хоть и прокуренном, кабинете в квартире на Шевченко 13, кв. 9 (теперь там какой-то офис), я в рассказах об Илье Борисовиче Волчанецком упомянул, как он в лесу на Кавказе читал нам наизусть поэму под названием «Бунт в Ватикане». Игорь Александрович сразу же достал с полки томик Алексея Константиновича Толстого с этим произведением, прочел мне вторую его поэму «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» а заодно – и целую небольшую лекцию об авторе, братьях Жемчужниковых и созданном их воображением Козьме Пруткове. Закончил лекцию он словами, что А.К. Толстой – самый остроумный русский поэт. На мой вопрос «а как же Пушкин?», он живо парировал: «А Пушкин – самый умный! Улавливаешь разницу?». И тут же последовал такой профессиональный анализ творчества Пушкина, что я рот раскрыл… Не желая сдаваться, я спросил: «Хорошо, а как же Лев Толстой?», на что получил тут же категоричный ответ: «Толстой гениальный, но не умный – это разные вещи». И дальше – обоснованные доказательства, что умный человек никогда бы не додумался до непротивления злу насилием… Это был блестящий урок, не пропавший зря, раз уж я помню его спустя 50 лет. К слову сказать, спорить с ним не было никакой возможности: для этого надо было обладать такими же обширными познаниями и не менее сильной убежденностью в своей правоте.


АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Институт зоологии

И. А. ДОЛГУШИН

ПТИЦЫ
КАЗАХСТАНА

ТОМ
I

Дорогому Анатолию Федоровичу Ковшарю на добрую память об авторе

1.XI.1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Рис. 10. Титул первого тома «Птицы Казахстана» с автографом автора.

При столь разносторонних знаниях, полученных, путем самообразования (помню, с каким упоением он показывал мне архитектуру Ленинграда в одну из сентябрьских ночей 1962 г. и подробно рассказывал историю чуть ли не каждого дома), Игорь Александрович всегда высоко ценил энциклопедичность знаний у других людей – например, у териолога Б.А. Кузнецова, познания которого в областях, далеких

от зоологии, он считал поистине фантастическими. Очень живо рассказывал он о проводимых С.Н. Варшавским и другими учениками В.Н. Тимофеева-Ресовского городских учетах численности, о которых много лет спустя поведал нам на страницах книги «Зубр» Даниил Гранин. И подкупало в его рассказах искреннее восхищение, без тени зависти. А обширные энциклопедические познания своего однокашника Валериана Семеновича Бажанова он оценивал со свойственной ему долей юмора: «Это страшный человек! Чего только нет в его голове! Представляешь, он до сих пор помнит, что такое кариокинез!».

Игорю Александровичу было чуждо позёрство, а тем более самолюбование или чванство. Ни на одной из фотографий вы не увидите его в позе, предназначенной для фотографа или, как это часто бывает, – для потомков. Везде он естественный, занятый или беседой с кем-то, или своими мыслями, или поглощен тем, что в данный момент делает. Эта естественность располагала к нему людей – от коллег или крупных чиновников до молодых специалистов, вчерашних студентов, которые чувствовали себя в беседе с ним на равных. Да что в беседе!

Всего год спустя после первой встречи я, работая в заповеднике, получил по почте только что вышедший первый том сводки «Птицы Казахстана» с трогательной авторской подписью И.А. Долгушина (рис. 10). Даже сейчас, спустя 50 лет, я считаю эту книжку одним из самых дорогих подарков. И сделан он был признанным главой казахстанской орнитологии 23-летнему юнцу, только начинающему свой путь. Как же было не влюбиться в такого человека?… Многие скажут: «Время было такое». Нет, не во времени дело, хотя всем известно, что времена действительно меняются. Даже в те времена знавал я немало людей, которые преспокойненько *продавали* свои книги и уж ни за что бы не подарили такую ценную книжку тому, кто не сможет ответить тем же…

Увлечённость и убеждённость также являлись одними из главных свойств натуры Игоря Александровича. Именно они привели юношу Долгушина в Томский университет, они помогали ему в нелегких полевых условиях постигать природу и птиц Казахстана, а в тяжелые военные годы – выжить и победить. Увлеченность Долгушина проявлялась не только в профессиональной деятельности, а во всем, за что он брался. Трудно себе представить более азартного болельщика на футбольном поле! Как-то в один из моих приездов в Алма-Ату он предупредил, что сегодня мы птицами заниматься не будем: приехали индусы и будут босиком играть с казахстанской командой «Кайрат», поэтому вся лаборатория орнитологии идет на этот матч. Мне, проведшему на футбольном поле все школьные годы, казался удивительным интерес к футболу столь взрослого человека. Но, оказавшись рядом с ним на скамейке для болельщиков, я уже больше не удивлялся. За эти полтора часа было столько выкурено папирос, столько потрачено эмоций, а на следующий день в институте столько было споров и обсуждений…

Не меньший азарт овладевал Долгушиным и на волейбольной площадке в обеденный перерыв. Мало кто из более молодых мог сравниться с ним в полной отдаче всего себя этой, казалось бы, мимолетной игре. Даже на экскурсии в Карпатах (во время Третьей орнитологической конференции в 1962 г.), завидев

на территории нашего лагеря волейбольную площадку, Игорь Александрович тут же принялся играть с молодежью в волейбол, чем и заслужил недовольство своих коллег, жаждавших приобщиться к столику с пивом. «Ну и шеф у вас – как пацан, в волейбол играет» сказал мне один из чиновников заповедного Главка.

Эта убежденность была свойственна *И.А.* во всем – от профессиональных вещей (он всегда говорил, что вид – главная реально существующая единица в биологии, тогда как подвиды зачастую бывают плодом воображения ученых) до патриотических в самом высоком смысле этого слова. Родина, Отечество всегда были для него высшими понятиями, и четыре года военных дорог укрепили в нем эту веру на всю жизнь. Никаких шуток на эту тему он не принимал – от кого бы они не исходили. Общеизвестно его расхождение на этой почве с Б.К. Штегманом, который высказал мысль, что может не так уж и плохо будет, если цивилизованные немцы завоюют Россию. Простить этой шутки (?) Игорь Александрович так и не смог никогда.

Видимо, эта внутренняя убежденность И.А. Долгушина породила умение убеждать в своей правоте других. Он мог одним немногословным выступлением склонить весь зал в свою пользу, не прибегая ни к каким особенным риторическим приемам – просто в силу своей внутренней убежденности и неопровержимой логики доводов. Помню, как в 1964 году мне в Главке заповедников Казахстана не хотели утверждать вторую тему после окончания первой. Начальник Главка В.А. Степанов бушевал: «Партия нацеливает нас на химизацию, а ты опять какими-то птичками заниматься собираешься. Не будет этого!». В этом же духе представил он мою тему и на расширенном заседании Казахского Общества охраны природы, где собралось много людей, с нетерпением ожидавших второго вопроса – о передаче Наурзумского заповедника из Казглавохоты в ведение Комитета лесного хозяйства. Все они были готовы, чтобы поскорее перейти ко второму вопросу, поддержать отрицательное заключение начальника Главка, тем более что он закончил свою речь словами: «Мне стыдно за таких сотрудников, товарищи». Игорь Александрович, которого я упросил прийти на это заседание, скромно встал и за несколько минут разъяснил, что тема эта необходима для орнитологической науки, так как только в арчовых лесах заповедника живет доселе неизученная гималайская рыжешейная синица и только орнитолог заповедника может изучить ее размножение. Поэтому без постановки этой темы никак нельзя. Зал тут же проголосовал за утверждение темы!! И сам Степанов, очень уважавший Долгушина, согласился: «Ну, раз так, то это другое дело»…

В другой раз *И.А.* проявил это качество убеждать в письменном виде. Рукопись моей первой монографии «Птицы Таласского Алатау» значительно превысила те 25 печатных листов, которые были первоначально запланированы, и заповедный Главк наотрез отказался увеличить объем. Игорь Александрович, который редактировал эту рукопись и считал, что сокращать ее не стоит, написал на нее такой отзыв, что прочитавший его заместитель начальника Главка Ю.А. Смирнов сказал мне: «Ну и расписал он тебя! Будь уверен – пока я живой, книга выйдет, это я тебе обещаю». И слово свое сдержал.

Когда Эдика Гаврилова руководство Академии наук никак не хотело брать в Институт зоологии, несмотря на решение Ученого Совета Института, И.А. Долгушин пошел на прямой конфликт с самим президентом Академии, но своего добился. А когда М.Н. Корелова незаслуженно обидели в республиканской газете, *И.А.* через Центральный комитат Компартии добился снятия обвинения против него, а заодно – и снятия с должности незадачливого журналиста. Это сочетание внутренней убеждённости в своей правоте с умением убедить других – важнейшее качество И.А. Долгушина.

Пословица «Долго запрягают, зато потом быстро едут» характеризует русских как своего рода тугодумов, которым обязательно нужна раскачка. К Игорю Александровичу это ни в коей мере не относилось. Ему была свойственная молниеносность мышления, умение быстро оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Этим его качеством широко пользовались хорошо знавшие Долгушина коллеги. Особенно ценил эту способность *И.А.* директор Института зоологии академик И.Г. Галузо, который, зная, что Долгушин работает по ночам, мог в экстренном случае приехать к нему рано утром домой, поднять с постели и получить нужный совет. Очень красочно рассказывала об этом супруга Игоря Александровича Людмила Андреевна Демченко: «Сколько раз я ему говорила – Игорь, как ты можешь директора института, академика, принимать в подштанниках?!». Но дело есть дело, и в большинстве случаев хмурый, невыспавшийся Долгушин, выкурив натощак папиросу, все же находил наиболее правильное в данном случае решение. Это качество – одно из самых ценных в людях, а есть ситуации, когда оно решает всё – например, на войне. И работавшие в нашем институте однополчане в день Красной Армии и День Победы не раз рассказывали о тех случаях на фронте, когда командиру батареи Долгушину это качество помогало принять правильное решение в бою. Это же подтверждают и боевые награды капитана Долгушина.

Внешне суровый Игорь Александрович был, в сущности, очень добр. Он никогда не брюзжал, не распекал сотрудников по пустякам, не создавал мелочной опеки, доверяя своим людям. И, надо сказать, что они платили ему тем же, искренне радуясь каждому его приходу. В этом плане очень показательной в 50-60-х гг. была разница в появлении на работе заведующих в двух братских лабораториях – териологии и орнитологии. Приход на работу Аркадия Александровича Слудского чаще всего слышно было по его звонкому фальцету, которым он распекал кого-нибудь из сотрудников. Остальные тут же бросались на рабочие места и усиленно изображали трудолюбие. Долгушинские же орнитологи только в его отсутствие и работали, в том числе и когорта лаборантов, которую возглавлял незаменимый Эвальд Федорович Родионов (в обиходе – Валентин), сам трудившийся практически непрерывно: в любое время его можно было застать за снятием шкурки с очередной птицы или за набивкой тушки. С появлением Долгушина все бросали свою работу (кроме Валентина, которому препаровка не мешала ни курить, ни разговаривать) и усаживались на излюбленный диванчик вокруг любимого шефа. Начинался перекур и «трёп» на любые темы – от вчерашнего футбольного матча до текущей политики или предстоящей олимпиа-

ды. Попутно обсуждались и рабочие вопросы – что сделали сегодня, что надо успеть завтра и т.д. И только с уходом Игоря Александровича к начальству народ нехотя расходился по своим местам, чтобы продолжить начатую утром работу. По этим перекурам Игорь Кривицкий дал меткую характеристику долгушинской лаборатории: «Прекрасный народ – и насчёт поговорить-покурить и насчёт нутра» (это намного точнее «морально-психологического климата»).

Лишь один только раз я был свидетелем «бури», взломавшей эту идиллию. Придя на работу (обычно это бывало около 11 часов), Игорь Александрович только устроился на любимый диванчик и вынул папиросы, как вдруг заметил среди своих ребят лаборанта, которого уволил за обман и запретил ему появляться в лаборатории. Сверля злополучного парня глазами, которые стали колючими и чёрными, он громогласно выпалил: «А ты что здесь делаешь? Я же сказал, чтобы духу твоего здесь не было!». Парня как корова языком слизала, а в комнате стало так тихо, что стало слышно жужжание мухи. Впервые ребята молча разошлись и стали делать вид, что работают. Перекур был сорван, а сам Долгушин, закурив, ушел куда-то. Даже Валентин не мог припомнить другого подобного случая.

Игорь Александрович всегда готов был прийти на помощь. Часто занимал ребятам деньги, но делал это довольно оригинально: поскольку у самого их никогда не было, то брал у Валентина. Однажды, приехав в командировку в Алма-Ату, я в одном из магазинов увидел широкоугольный фотообъектив «Мир-1», предел моих мечтаний для съемки ландшафтов в горах. Но денег, естественно, не было, хотя и надо было всего 45 рублей. В лаборатории я с жаром рассказал Игорю Александровичу об этом чудо-объективе. «Ну и купи его» – сказал он, а услышав, что у меня нет денег, тут же обернулся к Валентину: «У тебя есть при себе 45 рублей?». На что получил стандартный ответ: «Конечно, есть, я же не профессор». Так был куплен объектив, прослуживший верой и правдой не один год, а сам эпизод во всех подробностях запомнился мне на всю жизнь. Спустя год, я снова оказался в затруднении: нечем было в условиях заповедника впечатывать латинские названия птиц в огромную рукопись монографии. Игорь Александрович вынул из стола замечательную портативную машинку «Колибри» с латинским шрифтом и отдал её мне на полгода. «Закончишь – привезешь» – только и сказал он. Такого рода поступки были вполне в его характере, он не видел в этом ничего особенного.

Для нас, младшего поколения, взаимоотношения между старшими были тогда чем-то вроде тайны за семью печатями. Знали, что Долгушин любит Гаврина и многое ему прощает, что он с большим почтением относится к Марии Алексеевне Кузьминой, с которой бок о бок проработал всю жизнь. В то же время далеко не простыми были отношения с Кореловым, которого Игорь Александрович постоянно защищал перед начальством, но нередко по тем или иным вопросам мнения их были противоположными. Конечно, они были очень разными людьми и на многое смотрели по разному. Да и не могли они везде совпадать – сверхмедлительный Мстислав Николаевич и быстрый, молниеносный Игорь Александрович. Уже одной разницы в скорости реакции достаточно было

для разногласий между ними. Но здесь проявилась еще одна замечательная долгушинская черта: ни разу за всё время нашего знакомства я не слышал от него ни одного негативного слова в адрес своего коллеги. Уж не знаю, как там у них было между собой (о некоторых стычках случайно приходилось слышать от Корелова), но перед младшими эта тема Долгушиным ни разу не затрагивалась. Так же, как и тема взаимоотношений с М.Д. Зверевым, у которого Игорь Александрович еще подростком работал в экспедиции, а потом они даже опубликовали совместную заметку в сибирском орнитологическом журнале «Uragus».

Как стало ясно только сейчас, после выхода в свет книги Т.Н. Гагиной «Жизнь и научная деятельность В.Н. Скалона» (2003), а также из присланных ею писем Долгушина Скалону, разногласия между ними были значительными. Тогда же, в 60-х гг., Игорь Александрович эту тему ни разу не затрагивал. Это было своего рода «табу». Зато с одним из своих однокашников по Томскому университету Александром Ивановичем Янушевичем, бывшим в 60-х гг. вице-президентом Академии наук Киргизии, Игорь Александрович общался часто. Не раз он приходил на работу особенно не выспавшимся и говорил: «Опять ночью приехал из Фрунзе этот возмутитель спокойствия»… Коллеги-орнитологи платили ему ответной любовью и уважением. Ни от одного орнитолога его поколения я не слышал ни слова порицания в его адрес – ни при жизни, ни после смерти. Зато все они охотно откликнулись на просьбу написать свои воспоминания о нём.

Все это – о Долгушине как человеке. А ведь написать хотелось об Учителе. Впрочем, едва ли не важнейшее для Учителя – быть самому Человеком с большой буквы, с которого ученики захотели бы брать пример. И в этом деле Игорь Александрович может служить образцом для подражания. Не только может, но и служил. Сами того не замечая, мы все, вольно или невольно копировали его слова, жесты, движения. Проявилось это наглядно только тогда, когда его не стало. Приехав в Алма-Ату в 1967 году уже навсегда, я долго не мог привыкнуть к тому, как невольно копируют Игоря Александровича все орнитологи, работавшие с ним достаточно долго – начиная с Марии Алексеевны Кузьминой и кончая Икаром Бородихиным и Юрием Грачевым. Слова, целые фразы, долгушинские жесты, интонации – все это не один год напоминало о нём, а исчезало очень постепенно…

А были ли у Долгушина специальные приемы обучения своих учеников? Главным, на мой взгляд, был принцип: **учить, не поучая**. Это не каламбур и не игра слов. Многим из нас этот принцип, к сожалению, недоступен. Как часто мы, сами не замечая, не можем удержаться от поучительных интонаций, наставительного тона, прямых указаний…

Игорь Александрович предпочитал в живой и увлекательной беседе подвести вас к пониманию того, что в данном случае от вас требуется. Вот как, например, завершилось первое мое к нему дело по утверждению программы научной темы. Придя на следующий вечер за оставленной вчера программой, я выслушал следующее: «Прочитал. Неплохо. Вы хорошо знаете книгу Новикова о методике полевых зоологических исследований и очень добросовестно переписали из нее то, что нужно. А теперь надо основательно продумать все это применительно к вашим условиям – как Вы всё это будете выполнять. Это

второй этап работы над программой. Не удивляйтесь, все переписывают её не раз». И вернул мне мою рукопись *без единой помарки*. Пристыженный и озадаченный, я два дня корпел в гостинице над переделкой программы. В результате услышал: «Вот теперь лучше». И только после этого пошли конкретные комментарии и пожелания.

Эта же манера – править рукописи рукой самого автора – была присуща Долгушину и при редактировании. Надо сказать, что это намного труднее и занимает гораздо больше времени, сил и нервов редактора, чем взять ручку и самому выправить текст. Но именно этот подход дает самые правильные результаты в деле обучения автора (примеров этого – множество и в художественной литературе – см. например, пособие «Теория и практика редактирования», М., «Высшая школа, 1980»). А для того, чтобы расшевелить автора и сподвигнуть его на серьезную переработку своего текста (который каждому поначалу кажется идеальным), Игорь Александрович оставлял на полях краткие и хлесткие пометки типа: «Ого!», «Ну и ну!», а иногда и более пространные, в которых подтрунивал над особо неудачными текстами: «Не заказывал ли ты этого, случайно, в детский сад?».

При этом он, по возможности, старался не обидеть автора и учесть его психологию (одному надо «дать на полную катушку», а другого стоит и пощадить, ему достаточно и намека). Так, рукопись одной из моих первых заметок я показал ему, когда мы были вместе в ЗИН'е. Он вернул её мне с массой подобных заметок, а на второй день спросил у Марии Алексеевны Кузьминой, не слишком ли я переживаю по поводу его замечаний… Как правило, он был менее придирчив к первым опусам своих учеников, в отзывах на них отдавая предпочтение одобрительным интонациям. Но зато беспощадно критиковал последующие рукописи, если видел, что предыдущая «наука» не пошла автору впрок. То же касается и рецензий на рукописи любых других авторов, подготовленные к печати.

Примером может служить сохранившийся в долгушинском архиве отзыв на рукопись работы В.В. Шевченко «Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы» (1948). Он настолько интересен, что привожу его полностью, без сокращений:

«В работе дается краткая история орнитологического изучения заповедника Аксу-Джабаглы и список птиц с краткими систематическими и экологическими замечаниями. Представляя несомненный интерес, статья имеет и ряд недостатков. Главнейшие из них следующие.

1. При изложении истории изучения орнитофауны заповедника автором упущены работы первого директора заповедника Тризны, работы Шульпина зимой 1933/34 г. и его же работа в 1935 году. Вызывает опасение, что пропущены также и другие исследователи, работавшие в заповеднике и неизвестные мне. Это досадно, так как основные материалы по фауне птиц заповедника собраны именно Шульпиным; легче примириться с пропуском С.А. Северцова… ничего не давшего для познания фауны Аксу-Джабаглы.

2. Повидовые очерки перегружены совершенно излишними (в большинстве случаев) описаниями окраски, приведением размеров и т.п. Эти ссылки в огромном большинстве случаев можно совершенно сократить, оставив их только у №№ 1, 11, 12, 46 (часть), 130, 132 (часть).

3. Автор слепо следует Дементьеву (Определитель птиц СССР) в номенклатуре. Вряд ли правильно отнесенные серой и черной ворон к одному виду. Точно так же правильнее было бы разграничить следующие виды: обыкновенного и седоголового щегла, пустынного и монгольского вьюрков, арчовую и большую чечевиц, обыкновенную и белошапочную овсянок, полевого и индийского жаворонков, обыкновенного и желтогрудого князьков, мельничка и горную славку, кеклика и европейскую каменную куропатку. При разграничении этих видов автору не пришлось бы излишне запутываться в систематических дебрях, так как вещи стали бы на свои места.

4. Некоторые определения автора сомнительны уже не в номенклатурном плане, а по существу. По-видимому, неправильно определен подвид ворона (вероятно, не *ruficollis*, а *laurencei*), балобана (вероятно, не *cherrug*, а *saceroides*), сорокопута (вероятно, не *isabellinus*, а *phoenicuroides*). Определение до подвида проводилось на месте, по книгам, что невозможно: изучение географической изменчивости проводится при наличии значительного количества сравнительного материала из разных мест ареала данного вида.

5. Приводимые автором названия птиц в работах Кашкарова и Коровина перегружают текст, делают его неудобно читаемым. Между тем по существу они совершенно не нужны.

Указанные недостатки значительно снижают ценность всей работы и, во всяком случае, требуют тщательного редактирования. Так как автору не известны работы Шульпина в 1935 году, то сомнительными являются и его добавления к списку птиц. Несмотря на сказанное, работа всё же заслуживает опубликования, но при очень тщательном редактировании. Вызывает недоумение, почему в сборник, посвященный Аксу-Джабаглы, не идёт работа Л.М. Шульпина, дополнением к которой, по существу, является рецензируемая статья. С.н.с. Ин-та зоол., канд. биол. наук И.А. Долгушин».

К сожалению, эти справедливые и важные критические замечаний так и не были учтены, никакого «тщательного редактирования» сделано не было, и указанная статья вышла без изменений в первом выпуске Трудов государственного заповедника Аксу-Джабаглы (1948) под редакцией П.Я. Деревягина и П.П. Полякова. Ботаническая статья в этом сборнике отредактирована П.П. Поляковым, что же касается орнитологической, то все указанные Долгушиным недостатки **исправлены не были**. Более того, статья содержит массу опечаток в датах (особенно в месяцах, указанных римскими цифрами), что не дает возможности пользоваться ею без тщательного анализа исходных данных.

Возвращаясь к редактированию рукописей своих учеников, я должен сказать, что при написании ими более солидных работ, чем простая заметка, Игорь Александрович старался оказать помощь уже на первых этапах, при составлении плана и структуры произведения. Так было в 1962 г., когда я впервые написал рукопись статьи объемом 64 страницы машинописи – «Об осеннем пролете птиц в истоках реки Арысь». Ознакомившись с рукописью, Игорь Александрович представил мне подробные соображения о том, как бы ее следовало построить (рис. 11). Кратко упомянув, что видовые очерки написаны на уровне, он дает свое подробное видение конструкции данной статьи:

«Общая вступительная часть плохая. Думается, что она нуждается в коренной переработке во всем и, прежде всего, – в самой композиции, в построении всего изложения. Куда более логичным был бы примерно такой планчик:

1. Вступление

2. Краткое географическое описание

3. Основные направления пролета и распределение по ним определенных групп птиц. Здесь же – о высоте пролета и т.д. Особо должен быть рассмотрен вопрос о значении хребтов и проходов между ними для птиц вообще и для отдельных видов. Надо попробовать увязать все это с величиной птиц, их летными возможностями, экологической специализацией и пр.

4. Характер пролета в зависимости от погодных условий – температуры, ветров и пр. Примерно то, что написано, но надо обязательно с количественными показателями. Иначе все как-то висит в воздухе. Не обязательно точные цифры, но хоть какие-то. Много и мало – хорошие слова, но 100 лебедей это много, а 100 жаворонков – мало! И цифры необходимы хотя бы самые что ни на есть приблизительные. Кроме того, 100 лебедей на пролете у низовьев Иргиза – не так уж много, но под Харьковом – масса. Словом, нужны цифры.

5. Повидовые очерки

6. Заключение. Обязательно. Что? Это – от тебя. Может быть, сравнение с другими местами, м.б. общая оценка этого места как пункта наблюдений за пролетом. И т.д., и т.п. Между прочим, не вредно было бы указать об изменении в составе пролетных птиц, сюда – то обстоятельство, что дрофа и стрепет тут ныне не летят. И т.д. *О графиках*: 1). схема географическая – идет; 2) и 3) температура и ветер сами по себе совершенно не нужны. Мы ведь не климатологи и на дьявола нам знать, что 15 сентября был сильный ветер и 20° тепла? Это нам само по себе ни к чему. Вот если бы на эти графики были наложены кривые пролета птиц, тогда все эти графики играли совсем другим светом и для орнитолога были бы полезны. Как их сделать – надо подумать. Но сложного в этом ничего не вижу».

И совсем уж не считался Игорь Александрович ни с временем, ни с и усилиями, когда взялся за редактирование рукописи монографии «Птицы западной части Таласского Алатау» (название сократили уже позже, в издательстве) объемом 700 с. машинописи. На меня, уже начавшего привыкать к его щадящему редактированию отдельных статей, теперь обрушился целый поток критики, замечаний, соображений (рис. 12а,б,в). Вдоволь «нахлебавшись» моего многословного текста, Игорь Александрович на шмуцтитуле раздела «Общая часть» дал волю своим эмоциям: Начав с восклицания «Всё это чертовски длинно! Пожалей нас, бедных!», он излагает свои замечания по пунктам:

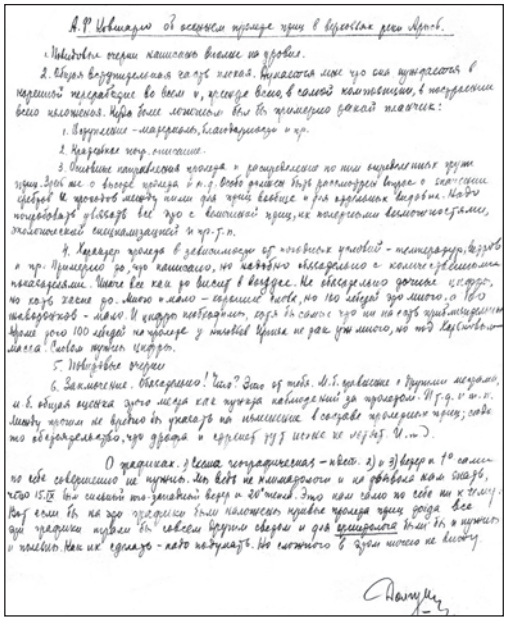


Рис. 11. Замечания И.А. Долгушина к рукописи об осеннем пролёте птиц

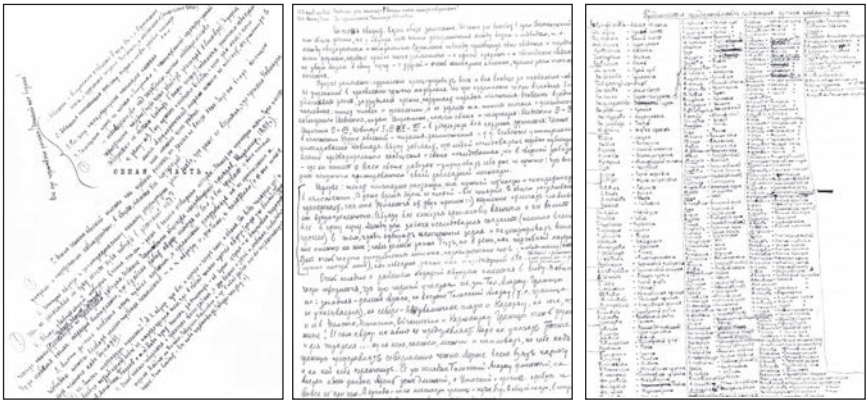


Рис. 12. Часть замечаний и пожеланий к рукописи «Птицы западной части Таласского Алатау»

• «Неважно с биотопами – свалено в кучу: и вертикальные пояса и отдельные биотопы и азональные.

• Неважная композиция физ-геогр. очерка – почвы раньше климата и пр.

• Физико-географическая характеристика непомерно длинная.

• Размещение птиц по поясам и биотопам с количественной характеристикой – издевательство над читателем, причем издевательство садистского порядка (куда хуже убийств таксистов в Алма-Ате!). Читатель совершенно не обязан входить в омут цифр (поданных типичным садистом к тому же). Ему нужны конечные выводы – кого там много, а кого мало. Арифметический мираж никого не спасает, но утопить в нем можно кого угодно.

• Анализ сезонных явлений изложен, как правило, длинно, но не всегда ясно. Зато он богато насыщен фактами и интересными наблюдениями, в общем, написан без глупостей.

• Попытка автора к зоогеографическому анализу территории так слаба, что даже не верится, что сделана Ковшарем. Ты не заказывал ли этот лепет куда-нибудь в детский сад?

• Автор – удивительный любитель всяких ссылок – даже в самых очевидных местах. Пишет он примерно так: «Стол имеет четыре ножки (Иванов, Петров, Сидоров. Руководство по столярным работам. Издание Черниговского общества столяров, Житомир, 1889). Из-за обилия ссылок создается впечатление, что в районе работ автор никогда не был, а все сдувает у кого попало.

• Многие русские названия птиц крайне неудачны и стремление употреблять их по отношению к подвидам может вызвать только глубокое сожаление – и к автору, и, тем более, к читателям (а о них тоже хоть немного надо думать).

• Список литературы огромный! М.б. автор все это и прочел – честь ему и хвала. Но ведь читатель-то (и вообще потребитель) вовсе не интересуется тем, что в своей жизни прочел автор (тогда уж валяй: Тургенев, Мопассан, Барков и т.п.). Надо этот список расчленить – об этом устно – и, безусловно, сократить.

• Очень неясно говорится о границах своего района, а это важно – и здесь, и особенно в повидовых очерках. Входит ли Высокое, Советское, Ванновка и пр. в твой район или он ограничивается иначе? Если входит – всё надо переделывать».

В этих словах Учителя – целая программа для ученика, который действительно хочет овладеть премудростью написания научного текста, правильного

и доступного для всех изложения результатов собственных исследований. Нигде больше – ни до, ни после – мне не приходилось читать подобного, и я безмерно благодарен Игорю Александровичу за эту науку, как и за многое другое, что он вложил в нас, своих последователей, которые и по сей день гордятся тем, что принадлежат к долгушинской орнитологической школе.

В заключение хочется сказать о том, что Игорь Александрович был великолепным рассказчиком и в его лице мы потеряли прекрасного популяризатора науки. Сам он не раз говорил полушутя: «Вот выйду на пенсию и стану писать научно-популярные книжки», а однажды даже раскрыл свой замысел – написать о 7 чудесах Казахстана, в число которых входило озеро, в котором нельзя утонуть (где-то у западной оконечности Каратау), чудесная «кровавая» карагачевая роща (где под корой деревьев прятались полчища клещей, напившихся крови в грачиной колонии) и ряд других «чудес». Зная его умение увлекательно рассказывать, его прекрасный литературный язык, я не сомневался, что так и будет, что казахстанские школьники и взрослые получат эти замечательные книжки…

И вспомнилось мне, как в мае 1963 года, когда я в дождливый день в горах заповедника при Игоре Александровиче подскользнулся и сломал свое любимое ружье, он, как бы в утешение, рассказал мне, как когда-то в Каратау он завис на отвесной скале ущелья и при этом уронил с плеча заряженное ружье, а оно, падая, ударялось о камни и снизу стреляло в его сторону… А чего стоил его рассказ о предприимчивом сибирском купце, который разорил какую-то западную туристическую фирму, поставляя ей в огромных количествах эдельвейсы, которые скупал за бесценок у своих крестьян (этот очень близкий вид произрастал в Сибири чуть ли не на огородах). Нисколько не сомневаюсь, что в запасе у Игоря Александровича было немало таких историй…

К сожалению, ушел Игорь Александрович непростительно рано – в 58 лет, в самом расцвете своей личности. Еще в феврале 1966 г. я почти каждое утро уносил от него куски рукописи «Птиц Таласского Алатау» с его правкой, а в 20-х числах ему стало плохо. В начале марта сделали вторую операцию, после которой он почувствовал себя немного лучше и писал мне в одном из писем, что вот отправит экспедицию на Маркаколь, а сам тихо, по-стариковски, поднимется на Большое Алматинское озеро и найдет там доселе не найденное гнездо красного вьюрка, которое теперь уже знает, где надо искать…

Когда 4 июля 1966 г. его не стало, на похороны съехались орнитологи со всего Казахстана, Узбекистана, Киргизии, прилетел Игорь Кривицкий из Харькова. Помню, как подошел ко мне Акмат Кыдыралиев из Киргизии и сказал: «Мы все осиротели».

Определение подвидов птиц в коллекции САГУ (Ташкент, декабрь 1961)

После двух сезонов работы в заповеднике, приведя в порядок накопившиеся тушки птиц, я понял, что важнейшая задача теперь – проведение подвидового определения с попутным уточнением видового определения наиболее сложных видов. Так как подвиды можно определять только на базе более или менее

крупных орнитологических хранилищ, где имеются серии тушек нужных видов, то обычно делалось это либо в Ленинграде (в коллекции ЗИН АН СССР) либо в Москве (коллекция Зоомузея МГУ). Игорь Кривицкий, например, всех своих воробьиных посылал посылками в ЗИН, где подвиды определял ему Леонид Александрович Портенко. Но как быть с крупными хищниками, которых почтой не пошлешь? У меня возникла идея попробовать провести это определение в коллекции САГУ в Ташкенте, где хранилась основная часть коллекции Н.А. Зарудного и где, кстати, не так уж мало было сборов птиц из заповедника: в Музее природы Узбекистана хранились сборы А.П. Коровина, а в САГУ передавал часть сборов из заповедника В.В. Шевченко. Подкупала близость этого города, куда коллекцию можно было отвезти целиком, тем более, что единственную нашу машину для перевозки директор мне обещал. С благословения И.А. Долгушина я написал письмо доценту САГУ Роману Николаевичу Мекленбурцеву, о котором слышал много, но еще не был знаком. Положительный ответ пришел 20 октября, Роман Николаевич приглашал на вторую половину ноября (см. рис. 13).

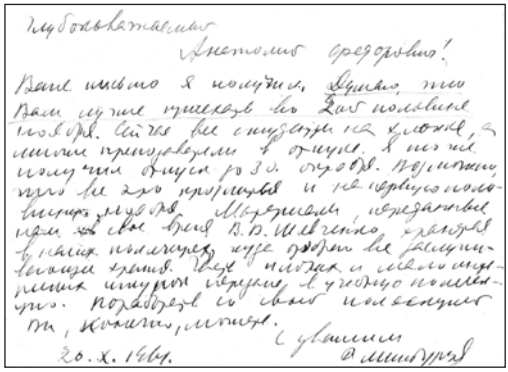


Рис. 13. Первое письмо Р.Н. Мекленбурцева, 20.10.1961 г.

И вот в декабре 1961 г., упаковав орнитологическую коллекцию в несколько прочных ящиков, вместе с Петром Хвостиковым все на той же единственной машине заповедника я отправился в свою первую поездку в Ташкент. Дорога понравилась, особенно Казгурт, на который вёл не крутой, но затяжной подъем, а после короткого спуска показалось село Ленинское, в котором я впервые в жизни увидел на воле пару майн (*Acridotheres tristis*). Хорошо зная, что в фауне Казахстана этих птиц до сих пор не было, я ликовал – первая встреча! Причем обе птицы держались на крыше длинного сарая и видно было, что это явно местная пара. Но когда я сказал об этом Роману Николаевичу, он ответил, что впервые в этом селе они встретили пару майн еще два года назад. В Ташкент мы приехали уже вечером, когда в университете никого не было. Разыскав дом Мекленбурцева по адресу Пушкинская, 43, мы договорились с ним, что сегодня коллекция переночует ещё в машине, а завтра с утра мы встретимся на биологическом факультете университета. Хорошо, что выданная Керимом Тасанбаевым записка открыла нам двери прекрасного особняка на улице Хорезмская 33 (дом родителей Тамары Ханум), где нашлось место и для парковки машины в закрытом дворе этой гостиницы или как она официально называлась – заезжего двора совхоза «Пахтаарал».

Роман Николаевич Мекленбурцев (1905-2002)

До встречи в декабре 1961 г. я знал о Романе Николаевиче очень мало: то, что он в 1926 и 1933 гг. вёл в Аксу-Джабаглы орнитологические наблюдения, что он написал виды семейства завирушковых в 6-м томе «Птицы Советского Союза» и что воевал он в рядах Войска Польского (как говорил Долгушин – «Роман носил конфедератку»). Это – всё. В первую встречу вечером на Пушкинской 43 я не успел его даже рассмотреть в сумерках, поскольку короткий наш разговор был на улице. На следующий день на кафедре зоологии САГУ мы, наконец, познакомились. Среднего роста, сухощавый Роман Николаевич мне показался очень суровым. Только много позже я обнаружил, что он умеет улыбаться, а в этот день лицо его было непроницаемым и строгим. На нем выделялись огромные кустистые брови, тогда еще черные. И характерный голос – резкий, скрипучий. Что-то было в нем от отца-командира. Ровным голосом, чётко распоряжался он – куда чего нести и ставить. Тут же предупредил меня, что прежде, чем хоть одна тушка попадет в помещение коллекционной, весь материал должен быть протравлен и сам показал, как это у них делается. Способ мне очень понравился как гениально простой и надежный.

Для протравки Роман Николаевич использовал так называемую «карбидную банку» – 100-литровую, напоминающую многократно увеличенную банку бездымного пороха – той же формы и с такой же вдавливающейся крышкой на торце, от которой отходила герметично прикрепленная к ней резиновая трубка. В эту банку аккуратно складывались тушки (воробьиных помещалось несколько десятков, а сарычей – 2-3). Закрыв наполненную птицами «банку» крышкой, Роман Николаевич, как фокусник, вынул из небольшого сейфа обычную стеклянную ампулу (какие обычно используются для уколов) и, вставив ее туго в резиновую трубку, резким движением обломил внутри трубки конец ампулы. Жидкость (это был бромметил), как объяснил он, тут же мгновенно испаряется и в течение нескольких минут убивает все живое. Для верности банку держат закрытой полчаса. Затем он вынес ее на улицу (это обязательно, объяснил он мне) и там открыл крышку, посоветовав мне отойти на всякий случай подальше. После этого через полчаса проветривания мы занесли ёмкость в хранилище и стали раскладывать материал.

Спросив меня, какие определители мне нужны, он принес пятитомник Бутурлина и Дементьева (1937-1941), показал порядок расположения их коллекции и ушел на занятия со студентами. В перерывах между «парами» он иногда заходил и спрашивал. «Ну-ка, показывайте, что тут у вас получается?». И в голосе его не было уже никакой строгости. А только неподдельный интерес к результатам моих бдений. Забегая вперед, скажу, что так продолжалось все две недели моей работы там, и каждый раз я уже с нетерпением ждал, когда же зайдет Роман Николаевич. Беседы с ним всегда были очень интересны и познавательны. Увлекшись, он сам начинал перекладывать тушки в другом порядке, смотреть, сравнивать. Заодно показывал мне старые сборы из нашего заповедника с фантастически неправильными определениями (на этикетке красноспинной горихвостки, например, стояло: «седоголовая горихвостка») и при этом смотрел лукаво – увижу ли?

На второй день он сказал мне, что вот днями вернется с поля Даня Кашкаров и тогда мне будет здесь не так одиноко. Услышав хорошо знакомую фамилию, я спросил его: неужели сын? «Внук» – ответил он. И буквально через день появился энергичный, с живыми чёрными глазами парень моего возраста и представился: «Даниил». Несмотря на его сдержанность и не по годам рассудительность, мы быстро подружились и дружбе этой суждено было продлиться более 45 лет. От него я узнал, в частности, много и о самом Романе Николаевиче, взаимоотношения с которым у них были очень близкими. Именно Даня, по моей просьбе, писал очерк об *Р.Н.* в книге «Орнитологи Казахстана и Средней Азии» (2003), а после смерти Романа Николаевича опубликовал некролог в журнале Selevinia; текст его я привожу ниже полностью:

«2 октября 2002 г. в городе Магнитогорске на 98-м году жизни скончался выдающийся отечественный ученый, патриарх среднеазиатской орнитологии, Роман Николаевич Мекленбурцев. Исключительные личные качества, уникальные знания и преданность науке еще при жизни поставили его в один ряд с выдающимися исследователями, создали особую атмосферу, которая и по сегодняшний день определяет состояние и направления развития орнитологии в Средней Азии.

Роман Николаевич родился 25 июня 1905 г. в городе Копал, что на востоке Казахстана, в семье военнослужащего. В условиях смутных лет, предшествовавших революции, его семья была вынуждена неоднократно менять места жительства. С 1918 по 1922 гг. они жили в селе Высокое Чимкентской области, а позже, до 1926 г. – в Чимкенте. В судьбе Романа Николаевича решающую роль сыграли два обстоятельства.

Первое – это то, что его отец был охотником и сумел привить это увлечение своим сыновьям. Эта страсть, выдержанная в лучших эстетических традициях, до преклонных лет придавала Роману Николаевичу бодрости, наполняла его жизнь планами, охотничьими вылазками и воспоминаниями. Второе, крайне важное обстоятельство, было в том, что на заре своей молодости, общаясь с первым директором заповедника Аксу–Джабаглы Борисом Петровичем Тризной, а затем в университете, *Р.Н.* соприкоснулся с духовным, литературным и коллекционным наследием известного зоолога и путешественника Николая Алексеевича Зарудного.

Еще будучи студентом, по поручению проф. Д.Н. Кашкарова, Роман Николаевич взял на себя заботу об орнитологической коллекции Н.А. Зарудного, скончавшегося в Ташкенте в 1919 г. С тех пор, в течение более 50 лет он был ее хранителем, исследователем и лучшим знатоком. Благодаря его трудам коллекция Н.А. Зарудного, хранящаяся в Национальном университете Узбекистана, до наших дней сохранена, приумножена и продолжает служить науке. Сходство между этими двумя выдающимися людьми было во многом: от самозабвенного увлечения орнитологией, неуемной энергии и тяги к путешествиям, до педантичности, неприятия всего показного, манеры одеваться и т.д. При этом при близком знакомстве с этим внешне суровым человеком покоряли его внутренняя культура и обаяние.

Трудовая деятельность и творческий путь *Р.Н.* были почти непрерывно связаны со Среднеазиатским государственным университетом (ныне Национальный университет Узбекистана). В 1926 г. он поступил учиться на биологическое отделение физико-математического факультета, который окончил в 1930 г. по кафедре зоологии позвоночных животных и сравнительной анатомии. Ещё будучи студентом, с 1927 г. он начал работать лаборантом той же кафедры. До поступления в университет, в 1926 г., он впервые познакомился с фауной заповедника Аксу–Джабаглы, а в 1933 г., уже являясь сотрудником кафедры, стал участником экспедиции, которой руководил известный орнитолог Л.М. Шульпин.

После окончания университета в течение нескольких месяцев 1931 г. *Р.Н.* работал старшим научным сотрудником Среднеазиатского института защиты растений (САИЗРА), по заданию которого изучал грызунов Зеравшанской долины. Им был пройден большой и опасный по тем временам маршрут по территории Бухарской и Самаркандской областей, Заметим, что это путешествие стало первым в череде пешеходных и вьючных экспедиций, совершенных *Р.Н.* по территории Средней Азии. Именно таким классическим способом он обследовал западные склоны Туркестанского хребта (1931), Магол-тау (1933), Нуратинский хребет (1934), верховья р. Шахдары и оз. Яшилькуль на Памире (1934), Байсунтау (1935). Летом 1936 г. совершил большой маршрут по центральным и восточным районам Памира. С октября 1936 по июль 1937 г. он провел ставшую легендарной зимовку на Памире, в долине р. Аличур. Отсюда он совершил ряд зимних экскурсий, принесших уникальные сведения о зимней фауне птиц и млекопитающих этой страны. В 1938 и 1939 гг. *Р.Н.* совершил экспедиции в бассейн реки Кашкадарья, обследовав ее нижнее и среднее течение, а также истоки, ниспадающие с Гиссарского хребта. К изучению фауны этого района он возвращался в дальнейшем еще неоднократно.

Начало Великой Отечественной войны застало *Р.Н.* в Киргизии, на озере Сары-Челек., где он проводил практику со студентами САГУ. В декабре 1941 г. он был призван в армию и находился в рядах защитников отечества до декабря 1945 г. Участвовал в боевых действиях на территории Польши и Германии, день Победы встретил в Берлине, был отмечен многими боевыми наградами.

После возвращения к мирной жизни Р.Н. Мекленбурцев с умноженной энергией приступил к педагогической и научной работе. В 1948 г., обобщив результаты своих прежних исследований, он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Орнитогеографические взаимоотношения между восточным и западным Памиром»; в 1950 г. ему было присвоено звание доцента. Он мог бы получить и последующие степени и звания, но в силу своего характера не хотел этого добиваться, считая, что не стоит тратить времени на эти «формальности».

Целиком окунувшись в творческую работу, *Р.Н.* организовал ряд теперь уже современных экспедиций, в юго-западные районы Туркменистана (подножья Копет-Дага, Кюрен-Даг, низовья Атрека и Сумбара, Малые Балханы (1951, 1952), в бассейны рек Кашкадарья (1954, 1955, 1956) и Сурхандарья (1957). С 1958 по 1968 г. Роман Николаевич совершил 9 экспедиций в Ферганскую долину, обследовав как ее равнинную часть, так и склоны окружающих горных хребтов. В августе 1968 г. он осуществил беспрецедентный орнитологический маршрут от Ташкента через Айни и Душабе на Памир и Центральный Тянь-Шань, в Алайскую долину, к озеру Иссык-куль, вернувшись через Джамбул в Ташкент.

Творческие поиски Романа Николаевича всегда отличались своим содержанием и завершенностью. Его перу принадлежат более 100 научных работ. Среди них монографии, посвященные птицам и млекопитающим Памира (1936, 1946), хребта Нуратау (1937), басссейна реки Кашкадарья, монография, посвященная проблемам переноса птицами эктопаразитов. Он участвовал в создании крупнейших зоологических сводок своего времени, таких, как «Птицы Советского Союза» (1951, 1954), «Фауна Узбекской ССР, том 2. Птицы» (1953, 1956), «Красная книга Узбекской ССР» (1983), «Птицы СССР» (1987, 1990), был основным автором исключительно популярной монографии «Природа и животный мир Средней Азии» (1969, 1971). Им создан единственный пока в Узбекистане «Полевой определитель птиц» (1989), целый ряд научно-популярных публикаций.

Научное наследие Р.Н. Мекленбурцева не ограничивается исследованиями в области орнитологии. Ему принадлежит целый ряд идей в области систематики, экологии, зооге-

ографии, частные статьи о летучих мышах (1936), грызунах (1934, 1937), зайцах (1940), горных баранах (1948, 1962), горных козлах (1949), некоторых рептилиях и т.д.

Почти 50 лет Роман Николаевич отдал педагогической работе. На биологическом факультете САГУ (позднее ТашГУ) он многие годы читал лекции по зоологии позвоночных, орнитологии, вел полевые практики. Под его руководством выросло несколько поколений зоологов. Многие из тех, кто слушал его лекции или имел возможность творчески общаться с ним, с гордостью считают Романа Николаевича Мекленбурцева своим учителем. За большие заслуги в области подготовки кадров ему было присвоено почетное звание Заслуженного учителя Узбекистана. Он ушел на пенсию в 1975 г., но еще многие годы продолжал творчески работать.

Надо признать, что Роман Николаевич Мекленбурцев обогатил научное наследие Н.А. Зарудного, создал орнитологическую школу, которая существует и успешно развивается в Узбекистане и за его пределами».

Профессор Д.Ю. Кашкаров (Selevinia-2002, с. 329-330).

Во время моего двухнедельного пребывания в Ташкенте Роман Николаевич познакомил меня не только с Даниилом Юрьевичем Кашкаровым, но и с хранительницей зоологической коллекции Ташкентского Музея природы Лилей Мироновной Балан, у которой я два дня работал со сборами А.П. Коровина; с Валерианом Павловичем Костиным, статьей его по птицам Устюрта впоследствии неоднократно приходилось мне пользоваться; с зоологом Чаткальского заповедника Борисом Михайловичем Петровым; с сотрудниками Института зоологии Академии наук Узбекистана Григорием Ивановичем Ишуниным, Олегом Павловичем Богдановым и Татьяной Александровной Павленко. А стоило мне только заикнуться, что меня очень интересует статья об орнитофауне Чирчик-Ангренского водораздела, как он тут же познакомил меня с ее автором Дмитрием Федоровичем Железняковым, который тогда работал директором Центральной научной библиотеки САГУ. Дмитрий Федорович оказался общительным человеком и тут же решил подарить мне оттиск этой статьи, но его рабочий стол, в котором лежали ее оттиски, оказался закрытым на ключ. Кончилось тем, что Дмитрий Федорович вызвал какого-то сотрудника, велел ему принести топор и вскрыл им ящик злополучного стола, но оттиск мне все-таки подписал!. И еще одно интересное для меня знакомство состоялось в кабинете Романа Николаевича – с Виктором Павловичем Курбатовым, известным узбекским зоологом и общественным деятелем по охране природы, одним из авторов статьи о грызунах Западного Тянь-Шаня.

После столь продуктивного общения в декабре 1961 г. мы с Романом Николаевичем виделись не очень часто, но переписывались и обменивались своими публикациями постоянно. Так, когда я решил в сезон 1963 г. расширить объем полевых работ и попросил Романа Николаевича прислать на практику студентов, он ответил мне, что не решается это сделать из-за слабой подготовки студентов (рис. 14).

Вообще во всем, что касается работы, – будь то научное исследование или преподавание – Роман Николаевич был действительно принципиален и строг, халтуры не выносил. Не случайно он одним из первых опубликовал статью по вопросу вмешательства в естественный процесс расселения майны (Меклен-

бурцев, 1965) и статью об ошибках в орнитологических работах (Мекленбурцев, 1981). Помню, как он искренне сокрушался, подписывая мне первый выпуск орнитологического тома многотомного издания «Фауна Узбекской ССР» (том 2. Птицы, часть 1. Ташкент, 1953. 67 с.), который он считал преждевременным публиковать и предлагал дать еще хоть пару лет для сбора материала, но заведующий кафедрой академик Т.З. Захидов буквально вынудил его сдать рукопись в печать, несмотря на то, что сведений о поганках в Узбекистане почти не было. Но позже тот же Тиша Захидович сделал для Романа Николаевича и одно хорошее дело: занимая высокие административные посты и пользуясь большим авторитетом в республике, он обеспечил публикацию их совместного двухтомника «Природа и животный мир Средней Азии», что было бы не под силу скромному и не «пробивному» Роману Николаевичу.

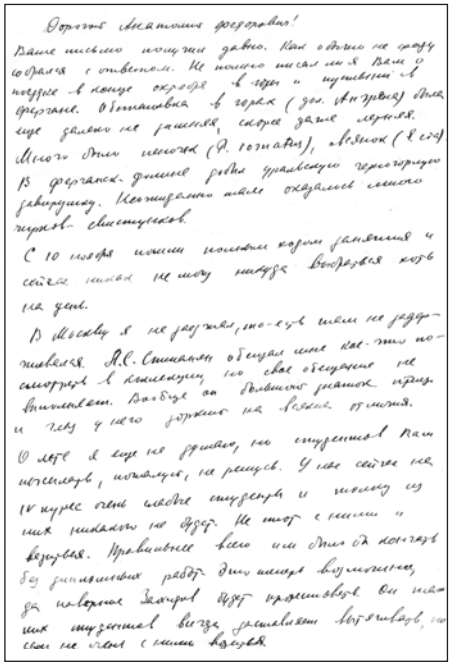


Рис.14. Письмо Р.Н. Мекленбурцева о практикантах.

После выхода Романа Николаевича на пенсию я старался в каждый свой приезд в Ташкент обязательно побывать у него. Чаще это удавалось в 90-х гг., когда шла работа над рукописью первого тома «Птицы Средней Азии». Обычно мы ходили к нему с Даней Кашкаровым, иногда к нам присоединялся Олег Митропольский. В одно из посещений, когда Роману Николаевичу было уже за 90, я спросил его – как охота на горлиц, куда его недавно возил на своей машине Даниил. Роман Николаевич развел руками и сказал, что охота сама по себе хороша, да вот только мушку он стал плохо видеть… Держался он прямо, с военной выправкой, и с большим интересом рассматривал каждую принесенную ему книгу – он вообще любил орнитологическую литературу. И только при последней встрече, когда уже не стало супруги, за которой он так трогательно ухаживал, когда у нее отказали ноги, было заметно, как сдал Роман Николаевич. Даже на обычный вопрос о здоровье он с горечью ответил: «Зачем живу? Никого уже нет, а я живу»… Он действительно заслужил почетное звание – «патриарх среднеазиатской орнитологии».

Участники научных экспедиций в заповеднике (1961)

Известность заповедника, отметившего в годы моей работы свое 40-летие, росла с каждым годом, и территорию его ежегодно посещали научные экспедиции ботаников и зоологов. Особенно регулярными были экспедиции Ботанических садов – Ташкентского и Алма-Атинского, собиравших здесь семена местной флоры. Зачастили также экспедиции ВИЛАР – Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений – которые тут же, в поле, проводили всесторонние анализы как самой арчи, так и многих алкалоидных и так называемых сапониноносных растений – выпаривали на водяной бане и т.д. Отряды ташкентского ботсада не раз возглавлял Ипполит Иванович Гранитов, алматинских териологов – Евгений Иоганнович Страутман, ленинградских энтомологов – Изъяслав Моисеевич Кержнер (тогда еще совсем молодой). А Василий Георгиевич Пучков (Киев) за три дня пребывания в заповеднике собрал и описал 4 новых для науки вида клопов.

Приезжали и отдельные ученые, заранее списываясь с заповедником и объясняя цели своих визитов. Так, в январе 1961 г. на имя заведующего научной частью пришло письмо из МГУ от доцента В.Е. Соколова, который, как он писал, занимался кожными покровами китообразных и ластоногих, а теперь ему необходимо получить пробы кожных покровов наших копытных и в частности – архара. Ответив ему, что добыча архара в заповеднике, даже с научной целью, требует надлежащего оформления документов в заповедном Главке в Алма-Ате, я, воспользовавшись тем, что в это время на зимние каникулы к нам приехали студенты того же МГУ Женя Матюшкин и Гера Кузнецов, спросил у них, что из себя представляет доцент Соколов. Один ответил, что это знаменитый университетский волейболист, второй добавил, что он – парторг биологического факультета и, по всей вероятности, далеко пойдет. Но ни они, ни я даже предположить не могли – насколько далеко (спустя 15-20 лет академик В.Е. Соколов будет вершить судьбы зоологической науки на территории всей нашей огромной страны).

Будущий академик приехал в августе. Поскольку никаких гостиниц в заповеднике тогда не водилось, то в ожидании подготовки верховых лошадей остановился он у меня и даже успел сыграть с моей женой пару партий в пинг-понг, стоявший на террасе моего дома (о чем, спустя годы, она вспоминала с гордостью каждый раз, когда его показывали по телевизору). А когда мы выехали вдвоем на Каскабулак (дяди Васи Жируева, который обычно водил такие экспедиции, на Джабаглинском участке уже не было, а новый егерь не знал дороги в котлован Каскабулака), я обратил внимание, что приезжий чувствует себя на лошади не совсем уютно, особенно когда она ускоряет шаг. И тут он признался, что совсем недавно перенес операцию по удалению аппендицита и поэтому боится тряски. Это вызвало невольное уважение и я, несмотря на дальний путь, всю дорогу сдерживал своего Орлика, чтобы он шёл только шагом. За три дня пребывания в котловане мы вдоволь налюбовались как самими архарами так и многочисленными здесь петроглифами, открытыми в свое время Ф.Д. Шапошниковым. Владимир Евгеньевич расспрашивал об истории этого открытия,

о количестве этих рисунков в котловане (считается, что их здесь не менее двух тысяч). А спустя несколько месяцев вышла статья В.Е. Соколова о роли наскальных изображений животных в изучении их древних ареалов. Тогда я поразился – и оперативности в публикации, и умению использовать факты для обоснования своих идей.

Но больше мне запомнилась состоявшаяся за полгода до этого зимняя поездка с Женей Матюшкиным и Герой Кузнецовым в Кши-Каинды. Их приезд совпал с двумя обстоятельствами. Первое из них – неприятного свойства: мне приходилось исполнять обязанности директора заповедника и, стало быть, я не мог надолго отлучаться из села. Второе – радостное известие из Харькова о том, что у меня родилась дочь. Не теряя времени, мы запрягли легкие сани, погрузили в них все привезенное ребятами, и отправились в Кши-Каинды – они на 5 дней, а я – всего на два (дела, дела!).

Первый вечер в домике Тризны был просто незабываем. Ребята привезли с собой из столицы все, что надо для праздника друзей в горах, а главное – свежий воздух столицы, кучу новостей и гору новых анекдотов, рассказывать которые Женя был большой мастер. Вообще они были очень разные, эти два друга-студента: Герман – очень серьезный и молчаливый, а Евгений – смешливый и разговорчивый. Чем-то они напоминали мне нас с Юркой всего пару лет назад. Первым делом Женя достал из рюкзака новенький примус «Шмель», деловито заправил его бензином и поставил чай. Но не успел еще примус как следует разгореться, как Женька, крикнув «Атас! Он взрывается!» вывалился за дверь прямо в снег, а мы – за ним. Долго ждали мы взрыва, который так и не последовал. Когда же осторожненько заглянули через приоткрытую дверь, маленький труженик тихо горел синим пламенем, добросовестно выполняя свою работу. Женя оправдывался, что вообще-то они иногда взрываются (но мне показалось, что он специально устроил этот спектакль).

Последовали тосты за новорожденную, затем – московские новости вперемежку с анекдотами, которые иногда представлялись как свеженькие факты. Так, например, совсем недавно в газетах писали о том, как Хрущев громил выставку абстрактного искусства. Я спросил ребят – правда ли это и как это выглядело. Женя охотно откликнулся и в лицах изобразил, как Хрущев, все больше распаляясь, шел вдоль вывешенных картин и распекал свою свиту: «Это что за мазня?! Убрать» и шел дальше, останавливаясь около очередной с тем же или подобным восклицанием. А в одном месте он остановился и гаркнул: «А это что за ж… с ушами??». Наступившую тишину нарушил вкрадчивый голос самого смелого из холуйской свиты: «Это зеркало, Никита Сергеевич…». Конечно, это анекдот, но разве не анекдотично все то действо, что происходило на той выставке?.

Следующий день мы бродили по пояс в снегу, выискивая козлов и косуль. А вечером – снова рассказы. Говорил в основном Женя. На сей раз он рассказывал об Астраханском заповеднике, где предыдущим летом был на практике. В лицах изображал тамошних работников охраны, среди которых начальство внедряло карточный метод записи наблюдений за животными. При этом приводил десятки анекдотичных случаев…

Утром я вынужден был на тех же санях уехать в село, пообещав ребятам в нужный день приехать за ними или прислать кого-нибудь. Когда в назначенный день они приехали на санях и на них же умчались на станцию Тюлькубас, торопясь к поезду, то впопыхах, торопясь, рассказали, что на следующий после моего отъезда день они наблюдали охоту на косуль двух барсов сразу! Зависть моя была беспредельна, но потом я убедил себя, что это очередной розыгрыш Матюшкина. Каково же было мое удивление, когда вскоре он прислал мне оттиск их публикации в журнале «Природа» под заголовком: «Снежный барс охотится»…

Больше мы с ребятами не встречались, но на публикациях о птицах Хехцирского заповедника (того самого, куда чуть было не уехал я в 1963 г.!) не раз читал «Е.Н. Матюшкин», иногда вместе с женой Л.В. Кулешовой, с которой я познакомился только в 1981 г. на VIII Всесоюзной орнитологической конференции в Кишиневе. Потом от териологов я узнал, что Евгений Николаевич Матюшкин – ведущий в СССР специалист по крупным кошкам, а сам он прислал мне свою Стратегию сохранения амурского тигра. Вскоре прислал письмо с вопросом – а нельзя ли повторить поездку в Аксу-Джабаглы? Я предложил встретиться сначала в Алма-Ате, где я смогу познакомить его с дочерью, за которую мы так пили в январе 1961 г. Стали обсуждать варианты встречи в Алма-Ате и совместной поездки в заповедник. Но каждый год что-то мешало, и поездка откладывалась – пока не пришла печальная весть о том, что Жени не стало… А Герман Васильевич Кузнецов стал очень известным териологом и до сих пор работает в ИЭМЭЖ (Институт эволюционной морфологии и экологии животных), где директором много лет был академик В.Е. Соколов. В декабре 2008 г. Гера прислал мне с автографом свою монографию «Млекопитающие Вьетнама» (2006) и во вложенном письме вспоминал добрым словом ту поездку, выражая надежду ещё побывать в наших краях.

В годы работы Севы Утехина в заповедник приезжал один из его учителей – Леонид Николаевич Соболев – крупный геоботаник и интересный собеседник, познакомивший нас вкратце с методикой Раменского, которую он тогда активно пропагандировал. В 1961 году его пребывание в заповеднике совпало с двумя событиями: в заповедник собиралась приехать делегация ботаников из Индии, а правительство Казахстана разрешило «в виде исключения» пустить на заповедную территорию 30 тысяч голов колхозного скота. Помню, как негодовал по этому поводу Леонид Николаевич, доказывал директору, что надо что-то предпринимать, а потом пошел на почту и «отбил» начальнику Управления Валентину Александровичу Степанову телеграмму: «Не рекомендую позорить заповедник перед иностранными ботаниками». И поездка индусов не состоялась (а овцы так и паслись на заповедной территории). Кстати, история с массовой пастьбой скота в заповеднике в 1961 году сама по себе заслуживает отдельного описания – как яркий пример нравов того времени, а также того, какую борьбу за сохранение заповедника приходилось вести и тридцать лет спустя после Б.П. Тризны.

Борьба за целостность заповедника (1961-1965)

Полностью восстановившиеся за 35 лет охраны суходольные луга, составлявшие добрую половину территории заповедника, никак не давали покоя животноводам – как и в годы работы Б.П. Тризны. Только здесь уже покушение на заповедник совершали не горстка баев, как писал Борис Петрович, а сама местная власть в лице райкомов и райисполкомов. Рассматривая территорию заповедника как пастбищный резерв, они при любой возможности обращались в правительство и, ссылаясь на особенно трудный год и плачевное положение скота в ряде хозяйств области, просили «в виде исключения» дать разрешение на пастьбу скота в заповеднике. И надо сказать, что не так уже редко им это удавалось: то в одно месте, то в другом давали разрешение отдельным колхозам пасти скот в том или ином урочище (указывались лесные кварталы), а иногда скот запускали под предлогом, что необходим прогон его к водопоям, расположенным на территории заповедника (естественно, что вся широкая полоса прогона стравливалась скотом).

Наибольшие масштабы пастьба скота в заповеднике приняла летом 1961 г., когда было принято Распоряжение Совета Министров Казахской ССР № 999-Р, по которому для пастьбы скота была открыта вся северная половина заповедника – до хребта Алатау и каньона Аксу – на которую было запущено 30 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Но самый страшный пункт этого постановления гласил, что с будущего года эту территорию предоставить в **постоянное** пользование колхозов, а северную границу перенести южнее, по хребту Алатау, оставив для заповедника только южную половину нынешней территории! Фактически это был смертный приговор самому заповеднику, ибо существование его в предлагаемых новых границах было невозможно, по крайней мере, оно лишалось смысла. Спорить было бесполезно: директор был вызван в райком, где ему вручили означенное распоряжение и потребовали неукоснительного его исполнения.

Мы с Севой решили бороться. Тогда еще свежа была память о хрущевской оттепели (хотя сама она уже канула в Лету), где-то далеко в Сибири такие же молодые биологи, как мы, воевали за Кедроград, в газетах иногда появлялись статьи в защиту заповедников. Мы решили обратиться за помощью к научной общественности. Было составлено и разослано в десятки адресов обстоятельное письмо-обращение в защиту заповедника (в нём давалась краткая историческая и физико-географическая справка о заповеднике, перечислялись те многочисленные научные экспедиции, которые ежегодно работали на его территории). К нему мы приложили собранные нами в конце лета сведения о прекративших существование на местах скотобоя родниках, и даже сведения об удоях колхозных коров на территории заповедника, оказавшихся более низкими, чем прошлогодние. Все это служило одному выводу: заповеднику нанесен ущерб, а животноводство не получило той прибыли, на которую рассчитывало руководство.

Письма были разосланы в институты биологического профиля АН СССР (ЗИН, БИН, Ботсад), в Отделение Общей Биологии АН СССР, Институт Географии АН СССР и в аналогичные институты республиканской Академии наук

КазССР. В сопроводительном письме от научного отдела заповедника я просил всех адресатов писать свое мнение в адрес Совета Министров Казахской ССР, а копию присылать в научный отдел заповедника. Всю зиму 1961/62 г. мы получали эти копии и по ним следили за всем ходом событий. Нечего и говорить, какой радостью было каждое полученное письмо за такими авторитетными подписями как академики Е.Н. Павловский, В.Н. Сукачев, И.П. Герасимов и др. Ближе к весне у нас появилась надежда, что эта волна здравого смысла преодолеет самолюбие наших правителей (кому охота отменять свое постановление?!).

И все же, когда в апреле, исполняя обязанности директора заповедника, я получил Постановление Совмина КазССР с кратким, но бесценным текстом: «Принять предложение Комиссии по охране природы АН КазССР и оставить заповедник Аксу-Джабаглы в прежних границах» (о массе других писем – ни слова!), то ликовал, как папуас, и жалел, что Сева находится в отпуске в Москве и не может разделить со мной эту радость. И с каким нескрываемым торжеством отправил я ни с чем обратно районного землемера, приехавшего уже для установления новой границы!!! Тот уехал с угрозами, что я еще пожалею, и на второй день меня вызвали в райком партии. Надо сказать, что, будучи беспартийным (чего мне это стоило – уворачиваться от очередного «лестного» предложения!), я не испытывал панического страха перед этим грозным учреждением, хотя и знал, что испортить жизнь оно может и беспартийному. Но в кармане у меня лежала бесценная индульгенция, о существовании которой, видимо, ещё не знал районный карающий меч, раз вызывал меня на расправу. Так оно и было. Когда в ответ на посыпавшиеся угрозы я сказал, что надо следить за постановлениями правительства и назвал вожделенный номер и дату документа, то получил полную сатисфакцию за все, что пережил, когда готовил и рассылал письма в защиту заповедника…

Так была получена важнейшая победа, укрепившая мою веру в то, что существует все же справедливость. К сожалению, посягательства на заповедник не прекращались, а с приходом в 1962 г. нового директора они приняли характер частных договоренностей между местным руководством и директором, причем узнать об этом не всегда удавалось, так как эта незаконная деятельность, конечно же, не афишировалась. Постепенно всё это достигло таких масштабов, что в 1965 году скотом была занята снова практически вся северная половина заповедника. Не выдержав, я написал отчаянное письмо в центральную газету «Комсомольская правда», которая тогда одна из немногих печатала подобные «острые» материалы. Послал так, наобум, чтобы выплеснуть то, что накопилось. А они возьми и напечатай, да еще практически без сокращений! Я стал получать письма от друзей и даже незнакомых людей. Большинство поддерживали, а скептики советовали готовить сухари, поскольку в статье были затронуты многие республиканские и местные инстанции. Но были и такие, которые высказывались в поддержку этой статьи и писали прямо в редакцию или в высокие инстанции.

Особенно благодарен я за помощь профессору Валентину Феодосиевичу Палию. Он был тогда директором Института биологии Академии наук Кирги-

зии и приехал к нам в заповедник с группой своих сотрудников: С.П. Тарбинский, Довнар-Запольский, Л.В. Пэк. Как обычно, остановились у меня. И здесь, за чаем, разговорились. Серафим Петрович Тарбинский рассказывал разные интересные истории, с Людмилой Владимировной мы практически договорились об определении содержимого желудков птиц (тема, всегда очень важная для орнитолога), а Валентин Феодосиевич, выслушав мои невеселые новости, попросил у меня мою газетную статью и пообещал написать от института. Таких обещаний за 7 лет работы в заповеднике я наслушался вволю. Однако через несколько дней он прислал мне копию своего официального письма в Совет Министров Казахстана с протестом против беззакония. В письме, написанном очень гневно, в резких тонах, были и такие слова: «Как ученый, как коммунист, я не могу пройти мимо этих вопиющих фактов» – то, чего не часто встретишь в официальных бумагах. Надо сказать, что в моей статье особо ставился вопрос о том, что заповедниками не может руководить орган, который подчинен Министерству сельского хозяйства (именно в его составе находилось тогда Управление заповедниками), которое и распоряжается заповедными территориями просто как *резервом* сельскохозяйственных земель.

В сентябре в заповедник приехал доцент КазПИ им. Абая Матвей Александрович Шаргаев (тогда – правая рука профессора В.Н. Скалона), командированный Центральным Советом Казахского общества с заданием «разобраться на месте». Проехав по кордонам заповедника и поговорив с народом, мы нашли с ним общий язык и с этого времени наши дружеские отношения поддерживались более 30 лет, в том числе и после возвращения его в Бурятию – до самой смерти Матвея Александровича в конце 90-х гг. в г. Улан-Удэ.

Осенью того же года состоялась реорганизация управления заповедниками: оно было выведено из состава МСХ КазССР и преобразовано в КАЗГЛАВОХОТУ – Главное Управление заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров КазССР, что вполне соответствовало моим предложениям. Конечно, я далек от того, чтобы думать, что причиной этого могла быть моя статья, но она этому явно содействовала.

Студенческие практики в заповеднике (60-е гг.)

Студенты биологических вузов проходили в заповеднике практику индивидуально, обычно по личной договоренности с кем-то из специалистов заповедника. По материалам такой практики писались и защищались курсовые и дипломные работы. Помню, как зимой 1963/64 г. я искал себе практиканта в Алма-Ате и договорился с одним из студентов, что летом 1964 года он приедет ко мне на практику. Звали студента Эрнар Ауэзов. Но когда в июле 1964 года приехала студентка Галя Галковская (Полетаева) изучать питание птиц (до этого они с преподавательницей КазГУ Александрой Александровной Пенкиной определяли мне содержимое птичьих желудков), она сообщила, что Эрнар уже уехал на полевую практику в Наурзумский заповедник, где собралась целая бригада охотников по водоплавающей дичи. Лишь через три года я узнал, что Эр-

нар – заядлый охотник. Сама Галя оказалась удивительно способной ученицей (такой уровень самодисциплины не часто встретишь) и написала прекрасную работу, оказав и мне большую помощь в работе. К сожалению через несколько лет, работая на Алматинском Биокомбинате, она погибла при взрыве какого-то автоклава или котла с раскаленным содержимым.

Последней моей дипломницей в заповеднике была Алина Рукина, студентка родного Харьковского университета, которую Лисецкий нагрузил поручениями по отлову бабцов. Однако Алина столь успешно развернула работу по поиску гнезд певчей славки, которая тогда была фоновым видом птиц чуулдакских арчевников, что времени на ловлю бабочек у нее не оставалось (и это обернулось мне впоследствии гневным письмом от Саки). Зато по биологии размножения этой славки материал оказался настолько интересным, что кроме дипломной мы использовали его и для публикации совместной научной статьи в сборнике «Новости орнитологии Казахстана» (Ковшарь, Рукина, 1968).

Однажды, в 1964 году, зав. кафедрой физгеографии КазПИ (педагогический институт имени Абая) Алдар Петрович Горбунов и декан факультета Петр Демьянович Устименко привезли в заповедник на практику большую группу студентов – человек 20. Пришли ко мне в гости, попили чайку, побеседовали. Алдар Петрович, специалист по мерзлотоведению (криолог), оказался удивительно интересным собеседником, и между нами сразу же возникло взаимопонимание, которое длится уже более 45 лет.

Интересно, что жившая тогда у нас Лена Викторовна Зимина (энтомолог Зоомузея МГУ, приехавшая на лето изучать мух-журчалок) встретила Алдара Петровича как старого знакомого, а после его ухода сказала мне: «А вы знаете, какой это знаменитый человек? Его мама родила его в Монголии, когда работала в экспедиции Петра Кузьмича Козлова. Теперь вы понимаете – почему он Петрович?». Тогда я чуть не упал от такого полёта женской фантазии и лишь спустя годы, когда мы уже были достаточно хорошо знакомы, осмелился передать Алдару содержание нашего разговора. Он невозмутимо ответил, что слышал о такой версии, но она не имеет под собой никакого основания, поскольку его отца тоже звали Петр и они вместе с мамой работали в Монголии, где отец (Всехсвятский П.) был одним из участников создания Монгольской Конституции. А фамилию он носит мамину, родной брат которой, Николай Петрович Горбунов, работал секретарем у Ленина! Более того, отец дружил с Николаем Константиновичем Рерихом, который и предложил маме назвать будущего сына Алдаром!! При таком обилии звездных имен П.К. Козлов был уже явно лишним… Эти биографические данные *А.П.* опубликованы (Горбунов, 2005).

А тогда, в Аксу-Джабаглы, Алдар Петрович предложил мне: «Давайте, сделаем несколько экскурсий вместе: я буду называть Вам горные породы, а Вы мне – птиц». Так и сделали, поднявшись для начала на перевал Кши-Каинды. В селе же Алдар Петрович как рослый, видный мужчина произвел настоящий фурор, появившись в шортах! Такого там в те времена еще не видели. Уезжая, Алдар Петрович пригласил меня в гости. При первой же поездке в Алма-Ату

я побывал в их гостеприимном доме, где его супруга Евгения Михайловна (почвовед по специальности) угощала привезенной из Монголии настойкой на щитоморднике, который лежал тут же, на дне бутылки. Вообще чета эта много и часто путешествовала по миру, особенно Алдар Петрович, который бывал в десятках стран на всех континентах (Бондарев, Горбунова, Северский, 2000). А когда я уже работал в Алма-Ате, наш стационар был расположен бок о бок с его криологической лабораторией, и мы 10 лет имели возможность общаться в высокогорье Заилийского Алатау.

Кстати, о Лене Викторовне Зиминой, которая тоже была интересным человеком. Она сама нашла меня через моих друзей-дальневосточников – Юру и Наташу, у которых летом 1963 года собирала материал. Взяв у них мой адрес, она написала мне письмо с просьбой посодействовать тому, чтобы она могла поработать следующий сезон в заповеднике Аксу-Джабалы. Заканчивалось письмо словами: «А лет мне 40 и я толстая» и к этому прилагалась фотокарточка размером 3х4 см. Даже это предусмотрела – чтобы жена не ревновала! Как и многие другие приезжие коллеги, она остановилась у нас, как в базовом лагере, откуда совершала на попутном транспорте выезды в разные участки заповедника. Оказалась очень контактным и приятным в быту человеком. Только много позже я узнал, что она – дочь знаменитого алматинского альпиниста Виктора Зимина, а сестра ее Нина Викторовна преподавала биологию в алматинской школе № 35, в которой впоследствии учились обе мои дочери. До чего же тесен мир! В этом я убеждался еще не раз…

Львовская орнитологическая конференция и знакомство с ЗИН АН СССР

Но больше всего интересных встреч давали Всесоюзные орнитологические конференции, которые до 1965 года проводились раз в 3 тогда, а с 1969 – через 4 года. За время работы в заповеднике я был участником двух таких конференций: третьей во Львове в 1962 г. и четвертой – в Алма-Ате в 1965 г. Когда перед первой я спросил Игоря Александровича Долгушина, стоит ли мне ехать во Львов, он ответил утвердительно и среди доводов в пользу поездки, помимо интересных докладов, назвал и неформальное общение между участниками, добавив при этом: «Кулуары зачастую бывают важнее самих заседаний». Здесь, во Львове, я не только посмотрел вблизи на светил нашей орнитологии (Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Л.А. Портенко, Б.К. Штегман и др.), но и свёл знакомство со многими своими сверстниками, включая даже алматинца Эдика Гаврилова, с которым Долгушин несколько раз пытался нас познакомить, но всё как-то не получалось, так как Гаврилов жил и работал не в городе, а в поселке Каргалинка, где располагался его Институт защиты растений. Здесь я познакомился и вскоре подружился с Анатолием Никифоровичем Пославским и Ардалионом Алексеевичем Винокуровым. Оригинальным получилось знакомство с Сашей Кищинским, который разыскивал меня по поручению самой Елизаветы Владимировны Козловой (я перед этим послал на ее суд один из первых своих опусов). Когда он подошел ко мне, я вздрогнул – так он был похож на одного моего харьковского товарища,

погибшего при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. И только голос оказался другим. Это ли обстоятельство, или скорее то, что он, коренной москвич, только недавно поступил в аспирантуру в Ленинград и не имел еще здесь друзей, способствовало тому, что когда я со Львова приехал на месяц в этот город в первую свою командировку в ЗИН, мы подружились и всё свое свободное время проводили вместе, знакомясь с достопримечательностями Северной Венеции.

Э.И.Гаврилов,А.Н.Пославский, А.Ф.Ковшарь, И.Ф.Бородихин. Львов, 1962. *Фото И.А.Кривицкого*

Из многих знакомств запомнилось своей оригинальностью ещё одно. Когда я стоял около своего постера (во Львове эта форма доклада была апробирована впервые), к нему среди прочих интересующихся подошла очень яркая дама с огромного размера бусами на шее и стала интересоваться, почему это я отнес горихвостку-чернушку к высокогорным птицам. Поскольку вид дамы мало вязался в моем представлении с обликом орнитологини (вон недалеко стоит наша Наталья Литвиненко – это же настоящий орнитолог!), я начал, как говорится, заводиться и запальчиво доказывать свою правоту. Спор нарастал, и я уже готов был принимать в штыки все её утверждения. Спасибо Станиславу Чунихину, который отвлек даму каким-то встречным вопросом, и она потеряла интерес к моему постеру и ко мне. И лишь когда я увидел, как уважительно разговаривает с этой дамой Игорь Александрович Долгушин, я спросил: «Кто это?». Оказалось – Римма Петровна Зимина – москвичка, много лет проработавшая на Тянь-Шаньской физико-географической станции в Киргизии. Так мы с ней познакомились, а затем и подружились. Вскоре она, как и обещала, прислала мне свои наблюдения над питанием гималайских вьюрков (*Leucosticte nemoricola*) семенами тянь-шаньской ели (во что я не верил тогда, во Львове, и яростно доказывал, что этого не может быть). Завязавшаяся переписка длилась много лет, особенно часто обменивались мы письмами и открытками при подготовке книги об И.А. Долгушине, которого она тоже очень любила и уважала.

Будучи женой академика И.П. Герасимова, много лет возглавлявшего Институт географии СССР, она не раз сопровождала его в поездках в Алма-Ату и каждый раз через вице-президента нашей Академии наук Е.В. Гвоздева приглашала меня на встречу. Так я познакомился и с Иннокентием Петровичем, который однажды присутствовал при нашем разговоре, чтобы посмотреть – с кем это его жена непременно должна встретиться… Запомнилась мне наша встреча

в ноябре 1979 г. в МГУ, когда я приезжал на предзащиту докторской диссертации. Здесь Римма Петровна, присутствовавшая на «представлении», в очередной раз поставила меня в тупик своей непосредственностью. Заметив, как я удивился при ее словах «мой сын Петя Чельцов», она удивленно спросила: «А Вы разве не знали, что Александр Михайлович – мой первый муж?»… Удивительная женщина! Беседовать с ней всегда значило – узнавать для себя что-то новое и зачастую совершенно неожиданное…

Число орнитологических знакомств, завязавшихся на Львовской конференции, исчислялось десятками имен, из которых необходимо назвать хотя бы несколько главных: Абдулла Киямович Сагитов (Самарканд), Акмат Кыдыралиев (Фрунзе), Бурхард Штефан (Берлин, ГДР), Федор Иванович Страутман (Львов), Вячеслав Федорович Ларионов (Москва), Сергей Николаевич Варшавский (Казахстан, Аральск), Володя Береговой (Свердловск); с некоторыми из них дружеские отношения сохранились на десятилетия. Встретил я здесь и своего дядю Антона Петренко, которого последний раз видел в 1941 г. в Ровно и знал только по нашей семейной фотографии и рассказам мамы.

Многие участники конференции, как и я, после ее окончания поехали в ЗИН – грех было не воспользоваться такой возможностью, учитывая близость северной столицы и доступность железнодорожного билета. Мы ехали в одном вагоне с Марией Алексеевной Кузьминой (И.А. Долгушин прилетел позже самолетом), здесь же я видел Александра Александровича Назаренко (Владивосток) и очень яркую брюнетку Марал Аманову из Ашхабада, а также ряд других знакомых по Львову лиц, имен которых я просто не знал.

Трехнедельное пребывание в Ленинграде оказалось для меня не только полезным (в чем я нисколько не сомневался, планируя эту поездку), но и удивительно приятным. Сам город, о котором я много слышал и всегда мечтал увидеть, произвел просто неизгладимое впечатление, за что я в первую очередь благодарен моим спутникам – Марии Алексеевне Кузьминой и Игорю Александровичу Долгушину. Мария Алексеевна была коренной ленинградкой, обожала свой город и стремилась показать всё самое лучшее в нем. В один из выходных она повезла меня в Пушкин, где показала все царскосельские достопримечательности и даже место в парке, памятное только ей: «Здесь на меня едва не наехал, катаясь на лошадке, цесаревич Алексей». И я представил себе их маленькими… В последнее воскресенье сентября она повезла меня в Петергоф, где был традиционный праздник закрытия фонтанов. Великолепие самого праздника (а день был на редкость солнечный и теплый) дополнилось яркими впечатлениями от Балтики: туда мы шли на каком-то теплоходе, который сопровождали белоснежные чайки-попрошайки, а оттуда – на быстроходном «Метеоре». Утром море, прикрытое пеленой тумана, было свинцово-серым, а в солнечный послеполуденный час – ослепительным, блестяще-белым.

Игорь Александрович как-то после ужина устроил мне вечернюю прогулку по также любимому им городу, рассказывая обо всем, что встречалось на пути: Исакиевский собор, Адмиралтейство, Мойка, Фонтанка, Спас на крови и т.д. От него я впервые узнал, что сам город планировался, как Северная Венеция,

и все это обилие каналов соответствовало этому основному замыслу – чтобы гостей во дворцы привозили на гондолах. А в одном месте он остановился у ничем не примечательного (после творений Росси и Растрелли) ленинградского жилого дома, закурил и произнес, показывая куда-то на второй или третий этаж: «Сколько же раз я приносил цветы в этот дом…».

Завершили программу ознакомления с Питером наши вечерние и воскресные прогулки с Сашей Кищинским. Он жил в аспирантском общежитии, но поскольку в отличие от меня, полного новичка, уже более или менее ориентировался в городе, то чаще заезжал ко мне на Халтурина 27, где находилась старинная академическая гостиница практически без удобств (во всяком случае, горячей воды здесь не было). Как объяснили мне знающие ленинградцы, раньше здесь жила дворцовая челядь – через несколько домов находился сам Зимний дворец (ныне – знаменитый Эрмитаж), у него улица Халтурина открывалась, как бы вливаясь в Дворцовую площадь. Старинные 3-4-этажные дома по Халтурина стояли так плотно, что по их крышам можно было пройти от нашей гостиницы до Зимнего дворца, что я и видел как-то на ноябрьские праздники: люди пробирались этим путем, чтобы посмотреть парад. Здесь я любил останавливаться и в последующем.

Отсюда мы с Сашей направлялись вдоль Невского проспекта, осматривали чудный Казанский собор или заворачивали к Спасу на крови, который в то время был на ремонте. Однажды он предложил поехать в Александро-Невскую лавру, в которой сам ещё не был. Здесь мы слушали богослужение и бродили по некрополю со знаменитыми могилами. Больше всего меня поразила плита с надписью «Тут лежит Суворовъ». Когда я на второй день выразил свое удивление краткостью этой надписи в разговоре с Долгушиным, он спокойно ответил: «А это совсем не случайно и вовсе не прихоть. У него было столько титулов, что для перечисления их не хватило бы и нескольких таких плит». Запомнилась могила Державина, а также скульптурные надгробия некоторым композиторам, особенно Даргомыжскому. Из надписей нам обоим запомнилась такая философская эпитафия: «Прохожий, ты идешь, но ляжешь, как и я. Присядь и отдохни на камне у меня. Сорви былиночку и вспомни о судьбе. Я дома, ты – в гостях. Подумай о себе». Одним словом, прогулки наши были очень содержательными. И не менее интересными были наши беседы, в которых мы касались не только птиц…

Зоологический институт Академии наук СССР (ЗИН АН ССР, а сейчас ЗИН РАН) расположен на стрелке Васильевского острова – прямо напротив окончания Дворцового моста. Ежедневный мой пеший маршрут проходил по набережной Невы мимо Эрмитажа, откуда открывалась прекрасная панорама на эту полноводную реку, Петропавловскую крепость, Дворцовый мост и стрелку Васильевского острова. Здесь на каждом шагу ощущалось дыхание истории, не покидала мысль о том, сколько же людей здесь прошло.

Орнитологический отдел находился в самом конце правого крыла третьего этажа и запомнить дорогу было не так-то просто. Коридоры с множеством поворотов казались бесконечными. И не случайно через полгода в одном из писем

в ответ на мой вопрос – что там, в центре, слышно о будущей реорганизации заповедников – Саша Кищинский мудро ответил: «По нашим длинным коридорам тоже ползли слухи на эту тему. Но ты же знаешь наши коридоры?! Так что брось нервничать и работай спокойно, все образуется». Эта его черта – рассудительность – помогала мне не раз, в том числе и 20 лет спустя, во время защиты докторской диссертации, на которую Саша писал внешний отзыв от ИЭМЭЖ, а мне в письме сообщил, что на защите присутствовать не сможет, поскольку уезжает в очередную экспедицию в Монголию. И добавил: «Не волнуйся, всё у тебя будет хорошо». Это было его последнее письмо. И последняя экспедиция…

Зоологический институт Российской Академии наук (более полувека – ЗИН АН СССР), или просто ЗИН, как привыкли называть его во всех уголках необъятной страны, всегда считался цитаделью отечественной академической орнитологии, в противовес вузовской, взращённой в Москве (в основном МГУ – акад. М.А. Мензбир, Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Е.С. Птушенко и многие другие выдающиеся орнитологи XX столетия). В ЗИН'е блистали не менее яркие имена: акад. П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов, Б.К. Штегман, Л.А. Портенко, А.И. Иванов, К.А. Юдин. Единственной женщиной среди них была легендарная Елизавета Владимировна Козлова, прославившаяся своими исследованиями птиц Центральной Азии. Большинство этих людей были ещё в расцвете своего творчества в середине 50-х гг. XX ст., когда в коллектив пришла выпускница Ленинградского университета Ирена Анатольевна Нейфельдт, уже зарекомендовавшая себя работами по фауне и биологии птиц в Карелии и вскоре начавшая цикл своих дальневосточных работ.

В сентябре 1962 г., когда я впервые переступил порог Орнитологического отдела ЗИН, здесь ещё работали все перечисленные орнитологи старшего поколения, кроме П.П. Сушкина и А.Я. Тугаринова. Из более молодых, моего поколения, кроме упомянутой И.А. Нейфельдт, здесь работали недавно вернувшийся из Казани Борис Владимироваич Некрасов, готовившийся к защите диссертации по морфологии овсянок, а также Роальд Леонидович Потапов, работавший до этого на Памире, в Таджикистане. Правда, Потапов числился в Зоомузее ЗИН, а Некрасов – в библиотеке ЗИН, но всё это находилось в одном здании. Заведовал Орнитологическим отделом Александр Иванович Иванов.

Обстановка была предельно рабочей – никаких досужих разговоров, не считая получасового обеденного перерыва. Только Елизавета Владимировна сразу же после знакомства начала разговор о той рукописи моей первой заметки, которую она передала во Львов с Сашей Кищинским. Она дотошно расспрашивала меня о биотопе, в котором было найдено первое гнездо краснокрылого чечевичника, о поведении самих птиц у гнезда и на местах кормежки, об их голосовых реакциях – словом, все об этой птице. Так же дотошно позже расспрашивал меня о нем и К.А. Юдин, столкнувшийся с краснокрылым чечевичником на Кавказе, его особенно интересовали тонкости поведения.

Леонид Александрович Портенко пригласил к себе в кабинет и, достав большую коллективную фотографию недавно закончившейся Львовской конфе-

ренции, попросил помочь ему с молодежью: стариков он всех обозначил на отдельном листке бумаги, а вот с молодыми вышли затруднения. И объяснил, что так он делает после каждой конференции и что это важно для истории науки. К сожалению, я мало чем мог ему помочь, так как еще мало кого знал, но человек 5-6 своих новых знакомых назвал, чему он был искренне рад. Потом разговор перешел на птиц и он, узнав, что я привез тушку самца черногрудой красношейки, попросил подарить её ему, так как с этой птичкой, как он выразился, у него связаны теплые воспоминания о поездке 1929 г. в Киргизский хребет. Пришлось дарить.

Бориса Карловича Штегмана я в этот раз видел только мельком, а А.И. Иванов и К.А. Юдин были очень заняты, мешать им не хотелось. Да и мне больше всего нужен был автор моей настольной книги «Гнездовая жизнь певчих птиц» (1959) – Алексей Сергеевич Мальчевский. Он работал в Ленинградском университете, расположенном рядом, на Васильевском острове. Кстати, там же работал и автор другой настольной книги «Полевые исследования по экологии наземных позвоночных» (1953), профессор Георгий Александрович Новиков. И я направился туда. Однако Мальчевский слушал меня как-то рассеянно, как говорится в пол-уха, а затем признался, что после выхода той самой книги его интересы изменились, и сейчас он занимается в основном… перепелами, а также напевами птиц. Георгий Александрович был отменно вежлив, но, как и всякий преподаватель, очень стеснен временем: разговор практически свелся к передаче привета Марии Алексеевне Кузьминой, его бывшей однокурснице. Бородатый красавец, которого я встретил, уходя, оказался впоследствии Юрием Болеславовичем Пукинским.

Из коллег, более близких мне по возрасту, не считая уже упомянутого Саши Кищинского, с которым мы проводили все свободное время за пределами ЗИНа, я немного общался со строгой и тоже очень занятой Ирэной Анатольевной Нейфельдт, но больше – с добряком Борисом Владимировичем Некрасовым и весёлым, энергичным Роальдом Леонидовичем Потаповым. Дружба, возникшая между нами, отличалась тем, что если с Аликом Потаповым мы с первого же дня обращались по имени и на «ты», то с Некрасовым, в силу его рафинированной интеллигентности, – по имени, но на «Вы».

Алик тут же пригласил меня к себе в гости, на набережную Черной речки, где я окунулся в мир высокогорья – везде был Памир и немного «Тигровая балка», в которой он работал. Фотографии и слайды Памира и его пернатых обитателей заняли почти весь вечер, но не был забыт и снежный человек, которого Потапов одно время искал на Памире вместе с И.А. Абдусалямовым. Многое из его устных рассказов я прочитал потом в его замечательной книге воспоминаний «Неведомый Памир» (1970). Стоило мне упомянуть о высокогорной галлерее петроглифов Каскабулака, как Алик живо заинтересовался ими, расспрашивал, а потом сказал, что у него есть хорошие специалисты в Институте этнографии, и что этот материал можно довольно быстро опубликовать. Тогда ещё статья В.Е. Соколова не была напечатана, и я себе плохо представлял, как можно публиковать то, что открыто не тобой, а другим – в данном случае

Ф.Д.Шапошниковым. Сказал об этом Алику, и он тут же предложил связаться с Шапошниковым и предложить ему такой соавторский вариант. К счастью, разговор этот так и остался разговором, тем более, что вскоре вышла уже упомянутая статья В.Е. Соколова (1964).

Боря Некрасов также пригласил меня в гости на улицу акад. Орбели. И там мы в основном говорили о недавно вышедших «Птицах Волжско-Камского края», в написании которых Боря принимал участие, так как почти 8 лет проработал в Казани у Виктора Алексеевича Попова. Он также интересовался тонкостями поведения различных горных вьюрков и овсянок, а когда услышал мой рассказ о том, как краснокрылый чечевичник проделывает замысловатые движения шеей, когда прилетает с кормом к гнезду, то высказал предположение, что всё это говорит в пользу того, что корм он носит не в зобу, а в особых подъязычных мешках, лишенных собственной мускулатуры, какие пока что известны лишь у горных вьюрков рода *Leucosticte*. Он предложил мне пронаблюдать за этим более подробно, а главное – добыть в этот момент птицу и зафиксировать в особом растворе, рецепт которого тут же мне дал. Результатом этой договоренности через три года стала наша совместная публикация о подъязычных мешках у вьюрковых птиц. Мне до сих пор неловко, что не смог убедить Бориса поставить свою фамилию первой, ибо я в данной ситуации был только добытчиком и наблюдателем поведенческих реакций, а всю гистолого-морфологическую работу провел он. Но в этом был весь Боря Некрасов.

Спустя три года Боря приехал ко мне в заповедник. За ту неделю, что он пробыл в арчовых лесах Чуулдака, он по настоящему полюбил этот край, а члены нашего маленького отряда – ботаники и энтомологи – полюбили Бориса за его прекрасный характер, доброе сердце и готовность в любое время помочь товарищу. Правда, в первый же день он перепугал нас всех не на шутку, когда ушел на маршрут и не вернулся до темноты. Пришлось ехать верхом искать его. Кричали, звали, стреляли из ружья – и так почти до полуночи, пока в нескольких километрах от метеостанции, на которой мы жили, не услышали его слабый отклик. Оказывается, он хотел покорить вершину, казавшуюся такой близкой… Но не успел до нее дойти, как наступила ночь, и весь обратный путь в незнакомой горной местности ему пришлось проделать в темноте. Надо было видеть, как этот скромный интеллигентный человек был угнетён своим проступком, как он извинялся и обещал, что подобное больше не повторится. А мы радовались, что все обошлось.

Я намеренно не уделяю времени описанию того, что я делал в ЗИНе. Знакомился с коллекцией птиц, самой крупной в СССР (около 200 тысяч тушек), просматривал сборы Л.М. Шульпина 1933-1935 гг. Показывая их мне, Ирэна Анатольевна Нейфельдт сурово сказала: «К сожалению, всех сборов Вы увидеть не сможете, поскольку большую часть их пришлось сжечь как пораженную кожеедами и не имеющую научной ценности. Но этикетки мы обрезали, так что все записи на них сохранились». Так я узнал, что даже великие орнитологи допускали досадные промахи, недостаточно пропитывая мышьяком тушки при их изготовлении. Этикеточные данные я переписал и все доступные сборы посмотрел. Познакомился и с тем, как работают орнитологи-систематики. Но

главный результат этой незабываемой поездки – знакомство с элитой советской орнитологической науки, послужившее прочным фундаментом для дальнейшей работы в 70-х гг., когда мне приходилось приезжать и работать в хранилище ЗИН каждые 2-3 года, просматривая все сборы воробьиных птиц из Казахстана для издаваемой монографии «Птицы Казахстана».

IV Всесоюзная орнитологическая конференция (Алма-Ата, 1965)

Следующая, четвертая по счету орнитологическая конференция состоялась с 1 по 7 сентября 1965 г. в столице Казахстана Алма-Ате. Организовывал ее Игорь Александрович Долгушин со своими орнитологами, которых я к тому времени уже всех хорошо знал, но участия в самой подготовке не мог принимать, поскольку жил и работал ещё в Аксу-Джабаглы. Уже перед самой конференцией, которую все мы так ждали, вдруг возникло неожиданное препятствие – на юге Чимкентской области была обнаружена вспышка холеры, и районы области закрывались на карантин один за другим. И мы с Виталием Вырыпаевым всерьёз обсуждали план выезда верхом через горы и кордон Топшак – на станцию Бурное или даже прямо в город Джамбул. Не знали только, как нам таким путем провезти большое количество недавно вышедшего второго выпуска Трудов заповедника, которые мы так надеялись реализовать на этой конференции.

К счастью, всё обошлось, и мы преспокойно уехали из Тюлькубаса, увозя с собой несколько пачек драгоценных книг. К слову сказать, обратно не привезли ни одной – что не смогли продать, то раздарили (именно по этой причине – зная, сколько будет там знакомых орнитологов – я и выпросил у директора послать со мной лаборанта, который будет специально заниматься реализацией наших книг). Разместили нас в старой уютной небольшой гостинице под названием «Алма-Ата», напротив великолепного оперного театра – там, где я жил в первый свой приезд и где впоследствии любили останавливаться мы с Игорем. Сейчас на этом месте – новая 9-этажная гостиница с тем же названием…

Вячеслав Всеволодович Строков (1909-1984)

В 4-местном номере, куда определили нас с Виталием, уже жили два пожилых человека, тоже участники конференции. Один из них, кажется Акимов по фамилии, был главным редактором нового московского издательства «Лесная промышленность» – он явно приехал в поисках авторов для будущих изданий (кстати, через несколько лет это издательство выпустило первую Красную книгу СССР). Вторым оказался Вячеслав Всеволодович Строков – ученый секретарь Президиума Центрального Совета Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Он тут же представился, а я, по своей молодости, не удержался и ответил: «Да ведь мы уже знакомы с Вами, Вячеслав Всеволодович». На его недоуменный взгляд я добавил: «Помните три года назад, Мукачево, отделение милиции?». Он тут же преобразился: «Так это были Вы?!». Пришлось припомнить и восстановить подробности про Мукачево.

В сентябре 1962 г. после окончания официальной части Львовской конференции, во время экскурсии по Карпатам, в городе Мукачево меня и двух Наталий Михайловных (нашу Литвиненко и Кулюкину из Астраханского заповедника) задержала бдительная мукачевская милиция за фотографирование, хотя и снимал я не фортификационные укрепления в пограничной зоне (об этом мы были строго-настрого предупреждены), а старика-гуцула в национальной одежде, подкачивавшего насосом колесо своего велосипеда – по тем временам основного транспорта прикарпатских городов. Из-за этого события все 3 автобуса конференции были задержаны на два часа (а ведь в них, кроме наших сограждан, были и иностранцы, причем из капиталистических стран). Ничего удивительного, что в отделение милиции, где нас допрашивали, направилась делегация из двух полковников КГБ, сопровождавших автобусы, и представительного благообразного В.В. Строкова, авторитетного московского орнитолога. Вячеслав Всеволодович начал наше освобождение со слов, обращенных к полковнику милиции: «Отпустите их, товарищ полковник. Что с них взять – молодежь, дураки», чем вызвал яростный гнев моих спутниц. Тем не менее, через час (изъяв у меня пленку) нас отпустили, и весь обратный путь до Львова все мы веселились и пели песни типа «Замучен тяжелой неволей».

Это веселое воспоминание как-то сразу расположило нас друг к другу, и с тех пор, не смотря на разницу в возрасте, мы подружились. Вячеслав Всеволодович оказался очень веселым, компанейским человеком. Он вел себя с нами с Виталием как с равными по возрасту – много рассказывал, веселил нас, шутил. Все дни, прожитые с ним в этом гостиничном номере (редактор в нём почти не показывался), промелькнули, как одна минута. И закончились очередным веселым приключением. Хлебосольная Алма-Ата на той конференции превзошла саму себя. Банкет в ресторане на озере Иссык, удался на славу, и даже спустя десятилетия Владимир Евгеньевич Флинт любил вспоминать, как Вячеслав Всеволодович произносил на нем свой тост. Будучи уже в изрядном подпитии, он с трудом поднялся, а в конце речи покачнулся и, чтобы удержать равновесие, пытался удержаться за край стола. Однако захватил только скатерть, и как в голливудских фильмах, завалился, увлекая за собой и скатерть, и все, что на ней было…

Я этой картины не видел, потому что успел покинуть общество гораздо раньше, и гуляя на берегах озера Иссык, умудрился опоздать к отходу автобуса и заночевал в одном из туристских приютов (друг мой Ардалион Винокуров эту ночь спал там же в стогу сена). Когда я утром следующего дня зашел в номер, то застал Вячеслава Всеволодовича мрачнее тучи. Он охал, стонал и проявлял все признаки глубочайшего похмелья. И при этом повторял мне: «Ну как же ты меня подвел!.». Оказалось, что утром, проснувшись в тяжелом состоянии и заметив, что моя постель так и не разобрана, он подошел к кровати Виталия, сорвал со спящего одеяло и закричал: «А ты чего до сих пор дрыхнешь, мать твою…». И каков же был его ужас, когда он увидел, что на него смотрит перепуганное лицо немолодого и незнакомого человека, визгливо воскликнувшего: «Что Вам от меня надо?!». Как жаловался мне *В.В.*, хмель как рукой сняло. Уже немного придя в себя, со свойственным ему юмором он говорил: «А ты представляешь,

каково было его пробуждение, когда он увидел над собой свирепое бородатое лицо, дышащее перегаром». И добавил: «Уж я извинялся-извинялся, но он молчит и только пыхтит. Может, ты с ним поговоришь?». Моя же вина заключалась в том, что я не предупредил *В.В.* о том, что Виталий ночью уезжает в Сибирь, к жене. Но мне казалось, что разговор об этом был…

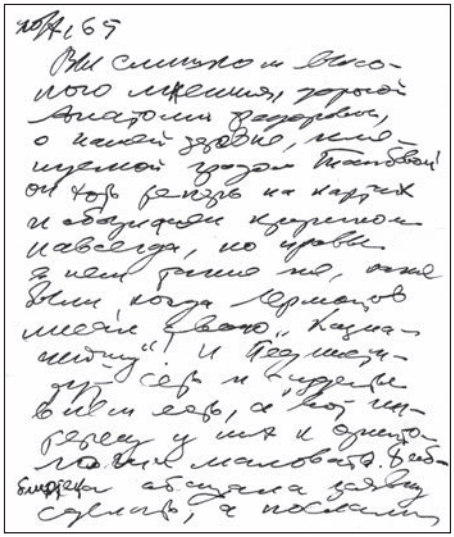


Рис.15. Начало письма В.В. Строкова

После этого мы стали регулярно переписываться с *В.В.* и не только по делам орнитологическим. Он был страстным коллекционером, причем собирал почтовые конверты. И в Алма-Ату он привез целую пачку этих конвертов – для обмена. Когда зашедший к нам в номер Игорь Кривицкий в присущей ему вольной манере выразил свое удивление: «А что, есть и такие психи?», Вячеслав Всеволодович, как будто бы обрадовавшись, ответил: «Да, я вот именно такой псих». Не одну пачку старых конвертов отправил я почтой в Москву, ведя оживленный почтовый диалог с двумя орнитологами-тезками: Вячеславу Федоровичу Ларионову посылал соленые шкурки для эталонной коллекции птиц (которая хранится на Географическом факультете МГУ), а Вячеславу Всеволодовичу Строкову – конверты для его личной коллекции. Были и письма орнитологического содержания, обязательные поздравления с праздниками. Я даже научился разбирать *нечитаемый* почерк *В.В.,* не очень-то признававшего отдельные буквы, изображая иногда слово одним замысловатым значком (рис. 15). И когда в 1967 г. я послал ему свою монографию «Птицы Таласского Алатау» с просьбой дать мне отзыв, он немедленно прислал отзыв… на докторскую диссертацию! Когда же я написал, что защищаю кандидатскую, он искренне удивился: «Милый мой, я и не знал, что Вы засиделись в девках». Но отзыв менять не стал. Были еще незабываемые встречи в Ашхабаде в 1969 году, на 5-й орнитологической конференции, где на банкете в приграничном городе Фирюза Вячеслав Всеволодович не только познакомил меня со своей аспиранткой, но и поручил охранять ее от одного из назойливых поклонников, говоря, что он в ответе за неё перед её родителями… Несколько раз после этого мы встречались на орнитологических «посиделках» в МОИП, когда мои приезды в Москву совпадали с этими днями, – и всегда нам было о чем поговорить.

Я намеренно не пишу ничего о научных трудах Вячеслава Всеволодовича, который был одним из пионеров биологического метода борьбы с вредителями леса в нашей стране и крупнейшим специалистам по орнитофауне городов.

Его книги «Пернатые друзья леса» (1960, 1976), «Звери и птицы наших лесов» (1961) и «Леса и их обитатели» (1966, соавтор – Ю.Д. Дмитриев), а также регулярные, начиная с 1957 года, публикации в журнале «Юный натуралист» сделали его имя широко известным среди любителей природы.

О его творческом пути очень хорошо написал В.А. Зубакин в книге «Московские орнитологи» (1999), где приведены биографические данные и оценен вклад Вячеслава Всеволодовича в орнитологическую науку. Моя же задача гораздо более скромная – вспомнить о нём как о человеке, собеседнике, старшем товарище. Думаю, что нынешним орнитологам не менее интересно знать, что был он очень общительным и обаятельным человеком, со всеми человеческими слабостями и достоинствами. И сейчас, много лет спустя, мне приятно о нем вспоминать с улыбкой. Сожаление вызывает только то, что встречались мы не так часто, как бы этого мне хотелось…

*****

Конференция 1965 года была одной из самых представительных, что хорошо видно по общей фотографии ее участников на ступеньках у входа в Академию наук КазССР. И, по единодушному мнению большинства участников, – наиболее хорошо организованной. Долгушину удалось привлечь к ее организации не только свою лабораторию (которой, конечно, досталось больше всех), но и весь Институт зоологии – десятки людей работали на разных участках, от встречи и размещения гостей до подготовки и проведения полевых экскурсий в горы Заилийского Алатау (одна – на Большое Алматинское озеро, где для обозрения приезжих были сохранены «на корню» десятки гнезд высокогорных птиц, над которыми веди наблюдения долгушинские орнитологи летом этого года; вторая – на некогда знаменитое озеро Иссык, вернее на то, что от него осталось после селя 1963 г.).

В первый же день конференции я, показывая Виталию, как надо продавать Труды заповедника, добрую треть их раздарил, после чего сбежал и лишь издали наблюдал, как торгует Виталий. Помнится, как за таким занятием застал меня Леонид Александрович Портенко и попросил объяснить Чарлзу Вори, державшему в руках наши Труды, – тот ли это Шульпин здесь в авторах, или однофамилец. Пришлось объяснить, что благодаря И.А. Долгушину публикации Л.М. Шульпина периодически появлялись после его гибели в 1942 году, а в настоящих Трудах заповедника (23 года спустя) опубликована последняя часть его рукописи, посвященная воробьиным птицам.

Круг моих знакомств на этой конференции был уже достаточно широк (помимо Львова и Ленинграда этому способствовало также участие в двух Зоогеографических конференциях – в Алма-Ате в 1960 г. и в Ташкенте в 1963 г.), однако каждый день всё еще приносил много интересных знакомств: И.А. Абдусалямов, О.С. Сопыев, П.П. Второв, С.С. Москвитин, К.Т. Юрлов, М.И. Лебедева, Т.П. Шеварева, Э.Д. Шукуров и др. Здесь мы лучше познакомились с О.В. Митропольским и В.Р. Дольником, с которыми до того встречались во

Львове. Но особенный интерес представляло наблюдать за корифеями советской орнитологии, которых здесь собралось в избытке. Вот далеко не полный перечень этих имен: Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, А.Б. Кистяковский, Л.А. Портенко, С.С. Шварц, Э.В. Кумари, И.И. Пузанов, И.Б. Волчанецкий, И.А. Долгушин, С.С. Туров, А.М. Судиловская, В.Н. Скалон, А.П. Кузякин, Г.Х. Иогансен, А.К. Рустамов, Н.Н. Данилов, А.И. Янушевич, Д.И. Бибиков, Ф.И. Страутман, Р.Н. Мекленбурцев, И.А. Нейфельдт, Ю.В. Аверин, В.Э. Якоби, М.Н. Корелов, А.О. Ташлиев, А.Н. Сухинин, К.Н. Благосклонов, С.Н. Варшавский, Г.Т. Мустафаев, В.В. Бианки, Г.Н. Лихачев и мн. др.

Работа конференции была построена по четырем основным направлениям, которые в программе были названы симпозиумами. По первому «Систематика, видообразование и формообразование у птиц» были заслушаны три пленарных доклада: Систематика птиц – современное состояние и некоторые проблемы (Г.П. Дементьев), Учение о микроэволюции и теоретические вопросы систематики птиц (С.С. Шварц) и Функциональная морфология и «неморфологические» критерии современной систематики (В.Д. Ильичев). Второй симпозиум был посвящен проблеме «Птицы и культурный ландшафт» и включал в себя два пленарных доклада: Основные проблемы изучения птиц культурных ландшафтов (Н.А. Гладков, А.К. Рустамов) и Культурные ландшафты и задачи орнитологических исследований (В.В. Строков). На третьем симпозиуме «Практические аспекты изучения птиц» были сделаны три доклада: «Теоретические аспекты навигации перелетных птиц» (Э.В. Кумари), «Перелетные птицы и проблемы арбовирусов» (Г.И. Нецкий) и «Птицы в охотничьем хозяйстве» (В.Ф. Гаврин). И наконец на четвертом симпозиуме «Задачи изучения фауны птиц СССР» прозвучали четыре доклада: «Современное состояние, уровень и задачи орнитофаунистических исследований» (Л.А. Портенко), «Об изученности экологии птиц СССР» (И.А. Долгушин), «Первые итоги исследований по ландшафтной орнитогеографии СССР» (А.П. Кузякин) и «О некоторых сторонах теоретической обработки количественных учетов птиц» (П.П. Второв).

Конечно, самым интересным для меня лично был доклад И.А. Долгушина, тем более что он был построен очень просто, доступно и давал готовые «рецепты» для начинающих – с какими птицами надо работать в первую очередь. Перечень видов птиц, у которых на территории СССР ещё не были найдены гнезда (или неизвестны кладки, хотя единичные гнезда с птенцами орнитологи уже находили), звучал как призыв к действию, тем более что он изобиловал именно горными видами птиц, так же как и перечень видов, у которых все знания о биологии размножения органичивались нахождениями одного двух гнезд. За этим докладом стояла серия сообщений алматинских орнитологов о биологии некоторых высокогорных воробьиных птиц – в основном по результатам стационарных наблюдений в окрестностях Большого Алматинского озера в 1964-1965 гг. (самые свежие данные!).

Очень интересным оказался полемический доклад Александра Петровича Кузякина. Он являлся логическим продолжением его же доклада на Второй зоогеографической конференции в Алма-Ате в 1960 г., который я тогда слушал,

открыв рот: еще бы, человек замахнулся на трактовку самих понятий «зоогеография», «орнитогеография»!!! Тогда во время доклада Александр Петрович подверг резкой критике утверждения В.Г. Гептнера и А.Г. Банникова, вставших на защиту «доброго имени акад. М.А. Мензбира», которого докладчик якобы оскорбил своим заявлением о неточности определения авторитетным ученым термина «орнитогеография» (Мензбир, 1882). В 1960 году полемика после этого доклада А.П. Кузякина больше напоминала настоящую войну, в которую на стороне противников *А.П.* включились более молодые ученые, например, Е.Е. Сыроечковский, а он, *А.П.*, воевал один против всех! И нам, молодежи, очень импонировал боевой дух этого с виду щуплого и хрупкого человека, бесстрашно сражающегося с кучей противников.

В алматинском докладе 1965 года Александр Петрович показал, как после одного не точного определения состоялась подмена понятий: «географическую орнитологию» (фаунистику) стали называть орнитогеографией; зоологическому (*орнитологическому*) районированию Н.А. Северцова (1877), П.П. Сушкина (1925) и др. стали приписывать название *орнитогеографического* деления» (Кузякин, 1965, с. 223; курсив мой – *АК*). И далее он говорит: «Многократные устные и печатные разъяснения академика Л.С. Берга того, что «зоогеография есть отрасль географии, точнее – один из разделов географической науки» делу не помогли и многие наши зоологи продолжали причислять зоогеографию к зоологии» (там же, с. 223). Как продолжал далее докладчик, бороться с этой ошибкой он начал с 1950 года, но даже прошедшие 15 лет не дали ощутимого результата – настолько живучими оказались ошибочные взгляды: «Избавиться от нее (ошибки – *АК*) не могут не только люди, неспособные отличить географию от зоологии, но и серьезные, деятельные, думающие специалисты-орнитологи (вроде главы орнитологов Казахстана – Долгушина)» (там же, с. 224). Для доказательства своей правоты А.П. Кузякин провел параллель с ботаникой, где давно уже наряду с ботаническим термином «флора» используется другой, геоботанический термин – «растительность». В зоологии аналогичного термина долго не было («животный мир» – это нечто другое) и только в 1951 г. А.Н. Формозов предложил называть группировки животных, аналогичные растительным группировкам, термином «животное население», но даже спустя 15 лет далеко не все зоологи пользовались этим термином при зоогеографических построениях и далеко не все проводили количественные учеты для выяснения этого самого животного населения, которое составляют фоновые виды, но никак не редкие или случайные.

Говоря о двух противоположных лагерях среди орнитологов – сторонников и противников количественных учетов – докладчик опять не удержался от критики в адрес хозяев конференции: «Есть еще редкий третий вариант: скептическое отношение к учетам со стороны плодотворно работающих полевых орнитологов. Речь идет, например, о хорошем, деятельном коллективе орнитологов Казахстана. Они знают и накопляют ряд примеров недоучета некоторых видов по причинам экологического порядка (скрытности, ночной активности и т.д.). Нам такие примеры тоже известны. Однако мы учёты проводим и другим рекомендуем прово-

дить. Пройдет еще, вероятно, не более 15 лет и орнитологи Казахстана тоже начнут проводить учеты для орнитогеографических целей. Раз они работают в поле, то на своем опыте убедятся, что единицы по тем или иным причинам недоучитываемых видов, не оказывают заметного изменения на общую орнитогеографическую картину и что даже не очень точные учёты лучше, чем бытующие пока в орнитологической литературе выражения: «широко распространенный» или «обыкновенный, но немногочисленный»» (Кузякин, 1965, с. 226).

Насчет 15 лет Александр Петрович оказался прав: уже в 80-х гг., работая в пустынях Казахстана, мы широко проводили количественные учеты птиц по упрощенной методике 5-минутных интервалов; результаты этих учетов я опубликовал в работах «Доминанты авифаунистического населения пустынь Казахстана» (1991) и «Орнитологические комплексы пустыни Бетпак-Дала» (1993). А тогда, на конференции 1965 года, Александр Петрович Кузякин вместе с И.А. Долгушиным был избран в комиссию по выработке русских названий птиц, и спустя всего два года мне пришлось разыскивать в архиве Игоря Александровича их переписку на эту тему… Запомнилась последняя встреча с *А.П.* Как-то в конце 70-х гг., когда я по обыкновению остановился у Адика Винокурова, он мне сказал, что со мной хочет увидеться А.П. Кузякин. И при этом добавил: «Увидеться – это сильно сказано, потому что он сейчас уже почти ничего не видит». На второй день мы пошли в пединститут, в коридоре которого и встретили Александра Петровича – его под руку вела супруга. Само содержание разговора уже стерлось из памяти (*А.П.* расспрашивал о птицах и об орнитологах), но очень запомнилась именно угнетающая картинка беспомощности этого сильного духом человека. Она не раз вспоминалась мне спустя годы, когда я сам познал все «прелести» катаракты, пока не удалось сделать две операции…

*****

Рассказ о конференции 1965 года был бы неполон без воспоминания об экскурсии на Большое Алматинское озеро. Как всегда, были заказаны автобусы, но Адик Винокуров, который здесь знал все, сказал мне, что на озеро надо идти по трубе – так делают все и в этом особая прелесть данного путешествия. Сказано – сделано. В назначенный день рано утром, намного раньше официального срока, мы впятером (кроме нас с Адиком – также Виталий Вырыпаев, Майя Абрамовна Есилевская из родной харьковской кафедры зоологии позвоночных и доцент Саратовского университета Лия Алексеевна Лебедева, хорошо знакомая нам по Карпатам) отправились маленьким городским 28-м автобусом до конечной станции «2-я ГЭС», а оттуда около 12 км пешком. Первая половина пути по дну ущелья показалась скучноватой, но когда мы за 1-й ГЭС взобрались на трубу (диаметр ее около метра, а наклон – от 10-15° до 30-45°), которая проходила по хорошему еловому лесу с полянами и каменистыми россыпями, на абсолютной высоте от 2000 до 2500 м, стало намного интереснее. По пути мы слушали песни московок и джунгарских гаичек, черногорлых завирушек, крапивников, седоголовых горихвосток, дроздов-деряб, красношапочных вьюр-

ков. А останавливаясь на передышку на крупных бетонных тумбах, которые крепили трубу к земле, мы имели возможность совсем близко наблюдать на каменистых развалах красных пищух (*Ochotona rutila*), которых в том году было особенно много. Труба была постоянно холодной – по ней в город с озера шла вода, предназначенная и для полива, и для питья (а попутно она крутила турбины пяти небольших гидростанций).

Автобусы, на которых ехали остальные участники конференции, догнали нас уже перед самым озером, когда пошел последний набор серпантинов и труба проходила под деревянными мостиками, по которым шли автобусы, а нам приходилось пробираться под этими низенькими мостиками на четвереньках. У второго такого мостика на опушке ельника стояла маленькая избушка типа сторожки. «Дядя Ваня» – коротко сказал нам Адик и добавил, что когда-то в этой избушке останавливался работавший в этом ущелье В.Н. Шнитников. И я вспомнил об его книгах (особенно популярной «Птицы и звери нашей страны») и о том, как, едучи в 1959 г. на работу в Казахстан, я мечтал встретиться с этим замечательным орнитологом, а приехав, узнал, что он умер два года назад…

Сама экскурсия, которую проводили Эдуард Гаврилов и Эвальд Родионов (к их рассказам иногда присоединялся присутствовавший здесь И.А. Долгушин), была очень интересной, поскольку мы имели возможность видеть не только самих птиц, но и их уже опустевшие гнезда (их расположение, форму, обстановку, в которой гнездились эти птицы в данном ущелье), а также слышать увлекательные пояснения людей, которые ещё совсем недавно проводили у этих гнезд наблюдения за насиживанием кладок и выкармливанием птенцов. Мне это было так близко – ведь я занимался тем же в Западном Тянь-Шане, но в отличие от долгушинцев, работал в основном один, а они – целым коллективом, чему можно было только позавидовать. Как и самому набору видов птиц: арчовый дубонос, арчовая чечевица, бледная и черногорлая завирушки, зеленая и индийская пеночки, тусклая зарничка, крапивник, седоголовая и красноспинная горихвостки, джунгарская гаичка, расписная синичка, черногрудая красношейка и многие другие. Густой еловый лес и участки крупнообломочных каменистых участков показались мне тогда трудными для проведения наблюдений за перемещением птиц, и это внушало особое уважение к тем, кто работал в таких условиях. Мне и в голову не могло прийти, что пройдет всего пару лет и мне посчастливится провести здесь десять незабываемых весенне-летних сезонов…

Прощальный взгляд на семь заповедных лет

Семь лет работы в заповеднике, с одной стороны, пролетели как один день, но с другой стороны они вместили в себя так много событий, важных лично для меня, что этих событий могло бы хватить на целую жизнь. Стараясь не повторяться, попробую все эти события перечислить по годам, самыми яркими из которых были первые два года. Итак – вот этот краткий обзор.

1959 год. За 3 осенних месяца, помимо уже описанного знакомства с высокогорьем северной половины заповедника, я впервые познакомился с полупусты-

ней и пустыней в низовьях реки Талас, куда мы первый раз выехали уже в сентябре с Е.А. Ганюшиным, Р.В. Полосухиным, П.А. Хвостиковым и Н.А. Янушко на отстрел пролетных птиц для будущего музея заповедника (проще говоря – на охоту, столь милую сердцу нашего директора!). Самое сильное орнитологическое впечатление – фазан (*Phasianus colchicus*), которого я видел впервые, а здесь мы добыли их больше 20, в том числе – даже я одного!

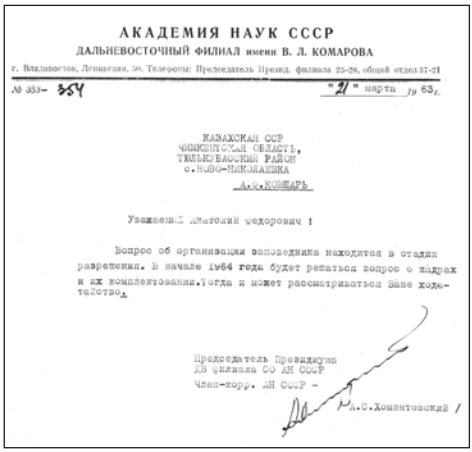
1960 год. В апреле – вторая поездка в низовья Таласа (в зобу одного добытого фазана – 28 мелких лягушат!), а в мае первое знакомство с каньоном реки Аксу. Ночевки на дне каньона, первая встреча с райской мухоловкой (*Terpsiphone paradisi*), нахождение первого в Западном Тянь-Шане гнезда ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*) и наблюдение за восстановлением моста через реку Аксу, снесенного половодьем предыдущего года. Два Николая, крестьянские парни из Новониколаевки, подрядившиеся на эту нелегкую работу, утром относили на плечах 50-килограммовые мешки с цементом по серпантину на глубину 500 м по вертикали, а ночевать каждый день возвращались вечером обратно, потому что… боялись медведя! Никакие наши уговоры, что мы ведь ночуем здесь и никакого медведя не видим, не помогали – они все равно каждый вечер после тяжелой работы поднимались по этому крутому серпантину наверх. А длинные неподъёмные рельсы мы помогали им подтаскивать к краю каньона и сбрасывать вниз – на следующий карниз (а карнизов этих было 5 или 6). Адова работа!… В июле мы посетили этот каньон с алматинскими орнитологами – М.Н. Кореловым, Э.Ф. Родионовым и И.Ф. Бородихиным, а затем они перебрались в Кши-Каинды, а мне пришлось на кордоне Джабаглы срочно сооружать загон для трех маралов, прибывших поездом из Заилийского Алатау для выпуска в заповеднике (первую партию выпустили здесь в 1952 г.). В августе – первая поездка в верховья реки Кши-Аксу через перевал Улькен-Каинды с А.А. Аитовым и Н.Х. Кармышевой (главная цель – узнать дорогу в это отдаленное место).

1961 год был самым богатым на события. Начался он с рождения моей первой дочери Виктории (20 января) и уже упомянутой зимней поездки в Кши-Каинды с московскими студентами. В июне – полевые работы в верховьях Кши-Аксу и нахождение первых гнезд черногрудой красношейки (*Calliope pectoralis*) и альпийской завирушки (*Prunella collaris*); посещение ледника № 10 и мои попытки измерения глубины его трещин при помощи засечек по секундомеру времени свободного падения камней (через 15 лет алматинские географы, с которыми я поделился этими наблюдениями, присвоили этому леднику мое имя). В июле – недельные полевые работы на перевале Кши-Каинды, закончившиеся нахождением первого в мире гнезда с кладкой краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguinea*). В сентябре – знакомство с перевалом Чокпак, где меня поразил грандиозный пролет крупных хищников (цель поездки была иная – взятие метеорологических данных для Летописи природы заповедника на Чокпакской ГМС 2-го разряда). Как объяснил мне начальник ГМС Илья Григорьевич Колоднов, такой массовый пролет хищных птиц наблюдается здесь каждую осень, и местное население стреляет этих орлов… на перо для изготовления

подушек! Наконец, в декабре этого года – определение подвидовой принадлежности птиц коллекции заповедника в САГУ (Ташкент).

1962 год начался неудачно: меня срочно отозвали из отпуска, который я проводил в Харькове в надежде определить у проф. С.И. Медведева остатки насекомых из желудков птиц и проб птенцов. Отозвали для того, чтобы я исполнял обязанности директора на время годичного отсутствия Керима Тасанбаева, который поступил в Высшую партийную школу в Алма-Ате (кстати, он так и не вернулся в заповедник даже через год). Сгоряча я написал в Главк заявление с просьбой освободить меня от обязанностей директора заповедника, а заодно – и от обязанностей заместителя директора по научной части, так как это мешает мне в полной мере заниматься научной работой. В результате прибывший в марте новый директор Л.К. Коновалов, приняв от меня дела, объявил, что я остался без работы, поскольку никакой другой вакантной ставки, кроме заведующего, в научном отделе заповедника нет! Последовала затяжная переписка с Главком, и только в апреле, съездив в Алма-Ату, я получил возможность работать в должности старшего научного сотрудника заповедника ценой ликвидации единицы заведующего. Так я был наказан начальством за строптивость… Обстановка в коллективе с прибытием нового директора (который уже работал здесь в 50-х гг.) стала ухудшаться на глазах: многие сотрудники увольнялись и уезжали из села. Оставалась одна отдушина – горы. Весь июнь мы с В.С. Веремеенко и А.М. Ивасенко работали на перевале Кши-Каинды (3100 м), где поставили самодельную метеостанцию в виде самописцев температуры и влажности воздуха, срочных термометров и осадкомера, а также мерных реек для наблюдения за скоростью таяния снежника под перевалом. Наблюдения велись за гнездами краснокрылого чечевичника, гималайского вьюрка, горихвостки-чернушки, горного и лесного коньков и других высокогорных птиц. В августе мы с Альжаном Есалиевым проехали от ледника Шунгульдук в долину Майдантала, а в сентябре-октябре состоялась поездка во Львов (3-я Всесоюзная орнитологическая конференция) и в ЗИН.

1963 год. Еще зимой Юра Шибаев и Наташа Литвиненко сообщили мне, что сейчас на Дальнем Востоке создается новый заповедник, и усиленно стали звать меня. Напомнили о нашем давнем уговоре – при первой же возможности собраться вместе на ДВК. Сообщение это застало меня врасплох: я прекрасно помнил наш уговор и скучал за своими друзьями, но за три года работы уже «врос» в Тянь-Шань и не представлял себе, как я могу его покинуть. Но



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛИАЛ имени В. Л. КОМАРОВА
г. Владивосток, Ленинская, 50. Телефоны: Председатель Презид. филиала 25-28, общий отдел 37-21

№ 353- 354 "21" марта 1963 г.

КАЗАХСКАЯ ССР
ЧИМКЕНТСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ТЮЛЬКУБАССКИЙ РАЙОН
с.НОВО-НИКОЛАЕВКА
А.Ф.КОВШАРЬ

Уважаемый Анатолий Федорович !

Вопрос об организации заповедника находится в стадии разрешения. В начале 1964 года будет решаться вопрос о кадрах и их комплектовании. Тогда и может рассматриваться Ваше ходатайство.

Председатель Президиума
ДВ филиала СО АН СССР
Член-корр. АН СССР -
А.С.Хоментовский /

Рис. 16. Письмо А.С. Хоментовского, 21.03.1963 г.

ребята торопили с присылкой заявления на работу в адрес Дальневосточного филиала СО АН СССР, пока еще есть места в создаваемом заповеднике. Уступив их настояниям, я, скрепя сердце, послал заявление. Но когда в марте получил официальный ответ за подписью Председателя Президиума ДВ филиала А.С. Хоментовского, то понял, что, во-первых это уже серьезно, а во-вторых, что я никуда из своего Аксу-Джабаглы не уеду – по крайней мере, в обозримое время… В мае, наконец-то в заповедник приехал Игорь Александрович Долгушин, которого я так ждал все эти годы. Три дня пролетели, как одна минута, но мы все же посетили Талдыбулак и Кши-Каинды, отметили День победы (святой день для фронтовика Игоря Александровича) прекрасным сухим тюлькубасским вином, а в дождливый день даже успели поиграть в шахматы. А когда я его провожал, то впервые встретил черного аиста! С апреля до конца июня я работал в арчовых лесах южной половины заповедника, а в самом начале июля вынужден был по телеграмме срочно выехать на Украину. Поездка эта завершилась похоронами отца (нелепая смерть в 58 лет от операции аппендицита!), что, в конце концов, несмотря на мои попытки продолжать полевые работы в августе и поездку на конференцию по зоогеографии суши в Ташкент в сентябре, привело меня на больничную койку с острейшими приступами гастрита, продолжавшимися всю зиму… Надо было лечиться, но я представить не мог, что потеряю сезон.

1964 год. В конце концов, я сдался, и начало следующего полевого сезона пришлось проводить не в горах заповедника, а в Пятигорске, куда меня отправили лечиться по так называемой «курсовке». Своего рода компенсацией за «моральный ущерб» явились несколько дней, проведенные в Тебердинском заповеднике, куда я удрал на АН-2 местных авиалиний, не завершив лечение и убедив врача, что уже совершенно здоров. И видимо именно красоты заповедника поставили меня на ноги, а Домбайская поляна и ледник Алибек запомнились на всю жизнь. Кстати, на Домбае я жил у лесника, который в свое время отбывал ссылку в Тюлькубасском районе и встретил меня как земляка, – вот уж действительно тесен мир! А в самом заповеднике познакомился с зоологом Всеволодом Ивановичем Ткаченко, работавшим здесь уже ряд лет и изучавшим копытных и куриных.

Единственным огорчением было известие о внезапной смерти Альжана Есалиева наблюдателя кордона «Аксу-правая», с которым мы два года назад прорвались-таки в Майдантал. Это был мужчина средних лет, плотного, крепкого телосложения, бывший фронтовик, выучивший немецкий язык в плену; энергичный, остроумный… Мне очень трудно было смириться с этой внезапной и нелепой потерей.

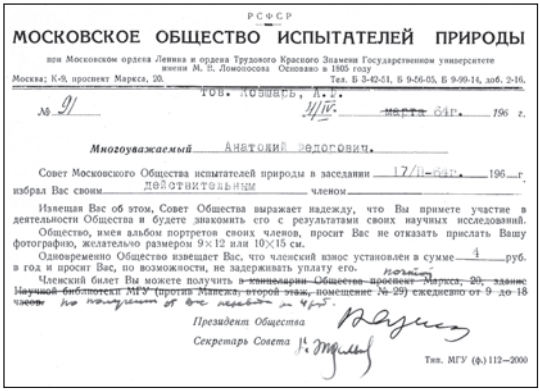
Хорошая весть пришла из Москвы – об избрании действительным членом Московского общества испытателей природы, одного из самых авторитетных научных обществ нашей страны (рис. 17).

Полевые работы в этом году я проводил только в июле – в каньоне Аксу и ущелье Кши-Каинды, вместе со студентами-практикантами из Харьковского университета.

Еще одно событие 1964 года – появление в доме всеобщего любимца, птенца майны (*Acridotheres tristis*), которого я взял из самого первого гнезда этих птиц в селе Новониколаевка и окрестил Яшкой. Он прожил у нас 8 лет, доставляя массу удовольствия не только членам семьи, но и всем посетителям квартиры. Обладая общительным характером, он легко завязывал знакомства с новыми людьми, но по-настоящему любил и слушал только хозяина, которого самоотверженно защищал от чьих бы то ни было «посягательств». Выпущенный из клетки, он сразу же летел на голову к хозяину, затем перебирался на плечо и после многочисленных приседаний и полупоклонов, сопровождающихся песней, усаживался поудобнее и прижимался к щеке или к шее (иногда очень осторожно, просто нежно теребил мочку уха). Застыв в таком положении, Яшка начинал «бдить». Стоило теперь кому-нибудь, даже из близких, протянуть ко мне руку, как Яшка коршуном бросался на «обидчика» и норовил клюнуть в лицо. Клевал по-настоящему, до крови. И тут же, возвратившись на плечо, снова кланялся перед лицом хозяина, как будто заверял в преданности. Однажды, уже в Алма-Ате, он вот так – до крови – клюнул пришедшего ко мне в гости Василия Федоровича Гаврина. И тот, чтобы успокоить растерявшихся хозяев, рассказал о другом Яшке – ручном вороне, жившем когда-то у него в Беловежской пуще совершенно свободно и однажды поставившего Василия Федоровича в очень неловкое положение: во дворе заповедника, слетев с дерева, он сел на плечо приезжего начальника, вытащил из его кармана паспорт, унёс на верхушку дерева, где на глазах у всех стал вырывать из него страницу за страницей…

Наш Яшка почти два года жил в небольшом комнатном вольере с выкормышем синей птицы. Первое время он держал своего более крупного, но молодого соседа в безусловном подчинении. Затем, когда синяя птица выросла, Яшке стало все чаще попадать от нее. Но после каждой очередной взбучки он не терял присутствия духа и тут же грудью шел на врага, обескураживая своей храбростью. Я не знаю другой птицы, которая могла бы выжить так долго в одном вольере с синей птицей.

Выкормленный насекомыми и сырым мясом, а затем яичным омлетом с тертой скорлупой, Яшка уже в месячном возрасте пристрастился к хлебу. Впоследствии он ел все, что было на столе (кроме острых приправ, которых у нас практически не бывало), но больше всего любил все-таки хлеб, который ел, даже будучи сыт. Ел с наслаждением, давясь, чем не раз приводил в смущение



РСФСР

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

при Московском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственном университете имени М. В. Ломоносова Основано в 1805 году

Москва; К-9, проспект Маркса, 20. Тел. Б 3-42-51, Б 9-56-05, Б 9-99-14, доб. 2-16.

тов. Ковшарь, А.Г.

№ 91 4/IV. ~~марта~~ 64г. 196 г.

Многоуважаемый Анатолий Федорович.

Совет Московского Общества испытателей природы в заседании 17/II-64г. 196 г. избрал Вас своим действительным членом

Извещая Вас об этом, Совет Общества выражает надежду, что Вы примете участие в деятельности Общества и будете знакомить его с результатами своих научных исследований.

Общество, имея альбом портретов своих членов, просит Вас не отказать прислать Вашу фотографию, желательно размером 9×12 или 10×15 см.

Одновременно Общество извещает Вас, что членский взнос установлен в сумме 4 руб. в год и просит Вас, по возможности, не задерживать уплату его.

Членский билет Вы можете получить ~~в канцелярии Общества проспект Маркса, 20, здание Научной библиотеки МГУ (против Манежа, второй этаж, помещение № 29) ежедневно от 9 до 18 часов.~~ по получении от вас перевода на 4 руб.

Президент Общества

Секретарь Совета

Тип. МГУ (ф.) 112—2000

Рис. 17. Извещение МОИП от 04.04.1964 г. об избрании

своего хозяина перед посетителями, так как при этом производил впечатление вконец изголодавшейся птицы. Очень любил также сочную зелень – проростки злаков, фасоли, обычную свежую травку; а особое пристрастие питал к зеленому сладкому перцу и укропу.

Но самым замечательным было пение Яшки. Выращенный в неволе, он был не так криклив, как дикие майны, и большинство неблагозвучных криков заменил на новые звуки, услышанные в комнате. Основной в его репертуаре была песня Аркадия Островского «Вьюга смешала землю с небом». Ее он насвистывал абсолютно точно и с каким-то упоением. Характерно, что при этом он подражал даже тембру свиста хозяина. Через год он обучил этой песне попавшую к нему в вольер синюю птицу, а впоследствии – еще двух. Кроме этой песни Яшка насвистывал другие мелодии, но почти не издавал хриплых «кыркающих» звуков, которые он произносил только токуя: распушившись и кланяясь в минуты наивысшего возбуждения. Очень тонко понимал настроение людей и по их просьбе охотно изображал мяуканье кошки, а когда люди смеялись, он копировал их смех, после чего курьезно раскланивался. Из человеческих слов он произносил только свое имя, хотя известно, что майны могут заучивать не только слова, но и целые фразы, о чем писал еще А.Э. Брем. Видимо, мы упустили возраст, оптимальный для обучения…

1965 год. Полевые работы в южной части заповедника были посвящены в основном наблюдениям за синей птицей и поискам гнезд рыжешейной синицы, о чем я рассказывал выше. Главными событиями года явились 4-я Всесоюзная орнитологическая конференция и выход в свет второго выпуска Трудов заповедника, над которым я работал почти 2 года.

1966 год. Всю зиму, начиная с поздней осени 1965 г., шла обработка материалов и написание очерков книги «Птицы западной оконечности Таласского Алатау». В феврале первый вариант рукописи объемом более 700 стр. машинописи я привез в Алма-Ату для обсуждения с научным руководителем и ответственным редактором – И.А. Долгушиным. Надо сказать, что Игорь Александрович отложил все дела и вплотную засел за чтение рукописи. Остановился я у Эдуарда Гаврилова, в только что полученной квартире в 7-м микрорайоне (даже водопровод еще не работал – воду носили от ближайшего фонтана) и оттуда каждое утро приезжал на Шевченко 13, кв. 9, где меня ожидала очередная порция прочитанного текста с устными объяснениями редактора. Такой ритм работы длился около двух недель, пока в очередной мой утренний приезд Игорь Александрович не сказал: «Сегодня не работаем – 23 февраля, день Красной Армии». И мы поехали в Институт зоологии, где была и торжественная часть, и неофициальная – в виде застолья. На следующее утро он пожаловался, что вчера сын Алешка, пока мы были в институте, праздновал дома с другом свое 16-летие и вдвоем они впервые распили бутылку водки – обоим, естественно, стало плохо, что не на шутку встревожило родителей. А еще через день Игорь Александрович впервые пожаловался на недомогание, а на просьбу Алексея сходить к врачу он как-то невесело отшутился, что таких, как он, уже не лечат. Меня эти слова удивили, потому что в тот день ему не исполнилось еще и 58 лет. Наша ра-

бота над рукописью в этот день была завершена, и я уехал в заповедник – дорабатывать недочеты. Это были последние дни февраля. А в первых числах марта я получил от Гаврилова срочную телеграмму, что Игоря Александровича оперировали и он в тяжелом состоянии. Придумав на ходу повод для начальства, я на следующий день уже был в Алма-Ате. При виде моей кислой перепуганной физиономии Эдик сказал, что с такой рожей к *И.А.* идти нельзя, надо напустить на себя беззаботный вид. И, тем не менее, как я ни старался выглядеть почти веселым, само мое появление в палате вызвало неожиданную реакцию со стороны *И.А.*: «А ты зачем приехал? Ты же только два дня как уехал!». Пришлось и ему врать что-то насчет подписи, необходимой для сдачи рукописи в печать… То ли поверил он, то ли сделал вид, что поверил, но только начал нам что-то рассказывать, в том числе – забавные истории об эдельвейсах и пр. Вот только голос был настолько тих и слаб, что с трудом узнавался. Под конец стало видно, как трудно дались ему эти полчаса.

Через некоторое время Игорю Александровичу стало лучше и уже в конце марта или начале апреля он писал мне, что вот проводит своих в экспедицию на Маркаколь, а сам тихонько, по-стариковски, поднимется на Большое Алматинское озеро и найдет-таки гнездо этого неуловимого красного вьюрка (Пирроспизы, как он его называл). И просил меня обязательно найти в этот сезон гнездо рыжешейной синицы (*Parus rufonuchalis*). Этот его наказ я выполнил 9 мая (День Победы), найдя в урочище Чуулдак первое гнездо этой синицы с кладкой; вскоре удалось найти еще 5. Здесь же попутно были обнаружены гнездо соловья-белошейки (*Irania gutturalis*) и орла-карлика (*Hieraaetus pennatus*), последнего в заповеднике не встречали со времен работы Л.М. Шульпина в 30-х гг.

И как гром среди ясного неба – телеграмма М.Н. Корелова о смерти И.А.Долгушина! Уже на второй день, 5 июля, я был в Алма-Ате. Съехалось много орнитологов, прилетел из Харькова Игорь Кривицкий. Для него это было такое же потрясение, как и для меня…

Даже сейчас, по прошествии стольких лет (почти полвека!), я не могу объяснить, почему именно в этот день мне стало ясно, что дни моей работы в Аксу-Джабаглы сочтены. Надо уезжать, менять жизнь и работу. Вот только куда? Ближайшие научные центры – Ташкент и Алма-Ата. С Даней Кашкаровым была давняя договоренность – дать знать, если вдруг появятся вакансии. И стоило мне ему об этом напомнить, как он тут же откликнулся: да, есть вакансии, поскольку в Институте зоологии создается новая лаборатория и в ней чуть ли не пять вакансий!. Надо срочно высылать заявление с приложением документов на имя директора Института Г.С. Султанова. Опять, как в случае с Хоментовским, было о чем задуматься. Но теперь я уже был морально почти готов к отъезду – для себя решил… Тем более, что монография о птицах заповедника уже находилась в издательстве. А она подводила черту моего пребывания в этом заповеднике.

Поэтому я послал заявление и документы в Ташкент и стал понемногу прощаться с заповедником: последние полевые работы в верховьях реки Джабаглы и ее притоков, последний учет копытных там же. Никогда не думал, что

это затянувшееся на месяцы прощание будет столь тяжелым! Прощаясь мысленно с каждым урочищем, я вспоминал все, что в нем происходило, – особенно почему-то первое посещение этого места, первое знакомство с ним. Прощался со своим любимым конем Орликом, прошедшим подо мной сотни километров за эти годы и понимавшим меня, казалось бы, с полуслова (и как потом оказалось, не зря прощался: сразу же после моего ухода Орлика, которому исполнилось 14 или 15 лет, директор продал окрестным старикам-казахам на мясо). Легче всего, как ни странно, было прощаться с людьми. Друзья мои (Абдулла, Петро и Иван) давно уехали из Новониколаевки; старые наблюдатели частично умерли (Темирали, Альжан), частично уволились; в коллективе на центральной усадьбе не без помощи со стороны директора между сотрудниками начался раздор… По-настоящему жаль было расставаться только с Галей Иващенко, перед которой я чувствовал вину за то, что заманил её в заповедник и вот теперь оставляю одну с малолетним сыном среди остатков бывшего коллектива…

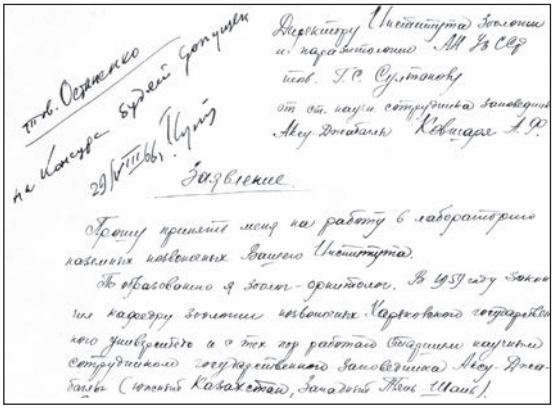

Директору (Института) Зоологии и паразитологии АН Уз ССР тов. Г.С. Султанову
от ст. науч. сотрудника Заповедника Аксу-Джабаглы Кашкарова Г.Ф.
29/VIII 66. Чулым
Заявление.
Прошу принять меня на работу в лабораторию наземных позвоночных Вашего Института.
По образованию я зоолог-орнитолог. В 1951 году окончил кафедру зоологии позвоночных Харьковского государственного университета и с тех пор работаю (бывшим научным сотрудником государственного Заповедника Аксу-Джабаглы (область Казахстан, Западный Тянь-Шань).

Рис. 18. Заявление с визой Г.С. Султанова от 29.08.1966 г.

О своем решении перебраться в Ташкент я известил своих коллег в Алма-Ате, и все они взялись отговаривать меня от этого шага и звать в Алма-Ату. М.Н. Корелов завел со мной на эту тему целую переписку, а Эдик Гаврилов, с которым мы в августе вместе строили бетонный фундамент будущей ловушки для птиц на Чокпаке, не ограничился разговорами там, а после окончания работы в сентябре вместе с лаборантом Дамиром Уваисовым приехал ко мне в Новониколаевку и продолжил эти разговоры «за рюмкой чаю», а также по пути на перевал Кши-Каинды, куда мы выехали втроем, чтобы посмотреть – идёт ли пролет на высоте 3000 м над уровнем моря. Все его доводы сводились к тому, что в Алма-Ате – все свои люди и смогут оказать любую организационную, в том числе и материальную помощь при устройстве на новом месте жительства, а вот в Ташкенте – только один Даня Кашкаров. Нечто подобное о взаимопомощи писал мне и М.Н. Корелов: «Ну а теперь трудные вопросы. Прописка, квартира, деньги. О прописке говорить трудно, так как не было повода ставить этот вопрос. Однако по опыту знаю, что хоть и трудно, но возможно. Будем искать ходы и пути. Боюсь, что трудно будет и с квартирой. Будем искать. Деньги. Во-первых, постепенно будем осуществлять продвижение по «чиновной» лестнице. К весне (самое позднее) должно быть у нас место старшего лаборанта. В жизни эти места появляются довольно часто. Тут почва уже подготовлена. Далее – будем использовать договорные возможности, это второе. Ну, и есть еще ряд возможностей. Могу заверить в одном, что все мы – и в лаборатории,

и в дирекции – хорошо понимаем те трудности, на которые Вы сейчас решаетесь, и что мы сделаем всё, что будет в наших силах, чтобы нормализовать Ваше устройство. Как будет решаться каждый отдельный этап, сейчас не скажешь. Так, как будет подсказывать ситуация» (16 сентября 1966 г.).

В этом отрывке знаменательно упоминание о продвижении по чиновной лестнице и о месте старшего лаборанта! Дело в том, что в Ташкент я подал на конкурсное место младшего научного сотрудника, а в Алма-Ату меня звали на место лаборанта, обещая в будущем «продвижение» до старшего лаборанта! О дальнейшем продвижении говорил и Эдик: «Книжка у тебя уже печатается. Защита диссертации по ней – дело ближайшего будущего. А после защиты кто же будет держать кандидата наук в лаборантах!».

Словом, доводов было с избытком и многие из них резонные. Поэтому я, поразмыслив, отказался от Ташкента и дал согласие на переезд в Алма-Ату. Мстислав Николаевич мгновенно ответил телеграммой на имя моей жены в школу, где она работала. А в уже цитированном письме от 16 сентября он написал:

«Итак, ура! Вы зачислены в штат нашей лаборатории с 20 сентября. Должность, конечно, наинижайшая, но ведь именно это и есть единственный верный путь! Сегодня утром я специально сидел дома и ждал почтальона. Около 11 он появился с Вашим письмом и документами. Получив долгожданный пакет, отправился в институт. Все это время меня всяко пугали, что единица может уплыть. И это действительно могло случиться – при Президиуме создается еще один сугубо бюрократический отдел, для коего набирают единицы везде, где только они появляются… Но теперь все это где-то далеко позади!» (16 сентября 1966 г.).

Однако меня держала книга, которая могла и не увидеть свет, уйди я из заповедника вопреки воле начальства (крутой характер Валентина Александровича Степанова я уже хорошо знал). Поэтому всю осень 1966 года я провел за чтением двух корректур объемом более 35 п.л. каждая, пожертвовав для этого поездкой в Одессу на Зоогеографическую конференцию (командировка была плановая и деньги на неё были!), хотя всегда мечтал увидеть этот город (мечта моя осуществилась только 20 лет спустя). Три месяца плотной переписки с М.Н. Кореловым были заполнены переговорами об отсрочках приезда.

И только в декабре Эдик Гаврилов сообщил мне, что книга, наконец, вышла – он ее видел и не скрывает удивления столь большим объемом. Отступать дальше было некуда, и я написал заявление об уходе, которое директор заповедника уже давно ожидал. И сразу же после встречи Нового года, в самом начале 1967 г. я налегке уехал в Алма-Ату, а семья оставалась в Новониколаевке до окончания учебного года (май 1967 года).

Алма-Ата – Северный Тянь-Шань: от предгорий до высокогорий (1967-1970)

В лаборатории орнитологии, где я к тому времени знал практически всех, поскольку приезжал сюда по нескольку раз в год, меня приняли как своего. Полным ходом шла работа над очередным, третьим томом сводки «Птицы Казахстана», задержавшимся после выхода второго на целых 5 лет. И хотя все виды птиц были уже давно распределены между будущими авторами, мне выделили

семейство мухоловковых и род Синяя птица. Это был тот минимум, который давал мне возможность форсировать защиту диссертации, для чего нужно было время. Прежде всего, надо было сдавать экзамены кандидатского минимума, которые я как «сельский житель» даже не начинал, несмотря на то, что ещё Игорь Александрович в своё время посылал меня в отдел аспирантуры Академии наук к Ангелине Николаевне Жуйко на консультации – с чего надо начинать…Не мог я посещать никакие курсы, да и, честно говоря, не считал это дело важным по сравнению с самой диссертационной работой. Теперь надо было искать пути сдачи экзаменов экстерном. Надо сказать, что помочь пытались все – хотя бы советом. В первые же дни работы меня буквально огорошила Мария Алексеевна Кузьмина, сказав, что меня вызывает директор Института академик И.Г. Галузо! Какое дело могло быть у академика к лаборанту?!

Илларион Григорьевич встретил меня любезно и долго рассматривал с интересом. Первыми его словами были: «Так вот ты какой! По рассказам Долгушина я представлял тебя этакой глыбой, а ты – маленький». Слышать такое от человека, который был заметно ниже меня ростом, было смешно, и это как-то сняло мою первоначальную робость и облегчило дальнейший разговор. Расспросив, как началась моя служба в лаборатории, в каком состоянии подготовка к защите диссертации, Галузо без обиняков заявил: «Давай договоримся сразу: мы тебе поможем и с ускорением защиты и в дальнейшей работе. Только обещай мне одно: никогда не проси у меня квартиры!». Так был заключен негласный договор, и надо сказать, что обе стороны свои обязательства сдержали.

Илларион Григорьевич исправно подписывал письма в разные инстанции о досрочной сдаче экзаменов минимума, а после их сдачи как-то вызвал меня и, держа в руках мою книгу, сказал: «Такую книгу жаль защищать как кандидатскую. Ты её отложи, напиши быстренько обычную кандидатскую, а эту будешь защищать как докторскую». И как ни лестно мне было это слышать и трудно спорить с академиком, я всё же наотрез отказался. Но он мне вслед сказал: «Ты подумай». На следующий день меня вызвал к себе Ученый секретарь Совета по защитам Петр Михайлович Бутовский и сказал, что академик Галузо поручил ему выяснить вопрос о возможности двойного голосования на защите: за кандидатскую и за докторскую. Добавил при этом, что правилами это не возбраняется, но видно было, что сам он не в восторге от такого предложения. Я опять начал отказываться, на этот раз более уверенно просил Петра Михайловича не делать этого. И он спросил: «Вам сколько лет?», а услышав, что всего тридцать, сказал: «Правильно, не стоит. Потому что Вам просто не простят Вашего возраста». И у меня отлегло от сердца.

А с жильем надо было что-то решать. Пока я устроился на квартиру в нижней части города, близ Парка имени Горького, на перекрестке тихих улочек с замечательными названиями «Полтавская» и «Сибирская». И хотя добираться до работы на так называемый Геологострой было далековато, но туда шел прямой автобус № 59, остановка которого была рядом с парком, и я за час с небольшим успевал добраться до института. Но надо было готовить «плацдарм» для переезда весной со всем скарбом. И тут я понял, насколько правы были мои

коллеги-орнитологи, говорившие мне о взаимопомощи между своими. Нурания Халиловна Кармышева предложила купить у неё четверть дома на улице Курмангазы, буквально через дорогу от Академии наук, да ещё обещала рассрочку при уплате. А Людмила Андреевна Демченко (вдова И.А. Долгушина), к которой я обратился по совету Эдика Гаврилова, заняла мне требуемые две тысячи рублей, вырученные от продажи библиотеки Игоря Александровича и при этом тоже обещала подождать с отдачей долга, поскольку это деньги ее сына Алеши и сейчас в них нет срочной нужды.

Так я стал обладателем «четверти дома» и перебрался на второй этаж каркасно-камышитового особнячка по ул. Курмангазы 24, кв. 2, на который вела крутая наружная деревянная лестница. Там еще жила младшая сестра Нурании Халиловны Джамалия с сыном-студентом Шамилем, с ними я замечательно прожил несколько месяцев до весны.

В лаборатории, которой к тому времени руководил Э.И. Гаврилов, шла работа по написанию очерков к третьему тому. То и дело кто-нибудь из пишущих обращался ко всем с тем или иным вопросом, который тут же все охотно начинали обсуждать. Обычно это были вопросы о поведении той или иной птицы: как она передвигается, как ловит или собирает пищу, какие у неё голосовые реакции. Помню, как Икар Бородихин поставил всех в тупик вопросом: «оляпка приседает или кланяется?». И каждый из нас, сотни раз видевший оляпку в природе, силился вспомнить, что же именно она делает. Требования долгушинской инструкции «О написании «Птиц Казахстана», заставляли всех нас думать о таких деталях, вспоминать и переосмысливать. Дежурным был также вопрос о том, где находится тот или иной населенный пункт, речка или другая географическая точка, которая приводится в том или ином литературном источнике. Тогда все собирались около карты Казахстана и начинались поиски. Неоценимую помощь, как правило, оказывали старшие товарищи – Мстислав Николаевич и Мария Алексеевна, иногда – Э.Ф. Родионов. Для меня, привыкшего в заповеднике работать в одиночку, такая коллективная работа была приятной неожиданностью и служила бесценным источником новых знаний. Видимо, именно здесь стоит более подробно рассказать о моих коллегах-орнитологах (как старшего поколения, так и ровесниках), с которыми предстояли годы совместной работы.

Мстислав Николаевич Корелов (1911-1995)

Оказавшись волею судьбы биографом Мстислава Николаевича (см.: Selevinia, 2001, с. 208-209; книга «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век», 2003, с. 99-101; «Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии», вып. 1, 2012), я хотел бы в этой заметке вспомнить некоторые эпизоды из нашего более чем 30-летнего знакомства – эпизоды, которым нет места на страницах официальной биографии, но которые, тем не менее, дополняют портрет человека, делая его более живым и менее схематичным. Кое-что напомнили его письма, ведь эпистолярное наследие, к концу XX столетия почти канувшее в Лету,

зачастую может служить лучшей характеристикой его автора, чем чьи-то описания со стороны. Многое хранит и память – при всем своем несовершенстве…

Мне почти не приходилось бывать с Мстиславом Николаевичем в поле, но первая запомнившаяся мне встреча произошла именно в таких условиях, когда он 19 июля 1960 года во главе экспедиционного отряда заехал на несколько дней в заповедник Аксу-Джабаглы, где я тогда работал (хотя осенью 1959 г. мы с ним встречались в лаборатории орнитологии Института зоологии в Алма-Ате). Вместе с *М.Н.* на видавшем виды грузовом «ГАЗике» в заповедник приехали Эвальд Федорович Родионов, Икар Бородихин и какой-то студент. Загнав машину во двор, они в ожидании моего возвращения с перевала Кши-Каинды разбили здесь небольшой лагерь, выставив на свежий воздух клетку с птенцами синего каменного дрозда (*Monticola solitaria*), которых Икар тут же начал кормить. А ещё выпустили петуха, которого они купили в Джамбуле для еды, но возили с собой уже несколько дней.

Когда я заехал во двор, то застал такую картину: члены экспедиции во главе с начальником азартно следят за исходом петушиного боя, в котором их петух побил и обратил в бегство местного!. Увидев, что из моего курджуна торчат газетные «фунтики», Мстислав Николаевич тут же забыл о баталии и живо заинтересовался добытыми птицами. Вынув из «фунтика» краснокрылого чечевичника, у которого из простреленного шейного мешка выступали белые семена, он воскликнул: «О, тараксакум жрёт». И был близок к истине, потому что семена козлобородника *Tragopogon* (а это были именно они) по форме очень напоминают семена одуванчика (*Taraxacum*), только крупнее.

Зашел разговор об этой птице, у которой в то время ещё не были описаны гнезда и яйца. Мстислав Николаевич заметил, что Л.М. Шульпин ошибался в определении гнездового биотопа этого вида, и что гнезда краснокрылого чечевичника надо искать не в кустах, как ошибочно полагал Шульпин, а, скорее всего, – в скалах. Эта вскользь высказанная мысль через год, в июле 1961 г., помогла мне найти на перевале Кши-Каинды первое гнездо этой птицы.

На следующий день мы выехали в каньон реки Аксу. Во время экскурсии по арчовому редколесью под скалами и по яблоневому лесу северного склона Мстислав Николаевич был необычайно оживлён и много интересного рассказал о встреченных птицах, хорошо знакомых ему по работе в Бостандыке. Кстати, мне он несколько раз сделал замечание, что в горах, на крутых склонах, нельзя бегать, а надо ходить более медленно и даже степенно, как бы ни одолевал азарт. Впоследствии я не раз вспоминал это замечание. После Аксу направились в долину Джабаглы, а оттуда в ущелье Кши-Каинды гости проехали уже сами, так как мне пришлось сменить ружье и бинокль на топор и молоток – надо было срочно строить загон для трех маралов, прибывших из Заилийского Алатау для реакклиматизации. А Мстислав Николаевич именно в этот день встретил у водопада Кши Каинды белоножку (*Enicurus scouleri*), которую я потом безуспешно искал все оставшиеся шесть лет работы в заповеднике…

Большую часть времени моей работы в заповеднике мы регулярно переписывались с Мстиславом Николаевичем. Из сохранившихся 15 его писем (их

было явно больше) первое датировано 12 августа 1963 г., а последнее – 27 декабря 1966 г. Особенно интенсивной была наша переписка в 1964-1965 гг., когда мы работали над совместной статьей о ястребе-перепелятнике в Западном Тянь-Шане, а также в сентябре-декабре 1966 г. когда было две темы переписки: ситуация с конкурсом на заведование лабораторией орнитологии в Институте зоологии и детали моего предстоящего перехода в Институт. В отношении последнего Мстислав Николаевич принял самое деятельное участие. В одном из своих писем он писал прямо: «Скрывать не буду – Вы мне очень нужны. Я никогда не соглашался с *И.А.* в том, что мы должны ограничивать лабораторию в составе. Дел масса, а делать некому. Ежели не пополнять состав, то в один прекрасный момент лаборатория просто вымрет» (письмо от 28 ноября 1966 г.). И уже после переезда он оказал мне неоценимую услугу, прописав временно в своем частном доме на Шагабутдинова, 178.

Мстислав Николаевич был орнитологом старой школы и, хотя учился у одного из основоположников отечественной экологии профессора Д.Н. Кашкарова и начинал свою практическую деятельность под его руководством, тем не менее, самой экологией не увлекался. Основные его интересы всегда лежали в области фаунистики, зоогеографии и систематики птиц. Особое значение он придавал работе с коллекциями и при этом всегда стремился к поискам признаков внутривидовой изменчивости птиц по морфологическим показателям, интенсивности окраски оперения и т.д. В коллективе долгушинской орнитологической лаборатории он был бесспорным авторитетом в знания птиц «по перышкам», как любил повторять И.А. Долгушин, и в процессе работы над сводкой «Птицы Казахстана» каждый из членов авторского коллектива не раз обращался к нему за помощью и советом при раскладке коллекционных материалов.

В конце 50-х – начале 60-х гг. для нас, начинающих орнитологов, функции четырех корифеев орнитологической лаборатории распределялись примерно следующим образом: М.А. Кузьмина – куриные плюс морфология; В.Ф. Гаврин – боровая дичь, гусеобразные и вообще охота; И.А. Долгушин – все водоплавающие, околоводные, степные птицы и любые другие орнитологические вопросы по равнинному Казахстану; М.Н. Корелов – хищные птицы, воробьиные и горы. И в этом был свой смысл. Мстислав Николаевич действительно основное внимание уделял горным территориям, где представлена самая разнообразная орнитофауна, на ¾ состоящая из воробьиных птиц. Что же касается хищных птиц, то к ним *М.Н.* питал особую любовь, что хорошо заметно даже по видовым очеркам, занимающим во втором томе «Птиц Казахстана» целых 220 страниц!

Лаборатория орнитологии в январе 1967 года напоминала собой муравейник, в котором все трудились над очередным, третьим томом «Птицы Казахстана», задержавшимся уже тогда на целых пять лет. Писались и редактировались тексты очерков, собирались фотографии для иллюстраций, готовились картосхемы распространения видов, велась переписка с единственным иногородним автором – В.Ф. Гавриным, а также художниками – А.Н. Комаровым, готовившим штриховые черно-белые рисунки каждого вида, и Юлием Костиным, рисовавшим цветные таблицы. Все это большое хозяйство возглавлял и умело

направлял редактор Мстислав Николаевич Корелов, тем более что молодому заведующему лабораторией Э.И. Гаврилову было не до того – всё больше внимания, времени и сил требовал только что родившийся Чокпакский стационар, всю душу которому отдавали они с И.Ф. Бородихиным и Э.Ф. Родионовым.

Редактором *М.Н.* был кропотливым и придирчивым. Он не только читал написанный автором текст, но и проверял по первоисточникам – правильно ли они процитированы, переведены ли даты со старого стиля на новый и т.д. Делал он это не спеша, подолгу задерживая рукописи у себя. Но зато надо было видеть, с каким удовлетворением и гордостью приносил он отредактированный текст! Однажды (по поводу очерков врановых) он даже сказал, что мог бы с полным правом поставить свою фамилию как соавтор. И это было недалеко от истины.

Фотографии отбирались из общей фототеки – огромного ящика, в который были собраны по видам птиц отпечатки самого различного формата, включая присланные за несколько лет со всех концов Советского Союза. Здесь же устраивался, как бы сейчас сказали, тендер: отбиралась лучшая, по мнению присутствующих, – и только после этого *М.Н.* объявлял фамилию автора снимка. Процесс этот напоминал увлекательную игру и всем нам очень нравился, внося оживление в монотонные будни.

Еще более торжественно обставлялся выход очередного тома. *М.Н.* собственноручно составлял список орнитологов, которым авторский коллектив будет *дарить* эту книгу, и предлагал каждому из нас дополнить этот список фамилиями, которые он упустил. На основе этого списка составлялась таблица, где каждая колонка принадлежала одному из авторов, который сам проставлял в ней крестики против фамилий тех, кому он будет подписывать. Сумма, затраченная на покупку книг (обычно их было 50-60), делилась на количество крестиков – так появлялся показатель «стоимость одной подписи», который позволял каждому автору рассчитать свой вклад в покупку дарственных книг. Так в лаборатории издавна подписывались все сборники «Трудов». Я хорошо помню, как эту систему объясняли мне И.А. Долгушин и М.Н. Корелов ещё в 1964 г., когда вышла книга «Охотничьи птицы Казахстана» с моей статьей. Тогда я, не зная и половины фамилий из этого списка и будучи стеснен в средствах, проставил всего несколько крестиков. Но во время процедуры подписи Мстислав Николаевич, который прекрасно понял причину моей несмелости, смеясь, сказал: «Подписывайте все – бесплатно!».

Больше всего воспоминаний осталось от совместного редактирования четвертого тома, который был запланирован как последний, и лишь при сдаче рукописи выяснилось, что она превышает объем вдвое, поэтому Редакционно-издательский совет Академии (знаменитое РИСО) решил разделить её на два тома.

Надо сказать, что Мстислав Николаевич был противником форсирования этого издания и не раз высказывался в том плане, что не худо бы запланировать еще раз тему с тем же названием, чтобы в течение нескольких лет, не спеша, собрать дополнительный материал. Однако это хорошее предложение было нереально, поскольку тема «Птицы Казахстана» была завершена еще в середине 60-х гг. Новая тематика в виде надвигавшейся махины «Миграции птиц в Сре-

динном регионе» грозила тем, что уникальное издание может остаться незавершенным. Надо было спешить. Однако *М.Н.*, никогда не признававший спешки, и в этом случае не собирался торопиться…

Поскольку мы не разделяли между собой редактируемый текст, а читали его каждый по очереди, был установлен такой порядок: я работал над рукописью после редактора издательства (Надежда Ивановна Семенова – прекрасный специалист-филолог), после чего отвозил текст с правкой Мстиславу Николаевичу на Шагабутдинова, 178. Такое двойное «сито» давало положительные результаты. Первые сложности появились при читке корректуры.

Мстислав Николаевич неожиданно объявил, что первую корректуру он читать не будет, зато вторую, чистовую – обязательно и с пристрастием! Такой оригинальный подход приходилось преодолевать таким способом: прочитав и выправив листы корректуры, я отвозил их на подпись *М.Н.* и просил его хотя бы просмотреть их на досуге (любой редактор знает, как много правки именно в первой корректуре, которая фактически является основной). Он неизменно говорил: «Оставьте, я посмотрю» и тут же заводил разговор о птицах, иногда показывал канареек или предмет своей гордости – ирисы и тюльпаны, которые он выращивал в саду. Когда перед уходом я напоминал *М.Н.*, что корректуру просили вернуть срочно, он чаще всего отмахивался: «У них всегда все срочно». И нередко не прикасался к ней несколько дней.

Редактора начинали роптать.

Вторую корректуру он действительно читал с пристрастием, внося свои исправления на чистые листы и повергая тем в ужас издательских редакторов, полагавших, что их работа уже закончена. Листы эти он приносил в издательство сам, готовый объяснять и отстаивать свои исправления. Обычно он появлялся с ними в конце рабочего дня, что приводило в замешательство уже собравшихся домой женщин-редакторов… Жалобы их закончились тем, что директор издательства «Наука» Казахской ССР всесильный Борис Яковлевич Нинбург потребовал от директора Института зоологии заменить редактора, что и было сделано, поскольку спорить с директором издательства было бесполезно.

Вспоминается и курьезный случай, когда *М.Н.* с блеском спас ситуацию. Цветные иллюстрации для этого издания в 70-е годы в Алма-Ате мог отпечатать только Полиграфкомбинат. Но когда я принес туда официальное письмо и оригиналы рисунков Ю.В. Костина, директор комбината категорически отказал, сославшись на то, что они не успевают печатать даже школьные учебники. Пришлось вспомнить, что окольные пути иногда бывают короче прямых. Выяснив у его супруги, с которой был знаком еще с середины 60-х гг., что у них появилась канарейка, которой нужна пара, я обратился к Мстиславу Николаевичу как крупному специалисту по канарейкам. Он нашел им канарейку, дал исчерпывающие консультации и так очаровал эту даму, что наш заказ приняли без запинки, и мы отпечатали иллюстрации сразу к двум томам – четвертому и пятому (тираж последнего тома пролежал в лаборатории два года).

Особо хочется сказать о Корелове-наставнике. Речь идет не о кандидатах наук, защитившихся под его руководством (как обычно принято говорить), и не

о тех молодых, но уже сформировавшихся орнитологах, которые в 70-80 гг. любили бывать у него дома на Шагабутдинова, 178, слушать пение канареек, пить чай и вести разговоры о птицах, получая при этом великолепные консультации. Здесь речь пойдет о мальчишках юннатах, которых Мстислав Николаевич заразил своей любовью к птицам, вообще животным, открыв перед ними чарующий мир живой природы и разбудив настоящий интерес к ее познанию. Многое из этой стороны деятельности *М.Н.* происходило на моих глазах, кое о чем, спустя годы, сообщили повзрослевшие юннаты.

В середине 60-х гг., когда я поселился в Алма-Ате, здесь было два основных центра юннатского так сказать «движения» – городской Дом пионеров на ул. Калинина (между Дзержинского и Сейфуллина) и кружок юннатов зоопарка, созданный еще в 30-е гг. Максимом Дмитриевичем Зверевым. Работавшие в них преподаватели – в первом Галина Константиновна Байдельдинова, во втором (и чуть позже) – Раиса Анатольевна Балахнова – сделали для юннатов очень много. Главное, что отличало их от других работников этой сферы, – они умели любыми путями находить увлеченных свои делом ученых и «пристраивать» к ним юннатов. Так «под крылом» Мстислава Николаевича оказались школьники Боря Жуйко и Валя Ильяшенко. Ныне оба они – известные зоологи. Борис Петрович Жуйко – директор таксидермической лаборатории Музея природы КазГУ, а по тем временам – обладатель медали «Юный участник ВДНХ» за наблюдения над большой синицей в городе Алма-Ата. Валентин Юрьевич Ильяшенко, закончивший Ленинградский университет, – известный ныне орнитолог, кандидат (без пяти минут доктор) наук, заведующий лабораторией в ИПЭЭ РАН (Москва). На его примере особенно хорошо видно, как воспитывал и опекал своих учеников Мстислав Николаевич, оказывая им помощь даже в студенческие годы (подробно об этом я писал в «Орнитологическом вестнике Казахстана и Средней Азии», 2012).

В более позднем возрасте, уже студентами, пришли к Мстиславу Николаевичу И.Ф. Бородихин, Б.В. Щербаков и В.В. Мосолов. Ныне Икар Федорович и Борис Васильевич – известные казахстанские орнитологи, причем первый – автор книги «Птицы Алма-Аты» (1968), основатель знаменитого Чокпакского орнитологического стационара; второй – не только автор многих орнитологических публикаций, но и очень известный в Казахстане писатель-натуралист, член Союза писателей Казахстана – как и Виктор Владимирович Мосолов. Все они сохранили добрую память о своем учителе и наставнике.

Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986)

Вся сознательная творческая жизнь этой хрупкой, но очень сильной духом женщины (а это нелегкие 53 года научных поисков, утрат и побед) была отдана делу изучения птиц Казахстана. Наиболее полная ее биография опубликована мной в Selevinia-2010, который был посвящен столетию Марии Алексеевны Кузьминой (Ковшарь, 2010). Не повторяя текст этого очерка полностью, напомню здесь лишь основные вехи ее жизненного пути.

В 1928 г. Мария Алексеевна поступает в Ленинградский университет. Среди преподавателей этого вуза был и молодой Л.М. Шульпин, впоследствии выдающийся ученый-орнитолог. Лекции его, как вспоминала годы спустя Мария Алексеевна, всегда приковывали к себе внимание не только содержанием, но и эмоциональностью. Видимо, под его влиянием *М.А.* серьезно увлеклась орнитологией. И не только она – на одном курсе с ней учились такие крупные впоследствии зоологи и экологи, как Георгий Александрович Новиков (которого она всю жизнь ласково называла Жорой) и Олег Измайлович Семенов-Тянь-Шанский со ставшей впоследствии его супругой Марией Ивановной Владимирской (Мусей – подругой *М.А.*).

После окончания университета по специальности «зоология позвоночных животных» Мария Алексеевна в ноябре 1933 г. приезжает в Алма-Ату и начинает работать младшим научным сотрудником в секторе зоологии Казахстанского филиала Академии наук СССР (КазФАН), где с 1932 г. уже работал И.А. Долгушин, оказавший большое влияние на формирование *М.А.* как орнитолога. Видимо, в Казахстан *М.А.* попала не случайно – именно сюда направился на работу из Ленинграда для изучения птиц ее учитель Л.М. Шульпин, принявший активное участие в организации орнитологической ячейки сектора зоологии КазФАН и осуществивший в 1932-1935 гг. первые орнитологические обследования двух горных казахстанских заповедников – Алматинского и Аксу-Джабаглы. С этого времени вся дальнейшая жизнь *М.А.* тесно связана с названным сектором, ставшим впоследствии Институтом зоологии, где она проработала около полувека – всю свою творческую жизнь…

Здесь *М.А.* нашла свою любовь и кратковременное семейное счастье: муж её Николай Ильич Грачев, коллега по работе, друг и неизменный спутник И.А. Долгушина по экспедициям, ушел на фронт и в 1942 г. погиб, оставив Марию Алексеевну с двумя детьми – 5-летним Юрой и 4-летней Таней. Как рассказывала впоследствии Мария Алексеевна, до войны они жили сначала на Медео, где Николай работал в заповеднике, и Марии Алексеевне не раз приходилось проходить пешком на работу 12 км до здания КазФАН, которое помещалось на углу улицы Виноградова (ныне Карасай-батыра) и проспекта Ленина (ныне Достык),

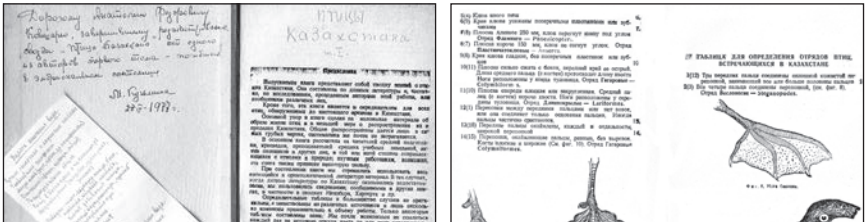


Рис. 19. Корректурный оттиск «Птицы Казахстана» (1941) с автографом М.А. Кузьминой и план видового очерка, написанный И.А. Долгушиным

а в конце дня Коля по возможности приезжал за ней на подводе или встречал по дороге (в противном случае и обратный путь, уже в гору – с 800 до 1800 м над уровнем моря – приходилось так же идти пешком)…

Первую свою экспедицию *М.А.* совершила в 1934 г. в качестве руководителя орнитологического отряда, работавшего в низовьях Иргиза и Тургая, в том числе на Челкар-Тенизе. Тяжелые бытовые условия, жара и безводье были спутниками небольшого отряда, передвигающегося на верблюдах. В этом районе, как и во многих других местах Казахстана, свирепствовал голод. На пути иногда попадались трупы людей, погибших от хронического недоедания. Трудно представить, сколько лишений пришлось перенести участникам экспедиции, но намеченная работа была выполнена.

В самый канун войны И.А. Долгушин и Мария Алексеевна написали и подготовили к печати первый том задуманной Игорем Александровичем сводки «Птицы Казахстана». Том был набран, но начало войны помешало книге увидеть свет – набор был рассыпан. Сохранился лишь один экземпляр корректурного оттиска объемом 187 стр., до 2008 года хранившийся у меня с трогательным посвящением от Марии Алексеевны, подписанным ею после выхода в свет последнего, 5-го тома «Птиц Казахстана» (1974). В 2008 году, во время празднования 100-летия со дня рождения И.А. Долгушина, этот единственный экземпляр передан мною на хранение в фонды Центрального Музея Казахстана (город Алматы).

В 1943-1945 гг. *М.А.* поступила в аспирантуру при КазФАН, по окончании которой защитила кандидатскую диссертацию на тему «Куриные Казахстана». К этой группе птиц у Марии Алексеевны была особая привязанность и она сохранилась до конца жизни, причем интересовало ее все, что касалось этих птиц, включая их эволюцию, морфологию, экологию и физиологию. Будучи воспитанницей ленинградской орнитологической школы, где основы эволюционного исследования птиц заложил академик П.П. Сушкин, а затем успешно продолжали Б.К. Штегман, К.А. Юдин и в какой-то мере Е.В. Козлова, Мария Алексеевна увлеклась эколого-морфологическими и эколого-физиологическими исследованиями представителей отряда курообразных птиц, став единственным в Казахстане специалистом этого направления.

Эколого-морфологические исследования Марии Алексеевны очень высоко ценили ленинградские орнитологи, особенно Елизавета Владимировна Козлова, с которой у *М.А.* сложились очень теплые и можно сказать дружеские отношения, несмотря на большую разницу в возрасте и тот огромный пиетет, который испытывала *М.А.* к своей старшей коллеге (это сразу же бросалось в глаза не только тогда, когда удавалось присутствовать при их личном общении, но даже когда заходил разговор о работах *Е.В.* в ее отсутствие).

Занявшись функциональной морфологией куриных птиц, Мария Алексеевна не оставила и прежние свои занятия фаунистикой, поскольку именно в полевых экспедиционных исследованиях она черпала новые сведения о поведении и экологии своих объектов. Особое внимание она уделила Восточному Казахстану (Алтай, Калбинский Алтай), куда совершила ряд экспедиционных поездок.

Наряду с Восточным Казахстаном *М.А.* уделяла внимание другим регионам, в частности, Северному Казахстану, где проработала весь полевой сезон 1952 г. – в Булаевском и Октябрьском районах Северо-Казахстанской области, а также близ села Алексеевка Акмолинской области. Собранные здесь интересные материалы не были опубликованы в виде отдельной статьи, однако они широко использованы во всех пяти томах сводки «Птицы Казахстана» (1960-1974). Одновременно, в 50-60-х гг., она проводила наблюдения за птицами на стационаре Теректы в Джунгарском Алатау, близ Джунгарских ворот (1959), на перевале Алтынэмель в западных отрогах Джунгарского Алатау (1962). В 1972-1976 гг. вместе с сыном Ю.Н. Грачевым Мария Алексеевна вела стационарные наблюдения за кекликами в горах Чулак, а в весеннее и осеннее время несколько раз посещала Киргизский Алатау, Каратау, Чу-Илийские горы, Малайсары и Джунгарский Алатау севернее Алтынэмеля. Во всех этих поездках, помимо основных материалов по биологии и экологии кеклика накапливались и орнитофаунистические сведения, большая часть из которых не успела войти в последние тома «Птицы Казахстана».

Во втором томе Марии Алексеевне досталась ее любимая группа – куриные. Сведения о 13 видах этого отряда заняли почти 100 страниц текста, т.е. очерки насыщены не только подробным описанием распространения, но и деталями биологии, экологии и поведения. До сих пор эти очерки, несмотря на давность, являются основным источником сведений о куриных нашей страны. Большие объемы работы выполнила Мария Алексеевна и в последующих трех томах сводки, вплоть до последнего, в котором ей пришлось трижды переписывать слишком рано написанное семейство овсянковых, которое первоначально планировалось в третий том, а затем, по причинами таксономических изменений, сначала было отложено в четвертый и, в конечном счете, попало в пятый том. Хорошо помню, как Мария Алексеевна каждый раз пыталась «освежить» материал этих очерков и жаловалась, что нельзя писать досрочно.

Главным итогом ее работ явилась монография «Тетеревиные и фазановые СССР (эколого-морфологическая характеристика)», вышедшая в свет в 1977 г. и переизданная на английском языке в 1992 г. в Вашингтоне. В сущности, эта «лебединая песня» Марии Алексеевны должна была быть защищена в качестве докторской диссертации и лишь неимоверная скромность не позволила ей сделать этот последний и вполне закономерный шаг. Окружающие коллеги, к сожалению, не проявили в данном случае достаточной настойчивости, чтобы убедить ее в необходимости этого шага – хотя бы для того, чтобы защитить само направление исследований, не дать ему угаснуть. К сожалению, с ее уходом исследования по функциональной морфологии птиц в Казахстане прекратились.

Большие знания и трудолюбие сочетались в *М.А.* с одной стороны с удивительной мягкостью, добротой и чуткостью к окружающим, а с другой – с твердостью характера и выносливостью. В тяжелые военные и послевоенные годы она вырастила и воспитала сына и дочь, дав обоим путевку в биологию, а спустя десятилетия фактически заменила внучке погибшего отца. В экспедициях эта маленькая хрупкая женщина поражала всех своей энергией, подвижно-

стью. И трудно было поверить, что в молодости она страдала пороком сердца, который и вылечила-то постоянными нагрузками – пешком ходила на работу в центр города из района будущего высокогорного катка Медео.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА
ВАЛЕРИЙ БРУМЕЛЬ ПРИСТУПИЛ К ТРЕНИРОВКАМ

Рис. 20. Коллаж М.А. Кузьминой, осень 1968 г.

Когда после смерти И.А. Долгушина директор Института зоологии акад. И.Г. Галузо никак не хотел, чтобы заведующим лабораторией орнитологии стал М.Н. Корелов, и для достижения этой цели в самый последний день конкурса пригласил на это место человека со стороны (что естественно вынудило *М.Н.* забрать свои документы), Мария Алексеевна смело пошла к академику, чтобы поговорить с ним «как коммунист с коммунистом», а после этого разговора буквально заставила подать документы на конкурс молодого, только недавно защитившего кандидатскую степень Э.И. Гаврилова…

Достойно глубокого уважения и то, как разумно и неординарно провела Мария Алексеевна свои последние пенсионные годы, посвятив их воспитанию внучки. Она ежегодно вместе с ней отправлялась в путешествия по России – то по Волге, то на Псковщину, то по Пушкинским местам. Рассказы её об этих поездках были наполнены массой впечатлений, переживаний, раздумий. В эти годы она вообще много размышляла и могла бы написать интересную книгу воспоминаний. Думается, что основной помехой этому была ее скромность и застенчивость сверх всякой меры: будучи невысокого мнения о своих литературных способностях (не раз говаривала, шутя: «пишу, как курица лапой»), она сочла бы всякую такую попытку нескромной. Эта ее сверхскромность приобретала временами удивительные формы. Так, возвратившись из очередного пешего похода с внучкой в высокогорье Малого Алматинского ущелья и проходя мимо моего дома, она, вместо того, чтобы зайти, могла оставить в моем почтовом ящике записку – почти письмо! – с описанием своих впечатлений от путешествия, неизменно начинавшуюся словами: «зная, как вы заняты работой, не могу зайти, чтобы не отвлекать». Хотя она не сомневалась в том, что ей всегда будут рады. Даже последние шаги (в больницу) Мария Алексеевна проделала самостоятельно, никого не предупреждая и не прося о помощи, чтобы, не дай Бог, не побеспокоить никого из близких – сына, невестку, внуков…

Скромная, обаятельная, добрая и справедливая, Мария Алексеевна Кузьмина была великой труженицей. В лаборатории она проводила все время за рабочим столом: что-то писала, чертила, уточняла по карте. И при этом всегда была готова прийти на помощь другому. Именно она первой искала на карте то место, которое ты никак не мог найти, или отвечала на другие вопросы, возникшие

у неопытного автора очерка при его написании. За 35 лет нашего знакомства я ни разу не слышал от нее не только дурного слова, но даже тени жалобы или недовольства кем-то. Помню, как она принесла в госпиталь, где я лежал с переломом ноги, газетную вырезку о Валерии Брумеле, сломавшем ногу и уже выздоравливающим именно благодаря чудодейственному аппарату Илизарова (рис. 20). И сейчас, много лет спустя, я вспоминаю о ней с теплотой, как о самой светлой личности.

Эдуард Иванович Гаврилов (1933-2011)

Это имя я услышал впервые от Игоря Александровича Долгушина. Както в один из моих приездов он сказал: «Надо познакомить Вас с Эдиком Гавриловым. Он недавно перебрался из Западного Казахстана и сейчас работает в ИЗРе. Толковый орнитолог, а главное – очень энергичный, напористый. Жаль, что вы разминулись, он недавно был у меня». Разминулись мы и во второй мой приезд, и в третий. А разгадка была проста: Эдик как очень ранняя пташка, приезжал к Долгушину спозаранку, задолго до начала рабочего дня, и быстро решив свои дела, уезжал в свой Институт защиты растений, расположенный в Каргалинке, за городом. Услышав от Игоря Александровича, что Эдик занимается изучением испанского воробья, я вспомнил, что в научный отдел заповедника недавно пришла из Индии бандероль на имя Эдуарда Гаврилова (я почему-то думал, что она адресована Виктору Терентьевичу Гаврилову и ждал, когда он появится).

Вернувшись в Новониколаевку, я разыскал эту бандероль, распечатал – и в ней оказались оттиски статей об испанском воробье. Сомнений не осталось. Узнав у И.А. Долгушина почтовый адрес Гаврилова, я написал ему письмо об этой бандероли с оттисками и вскоре получил от него обрадованный ответ, что он действительно давно ожидает эту бандероль и не знает, как ее разыскать. Так состоялось наше заочное знакомство, и на орнитологической конференции во Львове в сентябре 1962 г. мы встретились уже как заочные знакомые. Среднего роста, крепыш с копной светлых волос и располагающим открытым лицом, он в нашей только что созданной путем поселения в студенческое общежитие Львовского университета компании

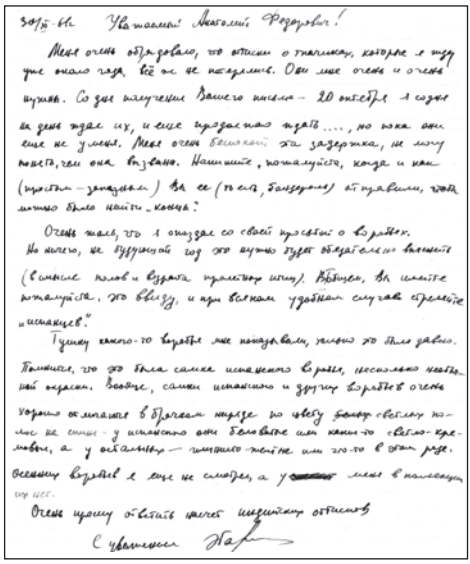


Рис. 21. Первое письмо Э.И. Гаврилова, 1961 г.

(Кривицкий, Пославский, Бородихин) сразу же стал источником энергичных действий. «Раз уж мы встретились, во Львове – сказал он – то первым делом надо пойти в город и попробовать горилки».

Идея была поддержана всеми, в том числе и Игорем Кривицким, который внимательно присматривался к новому и столь предприимчивому знакомому, поскольку роль заводилы всегда принадлежала ему. Но вскоре он успокоился, поскольку Эдик и не думал лишать его этой прерогативы и признал его лидерство, искренне и от души смеясь над его шутками. Уже через час Игорь окрестил его «Горылов» и буквально изводил своими остротами, особенно после того, как заметил, что после длительного смеха Эдик иногда вытирает слезы. Так и повелось впредь, на годы – более благодарного слушателя у Игоря не было. Толя Пославский был не в пример более сдержан и долго сверлил тебя своими угольно-черными глазами, пока не признавал, что с тобой можно быть откровенным. И тогда уже давал волю своему темпераменту и не стеснялся в выражениях (а их он знал много!).

Вот так весело жили мы в студенческом общежитии. По вечерам пили горилку, играли в карты, а иногда, открыв окно, оглашали узкие, как колодец, львовские улицы музицированием на карпатских сопилках, которые каждый из нас купил в первый же день. Будучи ярко выраженным «жаворонком», Гаврилов начинал клевать носом уже в 10 часов вечера, когда мы только разгуливались. И даже уговоры Игоря не действовали: Эдик стелил постель и ложился спать. Зато утром в 5 часов он вставал и будил всех…

После Львова мы уже переписывались и встречались как друзья. В это время Эдик был всецело поглощен завершением своей кандидатской диссертации и подготовкой к предстоящей защите. Уже через три месяца после львовской встречи он писал мне: «Здравствуй, Толя! Поздравляю тебя с благополучным возвращением. Да, длинное у тебя было путешествие! Я же из поездки вернулся так давно, что уже и не помню, когда. Успел и отпуск отгулять. В институте у Долгушина печальное событие – утонул Дмитрий Иванович Чекменев. Были на Казотах и уже собирались домой, поехали в ветер снимать сети, мотор забарахлил, его выкинуло из лодки. Так и не нашли, несмотря на то, что искали больше месяца» (14 декабря 1962). Здесь же он приводит полный перечень документов, необходимых для поступления в аспирантуру (поступать в нее он меня агитировал еще во Львове) и затем сообщает о своих делах: «У меня дела потихоньку движутся, но уж очень и очень медленно. Задерживает Долгушин. То его не было, то это несчастье с Чекменевым, то эта комиссия. Вроде текст уже проверил, осталось отшлифовать введение и заключение, потом уже

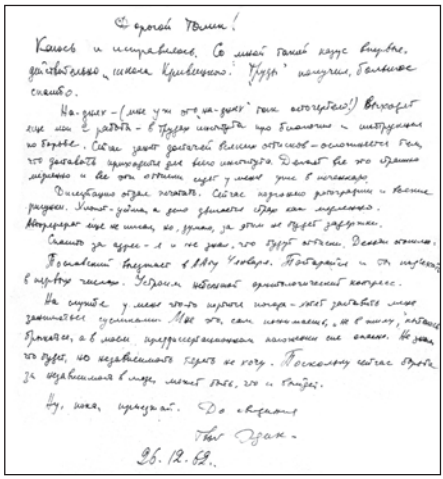


Рис. 22. Третье письмо Э.И. Гаврилова, 1962 г.

печатать и оформлять начисто. Думаю в конце той недели отдам печатать начисто и в первых числах января отдам начальству на защиту. Вышла соавторская небольшая статья – ее прилагаю к письму… Сейчас выходит большая статья по биологии – уже идет первая корректура – и инструкция по борьбе. Как будут оттиски – вышлю. По-моему, ты хвастался, что у вас там навалом трудов вашего заповедника. Если это так, то не можешь ли выслать пару экземпляров? От Д'Артаньяна[3] есть письмо – грозится в январе приехать в Алма-Ату. Так что может все и свидимся, если ты подоспеешь… Дела у него ничего. Игорь прислал письмо, потом – обещанные книги, за которые никак не осмелюсь его поблагодарить. Понимаешь, написал – выслал книги. Я ждал около месяца – всей почте надоел. Потом решился и написал ему, что, мол, ежели не пошутил и действительно выслал книги, то они пропали – ищи! А он, оказывается, *выписал*, а не выслал! Вот я получил и не пишу – пусть тоже поволнуется… Пиши, как дела, чем занимаешься, и вообще про все. Приедешь – сразу приезжай ко мне. От Зеленого базара автобус № 26 (кооптехникум), не доезжая поселка Каргалинка, спросишь институт, а там меня найдешь. Жму твою мужественную лапу. Эдик. 14.12.62.».

В следующий мой приезд в Алма-Ату весной 1963 г. Эдик позвал меня в гости к себе в Каргалинку, где познакомил со своей женой Женей (Евгения Федоровна) и двумя сыновьями – Сергеем и Андреем, которым тогда было 10 и 6 лет. Здесь же я познакомился и с его университетским другом – Александром Николаевичем Залесским, териологом, специалистом по мышевидным грызунам. Уютная обстановка в этом посёлочке, состоящем из двухэтажных коттеджей, напоминала больше село, чем город, причем расположенный в предгорьях посёлок буквально утопал в садах. В следующий приезд я познакомился у них с его отцом – Иваном Ивановичем Гавриловым (его, как потом выяснилось, знала почти половина Алма-Аты как прекрасного учителя физкультуры одной из центральных школ города) и с его второй женой – Тамарой Владимировной Россовой, одной из зачинательниц казахстанского альпинизма в довоенные годы, о чем совсем недавно поведал нам журнал «Ветер странствий» (Марьяшев, 2012).

Жизненный и творческий путь Эдуарда Гаврилова начинался в Воронеже, где он родился 8 октября 1933 г., закончил среднюю школу и биофак университета. Учителями его были профессор Илья Ильич Барабаш-Никифоров (зав. кафедрой зоологии ВГУ) и ассистент той же кафедры Леонид Леонидович Семаго, впоследствии известный писатель-натуралист. Благодаря небольшой разнице в возрасте, Семаго вскоре стал ему другом и наставником – примерно как для нас Сака Лисецкий. Впоследствии Эдик познакомил нас и мы все подружились и долго переписывались с милейшим Леонидом Леонидовичем.

В 1956 г., после окончания университета Эдик стал работать зоологом Чапаевского противочумного отделения в Западно-Казахстанской области, где собралась активная группа зоологов. Параллельно с выполнением основных обязанностей по учетам грызунов и профилактическим мероприятиям по снижению их численности, Эдик начал активно изучать фауну птиц долины Урала и Волжско-Уральского междуречья вместе с зоологами из других противочумных отделений и отрядов (В.А. Наглов, А.К. Федосенко, В.Л. Шевченко, О.М.

[3] Так он величал Толю Пославского, которого И.А Долгушин часто называл «этот янычар». – *АК.*

Татаринова). За несколько лет им удалось собрать огромный по тем временам фактический материал, который был впоследствии дополнен наблюдениями других авторов и опубликован несколькими крупными выпусками (Гаврилов и др., 1968; Шевченко и др., 1978, 1993). Эти публикации составили основу современных знаний об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья.

С марта 1959 г. по декабрь 1964 г. Э.И. Гаврилов работал в Институте защиты растений МСХ КазССР (Алма-Ата) и без отрыва от производства обучался в аспирантуре при Институте зоологии АН КазССР (1960-1963). Аспирантура закончилась защитой кандидатской диссертации на тему: «Испанский воробей в Казахстане и меры борьбы с ним». Весь богатый фактический материал, собранный по теме диссертации, *Э.И.* в эти же и ближайшие годы публикует в отечественной и зарубежной научной печати. Без преувеличения можно сказать, что именно после этих публикаций испанский воробей стал одной из наиболее изученных воробьиных птиц нашей фауны. Одновременно изучением биологии и разработкой мер борьбы с этим видом занимались Э.Н. Голованова в России и Г.С. Умрихина в Киргизии. Но самый большой вклад в изучение этой птицы внес именно Эдик.

Здесь не обошлось без приключений, которые ярко характеризуют обстановку того времени в нашей стране. После выступлений Н.С. Хрущева, который резко критиковал зоологов за то, что занимаются «ерундой» (белочка в Алтайском заповеднике, белый аист в Белоруссии) досужие журналисты стали выискивать «жареные факты» подобного рода по всей стране. И в Казахстане им «повезло»: молодой, полный сил молодой ученый занимается каким-то испанским воробьем! В республиканском сатирическом журнале «Шмель» появляется хлёсткий фельетон под названием «Арии испанского воробья». Все бы ничего, но этот номер увидел свет как раз накануне перехода Эдика на работу в Институт зоологии. И, несмотря на все его заслуги, характеристики и число печатных работ, а также то, что Ученый совет Института зоологии проголосовал за его прохождение по конкурсу, бдительный начальник отдела кадров Академии наук наложил «вето» на это решение. И только после того, как разъяренный И.А. Долгушин пошел на конфликт с самим президентом Академии, академиком Ш.Ч. Чокиным, Эдуарда утвердили в должности СНС Института зоологии.

В Институте зоологии, куда *Э.И.* перешел в декабре 1964 г., он с увлечением включается в организованное И.А. Долгушиным для получения материалов к сводке «Птицы Казахстана» стационарное исследование биологии высокогорных птиц. Здесь он впервые для себя сталкивается с такими замечательными птицами, как арчовый дубонос, арчовая чечевица, бледная и черногорлая завирушки, черногрудая красношейка, расписная синичка и многие другие. В тезисах очередной, Четвертой Всесоюзной орнитологической конференции (Алма-Ата, сентябрь 1965), в организации и проведении которой *Э.И.* принял активное участие, публикуется целый блок соавторских докладов по этим видам, а вскоре появляются и обстоятельные статьи с описанием их биологии.

В 1966 г., после смерти И.А. Долгушина, *Э.И.* становится заведующим лабораторией орнитологии и руководит ею без малого четверть века – до 1990 г. Вместе с лабораторией он принял в наследство и чрезвычайно ответственное дело – незаконченную многотомную сводку по птицам Казахстана. Параллельно с созданием первого орнитологического стационара по изучению миграций птиц на Чокпаке необходимо было организовать авторский коллектив на написание оставшихся разделов сводки и добиваться у высокого начальства включения уже написанных рукописей в планы издания. Здесь проявились незаурядные организаторские способности молодого заведующего. Вкладывая в работу всю свою неуемную энергию, он находит себе надежных помощников в каждом из двух важнейших направлений: в Чокпакском отряде это И.Ф. Бородихин и Э.Ф. Родионов, в издательских делах – сначала М.Н. Корелов, затем А.Ф. Ковшарь. Надо сказать, что расчет заведующего оказался верным. Несмотря на то, что в первые годы сам *Э.И.* много сил и времени отдавал экспедиционному обследованию других перспективных для изучения миграций мест (Джунгарские ворота, долина р. Чу, долина р. Или), Чокпакский стационар крепко «стал на ноги», а сводка, превратившись из трехтомной, как было запланировано, в пятитомную, была опубликована без задержки (1970, 1972, 1974). Спустя 4 года, она была удостоена Государственной премии Казахской ССР (1978).

Начиная с осени 1968 г., все весенние и осенние полевые сезоны *Э.И.* проводит на Чокпаке. Здесь отрабатываются и окончательно «доводятся» методики учета, отлова и кольцевания птиц; организовывается изготовление собственных казахстанских колец, налаживается массовый отлов и кольцевание птиц. К 1970 году, когда в миграционную тематику включаются орнитологи других среднеазиатских республик, Чокпак уже является флагманом кольцевания в регионе и не уступает первенства в течение последующих 25 лет. *Э.И.* является одним из наиболее авторитетных идеологов миграционной тематики в регионе, а после ухода А.И. Янушевича – и официальным научным руководителем всей Среднеазиатско-Западносибирской комиссии по изучению миграций птиц. На ежегодных заседаниях этой комиссии, проходящих в разных городах – от Ашхабада до Новосибирска, заслушиваются отчеты, вырабатываются и обсуждаются планы предстоящих работ по изучению миграций, налаживанию массового отлова и кольцевания. Более полутора миллионов птиц отловлено в регионе за эти годы. Рост возвратов позволил приступить к анализу результатов. В 1978 г. *Э.И.* организовал и провел в Алма-Ате Вторую Всесоюзную конференцию по миграциям птиц. Сам он являлся участником всех (кроме первой) Всесоюзных орнитологических конференций а также XVIII Международного орнитологического конгресса (Москва, 1982), членом Всесоюзного орнитологического комитета, членом Центрального Совета Всесоюзного орнитологического общества и членом Президиума Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, членом редколлегии сборника «Орнитология» и казахстанского зоологического журнала «Selevinia».

В результате анализа накопленного по территории Казахстана богатого материала по миграциям птиц *Э.И.* опубликовал монографию «Сезонные миг-

рации птиц на территории Казахстана» (1979), по которой в апреле 1980 г. защитил докторскую диссертацию, а через год получил звание профессора. С мая 1980 по апрель 1987 г. *Э.И.*, оставаясь заведующим лабораторией орнитологии, являлся заместителем директора Института зоологии по науке. И в это время он не прекращал научной деятельности: параллельно с Чокпакским организовал Сорбулакский и Уральский стационары, отправлял орнитологические отряды по Центральному Казахстану, работал на Тургае, в Бетпак-Дале и других местах. Он организовал регулярные издания сборников «Миграции птиц в Азии», которые выходят почти ежегодно в одном из городов так называемого Срединного региона. Под его руководством защищено 11 кандидатских диссертаций по орнитологии. Он много лет являлся членом специализированного совета по защите диссертаций при Институте зоологии, ряд лет был заместителем председателя этого совета. Важная черта Эдуарда Ивановича – своевременная публикация результатов своих исследований. Свыше 400 работ вышли из-под его пера, подавляющее большинство из них посвящены орнитологии. Научно-популярных публикаций у *Э.И.* немного, но такие его очерки, как «Птицы летят через Чокпакский перевал» (Сборник «Живые сокровища Казахстана», 1979) или «Красный вьюрок. Впервые в мире» (Сборник «Розовые чайки и черные журавли», 1985) представляют большой интерес для широкого читателя.

В последнее десятилетие XX века, уйдя от административных обязанностей на должность главного научного сотрудника Центра мечения животных Института зоологии, Эдуард Иванович всецело отдался изучению миграций птиц. Одновременно он публикует результаты своих научных исследований, расширяя их тематику – от фаунистики до морфологии и систематики птиц. Большой интерес представляет проведенная им ревизия орнитофауны Казахстана, результаты которой опубликованы в виде книги «Фауна и распространение птиц Казахстана» (1999) и перевод ее доработанного варианта на английский язык (E. Gavrilov, A. Gavrilov, 2005), а также задуманный для студентов электронный «Определитель птиц Казахстана на ЭВМ», над которым он трудился ряд лет на рубеже XX и XXI вв. К сожалению 5 последних лет жизни Эдуард Иванович страдал от тяжелой, неизлечимой болезни, которая буквально приковала его к «домашнему режиму». Он не смог даже принять участие в конференции, посвященной 100-летию нашего учителя Игоря Александровича Долгушина, и гости конференции (В.М. Галушин, Э.Д. Шукуров, О.В. Митропольский, С.С. Москвитин) проведали его в домашних условиях. Можно лишь догадываться – каких моральных мучений стоило этому энергичному, привыкшему к активной деятельности человеку его беспомощное состояние…

Ясным осенним днем 10 сентября 2011 года на перевале Чокпак собрались гости и ветераны этой орнитологической станции, чтобы отметить ее 45-летие, а всего через 5 дней мы проводили в последний путь Эдуарда Ивановича Гаврилова – её духовного отца, человека, отдавшего ей более половины своей жизни и весь жар своей неугомонной натуры…

Эвальд Федорович Родионов (1926-1992)

Если бы в середине 60-х гг. меня спросили: «Кто второй человек после Долгушина в лаборатории орнитологии?», я бы, не в обиду будь сказано М.Н. Корелову, В.Ф. Гаврину или М.А. Кузьминой, не задумываясь, ответил: «Валентин Родионов». И вряд ли сильно бы погрешил против истины. Потому что на этом человеке в лаборатории держалось все. Бывают такие люди, которым не нужны звания и регалии. Природный ум, врожденная сметка, смекалка и золотые руки – этого вполне достаточно, чтобы быть «солью земли». Так вот, Эвальд Федорович Родионов всеми этими качествами обладал в избытке.

Родился он 1 июня 1926 г. в г. Сызрань, Куйбышевской обл. (Россия), но уже с 1930 г. жил в Алма-Ате (отец работал ответственным секретарем журнала «Народное хозяйство Казахстана»). Любовь к природе жила в его душе с детства. Как рассказывал он мне, в школе – как и многие из нас в эти годы – он собирал коллекции птичьих яиц. Развитию интереса к окружающей природе способствовал школьный учитель биологии Георгий Григорьевич Прыгунов (отец известного киноартиста Льва Прыгунова), безвременно погибший в Большом Алматинском ущелье. Однако дальше детского интереса дело не пошло – надо было зарабатывать на жизнь. В 1941 г., после окончания 8-го класса средней школы, Эвальд поступил на паровозное отделение железнодорожного техникума, откуда через год перешел в ремесленное училище связи. В 1943 г. со второго курса училища был призван в армию, где прослужил почти 7 лет. После демобилизации, в 1950-1953 гг., работал мастером верхнего мужского белья в швейной артели «Жетысу» в Алма-Ате (впоследствии эти навыки не раз пригодились ему в работе – как на орнитологических стационарах, так и в особенности в музее).

Встреча с Игорем Александровичем Долгушиным определила дальнейшую судьбу Эвальда: в марте 1953 г. он поступает препаратором в лабораторию птиц, амфибий и рептилий и в следующие 15 лет участвует во всех крупных экспедициях лаборатории. Здесь в полной мере проявились основные черты Родионова-натуралиста: зоркий глаз, светлая голова и золотые руки. Хорошее знание птиц и их повадок (оставшиеся после коллекционирования птичьих яиц), врожденная сообразительность и рассудительность позволяли ему, не имея специального биологического (и даже законченного среднего) образования, проводить самостоятельные экспедиционные наблюдения и сборы коллекционного материала. Так было в Западном Тянь-Шане и Кетмене, где он большую часть сезона работал один (в Бостандыке – с Д.И. Чекменевым). Но чаще он выезжал в поле с И.А. Долгушиным, М.Н. Кореловым, В.Ф. Гавриным, М.А. Кузьминой, у которых многому учился, а сам был для них незаменимым помощником; а для Игоря Александровича – также постоянным спутником на охотах и советчиком по всем делам, хоть в полевой, хоть в городской обстановке. С легкой руки И.А. Долгушина звали его в лаборатории «Валентин».

Пожалуй, в наибольшей степени способности натуралиста проявились у *Э.Ф.* в 1964-1965 гг., в высокогорье Заилийского Алатау, где он оспаривал лидерство в поисках гнезд птиц с Э.И. Гавриловым; что же касается хорошо замаскированных гнезд крапивника или желтоголового королька, то здесь ему

не было равных. Не случайно И.А. Долгушин поручил ему написание очерка о крапивнике для третьего тома «Птиц Казахстана», и весь летний сезон 1967 г. Валя самостоятельно собирал материал по этому виду (а попутно – и по многим другим) в Большом Алматинском ущелье. Зная виртуозные способности Эвальда Федоровича в изготовлении тушек и чучел птиц и вообще любых зоологических препаратов, друзья и коллеги всегда обращались к нему, когда надо было сохранить что-то особо ценное. Так было с первой в мире кладкой красного вьюрка (1967), первой в Заилийском Алатау кладкой вальдшнепа (1976) и во многих других случаях. При этом, в случае с полностью насиженной кладкой вальдшнепа он сделал тушки из птенцов, которых извлек из яиц, а скорлупу яиц склеил, сохранив и кладку, и пуховичков! Много труда вложил *Э.Ф.* в создание и пополнение орнитологической коллекции Института зоологии.

Когда при создании первого в Казахстане стационара по отлову и кольцеванию птиц понадобилось изготавливать стационарные ловушки рыбачинского типа, только Э.Ф. Родионов мог в условиях тесного помещения лаборатории птиц выкроить и сшить огромные полотна сетей – да так, что при установке их на металлические конструкции в поле ничего не пришлось переделывать! Он же в первые годы обслуживал эти громоздкие сооружения, когда их надо было то опускать при снегопадах, то зашивать после сильных порывов ветра. Не обошлось без него и при создании казахстанских колец для кольцевания птиц.

Весенние сезоны 1967, 1968 и 1970 гг. мы работали на Чокпаке вместе. Валентин тогда уже работал в музее КазГУ и важнейшей задачей его, помимо помощи своим, было пополнение коллекции этого университета. Для Гаврилова же самое главное было – как можно больше птиц окольцевать, и особо ценились новые виды, ранее еще не пойманные. Оба они, будучи жаворонками, просыпались очень рано и тут же отправлялись проверять приемные камеры ловушек – что поймалось за ночь. Каждый торопился прийти к ловушке первым, поэтому последние шаги оба уже бежали. Но обычно Валентин, как более легкий, успевал добежать первым и, выбрав себе в ящике жертву, тут же сдавливал ее двумя пальцами, после чего поворачивался к сопернику и самым невинным тоном говорил: «Ой, Эдик, она уже почему-то мертвая…». Зато при опускании и поднятии ловушек, а также при починке порванных ветром сетей цены Родионову не было. Да и во всем быту лагеря при нем всегда был какой-то спокойный порядок, без суматохи и авралов. Он всегда был в курсе, какие продукты и когда закупить. И только он мог нормировать спиртное: всем налить по рюмке, а бутылку с остатком закрыть в сундук. Помню, как на возмущенный возглас Владислава Филатова, зачем он это делает, Валентин спокойно ответил: «Хватит и по одной. Икар, ты хочешь еще? Толя, ты хочешь? И я тоже не хочу больше». Хотя он не был категорическим противником выпивки, в чем я не раз убеждался при застольях. Когда он впервые сказал в лаборатории, что хочет уйти в университет, я испытал шок – как же лаборатория без Валентина? Стал его отговаривать. Но он ответил просто: «Ты знаешь, я всегда мечтал создать своими руками музей. И сейчас мне обещают такую возможность. Помнишь, сколько чучел слонов сделал Экли? А я хочу хотя бы одного».

В 1967 г. *Э.Ф.* принимает приглашение руководства КазГУ о создании Музея природы при университете и переходит на работу в это учреждение – сначала директором музея, а затем – заведующим таксидермической мастерской. Однако вклад его в создание этого музея далеко выходит за рамки только таксидермии. Надо было видеть, как он бился над чертежами будущих музейных залов, как планировал интерьер и расположение диорам и биогрупп, как заботился о каждой их детали, как спорил с художниками-оформителями, чтобы не только добиться максимальной художественной выразительности, но и не прегрешить против правды природы! Сбылась мечта Эвальда – сделать музей собственными руками. Этой работе он посвятил более 20 лет, плодами ее пользуются не только студенты и преподаватели университета, но и многочисленные посетители этого музея. Вместе с выставочной экспозицией *Э.Ф.* привел в порядок и значительно пополнил научную коллекцию, в которой хранится около 3 тыс. тушек птиц. Ему удалось воспитать собственную школу таксидермистов, представители которой работают не только в Казахстане (Б.П. Жуйко, Е.Э. Родионов), но и в России (А. Голощапов, Е.Э. Анохина). Сначала я был против, когда он сманил к себе одного из лучших моих студентов – Борю Жуйко (сына той самой Ангелины Николаевны из отдела аспирантуры, советами которой я так и не воспользовался в свое время). Однако годы спустя понял, что Валя был прав – орнитологов много, а классных таксидермистов можно пересчитать по пальцам.

Совсем недавно, 25 ноября 2011 года в КазГУ (теперь – КазНУ им. Аль-Фараби) состоялся праздник, посвященный 75-летнему юбилею Музея природы и 85-летию со дня рождения его фактического создателя в современном виде, основателя казахстанской таксидермической школы – Эвальда Федоровича Родионова. Выступающие возносили хвалы в его адрес, а я вспоминал нашего Валентина в самых разных ситуациях и думал о том, что талант, если он есть в человеке, обязательно пробьет себе дорогу. Конечно, только в том случае, если этот человек настоящий.

Икар Федорович Бородихин (10 сентября 1936)

Празднуя 10 сентября 2011 года 45-летие Чокпакской орнитологической станции, мы одновременно отмечали 75-летие ее организатора и первого директора, известного казахстанского орнитолога, одного из лучших знатоков наших птиц в природе и содержания их в неволе, автора первой книги о птицах города Алма-Аты – Икара Федоровича Бородихина.Родился он в г. Урумчи (Синьцзян, Китай), где отец работал на дипломатической службе, но вырос в Алма-Ате, где постиг великолепный мир окружающей природы и особенно птиц. Приобщал его к природе всё тот же школьный учитель Г.Г. Прыгунов – у него он учился через 10 лет после Э.Ф. Родионова и даже был в том походе на Большое Алматинское озеро летом 1949 года, когда погиб их учитель, сорвавшись со скалы в поисках гнезда синей птицы…

В 1955-1960 гг. он обучался на кафедре зоологии Казахского государственного университета и по ее окончанию был зачислен сразу младшим научным со-

трудником в лабораторию птиц, амфибий и рептилий Института зоологии Академии наук Казахстана (небывалый случай!). Будучи еще студентом, в 1958 г., *И.Ф.* проводил наблюдения в колонии черноголового хохотуна на озере Тенгиз в Кургальджинском заповеднике, в 1960 г. принимал участие в экспедиции лаборатории орнитологии Института зоологии в Западный Тянь-Шань, посетив Киргизский Алатау, Каратау и заповедник Аксу-Джабаглы. Во время этой экспедиции в июле 1960 года мы и познакомились. На меня произвело большое впечатление то, как он кормил выводок синих каменных дроздов (*Monticola solitaria*), которых они возили с собой от самого Киргизского Алатау: открыл клетку, стоявшую в кузове у меня во дворе, и отошел на несколько шагов, а птенцы с криком вылетали из нее и садились ему на плечи, руки, голову, выпрашивая корм. Позже я не раз имел случай убедиться, как виртуозно он владеет приемами выкармливания и содержания птиц.

В лаборатории птиц Института зоологии Икар Федорович работал в 1960-1972 и 1973-1976 гг. За первые четыре года (1960-1963) он собрал большой материал по птицам города Алма-Аты и опубликовал книгу (1968). В эти же годы, по поручению Главного управления заповедников и охотничьего хозяйства, *И.Ф.* занимался акклиматизацией птиц в Алма-Ате, для чего завез из Новосибирска несколько партий больших синиц, а из Ташкента – египетских горлиц. Обе прижились в городе и впоследствии стали фоновыми. Особенно хорошо акклиматизировались большая синица, которая проникла в соседние с городом горные леса (а оттуда – и на территорию соседней Киргизии!), и египетская горлица, ставшая в 70-80-х гг. многочисленной на улицах города (сейчас её опять мало).

После Львовской конференции мы встречались с Икаром каждый мой приезд в Алма-Ату. Не раз я останавливался у него по адресу «угол Центральной и Пригородной», как любил повторять Икар. А поскольку Икар тогда еще был холост, то вечера я коротал с его замечательной мамой Ксенией Федоровной и любимым попугаем жако – «Кокошей». Ксения Федоровна, всегда державшая в графине с питьевой водой серебряную ложку, все время была чем-то занята. Это она впервые угостила меня жареными помидорами, которые я люблю до сих пор. Иногда вспоминала о жизни в Китае, но чаще переводила разговор на Икара, которого отец сначала хотел назвать Дедалом. Ее волновало, когда же он женится. Однажды, сидя за чашкой чаю, мы с ней услышали по радио весть об убийстве Джона Кеннеди и долго обсуждали – что же теперь будет. Совершенно седая, спокойная и даже величавая, она осталась у меня в памяти как символ матери…

Сам Икар в молодости был большим выдумщиком и любителем розыгрышей, о которых среди сотрудников лаборатории ходили легенды. Одно время он пристрастился спорить – не важно, по какому поводу – и всегда выигрывал. Проиграл он только один раз – мне (тема спора была очень своеобразная – кто из Страутманов старше – Фёдор или Евгений). Я точно знал, что Фёдор на год старше. А свою книгу о птицах Алма-Аты он подарил мне вот с таким изощрённым и совсем не читаемым автографом (рис. 23). Думаю, что он просто срисовал откуда-то эти иероглифы, и очень надеюсь, что ничего неприличного в них нет.

В 1964-1966 гг. по поручению И.А. Долгушина Икар занялся организацией первого в Казахстане орнитологического стационара для кольцевания птиц. Он предпринял специальную поездку на Куршскую косу (Балтийское море, бывшая знаменитая станция Rossiten), где досконально изучил опыт работы Биостанции ЗИН АН СССР, в частности, подробности установки ловушек рыбачинского типа. Вскоре после этой поездки Икар приехал в заповедник Аксу-Джабаглы и попросил меня показать то место, где я в 1961 г. наблюдал массовый пролёт птиц. Участок лесополосы на краю железнодорожной станции ему не понравился и, посмотрев ещё несколько мест, мы остановились на крупной поляне среди лесополосы в 1.5 км западнее станции – там, где начинается довольно крутой спуск к западу, в расширяющуюся долину Арыси. Здесь летящие весной на восток птицы, по всей вероятности, должны были пролетать на минимальной высоте от земли.

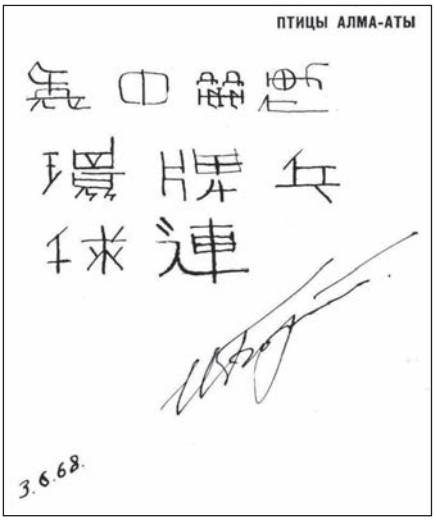


Рис. 23. Автограф Икара на книге «Птицы-Алма-Аты»

Через год, когда начались бетонные работы по созданию площадок с анкерами для крепления 12-метровых ажурных металлических опор, меня «отпросили» у директора заповедника на недельку. Здесь участвовала большая часть лаборатории, причем Дамир Уваисов снимал все это на 8-мм кинокамеру – для истории (кто же мог предположить, что та же самая история скоро сдаст все эти узкопленочные камеры в архив!). А в августе, когда привезли саму сеть, едва умещавшуюся в кузове грузовика, снова понадобились рабочие руки, потому что сама хлопчатобумажная сеть из толстой нитки и с относительно мелкой ячеей была очень тяжелой – её с трудом сгружали с машины 5-6 человек! Сейчас, когда применяются легкие капроновые сети, в это трудно поверить, но тогда мы боялись, что капрон для нашего лета не подойдет – расплавится под лучами южного солнца.

Чокпакский стационар Икар возглавлял бессменно в течение первых 6 лет, когда были заложены и апробированы все методические и организационные основы работы. Обо все этом можно прочитать в совместной статье «Из опыта работы Чокпакского орнитологического стационара» (Бородихин, Гаврилов, Ковшарь, 1975). Весной 1968 г., когда мы работали только вдвоем, Икар предложил: «Давай разделим обязанности: я буду заниматься сетями и ловушкой, а ты – учетами и разноской». Разноска – это изобретение И.А. Долгушина для коллективной работы а отряде. Поскольку далеко не все приучены к регулярным записям полевых наблюдений в карманные записные книжки (в запо-

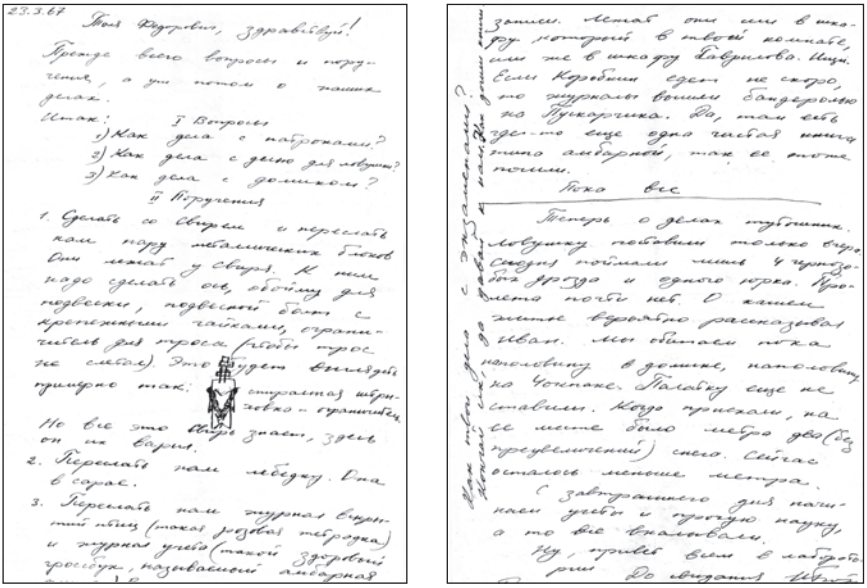


Рис. 24. Письмо Икара из Чокпака в Алма-Ату, 23 марта 1967 г.

веднике я делал записи каждые полчаса), то *И.А.* в самом начале работы заводил на каждый вид птицы отдельный лист, вверху которого своим красивым почерком писал русское и латинское название птицы. Вечером каждый член команды листал разноску и своей рукой записывал наблюдения за этот день. К сожалению, иногда разноска заполнялась раз в несколько дней – тогда были возможны неточности в датах. С первого же дня завели такую разноску и на Чокпаке. Икара тяготила любая писанина, и он с удовольствием вслух говорил мне о своих встречах с птицами. Что же касается учетов, то здесь мы по очереди отсиживали на наблюдательном пункте по четыре часа каждое утро, а раз в 5 дней – в течение всего дня, меняясь через 3-4 часа. Поскольку далеко не все птицы летели в положенной для учета фиксированной 100-метровой полосе (при перемене направления ветра иногда *все* они летели вне ее!), то мы писали в журнал и эти стаи, но в отличие от «наших» очерчивали их кружочком. Таким образом, для арифметических упражнений использовались только неочерченные цифры, а общую интенсивность пролета показывала вся запись, включая и цифры в кружочках (которых нередко оказывалось больше).

Весной выезжали еще в феврале, по снегу и при морозах, что дало повод нашему завхозу Ивану Николаевичу Горбоносу (бывший лётчик-истребитель!) на одном из собраний Института сказать: «А есть у нас и такие начальники отрядов, как Бородихин, которые едут в экспедицию на юг и берут с собой тулупы и валенки!», что вызвало оживление в зале, поскольку все полевики знали, что такое наш «юг» в феврале. В одну из таких ночей, когда температура в палатке достигла минус 19 градусов, Икар сказал вещие слова: «Это не жизнь, когда че-

42 – лаборатория орнитологии, 1967. Слева направо: Э.И.Гаврилов, Э.Ф.Родионов, А.Ф.Ковшарь, М.Н.Корелов, М.А.Кузьмина, И.Ф.Бородихин, С.В.Шимов, Ю.Н.Грачёв, К.И.Искакова, А.П.Нестеров, Д.Т.Уваисов;

43 – возвращение с Чокпака, 1967 г. Слева направо: И.Ф.Бородихин, Д.Т.Уваисов, А.Ф.Ковшарь, А.П.Нестеров;

44 – современный вид ловушки на чокпакском осеннем лагере, сентябрь 2011 г. *Фото О.В.Белялова;*

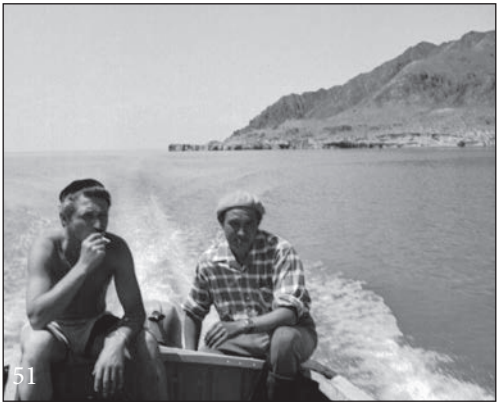
45 – изготовление первой тысячи казахстанских колец (Ковшарь, Гаврилов). *Фото К.Т. Орлова;*

46 – Э.И.Гаврилов, А.И,Янушевич и А.Ф.Ковшарь на симпозиуме в апреле 1970 г. обсуждают ближайшие планы учётов и отлова мигрирующих птиц. *Фото К.Т. Орлова;*

47 – перевал Чокпак с ловушкой на переднем плане. Видна железная дорога с поездом и шоссе вдоль крайней левой лесопосадки. Обширная поляна между ними – первоначальное место ловушки в 1966-1970 гг. *Фото автора*

Кунгей-Алатау, Ашхабад, Алаколь (1968-1970)

48 - высокогорье Кульсайского ущелья – то самое памятное место аварии, июль 1968 г.;
49 – мой спасатель Юра Грачёв в лагере;
50 – в Фирюзе (Копетдаг), август 1969 г. Участники очередной Всесоюзной орнитологической конференции: Л.А.Лебедева, А.Ф.Ковшарь, С.С.Москвитин, Л.Л.Семаго, Э.И.Гаврилов;
51 – с Эрнаром Ауэзовым на колонию реликтовой чайки. Вдали виден остров Каменный. Озеро Алаколь, конец мая 1970 г.;
52 – реликтовые чайки *(Larus relictus)* на колонии. 5 июня 1970 г. *Фото автора.*



ловек в возрасте Иисуса Христа (а нам было как раз по 33 года) вынужден считать дни и *торопить* время, чтобы скорее настало тепло». Однако после этих слов он проработал на Чокпаке еще два с половиной года.

С октября 1972 г. по сентябрь 1973 г. Икар работал заведующим секцией птиц Алматинского зоопарка, но в октябре 1973 г. вернулся в лабораторию птиц Института зоологии и до 1976 г. возглавлял работу так называемого мобильного отряда по кольцеванию колониальных птиц на юго-востоке Казахстана. С 1977 по 1984 г. он работал орнитологом в Главном Ботаническом саду АН КазССР (Алма-Ата), где занимался привлечением в искусственные гнездовья синиц и других дуплогнездников, а также уделял большое внимание охране орнитофауны этой зеленой зоны. Благодаря его заботам, в эти годы значительно увеличилась обитавшая на территории ботсада городская популяция семиреченского фазана. Икар умудрился приструнить даже вооруженную охрану ботсада (тогда это были обычные милиционеры, которые привыкли постреливать охраняемых фазанов из малокалиберной винтовки).

Перейдя в 1984 г. на работу в Алма-Атинский зоопарк (сначала СНС, а с 1985 г. – заведующим отделом репродукции хищных птиц), Икар Федорович создал здесь соколиный питомник и занялся разведением хищных птиц. Помимо собственно соколов здесь размножались, прежде всего, бородач, различные орлы, филин. Этот питомник, в сущности, положил начало специализированному соколиному питомнику «Сункар» (создан в 1989), в котором Икар проработал с 1991 по 1994 год. Как-то в декабре 1994 г. он позвонил мне и сказал: «Ты знаешь, я решил в очередной раз круто изменить свою жизнь. Надоело мне жить в городе, с которым меня ничего не связывает. Появилась возможность купить домик в Карачингиле. Перееду туда и буду жить среди природы и заниматься натуральным хозяйством». Так он и сделал. С 1995 г. Икар проживает в с. Куш (ур. Карачингиль в устье р. Тургень), где создал редкую по своей красоте и богатству ассортимента оранжерею кактусов, разведением которых занимается уже более 10 лет и стал признанным авторитетом в этой отрасли, принимает участие в ежегодных выставках. Прекрасно чувствует себя здесь и его любимый попугай. Скучать Икару не приходится: помимо ежедневных хлопот по хозяйству и оранжерее, он не так уж редко, особенно в летнее время, встречает гостей, которые любят бывать в его гостеприимном доме. Раз в год, 30 марта, мы обязательно отмечаем в городе Долгушинский день.

Другие сотрудники долгушинской лаборатории (1967)

Вот с такими замечательными людьми начал я работать в январе 1967 г. Кроме них в лаборатории работала единственный батрахолог Каден Искаковна **Искакова**, защитившая кандидатскую диссертацию по книжке «Земноводные Казахстана» (1959). Это была уже немолодая, невысокого роста худенькая женщина, очень подвижная и общительная, часто входившая в помещение со словами: «А вы знаете, какой хабар я слышала?». Однажды она огорошила всех, когда после этой дежурной фразы выпалила: «К нам скоро придет новый заведующий,

который защищает докторскую диссертацию по опубликованной монографии». Гаврилов и Кузьмина, еще живо помнившие нервотрепку недавно закончившегося конкурса на заведование, стали гадать – кто бы это мог быть. Один лишь Икар, лукаво прищурившись, обвёл всех взглядом и заявил: «А я знаю, кто это». И на немой вопрос всех присутствующих, показал пальцем на меня. Каден Искаковна весело смеялась вместе со всеми, но видно было, как она смущена своим «проколом».

Как просветили меня в лаборатории, муж Каден, работавший до войны в лаборатории, не вернулся с фронта, и Долгушин дал слово, что не оставит его семью. После демобилизации он взял на работу Каден, помог ей с написанием и защитой диссертации, полагая, что со степенью она сможет хорошо устроиться в ЖенПИ (женский педагогический институт). Однако после защиты диссертации она сказала, что уходить из такого хорошего коллектива не собирается, и осталась. С тех пор ее включали в разные тематики (например, по реконструкции фауны птиц и амфибий города Алма-Аты), и она как-то проходила в общих отчетах, где спрятать одного человека всегда можно. Когда я пришел в лабораторию, то обратил внимание на то, что Каден Искаковна постоянно что-то вяжет над выдвинутым ящиком письменного стола. Когда в кабинет входил кто-то из посторонних (особенно начальство), спицы тут же исчезали в ящике и он закрывался. Это занятие она так любила, что однажды я был немало удивлен, когда увидел ее за ним даже на автобусной остановке после напряженного трудового дня. Тогда я не знал о том, как трудно ей содержать семью – маму, внуков…

Из лаборантского состава (к которому я тогда тоже принадлежал) в первую очередь следует назвать **Бикбулатова** Марата Нигматовича. Он работал уже третий год и я хорошо помню, как в 1964 году его привел в лабораторию (еще во флигеле на Шевченко, 28) Икар Бородихин и демонстрировал И.А. Долгушину и М.Н. Корелову его замечательные черно-белые фотоснимки Чарынского каньона. Тогда Марат учился на биофаке КазГУ и собирался переводиться на вечернее отделение. Спустя три года он уже закончил университет, но пребывал в лаборантской должности в ожидании повышения. Занимался он тогда изучением лысухи (*Fulica atra*), по биологии которой уже имел хороший материал с Алакольских озер и с Маркаколя. К сожалению, через три года он так и ушел из института в госохотинспекцию, не дождавшись обещанного повышения. В дальнейшем стал известным в Казахстане охотоведом.

Дамир Ташгалиевич **Уваисов** был одним из последних представителей славной плеяды «вечных лаборантов», сыгравшей в 50-60-х гг. большую роль в накоплении научных сведений по разным направлениям зоологической науки (Б.С. Коробкин, П.М. Чемоданов, М.Н. Оленченко, А.С. Баденко, наш Э.Ф. Родионов и многие другие). Он много лет работал с И.А. Долгушиным, бывал с ним во многих экспедициях. Но главное, что ценил в нем Игорь Александрович, это независимость суждений, особенно в футбольных делах – когда у кого «Кайрат» выиграет или проиграет…

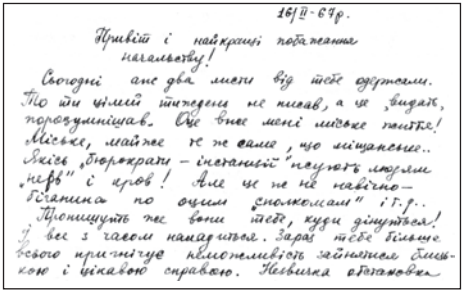
Юрий Николаевич **Грачев**, сын Марии Алексеевны Кузьминой и погибшего на фронте Николая Ильича Грачева, появился в лаборатории почти одновремен-

но со мной, а до этого работал в лаборатории токсоплазмоза, у И.Г. Галузо. Он учился тогда в Иркутском сельскохозяйственном институте на заочном отделении. Это дело ему так нравилось, что студенческие годы длились лет 8 или 9 («вечный студент» называла его жена Фая). Как лаборант он был «приписан» к Чокпаку, но весной 1967 г. поехал с Э.И. Гавриловым на весенний пролет в низовья реки Чу, а летом 1968 г. – со мной на озеро Кульсай. Будучи заядлым охотником, он уже тогда прекрасно знал водоплавающих, но ближе всего ему были куриные, которыми впоследствии он и занялся вплотную, особенно кекликом, у которого доказал двойное гнездование, со временем написал по нему целую монографию (Грачев,1983). Плодотворно занимался он также семиреченским фазаном, став хорошим специалистом по его разведению.

Алексей Петрович **Нестеров** закончил биофак Казанского университета и в 1966 году был принят лаборантом на «моё» место, которое я с 16 сентября никак не мог занять. До того, как решился вопрос с квартирой, я одно время жил у него, близ Ботанического сада. Невысокий блондин, в очках, Лёша очень любил орнитологическую литературу, но всегда был очень критически настроен к авторитетам. Так, купив очередную книгу Г.П. Дементьева, он мог, едва полистав ее, сказать: «Какая ерунда». Когда я узнал, что куратором их курса в университете был Олег Вильевич Митропольский, то начал понимать истоки лёшиного скептицизма. Видимо, критический дух был общим свойством выпускников их кафедры. Вполне возможно, что исходил он от самого Виктора Алексеевича Попова, руководителя. Вскоре Лёшу забрали на переподготовку в армию. Служил он под Самаркандом, где провел наблюдения над гнездованием многочисленной в тех местах желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*), результаты которых доложил на следующей орнитологической конференции в Ашхабаде (вместо ожидаемого от него труда «Птицы Советской армии»). Вскоре он переехал в Ленинград, где, по слухам, занимался сурками в ИЗРе.

*****

Когда в марте 1967 г. выезжал чокпакский отряд, я с завистью провожал их, едущих к родному Аксу-Джабаглы, по которому я очень скучал. Но ехать я никак не мог не только из-за экзаменов – надо было завершить поиски жилья и оформить его. Поддержкой были частые письма из заповедника, в том числе и на родном языке, нередко с шутками и прибаутками (рис. 25). Все это помогало выжить на новом, еще необжитом месте, в отсутствие друзей, выехавших на полевые


16/II-67р.

Привіт і найкращі побажання
напамять!

Сьогодні аж два листи від тебе одержав.
То ти цілий тиждень не писав, а це, видай,
порозумнішав. Все вище мені листок!
Місяць, майже не не сама, що мішанина..
Якісь „бюрократи – інопланетні" плюють моєрми
„нерв" і кров! Але це не не навічно—
Кінчина по очним екзаменам" і т.р..
Тріщить не вони тебе, куди дінуться!
У все з часом нанадиться. Зараз тебе більше
всього пригнічує нікотелівість найнятися блискоко і цікавою справою. Невизна обставини

Рис. 25. Начало письма А.А. Иващенко, 16.02.1967 г.

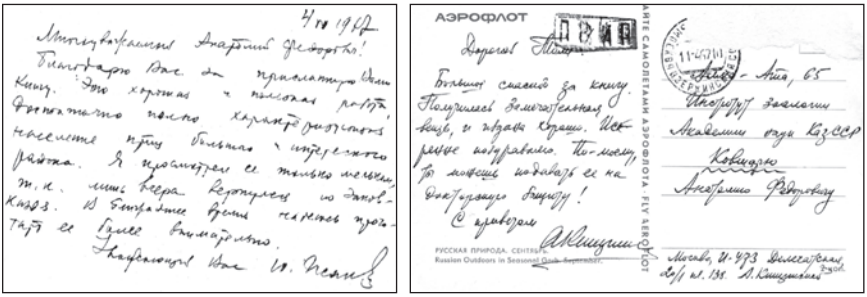


Рис. 26. Отклики Ю.А. Исакова и А.А. Кищинского на книгу «Птицы Талласского Алатау»

работы, да еще занимаясь такими малоинтересными, мягко говоря, занятиями, как подготовка и сдача экзаменов кандидатского минимума.

Вдохновляли и многочисленные положительные отклики на книгу «Птицы Талласского Алатау», выход которой не остался незамеченным. Это уже потом, спустя год, начнут выходить печатные рецензии, состоится присуждение диплома Московского общества испытателей природы и награда Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства СССР, а пока вселяли бодрость отклики в виде писем и открыток, причем не только от друзей и давних знакомых (Зимина, Кищинский), но и от орнитологов, с которыми до этого я не был знаком (например, Ю.А. Исаков).

Особенно ценным для меня был отклик «самого» А.С. Мальчевского, написавшем в письме от 7 апреля 1967 г.: «Большое спасибо за присылку Вашей интересной книги «Птицы Талласского Алатау». Она, несомненно, удачно выполнена, и Вас можно поздравить с успехом. Я уже нашел в ней для себя много полезных сведений. Желаю Вам и впредь работать с неизменным успехом». Не менее важной была и оценка Г.А. Новикова (рис.27).

Только к апрелю оформил я, наконец, все дела с покупкой дома, о чем с радостью сообщил не только семье, но и друзьям-орнитологам. Реакция была бурная. Гаврилов из низовьев реки Чу, где они с Юрой Грачевым наблюдали весенний пролет птиц (поиски новых перспективных мест для кольцевания), написал мне карандашом письмо следующего содержания: «11.4.67. О, домовладелец! Растрогал ты наши души. Что ж, дело хорошее. Когда у тебя там день рождения? Подарим тебе Ляпку[4] и пару саженцев на развод… Да… Ничего не скажешь. Неужели ничего другого нельзя было? Ну да ладно, только без нас не обмывай дом, подожди – ужо приедем…». И далее – о работе:

«Насчет работы, разве все напишешь подробно. Это, по крайней мере, печатный лист надо. Самое интересное: 1) Две окольцованные утки. Одна из Индии, другое кольцо все стёрлось от старости, видно носила его утка не один год… 2) черногорлая завирушка. Откуда и куда? 3) летят турухтаны, довольно много. Зимний наряд, начало линьки, у некоторых вылиняли головы – шеи. Ну, и сегодня видел (точно не рассмотрел) *Serinus*'а. Откуда он здесь? А в общем дрянь место. Утки много, есть куличье, а мелочи – кот наплакал. Хотели мы делать 5 тушек в день – но делать нечего. Убить (и увидеть) какую-нибудь птаху

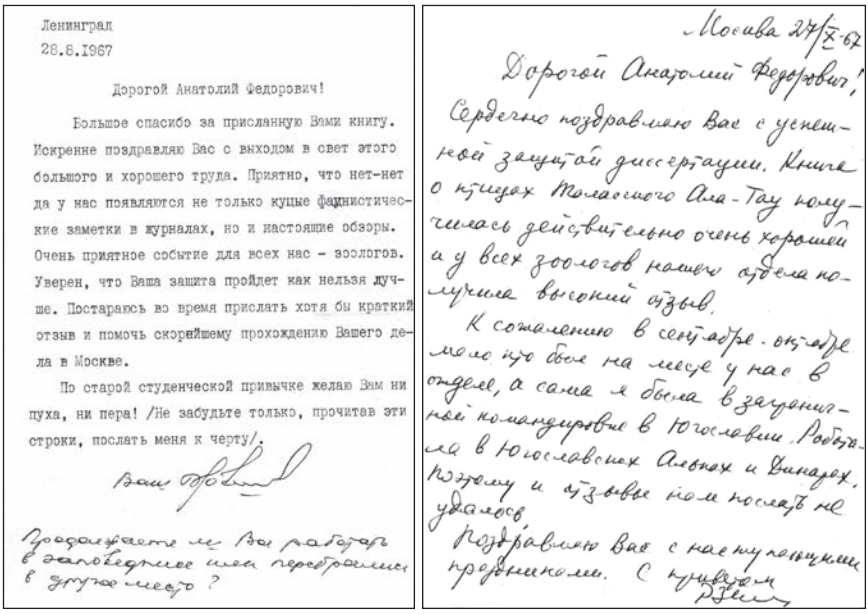
[4] Намек на любимую собачку М.Н. Корелова – тоже домовладельца. – *Прим. авт.*

(конька там, славку и пр.) – это дня не хватит. Мало птицы. С ловушкой не получается. 1) все время сильный ветер, сеть пузырём, и никто в неё не лезет. 2) Неправильная посадка сетей. Не нужно всякой посадки. Просто сеть, в неё вдергивать нитку. Так она раза в 2-3 меньше видна. Но в ветер все это ни к чему.

В общем, подробности дома. Живем мы вдвоем, в 2 км есть пастух-казах, это все наше обчество. Но скучать особо некогда: 6 часов – учет, а там съемка шкур, записи, приготовление еды. Ну уж уток мы здесь наелись… Это не полуостров, на котором Икар сидит. Ответа ждать не будем – письма отправлены с оказией а так почта в 35 км. Да, обрадуй своего тезку – скворец летит, наделали мы ему тушек. Но ловить их…

P.S. Да, Толя, я автореферата от Лебедевой не получал. Может, без меня пришел? Игорю сейчас буду прописывать про нумератор. Привет всем в лаборатории. Эдуард».

Только 9 мая 1967 г., кое-как уладив свои дела в городе, выехал я с Лёшей Нестеровым на первые полевые работы на Чокпак. Был праздник, птица не летела, а в лагере как раз собралось много народа (заехала экспедиция наших энтомологов), так что было весело: пили, пели и играли в шашки. Здесь я познакомился с Хазыром Айбасовым, который оказался чемпионом института по шашкам… До 20 мая мы еще кольцевали пролетных испанских и индийских воробьев, а 21 мая я на экспедиционной машине заехал в заповедник за семьей и клетками с птицами – Синим и Яшкой (библиотеку и прочий скарб перевезла экспедиционная машина, возвращавшаяся в марте с Чокпака в Алма-Ату). Странно и неуютно был въезжать в ставшее за 7 лет родным село в качестве гостя…



Ленинград
28.8.1967

Дорогой Анатолий Федорович!

Большое спасибо за присланную Вами книгу. Искренне поздравляю Вас с выходом в свет этого большого и хорошего труда. Приятно, что нет-нет да у нас появляются не только кущие фаунистические заметки в журналах, но и настоящие обзоры. Очень приятное событие для всех нас – зоологов. Уверен, что Ваша защита пройдет как нельзя лучше. Постараюсь во время прислать хотя бы краткий отзыв и помочь скорейшему прохождению Вашего дела в Москве.

По старой студенческой привычке желаю Вам ни пуха, ни пера! /Не забудьте только, прочитав эти строки, послать меня к черту/.

Ваш

Продолжаете ли Вы работать в заповедных или переехали в другое место?

Москва 27/X-67

Дорогой Анатолий Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с успешной защитой диссертации. Книга о птицах Таласского Ала-Тау получилась действительно очень хорошей и у всех зоологов нашего отдела получила высокий отзыв.

К сожалению в сент.-октябре мало кто был на месте у нас в отделе, а сама я была в загранкомандировке в Югославии. Работала в Югославских Альпах и Динаридах, поэтому и отзывы нам послать не удалось.

Поздравляю Вас с наступающим праздником. С приветом

Рис. 27. Отклики на книгу «Птицы Таласского Алатау» Г.А. Новикова и Р.П. Зиминой

История с красным вьюрком (1967)

Но главные полевые были впереди. Ещё зимой мы с Эдиком решили, что во что бы то ни стало выполним то, о чем мечтал И.А. Долгушин, – найдем гнездо красного вьюрка (*Pyrrhospiza punicea*). Место поисков было известно, время тоже. Поэтому в середине июня мы вдвоем с огромными рюкзаками (в каждом килограмм 30) и сыном Эдика Сергеем на попутной машине добрались до Большого Алматинского озера, где уже работал Валентин Родионов, собиравший дополнительный материал о биологии тянь-шаньского крапивника (*Troglodytes troglodytes tianschanicus*) для третьего тома «Птицы Казахстана». Своего стационара здесь институт еще не имел, и Валентин по старой привычке устроился в остатках бывшей геолого-разведки под названием «карцер», близ дамбы на берегу озера. Собственно, карцером долгушинцы окрестили бывшее складское помещение – крохотную комнатку без окон, но с нарами для спанья (здесь стоял электрический «козёл» и можно было отогреться и просушиться в непогоду), а Валентин жил в соседней комнате, в которой еще сохранились окна. Здесь мы перепаковали свой груз, так как дальнейший путь предстоял пешком в гору. Когда стали подвязывать кошму к моему рюкзаку, Валя сказал: «Ты неправильно делаешь, давай я тебе помогу» и очень быстро и ловко свернул ее, приторочил и даже помог мне водрузить этот груз на спину. «Вот это – настоящий друг!» – сказал я, и мы с чувством пожали друг другу руки.

Два километра в обход самого озера дорога была очень пологой, и мы постепенно втянулись, хотя груз очень даже чувствовался. Но после домика гидролога А.Г. Дуплякина предстоял очень крутой подъем по склону с еловым лесом, частично вырубленном. Здесь приходилось отдыхать через каждые 20, а потом – и через 10 шагов. При этом мы приспособились не снимать рюкзак (потом его не наденешь), а опираться им на какой-нибудь высокий пень. Так, с передышками, уже к вечеру добрались мы до относительно горизонтальной поляны среди ельника, с протекающим по её краю ручьем. Здесь, у верхних ёлок на высоте 2700 м над уровнем моря, и разбили свой мини-лагерь из двух палаток (в одной – люди, в другой – груз). И вот тут, разворачивая кошму, я обнаружил «привет» от Валентина – металлический керн цилиндрической формы весом несколько килограмм!!! Эдик смеялся до слёз, а у меня даже смеяться сил не было…

Рано утром, попив чайку и оставив в лагере Сережку, мы с Эдиком пошли на вершину гребня хребта (около 3000 м над уровнем моря), где и надо было начинать поиски красного вьюрка. Эдик любезно разрешил мне собрать еду и воду, которую мы берем с собой, и положить в его рюкзак, что я и сделал. Почти сразу же у лагеря ёлки закончились и подниматься пришлось сначала по зарослям стланниковой арчи, а потом – по открытому каменистому склону, поросшему травой. Подъём был крутой и занял у нас около трех часов, во время которых мы несколько раз отдыхали, буквально падая на землю. Эдик все жаловался, что мы, видимо, плохо отдохнули от вчерашнего подъема, раз так тяжело идти. Я был согласен с ним. Но вот и долгожданный гребень хребта, где можно ходить, а не карабкаться, да и присесть нормально есть где! В ожидании, когда появится красный вьюрок, решили перекусить. Эдик развязал свой рюк-

зак и первое, что он увидел, – тот самый злополучный керн. Теперь была моя очередь смеяться, а он так осерчал, что чуть не запустил керн со скалы. Я едва сдержал его, сказав, что готов сам отнести эту штуку вниз – ведь завтра к нам должен подняться Толя Сема для записи голосов птиц! Чем же он хуже (или лучше?) нас?… Идея понравилась, и керн перекочевал в мой рюкзак. Через пару дней Сема, сам того не ведая, уносил драгоценный груз обратно к Валентину с моей благодарственной запиской – круг замкнулся…

Но мы не только развлекались. Мы действительно искали красного вьюрка, с упорством маньяков каждое утро поднимаясь с 2700 до 3000 м по крутому склону (со временем мы научились проходить этот путь за полтора часа, а обратно, используя участки мелких осыпей, умудрялись сбегать-съезжать вниз даже за полчаса!). Несколько слов о самой птице.

Эта яркая, броская птица с красивым, звучным голосом, населяющая самые высокие участки альпийского пояса гор, настолько редка, что до 1960 года в СССР была встречена лишь 15 раз. Каждая встреча расценивалась как событие, так как позволяла все точнее очертить область распространения этой неведомой птицы. Что же касается ее образа жизни, то о нем не было известно практически ничего. Правда, в книге о птицах Индии, изданной еще в 1934 году, английский орнитолог Бекер упоминает о двух гнездах якобы этой птицы, обнаруженных на ветках кустарника, однако сам факт гнездования на кустарнике этой скальной птицы вызывал у орнитологов сомнения. По-видимому, за гнезда красного вьюрка, доставленные кем-то, Бекер принял гнезда одной из 13 видов обитающих в Гималаях чечевиц, многие из которых живут высоко в горах.

Ни первый, ни второй день наблюдений не дали результатов – красные вьюрки не появлялись в местах, в которых их встречали наши орнитологи летом 1965 года. Не было их и на 3-4-й дни. Я уже начал сомневаться – там ли мы ищем…

Какова же была наша радость, когда 17 июня, после недели бесплодных поисков, на высоте 3150 метров мы встретили самку с пучком шерсти в клюве! Однако в тот день мы выяснили только направление её полёта – вверх, к гребню хребта. На следующий день удалось проследить, что самка унесла пух к 120-метровой отвесной скале, вершина которой находилась на высоте 3300 метров. У подножия скалы местами было еще много снега, а с сильно растрескавшихся вертикальных поверхностей время от времени срывались обломки, вызывая камнепады.

Последовали дни напряженного дежурства у этой скалы. Наблюдения зачастую прерывались находящими тучами, снегопадом, градом или дождем, когда видимость резко падала. Птицы появлялись крайне редко, а для безошибочного определения места расположения гнезда было необходимо наблюдать с разных точек. За 8 дней дежурства мы только трижды видели вьюрков с материалом в клюве, но ни разу не удалось проследить, куда они его относят – так быстро и незаметно исчезали с глаз птицы. Только 30 июня, когда самка, по-видимому, начала насиживать кладку, была, наконец, определена щель, в которой находилось гнездо. Располагалась она примерно в 80 метрах от подножия и в 40 метрах от вершины скалы, в наименее доступном месте. О том, чтобы забраться туда без специальной подготовки и снаряжения, нечего было и думать.

Однако радость открытия сделала нас оптимистами. Эдик вспомнил, что на биофаке КазГУ учится студент Юра Голодов, мастер спорта по альпинизму, и для него такая скала не составит труда. Пошли на озеро, оттуда поднялись на обсерваторию ГАИШ (Государственный Астрономичесикй Институт имени Штернберга), где был телефон, и кое-как дозвонились до Юры. Он приехал на второй день. Однако попытка оказалась неудачной – не хватило страховочной веревки. Для второй попытки времени у него не было.

А на ГАИШе в это время как раз проходили сборы воинской части горных стрелков (своего рода «эдельвейс») и инструктора выделили двух своих коллег (Володю Кашицына и Сергея Арутюнова) в помощь орнитологам. Через два дня они пришли, резво поднялись до середины скалы – и снова неудача! Как и в первый раз, Эдик как более крепкий и сильный, держал на вершине скалы страховочную веревку, а я, спустившись к подножию скалы, откуда она вся была хорошо видна, корректировал передвижение альпинистов (левее-правее, выше-ниже). Наученный опытом первой попытки, когда сброшенный Ю.Ф. Голодовым «чемодан» полетел в мою сторону и, разбившись на сотни осколков, расплющил мой бинокль, я в этот раз следил из-за укрытия, за которое можно было быстро спрятаться в подобном случае.

Володя Кашицын забрался под нависающую скалу в такое место, что не мог никак продвинуться ни вперед, ни назад и… попросил меня рассказать ему анекдот! Выслушав его, он не стал смеяться, а сказал каким-то другим голосом, что вот недавно в поезде познакомился с такой хорошей девчонкой… Я понимал, что он пытается настроиться на положительный лад, но всё же было тревожно за него. А его напарник, возможно именно из-за этих слов, растерялся и не мог подойти к нему поближе, чтобы оказать помощь. Но, в конце концов, Володя выбрался из этого трудного положения и, поднявшись на вершину скалы, сказал, что здесь нужны ещё люди и верёвки. Эта неудача нисколько не отбила у него охоту к продолжению попыток. Уходя, он сказал, что гнездо они достанут. Только надо договориться с офицерами, чтобы их отпустили целой группой. И добавил, что их майор заядлый охотник и, если пообещать ему, что здесь можно подстрелить улара… Мы все поняли и дали «добро» (пусть попробует его подстрелить!).

Поскольку дело затягивалось на неопределённые время, за которое могли успеть вылупиться птенцы (а целью наших поисков была кладка!), то Эдик с целью сохранения яиц решился на отстрел самки-наседки. И хотя это негуманное решение не очень мне нравилось, приходилось сознаться, что оно – единственно верное в данной ситуации. Так и сделали, превратив живую птицу в набитый ватой научный экспонат, который стал пока единственным результатом всех наших попыток за две недели.

Погода испортилась, пошел дождь, потом снег. Прошел день-другой, и настроение наше тоже испортилось. Но оставалось только ждать. Очередным туманным утром с капелью, когда мы уже собрались по обыкновению идти к найденным за это время гнездам красношейки (в одном из них было яйцо кукушки!), снизу послышались голоса и вскоре из тумана стали появляться фигуры: одна… две… три… семь… – всего 11 альпинистов вместе с офицером.

От чаю они отказались, и мы тут же начали подъем. На гребне хребта туман рассеялся, зато пошел мелкий дождь. Нам явно не везло. Решили переждать с полчаса под скалками, хотя мы догадывались, что и после дождя по мокрым скалам ходить нельзя. Однако через полчаса, как только прекратился дождик и офицер ушел на свою «охоту», ребята начали штурм скалы. Не побоялись. Все так же Эдик «травил» сверху веревку, а я корректировал снизу.

Первым опять пошел Кашицын, на этот раз со страховкой, но в том месте, где скала имеет отрицательный угол, его отбрасывало. К нему спустили «дюльфером» маленького ростом Женю Черникова, чтобы он, закрепившись на скале, подтянул Володю к ней. Однако, как только Женя устроился, я увидел, что он находится всего в двух метрах от гнездовой щели. Сказал ему об этом. Переспросив, где точно находится щель, Женя сам пробрался к ней и, засунув туда руку, удивленно сказал: «Там птица!».

В ответ на что Эдик закричал: «Дави ее!». Женя никак не мог взять в толк, как можно давить живую птицу. Тогда мы с Эдиком наперебой стали советовать ему посадить её в мешочек (в котором были миски для кладки). В конце концов Женя посадил пойманную птицу в свои шаровары, плотно закрытые со всех сторон. А гнездо с кладкой положил в специально приготовленную для этого алюминиевую миску и на веревке переправил наверх.

Но как только Женя выбрался наверх, Эдик тут же сам выловил самку у него в шароварах и, когда он показывал ее всем, то она была уже мертва… Волнение наше было запредельным – настолько, что Эдик отказался притрагиваться к кладке! Пришлось мне упаковать яйца в мою видавшую виды фанерную коробочку с шестью отделениями для яиц, выложенными ватой. В ней за 7 лет работы в заповеднике перебывало столько яиц, в том числе и первая кладка краснокрылого чечевичника! Закрыв коробочку крышкой и перетянув сверху тугой резинкой, я демонстративно бросил коробочку на рюкзак. Надо было видеть глаза Эдика!! «Ну, ты и псих!» – только и сказал он мне. И рюкзак с кладкой нести отказался, на сей раз сославшись на то, что если я разобью яйца, то хоть будет кого винить. Но когда я на крутой осыпи сделал вид, что падаю, он тут же подхватил меня под локоток. Невозможно было сдержаться от соблазна, и я тут же съязвил, что всю жизнь готов носить ценные яйца, лишь бы он меня так бережно поддерживал…

Спустившись к палатке, мы тут же свернули лагерь и, воспользовавшись ГАЗ-66 альпинистов, уехали с ними на озеро, к Валентину – тем более, что вода наполнявшегося озера уже стала заливать дорогу; ехать приходилось местами по воде. Было это 11 июля 1967 г. А вечером того же дня Валентин позвонил в Алма-Ату большому другу орнитологов Евгению Васильевичу Гвоздеву – заведующему лабораторией паразитологии, сотрудники которой Тамара Соболева и Виктор Яковлевич Панин проводили свои полевые работы на озере, а сам Евгений Васильевич время от времени, вырываясь на пару дней, привозил им продукты. На сей раз Валентин, сказав, что мы нашли-таки гнездо «Пирроспизы», попросил его привезти, помимо продуктов, также водки. «Сколько?» – спросил Гвоздев, и Валентин, не моргнув глазом, спокойно ответил: «Ящик». Это была, конечно, наглость – давать

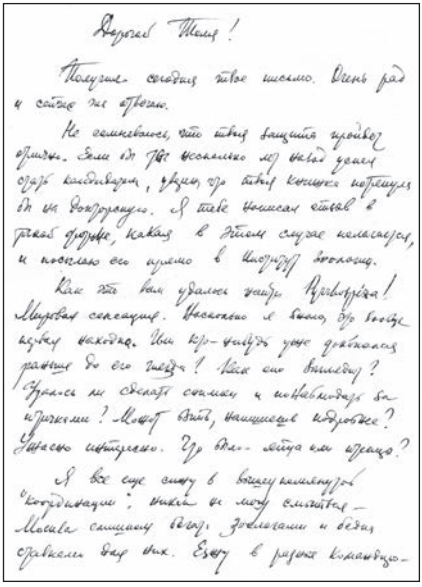


Рис. 28. Письмо А.А. Кищинского, 1967 г.

такое поручение без пяти минут доктору, будущему академику и вице-президенту Академии наук…

Но Евгений Васильевич просьбу выполнил, и вечером следующего дня в «карцере» состоялся той. Пришли все альпинисты и весь вечер за столом вперемежку с обсуждением деталей вчерашнего события звучали тосты – за альпинизм, за орнитологию и за их содружество. Ребята очень слажено пели под гитару песни Высоцкого из только что вышедшего фильма «Вертикаль» – и это было так кстати! Не обошлось и без накладок. Кто-то из альпинистов, разгоряченный водкой, упрекнул Арутюнова за оплошность при первой попытке работы на скале. И тот, чтобы показать, что он не трус, предложил всем прямо сейчас, ночью, искупаться в ледяном озере, а когда желающих не оказалось, побежал к воде сам. Остальные бросились за ним и еле выловили его на берегу. Моего друга Эдуарда дежурный каскада ГЭС, наш старый знакомый Виктор Степанов застал за разборкой штакетника у его дома: он никак не мог в темноте найти калитку…

Уже заполночь, проводив до ближнего серпантина дороги наших высоких гостей, мы сели за стол, и Евгений Васильевич ещё часа два показывал нам свои замечательные слайды, в том числе и о Днестровских плавнях. А Виктор Панин время от времени просыпался и начинал критиковать: «Разве это цветопередача? Нет, так не бывает», на что Гвоздев спокойно и серьезно отвечал, разъясняя, что при вечернем освещении бывает. Одним словом, праздник удался на славу и оставил воспоминания на много лет…

Информацию о нашей находке напечатал Осип Иванович Огнев в газете «Известия». Мы с Эдиком стали получать поздравления от орнитологов. Из них самое оригинальное – от Николая Валентиновича Кокшайского, который прислал рисунок плачущего человека с подписью, что это он оплакивает то, что его опередили. Известный московский орнитолог-альпинист и писатель Александр Александрович Кузнецов, первый привезший в Москву живого красного вьюрка, и Рюрик Львович Беме, который держал этого кузнецовского вьюрка у себя дома, при первой же встрече в Москве дотошно расспрашивали меня о деталях расположения гнезда, поведения птиц и вообще этой находки. Позже об этом случае написал Константин Александрович Воробьев в своей популярной книге «Записки орнитолога» (Воробьев, 1973). Одним словом, прославились. Но главным для нас с Эдиком было моральное удовлетворение от того, что мы слово своё сдержали.

Первые бёрдвотчеры в Казахстане (1967)

В начале августа 1967 г[5]. нас с Э.И. Гавриловым вызвал только что ставший директором Аркадий Александрович Слудский и велел завтра утром прийти в гостиницу «Казахстан» – будем сопровождать на экскурсию в горы американских орнитологов-любителей, членов знаменитого Одюбоновского орнитологического общества. И добавил при этом: «Только не вздумайте вырядиться в белые рубашки с галстуками, форма одежды – полевая». Это были первые настоящие бёрдвотчеры в нашей жизни и вообще в Казахстане. Уму непостижимо, как они пробили брешь в советской «круговой обороне», когда даже учёным было почти невозможно получить визу в нашу Алма-Ату, где иностранцам разрешалось посещать только озеро Иссык и Дом-музей Джамбула (и при этом добавлялось: «без права остановки в пути»!).

Утром мы все трое встретились в холле гостиницы (Аркадий Александрович тоже пришел в лёгкой полевой рубашке и с биноклем), откуда автобус повёз нас с гостями в Малое Алматинское ущелье – до катка Медео. Дальше пошли пешком – через Чимбулак, ворота Туюксу до скал альпийского пояса. Вся экскурсия, включая и обратный путь, заняла не менее 6-7 часов. Я впервые в жизни был в роли орнитологического гида и даже незнание языка не мешало, поскольку группа попалась грамотная, хорошо знающая латинские названия птиц – и это здорово выручало. Более того, один из группы очень интересовался растениями, и Эдик буквально «подставил» меня, сказав, что я хорошо знаю флору. Вот где я добрым словом поминал наших «заповедных ботаников» – и Нуранию Халиловну Кармышеву, и Севу Утехина, и Галю Иващенко, благодаря которым достаточно хорошо ориентировался в хаосе латинских названий родов и видов растений. Аркадий Александрович резво шёл наравне со всеми, разговаривал, шутил и вообще был весел – как человек, вырвавшийся на волю из тесных стен своего кабинета. Американцы то и дело спрашивали: «Профессор, а сколько Вам лет?» и говорили ему комплименты относительно его физической формы. Вот таким бодрым, энергичным и веселым – совсем не таким, как в кабинете – он мне и запомнился.

Кстати о кабинете. Аркадий Александрович не был создан для административной работы. Его главная черта – энергичность и напористость. Вторая, не менее характерная черта – прямота и даже прямолинейность, которая не раз мешала ему при исполнении обязанностей директора института. Люди, хорошо его знающие, так и говорили, что это не надолго. Дипломатом он не был. Если ему что-то не нравилось, то чаще всего он прямо высказывал это в лицо. Так, уже немолодой сотруднице института, кандидату наук, написавшей слабый отчет, он мог без обиняков сказать: «У тебя башка на плечах есть?». Сотрудников своих он часто распекал за малейшую провинность, и мы в своих кабинетах не раз слышали его высокий срывающийся голос, для которого тонкая дощатая перегородка не была преградой.

---

[5] В очерке воспоминаний об А.А. Слудском (Ковшарь, 2012) неправильно назван год (1968). – *Прим. авт.*

Мне рассказывали, как Аркадий Александрович, став директором института, в очень резких тонах стал делать замечания своему прямому начальству на заседании Отделения биологических наук АН КазССР, на что академик-секретарь Отделения, которым тогда был член-корр. А.Д. Джангалиев, сам достаточно властный человек, пригрозил: «Вы говорите, да не заговаривайтесь! Это Вам не в Институте зоологии». Конечно, с таким прямолинейным характером Аркадий Александрович не мог долго оставаться директором Института, хотя и продержался на этом посту почти четыре года.

«Весёлая» защита диссертации (1967)

Уже в августе 1967 г. у меня все документы были готовы к защите, тем более, что автореферата печатать не стали, поскольку защита намечалась по монографии. Одно лишь накладно – рассылка толстой книги была гораздо дороже. Объединенный ученый совет Институтов зоологии и экспериментальной биологии Академии наук КазССР поставил мою защиту предварительно на ноябрь. Поэтому я преспокойно в конце августа выехал со всей группой на Чокпак для отлова и кольцевания птиц. В эту осень на Чокпаке собрались все основные персонажи: Гаврилов, Бородихин, Родионов; из лаборантов – Леша Нестеров и недавно поступивший в лабораторию после окончания школы Толик Левин. В гости приехал только что отслуживший армию Эрнар Ауэзов со своим армейским другом – высоким, рыжим, чемпионом по боксу, которого звали Володя Березовский.

И вот вечером 24 сентября, когда мы уже сели ужинать, на трасе остановился автобус и вскоре в палатку вошел еще один наш лаборант – Владислав Филатов. Поздоровавшись со всеми, он обратился ко мне: «А ты чего здесь сидишь? У тебя через 4 дня защита!». В доказательство он показал газету с объявлением (тогда было принято печатать в центральной газете объявления о предстоящих защитах). Пока мои коллеги-орнитологи хохотали над этим известием, я решил отказаться от защиты (когда же успеть подготовиться к ней?!). Но мой друг и заведующий Э.И. Гаврилов, насмеявшись вволю, сказал: «Не дури, надо ехать. Сейчас мы выпьем по рюмке, обмозгуем все. А Эрнар на машине, он и подбросит тебя до Бурного, к поезду». Так и сделали, только со мной поехал еще Толя Левин, которому тоже через три дня надо было быть на занятиях вечернего отделения КазГУ, на первый курс которого он поступил этим летом. Икар снабдил нас деньгами на билеты и уже через пару часов мы уехали в Алма-Ату поездом.

Дома я узнал, что монографию, по которой я защищался, членам Ученого совета разнесла жена, а вот к официальным оппонентам за их отзывами (которые положено отдавать диссертантам хотя бы за неделю до защиты!) должен идти я сам.

Первым оппонентом был Аркадий Александрович Слудский. Когда я пришел к нему вечером домой на ул. Пушкина (благо жили мы буквально через дорогу) и спросил насчет отзыва, он мне ответил вопросом на вопрос: «Какой отзыв? Впервые об этом слышу!». Чувствуя, как земля уплывает из-под

ног, я что-то лепетал о защите, об Ученом совете, который должен состояться 28 сентября, а он бушевал: «Это все проделки Галузо!!! Он всегда старается меня подставить и в этот раз специально не предупредил об оппонировании. Не пойду на защиту – пусть теперь сам и выкручивается»… Потом, немного поостыв, он взял со стола мою книжку, удивился, что она такая толстая и уже более примирительным тоном спросил, где автореферат. Узнав, что его нет, а вместо него – книга, которую придется если не читать, то хотя бы пролистать, он попросил меня сделать кое-какие извлечения об основных результатах этого труда (особенно – какие виды птиц новые для этого района, по каким птицам впервые найдены гнезда или собран наиболее полный материал по размножению и т.д.) и принести ему завтра вечером. Но даже назавтра он был ещё не в духе и несколько раз повторил: «Не знаю, не знаю».

В итоге, идя на защиту, я не был полностью уверен – будет ли выступать первый официальный оппонент. Ожидание скандала было невыносимо, и я пожаловался Виктору Васильевичу Шевченко на сложившуюся ситуацию. Видимо, он сказал об этом Галузо, потому что несколько минут спустя ко мне подошел академик и, как ни в чем не бывало, спросил, как настроение, не забыв упрекнуть, что я зря отказался от его предложения представить эту работу как докторскую диссертацию. В ответ я сказал, что я боюсь, что сегодня завалю и кандидатскую, на что он ответил: «Ну, батенька, надо быть гениальным человеком, чтобы завалить такую работу» и добавил, что эти слова принадлежат Черчиллю, который сказал про Хрущева в 1963 году: «Надо быть гениальным человеком, чтобы оставить такую страну, как Россия, без хлеба». А я все время лихорадочно думал: почему же нет Слудского?!. И вот буквально за несколько минут до начала действа в зал вошел Аркадий Александрович, направился прямо к Галузо и громко спросил его: «Как это понимать, Илларион Григорьевич…». Не слушая дальше, я ушел в глубину зала…

После последних слов Слудского я почти поверил, что скандал неизбежен. И когда после зачтения обязательных биографических данных и перечня других вопросов предоставили слово мне для изложения основного содержания диссертации, я даже подумал: а зачем?. Как читал свой доклад – уже не помню. И вот слово предоставляют первому официальному оппоненту. Только одна мысль в голове: выйдет или нет? Вышел, слава Богу! Теперь главное – что скажет? Опять свою полемическую фразу «Как это понимать, Илларион Григорьевич?». Но нет: ровным спокойным голосом Аркадий Александрович зачитал свой отзыв (который успел написать за ночь!), и я уже из его речи ловил те замечания, на которые мне придется отвечать. Но, слава Богу, отзыв был в высшей степени хвалебный и замечаний было очень мало. Этот урок, преподнесенный не мне, а своему недругу, я запомнил на всю жизнь…

Потратив на оформление документов всего несколько дней, я уже в начале октября вернулся на Чокпак и пробыл там до конца срока (обычно отряд сворачивал свою работу к ноябрьским праздникам). Вскоре после возвращения я был произведен в младшие научные сотрудники – пророчества сбывались!. Началась, наконец, работа над очерками к третьему тому «Птиц Казахстана»,

потребовавшая не только работы с коллекциями и выписками из центральных коллекций, но и проработки большого количества литературы. К тому же Эдик Гаврилов (который постоянно и везде носился со своими рефератами – почти как Каден со своим вязанием) «втравил» меня в реферирование литературы для «Реферативного журнала», что мне давалось очень даже нелегко, поскольку переводы надо было делать со словарём.

На фоне всей этой загруженности весьма приятной отдушиной было общение не только со своими пернатыми питомцами, но и с саксаульной сойкой (*Podoces panderi ilensis*), которую «подарил» мне на время своего отъезда (уж не помню – то ли в отпуск, то ли в командировку в Центр) Мстислав Николаевич Корелов. Ему её привез сын Валера Аракелянц из Южного Прибалхашья, где он как раз нашел гнёзда этой птицы и спустя несколько лет опубликовал интересную статью по ее биологии (Аракелянц, 1974). Меня, видевшего саксаульную сойку впервые, интересовало все в её поведении – движения, голос, повадки. Несмотря на довольно тесную клетку, сойка все время была в движении. Она сразу же брала брошенный в клетку живой корм, но чаще не ела его, а прятала: вырыв боковыми движениями своего острого дугообразно загнутого клюва углубление в песке, насыпанном на дно клетки, она клала туда мучного червя и такими же боковыми движениями клюва забрасывала его песком. Этими наблюдениями я поделился с В.Ф. Гавриным, и он использовал их в пятом томе «Птиц Казахстана» при описании повадок саксаульной сойки. Иногда сойка издавала серию пронзительных криков, следующих очень быстро один за другим – как пулемётная очередь. И так же точно – дробными непрерывными ударами клюва – она производила нечто вроде барабанной дроби по всем деревянным деталям клетки. Жившая тогда у меня мама (они с сестрой приехали осенью) после каждой такой «барабанной дроби» говорила: «У тої птички не дзьоб, а гвіздок».

Памятная экспедиция в Кунгей-Алатау (1968)

Полевые работы 1968 года начались в феврале выездом на Чокпак. В этот раз Эдик с Юрой Грачевым поехали в долину Или (урочище Аяккалкан) наблюдать весенний пролет птиц, а заодно – и поискать гнезда саксаульных воробьев. Э.Ф. Родионов работал в университете и не мог вырваться, а Лёшу Нестерова забрали в армию. Поэтому мы с Икаром работали вдвоем. Свято выполняя уговор (кому – сети, а кому – разноска), мы с ним прекрасно провели почти три месяца, к 20 мая сняли и высушили сети, а приехавший на грузовой машине Юра Грачев увёз нас в Алма-Ату. По дороге, кроме рассказов об Аяккалкане, мы с ним обсуждали планы, как будем работать вдвоем в Кунгей-Алатау.

Дело в том, что я собирался продолжать изучение биологии горных птиц и против этого никто не возражал. Не могли сойтись только на том – где этим заниматься? Гаврилов и Родионов убеждали меня: «Не морочь голову, садись стационарно на Большом Алматинском озере и работай от души». Мне же казалось, что они там за три сезона всё уже сделали и даже опубликовали. Кроме

того, хотелось поработать *во всех хребтах* Тянь-Шаня, познакомиться со спецификой каждого, а также уловить географическую изменчивость основных показателей размножения птиц (планы генеральские!). Поэтому всю зиму мы обсуждали разные варианты, я приставал к Валентину как самому знающему казахстанскую географию – где лучше начать работать. В конце концов, основываясь на личных впечатлениях, он назвал два места: Тополевка в Джунгарском Алатау и озеро Кульсай на сев. склонах Кунгей-Алатау. Решили начать с последнего, более близкого. Мне так расписали красоты этого озера, что я не мог дождаться середины июня, на которую был намечен наш с Юрой Грачевым выезд.

А в конце мая – первых числах июня на Большое Алматинское озеро приехали из Ленинграда И.А. Нейфельдт и Б.В. Некрасов. Основной целью поездки было изучение биологии расписной синички (*Leptopoecile sophiae*), а результатом этого изучения явилась блестящая статья И.А. Нейфельдт, опубликованная в немецком орнитологическом журнале «Der Falke» (Neufeldt, 1970). Мы с Эдуардом и семьями посетили их 8-9 июня. В разговоре Ирэна Анатольевна пожаловалась, что красных вьюрков они не встретили, и с присущей ей иронией заметила: «Похоже, что вы их совсем *изучили*». Пришлось нам, взяв с собой в свидетели Борю Некрасова (и на всякий случай – верёвку) потратить один день на поход в истоки Серкебулака и на Долгушинскую поляну. Здесь, в скалах, мы слышали и видели одного вьюрка, однако верёвка не понадобилась – гнезда мы не нашли. Зато Боря нашел гнездо синей птицы намного выше известной для неё верхней границы (2700 м), по пути на перевал Озёрный, и помещалось оно не на скале, а на земляном обрыве над рекой. Эта вылазка состоялась буквально за два дня до отъезда на Кульсай.

Я так много лестного слышал о красотах Кульсая, что когда 11 июня 1968 года наш (вернее – юркиного «кума») старенький ГАЗ-69 остановился на берегу небольшой горной речки среди открытого склона, то я был немало разочарован. Озера не было видно, оно располагалось выше, и нам предстояло перенести наш скарб на себе. Хорошо, что это помогли сделать «кум» и сопровождавший его студент Володя Суслов. Только поднявшись на берег озера и поставив лагерь на ближнем, северном берегу, мы осмотрели окрестности и убедились, что панорама, расстилавшаяся к югу от нас, действительно привлекательна – повсюду в озеро спускались довольно крутые покрытые хвойным лесом склоны, местами со скалами и осыпями. Берега озера были безлюдны – даже охранник, инспектор по фамилии Сырочев, жил внизу, в ближайшем селе Курменты. Раз в день он приходил на озеро, заплывал на его середину и рыбачил с удочкой. В первый же день он угостил нас форелью, которую как раз и охранял. На первой же экскурсии по берегам озера меня поразило обилие зайцев (*Lepus tolai*), я нигде не видел их так много в горах, а в Аксу-Джабаглы вообще не встречал ни разу, хотя в списке млекопитающих он числился. Еще больше поразили меня песни белошапочных овсянок (*Emberiza leucocephalos*), которые оказались здесь обычными. И хотя я уже слышал, что Н.Н. Скалон обнаружил ее где-то на территории Алматинского заповедника, однако публикация его появилась только через два года (Скалон Н.Н., Скалон И.Н., 1970).

Однако надо было подниматься в высокогорье – от нижней границы леса, у которой располагался наш лагерь, до верхней, которая проходила где-то между вторым и третьим озерами (название ущелья Кульсай означало «озёрный сай»). Возможности для этого у нас были – в виде небольшой полевой ставки временного лаборанта и такой же примерно суммы на наём гужтранспорта, сиречь лошади. Желательно было обе суммы объединить, наняв человека вместе с лошадью. В селе Курменты мы нашли желающего. Это Мынказ («тысяча гусей») – старик-казах из числа недавно эмигрировавших из Китая. По этой причине сельчане его недолюбливали (здесь всегда недоверчиво относились к людям «оттуда»). Однако выбора у нас не было, пришлось договариваться с ним. А поскольку увезти весь наш скарб на одной лошади нечего было и думать, пришлось обратиться с просьбой к чабанам, которые кочевали на джайляу из села Курменты по одноименному ущелью (по Кульсайскому ущелью тропа между нижним и средним озерами была малопроходимой). Пришлось нам спускаться от озера и кочевать к селу Курменты. Здесь погрузили свой скарб на лошадей чабанов, которые согласились довезти нас за две бутылки водки, и направились вверх по ущелью: Мынказ на своей молодой кобыле, а мы с Юрой – пешком. Дорога оказалась затяжной и только к вечеру мы достигли субальпийских лугов, причем последние километры подъема были очень крутыми и утомили как лошадей, так и нас. Но до цели нашего путешествия оставалось еще километров десять.

Решив здесь заночевать, чабаны разгрузили лошадей и потребовали расчёт. Здраво рассудив, что вторую бутылку лучше отдать в конце пути, я выдал им только одну, чему они откровенно возмутились, так как «душа горела» именно сегодня. В результате утром, чуть свет, они снялись и ушли, оставив нас с нашим скарбом. Такого я никак не ожидал: в Южном Казахстане, где я работал до этого, чабаны никогда бы не оставили людей в горах! Пришлось посылать Мынказа к ближайшей юрте за помощью. С грехом пополам за день мы несколькими рейсами перевезли на двух лошадях свое лагерное имущество к месту, где тропа пересекала небольшую речку, питавшую среднее озеро. Здесь, на крохотной полянке среди елового леса, всего в 200-300 м от его верхней границы мы и разбили свой небольшой лагерь: две маленьких палатки и кухня в виде очага среди крупных камней.

Первая же экскурсия вниз, к среднему озеру, принесла интересную находку – гнездо синей птицы на небольшой скалке у крохотного ручья. Правда, гнездо оказалось пустым, но это как раз тот случай, когда гнездо важнее, чем встреча самой птицы, так как оно бесспорно означало гнездование её здесь, почти в 200 км восточнее известной границы! А на второй день удалось найти и гнездо расписной синицы (*Leptopoecile sophiae*), которое я видел впервые в жизни. И хотя птенцы его уже покинули (видимо, сегодня, так как весь выводок держался в том же роскошном кусте арчи), но я был на седьмом небе от счастья, что вижу всё это своими глазами!. Пеночек-зарничек (*Phylloscopus humei*), или юмок, как называли эту птицы алматинцы, здесь было неисчислимое множество на лесных полянах и опушках, а в самом русле, с сырыми обомшелыми камня-

ми, нередки были и зелёные пеночки (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) а также крапивники (*Troglodytes troglogytes tianschanicus*), распевавшие во весь голос. В общем хоре лесных птиц часто слышны были песни черногорлых завирушек (*Prunella atrogularis*), джунгарских гаичек (*Parus songarus*) и седоголовых горихвосток (*Phoenicurus coeruleocephalus*) – птиц, не гнездившихся в Аксу-Джабаглы и поэтому для меня особенно интересных. Одним словом перспективы целого месяца работы здесь были радужными. Угнетало лишь одно – погода. Дождь шёл ежедневно (позже я подсчитал, что за три недели было всего 4 дня без дождя) и все вокруг было пропитано влагой. Тем не менее, мы с Юрой выбрали один день для похода на гребень хребта. Поднялись на него только к вечеру, причем по пути пару раз приходилось прятаться от дождя под ёлками. Зато полчаса полюбовались панорамой восточной части Иссык-Куля с его Тюпским заливом. И весь обратный путь снова проделали под дождем.

После прошлогодней эпопеи с красным вьюрком мне не давали покоя скалы, где могла быть эта птица. Такие скалы были над стойбищем чабана, у которого мы брали вторую лошадь для «допереезда» к месту лагеря. Юрта его стояла на субальпийском лугу недалеко от этих скал, примерно в 10 км от нашего лагеря. И я решил съездить туда с ночёвкой. Когда я стал седлать кобылу нашего Мынказа, она так плясала, что её едва сдерживали хозяин с Юрой. «Ох, убьет она тебя» – засомневался Юра. Но я, привыкший к седлу за 7 лет работы в заповеднике, только ухмыльнулся: «Ещё посмотрим, кто кого», хотя видел по спине лошади, что она ещё практически не знала седла. Приторочив курджун и спальный мешок, я постелил сверху, как обычно, ватную телогрейку, вскочил на лошадь, и она тут же понеслась. Пришлось развернуть ее вверх по крутому склону, и через несколько минут бока её покрылись мыльной пеной, она стала задыхаться и умерила свою прыть. Такие маневры пришлось повторять несколько раз за дорогу. К юрте мы уже прибыли шагом, и я думал, что лошадь поняла бесполезность своих «выступлений».

Хозяин юрты стреножил кобылу и пустил ее пастись, а я, выпив чаю, пошел к долгожданным скалам. В одном месте мне послышался голос красного вьюрка (когда очень хочется, то всё можно услышать!) и я даже принял было за него вылетевшую из-за скалы альпийскую завирушку, которая планировала в токовом полете, расставив крылья. Остальные птицы были обычными жителями нижней границы альпийского пояса, но это меня не расстраивало: записанные в виде учетных данных за каждые полчаса, они давали представление о населении птиц данного пояса – а это тоже важный научный материал.

Вечером хозяева юрты угостили меня деликатесом – супом из сушено-вяленых бараньих кишок. Возможно от этой непривычной еды, а больше – из-за того, что собаки несколько раз тявкали, почуяв волка, и хозяин переставал шушукаться с женой, выходил и стрелял в воздух, ночь оказалась неспокойной. После небольшой утренней экскурсии я решил ехать в лагерь. Кобылу опять седлали с трудом – вела себя она так, как ведут кони, которым перед продажей цыган насильно влил в рот бутылку водки. С первых же шагов она порывалась перейти на галоп, и мне снова не раз приходилось применять всё тот же прием –

разворачивать её на крутой подъём вверх, пока хлопья пены не начинали слетать с её раскрытой пасти. Через несколько километров удалось ее угомонить, и на крутом спуске я её пожалел. Зная, как трудно приходится лошади в таких местах переминаться с ноги на ногу, пока всадник съезжает ей почти на голову, я решил на этом крутом участке повести ее в поводу. Закинул ружье на плечо и повёл, оставив ватник расстеленным на седле.

Однако уже через сотню шагов я услышал шум и одновременно удар в спину, уздечка выскользнула у меня из рук (я всегда предусмотрительно держал ее слабо после того, как одному наблюдателю у меня на глазах лошадь сломала палец, на который он намотал конец уздечки), а я покатился по склону вниз. Когда вращение прекратилось, я увидел убегающую галопом кобылу, у которой курджун и ватник развевались по бокам, как крылья. Потом я обратил внимание на то, что моя левая нога как-то неестественно сложена вдвое – носком под колено! И только попытавшись поставить ее на место, я почувствовал пронзительную боль… Обе кости голени были сломаны в нижней трети. Еще хорошо, что перелом был закрытый. Чтобы отломанная часть не вращалась вправо-влево, вызывая нестерпимую боль, я обложил её с двух сторон крупными комками земли, благо после ежедневных дождей они были не редкость по краям тропы.

Ещё не вполне отдавая себе отчёт о присшедшем, я закурил и стал себя успокаивать, что лошадь прибежит в лагерь, Юра все поймет и выедет (нет, выйдет) мне навстречу. А, кроме того, у меня есть ружье, которым я могу дать сигнал, хотя до лагеря далековато и звуку будет мешать вон тот косогор, на который выходит моя тропа метрах в 300 впереди. На всякий случай выстрелил дуплетом вверх и стал ждать. Но когда через час ничего не изменилось, я понял, что шанс услышать выстрел из *того косогора* у Юры намного выше. Хочешь не хочешь, а придется ползти. О том, чтобы перевернуться на живот, и думать было нечего – я мог двигаться только на спине назад, растягивая место перелома. Так и пришлось делать: упираясь в землю обеими руками, в одной из которых было ружьё (его я бы ни за что не бросил!), я потихоньку подтягивал непослушное тело. Удалось раз, потом второй – и потихоньку пошло! Но очень уж потихоньку: эти несчастные 300 метров я одолел часа за три! А была уже вторая половина дня и погода, как и все дни до этого, начинала портиться. К сожалению, дуплет с достигнутого с таким трудом косогора имел те же последствия (вернее – никаких), а из почерневшего неба вот-вот мог хлынуть дождь.

Необходимо было искать укрытие, а ближайшие ёлки были ниже меня метрах в 200. Но ползти напрямую по столь крутому склону вниз головой нечего было и думать, поэтому пришлось брать наискосок, что удлинняло путь. Вскоре дождь всё-таки пошел, и до крайней елки я добрался уже весь мокрый. Хорошо, что она была достаточно мощная и с раскидистой кроной, непробиваемой дождем! Однако любой дождь на высоте 2700 м всегда понижает температуру, и я почувствовал озноб. Попытка согреться, разведя хоть небольшой костер, едва не стоила мне жизни: вспыхнула не только собранная мной хвоя, но и сам смолистый ствол дерева! Понимая, что еще пару минут и я не смогу загасить этот «костер», а тем более – быстренько выбраться из огня – я тут же стал га-

сить едва начавший разгораться огонь. Удалось это не полностью – часть его ушла вглубь толстой подстилки из многолетнего опада хвои, и оттуда еще долго сочился дым, вызывая кашель.

Ночь прошла в полубредовом состоянии, и в минуты просветления у меня в ушах все время звучала недавно услышанная песенка: «Города, в которых я не побывал; девушки, с которыми я не танцевал». И мысли: даже если и выживу, то ходить вряд ли смогу; какие же там новые города, какие танцы… Здесь, под елью, меня никто никогда не найдет, а до лагеря я сам не доберусь. Какие ещё варианты? Поэтому, как только забрезжил рассвет, я покинул свое ставшее таким уютным убежище и тем же путем стал возвращаться на тропу, где был хоть какой-то шанс кого-нибудь встретить, и которая хотя бы теоретически вела к нашему лагерю. Всего через 100 метров я наткнулся на свой спальный мешок! Эту драгоценность (сколько ещё ночей мне предстоит здесь?) нельзя было бросать, и она заняла вторую руку. Очень хотелось пить и совершенно бесценной оказалась манжетка (*Alchemilla* sp.), круглые гофрированные листочки которой содержали несколько капель дождевой воды! Так и продвигался, слизывая капли с листьев манжетки и отдыхая через каждые 10-15 «шагов». Появилась надежда, что так можно и до лагеря…

Когда из приподнимающегося над травой тумана послышались голоса, я подумал, что начинаются галлюцинации. Но голоса приближались и уходили куда-то вправо – это ехали два всадника по параллельному участку тропы, чуть выше меня. Страх, что они минуют меня в тумане, не заметив, заставил меня крикнуть. Они остановились, заметили и один из них с акцентом спросил: «Ти пьяний, што ли?». Тогда я уже более громко сказал «Менеке аяк ульген» (ничего другого не мог вспомнить) и для убедительности обеими руками поднял вверх ногу, которая сразу же сложилась вдвое. Они тут же подъехали и по-деловому, быстро вырезали ветки и сделали мне что-то вроде шины, которую примотали с двух сторон к поломанной ноге обрывками моей рубашки – тем, что от неё осталось. Оказалось, что это ветеринары, ездившие вверх проверять отары. Рассказав им, кто я, и что здесь недалеко с моим сотрудником находится Мынказ из Курменты, я попросил их вернуться и привести их сюда. Они выполнили просьбу, предварительно запихнув меня в спальный мешок. Успокоившись и согревшись, я тут же уснул. Проснулся от встревоженного голоса Юры. Привезли меня в лагерь, уложили в палатку, накормили – и Юра ушёл пешком в село Курменты, чтобы оттуда по телефону вызвать вертолёт. Вернулся он поздно вечером с плохими вестями: вертолёта не будет, поскольку погода нелётная и их не выпускают. Ему обещали, что завтра утром в Курменты приедет машина скорой помощи, а его задача – любым способом доставить меня к этой машине.

Перспектива спускаться 20 км по горам, пусть даже верхом (Юра приехал из села на лошади), была не из приятных, но другого выхода не было. Рано утром, позавтракав, мы с Юрой отправились в путь: я – на лошади, которую он вёл под уздцы. К моему поясу была прикреплена фляжка с холодной водой, которую я за дорогу успел несколько раз осушить. И когда часа через три-четыре внизу показалась автомобильная дорога со стоящей на ней машиной, от неё от-

делились две фигуры (это были наши териологи Александр Кириллович Федосенко и Юрий Серафимович Лобачев) и пошли нам навстречу. До меня донеся их разговор: «А говорили, что у него перелом. Разве с переломом поедешь на лошади?». И в ответ: «А ты посмотри – у него на поясе фляжка со спиртом, это его анестезия»… Даже тогда это показалось смешным.

Переночевали в больнице села Саты, где врач скорой помощи настойчиво предлагал мне остаться, но я настоял, чтобы меня везли в город. Причина его настойчивости стала ясна на второй день, когда мы подъезжали к Чарыну. Один из наших сотрудников спросил меня, как я себя чувствую и могу ли потерпеть лишние час-полтора. И тут же пояснил, что этого врача удалось уговорить ехать за 300 км, только пообещав ему рыбалку в Чарыне… Пришлось терпеть (у меня как раз прутья наложенной вчера шины стали врезаться в уже сильно отёкшую ногу), а Саша Федосенко и Юра Лобачев отвлекали меня анекдотами…

Госпиталь и начало работы над 4-м томом «Птицы Казахстана»

В городе меня сдали в дежурную больницу на Геологострое, и старушка-санитарка, обмывавшая меня, ворчала: «Ну, где это можно так вывозиться – даже под ногтями грязь». Эта больница вскоре развеяла миф об успехах нашей медицины, в который я свято верил. «Подумаешь – перелом! Наложили гипс и через месяц – гуляй, Вася» – так думал я до этого дня. Но оказалось, что всё не так просто. Целью первой операции было – поставить штифт в виде металлического штыря, введенного в полость трубчатой кости. Не получилось! Как говорил мне уже после наркоза удивлённый врач: «Как ты мог сломать такую толстую кость – ведь в ней почти совсем нет полости! Ни один штырь не подошел, а детских мы не держим». Решил делать скелетное вытяжение: «Мы тебе просверлим пятку, привяжем гирьку и полежишь так дней 10». Пролежал месяц, но рентген так и не обнаружил костной мозоли, никакого срастания не наблюдалось. Вместо этого кости несколько сместились в сторону. А после того, как мне предложили взять надкосницу из здоровой ноги, я сказал Эдику Гаврилову, который уже несколько раз передавал предложение академика Галузо о переводе меня в госпиталь ИОВ, в клинику академика А.Н. Сызганова: «Вот теперь передай Галузо, что я согласен». На второй же день меня перевезли в госпиталь, и я ощутил огромную разницу.

В госпитале меня просветили, что мне нужно было не растяжение, а наоборот, сжать кости, вернее, их обломки, плотнее друг к другу для скорейшего образования костной мозоли, и они сделают это при помощи аппарата тюменьского доктора Илизарова. Тогда это изобретение уже гремело на всю страну – после того, как с его помощью поставили на ноги Валерия Брумеля, рекордсмена мира по прыжкам в высоту.

Уже на второй день после операции, мне дали костыли и сказали: «Иди». Трудно было поверить в это после двух месяцев неподвижности. А еще через несколько дней выписали домой, объяснив, как надо смачивать спиртом ватку на спицах. За 4 месяца я так привык к аппарату, что с ним на костылях ходил

с ведром за водой к колонке в квартале от моего дома. А когда в один прекрасный день ко мне пришли Гаврилов и Корелов и сказали, что раз уж я не выездной, то надо нагрузить меня писаниной (предложив при этом написать для 4-го тома половину семейства славковых), я почувствовал себя совсем в строю и с таким азартом окунулся в работу… Это была уже весна 1969 года. Летом я сменил костыли на тросточку, но пришлось перенести еще одну операцию – по чистке краевого остеомиэлита, который все-таки поразил одно из 7 просверленных в кости отверстий. Тот же Вадим Рейнгольдович Комник, который ставил мне аппарат и который снимал его, виртуозно провел эту последнюю операцию по чистке с помощью стамесочки без всякой анестезии, заговаривая мне зубы расспросами о том, как сдавать экзамены кандидатского минимума (он был мой ровесник и собирался защищать диссертацию), и лишь в самый ответственный момент предупреждая: «Сейчас будет немножко больно»…

Надо сказать, что весть о переломе быстро распространилась среди орнитологов, и мне постоянно передавали слова поддержки, в том числе и от людей, с которыми я был не столь уж близко знаком. От Георгия Александровича Новикова подбадривающие слова передала М.А. Кузьмина, а Василий Николаевич Скалон через Людмилу Васильевну Ильяшенко передал замечательные костыли, которые поставили меня на ноги и вот уже более 40 лет служат всем моим знакомым. Но особенно много писем приходило от друзей, которые, помимо разного рода советов, высказывали уверенность, что все образуется, а главное – делились своими новостями, описанием поездок, что было как бальзам на душу. Приведу для примера лишь одно такое письмо – от Саши Кищинского (рис. 29).

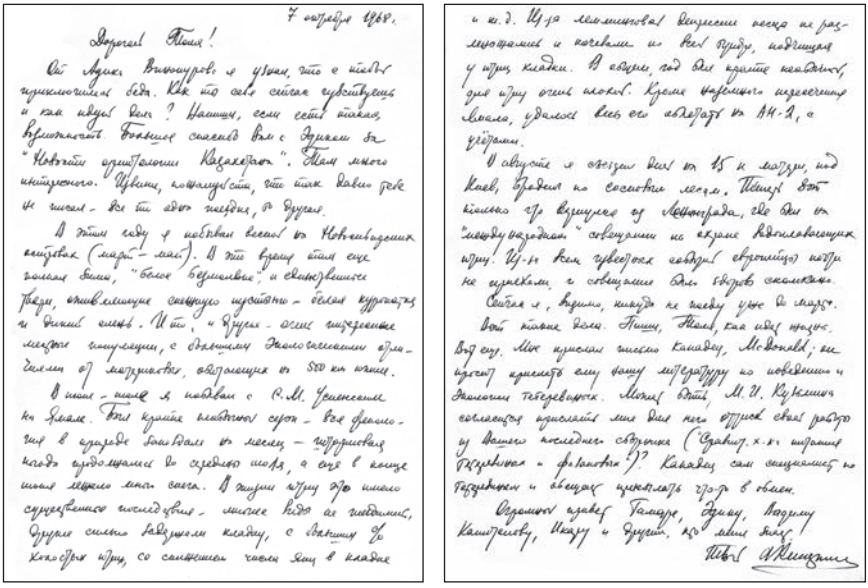


Рис. 29. Письмо А.А. Кищинского от 7 октября 1968 г.

Но особенно большую поддержку оказывали наши лабораторные орнитологи. Эдик Гаврилов, когда бывал в городе, приходил чуть ли не через день, всегда приносил свежие новости о работе, приветы от друзей. Это он первый, вернувшись с Алаколя, рассказал мне о необычной чайке на одном из его островов. Это он настаивал, чтобы я занимался реферированием статей, доказывая, что это лучший способ убить больничное время. И я некоторое время следовал этим советам, пока не понял, что не могу этого делать в лежачем положении, и переключился на чтение художественной литературы, уводящей в другой мир и позволяющей отвлечься от всего окружающего. Прочитав принесенную кем-то толстенную книгу «Воспоминания современников о Чехове», я заново открыл для себя этого замечательного писателя и стал сознательно и с интересом читать его произведения. С тех пор Антон Павлович Чехов для меня – один из самых любимых писателей.

Александр Кириллович Федосенко и Вадим Иванович Капитонов снабжали меня свежим мумиё, собранным в наших горах и в Казахском мелкосопочнике. И я, бросив по совету врачей курить, выпил не одну бутылку этого целебного раствора. Правда, слишком усердное следование советам врачей (не курить и хорошо питаться – чтобы кости быстрее срастались) имело для меня неожиданные последствия: не имея возможности двигаться, я быстро набрал вес, снизить который до прежнего мне так и не удалось.

Мария Алексеевна Кузьмина, навещавшая меня довольно часто, по-своему положительно влияла на мое выздоровление. Вот одно из первых ее писем (рис. 30).

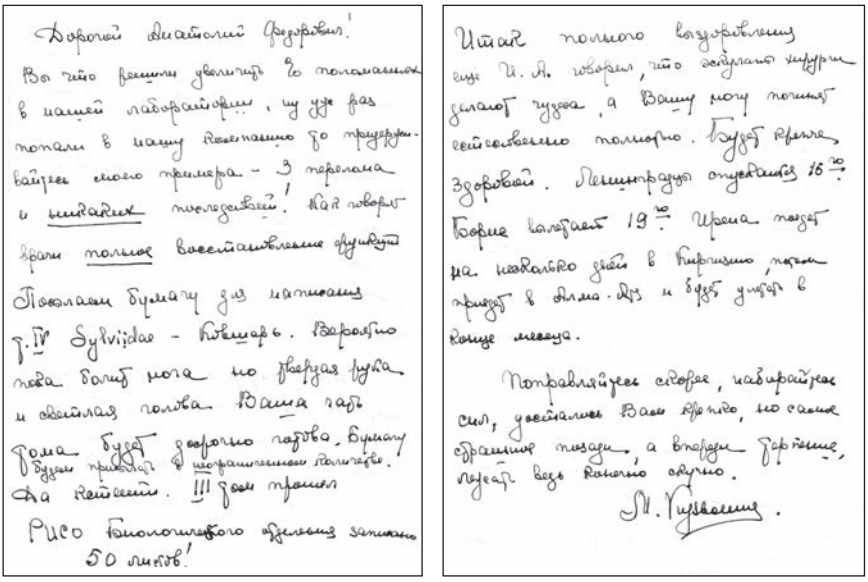


Рис. 30. Письмо М.А. Кузьминой, 1968 г.

*****

Зима 1968/69 г. была самой многоснежной на огромном пространстве Средней Азии – от Алма-Аты до Ташкента и даже южнее. Между Джамбулом и Чимкентом автотрасса в районе перевала Куюк была переметена и скопилось несколько сотен автомашин, которые начали движение только после расчистки трассы и двигались затем целыми колоннами внутри снежного каньона, почти что тоннеля. Не обошлось и без человеческих жертв. В горах и предгорьях пострадали многие оседлые птицы. Именно эта многоснежная зима привела к полному исчезновению расписной синички (*Leptopoecile sophiae*) после пика её численности.

Чокпакская весна 1969 года началась без меня. Для того, чтобы застать ранний пролет жаворонков, ребята выехали ещё в феврале, по снегу. О результатах их работы я узнавал из подробных писем Эдика Гаврилова. Вот характерное из них, очень ярко живописующее героические трудовые будни чокпакского отряда в эту весну:

«Здравствуй, Толя!

Спасибо за письмо. Жаль, что тебя не информировали о наших буднях, окромя перетаски автобуса, хотя последнее, безусловно, самое яркое событие сезона.

Ну, что у нас? Ловушку ставили по снегу, все поставили, а ее присыпало. Х/б то очистить можно было, а капрон хлипкий, пришлось ждать милосердного солнышка. Вытаяло, потом несколько дней лил дождь, ветер и т.п. А для начала-то её ведь шпилить надо. Вот и ждали-ждали, 1 апреля в дождь всё же начали поднимать и к вечеру более-менее подняли впервые. В этот же день поймали пару касаток и стайку маскированных трясогузок. 2-3 апреля ловили юрка, конька, полевого и домового воробьёв, ну а потом зарядил запад и уже третий день нас нещадно поливает дождь. Тем не менее, 530 птиц окольцевали. Поймали нашего окольцованного *M. calandra*.

Ловушки из капрона ничего, но потолок сделали слабым и ловили с большим пузырём. Перед дождём успели усилить её, так что теперь потолок, как струнка. Как птички отнесутся к этому – ещё не знаю, но пузырь их здорово отпугивал. Посмотрим, как капрон выдержит лютое южное солнце, но пока солнца практически не было – лишь несколько дней (нос я всё же умудрился спалить). Учёты ведём с 8 марта (или с 9-го?). Сильный пролёт жаворонков был лишь 11 марта (более 100 тыс. пролетело за этот день через перевал, в основном за шоссе), немного летели скворец, галка, ворона, грач. Думали, что уже не будет юрка, но он в начале апреля повалил более-менее ничего. Из хищников много было курганника, орлов, коршуна. В массе летит красавка – уже учли более 3000, летят и утром, и днём, и ночью. Да, поймали (и удавили) лугового конька. Тушки делаю только я, Икар к этому относится пренебрежительно, лишь постреливает изредка. Где-то около 50, должно быть, сделал.

Кольцуем всех не-ласточек безсерийными («F») кольцами, а на ласточек тратим только «S». Думаю, таким образом в этом году вывернемся, а что на следующий будем делать? Ежели будешь писать Игорю – напомни про номерки[6], пусть заказывает! И последнее – была у нас в гостях Галка[7], мы подвыпили и устроили с Икаром концерт-представление. Она обещала вскоре быть в Алма-Ате, так что расскажет самолично.

---

[6] Деталь для машинки по изготовлению колец – *Прим. авт*.

[7] Анна Андреевна Иващенко – *Прим. авт.*

Спасибо за перепечатку рефератов. Мне еще прислали 2 статьи, вот уж возьмусь за них, успею – образуются вновь. Красноспинка[8] или на работе, или дома – ты правильно это подметил. Скорее на работе, в папке, где всякие статейки. Поищи – найдешь!

Получил пару писем. От немца – из Фальке – высылаю, сам переводи. Понял одно – статью печатать хочет, нужны фото, разъяснения какие-то по поводу Бекера и, вроде, просит официального приглашения на конференцию. Если последнее верно, – напиши в Ашхабад в оргкомитет (а м.б. Гладкову?), а немцу написать, что его просьбу передали в оргкомитет, который ведает приглашениями. От Салима Али получил подтверждение, что красношейка[9] доехала. Он передал её в журнал, а там вдруг его осенило, что подвид *ballioni* у них не встречается, посему вроде бы и печатать не будет[10], хотя очень интересная и т.д., и т.п. Что-то мне это не понравилось. А где же зимует наша красношейка тогда?

Молодец, что начал славок (т.е. пеночек). Надо жать, ибо время, сам понимаешь, в обрез. Я уже твердо решил на Алакуль не ехать, так как тогда не успею ничего написать. А с 3-м томом то дрянь дело – только до жаворонков дошли! Еще где-то ⅓ и сделана. Не успеем к конференции – это уже факт.

Да, тебя интересует снег. По приезде у 12-метрового столба и шоссе более метра, а забор бетонный у железной дороги занесен почти до верха. Соедини по прямой – от лесополосы останутся лишь самые макушки. Вот так было. А сейчас уже где-то около 0.5 м в лесополосе, но Икар героически раскопал место под палатку (вскоре ожидается Света и прочий дамский персонал), потому как автобус ему вдруг разонравился.

Думаю на май приехать на 1-2 дня в Алма-Ату, тогда зайду и расскажу интересующие тебя подробности. Ну, пока. Передавай всем привет от меня и Икара.

Лечи, паразит, ногу. Может, через дырку туда спирта набузовать? Он тебе вроде помогал…

Ну всего. Пиши, как там у вас. Письмо немца вкладываю. Твой Эдик».

Поездка на конференцию в Ашхабад (1969)

В течение лета я научился сносно ходить, прихрамывая, и к осени бросил посещать поликлинику, где пытался разрабатывать левый голеностоп. Просто после всего того, что было, мне казалось, что я хожу уже нормально, а остальное постепенно приложится. Хотелось поскорее забыть этот «инцидент» и вернуться к нормальной работе. Тем более что очень скоро, уже в августе 1969 г., в Ашхабаде должна была состояться очередная, пятая Всесоюзная орнитологическая конференция, на которой я хотел быть непременно. Поэтому за несколько дней до конференции я приехал на Чокпак, оттуда на машине мы группой во главе с Э.И. Гавриловым добрались до Ташкентского аэропорта, откуда уже на самолете отправились в Ашхабад.

И здесь не обошлось без приключений.

Во-первых, у Лёши Нестерова паспорт оказался просроченным и ему одолжил на эту поездку свой паспорт Коля Иванов. Поэтому мы всё время переживали: арестуют Лёшку или нет. Но это обошлось, беда пришла с другой стороны. С билетами на самолет в августе всегда были проблемы, а в Ташкенте, где

---

[8] Рукопись нашей совместной статьи о красноспинной горихвостке. – *Прим. авт.*

[9] Рукопись нашей совместной статьи о черногрудой красношейке. – *Прим. авт.*

[10] Статья о черногрудой красношейке напечатана в «Journ. of the Bombay Nat. Hist. Soc.», 1970. – *Прим. авт.*

взяточничество процветало почти что на официальном уровне (на наших глазах кассирша взяла взятку с милиционера!) разговор о билетах начинался со слов: «Билетов нет». На нашу группу брать билеты взялся Э.И. Гаврилов. В каких-то немыслимой ширины шароварах, в клетчатой полевой рубашке, загорелый и с копной вьющихся волос, энергичный и улыбчивый, он производил впечатление этакого разудалого геолога, привыкшего сорить деньгами направо и налево. Такое явное предзнаменование хорошей взятки должно было сработать – и сработало. Кассирша разулыбалась и, забыв обязательную начальную фразу, выписала ему билеты на всех нас на ближайший рейс! Неслыханнная удача – в Ташкенте и в такое время!.

Но радость была преждевременной. Эдик подал ей деньги крупными купюрами, и она, ещё раз обворожительно улыбнувшись, подала ему пачку билетов и сделала вид, что занимается срочными делами. Но она не знала Гаврилова! Он стоял и ждал. Когда она все ещё весело спросила: «Ещё что-то?», он ответил вопросом: «А сдача?». Улыбка сошла с девичьего лица, она порылась в ящичке, достала мелкую купюру и с нескрываемым презрением положила ее у окошка. Эдик ждал. Она положила еще одну купюру, но он не уходил. Так, купюру за купюрой он молча «выдавил» из неё всю сдачу. И получив её, с гордостью отошел от кассы, а мы давились от смеха, наблюдая это кино со стороны.

Правильно говорят: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Не успел Эдик подойти к нам, как пришедшая в себя кассирша выглянула из окошка и позвала его. Когда он подошел, она попросила показать ей билеты – дескать, она там не всё проставила. Он доверчиво сунул ей всю пачку. Девушка взяла её и положила в стол. Со словами: «Я неправильно выписала вам билеты, эти места уже проданы» кассирша спокойно вернула ему деньги. Это был крах! Нечего было даже пытаться её уломать. Предприимчивый Толя Сема срочно собрал со всех деньги – на подарок девушке. Уж не помню, что он ей купил, и не знаю, о чём так долго беседовал с ней, но только она размякла и согласилась нам продать билеты на *три разных рейса*. Улетали мы в течение всей ночи – по частям…

Солнечный Ашхабад встретил нас очень гостеприимно. Гостиница «Ашхабад» была вполне современной и спасала от дневной жары, а кофе по-турецки, который готовила в холле турецкая семья, был просто превосходным. Посвящена конференция была памяти только что ушедшего главы советской орнитологии – Георгия Петровича Дементьева. Она открывалась большим докладом о его жизни и творчестве, а фотографии на стенах как бы иллюстрировали этот доклад и весь творческий путь ученого. Мы же привезли с собой свой фотомонтаж под названием «Наш Долгушин», посвященный нашему учителю. Оба этих стенда взаимно дополняли друг друга и привлекли внимание всех участников. Надо сказать, что главным организатором конференции был ректор Туркменского сельскохозяйственного института академик АН ТССР Анвер Кеюшевич Рустамов. И здесь самое время рассказать об этом человеке, с которым вскоре судьба сведёт меня достаточно близко.

Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005)

Анвер Кеюшевич родился 17 декабря 1917 г. в Ашхабаде, в семье учителя. В 1938 г. он блестяще окончил естественный факультет Туркменского педагогического института, получив диплом с отличием, и в 1939 г. был принят в аспирантуру того же института. Его учителем стал зав. кафедрой зоологии профессор Михаил Константинович Лаптев, один из крупных исследователей животного мира и природы Средней Азии, человек высокой культуры, широких биологических знаний. На формирование творческих интересов, и все мировосприятие *А.К.* большое влияние оказала многолетняя совместная работа и дружба с выдающимся орнитологом и организатором дела охраны природы в СССР профессором МГУ Г.П. Дементьевым. Вместе в годы войны они совершили не одну экспедицию по Туркмении. Под руководством Дементьева *А.К.* закончил докторантуру и в 1950 г. защитил докторскую диссертацию, которая была опубликована в виде монографии «Птицы пустыни Каракум» (1954). Далее последовало участие в написании знаменитой 6-томной сводки «Птицы Советского Союза», где *А.К.* в пятом томе (1954) написал семейство вороновых, а затем – выпуск второго тома «Птицы Туркмении» (1958).

Важнейшими качествами Анвера Кеюшевича всегда были – выдающийся талант организатора и высокая общественная активность, о чём свидетельствует простой перечень занимаемых им в течение многих лет постов. В 1944-1945 гг. он – директор зоолого-зоотехнического института Туркменского филиала АН СССР, а затем – ученый секретарь Президиума Туркменского филиала АН СССР. В 1947 г. он становится заведующим кафедрой зоологии Туркменского сельскохозяйственного института, занимая эту должность до 1978 г. После защиты докторской диссертации и получения звания профессора *А.К.* по совместительству становится профессором кафедры зоологии Туркменского государственного университета (1950-1964). Он участник многих Международных конгрессов, член их президиумов и оргкомитетов. С 1955 по 1968 г. – член Президиума и ответственный секретарь Туркменского комитета защиты мира; с 1956 г. до конца жизни – член Всесоюзного орнитологического комитета, с 1957 г. – член Всесоюзного зоогеографического комитета.

Впервые я увидел Анвера Кеюшевича Рустамова 18 августа 1959 г. в Москве, за столом Президиума 2-й Всесоюзной орнитологической конференции. Здесь сидели крупнейшие орнитологи Советского Союза: Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, А.И. Иванов, Л.А. Портенко, И.А. Долгушин, А.К. Рустамов, А.М. Судиловская. Каждое из этих имен вызывало у нас, начинающих орнитологов, нечто похожее на почтительную робость – то чувство, которое ещё было свойственно молодежи в середине XX столетия. Высший пиетет испытывали мы к авторам основополагающих монографий – «Птицы СССР» (4 тома, 1951-1960) и особенно «Птицы Советского Союза» (6 томов, 1951-1954), удостоенные высшей награды – Государственной премии СССР. Анвер Кеюшевич в 5-м томе последней сводки писал очерки представителей семейства врановых, следовательно, в нашем понимании наряду с Дементьевым, Гладковым, Спангенбергом и Судиловской он был уже причислен к числу великих орнитологов.

На двух следующих Всесоюзных орнитологических конференциях, происходивших во Львове (1962) и Алма-Ате (1965), мне удалось рассмотреть Анвера Кеюшевича вблизи, когда нас, своих учеников, представил ему Игорь Александрович Долгушин. Высокий и стройный, изысканно одетый, А.К. Рустамов производил впечатление рафинированного интеллигента, что усиливалось на редкость правильной речью и богатым интонациями голосом, в котором нередко улавливались властные нотки. Последнее было вполне естественным, если учесть многолетний опыт преподавания, многие годы ректорства в Туркменском сельскохозяйственном институте и другие высокие посты, которые занимал Анвер Кеюшевич в своей республике – депутат Верховного Совета Туркменистана, председатель республиканской комиссии по охране природы, основатель и многолетний председатель Туркменского общества охраны природы, ответственный секретарь Туркменского комитета защиты мира и т.д. Обращала внимание высокая степень общительности Анвера Кеюшевича, причем не только с людьми своего возрастного круга, в котором он всегда особо выделял Георгия Петровича Дементьева – близость их взаимоотношений была видна с первого взгляда – но и с более молодыми орнитологами со всех концов необъятной страны, которых он, казалось, знал всех – от прибалтийцев до дальневосточников, от «пустынников» до «тундровиков».

По настоящему познакомились мы уже на 5-й орнитологической конференции, которая проходила в августе 1969 г. в Ашхабаде и которую полностью организовал и провёл Анвер Кеюшевич со своими помощниками. Надо сказать, что это была первая конференция после смерти признанного главы советской орнитологии Георгия Петровича Дементьева (тяжелой личной утраты для Анвера Кеюшевича) и лидера казахстанской орнитологии, организатора предыдущей конференции, нашего учителя и близкого друга *А.К.* – Игоря Александровича Долгушина. И, несмотря на эти траурные обстоятельства (а может быть они, наоборот, способствовали), организовал и провел ашхабадскую конференцию Анвер Кеюшевич блестяще.

Само знакомство наше произошло довольно необычно – в свойственной Анверу Кеюшевичу манере поддерживать и пропагандировать всё то новое, что обратило на себя его внимание. В своем пленарном докладе «Орнитология Средней Азии», подводя итоги изученности птиц этого интереснейшего региона и ставя задачи перед исследователями на будущее, Анвер Кеюшевич сказал: «Работая над сборником тезисов настоящей конференции, мы обратили внимание на сообщение А.Ф. Ковшаря «Об изученности гнездовой жизни воробьиных птиц Тянь-Шаня». Автор приводит интересные факты – за последние 15 лет в Тянь-Шане найдено свыше 2300 гнезд более чем 120 видов воробьиных птиц. Если учесть, что по Тянь-Шаню до этого науке было известно не более 300 гнезд воробьиных птиц…, то будет ясно, какие большие успехи достигнуты в изучении гнездовой жизни воробьиных птиц Тянь-Шаня» (Рустамов, 1969, с. 27). И далее там же: «В этой связи одной из важнейших задач орнитологов Средней Азии, впрочем, и всей страны, на наш взгляд, следует считать выяснение (не вообще, а конкретно) – что, собственно, до сих пор неясно, по каждому виду птиц региона, где данный орнитолог работает. В самом деле, давайте откроем любую, даже хорошую, орнитологическую кандидатскую диссертацию и мы увидим, что её ав-

тор рассказывает о состоянии изученности фауны до него обычно «крупными мазками». А если автор потрудился бы, подобно А.Ф. Ковшарю, заняться арифметикой изученности фауны его района, то тем самым он выполнил бы вдвойне полезную работу – не только для себя, но и для других» (Рустамов, 1969, с. 28). Стоит ли говорить – чего стоила такая похвала из уст крупнейшего орнитолога страны, да еще с трибуны всесоюзного научного форума…

Но самое главное было в другом: Анвер Кеюшевич не просто «сказал и забыл». Нет, с этого времени и до самых последних дней нашего знакомства я чувствовал его неустанное внимание к своей скромной орнитологической деятельности. Именно чувствовал, так как внешне оно ни в чем особо не выражалось, но проскальзывало в тысяче мелочей, которые свидетельствовали о том, что он знает все мои достижения и промахи в области орнитологических исследований и в деле охраны природы – втором направлении работ, которое нас с ним постоянно объединяло. Я уверен, что это чувство неослабного внимания испытывали на себе многие мои среднеазиатские коллеги и могут привести немало конкретных примеров. Ибо забота об орнитологической молодежи была органически свойственна самой натуре Анвера Кеюшевича и, я уверен, что осознавалась им как святая обязанность – «кто же, как не я, поможет развитию орнитологии в регионе». И это полностью соответствовало его статусу патриарха орнитологии в регионе.

Ашхабадская конференция запомнилась не только по докладу Анвера Кеюшевича. Сам город, увиденный впервые, его архитектура, люди, яркое солнце и южные краски – все это создавало атмосферу праздника. И немало способствовал этому Анвер Кеюшевич, который как радушный, гостеприимный хозяин знакомил нас со своим любимым сельскохозяйственным институтам. Помнится, с какой гордостью показывал он нам, участникам конференции, великолепный амфитеатр конференц-зала с креслами, обитыми красным бархатом. И при этом добавлял, что точно такой же зал есть только в Рангуне, откуда он и заимствовал всё оформление.

Я уверен, что всем участникам конференции запомнился хорошо организованный заключительный банкет в Фирюзе, где встретились цвет советской орнитологии и плоды туркменской земли – столы буквально ломились от самых различных южных фруктов. До этого, ещё во Львове и Алма-Ате, мне приходилось слышать выражение «всесоюзный тамада». А здесь, в Ашхабаде, я увидел воочию Анвера Кеюшевича в роли тамады. Ни до, ни после ничего подобного мне видеть не приходилось. Он жил в этом образе, в котором радушие хозяина, глубочайшее знание народных обычаев и весёлое остроумие сочетались с удивительным знанием аудитории. Давая слово очередному тостующему, Анвер Кеюшевич предварял эту передачу слова такой всесторонней характеристикой этого человека, что буквально «раздевал» его в хорошем смысле этого слова. От всевидящего ока тамады не мог спрятаться ни один из присутствующих за столом, но в процессе подробного представления даже самый стеснительный и робкий (каким в ту пору был и я) имел возможность успокоиться и обдумать – что же он скажет, чего пожелает людям.

Но еще до официального банкета один день был посвящен свободному общению в стенах института, знакомству с его печатными изданиями. Ближайший сотрудник Анвера Кеюшевича Овез Сопыев подошел к нам с Э.И. Гавриловым и попросил никуда не уходить, а пройти в кабинет *АК*. Сказано это было как-то конфиденциально, и ясно было, что приглашение касается не всей делегации (нас было 5 человек), а только двоих. Однако наш сибирский друг Сергей Степанович Москвитин, с которым мы как раз в это время беседовали, вовсе не собирался нас покидать, хотя сотрудник кафедры вполголоса спросил меня, кто это третий с нами. Получив ответ, он тут же исчез. Так втроем мы и пошли в кабинет заведующего кафедрой охраны природы.

Когда мы зашли в просторный кабинет, где уже находилось человек 15, то я сразу обратил внимание на специальный подбор присутствующих. Здесь было по 2-3 представителя от орнитологов Москвы, Украины, Прибалтики и Кавказа – остальные были орнитологами среднеазиатских республик. Создавалось впечатление, что сейчас будет продолжение доклада «Орнитология Средней Азии» или его обсуждение. На столе перед Анвером Кеюшевичем стопками лежали оттиски его статей, и он каждому входящему предлагать взять себе то, что ему нужно. Стопки эти таяли на глазах, так как «отказников» среди нас не было, причем некоторые брали и для тех, кто не приехал.

Беседа вяло переходила с одной темы на другую, и вскоре стало ясно, что никакого продолжения или обсуждения доклада не будет. Повисшая в воздухе атмосфера ожидания интриговала больше всего – чего все ждут? По отдельным репликам *АК* входящим и тут же выходящим сотрудникам можно было определить, что собравшихся будут куда-то везти. Наконец, было объявлено, что выходим во двор, где нас ожидает автобус.

Попетляв немного по городу, автобус в лучах закатного солнца выехал на автотрассу и направился в сторону города Багир. Миновав его, он вскоре затормозил в одном из сел около типичной среднеазиатской усадьбы с роскошным садом, в котором прямо под раскидистыми деревьями был накрыт длинный праздничный стол. Этот мини-банкет, который начался на закате и закончился поздним вечером, запомнился намного больше, чем последовавший на второй день официальный. Непринужденная обстановка на фоне истинно азиатского гостеприимства, с тем же блеском искусства тамады, обильное угощение и волшебное освещение ночного сада оставили неизгладимое впечатление. Разговоры за столом были исключительно орнитологические. Видя, как методически поднимает тамада одного за другим орнитологов, я со страхом ожидал предоставления слова и лихорадочно соображал – о чём сказать? Тем более что каждый тост уменьшал выбор возможных тем. И когда Анвер Кеюшевич дал мне слово, предварив это кратким пересказом того, что сказал в докладе, и присовокупив к этому похвалы сравнительно недавно вышедшим «Птицам Талассского Алатау», я набрался смелости и провозгласил тост за создание фаунистической сводки «Птицы Средней Азии». И хотя я чувствовал, что замахнулся «не по чину», но сам тост был принят очень благожелательно, с одобрением.

Никто не знал и предположить не мог, что пройдет целых четверть века, прежде чем составление этой сводки станет реальностью, и что мне суждено будет стать помощником Анвера Кеюшевича в подготовке первого тома, а затем 13 лет добиваться его издания… Но это уже тема другого рассказа, выходящего за рамки ашхабадской конференции.

*****

На этой, для меня третьей по счету Всесоюзной конференции, я познакомился ещё с рядом орнитологов. Это, прежде всего, Леонид Леонидович Семаго из Воронежского университета, друг и наставник Эдика Гаврилова – милейший человек, с которым мы, несмотря на разницу в возрасте, сразу перешли на «ты» и окрестили их с Анатолием Сема «полуфамильцами». Это кабардино-балкарский орнитолог Джабраил Харунович Базиев, выпустивший интересную книгу «Улары Кавказа». В Ашхабаде удалось поближе познакомиться с ведущим орнитологом Украины Михаилом Анатольевичем Воинственским, с которым мы до этого переписывались. Его тонкий юмор и наблюдательность буквально покорили меня на банкете в Фирюзе. Здесь же я познакомился с Аллой Дмитриевной Поляковой – аспиранткой В.В. Строкова, с которой мы после этого некоторое время переписывались и встречались в Москве. Здесь же, а точнее в самолете, летевшем из Ашхабада в Москву, мы познакомились с Антоном Михайловичем Болотниковым, основоположником своей орнитологической школы в Перми, который предложил мне провести совместные исследования яиц птиц в разных ландшафтных зонах и сравнить оологические показатели одних и тех же видов в средней полосе Европейской части СССР и на Тянь-Шане. Некоторое время мы даже обсуждали такую возможность в письмах, но потом я понял, что это мало совместимо с целями моих исследований в субвысокогорье Тянь-Шаня. Были здесь и старые знакомые, а среди них – Александр Сергеевич Лисецкий, который все норовил удрать в горы, чтобы половить там бабочек – благо Женя Понировский со своей машиной был здесь, под рукой…

На конференции в Ашхабаде состоялась также завязка интересной истории, которая началась год назад и известна, как вторичное открытие нового вида – реликтовой чайки (*Larus relictus*) казахстанским орнитологом Эрнаром Мухтаровичем Ауэзовым. Об этом я написал в первом выпуске Трудов Алакольского заповедника (Ковшарь, 2004). Ниже привожу этот текст в несколько сокращенном и исправленном виде.

Вторичное открытие реликтовой чайки *(Larus relictus Lönnb.)*

Длительный, многовековой период описания видового многообразия наземных позвоночных животных планеты Земля, в отличие от еще наполовину не описанных беспозвоночных, завершился в основном к концу XIX столетия. На долю XX в. достались лишь отдельные эпизоды. Два наиболее ярких из них имеют непосредственное отношение к Казахстану: это открытие в 1938 г. боялычной сони, или селевинии (*Selevinia betpakdalensis* Belosludov&Bazhanov,

1938), и описание нового вида птиц – реликтовой чайки *(Larus relictus* Lönnb., 1931) через 40 лет после того, как она была впервые добыта.

Спустя почти 20 лет после этих событий в солидной научной монографии «Птицы СССР. Чайковые» (1988) история этой птицы изложена сухим научным языком, не оставляющим места для подробностей и эмоций первооткрывателей. Привожу эту цитату дословно – как научную, справочную основу для дальнейшего повествования:

«Реликтовая чайка была описана Е. Лённбергом в качестве подвида черноголовой чайки *Larus melanocephalus relictus* по одному экземпляру, добытому 24 апреля 1929 г. во Внутренней Монголии в нижнем течении р. Эдзин-Гол (Lönnberg, 1931). Позже были высказаны предположения, что это уклоняющийся от обычной окраски экземпляр буроголовой чайки (Дементьев, 1951) или гибрид между черноголовым хохотуном и буроголовой чайкой (Vaurie, 1962). 14 мая 1963 г. и 12 мая 1965 г. на Торейских озерах в Читинской области А.Н. Леонтьевым были добыты две реликтовые чайки, определенные как буроголовые (Ларионов, Чельцов-Бебутов, 1972). 4 июня 1967 г. им же здесь была найдена колония этих чаек, которых вследствие неправильного определения он продолжал считать буроголовыми (Леонтьев, 1968). Первое сообщение о видовой самостоятельности реликтовой чайки было сделано Э.М. Ауэзовым (1970, 1971) после находки в 1968-1969 гг. колонии на оз. Алаколь и сравнения добытых экземпляров с чайками других видов в коллекциях Зоологического музея МГУ и ЗИН АН СССР, проведенного А.Ф. Ковшарем. Почти одновременно с этим предположение о видовой самостоятельности реликтовой чайки высказали М. Штуббе и А. Болд (Stubbe, Bold, 1971)» (Зубакин, 1988, с. 69).

В этой цитате стенографически точно приведена основная канва событий и названы почти все участники (в действительности их было больше) этой захватывающей эпопеи, о которой стоит рассказать подробнее, поскольку это уже история нашей орнитологии.

Впервые о встрече необычной чайки на оз. Алаколь я услышал осенью 1968 г. от своего друга Эдуарда Ивановича Гаврилова, проводившего летом отлов и кольцевание колониальных птиц на островах оз. Алаколь. Навестив меня в больнице, Эдик среди прочих орнитологических новостей поделился и своим впечатлением о необычной чайке, птенцов которой они кольцевали на Алаколе. По его словам, на расстоянии она напоминала окраской обычную озёрную чайку, лишь немного крупнее её, но вот пуховые птенцы ее были очень светлыми, почти белыми, как у черноголового хохотуна (тогда как у озёрной они тёмные, пятнистые). Лучшим знатоком алакольских птиц был тогда Владимир Александрович Грачев, проживший в этих краях уже около пяти лет. На вопрос Эдуарда он ответил коротко: *«Larus ridibundus!»* Спор ни к чему не привел, а застрелить странную птицу ни один из спорщиков не догадался. Рассказывая мне эту историю, Эдуард уже сожалел, что не добыл птицу и не решил этот спор сразу же на месте. И несколько раз повторил, что на следующее лето на Алаколь поедет Эрнар Ауэзов и надо, чтобы он обязательно привез оттуда тушку странной чайки. Впоследствии подробности этой экспедиции и первой встречи с диковинной чайкой он опубликовал (Гаврилов, 2004).

Второе известие о диковинной птице привез летом 1969 г. приехавший с Алаколя директор Института зоологии Аркадий Александрович Слудский, который был не только крупнейшим териологом Казахстана, но и серьезно ин-

тересовался птицами. Он посетил полевой лагерь орнитологов и увидел там тушку добытой Эрнаром птицы, при этом подтвердил, что она необычна и определению по нашим таблицам не поддаётся. Ещё через два месяца все мы имели возможность увидеть привезенную Эрнаром диковинку, которую он определил как *Larus melanocephalus relictus.* И хотя принадлежность ее к черноголовой чайке у каждого вызывала сомнение, но высказывать мысль о видовой самостоятельности подвида *relictus* никто не решался.

И вот август 1969 г., Пятая Всесоюзная орнитологическая конференция в Ашхабаде. Здесь чайку показали Лео Суреновичу Степаняну, чей авторитет в области систематики и классификации птиц уже тогда был очень высоким. Надо было видеть, как Лео Суренович рассматривал чайку! Ни слова не говоря, он не менее получаса вертел ее в руках, а затем медленно проговорил: «Я не знаю, что это, но могу сказать только одно, что это что-то мне не известное. Никогда раньше я такую птицу не видел». Он так увлёкся птицей, что не слышал многочисленных приглашений к столу, где самые нетерпеливые из наших орнитологов уже позванивали рюмками. И когда Толя Сема крикнул: «Лео Суренович, ведь здесь настоящий армянский коньяк», Лео, не выпуская птицы из рук, сдержанно ответил: «Я никакого отношения к Армении не имею». Это фраза мне запомнилась и лишь некоторое время спустя, когда я стал уже бывать у него дома и познакомился с его замечательной мамой, я начал понимать – что он тогда имел в виду.

Здесь же, в гостиничном номере, не обращая никакого внимания на идущее за спиной пиршество собратьев-орнитологов, он сосредоточенно рассматривал птицу, как обычно ценители рассматривают картины: то дальше отойдут, то подойдут совсем близко. А затем спросил, не собираюсь ли я в ближайшее время в Москву и не смог бы взять с собой эту тушку. Я как раз собирался в длительную командировку в Москву и Ленинград для работы с коллекциями птиц для очередного тома сводки «Птицы Казахстана», и Эрнар с готовностью дал мне в дорогу не только тушку взрослой чайки, но также её пухового птенца и полную кладку. С этим багажом я и прибыл в Москву месяц спустя.

На «хорах» орнитологического хранилища Зоологического музея МГУ в одной из «клеток», предназначенных для работы с коллекционным материалом, меня ожидал целый орнитологический «консилиум». Кроме Л.С. Степаняна здесь были В.Е. Флинт и Саша Кищинский, тогда уже очень известный своими исследованиями орнитофауны северо-востока Азии. Сразу же после приветствия Лео Суренович коротко спросил меня: «Привёз?» На этот раз осмотр птицы был недолгим – уже через две минуты Степанян торжественно изрёк: «Она». И протянул заранее приготовленный для меня оттиск статьи Чарльза Вори, в которой тот рассматривает добытый в 1929 г. экземпляр как гибрид между буроголовой чайкой и черноголовым хохотуном! После этого все наперебой стали обсуждать признаки привезенной чайки. В разговоре Владимир Евгеньевич вдруг сказал: «А помнишь, Лёва, такую же чайку показывал нам как-то Чельцов? Помоему, очень похожа». Тут же позвонили на кафедру биогеографии МГУ и договорились, что профессор А.М. Чельцов-Бебутов примет меня через два часа.

Александр Михайлович в коротком перерыве между двумя половинками лекционной «пары» отвел меня в помещение эталонной коллекции птиц мира – гордости кафедры биогеографии МГУ и особенно ее создателя, профессора Вячеслава Федоровича Ларионова. Заметив мой заинтересованный взгляд (в своё время я не раз посылал из Западного Тянь-Шаня В.Ф. Ларионову соленые шкурки для этой коллекции), Александр Михайлович удивленно спросил: «Неужели Вы ни разу не видели нашей коллекции?» На мой утвердительный ответ он пообещал показать мне её через час и ушел, оставив меня наедине с приготовленным заранее открытым ящиком с чайками, штангенциркулем и чистыми листами бумаги. Среди нескольких бурроголовых чаек *(Larus brunneicephalus*) я сразу же увидел реликтовую: она выделялась на их фоне так же, как яркий зелёный лист на фоне опавших на землю, пожухлых и выгоревших. Промеры птицы и особенно черно-белый рисунок первостепенных маховых не оставили никакого сомнения в принадлежности ее к виду (подвиду?) *Larus relictus*.

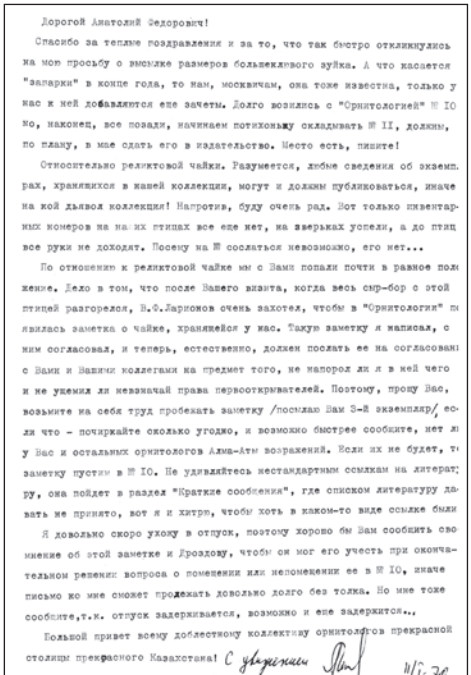
Ровно через 45 мин в комнату стремительно вошел Александр Михайлович и прямо с порога задал мучивший его вопрос. На мой утвердительный ответ он, понизив почему-то голос, сказал: «Вы понимаете, ведь я её пять лет студентам показываю как *буроголовую*!» И потом объяснил, что когда эту тушку привез из Забайкалья А.Н. Леонтьев, её яркий по сравнению с буроголовой чайкой наряд все кафедральные орнитологи единодушно восприняли как отличие *свежего* экземпляра от птиц, долго пролежавших в коллекции. Вскоре об этом забыли, а напряжённый учебный процесс и отсутствие времени для работы с коллекционными материалами привели к тому, что пять лет птица хранилась под чужим именем. Справедливости ради надо сказать, что спустя три года после описанного разговора исправленные сведения о тушке из эталонной коллекции все же были опубликованы (Ларионов, Чельцов-Бебутов, 1972). О том, что такая статья будет опубликована, Александр Михайлович писал мне ещё в январе 1970 г. и даже присылал ее на согласование во избежание «ляпов» (см. рис. 31).

Воодушевленный результатами московской «инспекции», я направился в цитадель советской зоологической науки – Зоологический институт АН СССР (Ленинград, ныне Санкт-Петербург). В орнитологическом отделе этого института, возглавляемом тогда Константином Алексеевичем Юдиным (а до этого – Александром Ивановичем Ивановым), мне в 60-70-х годах приходилось бывать неоднократно, и приём каждый раз был очень радушным, что объяснялось как неподдельным интересом к орнитофауне Казахстана и Тянь-Шаня, так и особым дружеским расположением светил питерской орнитологической элиты к И.А. Долгушину. Но поскольку не зря сказано, что слухи идут впереди нас, то в этот раз к обычному дружелюбию коллег примешивалось и нетерпение: ну-ка покажи то, что привез!

После первого осмотра мнения разделились. Одни удивлялись диковинной птице, другие вопросительно смотрели на Юдина: что скажет мэтр? И он после длительного осмотра спокойно сказал: «Ничего особенного, просто свежий экземпляр буроголовой чайки». И добавил: «У нас в коллекции есть один такой же экземпляр». Тотчас же тушка была найдена и осмотрена. Конечно же, она оказа-

лась реликтовой чайкой, вот только этикетка была написана китайскими иероглифами. Помог Борис Владимирович Некрасов, который тогда работал в библиотеке Академии наук. Он разыскал сотрудника библиотеки, знающего китайский и расшифровавшего этикетку. Она гласила: «9 апреля 1935 г. Порт Дагу (Тангу) в провинции Хэбэй, Восточный Китай», но в коллекцию Зоологического института она попала только несколько лет назад.

Страсти накалялись. Л.А. Портенко, сразу же пришедший к выводу, что *Larus relictus* – самостоятельный вид, пригласил меня в свой кабинет и предложил свои услуги в быстрейшей публикации этой сенсационной статьи в американском орнитологическом журнале «Auk», а прибывший из Борок Борис Карлович Штегман долго молча исследовал обе тушки (и алакольскую, и китайскую), а потом так же молча заторопился, не высказав окончательно своего мнения. Как сообщила мне на второй день Ирэна Анатольевна Нейфельдт, он в тот же вечер написал своему немецкому коллеге-орнитологу Штуббе, чтобы тот срочно поискал в своих монгольских сборах аналогичный экземпляр (что и было сделано, и в результате в самые короткие сроки появилась публикация «Stubbe M., Bolod A. 1971. Mowen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei//Mitt. Zool. Mus. Berlin. Bd. 47, N 1. 51-62)». Возмущенная таким вероломством уважаемого мэтра, Ирэна Анатольевна посоветовала мне ускорить публикацию, чтобы не потерять приоритет в описании. Это означало, что надо срочно возвращаться в Алма-Ату, хотя в планах моих было провести ещё дней десять в Зоологическом институте, после чего отправиться в отпуск на Украину. Отпуском можно было пожертвовать (что, в конечном счете, и пришлось сделать), а вот просмотреть коллекции ЗИН и выписать орнитологические сборы с территории Казахстана для очередного тома «Птиц Казахстана» было необходимо.



Дорогой Анатолий Федорович!

Спасибо за теплые поздравления и за то, что так быстро откликнулись на мою просьбу о высылке размеров большекрылого зуйка. А что касается "запарки" в конце года, то нам, москвичам, она тоже известна, только у нас к ней добавляются еще зачеты. Долго возились с "Орнитологией" № 10. Но, наконец, все позади, начинаем потихоньку складывать № 11, должны, по плану, в мае сдать его в издательство. Место есть, пишите!

Относительно реликтовой чайки. Разумеется, любые сведения об экземпл. рах, хранящихся в нашей коллекции, могут и должны публиковаться, иначе на кой дьявол коллекция! Напротив, буду очень рад. Вот только инвентарных номеров на наших птицах все еще нет, на зверьках успели, а до птиц все руки не доходят. Посему на № сослаться невозможно, его нет...

По отношению к реликтовой чайке мы с Вами попали почти в равное полжение. Дело в том, что после Вашего визита, когда весь сыр-бор с этой птицей разгорелся, В.Ф.Ларионов очень захотел, чтобы в "Орнитологии" п явилась заметка о чайке, хранящейся у нас. Такую заметку я написал, с ним согласовал, и теперь, естественно, должен послать ее на согласовани с Вами и Вашими коллегами на предмет того, не напорол ли я в ней чего и не ущемил ли невзначай права первооткрывателей. Поэтому, прошу Вас, возьмите на себя труд пробежать заметку /посылаю Вам 3-й экземпляр/, ес ли что - почиркайте сколько угодно, и возможно быстрее сообщите, нет л у Вас и остальных орнитологов Алма-Аты возражений. Если их не будет, т заметку пустим в № 10. Не удивляйтесь нестандартным ссылкам на литерат ру, она пойдет в раздел "Краткие сообщения", где списком литературу да вать не принято, вот я и хитрю, чтобы хоть в каком-то виде ссылке были

Я довольно скоро ухожу в отпуск, поэтому хорошо бы Вам сообщить сво мнение об этой заметке и Дроздову, чтобы он мог его учесть при окончательном решении вопроса о помещении или непомещении ее в № 10, иначе письмо ко мне сможет продежать довольно долго без толка. Но мне тоже сообщите,т.к. отпуск задерживается, возможно и еще задержится..

Большой привет всему доблестному коллективу орнитологов прекрасной столицы прекрасного Казахстана! С уважением 11/I-70.

Рис. 31. Письмо А.М. Чельцова-Бебутова, 11.01.1970 г.

И еще одна причина не позволяла уехать сразу. Константин Алексеевич Юдин, мнение которого имело для меня первостепенное значение, по-прежнему считал оба экземпляра буроголовыми чайками. Пришлось буквально осаждать его доводами, из которых самыми убедительными оказались два – расцветка

первостепенных маховых и пуховой птенец. Правда, с последним он сразу же поставил меня в тупик: «А откуда Вы знаете, что это птенец именно этой чайки? Скорее всего, это пуховичок черноголового хохотуна». На мое возражение, что хохотун намного крупнее и соответственно пуховик его как минимум вдвое тяжелее, чем у реликтовой чайки, Константин Алексеевич, хитро прищурившись, развернул мне второй том «Птиц Казахстана», где на с. 299 было написано буквально следующее: «Вес птенцов, только что выклюнувшихся из яйца, 40-80 г (по многим взвешиваниям Чекменева)». На этикетке привезенного мной пуховика был обозначен вес 50 г, что вполне укладывалось в приведенные колебания веса птенцов хохотуна. Мои попытки подвергнуть сомнению приведенный в книге неестественно большой размах колебаний веса у одного вида Константин Алексеевич мягко отклонил, хотя и согласился, что цифры эти сомнительные и что вполне могла вкрасться опечатка.

Завершил он разговор совершенно неожиданно, сказав, что в местах совместного гнездования с черноголовым хохотуном (а на Алаколе гнездятся оба вида) вполне возможно среди свободно бегающих птенцов отловить «чужого». И добавил, что если я приведу неопровержимые доказательства того, что находящийся у меня в руках птенец принадлежит именно этой чайке, тогда он снимает все свои возражения против её видовой самостоятельности, поскольку у буроголовой чайки (как и у озерной) пуховые птенцы темные, густопятнистые, а этот почти белый, с едва наметившимся рисунком.

Присутствовавшая при этом И.А. Нейфельдт перевела разговор в конкретное русло: «Будущей весной вам с Гавриловым надо бросить все дела и поехать на этот остров, чтобы провести детальные наблюдения и ответить на все вопросы». Того же мнения был и Константин Алексеевич. С этим напутствием старших я и отбыл домой, в Казахстан.

Эдуард Иванович Гаврилов по ряду причин от поездки отказался, но меня отпустил. И мы с Эрнаром договорились, что в мае я приеду к нему на о. Средний дней на 10. Последовавшие затем события сделали эту поездку особо запоминающейся. Попробую изложить их по порядку, хотя и прошло уже более 40 лет.

В середине мая 1970 г., как мы и договаривались, Эрнар Ауэзов приехал в Алма-Ату за некоторым имуществом, в частности за новым лодочным мотором. Буквально через день пришла телеграмма из села Жарбулак (восточный берег Алаколя): «Лодку, имущество и документы утопил. Сам живой. Анвар». Читая и перечитывая её, обычно невозмутимый Эрнар сказал, что на розыгрыш это непохоже, ибо Анвар, которого он оставил в лодке, ещё совсем мальчишка и не станет так шутить. И мы срочно вылетели на маленьком самолете ЛИ-2, имея груз 152 кг на двоих (теперь пришлось везти два лодочных мотора – «Вихрь» и «Нептун»). Сильный ветер задержал нас на несколько часов в Талды-Кургане, а затем доставил немало хлопот над Алакольской котловиной, где он гулял в полную силу.

На место мы прибыли под вечер, пришли к дому дяди Пети, у которого жили Эрнар с Анваром, и здесь нас встретил сам пострадавший. Оказалось, что он решил заночевать прямо в лодке у обрывистого берега. А когда ночью разы-

грался штормовой ветер, лодку сорвало с якоря и стало относить от берега. Анвар успел выскочить из лодки, захватив только спальный мешок. Все остальное утонуло, причем место затопления в кромешной тьме рассмотреть было невозможно. Это уже днем дядя Петя выяснил, что лодка затонула недалеко от берега и вся занесена илом, песком и гравием.

Поиски техники для поднятия лодки не дали результатов. К тому же стогомёт, который мы так упорно искали в окрестных колхозах, вряд ли помог бы, поскольку с его помощью заиленную тоннами песка и гравия лодку можно было только разломать. Когда вода немного спала, мы стали вручную освобождать лодку от её каменно-песчаного груза, а просунув под днище длинные жерди («ваги», как называл их дядя Петя), постепенно раскачали облегчённую лодку и оторвали её от илистого дна, к которому она плотно приклеилась. Только на второй день нам удалось вытащить лодку на берег. Теперь предстоял ремонт, поскольку во время шторма и последующего извлечения лодки с её бортов были сорваны так называемые волнорезы (длинные металлические угольники, приклепанные частой клепкой вдоль каждого борта). Здесь я оценил многоопытность и запасливость Эрнара: оказывается, среди тех 152 кг груза, что мы везли на самолёте, находилось и ведро, доверху наполненное клёпками самых разных размеров. На освоение профессии клепальщика и латание дыр ушло еще полтора дня (зато работа эта мне понравилась!).

И вот наша восстановленная посудина, нагруженная всем необходимым и снабженная привезенным нами мотором, направилась к о-ву Средний, где располагались колонии чаек и крачек. Однако достичь его сразу не удалось: разыгравшийся ветер «Сайкан» вынудил нас причалить к соседнему, более крупному Каменному острову. Как объяснил Эрнар, такое здесь бывает часто. И при этом добавил, что на Каменном нет родников пресной воды. Экскурсия по острову показала, что помимо мелких воробьиных птиц, среди которых особенно бросались в глаза яркие самцы каменок-плешанок (*Oehanthe pleschanka)* и желчных овсянок *(Emberiza bruniceps),* здесь обитают две семьи журавлей-красавок *(Anthropoides virgo),* у которых недавно вылупились птенцы.

Несколько часов пробыли мы на Каменном и уже были готовы к тому, что здесь придётся заночевать. Чтобы добыть воду для чая, Эрнар выкопал некоторое подобие колодца прямо в прибрежной полосе, всего в 10 м от прибоя. Фильтруясь через толщу песка, вода стала менее соленой, чем в озере, однако жажду она не утоляла. Вскипятив чай, Эрнар достал пакетик с лимонной кислотой и стал добавлять её в чай вместе с сахаром. В таком виде горячий чай показался нам удивительно вкусным.

К вечеру ветер начал стихать, и Эрнар сказал, что пора отправляться дальше. Преодолев неширокий пролив, мы уже через час были на месте прежнего лагеря, успели поставить палатки и приготовить ужин. Последний представлял собой яичницу из яиц хохотуньи *(Larus cachinnans)*. Эта крупная чайка с хорошо выраженными хищническими наклонностями была довольно многочисленной на острове и представляла собой реальную угрозу для реликтовой чайки. Поэтому Эрнар время от времени проводил здесь своеобразное «биотехническое»

мероприятие: налив в ведро солёной озерной воды, он обходил остров, по периметру которого располагались одиночные гнезда этой красивой разбойницы, и поочередно опускал её яйца в солёную воду, проверяя их на степень насиженности. Свежеснесенные яйца при этом шли ко дну, а насиженные (у которых по мере инкубации разрасталась воздушная полость) всплывали. Чаячья яичница оказалась отменной. Эрнар не ограничивался изъятием яиц, он отстреливал и взрослых хохотуний, из мяса которых готовил котлеты (для чего даже привез на остров мясорубку!). И если бы не песок, который попадал в фарш с воздуха и с воды, котлеты были бы вполне съедобны.

Остров Средний – крошечный по площади (всего 0.6 км^2) клочок суши, расположенный между двумя островами покрупнее, почти в центре большого солёного озера (до ближайшего восточного берега – 15 км). Берега острова большей частью пологие, но местами образуют скальные отвесы до 3-4 м высотой, на которых гнездятся большие бакланы (*Phalacrocorax carbo)*. Центральная часть острова поднята до 65 м над водой. Пологие склоны этой возвышенности и опоясывающие их террасовидные уступы покрыты щебенкой с редкой засушливой растительностью, среди которой довольно часто видны щебенистые плешины. И только на более крутом северо-восточном склоне возвышенности имелись заросли невысоких, до 1.5-2 м высотой, кустарников.

Этот изолированный от наземных хищников островок (лишь в редкие годы сюда по льду проникают с соседнего острова лисицы) стал пристанищем для большого количества пернатых. Во время нашего пребывания здесь, помимо колонии реликтовой чайки, были две плотные колонии чеграв *(Hydroprogne caspia)* общей численностью не менее 1500 пар, три небольших колонии черноголовых хохотунов (*Larus ichthyaëtus)* – около 500 пар, колония чайконосых крачек (*Gelochelidon nilotica)* – около 1000 пар, колония речных крачек (*Sterna hirundo)* – около 200 пар, а также не менее 200 гнезд хохотуний (*Larus cachinnans),* разбросанных в основном по периметру острова. Кроме того, здесь гнездились не менее 10 пар серых уток (*Anas strepera),* две пары куликов-сорок *(Haematopus ostralegus),* несколько пар полевых жаворонков (*Alauda arvensis),* деревенских *(Hirundo rustica)* и береговых *(Riparia riparia)* ласточек. Многие из этих птиц гнездились всего в 10-15 м от гнезд реликтовых чаек, а одно гнездо чайконосой крачки размещалось даже внутри их колонии.

Реликтовые чайки облюбовали верхнюю часть холма в центре острова, примерно в 100 м от места своей прошлогодней колонии (в 1969 г., по словам Эрнара, здесь было 25-30 гнезд). В начале июня 1970 г. мы насчитали в колонии 108 гнезд, в стороне находились ещё восемь гнезд, а одна пара реликтовых чаек гнездилась в 100 м от основной колонии, почти в центре колонии чеграв. Забегая вперёд, могу сказать, что через год реликтовые чайки в числе 32 пар гнездились в 300 м от колонии 1970 г., всего в 20 м от берега.

Стараясь наверстать упущенное на берегу время, я в первое же утро поставил вблизи колонии маленькую палатку и весь этот и последующие дни проводил в ней, наблюдая за поведением этой невиданной ранее птицы. У этой небольшой, изящной темноголовой чайки на расстоянии сразу же обращает

Рис. 32. Реликтовые чайки *(Larus relictus)* и их пуховые птенцы на колонии. Июнь 1970 г.

на себя внимание ярко-белое полукольцо вокруг глаз, которое, вне всякого сомнения, намного заметнее, чем у летающих здесь же более мелких по размерам озёрных чаек (*Larus ridibundus*). В полете реликтовая чайка представляет собой как бы уменьшенную копию черноголового хохотуна (*Larus ichthyaëtus*), от которого на расстоянии, помимо размеров, отличается также темным клювом и более легким полетом. Вблизи хорошо заметен светло-кофейный налет вокруг клюва – на лбу и по бокам головы.

В колонии во время насиживания яиц реликтовые чайки ведут себя довольно спокойно и человека подпускают до 30 м. При дальнейшем приближении взлетают всей стаей и бесшумно летают кругами над колонией с тихим гоготанием или молча. Как только опасность минует, сразу же опускаются недалеко от колонии и идут к гнездам.

Вылупление птенцов началось 2 июня, и сразу же отпали всякие сомнения в том, что птенец, которого я демонстрировал в Зоологическом институте АН СССР, принадлежал данному виду. Все пуховички появлялись почти чисто белыми, и только через несколько дней на белом опушении у некоторых проявлялись темные окончания перьев, создающие какое-то подобие бледного рисунка.

На окраине колонии в одном из гнезд 5 июня мы наблюдали вылупление первого птенца. В этот день утром чайки вели себя, как обычно, и не обращали внимания на палатку-скрадок, из которой я вел наблюдения всего в 12 м от колонии. Это позволило мне передвинуть свой скрадок еще на 2 м ближе. Однако к концу дня вся колония была взбудоражена: в течение получаса чайки кружили над гнездами, кричали больше обычного и явно были чем-то напуганы. Я тотчас вернул скрадок не только на прежнее место, где он стоял уже несколько дней, но и ещё дальше от колонии. Однако, скорее всего, причиной испуга чаек были несколько выстрелов, впервые прозвучавших в этот день на острове. Это Эрнар ввиду моего скорого отъезда решил добыть одну реликтовую чайку для Л.С. Степаняна, заручившись моим согласием сделать из нее тушку, которую не стыдно было бы хранить в личной коллекции этого столь уважаемого им систематика.

На следующий день в колонии было много разбитых яиц, внутри которых находились полностью сформировавшиеся птенцы; из 108 гнезд уцелели 79. Что бы ни было причиной такой паники в колонии, мы с Эрнаром чувствовали

себя в какой-то мере причастными к этому. С тех пор я твердо знаю, что как бы ни были покладисты эти милые птицы, в период вылупления птенцов они ведут себя очень нервно, и в это время к гнездам лучше не подходить. И уж тем более нельзя стрелять в ближайших окрестностях, так как любой неосторожностью можно погубить всю колонию…

Руководствуясь этими соображениями, мы вынуждены были отказывать всем, кто хотел приехать на остров, чтобы посмотреть реликтовых чаек. А желающих было немало. В том числе и наши уважаемые коллеги из Зоологического музея ЗИН.

Это побудило нас ускорить организацию охраняемой территории на озере Алаколь. Одновременно с завершением статьи о видовой самостоятельности реликтовой чайки, опубликованной в «Зоологическом журнале» в 1971 г. (предварительное краткое сообщение о находке ее колонии было напечатано в «Вестнике АН КазССР», 1970. № 1), Эрнар Ауэзов стал собирать документы и публиковать в газетах статьи о необходимости охраны этой уникальной колонии, а я как председатель секции охраны животного мира Казахского общества охраны природы поставил это в повестку дня заседаний секции, которая поддержала идею создания *заповедника* на Алаколе. В результате всех этих действий летом 1971 г. руководство заповедного Главка приняло половинчатое решение: остров Средний на оз. Алаколь объявить государственным *заказником*!.

Поскольку такое решение шло вразрез с тем, что мы предлагали, а заказной режим не исключает посещения острова людьми (например, отдыхающими), то я продолжал во всех инстанциях доказывать необходимость создания именно заповедника. Этому вопросу был посвящен, в частности, специальный доклад «Реликтовая чайка: заповедник или заказник?», сделанный мною на научно-производственном совещании «Исчезающие и редкие звери и птицы Казахстана, меры по их охране и воспроизводству», состоявшемся в Академии наук Казахстана 15-16 февраля 1973 г. как первый шаг к созданию Красной книги Казахстана. Поскольку в нём очень кратко освещена вся проблема, а сборник, в котором опубликованы доклады совещания, давно уже стал библиографической редкостью, позволю себе привести здесь цитаты из этого доклада.

«К сожалению, ажиотаж вокруг реликтовой чайки привел к тому, что ею как редчайшим видом заинтересовались сборщики коллекций и просто любители сенсаций. В результате в зун-торейской колонии (в Забайкалье – *А. К.*) в 1970 г. были проведены сборы птенцов, яиц и взрослых птиц, после чего эта колония перестала существовать. И хотя «после этого – ещё не значит вследствие этого», к тому же официально причиной гибели считают шторм (Потапов, 1971), нельзя не признать, что посещение колонии в момент вылупления птенцов и коллектирование в это время явились роковым дополнением к стихийному бедствию.

Как бы то ни было, но алакольская колония осталась единственной. Создавшееся положение накладывает на Казахстан особую ответственность за сохранение этого вида. Поэтому орнитологи Академии наук КазССР подняли вопрос о заповедании о-ва Среднего. Ходатайство было поддержано целым рядом научных учреждений и общественных организаций Советского Союза, в том числе Зоологическим институтом АН СССР,

Центральной лабораторией охраны природы МСХ СССР, Казахским обществом охраны природы. В частности, в письме, подписанном директором ЗИН АН СССР, академиком Б.Е. Быховским и заведующим лабораторией орнитологии этого института, доктором биологических наук К.А. Юдиным, говорится: «Достаточно одного вторжения сборщиков яиц, чтобы эта колония перестала существовать… Наилучшим практическим мероприятием, с нашей точки зрения, было бы объявить остров, где гнездятся реликтовые чайки, *заповедником (курсив мой – А.К.)* и организовать соответствующую его охрану. В дальнейшем будет целесообразным ходатайствовать об объявлении реликтовой чайки абсолютно охраняемым на территории СССР видом». В итоге летом 1971 г. о. Средний на оз. Алаколь был объявлен государственным *заказником*.

Казалось бы, все хорошо. Но возникает вопрос: гарантирует ли режим заказника достаточно полную охрану колонии? Думается, что нет. Как известно, заказник – это территория, на которой запрещена охота… Но ведь прямое истребление охотниками меньше всего грозит реликтовой чайке. Гораздо опаснее сбор яиц, гнезд, птенцов и, наконец, просто посещение острова туристами и другими любознательными путешественниками в период гнездования птиц. Следовательно, необходимо полностью запретить любое посещение острова людьми. А это возможно только при *заповедном* режиме… Только в таком случае можно будет рассчитывать на сохранность колонии реликтовой чайки…» (Ковшарь, 1977, с. 193-195).

Этот доклад был с одобрением встречен участниками совещания, в резолюцию которого было внесено предложение о необходимости преобразования уже существующего заказника в заповедник… Однако прошло еще 25 лет, прежде чем Алакольский заповедник был создан. Но это уже другая история, с другими участниками и перипетиями событий. Они лучше всего известны человеку, которому удалось-таки довести начатое в 1971 г. дело до конца – Серику Амирхановичу Толганбаеву.

Эрнар Ауэзов, безвременно ушедший из жизни за три года до оформления Алакольского заповедника, до конца своих дней следил за реликтовой чайкой и состоянием её колонии на Алаколе, а в последние годы, работая начальником отдела охраны животного мира «Казглавохоты», всемерно помогал орнитологам Института зоологии в проведении полевых работ на Алаколе, в том числе и по учетам реликтовой чайки. Помимо защиты кандидатской диссертации на тему «Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране» (1980), он опубликовал целый ряд научных работ, а также научно-популярных очерков об этой удивительной птице. Один из таких очерков под названием «Алакольский сюрприз», первоначально опубликованный в альманахе «Живые сокровища Казахстана» (1979), к 60-летию автора в 2003 г. был переиздан отдельной книжкой под названием «Чайка» на трёх языках – казахском, русском и английском. Благодаря Эрнару об этой удивительной чайке сняты два научно-популярных фильма: в 1970 г. Акмолинской телестудией (режиссер Диаз Гильманов) и спустя несколько лет – студией «Казахфильм» под названием «Острова белых птиц» (режиссер Эльза Дильмухамедова).

Сейчас значительная часть акватории озера Алаколь вместе с островом Средний вот уже 15 лет является государственным заповедником, в котором орнитологи постоянно ведут мониторинг редких видов птиц, в том числе и реликтовой чайки.

Чокпакский симпозиум (весна 1970)

Каким бы ярким ни был эпизод с реликтовой чайкой, но это был всего лишь эпизод, причем не моей работы, а моего коллеги Эрнара Ауэзова, в которой я принимал посильное участие. Меня же давно ждали горы: с 1971 года начиналась новая тематика (тогда мы планировали научную работу пятилетками!), в которой за мной числилась тема по изучению биологии размножения птиц в высокогорье Тянь-Шаня, теперь уже на стационаре в Заилийском Алатау. А до этого надо было отработать на другом стационаре – Чокпакском, тем более что хромал я ещё довольно заметно, а к работе в горах надо быть в полной форме. Так что всё совпадало. На 1970-й год полевые работы мне выпадали на равнине: весной – Чокпак, в июне – Алаколь, в июне-июле – Кургальджино, осенью – снова Чокпак (а перед ним, в конце лета, – первый за многие годы летний отпуск на Украине; кстати, в следующие 15 лет летнего отпуска тоже не было).

Весенний сезон на Чокпаке в этом году имел свои особенности. Во-первых, полный состав участников – Эдик завершил свои весенние рекогносцировки на Чу, Или и в других местах. Помимо нас четверых (Икар, Эдик, Валентин и я), на Чокпаке в эту весну работали лаборанты: Олег Петров, Алексей Нестеров, Владислав Филатов, Юрий Чупин, Николай Иванов и совсем молодые ребята – Витя Панченко и Саша Филимонов; из соседней Михайловки наведывался «виноградарь» Толя Сема. За полтора года, которые я отсутствовал, у орнитологов на Чокпаке появились так называемые «комплексаторы» – паразитологи и вирусологи. Первые были наши, институтские (обычно Михаил Павлович Якунин и Рахман Абелькариев), а вторые – представители КИЭМ (Казахский институт эпидемиологии и микробиологии, от них работала Лариса Валериановна Сосновская). Во-вторых, учитывая, что весенний пролет у железной дороги довольно слабый, в этом году впервые решили разделить лагерь на два: кроме старого поставили новый южнее чокпакских бугров, почти непосредственно у истоков реки Арысь (изобретательный Олег Петров нарёк это место коротко, но ёмко – «Иордань»). На новую точку Гаврилов ушёл сам и взял с собой в помощники Владислава Филатова. Базовым лагерем оставался старый, и наши «иорданцы» время от времени приходили к нам за продуктами, причем по тому, как Владя набивал сухофруктами все свои карманы, видно было, что живут они временами впроголодь – особенно, когда много работы. Как-то он сам признался в этом, пожаловавшись: «В туалет даже сходить *некогда*… да и *не с чего*».

Но самым ярким событием этого сезона был так называемый «симпозиум» – сбор на Чокпаке руководящих орнитологов соседних республик для выработки единых подходов и методик в дальнейшей совместной работе по изучению миграций птиц очень обширной территории будущего Срединного региона, включающего в себя Западную Сибирь, Казахстан и все республики Средней Азии. Поскольку научный руководитель работ по исследованию миграций – директор Ин-та биологии АН Киргизии чл-корр. АН КиргССР Александр Иванович Янушевич – ещё только заканчивал коллективную монографию «Млекопитающие Киргизии», после которой планировал направить усилия лаборатории позвоноч-

ных животных на изучение миграций, то Чокпак с его четырёхлетним опытом работы представлял лучшее место для обмена опытом и разработки единых подходов.

К этому событию готовились ещё в Алма-Ате. Икар не пожалел даже семейную реликвию – старинный сундук с красивой чеканкой и музыкальным замком. Наполнив его доверху бутылками с водкой и другими продуктами, он привез эту ценность на Чокпак и установил в нашей общей большой палатке, предварительно посоветовавшись с тремя остальными – хватит ли 25 бутылок? И вот в середине апреля, несмотря на довольно-таки мерзкую погоду (чередование метели с холодным дождём и ветром), к нам прибыл из Фрунзе на своем ГАЗ'ике А.И. Янушевич, а с ним – новосибирский гость Константин Тимофеевич Юрлов. Даня Кашкаров из Ташкента прибыл несколько позже, когда гости уже разъехались, а туркмены и таджики вообще не явились.

Тем не менее, наш симпозиум прошел на высоком уровне. В короткие часы затишья гости с интересом осмотрели ловушки и принцип их действия, в непогоду ознакомились с процессом ручного изготовления колец (при них мы с Эдиком изготовили первую тысячу мелких колец серии «**К**» – для воробьев) и обговорили массу методических вопросов – как часто и какой продолжительности проводить количественные учеты пролётных птиц, в какой учётной полосе и т.д. А.И. Янушевич подтвердил, что как только они сдадут в печать сводку по млекопитающим, ***все*** зоологи лаборатории займутся миграциями птиц. «И Айзин тоже?» – не выдержал Гаврилов. «И он тоже!» – подтвердил *А.И.* «Но ведь Борис Михайлович – крупный специалист по суркам. Захочет ли он заниматься птицами?» – не унимался Эдик. «Не захочет – пусть пишет заявление» – последовал твёрдый ответ. «А вот у нас Ковшарь с будущего года будет заниматься изучением биологии птиц высокогорья» – продолжал Эдик. «А вот это зря» – сказал Александр Иванович – «Ты должен его заставить». Привожу этот разговор почти дословно, так как был он при мне, и даже меня *А.И.* пытался убедить, что надо на проблему наваливаться всем скопом, тогда её можно быстрее решить. Оставалось лишь порадоваться, что работаю я не у него…

После таких разговоров Александр Иванович обычно обращался к Икару с вопросом – как бы там послушать его музыку? Икар с готовностью открывал свой музыкальный сундук, зажимал между своими крепкими пальцами несколько бутылочных горлышек и обращался к Юрлову: «Как Вы говорили – вот так за рубежом держат птиц при кольцевании?». И симпозиум продолжался. Александр Иванович требовал наливать водку только на донышко гранёного стакана, чтобы получался один глоток. И тост у него всегда был один: «Будем радёшеньки!». Мизерность дозы с лихвой восполнялась частотой тостов и длительностью самого процесса – и бутылки пустели на глазах. Иногда дождь не переставал весь день. Тогда тосты перемежались игрой в карты и просто разговорами. Под конец музыкальный сундук не смог выдать ни одной бутылки – просчитался всё же Икар! Тогда Александр Иванович позвал: «Акрам!», и его верный водитель предстал пред ним. Привычным движением *А.И.* достал из так называемого «пистончика» на поясе (в котором раньше носили карман-

ные часы) крошечный бумажный квадратик и стал не спеша его разворачивать. Как завороженные смотрели мы на этот фокус, когда после десятого разворота из квадратика родились 25 рублей с портретом Ленина!. Акрам уехал в Бурное, и через час-полтора симпозиум продолжался в том же темпе…

На второй или третий день Эдик вспомнил, что на Иордани он оставил для охраны имущества Саньку Филимонова, которому надо бы отвезти продукты. А.И. Янушевич и К.Т. Юрлов также поехали с ним – посмотреть. Вернулись они через несколько часов с прибылью – привезли Саньку и… пойманного им журавля-красавку! Восторг всех был просто запредельный, наперебой рассказывали, что же там произошло. Оказывается, ночью, услышав крики пролетающих низко журавлей, Саня решил посветить на них сильным гавриловским фонарем (подарок дальневосточных родственников). В мощных лучах этого прожектора один журавль отделился от стаи и сел прямо около Сани, который просто взял его руками! Пили за журавля, пили за Саньку, за миграции и орнитологию. Александр Иванович, положив руку на плечо своего тёзки, провозгласил: «Да мне бы несколько таких Санек – мы бы всех журавлей переловили и перекольцевали!».

К.Т. Юрлов, как и на конференциях, был обвешан фотоаппаратами с разными объективами и другими принадлежностями. Показывая их нам, он объяснял, что для чего используется, преимущества того или иного объектива или светофильтра. А один выделил особо – «Голубой светофильтр, очень дорогой!». Икар без всякого умысла спросил, а для чего он используется. Константин Тимофеевич задумался, а потом искренно рассмеялся: «Ей-Богу, не знаю, для чего! Но очень уж дорогая вещь…». С тех пор за ним утвердилась кличка «Голубой светофильтр». Он не обижался, что мы, молодежь, подтруниваем над ним, и сам охотно участвовал в подобных шутках. Но снимал, как всегда, много: людей, ловушки и приспособления к ним, рабочие моменты. А поскольку мы, по молодости, проявляли снобизм и считали, что снимать надо только птиц, то в результате сейчас приходится пользоваться только теми редкими кадрами, которые нам достались от него.

Много лет после этой встречи мы с *К.Т.* изредка переписывались, а уж по праздникам обязательно поздравляли друг друга. Когда я спрашивал насчёт снимков, он всегда отвечал, что вот-вот скоро доберется до них и пришлёт. Годы шли, и я перестал верить этим обещаниям. И вот через 12 лет, под Новый год, вместо обычного письма или открытки получаю от него бандероль, а в ней – небольшого формата, со школьную тетрадку, самодельный фотоальбомчик, озаглавленный «Сквозь голубой светофильтр». Маленькие, но бесценные для меня черно-белые фотоснимки наклеены в определенном порядке и на каждой странице от руки – подписи, иногда очень распространенные и с немалой долей юмора. Вот из этого-то альбомчика и сохранились у меня эксклюзивные фотоснимки некоторых рабочих моментов нашего симпозиума – как мы с Эдиком делаем кольца или беседуем с А.И. Янушевичем…

Первая экспедиция в Кургальджино (июнь 1970)

На июнь 1970 года была запланирована экспедиционная поездка в Кургальджинской заповедник, который я давно мечтал посмотреть и сравнить с описаниями Кривицкого. А поскольку с конца мая я был на Алаколе, то Эдик решил заехать туда на экспедиционной машине и оттуда через Казахский мелкосопочник пробираться к цели нашей экспедиции. Захватив с собой приехавшую из Саратова Лию Алексеевну Лебедеву (она давно хотела посмотреть Казахстан), Гаврилов с Грачевым, Семой и Саней Филимоновым приехали в Ушарал, где остановились в гостеприимном доме Владимира Александровича Грачёва, а Толю Сему отправили за мной в село Жарбулак, что на восточном берегу Алаколя.

В те годы сотовые телефоны ещё не изобрели, поэтому мы с Эрнаром знали только заранее обговоренный день прибытия машины. И когда ближе к вечеру этого дня с нашей моторки стал виден восточный берег, то на обрывистом берегу близ Жарбулака (который и переводится как «обрывистый родник») уже стояла грузовая экспедиционная машина – почти в том же месте, где месяц назад Анвар утопил лодку с имуществом. Расспросы и рассказы плавно перешли в ужин тут же, на берегу. Как водится, выпили за встречу – и раз, и два (тем более, что Эрнара не надо было упрашивать, а мы с Толей не возражали). В быстро наступивших сумерках решили, что ночуем здесь, прямо на берегу, а рано утром выезжаем в Ушарал. Но когда Сема сказал, что будет спать в кузове, опьяневший водитель вдруг заявил: «Не подходите к машине! Машина моя, и я за нее отвечаю». Такого в нашей практике не было. Конечно, на автобазе Академии наук, которая выделяла нам экспедиционные машины, было около двухсот шоферов и среди них попадались всякие… Не обращая внимание на водителя, Сема забрался в кузов. Однако водитель не шутил. Он сел в кабину и стал сдавать задом прямо к обрыву, высота которого в этом месте была метра два! Сему как ветром сдуло с машины, но выпрыгнул он вместе со спальником и тут же пробормотал: «Такому больше наливать нельзя!». На следующий день об инциденте доложили Гаврилову, и он всю дорогу следил, чтобы водителю не наливали.

А дорога была очень интересной – каменистые южные степи чередовались с мелкосопочником, где к царству мелких жаворонков (*Calandrella*) примешивались петрофилы: каменка-плешанка (*Oenanthe pleschanka*), скальная овсянка (*Emberiza buchanani*) и так называемый монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*), два пустых, но уже готовых гнезда которого под камнями нашел я в урочище Кайнар. Они были похожи на знакомые мне по Аксу-Джабаглы гнезда краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguinea*), только заметно меньше, но устроены были практически так же – неглубоко под нависающим камнем. Все чаще попадалась степная пустельга (*Falco naumanni*), гнездившаяся здесь же, в камнях. А я всё искал индийскую пеночку (*Phylloscopus griseolus*), о которой мне рассказывал Вадим Капитонов, что она обычна в Казахском мелкосопочнике – как и пёстрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*). Ни того, ни другого за короткие (максимум – часовые) экскурсии во время остановок найти не удалось, но зато в крохотной рощице на дне миниатюрного каменистого ущелья в мелкосопочнике встретилась иволга (*Oriolus oriolus*)!

Запомнились Каркаралинские горы с их лиственными и хвойными лесами, а также удивительным образованием – Чёртовым озером, расположенном почти на вершине горы. Сначала меня удивило обилие синиц в березовых лесах, а потом – белошапочная и красноухая овсянки (*Emberiza leucocephalos, E. cioides*) с выводками на вершине горы. И здесь инцидент с водителем повторился – не уследили! Пришлось его утихомиривать всей командой, а он вырывался и грозился сжечь машину. На следующий день ему прямо объяснили, что до конца экспедиции он ни грамма спиртного не получит.

Кургальджинские озера, сильно заросшие тростником, буквально кишели мелкой птицей, из которой меня больше всего поразила усатая синица (*Panurus biarmicus*), которую я видел на воле впервые. На открытых плесах было немало уток и лебедей. А в тростниковых займищах Камышзавода мы в первые же полчаса отловили камышевок двух видов – тростниковую (*Acrocephalus scirpaceus*) и индийскую (*A. agricola*), причем обе оказались новинками для этих мест, т.е. встречены севернее известной границы ареала. В поселке Нагуман мы встретились с орнитологом заповедника Валерием Хроковым, уже два года изучающим здесь куликов. Он продемонстрировал нам оригинальный скрадок для наблюдения и фотографирования куликов, который он называл почему-то «сортир». Это удлиненное низенькое сооружение из камуфляжной ткани было натянуто на легкий каркас и рассчитано на то, что человек с фотоаппаратом может попластунски подползать к птицам на брюхе, удерживая скрадок на спине, как черепаха панцирь. С его помощью Валерий уже сделал ряд хороших фотографий куликов. Мне же особенно понравилась сама идея передвижного скрадка (до сих пор я его крепил к земле, как палатку).

Больше всего запомнилась поездка на колонию фламинго. Тенгиз своими размерами действительно напоминал безбрежное море, что значит это имя в переводе с казахского. Как и положено морю, воды его на горизонте смыкались с небосводом и противоположный берег не просматривался. Пологие берега имели грязевые отмели шириной 200-300 м, на которых ноги утопали почти по колено, оставляя за собой цепочки рваных следов. А лодку-плоскодонку приходилось нести на руках, и даже на воде она приводилась в движение не веслами, а длинными шестами. Почти в любом месте можно было встать на дно, и вода доставала лишь до пояса, редко – по грудь.

Такое однообразие довольно быстро утомляло, тем более, что и живности на воде было очень мало – чаще всего небольшие группки маленьких куличков – круглоносых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*), плавающих на воде, как миниатюрные уточки, и часто вертящихся вокруг своей оси в погоне за водными беспозвоночными. Иногда пролетали чайки – обычные озёрные (*Larus ridibundus*), более крупные хохотуньи (*Larus cachinnans*), а то и крупные, грузные, с медленными взмахами крыльев черноголовые хохотуны (*Larus ichnhyaëtus*). Время от времени та или другая хохотунья разражалась истерическим хохотом «ииии…ииии… ииии… хахахахаха!», но черноголовые хохотуны всегда солидно молчали, лишь изредка и негромко бормоча: «говговговговгов… говговговгов…».

Но вот вдали показалась цепочка летящих фламинго. На большом расстоянии это просто горизонтальные прямые палки с машущими крыльями. Но когда эта цепочка облетала нашу лодку на расстоянии метров 50, поражала чистая белизна птиц с нежно-розовыми крыльями, а в бинокль хорошо видны были и плавный изгиб лебединой шеи и даже нелепо изломанный крупный клюв на маленькой головке. Звуки, напоминающие гусиное гоготание, фламинго издавали редко, обычно же пролетали молча. Конечно, нам очень хотелось посмотреть их колонию, но мы уже знали, что посещение её может закончиться гибелью яиц или птенцов, поэтому согласны были на то, чтобы посмотреть на неё хотя бы издалека. И вот впереди по курсу, почти на горизонте, появилась ярко-белая полоска среди призрачного марева более темной по цвету воды. «Это – колония» сказал Женя Волков, орнитолог заповедника, изучающий именно фламинго. И как ни хотелось нам подобраться поближе, пришлось довольствоваться с расстояния почти в километр, наблюдая за цепочками фламинго, то подлетающими, то отлетающими от этой яркой былой полосы, в которой даже в бинокль сложно было выделить отдельных птиц…

Потом мы часто видели группы фламинго, пролетающие над степью или кормящиеся на мелководье недалеко от берега. Однажды я даже присутствовал на «охоте» – Вале Родионову надо было добыть для Музея КазГУ нескольких фламинго (разрешения на отстрел были оформлены по всем правилам). Я напросился к нему ассистентом с фотоаппаратом. Сначала днём мы выкопали на берегу небольшой окопчик на двоих, всего по пояс глубиной; по словам Валентина, который уже не раз так делал (и даже угощал членов экспедиции деликатесом – вареными мясистыми языками фламинго!), вполне достаточно сидеть в этом окопчике так, чтобы над землей возвышалась только твоя голова – тогда фламинго на тебя не реагируют. Предвкушая, какие будут снимки летящих над нами фламинго, я устроился в окопчике рядом с другом, который спокойно курил, держа в руках охотничье ружье. Сели мы на свой «номер» перед закатом, когда жара уже спала, и фламинго должны лететь со степи к озеру. И они полетели – небольшими цепочками. Но почему-то облетали нас метров за 300 и садились не на нашем участке берега, а поодаль – правее или левее. Вскоре выяснилась и причина: у «нашего» берега собирала материал по паразитологии Александра Павловна Максимова. Она бродила по самому урезу воды и что-то собирала. Прошло полчаса, час, а она и не думала уходить. Мое предложение сделать предупредительный выстрел Валентин решительно отверг: «Пусть работает, ей же тоже надо работать». Так и просидели мы безрезультатно до сумерек. А фламинго так и продолжали пролетать в стороне от нас. Пришлось любоваться на них издалека.

Три недели пролетели быстро. И вот уже прощальный вечер в Каражаре – улетали мы с Эдиком и кто-то из ребят, а остальные оставались ещё почти на месяц. Расслабились так, что забыли о водителе, а он этим воспользовался… Поняли свою оплошность только утром, когда выяснилось, что водитель – никакой, «лыка не вяжет». Нам было не до смеха – вечером самолёт (билеты у нас на руках), а до целиноградского аэропорта более 200 км! Пришлось Гаврилову

сесть за руль, а спящего водителя посадили в кабине рядом – и зря! Не проехали мы и 20-30 км, как он проснулся и стал отбирать руль: как это так, ЕГО МАШИНУ кто-то ведет. Кроме руля он хватал также ручной тормоз, ручку скоростей, и в результате этой борьбы машина взвыла, некоторое время мотор ревел, как самолет на взлете, а потом заглох. И больше не заводился. Наши «спецы» определили, что расплавился какой-то подшипник. На попутную машину в этой глухомани рассчитывать было нечего. Кто-то сказал, что из соседнего совхоза, до которого километров 20, должен ходить автобус – по крайней мере, до поселка Кургальджино, а там уже – цивилизация.

Пошли пешком, оставив машину с пьяным водителем – проспится, разберется, тем более что обратно до Каражара ему столько, сколько нам до совхоза. Нам повезло – где-то с полпути нас подобрал трактор с тележкой, который шёл как раз в то село. Автобус, на наше счастье, ещё не ушел: сначала обедал водитель, потом собирали по селу людей. Но на самолет мы успели и домой прилетели уже без приключений.

Последний сезон на Чокпаке (осень 1970)

Осенний сезон на Чокпаке, как обычно, начался в августе, а закончился в конце октября. Уезжая весной во Фрунзе, Александр Иванович Янушевич обещал прислать своего таксидермиста, который, по его словам, заткнёт за пояс многих дипломированных орнитологов – так хорошо знает птиц. Но пришлёт он его для другого дела – детального ознакомления с ловушкой и её работой. Слово своё он сдержал, и вскоре у нас появился еще один член отряда – Георгий Васильевич Вердин, быстро получивший у наших острословов кличку «мсье Жорж». Он вник во все детали работы ловушек и перерисовал все рабочие узлы этого сооружения. А по вечерам рассказывал всякие были и небылицы из своих многочисленных путешествий. Мне запомнилась его манера рассказывать, избегая каких бы то ни было возражений или поправок. Глядя прямо в глаза, он спрашивал в упор: «Вам приходилось бывать в Тбилиси?». И получив отрицательный ответ, он начинал очередной ошеломляющий рассказ об этом городе. В следующий раз он так же спрашивал о Минске. А так как и там мне в то время бывать ещё не приходилось, то тут же следовал полный небылиц вдохновенный рассказ об этом удивительном городе. Когда он уехал, то было впечатление, что кто-то выключил канал постоянной информации…

В остальном этот последний мой сезон на Чокпаке прошел, как обычно, а закончился он шумной деревенской свадьбой в заповеднике Аксу-Джабаглы, где сочетались браком зоолог-териолог Вера Обидина и таксидермист Виктор Чебанов. Все было на этой свадьбе, как положено: и водка рекой, и песни, и пляски, и даже до обязательной драки почти дошло уже дело, когда завхоз заповедника Фёдор Григорьевич Савченко, не понимавший наших орнитологических «шуток», полез было драться с Гавриловым, приняв его по форме одежды за рабочего экспедиции и по старой памяти жалобно обращаясь ко мне: «Анатолий Федорович, Вы скажите вашему рабочему…». Мне с трудом удалось объяснить,

что это заведующий лабораторией и мой начальник, после чего началась не менее эмоциональная картина извинений и примирения. Федор Григорьевич чуть не плакал и всё повторял: «Такой человек… такой человек… а я…». Словом, погуляли на славу, достойно завершили осенний полевой сезон.

Вернувшись в Алма-Ату, я уже не застал свой дом: его снесли в мое отсутствие, а семейство с помощью Э.Ф. Родионова перебралось в однокомнатную квартиру – на той же улице Курмангазы, но в другом конце города, на углу улицы Жарокова. Здесь, в маленькой комнатушке, теснились и люди, и птицы, но мы были счастливы, так как не надо было топить печь и ходить за водой к колонке за квартал от дома.

В ноябре Диаз Гильманов привез в Алма-Ату свой телефильм о реликтовой чайке (вернее сказать – об Эрнаре Ауэзове как её первооткрывателе, поскольку самой чайки в кадре почти не было), и мне пришлось консультировать уже отснятый фильм. Так и остался он в моей памяти как «консультант пост-фактум».

А к концу года появился наш долгожданный третий том «Птицы Казахстана». Это был праздник всей лаборатории. Так завершился этот сложный для меня год – равнинных поездок в преддверии продолжения работ в высокогорье. Летом, после Кургальджинской экспедиции, я успел ещё съездить в отпуск на Украину, показать дочери её малую родину и посетить любимый мною древний Киев…

Удивительная связь времён – Юрий Борисович и Игорь Софиевы

С подготовкой томов «Птиц Казахстана» связаны у меня и воспоминания об отце и сыне Софиевых, работавших в Институте зоологии. Отец Юрий Борисович числился художником в оформительском отделе института. Для нашего издания, как и для многих других, он выполнял чёрно-белые штриховые рисунки к определительным таблицам всех томов, о чём регулярно упоминается в предисловиях к каждому тому. Мне он запомнился как аристократического вида пожилой джентльмен с безукоризненно правильной речью и манерами, чем-то неуловимо отличающими его от всех остальных. Был он эмигрантом первой волны (1920 года), прожил большую часть жизни в Париже и вернулся только в 1955 г. Сын его Игорь, с виду наш ровесник (может, на пару лет старше), родился в Париже, где прожил около 20 лет. Он работал в лаборатории палеобиологии нашего института, и поговаривали, что он выпивает. Ничего особенного, кроме того, что это люди из другого мира (эмигранты!), сказать о них, особенно о сыне, я бы не смог.

И только через 30 лет, уже после развала СССР, в газете «Аргументы и факты Казахстана» было напечатано интервью с Игорем Софиевым (Енисеева, 1998), приоткрывшее завесу над эмигрантским прошлым их семьи. Оказывается, настоящая фамилия Юрия Борисовича – Бек-Софиев, он потомок знатного кавказского рода: дед его во время покорения Кавказа был одним из нагибов Шамиля. И победивший Шамиля генерал Ермолов взял у этого нагиба в заложники 6-летнего сына, отдал его в Пажеский корпус

в Петербурге, и потом он стал генерал-губернатором в Польше!. Это был отец Юрия Борисовича. В Париже Юрий Борисович Бек-Софиев был знаком с А.И. Куприным, а с Иваном Алексеевичем Буниным дружил до самой его смерти и в 1953 г. хоронил его на Русском кладбище Сен-Женевьев рядом с фамильным захоронением Бек-Софиевых. Сыну он позднее рассказывал, что гроб Бунина был тяжелый и двойной: внутри деревянного – свинцовый[11]. Оказывается, Бунин надеялся, что прах его когда-нибудь перенесут в Россию. По словам Софиева, Бунин был патриотом России и, когда фашисты напали на Советский Союз, он в своем доме под Парижем спас от концлагерей многих российских писателей-евреев, хотя в движении Сопротивления не участвовал, а делал всё от себя лично. Так же поступали и сами Бек-Софиевы. В своём интервью Игорь вспоминает: «Помню в нашем доме постоянно укрывались бежавшие из фашистской неволи люди. При содействии легендарной матери Марии их переправляли в партизанские отряды». По его словам, Юрий Борисович Софиев сам был известным литератором и одно время возглавлял даже Союз русских молодых писателей и поэтов во Франции, где была секретарем известная в эмигрантских кругах поэтесса Ирина Кнорринг, ставшая его женой и родившая ему сына Игоря. Это ей принадлежат широко известные в те годы среди русских эмигрантов стихи:

«Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли!!»

Покинув в 1920 г. с Морским кадетским корпусом Черноморской эскадры Крым, Ирина в Тунисе закончила кадетский корпус (!!! – иного способа получить образование у неё не было) и всю оставшуюся жизнь прожила в Париже, где была знакома с Тэффи, посещала кружок «Зеленая лампа» Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, стихи её иногда правила Марина Цветаева. Здесь Ирина Кнорринг родила сына Игоря, здесь же и похоронена в усыпальнице Бек-Софиевых на знаменитом кладбище русских эмигрантов Сент-Женевьев-де-Буа, так и не увидев родной земли… Трагедия русской эмиграции через призму жизни этой конкретной семьи раскрывается как-то особенно глубоко и остро…

Стационар в субвысокогорье Заилийского Алатау (1971-1980)

Для стационарных работ в горах надо было иметь постоянное помещение, тем более, что к тому времени от «карцера», где мы в 1967 г. так хорошо праздновали победу над красным вьюрком, остались одни воспоминания. Нам повезло, что в 1970 году работники астрофизической обсерватории «Корональная», оставив 5 принадлежавших им домиков на Большом Алматинском озере, пе-

[11] Скорее всего, всё-таки цинковый. – *АК*

ребрались на 200 м выше, к ГАИШ'у, где число облачных дней и ночей было гораздо меньше, чем на уровне озёрного поселка. Только в одном из домиков жил сторож Кали, заготавливавший сено для своей коровы на Красивой поляне, остальные пустовали. Часто в них ночевали туристы, грибники и просто «отдыхающие», которые ускоряли их разрушение тем, что обогревались по ночам, сжигая ставни, оконные рамы или двери. Надо было спешить отвоевать хоть один из них и привести его в порядок.

Евгений Васильевич Гвоздев, недавно ставший директором нашего института, отправил меня к Управляющему делами Академии наук Александру Ивановичу Шостину с письмом-ходатайством о передаче на баланс Института зоологии одного из этих домиков. Нашими конкурентами были спортсмены Академии, которые хотели все эти домики приспособить под спортивный лагерь и уже считали их своими. В январе мы с А.И. Шостиным и ответственным за спорт в АН КазССР (фамилию не помню) поднялись на озеро, причем до 1-й ГЭС ехали на Волге, а там пересели на сопровождавший нас ГАЗ-69. Александр Иванович решил вопрос в нашу пользу, отдав нам домик, который мы до этого облюбовали: он был самый целый по сравнению с другими. Правда, спортсмены ещё некоторое время упорствовали, перевешивая нашу самодельную вывеску «Стационар Института зоологии АН КазССР» на стоящий невдалеке деревянный туалет, однако все их потуги прекратились, когда мы в апреле приехали сюда для постоянной работы.

Мы – это я и лаборант Толик Левин (он же – студент-вечерник КазГУ), которого Э.И. Гаврилов выделил мне в качестве единственного помощника (все остальные несли трудовую повинность на Чокпаке). В мае, после окончания учебного года, к нам присоединились студент КазГУ Ральф Пфеффер и десятиклассник Боря Жуйко. Немногочисленный наш скарб привёз Эрнар Ауэзов 27 апреля 1971 г. на своём ЗИМ'е и в течение дня помог нам привести в божеский вид наше рабочее помещение. На следующий день, 28 апреля, я нашел **гнездо № 1** – дупло, начатое джунгарской гаичкой (*Parus songarus*) в тянь-шаньской ели в 100 м от нашего домика. Дупло было расположено довольно низко – около метра от земли, и я тут же поставил около него маленькую палатку с самописцем, чтобы он записывал число посещений дупла работающими птицами. Иногда я сам наблюдал и фотографировал птиц из этой палатки. Работа началась…

Вскоре в маленькой изолированной комнатке нашего дома поселилась аспирантка Е.В. Гвоздева Тамара Соболева, собиравшая моллюсков для исследований паразитов. Так наш стационар стал комплексным. Летом Евгений Васильевич привёз на своей машине нашего бухгалтера М.И. Балабушко, который сам осмотрел и измерил детали дома для составления сметы на ремонт. Не обошлось и без казуса. Михаил Иванович Балабушко был легендарной личностью: прекрасный бухгалтер (он один справлялся там, где сейчас «трудится» целый штат бухгалтеров и экономистов), он имел, как мы говорили, самый короткий в СССР рабочий день, так как в 11 часов уже был пьян и никаких документов не подписывал. Вот и в этот раз, когда они приехали на озеро примерно в это же время, Балабушко не вышел, а буквально вывалился из машины. И Евгений Ва-

Высокогорный стационар «БАО» (1971-1980)

53

54

55

56

57

58

53 – Большое Алматинское озеро, дорога на Космостанцию и Алматинский пик;
54 – научный посёлок: каскадники, лавинники, метеорологи, зоологи и криологи (наш домик в центре);
55 – палатка у самого первого гнезда джунгарской гаички на окраине посёлка (28 апреля 1971);
56 – кладка тянь-шаньского клеста *(Loxia curvirostra tianschanica)* с карликовым яйцом;
57 – наблюдение вблизи за «живым» селем, начало августа 1977 г.(в левом верхнем углу - самосвал);
58 – со студентами-практикантами у стационара, на машине, пленённой селем (начало августа 1977), крайняя слева в верхнем ряду – моя дочь Виктория.

Дальний Восток (1975)

59

60

61

62

63

64

65

59 – в дебрях Уссурийского края (поход на гору Облачная). Слева – А.П. Крюков. Июнь 1975 г.;
60 – «морские волки» Юра Шибаев и Гена Косыгин в Японском море, июнь 1975 г.;
61 – Ю.В. Шибаев на крыше построенного им «дома» укрывает его от ливня. Июнь 1975 г.;
62 – среди чернохвостых чаек *(Larus crassirostris)* на острове Карамзин в Японском море;
63 – В.Г. Беляев, Н.М. Литвиненко, Ю.В. Шибаев, А.Ф.Ковшарь. Владивосток, июнь 1975 г.;
64 – на Кавказе: Приэльбрусье, Чегет, сентябрь 1975 г.;
65 - с дочерью Викторией. Алма-Ата, 1978 г.

сильевич сконфужено говорил: «Ну, когда же он успел? Я ведь буквально «пас» его, и выезжал из города он абсолютно трезвым…» Но низкая температура высокогорья с холодным ветерком быстро привела Михаила Ивановича в чувство и, делая замеры стен в своей белой нейлоновой рубашечке, он все повторял мне: «Ну почему же у тебя так холодно?».

После сделанного вскоре ремонта мы проработали здесь 10 летних сезонов. Евгений Васильевич приезжал почти каждые выходные. Поскольку приезжал он всегда на своей личной машине, то обычно привозил продукты и не раз баловал нас чем-нибудь вкусным вроде арбуза, дыни или бутылки пива. Будучи и в городе достаточно доступным, простым в обращении, здесь он был совсем домашним, и отношение к нему у нас было почти как к родственнику. Он не раз привозил гостей: один раз - академика А.П. Маркевича из Украины, в другой раз – двух белорусских академиков, в третий раз – гельминтолога Дану Гулинску из Чехословакии. Все они восхищались красотой наших гор, а те, которые были здесь не один день, успевали собрать интересный материал по своей специальности.

Наш небольшой научный поселок, который мы, не мудрствуя лукаво, называли просто Озёрный, состоял из Гидрометстанции, домика дежурного каскада ГЭС, лавинной станции и нашего зоологического стационара. А с 1972 года в остальных четырех домиках разместилась криологическая станция Института мерзлотоведения АН СССР (Якутск), которых в обиходе мы именовали просто «мерзлотоведы». Самым большим коллективом были лавинники, у которых иногда собиралось до 10 человек за счет приезжавших из такой же станции Малоалматинского ущелья, хотя постоянно дежурили 3-4; начальником у них был Анатолий Михайлович Зубков, который через год уехал в Африку. Лавинники находились на правом берегу речки и были наиболее благоустроенными: кроме хорошего дома у них было два сарая и еще несколько надворных построек, в том числе – баня. Но самое главное – волейбольная площадка посреди обширного и ровного двора – место почти ежедневных наших баталий (лавинники против зареченских). По вечерам, особенно в выходные дни, когда к ним приходили гости из города, лавинники включали громкую музыку и даже устраивали танцы – прямо на волейбольной площадке.

На метеостанции работало 4 человека (начальник Анатолий Георгиевич Новиков с женой Луизой, Лёня Гребнев и Николай Тихонович Орлов), а с середины лета 1971 г. появилась Людмила Скударнова; обычно они дежурили по двое, сменяясь раз в несколько дней. Работавшая при нас только один сезон Луиза была страстной шахматисткой. Мы с Левиным познакомились с ней в дороге, при первом подъеме на озеро. Узнав, что мы едем туда работать, она спросила, играем ли мы в шахматы. Получив утвердительный ответ, она обрадовалась и уже через час после того, как мы приехали, пришла к нам в гости – играть в шахматы. Я любил шахматы еще со школы и пять лет защищал на турнирах честь родного факультета, но в этот раз мне не терпелось уйти с рюкзаком в поисках птичьих гнезд, да и женщина-шахматист казалась мне неинтересным противником. Но отказать новой знакомой было бы невежливо (женщинам отказывать – вообще нехорошо), поэтому я согласился на одну партию, поскольку нам надо

идти работать. Играл кое-как, за что и был наказан матом!!! Довольная соседка ушла, пообещав прийти вечером, а я, бродя по склонам, нет-нет да и вспоминал со стыдом свое фиаско. Вечером уже играл серьёзнее и выиграл три раза подряд, что не на шутку раззадорило мою партнершу. Оказывается, она была здесь своего рода чемпионом и даже играла на «интерес» (бутылка водки!), облапошивая проезжих шоферов, поднимающихся на ГАИШ или Космостанцию, – этакий соловей-разбойник на большой дороге, только в женской юбке. Со временем я понял, что это было её основное занятие, а наблюдения за метеоприборами – нечто второстепенное: она часто могла уехать с попутной машиной прямо перед очередным сроком наблюдений. Однажды на мой вопрос «А как же наблюдения?» она ответила, садясь в машину: «Я же не первый год работаю – знаю, что там надо нарисовать». Эти слова я вспоминал потом не раз, когда приходилось пользоваться сводками метеостанций…

Каскадники дежурили по одному, сменяясь раз в неделю: по пятницам приезжала большая грузовая машина, «вахтовка», которая привозила одного и увозила другого. Этой вахтовкой можно было доехать до конечной остановки 28-го автобуса на 2-й ГЭС (позже там появился еще один автобус, 93-й) и там же, поднимаясь по пятницам, ожидали вахтовку, идущую наверх. Это был самый регулярный транспорт, и мы им пользовались в полную меру, тем более что главным дежурным был Виктор Степанов – давний знакомый, у которого орнитологи часто жили до приобретения собственного стационара. Его сменщик Борис Иванович Волохов, любивший выпить и рассказать про Харбин, где он служил после войны, также очень скоро стал своим человеком. Был еще балкарец Андрей, его вскоре сменил Анатолий Сальников, которого за солидный животик Степанов звал «директор». Говоря о транспорте, надо сказать, что все остальные приезжали на 2-ю ГЭС городским автобусом (№№ 28, 93) и пешком шли 6 км до 1-й ГЭС. Если на этом отрезке их не подбирала попутная машина, идущая на ГАИШ или Космостанцию, то поднимались дальше пешком по трубе, которая круто взмывала вверх сразу же за поселком ГЭС (здесь приходилось идти по крутой каменистой тропке вдоль трубы) и на высоте около 2200 м над уровнем моря продолжалась более наклонно до самого озера. На этом участке (около 3-4 км) уже можно было идти по трубе, диаметр которой около 1 м.

С мерзлотоведами, появившимися на месяц-два позже нас, отношения поначалу были натянутые, так как они, едва появившись, заявили, что все домики принадлежат им, в том числе и наш. Но тут я узнал, что начальником их станции назначен Алдар Петрович Горбунов – мой давний знакомый еще по Аксу-Джабаглы. Узнав от меня о происшедшем, он тут же отправил телеграмму в Якутск с просьбой исключить из списка наш дом, который попал туда по недоразумению. Заместителем Алдара Петровича был Эдуард Васильевич Северский – младший брат известного географа Игоря Васильевича Северского, впоследствии академика и директора Института географии АН КазССР. Оба брата бывали на стационаре, только Эдуард – постоянно, иногда поднимаясь на целую неделю, а Игорь – изредка, от случая к случаю. Из других сотрудников наиболее постоянно и продолжительно на стационаре работали Миша Попов и Женя Ермолин. Одно

время к ним периодически спускался с Космостанции Анатолий Дадонов, по прозвищу «Фантомас» – человек многих достоинств, который мог легко сходить пешком из Космостанции (3300 м над ур. м.) прямо в город, покрыв расстояние в 46 км. Но больше всего любил он шахматы и мог играть в них где угодно и сколько угодно, причем игроком был высокого класса, его железную хватку я несколько раз испытывал на себе. Однажды, спрыгнув с попутной машины, на которой я ехал дальше, Фантомас попросил подать ему полупустой рюкзак, который я, к стыду своему, так и не смог приподнять! Оказалось, там были свинцовые пластины, применяемые на Космостанции для защиты от радиации…

Конечно же, это воспоминания в основном о первом сезоне работы, который мне запомнился наиболее ярко. Последовавшие за ним ещё 9 сезонов были в значительной мере похожи между собой, хотя менялись действующие лица даже в нашей команде. Так, на второй год появился незабвенный Валерий Владимирович Лопатин, которого Борис Жуйко, закончивший школу и поступающий на биофак, привел на своё место. В первый же день, доказывая нам, что он в школе действительно учит французский язык (редкость по тем временам), Валера стал в позу, протянул руку и с чувством продекламировал фразу из Ильфа и Петрова: «Женеман шпас ин жур», за что и получил кличку «Женемон», которая закрепилась за ним на несколько лет (поскольку тогда он учился только в 8 классе, то проработал у нас в отряде он три года). Защитив диплом, уехал на работу в Кзыл-Орду Ральф Пфеффер, в 1974 году ушел в армию Толя Левин, а на его место пришел 8-классник Олег Белялов, проработавший на озере несколько сезонов. В 1973 году на озеро приехали первые студентки-практикантки Карагандинского университета Лариса Щербакова и Светлана Мальцева; с тех пор этот университет присылал к нам по два, а то и три студента ежегодно. Все они вливались в наш небольшой коллектив, привыкали к ритму нашей жизни и, освоив методику наблюдений, приступали к работе, собирая материал по всем видам, но с первого дня зная свой вид, по которому будут писать курсовую, а затем – и дипломную работу. Кстати, те виды, по которым нужны были данные для курсовых и дипломных работ, были приоритетными в данный год для всех членов отряда – все стремились найти побольше гнезд именно этих птиц и получить по ним любые интересные сведения. Поэтому каждая из более чем 20 дипломных, защищенных по материалам, собранным на Большом Алматинском озере, являлась плодом коллективного труда, что мне не раз приходилось доказывать на зоологических кафедрах КазГУ и КарГУ, когда преподаватели этих кафедр рекомендовали студентам *опубликовать* свои курсовые в трудах этого ВУЗ'а.

Наш коллективный труд был построен довольно просто. Рабочий день начинался в 5 часов утра и заканчивался поздно вечером, поскольку имевшееся в посёлке электрическое освещение позволяло заполнять бланки гнездовых карточек и видовую разноску вечером. Утром, с 6 до 10, одни участники проводили «учёты», т.е. 4-часовые наблюдения около найденных ранее гнезд: у одних – за строительством гнезда, у других – за насиживанием кладки, у третьих – за активностью кормления птенцов, у четвертых – брали пробы пищи у птенцов, у пятых – кольцевали птенцов перед вылетом и т.д. При этом обязательно вели

учёт интенсивности пения самцов (записывали число песен за 15 мин). Все это записывалось в карманного формата полевые дневники (которые тоже делали сами), чтобы вечером перенести эти записи на гнездовые карточки и прочие формуляры. Те же, которым не выпадали такие «учёты», вели поиски новых гнезд, которые должны стать объектами дальнейших наблюдений. Кстати, поиск новых гнезд вели и «учётчики» – на пути к месту своих наблюдений и на обратном пути в лагерь. Словом, работы хватало, и нередко приходилось возвращаться в лагерь только к обеду, а некоторые и на него опаздывали. Такой режим не позволял внедрять жёсткую систему обязательных дежурств на кухне, поскольку далеко не каждый мог заменить товарища на главной работе – либо не знал, где находится данное гнездо, либо по какой-то другой причине не мог выполнить данного задания. Поэтому старались ранее освободившиеся приготовить обед – тем более что готовка была минимальная: широко использовались полуфабрикаты супов, каш и т.д.

После обеда каждый старался переписать свои наблюдения в общую копилку, которой служили гнездовые карточки и видовая разноска, это тоже занимало час-полтора. Изредка делали тушки (скорее в виде исключения, поскольку отстрел был сведен к минимуму, а со временем и совсем прекращён – нам нужны были живые птицы), иногда надо было выдуть яйца, упаковать и этикетировать взятое в коллекцию гнездо и т.д.

А уже часов в 5 вечера, лишь только спадал летний зной, с волейбольной площадки лавинников доносилось: «Эй, зареченские! Сразимся?». И все торопились на волейбол, откладывая незаконченные дела на вечер, благо это позволяло наличие электрического света. Такой ежедневный (у птиц не было выходных) режим выматывал не только молодежь, которая иногда буквально засыпала на ходу, но и закалённых орнитологов. Поэтому с приходом дождя с градом или снегом, которые в мае были не редкость, мы поневоле испытывали облегчение. Вот тут наступал желанный праздник – «отсып». О нём я всегда объявлял с удовольствием, хотя и понимал, что это – во вред результатам работы. Раз в неделю то один, то другой из членов отряда спускался в город за продуктами – на день-два, используя их попутно и для других неотложных дел, в том числе – мытья (в ледяном озере не покупаешься!). Правда, у каскадников была крохотная банька, и Витя Степанов иногда баловал нас ею, но это были редкие минуты блаженства.

Вот так насыщенно протекала наша горная жизнь, по которой мы скучали зимой так, что весной считали дни, когда, наконец, поднимемся на свой стационар. Здесь самое время рассказать о содержании и некоторых результатах этой интересной работы.

Там, за облаками...[12]

Хребты Тянь-Шаня, в том числе и Заилийский Алатау, повторяют в миниатюре все ландшафтные зоны умеренного пояса Северного полушария. Предгорные степи в пределах 600-700 метров над уровнем моря сменяются лиственными

[12] Сокращённый текст очерка, опубликованного в популярном сборнике (Ковшарь, 1979а).

лесами, которые вскоре уступают место хвойным – еловым или арчовым. Редея, они достигают 2700 и даже 2800 м, хотя во многих местах не поднимаются выше 2600 м. Их сменяют заросли кустарников и субальпийские луга, переходящие выше 3000 м в «тундру» – низкотравные альпийские лужайки. А завершают всё вечные снега и льды. Царство «белого безмолвия» начинается примерно с 3500-3600 м над уровнем моря. Как видно, с высотой происходит постепенное обеднение растительности, а затем – и почти полное её исчезновение.

Птицы встречаются гораздо выше верхних пределов растительности. Например, на Тянь-Шане краснобрюхая горихвостка и жемчужный вьюрок гнездятся до 4400, а на Памире – даже до 5000 м. На этом высочайшем нагорье, которое зовут еще Крышей мира, около 15 видов птиц регулярно гнездятся выше 4000 м. Многие птицы, особенно в гнездовой период, все же придерживаются своих относительно небольших участков, то есть живут оседло, в пределах 100-200 м высоты. В поясе кустарников, переходном к альпийскому, население пернатых наиболее разнообразно – здесь живут бок о бок лесные и высокогорные птицы. Эта переходная полоса и есть субальпийский пояс – преддверие настоящего высокогорья или, короче, субвысокогорье, представляющее, на мой взгляд, особенный интерес. Именно оно привлекло наше внимание при исследовании птиц, для чего и был выбран район Большого Алматинского озера в интервале высот 2500-3300 м.

Климатические условия в этом поясе гор своеобразны. Прежде всего, здесь холодно даже в разгар лета. На каждые 100 м высоты температура воздуха падает на 0.6°. Иными словами, если в ясный летний день температура в Алма-Ате, на высоте 800 метров 30°С, то на Большом Алматинском озере (2500 м) ртутный столбик не поднимется выше 18°. Многолетний абсолютный максимум температуры, так сказать, рекорд для Большого Алматинского озера, равен +23°, тогда как для южной столицы Казахстана, всего в 30 км по прямой, но почти на два километра ниже, летние температуры в 30-35° – обычное явление. Вместе с тем у верхней границы леса более мягкий температурный режим в течение суток. Летом здесь не редки дни, когда полуденная температура превышает ночную всего на 4-5°, а в среднем суточная амплитуда колебаний температуры всего 7.7°, тогда как в предгорьях, у Алма-Аты – около 12.7°, а в альпийском поясе – 10-20°.

Большая часть лета в субвысокогорье, как правило, дождливая и пасмурная, и только в августе устанавливается сухая и ясная погода, обычная и в сентябре. Почти ежедневные дожди и нередкие снегопады в мае и июне приводят к усиленному испарению и образованию облаков, которые зарождаются ниже, где-то в лесном поясе. К полудню бесконечная вереница белых барашков достигает верхней границы леса, где они, сливаясь, образуют сплошной слой густого, насыщенного холодными водяными парами тумана, проникающего сквозь любую одежду. Нередко это «облачное молоко» окутывает все вокруг уже в 9-10 часов утра, и ртутный столбик термометра, поднявшийся было за пару часов солнечного сияния до 10-11°, резко падает до 4-5°, иногда даже ниже, чем он был на рассвете. Недаром субальпийский пояс называют еще «зоной облаков».

Низкое атмосферное давление (на высоте 3000 м оно составляет всего 68% от его величины на уровне моря), высокая интенсивность солнечной радиации

(на высоте 2000 м она на 30% выше, чем на уровне моря), повышенная доля ультрафиолетового излучения – вот далеко не полный перечень особенностей высокогорного климата. Естественно, что для обитающих здесь живых существ особое значение имеет продолжительность тёплого периода, т.е. число дней со средней суточной температурой воздуха выше 0°.

На высоте 4100 м в Тянь-Шане среднесуточная температура не превышает 0°. На высоте 3000 м теплый период составляет 120, а в окрестностях Большого Алматинского озера (2500 м) – около 180 дней. Для сравнения: в северных районах Казахстана теплый период занимает в среднем 190, а в предгорьях Заилийского Алатау – до 320 дней в году.

Чтобы выяснить, как живут и выводят потомство птицы в условиях такого короткого и, мягко говоря, прохладного лета, мы с 1971 по1980 год и проводили свои стационарные наблюдения. Работа начиналась с первых числах апреля, когда склоны гор ещё покрыты толстым слоем снега, а большинство местных перелетных птиц находится в пути на родину. Заканчивались они в первой декаде сентября, когда птицы, отгнездившись, готовились либо в дальний путь к южным зимовкам, либо к суровой зиме в родных краях. И все эти 120 дней были заполнены работой – и у птиц, выполнявших веление великого закона природы, который призывает всё живое к продлению рода, и у людей, пытавшихся хоть немного приподнять завесу над этим таинством. Когда нас посещала удача, мы испытывали ни с чем не сравнимую радость познания нового – значит, дни и часы долгих терпеливых наблюдений не пропали даром...

К началу наших работ «белых пятен», подобных краснокрылому чечевичнику и красному вьюрку, здесь уже почти не осталось. И задачи наши были иными: на очередь встала обширная тема по изучению образа жизни массовых, наиболее характерных для субвысокогорья видов птиц. Предстояло ответить на десятки и сотни «как» и «почему». Как успевают пернатые воспитывать потомство в предельно короткие сроки? Сколько раз за лето они гнездятся? Почему не гибнут яйца и птенцы от холода, дождя, града и прочих бед непогоды? Как распределяются обязанности между родителями? Чем выкармливают они птенцов? Каковы взаимоотношения соседей при гнездовании? Какова успешность гнездования птиц в этих своеобразных условиях? И так далее, и тому подобное.

Для получения ответов на эти и еще многие вопросы необходимы были длительные наблюдения *за одними и теми же особями*. Однако природа как будто нарочно поставила перед исследователями препятствие: все нормальные особи одного вида удивительно похожи друг на друга, различия между ними, даже если они существуют, недоступны человеческому глазу. Попробуйте различить, например, десяток летающих над вашей головой ласточек или прыгающих по земле скворцов, и вы убедитесь, что это невозможно. Следовательно, нет никакой уверенности, что сейчас видишь ту же птицу, которую встретил на этом месте вчера или даже час назад (насколько проще в этом ботаникам!).

Чтобы исправить эту «ошибку» природы, орнитологи стали кольцевать птиц и метить их цветными метками. Мы в своей работе пользовались небольшими самодельными колечками из тонкого цветного целлулоида, которые оде-

вались на птичьи лапки в дополнение к алюминиевым кольцам с номерами. Такие метки почти невесомы и не мешают птице, а видны они на расстоянии до 20-30 метров (в бинокль – и дальше) и позволяют точно установить «личность» птицы. Более подробно методику изготовления таких меток и самого процесса мечения я описал в специальной статье (Ковшарь, 1976). Конечно, такой метод весьма трудоёмкий, так как для мечения приходится отлавливать многих птиц, что уже само по себе не просто и к тому же отнимает уйму времени. Зато и результаты он дает точные и надежные. Применение его в изучении биологии птиц позволяет перейти от предположений и догадок к обоснованным фактам – тем самым, которые являются «воздухом» ученого. Цветное мечение открыло нам интереснейший мир интимной жизни птиц в сложных условиях субвысокогорья. И действительность опрокинула многие наши представления, которые казались твердо установленными.

Прежде всего, выяснилось, что многие птицы, несмотря на короткое лето, успевают *дважды* вывести птенцов, хотя большинство орнитологов уже давно сошлись на мнении, что больше одного гнездования в год им никак не осилить. Впервые документальное подтверждение двух циклов размножения на высоте 2500 метров получено в Большом Алматинском ущелье еще в 1967 году при наблюдениях за крапивником и соловьем черногрудой красношейкой (Гаврилов, Ковшарь, 1968). Позже мы наблюдали это явление еще у 10 видов птиц – как оседлых (бледная и черногорлая завирушки, арчовый дубонос), так и улетающих на зиму (трясогузки, горихвостки и др.). Оказалось, что явление это не случайное, а вполне нормальное: за четыре года мы наблюдали его 51 раз. Более того, у бледной завирушки и красноспинной горихвостки удалось отметить даже **три** успешных гнездования в течение одного лета. Об этом стоит рассказать подробнее.

Бледная завирушка (*Prunella fulvescens*) – невзрачной окраски птичка величиной с воробья – населяет в Тянь-Шане верхние части хребтов не ниже 2400 метров. Гнезда устраивает как на земле, под камнями, в трещинах скал, так и на кустах арчи и даже в кронах елок, до 10 метров над землей. Зиму, как правило, проводит здесь же, у верхней границы леса, где в годы урожая еловых шишек питается в основном их семенами. Уже в марте бледные завирушки встречаются парами в районе гнездования, а в апреле начинают подыскивать места для гнезд.

Одна помеченная нами в 1973 г. пара начала строить гнездо 26 апреля. Самка энергично носила сухие палочки и травинки под крышу дома и укладывала их точно на месте прошлогоднего гнезда своего супруга (он был здесь в предыдущем году с другой самкой). До 1 мая она выстроила толстый наружный слой гнезда, но на этом вдруг бросила работу и больше у гнезда не появлялась. Второе гнездо она построила на маленькой елочке, в 120 метрах от прежнего места. Найти его удалось только в день вылупления птенцов – 26 мая. Через 13 дней, утром 9 июня, четыре птенца вылетели, начав почти самостоятельную жизнь, а уже 15 июня самка стала достраивать первое гнездо, брошенное ею под крышей дома. Первое яйцо появилось в нём 19 июня, а через месяц гнездо покинули пять короткохвостых молодых завирушек. В тот

день самка снесла первое яйцо в *новом* гнезде, устроенном на нижних ветках старой ели в 70 м от первого, а через три дня уже сидела на четырех яйцах. Наблюдения показали, что большую часть дня она насиживала кладку и лишь изредка ненадолго улетала ко второму выводку птенцов, которых кормил самец в 40 м. Не раз он прогонял самку к гнезду, а сам с кормом возвращался к птенцам. К сожалению, 31 июля яйца третьей кладки съела белка. Однако бледные завирушки загнездились в *четвертый* раз и благополучно выкормили четырех птенцов этого выводка, покинувших гнездо 28 августа. Таким образом, всего за четыре месяца, с 26 апреля по 28 августа, эта пара отложила 17 яиц, из которых вылупились и вылетели из гнезда 13 птенцов.

На следующий год наши завирушки вновь гнездились на старом месте, т.е. под крышей дома. Первое гнездо самка начала строить в обычные сроки – 28 апреля, четыре птенца покинули его 2 июня. Во втором выводке также было четыре птенца, вылетели они 8 июля. Но ещё за четыре дня до их вылета самка начала готовить место для третьей кладки в 40 м от предыдущего, принося туда мох и траву в перерывах между кормлениями птенцов. Однако с третьим выводком супругам снова не повезло: 1 августа погибли все шесть полуоперенных птенцов. На следующий день самка уже строила *четвертое* гнездо на месте первого – всё там же, под крышей дома, где безопасность гарантирована. Птенцы покинули это гнездо 3 сентября. И вот итог второго года наблюдений за этой парой: снесено 18 яиц, вылупилось 17, а вылетело 12 птенцов.

На третий год самка исчезла – возможно, погибла. А самец снова гнездился на том же участке, не дальше 100 м от прошлогодних гнезд. На сей раз он обзавелся двумя самками (редкое явление у певчих птиц!), каждая из которых трижды откладывала яйца. Как видим, три гнездования в сезон для бледной завирушки – явление не столь уж редкое. Возможно, оно свойственно и другим птицам с непродолжительным гнездовым периодом.

Каким же образом, за счет каких резервов времени успевают птицы в условиях короткого горного лета вывести птенцов два, а то и три раза? Ведь даже у бледной завирушки, имеющей минимальный репродуктивный цикл, он занимает около 45-55 дней: строительство гнезда 7-13, откладка яиц 4-6, насиживание их 10-12, выкармливание птенцов в гнезде 12-14 и докармливание их после вылета – еще 12-13 дней. Казалось бы, для того, чтобы трижды успешно вывести птенцов, завирушкам надо 135-165 дней. Но в только что приведенных примерах пара этих птиц два года подряд за 125 и 129 дней успевала загнездиться по *четыре* раза, так как первая попытка третьей кладки оба года терпела крах. В чем же здесь секрет?

В сущности, никакого секрета в этом математическом несоответствии нет, а есть чётко сбалансированные во времени действия самца и самки, каждый из которых выполняет свои функции в наиболее оптимальном для потомства варианте. В результате – сокращение каждого следующего цикла за счет *совмещения* отдельных этапов.

Прежде всего, начиная второй репродуктивный цикл, птицы очень часто экономят время на выборе места для гнезда. Они либо устраиваются на преж-

нем, либо в одном из тех, которые осматривали ещё перед первой кладкой. И если весной на выбор места иногда тратятся недели, то летом – считанные дни. Само строительство гнезда в поздние сроки значительно ускоряется – нередко в полтора – два раза. К первой откладке яиц, в апреле – мае, самки большинства мелких птиц приступают обычно не сразу, а через несколько дней после окончания постройки; при повторном гнездовании первое яйцо второй кладки нередко появляется еще *до полного завершения* строительства, и самки продолжают носить в гнездо шерсть или пух, уже насиживая полную кладку.

Насиживание яиц и выкармливание гнездовых птенцов во времени очень стандартны, но вот период докармливания вылетевшего молодняка – важный источник экономии времени для птиц. Чаще всего самки уже через несколько дней после вылета первого выводка оставляют его на попечение самца, а сами сразу же принимаются за сооружение нового гнезда для второй кладки. А когда птица гнездится трижды за лето, то последнее гнездо самка начинает строить, когда птенцы второго выводка сидят еще в гнезде. При этом ей приходится совмещать два совершенно различных занятия – поиск корма и сбор строительного материала. Живя в эти дни «на два дома», она должна не перепутать, куда что нести – чтобы не накормить птенца соломой, а пойманного кузнечика или паука не вплести в стенку едва начатого гнезда. Зато и выигрыш во времени большой: первое яйцо третьей кладки появляется в день вылета второго выводка. Сэкономлены две недели, потребные для выкармливания вылетевших птенцов, и неделя – для постройки нового гнезда.

Очень интересно происходит наложение двух циклов размножения у арчового дубоноса (*Mycerobas carnipes*). Этот крупный центральноазиатский вьюрок, населяющий исключительно субальпийские высоты, имеет мощный клюв, которым раскалывает чрезвычайно твердые косточки арчовых шишкоягод, добираясь до их ядрышек. Плоды арчи являются основным кормом как взрослых птиц, так и птенцов. Совершенно естественно, что при таком способе питания родители должны довольно долго кормить вылетевших молодых, пока у тех не окрепнут клювы и челюстная мускулатура. Не менее 50 дней кормит самец молодых птиц, которые уже давно великолепно летают и повсюду сопровождают своего кормильца, порой на расстояние в несколько километров. Самка же за это время успевает не только построить новое гнездо и отложить яйца, но и высидеть птенцов. Самец всё время кормит её, а когда появляются пуховички, которых необходимо постоянно обогревать, самец кормит всех – и молодняк первого выводка, и только что вылупившихся птенцов, и обогревающую их самку. Пример, достойный подражания!

Вообще надо сказать, что роль самцов в воспитании потомства у певчих птиц обычно недооценивают, а есть люди, склонные считать их чем-то вроде трутней у пчел. На первый взгляд, они близки к истине: гнезда у певчих птиц строят в основном самки, яйца несут, естественно, также самки, они же у большинства видов и насиживают. О самцах же принято говорить, что они *участвуют* в выкармливании птенцов, при этом считается само собой разумеющимся, что роль их и в этом деле второстепенна. Между тем, если даже оставить в сто-

роне охранную роль самцов, которая особенно проявляется при строительстве гнезд, когда собирающие материал самки часто становятся беззащитными и легко доступными для хищников, а говорить только о воспитании молодняка, то и в этом деле самцы отнюдь не являются бедными родственниками.

На первых порах самки вынуждены усиленно обогревать пуховых птенцов – как правило, до недельного возраста, когда те начнут покрываться перьями. Всё это время корм носят преимущественно (а у некоторых видов – исключительно) самцы, которые нередко при этом кормят не только птенцов, но и самок. Особенно развито это у зерноядных птиц семейства вьюрковых. А самый наглядный пример – обычный клёст- еловик (*Loxia curvirostra*), самка которого при зимнем гнездовании не смогла бы без помощи самца не только выкормить птенцов, но даже высидеть их, так как сама она практически не покидает гнезда со дня снесения первого яйца.

Кто же больше кормит птенцов? Самец – две недели в гнезде и столько же после вылета молодняка. Самка – вторую неделю пребывания птенцов в гнезде и первую — после их вылета, так как с началом постройки нового гнезда и развитием половых желез для следующего цикла размножения инстинкт кормления у неё угасает. Вначале самки ведут себя пассивно – просто убегают от наседающих птенцов, но затем у некоторых видов (например, у арчового дубоноса) становятся агрессивными по отношению к своим подросшим детям, тогда как самцы по-прежнему водят их, кормят, и опекают. В этом смысле материнская любовь у птиц заметно короче, чем отцовская.

Как ни странно, но потребность в кормлении птенцов у самцов певчих птиц развита, по-видимому, сильнее, чем у самок. Об этом свидетельствует и заботливое отношение их к чужим птенцам, что наблюдается довольно часто. Сам по себе вопрос этот настолько интересен, что на нём стоит остановиться подробнее.

Однажды я поймал на гнезде с птенцами самца и самку бледной завирушки. Пока их кольцевал, в гнездо принесла корм третья птица. Поймал и её, оказалась самцом. Поговорив об этом забавном случае, мы вскоре о нём забыли. Однако через несколько дней у другого гнезда снова были пойманы с кормом два самца и самка. Потом были третий, пятый, седьмой случаи... Стали отмечать эти факты и у других видов птиц — красноспинных горихвосток, пеночек-зарничек. И каждый раз третья птица оказывалась самцом. Иногда чужак имел кольцо, и тогда удавалось установить, что это сосед, у которого либо погибли птенцы, либо самка сидит на второй кладке, либо ещё какая-то ситуация, при которой его потребность в кормлении птенцов не удовлетворяется.

Но иногда самцы (например, у бледных завирушек) принимаются кормить чужих птенцов, имея своих. Мы наблюдали, как один самец в день вылета собственного молодняка встретил осиротевший выводок меченых слетков, покинувших гнездо на день раньше, и, увидев чужого голодного птенца, отдал ему корм, собранный для своих, а затем увёл его к своему выводку. Вскоре вернулся и проделал то же со вторым, третьим и четвертым птенцами. Управившись с этим занятием за два часа, самец продолжал в дальнейшем кормить и своих, и приёмных детей. Самка же кормила *только своих*. Нередко можно было ви-

деть, как она с пучком насекомых в клюве оказывалась рядом с приемышем, но, несмотря на все его просящие движения и крики, относила и отдавала корм родному птенцу.

По-разному проявляется отношение хозяев гнезда к незваному «помощнику», о чём тоже стоит рассказать. В одно гнездо бледной завирушки, где подрастал второй выводок, начал носить корм чужой самец. Самка, которая в тот день начала строить третье гнездо, не обращала на пришельца никакого внимания, но самец начал было его гонять. «Лжеотец» не сдавался и продолжал носить корм. Тогда хозяин, как бы осознав, что это помощник, перестал его преследовать и позволял носить корм, но ожесточенно набрасывался, когда тот по свойственной завирушкам манере после кормления запевал около гнезда.

Прошло время. Птенцы выросли, покинули гнездо и вскоре разлетелись. Исчез и «добрый дядя», а самка давно уже насиживала третью кладку. Хозяин-самец остался как бы не у дел, но не надолго: он начал кормить только что вылупившихся птенцов в чужом гнезде, расположенном в 150 метрах от своего. Более того, оказавшись сильнее хозяина, он постепенно оттеснил его на второй план, а затем и вовсе изгнал, приняв на себя все заботы по дому. Самка в их взаимоотношения не вмешивалась и, как ни в чем не бывало, продолжала кормить птенцов вместе с победителем. А поверженный отец, проигравший битву за право кормить собственных детей, через неделю уже кормил чужих слетков в 100 метрах от родного гнезда. Его же птенцов выкормил отчим, который заботливо опекал их и после того, как они стали сами неплохо летать. Тем временем у его первой самки появились птенцы третьего выводка, и бравый отчим вновь превратился в любящего отца: удирая от наседающих на него с криком приемышей, он несёт корм в свое гнездо. Вот как сложно проявляется порой родительский инстинкт у самцов!

Иногда неутоленная потребность в кормлении птенцов толкает самцов на совсем странные поступки. Однажды Эвальд Фёдорович Родионов в окрестностях Большого Алматинского озера наблюдал, как самец крапивника (*Troglodytes troglodytes*), у которого несколько раз за лето погибали гнезда – то с яйцами, то с птенцами – пытался кормить птенцов седоголового щегла (*Carduelis caniceps*). Набрав в клюв насекомых, он проникал в щеглиное гнездо в отсутствие хозяев и поспешно совал этот корм в клювики, ожидавшие увесистой порции семян. Замешкавшись у гнезда, крапивник получал хорошую взбучку от хозяев, но, едва очухавшись, снова направлялся за кормом, и всё повторялось сначала... Слушая этот рассказ товарища, я вспомнил красочную картинку, виденную в каком-то популярном иностранном журнале: маленькая птичка сидит на краю аквариума и кормит высунувшуюся из воды рыбку. Вот она – великая сила инстинкта! Инстинкт велик, но он и слеп. И в этом единении великого и бессмысленного есть что-то от единства и борьбы противоположностей – одного из начал диалектики природы...

О прочности брачных уз у некоторых птиц слагают легенды. Самая известная и красивая из них, воспетая во многих песнях, – легенда о лебединой верности. И хотя в биологии такое перенесение человеческих чувств, эмоций на

животных называется антропоморфизмом и давно уже признано ошибочным, тем не менее, трудно найти человека, которому не импонировала бы эта поэтическая легенда, отражающая веру человека во все доброе и светлое в окружающей природе.

Певчим птицам в этом отношении не повезло. Легенд о них не слагают, так как пары у них образуются обычно на один сезон. Весной, когда вся природа пробуждается от зимнего сна, прилетевшие с юга или перезимовавшие в родных краях птицы начинают подыскивать себе партнера. Чтобы привлечь внимание самки, самцы усиленно поют (отчего большинство воробьиных птиц и назвали *певчими*), принимают различные, порой очень оригинальные позы, выставляя напоказ самые яркие, броские части тела. В состоянии крайнего возбуждения самцы устраивают драки между собой. Конечный результат всех этих действий – благосклонность самки. Так образуется пара, которая сохраняется на время гнездования – до того, как птенцы станут самостоятельными и покинут родителей. Тогда пара распадается и чаще всего – навсегда. На следующую весну – снова токование, снова выбор партнера. И так из года в год: брак заключается на время вывода потомства, на 3-4 месяца, остальная часть года у певчих птиц безбрачная.

Это общепринятое представление о парах у певчих птиц, и, по-видимому, так оно в большинстве случаев и бывает. Однако наблюдения над мечеными птицами показывают, что правило это далеко не всеобщее. Нередко пары сохраняются и на следующий год. Например, у синиц-московок (*Parus ater*) и джунгарских гаичек (*Parus songarus*), ведущих в хвойных лесах Тянь-Шаня полуоседлый образ жизни: в холодное время года они кочуют по лесному поясу гор, изредка появляясь и в предгорьях; при этом в стайках сохраняются пары. Вернувшись весной на места гнездования, пара в прежнем составе занимает свой прошлогодний или соседний с ним участок. Так же ведут себя бледные завирушки, у которых брачные узы довольно прочные: чуть ли не половина помеченных нами пар сохранилась на следующий год. То же наблюдали мы однажды у арчовых дубоносов и несколько раз – у обыкновенных и бурых оляпок. Относительно постоянные брачные союзы встречаются и у перелётных птиц. Так, одна пара пеночек-зарничек, помеченная в июне 1973 года, гнездилась на том же участке и в 1974 году, а вторая пара держалась вместе три сезона, каждый раз выводя птенцов в одном и том же кусте арчи!

Вместе с тем многие птицы проявляют непостоянство. Горная и маскированная трясогузки, красноспинная, седоголовая и обыкновенная горихвостки каждый год меняют партнера, а нередко расходятся уже в тот же сезон, при повторном гнездовании, особенно если первое было неудачным. Однажды почти одновременно погибли птенцы в двух гнездах красноспинной горихвостки (*Phoenicurus erythronotus*), расположенных примерно в 800 метрах друг от друга; на второй же день хозяева обоих гнезд куда-то исчезли. Каково же было мое удивление, когда через неделю я встретил самца от одного из этих гнезд и самку от второго, державшихся парой в двух километрах отсюда и на 200 метров выше, уже в верхней половине субальпийского пояса!

Вообще взаимоотношения полов у певчих птиц, по-видимому, гораздо сложнее, чем принято считать. Различные особи одного вида, в зависимости от обстоятельств, дают примеры то поразительной привязанности членов пары, то не менее удивительного непостоянства. Одна пара обыкновенных оляпок, гнездившаяся вместе два года, на третий распалась, и самец и самка, каждый с новым партнером, гнездились в 1 км друг от друга.

Однажды, 6 июня 1971 года, мы пометили самца и самку бледной завирушки, кормивших только что покинувших гнездо птенцов. Неделю выводок держался на одном месте, в пределах 1-2 *га*, при этом самец много пел и ухаживал за самкой. Но уже 14 июня я встретил эту самку примерно в 200 м с другим, самцом, без метки, который энергично за ней ухаживал; самка относилась ко всему этому вполне благосклонно, а при моём приближении увела своего поклонника в крупнообломочную каменистую россыпь, где наблюдать за ними было невозможно. На следующий день в 400 метрах от этого места удалось встретить меченого самца, который тоже ухаживал за другой самкой. Тем не менее, спустя две недели, обе меченые завирушки гнездились вместе – пара сохранилась!

С развитием метода мечения классическое представление о весеннем образовании пар у певчих птиц получает всё больше поправок. Еще в середине XX ст. известный австрийский ученый Конрад Лоренц предположил, что гнездовой цикл птиц начинается осенью. Но только в 60-70-х гг. были получены документальные подтверждения осеннего образования пар у черноголового чекана (*Saxicola torquata*) на Норманских островах, пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus*) – на Канарских, молодых хохлатых синиц (*Parus cristatus*) – в Прибалтике. Вероятно, осенью образуют пары некоторые оседлые и кочующие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня – такие, как расписная синичка (*Leptopoecile sophiae*), арчовый дубонос (*Mycerobas carnipes*), оляпки, синицы и др.

Надо сказать, что у многих певчих птиц возможность образования пары не ограничивается каким-то одним сезоном – весной или осенью. Если бы это было так, то птицы, лишившиеся партнера во время гнездования, не могли бы закончить гнездовой цикл. К счастью, этого не происходит, так как всегда имеется какой-то резерв холостых птиц обоих полов, готовых вступить в брак. А если его нет, то овдовевшие самец и самка могут вступить в соперничество с соседом и даже выйти победителем. Такой случай наблюдали мы у бледных завирушек. Старый самец изгнал из пары молодого, прошлогоднего, уже при выкармливании птенцов; второе в этом сезоне гнездование самка провела уже с ним, а изгнанный неудачник, пытавшийся вернуть утраченное, время от времени затевал драки на подступах к гнезду.

За какое же время способна птица заменить погибшего партнера? Один самец бледной завирушки, потерявший самку в середине апреля (она наклевалась отравленной приманки), обзавелся новой в течение 10 дней, изгнав ее самца. Новая пара держалась вместе всё лето и трижды гнездилась (два раза – успешно).

Интересный опыт удалось провести с самцом черногрудой красношейки. Он был пойман 18 мая 1974 года в 3-4 км от лагеря гостившими у нас птицелова-

ми-москвичами, но на второй день в клетке вдруг начал «кукситься»: нахохлился, втянул голову и не притрагивался к пище. Тотчас же он был выпущен в лагере, где, по крайней мере, в радиусе полкилометра, сородичи его не водились. Вопреки ожиданиям, он никуда не улетел и уже на следующее утро запел здесь же во дворе. С тех пор в течение двух недель красношейка ежедневно подолгу распевал у наших окон, пока на участке не появилась самка; еще через неделю мы нашли их гнездо с кладкой. Этот пример наглядно показывает биологическую роль пения как средства оповещения окрестных самок о готовности певца вступить в брак.

Не менее интересны у певчих птиц территориальные взаимоотношения. Наши наблюдения над мечеными особями показывают, что и в субвысокогорье, как и на равнине, взрослые птицы возвращаются на места своего прошлогоднего гнездования гораздо чаще, чем молодняк – на места рождения. Например, у бледных завирушек на следующий год на местах мечения гнездится около 48% взрослых птиц и только 8% молодых, у арчового дубоноса – соответственно 37 и 7, у пеночки-зарнички – 28 и 6%. Среди взрослых птиц самцы чаще, чем самки, возвращаются на места гнездования. Особенно это свойственно трясогузкам, лесному коньку, обыкновенной горихвостке и др.

А куда же девается $^{9}/_{10}$ молодых птиц, не вернувшихся на родину? Ну, во-первых, гибель первогодков, надо полагать, гораздо выше, чем старых птиц, выживать которым помогает опыт: значительная часть молодняка гибнет во время миграций и на зимовках. Во-вторых, молодые легче, чем взрослые особи, разлетаются с зимовок вместе с чужими птицами и попадают на новые места. Кстати, родиной птицы вернее считать не место, где она вывелась, а то, где она впервые гнездилась, – именно сюда стремится она из года в год.

Привязанность к гнездовой территории ежегодно возвращавшихся птиц довольно велика. И в этом отношении старики консервативнее молодых. Как правило, взрослые птицы стремятся занять свои прошлогодние участки и лишь в случае опоздания, когда они уже заняты, довольствуются соседними. Нам известно немало примеров, когда они свивали гнезда всего лишь в нескольких метрах или, в крайнем случае, не дальше 100 м от прошлогоднего. Одна пара бледных завирушек три года подряд гнездилась в кусте арчи, устраивая гнездо в одном и том же месте – то под первую, то под вторую, то под третью кладки. Пара меченых зарничек (*Phylloscopus humei*) также три года подряд гнездилась в одном кусте арчи, даже в одной ямке; вторая пара через год свила гнездо всего в 4 м от прошлогоднего; пара арчовых дубоносов переместилась на 15 м. Молодым же (тем, которые вернулись на родину) приходится поселяться гораздо дальше от мест, в которых они вывелись, – обычно не ближе 0.5 км (51 случай из 60 наблюдавшихся).

Гнездование точно на прошлогоднем месте – явление редкое. Этому мешают, прежде всего, старые полуразвалившиеся гнезда. Птицам гораздо проще построить новое жилище для будущего потомства, чем разбирать или ремонтировать старые, полусгнившие. А хорошо сохранившиеся гнезда в дуплах и норах опасны: в них, как правило, зимует масса беспозвоночных, среди кото-

рых немало паразитов, опасных для птенцов. Учитывая это, мы стали каждый год убирать гнезда, уже покинутые птенцами. И гнездование на этих же точно местах стало обычным явлением. Однако, как выяснилось, далеко не всегда их занимают прежние хозяева. По крайней мере, в половине случаев здесь поселялись новые представители данного вида птиц, а иногда и совершенно другие птицы. Например, место гнездования обыкновенной горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus*) заняла пара маскированных трясогузок (*Motacilla personata*); после зелёных пеночек (*Phylloscopus trochiloides*) гнездились седоголовые горихвостки (*Phoenicurus coeruleocephalus*); после бледных завирушек – черногорлые (*Prunella atrogularis*) и т. д. И теперь, когда я слышу рассказы о том, как одна ласточка много лет жила под крышей какого-нибудь дома, я всего спрашиваю – была ли она помечена или окольцована...

К сожалению, в рамках небольшого очерка невозможно даже перечислить все интересные стороны жизни птиц «в зоне облаков». Но об одной из них нельзя не упомянуть, поскольку это касается наших контактов с животным миром гор. Дело в том, что в суровых климатических условиях высокогорья основную роль в защите яиц и птенцов от переохлаждения играют не шерсть или вата, которыми выстлан лоток гнезда, а поведение насиживающей или обогревающей птенцов самки. Частота и длительность её отлучек хорошо соответствуют температурному режиму воздуха и, чем ниже температура, чем суровее климат, тем точнее должен быть этот баланс. Все подогнано идеально, без допусков, и малейшее нарушение, иногда за считанные минуты (не говоря уже – часы) может привести к гибели яиц или птенцов.

Примеров много. Можно было бы рассказать о том, как самка обыкновенной чечевицы безуспешно насиживала яйца вместо положенных 14-15 дней целых 25 только потому, что каждое утро её сгоняла с гнезда проходящая прямо через куст отара овец, и зародыши в яйцах погибли. Или о том, как погибли от холода и голода птенцы синицы-московки, напуганной людьми так, что она несколько часов не подлетала к гнезду... Все это объединяется под одним названием – фактор беспокойства. Мы часто недооцениваем его, этого злейшего врага всех диких животных, самого страшного после прямого уничтожения и трансформации среды обитания. Это он вытеснил из Большого Алматинского ущелья (и многих других!) тянь-шаньских белокоготных медведей, это он загнал в самые глухие уголки верховий рек горных козлов, это он повинен в ежегодной гибели сотен птичьих гнезд в зоне отдыха трудящихся южной столицы.

Наблюдения над пернатыми обитателями заоблачных высот показывают, как сложна, трудна и полна опасностей их жизнь в этих нелегких условиях, а сложность и многообразие форм поведения в период размножения поистине вызывают восхищение птицами. Но одного восхищения мало. Пернатым необходимо от человека еще уважение их права на жизнь в этом мире, в том числе и там, за облаками...

*****

Размеренная и распланированная жизнь на стационаре иногда разнообразилась теми или иными событиями – от появления новых людей или отъезда прежних, до каких-нибудь происшествий и даже природных катаклизмов. Так, летом 1971 г. на озере проходила стажировку орнитолог Наурзумского заповедника Наталья Михайловна Сметана – моя первая официальная аспирантка. И в это же время, после окончания учебного года, к нам приехала на все лето моя 10-летняя дочь Виктория. Важнейшими объектами наблюдений в это лето были джунгарская гаичка (*Parus songarus*) и седоголовая горихвостка (*Phoenicurus coeruleocephalus*). Гнезда последней были разбросаны по вертикали от 2300 до 2700 м. Общее расстояние между двумя крайними гнездами с полной кладкой, в которых было точно известно начало кладки, было не менее 6-7 км. Для выяснения продолжительности инкубации нам предстояло засечь вылупление птенцов в каждом из этих гнезд. И, хотя по нашим расчётам, оно уже должно было произойти, тем не менее, при каждом посещении гнёзд в обоих оказывались еще яйца. Вот и приходилось проверять их *каждый день*: утром спускаться за 3-4 км к нижнему, а потом идти вверх, за озеро, – к верхнему. Для ускорения похода вниз мы обычно пользовались трубой (кратчайший путь!), но после того, как у шедшей впереди меня Наташи вдруг закружилась голова и она попыталась пойти поперек трубы (я едва успел ее подхватить!), я прекратил эти эксперименты и на несколько дней запретил дочери взбираться на трубу.

В один из таких дней мы с ней сходили вниз (без результата!), а оттуда почти без передышки – за озеро. И тут я понял свою промашку: мой ребенок так устал, что еле плетётся по крутой осыпи над озером. Преодолеть с ней ещё пару километров по лесу до темноты мы бы не успели, и поэтому я пошёл на крайнюю меру: предложил ей посидеть на лесной полянке, пока я быстренько сбегаю и вернусь… Дорога туда и обратно заняла больше времени, чем я ожидал, и к назначенной полянке я прибежал уже в сумерках. Вики не было! Успокаивая себя тем, что я ошибся полянкой, я сделал круг, обежал еще пару похожих полянок – безрезультатно. Врагу не пожелаю испытать такой страх! Уже порядочно стемнело, а я всё бегал и звал, гоня от себя мысль о том, что я потерял ребенка, и не представляя себе, что делать дальше…

В одном месте в ответ на мои крики мне почудился тихий детский голос, но шел он почему-то снизу – от галечника. Так и есть: она сидела на камешке на открытом месте! Как выяснилось, когда стали сгущаться сумерки, окружающие деревья и высокие пеньки стали приобретать очертания чудовищ, и ребёнок предпочел спуститься на открытое пространство галечника… Домой, к лагерю, мы шли уже в полной темноте. Я ругал себя последними словами и клялся, что подобное никогда больше не повторится. Даже годы спустя я хорошо помню тот животный страх…

Летне-осеннее гнездование тянь-шаньских клестов

В июле того же года, когда большинство птиц уже заканчивало второй цикл своего гнездования, а некоторые, прекратив пение, начали линьку и стали совсем незаметными, нам посчастливилось столкнуться с началом гнездования

клестов (*Loxia curvirostra tianschanica*)! Как известно каждому со школьной скамьи, клёст – единственная птица, выводящая птенцов зимой, в самые морозы. Так оно и есть в Европе, где шишки ели и сосны теряют свои семена в апреле, а зима и ранняя весна – самое обеспеченное кормом для птенцов время года. Тянь-шаньская ель (*Picea schrenkiana*) имеет другую фенологию: её семена созревают в июле-августе и как раз к зиме уже высыпаются из шишек. Еще А.Н. Формозов предположил, что тянь-шаньские клесты должны гнездиться в сентябре, а А.И. Янушевич высказал мнение, что в некоторые годы гнездование может начинаться и раньше – в августе. Первым подтверждением этих предположений было гнездо, найденное в Б. Алматинском ущелье И.А. Долгушиным в 1963 г., а в июле 1964-1965 гг. здесь найдено ещё 5 гнезд. Однако никаких наблюдений над гнездовой жизнью у этих гнезд не проводилось. Можно представить, как я обрадовался такой возможности!

В 1971 году клесты появились 23 июня и через неделю стали уже многочисленными. Первую песню их мы отметили 28 июня, во второй половине июля всё чаще стали попадаться пары, а 31 июля впервые встречена самка со строительным материалом! Это особая удача, когда находишь гнездо с самого начала его возведения и имеешь шанс пронаблюдать весь гнездовой цикл – от начала до конца. Однако радость моя оказалась преждевременной: не успели мы найти несколько долгожданных гнезд, как мне позвонил из города Эдик и велел спускаться, чтобы приступать к редактированию четвертого тома «Птиц Казахстана», который уже «тронулся» в издательстве «Наука» КазССР, т.е. был назначен редактор издательства и ему передана наша рукопись. Понимая, что это важнее, я спустился в город, где познакомился с нашим новым редактором (Надежда Ивановна Семенова – прекрасный специалист-филолог!) и кое-как договорился с ней об отсрочке начала наших с ней работ на пару недель. В итоге в этом и следующем, 1972 году, нам удалось найти 49 гнезд клестов и провести около них необходимый цикл наблюдений, а результаты опубликовать во всесоюзном журнале «Экология» (Ковшарь, 1976).

Гости высокогорного стационара и поездки за его пределы (70-е гг.)

В конце мая 1972 г., проверяя, не вылупились ли птенцы у джунгарской гаички в самом дальнем гнезде за озером, я нашел этот пенёк развороченным, а разломанное дупло – пустым, без гнезда. Такой «почерк» мог принадлежать только человеку. Но кому здесь, в этой глухомани, могло понадобиться гнездо маленькой синички? Идущих на Иссык-Куль туристов оно вряд ли могло заинтересовать, да и тропа их проходила намного ниже этого места. Кто-то из ребят сказал: «А может, это те орнитологи, которые поселились у Дуплякина, за озером?». Я впервые об этом слышал. Тут же направился к домику, где жил наш старый знакомый-гидролог А.Г. Дуплякин. Действительно, в его деревянной кухонке обитали эти гости, прибывшие только вчера или позавчера. Ими оказались одна пожилая пара и высокий, с военной выправкой мужчина средних лет. Познакомились. Оказалось, что военный, бывший полковник медицинской

службы, – Семен Давыдович Кустанович из Москвы, а супружеская пара – Виталий Михайлович и Вера Ивановна Зубаровские из Киева. Обе фамилии были мне хорошо знакомы. О коллекционере птичьих яиц В.М. Зубаровском нам рассказывал ещё Сака Лисецкий в Харькове, добавляя при этом, что у него самая крупная, после Е.П. Спангенберга, коллекция яиц. А Кустановича я видел как-то в кабинете В.Е. Флинта в Зоомузее МГУ и хорошо запомнил, с каким интересом расспрашивал его Владимир Евгеньевич о дрофе в Северном Казахстане.

Не удержавшись, я рассказал им о пеньке с гнездом гаички и высказал удивление – как это они могли объехать нас, ведь стационар стоит почти у дороги! Замешательство их свидетельствовало о том, что они знали о нашем пребывании здесь, поэтому и старались стать как можно дальше, полагая, что так далеко на работу мы не ходим. Пришлось нам в дальнейшем свести к минимуму наблюдения за озером, оставив это место гостям, с которыми мы быстро подружились – особенно с киевлянами, которым я тут же предложил кладку гималайского вьюрка, благо в этом году у нас был на них «урожай».

Виталий Михайлович оказался милейшим человеком – очень интеллигентным и общительным. Будучи доктором химических наук, он проработал в Институте органической химии Академии наук Украины с 1943 по 1983 г. и внедрил результаты своих химических исследований в кино- и фотопромышленность и лазерную технику. Имея 75 научных публикаций по химии красителей, Виталий Михайлович в то же время был автором многих орнитологических работ, в частности, он первый описал пухового птенца бекаса-отшельника (*Capella solitaria*) по наблюдениям на Алтае. Большую часть жизни *В.М.* занимался собиранием коллекции птичьих яиц, чему он посвящал практически каждое отпускное лето, когда вдвоем с супругой, Верой Ивановной Михайловской – минералогом и прекрасным художником-пейзажистом – проводили летнее время в наиболее интересных уголках Советского Союза: от Карелии и Дальнего Востока до Алтая и Средней Азии. В частности, два летних сезона (1972 и 1973 гг.) Зубаровские провели на Большом Алматинском озере в Заилийском Алатау. Собранную таким путем уникальную оологическую коллекцию, содержащую 1380 кладок 378 видов птиц *В.М.* в 1978 г. передал Зоомузею Академии наук Украины, где она хранится и поныне.

Когда они с Верой Ивановной в июле уезжали в Киев, то по моему настоянию, были у меня в гостях, а на следующий год приехали к нам уже как старые добрые знакомые. С тех пор мы почти регулярно переписывались, обменивались оттисками работ (в 1977 г. он подарил мне свой выпуск «Фауны Украины», посвященный хищным птицам), а однажды я вместе с братом-литератором Анатолием Григоренко был у них в гостях в Киеве, где Вера Ивановна угощала нас какими-то особыми, просто немыслимыми салатами. Эти замечательные старики так очаровали Анатолия, что он загорелся написать о них очерк, как о подвижниках. Кажется, он их потом посещал…

С доктором медицинских наук, полковником Семеном Давыдовичем Кустановичем мы также после этой встречи многие годы переписывались, бывал я у него в гостях в Москве, а в конце лета 1982 года, когда он стал функционером

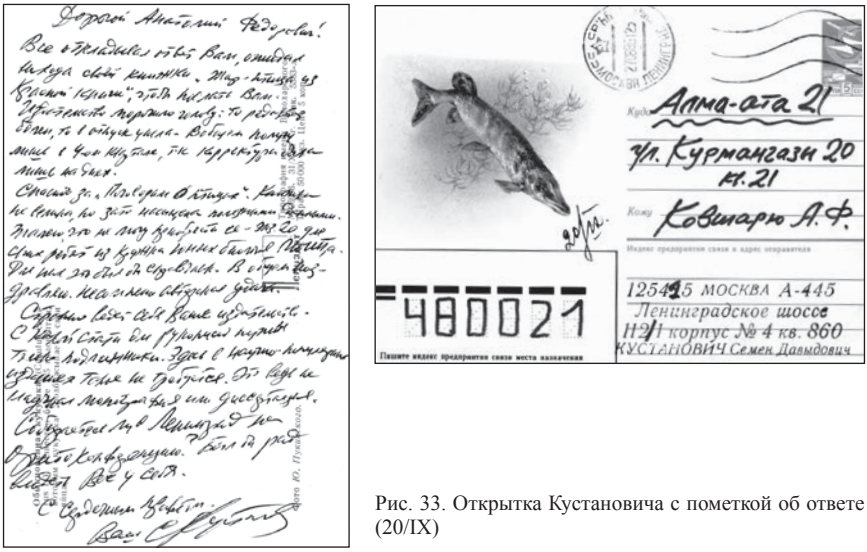


Рис. 33. Открытка Кустановича с пометкой об ответе (20/IX)

МОИП, то по поручению этого почтенного общества приезжал в Алма-Ату для учреждения здесь Казахстанского филиала МОИП. В Алма-Ате он остановился у Максима Дмитриевича Зверева, они пригласили меня на Грушовую, 50, где мы вместе обсудили все детали, связанные с созданием и функционированием отделения. Этот филиал, председателем которого избрали меня, был создан 12 ноября 1982 г. и просуществовал десять лет, до развала СССР. После обретения Казахстаном суверенитета этот филиал был фактически преобразован в Казахстанско-Среднеазиатское зоологическое общество, которое в 1994 г. стало членом Международного Союза Охраны Природы (IUCN) по линии общественных неправительственных организаций (NGO).

Кроме коллекционеров на нашем стационаре не раз бывали фотографы-натуралисты. Из них особого упоминания заслуживает бывший карагандинец Измаил Алексеевич Мухин, которого как профессионала высоко ценил еще И.А. Долгушин, добавлявший при этом: «Кроме всего прочего, он ещё и бессеребренник – никогда не ноет по поводу дороговизны плёнок и фотобумаги». По совету Игоря Александровича Мухин еще в 1966 г. написал мне в Аксу-Джабаглы о своем желании приехать пофотографировать птиц, а приехал весной 1967 года, когда я уже жил в Алма-Ате. Тем не менее, по моей просьбе, наши ребята в заповеднике помогли ему, чем смогли. А переписка наша с тех пор так и продолжалась лет 20. Так же точно в письмах договорились мы и о его приезде на наш стационар на Большом Алматинском озере. В 1972 или 1973 г. он приехал, но погода была столь неподходящей для съемок (туманы, дожди), что после сидения неделю в доме ему пришлось уехать фактически ни с чем. После его отъезда осталось немало привезенных им продуктов, что было нам очень кстати, так как не надо было часто спускаться в город.

Однажды, когда припасы подходили уже к концу, Толя Левин обнаружил среди них очень красивую стеклянную банку с этикеткой: «Мёд башкирский», на которой были изображены несколько медалей, полученных этим продуктом на международных конкурсах. Предвкушая райское наслаждение, мы сели пить чай. Но после первой же ложки оба, как по команде, выскочили за дверь и выплюнули содержимое! И тут я вспомнил, как, раскладывая в кладовке привезенные продукты, Измаил Алексеевич сказал «А в этой баночке – ценнейшее лекарство от простуды. Сюда моя тёща слила остатки всяких жиров, в том числе барсучьего и сурчиного»…

Не успели мы прийти в себя, как открылась дверь и зашёл наш сосед-метеоролог Николай Тихонович. Еще Марк Твен подметил, что обманутому человеку становится легче, когда он видит, что обманут не только он. Поэтому мы в один голос предложили Тихонычу чайку с мёдом. Посмотрев этикетку, он глубокомысленно сказал, что слышал об этом продукте много хорошего, но кто-то говорил, что он «на любителя». Открыв дверь, он громко позвал своего взрослого сына: «Серёга, бери большую ложку и приходи есть башкирский мёд!». Немая сцена после первой же большой ложки наглядно показала нам, как выглядели мы сами всего несколько минут назад…

*****

1974-й год начался проведением в феврале в Москве очередной VI-й Всесоюзной орнитологической конференции, а завершился для нас выходом в свет последнего, 5-го тома «Птиц Казахстана». Последнее событие лично для меня было особенно значимым, так как освобождало от двойной нагрузки, а для всего нашего авторского коллектива – праздником исполненного долга. По заведенной еще И.А. Долгушиным традиции каждый вышедший том мы рассылали примерно в 50-60 орнитологических адресов по всему Советскому Союзу. Естественно, что в ответ приходили письма и открытки, в которых адресаты высказывались по поводу полученных книг. Обилие положительных, а порой и восторженных отзывов натолкнуло руководство института на мысль выдвинуть это издание на соискание Государственной премии Казахстана, что и было незамедлительно сделано, хотя оформление документов, с учетом получения рецензий, потребовало обширной переписки и заняло у нас немало времени, но в 1975 г. они были сданы.

Работа на Большом Алматинском озере протекала по заведенному «графику»: с апреля по сентябрь обновленный коллектив (Левин ушел в армию), с участием нашего герпетолога Рудольфа Александровича Кубыкина, школьника Олега Белялова и карагандинских студенток постепенно пополнял сведения о биологии размножения птиц.

Появление в отряде Кубыкина было вызвано, с одной стороны, уходом Левина, а с другой стороны, сдачей Рудиком экзаменов кандидатского минимума, в связи с чем он задержался в городе и не мог ехать далеко. Конечно, место для герпетолога было совсем неудачное: один вид змей (узорчатый полоз и тот намного ниже стационара), один вид ящериц (алайский гологлаз и тот в основном

выше стационара, на скалах) и один вид земноводных (зелёная жаба в лужах на территории нашего поселка). Вот этим-то единственным видом жаб и занимался Рудик в свободное от орнитологических занятий время (основной задачей его всё же было участие в наших работах в качестве лаборанта).

Надо сказать, что к орнитологическим обязанностям Рудик отнёсся очень добросовестно и даже с интересом: вёл наблюдения у гнезд, аккуратно всё записывал. Вот только мир звуков пернатых был для него, привыкшего работать с немыми тварями, совершенно новым, незнакомым. Поэтому все его записи голосовых реакций птиц или птенцов ограничивались двумя словами: «пиликает» и «тиликает». Трудно было удержаться от дружеского подтрунивания над ним по этому поводу, но Рудик относился к этим насмешкам с философским спокойствием и не обижался, либо не подавал виду.

Как-то сразу, как старший, он взял шефство над карагандинскими студентками, которые в один голос заявили: «Только не на кухню!». Пришлось объяснять им, что на кухню всё-таки придется, по крайней мере, пока они не научатся чему-нибудь другому, прежде всего – качественной работе у гнезд. Но после первого же их кухонного опыта Рудольф, отхлебнув их варева, воскликнул: «Девчонки, и вы еще надеетесь выйти замуж?!!». Этого хватило, чтобы уже через несколько дней обе под чутким руководством Рудольфа Александровича научились готовить более или менее сносно. В дальнейшем их взаимоотношения стали почти как у подружек. В лице Светы и Ларисы Рудольф нашел благодарных слушателей и любил рассказывать им всякие небылицы и приключения из своей жизни. Видя, что слушают они очень внимательно и почтительно, он нередко не мог устоять, чтобы не изобразить себя этаким ловеласом, знатоком женской души (хотя я прекрасно знал, насколько скромным и застенчивыми он был). Видимо, хотел произвести на них впечатление. И судя по реакции девчонок, их заинтересованным расспросам, ему это вроде бы удалось. Но как-то однажды я случайно услышал, как Светлана говорила Ларисе: «Этот большой *теоретик по женскому вопросу*» и обе весело рассмеялись. На мой вопрос: «Кто теоретик?!» более бойкая Лариса смущенно ответила – «Рудольф Александрович». Пришлось попросить их, чтобы не дай Бог этих слов не услышал как-нибудь он сам – очень уж обидные они для любого мужчины…

Часами, в том числе и под дождем, простаивал Рудольф около луж и наблюдал за жабами, их пением, что-то подсчитывал, записывал. А по вечерам надевал белые брюки, брал на поводок приручённую им маленькую бездомную собачонку, которая слушалась его беспрекословно, и шёл на танцы к лавинникам. Они так и звали его – дама с собачкой. В волейбольных баталиях он также принимал самое деятельное участие. Вообще он как-то вполне органично вошел в наш коллектив и хорошо его дополнял. Сейчас, когда я об этом вспоминаю, мне становится жаль, что нам редко приходилось работать вместе в поле – кто же знал, что он так непростительно рано уйдет…

В сентябре 1974 г., после окончания работ на стационаре, мне пришлось предпринять инспекторскую поездку в Наурзумский заповедник по линии

Центрального Совета Казахского общества охраны природы. Этот заповедник уже 10 лет находился в ведении Министерства лесного хозяйства, которое перепоручило его Кустанайскому областному лесоуправлению. Начальник этого управления Владислав Иванович Мац произвел на меня впечатление делового, энергичного человека. Невысокого роста, очень подвижный, он трезво смотрел на положение с заповедником, его нужды и задачи. Сев за руль старенького ГАЗ-69, он сам отвёз меня в заповедник и три дня возил по его территории, показав посадки, проводимые многочисленной армией временных рабочих во главе с тогдашним директором заповедника Дмитрием Угрениновым.

Наурзумский заповедник, единственный из всех заповедников Казахстана, оказался в ведении лесников. Главную задачу они видели в восстановлении Наурзумского бора, который после многочисленных пожаров сохранился на мизерной части своей былой площади. Поэтому заповедник был обеспечен техникой для тушения пожара так основательно, что мне, привыкшему к единственной машине в Аксу-Джабаглы, странно было видеть целый автопарк на хозяйственном дворе заповедника в Докучаевке. Причем все в один голос говорили, что и этого недостаточно!

Вторая задача – восстановление бора, причем сосной засаживались обширные площади открытых песков, на многих из которых вряд ли когда-то рос лес. Об этом мне в деталях рассказал Николай Григорьевич Сметана, почвовед заповедника, муж аспирантки Натальи Михайловны Сметана. Сопровождая меня в самые отдаленные уголки, включая лес Сыпсын-агаш и бор Терсек, он во многих местах показывал, как прекрасно идёт естественное восстановление сосны под пологом леса, тогда как на открытых участках песков выживаемость посадок была минимальной, а на больших площадях саженцы вообще не приживались – большая часть бюджета заповедника просто закапывалась в песок... Это расточительство имело и обратную сторону: на остальную научную работу денег практически не оставалось. И, что меня особенно поразило, так это отсутствие постоянного транспорта у научных сотрудников заповедника, которые каждый раз должны были выклянчивать машину для поездки – и это при таком обилии техники!..

Тем не менее, орнитологи работали – и Наташа Сметана, изучавшая врановых (лишь на время её беременности по соснам вместо нее лазал муж Коля – онто и показал мне все эти места), и Надежда Сергеевна Гордиенко, выполнившая интересное исследование биологии поганок Наурзума. Обе они впоследствии защитили диссертации и сейчас живут и работают в России и на Украине. Только Николай Григорьевич Сметана, работавший всегда, не покладая рук (за двоих, а то и за троих), защитив кандидатскую и докторскую диссертации, надорвал свой организм и в 2010 году его не стало…

*****

Последний сезон первого пятилетия стационарных работ в субвысокогорье (1975 г. – мы тогда планировали научную работу и отчитывались по пя-

тилеткам, как и вся страна) для меня был разорван двухнедельной поездкой на Дальний Восток, о чем я уже упоминал в очерке о своем друге Ю.В. Шибаеве, на защиту которого я как раз и ездил. До этой поездки мы провели серию учётных работ «на просыпание птиц». Дело в том, что я всё время помнил, как рано начинают петь птицы в Европе (в том числе, по собственному опыту, – в горах Крыма и Кавказа) и ничего подобного не замечал здесь, в Тянь-Шане. Договорились, что, начиная с апреля, раз в неделю (чтобы учесть продолжительность дня и ее изменения), несколько человек в разных местах будут дежурить с 3 часов ночи до 9 час утра и записывать время первой песни каждого вида птиц. Занятие оказалось очень увлекательным. Во-первых, дорога в кромешной тьме к месту «учета», во-вторых само сидение в лесу или на каменной осыпи всю вторую половину ночи с попытками уловить каждый звук. Удивительно, но до 4 часов никаких звуков не было слышно, и только в пятом часу раздавалась, наконец, первая песня – лесного конька (*Anthus trivialis*), горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*) или черноголового чекана (*Saxicola torquata*). Зато утром, за завтраком, царило веселое оживление, когда учётчики сравнивали свои записи!

В одну из ночей середины мая несколько учётчиков в разных местах услышали очень характерный, но совершенно незнакомый тихий двойной свист, который был более всего похож на голос совы-сплюшки (*Otus scops*) и в то же время, несомненно, отличался. На мой взгляд, скорее он напоминал тихий скрип калитки, качающейся на ветру, причем при раскачивании в одну сторону звук повышался, а в другую – наоборот, понижался. Он мог принадлежать только одной птице – земляному, или золотистому дрозду (*Zoothera dauma*). Эта лесная птица населяет в основном тайгу Восточной Сибири, но однажды, в июне 1971 г., Э.И. Гаврилов при нас встретил нераспавшийся выводок за озером. За 5 лет, прошедших с тех пор, мы ни разу здесь эту птицу не видели и не слышали. И вот – удача! Несколько дней мы ежедневно в утренних сумерках слышали этот голос, а неделю спустя я наслушался его в лесах верховьев реки Уссури и убедился, что у нас пели именно они. По всей вероятности, в середине мая 1975 г. в ущелье шёл пролет этого вида.

Вторая новинка сезона – гнездо дербника (*Falco columbarius*), которое удалось найти в ельнике чуть ниже Красивой поляны всего за несколько дней до моего отъезда. После возвращения с Дальнего Востока я впервые испытал нечто вроде реакклиматизации – по всей вероятности, разыгрался холецистит, который донимал меня с февраля: до апреля я сидел на творожной диете, а в горах – исключительно на овсяных хлопьях «Геркулес», которыми была забита вся наша кладовка на стационаре и который до сих пор недобрым словом поминают некоторые члены полевого отряда. Закончилось это тем, что пришлось в сентябре ехать лечиться в Ессентуки, прекрасная вода которых поставила меня на ноги. В этот раз я лечился добросовестно, но один раз все же выбрался в Приэльбрусье, на Чегет.

Первое гнездо вальдшнепа и Бернгард Гржимек

В 1976 году мы решили разделиться на две группы: одна во главе со мной оставалась на стационаре «Большое Алматинское озеро», а вторая (пока всего два человека) во главе с Ральфом Пфеффером поселилась в том же ущелье, но примерно на 1000 м ниже – на так называемой «Промежутке» – промежуточной станции Института физики высоких энергий, расположенной на правом крутом берегу Большой Алматинки чуть выше 2-й ГЭС. Разрешение на проживание дал сам директор института Иван Яковлевич Часников, который выдал мне также нечто вроде пропуска для проезда на их машинах. И одно время это очень сильно выручало: поскольку машины, выходя из посёлка Института ядерной физики, расположенного далеко за городом, обычно заезжали на несколько минут к зданию Президиума Академии наук, то я имел возможность уезжать прямо отсюда.

Цель нашего разделения – поиски различий в биологии одних и тех же видов на разной абсолютной высоте. Больше всего в этом плане меня интересовали массовые виды вроде зарнички или черногорлой завирушки, по которым можно было ожидать достаточно большой материал. Но первая же новость, которую сообщили нам наверх ребята снизу, была фаунистическая сенсация – нашли гнездо вальдшнепа (*Scolopax rusticola*). История с гнездованием этой птицы в Тянь-Шане восходила к исследованиям В.Н. Шнитникова и заключалась в *предположениях* о гнездовании вальдшнепа, основанных на наблюдении в этих местах токования вальдшнепа – так называемой *тяги*, которую в разные годы и в разных местах видели и В.Н. Шнитников, и М.Д. Зверев, и И.А. Долгушин. Однако сам Долгушин подчеркивал, что токование не может быть доказательством гнездования.

Передав ребятам, чтобы гнездо ни в коем случае не трогали, я спустился на Промежутку, чтобы своими глазами посмотреть и гнездо, и обстановку, в которой оно устроено. В этот день у физиков царило большое оживление: ожидали приезда Бернгарда Гржимека, которого пригласила сюда его переводчица, жена академика Н.А. Добротина – фактически научного руководителя этого института. Гржимек приехал с внуком Христианом – высоким белокурым юношей. Оба уже были сильно уставшими от горячего многодневного казахского гостеприимства и явно мечтали отдохнуть в горах. Но не тут то было: той – застолье с речами и тостами – затянулся заполночь! Я едва улучил несколько минут, чтобы подарить Гржимеку два последних тома «Птицы Казахстана» и сказать пару слов о том, чем мы здесь занимаемся – в том числе и о найденном гнезде вальдшнепа.

Рано утром мы втроем (с Ральфом Пфеффером и Олегом Беляловым) по крутому склону поднялись на небольшую, относительно пологую террасу, поросшую осиной и редкими елями. На полянке, среди высокой травы, сидела на кладке ржавчато-рыжая птица. Никаких сомнений быть не могло – вальдшнеп. Он подпустил так близко, что я пожалел о том, что нечем его поймать. Даже попробовал накинуть на него свитер, который был у меня в руках… Драгоценную кладку, которая оказалась сильно насиженной, тут же на мотоцикле Ральф отвез в КазГУ Валентину Родионову, который сумел сохранить и яйца, и одного пухо-

вого птенца: аккуратно разрезав яйцо, он вынул птенца, сделал из него тушку, а обе скорлупки склеил… Так было получено первое доказательство гнездования вальдшнепа в Тянь-Шане. Вскоре последовали находки гнезд и птенцов в других местах.

Сель 1977 года в Б.Алматинском ущелье

В 1977 г. наряду с продолжением работы у гнезд, я начал там же, на стационаре, систематизировать и анализировать данные, полученные за 6 лет. При этом вскрывались пропуски и недочёты, которые в ряде случаев можно было тут же исправить. Всё чаще моя деятельность напоминала работу диспетчера: распределив работу среди подопечных, я мог в спокойной обстановке заняться обработкой материала, хотя с удовольствием отправлялся на экскурсию по проверке уже известных гнёзд и поиску новых.

Была одна птица, которую мне очень хотелось бы увидеть. Каждый раз, проходя по галечниковому руслу реки Озёрной в месте впадения её в озеро, я мечтал, что вот сейчас из камней взлетит с криком серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*), который когда то здесь жил, но после того, как в 1957 г. убили одну птицу из единственной пары, перестал встречаться. Больше его ни разу не видели, ни наши орнитологи, работавшие в 1964-1967 гг., ни мы в 1971-1976 гг. И когда в июле 1977 г. гостившие у нас орнитологи-киевляне, возвращаясь с перевала Озёрный, встретили на этом галечнике серпоклюва, я им не поверил. Тут же пошли вместе за озеро и стали бродить по галечнику. И когда он с криком взлетел – это было настолько неожиданно!!! Тут же созрело решение: до конца сезона – ни ногой на галечник! Пусть птицы привыкнут, что здесь безопасно. Может тогда со следующего года снова начнут гнездиться?...

Зарок этот помогло выполнить совершенно непредвиденное событие – крупный сель, сошедший по руслу речки Кумбель в полдень 3 августа. У нас на стационаре тогда собрался самый многочисленный за все годы состав: кроме студентов КазГУ и КарГУ также гости из Киева и Ленинграда – всего около 20 человек. К одной из наших студенток приехал из города парень на новенькой «Волге» (по тем временам – самая престижная машина!) и попросил отпустить её с ним в город, с ними попросилась ее подружка, тоже карагандинка. Взвесив, что парень – офицер КГБ и может гарантировать их безопасность, я отпустил обеих, взяв слово, что завтра же обе вернутся. Но они вернулись уже через полчаса на той же машине, бледные, перепуганные: по Кумбельке идет сель, мост разрушен и никакого сообщения с городом нет. Парень, которому срочно надо было быть в городе, попросил меня присмотреть за оставленной в нашем дворе машиной (она оказалась служебной!), а сам отправился пешком в город. Все наши кинулись вслед, схватив бинокли и фотоаппараты, среди них – и моя дочь Вика, которая с 1971 г. работала в отряде.

Видя, что удержать их невозможно, я сказал, что пойдём все вместе, но с условием беспрекословного подчинения – никакой самодеятельности! Дойдем до крутого спуска над 1-й ГЭС и оттуда, с безопасного места, сверху будем на-

блюдать сель. Так и сделали. Однако наблюдать в бинокль грязе-каменный поток с расстояния 600-700 м вскоре стало скучно, тем более, что можно было, не рискуя ничем, вполне безопасно спуститься и на сотню-другую метров ниже.

Спустились на 300 м, потом еще на 200 и, в конечном счёте, увидев, что на мостике через Пьяный ручей стоят люди и у женщины на руках – грудной ребенок, я разрешил присоединиться к ним. Так и стояли мы на этом мостике, всего в 50-70 м от этой сползающей под нами грязе-каменной массы. В воздухе стояла такая сырость, как в старом затхлом погребе. Интересно было наблюдать сам процесс появления наверху каждой новой порции селевой массы с крупными валунами, которые сначала медленно перекатывались ближе к краю крутого спуска ложа реки, а потом обрушивались вниз и ударялись в мощную, вросшую в склон скалу. При этом вверх метров на 30-50 летели комья грязи и камни. А когда вместе с грязью о скалу ударялся крупный валун, шёл дым и пахло горелым камнем. После скалы вся масса откатывалась назад и как бы оседала: вода из нее уходила, а погустевшая грязь растрескивалась узорами. Потом эта загустевшая масса медленно, как будто лениво, всползала на нижнюю часть бетонной противоселевой стены, выстроенной для ограждения поселка ГЭС-1, и по этой стенке скатывалась вниз – дальше в прямой пологий участок русла. От каждого такого восползания бетонная стена дрожала, как лист, а с ней – и наш мостик. Но мы уже привыкли, и как завороженные смотрели на проползающую мимо, всего в 20-30 м массу, казавшуюся такой безобидной – особенно когда из неё уходила вода и появлялись многочисленные трещины. Казалось, что по ней можно даже ходить, и мысль такая возникала не только у меня...

Осмелев, мы решили не возвращаться вдоль трубы, как пришли, а подняться вдоль селевого потока прямо по крутому поросшему лесом склону к домику гидролога Михаила Каримова, мимо которого проходила автомобильная дорога. Вскарабкались и на дороге около дома увидели около десятка автомашин, которые также оказались пленницами, так как вместо моста зиял провал глубиной метров 50, под которым шёл густой «замес» из грязи и камня. Отсюда видно было, как очередные порции селя появлялись из узкой щели над дорогой, а за ней виделись те самые крутые мелкозёмные склоны, которые как раз и давали пищу для селя, обрушиваясь в несущийся по руслу речки поток.

До самого вечера просидели мы у дороги, а сель, начавшийся в 15 час, в половине девятого всё ещё продолжался, только порции стали появляться немного реже. Обратно мы ехали на одной из машин – ведь все они вернулись назад: на озеро, в ГАИШ, на Космостанцию. За ужином только и разговора было, что о селе. Решили рано утром сходить в истоки Чукура – посмотреть места, из которых начался сель.

Вышли около 4 часов и, перевалив хребет между ущельями Чукур и Кумбель, к 7 часам были уже на месте, где зияла большая промоина в северном берегу моренного озерка, из которого начался сель. Вокруг валялись мешки и их обрывки – видно было, что здесь пытались нарастить и укрепить естественную перемычку, чтобы удержать воду в озере. Недалеко от промоины уже стоял вертолет и около него – несколько человек. Нас встретили неприветливо – зачем,

мол, пожаловали? Видно было, что лишние свидетели здесь сейчас не нужны – гидрометслужбе и селезащите надо было как-то ликвидировать улики, свидетельствующие о причастности человека к возникновению этого селя.

И я вспомнил, что мощные плотины и их наращивание – далеко не единственный путь борьбы с селями. Есть и другой, более эффективный – постепенный спуск воды, накопившейся в опасном количестве. О таком экспериментальном спуске воды рассказывал мне Слава Мочалов, зять И.А. Долгушина, который вместе с гидрологом Степановым участвовал в подготовке и осуществлении его в ущелье реки Иссык. О сути длительного подготовительного этапа этой работы Слава выразился так: «Мы просто перекладывали камушки», т.е., насколько можно, выполаживали русло водотока и по частям спускали избыток воды. Население поселка Иссык было заранее предупреждено о готовящемся искусственном селе, а когда действо подходило к концу, то вместо селя прошло обычных масштабов половодье…

Вернувшись на стационар, я стал думать, как нам жить дальше. Судя по всему, дорогу быстро не восстановят и надо позаботиться об эвакуации вниз людей. Первая мысль – о вертолёте. Справились в ГАИШ'е, куда он иногда прилетал. Пообещали взять не более двух человек, и мы отправили с ними наиболее слабых. Остальным надо было спускаться пешком. Приведя в порядок имущество и закрыв домик, мы с рюкзаками (10 человек) пошли вниз. По трубе быстро спустились на первую ГЭС, ниже которой всё русло было заполнено жидкой грязью с камнями. Часть мужчин попытались было перепрыгивать по крупным камням, но провалившись пару раз в грязь, отказались от этой затеи. Тем более, что живший на ГЭС лесник-балкарец предупредил, что по рации передали – ожидается ещё волна селя. Пришлось подниматься на склон.

Каждый, кто видел Большое Алматинское ущелье, знает – насколько мало приспособлены для ходьбы его склоны на отрезке между первой и второй ГЭС. Однако другого выхода не было. Эта дорога заняла у нас около 6 часов. Только после полудня мы оказались у второй ГЭС, где нашим глазам предстала удручающая картина опустошения, произведенного селем. Густой облепиховый тугай по руслу под Промежуточной станцией был уничтожен, и русло оказалось полностью оголенным до самой конечной остановки нашего любимого городского автобуса. На правом берегу, где размещался пионерлагерь, все бараки были разрушены, и везде валялись полосатые матрацы, одеяла, простыни. На левом берегу часть домов, выше метеостанции, также были разрушены, а около двери сохранившейся половины дома ГМС стоял знакомый метеоролог и рассказывал, как пришлось вылезать в окно, потому что дверь подперло принесенной с берега лодкой…

Везде было много военных машин и солдат, которые встречали спускавшихся с гор людей и отводили к полевой кухне, расположившейся на треугольнике между руслами Алматинки и Алмарасана. Накормили и нас, а главное – удалось вдоволь попить воды.

Уже в городе я стал наводить справки о судьбе моей синей птицы, которую мне пришлось оставить на попечение Виктора Степанова. Ей пришлось прожить у него долго, потому что дорога была налажена ещё не скоро. Кончилось

тем, что он спустил ее вместе с клеткой прямо по крутому склону вдоль трубы на первую ГЭС, куда стали ходить машины. Так она благополучно вернулась в город, где прожила ещё 5 лет.

В конце сентября я участвовал в работе VII-й Всесоюзной орнитологической конференции в г. Черкассы (Украина), куда мы из Киева добирались по Днепру теплоходом. Из событий этой конференции запомнились немногие: юбилей Михаила Анатольевича Воинственского, которого мы с Кривицким поздравляли от имени «харьковских казахов», встреча с однокурсником Павлом Петровичем Ревой – доцентом Черкассого пединститута, днепровские шлюзы и поездка в Каневский заповедник с посещением могила Тараса Григорьевича Шевченко. Эту конференцию омрачило тяжёлое известие о гибели старшего сына Эдика Гаврилова – Сергея, того самого, который был третьим в нашей палатке, когда мы в 1967 году искали красного вьюрка. Эдик срочно вылетел в Алма-Ату, а мы терялись в догадках – что произошло…

Поездка со Славой Беляловым в Нарынкол и Кетмень

В памятных для меня 70-х годах каждый год отличался от соседних своими, только ему присущими событиями. Так, 1978 год начался поездкой в апреле в Нарынкол вместе с кинематографистами Славой Беляловым и Ларисой Мухамедгалиевой в поисках беркутчи – людей древней профессии, занимающихся дрессировкой беркутов и проведением охоты с ними. Слава, которого я знал уже не один год и который три года назад доверил мне как орнитологу своего сына Олега, на сей раз запланировал фильм о людях этой профессии, а поиски их оказались не таким простым делом. Кроме помощи Славе у меня была еще одна причина для поездки: в одном из ущелий гор Кетмень, которые были как раз по пути следования, наши териологи видели клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) и утверждали, что они гнездятся под крышами зимовок для скота. И хотя для Монголии такие случаи были известны давно, но у нас эти птицы гнездились только в скалах высокогорья, где добраться до их гнезд нечего было и думать. Наконец, сама по себе такая поездка в восточные районы Центрального Тянь-Шаня, где я ещё не бывал, для меня была настолько интересной, что я никак не мог дождаться 25 апреля, когда мы покинули пределы города.

Вот маршрут этой пятидневной поездки: Алма-Ата – город Нарынкол – река Текес – р. Чулкудысу – хр. Кетмень, ущелье Жиланды – ущелье Кисык – с. Сарыджаз – с. Кегень – пойма р. Темирлик – Алма-Ата. Несмотря на короткий срок, поездка была настолько насыщена впечатлениями, что и спустя три десятилетия я помню всё до мелочей.

В Нарынколе, где мы остановились у Славиного знакомого – голубоглазого казаха Кушурбая, меня поразило количество кольчатой горлицы (*Streptopelia decaocto*), которой я ещё вообще не видел. Я попросил Славу разрешить мне переночевать на крыше «камервагена» (обычный УАЗ-452, или «таблетка», но с крепким багажником на всю крышу, имеющим деревянный настил и перила по всему периметру – место для нахождения кинооператора), и эта первая ночь под

шатром из тополиных листьев, да ещё под неумолчное пение-хохот кольчатых горлиц была незабываемой. Впечатление было настолько сильное, что остальные четыре ночи я также провел на этой крыше, а Слава с Ларисой ставили себе палатку.

Кушурбай, работавший в районном охотобществе, был хорошим охотником и знал повадки зверей и птиц. Мне запомнились его рассказы об охотничьих вылазках за хребет, уже на территорию Китая (конечно, по негласной договоренности с погранзаставой), где, в отличие от нашей территории маралы встречались не редкими одиночками, а целыми стадами. Правда, прямо перед нашим приездом произошел неприятный инцидент: машина с солдатами, поехавшими на охоту для заставы, перевернулась с какого-то мостика на нейтральной полосе, и теперь идут разбирательства и принимаются всякие строгие меры.

Следующий день мы провели в долине Текеса вблизи погранзаставы, а к вечеру проехали на джайляу, где встретили первого старика-беркутчи; рядом с юртой сидел на перекладине беркут с клобучком на голове. В беседе со стариком выяснилось, что здесь сейчас уже не осталось беркутчи и что искать их надо где-то в районе Чилика, где ещё они сохранились; даже адрес какой-то назвал Славе дед. Поэтому, переночевав, утром мы направились в долину р. Чулкудысу, чтобы найти на южном склоне Кетменя маленькое ущельице Жиланды, в котором якобы живут клушицы.

Чулкудысу – широкая межгорная долина, образованная южными склонами хребта Кетмень и северными склонами небольшого хребтика Каратау; протекающая по её днищу речка того же названия является, в сущности, истоками реки Чарын (средняя её часть известна под названием Кегень). Дорога здесь идёт по высокотравным пойменным лугам с зарослями кустарников вдоль речки, села и возделанные земли встречаются до 2000 м и даже немного выше. К сожалению, саму долину мы пересекли без остановок, так и не узнав, какие птицы живут здесь (а зря! – через 15 лет мы обнаружили здесь, правда, в верхней части долины, хорошую популяцию серпоклюва). Торопились к клушице. Кстати, в самом Жиланды мы её так и не нашли, зато в соседнем ущельице Кисык обнаружили полную кладку из 5 яиц под шиферной крышей нежилой зимовки! Я не зря употребляю уменьшительные слова для ущелий этого хребта. Видимо, за счёт большой абсолютной высоты самой Чулкудинской долины относительная высота хребта Кетмень небольшая и все его южные склоны и прорезающие их ущелья кажутся миниатюрными, хотя вверху, у гребня хребта, местами имеются вполне солидные скалы.

Кстати, на них клушицы тоже гнездились: работавшие здесь в марте и апреле зоологи Л.В. Спивакова и Г. Арендт нашли в скалах 5 строящихся гнезд, располагавшихся в щелях на высоте от двух до 20 м от подножия скалы. По их наблюдениям, траву для выстилки гнезда носили обе птицы, при этом брали её в верхней части склона и доставляли к гнезду характерным для них красивым парящим полетом, хотя рядом у скал росла такая же с виду трава. Когда я наблюдал за клушицами у найденных нами гнезд с кладками, я всё время ловил себя на мысли, что своими движениями они напоминают чёрных чаек… В отличие от

других вороновых птиц, в окраске яиц клушицы нет голубовато-зеленоватых тонов, а крупные серые и бурые пятна разбросаны на кремово-белом общем фоне.

Переночевав в пустой зимовке, под крышей которой жили клушицы, утром мы не без сожаления покинули эти красивые места и отправились в обратный путь – снова по долине Чулкудысу, а затем – через Кегенький перевал к Чарыну. Для последней ночёвки расположились в живописном урочище Темерлик, которое так любил Павел Иустинович Мариковский, в книгах его впоследствии я не раз читал его описания. Но первое впечатление было самое яркое: небольшая речка в невысоком, но живописном каньоне, дно которого заросло высокотравием и деревьями с шарообраными кронами. Душноватый влажный воздух, напоенный ароматами цветущих трав и песнями соловьев, которых здесь пело множество! Все это, вместе с криками сплюшек ночью, воспринималось особенно остро на крыше камервагена, к которой я так успел привыкнуть за эти дни…

*****

Сразу же после нарынкольской поездки начались стационарные работы на Большом Алматинском озере, которое к тому времени мы всё чаще называли БАО. Главной моей целью было – встретить прошлогодних серпоклювов и постараться найти их гнездо! Эта птица так поразила моё воображение, что все остальные временно отступили на второй план. О том, как мне удалось осуществить эту навязчивую идею, я описал в популярном очерке в книге «Тропинки в загадочный мир». Привожу его с сокращениями.

Отшельник высокогорных галечников – серпоклюв

Не без трепета весной 1978 года ступил я на знакомый галечник, где в августе 1977 г. мы впервые за последние 20 лет видели серпоклюва. Было ясное, но сырое и холодное утро 24 мая 1978 года. В окрестном ельнике пели дрозды-дерябы и синицы-московки, заливались крапивники и зелёные пеночки, от домика гидролога доносилась булькающая песня обыкновенной горихвостки. Жизнь била ключом. Я пришел один, чтобы наедине с биноклем не спеша во всем разобраться.

Экскурсия вверх по правому берегу реки ничего не дала. На камнях у воды то и дело встречались с кормом горные и маскированные трясогузки (*Motacilla cinerea, M. personata*), трижды пролетела бурая оляпка (*Cinclus pallasii*), один раз – пара красных уток-атаек (*Tadorna ferruginea*). Серпоклюва не было.

Но вот на обратном пути я услышал знакомый крик! И тотчас характерный силуэт серпоклюва прочертил светлую бирюзу неба, а затем темно-зелёную стену елового леса. И никаких полетов по кругу, никаких тревог и причитаний. Значит, я не опоздал, птенцов у них еще нет!

Стараясь не потерять ориентиры в однообразно-пёстрой массе галечника, осторожно иду к месту, с которого поднялся серпоклюв. Где-то здесь должно

быть гнездо, если оно вообще есть (ох уж это «если», как оно мешает в поисках!). Но как его обнаружить, по каким признакам? Из литературы я знал, что так называемое гнездо серпоклюва – это всего лишь небольшая ямка среди гальки, без какой бы то ни было растительной выстилки, а яйца его, как и у других куликов, пятнистые и заметить их на фоне режущей глаз пестроты мелких камней галечника почти невозможно.

Не менее часа всматривался я в окружающие камни – ничего! Потеряв надежду, собрался уже уходить, как вдруг заметил того, кого так тщетно высматривал. Невесть откуда взявшийся серпоклюв в какой-то нерешительной, напряженной позе стоял среди камней всего в тридцати-сорока метрах от меня. Вся его согбенная, как будто скорбная, фигурка выражала напряженную внутреннюю борьбу: ему явно надо было куда-то пройти, но грозная опасность в виде торчавшего вблизи человека с биноклем заставляла подавлять в себе это желание.

Каждый, кто хоть раз в жизни искал гнездо птицы, поймет мое ликование. Всем своим поведением серпоклюв подтверждал: гнездо есть и оно где-то близко! Теперь – только терпение. От мысли, что скоро я увижу гнездо серпоклюва, сердце забилось чаще.

Но ликование было преждевременным. Постояв минут десять на одном месте, птица сделала короткую пробежку и снова застыла в той же нерешительной позе. Через четверть часа все повторилось, затем ещё и ещё. Спустя час серпоклюв стал разнообразить маневры. После очередной пробежки он вдруг сел и, распушив перья, как это делают наседки, застыл на несколько минут. Неужели гнездо? Но внутренний голос предостерегал: не торопись, если это гнездо – оно никуда не денется, а если нет? И действительно, просидев минут пятнадцать, серпоклюв как ни в чем не бывало, встал и, перебежав метров на пять-семь, снова уселся поудобнее. Это был хитрый маневр, рассчитанный на нетерпеливого врага. Прошло полтора часа. Прилетел второй серпоклюв, и тактика отвода от гнезда опять изменилась. Теперь птицы двигались каждая в своем направлении, иногда навстречу друг другу. Поравнявшись, продолжали свой путь, и следить за обеими удаляющимися (каждая в свою сторону) птицами становилось невозможно. А попробуй угадай – какая из них пойдет к гнезду?

Между тем резко ухудшилась погода. От ясного безоблачного неба не осталось и следа. Тяжелые свинцово-серые тучи затянули гребни окружающих хребтов и постепенно спускались все ниже. Вот уже отдельные разорванные клочки их поползли по галечнику, время от времени скрывая от глаз птиц. Утренняя прохлада сменилась промозглым холодом, пробиравшим до костей. Продолжать наблюдения стало не только бесполезно, но и опасно: птице срочно надо пройти на гнездо, а то яйца остынут. Покидая в спешке галечник, я уносил с собой невольное уважение к этим самоотверженным родителям, восхищение их изобретательностью в защите своего ещё не родившегося потомства.

К вечеру пошел снег, и наутро вся речная долина была покрыта сплошным белым покрывалом. Первым моим желанием было бежать на галечник и посмотреть, как там серпоклювы? Прельщала и легкая возможность найти

гнездо: ведь сидящую на нем птицу должно быть хорошо видно на фоне белого снега. Но боязнь погубить яйца или птенцов одержала верх, и на галечник я пришел только в полдень, когда солнце уже достаточно прогрело воздух, а от снежного покрывала остались отдельные клочья и лоскуты. От земли и камней поднимались густые испарения, они тут же скапливались в какое-то подобие микрооблаков, а те в свою очередь – в настоящие облака, которые «пешком» передвигались по дну долины, скрывая на время то один, то другой участок галечника.

Подходя к вчерашнему месту, я как раз и попал в такое густое «пешее» облако. Видимость внутри него была не более тридцати-сорока метров, и я не без труда нашел свои ориентиры – три валуна у излучины реки и рядом с ними колышек, специально вбитый накануне. Тотчас поставил палатку, забрался в неё и привёл в «боевую» готовность 60-кратную подзорную трубу.

Теперь густой туман, бывший еще несколько минут назад моим верным союзником, стал помехой. Пришлось ждать. Через полчаса, когда туман стал редеть и видимость увеличилась, я начал тщательный осмотр галечника. И вот после получаса бесплодных поисков долгожданная удача: в поле зрения трубы явственно видны спина, шея и голова сидящего серпоклюва! Птица не отличалась от окружавших ее камней, и даже яркая чёрная подковообразная полоса поперек зоба и «маска» вокруг клюва воспринимались как глубокие тени между камнями. Особенно незаметным становился сидящий серпоклюв, когда прятал под крыло свой длинный изогнутый клюв.

Радость тут же сменилась сомнением: а вдруг это опять уловка, как и вчера? Оставалось ждать, используя время для твёрдого запоминания ориентиров: по опыту я знал, как трудно будет найти это место, когда птицы на нём не будет. А ошибка, даже на один метр, может привести к гибели содержимого гнезда под каблуками сапог.

Минуты ожидания казались долгими. Сидящую птицу несколько раз скрывал туман, но она и не думала покидать свой пост. Через час в поле зрения трубы появился другой серпоклюв, направлявшийся в сторону первого. Сидящий встал, потянулся и быстро отбежал. Пришедший сел на его место, распушил перья и сделал несколько качков взад-вперед, как делают обычно наседки, усаживаясь на гнездо. Сомнений быть уже не могло – **это гнездо**! Но даже подойдя на два-три метра к месту, которое я запоминал в течение добрых полутора часов, я долгое время ничего, кроме камней, не видел. Лишь минут через десять как будто кто-то навел фокус в моем глазу: прямо передо мной чётко обозначилась маленькая круглая ямка с четырьмя пятнистыми яйцами, лежавшими острыми концами к центру. Она была вымощена мелкими, не больше лесного ореха, камешками, по всей вероятности, принесенными самой птицей, так как рядом с гнездом в таком количестве мелких камешков не было. Хозяйки гнезда и след простыл. Она убежала, как только я вышел из палатки. В течение нескольких минут, которые ушли на измерение и описание гнезда и яиц, серпоклювы не подавали никаких признаков жизни – видимо, молча наблюдали за мной со стороны.

Эта «вежливость» хозяев навела на мысль провести у гнезда суточное дежурство. Попросив направлявшегося в лагерь практиканта[13] принести мне к вечеру сухой паек и спальный мешок, я поспешно забрался в палатку, плотно застегнул её и принялся за наблюдения. Едва стихли шаги уходящего человека, серпоклюв показался в поле зрения трубы всего в пяти-семи метрах от гнезда. Не обращая внимания на палатку, он смело прошёл к яйцам и деловито, по-хозяйски уселся на них. Несколько минут он сидел ещё настороженно, высоко подняв голову и держа клюв чуть наклонно вниз. Но вскоре, как бы устав, уронил голову на грудь, а затем положил ее на спину, спрятав под крыло.

С этого мгновения птица буквально «растворилась» среди камней, большинство из которых были такого же светло-серого цвета, как ее спина, и такого же размера, как ее туловище. Особенно трудно было увидеть ее после очередного отдыха от трубы, смотреть в которую, не отрываясь, не было никаких сил: глаза начинали слезиться и контуры предметов постепенно расплывались. Несколько секунд передышки восстанавливали зрение, но вселяли сомнение – птица ли этот серый округлый предмет? Сомнение исчезало, но вскоре снова набегала слеза – и все повторялось сначала.

Потянулись томительно долгие часы ожидания. Странная вещь человеческая психика: наблюдение за поведением птицы на гнезде, само по себе очень увлекательное, становится невыносимым, если птица ничего не делает. Полное отсутствие какого бы то ни было действия со стороны наблюдаемого объекта способно вывести из себя даже самого спокойного и терпеливого человека. В этот раз серпоклюв просидел на гнезде совершенно неподвижно 40 минут. Затем он развернулся головой в другую сторону и снова замер на такое же время. Только через полтора часа его сменила вторая птица, которая вела себя так же, как и первая. Заступившая на вахту в 18 часов 20 минут самка осталась в гнезде на ночь.

Около 19 час солнце ушло за ощетинившийся остроконечными тяньшанскими елями западный склон. На галечник легла тень, и царившая здесь сырость стала ощущаться острее. Вскоре с верховий ущелья потянул ветерок, и стало по-настоящему холодно. Кое-как дождавшись густых сумерек, когда и птица и камни в объективе слились в однообразную серую массу, я с облегчением забрался в спальный мешок.

Утром самец сменил самку на гнезде только в 7 часов 24 минуты. В дальнейшем «смена караула» происходила раз в один-два часа. Всего за сутки птицы сменились на гнезде семь раз, при этом яйца оставались без обогрева не более одной-двух минут. Самка провела на гнезде примерно вдвое больше времени, чем самец. Обе птицы сидели в гнезде неподвижно, лишь изредка принимались чистить перья или, не вставая, подбрасывать под себя мелкие камешки, до которых могли дотянуться клювом. За сутки наблюдений я ни разу не слышал голоса серпоклювов, так как их ничто не беспокоило. Все эти «мелочи семейной жизни» серпоклюва были новыми для науки, так как никто ещё не дежурил сутками у его гнезда.

---

[13] Это был Алтын Джаныспаев, ныне – орнитолог Алматинского заповедника.

В последующие дни, стараясь как можно меньше досаждать птицам, я наведывался к ним через день и всего на несколько секунд, чтобы мимоходом заглянуть в гнездо – не вылупились ли птенцы. И вот утром 5 июня в гнезде вместе с тремя яйцами лежал только что вылупившийся, ещё не совсем обсохший птенчик. Он был густо покрыт пухом, светло-серым на спине и белым на брюшке, имел чёрненький, почти прямой клювик длиной 18 мм и огромные светло-серые лапы, в которых один только средний палец был длиннее клюва в полтора раза.

Спустя полтора часа я уже снова сидел в палатке на прежнем месте, готовый к суточному дежурству. И в этот раз птицы регулярно сменяли друг друга на гнезде до 11 часов 15 минут следующего дня, когда самка увела весь свой выводок за 100-150 метров от гнезда. Ещё за час-два до этого птенцы по одному или по два уходили из гнезда на расстояние до 10 м, но вскоре возвращались под наседку. Когда эти прогулки участились, самка и увела трёх пуховичков, оставив в гнезде яйцо-болтун – как будто догадалась, что из него ничего не выведется. В первые 20 минут семейство ушло за 40 метров, и самка сразу же села греть птенцов. Здесь к ней присоединился самец. При встрече оба родителя молча приветствовали друг друга поклонами, чего в другое время не наблюдалось.

В дальнейшем около птенцов находилась одна из птиц, а вторая отдыхала, кормилась или чистилась на другом конце галечника; затем они менялись. Кормятся птенцы с первого же дня сами, но обогревают их родители ещё очень долго – даже в 23-дневном возрасте. В это время птенец ещё покрыт пухом, только на крыле и хвосте появляются кисточки крупных перьев. В возрасте 40 дней он ещё не летает, но уже оперён и издали от взрослой птицы отличается лишь тем, что у основания клюва на боках головы у него нет чёрного цвета и сам клюв без красного. Летать начинает примерно на 45-й день.

С вылуплением птенцов поведение серпоклювов, обычно молчаливых, резко изменилось. Когда в гнезде появился первый птенец, взрослая птица встретила меня криком уже за 300 м от гнезда, а во время его осмотра атаковала, как это делают некоторые чайки и крачки. При этом серпоклюв, заходя с 200-300 метров, летит молча прямо на человека не выше полутора метров над землей. Не долетев 10-15 м, он резко сворачивает в сторону, взмывает вверх и, непрерывно крича «кикикики...кикикики», облетает его по кругу радиусом 30-40 метров. Сделав четыре-пять кругов, птица приземляется в 50-70 м, пробегает еще 10-15 м и молча садится. Через несколько минут атака возобновляется – и так несколько раз, только число кругов с каждым разом уменьшается. Если же человек не уходит более получаса, серпоклюв делает продолжительный перерыв, во время которого его не видно и не слышно, а если и это не помогает, он начинает кричать и на земле.

Такой прием защиты потомства серпоклювы применяют вплоть до подъёма молодых на крыло. Делает это всегда одна птица, второй в это время не видно. Только однажды на первый крик взятого в руки птенца взрослый серпоклюв реагировал необычно: сел в десяти метрах, поднял вверх крылья и, притворившись раненым, начал биться. При повторных криках птенца ничего подобного уже не было.

В первые 40 дней жизни птенцы, услышав предостерегающий крик родителей, ложатся среди галечника, вытянув вперед клюв и широко открыв глаза. В таком положении птенец может пролежать полчаса и даже час, не шелохнувшись. Благодаря покровительственной окраске, он настолько сливается с окружающей обстановкой, что увидеть его почти невозможно, а вот наступить на него при поисках очень даже легко (что и произошло у киргизских орнитологов). Чтобы избежать этого, мы применили специальный приём, без которого повторные осмотры птенцов были бы невозможны.

Обнаружив со склона, на расстоянии 300-400 м, выводок серпоклювов на галечнике, один из наблюдателей следит за ним в подзорную трубу, и, выбрав момент, когда птенцы находятся в наиболее открытом месте, подает сигнал второму, чтобы тот двигался к ним. За двести метров родители издают предупреждающий крик, и птенцы, разбежавшись в разные стороны, затаиваются. По сигналу первого наблюдателя второй останавливается в семи-восьми метрах от птенца и ждет, пока подойдет первый и укажет точное место. Даже хорошо запомнив ближайшее окружение, не сразу удается рассмотреть птенца[14]. Затаившийся, он никак не реагирует на приближение человека. Один птенец в возрасте сорока дней даже не моргнул, когда мы при фотографировании убирали камешки, закрывавшие клюв и часть головы. Взятые в руки, птенцы ведут себя довольно спокойно, почти не пытаясь вырваться, но при выпуске моментально выскакивают из рук и с криком бегут, высоко подняв голову. Один 40-дневный птенец при преследовании после выпуска ни разу не пытался взлететь и даже не расправил крыльев, а бросился в бурную речку и, переплыв ее, залег между камнями. Привычка затаиваться сохраняется в какой-то мере и у поднявшихся на крыло молодых, даже в возрасте пятидесяти дней.

Из трех вылупившихся в 1978 году птенцов выжил только один. Он начал летать в возрасте 45 дней и до начала октября встречался с родителями на том же галечнике. Зиму всё семейство провело здесь же, на высоте 2500 м, что было для нас неожиданно: до сих пор считалось, что эти птицы на зиму спускаются вниз по долинам горных рек.

Летом следующего года пара серпоклювов снова вывела здесь птенцов (двух из них мы окольцевали, как и прошлогоднего), а еще через год, в 1980 г. Вячеслав Белялов снял у очередного гнезда прекрасную короткометражную ленту «Дом для серпоклюва». На этот раз серпоклювы гнездились не далее 40-50 м от позапрошлогоднего гнезда. И в этом году толстый слой снега на несколько часов припорошил насиживающую птицу. Эти кадры в фильме – одни из самых красивых и впечатляющих.

Каждый год на знакомом нам галечнике гнездится одна-единственная пара, которая откладывает четыре яйца, а выращивает в конечном счете одного-двух птенцов. Куда же деваются молодые? Неизвестно. По-видимому, отправляются бродить в поисках пары и новых галечников: для возмужавшей молодежи родительский дом всегда становится тесным. Найдут ли – и пару, и подходящее

[14] Справедливости ради, надо сказать, что даже с применением всех описанных предосторожностей однажды я наступил на пуховичка, сделав неосторожно всего полшага назад!

место? Чем меньше становится серпоклювов, тем труднее им подыскать себе пару. Не лучше положение и с местами, удобными для их гнездования. Это должен быть не просто галечник, а достаточно обширный по площади, обязательно с многочисленными ручьями и речными рукавами, образующими множество галечниковых островков. Только на островке, окруженном со всех сторон бурным потоком, гнездо серпоклюва находится в относительной безопасности от лис, горностаев, куниц, от копыт скота. Надежное укрытие для серпоклюва представляют лишь те островки галечника, на которых камни средних размеров, примерно равные самой птице. Как на мелкой гальке, так и среди крупных валунов серпоклюв сразу же становится заметным. Очень трудно этим птицам найти подходящее место для вывода потомства.

Иногда серпоклювы проявляют удивительную терпимость к человеку. Приходилось видеть, как они кормились в каких-нибудь 200 м от проезжающих автомашин или работающих тракторов. В августе и сентябре 1978 года строители автодороги, пролегающей на границе склона и галечника, провели серию взрывов. Серпоклювы никуда не ушли. Только при каждом взрыве они с криком улетали на противоположный склон галечника, но пределов его не покидали и вскоре возвращались на прежнее место.

К сожалению, не всякая человеческая деятельность безвредна для этих птиц. Отара овец, идущих сплошной стеной, легко может растоптать яйца в гнезде или затаившихся птенцов, а сопровождающие отару собаки не преминут полакомиться ими. Очень опасен резкий подъем воды в горных реках, когда бурные потоки заливают островок, смывая яйца или птенцов. Не меньшую опасность представляет и осушение галечника, исчезновение его многочисленных рукавов и островков.

Именно это несчастье и обрушилось на знакомую нам пару. Весной 1981 года в дельте реки, где жили серпоклювы, строители противоселевой плотины стали брать гальку. Появились земснаряд и бригада мощных самосвалов. Птицам пришлось оставить гнездо, в котором уже появилось одно яйцо. Более того, для удобства работы строители по середине дельты провели глубокий канал, в который отвели воду с восточной ее половины. Осушенная таким образом часть галечника стала непригодной для гнездования серпоклюва. В результате впервые за пять лет серпоклювам совсем не удалось вывести потомство. Всё лето мы встречали здесь только двух взрослых птиц.

Ясное августовское утро. По свежепроложенной дороге, то и дело сторонясь грохочущих встречных КрАЗов, иду я к знакомому галечнику. Знакомому ли? То, что открылось моим глазам, выглядит странно и непривычно. Посередине широкой дельты, как огромный рваный рубец, оставленный неумелым хирургом, тянется канал, разделивший её на две половины: правую, живую, по которой струятся блестящие ручейки, и левую – мёртвую, сухую, без единого проблеска.

После часа упорных поисков нахожу одинокую пару серпоклювов на самом берегу озера, на узкой полосе галечника, оставленной им людьми. Оба кулика стоят метрах в десяти друг от друга, как каменные изваяния. За полтора часа – ни единого движения, никаких признаков жизни. Рядом суетится перевозчик, с

характерным мелодичным призывом пролетела пара клушиц, над лесом раскричался дербник. Но серпоклювы безучастны ко всему. Молча и неподвижно стоят они, повесив свои красные носы, как будто решают невеселую и сложную задачу: как же им жить дальше?..[15]

Гости стационара – участники Всесоюзной конференции по миграциям птиц

Вторым незабываемым событием 1978 г. было проведение в Алма-Ате Всесоюзной конференции по миграциям птиц. Эта, уже вторая по счету конференция, прошедшая 8-10 августа, несмотря на свою узкую тематическую направленность, собрала в нашем городе почти всех орнитологов Союза. Объяснялось это и значимостью тематики, которая стала на то время главенствующей в нашей стране, и несмоненными успехами казахстанских «птицеловов от науки» – прежде всего чокпакской орнитологической станции, которая заслуженно делила пальму первенства с рыбачинской станцией на Балтийском море.

Столь большое представительство коллег, среди которых немало было зарубежных, не оставило в стороне никого из алматинских орнитологов. Мне, как члену оргкомитета, пришлось оставить свой горный стационар уже в конце июля и заниматься оргвопросами предстоящего форума. Одни только инструктажи в органах КГБ при Президиуме АН Каз ССР занимали уйму времени. Из-за одного из них я едва сумел выкроить время, чтобы встретить в аэропорту свою дочь, которая вернулась из Харькова для поступления здесь в КазГУ (чем-то ей не глянулась моя alma mater!). А уж всю нагрузку по сдаче документов и подготовке к экзаменам ей пришлось нести самой, поскольку встречались мы только по вечерам. То же – и в отношении прилетевшего из Владивостока моего друга Шибаева: жили они вместе с Юрой Назаровым у меня, но виделись мы только по утрам и вечерам…

Только тогда я понял, какая, в сущности, неблагодарная это вещь – организация и проведение крупных научных конференций. Не говоря уже об уйме времени, потраченой на подготовку, организаторы во время проведения самого форума не в состоянии толком прослушать даже самые интересные доклады, так как постоянно вынуждены отвлекаться по организационным вопросам и покидать зал заседаний. Словом, три дня заседаний пролетели, как один сумбурный, полный напряжения день. По-настоящему мы очнулись уже на банкете, где можно было расслабиться и пообщаться с гостями. Помню, как сокрушался В.Е. Флинт, у которого пропала любимая зажигалка – подарок сэра Питера Скотта. И как он обрадовался, когда она в конце-концов нашлась! Полной неожиданностью для меня была послебанкетная полутрезвая беседа с Борисом Вадимовичем Сабиневским, пытавшимся утверждать, что мы с Гавриловым – изменники, поскольку работаем на Казахстан, а не на Украину (я) или Россию

[15] Одновременно с этим очерком мы с Б.М. Губиным опубликовали резкую критическую статью в газете «Казахстанская правда», после чего селевики провели на галечнике восстановительные работы. Ожила восточная часть галечника, заструились протоки, и серпоклювы снова стали гнездиться здесь.

(Эдик), вырастивших нас и давших обоим орнитологическую специальность. По тем временам подобный разговор был в диковинку…

Самое интересное было после конференции, когда целый ряд делегаций орнитологов выразили желание посетить высокогорный стационар на Большом Алматинском озере. На первом месте были рыбачинцы, приехавшие в Алма-Ату почти в полном составе во главе с Виктором Рафаэльевичем Дольником, его второй женой и двумя дочерьми от обоих браков. В составе делегации были: Владимир Александрович Паевский, Дина Сафоновна и Валентин Николаевич Люлеевы, Марк Евгеньевич Шумаков, Наташа Виноградова, Таня Ильина, Таня Дольник и Анатолий Шаповал (да простят меня не упомянутые!). Киевлян представляли В.В. Серебряков с коллегой (фамилию не помню), харьковчан – И.А. Кривицкий со студенткой (или аспиранткой), томичей – С.С. Москвитин с Ананиным, Владивосток – Ю.В. Шибаев и Ю.Н. Назаров. Одним словом, кузов экспедиционного ГАЗ-66 с трудом поместил в себе всех желающих, а наш маленьких домик – лишь часть их. Остальные поставили во дворе и рядом палатки – получился настоящий экспедиционный лагерь!

Вся вторая половина августа была посвящена экскурсиям: у верхней границы лесного пояса от озера до обсерватории ГАИШ, на Космостанцию, на перевал Озерный, к леднику пика Советов. Особенно запомнилась пешеходная экскурсия всех участников на Космостанцию. Поскольку с 5-летней младшей дочерью В.Р.Дольника надо было кому-то остаться, а на Космостанцию хотелось всем, Виктор проявил сознательность и отпустал на перевал Татьяну, оставшись с дочерью сам. И долго ещё, оборачиваясь, она могла видеть их в бинокль прогуливающимися около нашего поселка. Понаблюдав птиц около ГАИШ, мы направились к Космостанции не по дороге, а срезая серпантин, как обычно и делали, чтобы сократить путь. И вот на одном из верхних витков, когда уже видны были крайние строения Космостанции, кто-то крикнул: «Посмотрите назад». Точно по нашим следам, только на полкилометра ниже, мы увидели две фигурки – взрослого человека и ребенка. Это Виктор Дольник с дочерью шли следом за нами! В бинокль было видно, как он с ней старательно обходил камни и кусты арчи, а через каждые 20-30 м усаживал отдыхать. Всё это было настолько грамотно, что даже у матери не вызвало бурной реакции. Пришлось нам подождать «эту пару», а когда они нас достигли, все встретили их аплодиссментами. Думаю, что это достойный рекорд для 5-летнего ребенка – своими ножками подняться с высоты 2500 до 3300 м над уровнем моря!.. А отец-молодец держался скромно – как будто они в своем равнинно-низинном Питере каждый день совершают подобные восхождения.

Проводив основную массу гостей, мы с двумя Юриями – Шибаевым и Назаровым – сделали ещё пару экскурсий в высокогорье, в том числе к истокам Чукура мимо «Армянского носа» и скалы, где было гнездо красного вьюрка – к морене ледника пика Советов. Думаю, что впечатлений от этих мест и встреченных птиц ребятам хватило так же, как мне – от моих дальневосточных странствий, особенно на гору Облачная. Когда же уехал Назаров, мы с Шибаевым и осуществили задуманный мной поход через Проходное ущелье

к перевалу на Иссык-Куль, а оттуда – на морену пика Озёрный и вдоль реки того же названия к озеру. Как проходила эта экскурсия, я рассказал в очерке о Ю.В. Шибаеве…

Ответный визит в Ленинград

Вскоре после конференции, в сентябре 1978 г., я нанес ответный визит в Ленинград, где проходили Вторые Мензбировские чтения. В отличие от только что отшумевшей в Алма-Ате конференции чтения носили камерный характер (не более 20 участников) и из официальной части запомнилась только дуэль «А.С. Мальчевский – Г.Н. Симкин», где Алексей Сергеевич в очень вежливой манере, но непреклонно отстаивал свои взгляды на пение птиц и его биологическую роль, отклоняя всякие попытки неверного толкования его опубликованных на эту тему работ. Некоторое оживление вызвал также соавторский доклад А.Б. Кистяковского о птицах днепровских водохранилищ, но не столько содержанием, сколько фактором неожиданности. Председатель объявил, что Александр Богданович не смог приехать, и доклад зачитает его соавтор Мельничук. Фамилия была незнакомой и, когда на трибуну вышла миниатюрная и очень миловидная женщина, то по залу пронеслось что-то вроде вздоха: «Вот это Мельничук». И когда вечером собрались в кафе всего 8 или 9 участников (тоже – банкет!) и кто-то спросил: «А где же Степанян?», Виктор Дольник ответил: «Он, наверное, провожает Мельничук на киевский поезд». Вместе с разразившимся веселым смехом наших мужчин чувствовалась изрядная доля зависти…

На банкете Юрий Болеславович Пукинский несколько раз пытался возродить дневной диспут о биологической роли пения птиц и всё наскакивал на Геннадия Николаевича Симкина, однако тот уже изрядно устал от этих споров и постепенно тосты взяли верх: наш мини-банкет наконец-то вышел на привычные банкетные рельсы, где все уважают друг друга.

Я не случайно назвал эту поездку визитом: каждый день мы собирались у кого-то из тех, кто месяц назад был на Большом Алматинском озере. В первый же день были небольшие посиделки у Дольника, на которых были В.Д. Ильичев и Г.Н. Симкин; здесь разговор шёл в основном на темы литературы и искусства, а главными «докладчиками» были Дольник и Симкин; мы же с Ильичёвым скромно молчали, наблюдая их поединок и удивляясь – откуда у этих двух орнитологов столько знаний на тему, далекую от орнитологии.

Общий сбор всех рыбачинцев, гостивших на Б. Алматинском озере, состоялся на квартире В.А. Паевского. Это было орнитологическое застолье в лучших традициях этого жанра – с воспоминаниями о недавних впечатлениях, полученных в высокогорье Тянь-Шаня, со спорами на орнитологические темы и тостами за орнитологию и её жрецов. Закончилось оно заполночь, городской транспорт уже не работал, а я был настолько «хорош», что пришлось остаться ночевать у гостеприимного хозяина.

Следующий приём был у Люлеевых, где хозяин поразил меня своим мастерством обработки балтийского янтаря и поделками из него. Когда он демонстри-

ровал мне свою гордость – зубоврачебную бормашину, которую он приспособил для шлифовки, Дина Сафоновна, с неодобрением смотревшая на это орудие, призналась, что первое время даже уснуть не могла, когда Валентин Николаевич включал это орудие пыток. Показывал он мне сделанные им на Долгушинской поляне заготовки так называемого «золотого корня» (*Rhodiola rosea*), хотя я до сих пор подозреваю, что это был другой, похожий вид. Потом Валентин сел за руль и сделал обещанную ещё в горах обзорную экскурсию по городу. И здесь я стал свидетелем того, что вывести из себя можно любого человека. Посадив меня как гостя на первое сидение, гостеприимный хозяин лихо вёл машину по центральным улицам, рассказывая о том, как гаишники на вопрос одного водителя, как быть в случае, если неправ пешеход, в полушутку ответили: «Можете давить, но не часто, чтобы не заподозрили в том, что специально». И при этом резко сворачивал в переулки, если дорога впереди была забита. Ерзавшая на заднем сидении супруга в каждом таком случае строго вопрошала: «Ну, куда ты?!», «А сейчас – куда?!». После очередного такого окрика тихий и смирный супруг (типичный подбашмачник – только успел подумать я), вдруг повернулся и гаркнул: «В Африку!!!». И тут же разъярённая львица превратилась в домашнюю кошку…

В целом эта питерская поездка действительно носила гостевой характер и как будто завершала наше начатое в горах знакомство. В память о незабываемых экскурсиях в горах Тянь-Шаня рыбачинские орнитологи подарили мне целый альбом с фотографиями...

*****

Завершился 1978 год присуждением авторскому коллективу сводки «Птицы Казахстана» Государственной премии Казахской ССР. Документы Институт зоологии подал года три назад, и все мы уже успели о них забыть. И вот 12 декабря на праздновании 60-летнего юбилея нашего директора и вице-президента Академии наук академика Евгения Васильевича Гвоздева юбиляр отвел нас с Гавриловым в сторону и сказал, что вопрос о присуждении премии уже решён в правительстве и ЦК Компартии Казахстана, остаётся лишь дождаться официального опубликования в центральной прессе. И здесь самое место рассказать о Евгении Васильевиче Гвоздеве – неординарном ученом и человеке, который сыграл большую роль в развитии зоологической науки, в т.ч. и орнитологии, в Казахстане.

Евгений Васильевич Гвоздев (1918-2012)

Долгий жизненный путь этого ученого может служить примером преданности науке и верности раз и навсегда поставленной цели. Это видно даже из краткого перечня его биографических данных. Родился Евгений Васильевич 12 декабря 1918 г. в г. Острове Псковской области, недалеко от города Великие Луки и села Михайловское – родового имения Пушкиных. Ранние школьные годы прошли в Ленинграде, а закончил среднюю школу *Е.В.* в Новосибирске.

Немалую роль в становлении его как биолога сыграл зоолог и писатель-натуралист Максим Дмитриевич Зверев, в экспедиции которого *Е.В.* впервые участвовал в кольцевании водоплавающих птиц летом 1937 г. После окончания в 1938 г. средней школы Е.В. Гвоздев переезжает в Алма-Ату и поступает на биологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова, работая одновременно в недавно созданном Алматинском зоопарке, где под руководством М.Д. Зверева ведёт юннатский кружок. Учёбу в университете прервала война. В боях под Москвой в декабре 1941 г. *Е.В.* был ранен и после длительного лечения в госпиталях осенью 1942 г. продолжил учёбу в университете, где в то время был особенно сильным преподавательский состав, поскольку из центральных вузов европейской части страны в Алма-Ату были эвакуированы многие знаменитые профессора.

Евгений Васильевич стал учеником Валентина Александровича Догеля – основателя экологической паразитологии, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР. Всю свою жизнь *Е.В.* поддерживал тёплые отношения со всеми учениками своего наставника. Особенно дружен он был с профессорами Ленинградского университета Татьяной Александровной Гинецинской, Марией Михайловной Белопольской, профессорами ЗИН АН СССР – Ириной Евгеньевной Быховской-Павловской, Марией Николаевной Дубининой и другими. Благодаря Евгению Васильевичу были установлены тесные творческие связи казахстанских паразитологов с учеными Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга), Москвы, Киева, Новосибирска и пр.

После защиты в 1947 г. кандидатской диссертации «Динамика паразитофауны зайца-песчаника» Е.В. Гвоздев в возрасте 29 лет был назначен на должность заведующего лабораторией «Паразитарных болезней промысловых животных» Института зоологии АН КазССР. Как бы впоследствии ни меняла своё название лаборатория, Евгений Васильевич оставался её бессменным руководителем около 40 лет. За этот период *Е.В.* создал свою школу учеников и выработал ряд важных направлений паразитологических исследований, которыми были охвачены почти все группы беспозвоночных и позвоночных животных. Докторскую диссертацию *Е.В.* защитил в 1967 г. и вскоре стал директором Института зоологии, занимая этот пост 17 лет (1971-1988), а с 1976 по 1989 год он одновременно был первым вице-президентом Академии Наук КазССР. В эти же годы он вёл обширную общественную работу: председатель Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, реконструкция, охрана», председатель Диссертационного Совета, депутат Верхвоного Совета Казахской ССР, член ЦК Компартии Казахстана, председатель и член целого ряда редколлегий и т.д. Но даже при такой занятости, он не прерывал свои связи с лабораторией и продолжал заниматься научными исследованиями, сделав для себя субботу рабочим днем в лаборатории. Им опубликовано более 300 работ и 7 монографий, в том числе «Паразитические черви куриных птиц Казахстана» (Гвоздев, 1958) и «Основы общей гельминтологии» (совместно с Р.С. Шульцем).

К этому краткому официальному перечню я хотел бы добавить, что Е.В. Гвоздев не только паразитолог. За 70 лет своего научного стажа он оставил

след во многих областях зоологической науки, начиная с орнитологии, которая по сути и привела его в зоологию. Даже в зрелые годы, будучи уже общепризнанным лидером казахстанской паразитологии, *Е.В.* с большим интересом наблюдал птиц во всех своих полевых поездках и вел записи этих наблюдений; много сил и времени потратил на фотографирование птиц, и в результате его фотографии – не редкость на страницах многотомной сводки «Птицы Казахстана» и в других публикациях по орнитологии.

Работая на высоких административных постах, *Е.В.* много лет оказывал большую организационно-методическую помощь завершению и публикации результатов многолетних исследований в самых различных областях зоологической науки – териологии (без его поддержки и участия в редактировании отдельных томов многие из 8 выпусков четырехтомника «Млекопитающие Казахстана» вряд ли увидели бы свет, особенно после смерти их зачинателя и вдохновителя Аркадия Александровича Слудского); герпетологии, энтомологии, палеобиологии и даже ихтиологии – дисциплине, основные специалисты которой традиционно работали не в Институте зоологии, а в КазГУ. Вместе с проф. В.П. Митрофановым Евгений Васильевич редактировал все пять томов монографии «Рыбы Казахстана» (1986-1992) – последнего по времени многотомного издания, посвященного описанию позвоночных животных нашей республики.

Столь же велик по объему, как выполняемая им редакторская деятельность, труд *Е.В.* по подготовке научных кадров высшей квалификации. Это не только те 20 диссертаций по паразитологии, где он был научным руководителем, но и многие десятки диссертаций во всех областях зоологии, защищенные на Учёных Советах, созданных и руководимых *Е.В.* на протяжении многих лет. И совершенно особая заслуга Евгения Васильевича, его щедрый подарок родному коллективу, – новое здание института, в котором он находится уже более 20 лет. И даже сейчас, после вынужденного уплотнения, когда половину здания занял Институт физиологии, в оставшейся его части трудится около 100 сотрудников Института зоологии, уцелевших после его многочисленных реорганизаций…

Поскольку несколько последних десятилетий мы тесно общались с *Е.В.*, приведу свои воспоминания.

*****

Фамилию «Гвоздев» я не раз слышал от Игоря Александровича Долгушина и других орнитологов Института зоологии уже в первые приезды в Алма-Ату из заповедника Аксу-Джабаглы. И по тону, и по контексту, в котором она упоминалась, ясно было, что это человек, которого здесь хорошо знают и любят, а у Долгушина ещё часто мелькало слово «умница». Но так как территориально лаборатории орнитологии и паразитологии были тогда разобщены (первая находилась на ул. Шевченко, 28 в одном флигеле с лабораторией палеозоологии, а вторая – в Академгородке на Геологострое), то увидел я Евгения Васильевича только через пару лет, когда орнитологи тоже перебрались в Академгородок (это был 1964 г.). Но ещё до этого мы познакомились с ним заочно.

Дело в том, что в 1963 году, сразу же после выхода в свет первого путеводителя по заповеднику, я задумал издать второй выпуск Трудов заповедника, поскольку с момента публикации первого выпуска (1948) прошло уже 15 лет. Натолкнуло меня на эту мысль большое количество рукописей в библиотеке заповедника, среди которых, помимо дипломных работ студентов, были и более солидные отчёты. Надо было выяснить, какие из этих работ уже опубликованы, а заодно получить согласие авторов на публикацию тех, которые будут отобраны. Кое-как собрав адреса, я написал авторам письма с просьбой дать добро на публикацию их материалов. В числе их был и Евгений Васильевич Гвоздев. Он откликнулся одним из первых, поблагодарил за предложение и дал точные выходные данные того издания, в котором уже несколько лет назад опубликована его работа. А в конце письма поздравил с тем, что заповедник имеет такую возможность, и пожелал мне успехов в издании этого сборника. Это был образец не только делового, но вместе с тем и благожелательного ответа. А мне он подтвердил правоту орнитологов в оценке *Е.В*.

Чаще мы стали встречаться с 1967 года, когда я перешел из заповедника на работу в Институт. Запомнилась встреча 4 июля на годовщине со дня смерти И.А. Долгушина. Это было в доме Долгушиных на Шевченко 13, кв. 9; Евгений Васильевич пришел с Илларионом Григорьевичем Галузо; именно тогда мы договорились отмечать ежегодно только день рождения *И.А.* 30 марта, что и выполняем до сих пор. Но по-настоящему близко познакомился я с Евгением Васильевичем в июле 1967 г., когда на Большом Алматинском озере мы праздновали нахождение первого в мире гнезда красного вьюрка, о чем я уже писал в рассказе об этом неординарном событии. А через пару месяцев я присутствовал на защите Евгением Васильевичем докторской диссертации и чуть ли не на этом заседании Совета была принята к защите моя кандидатская диссертация. Мне очень понравилось, что после защиты докторской поведение *Е.В.* нисколько не изменилось, а оставалось таким же ровным, благожелательным и уважительным ко всем, в том числе и младшим по возрасту.

С 1971 по 1980 г., во время стационарных работ на Большом Алматинском озере, Евгений Васильевич регулярно приезжал к работавшим с нами своим подопечным, иногда на 2-3 дня, нередко привозил нам продукты или подбрасывал на своей машине до города. Поскольку он не прекращал интересоваться и птицами, разговоры наши часто касались орнитологии. Когда у нас появились соседи – мерзлотоведы во главе с профессором Алдаром Петровичем Горбуновым – мы не раз по вечерам вели интересные беседы втроём. Эти вечера так запомнились, что мы с Алдаром Петровичем до сих пор тепло вспоминаем о них.

Еще более тесное общение возникло на почве написания и издания сводки «Птицы Казахстана». Будучи в душе натуралистом-орнитологом, Евгений Васильевич глубоко уважал Игоря Александровича Долгушина и считал делом чести помогать завершению этой сводки, которая была делом жизни *И.А*. Став директором, Евгений Васильевич взял, как говорится, это дело на контроль. Но не только контролировал, но и помогал всем, чем мог. А мог он немало: и запла-

нировать очередной том для издания, и добиться включения его в план РИСО (сейчас многие уже и не помнят аббревиатуру этого могущественного органа – Редакционно-Издательского Совета Академии наук КазССР), и найти средства на само издание. Кроме административно-организационной помощи Е.В. по-прежнему делился своими орнитологическими наблюдениями, особенно – фотоснимками птиц, их гнёзд, кладок, птенцов.

Уже став первым вице-президентом Академии наук Казахстана, Евгений Васильевич приложил много усилий к тому, чтобы «Птицы Казахстана» получили Государственную премию республики. Помню, как на банкете по случаю присуждения этой премии, проходившем в третьей декаде декабря в здании столовой Академии (эту железобетонную вставку впоследствии снесли как искажающую архитектуру уникального здания Академии), Анатолий Михайлович Дубицкий, днями отбывавший на длительный срок в Женеву, сказал мне, что на своё место заместителя директора института по науке он рекомендовал меня. Через два дня меня вызвал Евгений Васильевич и, начав издалека, предложил мне этот пост. На мои категорические отказы он ответил, что ничего страшного в этой должности нет, что мы всегда сработаемся и он всегда поможет. А под конец сказал: «Ты подумай, не спеши. А я пока найду временно исполняющего обязанности» – и буквально на второй день таким и.о. стала Александра Сергеевна Малиновская. А поскольку я не мог даже представить себя в этой роли и так и не дал согласие, то по окончанию срока полномочий Александры Сергеевны заместителем директора был назначен Э.И. Гаврилов. А я всегда был благодарен Евгению Васильевичу как за сделанное им предложение, так и за понимание моего отказа

Следующая страница воспоминаний – Красная книга. Инициатор ее создания, Аркадий Александрович Слудский, потративший на подготовку этого издания почти 5 лет (начиная с организованного им в феврале 1973 г. республиканского совещания на тему «Исчезающие и редкие звери и птицы Казахстана, меры по их охране и воспроизводству»), собрал с нас, авторов, видовые очерки и в процессе компоновки книги заболел, а 9 марта 1978 г. его не стало. Буквально на второй день поле похорон мне позвонил Евгений Васильевич Гвоздев и велел разыскать рукопись Красной книги и начать работать с ней в издательстве «Кайнар», поскольку она должна была выйти в этом же году, согласно Постановлению Правительства. Работа оказалась очень трудоёмкой и заняла почти 10 месяцев – до конца декабря. Будучи до краёв загружен административной работой на посту вице-президента, Евгений Васильевич полностью доверил эту работу мне, и эта высокая ответственность не позволяла мне расслабиться все 10 месяцев. Самым трудным было устранить разнобой в текстах разных авторов (их было более 20!), многие из которых написали свои очерки по разным планам, а также заменить написанное Аркадием Александровичем обширное (150 страниц!) введение на более компактное. Уже в январе 1979 года первое издание Красной книги Казахской ССР увидело свет.

А поскольку осенью 1978 г. вышла Красная книга СССР, то вскоре по всем республикам был разослан циркуляр за подписью министра сельского хозяйства

СССР (фамилия – Месяц) с требованием сообщить, какие меры по сохранению редких видов животных в связи с выходом Красной книги предприняты на местах. И тут Евгений Васильевич проявил присущую ему прозорливость: в качестве такой меры он решил создать в Институте зоологии специальную лабораторию по редким видам животных. Не располагая дополнительными штатами, он создал ее на базе двух лабораторий: орнитологии и териологии. Дав ей название «Лаборатория проблем охраны диких животных», он назначил её заведующим меня, и приказ об этом я получил 17 марта 1980 г., т.е. рождение лаборатории совпало с моим днём рождения. За 15 лет ее существования (в 1995 году она была объединена с лабораторией орнитологии во время очередной «реорганизации» Института) сотрудники Лаборатории проблем охраны диких животных обследовали всю пустынную зону, провели наземные и аэровизуальные учеты редких видов животных (от джейрана до серпоклюва), принимали участие в создании материковой популяции кулана на правобережье реки Или, а в области издательской деятельности выпустили два сборника научных статей по редким видам животных (1986, 1991), две коллективных монографии – «Редкие животные пустынь» (1990) и «Позвоночные животные Алма-Аты» (1988) и на основе этих новых данных дважды переиздали Красную книгу Казахстана (1991, 1996). И всё это благодаря прозорливости Евгения Васильевича, правильно уловившего дух времени и принявшего верное решение.

Евгений Васильевич всегда заботился о росте кадров зоологов, особенно о кадрах высшей категории – докторах наук. Он приложил немало усилий, чтобы появилось два доктора у орнитологов. И когда, наконец, на одном из заседаний Ученого совета Института нам с Э.И. Гариловым обоим утвердили темы докторских диссертаций, он с явным удовлетворением шутливо констатировал, что сегодня – знаменательный день, поскольку все мы присутствовали при зачатии двух докторов наук… А сколько раз он добивался у академика В.Е. Соколова, чтобы в Казахстане открыли докторский совет по зоологии! Соколов обещал, но не очень торопился, тянул годами – не хотел выпускать это важнейшее дело из своих рук…

Спустя более 30 лет я понимаю, как умело дирижировал Евгений Васильевич всеми назревающими в институте событиями, как, создавая необходимую по тем временам новую лабораторию, он одновременно разводил в разные лаборатории двух рождающихся докторов, устраняя всякую возможность возникновения конкуренции… А сколько других дел и назревающих конфликтов видел он и успевал предотвратить возможные негативные последствия!

Вспоминаю тот единственный случай, когда я чуть не поссорился с ним из-за того, что он наотрез отказался принять на работу по распределению после окончания ВУЗа моего зятя только потому, что в этой лаборатории уже год (тоже после окончания КазГУ) работала моя дочь – даже несмотря на то, что у них были разные фамилии. А парень все студенческие годы специализировался в этой лаборатории и там его действительно давно ожидали как специалиста. «Тогда пусть уходит дочь» – сказал Евгений Васильевич. И не только сказал, но и помог ей найти место рядом – в Ботаническом саду, чему она сама очень об-

радовалась. Восемь лет работы здесь позволили ей собрать хороший материал и защитить диссертацию, а главное – остаться орнитологом, а не переквалифицироваться в энтомолога. И здесь *Е.В.* оказался прав, и мы с Викторией до сих пор ему благодарны…

А как хорошо поставил Евгений Васильевич работу возглавляемого им Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана»! Большинство подобного рода «общественных» надстроек в Академии наук были, по-сути, мертворожденными, но этот Совет работал. Чего стоили одни лишь ежегодные *выездные* заседания этого Совета: в Уральск (1983), Усть-Каменогорск (1985), Кустанай (1986), Семипалатинск (1987), Целиноград (1980, 1988), Павлодар (1989). Каждое такое заседание на базе местного ВУЗа, с привлечением всего областного руководства (ведь Гвоздев был не только депутатом Верховного Совета Казахской ССР, но и членом ЦК Компартии Казахстана!), давало очередной толчок развитию зоологии в данном городе и регионе. Попутно решались конкретные вопросы. Например, в Павлодаре много внимания было уделено палеонтологическому захоронению «Гусиный перелет», знаменитому памятнику природы. Кустанайское заседание было полезно для Наурзумского заповедника, а после заседания в Целинограде летом 1980 года нас с Э.И. Гавриловым в составе комиссии направили на Тенгиз для выяснения обстоятельств гибели колонии фламинго.

Весной 1983 г. Евгений Васильевич подписывает приказ о создании Комплексной экспедиции в составе ботаников, зоологов и работников СОПС (Совет по изучению производительных сил Казахстана) по обследованию территории Бетпак-Далы для выбора места под заповедник. Научным руководителем экспедиции был назначен я, и в течение двух сезонов мы обследовали все основные участки этой глинистой пустыни – западный, восточный и центральный. Составленное нами научное обоснование по созданию заповедника в самом центре Бетпак-Далы преставляло собой увесистый фолиант, но впоследствии, при прохождении многочисленных инстанций в верхах, оно кануло в Лету, как и многие другие, не менее замечательные начинания…

Осенью 1984 г. в Алма-Ате на базе АН КазССР проходил крупный форум генетиков Советского Союза. На нём Евгений Васильевич в разговоре с директором Новосибирского института цитологии и генетики академиком Д.К. Беляевым заинтересовался историей создания и функционирования их знаменитого хозяйства «Черга», созданного на Алтае для сохранения и восстановления редких животных, и решил создать нечто подобное и в Казахстане. Думаю, что прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, он проконсультировался с президентом Академии наук А.М. Кунаевым (*Е.В.* никогда не делал опрометчивых поступков, тем более в таких важных делах). В результате Евгений Васильевич представил меня академику Беляеву как человека, который может приехать и на месте познакомиться с работой в Черге. Дмитрий Константинович дал «добро», и вот с 10 по 14 декабря 1984 г. мы с Владимиром Владимировичем Иссык (сотрудник Института экспериментальной биологии) находились в Новосибирске в Институте Цитологии и генетики, где заместитель Д.К. Беляева Юрий Алек-

сеевич Киселев ввёл нас полностью в курс дел и предоставил все необходимые документы. В Чергу нас не пустили из-за снегопадов и низких температур – 43°! Свой объемистый отчет мы представили Евгению Васильевичу, кроме того, я отчитался устно на заседании Президиума АН КазССР, который вёл А.М. Кунаев, проявивший большой интерес к теме доклада. Там же шла речь о том, что для реализации этой идеи в Казахстане надо подыскать какой-нибудь нерентабельный совхоз в нижнем течении р. Чу, списать его в установленном законом порядке и на его землях создать свою, казахстанскую Чергу. На этом, к сожалению, всё закончилось…

Вспоминается история с лошадью Пржевальского. В феврале 1987 г. будучи в Москве на заседании Комиссии по лошади Пржевальского, руководимой В.Е. Соколовым и В.Е. Флинтом, я привез Евгению Васильевичу предложение комиссии о возможности репатриации этой лошади на территории Казахстана. Евгений Васильевич загорелся этой идеей и сказал, что мы с ним и Давидом Бланком обязательно съездим в Асканию-Нова на переговоры о закупке этих лошадей для выпуска в Казахстане. Однако масса всяких срочных дел не дала ему возможности поехать, а Давид заболел. Тогда Евгений Васильевич командировал меня в Асканию-Нова, и я в мае 1988 г. осмотрел там вместе со специалистом по лошадям В.В. Климовым стадо лошадей и провёл предварительные переговоры с дирекцией этого заповедника. К сожалению, осуществить эту идею по ряду причин не удалось, но сам факт говорит о том, как открыт был Евгений Васильевич всем новым и интересным идеям и предложениям. Это только несколько примеров на эту тему, а сколько их было в работе Евгения Васильевича за долгие годы службы на столь ответственных постах! Мы всегда удивлялись – как он всё успевал и ничего не забывал.

Особая страница наших взаимоотношений – Максим Дмитриевич Зверев и всё, что с ним связано, например, Алматинский зоопарк. Для Евгения Васильевича *М.Д.* был не просто наставник детства, но и родной человек. Я же встретил *М.Д.* уже в зрелом возрасте и как-то не заметил, как мы сблизились. Центром притяжения был зоопарк, где Максим Дмитриевич был своим многие десятилетия и где в 70-80-х гг. мы с ним непременно участвовали в проведении Дня птиц и других природоохранных мероприятий. Занятость Евгения Васильевича на высоких постах не всегда позволяла участвовать в них, но его всегда приглашали и, когда он имел возможность присутствовать на этих мероприятиях, то это был настоящий праздник для всех нас. В эти же годы, при директоре зоопарка Ставро Савельевиче Константиниди, в зоопарке был создан Научный Совет, членами которого, кроме Евгения Васильевича и Максима Дмитриевича, были также зоологи А.Ф. Ковшарь и З.К. Брушко. На заседаниях совета рассматривались стратегические вопросы развития зоопарка (например, об освоении новой территории), а также текущие методические вопросы содержания животных, проведения научной работы и развития юннатского движения. Непременным членом этого Совета много лет была зам. директора зоопарка по науке Раиса Анатольевна Балахнова. Евгений Васильевич, присутствуя на этих заседаниях, всегда вносил в них заметную струю чего-то нового и его огромный органи-

зационный опыт много помогал в работе Научного Совета. Спустя много лет, когда мы присутствовали на праздновании 75-летнего юбилея зоопарка, в своей приветственной речи Евгений Васильевич тепло вспомнит и об этом Научном Совете.

В последнее десятилетие мы общались с Евгением Васильевичем чаще всего дома, в его уютном рабочем кабинете, хотя он регулярно ходил на работу даже после 90-летнего юбилея, только регулярность эта стала более редкой – раз в неделю. Но работать здесь ему не удавалось: по старой привычке к нему часто шли сотрудники института. А дома, в кабинете, всегда была рабочая атмосфера, которую всё время поддерживала и сохраняла любимая внучка Майя, а роль охранника добросовестно нёс крошечный, но голосистый той-терьер Тимка, проживший в этом кабинете 10 лет. Видя разложенные рукописи и включенный компьютер, совестно было отнимать у Евгения Васильевича лишнее время, которого оставалось всё меньше. Поэтому, решив неотложные дела, я стремился оставить то, что принес (чаще всего это был свежий номер Селевинии или ещё какое-нибудь новое издание), и поскорее откланяться. Но, с другой стороны, Евгений Васильевич обычно был так искренне рад и так интересовался новостями, что разговор затягивался надолго, а иногда заканчивался и рюмочкой коньяку. Надо сказать, что в отношении к спиртному Евгений Васильевич придерживался золотого правила: изредка и в небольших дозах оно не приносит вреда. Нечто подобное проявлял он и по отношению к табаку – никогда (во всяком случае, за 45 лет нашего знакомства) не курил по настоящему, но иногда, особенно в 70-80- гг., мог позволить себе в разговоре закурить сигарету…

Многое, очень многое вспоминается – ведь с Евгением Васильевичем от нас ушла целая эпоха, неповторимый пласт нашей жизни. Конечно, и времена были другие – на наших глазах сменился целый общественный строй – и люди были другие. Но если бы все были такими, как он, то насколько лучше была бы жизнь вокруг нас!..

И снова ЗИН – цитадель зоологической науки

В 70-х гг., работая над завершающими томами сводки «Птицы Казахстана», авторы ежегодно имели возможность бывать в орнитологических хранилищах Ленинграда и Москвы. Для меня эта традиция началась в 1962 г. и продолжалась до конца 70-х гг., причем поездки эти предпринимались минимум раз в 2-3 года. Как-то уж так сложилось, что основная работа с коллекциями проводилась в Ленинграде (может быть, потому, что там как минимум вдвое больше «единиц хранения»?), а коллекция Зоомузея МГУ оставалась на втором месте; однако при каждом выезде в Центр каждый из нас старался поработать и там, и там. В обоих местах, помимо собственно работы с тушками, велось бесценное орнитологическое общение со специалистами высочайшего класса, которое так много давало для нашего образования, что до сих пор вспоминается с благодарностью. И поскольку о выдающихся представителях московской школы орнитологии вышла замечательная книга «Московские орнитологи» (1999), к подробнейшим очер-

кам которой трудно что-либо добавить, здесь мне хочется вспомнить добрым словом преимущественно ленинградских корифеев-орнитологов, с которыми мне приходилось общаться и сведения о которых очень скудны, ограничиваясь порой всего одной публикацией. В ряде случаев (как с биографией Е.В. Козловой и К.А. Юдина) я вынужден использовать эти публикации полностью, сохраняя их авторство, а в конце добавлять только свои личные впечатления. Следует оговориться также, что некоторые из моих материалов я уже публиковал в казахстанском зоологическом ежегоднике «Selevinia».

Елизавета Владимировна Козлова (1892-1975)

«Елизавета Владимировна Козлова родилась 19 августа 1892 г. в г. Красное Село (ныне Ленинградской обл.) в семье врача. Среднее и высшее образование получила в Петербурге. Е.В. Козлова начала заниматься орнитологией еще в 1913 г. во время поездки на Тянь-Шань. Позднее (в 1918-1919 гг.) она вела орнитологические наблюдения в заповеднике Аскания-Нова. Но это были чисто любительские занятия птицами. Лишь с 1932 г.[16] *Е.В.* начала настоящую исследовательскую работу по орнитологии. Она вошла в науку в тот период, когда советскую орнитологию возглавлял акад. П.П. Сушкин. Этот крупнейший ученый и был ее руководителем в период становления специалистом-орнитологом. Работа под руководством Сушкина была непродолжительной (Петр Петрович умер в 1928 г.); но чрезвычайно благотворной для определения интересов *Е.В.*

Как и большинство орнитологов старшего поколения, *Е.В.* начала свой путь в орнитологии с изучения региональных фаун. Пройдя непродолжительную подготовку в Зоологическом музее АН СССР, *Е.В.* выехала в Монголию в составе экспедиции Географического общества. Работа продолжалась здесь с 1923 по 1926 г. Вначале *Е.В.* вела исследования в юго-западном Хентее и в районе Улан-Батора, а в последний год исследовала орнитофауну Орокнурской озерной котловины (северное подножие Гобийского Алтая). Условия работы в Монголии в те годы были трудны и мало отличались от тех, в которых приходилось работать экспедициям Н.М. Пржевальского, но это не помешало *Е.В.* работать с завидной энергией. Многочисленные наблюдения и богатейшие коллекции, собранные в эту экспедицию, послужили основой для книги «Птицы юго-западного Забайкалья, северной Монголии и Центральной Гоби» (1930), которая сейчас стала классической. За эти исследования Географическое общество присудило *Е.В.* серебряную медаль.

За первой монгольской экспедицией последовали еще две: в 1929 г. *Е.В.* работала в высокогорной части Хангая, а в 1931 г. – в восточной части Кентея. Результаты экспедиций опубликованы в двух больших работах: «Птицы высокогорного Хангая» (1932) и «Птицы и промысловые млекопитающие восточного Кентея» (1933). Кроме того, было опубликовано несколько частных статей. Несколько позднее на английском языке (в журнале «Ibis») появился экстракт

[16] По всей вероятности, опечатка: следует читать 1922 г. – *АК.*

всех основных исследований *Е.В.* в Монголии. Все эти работы *Е.В.* содержат ценнейший фактический материал и по сути дела «открыли» нам орнитофауну северной Монголии.

За монгольскими экспедициями последовали годы работы в Зоологическом институте АН СССР. Особого упоминания заслуживают поездки на юго-запад Каспия в Кызыл-Агачский заповедник и смежные районы Талыша, где в те годы еще существовали богатейшие зимовки птиц. В результате этих поездок, совершенных совместно с А.Я. Тугариновым в 1934-1937 гг., были опубликованы (в соавторстве) две книги: «Зимовка птиц в Талыше» (1935), и «Жизнь птиц на зимовке в Кызыл-Агачском заповеднике» (1938), а также большая статья «Формирование летнего комплекса птиц на островах Каспийского моря» (1950).

Начавшаяся война и эвакуация в Таджикистан были, разумеется, очень трудным периодом в жизни *Е.В.*, но и в это тяжелое время она не прекращала исследовательской деятельности. В эвакуации ей совместно с А.Я. Тугариновым удалось провести детальное исследование биологии таджикского фазана (на юге республики).

После напечатания на русском языке, *Е.В.* опубликовала свою часть монографии на английском языке. В эти же годы *Е.В.* работала по биологии птиц южных склонов Гиссарского хребта (результаты опубликованы в 1949 г.).

Этими исследованиями в Таджикистане закончилась экспедиционная деятельность *Е.В.*, так как после возвращения в Ленинград (1945 г.) по состоянию здоровья она была вынуждена отказаться от полевых исследований. Но она с избытком компенсировала это углубленной разработкой ряда крупных теоретических проблем: филогения птиц, генезис фауны отдельных областей Палеарктики и др.

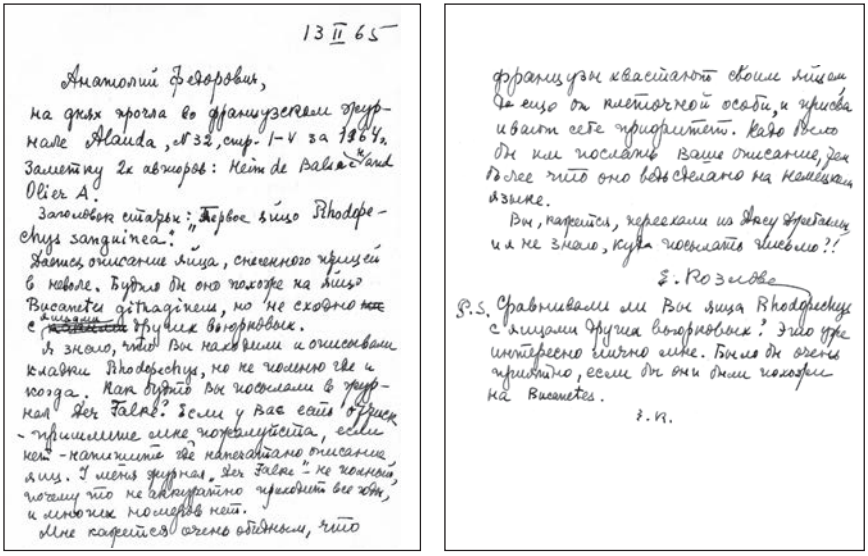
В послевоенные годы началась также активная работа *Е.В.* в серии «Фауна СССР». Ею написаны монографии по гагарообразным, трубконосым и чистикам, ряд разделов «Определителя птиц СССР» и др. Но особо следует отметить двухтомную сводку по куликам, вышедшую в 1961-1962 гг. Эта монография стала, можно сказать, кульминационным пунктом исследований *Е.В.*, поскольку в ней осуществлен на практике синтез методов сравнительной и функциональной морфологии и экологии. Монографией по куликам *Е.В.* завершила цикл работ по морфологии и эволюции птиц и вернулась к циклу работ по зоогеографии и истории фауны Палеарктики. О фаунистических исследованиях *Е.В.* в Монголии уже сказано выше. Теперь для неё открылась возможность постановки исследований, имеющих целью выяснение генезиса авифауны Монголии как целого географического района.

Уже законченные работы *Е.В.* по истории орнитофауны Центральной Азии касаются преимущественно Тибета, что вполне закономерно: многие зоогеографы рассматривают Тибетское нагорье, как место первоначального формирования высокогорной фауны. Поэтому вполне естественно, что, интересуясь происхождением фауны Монголии, где высокогорный комплекс занимает существенное место, *Е.В.* обратилась к Тибету, как к «первоисточнику». Опубликованная ею работа «Авифауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история» (1952)

открывает широкую перспективу для выяснения генезиса фаунистических комплексов посредством анализа происхождения и филогенетических связей родов и видов животных, входящих в изучаемый комплекс. При таком подходе к проблеме становится возможным использование данных сравнительной экологии, функциональной морфологии, систематики и филогении для целей исторической зоогеографии. В конце концов, это дает возможность выяснить конкретные причины, определяющие присутствие или отсутствие той или иной группы животных в данном комплексе. Все эти особенности позволяют считать указанную выше статью *Е.В.* по истории авифауны Тибета очень важной для дальнейшего развития зоогеографии. Существенно, что почти одновременно была опубликована статья «К методике изучения истории региональных орнитофаун» (1960).

Таковы основные направления творческого пути Елизаветы Владимировны Козловой, в которых ясно видна общая восходящая линия прогресса её как исследователя-орнитолога. Замечательно вместе с тем, что даже наиболее завершённые работы Елизаветы Владимировны открывают широкие горизонты для будущих исследований. Эта особенность является наилучшим показателем уровня этих работ, их глубокого теоретического смысла и плодотворности идей и принципов, которые положены в их основу…» *А.И. Иванов и К.А. Юдин* (Орнитология, вып. 6. М., 1963. С. 493-494).

Из этого очерка, посвященного 70-летию Елизаветы Владимировны, я опустил только первую и последнюю фразы, относящиеся к юбилейной дате. Каждый раз, читая очерк, я завидую тому, как точно и притом лаконично умели излагать свои мысли орнитологи того поколения, публикуя главное и давая исчерпывающие оценки творчества своих коллег! К сказанному ими можно



13 II 65

Анатолий Федорович,

на днях прочла во французском журнале Alauda, №32, стр. 1-V за 1964 г. Заметку 2х авторов: Keit de Balsac и Obier A.

Заголовок статьи: "Первое яйцо Rhodopechys sanguinea".

Дается описание яйца, снесенного чижом в неволе. Будто бы оно похоже на яйцо Bucanetes githaginea, но не сходно с яйцами Чечевицы вьюрковых.

Я знала, что Вы наблюдали и описывали кладки Rhodopechys, но не помню где и когда. Как будто Вы посылали в журнал Der Falke? Если у Вас есть оттиск - пришлите мне пожалуйста, если нет - напишите где напечатано описание яиц. У меня журнал "Der Falke" не полный, почему-то не аккуратно приходит все эти, и многих номеров нет.

Мне кажется очень обидным, что французы кваснатьт своим яйцом до сих пор неточной особи, и присваивают себе приоритет. Надо было бы им послать ваше описание, раз более чего оно вообще написано на немецком языке.

Вы, кажется, переехали на Аксу Христенко и я не знаю, куда посылать письмо?!

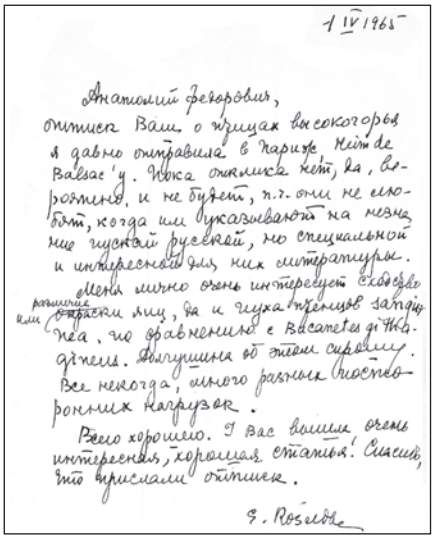
Е. Козлова

P.S. Сравнивали ли Вы яйца Rhodopechys с яйцами Чечевицы вьюрковых? Это очень интересно лично мне. Было бы очень приятно, если бы они были похожи на Bucanetes.

Е.К.

Рис. 34. Первое письмо Е.В. Козловой, 13 февраля 1965 г.

лишь добавить, что до конца своих дней Елизавета Владимировна работала над книгой «Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии» (1975), увидевшей свет лишь через несколько месяцев после смерти автора. Я бережно храню экземпляр этой книги, подаренный мне Константином Алексеевичем Юдиным с надписью: «Дорогому Анатолию Федоровичу Ковшарю на добрую память о Елизавете Владимировне Козловой. С наилучшими пожеланиями. К. Юдин, 8.XII.75». В данном случае слова «добрая память» очень кстати.


1 IV 1965

Анатолий Федорович,
отписка Ваш. о птицах высокогорья
я давно отправила в Париж Heim de
Balsac'y. Ждем откликов нет, да, вероятно, и не будет, т.к. они не смогут, когда им указывают на незнание русской, но специальной и интересной для них литературы.
Меня лично очень интересует сходство
или различие отдельных лиц, да и глухарей Западного
Кавказа, по сравнению с Восточными Алтаем.
Долгушина об этом спрошу.
Все некогда, много разных (посторонних) нагрузок.
Всего хорошего. У Вас вышла очень интересная, хорошая статья! Спасиб, что прислали отпишек.
Е. Козлова

Рис. 35. Второе письмо Е.В. Козловой, 1.04.1965 г.

И хотя мне не так уж часто приходилось встречаться с Елизаветой Владимировной, я хорошо помню каждый наш разговор. Высокая, со строгой прической и костюмом, она при первом впечатлении казалась суровой, но была на удивление внимательной и доброжелательной. Очень бережно отнеслась она к моему первому опусу по краснокрылому чечевичнику и в беседе вместо критических замечаний всё больше расспрашивала о поведении этой птицы и её экологических предпочтениях. Много позже, когда материалы мои по чечевичнику уже были опубликованы, Елизавета Владимировна опять вернулась к этому вопросу, прислав мне письмо с информацией о так называемом первоописании яиц этого вида и с просьбой прислать ей мой оттиск, чтобы она могла отправить его французам, опубликовавшим свою заметку позже моей. Оттиск я ей отослал, и она отправила его во Францию, о чём тут же уведомила меня вторым письмом (меня всегда поражала эта обязательность людей старшего поколения – всё делать сразу же, ничего не откладывая и не забывая!).

Со своей стороны Елизавета Владимировна подарила мне несколько оттисков своих работ, в их числе – ценнейшие: «Географическая изменчивость обыкновенной чечевицы *Erythrina erythrina* в связи с историей расселения вида» (1939), «Связь между образом жизни птиц и направлением развития их летательного аппарата» (1946), «Оседлые и кочующие птицы южных склонов Гиссарского хребта» (1949), «Авифауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история» (1952). При этом она один раз даже нарушила неписаное правило ленинградцев-зиновцев – дарить оттиски без автографов – и на последнем оттиске, о птицах Тибета, написала: «А это нравится?»…

Елизавета Владимировна хорошо относилась к И.А. Долгушину и М.А. Кузьминой, причём с последней они, несмотря на разницу в возрасте,

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ, О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ, ЗА 1912 ГОДЪ.

Счетъ браковъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ бракомъ.	Лѣта невѣсты.	Кто совершалъ таинство.	Кто были поручители.	Подпись свидѣтелей записи по желанію.
18	Іюля 15.	Состоящій в распоряжении Генерального штаба Полковник Петръ Кузьмичъ Козловъ, православнаго вероисповѣданія, вторымъ бракомъ.	47	Дѣвица дворянка дочь статскаго совѣтника Елисавета Владимировна Пушкарева, православнаго вероисповѣданія, первымъ бракомъ.	19.	Священникъ Адамъ Симо.	По женихѣ: полковникъ Генеральнаго штаба Викторъ Владимировичъ Насаевъ, Лейбъ-Гвардіи 2 артиллерійскаго Бригады Штабъ-Капитанъ Тимоѳей Тимоѳеевичъ Бѣляевъ. По невѣстѣ: Почетный опекунъ Генералъ-Лейтенантъ Графъ Николай Ѳедоровичъ Гейденъ, потомственный почетный гражданинъ Николай Петровичъ Горбунов.	

Священникъ Адамъ Симо.

Іюля 16 1912 г.
№ 87.

Рис. 36. Копия записи от 16 июля 1912 г. о бракосочетании П.К. Козлова и Е.В. Пушкарёвой: в графе о женихе записано: «состоящий в распоряжении Генерального штаба полковник Пётр Кузьмич Козлов, православного вероисповедания, вторым браком»; в графе о невесте: «девица дворянка, дочь статского советника Елисавета Владимировна Пушкарёва, православного исповедания, первым браком»; а в графе о свидетелях со стороны невесты: «почётный опекун генерал-лейтенант граф Николай Фёдорович Гейден, потомственный почётный гражданин Николай Петрович Горбунов» (архив А.П. Горбунова)

дружили, хотя, на мой взгляд, со стороны Марии Алексеевны это было просто обожание, а *Е.В.* её опекала и поддерживала в работе. Как жаль, что из многочисленных рассказов Марии Алексеевны там же, в Ленинграде, в 1962 году, я запомнил только то, что *Е.В.* многие годы ездила на работу в ЗИН на велосипеде…

Очень интересные подробности сообщил мне недавно Алдар Петрович Горбунов, мама и дядя которого родом также из Красного Села и знали Лизу Пушкарёву с детства, особенно дядя Николай[17], который был с ней одного года рождения. Они дружили и даже на свадьбе с П.К. Козловым[18] Николай Петрович Горбунов был официальным свидетелем с её стороны. По-видимому, именно от дяди Алдар Петрович слышал то, о чём поведал нам спустя десятилетия: «Пшевик, Пшевочка – таким именем называл Козлов свою жену Е.В. Козлову (Пушкарёву)» (Горбунов, 2005, с. 98). Алдар Петрович предоставил мне для публикации даже ксерокопию записи в «Метрической книге» за 1912 год (рис. 36).

[17] Тот самый Николай Петрович Горбунов, который потом был секретарем у В.И. Ленина.

[18] Бракосочетание состоялось ровно сто лет назад – в июле 1912 года. – *Прим. авт.*

Леонид Александрович Портенко (1896-1972)

Крупнейший советский орнитолог Л.А. Портенко родился 11 октября 1896 г. в с. Смила Черкасской области на Украине. Учился в МГУ, у самого акад. М.А. Мензбира, о котором впоследствии, на Первой Всесоюзной орнитологической конференции (1956) сделал блестящий доклад «Жизнь и научный подвиг Михаила Александровича Мензбира» [Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН АН СССР, вып. 9, Л., 1960, С. 13-22; перепечатка – в книге «Орнитологи Казахстана и Средней Азии» (2003)].

С 1915 по 1925 г. Леонид Александрович исследовал орнитофауну Украины, прошёл стажировку в ЗИН АН СССР, определив здесь основной круг своих научных интересов: внутривидовая систематика птиц, авифаунистика и орнитогеография. С 1926 г. и до конца своих дней *Л.А.* работал в ЗИН АН СССР, исследуя фауну птиц преимущественно северных районов страны: Северный Урал, Новая Земля, Таймыр, Чукотка, остров Врангеля, Анадырь, Корякская земля, Камчатка и Курильские острова. А в годы, когда не предвиделось крупномасштабных экспедиций, он за счёт своего отпуска выбирался в Закавказье, Казахстан и Среднюю Азию. Результаты своих фаунистических исследований *Л.А.* опубликовал в десятках статей и в ряде крупных монографий.

Одним из главных достижений Леонида Александровича стало участие в создании четырехтомника «Птицы СССР», в котором он лично написал третий и четвертый тома, посвященные представителям отряда Воробьиных птиц. В этой блестящей работе нашли отражение все изыскания Леонида Александровича в области внутривидовой систематики наших птиц. К слову сказать, далеко не все описанные им по признакам оттенков оперения подвиды птиц признавались и признаются другими орнитологами, которые не в состоянии увидеть различия там, где в них нисколько не сомневался сам Портенко. Однако обстоятельство это нисколько не умаляет значение работ Л.А. Портенко и созданного им капитального труда по воробьиным птицам СССР.

Леонид Александрович – главный организатор 1-й Всесоюзной орнитологической конференции, заложившей традицию проведения этих форумов в нашей стране, которые продолжаются вот уже более полувека (в 2010 г. состоялась уже XIII-я). Он же создал Биологическую станцию ЗИН на Куршской косе Балтийского моря и внёс большую лепту в создание Института биологических проблем Севера ДВНЦ АНСССР. Вместе

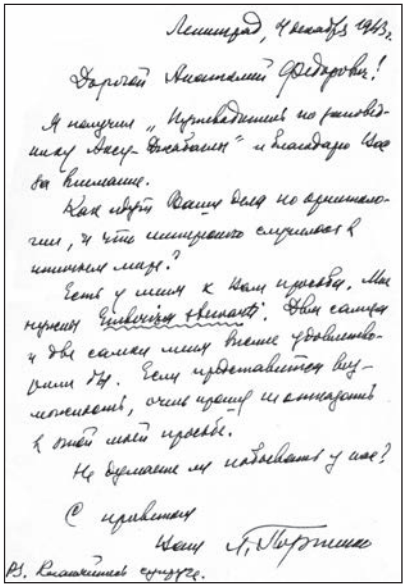


Рис. 37. Письмо Л.А. Портенко, 1963 г.

с проф. Эрвином Штреземанном он начал издавать серию атласов по ареалам птиц – «Atlas der Verbreitung Palaearktischen Vögel» (Berlin, 1967).

Но совершенно ни с чем не сравнима заслуга Леонида Александровича, как мне об этом рассказывал Константин Алексеевич Юдин, – в спасении бесценной коллекции ЗИН в годы блокады Ленинграда. Во главе небольшой группы сотрудников ЗИН'а Леонид Александрович сделал всё возможное, чтобы в это тяжёлое время коллекция сохранилась.

Для нас, приезжающих в ЗИН поработать с коллекциями, Л.А. Портенко был одним их столпов советской орнитологии, особенно если учесть, что большинство приезжало сюда с целью определения подвидов у собранных ими птиц, а уж в этих-то вопросах ему не было равных. Как-то я привез несколько полевых коньков (*Anthus campestris*), добытых в Аксу-Джабаглы. Посмотрев их, Леонид Александрович, после некоторых колебаний, отложил одного в сторону, заявив, что это не местный подвид (*A.c. griseus*), а, скорее всего, близкий к номинативному (*A.c. campestris*). Когда я засомневался (поскольку эту птицу я добыл в один день и в одном месте с двумя другими, отнесенными к местным), Леонид Александрович, стал мне объяснять, показывая на тушках – как отличаются оттенки их оперения. К своему стыду, как я ни старался, уловить отличий так и не смог.

Приезжая в ЗИН в основном в зимнее время, когда короткий северный день длился всего несколько часов и вскоре после полудня уже наступал вечер, я обратил внимание на то, что большую часть дня здесь приходится работать при электрическом освещении. Даже писать при таком свете было не очень уютно, а вот различать *оттенки оперения* – уж совсем проблематично. Такое в подобных условиях было под силу только чрезвычайно острому глазу Леонида Александровича! Может, в этом и заключался секрет его успеха?..

Многие молодые орнитологи, уже не пытаясь разобраться в этих оттенках оперения, мечтали о том, чтобы подвиды их коллекции определил сам Портенко. Так, например, поступил мой друг Игорь: получив в один из приездов в ЗИН «добро» от Леонида Александровича на определение подвидов, он посылку за посылкой отправлял ему птиц и получал их обратно с уже готовыми подвидовыми названиями на этикетках. Как говорится, и дешево, и сердито. А главное, попробуй, поспорь – сам Портенко определил!

Невысокого роста, плотный подвижный и розовощёкий, Леонид Александрович был энергичным, деятельным человеком и внешне очень отличался от прочих обитателей этой тихой и спокойной научной обители. Помнится, когда на Львовской конференции одно из заседаний открывали они вдвоём с Александром Богдановичем Кистяковским и оба встали в президиуме, ожидая, когда стихнет шум в зале, сидевший около меня Игорь Кривицкий вполголоса сказал: «Здоровеньки булы!» и все ближние ряды дружно рассмеялись – очень уж эта пара напоминала знаменитых тогда Тарапуньку и Штепселя…

Там же, во Львове, увидев белокурую дочь Эрика Вольдемаровича Кумари, Леонид Александрович вдруг заявил, что на следующую конференцию привезёт свою дочь – «и там посмотрим, чья лучше». Слово своё он сдержал и в Алма-Ату в 1965 году приехал со своей дочерью.

Внешняя простота дополнялась и демократичностью поведения. Даже не зная имени человека, Леонид Александрович мог подойти и сказать: «Милый мой, зайдите-ка ко мне в кабинет» и в дальнейшем продолжать разговор, как будто вы знакомы много лет. Эта простота значительно облегчала общение с ним, снимая надуманные барьеры. Однажды в Ташкенте, после одного из заседаний Зоогеографической конференции, оказавшись вместе с *Л.А.* на улице города, я спросил его, когда выйдет очередной выпуск Атласа распространения птиц. «Милый мой, об этом так же неудобно спрашивать, как у старой девы спросить – когда она выйдет замуж!» – воскликнул он. И, заметив моё смущение, стал уже подробнее объяснять, какие преграды мешают этому выпуску увидеть свет.

Письма Леонида Александровича, написанные красивым твёрдым почерком, отличались чёткостью изложения информации, простотой и лаконичностью, но при этом не были сухими: хоть парой реплик он всегда давал знать, что помнит вас и обращается к знакомому человеку, а не просто к неизвестному предмету (см. рис. 37).

Александр Иванович Иванов (1902-1987)

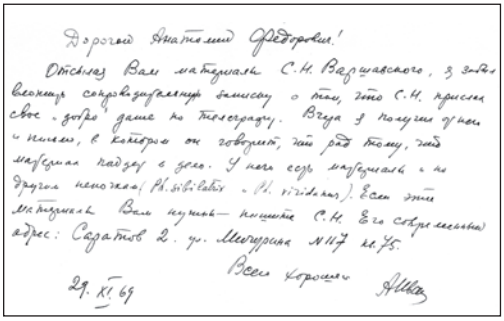
30 октября 2002 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Ивановича Иванова – ученого с мировым именем, крупнейшего представителя ленинградской орнитологической школы, доктора биологических наук, много лет руководившего орнитологическим отделом главного зоологического института страны – ЗИН АН СССР, автора многих орнитологических монографий, определителя и Каталога птиц СССР. А.И. Иванов стоял у истоков советской орнитологии вместе с такими корифеями, как А.Я. Тугаринов, Е.В. Козлова, П.В. Серебровский, Б.К. Штегман, Л.А. Портенко. В наибольшей степени талант А.И. Иванова-фауниста проявился именно в работах по птицам среднеазиатского региона, в частности, горной страны Памиро-Алай. К сожалению, биографические данные о нём очень скудны и едва ли не единственным их источником является краткий некролог, опубликованный вскоре после кончины Александра Ивановича Р.Л. Потаповым, который продолжил его памирские исследования через 20 лет. Основные даты и места работы *А.И.* взяты мною из этого источника.

Александр Иванович Иванов родился 30 октября 1902 г. в Уфе. После окончания в 1921 г. средней школы в г. Бийске он работал в Бийском краеведческом музее, а после переезда в Ленинград – экскурсоводом на Саблинской научно-экскурсионной станции. Совмещая работу с учебой, он поступил в Институт прикладной зоологии и фитопатологии, который окончил в 1927 г. Ещё студентом, в 1925-1926 гг., он участвует в Якутской экспедиции АН СССР, где собрал большой материал по орнитофауне Якутии, опубликованный в 1929 г. В 1928 г. *А.И.* работает в Монгольской экспедиции АН СССР, в 1929 г. – в экспедиции по изучению вредных грызунов Узбекистана, в 1930 г. – в Хамар-Дабанской в Абаканской зоологических экспедициях. Одновременно *А.И.* работал внештат-

ным сотрудником Зоологического музея АН СССР, с 1930 г. преобразованного в Зоологический институт АН СССР

С 1933 г. начинается «таджикский» период в жизни Александра Ивановича. Став научным сотрудником Таджикской базы АН СССР, он развернул обширные полевые исследования по орнитофауне этого региона. С небольшими перерывами Александр Иванович проработал в Таджикистане до 1949 г. (в последние годы – в должности ученого секретаря Таджикского филиала АН СССР), а в 1949 г. перешел на работу в Зоологический институт АН СССР. В 1936 г. по представлению ЗИН АН СССР он получил степень кандидата биологических наук, а в 1948 г. защитил в Зоологическом институте докторскую диссертацию.

Неоценимый вклад внёс Александр Иванович Иванов в исследование птиц Таджикистана. То, что принято называть «таджикским периодом», в действительности представляет собой упорные полевые исследования в течение четырех (1933-1936) сезонов в нелёгких условиях высокогорья Памира и Припамирья и почти четыре года камеральной обработки собранного автором и всеми предыдущими исследователями материала. На последнем стоит остановиться подробнее, так как *А.И.* скрупулезно обработал и свел воедино массу разрозненных данных и представил результат этой работы в виде увесистого тома – фундаментальной фаунистической сводки «Птицы Таджикистана» (1940) объемом 300 страниц. Предпослав изложению собственно орнитологических материалов превосходный очерк истории орнитологических исследований, автор в заключение этого очерка сетует на полное отсутствие анализа накопившихся данных: «Суммируя приведенные данные, мы, казалось бы, можем сказать, что с изучением орнитофауны Таджикистана дело обстоит более или менее благополучно: маршруты лиц, производивших орнитологические сборы, покрывают страну довольно густой сетью; собирало материал свыше 30 коллекторов; в музеях хранится богатый материал. На самом же деле это не совсем так. Среди упомянутых 30 с лишком человек мы найдем не более 10 лиц, *действительно занимавшихся орнитологией* (курсив мой – *А.К.*), остальные же были более или менее квалифицированными коллекторами, либо собирали птиц попутно с проведением какой-либо другой работы. Еще хуже обстоит дело с обработкой материала. Мы имеем лишь очень небольшое число работ, посвященных птицам Таджикистана, не считая нескольких небольших заметок. Но даже и в опубликованных работах мы находим почти исключительно голое систематическое описание музейного материала, с очень скудными данными по географии. Что же касается данных по биологии, то, если не считать коротких примечаний в работах Северцова, Молчанова и Зарудного, они вообще отсутствуют» (Иванов, 1940, с. 13).


Дорогой Анатолий Фёдорович!

Отсылаю Вам материалы С.Н. Варшавского, з. Зайсан вложить сопроводительную записку о том, что С.Н. прислал свое «добро» даме по Телеграфу. Вчера я получил ручку и письмо, в котором он говорит, что рад тому, что материал пойдет в дело. У него есть материалы и по другим неточкам (Pl. sibiricus – M. viridana). Если эти материалы Вам нужны – пишите С.Н. Его современный адрес: Саратов 2. ул. Мичурина №117 кв.75.

Всего хорошего

29. XI 69

Рис. 38. Письмо А.И. Иванова, 1969 г.

Этот пробел *А.И.* в значительной мере восполнил уже изданием упомянутой сводки 1940 г., послужившей бесценной отправной точкой для исследований 40-60-х гг. (А.В. Попов, И.А. Абдусалямов, Р.Л. Потапов и др.). Завершает «таджикский период» великолепная монография А.И. Иванова «Птицы Памиро-Алая» (1969), в которой, помимо личных материалов автора (1929, 1933-1936, 1940-1949, 1961 и 1963 гг.), использованы также многочисленные накопившиеся за два десятилетия сведения, в т.ч. и публикации, а также результаты обработки около 10 тыс. экз. коллекционного материала из орнитологических хранилищ Ленинграда, Москвы, Ташкента и Душанбе. Написанная рукой зрелого мастера, по чёткому, логичному плану, хорошим литературным и в то же время достаточно лаконичным языком, без единого лишнего слова, монография эта может служить образцом подобного рода работ.

Во время работы в Зоологическом институте АН СССР Александр Иванович в полной мере проявил свои научные и научно-организационные способности. Он продолжал исследования по фауне птиц СССР, принимал самое деятельное участие в выпуске определителей по птицам СССР, представлял нашу орнитологическую науку на международных орнитологических конгрессах (в Швейцарии и Финляндии), подготавливал орнитологическую смену. Велика его заслуга в издании 4-томника «Птицы СССР» в серии «Определители по фауне СССР, издаваемые Зоологическим Институтом Академии наук СССР». Вместе с Е.В. Козловой, А.Я. Тугариновым и Л.А. Портенко они в сжатые сроки подготовили и издали два первых тома (1951, 1953), охватывающие всех неворобьиных птиц огромной территории; описание последнего отряда – воробьиных – выполнены единолично Л.А. Портенко (1954, 1960).

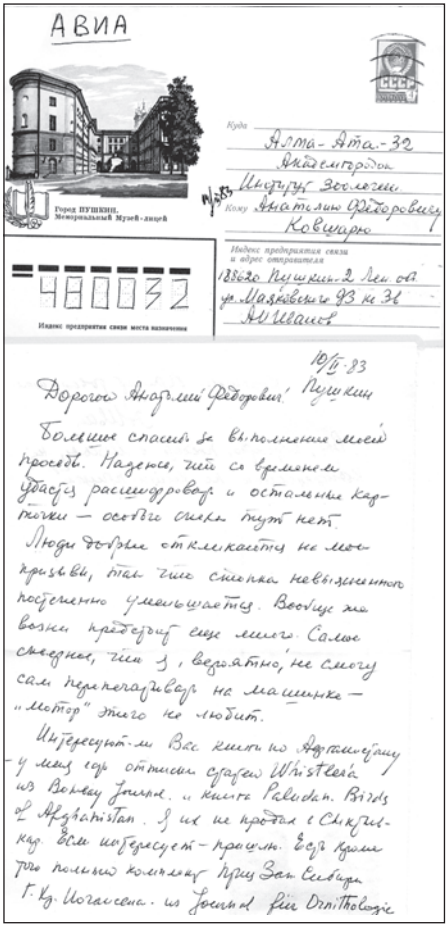
Событием в русской орнитологической литературе был выход в 1964 г. «Краткого определителя птиц СССР», в котором ключи для определения птиц были составлены Б.К. Штегманом, а весь остальной текст написан А.И. Ивановым. Изданный в один год с «Определителем птиц СССР» московских авторов (Гладков, Дементьев, Птушенко, Судиловская, 1964), малоформатный (почти карманный) ленинградский, получивший у орнитологов по цвету обложки рабочее название «зелёный», пользовался большим спросом у полевиков и вскоре был переиздан (1978). Продолжая давние традиции делового соперничества московских и ленинградских орнитологов, А.И. Иванов одновременно с выходом в свет монографии Л.С. Степаняна «Состав и распределение птиц фауны СССР» (1975, 1978) издает свой «Каталог птиц СССР» (1976).

Большой авторитет А.И. Иванова помогал ему вести широкий международный книжный обмен для пополнения библиотеки Зоологического института. Его глубокая любовь к книгам, прекрасное знание отечественной орнитологической литературы и обширные международные связи позволяли ему активно пропагандировать за рубежом достижения советской орнитологии через международный реферативный журнал Zoological Record, для которого он длительное время составлял библиографию нашей орнитологической литературы. Глубокий интерес к библиографии побудил его приступить к выполнению огромной работы по составлению библиографического справочника по птицам СССР. В

1972 г. вышел первый выпуск этого уникального издания, охватывающий период 1881-1917 гг.; в 1979 г. – второй (1918-1945 гг.) и в 1992 г., уже после смерти автора – третий, опубликованный в двух частях, разделенных по алфавиту (1946-1970 гг.). Значение этого титанического труда для отечественной орнитологии невозможно переоценить, тем более, что качество работы, выполненной в содружестве с профессиональными библиографами, работниками Библиотеки Академии наук СССР, – самое высшее среди работ подобного рода в нашей стране. Даже если бы Александр Иванович оставил после себя только этот труд, то и тогда он заслужил бы вечную благодарность тех, кто в будущем изберёт своей специальностью изучение птиц огромной территории России и прилегающих к ней стран, включая Среднюю Азию.

Будучи постоянно загруженным работой, Александр Иванович в силу своего мягкого характера, врожденной деликатности и аккуратности, был всегда внимателен к людям. Особенно аккуратен он был в переписке: даже в преклонном возрасте он моментально отвечал на любое, самое незначительное письмо, и я не раз вспоминал слова Игоря Александровича Долгушина, сказанные о нём еще в 60-е гг.: «Александр Иванович – страшный человек: он не знает, что такое лень. Не успеешь ему написать, как он тут же отвечает». Письма его, написанные красивым каллиграфическим почерком, всегда были выдержаны в деловом стиле – ничего лишнего и все понятно.

Мне приходилось несколько раз вести такую «блиц-переписку» с *А.И.*: в 70-х гг. при написании «Птиц Казахстана» и в 80-х гг., когда он, в связи с переездом из Ленинграда в город Пушкин, продавал свою личную библиотеку. Вначале он через меня предложил её нашему институту, а когда институт не смог найти средства, – Казахскому университету. К сожалению, передаче этой так и не суждено было осуществиться и, в конечном счете, библиотеку прио-


АВИА

СССР

Куда
Алма-Ата-32
Академгородок
Институт Зоологии
Кому Анатолию Федоровичу
Ковшарю

Город ПУШКИН. Мемориальный Музей-лицей

Индекс предприятия связи и адрес отправителя
196620 Пушкин-2 Лен. об.
ул. Маяковского 93 кв 31
А.И. Иванов

480032

Индекс предприятия связи места назначения

10/IV-83 Пушкин

Дорогой Анатолий Федорович!

Большое спасибо за выполнение моей просьбы. Надеюсь, что со временем убавится расшифровок и остальные карточки — особых спешек тут нет.

Люди добрые откликаются на мою просьбу, так что стопка невыясненного постепенно уменьшается. Вообще на возню предстоит еще много. Самое сложное, что у, вероятно, не смогу сам перепечатывать на машинке — "мотор" этого не любит.

Интересуют-ли Вас книги по Афганистану — у меня где-то отложен сборник Whistler'a из Bombay Journal и книга Paludan. Birds of Afghanistan. Я их не продал с Синкрикар. Если не интересует — пришлю. Еще кроме того польщу коллекцию Пржевальского. Г. Ку. Исчезнов. из Journal für Ornithologie

Рис. 39. Одно из последних писем А.И. Иванова

брел Коми филиал АН СССР в г. Сыктывкар. Сам же Александр Иванович вместе с супругой последние годы прожил в г. Пушкин, в доме престарелых…

Каждый раз, бывая в ЗИН'е, я непременно заходил к Александру Ивановичу и всегда встречал радушный прием и неподдельный интерес к орнитологам и птицам Казахстана. При этом внешне он всегда оставался спокойным и как будто невозмутимым, но это не было признаком равнодушия – просто он был воспитанным, скромным и сдержанным в проявлении своих чувств. Особенно заметно это было в дни, когда весь ЗИН был взбудоражен нашей реликтовой чайкой: Александр Иванович, так же, как К.А. Юдин и И.А. Нейфельдт, испытывая несомненный интерес к происходящему, внешне сохранял спокойствие.

Константин Алексеевич Юдин (1912-1980)

Рассказ об этом выдающемся учёном и замечательном человеке я хочу начать с обстоятельного юбилейного очерка, опубликованного к его 60-летию Зиновскими орнитологами.

«3/VI.1972 г. исполнилось 60 лет известному орнитологу, одному из видных советских зоологов, Константину Алексеевичу Юдину. Интерес к избранной области науки определился у него ещё в пору отрочества, при первом знакомстве с птицами. К.А. Юдин родился в г. Красноярске в семье служащего. Многие годы Константин Алексеевич занимался самообразованием, в 14 лет он уже работал препаратором, изготовлял чучела на заказ. Тогда же приступил к сбору научной орнитологической коллекции, которая, задолго до прихода К.А. Юдина в Зоологический институт АН СССР, заняла свое место в его фондах, пройдя придирчивый просмотр академика П.П. Сушкина. Заочное общение с этим крупнейшим ученым оказало в дальнейшем серьезное влияние на выбор К.А. Юдиным жизненного пути, и даже особенно любимая П.П. Сушкиным группа птиц – сокола – стала первым предметом его обстоятельного изучения.

В 1931-1933 гг. Константин Алексеевич в качестве техника, а позднее – охотоведа занимался охотустройством в магистральных районах бывшего Приенисейского края, и в составе Елогуйско-Тазовской экспедиции посетил район р. Таза. В 1934 г. он поступил в Красноярский пединститут на должность препаратора и заведующего кабинетом зоологии. Одновременно начал заниматься на вечернем отделении естественного факультета этого института. С 1936 г., продолжая учение, К.А. Юдин ведет как ассистент практические занятия со студентами, а в 1939 г. уже читает курсы зоологии позвоночных, эмбриологии и гистологии. В том же году, после окончания института, остается преподавателем при кафедре зоологии.

В 1944 г. по представлению профессора А.Я. Тугаринова, заведывавшего тогда Отделом наземных позвоночных и хорошо знавшего с детства талантливого юношу, К.А. Юдин был приглашен в аспирантуру ЗИН АН СССР. Здесь он показал себя зоологом с широким научным кругозором и ярко выраженным интересом к теоретическим проблемам. Вся последующая жизнь и научная деятельность Константина Алексеевича, – а они для него неотделимы, – неразрывно связаны с этим центральным зоологическим учреждением страны, в котором он руководит Лабораторией орнитологии и герпетологии.

Глубокое знание объекта исследований в природе, по коллекциям и литературе, позволило К.А. Юдину, изучавшему в аспирантуре морфологию и систематику птиц, придать с самого начала этим исследованиям эколого-морфологическую направленность. В кандидатской диссертации «Эколого-морфологический обзор соколиных птиц», защищенной

в 1948 г., он поставил и блестяще разрешил вопрос об адаптивном значении структур, не связанных с современными условиями существования. Он показал искусственность деления признаков на «адаптивные» и «филогенетические», а также необходимость использования при изучении филогенетических отношений жизненно важных особенностей строения. Таким образом, уже в первом своём крупном исследовании К.А. Юдин не только сделал серьёзный шаг вперед, по сравнению с его учителем П.П. Сушкиным, но и почти на четверть столетия опередил ведущего систематика США Э. Майра, определив «вскрытие связи хода исторического развития органических форм с условиями среды» как одну из центральных задач систематики. Эта работа, содержащая полную ревизию господствовавшего принципа построения системы класса птиц, получила высокую оценку специалистов и была удостоена премии имени П.П. Сушкина.

Не оставляя в дальнейшем своих ранних интересов в области авифаунистики и экологии, К.А. Юдин направил основное внимание на развитие столь успешно начатых им исследований по функциональной морфологии и филогении птиц. Исходя из необходимости изучения в первую очередь жизненно важных систем органов для реконструкции конкретного хода эволюции и, следовательно, филогенетических отношений изучаемой естественной группы, он в числе наиболее актуальных задач эколого-морфологических исследований птиц назвал изучение процессов отыскивания и добывания пищи, а также передвижения в пространстве во всем его многообразии. Именно трофическим и локомоторным адаптациям К.А. Юдин уделил особое внимание при разработке естественной системы ржанкообразных; при этом был использован огромный сравнительный материал по многим другим группам птиц. Отдельным результатам этих исследований посвящены публикации: «Кинетизм черепа чайковых и чистиковых», «О механизме нижней челюсти ржанкообразных, трубконосых и некоторых других птиц», «Пропатагиальный аппарат ржанкообразных», «О некоторых приспособительных особенностях крыла трубконосных птиц» и др. В итоге была написана монография «Филогения и классификация ржанкообразных». Это – первый в мировой орнитологической науке опыт применения эколого-морфологического метода при построении естественной системы крупного отряда птиц со сложными филогенетическими отношениями. За этот труд К.А. Юдину присуждена в 1966 г. ученая степень доктора биологических наук.

При изучении трофических приспособлений ржанкообразных в центре внимания Константина Алексеевича были морфологические адаптации их челюстного аппарата, а также биологическое значение разных типов кинетичности черепа в пределах всего класса птиц. Многолетнее исследование этой проблемы увенчалось изданием в 1970 г. фундаментальной работы «Биологическое значение и эволюция кинетичности черепа птиц». В ней, подвергнув тщательно аргументированной критике ряд ошибочных положений американского ученого У. Дж. Бока, К.А. Юдин впервые обосновал принципиально важную гипотезу о создании активной напряженности верхней челюсти как о наиболее ранней, первичной, функции кинетизма черепа птиц, который был лишь очень слабо выражен у первоптиц. Этим убедительно показано, насколько серьёзный общебиологический интерес имеет функционально-морфологическое изучение челюстного аппарата птиц, помогающее расшифровать одно из ключевых звеньев эволюционного процесса, сформировавшего современный класс птиц.

Наряду с выдающимися исследованиями по сравнительной и функциональной морфологии, филогении и систематике птиц К.А. Юдин внёс немалый вклад в авифаунистику и экологию (все его публикации содержат оригинальные данные об образе жизни и поведении отдельных видов), в изучение птиц Сибири, Арктики и Антарктики, в аэродинамику и прикладную зоологию.

Особого упоминания заслуживает неослабное внимание К.А. Юдина к теоретическим и методологическим проблемам зоологической науки. Последовательному рассмо-

трению принципиальных и методических вопросов систематики животных он посвятил цикл докладов и статей, начиная с выступления на I Всесоюзной орнитологической конференции в 1956 г. («О задачах морфологических исследований в области орнитологии») и кончая блистательным докладом «О понятии «признак» и уровнях развития систематики животных» на научной сессии ЗИН АН СССР в 1972 г. Первое выступление для большинства зоологов СССР стало программой и руководством, второе вызвало бурную дискуссию: в нём К.А. Юдин предлагает деление систематики на диагностический, классический филогенетический и морфо-биологический уровни, что позволяет не только ориентироваться в современных направлениях зоологической науки, но и объективно оценивать отдельные системы животных, а также выявлять первоочередные задачи дальнейших специальных исследований и их научно обоснованное планирование.

К.А. Юдин хорошо известен не только как высококвалифицированный специалист-зоолог широкого профиля, но и как деятельный биолог-эволюционист. Его убежденные, тщательно аргументированные выступления, проникнутые духом борьбы с проявлениями идеализма в биологии, а также публикации направлены к защите и дальнейшему развитию всегда с позиций последовательного диалектического материализма идей Ч. Дарвина, В.О. Ковалевского, П.П. Сушкина, А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена. К.А. Юдин предъявляет самые высокие требования к результатам научных исследований и относится непримиримо к поверхностным, поспешным выводам. Его собственные труды неизменно отличают оригинальность творческого замысла, теоретическая глубина, тщательность проработки материала и ясная форма изложения. Работы К. А. Юдина пользуются безусловным признанием в нашей стране и за ее рубежами.

Велики заслуги Константина Алексеевича в деле воспитания научных кадров зоологов разных специальностей в Зоологическом институте и за его пределами. Он умеет, не стесняя научных интересов собеседника, направить его мысли по правильному руслу, помочь определить задачи исследования и его место в цепи перспективных проблем. В таких беседах, как и в письмах, К.А. Юдин сообщает много новых, не опубликованных им фактов и оригинальных мыслей, не опасаясь, что идеи, которыми он так богато и щедро одаряет окружающих, будут кем-то использованы. Работать рядом с К.А. Юдиным и постоянно учиться у него – счастье для всех, кто имеет такую возможность. Остается пожелать Константину Алексеевичу новых поисков и радостных открытий, раздвигающих горизонты нашей науки, здоровья и удачи во всем». *Е.В. Козлова, И.А. Нейфельдт, Б.В. Некрасов* (Орнитология, вып. 11, М., 1974. С. 428-430)

*****

В сентябре 1962 года, после окончания III Всесоюзной орнитологической конференции, я прямо из Львова поехал в Ленинград. Всё для меня, молодого специалиста, проработавшего всего три года в заповеднике “Аксу-Джабаглы” (Южный Казахстан), было впервые: и город на Неве, и знаменитый Зоологический институт Академии наук ССР, и орнитологические звёзды первой величины – Елизавета Владимировкна Козлова, Леонид Александрович Портенко, Борис Карлович Штегман... Именно они были мне знакомы по литературе, в основном по фаунистическим сводкам и определителям.

Константин Алексеевич Юдин среди них был как-то мало заметен и воспринимался даже не столько как орнитолог, а как близкий друг моего учителя Игоря Александровича Долгушина, у которого на книжной полке на самом видном месте всегда стояла фотография, где в непринуждённых позах вместе с ним были запе-

чатлены Константин Алексеевич Юдин, Алексей Сергеевич Мальчевский и Виктор Алексеевич Попов. Позже я узнал, что все четверо в середине 50-х годов были докторантами ЗИН и называли друг друга "кумовьями". Причём Долгушин, как самый старший по возрасту, был "кум старейший", а Юдин – "кум мудрейший".

Но тогда, в сентябре 1962 г., я ещё не знал этого, как не знал и трудов К.А. Юдина, и его самого. Тогда я не мог даже предположить, что всего через 4 года не станет Игоря Александровича и его заменит мне незаметный, немногословный, тихий и, на первый взгляд, сухой Константин Алексеевич.

Произошло это как бы само собой, незаметно – просто я почувствовал, что мне необходимы юдинские оценки, суждения, рассказы, объяснения. При более близком знакомстве оказалось, что и ему общение просто необходимо. Возможно, играло роль то обстоятельство, что я работал на Тянь-Шане – новом для Константина Алексеевича месте, где живут интересные виды птиц. И разговор он вёл так, что мне приходилось рассказывать, а он больше слушал, чем говорил. Зато если говорил, то сразу начинал сопоставлять мои сведения с тем, как живёт тот или иной вид (или близкие ему) в Восточной Сибири или на Кавказе. Разговор продолжался как бы сам собой, настолько доверительный, что не было ощущения, что говорит учитель с учеником. Так беседовать, кроме него, мог только Долгушин, но тот больше любил (и умел!) рассказывать сам, к тому же разговор часто быстро переходил с птиц на любую другую тему: от футбола и филателии до политики, литературы и искусства. Константин Алексеевич же говорил (больше слушал!) почти всегда только о птицах – именно о них, а не об актуальных проблемах орнитологии. Однажды он даже выразился так об одном небезызвестном орнитологе: "Такой хороший парнишка был, пока интересовался птицами; к сожалению, потом занялся проблемами". Иногда Юдин начинал дотошно расспрашивать о той или иной птице: как она передвигается, добывает корм, где устраивает гнёзда, какие звуки издаёт и т.д. Так было в отношении желчной и горной овсянок. Зато когда я по своему почину заговорил о красно-крылом чечевичнике, полагая, что о нём я знаю что-то такое, что другим неведомо, Константин Алексеевич, вежливо выслушав меня, вдруг рассказал о поведении этой птицы много нового для меня: оказывается, совсем недавно он наблюдал краснокрылых чечевичников на Кавказе, кажется, где-то в Армении. Лишь потом, познакомившись ближе с работами

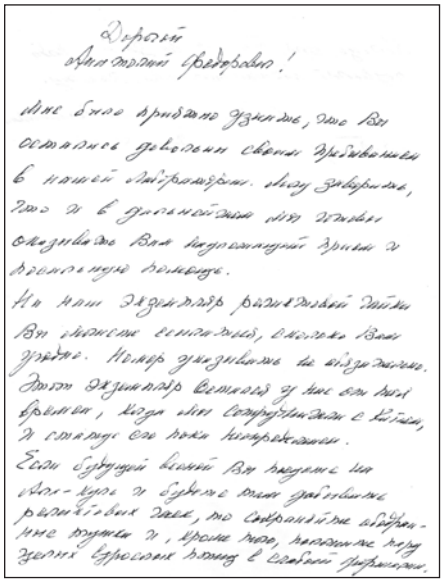


Рис. 40. Письмо К.А. Юдина, 16.12.1969 г.

Константина Алексеевича, я понял, как важны были все эти натуралистические подробности в его теоретических изысканиях. Однако для собеседника всё это выглядело как обычный обмен впечатлениями двух любителей птиц, причём чувствующих себя на равных. Излишне говорить, насколько это побуждало собеседника к предельной откровенности.

Чаще всего такие беседы велись у Константина Алексеевича дома, по вечерам. Здесь, на 5-й Красноармейской, в доме 11/13, кв. 18, в простой и уютной домашней обстановке, было особенно хорошо. Его жена Людмила Гавриловна умела незаметно предложить чай с вареньем, вовремя перевести разговор на Алма-Ату и Заилийский Алатау, где они гостили у Долгушиных несколько лет назад, и даже стеснительный гость вскоре чувствовал себя как среди давних и близких знакомых. Кстати сказать, гостеприимство Людмилы Гавриловны не изменилось и после того, как не стало Константина Алексеевича. Помню, как она сразу покорила мою дочь при первом же посещении в 1986 году, а в архиве моём хранятся поздравительные открытки 1989 г. И сейчас, спустя годы, я испытываю особую теплоту, вспоминая посещения дома Юдиных.

Скромность Константина Алексеевича органично сочеталась с глубокой принципиальностью и скептическим отношением ко всему легковесному, модному, скоропалительному в науке. Да и не только в науке. Одевался он просто и скромно, без претензий. Мне навсегда запомнилась его казавшаяся высокой фигура в длиннополом, похожем на шинель, пальто на фоне слабоосвещённых домов на 5-й Красноармейской улице, когда он вечером выходил с собачкой проводить засидевшегося гостя.

Что же касается отношения К.А. Юдина к научным сенсациям, то очень показателен пример с реликтовой чайкой, о котором я уже рассказывал. Многие орнитологи не только в Москве, но и в ЗИН'е, были очень заинтригованы этой сенсацией. Один Константин Алексеевич оставался невозмутимым. Убедив меня в необходимости поездки на следующиё год на колонию, чтобы убедиться – каковы птенцы у этой чайки, он вдогонку, буквально к Новому году, прислал мне очень хорошее письмо, в котором разрешал ссылаться на их экземпляр реликтовой чайки и обещал и впредь любую помощь от себя (см. рис. 40).

Общение с Константином Алексеевичем всегда приносило радость, и мне странно было слышать от некоторых коллег о его сухом, замкнутом характере. Это было первое, поверхностное впечатление; при более близком знакомстве постепенно раскрывалось его радушие и неподдельный интерес и к птицам, и к людям. Последнее не мешало ему быть суровым судьёй скоропалительных или, ещё хуже, пустых работ. Помню, как он был по-настоящему расстроен одной докторской диссертацией из Западной Сибири, содержавшей очень мало нового в своих исходных данных.

Иногда скромность Константина Алексеевича буквально ставила в тупик. Когда после десятилетнего общения я попросил разрешения напечатать в автореферате его фамилию в качестве научного консультанта, он наотрез отказался. Это было настолько неожиданно, что я растерялся, написал ему длинное сбивчивое письмо, уговаривая согласиться, а в конце (каюсь!) высказал даже

предположение, не означает ли его отказ, что он негативно оценивает саму работу. В ответ я получил очень подробное письмо, в котором было всё – и положительная оценка работы, и спокойное объяснение причин отказа, заключавшихся в убеждении Константина Алексеевича, что он ничего особого для появления этой работы не сделал. С последним я до сих пор не могу согласиться и сожалею, что фамилию научного консультанта из автореферата всё-таки пришлось убрать.

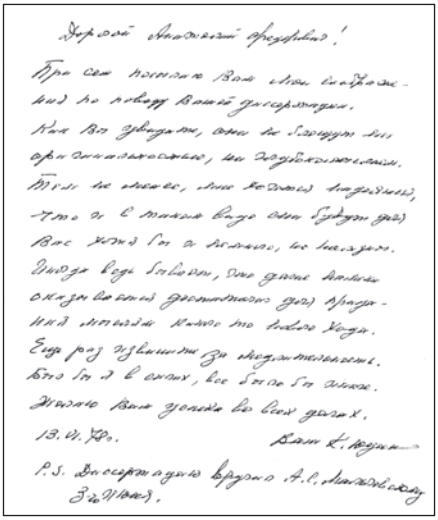


Рис. 41. Последнее письмо К.А. Юдина

А сделал Константин Алексеевич – и для этой работы и для меня лично как орнитолога – очень много. Не говоря уж о том, что в течение 10 лет я получал от него массу консультаций, он, уже будучи серьезно больным (тогда я этого не знал!), прочитал объёмистый первый вариант моей работы и в приложении к своему письму от 13 июня 1978 г. (рис. 41) прислал подробнейшие соображения по превращению полуфабриката в цельный научный труд. Привожу эти соображения К.А. – как образец документов подобного рода.

«Наименование работы и тема исследования.

Судя по наименованию, в работе должны быть охарактеризованы специфические особенности биологии размножения певчих птиц, населяющих субвысокогорье Тянь-Шаня, а исходя из подзаголовка темы, надо полагать, что речь будет идти не о всём субвысокогорном комплексе, но лишь о тех видах, которые считаются фоновыми. По первому впечатлению, подзаголовок как будто бы избавляет автора описывать виды малочисленные, спорадично распространенные и гнездящиеся в субвысокогорье не каждый год, т.е. сужает и уточняет круг объектов изучения и облегчает труд исследователя. На самом же деле получается наоборот: во-первых, возникает необходимость дать достаточно ясное, объективное определение понятия «фоновый вид», что весьма непросто хотя бы потому, что «фоновыми» могут быть в разные годы различные виды (если иметь в виду численность). Пример тому – арчовый дубонос, клёст, расписная синичка – виды, то многочисленные, то почти исчезающие. Во вторых, вводя критерий численности, Вы, в значительной мере субъективно, отрезали от субвысокогорного комплекса некую неучитываемую его часть, значение которой остается неясным. Другое дело – ограничение в плане систематики. Здесь выделение группы воробьиных птиц вполне оправдано, тем более потому, что оно открывает широкие возможности сопоставления результатов Ваших исследований с таковыми А.С. Мальчевского. Исходя из сказанного, я считаю, что Вам следует или, оставляя все как оно есть, дать обоснование понятия «фоновый вид» или отказаться от этого понятия и рассматривать весь субвысокогорный комплекс воробьиных птиц полностью. Второй вариант, по моему мнению, предпочтителен.

Материал и методика.

О том и другом я уже писал. Здесь скажу лишь, что и то, и другое единственны в своем роде. Ведь до сего времени не проводили в горах стационарных многолетних исследований с применением метода индивидуального мечения. В этом огромное преимущество Вашей работы, но это же и её трудность, поскольку нет материала из других горных систем для сравнения. А такой материал по собственно субвысокогорным видам необходим, как воздух. Единственный недочёт я усматриваю в том, что этот материал собирался по общей программе, без учета какой-либо более определенной специальной цели. Поэтому при его обработке возникает необходимость введения в него задним числом какого-то особого «теоретического стержня», что и составляет, по моему мнению, главную трудность. Преодолеть её, мне думается, лучше всего путем замены одного «стержня» несколькими «опорными элементами», о которых будет речь далее. Соответственно, защищать придется не одно генеральное положение, а несколько базовых, что даже интересней и практичней».

Далее в письме - несколько страниц подробнейших соображений, как бы следовало анализировать и обобщать мои материалы. И в конце письма Константин Алексеевич пишет:

«Таковы мои общие соображения о Вашей диссертации. Теперь несколько слов о деталях. Прежде всего, как Вы видите, я рекомендую всюду, где это можно, усилить элемент сравнительного анализа. Этому моменту я придаю особое значение, потому что в биологических работах сравнительный метод служит необходимой основой для исторической интерпретации явлений. Без него мы можем изображать лишь состояние (картину), но не процесс с его причинными связями. Далее, настаивая на дифференцированном анализе фактов, я стремился таким путем помочь Вам избавиться от чрезмерно широких масштабов обобщений, которые поглотили бы массу важных деталей, необходимых для достижения конечных целей работы. Для примера сошлюсь на главу «Плодовитость» из Вашей работы. Как и в других главах, в ней вопросы выживаемости и плодовитости обсуждаются для всех субвысокогорных фоновых видов вместе. Конечный вывод гласит, что плодовитость у субвысокогорных птиц несколько ниже, чем у птиц других, сравниваемых с ними комплексов. Далее следует оговорка, что снижение произошло за счет клеста, которого выедает белка, интродуцированная человеком. Объективно же получается вот что: Вы, в конечном счете, пришли, в результате чрезмерного обобщения, (желая поначалу выяснить естественную плодовитость) к заключению, что появление белки в Тянь-Шане пагубно отразилось на численности клеста. Таким образом, совершенная частность повлияла на общий весьма ответственный вывод, при том отрицательно. Очевидно, что при более дифференцированном подходе ничего подобного не произошло бы. Приняв подразделение комплекса на группы, подобные предложенным Вам, Вы обнаружили бы, что каждое из подразделений имеет свой коэффициент плодовитости, а некоторые группы, в том числе и центральная, размножаются даже успешней, чем близкие им вне гор. Клёст при этом изначально выпал из естественного ряда.

Это я пишу не в укор Вам, а чтобы предостеречь Вас от методических ошибок. Говоря вообще, анализировать материал следует до предела, допустимого методом, а синтез проводить по ступеням, от мелочей до самого крупного. Пропуск одной или нескольких ступеней влечет, как правило, к ошибкам в конечных выводах.

В заключение хочу напомнить то, о чем уже раз говорил Вам: я давно и трудно думаю о том, какой должна быть современная эколого-фаунистическая докторская диссертация; к окончательному выводу я ещё не пришел, да вряд ли и успею придти. То немногое, к чему я пришел, и что имеет отношение к Вашей работе, я постарался изложить в этом послании. Буду рад, если мои суждения помогут Вам в Ваших трудах.

У других читателей и ценителей, несомненно, будут иные суждения, но вряд ли эти суждения будут исключать то, о чем я Вам написал.

К. Юдин
13.VI.78 г.

P.S. Это послание я счел полезным показать А.С. Мальчевскому, надеясь на то, что его критика и добрые пожелания будут для Вас в высшей степени полезны.

К.Ю.»

Когда в 1980 году Борис Владимирович Некрасов предложил мне написать воспоминания о Константине Алексеевиче, я закончил их словами: «Я не сомневаюсь, что о Константине Алексеевиче Юдине как орнитологе, зоологе напишут специалисты-систематики и воздадут должное его заслугам в различных разделах зоологии. Мне же хотелось вспомнить о человеке, бесконечно влюблённом в птиц и постоянно создающем вокруг себя атмосферу этой любви и интереса к одним из самых совершенных творений природы». Тогда я и предположить не мог, что этим словам придется пролежать в «портфеле» 20 лет! И все же в 2000 году Русский орнитологический журнал опубликовал замечательный очерк «Жизнь и деятельность Константина Алексеевича Юдина (1912-1980)», написанный Ф.Я. Дзержинским, Б.В. Некрасовым и И.К. Юдиной, к которому приложены и наши с Л.В. Фирсовой и П.П. Гамбаряном воспоминания. Спасибо журналу за бережное отношение к памяти этого замечательного человека и учёного.

Алексей Сергеевич Мальчевский (1915-1985)

Это имя хорошо знакомо всем русскоязычным орнитологам моего поколения. Доктор биологических наук, профессор, несколько десятилетий заведовавший кафедрой зоологии Ленинградского (ныне Петербургского) университета. Крупнейший российский орнитолог, автор капитальных монографий «Гнездовая жизнь певчих птиц» (1959) и «Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий» (1983), а также прекрасных научно-популярных орнитологических книг – «Орнитологические экскурсии» и «Кукушка и ее воспитатели». Совершенно особую известность ему принесла его методика изучения питания птенцов воробьиных птиц – так называемая «методика лигатур» (Мальчевский, Кадочников, 1953), которой пользовалось всё моё поколение, причем как бы все мы её ни усовершенствовали или модифицировали, она так и осталась «методикой лигатур» и связана, прежде всего, с именем Алексея Сергеевича Мальчевского. Например, я ещё при работе в заповеднике отказался от рекомендуемой авторами шерстяной нитки, перейдя на мягкие медные проволочки с изоляцией, которые не надо завязывать, а только загибать, располагая их в одну линию – для моментального ослабления при необходимости; однако во всех публикациях ссылался на методику лигатур Мальчевского и Кадочникова.

Книга «Гнездовая жизнь певчих птиц» появилась в год окончания университета, и я успел приобрести ее ещё в Харькове. В заповеднике она была моей настольной книгой во все годы работы. Состоявшееся в сентябре 1962 г. знакомство с автором, помимо вполне объяснимого чувства удовлетворения, принесло и

некоторое разочарование: он прямо заявил мне, что сейчас его занимают другие вопросы (почему-то он назвал перепела). Поэтому до 70-х гг. наше знакомство было формальным и прямого общения не было, хотя с книжкой его я дружил попрежнему очень тесно. А с автором её я встречался на конференциях.

Однако долго так продолжаться не могло: по мере все большего погружения в мир гнездовой жизни воробьиных птиц субвысокогорья Тянь-Шаня я рано или поздно должен был снова выйти на Алексея Сергеевича – крупнейшего специалиста в этой области. И в самом деле, как только я прислал Константину Алексеевичу Юдину (которого уже считал своим научным консультантом) первый варинат общих глав своей будущей докторской диссертации, он сразу же привлек к его обсуждению Алексея Сергеевича. И вскоре после замечаний Юдина я получил письмо от Мальчевского с его замечаниями и пожеланиями.

«Ленинград, 2I/IX.78 г.

Дорогой Анатолий Федорович!

Я недавно вернулся из отпуска, а рукопись Вашей диссертации получил от К.А. Юдина перед самым отъездом. Таким образом, смог познакомиться с ней лишь сейчас. Написана она, в целом, хорошо и обстоятельно и можно было бы не беспокоиться, если бы не вопрос об основных теоретических выводах, которые будут служить предметом зашиты.

Мне было легче. Я имел дело с воробьиными лесной зоны, то-есть более однородной, по своей истории, группой, чем птицы субальпики. Кроме того, я стремился выявить общие черты биологии размножения и степень пластичности поведения воробьиных в целом, в отличие от других отрядов. Предметом же основной защиты была критика популяционной теории, в связи с возведением в абсолют гнездового консерватизма.

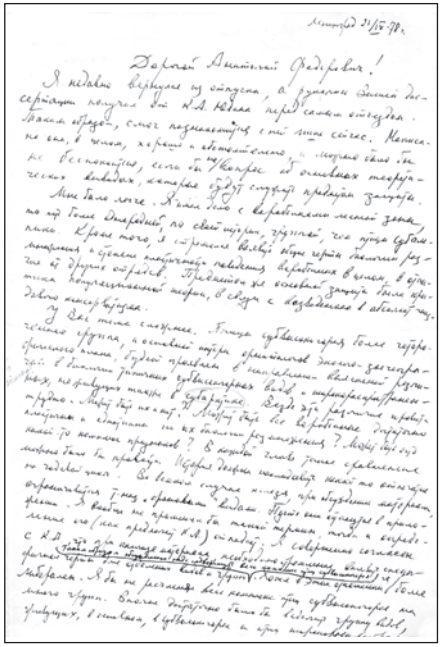


Рис. 42. Начало письма А.С. Мальчевского от 21.09.1978 г.

У Вас тема сложнее. Птицы субвысокогорья более гетерогенная группа, и основной интерес орнитологов эколого-зоогеографического плана будет проявлен в направлении выяснения различий в биологии типичных субвысокогорных видов и широко распространенных, но живущих также в Субарктике. Везде эти различия провести трудно. Может быть, их и нет? Может быть, все воробьиные достаточно пластичны и однотипны по их биологии размножения? Может быть, есть какой-то комплекс признаков? В каждой главе такое сравнение можно было бы привести. История должна накладывать какой-то отпечаток на годовой цикл. Во всяком случае, нельзя при обсуждении материала ограничиваться т. наз. «фоновыми видами». Пусть они останутся в приложении. Я вообще не применял бы такой термин, тогда и определение его (как предлагает

К.А.) отпадает. Я совершенно согласен с *К.А.,* что при анализе материала необходимо стремление выявить специфичные черты для отдельных видов и групп. Таким образом, обсуждению надо подвергнуть весь комплекс птиц субвысокогорья. Хотя в этом отношении я более либерален. Я бы не расчленял весь комплекс птиц субвысокогорья на много групп. Вполне достаточно было бы выделить группу видов, живущих в основном в субвысокогорье, и широко распространенных птиц, попавших высоко в горы благодаря своей пластичности, большей подвижности, меньшему консерватизму. Не помешала бы и картинка зонального распределения птиц, живущих в субвысокогорье. Она бы и дала основу для расчленения и последующих сравнений в отдельных главах.

Второй вопрос, возможно связанный с первым, который можно было бы вынести на защиту, это вопрос о гнездовом консерватизме и дисперсии молодняка. У Вас по многим видам проведена большая работа. Зачем? Для того, чтобы сказать, что некоторые особи иногда возвращаются? Вы только с точки зрения гнездового консерватизма приводите материалы в видовых очерках. А негативные данные (невозвращение), которых у Вас множество, оставляете без обсуждения. Каким же образом сохранится численность, если возвращается лишь немногие особи? Следовательно, население пополняется со стороны. Как ведут себя в этом отношении широкораспространенные виды и как – типичные субальпы? Если одинаково, то это тоже интересно, ведь ареал у них пятнышками, следовательно, панмиксия возможна и при островных поселениях?

Все это достойно более подробного обсуждения и, во всяком случае, на защите будет выглядеть более солидно, чем другой, более частный вопрос. Хорошо, что Вы всё-таки его затронули. Кстати, в тексте у Вас слишком подробно излагаются результаты (не выводы) многих работ по кольцеванию, с приведением %% и т.п., что разбивает нить Ваших собственных рассуждений по этому поводу применительно к птицам субвысокогорья, в связи с их особенностями распространения и экологии. Я бы усилил эту часть за счет сокращения страниц, где пересказываются детали чужих работ. Многие из них можно было бы вообще опустить, так как они уже обозревались мною.

К.А. прав в том, что такие вопросы как плодовитость, степень пластичности гнездостроения, песня и др. биологические признаки важно обсуждать с точки зрения индивидуальной, групповой, географической изменчивости. Причем сравнивать сравнимое, не путая типичных высокогорцев с широкораспространенными видами. В конечном счете важно всё-таки стремиться выяснить то, о чём я говорил Вам еще в Черкассах, – что в биологии птиц (и поведении) строго видовое (особенно для субвысокогорных, которые в этом отношении были слабо охарактеризованы) и что подвержено изменениям под влиянием экологических условий. Какие признаки у широкораспространенных не меняются даже в горных условиях?

Наконец, очень важно разгадать т.наз. индивидуальные особенности. Они могут объясняться возрастом (первогодки, второгодки), причем закономерно, опытом или индивидуальной изменчивостью интеллекта. Итак, видовая специфика, экологические признаки и уклонения и индивидуальные особенности, могут быть предметом специального обсуждения и вопросом для защиты. Для сравнения достаточно нескольких хорошо изученных видов из разных групп. Стоит ещё раз подумать о том, нужно ли так подробно и без связи с биологией птиц давать описание климатических условий (стр.18-27). Уж очень получается формально. Я бы в самых общих чертах, не выделяя подзаголовки, поместил характеристику климата в конце второй главы. А там, где потом возникает необходимость объяснить разницу в сроках размножения и др. особенностей биологии в разные годы, привел бы необходимые таблицы и сведения по годам. Там это было бы к месту и было бы связано с биологией. А так Вы заставляете читателя всё время вспоминать о том, что написано с самого начала диссертации.

Мои, самые общие, замечания могут быть приняты по-существу, без особой ломки общей конструкции работы, за исключением введения, раздела, в котором иллюстрировалось и обосновывалось бы деление птиц субвысокогорья на исторические группы, хотя бы на две основные; желательно также упразднение самостоятельной главы о климате. После подразделения птиц субвысокогорья на группы можно будет в конце каждой главы провести соответствующее сравнение. Это позволит уменьшить количество общих вопросов, которые будут вынесены на защиту.

Желаю Вам успешной работы.

Ваш А. Мальчевский

P.S. Одновременно высылаю на ул. Курмангазы 20 рукопись диссертации.»

После получения двух таких объемистых текстов (Юдина и Мальчевского) я в течение зимних месяцев внёс коррективы в свой первоначальный текст и снова отправил в Ленинград общую главу в обновленном виде. К сожалению, далеко не все пожелания я смог учесть, так как часть из них были на уровне практически невыполнимых пожеланий, для других понадобились бы ещё годы труда, тогда как «защитный процесс» уже был запущен. Но в основном постарался учесть всё, что возможно, и в результате текст общих глав заметно улучшился. Вот ответ Алексея Сергеевича на этот второй вариант моего текста.

«Ленинград, 8 июня 1979 г.

Дорогой Анатолий Федорович!

В целом, я согласен с тем, что у Вас написано в заключительной главе и в выводах. Думаю, однако, что первые два пункта – это не выводы. Остальные пункты желательно было бы подчинить еще большей логической последовательности и соподчиненности. Например, вывод о биологическом смысле пения и вывод о территориальном поведении могли быть взаимно связанными общей идеей, равно как и изменчивость биологических признаков. Это же все механизмы эволюции, поддерживающие видовую целостность.

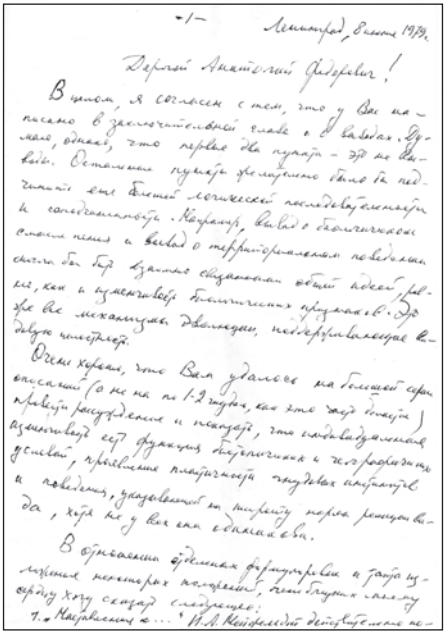


Рис. 43. Начало письма А.С. Мальчевского от 8 июня 1979 г.

Очень хорошо, что Вам удалось на большой серии описаний (а не на 1-2 гнездах, как это часто делается) провести рассуждение и показать, что индивидуальная изменчивость есть функция биотопических и географических условий, проявление пластичности гнездовых инстинктов и поведения, указывающей на широту нормы реакции вида, хотя не у всех она одинакова.

В отношении отдельных формулировок и такта изложения некоторых положений, очень близких моему сердцу, хочу сказать следующее:

«Наставления к…» И.А. Нейфельдт действительно послужили толчком для новоописаний, по возможности более

точных, пуховых птенцов азиатских видов. В то же время толчком для работы И.А. Нейфельдт послужила моя работа, причем ещё в период полевых исследований, когда я в начале 50-х годов в Савальском лесхозе собирал материал для докторской, а И.А. Нейфельдт – дипломной работ. Значение своей работы я видел и вижу не только в «восполнении пробела», а в общем теоретическом подходе, который продолжила И.А. Нейфельдт. Я же – последователь взглядов Тайсхорста. Но в тот период мне пришлось пролить много крови в борьбе с вульгарно-экологической точкой зрения, решавшей вопрос умозрительно и не интересовавшейся деталями опушения. Поэтому я думаю, что правильно будет писать, что «до начала 70-х годов» описания не удовлетворяли современным требованиям. Основную схему дал Тайсхорст, а я и затем И.А. Нейфельдт лишь незначительно её усовершенствовали. Во всяком случае, последняя фраза IV-й гл. «Гнездовой жизни» как основной ее вывод – «в своей совокупности птенцовые признаки могут служить критерием родовой принадлежности вида» может быть правильной или неправильной (на Вашем материале Вам и судить), но она отражает теоретическое начало, а не простое собирательство новых фактов. Там же (стр. 105) идет речь и о значении сравнения птенцов из разных районов и даже из одного гнезда для объяснения причин индивидуальной изменчивости.

В выводе № 6 (не знаю, как в тексте), говоря о Вашем понимании функционального значения пения птиц, необходим дискуссионный оттенок, ибо до сих пор в орнитологии преобладает другая, официальная точка зрения: послушайте радио, посмотрите телевизор, почитайте рукопись нового учебника по «Общей орнитологии», которую мне только что прислали из изд-ва «Высшая школа». Поэтому мне кажется, что писать надо примерно так: «наши наблюдения подтверждают ту точку зрения, которая считает, что…», хотя эта точка зрения и не является общепризнанной.

В выводе № 10 тоже необходим дискуссионный нюанс. О двух противоположных и равных по своему эволюционному значению тенденциях в территориальном поведении птиц писалось только мной и орнитологами Ленинградского университета и Петрозаводска. Большинство же стоит на ортодоксальном понимании локальных популяций и возврат молодых птиц к местам рождения считает явлением само собой разумеющимся. Поэтому и здесь стиль изложения должен иметь дискуссионный оттенок. Фразу «те же общие закономерности» не все правильно воспримут. «Общими закономерностями» они являются для Вас, меня и еще немногих, но не для всех.

На защите дискуссия не повредит. К К.А. Юдину я пойду не раньше 20 июня. Тогда и передам ему папку и письмо. Желаю скорейшего оформления диссертации!

Ваш А. Мальчевский»

Кое-что из этих вопросов мы обсуждали и на встрече в Самарканде в конце мая – как раз между этими письмами. На этой небольшой по числу участников конференции «Экология гнездования птиц и методы ее изучения» (Самарканд, 23-25 мая), задуманной как научно-методический семинар для молодых ученых, мы с Алексеем Сергеевичем общались в более тесном кругу, в том числе и на экскурсии в Аман-Кутанскую лесную дачу. После этой экскурсии *А.С.* спросил меня, сколько новых для себя видов птиц (как сейчас говорят – лайферов) я здесь встретил. И был удивлен, что ни одного (всё это я не раз видел в Аксу-Джабаглы). Зато Алексей Сергеевич впервые здесь видел райскую мухоловку (*Terpsiphone paradisi*), хотя в Средней Азии он уже бывал: в 1936 г. в составе экспедиции Ленинградского университета обследовал Ферганскую долину (Результаты этой поездки он опубликовал в статье: Явление зональности в Северной и Южной Фергане//Труды Ленингр. общ-ва естествоиспыт., 1941, т. 68, вып. 4, отд. зоол. С. 117-136).

Вскоре после Самаркандской конференции Алексей Сергеевич написал о посещении К.А. Юдина: «3/VII-79 г. Л-д. Дорогой Анатолий Федорович! Мы с М.В. Калининым побывали, наконец, у Константина Алексеевича и застали его в трудный для него период, когда болезнь мучила его. Читать срочно работу он не мог, и я привёз ее обратно, чтобы переслать Вам. Дело в том, что улучшение всегда наступает не сразу. Он сказал, что быстро, к Вашему сроку, он вряд ли её прочтет. Просил передать Вам привет и пожелание скорейшего её завершения. Мой рассказ о последней главе его удовлетворил, и мы совместно решили, что пусть будет так, как Вы написали. С моими замечаниями он согласился и сказал, что если бы даже у него и возникли какие-нибудь дополнительные соображения, то, во-первых, они всегда возможны и никто не может до конца всё учесть, тем более в короткий срок; во-вторых, его удовлетворила моя оценка. Одним словом, отношение его к Вашей работе положительное, надо лишь скорее доводить всё до конца. Вид его мне не понравился, но Людмила Гавриловна говорит, что в период ухудшения всегда такой вид. Затем становится лучше, и он с увлечением фотографирует птиц из окна, перед которым устроены различные присады и привады. Особенно интересны дятлы, кормящие птенцов вне гнезда.

Итак, я передаю Вам привет и «добро» Константина Алексеевича и посылаю главу отдельным пакетом. Как идут дела и когда Вы подадите работу в Совет МГУ? Ваш А.М.».

Я навсегда остался благодарен Алексею Сергеевичу за понимание и за столь необходимые для меня советы и пожелания. Вместе с замечаниями и предложениями К.А. Юдина они дали ясное представление о том, в каком плане надо работать дальше, и очень помогли при защите докторской диссертации.

К сожалению, последние годы Алексея Сергеевича были омрачены болезнями, в основном спровоцированными трагическими событиями в университете, где он выполнял обязанности декана факультета. Сам он об этом никогда не говорил, да и распрашивать было нельзя, но коллеги по факультету объяснили, что в колхозе в автомобильной катастрофе погибли несколько студентов и значительную часть вины возложили на тех, кто был в это время в городе – на декана в первую очередь. Алексей Сергеевич переживал эту трагедию, как свою собственную…

Ирена Анатольевна Нейфельдт (г.р. 1929)

К 75-летнему юбилею я написал для сборника «Орнитология» небольшой очерк об Ирене Анатольевне Нейфельдт, который привожу здесь полностью.

«Зоологический институт Российской Академии наук (более полувека – ЗИН АН СССР), или просто ЗИН, как привыкли называть его во всех уголках необъятной страны, всегда считался цитаделью отечественной академической орнитологии, в противовес вузовской, взращенной в Москве (в основном МГУ - акад. М.А. Мензбир, Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Е.С. Птушенко и многие другие выдающиеся орнитологи XX столетия). В ЗИН'е блистали не менее яркие имена: акад. П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов, Б.К. Штегман, Л.А. Портенко, А.И. Иванов, К.А. Юдин. Единственной женщиной среди них была легендарная Елизавета Владимировна Козлова, прославившаяся своими исследованиями птиц Центральной Азии. Большинство этих людей были еще в расцвете своего творчества в середине 50-х гг. XX ст., когда в коллектив пришла Ирена Анатольевна Нейфельдт.

Выпускница Алексея Сергеевича Мальчевского, чья монография «Гнездовая жизнь певчих птиц» (1959) вскоре стала настольной книгой каждого орнитолога, мечтавшего об исследованиях именно жизни птиц в природе, Ирена Анатольевна смело продолжила и подняла на более высокий уровень работы данного направления. Об этом красноречиво свидетельствовали уже первые её публикации о питании лесных птиц Южной Карелии (Зоологический журнал, 1956, 1958) и первая крупная фаунистическая работа «Об орнитофауне Южной Карелии», занявшая 70 страниц в сборнике Трудов ЗИН (1958).

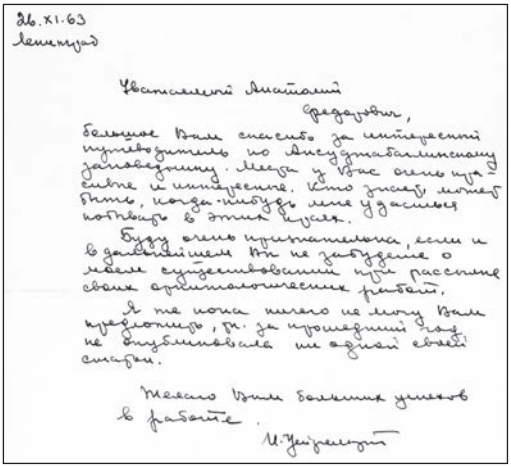
Особенно плодотворным в работе Ирены Анатольевны было следующее 10-летие, которое можно назвать дальневосточным периодом ее творчества. Ежегодные полевые исследования в нелегких условиях Приамурья и Приморья давали зримые и весомые результаты в виде регулярной публикации прекрасных статей о биологии неизученных видов птиц – индийской кукушки (1959, 1963), лесного каменного дрозда (1960, 1966), древесной трясогузки (1960, 1961), уссурийского черноголового дубоноса (1960, 1965), японского серого личинкоеда (1961), урагуса (совместно с Е.В. Лукиной, 1966), уросфены, или короткохвостки (1967), синей мухоловки (1968), короткокрылой камышевки (1971), пестрогрудой мухоловки (1971) и др. Напечатанные в центральных журналах (Доклады Академии наук, Зоологический журнал) или сборниках ЗИН, статьи эти сразу же становились доступными специалистам-орнитологам всего Советского Союза, а многие из них, опубликованные за рубежом (особенно часто – в немецком журнале «Der Falke»), сделали имя автора известным далеко за пределами нашей страны. Необходимо отметить, что это были не просто новые сведения о гнездовой жизни неизученных птиц. Каждая из этих статей – самостоятельное научное исследование, выполненное по чёткому и логичному плану; в них скрупулезно собранные автором новые сведения тщательно анализировались, сравнивались с ранее известными и таким образом способствовали выработке правильного представления об основных чертах биологии данного вида.

Ярким примером такого исследования может служить работа Ирены Анатольевны по изучению гнездовой биологии расписной синички, для чего она провела два полевых сезона наблюдений в высокогорье Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань), отложив на время свои дальневосточные поездки. К этому времени казахстанские орнитологи (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968) уже опубликовали результаты своих наблюдений за 20 гнездами данного вида в 1964-1967 гг. в том же урочище. Однако Ирена Анатольевна за два сезона наблюдений у 6 гнезд сумела поставить многие точки над «i», завершив, таким образом, полный цикл исследований гнездовой биологии этого вида и опубликовав его вскоре в двух выпусках журнала «Der Falke» (Neufeldt, 1970) с трогательным подзаголовком «Орнитологическая драгоценность из Тянь-Шаня».

Наставником *И.А.* в ЗИН'е на долгие годы стал Константин Алексеевич Юдин – не только крупный ученый и знаток птиц, но и близкий ей по духу как «человек качества». За что бы ни брались эти два талантливых человека, всё должно было быть сделано на высшем уровне – будь то изготовление коллекционных экземпляров, или труды по сохранению самого крупного в стране собрания птиц (об этом можно было бы рассказать много), или занятия фотографией, в которой оба достигли больших высот; редактирование научных статей и сборников и т.д. Помнится, с какой горечью рассказывала Ирена Анатольевна о том, что пришлось сжечь большую часть плохо протравленных сборов Шульпина, сохранив от них лишь этикетки. И никогда не забыть, как она ответила одному из моих коллег, с гордостью подаривших свои сборы ЗИН'у, что лучше бы он их не дарил, поскольку ни одна из этих плохо изготовленных тушек не попадет в основное хранилище.

Нетерпимость к низкому качеству работы и прямота, с которой она высказывалась, нередко принимали резкие формы, но справедливость замечаний и высокий авторитет Ирены Анатольевны в конечном счете не оставляли места для обид. Проявлялось это чаще всего

в её отзывах на рукописи статей, подготовленных для печати. Так уж сложилось, что для орнитологов моего поколения, несмотря на небольшую разницу в возрасте, Нейфельдт воспринималась, как представитель *старшего* поколения. Поэтому, приезжая в ЗИН для обработки своих материалов и сборов, каждый стремился использовать эту «оказию» и для обсуждения своих рукописных опусов. И там, где Е.В. Козлова оставляла на полях 1-2 иронических замечания, а К.А. Юдин терпеливо объяснял, что так писать нельзя, Ирена Анатольевна не стеснялась в выражениях – и долго еще смельчак пытался переварить весь объем обрушившейся на него критики…


26.XI.63
Ленинград

Уважаемый Анатолий
Федорович,
большое Вам спасибо за интересный путеводитель по Ансудтабаллинскому заповеднику. Места у Вас очень красивые и интересные. Кто знает, может быть, когда-нибудь мне удастся побывать в этих краях.
Буду очень признательна, если и в дальнейшем Вы не забудете о моем существовании при рассылке своих орнитологических работ.
Я же пока ничего не могу Вам предложить, т.к. за прошедший год не опубликовала ни одной своей статьи.
Желаю Вам больших успехов в работе.
И. Нейфельдт

Рис. 44. Первое письмо И.А. Нейфельдт, 26.11.1963

Порой оценки ее были просто убийственны. Так, об одной книге, высоко оцененной в нашей стране, она сказала коротко: «Роскошно изданная глупость». В этих словах и в тоне, каким они были сказаны, не было и тени шутки. Один из моих коллег, ныне маститый орнитолог, до сих пор показывает всем письмо Ирены Анатольевны 30-летней давности, в котором она «камня на камне» не оставила от его рукописи, так впоследствии и не увидевшей свет. Был подобный случай и у пишущего эти строки, и я уверен, что по всей России и в странах СНГ наберется немало таких писем, уберегших их адресатов от опрометчивых, необдуманных шагов, за что все мы должны сказать Ирене Анатольевне огромное **спасибо,** от всего сердца.

Надо сказать, что и защищать интересы орнитологов она тоже умела и делала это с той же страстью, что и критический разбор их рукописей. Достаточно вспомнить случай с краснокрылым чечевичником, когда она посылала Нитхаммеру рукопись русскоязычной статьи как доказательство приоритета в описании яиц этого вида, или как впоследствии настаивала на скорейшем опубликовании казахстанских материалов о реликтовой чайке.

Начав свою научную деятельность с изучения питания птиц, *И.А.* в дальнейшем занималась не только исследованием гнездовой биологии мало изученных видов, но и другими вопросами годичного цикла воробьиных птиц, дающими выход в таксономию и восстановление вероятной истории того или иного таксона. В этом плане очень показательно предпринятое ею вслед за Л.М. Шульпиным (1931) монографическое исследование лесных «каменных» дроздов, результаты которого составили объемистую (63 стр.) публикацию в Трудах ЗИН (1966). Большой интерес проявляла И.А. к вопросам линьки и смены возрастных нарядов у птиц (Нейфельдт, 1965; Neufeldt, 1981).

Совершенно особое значение для орнитологов всего Советского Союза имела статья Ирены Анатольевны «Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц» (1970). Этот объемистый (71 стр.) труд показал неверность и неточность имевшихся в литературе описаний пухового наряда большинства птенцов и дал прекрасные образцы, как надо их правильно описывать. К нему была приложена «Инструкция для собирания пуховых птенцов». Результатом стали многочисленные публикации новоописаний, сделанных по предложенной Иреной Анатольевной схеме и методике. Достойно завершила эту тему обсто-

ятельная теоретическая статья самой И.А. «Ювенильные признаки воробьиных птиц и возможности их использования в систематике» (Зоологический журнал, 1972).

Не менее значима для орнитологов всего бывшего СССР также организационно-методическая работа Ирены Анатольевны в Рабочей группе по журавлям Всесоюзного орнитологического комитета в 80-х гг. Краеугольные положения работы этой группы были разработаны Ireной Анатольевной или с её непосредственным участием. Она была основным составителем «Программы изучения журавлей Советского Союза» – солидного документа объемом 20 стр., опубликованного в «Сообщениях Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц» (Тарту, 1979). Она была инициатором и бессменным редактором журавлиных сборников, один из которых вышел в Ленинграде (1982), два – во Владивостоке (1982, 1988, соредактор Н.М. Литвиненко). Последний сборник, под названием «Журавль-красавка в СССР», вышел в Алма-Ате (1991), и мне как соредактору было очень интересно и полезно работать над ним вместе с Ireной Анатольевной.

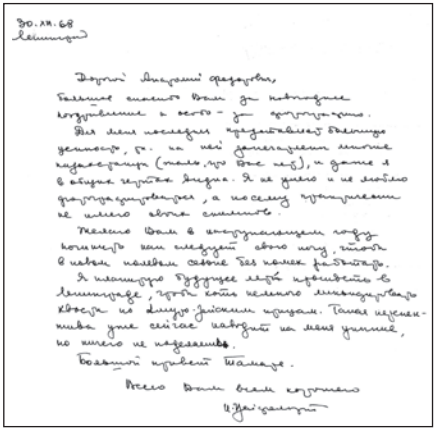
Трудно перечислить все, что сделано Ireной Анатольевной в орнитологии и тем более невозможно учесть то, что сделано ею для орнитологов. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы понять, что вклад этот велик. Девиз «качество превыше всего» вполне оправдал себя – работы Ирены Анатольевны Нейфельдт **всегда** будут востребованы новыми поколениями орнитологов, а нам, современникам, остается только поблагодарить судьбу за те часы и минуты общения с ней, которые навсегда останутся в нашей памяти.

Доброго здоровья Вам, дорогая Ирена Анатольевна, и многих лет жизни в это совершенно иное – трудное, не всегда понятное, но по-своему интересное время».

А.Ф. Ковшарь (Орнитология, вып. 31. М., 2004. С. 279-281.).

*****

Фамилия Нейфельдт была настолько известна в орнитологической литературе уже в начале 60-х гг., что я был очень удивлен, когда при встрече в 1962 г. она оказалась еще довольно молодой женщиной – как мне показалось, не намного старше меня. Однако была она воплощением серьёзности и, казалось, ни о чем, кроме птиц, не думала и не говорила. Строгая одежда, строгая прическа, строгий голос – ни тебе улыбки, ни шутки. Конечно, в поле она была другой, и наша Наташка Литвиненко, которая часто бывала с ней в поле, была с ней на «ты» и запанибрата (правда, она и Степаняна называла Лёвой и на «ты»). Я же видел её в поле только однажды – 8 июня 1968 года, когда они с Борей Некрасовым работали на Б.Алматинском озере. Действительно, в поле она была более раскрепощена, и я убедился, что она может иногда улыбаться. Даже пошутила, упрекнув нас с Гаврило-


30.XII.68
Ленинград

Дорогой Анатолий Федорович,
Большое спасибо Вам за поздравление
с Новым годом. Я Вас тоже поздравляю.
Для меня последний представляет некоторую
ценность, т.к. на мой дилетантский взгляд
видеофильм (такой, что Вас нет), и даже я
в общих чертах видна. Я не умею и не люблю
фотографироваться, а поэтому чрезвычайно
не имею своих снимков.
Теперь Вам в информационную годовщину
почистить свои следует свою шубу, чтобы
в новый полевой сезон без конфуза работать.
Я планирую будущее лето провести в
Ленинграде, чтобы хотя немного литературную
работу по вашим данным продвинуть. Такая неуспеваемость уже сейчас навредит на моих учениках,
но ничего не поделаешь.
Большой привет Шапаеву.
Всего Вам всем хорошего
И.Нейфельдт

Рис. 45. Письмо И.А. от 30.12.1968 г.

вым, что мы окончательно «изучили» красного вьюрка – он перестал встречаться в ущелье, и они с Борей ни одного не встретили.

Когда же через месяц с небольшим я оказался в госпитале, Ирена Анатольевна даже проведала меня там перед отъездом, пожелав поскорее встать на ноги. Но поскольку это «поскорее» затягивалось, то ещё не раз в письмах она писала об этом, например, в канун Нового года, 30 декабря 1968: «Дорогой Анатолий Федорович, большое спасибо Вам за новогоднее поздравление и особо – за фотографию (я послал ей фото, снятое 8 июня на Большом Алматинском озере. – *АК*). Для меня последняя представляет большую ценность, так как на ней запечатлены многие казахстанцы (жаль, что Вас нет) и даже я в общих чертах видна. Я не умею и не люблю фотографироваться, а посему практически не имею собственных снимков[19]. Желаю Вам в следующем году починить, как следует, свою ногу, чтобы в новом полевом сезоне без помех работать. Я планирую будущее лето просидеть в Ленинграде, чтобы хоть немного диквидировать хвосты по амуро-зейским птицам. Такая перспектива уже сейчас наводит на меня уныние, но ничего не поделаешь».

Надо сказать, что переписка у нас с ней была достаточно частой и большой: у меня сохранилось 22 письма, датированные с 26 ноября 1963 г. по 29 октября 1974 г., но всего их было, по крайней мере, вдвое больше, особенно за 80-е гг. – период деятельности РГЖ и совместной работы над сборником «Журавль-красавка в СССР» (1991). Большинство из ее писем, не считая коротеньких поздравлений (которые она всегда старалась украсить своими великолепными фотографиями птиц!), содержали интересные мысли, а иногда – и настоящие откровения. Когда речь шла о чём-нибудь важном или для неё интересном, то в объёме она себя не стесняла – могла написать и 3, и 4 страницы своим мелким, ровным и хорошо читаемым почерком. Жаль, что невозможно здесь опубликовать их все, однако, по крайней мере, одно из них я хочу привести целиком, чтобы дать представление о том, как не жалела времени Ирена Анатольевна для обсуждения важных для нее вопросов.

«19 февраля 1969, Ленинград

Дорогой Анатолий Федорович,

Получила ваш оттиск об осоедах, большое спасибо. Дело в том, что восточный осоед меня особо интересует, и потому хочется иметь у себя по возможности всю литературу о нём. С биологией этой птицы в последние годы на Дальнем Востоке удалось, в общем, разобраться. Участились после 1961 г. и находки гнезд. Значительно хуже обстоит с деталями распространения *P. ptylorhynchus* у нас, в особенности у западных и северо-западных границ ареала. Мне не дает покоя самка, добытая у Намангана 17 июня Зарудным шестьдесят лет назад. У неё были наседные пятна. Нельзя сбрасывать со счетов и многие апрельские, майские и июньские, т.е. летние для Средней Азии находки. У меня есть одна крамольная мысль, которую я, быть может, осмелюсь изложить хотя бы в виде предположения, на бумаге. Надо искать осоедов летом в Средней Азии и Казахстане в предгорных высокоствольных лиственных лесах вблизи пасек, или районов, богатых дикими перепончатокрылыми. Как-то не вяжется с современным представлением о распространении восточного осоеда его интенсивный пролет в Ваших краях. Нет ли тут местных? Ведь зимовки лежат в Индокитае, Малайе и Индонезии, и движение птиц от гнездовия на запад,

[19] Истинная правда: в 2004 году нам очень трудно было найти её фото для юбилейного очерка.

а затем на юг, отнюдь не ближним путем, через высоченные горы, чтобы потом лететь на юго-восток, – не лучший вариант. Вместе с тем, уже в Пакистане, то есть совсем близко, живет другая форма – *P.pt. ruficollis*. Ситуация тех мест приближается к нашей среднеазиатской. Отсутствие в наших коллекциях взрослых *P.pt.ruficollis* затрудняет точное подвидовое определение, что в данном случае было бы очень необходимо проделать для всех экземпляров из Средней Азии и Казахстана.

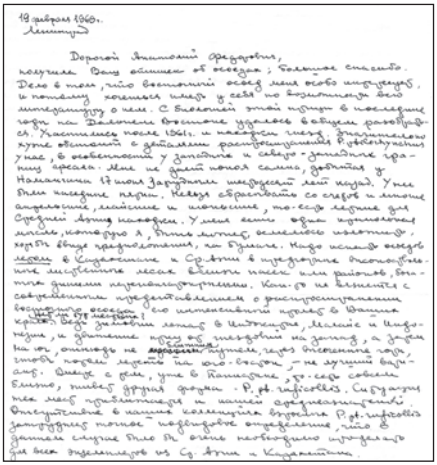


Рис. 46. Начало письма И.А. от 19.02.1969 г.

Вы пишете о типовой программе работ по экологии птиц. Увы, я не столь отважна, чтобы предпринять подобный шаг. Тем более, что эколог-то я не серьезный. Здесь карты в руки С.С. Шварцу и К°. Я же говорила Вам об унифицированной методике описания птенцов и сбора их для коллекций. Просмотр большой литературы убедил меня в необходимости как-то упорядочить накопление подобного материала, ибо не больше 7-10% опубликованных описаний птенцов, в особенности воробьиных, может представлять научный интерес. Остальные же описания, хотели того авторы или нет, оказались неверными, неполными, слишком общими и поэтому практически бесполезными. Я не пытаюсь обсуждать здесь вопрос о том, позволительно ли вообще публиковать неверные сведения о фаунистической материале. Отсутствие единой инструкции тут не главная причина. Всё дело в невнимательности и безответственном подходе к этому делу. Ведь схема, хотя и неполная, дана уже в книге Мальчевского (1959). Следуя ей, можно достаточно точно и подробно описывать воробьиных. Из собственного опыта могу сказать, что проверять и исправлять уже напечатанные характеристики птенцов – занятие весьма неблагодарное, а порою (при отсутствии экземпляров в коллекциях или других точных описаний) и невыполнимое. Не говорю уже, что затраченное на это дело время не приносит никакой пользы, никакого нового вклада в изучение птиц. Еще более печально, что упомянутые неверные описания, наводнившие нашу литературу, без критического анализа будут перенесены в сводки, учебники и работы общего характера, где сумеют причинить массу неприятностей.

Для того, чтобы как-то «расчистить» эту сторону орнитологической деятельности от бесполезных или даже вредных неверных описаний и как-то упорядочить процесс дальнейшего накопления достоверного материала по птенцам, я написала статью «Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц», которая печатается в Орнитологическом сборнике (к 100-летию Сушкина). Поскольку эта статья в лучшем случае увидит свет через год, а впереди полевой сезон, который для всех орнитологов (кроме меня с Вами) будет, конечно, интересным и плодотворным, я решила размножить приложение к этой статье – «Наставление для собирания пуховых птенцов» – и разослать его своим знакомым и другим орнитологам. Надеюсь, что они будут первыми, кто последует моему призыву, а также станут пропагандировать сбор птенцового материала и описание пуховичков среди своих коллег. Поскольку печатать самой (мы не имеем машинистки) несколько раз эту довольно длинную инструкцию нет времени, то казахстанцам вышлю лишь 1 экземпляр на имя Гаврилова. Многое из написанного, возможно, хорошо из-

вестно, поэтому достаточно воскресить всё в памяти. Схему же птерилозиса и названия птерилий каждый из желающих сможет перерисовать и списать.

К инструкции будет приложен список видов птиц, изучение птенцов которых в каждом регионе должно быть проведено в первую очередь. Это, прежде всего, виды, птенцы которых вовсе не описаны. Здесь, кроме сбора экземпляров для коллекции, необходима публикация в печати точных, сделанных по стандартной схеме первоописаний. Вторая группа – виды, птенцы которых описаны (у нас или за рубежом), но повторные их описания, а главное же – сбор для коллекции ЗИН'а – очень необходимы. Сейчас в ЗИН'е есть единственная в СССР коллекция пуховичков, содержащая около 2000 экз. 410 видов, из коих 367 видов нашей фауны. Поскольку условия хранения материала у нас наилучшие, а также и условия для работы представляются всем специалистам, то я убеждена, что именно в ЗИН'е следует продолжать накопление подобного материала. Я прекрасно знаю, что «региональный патриотизм», который сродни частному коллекционированию, довлеет над всеми орнитологами. Никто, однако, не хочет понять, что коллекция любая (оологическая, морфологическая, шкурковая и пр.) ценна не 1-2 редкостями или серией экземпляров одного вида из одного региона, а широкими сериями, представляющими фауну страны, а также мировую фауну. В этих сериях по возможности не должно быть лакун (как географических, так и возрастных, сезонных и т.п.). 200 тысяч экземпляров в коллекции ЗИН, сохраняемых на должном уровне, что-то значат, однако заполнение лакун идёт только силами наших сотрудников, из коих одна я езжу в поле.

Коллекция же ЗИН'а – не мелкое подсобное хозяйство пяти наших сотрудников, а общенациональное достояние. Казалось бы, по 10-20 шкурок птиц в год, собранных сотрудниками разных институтов и заповедников СССР специально для ЗИН'а, – не такой уж тяжкий труд. Однако кроме дальневосточников, среди которых оказались орнитологи, оценившие достоинства нашей коллекции и пополнившие её в последние годы хорошими сборами, а также якутских орнитологов, никто не желает предпринять какие-то усилия в этом направлении. Создается впечатление, что к ЗИН'у у всех сложилось чисто потребительское отношение. Можно приехать к нам, отнять поочередно массу времени у всех сотрудников, которые охотно консультируют по всем вопросам (я уже не говорю о массе письменных консультаций, рецензий, отзывов и т.п., которые отнимают, даже у такой мелочи, как я, много времени), получить библиотечное обслуживание, а также обслуживание коллекциями, воспользовавшись добротой и порядочностью наших лаборантов, не считающихся со своим временем и невероятной загруженностью, работающих в отделении дольше положенного по закону срока; изготовить фотокопии и т.п., а затем – в лучшем случае поблагодарив и распрощавшись, укатить восвояси. Сейчас решили восстановить в нашем отделении существовавшее ранее в Зоомузее АНаук и сохраняющееся у энтомологов и паразитологов правило – каждый приезжий специалист, работающий у нас с коллекциями, должен передать в ЗИН какую-то часть своего материала для пополнения фондов. Иного выхода нет. Надеяться на сознательность публики, у которой верх берут чисто коммерческие интересы (вроде пополнения учебной коллекции каф. биогеографии МГУ, обмена материала на книги, в т.ч. и за границу и т.п.), а на патриотические чувства, видно не приходится.

Ну ладно, что-то я расписалась. Посылаю Вам два своих хилых опуса. Утешает лишь то, что об этих птичках подробнее Вы нигде ничего не узнаете.

Судя по сигналам, поступающим от Ваших товарищей, и по Вашему письму, нога всё же приросла. Может, еще летом выберетесь в ЗИН. Рады будем вас видеть. Сейчас у нас находится А. Слудский. Рассказывал, что делается этой зимой в Казахстане, – морозы и ужасные снегопады. Как-то звери и птицы доживут до весны? Да и люди, кажется, гибнут. Большой привет Вашей жене и казахстанским орнитологам. Всего хорошего. Ваша И. Нейфельдт».

Читая вторую половину этого письма, касающуюся коллекций ЗИН, я испытывал чувство жгучего стыда за то, что нам надо напоминать о таких, казалось бы, прописных истинах. И хотя мы время от времени оставляли часть своих сборов в ЗИН'е, но это была лишь жалкая толика того, что надо было бы делать регулярно и без напоминаний...

Относительно последнего вопроса – доживут ли до весны звери и птицы – Ирена Анатольевна попала, как говорится «в точку». Именно расписная синичка (*Leptopoecile sophiae*), которую она так успешно изучала у нас предыдущим летом, буквально вымерла за эту зиму и не встречалась в Большом Алматинском ущелье целых 8 лет, что дало нам с Гавриловым повод грустно пошутить, что это Нейфельдт ее совсем *изучила*…

В следующих письмах И.А. все время возвращается к коллекции ЗИН. Так, в письме от 23 марта 1969 г. она пишет: «Планирую летом завершить инвентаризацию нашей оологической коллекции, после чего можно будет опубликовать видовой список хранящегося в ЗИН'е орнитологического материала. По этому списку будет легко ориентироваться всем, желающим внести свой вклад в ЗИН'овскую коллекцию. Станет ясно – чего у нас нет, что необходимо собирать в первую очередь. Если у вас будет необходимость навести какие-то справки по нашей коллекции или литературе, пишите. Или я или Борис с удовольствием поможем. Как дела с ногой? Не думаете ли проехаться в Ленинград? Ведь только с «переломанными ногами» есть возможность проделать это в летний период». И к письму приложен отпечатанный на машинке «Список видов птиц Казахстана, пуховички которых не представлены в коллекциях Зоологического института АН СССР», в котором перечислены 82 вида! В открытке за 14 апреля 1969 г. она сообщает: «У нас с 1 апреля произошла смена руководства (вместо А.И.Иванова теперь К.А.Юдин) и, по-видимому, в ближайшие дни изменится и юридический статус группы орнитологов – из отделения лаборатории позвоночных нас обещают перевести в самостоятельную лабораторию. Надеюсь, что все это позволит нам расширить экспедиционные поездки, пополнить кадры и др. Сейчас же пока – период ожидания, разброда и частых заседаний. Будьте внимательны с ногой! Ведь орнитолога «ноги кормят». Хорошо, что кости наконец-то срослись, но Вы теребите врачей и требуйте, чтобы они ликвидировали все последствия операции. Вы же прекрасно знаете, что врачи сами очень мало заботятся о больном, в особенности, если он не лежит в больнице. Им приходится обо всем напоминать».

Многие письма Ирены Анатольевны были посвящены орнитологической литературе, которую она хорошо знала и тщательно подбирала. Так, она написала мне об интересе иностранцев к моей книге «Птицы Таласского Алатау» (1966), тираж которой куда-то загадочно пропал. Благодаря её напоминаниям я начал розыски тиража и совершенно случайно обнаружил его на складе… Алматинского заповедника в городе Талгаре (!), где завскладом даже обрадовался, когда я его забирал: «А я уж думал, что надо выбрасывать эту макулатуру, которой никто не интересуется!». Сама Ирена Анатольевна «раскопала» на складе Географического общества залежи старых изданий (Певцова, Роборовского, Козлова и др.) и написала об этом мне. Только благодаря ей мы с Гавриловым смогли пополнить свои библиотеки этими бесценными изданиями…

Очень близко к сердцу приняла Ирена Анатольевна всю шумиху, возникшую вокруг реликтовой чайки, и помогла мне разобраться в этой ситуации –

как информацией из первых рук, так и настойчивыми призывами поспешить с публикацией. В этом плане очень показательно ее письмо от 24 июля 1970 г., которое привожу с некоторыми сокращениями:

«Мария Алексеевна писала мне, что Вы побывали на Алакуле, где оказалось довольно много (около 100!) гнездящихся пар *L. relictus*. Очень рада Вашим успехам. Надеюсь, что теперь-то можно будет написать хорошую полноценную работу об этой птице. Спешите, однако!

Когда-то я Вам писала, что ленинградцы – не москвичи. Они, дескать, люди порядочные и не уведут из-под носа лакомый кусок. Сейчас, сидя дома на больничном листе (в самую жару получила пневмонию – позор, видимо, на свалку пора), я вдруг неожиданно узнала, что наш зоологический музей снаряжал «экспедицию» в Забайкалье – Р.Потапов + М.А.Заславский – за этой самой *L. relictus*. В нашей лаборатории ни мне, ни К.А.Юдину об этой поездке ничего не было известно. Борис – лучший друг Потапова, конечно же, всё знал и, конечно же, держал всё в тайне. Результаты поездки ни мне, ни Юдину не известны, но есть сигналы, что птиц для музея привезли. Быть может Борис… уже обо всём Вам подробно написал? Многолетние наблюдения над Потаповым не позволяют сомневаться в том, что он сумеет быстро использовать результаты этой поездки, придать им сенсационность и быстро опубликовать в разных изданиях. Казалось бы, тут ничего страшного нет. Ведь это – новое место и т.п. В действительности же Вы рискуете потерять новизну вашей находки, сливки могут быть сняты, вся столь красивая и интересная история вопроса будет изложена[20]. Ваши наблюдения могут стать лишь дополнением к потаповским. Буду счастлива, если ошибаюсь в своих предположениях…

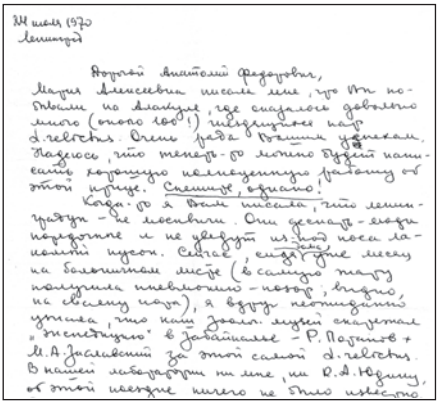
Мы с Константином Алексеевичем просто считаем своим долгом по-дружески предупредить Вас о возможности такого хода, возможно, для Вас и неожиданного. Очень хотелось бы, чтобы хороший очерк о *L. relictus* появился всё-таки впервые у Вас. Поговорите с Гавриловым. Надо сразу послать один текст в «Зоологический журнал», другой – в «Ibis» или «Journ.f.Ornithologie». Бросьте все дела и пишите!». Здесь же она пишет, что Константин Алексеевич, наверное, не откажется посмотреть рукопись, а также сообщает о себе: «Мне придется ехать на юг, в Крым, лечить свои травмы, которые здорово дают о себе знать. С 21 августа по 21 сентября меня в Ленинграде не будет».

По-видимому, поездка в Крым помогла, так как в письме от 18 января 1971 г. Ирена Анатольевна, поблагодарив за присланные в ЗИН материалы по реликтовой чайке (там, кроме взрослых птиц, были и пуховые птенцы и кладка), пишет о своих планах: «На лето запланировали поездку в Амурскую область, – с 25 апреля по 25 августа 1971 г. Рассчитываю, что поедут со мной Борис и наш лаборант. Планы большие, но помощники для поля слабые, опять мне придется при них препаратором быть. Собирать же материал необходимо. Планируем также поразведать участок Зейско-Буреинской равнины, на котором сохранилась восточноазиатская лесостепь с *Grus japonicas, G. vipio, Ciconia boyciana, Turnix tanki,* массой хищников и всякой мелочью. Может, удастся как-то обосновать охрану этой территории, которой грозят осушение и распашка».

Довольно часто мы обменивались литературой, в основном оттисками статей. Вот характерный отрывок из письма Ирены Анатольевны от 2 февраля 1971 г.: «Временами я просто занимаюсь попрошайничаньем и очень бываю довольна,

[20] Это письмо, как и другие, касающиеся реликтовой чайки, я читал Эрнару Ауэзову, который, не спеша, писал статью «Таксономическая оценка и систематическое положение реликтовой чайки» (Ауэзов, 1971). В какой-то мере эти письма способствовали ускорению самого процесса написания статьи. – *Прим. автора.*

если добываю таким образом нужные мне статьи. Хотя методом этим стараюсь не злоупотреблять, но опять же понадобилась статья, которой у нас в библиотеке нет (вернее, нет этого тома Трудов Алматинского заповедника). Речь идет о статье П.Я.Деревягина, 1947 Анализ перелета птиц в горной части бассейна рек Большой и Малой Алматинок Алматинского заповедника. Труды Алматинского заповедника, вып. 4. Не найдется ли у вас дублета?».



24 июля 1970
Ленинград

Дорогой Анатолий Федорович,
Мария Алексеевна писала мне, что Вы посылали на Алтынсу, где скопилось довольно много (около 100!) пищухового пара d. rebectus. Очень рада Вашим успехам. Надеюсь, что теперь-то можно будет написать хорошую монографию. Ждешь, однако.
Когда-то я Вам писала, что ленинградцы – не москвичи. Они ценят – вообще порядочно и не увидят из-под носа ламинарий кусок. Сейчас, [illegible] на болотистом месте (в самую пору полуденной пчелиной – позор, видно, на всему году), я вдруг неожиданно услышала, что нить Зоол. музей снаряжает "экспедицию" в Забайкалье – Р. Портенко + М.А. Ярославский за этой самой d. rebectus. В нашей лаборатории не мне, ни Р.А. Юдину, об этой поездке ничего не было известно.

Рис. 47. Начало письма от 24 июля 1970 г.

И когда я послал ей фотокопию этой работы вместе с оттиском нашей с Гавриловым статьи о соловье-красношейке, она в письме от 13 апреля 1971 г. сообщила много интересного: «Большое спасибо Вам за оттиск интересной статьи о *Calliope pectoralis* и за фотокопию труда Деревягина. То, что последний не лишен «взлёта фантазии», чувствуется по всем его статьям, особенно когда дело доходит до теоретизирования. Спасибо, что предупредили о возможности ошибок и в изложении фактического материала. Это, как знаете, постороннему читателю выявить порой бывает трудно. Хорошо, когда есть точное описание при явно ошибочном определении (помните гнезда *Leucosticte brandti*, найденные Мекленбурцевым и Зарудным?), тогда можно кое-как разобраться простому смертному.

Статья Деревягина заинтересовала меня в связи с тем, как Вы, наверное, знаете, мы с Борисом решили изложить свой, а также Леоновича и Малышевского материал, собранный на Большом Алматинском озере, в виде статьи: «Заметки о птицах окрестностей Б. Алматинского озера». Получилась пухлая (около 4 п.л.) рукопись, в которой без какой-либо науки изложены фактические данные. Может быть, кому-либо в будущем такой труд и пригодится. Конечно же, писать о районе, не просмотрев всю доступную литературу о птицах Заилийского Алатау, нельзя.

Пользуюсь случаем, чтобы обратить Ваше с Гавриловым внимание на то, что «Орнитологическая фауна Семиреченского края» (1906) написана Зарудным и Кореевым, а не Кореевым и Зарудным, как почему-то упорно пишут алматинцы (и на сей раз – в статье о *Calliope*). Работа эта достаточно всем известная и неверное её цитирование очень бросается в глаза. За отсутствием какого-либо солидного труда, посылаю Вам и *Э.И.* свои хилые тезисы. Для меня они представляют некоторый исторический интерес, поскольку это мои третьи тезисы, увидевшие свет».

А вот письмо-предложение от 7 ноября 1971 г.: «Прослышала, что Вы собираетесь приехать к нам в ЗИН. Будем рады Вас видеть. Пишу же столь срочно с корыстной целью. Последние полтора-два года, с приходом к заведыванию К.А. Юдина, наши Орнитологические собрания (по пятницам) стали регулярными. Причем стало правилом выслушивание на них всех гостей. Кроме общего для нас всех интереса и обоюдной пользы, подобные выступления позволяют Юдину, курирующему всех орнитологов академических учреждений (по линии Всесоюзного орнитологического комитета), контролировать и направлять деятельность отдельных лабораторий и специалистов.

Так вот, у меня к Вам просьба: доложить на одном из наших собраний что-либо из того, что Вы найдете нужным. Тема сообщения любая, время выступления не ограничено. Демонстрационный материал (диапозитивы, магнитофонные записи, коллекции) весьма желателен. Собрания наши не очень многолюдны – от 10-15 до 40-50 человек. Кроме корифеев, их посещают сотрудники всех калибров, преподаватели и студенты вузов. Обстановка непринужденная, отношение благожелательное. Чем раньше я буду знать о теме вашего выступления и дне приезда к нам, тем легче будет информировать публику, приходящую к нам из других учреждений».

Казалось бы, простое письмо, но если разобраться, вчитаться в него, то становится видно, как оно продумано и правильно написано: помимо исчерпывающей информации в нём есть и немалая доза «успокоительного лекарства» – ведь выступление не где-нибудь, а в самом ЗИН'е, где слово «корифеи» – далеко не пустой звук! Одно дело поговорить один на один с любым орнитологом и совсем другое – выступать перед такой аудиторией. Но перечитав несколько раз фразу о непринужденной обстановке и благожелательном отношении, я решился, и в этот приезд доложил некоторые результаты первого сезона работ на Большом Алматинском озере. Запомнилось, какой интерес вызвали наши данные о наблюдениях у гнёзд высокогорных птиц, об индивидуальном цветном мечении взрослых и птенцов. А ещё запомнилось, что на этом собрании была приехавшая из Москвы Мария Валентиновна Черкасова (Шипунова), нашедшая гнёзда жемчужного (*Leucosticte brandti*) и сибирского (*L. arctoa*) вьюрков на Алтае. Публикация её в журнале «Природа» вызвала у меня целый ряд вопросов, которые я, наконец, смог ей задать и получить ответы. Даже почти договорились провести совместные наблюдения…

Большую помощь оказывала Ирена Анатольевна Елизавете Владимировне Козловой в поисках иллюстраций к её книге о зональных степях Евразии. В письме от 23 февраля 1972 г. она пишет: «Большое Вам за всё спасибо, и за высоты и за пуховичков. Елизавете Владимировне также всё передала. Она очень ждёт фотографии от всех, кто ей их обещал. Слудский сам был у нас, собирается в ближайшее время выслать какие-то снимки. Надо как-то по возможности помочь старушке. Она ведь совсем беспомощна и, в отличие от нас, так воспитана, что стесняется лишний раз у кого-нибудь что-то попросить, считая, что тот, кто предоставить ей для опубликования фотоснимки, сделает ей большое одолжение. Я же думаю, что всё совсем наоборот – она оказывает любезность тому, чьи снимки публикует. Взгляды, как видите, совсем противоположные. Так вот, если Вам удастся что-либо выпросить у коллег поприличнее для *Е.В.*, то она будет всем премного благодарна. Размеры 13х18, глянцевые, по 2 экз.». В этом же письме она пишет о своих снимках для «Птиц Казахстана» – как лучше их использовать. Здесь же, сочувствуя мне в том, что приходится, по требованию РИСО, сокращать очередной том на 10 п.л., даёт полезный совет: «Сокращать том почти на 10 п.л. – задача нелёгкая. Я даже не представляю, как это можно сделать. Что же до длинных перечней веса птиц с географией, то когда речь идет об одном подвиде (да и разные подвиды Вы ведь не разделяете), указания места добычи при весе совершенно излишни, я бы сказала – бесполезны. Места же географические названия и пункты в этом разделе занимают много. Вы, конечно, стеснены рамками общего плана композиции всего издания, но думаю, что особенно за это изменение Вас никто журить не будет. Большинство вовсе не заметит. Я считаю, что самая лучшая форма для веса: самцы – май……,……., ……..;

июнь……,…..; самки – май …..,…..; июнь……, …..; июль…….,…… и т.д. Компактно и весь материал виден. Одинаковый вес – 15.0, 15.0, 15.0… и т.д. дать: 15.0 (10 экз). При такой системе исключаются и лишние «г» (граммы). Просто указать: Вес (в граммах) или же ставить «г» в конце ряда самцов и ряда самок». Должен сказать, что я последовал этому совету, и в последнем томе раздел о весе птиц написан не только без географии, но и без месяцев, так как потребовалось ещё более жесткое урезание текста этого тома.

Срочной помощи в издании «Птиц Казахстана» посвящено и письмо от 15 июня 1972 г.: «Дорогой Анатолий Федорович, передала ваше слёзное письмо Константину Алексеевичу. Он предполагает предпринять какие-то меры, по-видимому, это будут письма отЗИН'а (за подписями корифеев) и от Всесоюзного орнитологического комитета, в которых будут отмечены достоинства четырёх вышедших томов «Птиц Каз.» и высказано пожелание (с соответствующей аргументацией) скорейшего завершения этой сводки – в том плане, как Вы просите. Быть может, что-то сможет рассматриваться и как рецензия, которую опубликуете». И далее – о ЗИН'овских новостях: «Совсем замоталасью. Оставалась в Л-де, чтобы подогнать хвосты, пока же даже не притрагивалась до своей работы. Сперва юбилей *К.А*., затем – кончина Портенко (даты почти совпали). Сейчас с *К.А.* срочно (за 5 дней) должны подготовить орнитологическую часть (карты и текст) к атласу Арктики; работа числилась за Портенко, но он из-за болезни ничего не сделал. Остальное время уйдет на подготовку к печати нашего Орнитологического сборника к 80-летию Козловой (в августе ей 80 лет)».

Наконец-то пришло время рассказать и о той резкой критике, которой подвергла *И.А.* одну из моих (благодаря ей, так и не состоявшихся) затей. Об этом стоит рассказать подробнее, поскольку в критическом разборе *И.А.* очень много здравых мыслей и доводов относительно т.н. анкетного методы сбора научной информации. Дело в том, что думая над темой доклада на очередную Всесоюзную орнитологическую конференцию, которая должна была состояться в 1974 г. в Москве, я пришел к мысли послать на неё тезисы под таким претенциозным названием: «О необходимости создания картотеки гнёзд птиц СССР». Ни более и не менее! На эту мысль натолкнул меня опыт работы с гнездовыми карточками живущих в наших горах воробьиных птиц, на которые были разнесены сведения обо всех гнёздах, найденных в Заилийском Алатау за 1964-1972 гг. Простота и удобство работы с этими карточками вызвали желание поделиться знаниями и высказать пожелание о создании чего-то подобного в масштабах страны. Эдик Гаврилов горячо поддержал эту идею и никак не давал мне остыть, повторяя «Мы должны быть застрельщиками в этом деле». Кое-как изложив эту идею на бумаге, я послал свой опус И.А. Нейфельд – на суд, для критических замечаний. И суд состоялся – беспощадный и нелицеприятный, но очень интересный и полезный в своей доказательной части. Привожу все восемь страниц её письма без купюр, чтобы не нарушить ход мыслей автора документа.

«28 мая 1973 г. Ленинград

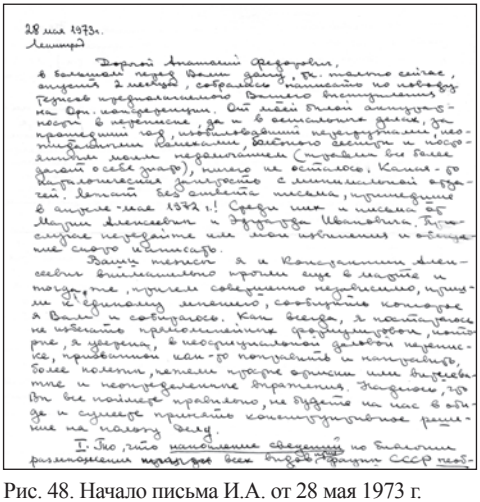
Дорогой Анатолий Федорович, в большом перед Вами долгу, т.к. только сейчас, спустя 2 месяца, собралась написать по поводу тезисов предполагаемого Вашего выступления на Орн. Конференции. От моей былой аккуратности в переписке, да и в осталь-

ных делах, за прошедший год, изобиловавший перегрузками, неожиданными помехами, болезнью сестры и постоянными моими недомоганиями (травмы всё более дают о себе знать) ничего не осталось. Какая-то патологическая занятость с минимальной отдачей. Лежат без ответа письма, пришедшие в апреле-мае 1972 г.! Среди них и письма от Марии Алексеевны и Эдуарда Ивановича. При случае передайте мои извинения и обещание написать.

Ваши тезисы я и Константин Алексеевич внимательно прочли еще в марте и тогда же, причём совершенно независимо, пришли к единому мнения, сообщить которое я Вам и собираюсь. Как всегда, я постараюсь не избегать прямолинейных формулировок, которые, я уверена, в неофициальной деловой переписке, призванной как-то поправить и направить, более полезны, нежели простые отписки или витиеватые и неопределенные выражения. Надеюсь, что Вы все поймете правильно, не будете на нас в обиде и сумеете принять конструктивное решение на пользу делу.

I. То, что накопление сведений по биологии размножения всех видов птиц фауны СССР необходимо как для составления будущей сводки по птицам Сов. Союза, так и (в первую очередь) для лиц, изучающих гнездовой цикл отдельных систематических групп или обитателей определенных зон, – совершенно очевидно. Обширный сравнительный материал должен лежать в основе любого исследования. В противном случае, не зная биологической специфики группы на всем её ареале, оперируя данными об образе жизни отдельных её представителей, живущих в специфической обстановке, мы можем легко принять особенности, характеризующие крупные таксоны, за частные адаптации. Например, характер гнездостроительного материала, расположение гнёзд, плодовитость, сформировавшиеся у группы, происходящей из открытых равнин, посчитать у 1-2 ее представителей, проникших в высокогорье, за приспособления к существованию именно в этих экстремальных условиях. Не зная всего диапазона изменчивости (индивидуальной, возрастной, внутривидовой, географической) легко усмотреть в чертах конвергентного сходства признаки родства.

II. Другой вопрос, как и где организовать накопление этой обширной информации, в виде какого материала она должна поступать, каким требованиям удовлетворять, чтобы представлять научную ценность. Вот здесь-то мы сталкиваемся с массой трудностей, преодоление которых требует большой предварительной подготовки и поэтапного осуществления хорошо разработанной программы.


28 мая 1973 г.
Ленинград

Дорогой Анатолий Федорович,
в большой перед Вами долгу, Вы... только сейчас, отпустив 2 месяца, собравшись написать по поводу тезисов чрезвычайно важно для нас... на Орн. конференции. Вот моей вины минут 5-10 назад в отчаянии да и в самом деле, это... (продолжение чая, новогодний перегруженный, неожиданными болезнями, быстрого ослепли и посещениями моими первоначально (отдавали все более давали о себе знать)), никто не остался. Катя - со... Карлоновская долгость с минимальной оплатой... Конец без ответа письма, пришедшие в апреле-мае 1972 г.! Среди них и письма от Марии Алексеевны и Эдуарда Ивановича. При случае передайте мои извинения и обещание... написать.

Ваши тезисы я и Константин Алексеевич внимательно прочли еще в марте и тогда же, причём совершенно независимо, пришли к единому мнению, сообщить которое я Вам и собираюсь. Как всегда, я постараюсь не избегать прямолинейных формулировок, которые, я уверена, в неофициальной деловой переписке, призванной как-то поправить и направить, более полезны, нежели простые отписки или витиеватые и неопределенные выражения. Надеюсь, что Вы все поймете правильно, не будете на нас в обиде и сумеете принять конструктивное решение на пользу делу.

I. То, что накопление сведений по биологии размножения всех видов птиц фауны СССР необ-

Рис. 48. Начало письма И.А. от 28 мая 1973 г.

Предлагаемый Вами путь в своей основе порочен, поскольку «запрограммирован» на получение обширного потока сведений, точность которых не поддается проверке. Я имею в виду то, что под сбором материала Вы подразумеваете не действительное накопление фактического материала, а накопление карточек, в которых всё может быть правильно и аккуратно заполнено, кроме самого главного – определения вида птицы (а для Ваших целей и подвид очень важен). **Достоверность материала** – самое основное условие. Методи-

ка рассылки анкет широкому кругу корреспондентов, большинство из которых (кроме профессиональных орнитологов, работающих в поле, и любителей высокого класса – типа Леоновича) очень путается в определениях птиц в природе, – заведомо обеспечит приток обильной дезинформации. Кстати, специалисты, по горло занятые своей работой или сами заинтересованные в собираемом материале, отвечать на подобные анкеты будут редко. Я не буду приводить здесь примеры (их масса) неверного определения птиц и их гнезд, с которыми постоянно приходится сталкиваться не только в орнитологических работах, коллекциях, но и при частных беседах, даже с орнитологами, не говоря уже о контингенте, который Вы мыслите привлечь к этому делу (преподаватели ВУЗ'ов, аспиранты, учителя, школьники и пр.). Хорошей иллюстрацией, к чему приводит такой анкетный сбор материала, может служить Фенологический сектор Географического общества СССР. Я знакома и с кипами заполненных анкет, из которых неясно, какие гуси, утки, скворцы, кукушки и пр. (это ведь с территории СССР) прилетели и улетели; и с самими корреспондентами, съезжавшимися на съезд фенологов; и с печатной продукцией, «продуцируемой» М. Родионовым на базе этих материалов. Печальная картина, полное отсутствие пользы от этого дела, а для непонимающих – источник дезинформации. Не думаю, что Вы заинтересованы иметь картотеку подобного же достоинства по гнездованию.

Сейчас мы обсуждаем реальность и полезность для науки такого «мероприятия» у нас, в СССР, а не вообще. Дело в том, что столь успешное использование анкетного метода в Западной Европе, например, в Англии, имеет за своими плечами очень продолжительную методичную работу с населением (не от случая к случаю, а по единой программе и непрерывно), проводимую через печать, лекции, кино, экскурсии, выпуск листовок, полевых определителей (у нас нет ни одного!), телевидение, школы и т.п. Это – не имеющие у нас место выступления о поездках в поле или за рубеж, или же пустое фразерство о пользе птиц, об охране природы, а настоящее активное обучение сети корреспондентов на самом высоком профессиональном уровне.

У нас же, затевая сбор информации о гнездовании, можно полагаться лишь на профессионалов и известных любителей; массовость здесь причинит только непоправимый вред. Я, например, такими материалами не воспользовалась бы, как и остальные ЗИН'овцы. Зачастую принадлежность гнёзд и яиц определяется не на месте, а дома, по памяти, собранным коллекциям или фотографиям. Ошибки тут неизбежны.

Начиная работу с пуховичками, я, прежде всего, заботилась о получении коллекционных экземпляров – действительного фактического материала, который, будучи определенным и описанным специалистами-сборщиками или настоящими любителями в поле, мог быть переописан и проверен при камеральной обработке. Однако и здесь возможность ошибки не исключена, хотя при некотором навыке и знании корреспондентов сомнительные вещи можно выбраковать.

III. Это то, что касается, так сказать, идейных основ Вашего доклада. По существу же присланный текст (я его не правила, так как считала, что он не пригоден к печати) – просто красивые фразы, не имеющие в своей основе ни современной проработки материала, ни четкой конструктивной мысли. Все выше изложенное позволяет заключить, что тема эта Вами совершенно не продумана и не разработана на должном уровне, а следовательно публикация тезисов и выступление с докладом по вопросу о необходимости создания картотеки гнезд птиц СССР **преждевременны**. В таком виде это будет выглядеть пустой бесполезной болтовней, голым призывом, который или не будет иметь резонанса или же (что еще хуже) приведет к нежелаемым последствиям. Если Вы уже заслали тезисы в Москву (чаще всего так и бывает: шлют в печать, а для очистки совести – кому-нибудь почитать; оба эти процесса идут независимо и друг другу не мешают), то еще не поздно взять их и снять доклад. Если же ещё не посылали, то совсем хорошо.

IV. Как мы[21] мыслим себе претворение в жизнь в общем-то дельной и не отвергаемой нами идеи о необходимости накопления сведений о гнездовой жизни птиц? Что можем предложить?

1). Если уж браться за это дело, то начинать его надо не с лозунгов, а с объективной оригинальной оценки современного состояния вопроса и аргументации важности дальнейшего сбора этого материала по единому плану, что должны усвоить, прежде всего, профессионалы – орнитологи, непосредственно работающие в поле, и их начальники, планирующие тематику исследований. Для этого понадобится изучить и проанализировать обширную литературу по птицам СССР, по крайней мере, за последние 25 лет, чтобы оперировать совершенно реальными данными. Согласитесь, что цитировать И.А. Долгушина, выступившего в 1965 г. по материалам главным образом из «Птиц Сов. Союза», включающим обработку литературы, вышедшей где-то до 1950 г., т.е. четверть века назад, по крайней мере, неприлично и очень провинциально. Человек, интересующийся вопросом и занимающийся им, должен оперировать оригинальным свежим материалом, которым он должен хорошо владеть. Цитировать же в третьей инстанции старые и небезупречные по своей добросовестности данные (грешны и авторы Птиц Сов. Союза, и И.А. Долгушин, – последнее относительно пуховичков я по возможности тактично пыталась отметить в своей статье) не хорошо…

2). Следующим этапом должна стать разработка единой методики, инструкций, анкет. Здесь нужно будет среди прочих моментов учесть и такие, как объём информации, форма её накопления, место концентрации, дальнейшая обработка и т.п.

а) нужно стремиться не к созданию картотеки гнезд (кстати, Ваша анкета уже включает и яйца, и птенцов), а к накоплению сведений по биологии размножения в целом. Ведь комплекс явлений, происходящих от брачных игр до поднятия молодых на крыло (хотя бы!), настолько неразделим, что вычленять что-то из него при экологических исследованиях нельзя, иначе невозможно будет установление причинно-следственных связей. Получится типологический, а не ест. подход. Составить толковую инструкцию, как и анкету, охватывающую все основные стороны цикла размножения, не просто, но возможно. Предложенная Вами анкета, конечно же, может служить лишь основой, как по содержанию, так и по форме. Посудите сами, как её можно приспособить к описанию колониально гнездящихся видов, где важно не только гнездо само по себе, но и состав колонии, расстояние между гнездами, численность, половой и возрастной состав и т.п. Нужны и графы, отражающие брачные церемонии, гнездостроение и многое, многое другое, что дает представление о том отрезке жизненного цикла вида, который мы именуем гнездовым периодом. Тут надо думать, советоваться, использовать имеющиеся зарубежные методики и инструкции. Возьмите хотя бы яйца: их число, размеры, форма, вес, окраска поддаются описанию (хотя тоже надо добиться унифицирования его – есть интересные современные методики), а как быть со степенью насиженности? Не всякий сможет дождаться вылупления, а поощрять разорение гнезд и сбор яиц для последующего вскрытия никак нельзя. Способы определения степени насиженности плавающих яиц разработаны, но нуждаются в приспособлении и проверке на конкретных группах птиц.

Система обозначения в анкете тоже должна быть более лаконичная, удобная для обработки, и вместе с тем не в ущерб содержащейся в отдельных пунктах информации. Т.е. в анкете должно быть больше напечатано на бланке, чтобы заполнение отчасти сводилось к вычеркиванию, кодированию и т.п. и вместе с тем наблюдатель имел бы постоянно перед глазами максимальный вопросник. – Всё на одном листе. Тут масса нужного, интересного – простор для размышлений. Не повредит система перфокарт.

---

[21] Письмо явно писалось не только от себя, но и от К.А. Юдина. – *Прим автора.*

Ваша анкета на первых порах (для составления «Птиц Казахстана») была, конечно же, шагом вперед по сравнению с тем, что было в КазССР раньше. Для специальных же целей, в особенности для накопления массового материала, она неполна и вместе с тем требует много времени для заполнения и обработки. Но это – детали, которые можно выяснить в рабочем порядке.

б) Никак **не следует** развивать идею о создании всесоюзной картотеки, о централизованном накоплении сведений о гнездовании по всем птицам СССР в ЗИН'е или Зоомузее МГУ. Вы, по-видимому, плохо себе представляете тот объем информации, который может при налаживании этого дела начать поступать хотя бы для части из 800 видов, живущих в СССР. Или же Вы думали просто ограничиться специально выступлением, за которым, кроме опубликованных тезисов, ничего не последует? Так вот, ЗИН в любом случае никак не заинтересован быть упомянутым в качестве места сосредоточения этих карточек, так как, во-первых, мы не намерены воспользоваться этим сомнительным материалом и, во-вторых, не можем позволить себе такую роскошь как собирать его, вести переписку, систематизировать и т.п. для кого-то, кто отважится его использовать, т.к. не располагаем штатными единицами секретаря, архивариуса и пр. Думаю, что и в Зоомузее МГУ, не справляющемся с хранением коллекций, вряд ли найдутся желающие.

в) Совершенно очевидно, что материал по гнездованию следует накапливать там, где есть непосредственно занимающиеся этим делом, т.е. заинтересованные лица. Будучи специалистами в этой области, они способны выбрать надежных корреспондентов; оценить достоверность собранного материала; вести консультации по его сбору; выяснять в процессе переписки неясности, неточности; обрабатывать материал. Формальная рассылка анкет по принципу «числом поболее, невзирая на лица», повторяю, чревата очень серьезными последствиями, которые могут очень серьезно повредить науке.

г) Нам думается, что накопление материала по гнездованию (надежного в определении его видовой принадлежности, от знающих птиц корреспондентов и под строгим контролем заинтересованного знающего специалиста) должно вестись не в центре, с охватом всего СССР, а в региональных орнитологических лабораториях, т.е. «на местах».

д) Этот пункт находится в непосредственной связи с предыдущим, а правильнее, наверное, было предпослать его всему разделу 2. Речь идет об обязательном включении сбора фактического материала по биологии размножения во все авифаунистические исследования (о задачах и методах современной авифаунистики я и предполагаю говорить на конференции).

е) Не менее важен вопрос и о форме и полноте подачи материала по гнездованию в региональных сводках. Нас никак не устраивают осредненные или крайние цифры, а также графики, в которых сам материал уже неосязаем; но нам не нужны и сырые бесконечные перечни дат встреч гнезд с яйцами неопределенной насиженности или птенцами неизвестного возраста, даже с указанием дат встречи и географических точек. Чтобы на основании таких данных представить себе картину размножения вида, нужно потратить времени больше, чем это потребовалось автору, писавшему этот раздел сводки. Сводка должна содержать по каждому разделу биологического цикла умело обработанные фактические данные, изложенные в предельно лаконичной форме (примеры образцов – «Hanbuch Vögel Mitteleuropas» и «Атлас миграций…» В. Паевского в Трудах ЗИН). Вот этот «полуфабрикат», опубликованный в печати, может быть очень ценным источником для составления сводки «Птицы Советского Союза» и для работающих в области изучения сравнительной биологии размножения, этологии и т.п. В худшем случае с карточными каталогами специалисты знакомятся, посещая учреждения, в которых они будут созданы (как-то, правда, не верю, что кто-то будет заниматься этой канцелярией, не имея заинтересованности в этом материале).

3) Последним этапом должно стать внедрение единой методики и анкет сбора материала по гнездованию путем рассылки отпечатанных инструкций, бланков и соответствующих разъяснительных писем.

Что же до конференции, то К.А. Юдин советует вам обратиться во Всесоюзный орнитологический комитет с просьбой обсудить на VI Орнит. конфер. вопрос о создании специальной комиссии по выработке унифицированной методики сбора, накопления и обработки первичного материала по биологии размножения птиц. Конечно, такая просьба должна иметь соответствующую аргументацию и содержать конструктивные предложения».

Сейчас трудно даже представить себе, чтобы рецензент потратил столько времени и сил на обсуждение каких-то тезисов, объем которых гораздо меньше самой рецензии. Так аргументированно и беспощадно могла писать только Ирена Анатольевна Нейфельдт. И хотя при первом прочтении краска стыда (за то, что сам не смог додуматься!) мешала понять всю глубину доводов, после второго-третьего чтения я уже не обращал внимания на «острые углы» некоторых колких выражений, а был беспредельно рад, что послал эти злополучные тезисы именно ей. Потому что, если бы они были опубликованы, то краснеть пришлось бы не раз и не два. Эдик Гаврилов, который так настаивал на «рождении» этих тезисов, прочитав это письмо, пришел в неописуемый восторг от силы доводов и не раз ещё после этого восклицал: «Как жаль, что это невозможно опубликовать!». И вот сейчас я выполняю это его желание. Думаю, что многим, как и мне, это письмо послужит уроком.

Через год, встретившись на упомянутой 6-й Всесоюзной конференции в Москве, я передал Ирене Анатольевне составленный план своих исследований в субвысокогорье на ближайшие годы. Один экземпляр я вручил ей, второй – Лео Суреновичу Степаняну; обоих просил высказать свои замечания и навести критику. Вот ответ И.А. Нейфельдт:

«29 октября 1974, Ленинград

Дорогой Анатолий Федорович, прошу извинить меня за столь затянувшееся чтение плана Вашей работы. Посмотрела я его, разумеется, сразу же по возвращении из Москвы в Л-д, но среди неотложных и спешных дел все никак не могла собраться вам написать. Утешаю себя лишь тем, что это никак не могло повлиять отрицательно на Ваш последний полевой сезон. С самого начала было ясно, что план этот исчерпывающий и не нуждается (с моей т. зрения) в дальнейшей разработке, а также во включении каких-то дополнитель-

Рис. 49. Слева – Г.С.Умрихина, И.А.Нейфельдт и А.Ф.Ковшарь. Алма-Ата, сентябрь 1965 г. Справа – С.В.Винтер, И.А.Нейфельдт и В.Е Флинт. Ленинград, 1979 г. *Фото Дж. Арчибальда*

ных разделов. Все же мои замечания касаются лишь оформления работы – ее названия, объема, соподчинения отдельных рубрик и т.п. Все частные пометки сделаны на полях и в тексте рукописи. Недостатками более общего характера, на мой взгляд, являются:

1. Название, обещающее как будто анализ материала по воробьиным всего Тянь-Шаня. Правомерно ли это, коль речь идет лишь о двух хребтах и притом только об определенных их поясах? Неудачным кажется в том же названии и «Гнездовая жизнь». Ведь много оригинального и, по-видимому, особенно интересного у Вас именно по послегнездовой жизни и, надо надеяться, что Вы сможете подробно охарактеризовать и догнездовой период жизни (он в плане отсутствует) – формирование местного летнего орнитокомплекса, а также упомянутые в плане пение и ток, не являющиеся гнездовой жизнью, даже не совпадающие с ней до определенных пор во времени.

2. Неоправданным кажется мне в Вашем случае и употребление словосочетания «горные птицы», применяемого к списку видов и к главе второй, как и по всей работе в целом. Правильнее, наверное, говорить «птицы в горах», «птицы в горных условиях». Ведь добрая половина видов, названных в упомянутом списке, широкораспространенные и даже эвритопные виды, далеко не всегда формировавшиеся даже в горах. Вместе с тем многих настоящих горняков явно недостает (*Tichodroma, L. brandti, Pyrrhocorax*, *Pyrrhospiza* и т.п.).

3. Хотелось бы видеть более тесную логическую связь между отдельными рубриками, их четкое соподчинение и расстановку. Здесь при внимательном прочтении Вы заметите много недочетов.

4. Мне кажется, что прямое перенесение плана книги Мальчевского на ваш труд, заимствованные у него способы подачи материала (сперва – общие разделы, а затем – фактические данные по видам) и даже заголовков не в вашу пользу. Как бы ни была хороша эта книга, написанная 20 лет тому назад, сейчас она во многом выглядит наивной и не очень научной (более – научно-популярной). Вы же располагаете тем материалом, который позволяет, сохраняя симпатии к этому труду, сделать оригинальную, солидную и вполне современную работу. Кстати, самостоятельность в выборе названия и композиции книги всегда свидетельствует о творческом подходе к разработке проблемы и производит лучшее впечатление об авторе. А.С. Мальчевский строил книгу на своих «китах», Вам предстоит выдвинуть своих. Думаю, что в части материалов, полученных в результате многолетнего поголовного мечения птиц на озере Вы недосягаемы. Вот, пожалуй, и все.

В заключение просьба и к Вам и к Вашим коллегам. Небезызвестный В. Макач (ГДР), который сейчас сдаёт в печать двухтомник «Яйца птиц Европы», очень нуждается в фотографиях для этого труда. Он собрал их очень много, но не имеет пока: *Pterocles orientalis, Melanocorypha yeltoniensis, Calandrella rufescens, Sylvia nana, S. mystacea, Phyll. trochiloides, Ph. nitidus, Ph. inornatus.* Снимки нужны ему как можно скорее. Отпечатки должны быть черно-белыми, глянцевыми, 13х18 см. Желательны изображения взрослых птиц (у гнезд или без них), а также фото гнезд с яйцами (без посторонних предметов – спичечные коробки, монеты…) и биотопов». Большинство из высказанных здесь *И.А.* пожеланий я учел при работе над книгой «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня».

В 80-х гг. Ирена Анатольевна приняла активнейшее участие в работе созданной при Орнитологическом комитете Рабочей группы по журавлям СССР. Если В.Е. Флинт был в этой группе главным организатором, то Ирена Анатольевна – главным теоретиком и методистом. Написанное ею методическое руководство по изучению журавлей стало тем стержнем, вокруг которого планировались и

проводились научные исследования. Вместе с Натальей Литвиненко и Юрием Шибаевым она очень много сделала для изучения и охраны дальневосточных видов журавлей, а также для публикации научных статей о них в специальных журавлиных сборниках, которые редактировала вместе с Н.М. Литвиненко. Поскольку я курировал журавля-красавку и среднеазиатско-казахстанский регион, то пути наши в эти годы пересекались редко – в основном на совещаниях и конференциях. И лишь при подготовке к печати последнего журавлиного сборника «Журавль-красавка в СССР», вышедшего в Алма-Ате в 1991 г., в год развала этой огромной страны, мы с *И.А.* опять часто обменивались письмами как соредакторы этого сборника…

Для всех орнитологов был полной неожиданностью внезапный уход Ирены Анатольевны на пенсию, совпавший с периодом общественно-политических потрясений в наших теперь уже странах. Не умеют у нас ценить людей, даже таких, которые сделали очень много для своей страны – в науке, литературе, искусстве. Я хорошо помню, каким мрачным сидел на официальных проводах на пенсию бывший директор ЗИН, знаменитый академик и генерал Евгений Никанорович Павловский (я случайно оказался в это время в ЗИН'е) и каким резким движением он подарил (почти бросил!) этому институту своё именное оружие, которым его наградило командование РККА еще в 20-х гг. за работы по изучению энцефалита на Дальнем Востоке. Было видно, как трудно дается ему этот уход «на отдых»…

У меня на глазах «уходили» на пенсию Мстислава Николаевича Корелова и Марию Алексеевну Кузьмину. Это отнюдь не был уход по собственному желанию, так как люди могли бы ещё работать и приносить пользу государству, получая при этом радость сами… Остается только пожалеть, что не было сделано исключения для Ирены Анатольевны, ведь пострадала при этом не только она, но и наука, которой она ещё многое могла дать.

Встречи на знаменитых «хорах» Зоомузея МГУ

В те же 60-е и 70-е гг. я часто бывал и в орнитологических хранилищах Москвы и в первую очередь – в Зоологическом музее МГУ. Кто из советских орнитологов не знал знаменитые «хоры» Зоомузея МГУ, находящиеся над выставочным залом музея?!

В начале 60-х гг., когда я впервые попал в Зоомузей, в нем работали три лауреата Государственной премии СССР, авторы «Птиц Советского Союза»: в орнитологическом отделе – Евгений Павлович Спангенберг и Ангелина Михайловна Судиловская, а кабинет Георгия Петровича Дементьева находился отдельно, на первом этаже.

Там я удостоился чести побывать однажды, а виновником этого посещения стал Лео Суренович Степанян, которому я показал тушку самки ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*), добытой у первого в Западном Тянь-Шане гнезда с кладкой. Сам факт находки этого гнезда был своего рода маленькой сенсацией, но Лео Суренович сразу же обратил внимание на другое: добытая на гнезде сам-

ка была в состоянии линьки и в её оперении были перья нескольких генераций. Не долго думая, *Л.С.* потащил меня вниз, сказав, что такую интересную птицу надо обязательно показать Дементьеву.

В кабинете Г.П. Дементьева находились двое. На стуле посередине комнаты сидел Андрей Григорьевич Банников, поглаживая свою великолепную бороду, а в кресле у стола – сам хозяин кабинета в состоянии неудержимого смеха. Видимо, Андрей Григорьевич только закончил один из своих весёлых рассказов (на которые он был большой мастер). И вот эту идиллическую картинку мы грубо нарушили своим внезапным появлением. Однако Лео Суренович, нисколько не смутившись, обратился к своему патрону со словами: «Георгий Петрович, как Вам нравится эта птичка?». Чувствовалось, что он здесь свой и достаточно хорошо знает характер своего учителя. Поскольку вопрос был чисто риторический, Лео Сурековичу пришлось объяснить, что это и откуда. Георгий Петрович снисходительно посмотрел на него и ответил в том духе, что всё это хорошо. Однако Лео не унимался, доказывая, что эта самка пропустила линьку и вообще начала насиживать кладку не во-время. Но Георгий Петрович не был настроен на дискуссию, тем более, что во время этого затянувшегося «спора» Андрей Григорьевич явно заскучал. И *Г.П.* обратил весь разговор в шутку: «Но мы ведь не можем, Лёва, заставлять птицу гнездиться тогда, когда нам хочется!», дав понять, что разговор на этом окончен. Так я в первый и последний раз «беседовал» с главой советской орнитологии, не проронив ни слова. Хотя видел его ещё не раз на конференциях – во Львове и Алма-Ате. И всегда он был в окружении орнитологов, преимущественно своих сверстников.

В кабинет Евгения Павловича Спангенберга я попал, когда в нём расположился Юлий Костин, рисовавший по заказу *Е.П.* птичьи яйца. Будучи земляками и работая в Крыму почти в одно время, мы с Юлькой как-то не пересеклись там, а по-настоящему познакомились и подружились уже в Москве. Рисовал Юлий довольно быстро и уверенно, даже несколько бравируя скоростью своей работы. Не только я, но и Евгений Павлович смотрел на этот процесс, как завороженный. Меня особенно поражало, как можно нарисовать белое яйцо на белой бумаге – да так, чтобы оно не выглядело белым пятном. При этом шли неспешные расспросы о яйцах и гнездах тех или иных видов птиц. Здесь мы с Юлием рассказывали каждый о своих достопримечательностях, а Евгений Павлович время от времени вспоминал свои первые впечатления, многие из которых он прекрасно описал в своих замечательных книжках. А поскольку в кабинете *Е.П.* не курили и вообще с этим в Зоомузее было строго, то мы с Юлием часто заканчивали свои беседы в курилке – специально отведенном для этого месте на лестнице.

Не часто встречались мы и с Ангелиной Михайловной Судиловской, которая долго заведовала орнитологическим отделом музея после Евгения Павловича. Это было уже в 70-х гг., когда мы работали над 4-м и 5-м томами «Птиц Казахстана» и приезжали для того, чтобы просмотреть орнитологические сборы по Казахстану. Она всегда приглашала к себе в кабинет, с интересом расспрашивала о казахстанских орнитологических делах, о птицах и орнитологах. Но на этом общение и заканчивалось: на хорах я работал один, точнее с непременным

участием Софьи Владимировны Луцкой, которая всегда помогала найти необходимую коробку и подсказать, где хранятся те или иные сборы. Много лет спустя, когда мы с ней встретились в МОИП, куда она перешла работать редактором, мы с ней вспомнили те незабываемые дни работы на «хорах».

Здесь же, в Зоомузее МГУ, познакомились мы и с Лео Суреновичем Степаняном, который вырос в стенах этого университета, но работал в педагогическом институте, а коллекцию птиц держал у себя дома. Как-то по этому поводу Константин Алексеевич Юдин заметил: «А Степанян, он собственно говоря, хуторянин», подчеркнув тем самым сугубо индивидуальный стиль работы этого уже тогда широко известного систематика.

Лео Суренович Степанян (1931-2002)

В 2011 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося советского орнитолога-систематика второй половины XX столетия, автора основополагающих таксономических списков авифауны огромной территории Северной Евразии под названием «Советский Союз», которые вот уже более четверти века являются своего рода «Библией» для русскоязычных орнитологов, – Лео Суреновича Степаняна. Историкам нашей науки еще предстоит анализ творчества этого крупного ученого, который за полвека исследований посетил не только большую часть Восточной Палеарктики в пределах СССР, но и Монголию, Вьетнам, Юго-Западную Океанию (острова Новая Гвинея, Луизиада, Соломоновы, Норфолк, Фиджи, Кука, Западные Самоа и др.), Новую Зеландию, причем ряд районов посещался многократно. Так, во Вьетнам совершено 11 экспедиций, в область Тянь-Шаня – 6, в Кугитанг – 5.

Как сказал сам Лео Суренович в предисловии к своей последней книге «Систематический каталог приватной орнитологической коллекции автора» (Степанян, 2001): «Орнитологическое коллектирование было начато мною в 1946-1947 гг., но планомерный характер приобрело оно с 1950 г. Сборы птиц велись в пределах Палеарктической, Индо-Малайской (Восточной) и Австралийской зоогеографических областей». Результатом их и явилась приватная коллекция, состоящая из 2784 экз. 597 видов птиц из 76 семейств.

Мне не раз приходилось бывать в доме Лео Суреновича, где хранилась эта реликвия, и каждый раз поражало то благоговение, с которым он брал в руки каждую тушку птицы – и не только представителя экзотической авифауны, а любой нашей – от крапивника до бородача или реликтовой чайки. Уже с 70-х гг. он стал отдавать предпочтение сборам птиц в *свежем пере*, специально планируя для этого зимние поездки, и не раз демонстрировал мне преимущества этих зимних коллекций.

Как фаунист и эколог почти два десятилетия, после окончания кафедры зоологии Московского университета им. Ломоносова (1953) и до начала 70-х гг., – Лео Суренович вплотную занимался орнитофауной Средней Азии и Казахстана. Начав с её горной части (хребет Терской Алатау и Иссык-Кульская котловина), он предпринимает экспедиционные выезды в самые различные места этого

обширного региона: на границу Казахстана и Оренбургской области (1961), на Сырдарью и в северные Кызылкумы (1963), в Южный Бадахшан (февраль и май 1966), на Сурхандарью (1967), в Бадхыз (1967 и 1969), на Памир (1971) и т.д. Каждая из таких поездок Л.С. Степаняна – событие в орнитологии региона, поскольку результаты его богатых сборов и наблюдений скоро публикуются и становятся достоянием специалистов. Впоследствии все они используются также в региональных фаунистических сводках – таких, как «Птицы Киргизии» (1959-1961), «Птицы Казахстана» (1960-1974) и других.

В этот же период Л.С. увлекается изучением экологических особенностей редких и неизученных птиц – обитателей высокогорья. Из-под его пера, как из рога изобилия, одна за другой выходят первые короткие заметки о биологии таких видов, как арчовый дубонос (1956), расписная синичка (1956), индийская пеночка (1959), красноспинная горихвостка (1960). Особое значение имеют его первые попытки анализа особенностей размножения птиц в высокогорье Тянь-Шаня (1959), размещения авифаунистических комплексов в Центральном Тянь-Шане (1959, 1960), истории становления горной авифауны (1963, 1964) и, конечно же, – многочисленные работы по систематике среднеазиатских видов и подвидов птиц (скалистый поползень, арчовый дубонос, шахин, бородач, крапивник, скотоцерка, обыкновенная оляпка, серпоклюв, синяя птица, красный вьюрок и многие другие).

Более 50 публикаций Лео Суреновича посвящено птицам нашего региона, среди них немало крупных фаунистических работ, зоогеографических и экологических обобщений: Материалы по авифауне сыртов Центрального Тянь-Шаня (1958); Птицы Терской Алатау (1959); Зоогеографическая оценка пустынного элемента фауны западной части котловины озера Иссык-Куль (1961); О гнездовой экологии птиц долины Сырдарьи и северных Кызылкумов (1969); Гипсоморфный эффект размножения птиц (1970); Материалы по авифауне заповедника Барса-Кельмес (1962) (соавт. В.М. Галушин); Птицы Южного Бадахшана (в пределах бассейна р. Шах-Дары) (1969); Материалы к орнитологической фауне Памира (1972) (соавт. В.Е. Фомин); Материалы к орнитологической фауне Западного Копет-Дага (соавт. Е.Н. Степанян); Материалы по зимней авифауне острова Арал-Пайгамбар (Аму-Дарья) и низовьев Сурхан-Дарьи (1971); Орнитологические наблюдения весной 1961 года на юге Оренбургской области (1971); Материалы к орнитологической фауне Бадхыза (1971) и целый ряд других.

Именно в этот период – в начале 60-х гг. – и познакомились мы с Лео Суреновичем, а поскольку интересы наши совпадали как по видам, так и по территории, то мы довольно быстро сблизились. Интенсивно обменивались оттисками своих публикаций, а так как у него они выходили очень часто, то он, не ведя особого учета рассылаемой литературы (как делал, например, Эдик Гаврилов, который регулярно вёл алфавитный список всех орнитологов с отметкой – кому что послал), часто один и тот же оттиск присылал по нескольку раз – у меня до сих пор хранятся дубликаты с его дарственными надписями.

Встречались мы чаще всего в Москве, в Зоомузее МГУ, а потом он приглашал к себе домой, на Фрунзенскую набережную (дом 1, кв. 137), где бесе-

ды продолжались за ужином и заканчивались обязательно просмотром коллекции – любимым занятием хозяина. Я не решусь назвать наши отношения дружбой: несмотря на то, что вскоре он стал называть меня по имени, я так и не смог перешагнуть эту грань, называя его по имени-отчеству. Помню, как однажды удивился Адик Винокуров, когда мы пришли к Степаняну вдвоём и за рюмкой водки он услышал это обращение на «Вы», хотя между собой мы общались на «ты». Мне нравился этот гостеприимный дом и угощавшая гостей миловидная хозяйка, жена *Л.С.* – Елена Николаевна Степанян. До сих пор стыдно, что на конференции зимой 1974 года я ее не узнал, а уловивший это Ардалион удачно разыграл меня, спросив, хочу ли я познакомиться с этой симпатичной дамой. Только он стал меня представлять, она тут же воскликнула: «Как Вам не стыдно! Ведь вы же хвалили мой борщ!», а довольный Адик вдоволь посмеялся… Кстати, на этой же конференции я не узнал даже Юлия Костина, который отрастил окладистую бороду и, видя, что я не узнаю его, буквально преследовал меня – то сверля издали глазами, то загораживая вход в помещение, пока наконец не рассмеялся: «Толик, ты что, действительно меня не узнаешь?»…

Рис.50. И.А.Абдусалямов, Л.С.Степанян и А.А.Винокуров. Ашхабад, 1969 г.

Однажды *Л.С.* привел меня не на Фрунзенскую набережную, а в дом своей мамы, которая оказалась очень интеллигентной и такой же гостеприимной, а я не знал, как себя вести, и всё время смущался от ее комплиментов. Впоследствии Лео сказал, что я очень понравился его маме, и она ещё не раз передавала мне приветы и приглашала в гости.

Регулярная переписка наша продолжалась с 1964 по 1974 год. О характере её можно судить по нескольким примерам. Вот, например, письмо после конференции 1965 года:

«Дорогой Анатолий Федорович!

Ваше письмо попало мне в руки уже тогда, когда началась конференция. Я был в отпуске, когда оно пришло в Москву, приехал 30 августа, а в Музей попал спустя 2-3 дня. Поехать в Алма-Ату мне не пришлось, о чем очень сожалею – хотел посмотреть коллекции. Если бы я поехал, то конечно захватил бы экземпляр, о котором Вы пишете. Если Вы заинтересованы (несмотря на опоздание) получить эту птицу для просмотра, то сделать это очень легко. Напишите письмо-просьбу А.М. Судиловской, и Вам эту птицу вышлют. Посылку я могу организовать сам. Потом Вы её так же по почте вернёте. Главное – письмо в отдел. Слышал, хотя и очень неопределенно, что выходят (или вышли) труды Вашего заповедника. Крайне заинтересован в их приобретении. Как это сделать?

Не оставляю надежды побывать в Аксу-Джабаглы и Ваше новое приглашение ещё больше укрепило во мне это желание. Надеюсь, что это удастся осуществить как-нибудь. Я последнее время занялся южными горами Узбекистана и Таджикистана. Не могу не похвастаться одним своим экспонатом оттуда. Это великолепная самка *Falco babylonicus*, взятая живой и в настоящее время здравствующая в московской квартире. Об остальном писать очень долго, поэтому отложу это до следующего раза.

Каковы ваши планы? Не думаете ли зимой побывать в Москве? Я сейчас остро заинтересован в сборе материала по крупным соколам Средней Азии. Вы, конечно, хорошо знаете, сколь трудоёмок сбор этого материала, поэтому любопытно знать ваше мнение по поводу того, какие районы из тех, которые Вам знакомы, более или менее перспективны в этом отношении.

Как всегда, очень хотел бы с вами встретиться и поговорить о горах и птицах. Желаю всего самого лучшего. С дружеским уважением Л. Степанян, 12 сентября 1965 г.»

А вот письмо от 10 февраля 1971 г. с разъяснением ситуации с Барсакельмесом:

«Получил ваше письмо от 22.1.70 и отвечаю только сейчас, т.к. был в отъезде и вернулся на днях. Относительно данных по Барса-Кельмесу. Я на острове не был никогда. Все материалы, положенные в основу статьи, были собраны В.М. Галушиным, передавшим их мне в виде дневниковых записей. Все это было указано в статье, но редакция в то время усиленно редактировала тексты и искажала их.

Так что *A. dumetorum* и *A. palustris* и материал по ним включены в статью на основании только дневниковых записей. В.М. Галушин сейчас в Индии и вернется не скоро, но, насколько я знаю, его сборы с Барса-Кельмеса должны храниться на кафедре зоологии Горьковского университета. Если время позволяет, попробуйте написать туда.

Съездил я увлекательно, есть ряд мелких систематических находок.

Нетрудно понять меня в отношении того, сколь благодарен я за великолепный подарок – *L. relictus*[22]. Я обещал Э.И. Гаврилову выслать оттиск статьи, где в соавторстве с Г.П. Дементьевым я написал о размножении птиц в высокогорье. У меня всего три экземпляра этой статьи. Один на днях я пошлю Гаврилову и надеюсь, что Вы и Мстислав Николаевич на меня не обидитесь за то, что не могу послать еще несколько экземпляров. У меня их нет, а после *L. relictus* я не мог отказать *Э.И.* ни в чем[23].

Желаю Вам успехов в грядущем весеннем сезоне. Привет коллегам (подпись)».

Не удержавшись, я написал ему о курьёзе, когда птицу добывает один, тушку делает другой, а благодарность получает третий. В ответ получил следующее письмо:

«19 февраля 1971 г., Москва

Дорогой Анатолий Федорович!

Получил Ваше письмо и, конечно, тоже посмеялся. Бог с ним, с оттиском! Примите, пожалуйста, мою горячую благодарность. Чайка замечательная, и я отвел ей особый отдел в своем собрании. Передайте, пожалуйста, мою признательность Ауэзову, поскольку, как Вы пишете, он причастен к этому экземпляру.

Относительно камышевок я вполне понимаю Ваши сомнения. Но, к сожалению, как я писал, это чужой материал и что-либо уточнить я сейчас не в состоянии. Могу только заметить, что *A. dumetorum* обычна на весеннем пролете в самых западных частях Туркмении (долина Сумбара). Желаю Вам успешного завершения дел с очередным томом;

---

[22] Имеется в виду тушка, которую я делал на острове по просьбе Эрнара Ауэзова (см. выше).

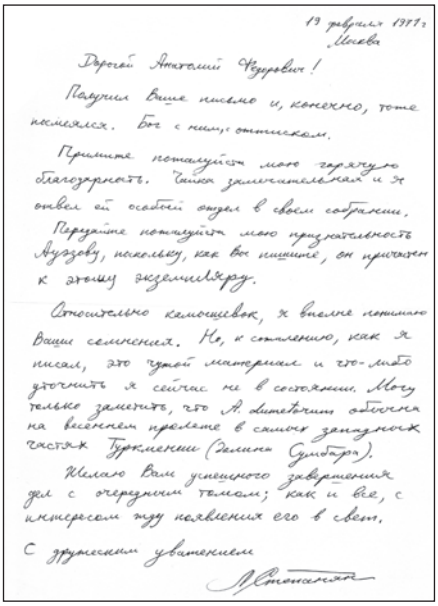
[23] Тушку послал по почте Э.И. Гаврилов на средства института. – *Прим. авт.*

как и все, с интересом жду появления его в свет. С дружеским уважением (подпись)».

Одно из последних писем Лео Суреновича, от 24 марта 1974 г., было посвящено уже упомянутому в очерке о Нейфельдт проекту плана обработки горного материала:

«Дорогой Анатолий Федорович, я внимательно ознакомился с Вашей программой. Замечаний у меня немного. Я помечал их цифрами, а расшифровывал на отдельном листке, который прилагаю. Вы увидите, что это мелочи. Одно замечание – по русской номенклатуре. В заголовке стоят «Воробьиные», а в названии части 1 – «певчие». Что Вы хотите этим сказать?

Общее впечатление от Вашей программы весьма сильное. Я не сомневаюсь в том. что Вы осилите написание этой монографии. Но как всё это втиснуть в рамки диссертации – я не представляю. Ведь это огромный объем. На меня, конечно, очень сильное впечатление произвел «материал по гнездованию». Объем его, несомненно, уникален.



19 февраля 1971 г.
Москва

Дорогой Анатолий Федорович!

Получил Ваше письмо и, конечно, тоже посмеялся. Бог с ним, с оттиском.

Примите пожалуйста мою горячую благодарность. Чайка замечательная и я отвел ей особый отдел в своем собрании.

Передайте пожалуйста мою признательность Ауэзову, поскольку, как Вы пишите, он причастен к этому экземпляру.

Относительно камышевок, я вполне понимаю Ваши сомнения. Но, к сожалению, как я писал, это чужой материал и что-либо уточнить я сейчас не в состоянии. Могу только заметить, что A. dumetorum обычна на весеннем пролете в самых западных частях Туркмении (Долина Сумбара).

Желаю Вам успешного завершения дел с очередным томом; как и все, с интересом жду появления его в свет.

С дружеским уважением

Л. Степанян

Рис. 51. Письмо Л.С. Степаняна от 19.02.1971

Я думаю, что Вам вряд ли нужны чьи-либо принципиальные советы, т.к. сама программа свидетельствует о полной зрелости и подходов, и взгляда на цели этой работы. Могу только пожелать Вам успешного старта и хорошего прохождения всей дистанции. Опыт марафона у Вас есть. В заключение хочу только подчеркнуть, что краткость моих комментариев по программе объясняется тем, что я не могу фактически придраться к чему-либо по-существу. Желаю Вам больших успехов. Большой привет коллегам».

Вскоре после этого Лео Суренович сменил район своих исследований со Средней Азии на Дальний Восток, а затем – Монголию и тропики Восточного полушария. Переписка наша практически прекратилась, а во время редких случайных встреч он взахлёб рассказывал о тропических птицах и на мои вопросы, почему он не защищает докторскую диссертацию, отмахивался: «Это успеется, а сейчас надо поездить, посмотреть мир и птичек, пока есть такая возможность!». Как он был прав, показала сама жизнь. Жаль только, очень обидно, что она у него оказалась такой короткой…

Рюрик Львович Беме (1927-2000)

В 50-х гг. XX ст. в Советском Союзе не было орнитолога, которому была бы не известна фамилия профессора Льва Борисовича Беме – автора знаменитых в свое время научно-популярных книг «Певчие птицы» и «Птицы у нас дома». Именно с ними, наряду с захватывающими научно-популярными «Записками натуралиста» Евгения Павловича Спангенберга и познакомился я в середине

50-х гг., будучи студентом биологического факультета Харьковского государственного университета. Тогда мне и в голову не могло прийти, что всего через несколько лет удастся познакомиться с сыном этого профессора, уже тогда известным орнитологом, и его ближайшим другом Владимиром Евгеньевичем Флинтом, фамилия которого постоянно встречалась на страницах «Певчих птиц» с почти неизменным «у нашего друга Флинта», а дальше шло описание его наблюдений за той или иной певчей птицей в домашних условиях. И не только познакомиться, но и подружиться с обоими на долгие годы. Разница в десятилетие вполне компенсировалась общими интересами и любовью к птицам, перед которой отступали ученые степени (оба мои старшие товарищи уже тогда были кандидатами наук, тогда как я делал только первые шаги на поприще изучения тянь-шаньских птиц).

Доктор биологических наук, профессор Московского университета, Рюрик Львович вырос среди птиц и сам всю жизнь держал в московской городской квартире десятки птиц – от самых обычных чижей и щеглов до тропических нектарниц и колибри (для кормления которых даже изготавливал особые сиропы). Вся жизнь этой удивительной семьи была подчинена птицам, при которых постоянно должен был находиться один из трех членов семьи. Даже расписание занятий *Р.Л.* в университете зависело от времени ухода за 30-40 птичьими клетками. Помню, как потрясло меня первое посещение этой квартиры, стенки которой были увешаны птицами, и здесь же разгуливала любимая собака хозяина. Самое удивительное было то, что Рюрик Львович, сам заядлый курильщик, радушно угощал курящего гостя, а на мой удивленный вопрос ответил, что его птицы привыкли к дыму. Двадцать лет спустя я вспомнил об этом, когда увидел чёрные легкие своей любимой синей птицы, прожившей в моей прокуренной квартире 17 лет…

Наши встречи, к сожалению, более редкие, чем хотелось бы, происходили либо дома у Рюрика Львовича либо на кафедре зоологии – если я приезжал на более короткое время и не мог нанести визит, на который всегда получал радушное приглашение. Обстановка на кафедре также была удивительно приятная, полудомашняя, и очень напоминала мне то, к чему я привык на родной кафедре в Харькове: те же разговоры «вокруг птиц», тот же «трёп» на любые темы – от охоты и спорта до литературы и политики. Между этим делом осматривались и привезенные тушки птиц, обсуждалась орнитологическая литература.

Научные интересы Рюрика Львовича лежали в области орнитогеографии и экологии горных птиц. Именно этим вопросам посвящены все его публикации и тема докторской диссертации: «Горная авифауна Южной Палеарктики», защищенной в МГУ в феврале 1972 г. В этом же направлении готовил он и своих аспирантов. Сам Рюрик Львович в период с 1958 по 1978 г. неоднократно посещал с орнитологической целью горы Таджикистана и юга Узбекистана, особенно Туркестанский, Гиссарский и Зеравшанский хребты. Особое значение для молодых орнитологов имели изданные *Р.Л.* научно популярные книги о птицах, в т.ч. полевые определители птиц – «Птицы СССР» (1968, соавт. В.Е. Флинт, Ю.В. Костин, А.А. Кузнецов) и «Птицы лесов и гор СССР» (1966, соавт. А.А. Кузнецов).

В один из моих приездов в Москву в начале 80-х гг. Рюрик Львович и Александр Александрович Кузнецов предложили мне составить совместно и издать в Алма-Ате полевой определитель птиц Казахстана. На обеде в Доме Литератора, куда нас пригласил Александр Александрович (сказав на входе: «товарищи со мной»), мы даже подробно распланировали, как, взяв за основу один из предыдущих полевых определителей, адаптировать его к условиям Казахстана, убрав из него виды, которых в республике нет, и добавив местные виды (эту адаптацию предстояло сделать мне), а затем уж «проталкивать» эту книжку в одном из республиканских издательств.

Однако планам этим не суждено было осуществиться, поскольку в казахском издательстве, которое положительно откликнулось на моё предложение, без обиняков потребовали добавить еще одного «соавтора», не имеющего никакого отношения к орнитологии… Этот «соавтор», который, с моей точки зрения, мог бы быть только переводчиком на казахский язык (при переиздании книги), занимал ответственный пост в издательстве и отказ ему означал, что рукопись просто не примут. Посовещавшись, мы решили отказаться от этой затеи. Как выразились в письме *Р.Л.* и *А.А.*, «не гоже нам, людям науки, якшаться с мошенником». Эти слова я часто вспоминаю по мере того, как подобное «соавторство» у нас постепенно стало становиться нормой, и сейчас уже встречается чуть ли не на каждом шагу…

Мне ни разу не довелось быть с Рюриком Львовичем в поле, а очень хотелось. Не раз я приглашал его к себе на Западный Тянь-Шань, когда работал ещё в заповеднике Аксу-Джабаглы. Он каждый раз ссылался на то, что не на кого оставить своих птиц. Однако я прекрасно понимал, что если ему и удастся как-то решить эту проблему, то время, которое освободится, он с удовольствием проведет на Памире у своего друга И.А. Абдусалямова, с которым дружил много лет и много раз у него бывал. Да и сам Памир и Бадахшан, конечно, намного интереснее, чем северная оконечность Западного Тянь-Шаня. Впоследствии я приглашал его и в наш орнитологический стационар в Заилийском Алатау на Северном Тянь-Шане. Туда он тоже не смог приехать, но «командировал» свою дочь Ирину[24], которая там успешно поработала у нас несколько сезонов, изучая акустические сигналы синиц и других высокогорных птиц. Присылал он к нам и других своих учеников, в частности, Анвара Керимова..

Последнее, что мне запомнилось – встречи в период защиты докторской в 1979-1980 гг., где Рюрик Львович и Владимир Евгеньевич Флинт были моими оппонентами. Выступление на защите было сделано в свойственной *Р.Л.* деловой и доброжелательной форме – без излишнего пафоса, который, к сожалению, нередко сопровождает такого рода речи, но и без желания «выкопать» какой-нибудь жареный факт в виде компромата-замечания. Последнее было вообще не свойственно Рюрику Львовичу, с его мягким характером и открытым, доброжелательным отношением к людям. Помнится, как-то при мне, обсуждая очередной факт «подсиживания» среди коллег, 50-летний В.Е. Флинт сказал:

[24] Ирина Рюриковна Бёме – ныне профессор кафедры зоологии МГУ – *Прим авт.*

«Рюр, неужели и мы, ***когда вырастем***, сможем вот так же пакостить друг другу?». Дружба их, длившаяся более полувека, всегда была для меня образцом бескорыстных отношений, а уж ежегодные глухариные охоты, ради которых отставлялись все дела!...

Рис.52. Т.Б.Ардамацкая, Р.Л. и И.Р. Бёме. XVIII орнитологический конгресс. Москва, 1982 г.

Слишком рано ушел от нас Рюрик Львович – ему только сейчас исполнилось бы 85 лет, что само по себе не столь уж много. Но он успел оставить после себя не только свои научные труды, чем принято измерять результаты жизни ученого, но и своих учеников. А главное, на мой взгляд, – он оставил о себе хорошую память в наших сердцах, что тоже очень и очень немало. Хочется пожелать всего самого доброго его близким – Элиде Дмитриевне, Ирине Рюриковне, внуку, а также всему коллективу кафедры зоологии Московского государственного университета.

Ардалион Алексеевич Винокуров (1931-2012)

К 75-летию своего друга я опубликовал в журнале «Selevinia» его краткую биографию, материалы для которой выпросил у него заранее.

«Ардалион Алексеевич родился 3 ноября 1931 г. в с. Купино Новосибирской обл. До 1946 г. жил у отца в Новосибирске и в Томске, а в 1947 г. переехал к матери в Краснодар, где и окончил в 1950 г. среднюю школу. Уехал в Москву и поступил на биолого-почвенный факультет МГУ, где учился в одной группе с Лео Суреновичем Степаняном, Маратом Молдогазиевичем Токобаевым (впоследствии крупный киргизский паразитолог, директор Биолого-почвенного института НАН КР) и Розой Балтабековной Асановой (впоследствии известный казахстанский энтомолог). С природой был близок с детского возраста, в 14 лет уже был охотником. На Кубани увлекся птицами и первые курсовые работы («Птицы города Краснодара» и «Птицы Кубани») были написаны по материалам, собранным в школьные годы. О годах учебы в МГУ *А.А.* вспоминал: «Мне повезло, что первые годы мы учились в старом здании Университета, где размещался Зоологический музей. «Хоры» Зоомузея, где хранились научные коллекции, а за столами в выгороженных «клетках» работали сотрудники – те самые орнитологи, которых ранее я знал только как авторов книг. Поэтому основное общение с уважаемыми специалистами (Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко, Е.П. Спангенберг, А.М. Судиловская и др.) происходило главным образом здесь. Е.С. Птушенко стал моим учителем на годы студенческой жизни и руководителем курсовых работ и дипломной». В студенческие годы и после окончания университета *А.А.* занимался фехтованием; был чемпионом МГУ, а позднее – чемпионом города Алма-Аты.

В 1955 г., после окончания МГУ, А. Винокуров вместе с двумя сокурсниками (Э. Дубровский и О. Лишин) попал в Нарынкольское противочумное отделение. Хотя основная работа была связана с сурками, но регулярные обследования обширных горных терри-

торий позволили *А.А.* собрать значительный материал по птицам. Во время поездок в Алма-Ату он познакомился с ведущими орнитологами Казахстана – И.А. Долгушиным, М.Н. Кореловым, М.А. Кузьминой.

В конце 1957 г. был переведен на работу в Москву, в Комиссию по охране природы при Президиуме АН СССР. С этой организацией (позднее - Центральной лабораторией охраны природы и ВНИИ охраны природы и заповедного дела) и была связана дальнейшая работа *А.А.* Почти 9 лет он занимался организационными работами в Центре кольцевания птиц (в частности, курировал работы по кольцеванию птиц в Казахстане и Сибири), но в связи с разнообразием в те годы направлений природоохранных работ, приходилось заниматься и другой тематикой. Участвовал во многих экспедициях в различные районы СССР, включая пустыни и степи Казахстана. Так, в разные годы он работал в Бетпак-Дале, в низовьях Чарына, в низовьях Тургая и Иргиза и на сев.-востоке Каспия. Более 10 лет проработал в тундре Таймыра[25].

Очень многое сделал А.А. в области охраны природы, особенно птиц, а также в методиках полевых исследований. Принимал активное участие в создании Красной книги СССР. Много времени отнимала организационная работа (в частности, создание Центра кольцевания птиц, обязанности координатора работ по краснозобой казарке Международного бюро по изучению водоплавающих). Особо следует подчеркнуть тот большой вклад, который внес *А.А.* в решение международных проблем охраны природы, в частности по выполнению обязательств Советской стороны по некоторым природоохранным конвенциям. Будучи одним из немногих «выездных» ученых, он побывал во многих странах и неоднократно был экспертом и заместителем главы делегации СССР на конференциях Сторон по Рамсарской конвенции и СИТЕС.

За время работы *А.А.* опубликовал около 200 статей и заметок, 5 книг, в т.ч. 2 монографии. Чтобы коллеги не упрекали, еще в 60-х гг. он сдал экзамены кандидатского минимума, но диссертацию защищать не стал по убеждению, «что специалиста нужно ценить не за звания, а за знания», что и пытался доказать всю жизнь. После выхода на пенсию, не прекращая работы в области орнитологии, *А.А.* смог, наконец, отдаться второй своей страсти - филателии, особенно истории почты. В последние десятилетия он стал признанным специалистом в области военно-полевой почты России и СССР, а также цензуры почтовой корреспонденции». (Selevinia, 2006, с. 247-248).

В далеком 1962 г. во Львове, особенно на экскурсии в Карпатах, 30-летний Ардалион Винокуров очень пришелся по душе всей нашей казахстанской компании. Когда нас знакомил И.А. Долгушин, то при этом добавил: «Он до самой старости так и останется Адиком для всей страны». Пророчество его сбылось, так и называли его мы до самых последних дней, а нередко так же обращалась к нему и молодежь.

Спортивного вида, стройный даже в преклонные годы, Адик всегда как бы излучал из себя силу и уверенность. Причем это не была самоуверенность. Его деловитости и работоспособности могли позавидовать многие, как и обширным познаниям в разных областях науки и культуры. Накоплению последних очень способствовали его частые зарубежные поездки, и мы, раскрыв рты, слушали его рассказы об очередной поездке в какую-нибудь Коста-Рику, где невозможно подойти к берегу океана, так как всё его побережье приватизировано и везде

[25] Сколько раз звал Адик к себе на Север меня и Толю Сему, повторяя при встречах, что тот, кто не видел Арктики, может считать, что он не видел ничего. Я до сих пор жалею, что не послушал его. – *Прим. авт.*

стоят таблички с надписью «Private»…Тогда это мне казалось какой-то фантастикой, хотя сейчас подобное можно увидеть даже на Капчагае.

Он очень любил разрабатывать методические приёмы отлова птиц, и на любой из орнитологических конференций мог всю ночь за рюмкой в номере гостиницы обсуждать с Эдиком Гавриловым, как лучше поставить воротки у ловушки, или как приспустить сеть, чтобы она была более уловистой. Творческие споры их заполночь не давали уснуть и мне. А когда я занялся цветным индивидуальным мечением птиц в высокогорье, Адик буквально завалил меня письмами с советами – как изготовить метки, как их прикреплять и т.д. В небольших бандерольках присылал бутылочки с различными красителями и советами, как их лучше всего апробировать. В этом плане он был просто неистощим. Его бисерный почерк легко читался, даже на микроскопических карточках или этикетках.

Переписывались наиболее активно мы в 60-е гг. – до того, как меня на несколько лет поглотили «Птицы Казахстана», а его – любимая Арктика. Вот одно из ранних его писем, написанное после алматинской конференции, с которой он уезжал в спешном порядке, после ночевки в стогу сена, оставив в кармане моей куртки отснятые в горах плёнки, а на моей шее – свой бинокль (и то и другое я успел передать ему в Москву с уезжавшей на второй день Т.П. Шеваревой из Центра кольцевания):

«Москва, 22.X.1965

Дорогой Анатолий!

Извини, что долго не писал. За время моего отпуска и командировки бумаг в нашем Центре накопилось столько, что пришлось разгребать их лопатой, тачкой, а порой была бы нужна и повозка. Чтобы ты не подумал, что я где-либо в дороге «загнулся», в конце сентября отправил тебе на заповедник 9-й выпуск трудов Бюро кольцевания.

Плёнки и бинокль получил – большое тебе спасибо. Среди плёнок «ORWO», которые вы с Игорем нашли в номере гостиницы, одна была заснята во время конференции, а другая – не экспонированная. Пленки все проявил, но печатать пока не хватило времени (тут еще в Москву приезжала моя мать из Куйбышевской области, пришлось положить ее в больницу на обследование, возможно, что рак, а ко всему еще заболел сын, где-то простыл, как следует, и только сегодня удалось сбить температуру – в общем, крутился, как мог). Среди кадров есть весьма интересные для тебя, но куда прислать фото? В ноябре они наверняка будут напечатаны.

Рекламные листики на «Птиц Таласского Алатау» получил; около сотни будут разосланы уже на этой неделе, остальные – в течение ближайших 2-3 недель. Москвичам не посылал, т.к. 30.X. или 6.XI. начнутся «орнитологические субботы в Музее (мы их называем «Дементьевские субботы»), на которые всегда собираются многие из московских орнитологов, – им и раздам с соответствующим объяснением[26]. Кое-что на следующей неделе будет вывешено на доске объявлений в МГУ, Зоомузее и Пединститутах – в основном для студентов. Все дальнейшее зависит от активности самих орнитологов. Кстати, для сдачи книги в печать нужно заявок на ⅓ или ½ тиража?

В отношении заграницы дела хуже. Конечно, можно послать листок Рыдзевскому в «The Ring», но заказать эту книгу в заповеднике из-за рубежа никто не сможет. Все

[26] Объяснение заключалось в том, что необходимо набрать определенный минимум заявок для тиража книги, без которого издательство не станет ее выпускать. – *Прим. авт.*

дело в нашей системе распространения печати за рубежом (как и из-за рубежа: попробуй, например, закажи в Бомбее «Птицы Индии» или даже какую-нибудь книгу в Польше, если она не продается в наших магазинах книг «демократов»!). Вся продажа книг и заказы на них из-за рубежа производятся конторой «Международная книга». А ведут эти дела там из рук вон плохо, так как поддерживают связи с фирмами, а не со специалистами. Каждая фирма, исходя из рекламы, заказывает самое минимальное количество книг и потом смотрит – «идёт» эта книга или нет. Если книга «пошла», то данная фирма пытается заказать еще книг, а ей показывают кукиш, так как весь тираж в наше время определяется количеством заказов, по которым он и расходится, лишь минимум попадает на прилавок (или на склад), откуда его даже «Международная книга» не вытащит.

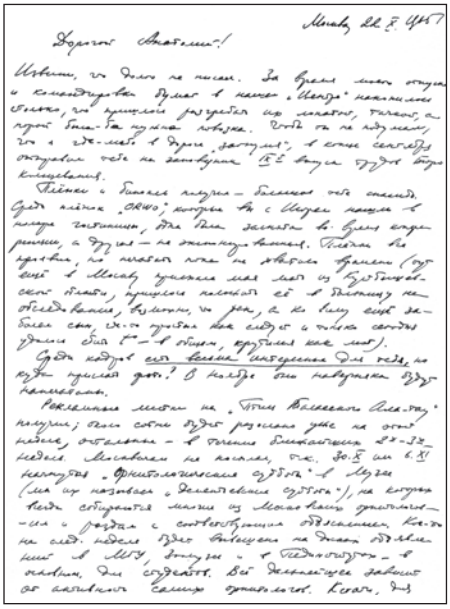


Рис. 53. Начало письма А.А. Винокурова, 22 октября 1965 г.

Однако можно попробовать кое-что сделать. В частности, мне кажется, можно написать от заповедника официальное письмо в «Международную книгу» с просьбой сообщить о предстоящем издании иностранным фирмам. В краткой аннотации не нужно указывать, для кого она предназначена, а лишь указать, что книга содержит новые материалы по птицам гор и богато иллюстрирована. Правда, надежд мало, так как «Международная книга» не любит «местные издания», но попробовать стоит.

Сегодня должен «защищаться» Пославский. Отзыв на его автореферат я написал и отправил, но появились слухи, что он хочет перенести защиту на весну. Вот уж этого я ему бы не советовал[27]. Кишинского пока не видел, но он сидит пока в «Ко-Ко», который реорганизовывать, по крайней мере, до нового года, не собираются[28]. На днях встречусь с ним. Желаю успехов! Твой АВ». «Адрес «Межд. книги»: Москва Г-200, Смоленская-Сенная площадь, 32/32».

Ну, у кого ещё, кроме Адика, я мог получить такую полную, исчерпывающую информацию и такую большую, бескорыстную помощь в распространении рекламок?! Кстати, бескорыстность – одна из главных человеческих черт Адика. Делая добрые дела в большом количестве, он считал это само собой разумеющимся, и я ни разу не слышал от него даже намёка на то, что надо ему. Хотя филателист он был заядлейший, это была по-сути его вторая профессия (а под конец жизни она даже стала главной!).

Эти же темы развивает Адик и в следующем письме, спустя 20 дней:

---

[27] Адик тогда еще не знал, что перенос ему «посоветовал» И.А. Долгушин, получив письмо от С.С. Шварца. Об этом подробнее в очерке о Пославском. – *Прим. авт.*

[28] Имеется в виду Комитет науки, в котором тогда работал Саша. – *Прим. авт.*

«Москва, 11 ноября 1965 г.

Дорогой Анатолий!

Большое спасибо тебе за 1-й том трудов вашего заповедника. Он особенно ценен тем, что внесены все возможные исправления. Эти материалы мне нужны для работы по миграциям птиц Сибири, и ошибки могли бы привести к печальным результатам. С заказами на какую-либо книгу орнитологи обычно тянут до последнего момента, часто – пока не увидят экземпляр книги у кого-либо в руках, а потом вспоминают, что не послали своевременно заказ. В Прибалтику я послал, но в основном на институты (по нескольку экземпляров, надеюсь, сами раздадут). Кстати, есть еще один способ, о котором мне писал на днях Эдик Гаврилов. У них 50 рекламок (да я еще пару отослал им, так как вкладывали во все конверты!). Он собирается вложить их в Тезисы конференции при их рассылке. Я думаю, что адресов для рассылки тезисов будет больше, чем 52, так что можно им добавить «рекламок», если они есть. Штук 50 у меня лежит ещё не разосланных. Потихоньку и они разойдутся, но если нужно – могу переслать их Эдуарду.

От Пославского пока больше нет никаких вестей. Не сбежал ли он ещё в новое место?! Если препоной его защиты служило в этом году «морально-бытовое разложение», то забудут ли сие к весне? Ему, видимо, придется приехать в Свердловск (там он, кажется, защищает) с какой-либо дамой, познакомить старичков-членов совета с нею как своей женой и на сём покончить со слухами. Это, шутка, но Пославский может её сотворить!

Заходил я в МОИП по своим делам (готовил сборник «Рыбоядные птицы») и узнавал о твоей заметке или статье об осоедах. Сказали (Наталья Ивановна, а фамилии её не узнал), что рукопись получена, но у них срок выдержки для зоологических работ – 2,5 года (как современные «марочные» вина). Если есть возможность пустить её раньше, то можно, конечно, забрать. Но лучше оставить: МОИП'овцы не любят «возвратов». А на неё можешь ссылаться как на работу «в печати». Дома у меня стало несколько лучше. Сашку уже третий день отводим в ясли, а мать вчера после почти месячного обследования положили на месяц на лечение в одну из московских клиник. Затем собираются делать операцию. Надеюсь, что пройдет благополучно. Еще раз спасибо тебе за «Труды». Твой (подпись)».

Столь же близко принял к сердцу Адик и нашу казахстанскую потребность в быстрой публикации статьи о реликтовой чайке. Вот его короткое письмо:

«Анатолий! Вчера мельком видел Чернова. Спрашивал его о сроках прохождения статей в «Зоожурнале», в частности об описании вида. Он уверяет, что краткая заметка с описанием пройдет в 4-5 месяцев. Это минимальный срок, но для этого факта реальный. Делать первоописание в республиканских изданиях не рекомендует. Так что смотрите сами. Кстати, Лео Степанян сейчас в составе редакции Зоожурнала! Почему он об этом не сказал тебе – не знаю[29]. В общем, ни пуха, ни пера! Торопитесь! С приветом. Твой АВ».

А в следующем письме он присылает мне адрес монгола (Ядамжав Даш – секретарь Центрального совета общества охотников МНР, Улан-Батор, главпочтамт, п/я 620), который «занимается последнее время пташками и, надеюсь, может посмотреть в коллекциях АН или университета интересующие тебя экземпляры (реликтовой чайки)».

Уж не помню точно, в каком году я впервые попал в его гостеприимный дом на Большом Демидовском переулке, дом 17, кв. 6, но с тех пор не было случая,

[29] Лео Суренович не только сказал, но в своих письмах ко мне торопил, обещая содействие. – *Прим. авт.*

чтобы даже при кратковременном пребывании в Москве я не посетил дом Адика. Более того, нередко просто жил у него по нескольку дней, несмотря на явную тесноту. Об этом жилище стоит рассказать подробнее, потому что много лет оно служило пристанищем для большинства приезжавших в Москву казахстанских орнитологов – Гаврилова, Ковшаря, Семы и других.

Давая мне свой адрес и домашний телефон, Адик сказал, что с любой точки Москвы я могу позвонить ему и он по телефону даст мне точный маршрут, как до него добраться. Так и случилось. Он объяснил мне, как добраться до станции метро «Бауманская» (при этом предупредил, что на станции «Площадь революции» надо садиться в вагон около статуи знаменитого пограничника Цюрюпы с овчаркой – это до минимума сокращает путь к эскалатору на Бауманской), на выходе из метро идти налево вдоль трамвайных путей, мимо школы, в которой учился Саша Пушкин (а сейчас учится Саша Винокуров), мимо крытого рынка, мимо Денисовского и Аптекарского переулков (где черносотенцы убили Николая Баумана), а следующий переулок – Демидовский. Он прекрасно знал Москву, не хуже любого коренного москвича (стоило послушать его рассказы о прошлом расположенного неподалеку от его дома «Разгуляя»!) и всегда, провожая гостя, брал в руки план Москвы и расписывал тебе точный маршрут к твоей гостинице, с учётом того, на какой станции метро лучше сделать пересадку (иногда жена его Люда начинала спорить, но Адик всегда оказывался прав). В довершение ко всему он высчитывал время твоего движения (причем для отрезка на метро – с точностью до минуты) и любил повторять, что в Москве главное – успеть «нырнуть» в метро до часу ночи, когда заканчивается переход на станциях.

Дом 17 на Демидовском переулке стоял особняком и представлял собой старинное одноэтажное строение всего на несколько квартир. Но внутри было как бы два этажа – один из них углублён в землю. Вот в этом-то «подземелье» и располагался рабочий кабинет Адика, до отказа заваленный книгами и снаряжением; здесь чудом помещался рабочий стол и старый диван – тот самый, на котором ночевали все наши орнитологи. По рассказам Адика (как жаль, что я мало что запомнил!) дом был с секретом – от него вел куда-то подземный ход. И вообще дом представлял собой исторический памятник, какие должно охранять государство. Однако пришло время – и его снесли, а Винокуровым дали «благоустроенную» квартиру на соседнем Денисовском переулке – аж на 6-м этаже! Для Адика, после перенесенного им инфаркта, это было тяжело (тем более, что дом без лифта) и он шутил, что лестница – лучший тренажер для больного сердца.

Новая квартира оказалась заметно меньшей по площади, как и сам кабинетик Адика, где уместилась только часть книг, а большинство их стояли штабелями в проходе между кухней и комнатой подросшего и уже женившегося сына Саши. Однако Адик и Люда, как и прежде были рады гостям, а Адик даже по привычке предлагал ночевать на крохотном диванчике в его кабинете. Здесь ночёвки прекратились, но зато мы стали приводить своих взрослых детей – и моя дочь Вика, и сын Эдика Андрей бывали здесь не раз…

И все же на память приходит, прежде всего, старая квартира на Демидовском, с теми небольшими пустырями вокруг, на одном из которых Адик как-то подобрал одноглазую степную черепаху (*Testudo horsfieldi*) и принес в дом, дав ей имя «адмирал Нельсон». Этот самый «Нельсон» прожил у них много лет (боюсь сказать – сколько), питаясь капустой, морковкой и другими сочными плодами и травами круглый год, без спячки. Отсюда мы не раз ходили в соседнюю баню, расположенную через два двора (Адик любил попариться), а однажды, когда её закрыли на ремонт, сказал: «Нет худа без добра, поедем в Сандуны». Это было уже после выхода на экраны знаменитой комедии «С лёгким паром!», и я не без удовольствия посетил этот удивительный дом, где не столько моются или парятся, сколько играют в шахматы, пьют пиво и вообще «культурно проводят свой досуг».

Многое, очень многое связано в моей памяти с этими посещениями бывшей Немецкой слободки, об истории которой Адик мог рассказывать часами. Гостеприимность Винокуровых не поддается описанию. Не только Адик, но и жена его Люда Белоусова – та самая, которая вела ботанический раздел Красной книги СССР – относились к нам, как к родственникам. Особенно близким родственником был, конечно, Анатолий Максимович Сема, который, во-первых, всегда привозил с собой что-нибудь вкусненькое (сам я, к сожалению, не всегда догадывался это сделать), а во-вторых, принимался сам готовить, освобождая хозяйку от приготовления пищи (какой же хозяйке это не понравится?). Одно из последних таких «коллективных» посещений состоялось в январе 2006 года, когда мы по пути на очередную конференцию в Ставрополь вместе с А.М. Семой и А.П. Гисцовым заехали к Адику с Людой и посидели у них за рюмкой водки с грибочками. Фотографии этого посещения до сих пор вызывают у меня ностальгические воспоминания…

В последние годы Адик много работал в области истории почты периода гражданской войны. Он по-прежнему интересовался орнитологическими новостями, только привезенные ему в подарок орнитологические издания после просмотра отдавал в Зоомузей МГУ, где, как он говорил, от них будет больше пользы. Да и ставить их было уже некуда. И как-то незаметно после разговора о птицах, раскуривая очередную трубку, Адик переводил разговор на филателию, на марки, которые теперь уже больше его интересовали. Он приобрёл дачу в Калужской области и с восторгом рассказывал о лесе и рыбалке, проводя там большую часть лета – строил баню, возился с огородом, но подолгу также сидел за компютером.

Переписка наша, в связи с переходом на электронную почту, стала оперативной, но телеграфного стиля – согласно веяниям времени. Вот несколько писем последних лет.

«04.07.2009

Дорогой Толя! На четыре дня вернулся в Москву. В именье всё в порядке. Люда возится с огородом, а я большую часть времени сижу за компьютером, пытаюсь успеть закончить книгу о полевой почте Гражданской войны. В лес хожу редко – грибов пока нет. Лодку даже не спустил с чердака бани – рыбачить не тянет, да и некогда. С Митропольским попытаюсь связаться осенью, когда вернусь в Москву окончательно. Всем, кто помнит меня, – привет. Твой Адик».

«30.12.2009

Дорогой Толя! Отправил тебе вчера письмо, но по старому адресу. Провайдер сообщил, что оно не может быть доставлено. Теперь отправляю по второму адресу. Надеюсь, что у тебя всё в порядке. Мы пока тоже живём нормально. Я сижу в архиве и дома над книгой о полевой почте Гражданской войны. Люда пишет статьи для журнала «Филателия» о растениях и охраняемых территориях, а в основном занимается домашним хозяйством. Молодежь работает и учится. В канун Нового года желаем тебе и твоей семье всяческих успехов, а главное – здоровья. С наилучшими пожеланиями от всех нас. Адик».

«17 марта 2010

Дорогой Анатолий! Прими от нас поздравления и наилучшие пожелания в связи с днём твоего рождения. От Ильяшенко узнал, что ты в этот день решил вырезать себе желчный пузырь. Надеемся, что всё пройдёт благополучно. В твоем характере желчи было всегда мало, а тут её вообще не будет. Вот только водку закусывать жирным будет нельзя. А главное – чтобы здоровье сохранилось и выполнялись намеченные планы. Желаем успехов и здоровья. Адик, Люда, Саша, Оля и Лиза».

«04.04.2011

Дорогой Анатолий! Надеюсь, что ты в добром здравии. Почему-то не видел твою кандидатуру на выборах президента, хотя какой-то эколог в списке был. Наверное, казах из Жмеринки не имеет права баллотироваться в Казахстане? Жив ли Эдик Гаврилов? О нём нет никаких вестей. У нас всё в порядке. Я застрял со своей книгой. Если доживу, то издам к зиме. Возник один вопрос, помочь в разрешении которого можешь только ты. В перечне населенных пунктов 1919-1922 гг. и их современных названиях столкнулся с рядом трудностей, в том числе и с Семиреченской областью. Одна из полевых почтовых контор (при 3-й Туркестанской стр. дивизии) была в с. Гавриловское. Может быть, ты знаешь, где оно расположено и как именуется теперь? Вероятнее всего, это село было на территории современной Алма-Атинской области или на западе Киргизии. С наилучшими пожеланиями. Ардалион».

Мне повезло быстро найти ответ на этот вопрос и на второй же день я ответил:

«05.04.2011

Дорогой Адик! Рад твоему письму и спешу ответить сразу же, пока не замотался (готовлю первый выпуск тома «Птицы» из 30-томной серии «Фауна Казахстана» – это, по-сути, второе издание Птиц Казахстана). Эдик Гаврилов жив, но, как и три года назад, практически недоступен для общения: из дому не выходит, к себе не зовёт, а по телефону говорит плохо и неохотно. Общаемся в основном через сына Андрея. Тема эта – самая тяжелая... На твой вопрос на удивление быстро удалось найти ответ: это нынешний город Талды-Курган!!! Прилагаю сканированную страничку из прекрасной книги А.Г.Лухтанова «Город Верный и Семиреченская область» (Алматы, 2009, 224 с.), в которой всё это красочно описано».

И уже через день (вот он – XXI век!) получаю ответ:

«07.04.2011

Дорогой Толя! Большое спасибо за быструю помощь. На своих старых картах я видел Гавриловку, но не предполагал, что Гавриловка и Гавриловское одно и то же. 30 томов «Фауны Казахстана» – это больше, чем изданные в середине прошлого века академические «Фауна СССР». Издавать сейчас проще, если есть деньги, а найдутся ли авторы? Спасибо за информацию о почетных старых клячах в МОО. Я давно почетный член Союза филателистов, но на номерном значке написано «Почётный», а слово «член» почему-то

не выгравировано. Постеснялись? С Эдиком действительно плохо. Он потерял цель жизни, а без неё конец. Живёшь, пока что-то нужно делать и сделать. Успехов тебе в выпуске новых «Птиц Казахстана». Не обзавелся ли электронной почтой Володя Березовский? Здоровья тебе и семье от всех нас. Адик».

К 80-летнему юбилею Адика, помимо всяких официальных адресов, я послал ему небольшое полу-шутливое письмо в стиле наших дружеских посланий: «Дорогой Адик!!! Через два дня ты станешь взрослым, в отличие от нас, «пацанов». А мы в этот день начнем конференцию, посвященную 100-летию Мстислава Николаевича Корелова, и я буду так загружен, что даже по телефону не смогу тебя поздравить. Поэтому не обижайся, что поздравляю на полтора дня раньше, но лучше так, чем опоздать. Официальный адрес от Мензбировского общества я отправил заранее, тебе его должны вручить во-время. А я по старой дружбе хочу пожелать тебе отменного здоровья, которого хватило бы на ближайшие 20 лет, чтобы отметить самую круглую дату и к этому времени закончить все изыскания насчет полевой почты и пр. и т.п. Посылаю тебе в подкрепление моих пожеланий кое-какие картинки 5-летней, 11-летней и даже 30-летней давности. Будь здоров, родной! Поцелуй Люду, привет Сашке и его потомству. Будьте все здоровы и счастливы! К моим пожеланиям присоединяется и Вика. Обнимаю вас. Ваш Толя».

И через пару дней получил ответ:

«Дорогой Толя! Спасибо за поздравление, но как-то не хочется считать эту дату юбилеем, а просто очередной день, всё больше прибавляющий лет и удаляющий от дня рождения. Кому бы подарить с десяток лишних лет? В этом году я надолго застрял в деревне, поэтому известие о кончине Эдика получил лишь недавно. Грустно, но неизбежно.

Спасибо за фото. Всё-таки память. В приложении высылаю тебе копии пары писем от Корелова, присланные мне в Нарынкол. Может быть пригодятся[30]. Дома пока все здоровы. Люде 12.11 исполнится 75, а 18.11 - наша золотая свадьба. Наилучшие пожелания всем знакомым. Адик»

А самое последнее письмо Адика было посвящено все-таки птицам. Привожу его:

«13 ноября 2011 г.

Дорогой Толя! Надеюсь, что ты разгрузился от хлопот по поводу юбилея памяти М.Н. Корелова. Как прошли эти дни, я надеюсь услышать от В. Ильяшенко после его возвращения в Москву. А у меня возникла к тебе просьба: прислать мне скан одной заметки, якобы написанной мною. Подробнее см. в приложении. С наилучшими пожеланиями. Адик.

Приложение:

В Каз. Орнит. Бюлл. за 2003 г. (стр.166?) опубликована моя заметка «К систематическому положению канюков из Центрального и Восточного Тянь-Шаня». Но я такую заметку не писал. Вероятнее всего, Эдик Гаврилов сделал эту заметку на основании моего письма, отправленного ему по электронной почте в 2002 г. По-видимому, я коснулся канюков в связи с какой-то его публикацией по птицам Казахстана. Ниже привожу фрагмент из этого письма Гаврилову:

«В отношении канюков. Я эту самку (*добытую от гнезда с кладкой*) в свое время определил как *Buteo buteo* (и уверен в этом до сих пор!), но подвид назвать не смог, кроме того, что это не *vulpinus*. Когда экземпляр в Москве посмотрел Корелов, то определил его как *B. rufinus*. Это и заставило меня заняться поиском истины и смотреть канюков в

[30] Эти письма опубликованы в первом выпуске «Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии» (2012, с. 233-234). – *Прим. авт.*

разных коллекциях. Жаль, что не завершил эту работу. Признак, указанный Дементьевым для *burmanicus* (вырезка на 4-м ПМ, обрати внимание – «обычно располагается …»), основан главным образом на восточно-сибирских экземплярах, подвидовая принадлежность которых не вызывает сомнения. А я думаю, что этот, добытый от гнезда (*в лесу на елке!*) экземпляр, как и некоторые, если не многие из зимующих в Казахстане и в Средней Азии, не имеют отношения к тем «первоописаным» *burmanicus* (=*japonicus*), которые гнездятся в Восточной Сибири и на северо-востоке Китая. Тебе не кажется странным, что эти канюки летят из Забайкалья на запад, когда основная область их зимовок – юго-восточный Китай? У меня нет сейчас под рукой нужной литературы, но в 1929 г. Портенко описал *B. japonicus saturatus*, а позднее (1935) переописал его как *B. japonicus refectus*. Теперь они сведены в синонимы *B.b. burmanicus*. Я не знаю, по каким экземплярам он описывал эти подвиды, но если по среднеазиатским, то есть смысл еще раз просмотреть описания, сделанные Портенко. Надеюсь, что в конце марта-апреле мне удастся посмотреть еще раз канюков в Зоомузее (сейчас орнитологи там получили новые шкафы из Германии и заняты перегрузкой коллекций), может быть удастся найти и свои записи по канюкам из других коллекций. Но не уверен, что удастся сказать что-то более определенное, чем высказанное ранее пожелание – смотрите своих канюков, особенно в горах на востоке Казахстана и Киргизии. На западе Китая, в приграничных горных районах, по-моему, никто не работал раньше, да и сейчас не работает. А эта птица там тоже должна гнездиться, может быть рядом с *B.b. vulpinus*, а может быть – вместо него».

Таких же канюков добывал осенью близ своего стационара в Киргизии и показывал мне Эмиль Шукуров. Причём, здесь же были и типичные *Buteo buteo vulpinus*. Поэтому я не могу утверждать, что на востоке Казахстана гнездится (и зимует) именно *B.b. japonicus* рядом с *Buteo b. vulpinus*. Это что-то иное. Конечно, в 2002 г. и позднее я не смог продолжить просмотр коллекций в Зоомузее и не искал свои записи по канюкам. Если найду их, то перешлю тебе. Надеюсь, казахстанские орнитологи в конце-концов разберутся с этим вопросом. У меня к тебе просьба – прислать мне скан этой заметки, чтобы я имел возможность посмотреть, что же там напечатано».

Заметку я сканировал и отослал Адику, но ответа уже не получил…

Конечно, 80 лет – не такой уж маленький срок, особенно в наш век постоянного ускорения, стрессов и нагрузок, да еще для творческого человека, занятого умственным трудом. И все же очень жаль, что Адику не удалось завершить всех своих задумок – хотя бы об истории почты…

Знакомство с Самаркандом и Бухарой (май 1979)

Но вернемся в 70-е годы XX ст. Последний год этого десятилетия начался совещанием по Красным книгам, проходившем в январе 1979 г. на ВДНХ в Москве. Там были представлены три Красные книги – СССР, Молдавии и Казахстана. Я ещё не знал, что следующее десятилетие я вынужден буду посвятить этой тематике и уйти из гор, но чувствовал, что работа моя на высокогорном стационаре подходит к концу: то одно, то другое срочное дело отвлекали меня, и сроки моих полевых работ сокращались как шагреневая кожа. Так, в 1979 году я работал на озере только июнь-июль и вторую половину августа.

Самым интересным событием года стала для меня Всесоюзная конференция «Экология гнездования птиц и методы ее изучения», проходившая в Самарканде 23-25 мая и замышлявшаяся как школа-семинар для молодых учёных.

Главным организатором её был заведующий кафедрой зоологии Самаркандского университета профессор Абдулла Киямович Сагитов – давний мой знакомый еще по Львовской конференции 1962 г. Он организовал всё так, чтобы на этой небольшой конференции помимо молодых учёных, которым она посвящалась, были и люди старшего поколения, для чего пригласил своего учителя – Алексея Сергеевича Мальчевского. В качестве представителей уже среднего поколения здесь оказались ленинградец В.Р. Дольник, москвич Г.Н. Симкин, алматинец А.Ф. Ковшарь, ташкентец Д.Ю. Кашкаров и доцент бывшего Узбекского (УзГУ), а в то время – уже Самаркандского университета Джаббар Лаханов.

Здесь я в очередной раз поразился обширным познаниям Виктора Дольника вне орнитологии. Когда нас разместили в одном номере гостиницы, он первым делом спросил, бывал ли я в Самарканде. Услышав отрицательный ответ, сразу же повёл меня на экскурсию по всем знаменитым местам этого города, начиная с мавзолея Гур-Эмир. Лучшего экскурсовода трудно себе представить. Когда я изумлённо спросил его: «Откуда ты всё это знаешь?», он ответил, что в детстве жил здесь и вообще любит этот город и старину.

Однако первое, и самое сильное, впечатление от Самарканда я получил еще в аэропорту, когда вышел из самолёта на трап и в ноздри буквально ударил пьянящий аромат цветущего лоха (*Eleagnus*), которым обсажено небольшое взлётное поле этого аэропорта. Утренняя свежесть, наполненная этим сладким запахом, буквально пьянила – это незабываемое ощущение я помню до сих пор. Но когда я в гостинице поделился этим с Виктором Дольником, он сказал: «А ты знаешь, я перестал чувствовать запахи! Помню, в детстве все вокруг так пахло – и земля, и дождь, и деревья, и кусты, даже камни. А сейчас – нет». И глядя, как жадно он затягивается одной сигаретой за другой, я высказал догадку: «Может, ты просто *прокурил* свои рецепторы?». И он, подумав, согласился.

На первом же заседании нам с Дольником было поручено подготовить проект резолюции, что меня изрядно смутило. А он с невозмутимым видом сказал: «Ерунда, ведь мы живет с тобой в одной комнате. Бутылка коньяка и пара пачек сигарет – за ночь сделаем». Примерно так оно и вышло. А вот зачитывать её пришлось мне в очень оригинальной обстановке: Абдулла Киямович решил, что лучше всего это совместить с банкетом после экскурсии в Аман-Кутанскую лесную дачу. Разогревшийся на экскурсии народ удобно расположился в небольшом кафе с оригинальными витражами, Дольнику, по старой местной традиции, преподнесли стеганый узбекский халат, и он тут же в ответ потребовал: «А где гарем?». Мигом вокруг него засуетились девушки из числа участниц конференции – и через минуту гарем был готов. Вот в такой обстановке и зачитывал я состряпанный нами за ночь проект резолюции. Это была, пожалуй, одна из самых веселых мини-конференций, которых за полвека было столько, что всех и не перечислишь…

Несмотря на камерный характер конференции, здесь я познакомился со многими из орнитологов, в том числе и с теми, фамилии которых я уже знал по их публикациям. Это прежде всего Джаббар Лаханов, опубликовавший серию ста-

тей по биологии саксаульной сойки и других птиц юго-западных Кызылкумов; Савриддин Бакаев, защитивший по биологии птиц низовьев Зеравшана кандидатскую диссертация (1969), на которую я в своё время писал внешний отзыв от нашего института; Людмила Владимировна Ионис, одна из ближайших сотрудниц А.К. Сагитова, изучавшая орнитологическую обстановку в Самаркандском аэропорту; Виктория Ашотовна Багдасарова – научный сотрудник, а впоследствии директор Зеравшанского заповедника; Геннадий Николаевич Симкин из Московского университета; спутники Иры Рюриковны Бёме, приехавшие с ней прямо из экспедиции по Фанским горам (о красоте которых они рассказывали взахлёб) – Дима Банин, Римантас Будрис и Анвар Керимов; Семён Энверович Фундукчиев, аспирантки Дани Кашкарова Женя Лановенко и Таня Зинченко и др. Со многими из них я поддерживаю деловую переписку уже десятки лет, а с некоторыми периодически встречаемся на различных научных форумах.

Тоненький выпуск тезисов этой мини-конференции, изданный на самом низком полиграфическом уровне (плохо читаемый бледный ротапринт), тем не менее, содержит немало интересной информации по гнездовой жизни птиц разных ландшафтных зон.

Благодаря Савриддину Бакаеву (который в письмах много лет звал меня в гости) для меня эта конференция завершилась двумя замечательными путешествиями. Одно из них – кратковременная поездка в соседний Зеравшанский заповедник, где Виктория Ашотовна Багдасарова показала мне интересную колонию квакв (*Nycticorax nycticorax*), которая располагалась на облепиховых деревьях. Там я впервые испытал на себе ядовитые свойства этого растения: руки, исколотые колючками облепихи, опухли так, что невозможно было удержать карандаш, чтобы вести записи. Более продолжительное путешествие совершили мы с Савриддином через Голодную степь в Бухару. Там нас встретил Холик Вахабович Салимов, работавший тогда в областных органах охраны природы, и мы втроем съездили в джейраний питомник и удивительный песчаный заповедник Варданзи, расположенный на месте занесенного песками древнего города. Правда, для меня целью поездки была не старина, а тугайный соловей (*Cercotrichas galactotes*), которого я до этого никогда не видел, а здесь увидел не только саму птицу, но и её гнездо. Особую остроту поездке придавало то обстоятельство, что в машине УАЗ-452, на которой мы путешествовали, оказалось выбитым лобовое стекло, и при хорошей скорости, сидя около водителя, я по-настоящему мёрз, невзирая на окружающую жару (спасал только стёганый ватник!). Повсюду цвёл джузгун (*Calligonum* sp.), делая пустыню очень нарядной; мои спутники называли его «кандым».

В джейраньем питомнике сравнительно недавно выпустили куланов и мы, конечно же, хотели их увидеть. В этом могла помочь зоолог Наташа Солдатова, но её на усадьбе не оказалось – ушла наблюдать. Савриддин сказал, что мы её быстро найдем по следам от детской коляски, с которой она ходит на наблюдения: у неё грудной ребенок, и она берёт его с собой на работу в пески (!). Мы бодро пошли «тропить» её по отчетливому следу колёс на рыхлом песке. Однако через час, так и не догнав мамашу с ребёнком, отвлеклись на летающих в не-

большой солончаковой низине белохвостых пигалиц (*Vanelochettusia leucura*), которых я также до этого не встречал, а здесь их оказалось немало. Только через пару часов, вернувшись на центральную усадьбу питомника, мы застали дома Наташу, укладывающую ребенка спать. Глядя на эту худенькую и совсем чёрную от загара женщину, я не мог отделаться от мысли, что женщины в зоологии – настоящие героини…

Прощание с Самаркандом было просто волшебным: вечер в открытом ресторане на крыше многоэтажного здания, музыка, танцы, а внизу – огни прекрасного древнего города. Уезжать не хотелось, и я дал себе слово, что обязательно вернусь сюда в этом же году. Я сдержал его, прилетев на несколько дней в Самарканд в августе, после экспедиции в Джангарский Алатау. И хотя август – совсем не май (выгоревшая растительность дышала ранней осенью, навевая грусть), я всё же провел здесь несколько дней на кафедре зоологии Самаркандского университета, посетив снова заповедник и познакомившись ближе с семейством Сагитовых в их уютном доме на Кокандской, 45. Самые тёплые воспоминания остались и от посещения усадьбы Багдасаровых, где Анна Аршаковна, мама Виктории Ашотовны, угощала армянскими национальными блюдами и познакомила с историей армянской диаспоры в Узбекистане.

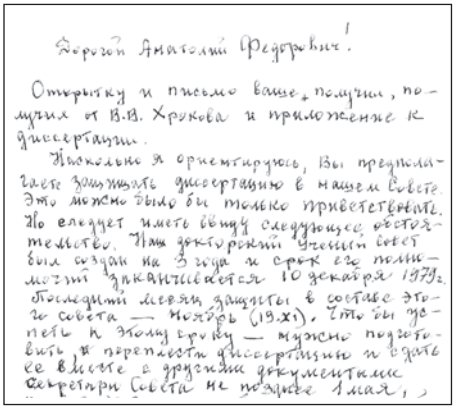
Поездка в Джунгарский Алатау и предзащитные хлопоты (1979)

Поездка в Джунгарский Алатау в первую неделю августа была посвящена развеске искусственных гнездовий для синиц по начинающейся в лаборатории хоздоговорной теме. В ней участвовали исполнители темы Р.Г. Пфеффер и П.В. Пфандер, а также Б.П. Жуйко. Прежде чем выехать на восток, мы 31 июля съездили на разведку в Аксайское ущелье Заилийского Алатау, где лесник Панайот Естафьевич Захаропуло – рослый грек, уже в годах – долго и придирчиво проверял наше разрешение, чем пропустить на территорию ущелья[31]. Дальнейший маршрут: Алма-Ата – Сарканд (1.08) – Покотиловка – Тополевка – кордон Иванова (2.08) – урочище Раскол. Первое, что поразило меня в Джунгарском Алатау, это крутизна его северных склонов и необычность грунтовых дорог. Начиная с Крыма, я привык, что на крутых склонах дорога всегда идет серпантином и, чем круче склон, тем чаще закладываются петли серпантина. Здесь же дорога шла в гору *без серпантина*. Впервые увидев издалека такую почти прямую белесую линию на казавшемся стеной зеленом склоне, я не поверил, что это дорога. А когда мы стали по ней подниматься, то испытали немало тревожных минут: мотор машины не просто гудел, а выл и захлебывался. Казалось – вот сейчас он заглохнет и ни одни тормоза не удержат рухнувшую назад машину!...

Как-то, с трудом, удалось добраться до верхней границы леса и развесить там наши синичники в еловом и пихтовом лесу. Крутой спуск на обратном пути был тревожен не менее, чем подъем. А внизу, у заставы близ села Тополевка, нас ожидала душная ночь с таким количеством комаров, которого я давно уже не

[31] Спустя 33 года всех нас потрясла история трагической гибели Захаропуло и его семейства. – *Прим. авт.*

видел! Не прокусывали они только спальный мешок, но в нём одолевала такая духота, что приходилось расстегиваться. Чуть полегче было работать в верховьях Сарканда и в Малом Баскане, где ландшафт напоминал северный склон Заилийского Алатау: такие же ельники, а выше их – арчевники и луга.


Дорогой Анатолий Федорович!

Открытку и письмо ваше получил, получил от В.В. Хрукова и приложение к диссертации.

Насколько я ориентируюсь, Вы предполагаете защищать диссертацию в нашем Совете. Это можно было бы только приветствовать. Но следует иметь ввиду следующее обстоятельство. Наш докторский Ученый совет был создан на 3 года и срок его полномочий заканчивается 10 декабря 1979г. Последний мой день защиты в составе этого совета — ноябрь (19.XI). Что бы успеть к этому сроку — нужно подготовить и переслать диссертацию и сдать ее вместе с другими документами. Секретарь совета не позднее 1 мая, ...

Рис. 54. Письмо А.В. Михеева, 26 марта 1979 г.

Наряду с завершением самой диссертационной работы значительную часть года «съела» организационная суета: в каком Совете защищаться, кто будут оппоненты и т.д. Так, Алексей Васильевич Михеев в очень подробном письме от 22 марта 1979 г. сообщил мне, что срок работы их Спецсовета заканчивается 10 декабря 1979 г. (рис. 54), т.е. диссертация должна быть представлена не позднее 1 мая! При всей благожелательности Алексея Васильевича, в совете которого уже защитились несколько казахстанцев, сроки в этом Совете были нереальные. Стало быть, Совет МГПИ отпадал. Зато благодаря Алексею Васильевичу я узнал важную информацию о приложении – что можно, а чего нельзя. А главное – я получил его принципиальное согласие быть официальным оппонентом, что было чрезвычайно важно.

Письмо В.Е. Флинта от 14 апреля 1979 г. было успокаивающе-обнадеживающим. Понимая, что в МГПИ я не успеваю, он предложил Учёный Совет Московского университета (чего я особенно боялся, как в свое время вообще боялся университетов будучи абитуриентом, а тут – главный университет страны!). Однако В.Е. Флинт после разговора с Р.Л. Бёме (который тоже согласился быть официальным оппонентом) считал реальной защиту в МГУ, куда диссертацию можно было представить к осени и тогда же пройти предзащиту. Рассудительный тон его письма дал мне возможность спокойно всё обдумать и принять предложенный им вариант…

Закончился этот год для меня в Москве, где пришлось провести всю вторую декаду ноября в ожидании предварительной защиты докторской диссертации. Москва готовилась к предстоящей Олимпиаде, и многие студенты были привлечены к «очистке» города от всяких нежелательных элементов. Об этом мне рассказал Саша Лопатин, которого я нежданно-негадано встретил в полночь в почти пустом вагоне метро, возвращаясь в центр из Тёплого стана, куда ездил по поручению знакомых. Промозглое московское предзимье заставляло вспоминать благословенный алматинский климат: еще 5 ноября, накануне отъезда, я по-настоящему загорал с книгой в руках на холмах совсем недалеко от своего института, выше Аль-Фараби. Здесь же, в Москве, я почти две недели не видел солнца и сразу же обратил на него внимание, когда оно впервые появилось на

небе – хорошо помню, что это произошло, когда я сидел в кабинете Рюрика Львовича Бёме на кафедре зоологии позвоночных.

Сама предзащита не оставила никаких воспоминаний. Гораздо больше запомнилась встреча с Риммой Петровной Зиминой, пришедшей на это заседание спецсовета. А также защита докторской Константином Павловичем Филоновым, проходившая очень бурно (причиной было использование данных Летописи природы многих российских заповедников). Глядя, как отчаянно он защищается (в прямом смысле этого слова!), я пожалел, что затеял это дело, – энтузиазм мой таял на глазах. Очень интересно было слушать А.А. Насимовича, который выступал оппонентом на этой защите. А в конце года вышла в свет моя вторая монография – «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня».

Создание лаборатории охраны диких животных (1980)

Последний год моей горной тематики (1980) был богат событиями, по большей части уже не имевшими отношения к нашему высокогорному стационару. Начался он с создания в Институте зоологии Лаборатории проблем охраны диких животных, совпавшим с днём моего рождения (17 марта), в чем я усмотрел добрый знак. Из лаборатории орнитологии в новую лабораторию кроме меня вошли: Анатолий Сергеевич Левин, Борис Михайлович Губин, герпетологи Зоя Карповна Брушко и Рудольф Александрович Кубыкин, а также лаборанты Олег Белялов и Елена Анохина; из лаборатории млекопитающих – Евгений Иоганнович Страутман, Кирилл Павлович Ушаков, Владимир Николаевич Мазин и Владимир Николаевич Мурзов. В основном это были люди, занимающиеся редкими и исчезающими видами животных. В дальнейшем предполагалось расширение штата лаборатории с вовлечением в неё специалистов по рыбам и беспозвоночным животным, в частности – насекомым. А пока, до конца года, всем участникам давалась возможность отчитаться по прежней тематике, чем мы все и воспользовались.

Полевые работы на Большом Алматинском озере начались 5 мая, но практически без меня, так как через день в Алма-Ате начался Пленум Научного Совета АН СССР по проблеме «Животный мир СССР, его развитие, преобразование и охрана». Председателем Совета был «сам» академик В.Е Соколов, а членами – представители всех республик. Раз в год такие выездные пленумы проводились в одной из республик, что вносило свежую струю в работу зоологов на местах. В работе данного пленума приняли участие видные советские орнитологи и териологи – А.Г. Банников, В.Н. Большаков, А.К. Рустамов, В.А. Попов, И.С. Даревский, И.А. Абдусалямов и многие зоологи других направлений. Это представительное собрание, являвшее собой как бы конференцию на высшем уровне, после двух дней заседаний было вывезено на экскурсию по Капчагайскому вдхр. на принадлежавшем нашему институту катере «Наука». Фактически это был банкет среди водной глади. Общение было очень тесным, но уже через пару часов стало ясно, что ограниченность пространства, да еще на ярком весеннем солнце – не лучший вариант. Не случайно Соколов, Банников и Попов

высадились на шлюпке в Карачингиле – личном охотничьем хозяйстве Д.А. Кунаева, где можно было и отдохнуть, и поохотиться.

Я же 9 мая улетел в Москву на защиту докторской, которая состоялась 14 мая в МГУ и очень напомнила мне ядовитую пословицу тех времен: «Двадцать минут позора – и обеспеченная старость». Смутно помню, о чём докладывал, на вопросы отвечал невпопад и готов был провалиться сквозь землю. Но оппоненты (Алексей Васильевич Михеев, Владимир Евгеньевич Флинт и Рюрик Львович Бёме) хвалили и разобъяснями слушателем то, что должен был сказать им я. Председатель Ученого Совета Николай Павлович Наумов задал для проформы пару вопросов, а вот академик В.Е. Соколов, видя, как я мучаюсь, не стал ничего спрашивать. Зато очень красиво выступил Геннадий Николаевич Симкин. Начав с того, что ещё Пётр Петрович Сушкин связывал происхождение человека с высокогорьем, он плавно перешел к моим хилым выкладкам по биологии размножения птиц в субвысокогорье, а закончил тем, что хорошо знает автора и бывал с ним в поле (тут ничего не скажешь – в Аман-Кутанской даче год назад мы с ним встречались). Словом, все обошлось, и остались только хлопоты по оформлению документов после защиты.

Жил я у Адика на Бауманской и под его чутким руководством ездил встречаться на станциях метро со стенографистками, редактировал их стенограммы, снимал ксерокопии, где-то что-то распечатывал, переплетал. В конце концов выяснилось, что всё равно всё это сразу я не могу сделать, так как кого-то (или чего-то) надо ждать 5 дней. Сидеть на шее у друга не было уже никаких сил, и я решил слетать домой, на Украину. Именно слетать, так как поездом времени не хватало. Впервые в жизни я *летел* из Москвы до Полтавы. Это был, наверное, АН-24, и полет на нём запомнился мне надолго. Я уже не мог дождаться, когда же он, в конце концов, приземлится на малюсеньком лётном поле на окраине Полтавы. Кое-как выбравшись из этого воздушного судна (укачало меня, как на горной дороге в кузове старенького грузовика), я с трудом преодолел 500 м до трассы «Полтава – Киев» и был счастлив, когда на попутной машине добрался до родной Решетиловки. Это путешествие так запомнилось, что обратно в Москву я возвращался уже поездом.

Когда я в конце мая поднялся на Большое Алматинское озеро, там уже начались съемки фильма «Дом для серпоклюва» и даже бурная «обмывка» моей защиты не помешала Славе Белялову рано утром отправиться в свой скрадок за озером. Следующий мой рассказ – об этом уникальном человеке и художнике. Сначала – юбилейный очерк, который я опубликовал к его 70-летию (Selevinia, 2006), а потом – мои воспоминания.

Вячеслав Алиевич Белялов (1936-2004)

«В 2006 году исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося казахстанского кинооператора и режиссера документального кино, посвятившего большую часть жизни съемкам фильмов о природе и животных, лауреата Государственной премии Казахстана Вячеслава Алиевича Белялова. В.А. Белялов, а для друзей и близких просто Слава (так его называла вся киностудия «Казахфильм», все участники съемок, включая и ровесников

сына) родился 22 января 1936 г. в городе Алма-Ата. Отец его Али Белялович, выходец из среды зажиточной татарской интеллигенции, переселился в этот город из Крыма еще в конце 20-х гг. и работал заготовителем на плодоовощной базе. Мама Елизавета Ивановна Димурина (урожденная Ягновицкая), повар по профессии, была из семьи верненских ямщиков, работавших на семипалатинском тракте. Она вышла замуж за Али, имея трёх дочерей от первого брака и родила ему сына Вячеслава и дочь Лилю. Детство Славы прошло в старой одноэтажной Алма-Ате, на «линиях», как тогда называли улицы за речкой Весновкой, в частном доме с большим садом и цветником, за которыми ухаживал отец, а мать продавала цветы на Никольском рынке. Все это так далеко от кино…

Но уже в 1953 г. на школьных каникулах Слава участвует рабочим в съемках фильма по мотивам народного эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», что и решило его дальнейшую судьбу. Закончив школу в 1954 г., Слава устроился на «Казахфильм» ассистентом оператора. С 1955 по 1958 г. служил в армии, но ещё до того делал неоднократные попытки поступить во Всесоюзный институт кинематографии (ВГИК), куда в те годы был самый высокий конкурс (как и в МИМО – более 100 человек на одно место). После армии снова вернулся на «Казахфильм», где работал ассистентом на хроникальных фильмах, и в 1960 г. поступил-таки на заочное операторское отделение ВГИК.

Начало 60-х гг. в Казахстане – время становления телевидения. Ему требовались сюжеты, а видеозаписи тогда еще не было и все снимали на кинопленку. Вот и пригласили Славу Белялова работать оператором на «Казахтелефильм», где он и проработал с 1962 по 1969 г. А с 1969 г. и до самого выхода на пенсию в 1998 г. он работал режиссером-оператором научно-популярных фильмов на студии «Казахфильм» имени Шакена Айманова, сняв 60 фильмов, из которых не менее 50 посвящены животным.

Первый фильм «Горы и люди» (1963) был о спелеологах – исследователях пещер, второй «Край далекий» (1964) – о лесорубах Кетменя, третий «Идет по кручам молодость моя» (1966) – об альпинисте Сарыме Кудерине. Здесь еще нет самих животных, но прекрасная природа тянь-шаньских гор предстает во всей своей сказочной красе. Видимо, в душе Слава был альпинистом, потому что не раз совершал восхождения на вершины вместе с альпинистами, имея с собой дополнительную «нагрузку» – кинокамеру.

Первым «зоологическим» фильмом В.А. Белялова стал 6-й по счету, снятый в 1970 г. «Тигр снегов» – о работе ловца снежных барсов, знаменитого киргизского барсолова Василия, о котором он часто любил вспоминать и рассказывать. В следующее 5-летие Слава снял 10 фильмов (!), из которых наиболее значимые для него как будущего художника-анималиста – учебный фильм «Животный мир Казахстана» (1970), «Забытая песня» (1971) и «Восхождение» (1972) – о восхождении на пик Коммунизма. Как говорил сам Слава, каждый фильм, помимо профессиональных знаний и умений, давал ему также неоценимый опыт – знание жизни, знакомство с интересными людьми, со многими из которых дружба сохранялась на многие годы. Так было, например, с зоологом Руфимом Зайнутдиновым и барсоловом Василием Смолиным на съемках фильма «Тигр снегов». Особенно большой жизненной школой Слава считал работу над фильмом «Большая кочевка» (1974) – о трудной жизни чабанов, с которыми он кочевал от Балхаша до высокогорных пастбищ-джайляу Джунгарского Алатау; о приключениях во время съемок этого фильма он не раз рассказывал.

В 1975 г. Слава снимает два фильма - «В горах и пустынях Казахстана» и «Низовья Или: времена года» и с этого времени всецело посвящает себя фильмам о природе и животном мире Казахстана. С 1976 по 1992 г. он снял 32 фильма, названия которых говорят сами за себя: «Аксу-Джабаглы» и «Беркуты»(1976), «Зачарованный лес» (1977 – о варане и пустыне), «Нужны ли дали голубые» (1977 – об Алматинском заповеднике), «Джунгарский тритон» (1978), «Каракурт» (1979), «Беркутчи» (1979, 1991, 1992), «Дом

для серпоклюва» (1980), «Устюртский муфлон» (1981), «Земля чудес» (1982), «Вечно зовущая природа» (1983 – полнометражный фильм из 5 частей), «Каспия зимний мотив» (1984 – о тюленях), «Сурок Мензбира» (1984), «Ожерелье голубки» (1985 – об Устюртском заповеднике), «Гепард возвращается» (1985 – первый игровой), «Бабочки высокогорья» (1986), «Сайгаки» (1987), «Тигр снегов» (1987 – второй игровой), «Соленые слезы Турана» (1988), «Красавчик джек» (1988), «Фламинго» (1989), «Тенгизская пастораль» (1989 – о кулике шилоклювке), «Зов» (1990 – о годовом цикле жизни сайгака), «Мой дом - пустыня» (1990), «На берегах Биликуля» (1990), «Пеликаны» (1990), «Бакланы» (1991), «Стрепет» (1991), «На земле Байконура» (1991), «Там за облаками» (1992 – о жизни птиц в высокогорье). Снимать ежегодно по два фильма – пусть даже и коротких, состоящих из одной-двух частей – титанический труд, особенно если это делается непрерывно на протяжении полутора-двух десятилетий! И присуждение Славе Государственной премии Казахстана за цикл фильмов о природе – лишь небольшая дань за этот поистине огромный вклад в пропаганду нашей природы и охраны ее растительного и животного мира.

И не случайно именно в Казахстане в середине 80-х гг. прошли два Международных симпозиума на тему «Роль кино в охране окружающей среды», организованные патриархом этого направления в СССР Александром Згуриди, который в своем пленарном докладе высоко оценил работы Вячеслава Белялова. Кстати, отмечая высокую художественность поэтических съемок природы и животных, некоторые участники этих симпозиумов высказывали критические замечания об отсутствии в его фильмах явных признаков угрозы со стороны человека, равно как и самого человека в кадре. Но Слава твердо стоял на своем: «Человека в моих фильмах не будет, я показываю красоту природы, какой она есть». Но после симпозиумов всё же снял два фильма, в которых имеются игровые моменты (о гепарде и барсе), отдав дань и этой форме художественно-научно-популярного фильма.

Трудно оценивать фильмы по названиям, особенно фильмы о природе, – их надо просто смотреть! Но хочется особо выделить «Дом для серпоклюва», который получил очень высокую оценку специалистов на XVIII Международном орнитологическом конгрессе (Москва, 1982), где его демонстрировали дважды! Не меньший резонанс имело также участие Славы в съемках фильма о горах из сериала *BBC* «В гостях у русского медведя» (1992), по следам которого в нашу страну буквально хлынул поток т.н. «экологических» туристов, в том числе бёдвочеров – наблюдателей птиц. Ему в первую очередь должны сказать спасибо туристические фирмы…

Такой успех мог бы вскружить голову любому – но не Славе. Он по-прежнему оставался скромным и спокойно-деловитым, рассудительно-мудрым, совершенно лишенным тщеславия, зависти и других пороков – всего того, что свойственно многим представителям мира искусства. А для воспитания у людей любви к прекрасной природе Казахстана и ее диким животным его творчество дало намного больше, чем все органы, призванные это делать на государственном уровне, вместе с различными объединениями и ассоциациями.

После ухода учёного остаются его печатные труды, после писателя – книги. Слава оставил нам свои замечательные фильмы, а также добрую память о себе – не только как великий Мастер и труженик, но и как верный друг, кристально честный человек, влюблённый в природу, животных и людей. И ещё он оставил достойного преемника, успешно продолжающего дело отца и в фотоискусстве, и в орнитологии, а иногда – и в киносъемке. И это самая лучшая награда Славе за всю его многотрудную жизнь.

А.Ф. Ковшарь (Selevinia-2006. С. 249-250)».

*****

Впервые имя Вячеслава Белялова я услышал в 1970 г., когда им был снят научно-популярный фильм «Тигр снегов» о знаменитом барсолове из Киргизии Василии Смолине. Видевшие этот фильм зоологи наперебой говорили о великолепной съёмке природы Тянь-Шаньских гор и их обитателей. До этого я знал лишь отдельные примеры съёмки подобных фильмов. Оператор студии «Казахтелефильм» Илья Константинович Смирнов летом 1967 г. сделал первую попытку снять фильм о природе заповедника Аксу-Джабаглы, но поскольку в этом году зоолога в заповеднике уже не было, то получился лишь набор ландшафтных кадров и крупных планов растений. Предпринятая им же попытка съёмок фильма о Кургальджинском заповеднике весной 1970 г. закончилась трагически – автомобильной аварией на берегу Тенгиза, в которой погиб зоолог Анатолий Москалев, а сам Смирнов в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. В 1969-1970 гг. оператор Диаз Гильманов снял на островах Алаколя небольшой сюжет о работе Эрнара Ауэзова на колонии только что открытой им реликтовой чайки.

Потребность в фильмах о природе Казахстана в то время была очень велика. На заседаниях Центрального Совета Казахского общества охраны природы (ЦС КООП), особенно в секции охраны животного мира, которой мне тогда доводилось руководить, регулярно поднимался этот вопрос. А после выхода фильма «Тигр снегов» стало ясно, что есть и человек, способный снять такие фильмы. Подробностей переговоров я не помню, но результатом их явился заказ от ЦС КООП в студию «Казахфильм» на создание короткометражного научно-популярного фильма о заповедниках Казахстана.

Личное знакомство произошло просто и по-деловому. Как-то мне позвонил человек, назвавшийся кинооператором Вячеславом Беляловым, и сообщил, что приступает к съёмкам фильма о природе заповедников и приглашает меня быть научным консультантом. Вскоре мы встретились у меня дома, на Курмангазы 20 (это была осень 1972 года, когда мы только въехали в новый дом). Он пришел не один, а с Ларисой Мухамедгалиевой, которую отрекомендовал как режиссера этого фильма. Она и вела себя соответственно – как главное лицо, молчаливо и многозначительно, вручив мне листик – «сценарий» будущего фильма, формальный набросок, оставлявший желать лучшего.

Первое впечатление от Вячеслава оказалось верным на все годы нашего знакомства. Открытость и доброжелательность излучало всё его выразительное лицо – и чёрные глаза за толстыми стёклами очков, и чёрная копна волос (тогда ещё без признаков седины), всегда находившихся в каком-то художественном беспорядке, но производивших впечатление тщательной укладки руками хорошего мастера, и такого же цвета курчавая борода, ничем не выдававшая признаков особого ухода за ней. Низкий, чуть глуховатый, с хрипотцой, голос и спокойная, правильно построенная речь, достаточно образная, но без излишеств ненормативной лексики, – всё это располагало к нему с первых же минут знакомства. Поэтому отчества и титулы были отброшены тут же, а поскольку выяснилось, что мы ровесники, то обращение на «ты» стало нормой с первого же дня знакомства.

За время этой первой (часовой или двухчасовой? – время пролетело быстро) беседы я узнал много полезного для себя по части технологии Славиной работы. Так, например, он всегда снимал параллельно по два короткометражных (на 15 минут просмотра) фильма, что позволяло ему более рентабельно использовать возможности короткого летнего времени и скудных «бюджетов». Вот и в данном случае: помимо нашего фильма с условным названием «В горах и пустынях Казахстана» он запланировал также съемки фильма «Низовья Или: времена года». В первый вошел материал о заповедниках Аксу-Джабаглы, Барсакельмес и Кургальджинском. Часть съемок проведена в окрестностях Большого Алматинского озера в Заилийском Алатау, где мы, орнитологи, тогда только начинали 10-летний цикл исследований биологии размножения высокогорных птиц. Не раз потом наш стационар на БАО послужил Славе для съемок других фильмов…

Летом 1973 года Слава снял несколько сюжетов о работе орнитологов около гнезд воробьиных птиц – арчовой чечевицы, арчового дубоноса, синей птицы. Мне особо запомнились съёмки гнезда синей птицы. Мизерный «бюджет» этих короткометражных заказных фильмов не позволял постановщику (а Слава был не просто оператором, но и режиссером-постановщиком) нанимать помощников-ассистентов. Поэтому всю тяжёлую аппаратуру ему приходилось тащить на себе, и единственным помощником в ряде случаев мог быть только присутствующий на съёмках научный консультант. Именно съёмки синей птицы запомнились мне так хорошо, поскольку здесь приходилось тащить вверх по скалистому ложу ручья Кумбель тяжелый штатив и такой же тяжелый ящик – от «пьяного ручья» до скал, находившихся почти на полпути к домику гидролога Михаила Каримова. Львиную долю этого груза тащил на себе Слава, да ещё умудрялся возвращаться, чтобы помочь своему «помощнику»… Делал он это спокойно и деловито, никогда не позволяя себе показать хотя бы тень превосходства над более слабым и неприспособленным. Тогда я ещё не знал, что Слава – альпинист, совершивший не одно восхождение, причем с кинокамерой в руках (а знаменитый тогда аппарат «Конвас» весил не один килограмм!).

Весной 1974 г. Слава попросил меня взять на лето в нашу группу, состоящую из студентов-практикантов и школьников-юннатов, его сына, ученика 8-го класса. «Представляешь, пацан просто бредит птицами и ни о чем другом знать не хочет. Возьми его, пусть попробует, что такое орнитология на практике. Тогда сам решит – его это дело или нет. Не понравится – сам уйдет, зато это будет его решение». Тогда ни он, ни я не знали, что решаем судьбу будущего орнитолога. Олега я взял и, забегая вперед, могу сказать, что за истекшие 38 лет ни разу об этом не пожалел. И благодарен Славе за этот щедрый подарок орнитологии. Достойно уважения, что, определив сына в наш коллектив, отец не докучал ему мелочной опекой, будучи полностью уверен и в нем, и в нас. Мать однажды приехала, но быстро убедилась, что у нас всё в порядке.

Только на следующий сезон, в мае 1975 г., когда Олег уже во-всю работал около птичьих гнезд как профессионал, Слава поднялся к нам на озеро и, улучив момент, вдруг спросил у меня: «Ты можешь завтра утром освободить Олега от работы? Пора из парня мужика делать». Оказывается, для завершения фильма

понадобилась панорамная съёмка гор с какой-нибудь вершины. Слава выбрал пик Советов (4200 м) и решил взять с собой на это восхождение Олега. Взял он и зоолога Ральфа, поскольку втроём было надежнее. И вот рано утром они ушли, так как путь предстоял не ближний. А мы со студентами, выйдя на свои маршруты к 6 часам утра, то и дело поглядывали в бинокли на белую «простыню» снежника пика Советов. И вот, наконец, одна из карагандинских студенток закричала: «Вижу». Лежа на плотных «подушках» стелющейся арчи на крутом южном склоне Серкебулака, мы следили за тремя фигурками, которые сначала шли по самому краю контура горы, на фоне неба, а затем вышли на снежно-белое фирновое поле. Зрелище было великолепное, и мы полностью пронаблюдали их подъем, а затем и спуск. А вечером, когда мы встретились в лагере, по обгорелым на солнце лицам было видно, как довольны результатом похода и отец, и сын…

Следующим фильмом, в котором мы сотрудничали со Славой, был фильм «Аксу-Джабаглы», который он снимал к 50-летнему юбилею этого заповедника (фильм вышел в 1976 г.), а параллельно с ним там же он снимал фильм «Беркут» – удивительно поэтическую картину о семейной жизни этого могучего орла, вошедшего впоследствии в государственную символику Казахстана. Трудно удержаться от умиления, когда видишь уникальные кадры, как огромная по сравнению со своим детёнышем самка беркута своим мощным клювом отщипывает от добычи крошечный кусочек мяса и медленно, осторожно протягивает его к клюву птенчика – пушистого белого комочка. Для того, чтобы снять эти кадры, Слава просидел не одну неделю у гнезда беркута – того самого, где мне довелось наблюдать за беркутами 13 лет назад! Слава сам нашел это гнездо в урочище Топшак по моим описаниям. Как рассказывал мне Слава, здесь он впервые пожалел, что он не орнитолог и не знает, что надо записывать при таких многочасовых наблюдениях, когда ценный научный материал сам идет в руки. «Я уже пробовал считать, сколько раз насиживающая самка моргает в минуту и в час» – сокрушался он. Был один уникальный момент, о котором даже не догадываются зрители этого фильма. В отсутствие на гнезде родителей, оставивших на какое-то время новорожденного птенца, в гнездо села сорока и бочком-бочком стала приближаться к птенцу. Еще мгновение – и можно было снять сенсационный кадр – как ***сорока съедает беркута***, пусть и беззащитного птенца. Как говорил впоследствии Слава, соблазн такой был. Но победила любовь к живому, и он прогнал обнаглевшую посетительницу. В фильме она есть, но просто как любопытная соседка… По мнению многих моих коллег-орнитологов, это лучший фильм о беркуте, по крайней мере на то время.

Не помню, как это получилось, но уже по завершении съёмки фильма, на неофициальном праздновании юбилея заповедника, мы оказались в селе Новониколаевка (ныне Жабагылы) вместе с Игорем Кривицким, и мне удалось познакомить их со Славой. Оба они понравились друг другу и до полуночи во дворе «конторы» заповедника распевали песни под гитару. Петь Слава любил. У него был приятный тембр голоса, и он никогда не горланил, как это часто бывает у подвыпивших «певцов», а всегда стремился к эмоциональной выразительности

пения. Любимой песней у него была разудалая «Окрасился месяц багрянцем и волны бушуют у скал». Любил он также песни Высоцкого и при исполнении их невольно подражал его голосу с хрипотцой.

После «Аксу-Джабаглы» наши пути на время разошлись. Слава снимал фильм за фильмом, всё более специализируясь на отдельных видах животных, что требовало погружения в их биологию и, соответственно – консультантов, хорошо знающих образ жизни этих животных. Так фильм «Джунгарский тритон» консультировал Рудольф Кубыкин, фильм «Каракурт» – Владислав Якушкин. Оба фильма продемонстрировали высокое мастерство оператора и были восторженно приняты зрителями-зоологами. Помню, как со съёмок первого из этих фильмов Слава привез в Алма-Ату живых лягушкозубов для завершения павильонных съемок. Несколько штук я выпросил у него для содержания дома (до сих пор с удовольствием вспоминаю эти вечерние наблюдения над «оживающими» и выползающими из под камней тритонами и их охоту на брошенных в аквариум дождевых червей). Часть лягушкозубов были переданы кафедре зоологии Казахского университета, где как раз в это время Светлана Нарбаева пыталась наладить их разведение. Оставшихся мы отвезли на Большое Алматинское озеро, где в подходящих участках они были отсняты на обомшелых камнях горных ручьев, после чего здесь же выпущены. К сожалению, позже мы их здесь так ни разу не встретили, хотя проверяли эти места вплоть до 1980 года. Самой запоминающейся для меня стала поездка в мае 1979 года в город Нарынкол и горы Кетмень, когда Слава запустил фильм «Беркутчи» и отправился на поиски людей этой профессии. Об этом я уже рассказал.

Последний фильм, над которым мы работали вместе со Славой, – «Дом для серпоклюва», снятый в 1980 г. в Большом Алматинском ущелье. Этому предшествовал ряд событий. Как только в 1978 году мы нашли первое гнездо этой птицы, Слава сразу же сказал мне: «Надо снимать фильм». И как ни трудно мне было ему отказать, я всё же убедил его в том, что надо сначала попытаться изучить его биологию и дать птице закрепиться на новом месте, после чего можно и фильм снимать. Эти же доводы повторил я и в следующем, 1979 году. Мне повезло: Слава в это время завершал фильмы «Каракурт» и «Беркутчи», поэтому он особо и не настаивал на форсировании событий. Но весной 1980 года он все же запустил в производство съёмки фильма о серпоклюве.

Этот фильм оказался особенно удачным. Он получил очень высокую оценку специалистов на XVIII Международном орнитологическом конгрессе (Москва, 1982), где его по заявке иностранных орнитологов демонстрировали дважды! Один из немецких орнитологов под впечатлением этого просмотра нарисовал акварелью сидящего на гнезде серпоклюва, а над ним – второго, в полёте, и через год прислал мне из Гамбурга этот рисунок с надписью: «*Enclose a picture to you. It is not perfect, but I hope you take pleasure in. Yours faithfully. Michael Zumpe*» («Вкладываю для Вас рисунок. Он не безупречен, но я надеюсь, он порадует Вас, доставит Вам удовольствие. С большим почтением. Михаэль Зумпе»). Отдельные кадры из этого фильма стали украшением полнометражной ленты о природе высокогорья Тянь-Шаня, снятого «Би-Би-Си» как одна из 6 серий цикла «В гостях у

русского медведя». Даже спустя 16 лет, на XXII Международном орнитологическом конгрессе (Южная Африка, 1998), ко мне не раз подходили участники московского конгресса и с теплотой вспоминали о фильме «Дом для серпоклюва»!..

Уже во второй половине 70-х гг. на «Казахфильме» появилась хорошая традиция – раз в два года устраивать общественный показ фильмов о природе. Основывались эти показы, конечно же, на фильмах Белялова, выпускавшего как раз два фильма каждые два года. Да и конкурентов в этом плане у него не было, не считая Эльзы Дильмухамедовой, работавшей по другой тематике, но однажды всё же снявшей великолепный фильм о реликтовой чайке. Просмотры эти проходили в торжественной обстановке и были хорошо организованы – как официальное начало, так и не менее интересное неофициальное окончание.

Задолго до просмотра всем ценителям этого жанра (биологам – в обязательном порядке!) рассылались пригласительные билеты «на 2 лица», а в назначенный день и час (которые никогда не отменялись и не переносились!) в наполненном до отказа кинозале студии на углу улиц Советская и 8 Марта начиналось действо. После краткого вступления руководства студии, на сцену выходил непривычно празднично одетый Слава Белялов и простым доступным языком обращался к зрителям, как своим единомышленникам (так оно и было) с приглашением посмотреть результаты двухлетней работы их небольшого коллектива.

После просмотра официальных выступлений не было, а всех желающих приглашали на второй этаж – на «фуршет», где и происходило настоящее обсуждение фильмов, иногда принимавшее форму дискуссии, но чаще – рассказов о событиях, имевших место во время съёмки фильмов. Высказывались и разного рода пожелания и благодарности лицам, так или иначе способствовавшим созданию фильма. Иногда эти обсуждения затягивались за полночь и, когда зал закрывался, кто-нибудь приглашал всех (к тому времени оставалось 10-15 человек, самых близких) к себе домой, где праздник продолжался до утра. Так было в 1977 г., когда со мной оказалась дочь-школьница и нам пришлось остаток ночи провести в доме Эльзы Дильмухамедовой, где все дружно пили, курили, пели и плясали до утра – как и положено представителям настоящей богемы. Здесь мне особо хотелось бы сказать об отношениях Славы с коллегами. Известно, что у людей искусства, имеющих повышенный

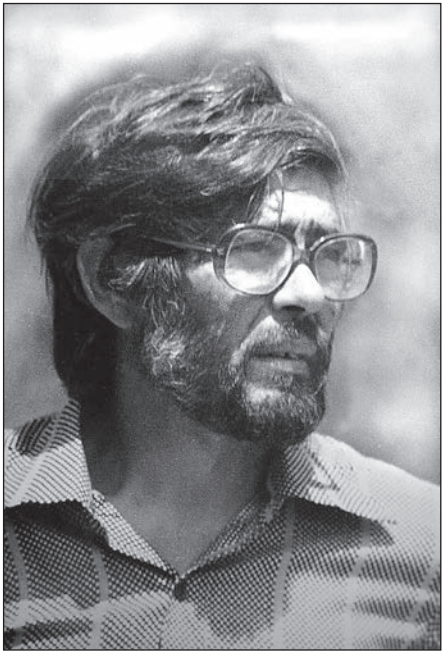


Рис.55. Слава Белялов, 1980 г.

эмоциональный уровень жизни, взаимоотношения очень непростые, чаще всего имеющие конкурентный характер. Слава был начисто лишен этого. Он не раз говорил о высоком качестве упомянутого фильма Эльзы Дильмухамедовой о реликтовой чайке и любил повторять, что для него люди, закончившие ВГИК (Всесоюзный Государственный Институт Кинематографии), всегда вне конкуренции и вне критики. Самого же Славу все в студии любили, да его и нельзя было не любить…

В середине 80-х гг. в Казахстане состоялся первый Международный симпозиум на тему «Роль кино в охране окружающей среды», организованный зачинателем этого направления Александром Згуриди. Для того чтобы, в отличие от обычных кинофестивалей, придать этому форуму научный характер, просмотру фильмов предшествовали два доклада – общий, вступительный, о самой проблеме (А.М. Згуриди) и доклад о животном мире Казахстана и его охране, который было поручено сделать мне. Кроме того, после просмотра фильмов проходило их обсуждение. Свои работы на симпозиум представили кинематографисты России, Эстонии, Словакии, Турции и других стран. Здесь мы впервые познакомились с творчеством таких мастеров, как Рейн Маран из Эстонии, Пятрас Абикявичус из Литвы, норильчанин Игорь Ледин, Игорь Гузеев из Киева, Владимир Ахметов из Туркмении. В своем пленарном докладе А.М. Згуриди высоко оценил снятые к тому времени фильмы Вячеслава Белялова.

Некоторые участники этих симпозиумов высказывали критические замечания об отсутствии в фильмах Белялова явных признаков угрозы со стороны человека, равно как и самого человека в кадре.

Прошли годы, прежде чем Слава снял два фильма (о гепарде и барсе), в которых имеются игровые моменты, тем самым отдав дань и этой форме художественно-научно-популярного фильма. Однако основой его творчества осталось поклонение красоте природы и ознакомление с ней зрителей. Об этом красноречиво свидетельствуют десятки снятых им прекрасных фильмов. Надо сказать, что для воспитания у людей любви к прекрасной природе Казахстана и к её диким животным его творчество дало намного больше, чем все органы, призванные это делать на государственном уровне, вместе с различными общественными объединениями и ассоциациями.

Нам же, знавшим его близко, остаётся благодарить судьбу за то, что свела с таким интересным, замечательным художником и человеком. И, как всегда бывает в таких случаях, только сейчас начинаешь понимать, как непростительно мало мы общались…

Прощание с высокогорьем: первое гнездо жемчужного вьюрка…

Полевые работы 1980 года на нашем высокогорном стационаре, несмотря на свою относительную краткость, ознаменовались двумя новинками. Первая из них – **расписная синичка** (*Leptopoecile sophiae*), практически исчезнувшая после многоснежной зимы 1968/69 г. Впервые после многолетнего отсутствия её гнездо, помещавшееся на нижних ветвях старой ели, нашли в 1979 г. в долине ручья Серкебулак, все 6 птенцов покинули его благополучно. Однако по-

иски других пар не дали результатов. Тем не менее, в 1979 г. я дал эту тему для дипломной работы студенту КазГУ Сергею Скляренко. И не ошибся: весной и летом 1980 года расписная синичка появилась в таком количестве, что сразу же обратила на себя внимание. В стелющихся арчевниках южного склона Мраморного (на месте работы И.А. Нейфельдт в 1968 г.) нам удалось найти 6 гнезд, принадлежавших двум парам, а всего здесь на площади примерно 50 га гнездилось 4-5 пар. Стала встречаться она и в других местах ущелья, по крайней мере, не менее 10 пар гнездилось в этом году в нашем ущелье. Проводя по очереди дежурства у гнезд, мы старались обращать особое внимание на те стороны биологии, которые слабо представлены в предыдущих работах 60-х гг. (Гаврилов и др., 1968; Neufeldt, 1970). Особенно интересным оказалось гнездо с птенцом кукушки в Мраморном, которое Слава Белялов великолепно снял на камеру. Результатом всех этих наблюдений стала статья о расписной синичке (Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982), дополнившая предыдущие публикации. Одновременно на Космостанции (3300 м над уровнем моря) другой студент-дипломник Алтай Жатканбаев вёл наблюдения у гнёзд краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*).

Вторая новинка – **жемчужный вьюрок** (*Leucosticte brandti*). Это одна из наименее изученных птиц высокогорий Центральной и Средней Азии. В 1958-1961 гг. на Памире были найдены 5 гнезд памирского подвида (*L.b. pamiretisis*) и проведены первые наблюдения за размножением этой птицы (Потапов, 1963). С тех пор сведений о находках гнёзд жемчужного вьюрка не появлялось. По тянь-шаньскому подвиду (*L.b. brandti*), обитающему в высокогорьях Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау, имелись только два упоминания о гнёздах в Заилийском Алатау (Штегман, 1954) и в Терскей-Алатау, близ Хан-Тенгри (Винокуров, 1961); однако сами гнезда жемчужного вьюрка на Тянь-Шане так и не были описаны; даже в биотопическом размещении этих птиц не всё было ясно.

Поэтому 31 июля 1972 г. мы с Анатолием Левиным предприняли первую попытку поиска гнезд этой птицы в районе северного склона пика Озерный с ледником Моренным – наиболее постоянном месте встреч жемчужных вьюрков. Первые вьюрки, собиравшие корм между камнями у нижнего края морены (3100 м н. у. м.), были замечены в 10 ч. утра. В одном месте одновременно можно было видеть до 10 особей, прилетающих и улетающих поодиночке. Наполнив подъязычные мешки, птицы явно уносили корм к гнездам. Все вьюрки летели по одной «трассе» – в направлении скал на западной оконечности ледника Моренный. Продвигаясь вслед за ними, мы к 18 ч достигли скального выступа на высоте 3680 м, откуда было ясно видно, как птицы переваливают заснеженный основной гребень Заилийского Алатау в месте, где высота его не превышает 3800 м. Из-за гребня птицы летели на кормежку. Весь путь их от этой перевальной точки до места сбора корма составлял не менее 5 км. Одиночные жемчужные вьюрки летели на кормежку на очень большой высоте, регулярно издавая свою журчащую позывку. Услышав ответное «джурр», птица, как будто споткнувшись об этот сигнал, круто пикировала вниз с огромной высоты и сразу же принималась за поиски и сбор корма.

Место расположения первого гнезда жемчужного вьюрка (в центре кадра, под скалой, на которой сидит человек). Заилийский Алатау. Июль 1980 г.

Вот так, потратив целый день, мы всего лишь убедились, что жемчужные вьюрки носят корм за гребень хребта, и что гнезда искать надо где-то там, в районе перевала. А так как Левин скоро уходил в армию, мы решили, что после его возвращения обязательно поднимемся на перевал Озерный в такое же время и найдем-таки эти гнёзда.

Прошло 8 лет. В конце июля 1980 года мы решили осуществить свой замысел. Для этого надо было попасть на гребень хребта на несколько дней – хотя бы на два, чтобы иметь возможность искать гнезда в утреннее и вечернее время. Стало быть, нужны, как минимум, спальные мешки и палатка. К тому же присоединиться к нам выразил желание поднявшийся на стационар Борис Губин. Унести на такое расстояние, да ещё на высоту выше 3500 м, всю поклажу всего на трёх спинах нечего было и думать. Вспомнили, что для таких случаев в Гималаях используются шерпы. И они нашлись: трое студентов с готовностью согласились разделить нашу поклажу на 6 человек.

Рано утром 29 июля мы вшестером, навьюченные основательно, покинули лагерь и уже после полудня были на перевале Озерном (3500). Лагерь разбили у гребня немного западнее перевала – как раз против красивого пика с ледником под названием Чёрный. Попив чайку, «шерпы» скатились вниз, чтобы до темноты вернуться на стационар. А мы пошли обозревать окрестности, представленные одними скалами и осыпями, между ними на северном склоне залегали фирновые поля. Встреченные в полете одиночные вьюрки подтвердили, что мы попали в нужное место и завтра имеем шанс найти их гнезда.

На следующий день мы обследовали юго-восточный и восточный, а 31 июля – южный и юго-западный склоны массива Озерный. В первый день найдено одно, а во второй – два гнезда с уже оперившимися птенцами!!! Все три гнезда находились в цирках с характерными кулуарами, днища которых заполнены крупнообломочными осыпями. Крутизна склонов 45-50° и более. Скалы сильно разрушены, с массой трещин различной ширины и глубины. Травяного покрова как такового нет, лишь кое-где попадаются небольшие куртинки типчака, тонконога, примул, эдельвейсов, низкорослых астрагалов и остролодочников. Описание найденных гнезд мы опубликовали (Ковшарь, Левин, Губин, 1982). Это было достойным прощанием с птицами высокогорья…

Вторая поездка в Кургальджино и на Тенгиз (1980)

В июне того же 1980 года мы с Э.И. Гавриловым участвовали в очередном выездном заседании Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана», проходившем на сей раз в Кургальджинском заповеднике. Накануне здесь случилось крупное ЧП – погибла колония фламинго (*Phoenicopterus roseus*), занесенного в Красную книгу Казахстана и СССР. Там же, на заседании, была образована комиссия для расследования причин этого происшествия в составе: Гаврилов, Ковшарь и заместитель начальника Казглавохоты Иван Савельевич Сидоров. Надо было срочно выезжать на озеро Тенгиз и на лодках добираться к острову, где погибла колония. Это обстоятельство так подействовало на тучного чиновника, что у него тут же поднялось давление – хоть скорую помощь вызывай. Пришлось нам с Эдиком ехать вдвоём, что было единственно верным решением, учитывая, что сопровождали нас два орнитолога заповедника – Евгений Николаевич Волков и Николай Николаевич Андрусенко – оба уже не первый год работающие в этом заповеднике и занимавшиеся именно изучением фламинго.

Поездка оказалась очень интересной, и ее не испортило даже то обстоятельство, что оба названных орнитолога уже давно и очень сильно враждовали друг с другом (и в этом конкретном случае они обвиняли друг друга в случившемся!). Уже в УАЗ'ике, по пути на Тенгиз, они так сцепились, что нам с Эдиком пришлось сесть между ними, и он как научный руководитель всю дорогу пытался их вразумить. Однако застарелую вражду одними разговорами не погасишь и, когда распределялись в байдарки, в каждой из которых могли расместиться только два человека, то их пришлось разделить: Женя сел в одну лодку с Эдиком, а Николай – со мной. Это гарантировало мир, да и дорогу к колонии знали только они, так что других вариантов размещения и быть не могло.

Погода была очень ветреной, волны перехлёстывали через край лодки, и уже через полчаса мы были мокрыми. Глядя на управлявшегося с мотором Николая, которого я едва знал (а в деле видел впервые), я видел, как намок его чёрный бушлат, как посинели щёки, а капли воды свисали не только с шапки, но и с рыжей щетины небритого подбородка, с кончика тонкого носа и даже с бровей. Но он, не обращая на это внимания, всматривался в однообразную водную даль, ища только ему известные приметы, чтобы не сбиться с пути. Промокшая насквозь одежда охлаждала всё тело, и вскоре я убедился, что и сам замёрз основательно. Но оставалось только уповать на то, что до пневмонии дело не дойдёт.

Рис.56. Н.Н.Андрусенко. Тенгиз, июнь 1980 г.

Место погибшей колонии оказалось узкой песчаной косой,

шириной не более 30 м, едва возвышающейся над водной гладью. На рыхлом песке лишь кое-где валялась яичная скорлупа – остатки пиршества ворон. Птиц не было видно – не только фламинго, но и других. Побродив по песку, я в одном месте носком сапога выковырнул целое яйцо, потом – второе. Стали вдвоем с Эдиком искать целенаправленно и выкопали около 50 яиц! Собрали их для коллекции и отбыли восвояси. Ясно было одно – колония была просто смыта волнами. Сильные нагонные ветры унесли в «море» часть яиц, а оставшиеся были погребены волной под слоем песка. Чудом уцелевшие на поверхности яйца были тут же расклёваны воронами, завершившими эту трагедию…

Обратный путь ночью по степи запомнился «охотой» на браконьеров. Дело в том, что за рулём нашего УАЗ'ика, принадлежавшего госохотинспекции, был облинспектор Александр Тагирович Пивоваров (с ним мы здесь и познакомились), и он не мог проехать мимо блуждающих в степи огоньков. «Вот и опять фарят!» – говорил он и, поддав газу, с выключенными фарами собственной машины, в полной темноте буквально вылетал куда-то наперерез перемещавшемуся по степи огоньку. Загнав машину в низинку, он глушил мотор, и мы молча ожидали, когда на нас выйдет браконьерская машина. Пару раз мы так и не дождались – видимо, браконьеры знали степь лучше инспектора и легко объезжали опасные места. Но в третий раз прямо на нас из темноты выехали два светящихся «глаза» фар. Александр Тагирович уже стоял во весь свой солидный рост с полосатым жезлом в руке, которым он дал приказ остановиться.

Это была закрытая легковая машина, так называемый «пирожковоз». Рядом с перепуганным бледным водителем-казахом средних лет сидела не менее испуганная молодая женщина. Представившись, Александр тоном, не допускающим возражений, попросил открыть машину для досмотра. Водитель сбивчиво пытался объяснить, что у него нет с собой ключа от фургона. На это Саша невозмутимо сказал, что тогда поедем вместе в инспекцию – там откроют. Ключ тут же нашёлся, фургон был открыт, и там оказался… живой баран. Надо было видеть разочарование инспектора! Раздосадованный, он резко сказал водителю: «То, что ты ночью везёшь куда-то чужую бабу и ворованного барана, меня не касается. Можешь ехать дальше». Событие это нас так развеселило, что сон сняло, как рукой. И всю дорогу до Кургальджино мы вспоминали и рассказывали друг другу подобные охотничье-инспекторские истории.

На следующий день предстояла мало приятная работа – выдувание такого большого количества крупных яиц. С твердой их скорлупой я легко справился, соорудив из большого строительного гвоздя некое подобие сверла, но как только была пробурена первая дырка, в нос ударил отвратительный зловонный запах! Яйца успели протухнуть, причем вонь они издавали пронзительную – похожую на ту, что исходит от заморного водоема с массой разложившихся мелких рачков типа *Artemia salina*.

Второе непреодолимое препятствие к выдуванию яиц предстало в виде двух наших орнитологов – Володи Березовского и Толи Гисцова, которые как раз подъехали в поселок с трассы Иртыш-Караганда, где они были в экспедиции. Они позвали Эдика в помещение (я выдувал яйца на улице, где ветер хоть

немного относил вонь), и по доносившимся оттуда громким веселым голосам я понял, что напарника в деле выдувания яиц у меня не будет. Время от времени то один, то другой выходили покурить и, чертыхаясь от вони, советовали мне бросить это дело, что я, в конце концов, и сделал, выдув менее 10 яиц – понял, что на большее меня не хватит. Тем более, что до самолета оставались уже считанные часы. Яйца кое-как упаковали в картонную коробку, переложив их газетами и сверху положив более легкие выдутые. И на экспедиционном УАЗ'е уехали в аэропорт города Акмолинск.

Развеселившийся Эдик велел мне садиться в кабину, а сам полез в кузов, чтобы хоть немного поспать в дороге – нам предстояло проехать около 200 км. Однако когда поздним вечером машина остановилась в акмолинском аэропорту, мы с водителем едва смогли его разбудить. Видимо, совместное воздействие выпитого, дорожной тряски и жары сделало свое чёрное дело – он был невменяем. Проводив нас в здание аэропорта, водитель уехал обратно, а я всё пытался привести своего друга в чувство, пока не обратил внимание на то, что рядом с нами нет людей – все вошедшие стараются сесть подальше. Нетрудно было догадаться, что их отпугивал запах, исходящий от нашей большой картонной коробки с яйцами. Понюхав, я убедился в этом. Видимо, лежащие сверху выдутые яйца были плохо промыты и благоухали во-всю. Растормошив кое-как Эдика, я рассказал ему об этой новой проблеме. Сначала он хохотал до слёз (как умел только он). Но когда я высказал опасение, что нас могут не пустить в самолёт, он посерьёзнел и сразу протрезвел.

До самого взлета мы не были уверены, удастся ли нам вывезти свой «клад». Даже когда уже сидели в самолёте, видели, как люди спереди и сзади нас вдруг начинали как-то принюхиваться и, с подозрением покосившись на нас (коробку мы спрятали под сидение), пересаживались подальше. «Хотя бы поскорее он взлетел» – молили мы, понимая, что в полёте никто нас уже не ссадит. И лишь когда взревели моторы и самолет оторвался от земли, мы дали волю своему веселью: мы летим, наш «клад» с нами, а рядом – никого!..

Экспедиция на Южный Алтай (август 1980)

Завершила этот сложный год экспедиция в Джунгарский Алатау и на Южный Алтай, которая состоялась с 14 августа по 2 сентября. Я очень давно хотел побывать на Алтае, а тут появилась такая возможность по хоздоговорной теме, где планировалось расширить полевые работы с Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау на казахстанскую часть Южного Алтая! К тому же в Маркакольском заповеднике работал мой подопечный – аспирант Коля Берёзовиков, которого мне «подарил» Борис Щербаков, воспитывавший этого талантливого парня с юнната до студента. Всё складывалось как нельзя лучше: командировка запланирована, деньги на неё и на оплату машины предусмотрены, состав (А.Ф. Ковшарь, Б.М. Губин, Р.Г. Пфеффер и П.В. Пфандер) готов к выполнению задания.

Но тут появилось неожиданное препятствие: в автобазе Академии наук, призванной обеспечивать наши экспедиции транспортом (здесь было около 200

автомашин) сказали, что свободной машины у них нет и стали, как говорится, водить меня за нос. Пришлось прибегнуть к «тяжёлой артиллерии» – обратиться за помощью к первому вице-президенту Академии, директору нашего института Е.В. Гвоздеву. После его звонка сам директор автобазы Е.С. Митюшников примирительно сказал мне: «Ну, зачем Вы так? Ведь можно было решить всё это между нами», после чего вызвал главного инженера и вдвоём стали искать варианты. Они, конечно же, нашлись – УАЗ-таблетка, который нас вполне устраивал.

Однако оказалось, что его водитель ушёл в отпуск. Тогда Митюшников вспомнил, что есть водитель, который отстранён от вождения за совершение наезда и временно посажен в яму (!), где он занимается ремонтом машин. Но уже прошло больше месяца, так что его можно было бы снова посадить за руль. Велел вызвать Васю Романюту. Пришёл молодой, рано располневший парень в грязной рабочей робе. Директор спросил его: «Осознал?», тот кивнул. «Хочешь поехать в экспедицию?». Парень, конечно же, хотел! «Тогда принимай временно машину такого-то (назвал фамилию), пока он в отпуске. Проверь её и будь готов к выезду через два дня». Вот так, в спешном порядке, был решен вопрос с транспортом. Я не случайно описываю это столь подробно, потому что в дальнейшем нам это «икнулось» не один раз – и личность самого Васи Романюты, и то, что из-за такой скорости решения этого вопроса пропуск в погранзону на него оформлять было уже некогда!..

Машина, принадлежавшая, видимо, хорошему водителю, украсившему все дверцы коллекцией спичечных коробков, нареканий у нас не вызывала, но вот Вася Романюта всё же, видимо, пересидел в своей яме. Машину он знал плохо, в чём я убедился, когда на крутом подъёме в Джунгарском Алатау он обратился ко мне с вопросом: «Шеф, а где тут раздатка?». В результате, из-за задержки с переключением на пониженную скорость, наша машина покатилась назад, всё больше набирая скорость, и нам пришлось один за другим выпрыгивать из неё. Ральф выскочил вместе с любимой собачкой! И если бы не Борис Губин, который умудрился захватить с собой противопожарный баллон и подложить его под колесо, – то неизвестно, чем бы всё это закончилось… Зато упрёков и всяких крепких выражений Вася наслушался вдоволь. А когда через полчаса всё повторилось с начала, то мы готовы были его убить, потому что езда дальше становилась по-настоящему опасной.

К счастью, больше подобное не повторялось. Преодолев злополучный Раскол, мы без приключений отработали в Солдатской щели и через Тополёвку, Покатиловку и Сарканд благополучно прибыли в Уч-Арал к вечеру 19 августа. Здесь мы остановились на звероферме у Бориса Анненкова, на которого я возлагал большие надежды относительно пропуска в погранзону для Васи Романюты: ещё в Алма-Ате меня обнадёжили, что Борис хорошо знает всё пограничное начальство и чуть ли не дружит с самим генералом. Однако дома оказалась лишь жена его Светлана с маленьким Павликом[32], а Борис уехал на охоту с тем самым генералом. Вернуться он мог ночью или завтра. Ничего не оставалось,

[32] Сейчас Павел Борисович Анненков живёт и работает в Арабских Эмиратах, а мама его, защитив в Институте зоологии кандидатскую диссертацию, живёт в Англии и ежегодно привозит в Казахстан бёрдвотчеров. – *Прим авт.*

как ждать хозяина здесь, иначе в погранзону мы могли вообще не попасть, хотя у каждого был оформлен пропуск (или идти пешком, оставив на погранзаставе машину с водителем).

И тут впервые дала трещину дисциплина. Борис и Ральф, которые были настроены ехать дальше и стать на ночёвку около воды (чтобы можно было порыбачить), наотрез отказались оставаться здесь на ночь. Чтобы принудить меня изменить своё решение, Ральф даже высказался в том духе, что здесь неудобно останавливаться, раз женщина дома одна, без мужа!.. Так Вася Романюта стал косвенной причиной раскола в коллективе. Я всё же настоял на том, чтобы поставить во дворе палатки. Светлана принялась готовить ужин, я помогал ей чистить картошку, а бунтовщики принципиально не заходили в дом – как будто всё ещё надеялись, что мы поедем дальше. Мы же с хозяйкой и Павликом в ожидании ужина смотрели по телевизору премьеру только что вышедшего на экраны фильма «Цыган». За этим занятием и застали нас приехавшие почти в полночь хозяин с генералом. Охота у них была удачной, и генерал всё рассказывал, как он подстрелил того, огромного, как птеродактиль, с большим клювом!... Понимая, что речь идёт о пеликане, который занесен в Красную книгу, я не мог забыть о *цели своего визита*. К счастью, после первой-второй рюмки удалось повернуть разговор в нужную мне сторону. И генерал тут же сказал, что здесь нас никто не тронет, а в Курчуме есть такой-то полковник, которому надо передать привет от него – и он всё сделает. Так мы и решили этот больной вопрос.

К сожалению, амбиции молодёжи (Ральф числился начальником отряда!) были задеты очень глубоко и дальнейшая поездка стоила мне немалых нервов. Прибыв в Усть-Каменогорск 21 августа, мы заночевали у Бориса Щербакова, где и узнали, что умер Владимир Высоцкий. Сообщивший эту скорбную весть алматинский писатель Валерий Михайлов весь вечер читал стихи Высоцкого и рассказывал о нём много нового для меня. Дальше с нами поехал Борис Щербаков, который сразу же обратил внимание на нелады в нашем коллективе и очень удивлялся, как можно такое терпеть.

В Курчуме пришлось остановиться около автомастерских, чтобы хоть немного, как говорят шоферы, «подшаманить» нашу машину, так как, по словам Щербакова, подъем на гору Мраморная у Алексеевки довольно крут и небезопасен. Зашли и в погранотряд, где я передал полковнику привет от генерала. Он сказал, что всё понял, записал фамилию Васи, но бумаг нам никаких не дал, сказав, что они предупредят своих по средствам связи.

Подъём на гору Мраморная действительно оказался крутым и затяжным. Но меня поразили здесь две вещи. Во-первых, мотоциклисты-камикадзе, которые без тормозов на предельной скорости спускались навстречу нам по серпантину на мотоциклах, у которых вместо коляски была сделана деревянная площадка для перевозки сена. Когда такой красавец (обычно два – второй сидит сзади) вырывался из-за крутого поворота, сердце каждый раз ёкало – и за него, и за себя (ведь у нас за рулём – Вася Романюта). Во-вторых, по мере подъёма всё больше открывалась перспектива вниз, где уже был Китай. Там были видны лишь обширные массивы сыпучих песков, которые так контрастировали с той зеленью,

которая была на склонах гор вокруг! Впечатление было очень сильное, и я даже испытывал какое-то чувство неловкости, как будто это я «наградил» соседей безжизненными песками, забрав себе зелёные склоны…

Урунхайка мне понравилась – типичная русская деревня на берегу красивого озера Маркаколь, окружённого ожерельем гор. У Николая Березовикова, жившего в небольшой бревенчатой избе, только недавно родилась дочь, даже кратковременное пребывание такого количества людей в этом доме было нежелательно. Поэтому он разместил нас в такой же избе неподалёку. Кажется, это был дом зоолога заповедника Юры Зинченко, во всяком случае, он жил здесь вместе с нами. Гостеприимство ребят очень напоминало мне мой родной заповедник, только там я был в роли хозяина, а здесь как-то непривычно было чувствовать себя гостем, которого принимают и потчуют. Особенно запомнилась мне баня по-чёрному, о которой раньше я только читал, а здесь вкусил все её «прелести».

Несмотря на август (в Урунхайке мы были с 23 по 28 число), здесь несколько дней шли дожди. Однако мы успели за два дня объехать на лодке всё озеро по маршруту: Матабай – Кальджир – Голубиный утёс – Тополёвка – Урунхайка. «Круиз» этот оставил неизгладимые впечатления, особенно истоки Кальджира: как-то странно и непривычно было видеть, как из огромной водной глади начинается река. Возвратившись, мы вдвоём с Николаем поднялись на Сорвенковский белок (это название меня интриговало еще с 1966 года, после рассказов Э.И. Гаврилова) и посетили Холодную долину; по пути видели заросли марьего корня (левзея сафлоровидная – *Rhaponticum carthamoides*) и золотого корня (*Rhodiola rosea*). Из птиц большое впечатление осталось от скопы (*Pandion haliaëtus*) и чёрного аиста (*Ciconia nigra*), а также их гнёзд, которые показывал мне Коля на берегах Маркаколя. Очень хотелось бы увидеть алтайского улара, но он был далеко – где-то там, за озером. Но и без него впечатлений за эти 5 дней накопилось много.

Озеро Зайсан встретило нас безбрежной и безмятежной голубизной – стоял штиль и ярко светило солнце. Остановились на Тополевом мысу, о котором я много слышал еще от Долгушина, любившего это место. Купаться здесь было очень хорошо, не хотелось даже выходить на берег. Но вот птиц было мало – одни чайки над водой да трясогузки по берегам. Вся водоплавающая птица собралась далеко от берега, особенно много уток видели мы в месте впадения в озеро реки Кендерлик, куда нас свозил на моторной лодке егерь Александр Карамышев. Он же предложил поездку в Чиликтинскую долину, от которой Борис с Ральфом тут же отказались, предпочтя рыбалку на Зайсане.

Оставив их рыбачить, мы со Щербаковым последние два августовских дня потратили на эту поездку. Конечно, это была почти сплошная езда, но, во-первых, по совершенно новым для меня местам, которые довольно часто упоминались в орнитологической литературе. Во-вторых, мы всё же посмотрели интересных птиц. Больше всего по пути было степных орлов (*Aquila nipalensis*), нередко попадались центральноазиатские мохноногие канюки (*Buteo hemilasius*), несколько раз – сокол-балобан (*Falco cherrug*). Но самое великолепное

зрелище – три взрослых дрофы (*Otis tarda*), спокойно кормившиеся прямо около колючей проволоки, идущей вдоль границы! Это уже были долгожданные объекты нашей *новой тематики*, которая начиналась с будущего года. Большое эмоциональное напряжение вызвала длительная (несколько десятков километров) езда вдоль пограничной колючей проволоки. Дорога здесь шла всего в 10-15 м от «колючки», а местами – еще ближе. И всё это время я не мог отделаться от мысли, что у нашего водителя нет пропуска в погранзону… Но всё обошлось.

На ночёвке в Чиликтинской долине Саша Карамышев угостил нас великолепной ухой из сазана, сваренной в ведре, подвешенном на заводную ручку машины (источником огня была паяльная лампа). Меня удивило, что он порезал туда два помидора. На мой вопрос – зачем, он так же удивлённо ответил: «А какая же уха без помидора?». И добавил, что если нет помидора, то можно (и нужно!) вылить в уху рюмку водки – оба эти ингредиента придают «кислинку». Но уха действительно оказалась божественной! А наутро в ведре поверх остатков ухи была не менее как в палец толщиной «корка» из застывшего жира…

О наших международных связях в 70-х гг.

Рассказ о 70-х гг. был бы неполным без упоминания «связей с заграницей», о которых в анкетах того времени лучше всего было писать «не имею». Однако, несмотря на царивший тогда «железный занавес», мы всё же нет-нет да и общались с зарубежными коллегами и даже умудрялись иногда печатать «за бугром» научные статьи. Я не говорю о таких великих деятелях, как Г.П. Дементьев или А.Г. Банников, которые и тогда свободно разъезжали по всему миру. Речь о нас – мелкой рыбёшке. Для печатания за рубежом чаще всего использовали старших коллег, которые могли представить твою работу издателям, порекомендовать её. Например, мою первую рукопись о краснокрылом чечевичнике рекомендовал редактору журнала «Der Falke» Курту Гентцу мой учитель И.А. Долгушин.

Он же во Львове познакомил меня с сотрудником Берлинского зоологического музея Гумбольдтовского университета Бурхардом Штефаном, которому я тут же из рук в руки передал готовую рукопись. Наше знакомство скрепил вечер на банкете, и

Museum
für Naturkunde
Berlin

DDR 104 Berlin
Invalidenstr.43

Дорогой Анатолий!

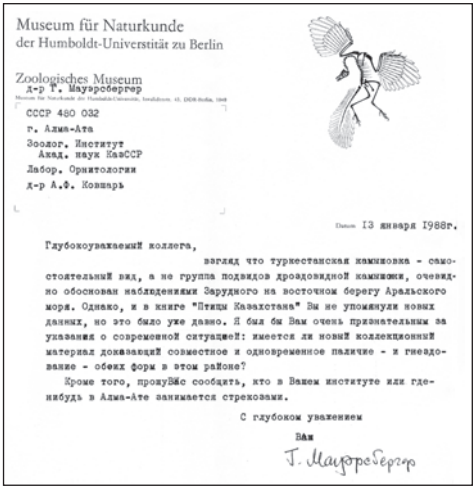
С 1983 г. желаю всех вас здоровья и успехов.
Рукопись о черном дрозде теперь закончил. Книга выходет примерно через год.

С приветом
/Б. Штефан/

Рис. 57. Письмо Б. Штефана, 1982 г.

переписка продолжалась много лет. Бурхард был мой ровесник и в том же 1959 году закончил биофак Московского университета, где он учился на одном курсе с В.Д. Ильичевым, Инной Добрыниной и Натальей Кулюкиной. Он свободно говорил по русски и фактически был переводчиком с русского в журнале «Der Falke», где официально переводчиком работала его жена Эллен Штефан. Невысокого роста, плотненький, аккуратный и респектабельный, Бурхард очень понравился нашей весёлой орнитологической братии. Уже на банкете Толя Пославский, подвыпив, называл его на «ты» и в свойственной ему манере, обняв за плечи и указывая на меня пальцем, говорил: «Бурхард, если ты не напечатаешь его статью – ты мне больше не друг!». Обладавший большой выдержкой Бурхард вежливо улыбался, но не обижался. Впоследствии он напечатал в немецких изданиях ряд интересных работ Пославского, в том числе о дрофе-красотке. Наша с ним переписка касалась не только вопросов печатания статей (в «Der Falke» в 1969 г. вышла наша с Эдиком статья о красном вьюрке, а позже, в Трудах их музея – моя статья о серпоклюве), но и чисто орнитологических. Например, одно время его очень заинтересовали наши воробьи, особенно испанский. Его просьбу я передал Эдику Гаврилову, они сотрудничали какое-то время и даже опубликовали совместную статью (Gavrilov, Stephan, 1980). В том же «Mitt. Zool. Mus. Berlin» за 1984 год Бурхард опубликовал нашу с Борей Жуйко статью о биологии черного дрозда (*Turdus merula*) в Алма-Ате (Kowschar, Zhujko, 1984), которая вызвала целую серию заказов из стран Европы, где городская популяция этого дрозда имеется во многих городах, для которых сравнение с нашими данными по другому подвиду – *T.m. intermedia* – очень актуально.

Однако личные встречи с зарубежными коллегами ограничивались только крупными конференциями, на которые они умудрялись прорваться. О том, чтобы принять какого-нибудь немецкого или английского орнитолога в Алма-Ате, не говоря уже о том, чтобы поехать туда, к ним, нечего было и думать. До сих пор со стыдом вспоминаю, как один раз мне пришлось буквально прятаться от одного такого коллеги, пожелавшего встретиться. Впрочем, за давностью лет можно об этом рассказать и подробнее.



Museum für Naturkunde
der Humboldt-Universität zu Berlin

Zoologisches Museum
д-р Т. Мауэрсбергер

СССР 480 032
г. Алма-Ата
Зоолог. Институт
Акад. наук КазССР
Лабор. Орнитологии
д-р А.Ф. Ковшарь

Datum 13 января 1988г.

Глубокоуважаемый коллега,

взгляд что туркестанская каменовка - самостоятельный вид, а не группа подвидов дроздовидной каменки, очевидно обоснован наблюдениями Зарудного на восточном берегу Аральского моря. Однако, и в книге "Птицы Казахстана" Вы не упомянули новых данных, но это было уже давно. Я был бы Вам очень признательным за указания о современной ситуации: имеется ли новый коллекционный материал доказавший совместное и одновременное пребывание - и гнездование - обеих форм в этом районе?

Кроме того, прошу Вас сообщить, кто в Вашем институте или где-нибудь в Алма-Ате занимается стрекозами.

С глубоком уважением

Вам

Т. Мауэрсбергер

Рис. 58. Письмо Мауэрсбергера, 1988 г.

Весной 1972 года я получил письмо от известного немецкого орнитолога доктора Мауэрсбергера, с которым мы 10 лет назад встречались во Львове. Он сообщал, что в начале сентября будет по делам в Алма-Ате и просил спланировать свое время так, чтобы мы могли встретиться. Прежде

чем отвечать ему, я решил посоветоваться с Е.В. Гвоздевым, который недавно стал вице-президентом нашей Академии и, следовательно, знал все правила в этих делах. Прочитав письмо, он сказал: «Спрячь и забудь». На мой недоуменный вопрос пояснил, что получить разрешение на такую встречу – не просто хлопотно, а мало реально и к тому же небезопасно: начнут вызывать, расспрашивать и т.д.

Послушав старшего, опытного коллегу, я промолчал. Однако Мауэрсбергер оказался настойчивым и повторил своё письмо еще раз, а потом – ещё. Каждое из писем я показывал Гвоздеву, но его ответ оставался прежним, он лишь добавил, что я же могу быть в поле и немец должен это понимать. Если придёт в институт, ему просто скажут, что я в командировке. А когда в самом конце августа, я сказал, что к 1-го сентября у меня поле заканчивается, за нами приходит машина и 2-го я должен быть уже в институте, а гость приезжает 4-го сентября, *Е.В.* сказал: «Пусть Левин спускается вместе с имуществом, а ты останься на недельку». Пришлось так и сделать, а потом задним числом извиняться перед коллегой, который так ничего и не понял. Кстати эта задержка на недельку обошлась мне потерей любимого Яшки, так как человеку, которому я его поручил, было лень держать мешочек с птицей в руках и он положил его на пол кабины грузовика – в самое жаркое место с испарениями бензина…

К счастью, этот глупый и некрасивый «финт» с замалчиванием ответа и скрыванием от приехавшего гостя в горах (как преступник!) не повлиял на наши отношения с коллегой и мы переписывались с ним еще спустя полтора десятилетия (см. рис. 58).

А вот другой случай, проливающий свет на эту же тему с другого конца. Однажды, возвратившись в обеденное время к стационару после дежурства у гнезда, я встретил одного из своих ребят, который сказал мне: «А у нас – немец!». Когда я зашел в комнату, навстречу мне поднялся среднего роста, худощавый, подвижный человек и представился: Райнер Гюнтер. Добавив, что он батрахолог и интересуется в первую очередь лягушками, он тут же принялся меня успокаивать (видимо, хорошо знал наши «порядки»), что не надо бояться и лучше не говорить людям, что он из Берлина – пусть думают, что он из Прибалтики. И как главный аргумент добавил: «Акцент у нас почти одинаковый».

Оказывается, он был в Ленинграде, где в ЗИН’е узнал о нашем стационаре. Приехав в Алма-Ату, он пришёл в наш Институт, в нашу лабораторию и спросил, как найти меня в горах. Успевшая с ним познакомиться Каден Искаковна (прямой коллега!) тут же была вызвана в органы, где ей учинили настоящий допрос и напугали досмерти. Более мудрый Икар, уже зная, чем это может грозить, решил «уберечь» меня от неприятностей и сказал, что меня на стационаре нет. А где я нахожусь – он не знает. Поверил ему Райнер или нет, но только на второй день рано утром он сел на 28-й автобус, доехал до 2-й ГЭС и по трубе пешком пришёл к нам. В автобусе всем говорил, что он из Литвы. Всё это он мне рассказал тут же, во время обеда и чаепития. Я же, никогда не подвергавшийся репрессиям (Бог миловал!), не очень-то их и боялся, по принципу: «Чёрт не выдаст, свинья не съест». Поэтому Райнер остался в нашем отряде под видом ли-

товца, а ребятам я строго-настрого наказал держать язык за зубами. Парень оказался вполне современным и компанейским. Его действительно интересовали земноводные и он целыми днями пропадал около озера, наблюдал, записывал. Через несколько дней мы вместе с Райнером спустились пешком до 2-й ГЭС, а когда сели в 28-й автобус, я узнал, что улетает он завтра, но в городе нигде не остановился.

Я жил один в пустой квартире (семья уехала в отпуск) и мне ничего не стоило пригласить его переночевать. Взяли бутылку водки, сварили пельмени и хорошо посидели вечер, беседуя на самые различные темы. После одной из рюмок он вдруг сказал, упирая на букву «р»: «Хорррроший парень Икар, но дурррррак! Почему он мне соврал, что тебя нет на озере?!». Пришлось успокаивать его тем, что виноват не Икар, а наши «порядки», о которых он уже кое-что знает.

На следующий день я встретился с Икаром, и он поведал мне свою версию происшедшего. Оказывается, Каден сама пошла в органы (кто-то посоветовал), откуда вернулась вся перепуганная и в слезах. Икар тут же пошел к своим знакомым из КГБ и проконсультировался – чем ему может грозить разговор с немцем. Ему ответили просто – могут не выпустить за границу. А Икар тогда мечтал о поездке в Италию и очень этой мечтой дорожил. Поэтому он и вёл себя более осторожно. Но и его вызывали «кураторы» нашей Академии и спрашивали, *на каком основании и о чём* он беседовал с немцем. На вопрос Икара о том, а как он должен был себя вести, ему сказали, что надо было сказать, что он не имеет права разговаривать без разрешения начальства – и отправить туда немца! А самому надо было тут же сообщить в органы. Вот какая карусель тут закрутилась!!!

В конце своего рассказа Икар, понизив голос и оглянувшись, лукаво сказал: «А что если бы они знали, что вечером мы с Райнером ходили в ресторан и там познакомились с девочками, которые стали обучать его тонкостям русского языка, а он, подвыпивший, всё никак не мог понять разницу между словами *лапушка* и *лопушок*»… Вот в такой форме мы иногда позволяли себе пассивный протест против правил «железного занавеса».

Через много лет Райнер прислал мне письмо, в котором просил сделать вызов ему и его взрослому сыну, но это было ещё до перестройки и сделать этого мне не удалось. Как не пришлось воспользоваться и его приглашением посетить Берлин, где у него хорошая квартира. А потом пошли события, которые в народе метко окрестили «Перестройка – перекличка – перестрелка» (хотя самое правильное название для них – «передел-беспредел»), после которых границы со временем открылись. Но Райнер уже больше не писал…

Можно было бы многое вспомнить об издержках тех времен. Например, о том, как на Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде на экскурсию в Копетдаг не пустили одного из самых известных в то время орнитологов – Чарлза Вори с супругой (на том основании, что это погранзона) и как все участники конференции были возмущены этой несправедливостью. Тем, кто вырос в условиях полной свободы передвижения по планете, как это мы видим сегодня (были бы деньги!), трудно себе представить, как были связаны руки у людей нашего поколения.

Лаборатория орнитологии (1978-1979)

66 – лаборатория орнитологии. Слева направо сидят Ю.Г.Савин, О.М.Губина, О.П.Зуева, З.К.Брушко, О.Н.Латина, Ю.Н.Грачёв. Стоят: В.В.Хроков, В.В.Допатин, С.В.Кислицын, С.В.Шимов, С.А.Брохович, Э.И.Гаврилов, С.Н.Ерохов, А.П.Гисцов, Р.А.Кубыкин, И.Ф.Бородихин, Ю.Жмакин, рабочий, А.М.Сема, Б.М.Губин, А.С.Левин, В.Г.Березовский, Э.М.Ауэзов (неполный состав). Алма-Ата, 1978 г.;

67 – участники конференции по гнездованию птиц (город Самарканд, май 1979 г.). Слева направо – Х.В.Салимов, Д.Л.Лаханов, А.Ф.Ковшарь, С.Б.Бакаев, А.К.Сагитов, Г.Н.Симкин, Л.А.Лебедева, Л.В.Ионис, И.Р.Бёме, Н.П.Каверкина. Аманкутанская лесная дача Самаркандская область Узбекистан.

Лаборатория охраны животных (1980-1995)

68 – лаборатория охраны диких животных. Алма-Ата, 1983 г. Стоят: Е.Э.Анохина, Б.М.Губин, Р.А.Кубыкин, Д.А.Бланк, Е.И.Страутман, З.К.Брушко, В.Н.Мурзов, Р.Бекбосынова, А.Ф.Ковшарь, В.Н.Мазин, С.Л.Скляренко. Впереди – В.В.Лопатин и О.В.Белялов;

69 – за столом в лаборатории: А.Ф.Ковшарь, З.К.Брушко, Е.И.Страутман, В.Н.Мазин, А.С.Левин.

Лаборатория охраны диких животных (1981-1995)

Правильно говорят, что новое всегда зарождается в недрах старого. Ещё в 1978 году, когда я только начал обработку материалов по биологии птиц в условиях субвысокогорья, параллельно я большую часть года занимался редактированием Красной книги. Для меня 1979 год начался с участия во Всесоюзном совещании по Красным книгам союзных республик, которое проходило на ВДНХ в Москве, а зимой 1980/81 г. я был включен в состав Рабочей группы по разработке проекта первого Закона Казахской ССР об охране и использовании животного мира. Так что к новой тематике я был в принципе готов давно, тем более, что начальство в лице директора и его зама Эдика Гаврилова не оставило никаких надежд на возможность продолжения горной тематики (была даже брошена фраза: «сколько же лет можно заниматься одним и тем же!»). К тому же я сам чувствовал, что засиделся на одном месте: такой огромный Казахстан, столько в нем неведомых мне ландшафтов, а я 10 лет сижу практически в одном ущелье, где уже почти каждый камень, каждый куст и дерево мне знакомы. Так уговаривал себя я сам, чтобы легче было расстаться с полюбившимся местом – одним из лучших на Земле (после Аксу-Джабаглы, конечно).

Словом, с моральной готовностью все было в порядке. Но оставалась ещё бездна организационных вопросов. Поскольку первоочередными объектами в новой тематике стали редкие виды (они же – малоизученные) всех наземных позвоночных, а их в Красной книге Казахстана было более 100 (птиц 57 видов, 40 млекопитающих и 10 гадов), то предстояло решать – с каких видов начинать сбор данных. С другой стороны, интуиция подсказывала, что сведения эти надо собирать *по всем видам сразу*, иначе не хватит десятилетий, чтобы «отработать» все виды по очереди. Опять же большинство редких видов разобщены территориально – один обитает только в Прикаспии, другой – на Алтае и т.д. И третье: как обеспечить изучение таких разных объектов как птицы, млекопитающие, рептилии и земноводные, причём в каждой из этих групп имеются методически очень различные объекты? Для этого надо было как-то преодолевать инерцию специалистов, стремящихся сохранить направление своих прежних работ. Ясно было только одно: работы – непочатый край, работа эта новая и очень интересная.

К весне 1981 года лаборатория состояла из 14 человек, в том числе: орнитологи – А.Ф. Ковшарь, Б.М. Губин, А.С. Левин, Р.Г. Пфеффер; териологи – Е.И. Страутман, К.П. Ушаков, В.Н. Мазин, В.Н. Мурзов, Д.А. Бланк; герпетологи – З.К. Брушко, Р.А. Кубыкин; лаборанты – Е.Э. Анохина, Р.Б. Бекбосынова, О.В. Белялов. Позднее появились: В.А. Морозов, А. Джаныспаев, И.В. Кириенко, Е.Н. Куценко, В.П. Мищенко, Е.С. Ташибаев, С.В. Шимов (некоторые из них работали непродолжительное время).

Второе совещание РГЖ: Ленинград (январь 1981)

В самом начале 1981 года (конец января – начало февраля) я участвовал во втором совещании Рабочей группы по журавлям, созданной 18 апреля 1980 г. Второе совещание проходило в Ленинграде, в Зоологическом институте АН

СССР. Собравшиеся на нем 103 орнитолога из более чем 50 научных учреждений и общественных организаций заслушали 40 докладов о состоянии всех 7 видов журавлей фауны Палеарктики. На совещании было принято Положение об РГЖ СССР и утверждено Бюро РГЖ в составе 11 орнитологов из всех регионов страны под руководством проф. В.Е. Флинта; вторым руководителем стала И.А. Нейфельдт, взявшая на себя научно-методическую сторону деятельности РГЖ и подготовившая впоследствии «Программу изучения журавлей Советского Союза» (1986). Каждый член Бюро РГЖ являлся куратором по региону или по отдельному виду. Так, Шибаев стал куратором по региону Дальнего Востока (а также по японскому журавлю), Ковшарь – по Казахстану и Средней Азии (а также по журавлю-красавке в пределах СССР), Ю.М. Маркин – по европейской части России (и по серому журавлю в СССР).

Для меня это совещание было особенно приятным, так как здесь мы встретились и провели несколько дней вместе с Юрой Шибаевым. Правда, все разговоры приходилось откладывать на вечер, так как дни были загружены заседаниями, но два «окна» мы всё же выкроили – чтобы посетить Эрмитаж и зоопарк, куда пригласила нас работавшая там в это время Татьяна Блюменталь. И хотя я встречался с ней почти 20 лет назад на конференции во Львове, но только здесь мы по-настоящему познакомились (это было уже после знакомства с её дочерью на Большом Алматинском озере в 1978 г.). Сам зоопарк поразил меня крошечной территорией, зажатой между Петропавловской крепостью и трамвайной линией, а также высоким уровнем разведения животных, в том числе редких и исчезающих птиц (например, бородач) и пресмыкающихся. Остались в памяти и некоторые рабочие моменты совещания, например, как после доклада И.А. Нейфельдт В.Е. Флинт, закуривая, сказал: «Эта женщина мыслит, как мужчина», что в его устах было высшей похвалой. А когда я подарил Нейфельдт понравившуюся ей своими нелепостями книгу Анны Мухамед Клычева «Красота солнечного края» (здесь я впервые увидел ее смеющейся), присутствовавший при этом Флинт обиженно сказал: «А мне?». Пришлось потом, по возвращении домой, найти еще один экземпляр и выслать ему почтой.

Первая поездка в Бетпак-Далу (1981)

Полевые работы орнитологов в 1981 г. начались с рекогносцировочной экспедиции в Западную Бетпак-Далу. На испытанном экспедиционном ГАЗ-66 мы с А.С. Левиным и только что вернувшимся из армии В.В. Лопатиным покинули Алма-Ату ранним утром 24 апреля; на короткий срок с нами поехал студент-дипломник Сергей Скляренко, которому уже в начале мая предстояла защита диплома в КазГУ. Именно в самом начале данной экспедиции и зародилась у меня идея написания этой книги, пару вариантов будущего названия я тут же записал на форзаце записной книжки (см. рис. 59). Териологи и герпетологи выехали каждый в свою экспедицию – по намеченным заранее планам. Так, Кирилл Павлович Ушаков, закончивший своё изобретение – шприц для обездвиживания крупных

млекопитающих – собирался на Барсакельмес, чтобы там апробировать его на куланах, которых вскоре собирались отлавливать и перевозить на материк. Оба Владимира Николаевича – Мазин и Мурзов – собирались продолжить свои работы по изучению тушканчиков в урочище Бозой (пески Таукум), а Зоя Карповна Брушко с Рудольфом Александровичем Кубыкиным запланировали поездку в долину реки Или.

Рис. 59. Форзац записной книжки с вариантами названия будущей книжки

Первым пунктом орнитологической экспедиции стали низкогорья Западного Тянь-Шаня, где несколько дней мы обследовали каньон реки Машат чуть западнее заповедника Аксу-Джабаглы. Как это часто бывает, прожив несколько лет в заповеднике, я ни разу так и не побывал в этом каньоне, а он оказался очень интересным. Из наших новых объектов особенно важным было довольно большое количество желтопузиков (*Ophisaurus apodus*) и стервятников (*Neophron percnopterus*). Удалось увидеть даже очень редкого здесь чёрного аиста (*Ciconia nigra*).

Отсюда через сёла Георгиевка, Сайрамсу, Жартытобе, Чулаккурган мы выехали к Сузаку, который можно считать «воротами» в Западную Бетпак-Далу. Здесь мы посадили нашего студента на автобус, а сами на 4 дня стали лагерем у северо-восточных подножий Каратау, в урочище Шукурой, 40 км северо-западнее совхоза «Каратау». Сейчас, после массовых переименований последних лет, это место вряд ли можно обнаружить на карте (а приборов GPS тогда мы не знали).

Кроме встречи новых для меня, пустынных видов птиц (пустынная каменка – *Oenanthe deserti*, пустынная славка – *Sylvia nana*) меня поразило здесь большое количество трупов сайги (*Saiga tatarica*): вся равнина с низкорослой пустынной солянковой растительностью была усеяна белыми бугорками, а в бинокль хорошо было видно рога! Это были самцы, погибшие после гона, когда они, обессиленные, плохо переносят любые резкие похолодания и бескормицу. В одном месте мы наблюдали, как пустынная каменка деловито собирала с такого трупа шерсть и носила в свое гнездо…

Тогда еще не было ажиотажа вокруг сайгачьих рогов, и они просто пропадали. Но мы без всякого злого умысла взяли ножовку и отпилили себе несколько пар на сувениры. Долго и безуспешно искали мы чернобрюхих рябков (*Pterocles*

orientalis). Каждый раз, когда мы уже считали, что это они, оказывалось, что это саджа (*Syyrhaptes paradoxus*). И только к концу экспедиции, когда мы, наконец, встретили настоящего *Pterocles orientalis*, мы поняли, что все виденное раньше – это саджи. Много позже, когда саджа стала более редкой по сравнению с рябком, я не раз вспоминал 1981 год, когда соотношение было иным.

По соседству с нами стояло крупное стадо верблюдов, и двое ребят-казахов пасли их не верхом, как принято, а на мотоциклах! Странно было видеть, как они по бездорожью догоняли убегающих животных, какие виражи закладывали, чтобы развернуть их обратно и как ревели при этом не только их моторы, но и возмущённые животные. Такое я видел впервые! Как и стрижку верблюдов, происходившую на наших глазах. Очарованные этим зрелищем, мы с Левиным даже купили себе по мешку верблюжьей шерсти!..

Наконец 4-го мая, вернувшись в Сузак, мы через с. Жувантобе въехали в пределы собственно Бетпак-Далы. Считается, что пустыня эта начинается сразу же после пересечения реки Чу. Однако здесь русло Чу было совсем сухим, а сама её долина была шириной не более 30-50 м. Выбравшись из этой ложбинки, мы оказались в Бетпак-Дале!.. Внешне ничего не изменилось – такая же абсолютная равнина, покрытая куртинами очень низкорослого боялыча (*Salsola arbuscula*), а на засолённых участках – кокпека (*Atriplex cana*). Из птиц – только многочисленные малые жаворонки двух видов – *Calandrella cinerea* (теперь его зовут *bracydactyla*) и *Calandrella pispoletta* (теперь – *rufescens*). И вся эта равнина до самого горизонта залита водой! Вот тебе и «безводная пустыня»! Теперь я знал, что на время весеннего пролёта птиц эпитет «безводная» к Бетпак-Дале неприменим.

Мы разбили лагерь в урочище Колкудук, углубившись в пустыню примерно на 70-80 км. За 5 дней работы здесь мы видели немало садж (5 мая – 19 пар и 45 птиц группами по 3-9 особей; 6 мая – 23 пары и 36 птиц группами), а вот чернобрюхих рябков стали встречать только с 7 мая (всего за три дня – 47 птиц, в том числе – 11 пар). Однажды мы видели группу из 15 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). Также один раз встретили трёх джеков (*Chlamydotis undulata*) – двух самцов и самку. Больше редкие виды птиц нам не попадались, и мы ещё раз убедились, как трудно будет работать с этой категорией птиц.

Защита первого Закона об охране животного мира (Москва, Кремль, 1981)

В апреле 1981 года меня пригласили в юридический отдел Верховного Совета КазССР и сообщили, что в составе группы разработчиков проекта Закона КазССР об охране и использовании животного мира я командирован в Москву для представления нашего проекта в Верховном Совете СССР. Одновременно Казахстан представлял там два законопроекта: кроме нашего был еще Закон об охране атмосферного воздуха. Председателем делегации был сам начальник юридического отдела Карим Акаевич Акаев, а членами – профессор-юрист Сагиндык Байсалович Байсалов (уже известный мне по встречам в Центральном

Совете Казахского общества охраны природы), заместитель председателя Комитета по гидрометеорологии Майдан Искендерович Жаркенов (через 10 лет он стал замминистра экологии) и я. Впервые летел я в такой представительной делегации, к тому же – первым классом (сейчас это называют бизнес-класс). Соседом у меня оказался знаменитый казахский певец Ермек Серкебаев. Но ещё больше удивился я, когда в московском аэропорту прямо у трапа самолёта нас встретила чёрная «Волга» и мы выехали в город, минуя всякие коридоры и досмотры. Подобное я видел только в кино.

Разместили нас в гостинице «Москва» (которую недавно снесли!), и окна нашего с Майданом номера выходили как раз напротив входа в Госплан (ныне Государственная Дума России). Помню изумление моего соседа, впервые в своей жизни увидевшего биде! Работали мы в основном в здании юридического отдела Верховного Совета СССР близ Манежной площади, но однажды нас привезли на приём в Кремль, и я никак не мог понять, почему охранник в Спасских воротах Кремля целых полчаса (как мне показалось) держит перед собой мой документ и поочередно переводит глаза с него на моё лицо. Видя моё нетерпение, Карим Акаевич тихо сказал мне, что они *всегда* так делают. После этого приёма нас водили в Оружейную палату, в которую в обычное время не попадёшь. А в другой раз в виде культурной программы мы посетили выставку сокровищ Тутанхамона, которая как раз демонстрировалась в Музее имени А.С. Пушкина.

Работа наша заключалась в тщательном чтении (я бы сказал «прожёвывании») всех статей нашего законопроекта на специальной комиссии, возглавляемой ведущим в СССР специалистом по природоохранному законодательству профессором Олегом Степановичем Колбасовым. Комиссия состояла из нескольких стареньких профессоров-юристов преимущественно с еврейскими фамилиями (очень дотошных буквоедов!), а от зоологов в неё входили Владимир Евгеньевич Флинт и Юрий Порфирьевич Язан – в то время директор института ВНИИПрирода.

С самого начала ожесточённые споры вызвала фраза в преамбуле нашего проекта о том, что животные Казахстана являются *исключительной* собственностью государства. Приводились веские аргументы против слова «исключительной», в том числе и такие вполне понятные мне, как то, что перелётные птицы, которые гнездятся в тундрах России, а зимуют в Индии или Африке, никак не могут быть собственностью Казахстана, а тем более исключительной. Дальше пошли более «заковыристые» придирки и возражения, при этом распалившиеся старички-профессора сыпали терминами, в которых нам, сирым, никогда не разобраться. В таких случаях Флинт откровенно скучал, Язан делал вид, что просматривает какие-то бумаги, а один раз стал тихонько расспрашивать меня, как там поживают в Казахстане его дочь и зять (Светлана и Борис Анненковы). Словом, в первый день мы «прожевали» едва ли пятую часть нашего проекта, а ведь был ещё и по воздуху! И тут я вспомнил слова отца, сказавшего мне ещё в далёком 1954 году, перед моим поступлением в институт: «Будь кем угодно – только не юристом»… Спасибо, отец!..

После такой поездки я с особым удовольствием отправился на рекогносцировку в пустыню Бетпак-Дала, а вернувшись оттуда в мае, вместе с Толей Левиным посетил наши любимые горы. Поднявшись на перевал Озёрный, мы спустились оттуда в долину Чон-Кемина, где Толя пытался рыбачить, а я – искать серпоклювов. Ни то, ни другое не дало результатов (галечник здесь был узковат), но удовольствие мы получили большое, сразу по-новому взглянув на красоту наших гор после абсолютно ровной пустыни.

Первая поездка в Капчагайское ГОЗХ (А.Ф. Тарасов, В.М. Зверев)

В третьей декаде мая Володя Зверев, с которым мы были знакомы уже больше 10 лет, на заседании в Казглавохоте представил мне директора Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства Александра Филипповича Тарасова, и тот сразу пригласил к себе, в хозяйство. Я уже не раз слышал об этом хозяйстве, которое принадлежало ХОЗУ Совмина КазССР, да и о самом Тарасове ходили слухи как о человеке, который сумел поставить там охрану по-настоящему. Кроме того, именно на территории его хозяйства мы собирались передерживать и выпускать куланов, отловленных на острове Барсакельмес.

Выехали втроём рано утром 28 мая на служебной «Ниве» Тарасова. Только выехали за город, Тарасов по рации вызвал егеря кордона Тайгак и велел ему ставить коктал[33] и готовить чай. Однако из-за раннего выезда мы не смогли вовремя купить «горючего» и видно было, что обоих моих спутников это удручает. Но оптимист Тарасов сказал, что купим по дороге, в Капчагае. Однако когда он, лихо осадив свою машину, бодро зашёл в магазин, то оттуда вышел растерянным: забыл, что теперь водку продают только с 10 часов, а сейчас ещё и 9 нет!.. На что Володя, называвший его Сашкой, заметил: «Ты бы ещё ордена надел – кто же в такой форме за водкой ходит? Теперь посиди в машине, а мы с Анатолием сходим». Сконфуженный Тарасов осмотрел свою почти полковничью униформу со всякими регалиями и эмблемами и закурил, а мы с Володей, одетым в старенький замызганный ватник, зашли в магазин. И здесь я имел удовольствие наблюдать, как он, небритый, поманил продавщицу и, подавая в зажатом кулаке деньги, глухим осипшим голосом сказал ей короткую фразу: «Сделай доброе дело?». Она понимающе кивнула, молча взяла деньги и вышла в подсобку, а оттуда вынесла завёрнутую в газетку бутылку. Это было неподражаемо – как в кино… Зная Володю уже не первый год, я никак не ожидал от него такого артистизма.

Кордон Тайгак произвёл хорошее впечатление своей ухоженностью: цветники у входа, газон, всё полито и обрезано, двор чисто выметен, между домом и банькой – летняя печка (также чисто побеленная) и около неё – небольшой стол и вкопанные в землю лавки. Во всем чувствовалась твёрдая рука хозяина и дисциплина подчинённых. Коктал, приготовленный из крупного свежего сазана, оказался удивительно вкусным блюдом – нигде больше ничего подобного мне отведать не приходилось, не зря этого егеря как умельца всю дорогу хвалили и Володя, и Тарасов. Здесь же, за столом, Тарасов обсудил всю полученную от

[33] Рыба горячего копчения особого, местного приготовления. – *Прим. авт.*

егеря информацию о последних событиях, дал необходимые указания и мы поехали на следующий кордон – Чулак. Здесь царил такой же порядок, и Тарасов всё время переспрашивал меня: «Ну, где ты видел такое кордоны в заповедниках?». Пришлось признаться, что нигде – там везде попахивало бедностью и запустением.

Конечно, не малое значение имела и прямая подчинённость хозяйственному управлению Совета Министров, где Тарасов проработал не один год и знал почти всех. Однако главная причина заключалась в личности Тарасова, его характере и способностям. Я немало удивился, когда узнал, что он закончил мореходное училище и никакого высшего образования не имеет. Любовь к природе и убежденность в том, что её надо беречь для потомков, в сочетании с волевым характером давали свои, прямо скажем, прекрасные результаты. Володя попросил: «Саша, ты расскажи ему про танки и вертолёты». И Александр Филиппыч, ведя машину по гаммаде, поведал мне обе истории.

Однажды при подготовке к очередным учениям войск Туркестанского военного округа была запланирована масштабная танковая атака на большим пространстве правобережья реки Или в её среднем течении. Танки должны были пройти широким фронтом от гор Большие и Малые Калканы на запад около 100 км – почти до первого в этом районе населённого пункта Чингильды, т.е. через всю равнинную часть Капчагайского охотхозяйства, где концентрировалось всё поголовье джейрана (*Gazella subgutturosa*). Но им удалось пройти только первые 10 км, так как А.Ф. Тарасов добился приёма у командующего военным округом и убедил его изменить маршрут атаки, чтобы сохранить эти необжитые и с виду никому не нужные пространства гаммады. Следы этой «захлебнувшейся» в самом начале атаки он впоследствии показывал мне в районе Мынбулака, у восточных границ хозяйства. Это были оставленные танковыми гусеницами глубокие параллельно идущие рвы среди редкого покрова тасбиюргуна и саксаульчика (*Nanophyton erinaceum, Arthrophytum* sp.); каждый такой ров служил источником эрозии почвенного покрова, и без того скудного в этой каменистой пустыне…

Не менее поучительна также история с вертолётами. Никем не контролируемые военные вертолёты летали как над равнинной, так и над горной частью хозяйства. И вот до Тарасова дошли слухи, что в горах летчики охотятся на архаров и горных козлов. Однако поймать их за этим занятием егерь на лошади не в состоянии. Тарасов дал своим егерям строжайшее задание: записать номер вертолёта, место его приземления и точное время его пребывания на посадке. Получив эти данные, он по свежим следам отправился на приём к командующему военным округом генералу Лященко, который славился своим крутым нравом. Как говорил мне сам Филиппыч, вызванные к генералу лётчики зашли к нему капитанами, а вышли рядовыми! И с тех пор вертолёты облетали эти горы стороной.

Третий кордон, который мы посетили в этот день, был знаменитый Кызылаус («красный рот»). Находился он, в отличие от предыдущих, не открыто в предгорьях, а в глубине узкого живописного ущелья, при въезде бросались в глаза выложенные на склоне побелёнными камнями слова: «Браконьер – вор!». Про-

сто и доступно каждому. По бокам дороги, уже в ущелье, то и дело попадались небольшие навесы над зимними кормушками для кекликов. Как раз в этом ущелье проводили основные исследования по биологии кекликов М.А. Кузьмина и Ю.Н. Грачёв, в один голос утверждавшие, что зима здесь бывает многоснежной и является «узким местом» в биологии этой птицы.

Небольшой домик егеря стоял прямо на берегу горной речки, над которой, в тени старой развесистой ивы был сооружён дощатый помост как место трапезы для гостей. А чуть выше, метрах в тридцати, стоял, как сказочный терем, бревенчатый дом с высоким крыльцом и обширной верандой. Внутреннее его убранство поражало не меньше: камин с изразцами, на стенах гостиной – рога и головы охотничьих животных, посередине – стол и старинная мягкая мебель. Довольный произведенным впечатлением, Тарасов сказал мне: «А знаешь, я ведь этот дом из города привёз!». Оказывается, как-то почти чудом он высмотрел этот дом, на одной из улиц города, уже предназначенный под снос. Пользуясь связями в Управделами Совмина, он добился, чтобы его переписали на баланс хозяйства, нашёл умельцев, которые разобрали его по брёвнышку, перевезли в ущелье и собрали так же точно на месте, которое он приготовил под этот дом. Получился вполне приличный гостевой домик в правительственном охотхозяйстве, в котором он уже не раз принимал не только высоких правительственных чиновников, но и иностранцев. От последних он заразился идеей создать при этом домике таксидермический цех по производству сувенирной продукции – прежде всего чучел и охотничьих трофеев, о чём с жаром тут же мне и поведал. А я слушал и удивлялся: сколько же идей и энергии у этого человека!.. Ночевали мы в этом гостевом доме – в маленьких комнатах с железными кроватями.

На следующий день мы посетили четвертый, так называемый береговой кордон, на котором строился загон для куланов (*Equus hemionus onager*), которых предполагалось следующей весной завезти сюда из острова Барсакельмес, где их расплодилось больше, чем могло прокормиться, к тому же солёность воды в обмелевшем Аральском море уже приближалась к предельно допустимой для животных. Загон мне понравился, сделан он был достаточно грамотно, вплоть до создания защитной дощатой стенки, за которой самки с детёнышами могли бы спрятаться от преобладающих холодных ветров.

Отсюда мы съездили в ущелье Талдысай, на скалах которого, как и обещал нам Тарасов, увидели хищных птиц, в том числе балобана (*Falco cherrug*), белоголового сипа (*Gyps fulvus*) и чёрного грифа (*Aegypius monachus*). Не удалось увидеть только чёрного аиста (*Ciconia nigra*), который, как утверждал Тарасов, тоже встречается здесь.

Во время этой поездки мне запомнились два момента. При въезде в ущелье Тарасов остановил свою «Ниву» и вышел проверить, где тут, как он выразился, «заминировано». Оказывается, против браконьеров на машинах он давно уже практиковал такой приём: на дороге у въезда в ущелье (в самом узком месте, которое никак нельзя было объехать), он выкладывал так называемые «шипы» – согнутые в двух противоположных плоскостях заострённые гвозди, которые всегда переворачивались острием кверху и навстречу движению. Это давало го-

раздо больший эффект, чем гвозди, вбитые в доску, и к тому же выглядело, как случайно обронённый гвоздь (ведь это был *нелегальный* метод борьбы с браконьерством, о чём он меня сразу же предупредил, попросив не распространяться). И тут же он пожаловался мне, что недавно сам напоролся на свой же «шип», забыв, что расположил его справа, а не слева от куста, как делал обычно.

Второй момент – более курьёзного характера. На берегу речки в ущелье, куда мы прошли с Тарасовым вдвоём (Володя остался около машины), на крупном камне лежал великолепный экземпляр щитомордника (*Agkistrodon halys*). Больше по старой привычке, чем по надобности, я поймал его и стал рассматривать, а Тарасов уже стоял рядом с большим камнем в руке! Он был явно недоволен, что я взял змею в руки. А когда увидел, что я после осмотра зашвырнул щитомордника в кустарник (я сделал это специально, видя, что хочет с ним сделать мой спутник), Филиппыч не на шутку осерчал: «Зачем ты его отпустил? Я понимаю, что природу надо охранять, и всегда это делаю. *Но змею надо всё-таки убивать*». И с сожалением выбросил камень.

После Талдысая Тарасов повёз нас дальше на восток, на так называемую «каменную ограду». Это удивительное место: на плавно понижающейся к морю щебнистой равнине, поросшей тасбиюргуном, почти в одну линию от гор к воде располагались поставленные «на попа» огромные камни высотой с человеческий рост, причём по сторонам у каждого такого камня было по два камня поменьше. Получалось нечто наподобие бойницы, и так через каждые 30-40 м. Начиналась эта «ограда» с полкилометра от подошвы гор, именно на равнине, и до воды (бывшей реки Или) не доходила несколько километров. Показывая нам этот оригинальный памятник, Тарасов сделал предположение, что это могло быть что-то вроде пограничной заставы, например, против джунгар. Но когда я вернулся в город, профессор Павел Иустинович Мариковский объяснил мне, что это чисто охотничьи сооружения – для охоты на копытных (видимо, тех же джейранов) путём нагона их на стрелков, которые прячутся за этой оградой. И это наиболее вероятная версия. Поражало лишь то, как и чем можно было такие огромные, тяжёлые камни перевозить сюда с гор…

Дальше на восток мы не поехали – вышло наше время, надо было возвращаться в город. Лишь с самого возвышенного места «каменной ограды» Филиппыч показал пять крупных курганов, назвав это место «Бес-шатыр», а за ними было урочище Мынбулак (тысяча родников), на которое возлагались большие надежды по части закрепления там в будущем выпущенных куланов (как оно потом и произошло). Уже осенью этого года я смог познакомиться с этим урочищем, как и со знаменитым Поющим барханом, где потом бывал неоднократно. Но знакомству с этим удивительным местом правобережья реки Или, которое тогда именовалось «Капчагайское ГОЗХ», а сейчас называют Национальный парк «Алтынэмель», положила начало эта двухдневная поездка 28-29 мая 1981 г.

Кстати, джейранов мы и в те дни насмотрелись вволю – по крайней мере, несколько сотен голов встретили. Причём удалось в двух местах найти и так называемых «чебышат» – новорожденных, которые затаиваются в малейшей каменистой ложбинке, края которой поросли редким тасбиюргуном. Увидеть такого

малыша практически невозможно, пока он не выскочит прямо из-под ног – как заяц. И только потом замечаешь мать, которая всё это время одиночно маячила в 200-300 м, а то и дальше от этого места.

Знакомство с Молдавией (VIII Всесоюзная орнитологическая конференция)

Памятным событием года стала VIII Всесоюзная орнитологическая конференция, проходившая в городе Кишинёве 19-21 августа 1981 г. Гостеприимная столица Молдавии в эти дни конца лета была переполнена дарами земли, а сады и виноградники запомнились участникам конференции надолго. Так же, как и при воспоминаниях о других подобных научных форумах, я не буду перечислять основные направления конференции, наиболее запомнившиеся доклады, о них можно прочитать в опубликованных тезисах конференции. Гораздо больший интерес представляют встречи и знакомства в кулуарах.

Так уж получилось, что именно здесь я более близко познакомился с некоторыми орнитологами, с которыми уже встречался на конференциях. Например, Лев Осипович Белопольский (1907-1990) – профессор, лауреат международной премии им. Гёте, присуждённой в Швейцарии за активную деятельность в области изучения и охраны природы»; крупный специалист по морским птицам; основатель и первый директор Биостанции ЗИН АН СССР в Рыбачьем на Куршской косе Балтийского моря, которая впоследствии служила образцом для создания нашей Чокпакской. Будучи размещён также в гостинице «Кодры», он вместе с Виктором Дольником (своим преемником на посту директора биостанции) пришёл вечером в номер к нам с Э.И. Гавриловым и провёл у нас добрую половину ночи. Эдик с Виктором, которым надо было поговорить о своих делах по отлову и кольцеванию птиц, после первых рюмок умудрились тихо исчезнуть, и поить гостя и вести с ним светскую беседу пришлось мне. Лев Осипович много рассказывал о своей работе в Атлантике, об истории

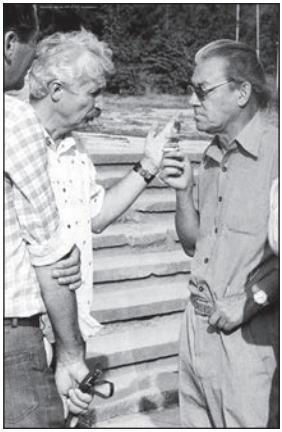
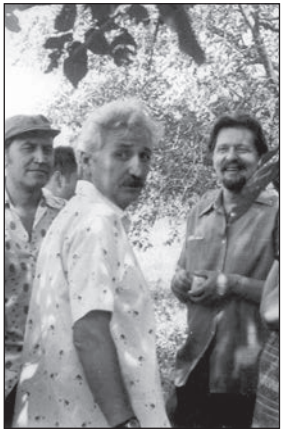



Рис.60-62. На конференции в Кишинёве, 1981 г.: с Л.О.Белопольским, А.П.Крапивным, Н.Н.Дроздовым и В.М.Галущиным

создания Биостанции ЗИН, а выяснив, что я ученик Долгушина, тут же стал вспоминать, как они были в докторантуре в Ленинграде в 50-х гг. Избыток спиртного вскоре дал себя знать, воспоминания чередовались с дремотой, и мне стоило немалых усилий, не нарушая этикета, проводить профессора в его номер. Но после этого вечера я стал переписываться со Львом Осиповичем, а потом получил от него воспоминания для книги, которую я готовил к столетию И.А. Долгушина.

В Кишиневе я более близко познакомился с Сергеем Николаевичем Варшавским, о котором дальше расскажу более подробно, с Алексеем Павловичем Крапивным (который «прославился» тем, что его лично критиковал сам Хрущёв за то, что занимается таким *несерьёзным делом*, как изучение биологии белого аиста), а также с Н.Н. Дроздовым, с которым мы были со-конвинерами одного из симпозиумов конференции. Конечно, Колю я знал давно, ещё с аспирантских времён, когда они на всех конференциях появлялись вместе с П.П. Второвым. Он мне пару раз писал по поручению В.Ф. Ларионова и он же сообщил мне по телефону из Москвы, что мы со-конвинеры и нам надо предварительно обсудить некоторые организационные вопросы. С этим звонком произошёл казус: он раздался около полуночи (вполне естественно для звонка из Москвы), и взявшая трубку жена вдруг строгим голосом спросила: «А Вы почему звоните так поздно?», а уж потом передала трубку мне. И Коля как настоящий джентльмен попросил меня передать супруге свои извинения. Долго потом при каждом появлении на экране телевизора ведущего Н.Н. Дроздова я шутя упрекал жену «Ну как ты могла обругать такого человека?». Вспоминали мы об этом и в Кишинёве, и даже десять лет спустя, когда Коля оказался у меня в гостях вместе с Джоном Спарксом, режиссером фильма БиБиСи о природе Советского Союза – «В гостях у русского медведя». И сейчас, видя иногда на телеэкране поющего Н.Н. Дроздова, я вспоминаю, как он тогда испугался, когда я в шутку (ещё не зная об этом его таланте!) дал ему гитару и попросил *спеть* свой тост…

Ближе познакомился я также с Валерией Антоновной Мельничук из Киева, которая так запомнилась участникам Мензбировских чтений в Ленинграде осенью 1979 г. Будучи специалистом по водоплавающим птицам днепровских водохранилищ (доклад её на конференции, также в соавторстве с А.Б. Кистяковским, назывался «Основные тенденции формирования орнитофауны при создании водохранилищ»), она хорошо знала моего однокурсника Павлика Реву и рассказала мне кое-что о его жизни и работе. Впервые здесь я увидел Людмилу Владимировну Кулешову – жену Жени Матюшкина – которая сделала на конференции доклад на интересную тему: «Вторичные сообщества и орнитогеография лесной зоны Евразии». Она передала мне привет от супруга и подтвердила, что он действительно собирается приехать ещё раз в Тянь-Шань и посетить Аксу-Джабаглы. Впервые здесь увидел я и сына Андрея Куниченко, о котором много слышал от Игоря Кривицкого, что он – копия отца, даже имя то же. Андрей работал здесь, в лаборатории орнитологии молдавского Института зоологии, и тут же, в своём кабинетике, больше смахивающем

на таксидермическую мастерскую, устроил нашему землячеству небольшой «приём». Отец его так и работал в одной из школ города Сватово Ворошиловградской области, откуда он был родом (теперь это Луганская область суверенной Украины).

Говоря о Кишинёве, трудно избежать упоминания о знаменитых молдавских винах. В первый же вечер Толя Сема, бывавший в этом городе не раз, повёл всех нас в один из винных подвальчиков в центре города. Полутёмное подземелье, тускло освещённое свечами, стоящие здесь же крупные винные бочки (видимо, всё же, для антуражу) и тихая молдавская музыка создавали какой-то неповторимый «настрой», от чего и без того вкусное вино казалось ещё вкуснее. Всё это, вместе взятое, располагало к неспешной и доверительной беседе. Запомнилась одна из вечерних прогулок по городу и знакомство с историческими памятниками, когда мы поздним вечером небольшой группой провожали в другую гостиницу Татьяну Борисовну Ардамацкую и Хария Арнольдовича Михельсона, которого, к великому сожалению, мы видели здесь последний раз – очень скоро его не стало.

В автобусе, который вёз нас на экскурсию в Молдавские Кодры, Майя Михайловна Остапенко (та самая, которой я в 1966 г. отправлял в Ташкент документы на конкурс) познакомила меня с Валентиной Исмаиловной Тороповой из команды А.И. Янушевича, уже вчерне закончившей диссертацию о миграциях птиц в Северной Киргизии, а на конференцию представившую доклад «Охрана хищных птиц на зимовках в Киргизии». Тогда я и предположить не мог, что через несколько лет эта строгая и немногословная брюнетка с умными глазами станет одним из самых близких моих друзей на ближайшие десятилетия, что нам предстоит вместе совершить девять немецко-киргизских экспедиций в Тянь-Шань и Тарбагатай, а также ряд других, в том числе и зарубежных поездок.

Сама экскурсия началась с посещения Дома-музея А.С. Пушкина, в котором он жил в кишинёвский период своего творчества. Затем через утопающую в виноградниках Молдавию проехали в заповедник «Кодры». Буковый лес в этом заповеднике напомнил мне моё раннее детство, когда я впервые из Проскурова попал в такой же лес, только весь изрытый окопами и воронками от бомб и снарядов. Судя по всему, лесам заповедника тоже немало досталось от войны, однако за прошедшие 35 лет эти раны уже затянулись…

Из Кишинева я поехал в Полтаву, куда вскоре прибыли из Грузии совершающие своё свадебное путешествие дочь Виктория с зятем Романом. Здесь мы провели остаток отпуска в родной Решетиловке и Полтаве, где тогда ещё было много родни, с которой надо было познакомить молодых. И в сентябре даже на один день съездили в Киев – к двоюродному брату Толе Григоренко.

Поющий бархан и первый аэровизуальный учёт джейрана (1981)

Вскоре после возвращения из Молдавии и Украины, с 13 по 19 октября 1981 г. мы с герпетологами З.К. Брушко и Р.А. Кубыкиным, а также териологами Е.И. Страутманом и Д.А. Бланком предприняли поездку в Капчагайское ГОЗХ

по маршруту: Чингильды – Кзылаус – корд. Приозерный – Талдысай – Бесшатыр – Мынбулак – биостанция КазГУ – Поющий бархан – Майка – Волковская партия – пески Жапалаккум – горы Катутау и Актау. Поездка захватила восточную часть охотхозяйства, заповедный участок Поющий бархан (филиал Алматинского заповедника, который А.Ф. Тарасов сумел присоединить к своему хозяйству, превратив его в «заповедно-охотничье»), а также расположенные восточнее зарастающие пески Жапалаккум и подножья ксерофитных горок Актау и Катутау, поразивших мое воображение красивыми пестроцветными глинами. Сейчас все эти места входят в состав Алтын-Эмельского национального парка, созданного на месте Капчагайского ГОЗХ и земель Басчинского конесовхоза (Актау и Катутау присоединили к национальному парку немного позднее). К сожалению, джейрана на этих «восточных» землях мы так и не увидели, как и дрофу-красотку, которую специально высматривали.

Очень понравилось мне урочище Мынбулак, где действительно было множество небольших родников и возле каждого из них произрастали небольшие туранговые рощи и кустарниковые заросли, в том числе барбарис илийский (*Berberis ilensis*), занесённый в Красную книгу Казахстана. В отличие от обычного в Тянь-Шане *Berberis oblonga* ягоды его не продолговатые, а почти круглые; цвет их не тёмный, а светло-красный, и даже на вкус они были далеко не такие кислые, как ягоды горного барбариса. Безусловно, это была хорошая кормовая база для зимующих и мигрирующих птиц. А само место смотрелось как идеальное укрытие и надежный водопой для копытных, в частности – тех куланов, которых мы намеревались здесь выпустить в будущем году.

Запомнился и знаменитый Поющий бархан, который я видел впервые. Стояла ясная солнечная погода, и мы поднимались на этот бархан босиком по горячему песку (было 18 октября!). Мимо нас стремительно проносились быстрые (*Eremias velox*), линейчатые (*E. lineolata*) и средние (*E. intermedia*) ящурки, иногда удавалось увидеть крупную ушастую круглоголовку (*Phrynocephalus mystaceus*). Птиц на бархане не было. На самом гребне бархана удалось, наконец, услышать его «пение», напоминающее скорее рёв ракетного двигателя взлетающего самолёта, только заметно приглушенный. Раздавался он тогда, когда песчинки струёй скатывались с крутого склона бархана.

Завершился год проведением 8 декабря аэровизуального учёта джейрана на территории Капчагайского ГОЗХ (участники Д.А. Бланк, А.Ф. Ковшарь и А.Ф. Тарасов). Всего видели несколько сотен голов, что вполне соответствовало данным наземного учёта, проведенным Ю.А. Грачёвым, который 15 марта 1977 г. на автомобильном маршруте 30 км насчитал 189 джейранов. Судя по этим данным, в хозяйстве обитало порядка 2-3 тысяч джейранов. Один раз на развороте наш МИ-8 пролетел над верхушками Больших Калкан, и там мы успели увидеть четырёх архаров; при другом развороте над горами Чулак мы наблюдали стадо козлов. К концу года увидела свет книга «Особенности размножения птиц в субвысокогорье» (1981).

Сергей Николаевич Варшавский (1909-1995)

В 2009 г., к столетию со дня рождения известного казахстанского и российского зоолога и крупного специалиста в области профилактики чумы, доктора биологических наук Сергея Николаевича Варшавского мы с его сыном Б.С. Варшавским опубликовали о нём небольшой биографический очерк, в который вошли и некоторые мои воспоминания (Варшавский, Ковшарь, 2009). Именно в Кишинёве я имел возможность более близко познакомиться и пообщаться с этим интересным человеком, хотя впервые увидел его в кабинете И.А. Долгушина ещё в 1961 г., а затем встречал на конференциях во Львове (1962) и Алма-Ате (1965). Привожу наш юбилейный очерк с небольшими сокращениями[34].

«Сергей Николаевич родился 29 сентября 1909 г. в г. Витебске (Белоруссия) в семье военнослужащего, в прошлом – подполковника старой русской армии, а впоследствии начальника штаба бригады Красной Армии. Ещё будучи школьником младших классов, он начал вести наблюдения по фенологии и орнитологии, записи о которых имеются в сохранившихся фрагментах его дневников. Среднюю школу закончил в Витебске.

Началом работы в области биологии следует считать 1931 год, когда он поступил в Северо-Кавказский Институт Защиты растений сезонным наблюдателем по службе учета, где, освоив должности препаратора и лаборанта, в 1934 г. был зачислен научным сотрудником зоологического отдела. В 1935-1937 гг. командирован в г. Ленинград, где окончил ИЗИФ (Институт зоологии и фитопатологии) по профилю – защита растений от вредителей. В противочумную систему Сергей Николаевич перешёл в конце 1940 г. на должность старшего зоолога Зимовниковской противочумной станции и с тех пор всю жизнь работал в этой системе. В 1932-1941 гг. появляются его первые научные публикации, посвященные наблюдениям над птицами, мышевидными грызунами, малым сусликом: его экологией и методам борьбы с ним.

В 1941 г. он был призван в Красную Армию, а в 1942 г., в соответствии с приказом ГКО, возвращен в противочумную организацию. Однако, оказавшись на временно оккупированной территории, в 1943 г. он был насильственно вывезен в Германию для работы чернорабочим на фабрике фирмы «Asid». Об этом периоде его жизни и встрече на чужбине с Н.Т. Тимофеевым-Ресовским поведал на страницах художественной книги «Зубр» писатель Даниил Гранин. В апреле 1945 г. *С.Н.* направлен на работу в Отдел здравоохранения СВАГ (Советская военная администрация в Германии) в качестве научного сотрудника Института генетики и биофизики; по спецзаданиям Санитарного управления фронта занимался изучением динамики численности мышевидных грызунов. Одновременно он изучал новую технику биологического направления, участвовал в демонтаже и отправке в СССР ряда немецких медицинских предприятий.

В 1946 г. *С.Н.* направлен старшим зоологом на только что отрывшуюся Араломорскую противочумную станцию. Ему предстояло организовать всю зоологическую работу «с нуля». Но, прекрасно её зная, пройдя путь от простого наблюдателя по службе учёта до научного сотрудника, обладая незаурядными организаторскими способностями, отличной научной подготовкой, опытом практической работы, большим числом научных идей, упорством, огромным трудолюбием и самоотдачей, с этой очень трудной (особенно в послевоенное время) задачей Сергей Николаевич справился блестяще.

В короткое время им был сплочён коллектив одарённых исследователей, фамилии которых вскоре стали известны в противочумной системе (Марин, Шиловы, Ротшильды, Смирин, Крылова и др.). Кроме проведения обычного эпизоотологического обсле-

[34] Кстати, в том же номере ежегодника «Selevinia» напечатаны и очень интересные воспоминания о нём О.В. Митропольского (2009).

дования, коллектив возглавляемой им зоологической лаборатории занялся разнообразными научными исследованиями экологии птиц и млекопитающих. Результаты исследований обрабатывались, публиковались и тут же предлагались для практического применения. В дальнейшем на их основе будут написаны инструкции, методические указания и рекомендации по учёту численности носителей чумы, картографированию их поселений, методам борьбы с ними и т.д. В 1947 г. Сергей Николаевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экологические особенности малого суслика, важные в противоэпидемической борьбе с ним». В 1955 г. он читает лекции по экологии сусликов на курсах зоологов при Среднеазиатском ПЧИ. С 1956 по 1960 г. *С.Н.* являлся заместителем начальника станции по научной работе. В эти годы при его участии, с привлечением араломорских ихтиологов, было организовано Аральское отделение МОИП, на заседаниях которого заслушивались доклады по териологии, эпизоотологии, орнитологии и ихтиологии.

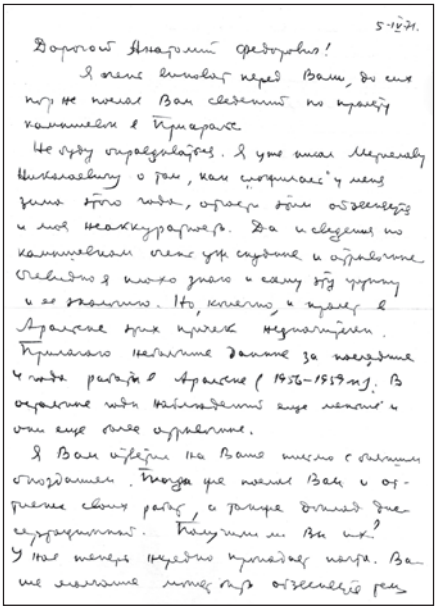


Рис. 63. Письмо С.Н. Варшавского, 1971.

В 1960 г. Сергей Николаевич был переведён в головной противочумный институт «Микроб» (г. Саратов) на должность старшего научного сотрудника лаборатории зоологии. Здесь он проработал 28 лет. Здесь же в 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Ландшафты и фаунистические комплексы наземных позвоночных Северного Приаралья в связи с их значением в природной очаговости чумы». В 70-е гг. в соавторстве с В.П. Козакевичем, А.А. Лавровским, Н.В. Некипеловым выходит ряд статей, посвященных вопросам географии природных очагов чумы в мировом масштабе.

К выходу на пенсию (1988 г.) Сергей Николаевич опубликовал более 260 научных работ, однако сбор и обработку материалов он продолжал и после выхода на пенсию, часто участвуя в экспедициях в Саратовской области и Казахстане и ведя практические занятия-экскурсии со студентами биофака Саратовского университета. В последние годы жизни на основе 30-летних наблюдений Сергей Николаевич написал книгу «Птицы Саратовской области», но этот объемистый труд пока не нашел своего издателя.

Более 40 лет жизни посвятил Сергей Николаевич изучению животного мира Казахстана. Круг его интересов был очень широк. Он был лучшим знатоком хищных птиц, населяющих степные и пустынные просторы Приаралья и Прикаспия, немало работ опубликовал по врановым и водоплавающим этого региона. Результаты его наблюдений широко использованы во всех без исключения томах сводки «Птицы Казахстана».

Трудно перечислить всё, что сделал Сергей Николаевич за свою долгую и творчески насыщенную жизнь, многие события которой ещё при его жизни стали легендарными – например, знакомство и сотрудничество со знаменитым Тимофеевым-Ресовским. И при всём том он оставался очень скромным, обаятельным и весёлым человеком, с которым легко было общаться, даже несмотря на значительную разницу в возрасте. Он был очень

аккуратен в переписке, и письма его, написанные красивым каллиграфическим почерком, всегда были наполнены зарядом бодрости и оптимизма...» (Варшавский, Ковшарь, 2009). Привожу одно из писем Сергея Николаевича (рис. 63).

Владимир Евгеньевич Флинт (1924-2004)

Воспоминания об этом неординарном человеке, с которым меня связывали 40 лет знакомства, постепенно переросшего в дружбу, я хочу начать с написанного мной некролога, которым открывался сборник Трудов международной конференции «Журавли на рубеже тысячелетий», проходившей на Украине, в заповеднике Аскания-Нова.

«Зоологическая наука понесла тяжелую утрату: 23 марта 2004 г., всего через 9 дней после своего 80-летия, ушел из жизни выдающийся советский орнитолог, видный теоретик и практик сохранения биологического разнообразия птиц и млекопитающих, много лет заведовавший лабораторией Всероссийского Института охраны природы и заповедного дела (Москва), доктор биологических наук, профессор, академик Российской Академии Естественных Наук, создатель и многолетний президент Союза охраны птиц России (СОПР) – Владимир Евгеньевич Флинт.

Коренной москвич, воспитанный в семье профессора кристаллографии, Владимир Евгеньевич с детства увлекался птицами, содержал их дома, и ссылки на его детские и юношеские наблюдения над домашними пернатыми питомцами, начинающиеся со слов «у нашего друга Флинта», нередко встречаются на страницах популярных книг Л.Б. Беме «Певчие птицы» и «Птицы у нас дома», изданных еще в далеких 50-х гг. К сожалению, от детского увлечения до профессионального занятия любимым делом прошли долгие и нелегкие годы. Начав взрослую жизнь с винтовкой в руках на фронтах Великой Отечественной войны, Владимир Евгеньевич только в 1948 г., в возрасте 24 лет, стал студентом биологического факультета МГУ. Несомненная одаренность, помноженная на трудолюбие, знание литературы, а также замечательная «окружающая среда» на биологическом факультете Московского университета того времени позволили *В.Е* быстро найти свое место в советской орнитологии. Хотя, казалось бы, он от нее ушел: закончив в 1953 г. с отличием МГУ, *В.Е*. уходит в аспирантуру в Институт эпидемиологии и микробиологии им. Гамалеи, защищает кандидатскую диссертацию на тему «О зоологических основах эпидразведки» (1959), а через 13 лет – докторскую диссертацию «Пространственная структура популяций мелких млекопитающих» (1972).

Но уже в 1969 г. Флинт возвращается в орнитологию, перейдя на работу в орнитологический отдел Зоомузея МГУ. Последовали длительные и увлекательные экспедиции в различные места – преимущественно на Север Азиатского континента, где излюбленными объектами изучения *В.Е.* становятся кулики, но не остаются без внимания и любимые сокола и журавли. По каждой из этих групп с инициативы *В.Е.* создаются Рабочие группы орнитологов, в работе которых он не только принимает активнейшее участие, но фактически и возглавляет их. И даже уйдя в 1976 г. в Центральную лабораторию охраны природы МСХ СССР (ЦЛОП), преобразованную впоследствии в Институт (ВНИИ Природа), *В.Е.* не прекращал заниматься птицами, изменив только направление исследований. В области охраны птиц он давно уже, начиная с 70-х гг., являлся лидером не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Он руководитель авторского коллектива орнитологической части Красной книги СССР (1978, 1984), основной идеолог охраны птиц, в частности – разведения и восстановления редких и исчезающих видов. Один из самых ярких примеров – восстановление стерха в России. В этой 25-летней эпопее В.Е. Флинт

был зачинателем, вдохновителем и главным исполнителем, что и описал в прекрасной научно-популярной книге «Операция стерх» (1981). Много сделано Владимиром Евгеньевичем в области сохранения дрофиных птиц (организация рабочей группы по дрофам, создание питомника по разведению дроф в Саратовской области, консультирование дрофиного питомника в Украине) а также хищных птиц, особенно соколов (создание соколиных питомников, выпуск совместно с А.Г. Сорокиным роскошной иллюстрированной книги о соколах).

Свои идеи сохранения биологического разнообразия, и в первую очередь – исчезающих видов, *В.Е.* реализовывал не только на птицах. Посвятив млекопитающим обе свои диссертации, он не оставлял их и в дальнейшем, проявляя особую заботу о копытных и крупных хищниках, нуждающихся в охране и восстановлении численности. Так, много лет он посвятил подготовке репатриации в природу лошади Пржевальского и был сопредседателем Комиссии по этому виду в Академии наук СССР. Созданный им в Узбекистане Бухарский джейраний питомник приютил на своей территории также туркменских куланов, гепардов и нескольких лошадей Пржевальского.

Много сделал *В.Е.* в области природоохранного законодательства бывшего СССР. Он был одним из основных экспертов-зоологов Комиссии Верховного Совета СССР по природоохранному законодательству, рассматривавшей проекты законов союзных республик, в частности первого «Закона об охране и использовании животного мира Казахстана» в мае 1981 г. Его доклад на пленарном заседании последней Всесоюзной орнитологической конференции в Витебске (1991) так и назывался «Законодательная охрана птиц в СССР».

Еще больший вклад внес он в развитие связей советской орнитологии с мировой орнитологической наукой и природоохранным движением. Вслед за Г.П. Дементьевым и своим старшим другом А.Г. Банниковым *В.Е.* стал все чаще представлять нашу науку на международных орнитологических конгрессах, в работе МСОП, положил начало тесному сотрудничеству с Международным Журавлиным Фондом – и все это через личные контакты с такими крупными личностями как сэр Питер Скотт, Бернгард Гржимек, Джеральд Даррелл, Джордж Арчибальд и др. Он активно пропагандировал среди русскоязычных читателей прекрасные научно-популярные книги Гржимека, Даррелла и других писателей-натуралистов, будучи непременным автором интересных и по-своему талантливых предисловий к их русским переводам.

В Казахстане В.Е. Флинт бывал и работал неоднократно, начиная с 1954 г., когда он впервые посетил Северный Казахстан. Впоследствии, заведуя лабораторией Всесоюзного института охраны природы и заповедного дела, *В.Е.* поддерживал тесную связь с Институтом зоологии АН КазССР и его лабораторией охраны диких животных. В июле 1982 г., в первый же год переселения туркменских куланов с острова Барсакельмес в долину реки Или, *В.Е.* вместе с А.Г. Банниковым посетил место первого выпуска этих копытных на северном берегу Капчагайского вдхр. После этой поездки В.Е. начал подготовку нового проекта – по восстановлению в Казахстане и Забайкалье лошади Пржевальского. В 80-х гг. излюбленными местами работы *В.Е.* в Казахстане стали Карачингильское охотхозяйство в устье р. Тургень, где акклиматизирован бухарский олень, и Капчагайское заповедно-охотничье хозяйство (ныне национальный парк Алтынэмель), где реакклиматизирован кулан. Почти ежегодно приезжал он в Алма-Ату и не раз говорил, что Алма-Ата и Ашхабад – лучшие города в Средней Азии. В Туркменистане *В.Е.* неоднократно проводил полевые исследования (один из результатов – первое нахождение в пределах Средней Азии свиристелевого сорокопута); осенью 1982 г. он проводит в Ашхабаде Всесоюзную конференцию по разведению редких и исчезающих видов животных, а после этого ведет тесную совместную работу с питомником по разведению редких видов животных при Туркменском сельскохозяйственном институте. Итоги многолетней природоохранной де-

ятельности Владимира Евгеньевича подведены в одной из его последних книг «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика» (2000).

Владимир Евгеньевич всегда был устремлен в будущее, и даже названия его публичных выступлений свидетельствуют об этом: «Основные направления в изучении колониальных околоводных птиц в СССР» (1975), «Современные аспекты охраны хищных птиц» (1983), «Птицы третьего тысячелетия: предпосылки к долгосрочному планированию» (1986), «Проблема биологического разнообразия и задачи орнитологов» (1991). Докладчиком он был превосходным, его всегда было интересно слушать. Но особенно проявлялся его талант рассказчика в дружеской непринужденной беседе, где ничто не мешало излагать мысли и факты с присущей *В.Е.* чёткой логикой и великолепным чувством юмора. В молодости он был хорошим спортсменом, имел несколько высоких спортивных званий, в частности, по верховой езде, чем очень гордился; был предан своим друзьям (дружбу с Рюриком Львовичем Бёме он пронёс через всю жизнь) и эти же качества ценил в людях; был страстным коллекционером и вообще увлекающейся натурой.

Невозможно в коротком очерке осветить все грани таланта этой неординарной личности, а тем более – по достоинству оценить все свершения ее за достаточно долгую и насыщенную жизнь. Надо полагать, что последнее будет сделано потомками, а нам, близко знавшим Владимира Евгеньевича, остается только поблагодарить судьбу за выпавшую возможность общения с ним и выразить уверенность, что имя этого человека будет жить долго, как и дело, которому он посвятил всю свою жизнь» (Ковшарь, 2005).

*****

Мы познакомились на Львовской конференции в 1962 году. Для меня, новичка в орнитологическом «высшем свете», всё было интересно, а необычная фамилия Флинт уже знакома по литературе (в основном по упомянутым книгам Л.Б. Бёме). Владимир Евгеньевич, наоборот, знал, казалось, всех и одинаково часто общался как с советскими орнитологами, преимущественно старшего поколения, так и с иностранными гостями, которых было немало. Но чаще всего я видел его в обществе болгарского орнитолога Боева – очень заметного своим высоким ростом и полнотой. Узнав, где я работаю, Флинт сразу же заинтересовался некоторыми птицами высокогорья, в частности пёстрым каменным дроздом (*Monticola saxatilis*) и королевским, или красношапочным вьюрком (*Serinus pusillus*). Он без обиняков спросил – могу ли я найти для него кладки этих видов, конечно, по одному экземпляру. Мой осторожный ответ «попробую» удовлетворил его и дальше разговор уже пошёл о том, как я это сделаю. Мой собеседник заинтересовался инструментарием, которым я работаю, а когда я, по простоте душевной, сказал о том, что вместо сверла (которого у меня отродясь не было) пользуюсь остро заточенным гвоздём, у которого сам, по совету И.А. Долгушина, напильником спилил все неровности и заусенцы, Владимир Евгеньевич сказал, что это никуда не годится. И тут же обратился к стоявшему рядом Боеву с просьбой прислать ему парочку свёрл для мелких яиц. Объяснив мне, в чём же состоит преимущество этих свёрл, Владимир Евгеньевич записал мой адрес и обещал выслать мне эти свёрла, как только они придут из Болгарии.

Такого рода обещания и договорённости на конференциях – обычная вещь. Львиная доля их не имеет продолжения, как говорится – уехал и забыл. Однако

к своему удивлению через несколько месяцев я получил от Флинта письмо с обещанными свёрлами – ими был проколот листик самого письма! В те старые добрые времена всё можно было переслать просто в обычном почтовом конверте. Эти копьевидно-каплевидной формы миниатюрные изделия я храню до сих пор, вот уже 50 лет. Конечно, они не просто хранятся, все эти годы я ими работал, выдув за это время не одну сотню яиц, в том числе таких раритетов, как краснокрылый чечевичник и красный вьюрок.

Здесь я хочу привести это первое письмо Владимира Евгеньевича (рис. 64).

«Дорогой Анатолий Федорович!

Посылаю, наконец, давно обещанные свёрла и инструкцию по препаровке яиц. Свёрла берегите, я достаю их из-за границы и с большим трудом. Я с нетерпением буду ждать осенью вестей от Вас – то, что Вы можете собрать, представляет для меня огромный, невыразимый словами интерес. Особенно хотелось бы получить краснокрылого чечевичника, черногрудую красношейку, королевского вьюрка, завирушек, улара. Да, пожалуй, всё, что удалось бы Вам найти, было бы более чем желательно. Имейте в виду, что кладки по-настоящему имеют научную ценность только в сериях, поэтому правило таково: две лучше, чем одна, а три лучше, чем две!

Желаю Вам успехов в предстоящем сезоне! И очень хочется сделать и для Вас что-то хорошее, но Вы ни о чём не просите. С искренним приветом (подпись). 27 марта 1963. P.S. Подтвердите, пожалуйста, получение сверла».

К этому письму прилагалась отпечатанная на машинке инструкция. Этот отпечатанный на нескольких страницах машинописный текст представляет собой интересный документ, который стоит привести.

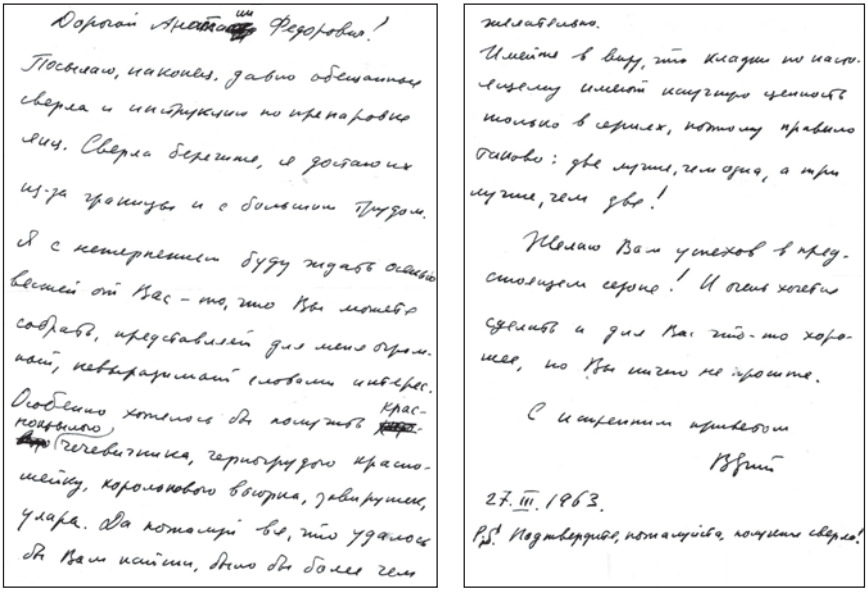
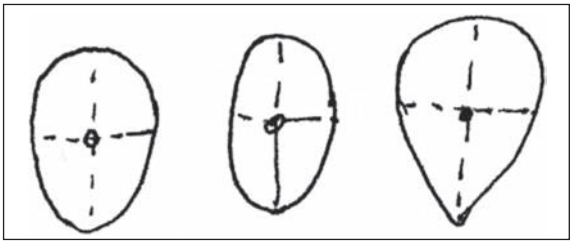


Рис. 64. Первое письмо В.Е. Флинта, 27.03.1963



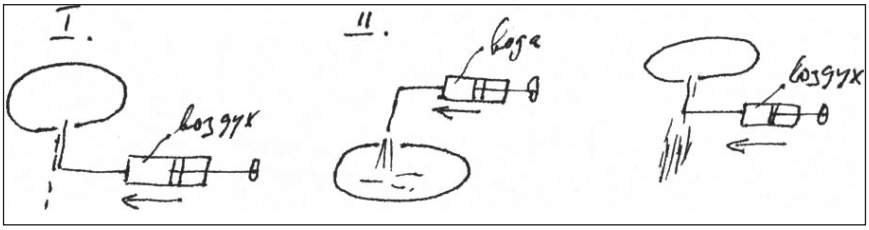


Рис. 65 и 66. К Инструкции по препаровке яиц, В.Е. Флинт, 1963

«ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРЕПАРОВКЕ ЯИЦ

1. Сбор кладок

Для препаровки яиц необходимы следующие инструменты и материалы: I) сверла, 2) шприц, 3) согнутая под прямым углом игла для шприца, 4) весы и разновесы, 5) коробка, 6) вата, 7) газета, 8) бумага для этикеток и 9) карандаши или тушь.

При поиске гнезд перед каждым выходом в поле нужно взять коробочку, вату и газеты. Когда гнездо найдено, все яйца вынимаются по одному и надежно завертываются в вату. Хорошо упакованные яйца укладываются в коробочку. Гнезда воробьиных берутся целиком и завертываются в газету. Чтобы избежать деформации гнезда, в лоток вкладывается плотный тампон из газеты. Ни в коем случае не завертывать гнездо в вату и не давать с ней соприкасаться. Гнезда необходимо сберегать от смятий. У больших гнезд берется подстилка, по возможности побольше или вся. Обязательно брать субстрат, на котором лежат яйца, если нет гнезда (козодои, кайры, дятлы, сизоворонки, щурки и т.д.). Если птица не определена точно, ее необходимо добыть. Во избежание ошибки в определении вида птицы самку желательно добывать у следующих видов: орлы, камышовки, пеночки, кулики (кроме таких, как кулик-сорока, шилоклювка, ходулочник, чибис, кречетка и т.п.), утки, мухоловки, крупные соколы, коньки и другие однообразно окрашенные виды.

При поиске гнезд удобно использовать длинный, тонкий и гибкий прут, которым ощупывают траву, кусты, кочки. Кустарник просматривается против солнца. На открытом месте используется веревка (около 30 м), которую удобно тащить вдвоем по земле. Если работаешь один, то можно вбить кол, накинуть на него петлю веревки и описать круг, волоча веревку по земле. Это дает попутно численность гнёзд на единицу площади (на 0.25 га).

Если в найденном гнезде кладка не закончена, то необходимо гнездо не трогать, а зайти за ним через два-три дня в зависимости от вида птицы. Воробьиные сносят яйцо ежедневно утром, более крупные птицы – раз в два дня или более.

2. Препаровка яиц.

Перед препаровкой яиц желательно их взвесить с точность до 0.1 грамма. Предварительно одно-два яйца из кладки для пробы осторожно погружают в воду. Если яйцо тонет, кладка свежая и отверстие делается маленькое, если всплывает – насижено, отверстие нужно больше.

Отверстие для выдувания яйца делается одно и обязательно сбоку. Расположение отверстия очень существенно, В общем и целом оно должно находиться в геометрическом центре яйца, если на него смотреть сбоку. *У* яиц правильно-эллиптической формы оно делается в середине большой оси. У конических яиц оно более или менее смешается к широкому концу. У обычных средне-конических помещается на самой широкой части яйца.

Величина отверстия не играет решающей роли, но чем оно меньше, тем лучше. В крайних случаях даже значительное, но аккуратное и правильно расположенное отверстие не выбраковывает кладку.

Просверлить яйцо необходимо очень осторожно, почти без нажима, лишь вращением сверла. Иначе в скорлупе могут образоваться трещины, невидимые простым глазом, которые очень ослабляют скорлупу в целом. После просверливания каждого отверстия, сверло нужно тщательно вытереть, иначе нарезка скоро забьется известью и заржавеет.

Выдувание яйца производится следующим образом:

Фаза I. Вдувание воздуха в яйцо (выдувание: содержимого).

Фаза 2. Наливание воды в яйцо (промывка).

Фаза 3. Вдувание воздуха (выдувание воды).

Фаза I. Производится особенно осторожно, чуть заметным нажатием и ослаблением большим пальцем на поршень шприца, особенно если не ясно в какой степени яйцо насижено. Необходимо периодически вынимать иглу из яйца и встряхивать яйцо. Полезно иногда добавить в яйцо воды шприцем. Когда яйцо пусто, из отверстия пойдут пузыри. Для свежих яиц воробьиных птиц обычно хватает одного набора воздуха (5 мл). Игла неглубоко вставляется в отверстие. Яйцо удобно держать в левой руке, большим и указательным пальцами за полюса. Шприц – в правой руке, большим и средним пальцами за корпус, а указательным нажимать на поршень. Руки необходимо держать как можно более свободно, уперев локтями в стол. Особая осторожность нужна при вынимании иглы из отверстия.

Фаза 2. Игла в отверстие не вставляется, нажим на поршень может быть сильнее, но не грубый.

Фаза 3. Игла опять слегка, вставляется в отверстие, нажим средний, ни в коем случае не грубый, но чуть более энергичный, чем при фазе I, Между второй и третьей фазами яйцо необходимо сильно поболтать, чтобы скорлупа промылась. Обе последние фазы повторяются два-три раза, пока вода не пойдет совсем чистая.

Чистота у мелких яиц обязательно проверяется на свет, остатки желтка обычно можно заметить в виде темных пятен. После выдувания яйца необходимо просушить. Для этого они кладутся отверстием вверх и сохнут в течение нескольких часов. Если яйцо сильно насижено, то из него сначала выдувается жидкое содержимое, затем яйцо наливается при помощи шприца водой и оставляется на несколько дней. Крупные яйца с твердой скорлупой (хищники, утки, журавли, дрофы и т.д.) могут мацерироваться в течение 7-10 и более дней. У яиц воробьиных птиц во вторую половину насиживания скорлупа сильно истончается, поэтому препарировать их нужно с повышенной осторожностью и воду менять ежедневно. К третьему дню, если зародыши не выйдут, скорлупа обычно разрушается. Поэтому нужно стараться закончить препаровку во второй день, что можно сделать за счет увеличения отверстия.

При препаровке крупных сильно насиженных яиц очень помогает тонкий глазной пинает, но использовать его надо с предельной осторожностью. Когда кладка полностью отпрепарирована, пишется чистовая этикетка. В ней обозначается: I. Порядковый номер (такой же номер прилагается к гнезду). 2. Вид птицы. 3. Дата. 4. Число яиц и степень насиженности (свежие, слегка насиженные, сильно насиженные). 5. Географический пункт. 6. Биотоп. 7. Место размещения гнезда. 8. Вес яиц. 8. Фамилия и подпись сборщика. Если добыта птица – указать. Например:

Anthus richardi № 2.

20/У1-1961. 5 слегка насиженных яиц.

Бур. АССР, Джидинский р-н, с. Петропавловка,

Сырой кочковатый луг. Гнездо на земле, в углублении около кочки. Вес: 2,5; 2,6;2,1; 2,8; 2,6.

Самка добыта. Флинт В.Е.

Отпрепарированные яйца обёртываются каждое в отдельности ватой и вместе с этикеткой укладываются в прочную коробочку или старую консервную банку, предварительно отожжёную в костре. К гнезду прилагается лишь название птицы и порядковый номер.

Недостатки, почти полностью бракующие кладку.

Сильно смещенное отверстие, два отверстия, отверстие на полюсе

Разбитое или треснувшее яйцо

Не определен вид птицы.

Кладка без этикетки.

Неполная кладка (для обычных видов).

Недостатки не бракующие окончательно.

Немного смещенное отверстие

Большие отверстия

Отсутствие гнездового материала (для редких видов)

Ненормально малое число яиц в полной кладке (для редких видов)

В двух последних случаях кладка бракуется полностью, если дело идет об обычных видах.

*) Нужно избегать коробок с выдвижным ящиком (вроде спичечных коробков), т а к к а к в них яйца при открывании легко ломаются».

В эти годы Владимир Евгеньевич только начал «осваивать» Арктику и в письмах щедро делился с коллегами своими восторгами, что хорошо видно из следующих его писем от 1963-1964 гг.

«Дорогой Анатолий Федорович!

Недавно вернулся из экспедиции с Баренцова моря. Лето пролетело, как один день. Места оказались необычайно интересными, для меня новыми, а работа в экспедиции была очень плодотворной. Сейчас ведь у меня тема – медицинское значение птиц. Результаты наших трудов станут ясными только по обработке сывороток крови, органов и эктопаразитов, собранных на птичьих базарах, но уже сейчас можно предвидеть интересные находки.

Базары оказались фантастически интересными. Был я в заповеднике 7 островов и на материковых базарах, и везде зрелище это просто повергает в трепет. Сотни тысяч птиц, и всё это можно трогать руками, и всё это на фоне диких скал, бурного моря и круглосуточного полярного дня! Зрелище незабываемое!

Встретил, кстати, там вашего учителя Волчанецкого и целую компанию более молодых его сотрудников, говорили о Вас, но свидание было кратковременным – мы уезжали, а они только прибыли.

С нетерпением жду от вас вестей. Что удалось Вам собрать из кладок? Ваш (…). Сейчас я в Чернигове на отдыхе. 12 августа (1963)»

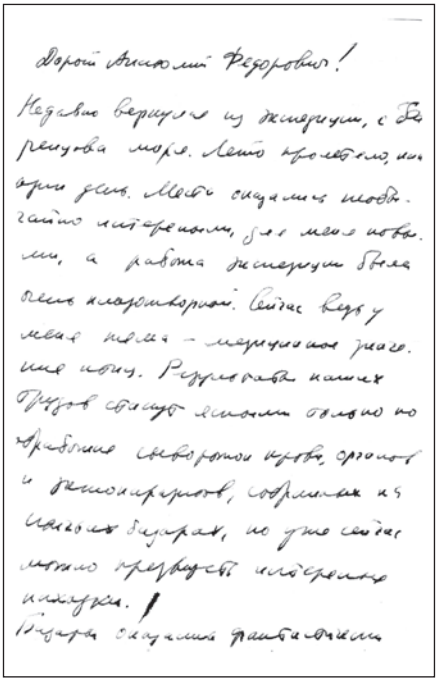
«Дорогой Анатолий Федорович!

Только что вернулся из своего путешествия. Удалось побывать в этом году в двух точках Крайнего Севера – на побережье Баренцова моря и на острове Врангеля. Особенно интересной оказалась поездка на Врангель – и материал для вирусологического исследования получен уникальный, и впечатлений масса, и, конечно, кладки собрал ин-

тереснейшие. Посмотрел колонию белого гуся – зрелище совершенно потрясающее, не верится, что такое может быть в XX веке! Описать его, конечно, нет ни слов, ни сил! Если будете в Москве – расскажу с показом фильма и диапозитивов.

Как прошло лето у Вас? Удалось ли собрать что-либо из кладок и если да, то есть ли у меня шансы получить хоть что-нибудь? С большим нетерпением жду известий.

Искренне Ваш (подпись) 28.VII. 64»


Дорогой Анатолий Федорович!

Недавно вернулся из экспедиции, с Белорусова моря. Лето прошло, как один день. Много сказать много. Сейчас интересно, для меня новые, а работа экспедиции была очень плодотворной. Сейчас ведь у меня тема – материалы ранее собр. Результаты наших трудов будут изложены больше по добытым свежим кладкам, эмбрионам и экземплярам, собранным на Сибирских Буграх, не уже сейчас можно предугадать некоторые интересные

Рис. 67. Начало письма В.Е. Флинта, от 12.08.1963 г.

Читая с завистью его письма, я пытался представить себе сами птичьи базары (о которых, кстати, писал когда-то в университете первую реферативную курсовую работу!) И думал о том, что сам-то я никогда этого, наверное, не увижу. Но гораздо больше меня угнетали постоянные, в каждом письме, напоминания о кладках. Ведь в данном случае речь шла о наиболее интересных и редких охраняемых птицах заповедника, в котором я работал, и я не мог не только физически, но и психологически собирать их кладки целыми сериями, как писал в своём письме мой новый знакомый.

К счастью, это понимал и сам Владимир Евгеньевич. Когда он получил от меня по одной кладке пёстрого каменного дрозда и красношапочного вьюрка, то был просто счастлив и расхвалил качество моей работы, утверждая, что у меня есть к этому талант. Но настаивать на новых кладках не стал, и постепенно перестал напоминать о них. И это было очень хорошо, так как столь яростное увлечение коллекционированием яиц у многих наших (например, алматинских) орнитологов стало формировать мнение, что он больше коллектор, чем учёный. Пошёл даже слух о том, что он *продал* за границу первую в СССР кладку стерха (*Grus leucogeranus*)! Это было явное искажение фактов начатой Флинтом вместе с Джорджем Арчибальдом большой программы по выведению птенцов стерха в инкубаторе Международного журавлиного фонда, о чём годы спустя поведал миру сам Владимир Евгеньевич в своей замечательной книжке «Операция стерх».

Со временем страсть коллекционирования поутихла и, перейдя на работу в Зоомузей МГУ, Владимир Евгеньевич передал свою коллекцию этому музею. Как-то в середине 70-х гг., будучи в Москве, я зашёл к нему в Зоомузей. Он сказал, что звонил В.В. Леонович и попросил – как только я появлюсь, привести меня к нему домой (он несколько раз звал в гости, когда уезжал очередной раз из Алма-Аты) – он хочет показать коллекцию яиц.

В конце рабочего дня мы пошли в Музей им. Пушкина, где В.В. Леонович работал учёным секретарём и заведовал отделом нумизматики. По дороге Владимир Евгеньевич просвещал меня, рассказывая и о коллекции В.В. Леоновича (спокойно, без зависти!) и о его особом образе жизни (полное вегетарианство, безбрачие и абсолютное неприятие табака и спиртного). О последнем он говорил с явным сожалением, так как жаловался на то, что вчера немного перебрал. Когда я как сочувствующий, спросил, что пили (как говорят в таких случаях – может водка плохая?), *В.Е.* с чувством превосходства ответил: «Да причём тут, что пили? Важно – сколько выпили!». А когда мы после вегетарианского ужина в доме В.В. Леоновича (его сестра готовила большое количество превосходнейших салатов!) стали смотреть коллекцию, то я имел возможность убедиться, что Владимир Евгеньевич смотрит её как орнитолог, но уже не как коллекционер…

С переходом в 1976 г. во ВНИИПрироду Владимир Евгеньевич полностью отдался делу охраны птиц: занялся подготовкой первого выпуска Красной книги СССР, готовил разного рода пособия и инструкции, семинары и конференции по редким видам и т.д. А поскольку я, хоть и в гораздо меньшем объеме, стал заниматься этим в Казахстане, то эта общность интересов сблизила нас по-настоящему. Не было ни одного серьёзного дела по сохранению редких видов в регионе Казахстана и Средней Азии, которые прошли бы без участия *В.Е.*, в свою очередь он всегда привлекал меня к природоохранным форумам за пределами Казахстана. Одна только деятельность возглавляемой им РГЖ предоставляла нам возможность видеться практически ежегодно. А Казахстан он полюбил особенно и с удовольствием приезжал сюда – иногда по нескольку раз в год. И Капчагайское ГОЗХ и особенно охотхозяйство Карачингиль (где директором тогда был Руфим Зайнутдинов, обеспечивавший приём на высшем уровне) надолго стали его любимыми местами.

Хорошим примером может служить выезд на место первого выпуска куланов. Здесь на кордоне Жантугай (Береговом) Капчагайского ГОЗХ с января 1982 г. в трёх вольерах площадью по полтора гектара каждый содержалось 23 кулана (7 самцов и 16 самок). Первый куланёнок родился 13 мая, а к 20 мая их было уже пятеро. В этот день, 20 мая, их выпустили из вольер, после чего сотрудник нашей лаборатории Давид Бланк вёл за ними наблюдения, результаты их опубликованы в интересной статье (Бланк, Тарасов,1986).

Рис.68. С В.Е.Флинтом, Молдавия, Кодры, 1981.

Через неполные два месяца В.Е. Флинт и профессор Андрей Григорьевич Банников (бывший тогда вице-президентом МСОП) приехали в Алма-Ату, и директор хозяйства

А.Ф. Тарасов повёз нас на своей «Ниве» по территории хозяйства в поисках куланов. За 2 дня, 15 и 16 июля, мы объехали большую часть хозяйства и в двух местах встретили две группы с уже сформированной иерархией стада и несколько одиночных самцов. Ночевали в гостевом домике в ущелье Кзылаус, где ошалевший от счастья хозяин, не знавший, как ублажить высоких гостей, всё пытался споить Банникова, который после первых двух рюмок наотрез отказался от водки. Тогда подвыпивший Тарасов буквально взмолился: «Деда, ну выпей со мной! Или ты уже больше не можешь?» (видимо, тоже был наслышан о возможностях Андрея Григорьевича по этой части). В ответ на это Андрей Григорьевич разгладил свою бороду и, немного возвысив голос (чего за ним обычно не наблюдалось), отчётливо, с расстановкой, сказал: «Могу! И не только стакан, но и ведро. Но я *не хочу*!». А Флинт наклонился ко мне и тихо попросил увести куда-нибудь Филиппыча, который уже был неуправляем. Кое-как с помощью егеря мы увели его спать.

Эта двухдневная езда в самые жаркие дни лета в закупоренной «Ниве» далась нам с Владимиром Евгеньевичем, сидевшим сзади, очень нелегко. Тем более, что сидевший впереди меня с огромным телеобъективом А.Г. Банников всё время пытался фотографировать чернобрюхих рябков, подпускавших машину довольно близко. Когда же я, не выдержав этих длительных задержек в душной машине, вскользь заметил, что для ускорения процесса наведения резкости можно воспользоваться автофокусом, Андрей Григорьевич ответил мне афоризмом: «С хорошим снимком, друг мой, как и с хорошей женщиной, надо повозиться. А не то, что раз-раз и на матрас». Эта фраза разрядила обстановку…

Через 16 лет мы с *В.Е.* снова оказались вместе в жаркое время в тесной машине, только на сей раз Флинт вместе с водителем Рене сидел впереди, а мы с Сашей Сорокиным – сзади. Через несколько часов езды мне свело судорогой ноги и пришлось попросить хоть на минуту остановиться, чтобы выйти и размяться. Когда Владимир Евгеньевич узнал причину, то искренне удивился: «А почему ты молчал? Ведь я мог подвинуть сидение вперёд». Что и сделал тут же, значительно облегчив на дальнейший путь мою участь. Было это в Южной Африке (XXII Международный орнитологический конгресс, проходивший в Дурбане в августе 1998 г.)

Кстати, на этом конгрессе нас с ним поселили (по нашей просьбе, которая была дана в предварительной заявке) в одном номере гостиницы – достаточно просторном но, с одной необъятной кроватью, на которой мы в первую ночь приютили А.Г. Сорокина, получившего жилье только на второй день в соседней гостинице. Однако и последующие дни он постоянно посещал наш номер, как и Джордж Арчибальд. Удивительно, как этот непьющий американец мог так спокойно проводить многие часы с пьющими русскими. То, что парадокс этот ничуть не мешал умным деловым беседам, в значительной степени заслуга В.Е. Флинта, который умудрялся никогда не терять нити беседы независимо от количества потреблённого спиртного (а мог он в те годы много!).

По утрам я просыпался от журчания воды – это Владимир Евгеньевич, приняв душ, отмачивал в раковине этикетки от бутылок – их он собирал для Юрия

Щадилова, страстного коллекционера этих объектов (ещё один яркий пример дружбы независимо от возраста). Оригинальные афоризмы Щадилова *Е.В.* любил повторять (например: «Schlafen Sie Deutsch?»)[35]. Однажды я в полушутку упрекнул его, что из-за этих бутылок, плавающих в залитой водой раковине, невозможно умыться. На это он сразу же ответил, что это только русские умываются в проточной воде из-под крана, а вся Европа, привыкшая экономить воду, умывается именно так – набрав воды в раковину. И при этом одной водой умудряется умыться вся семья. Вообще шутки он любил не только свои, как это нередко бывает, а охотно поддерживал юмор собеседника. И это как-то сразу стирало разницу в возрасте, чинах, научных регалиях и т.д. Поэтому с ним было легко. Кстати, точно так же, на равных, общались они и с Андреем Григорьевичем Банниковым, который был старше *В.Е.* на 9 лет. И хотя оба обращались друг к другу по имени-отчеству однако дружба их была видна каждому невооружённым глазом, в чём я убедился во время уже описанной выше поездки по капчагайской гаммаде в июле 1982 г.

Очень яркие впечатления оставила незабываемая недельная поездка по ЮАР после XXII Международного орнитологического конгресса, когда в собранной Арчибальдом международной группе «журавлистов» мы пересекли всю страну от порта Дурбан на юге до Йоханнесбурга. Без Флинта – единственного русскоязычного собеседника – мне в этой поездке было бы очень неуютно, особенно в конце маршрута, когда Саша Сорокин оставил нас и присоединился к официальной экскурсии, направлявшейся в знаменитый Национальный парк Крюгера…Через Флинта мы очень сблизились и с Арчибальдом.

В опубликованных недавно замечательных воспоминаниях Вадим Авданин, один из участников знаменитой операции «Стерх», подметил очень важную черту Владимира Евгеньевича: «Друзей, именно друзей, а не только товарищей-приятелей, у Владимира Евгеньевича было очень много: в Москве, в заповедниках, зоопарках, во многих республиках бывшего СССР, во многих странах» (Авданин, 2004). И привёл перечень самых именитых друзей – сэр Питер Скотт, Бернгард Гржимек, Джеральд Даррел и др. Самое удивительное, что среди людей, которых сам он называл своими друзьями, было немало и людей намного моложе его. Это в первую очередь Саша Кищинский и Юлий Костин, мои ровесники и друзья. В категорию своих друзей Владимир Евгеньевич определил и меня, подчёркивая это на всех посвящениях, особенно в последние годы (рис. 69а).

Особенно дорогим подарком для меня явилась книга «Московские орнитологи», которую я впервые увидел на столе в его рабочем кабинете во ВНИИ-Природе 15 марта 2000 г., в перерыве между заседаниями совещания по стерху. Когда я по старой привычке спросил у него, где можно достать эту книгу, он как-то поспешно спрятал её в шкаф и сказал, что эту книгу достать невозможно. Заподозрив, что здесь что-то не так, я не стал допытываться, и мы просто выпили по рюмке за вчерашний день его рождения. А через сутки, в день моего рождения, он торжественно вручил мне эту книгу со своим памятным посвящением и с автографами многих участников совещания, среди которых и подпись

[35] Бессмыслица, переделанная из «Sprechen Sie Deutsch? » – *Прим. авт.*

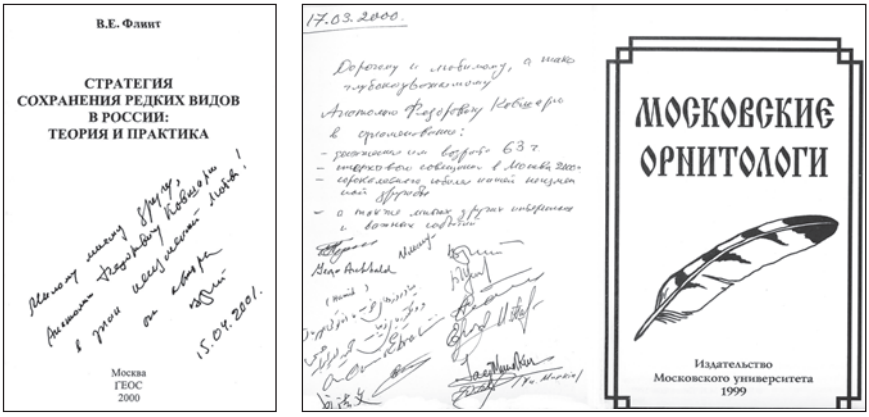


Рис. 69а,б. Дарственные надписи В.Е. Флинта на книгах, 2000 и 2001 гг.

Джорджа Арчибальда, и подписи наших друзей иранцев, пакистанцев и многих других…(рис. 69б).

В Алма-Ате Владимир Евгеньевич быстро подружился с Руфимом Имамовичем Зайнутдиновым, который не только по-царски принимал его в Карачингильском охотничьем хозяйстве, но, располагая транспортом и широкими знакомствами, стремился показать ему все достопримечательности Алма-Аты и её окрестностей. Помню, с каким интересом Флинт и Банников ездили в один из пригородных посёлков, чтобы посмотреть настоящие петушиные бои (в этом уйгурском посёлке давно содержали бойцовых кур).

В один из последних приездов, сидя у меня дома за столом перед отъездом в аэровокзал, где его уже ожидал Руфим, Владимир Евгеньевич, который давно был знаком с моими домашними, поднял такой шуточный тост: «Ребята! Когда у вас вдруг возникнет потребность в аппарате по переработке спиртного – вызывайте меня!». Пошутить он любил и умел. Даже в серьёзных речах вставлял иногда острую шутку…

Так, когда у нас возникла единственная крупная размолвка относительно выпуска в Капчагайском ГОЗХ лошади Пржевальского, и он даже обвинил меня в том, что я пою с чужого голоса – его тёзки[36] – он и здесь не преминул пошутить: «Мне не так жаль, что ты отказался от Нобелевской премии, которая сама шла в руки[37], как то, что ты пренебрёг моими девочками[38], а это уже, друг мой, явный признак старости…» (март 1989 г.).

А вопрос был очень серьёзный. Возможности выпуска на территории Капчагайского хозяйства осенью 1988 г. в Алма-Ате было посвящено специальное

[36] Имеется в виду академик Владимир Евгеньевич Соколов – председатель комиссии по Лошади Пржевальского (В.Е. Флинт был его заместителем). – *Прим. авт.*.

[37] В.Е. любил повторять, что успешная акклиматизация лошади Пржевальского стоит Нобелевской премии.

[38] Ольга Переладова и Марина Мирутенко, которых Е.В. присылал для описания кормовой базы. – *АК.*

выездное заседание Комиссии по лошади Пржевальского, на которое териологи ИЭМЭЖ Н.В. Паклина и М.К. Позднякова привезли с собой, помимо Василия Васильевича Климова из Аскании-Нова также «тяжёлую артиллерию» в лице Леонида Мироновича Баскина – крупного специалиста по поведению копытных. Их доказательства против выпуска лошадей в этом месте убедили и нашего териолога Д.А. Бланка. У меня сохранилась машинописная копия моего ответа *В.Е.*, написанного 15 марта 1989 г. Процитирую пару отрывков:

«15.03.1989, Алма-Ата

Дорогой Владимир Евгеньевич!

Я не могу бояться испортить отношений с Вашим тёзкой по той простой причине, что у меня их нет! Поэтому и написал Вам всё, как есть, и в мыслях не имел «запускать дурочку». Но Вы настолько убеждены в моей «песне с чужого голоса», что вряд ли я сейчас могу Вас переубедить. Чтобы не занимать слишком много места и Вашего внимания, повторю главное: вся обстановка у нас здесь складывается не в пользу Капчагая. Здесь не только Гвоздев и Бланк, о которых Вы упоминаете, но и Сотников, и Коротков (вся Госкомприрода) и Абилов[39] – с кем же делать это дело? И это на фоне того, что место, мягко говоря, далеко не идеальное, с очень высокой степенью вероятности провала всего мероприятия. Ведь даже вопрос об организации заповедника встретил в Госкомприроде ожесточённое сопротивление…

Я очень благодарен Вам за последнюю фразу о стабильности наших отношений – для меня это очень важно, ибо, несмотря ни на какие ситуации, хотелось бы оставаться людьми. Спасибо также за куланью инструкцию (днями получил), вполне приличная вещь вышла. Кстати, использую её как козырь в борьбе за лабораторию! И ещё хотел поздравить Вас и Ольгу с Мариной: хорошая оленья программа получилась. Я вчера и сегодня всем своим предлагаю подробно с ней ознакомиться в качестве *образца*, потому что мы делаем аналогичные вещи по другим видам, правда, в масштабах Казахстана».

Возвращаясь к «девочкам Флинта», которые всегда приятно удивляли меня своими знаниями, способностями и неукротимой энергией, я вспоминаю, как ряд лет спустя при встрече в Москве одна из них спросила меня: «А Вы знаете, как мы Вас между собой называем?». Потом переспросила: «А Вы не обидитесь?». И только получив моё заверение в том, что не обижусь, выпалила: «казахский Флинт!». И хотя, сопоставив эту фразу с её предварительным вопросом насчёт обиды, я понимал, что здесь играют роль не столько положительные, сколько отрицательные качества *В.Е.*, которые им были лучше известны, чем мне, всё равно мне было приятно уже одно то, что они меня с ним сравнивают…

С особенной грустью вспоминается наша последняя встреча. В октябре 2003 г., по пути в Асканию-Нова, на очередную Международную журавлиную конференцию (первую, на которой *В.Е.* отсутствовал по состоянию здоровья), я позвонил ему домой от Валентина Ильяшенко, у которого остановился. Владимир Евгеньевич тут же сказал: «Приезжай», а на мои сомнения – не поздно ли – повторил своё приглашение уже более настойчиво. И тут же подсказал маршрут от станции метро – на тот случай, если я успел его забыть. При этом особо подчеркнул, что теперь появился очень хороший ориентир – театр Армена

[39] Заменивший на посту директора Капчагайского ГОЗХ умершего А.Ф. Тарасова. – АК.

Джигарханяна. И это было очень кстати, так как добрался я до Ломоносовского проспекта уже затемно, и этот светящийся неоновой рекламой театр действительно был ориентиром.

Владимир Евгеньевич, как всегда, встретил меня с сигаретой в руке. Выглядел он сильно похудевшим и на мой немой вопрос ответил, что он уже второй месяц практически ничего не ест. И пошутил при этом: «Моя главная цель сейчас – дожить до 80, голодание – лучший способ достижения этой цели». Я выразил сомнение, ведь впереди еще почти полгода и вряд ли такая длительная голодовка возможна. Но он, как будто не слышал и, открыв дверцу шкафчика, в котором выстроились в ряд бутылки, задал неизменный вопрос: что будем пить? Мне было всё равно, а он, насколько я помнил, особенно любил шотландский виски «Chivas Regal» и неплохо относился к казахстанскому коньяку. Но на этот раз он предложил: «Давай начнём женьшеневой водочки, недавно Таня Белякова привезла мне из Белоруссии». На вопрос, с каких это пор женьшень растёт в Белоруссии, он только пожал плечами. Выпили, не закусывая. Но тут в кабинет зашла Татьяна Львовна с тарелочкой, на которой лежал помидор, и сказала, что совсем без закуски нельзя. Так же бесшумно, как появилась, она и исчезла, а *Е.В.* покачал головой: «Она ведь еле ходит».

Разговор шёл о предстоящей конференции, вообще о журавлиных делах. А потом *В.Е.* вдруг спросил: «А ты знаешь, чем я сейчас занимаюсь? Готовлю о себе некролог». И пояснил, что он, конечно, не сомневается, что это сделают и без него, и что напишут о нём много хвалебных слов. Но отметят ли главное, что он сделал? Ведь далеко не все знают и понимают саму суть его деятельности и, скорее всего, напишут о второстепенном. Развивая эту мысль, он стал перечислять главные свои свершения, загибая пальцы: раз, два, три… А я слушал и поражался, как трезво относится он к неизбежному, стараясь и здесь быть предельно точным и облегчить участь того, на кого падёт выбор писать о нём.

Женьшеневая кончилась, и мы перешли к следующей бутылке. Сменилась и тема беседы. Владимир Евгеньевич, понизив голос, спросил меня, хочу ли я посмотреть его самую большую реликвию? Он подошёл к книжному шкафу, достал бивень мамонта, испещрённый какими-то письменами, и сказал, что это самая большая ценность, которой он владеет. И добавил, что обычно он никому её не показывает, потому что цены нет этому раритету, за него могут и убить. Слушал я его, как завороженный, и радовался, что успел сделать пару его снимков до этого, потому что раритет он фотографировать не разрешит, да у меня и язык не повернулся бы попросить его об этом.

Время пролетело очень быстро и, когда я увидел, что скоро уже полночь, то тут же вспомнил дежурную фразу Адика Винокурова: «Главное – успеть нырнуть в метро до половины первого». Владимиру Евгеньевичу явно не хотелось меня отпускать, и он сказал, что я вполне могу переночевать в этой комнате с раритетом. Не хотелось уходить и мне, уж больно мы разговорились, как в старые добрые времена, даже все опасения о здоровье Владимира Евгеньевича сами собой куда-то улетучились. Однако завтра надо было уезжать в Асканию, а утром еще предстояли какие-то неотложные дела. С большим сожалением мы обнялись, и я

быстро выбежал на ночной Ломоносовский проспект. О том, что эта встреча может быть последней, я старался не думать, торопясь попасть в метро…

Через 5 месяцев Владимира Евгеньевича не стало. Он добился своего: колоссальным усилием воли «дотянул» до своего 80-летия (14 марта 2004 г.) и через 9 дней отошёл в мир иной. Даже здесь он доказал, что многое зависит от человека: решил – и добился…

Комплексная экспедиция в Сарыишикотрау (1982)

Зимой 1981/82 г., анализируя итоги экспедиционных поездок ушедшего сезона, я пришёл к твердому убеждению: надо попробовать провести *совместную* полевую работу всех специалистов лаборатории – орнитологов, герпетологов, териологов. Герпетологи были «за», и только Владимир Николаевич Мазин, привыкший работать в одиночку, никак не соглашался. Кое-как уломали и его, пообещав, что он вместе со своим тёзкой В.Н. Мурзовым и лаборантом Олегом Беляловым может стать отдельным лагерем, лишь бы недалеко от остальных – чтобы можно было периодически общаться.

Местом таких стационарных работ выбрали участок пустыни Сарыишикотрау на правом берегу реки Или чуть выше её дельты, недалеко от посёлка Карой. По сведениям зоологов противочумной службы в саксаульниках этого района обитала саксаульная сойка (*Podoces panderi*), илийский подвид которой, занесённый в Красную книгу Казахстана, был практически не изучен – известно было лишь несколько жилых гнёзд (Лесняк, 1959; Аракелянц, 1974). Я очень надеялся, что такая опытная «троица», как мы с Губиным и Левиным, в условиях *стационарных* работ сможет «расколоть» этот загадочный вид. Надо было только по возможности раньше попасть в эти места, потому что все представители врановых начинают гнездиться очень рано. Поэтому из Алма-Аты мы выехали 19 марта, ещё по зиме, когда лежал снег и морозы порой достигали минус 10 градусов.

В посёлке Карой нас приютили в противочумном отряде, расположенном на окраине этого небольшого, но разбросанного посёлка. Полевой сезон у противочумников ещё не начался, на хозяйстве оставался только комендант Амангельды, который разместил нас в так называемые «пляжные домики». Это были небольшие фанерные изделия, напоминающие коробки, в каждой из которых стояло по две раскладушки. Для жаркого летнего периода они, наверное, были хороши. Но когда на второй день пошёл снег, покрывший землю слоем до 40 см, и температура понизилась до – 15°, то никакие наши спальные мешки (тоже «летнего» типа) не помогали. И нам приходилось собираться в пустующем глинобитном здании столовой, где мы готовили пищу, приводили в порядок свои записи и просто отогревались у затопленной печки. Так прошло более недели!

Конечно, времени зря мы не теряли. Шёл пролет и прилёт птиц, каждый день наши экскурсии по селу и в его окрестностях приносили что-то новое, интересное. Однако нам нужна была саксаульная сойка, а её надо было искать в саксаульниках не ближе нескольких десятков километров, куда по такой погоде не доберёшься даже на ГАЗ-66.

Южное Прибалхашье (1982)

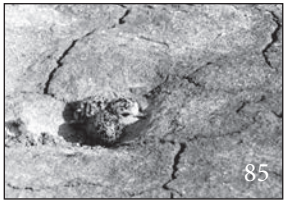
70 - лагерь комплексной экспедиции лаборатории охраны диких животных. Ю.Прибалхашье, Сарышик-отрау, май 1982;
71 – А.Ф. Ковшарь у первого гнезда саксаульной сойки, апрель 1982;
72 - общий обед: Ю.Абросимов, В.Мурзов, А.Ковшарь, З.К.Брушко, Б.Губин, А.Левин; стоит Олег Белялов. Май 1982 г.;
73 - Р.А.Кубыкин на бархане. Саришик-отрау, май 1982;
74 - с группой «Казахфильма». Ю.Прибалхашье, Карой, май 1982;
75 - команда учётчиков у вертолёта МИ-8: Д.А.Бланк, Р.Г.Пфеффер, А.Ф.Ковшарь, Б.М.Губин. Баканас, декабрь 1983 г.;
76 Э.Ф.Родионов – лучший грибник среди орнитологов. Стационар Большое Алматинское озеро, июль 1987. *Фото О.В.Белялова.*

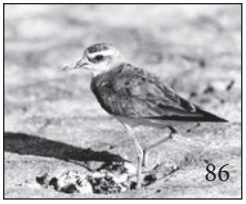
Бекпак-Дала и Алтай (1980-1985)

77 – с Б.В. Щербаковым на оз.Маркаколь, в истоках Кальджира. Август 1980 ;

78 – лагерь в Зап. Бетпак-Дале, июнь 1983; 79 – Джамбулгора – восточная окраина пустыни Бетпак-Дала, июнь 1984;

80 – лагерь в Центр. Бетпак-Дале, июнь 1984;





81 – гнездо степного орла, Байгора, май 1983;

82 – С.С.Москвитин и Н.П.Каверкина на Телецком озере (Алтай), октябрь 1983;

83 – экспедиционная машина в Центральной Бетпак-Дале (Когашик). Июнь 1984;

84 – с В.Г. Колбинцевым на высохшем дне озера Акколь (низовья реки Талас), май 1983;

85 – гнездо каспийского зуйка *(Charadrius asiaticus)* с яйцом и пуховым птенцом на такыре. Центральная Бетпак-Дала, июнь 1984;

86 – самка каспийского зуйка на гнезде с мёртвыми пуховыми птенцами (погибли от перегрева). Центральная Бетпак-дала, июнь 1984;

87 – с И.А.Кривицким и Ю.В.Шибаевым на высокогорном орнитологическом стационаре в Заилийском Алатау после окончания Второй Всесоюзной конференции по миграциям птиц. Август 1978.

Об этих мощных машинах, сослуживших нам службу в течение всех 80-х гг., можно было бы написать целую поэму. А в этот раз нам повезло и на водителя. Юра Абросимов, ещё недавно бывший студентом исторического факультета пединститута, оказался замечательным водителем и прекрасным членом экспедиционного коллектива. Как он сам рассказывал в красках, решение отказаться от профессии учителя, пришло к нему на педпрактике, где он насмотрелся на безграмотных учителей и пришёл к выводу, что лучше быть хорошим водителем, чем плохим учителем. Вот один из его рассказов об уроке русского языка в сельской школе, где он присутствовал как практикант. Урок вёл лучший учитель района! Взяв мел, он написал на доске: «С чем варят борщ?». При этом Юра подумал: а хватит ли этой маленькой доски, чтобы перечислить все ингредиенты? Все устные ответы учеников учитель отвергал, а когда один из них написал мелом на доске: «Борщ варят с каструлами», учитель грозно сказал: «Неправильно!». Взял мел, исправил последнее слово на «каструлой» и победоносно оглядел притихший класс…

Вообще это был прирождённый рассказчик, поражавший правильной речью, в которой практически не встречалось неизбежных у большинства из нас повторов – как будто он читает уже отредактированный текст! В армии он служил в ГСВГ (группа советских войск в Германии), откуда недавно вернулся и Олег Белялов; вдвоём они часто предавались воспоминаниям об армейских нравах и проделках военачальников...

Только в последние дни марта потеплело, снег стаял, и наша орнитологическая часть экспедиции, пережидавшая непогоду в «пляжных домиках», смогла загрузить в машину свой нехитрый скарб и выехать в пески (териологи и герпетологи должны были приехать позже, когда потеплеет). Первую саксаульную сойку мы встретили в урочище Нуракпай, однако здесь они были редкостью, и мы направились в урочище Карадон, где они, по словам противочумников, саксаульные сойки встречались намного чаще. Лагерь разбили в небольшом межбарханном понижении с редким низкорослым саксаулом, поскольку сплошного саксаулового леса эта птица, несмотря на своё название, избегает.

Приготовившись к длительным и упорным поискам этой не только редкой, но и новой для меня птицы (до этого я видел её только в клетке), я был ошеломлён редкостной удачей, обнаружив на первой же экскурсии строящееся гнездо сойки в крошечном кустике саксаула, росшем на небольшом такыре всего в 50 м от нашего лагеря! Это гнездо получило у нас порядковый номер 1. Однако не все гнёзда доставались так же легко: бывало и так, что на поиски очередного гнезда уходило несколько дней. Тем не менее, нам удалось найти здесь в общей сложности 48 жилых и 36 старых (прошлогодних) гнёзд этой птицы, тогда как до начала нашей работы в литературе было известно всего 8 гнёзд илийского подвида саксаульной сойки (*Podoces panderi ilensis*)!

Но для изучения биологии птицы недостаточно найти большое количество её гнёзд, надо ещё провести целый цикл наблюдений. Мы у найденных нами гнёзд провели более 160 часов наблюдений за деятельностью их хозяев на раз-

ных стадиях гнездового цикла и в разное время суток – по той же схеме, которую мы применяли в высокогорье. Помимо ставших стандартными наблюдений у гнезда в течение 4 часов (обычно с 6 до 10 час утра) мы раз в несколько дней проводили наблюдения в течение светового дня, меняясь «на посту» через каждые 4 часа, а однажды я даже ночевал в палатке у гнезда (как было с серпоклювом), чтобы иметь возможность пронаблюдать до самой темноты, а затем – уже с рассвета. Эти наблюдения незабываемы по своему эмоциональному настрою (как и сами явления – рассвет и закат), к тому же они позволяют увидеть самые интимные моменты в семейной жизни малоизученных видов птиц. Всё это мы описали потом в двух наших совместных статьях, опубликованных в двух номерах Бюллетеня Московского Общества Испытателей Природы (Губин, Ковшарь, Левин, 1986).

Помимо саксаульной сойки мы с большим интересом занимались поиском гнёзд других птиц, особенно пустынной славки (*Sylvia nana*), которой здесь оказалось немало. Из птиц семейства рябковых, в отличие от Бетпак-Далы, где везде встречалась саджа, здесь преобладали чернобрюхие рябки (*Pterocles orientalis*), около найденных гнёзд их мы также провели ряд очень интересных наблюдений, получив первые для нас сведения по гнездовой биологии этой полувыводковой птицы.

После многих лет работы в горах мне приходилось привыкать и приспосабливаться к работе в новых условиях – равнина, пески, жара. Вот лишь одна интересная деталь. Все длительные наблюдения за птицами ведутся в сидячем положении (или лёжа), так как стоя наблюдатель очень заметен, да и не выстоять неподвижно час-два кряду. В горах всегда есть камень, на который можно сесть, подложив для теплоизоляции любую тряпку. А на песок, как оказалось, не сядешь. Во-первых, в таком мягком и чистом с виду песочке, как ни странно, всегда оказываются какие-то незаметные глазу колючки; во-вторых, масса разных мелких беспозвоночных тварей забирается в одежду, и потом приходится долго от них избавляться. И тут я вспомнил, что не зря Павел Иустинович Мариковский всегда возит с собой стульчик (он мне не раз сам об этом говорил, но я считал это профессорской блажью). В следующий раз я купил раскладной матерчатый стульчик с алюминиевыми дугами – и проблема была решена. Много лет я носил с собой в поле этот стульчик, привязывая к экскурсионному рюкзачку, к которому пришил две завязочки…

Когда 5 мая приехали герпетологи (З.К. Брушко, Р.А. Кубыкин, Е.Э. Анохина) и териологи (В.Н. Мазин и В.Н. Мурзов), наш отряд увеличился вдвое. И жизнь и работа наша стали разнообразнее. Всегда при таких совместных работах зоологи интересуются смежными объектами, помогают друг другу наблюдать за ними и собирать материал. Из герпетологических объектов самым интересным для меня лично стал сцинковый геккон (*Teratoscincus scincus*) – красивая ящерица, ведущая ночной образ жизни в песках. Особенно интересно было проводить его учёты и отловы при помощи электрического фонарика, который обязательно надо держать где-то у лба, недалеко от глаз. Тогда отражающие свет глаза ящерицы светятся двумя ярко-красными пятнами, а временами

(когда она поворачивает голову) они становятся ярко-зелёными. Кстати, в свете фар на поверхности песка ночью видны мириады светящихся холодным белым или зеленоватым светом точек. Это глаза пауков, которых в ночной пустыне, оказывается, очень много.

Не менее интересными оказались и ночные учёты мелких млекопитающих при свете автомобильных фар. Здесь определённым образом настраивает уже сама процедура начала учёта. После ужина участники продолжают, покуривая, пить чай, дожидаясь, чтобы совсем стемнело. И когда уже остальные разошлись по палаткам и забрались в спальные мешки, старшой (один из Владимиров Николаевичей) говорит: пора! Сам старшой и ещё кто-нибудь забираются в кузов ГАЗ-66, вернее – на запасной баллон между кузовом и кабиной, откуда старшой будет «фарить» яркой галогеновой лампой и, поймав зверька лучом фары, не выпускать его из яркого светового пятна, пока сидящий рядом ловец не спрыгнет и не накроет его сачком. Второй ловец (часто им оказывался я) садится в кабину рядом с водителем, откуда быстрее было выскочить и поймать жертву. Машина трогается и на небольшой скорости едет между барханами. Ночная езда вообще увлекательна, а по барханам – вдвойне! Даже небольшие кусты саксаула в свете фар кажутся гигантскими, а длинные тени их на песке – бесконечными. При частых поворотах дороги, всё это быстро уплывает в сторону, уступая место новой картинке. Фары автомобиля, по сравнению с ослепительно ярким пятном от галогенового фонаря (главной «фары»), кажутся слабенькими, как подфарники. И вот в свет луча попадается прыгающий тушканчик! Тут же один из ловцов (сверху или из кабины) выскакивает и сачком на длинной ручке накрывает «дичь». После определения пленника часто отпускают, записав предварительно точное время и координаты. Но при необходимости более точного определения оставляют добычу в мешочке (проделав необходимые записи) и продолжают путь.

Одна из основных целей таких учётов – поиски карликового тушканчика, который в Казахстане обитает только в песках Зайсанской котловины, Южного Прибалхашья и Восточного Приаралья. Раньше это был один вид (*Salpingotus crassicauda*), а потом досужие систематики разделили его на три, но все они оказались в Красной книге Казахстана в силу своей редкости и не изученности. Не одну ночь потратили мы на его поиски – но тщетно. Я уже начал сомневаться: можно ли ночью рассмотреть такого крохотного зверька, который, судя по описаниям, умещается в спичечном коробке! Даже представитель зоопарка, бывший наш студент Володя Соколовский, приехал, чтобы отвезти пойманных сальпинготусов в зоопарк, где попробуют их разводить. Но эта кроха, как бы понимая, что «мал золотник, да дорог!» не торопился идти к нам в руки.

И вот в очередной раз, насчитавшись обычных «нормальных» тушканчиков, насмотревшись ушастых ежей и зелёных жаб, которые тоже по ночам очень активны после дневной жары, мы услышали крик Мурзова: «Сальпинготус» и в то же время я увидел прямо впереди перед машиной маленькую тень! Именно серую крошечную тень, скользнувшую по песку обочины. Спрыгнувший с кузова Володя Соколовский уже стоял с сачком в руках и причитал: «Ой, какой

он хорошенький!», а зверёк, как мне показалось, начал потихоньку отползать из светового пятна в тень – ещё секунда и растворится! Сам не знаю, как я отшвырнул бедного парня и буквально упал на крошечного зверька, успев накрыть его ладонью, а затем сжав её вместе с добычей и песком! Наверное, это выглядело очень комично, потому что из машины раздался хохот… Никогда не думал, что могу когда-нибудь проявить такую прыть и такой охотничий азарт…В целом эта первая комплексная экспедиция нашей лаборатории в пустыню, благодаря возможности проведения стационарных исследований дала богатый научных материал и оставила очень глубокий след в моей памяти, особенно после десятилетий, проведенных в горах.

Запомнилось кратковременное посещение нашего «полевого стана» съемочной группой «Казахфильма» в составе Эльзы Дильмухамедовой и Геннадия Ройтмана, которые снимали какой-то фильм о пустыне и её обитателях. И даже само возвращение в Алма-Ату не обошлось без приключений. Уж не помню, как в лагере появился мотоцикл А.С. Левина с коляской, но только обратно он возвращался на нём – впереди нашей ГАЗ-66, на которой ехали остальные. В нескольких местах поднявшийся накануне ветер успел занести песком дорогу, и там приходилось катить мотоцикл вручную по колее, которую только что проложил наш ГАЗ-66. А на затяжном спуске трассы с перевала Малайсары нам пришлось наблюдать, как идущий впереди нас (как лоцман) мотоцикл Левина на всей скорости врезался в отару овец, только начавших переходить дорогу прямо перед нами! К счастью для Левина, всё обошлось благополучно, даже мотоцикл не вышел из строя.

Поездка в Павлодар (июнь 1982)

Вернувшись из экспедиции в последних числах мая, в июне я участвовал в выездном заседании Научного Совета «Животный мир Казахстана», проходившем на этот раз на базе педагогического института в городе Павлодар. Сам город, расположившийся на высоком берегу Иртыша, оказался небольшим, но очень чистым, ухоженным. Местные зоологи сказали, что так у них стало совсем недавно, а тем более сегодня пятница – «день Штирлица»! Оказывается, назначенный недавно первым секретарём обкома партии Исаев (однофамилец знаменитого Штирлица) ввёл трудовую повинность: каждую пятницу все служащие города выходили на улицы и подметали их, убирая мусор…

На заседаниях, на которых присутствовали руководители города и области, много говорили о необходимости сохранения знаменитого палеонтологического памятника «Гусиный перелёт», находящегося на берегу Иртыша прямо в центре города, и весь состав Совета вывозили на место, где специалисты Института зоологии докладывали о том, как лучше всего не только сохранить это уникальное место, но и превратить его в музей под открытым небом. А по ночам в закрытой обкомовской гостинице, находившейся за высоким каменным забором на территории одного из заводов, страсти накалялись уже за бильярдным столом, с кружкой пива или пиалой кумыса – умели же наши боссы работать и отдыхать!

Помню, как наш гельминтолог Эдуард Иванович Прядко, бывший тогда зам. директора нашего института, безуспешно до полуночи пытался меня обучить этой мудрёной игре.

После окончания официальной части состоялся выезд в национальный парк «Баянаул» – красивейшее место, о котором я раньше много слышал, а попал впервые. Но только через 25 лет мне удастся хоть недельку поработать в этом интересном месте.

Поездка в Восточную Бетпак-Далу (Андасай) (июль 1982)

В середине июля вместе с А.Г. Банниковым, В.Е. Флинтом и А.Ф. Тарасовым мы проехали на территорию Капчагайского ГОЗХ в поисках выпущенных два месяца назад куланов – об этой поездке я уже рассказывал в очерке о В.Е. Флинте. А вот в последних числах этого месяца мне удалось, наконец, посмотреть восточную часть Бетпак-Далы. Эту недельную поездку устроил мне Володя Зверев, познакомивший меня с Александром Дмитриевичем Лапиным – директором Андасайского зоологического заказника. Вернее было бы назвать его охотничьим заказником, так как основная цель его была – охранять сайгу, которая в массе зимовала на этой обширной территории (около 1 млн. гектар), а в северной её части находились также места окота этого замечательного зверя.

Перед тем, как познакомить меня с А.Д. Лапиным, Володя вкратце рассказал о нём, как о самом лучшем директоре охотничьего хозяйства, который наладил охрану своих объектов так, что браконьеры его боятся, как огня. Сказав, что человек он простецкий и что мне у них будет хорошо, Володя немного замялся и добавил: «Только очень уж они матершинные, без матерного слова не могут, особенно его жена». Договорились, что они захватят меня у здания Казглавохоты, куда я подойду с пожитками в назначенный срок. Когда утром 25 июля 1982 г. старенький УАЗ-469 остановился у входа в «управу», как мы все привыкли называть эту контору, Володя представил меня обоим супругам. Сказав, что я поживу у них с недельку, он пожелал нам доброго пути и оставил одних. Сидевшая сзади пожилая женщина, оказавшаяся женой Лапина Марией Ильинишной, вместо приветствия громко спросила: «Откуда такой красавчик?», чем сразу же смутила меня. Но сказано это было беззлобно, с каким-то удивлённым интересом, и вскоре я привык к этой её бесцеремонной манере разговаривать, тем более что на этот раз обошлось без мата.

Александр Дмитриевич Лапин – среднего роста худощавый мужчина с большими залысинами (можно сказать «лысоватый») широко улыбнулся, крепко пожал руку и неожиданно для меня *прошипел* слова приветствия. Он был совсем лишён голосовых связок, удалённых когда-то при операции, после которой на горле его красовалось круглое отверстие, через которое со свистом вырывался воздух. Из-за этой особенности боявшиеся и ненавидевшие его браконьеры дали ему прозвище «сипатый». Александр Дмитриевич за долгие годы своего увечья настолько освоился с ним, что особо не ограничивал себя в разговорах. За длинную дорогу по пустынной местности (мы ехали почти весь день) он

успел рассказать мне очень много: и о сайгаках, и о браконьерстве, и о своём обширном хозяйстве. К концу дня я уже не замечал, что он разговаривает как бы «громким шепотом» и общались мы явно с обоюдным интересом. Мария Ильинишна в этих разговорах не принимала участия и вообще оказалась не очень разговорчивой. По дороге от Фурмановки до Байтала (75 км), проходящей по пескам с редким саксаулом и другими кустарниками, я даже провёл небольшой учёт хищных птиц. Прибыли мы около 17 час, и +40° со штилем давали о себе знать на полностью открытой местности. Поэтому я почти сразу же прошёл в русло Чу, где в 1 км от кордона было небольшое озерко, высохшее на ¾ и являвшее собой скорее грязевую отмель с узким тростниковым бордюром. Повсюду видны были следы борьбы за выживание – ползущие по земле плети тростника с укоренениями…

Центральная усадьба Андасайского зоологического заказника, так называемая 102-я партия, представляла собой современный сельский дом колхозно-совхозного типа с массой каких-то мелких надворных построек и загонов для домашней скотины и птицы. Расположена она была на совершенно открытом месте в нескольких сотнях метров от правого высокого берега реки Чу. Отсюда к северу, северо-востоку и северо-западу простиралась абсолютно ровная глинистая солянковая пустыня Бетпак-Дала – та самая, о которой так красочно писал в своих книгах Максим Зверев и которую полвека тому назад покорял Виктор Алексеевич Селевин (1905-1938), отдавший за это свою молодую жизнь.

Жили на этой усадьбе две семьи – Лапины и молодой егерь Володя Ган с женой и тремя детьми. В первый же совместный ужин во дворе я испытал не только андасайское гостеприимство, но и тот самый лексикон, о котором предупреждал меня Володя Зверев. При этом оказалось, что молодая жена Гана нисколько не уступает Марии Ильинишне, а оба мужчины, хотя и сквернословят гораздо меньше своих жён, но и не пытаются их сдерживать. На ночь все устроились на улице, где было так же жарко, как днём, но среди ночи начавшийся дождик загнал всех в дом, где было ещё более душно.

Первая же пешая экскурсия следующим утром в глинистую пустыню показала, как мало здесь птиц: одна пустынная славка (*Sylvia nana*), одна пустынная каменка (*Oenanthe deserti*) да пара пролетевших чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) – вот и всё за несколько часов ходьбы. Даже жаворонки не встретились – видимо, они уже сбились в крупные стаи. Обратно на 102-ю партию, домик которой так призывно маячил на далёком горизонте, я едва приволок ноги и пожаловался Марии Ильинишне на свою слабость. Она, взглянув на градусник, ответила: «Не мудрено, красавчик, ведь сейчас плюс 46°» и добавила пару своих любимых выражений – видимо, чтобы мне было понятнее…

Эта первая экскурсия показала мне, что пешком здесь, при таком «обилии» птиц, орнитологу делать нечего. Хорошо, что это прекрасно понимал и Лапин, который охотно брал меня в свои инспекторские поездки по территории. Поколесили мы с ним по ней немало – и днём, и ночью. Для начала 27 июля съездили на кордон «совхоз Джамбула» вверх по каменистой полупустыне правобережья Чу, оттуда по левому берегу через Фурмановку и Байтал – до Уланбеля, попутно

проводя учёт хищных птиц. В районе кордона «совхоз Джамбула», расположенного в лоховой пойме Чу, осмотрели два гнезда орла-могильника (*Aquila heliaca*), которые были уже пустые, но птенцы вылетели недавно. По пути Дмитрич (как я с первого дня стал звать Лапина) показал мне старое дерево лоха, на котором несколько лет назад гнездился чёрный гриф (*Aegypius monachus*), но яйца его взял в коллекцию какой-то полковник (уж не Кустанович ли? – мелькнула у меня мысль), у которого был при себе пистолет!. Описание птицы не вызывало сомнения, да и с кем можно перепутать грифа?! То, что в местах окота или промысла сайги грифы и сипы собираются в немалом числе, известно было давно, но о гнездовании грифа в пустыне я услышал впервые.

Утром следующего дня мы поехали к золотоискателям в Акбакай и Голубой карьер, где добывают красивый отделочный камень «бетпакдалит». Поскольку путь предстоял немалый, почти до Байгоры через восточный угол пустыни, Дмитрич взял с собой прицеп – небольшую цистерну с бензином, которую он, кстати, собирался и пополнить в Акбакае. Дорога шла по типичной для Бетпак-Далы глинистой равнине, поросшей боялычем, лишь местами встречались небольшие островки низкорослого саксаула. Из птиц попадались почти исключительно каменки, в основном плясунья (*Oenanthe isabellina*), а в островках саксаула – изредка сорокопуты – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*) и серый пустынного подвида (*Lanius excubitor pallidirostris*), которого теперь стали относить к другому виду (*Lanius meridionalis pallidirostris*). Пешая экскурсия по голубому карьеру с 11 до 12 час показала, что птиц здесь нет, к тому же, несмотря на пасмурную погоду, было очень жарко – к 16 час термометр у друзей Дмитрича, у которых мы заночевали, показал 45°. Здесь произошёл несчастный случай, едва не стоивший Дмитричу жизни.

Не подумав о возможных последствиях, он решил в самую жару заправить свою цистерну бензином и открутил её крышку. Скопившиеся внутри пары окатили его с ног до головы остатками находившегося в ней бензина! Чертыхаясь и ругая себя последними словами, он сразу же бросился умываться и протирать глаза, в которые тоже попал бензин. К счастью, всё более или менее обошлось, хотя боль в глазах ещё некоторое время давала о себе знать. Наши хозяева Виктор и Галя просветили меня, что содержание золота в здешней руде – 5 грамм на тонну, а общие запасы его – около 5 тонн. По всей вероятности, работы по его добыче хватит, по крайней мере, на десятилетие, если не больше.

На следующий день жара стояла такая же (в 17 час +45° со штилем), а в 20 час мы с Дмитричем и егерем Петром выехали на ночное дежурство в район горы Курманчите и озера Камкалы. Уже в сумерках Дмитрич издалека заметил «Урал», шедший из Камкалов явно в поисках сайгаков. Пошли ему наперерез. При этом Дмитрич преобразился: сев поудобнее за рулём, он свернул с просёлочной дороге и на приличной (максимальной для ГАЗ'ика) скорости направился прямо по боялычёвой целине. Его азарт передался и нам. Машина летела, как по гравийному шоссе, лишь местами на небольших понижениях она как будто проваливалась, но очень плавно, без тряски. Держаться приходилось крепко, так как повороты были резкими и всегда неожиданными. Выскочив на место,

где примерно должны были встретиться с браконьерами, мы остановились и в бинокль обшарили всю равнину, казавшуюся безжизненной. Ничего. «Ну, куда они могли пропасть? Ведь только что были здесь!» – недоумевал Дмитрич. И вдруг торчавшая далеко на горизонте немного согнутая былинка расправилась – человек!

Через несколько минут мы уже были на месте, где сдиравший с сайгака шкуру браконьер никак не мог прийти в себя от нашего внезапного, как из-под земли, появления. «Где остальные? Где машина? » – прошипел Дмитрич, но браконьер молчал, как будто потерял дар речи. Тогда Дмитрич обернулся ко мне: «Сфотографируй! Мы сейчас вернёмся». И они с Петром на УАЗике растворились в начавшихся уже сумерках. Ощущение было не из приятных – остаться один на один с браконьером, да ещё вечером, когда с каждой минутой становится темнее. Какая уж тут фотография! Я конечно сделал пару кадров (на которых потом трудно было что-нибудь разобрать) и начал, как это ни странно, распрашивать браконьера – откуда он, из какого аула. Оказалось, что он бурят и приехал сюда на заработки, а его взяли с собой на охоту. Напуган он был изрядно.

К счастью, машина наша вернулась ещё до полной темноты, да не одна, а с большим «Уралом», в котором было 5 или 6 человек – сейчас не помню. Как могли Дмитрич с Петром взять вдвоём такую ораву – ума не приложу! Оружие они уже отобрали, оно было сложено в багажнике ГАЗ'ика. Составили акт и отпустили нарушителей. Не обошлось и без инцидента. Постепенно пришедшие в себя во время составления акта браконьеры, в конце концов, разобрались, что нас всего трое, и осмелели. Особенно обнаглел один из них – с блатными замашками. Он стал угрожать напрямую, и меня поразила моментальная реакция Петра: подскочив к браконьеру, он огрел его прикладом (профессиональным движением, как учат в армии) и тот взвыл от боли, заорав: «Фашист!». Пётр, который был немцем по национальности, спокойно сказал: «А за фашиста ещё получишь. Хочешь?». Тот явно не хотел и замолчал, лишь поскуливал. Только когда мы отъехали, я успокоился…

Заночевали мы на горе Курманчите, недалеко от триангуляционного пункта, а утром до 8 часов патрулировали на берегах озера Камкалы. На 102-ю вернулись к 11 часам, проделав за вечер и утро путь в 160 км (просторы здесь потрясающие!).

Переждав жаркий день на центральной усадьбе, в 19 час мы выехали к подножью Джамбулгоры, в 80 км к востоку. Также на ночное дежурство. После глинисто-щебнистой равнины мы пересекли поросшее саксаулом древнее русло Чу под названием Саксаулдала и по очень пологому подгорному шлейфу, поросшему боялычем и кейреуком (*Salsola rigida*), поднялись в предгорья Джамбулгоры, откуда открывался прекрасный обзор всей равнины на десятки километров к западу. Здесь мы стали на ночь у заброшенной скотоводческой базы, на побелённой стене которой браконьеры гвоздём нацарапали: «Смерть инспекции – особенно Лапину!», а на другой стенке – «Лапин! Х… вам, а не браконьеры!». Особенно нелепым было в этом контексте вежливое обращение на «Вы». Рядом тем же гвоздём было начертано лицо (видимо, того же Лапина), всё изреше-

ченное дробью выстрелов… Дмитрич только посмеялся: «Уважают!». Спали на земле, постелив кусок кошмы и укрывшись какими-то старыми полушубками, привезенными с собой.

Ночь прошла спокойно – ни выстрелов, ни фар. Утром 31 июля мы пересекли на машине Джамбулгору в самой пониженной её части и вышли к урочищу Сарыбулак, в котором в своё время наблюдал пролёт птиц Ардалион Винокуров (1962). Место это оказалось очень интересным. Наличие хорошего родника, на разливах которого как раз шло купание овец, создало здесь целый оазис, в котором тростниковые и тамарисковые заросли достигали 8 м в высоту!!! Такого высокого тростника я ещё не видел. Здесь был хороший водопой, на который охотно летали чернобрюхие рябки, и я не раз наблюдал, как они после собственно водопоя заходили по брюхо в воду и несколькими приседаниями смачивали перья брюшка, а потом прямо из воды взлетали, унося на этих перьях драгоценную влагу своим птенцам, изнывавшим от жажды в раскалённой пустыне… К вечеру, проделав за два дня около 250 км, мы через Саксаулдалу вернулись на 102-ю партию.

А утром 1 августа Дмитрич отвёз меня в село Старый Байтал (в нём весной 1967 года наблюдали пролёт птиц Эдик Гаврилов с Юрой Грачёвым) и посадил на местный автобус до станции Чу, где я дождался опоздавшего на 4 часа скорого поезда № 8, благополучно доставившего меня в Алма-Ату. Так закончилась эта короткая, но удивительно интересная и очень запомнившаяся поездка. Она была первым знакомством не только с Бетпак-Далой, но и с очень нелёгкой работой людей, охраняющих её животный мир. И Лапины, и егеря Володя и Пётр так и остались в памяти как рыцари пустыни. Из большого количества их рассказов приведу лишь один, запомнившийся комичностью ситуации.

Тогда в Бетпак-Дале водилось очень много волков, что и понятно при таком обилии корма – в первую очередь сайги. За отстрел их государство платило хорошие деньги: за каждого самца выплачивали 300, а за самку – 500 рублей. Поэтому было немало желающих заработать на этом промысле, и в Казахстане было известно несколько знатных волчатников, которые купили себе на эти деньги легковые машины (сейчас, когда машина есть у каждого школьника, это звучит смешно). Случалось, что в погоне за волками эти охотники и погибали. Отстреливали волков и егеря лапинского хозяйства. Причём, как рассказывал Володя, шкуры добытых волков сдавали не в Казахстане, а в Киргизии, где за них платили намного дороже, причём «надбавка» за самку там ещё долго сохранялась после того, как в Казахстане её отменили. И вот Володя привёз партию волчьих шкур в Токмак (Киргизия). Приёмщик, осматривая первую шкуру, которую Володя сдавал как самку, спросил: «А где паспорт?». Володя подал ему паспорт, на что тот презрительно фыркнул: «Да не твой, а её!». И объяснил ничего не понимающему парню, что для определения пола волка надо снимать шкуру так, чтобы оставалось целым место у влагалища, которое они, приёмщики, на своём жаргоне называют – «паспорт». А поскольку Володя не знал этого правила, то так и пошли все привезенные шкуры за самцов, не оправдав его надежды на высокий заработок…

Эту притчу я вспомнил через несколько лет, когда приехавший из Бишкека мой старый знакомый Виталий Вырыпаев привёз мне в подарок свою книжку «Волк в Киргизии», в которой, в частности, анализировалась также динамика численности волков по данным заготовительных организаций. Если признать, что таких умников, как Володя Ган, на юге Казахстана было немало, то сотни (а может быть – и тысячи) сданных ими в киргизские пункты Заготпушнины шкур не могли не повлиять на данные о численности волка в этой республике…

XVIII Международный орнитологический конгресс (Москва, август 1982)

Конец лета 1982 года ознаменовался проведением в Москве XVIII Международного орнитологического конгресса, к которому наша страна готовилась четыре года! Проходил он в августе на территории Московского университета им. М.В. Ломоносова и был обставлен очень торжественно. Несколько тысяч участников из десятков стран создавали нечто вроде людского водоворота, в котором знакомые лица просто тонули. Обилие информации, встреч и событий на фоне настоящей (не-московской!) жары притупляло остроту впечатлений. Запомнилось открытие и особенно – закрытие конгресса, которое председательствующий Хартман начал со слов: «Ich bin heute sehr traurig (мне сегодня очень грустно)…». Действительно, у большинства было такое ощущение, что всё только начинается – знакомства, обмен научной и другой информацией, переговоры о будущих совместных исследованиях и т.д. Запомнилась реакция участников на показ фильма «Дом для серпоклюва». Впечатление было столь сильным, что иностранные представители обратились в Оргкомитет с просьбой показать фильм ещё раз, что и было сделано. Много пришлось выслушать комплиментов, а Эмиль Шукуров даже нарисовал на эту тему шарж, придав утрированной фигурке серпоклюва черты явного сходства со мной (рис. 70).

Рис. 70. Шарж Э.Д. Шукурова, Москва, август 1982 г.

Совещание по редким видам в Ашхабаде (сентябрь 1982)

Едва успел отшуметь XVIII Международный орнитологический конгресс, как неугомонные В.Е. Флинт и А.К. Рустамов собрали активистов охраны животных в Ашхабаде, где 27-29 сентября проходило Всесоюзное совещание «Разведение и создание новых популяций редких и ценных видов животных». Мы отчитывались о первых результатах реакклиматизации кулана в Капчагайском

ГОЗХ. После недавнего конгрессовского вихря это совещание с относительно небольшим количеством участников производило впечатление камерного, спокойного и делового общения. Мне особенно запомнилась поездка на несколько дней в Чули (предгорья Копетдага), которую организовал мне мой старый товарищ по родному Харьковскому университету Женя Понировский, заведовавший тогда паразитологической лабораторией в одном из медицинских учреждений Ашхабада. Всего три дня проживания в палатке среди кустарников и скал оставили массу впечатлений, из которых самые сильные – встречи с коброй (*Naja naja*), гюрзой (*Vipera lebetina*) и кавказской агамой (*Agama caucasica*), которая совсем не похожа на нашу степную не только внешне, но и тем, что живёт на скалах. Кобра была маленькой и вполне уместилась в бутылке (в которой мы и привезли её в Алма-Ату), а вот гюрза, на которую я наткнулся в густом кусте высокой ежевики, лежала на её ветках и была почти с руку толщиной; матовая, как будто припорошенная пылью шершавая поверхность её чешуи вызывала страх. Вдобавок мы чуть было не опоздали на самолёт, неправильно переведя часы с летнего времени на зимнее (тогда этот перевод ввели впервые и многие из нас не могли к нему привыкнуть).

*****

В октябре в Алма-Ату приехал Семен Давыдович Кустанович, ставший помощником президента Московского общества испытателей природы. Остановился он у Максима Дмитриевича Зверева, и они пригласили меня к себе. Оказывается, целью его приезда была организация в Алма-Ате регионального отделения МОИП, и они с *М.Д.* решили, что лучшей кандидатуры, чем я, им не найти. Мои попытки отвертеться от этого не имели успеха, зато их доводы о преимуществах создания такого неформального объединения для зоологов (и ботаников) Казахстана заставили меня согласиться. Вскоре 12 ноября 1982 г. в Институте зоологии состоялось учредительное собрание по созданию Казахстанского филиала Московского общества испытателей природы (МОИП). Общество это, которое существует с 1805 г., мой учитель И.А. Долгушин всегда ставил на один уровень с Русским Географическим Обществом. Помимо зоологов (Института зоологии, Противочумного, Института защиты растений, кафедр зоологии КазГУ им. Кирова и КазПИ им. Абая) в учредительном собрании участвовали также ботаники и геологи. Выступивший на собрании С.Д. Кустанович сумел убедить присутствующих, и они проголосовали за создание в Алма-Ате Казахстанского филиала МОИП, избрав его председателем А.Ф. Ковшаря. И началась для меня знакомая организационная работа, заключавшаяся как в переписке с Президиумом МОИП (членские билеты все новоиспеченные члены МОИП получали там и туда же мы отправляли взносы), так и в организации зоологической и ботанической секций. Первая работала на базе Института зоологии, вторая – на базе Главного Ботанического сада Академии наук. Так я получил новые обязанности, которые, впрочем, меня мало тяготили, поскольку вопрос объединения всех казахстанских зоологов всегда был мне близок. Была назначена дата первого заседания, на котором утвердили план работ – и дело пошло…

*****

Закончился этот длинный, насыщенный событиями год выходом в свет коллективной монографии «Заповедное дело в Казахстане» (1982), ставшей результатом трёх лет работы комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане», созданной при Президиуме Академии наук КазССР в 1979 г. Председателем её был избран крупнейший ботаник Казахстана академик АН КазССР Борис Александрович Быков, который дал своё согласие при условии, что его заместителем по зоологии буду я.

Этому предшествовали многократные обращения ко мне Юрия Александровича Смирнова – заведующего отделом биогеографии СОПС АН КазССР с требованием поскорее защищать докторскую, чтобы они могли утвердить меня председателем этой комиссии (по линии Казахского общества охраны природы я уже несколько лет был председателем секции заповедников и заказников). На очередное из таких требований я ответил: «Раз вам нужен доктор, то может тогда уж лучше академик?». На вопрос – где его взять, я заикнулся об академике Быкове, бывшем директоре института ботаники. Смирнов покачал головой: «не согласится, да и предлагать ему это я не смогу». И я решился сам пойти к Борису Александровичу, с которым был почти незнаком. Он тогда был уже на пенсии и жил буквально через дорогу от меня – в том же дворе, что и А.А. Слудский и П.И. Мариковский. Переступив порог его гостиной, куда меня ввела хозяйка дома, я обратил внимание на красивые картины, на которых были изображены преимущественно пустынные ландшафты и береговые чинки. «Нравится?» – спросил незаметно вошедший в комнату Борис Александрович. Получив утвердительный ответ, он вдруг огорошил меня признанием: «А знаете, я ведь впервые взял в руки кисть в 54 года!». В этой фразе меня поразило, прежде всего, то, что *это его картины*, а уж потом – возраст начала творчества.

Разговор сразу пошёл как-то легко, и скоро я уже забыл о своей робости. Изложил ему цель своего визита, не забыв сказать несколько слов о плачевном положении наших заповедников и о том, что новые практически не создаются. На это Борис Александрович отреагировал очень быстро и стал приводить множество своих примеров. Потом спросил меня, а почему я не хочу возглавить это дело. Узнав причину, он тут же дал согласие и при этом сказал, что соглашается лишь при условии, что я буду его заместителем, так как заниматься зоологическими вопросами он не собирается. Так мне удалось познакомиться и вскоре близко сойтись с этим замечательным человеком.

Борис Александрович Быков (1910-1990)

В краткой энциклопедии «Казахская ССР» о нём сказано следующее: «Быков Борис Александрович (р. 15.12.1910, г. Галич, Костромской обл.) сов. ботаник, доктор биол. наук (1955), академик АН КазССР (1967), заслуженный деятель науки Казахской ССР (1961). Окончил КазГУ (1939). В 1939-41 там же ассистент. В 1941-46 преподаватель педучилища, зав цехом завода. В 1946-51 мл., ст. научный сотрудник, в 1951-60 и 1965-75 зав. отделом, зам. директора (1954-56) , директор (1960-65) Института ботаники АН КазССР, с 1975 – научный консультант этого же института. Основные научные

труды в области геоботаники и ботанической географии. Быковым описан растительный покров почвы всего Казахстана, составлены геоботанические карты республики и её регионов, разработаны методы крупномасштабного флористического картографирования и сравнит. оценки эндемизма на различных по величине территориях; обоснована биоэкологическая классификация растительности СССР, классификация пастбищ и сенокосов КазССР; развита теория фитоценоза и биоценоза. *Сочинения*: Геоботаника. 3 изд. – А-А, 1978; Доминанты растительного покрова Советского Союза. Т. 1-13. – А-А, 1960-65; Геоботанический словарь. – А-А, 1973; Экологический словарь. – А-А, 1983» (Краткая энциклопедия «Казахская ССР», том 3, 1989).

В этих сухих лаконичных словах перечислены основные вехи жизни и творчества, но самого человека, как и всегда в энциклопедиях и справочниках, нет. Между тем, Борис Александрович писал стихи, с натуры рисовал великолепные пейзажи Казахстана и был настоящим борцом за сохранение его природы, что и доказал за десятилетие руководства академической комиссией по заповедникам. С первых же шагов он пропагандировал создание заповедника в хребте Каратау, где эндемизм флоры и фауны очень высок. Кроме того, он активно поддержал идею создания коллективной монографии о заповедниках Казахстана – не краткого справочника с перечислением площадей и дат создания этих особо охраняемых территорий, а именно коллективной научной монографии, в которой по каждому из заповедников будет сделан анализ результатов их деятельности за годы их существования. Он всецело поддержал предложенный мною план монографии и состав авторского коллектива и поручил мне заниматься всеми организационными вопросами. Благодаря его постоянной поддержке удалось выполнить эту работу за два года, а к концу третьего года она увидела свет под названием «Заповедное дело в Казахстане» (1982).

Возвращаясь к основным трудам Бориса Александровича, упомянутым в очерке о нём в энциклопедии, надо подчеркнуть, что важнейший из них – учебник по геоботанике, по которому учатся и нынешние поколения студентов. Не менее капитальный труд – «Доминанты растительного покрова Советского Союза», подобного которому нет в зоологии, хотя много усилий в этом направлении приложил А.П. Кузякин (см. выше). Под влиянием этого труда я сделал попытку обобщить результаты своих количественных учётов и на одну из Всесоюзных орнитологических конференций послал доклад на тему: «Доминанты авифаунистического населения пустынь Казахстана» (1991). Наконец, составленный *Б.А.* «Экологический словарь» (1983) является одним из наиболее удачных и информативных изданий на эту тему; экземпляр словаря с его автографом – до сих пор одна из наиболее часто используемых мной книг.

С Борисом Александровичем было очень приятно и легко работать. Несмотря на все регалии и звания, он был очень прост в общении. Очень быстро схватывал суть любого нового сообщения и столь же быстро определял своё отношение к нему. Положительное решение он принимал сразу же и особо о нём не распространялся, не тратя лишних слов на объяснения, почему именно он так решил – особенно если дело было очевидным. Для принятого отрицательного решения он не жалел слов и объяснял его максимально ясно. Мне особенно

импонировала его мягкость, и я часто вспоминал слова И.А. Долгушина, сказанные в период, когда Быков был директором Института ботаники, в котором, как известно, работали почти исключительно женщины: «Не представляю, как Борис может управляться с этим женским батальоном!». Не помню, по какому поводу была речь, но сказано это было от всей души и с восхищением. Видимо, Игорь Александрович говорил так неспроста, ибо через пару лет Борис Александрович оставил этот высокий пост.

Вообще Борис Александрович, как и большинство настоящих крупных учёных, был всецело поглощён наукой и далёк от административных дел, а тем более от всякого рода интриг, которых немало там, наверху. Помню, как в годы моей работы на Большом Алматинском озере к нам на стационар приехали двое озабоченных чиновников академии и осторожно спрашивали, не появлялся ли у нас академик Быков. Удивлённый таким вопросом, я спросил Евгения Васильевича Гвоздева, что бы это могло значить. Он не стал распространяться на эту тему, а сказал только, что Борис Александрович исчез (!) после каких-то неприятностей в Президиуме АН КазССР, а поскольку он всегда любил именно это ущелье, то залечивать полученный стресс мог направиться сюда. А в том, что он ушёл в горы, никто не сомневался. Кстати, именно в горах его и нашли – он там отдыхал…

Общаясь с ним после этого случая, я очень хотел, но так и не посмел спросить, что же это было. Борис Александрович был очень деликатным человеком и невозможно было не платить ему той же монетой. А сам он ни разу не обмолвился о том случае…

Всегда приятно было видеть, как любят и почитают его ученицы: и когда в день его 75-летия они устраивали выставку его картин в Зимнем саду Дома Учёных, и когда там же отмечали его 80-летие (уже посмертно). Особенно много в этом плане сделали Лидия Яковлевна Курочкина, посвятившая *Б.А.* много устных и печатных выступлений, а также Наталья Петровна Огарь, которая к столетию со дня его рождения выпустила небольшим тиражом сборник его стихов. Здесь самое время сказать о других ботаниках, с которыми посчастливилось мне общаться, и особенно о двух наиболее выдающихся женщинах-ботаниках, докторах биологических наук, профессорах и самых крупных специалистах каждая в своей области – Лидии Яковлевне Курочкиной и Екатерине Ивановне Рачковской; обе они здравствуют и до сих пор работают.

Лидия Яковлевна Курочкина (г.р. 1928)

Лидия Яковлевна Курочкина – последователь теоретических разработок академика Б.А. Быкова о доминантах растительности, её эволюции и классификации экосистем. Она – один из первых исследователей проблемы опустынивания, инициатор составления «Зелёной книги Казахстана». К её 80-летнему юбилею, который был широко отмечен научной общественностью, я написал текст под названием «**Да здравствуют ботаники**! (воспоминания зоолога)». Ниже привожу его с некоторыми сокращениями.

«Так уж повелось, что по мере всё возрастающей специализации натуралисты, в самом широком и высоком смысле этого слова, стали делиться на две крупные категории – ботаников и зоологов, посвятивших свои жизни изучению двух основных составляющих биологической оболочки Земли – растений и животных. И эта растущая специализация, углубление в свой предмет, привели к тому, что со временем зоологи уступили место ихтиологам, орнитологам, герпетологам, териологам, энтомологам, малакологам и т.д. Нечто подобное происходило и в ботанике (альгологи, лихенологи, бриологи и пр.). Однако полностью замкнуться, как в скорлупе, в границах своей группы объектов могут только представители чисто лабораторных, экспериментальных направлений.

В полевых же условиях любые объекты тесно связаны с другими. И точно так же, как нельзя себе представить нормальное существование растений без почвы, невозможно и нормальное существование животного мира без растительного покрова. В этом плане растения (а значит, и ботаники) – первичны, а животные (и зоологи) вторичны. Истину эту более полувека тому назад вдалбливал в наши студенческие головы один из самых любимых и уважаемый преподавателей-зоологов кафедры зоологии позвоночных Харьковского университета Александр Сергеевич Лисецкий. Говорил он примерно так: «Запомните – как нет на свете просто птички, а есть щегол, зяблик, тетерев (у каждого – свое имя), так нет и просто цветочка или травки – каждое растение имеет свое имя. И если ты хочешь быть грамотным зоологом, то обязан знать имена и тех, и других». Впоследствии, работая в Казахстане, я тысячи раз убеждался в справедливости этих слов. И надо сказать, что Александр Сергеевич прекрасно знал флору окрестностей биостанции университета, которая находилась в бассейне реки Северский Донец, а представители этой флоры (гравилат городской, чина луговая, ежа сборная, василек скученный, пустырник, сныть) сохранились в моей памяти ещё с того времени…

Необходимость знания растений особенно остро почувствовал я при первых шагах самостоятельной работы в 1959 г. в заповеднике Аксу-Джабаглы (Южный Казахстан), где флора насчитывает около полутора тысяч видов. Каждый приезд в заповедник Нурании Халиловны Кармышевой, проработавшей здесь более 20 лет, я воспринимал, как праздник – возможность побольше узнать о растениях. От нее же узнавал я и о ботаниках, в том числе и таких великих знатоках среднеазиатской флоры, как Михаил Григорьевич Попов, Евгений Петрович Коровин, Николай Васильевич Павлов, с которыми лично мне, к великому сожалению, встречаться не довелось…

Много интересного посчастливилось узнать от Петра Петровича Полякова, с которым судьба свела меня при совместном редактировании второго выпуска Трудов заповедника Аксу-Джабаглы (1965). Каждое из этих знакомств давало новые знания, оставляло свой след и помогало преодолевать следы свойственной зоологам «ботанической неграмотности». Это относится и к беседам в 70-80 х гг. с такими знатоками пустынной растительности как Лидия Петровна Гвоздева и Людмила Андреевна Демченко, а также к более поздним встречам (на туркменской земле в 1984 г.) с Ниной Трофимовной Нечаевой и Леонидом Ефимовичем Родиным.

О Лидии Яковлевне Курочкиной как большом специалисте в области геоботаники и экологии пустынной растительности я впервые услышал в конце 60-х гг. XX в. от известного географа Алдара Петровича Горбунова, однако встретиться не удавалось ещё ряд лет. Это и не удивительно, так как места и сроки наших работ никак не совпадали. Когда я в 1959 г. ещё только делал первые шаги по изучению птиц высокогорья Западного Тянь-Шаня, Лидия Яковлевна уже защитила кандидатскую диссертацию по пастбищам пустыни Кызылкум (1953) и 6 лет работала над исследованием растительности других, преимущественно песчаных пустынь Казахстана, успешно защитив в 1975 г. докторскую диссертацию по монографии «Псаммофильная растительность пустынь Казахстана». Я

же все эти годы изучал биологию птиц в высокогорье Тянь-Шаня. Так и не суждено было пересечься нашим путям до конца 70-х гг. XX в.

В декабре 1978 г. в существовавшем при Президиуме Академии наук Казахской ССР Научном Совете «Охрана природы и рациональное использование ее ресурсов» была создана комиссия «Научные основы заповедного дела в Казахстане». Председателем этой комиссии мы буквально уговорили стать академика Б.А. Быкова – замечательного казахстанского ботаника, автора таких капитальных монографий как «Геоботаника» (1978) и «Доминанты растительного покрова Советского Союза» (1960-1965).

Лидия Яковлевна, будучи одним из ярких последователей теоретических разработок Б.А. Быкова, не могла остаться в стороне от работы названной комиссии и, хотя она не числится в авторах изданной в 1982 г. коллективной монографии «Заповедное дело в Казахстане», однако в обсуждении ее материалов, как и в составлении перспективного плана развития заповедников Казахстана до 2000 г., она принимала активное участие. К этому времени относится написание нашей совместной с ней (и Н.Х. Кармышевой) работы «Состояние и перспективы ботанических и зоологических исследований в заповедниках Казахстана», доложенной на совещании по заповедному делу в Туркмении (1984) и опубликованной в журнале «Проблемы освоения пустынь» (1985, вып. 4).

На эти же годы приходится расцвет деятельности двух Научных Советов при Президиуме Академии наук Казахстана – «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана» (председатель – акад. Е.В. Гвоздев) и «Растительный мир Казахстана» (председатель – акад. И.О. Байтулин). Один раз в год заседания советов проводились за пределами столицы – в одном из областных центров или в заповеднике. И как правило, такие выездные заседания объединялись. Так ботаники и зоологи побывали вместе практически во всех областных центрах республики (от Усть-Каменогорска и Семипалатинска до Кустаная и Уральска), а также в таких заповедниках как Аксу-Джабаглы, Кургальджинский, Алматинский. На этих заседаниях не раз приходилось слышать доклады и выступления Л.Я. Курочкиной – яркие, содержательные и эмоциональные, посвященные проблемам борьбы с опустыниванием.

Запомнился мне 75-летний юбилей Б.А. Быкова, организованный его учениками и последователями во главе с Лидией Яковлевной Курочкиной, проведенный в декабре 1985 года в Зимнем саду Дома Ученых в Алма-Ате. Помимо содержательного доклада, посвященного творчеству юбиляра, особую атмосферу на этом юбилее создала та тёплая обстановка, которую сотворили ученики своему учителю при помощи художественной самодеятельности: песни, стихи, юмористические зарисовки, картины кисти юбиляра… Во всех этих делах ведущая роль принадлежала Лидии Яковлевне. Такое отношение к учителю говорит в первую очередь и о самих учениках, а это дорогого стоит.

Первый опыт прямого научного сотрудничества пришелся на 1989 год, когда я при подготовке рукописи коллективной монографии «Редкие животные пустынь» (1990) вдруг решился предпослать ей широкий ботанический фон – как основу существования этих животных. И обратился к Лидии Яковлевне с просьбой написать такой текст. Сделала она это быстро и настолько качественно, что и по сей день этот текст украшает зоологическую книжку. Второй раз мы сотрудничали уже почти два года – при создании важного официального документа «Национальная стратегия и план действий по сохранению биологического разнообразия Республики Казахстан» (1998-1999). Сложность этой работы заключалась в том, что авторский коллектив её был очень большой и разношерстный, подаваемые авторами рукописи очень разнились не только по объёму, но и по качеству выполнения. И небольшому коллективу редколлегии (5 человек), в котором работали мы с Лидией Яковлевной и Исой Омаровичем Байтулиным, приходилось много раз переделывать всю работу заново. Эта совместная деятельность оставила воспомина-

ния о тех качествах, которые присущи Лидии Яковлевне как организатору и редактору. После этого мы не раз встречались с Лидией Яковлевной на различного рода заседаниях по экологическим и природоохранным проектам, а в Институтах зоологии и ботаники в новом XXI веке встречались уже как старые знакомые. Всегда поражает в ней большая энергия, знание предмета и свобода высказывания своих мыслей – без поправки на то, что скажут об этом другие, особенно высокопоставленные лица. Эта прямота, которая редко встречается сейчас в людях, всегда подкупает и вызывает уважение.

Я умышленно не пытаюсь предпринимать какие-либо оценки геоботанической деятельности Лидии Яковлевны, это дело её коллег – специалистов, которые сделают это более профессионально, чем зоолог со своей колокольни. Мне хотелось бы только подчеркнуть её деловые и человеческие качества, о которых я уже упоминал, и выразить глубокое уважение и восхищение тем, что она сделала и продолжает делать… (*А.Ф. Ковшарь*)».

Екатерина Ивановна Рачковская (г.р. 1927)

Воспоминания о ботаниках Казахстана были бы очень неполны без рассказа об этом крупнейшем специалисте в области геоботаники и картографирования растительности – лучшей представительнице ленинградской ботанической школы в Казахстане. Впервые о ней я услышал в Туркменистане из уст крупного ботаника Леонида Ефимовича Родина, который в разговоре со мной сказал: «Казахстан можно поздравить с очень ценным приобретением – к вам переходит работать Екатерина Ивановна Рачковская». Очень скоро мы все это почувствовали. Вместе со своим супругом почвоведом Юрием Григорьевичем Евстифеевым Екатерина Ивановна активно участвовала в работе нашей академической комиссии по заповедникам, а буквально в самом начале нового столетия – в Трансграничном проекте ГЭФ/ПРООН по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня, где мне посчастливилось немного поработать с ней и в поле. И к 80-летнему юбилею Екатерины Ивановны я постарался изложить все свои чувства и пожелания в следующем поздравительном адресе:

«*Дорогая и глубокоуважаемая Екатерина Ивановна*!

Сегодня, в славный день 60-летия Вашего творческого пути позвольте и нам, орнитологам, выразить свое восхищение поистине великими результатами этого творчества. Того, что Вы сделали за эти годы, с лихвой хватило бы на крупный и работоспособный научный коллектив – на целый институт. Ибо только одно бесстрастное перечисление всех мест Ваших исследований и названий печатной продукции заняло бы чрезвычайно много места и времени – и всё равно что-нибудь оказалось бы упущенным. Поэтому позвольте мне коснуться только самых узловых моментов Вашей творческой биографии, показывающих широту размаха научных поисков (о глубине их судить не зоологам – об этом лучше скажут ботаники). Ареной Ваших исследований является вся Палеарктика – от дубрав Закарпатья на западе, где 60 лет назад начинался Ваш путь под руководством В.Б. Сочавы, и до пустынь Монголии и Китая на востоке; от степей Северного Казахстана на севере до пустынь Израиля на юге.

Первое боевое крещение Вы получили в пустынях Туркмении в составе экспедиции СОПС АН СССР по Каракумскому каналу (под руководством Л.Е. Родина) и по результатам этих работ в 1953 г. защитили кандидатскую диссертацию на тему «Биология пустынных полукустарничков». Этот стиль работы Вы сохранили на всю жизнь: после напряженных полевых работ – обязательно результат в виде крупного обобще-

ния – выхода монографии, карты или другой печатной продукции. Казахстан в Вашей судьбе начался в 1954 году – с работы в степях Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. И с тех пор, где бы Вы ни работали, Вы всегда были связаны с этой страной. Именно здесь, в Северном Казахстане, Вы впервые занялись геоботаническим картографированием. Результаты североказахстанских исследований весьма внушительны: «Карта растительности Северного Казахстана» (1960) под ред. Е.М. Лавренко и совместная с Т. Исаченко монография «Основные зональные типы степей Северного Казахстана» (1961).

Следующий этап – Биокомплексная экспедиция в Центральном Казахстане в середине 50-х гг. под рук. Е.М. Лавренко, Б.А. Быкова, А.А. Юннатова и Л.В. Арнольди. Здесь Вы впервые проявили свой организаторский дар как руководитель двух стационаров – сухостепного Терсакканского и пустынно-степного Жанааркинского. Результатом работ явился трехтомник «Биокомплексные исследования в Казахстане» (1969-1976), в каждом из томов которого Вами написаны крупные разделы. Третий казахстанский этап – Восточно-Казахстанская картографическая экспедиция БИН АН СССР 1964-1966 (1968) гг. под Вашим руководством. В результате – совместная с З.В. Карамышевой монография «Ботаническая география степной части Центрального Казахстана» (1973), в которой разработаны геоботанические и флористические критерии выделения основных единиц районирования и высказаны важные теоретические соображения по соотношению ботанико-географического и природного районирования, а также «Карта растительности степной части Казахского мелкосопочника» (1975). Работа в составе Советско-Монгольской экспедиции в 70-80-х гг. – это особая славная страница Вашей творческой биографии, увенчавшаяся, помимо издания новых карт и монографий [Карта растительности Монгольской Народной Республики (1990), «Растительность гобийских пустынь Монголии» (1993)], также защитой в 1989 г. докторской диссертации.

Четвертый казахстанский этап ознаменовался переездом в 1985 году в Алма-Ату и созданием в Институте ботаники лаборатории геоботанического картографирования, которая под Вашим руководством вскоре проявила себя как крупный и работоспособный научный коллектив нового типа и нового направления. Об этом всем в Казахстане хорошо известно и об этом много и подробно скажут коллеги-ботаники. Мне бы хотелось, не утомляя Ваше внимание, вспомнить лишь о двух необходимых вещах, без которых картина Вашей творческой биографии была бы неполной.

Почти 20 лет отдали Вы созданию «Карты растительности Казахстана и Средней Азии», руководить коллективом по подготовке которой начали ещё в 1976 г., а карта увидела свет лишь в 1995 г. – и только благодаря Вашей неиссякаемой энергии и поиску путей решения не только научно-методических, но и организационных проблем.

Второе важное событие – выход в Санкт-Петербурге 2003 г. под Вашей редакцией (совместно с Е.А. Волковой и В.Н. Храмцовым) монографии «Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области)». Этот колоссальный труд, значительная часть которого написана Вами лично, созданный на основе всего Вашего научного опыта и снабженный объемистым (почти 200 с.) переводом на английский язык, будет долгие годы служить для ботаников всего мира основным источником знаний о ботанической географии нашего огромного региона.

Дорогая Екатерина Ивановна! Вы не только крупнейший ученый-геоботаник нашего времени, но и великая женщина-путешественница, исследовавшая огромные территории аридных стран Евразии. И самое отрадное – что всё это не в прошлом, Вы и сейчас так же активно занимаетесь исследовательской, в том числе и экспедиционной, деятельностью, проникая даже в горные территории, чему все мы очень рады, так как работать с Вами по проекту в Западном Тянь-Шане нам было не только интересно, но и полезно. Сделанное

Вами за 60 лет вызывает не только огромное уважение и восхищение, но и преклонение перед Вашим подвижничеством в науке». (*А.Ф. Ковшарь*)

Достойно глубокого уважения, что в течение 6 лет, прошедших со дня этого юбилея, Екатерина Ивановна трудится, не покладая рук. Свои обширные знания она щедро передаёт молодым, имея целую плеяду учеников и последователей, среди которых и последняя ученица Бориса Александровича Быкова, доктор биологических наук Наталья Петровна Огарь, достойно продолжающая традиции своих учителей.

Экспедиция в Восточную Бетпак-Далу (апрель-май 1983)

Самой экспедиции предшествовала интересная поездка в марте 1983 года в Чимкент, где проходила очередная республиканская олимпиада юннатов «Моя Родина СССР», на которой мне довелось быть членом жюри секции «Тайны природы». Мероприятие это оказалось удивительно массовым, в нём участвовали несколько сотен школьников и учителей. Были приглашены ветераны, в их числе даже какой-то участник штурма Зимнего дворца. Здесь, помимо старых знакомых (например, директор областной станции юных туристов Нина Ивановна Поддубная, с которой мы встречались ещё в 60-х гг., когда я работал в заповеднике Аксу-Джабаглы), я впервые встретился с только что вернувшимся в Казахстан покорителем Эвереста альпинистом Казбеком Валиевым, тогда ещё совсем молодым человеком, с которым спустя 15 лет мы тесно сотрудничали в области развития орнитологического туризма в Казахстане. Интересным было знакомство с инструктором ЦК комсомола Казахстана Галиной Александровной Лисицыной (Бородиной), которая и пригласила меня на это мероприятие; от неё я узнал много интересного о работе этого органа молодёжи. Рассказы её полностью подтвердили бытовавшее тогда определение самого понятия «комсомолец» для периода 80-х гг.: «Комсомольцы – это те, которые работают, как дети (для них был укорочен рабочий день), а пьют, как взрослые». Именно она вскоре оказала мне неоценимую услугу, определив мою дочь в приличный роддом, где Вита 7 апреля произвела меня в ранг **деда**, родив внучку Элину – нашу гордость…

Полевой сезон начался 25 апреля выездом экспедиции СОПС (Совет по изучению производительных сил) АН КазССР в Восточную и Западную Бетпак-Далу для поисков и определения места под предлагаемый нашей комиссией новый заповедник. В состав этой экспедиции, научным руководителем которой приказом по академии был назначен я, вошли зоологи Юрий Георгиевич Афанасьев (начальник отряда, териолог), А.С. Левин (орнитолог), О.В. Белялов (лаборант) и ботаники – Нина Васильевна Ляшенко (Главный ботанический сад АН КазССР), Назира Жапарова (аспирант Института ботаники) и лаборант Меерманов Ермек. Для этого небольшого коллектива были выделены две экспедиционные машины, с учётом того, что на одной машине по такой пустыне ездить небезопасно. При этом одной из машин был мощный ГАЗ-66 (водитель Николай Никитин), а второй – обычный «бобик» УАЗ-469 (Сергей Кузнецов). В таких роскошных условиях мне довелось работать впервые.

Покинув Алма-Ату в полдень 25 апреля, мы остановились на ночёвку на 145-м км, не доезжая Курдайского перевала. Погода была прекрасной, во-всю пели жаворонки, и мы не стали ставить палаток на одну ночь, а легли спать прямо на земле у машин. Звёздное небо над головой после длительной зимней городской «спячки» – это незабываемо! Утром было очень свежо, и мы после короткого чаепития поспешили продолжить путь. Настроение было просто замечательное: впереди более двух месяцев полнейшей свободы, да ещё в диких, незнакомых местах! В который раз я радовался, что я орнитолог…

Проехав Георгиевку, станцию Чу и село Новотроицкое, мы немного заблудились и на 46 км забрались в пески Муюнкум – до совхоза «Коммунизм» (все эти названия уже давно в прошлом!). От хорошей вчерашней погоды ничего не осталось: всё усиливающийся восточный ветер перешёл в пыльную бурю, которая сопровождала нас от самой Георгиевки, и особенно на нераспаханных участках между селом Новотроицким и совхозом «Коммунизм», где встречную машину можно было заметить только вблизи! Вернувшись к Фурмановке, мы разыскали кордон «свх. Джамбула», где и заночевали. Утром 27 апреля ветер стих и в 8 час начался дождик, который шёл до 11 час. Пока местные умельцы с нашими водителями стучали молотками по деталям мотора УАЗ'ика, делая вид, что ремонтируют его, я совершил экскурсию по пойменным зарослям долины Чу. К своему удивлению обнаружил здесь колонию грачей на деревьях лоха – до сих пор так глубоко в пустыню они не забирались. Орла-могильника у его же старых гнёзд встретить не удалось.

После 15 час, преодолев 89 км, мы добрались до 102-й партии (Центральная усадьба Андасая). В ожидании А.Д. Лапина, который приехал только к вечеру 29 апреля, я провёл учёты-пятиминутки как в самой пустыне, так и в ближайших участках поймы. По сути, это разновидность маршрутного учёта, когда запись встреченных птиц ведётся по 5-минутным интервалам. Сложив результаты 12 пятиминуток, всегда можно получить число птиц, отмеченных за часовой маршрут. Но преимущество этого нового метода состоит в том, что он позволяет получать точные данные в местах с мозаичными биотопами – ведь для каждой пятиминутки вкратце описывается биотоп. Так, любая лужица или куртина кустарника в степи имеют свой набор птиц, которые таким образом выделяются из степи. Очень хорошие результаты даёт этот метод в горах, где мозаика условий общеизвестна, а при часовых учётах всё это нивелируется. Особенно пригодился нам этот метод впоследствии, при проведении учётов птиц в городе (в частности, в Алма-Ате).

В полдень 30 апреля мы выехали на Байгору, где простояли лагерем 8 дней. Погода все эти дни стояла пасмурная и ветреная, почти каждый день шли дожди. О пустынной жаре оставалось только мечтать. Даже в праздничный день 1 мая сильные ветры порвали нашу хозяйственную палатку, пришлось в который раз её зашивать, а затем в редкие минуты без дождя раскладывать для просушки намокшую картошку, которой запаслись мы на весь период экспедиции. Но, тем не менее, по утрам мы проводили экскурсии.

Лагерь наш состоял из 5 простых двухскатных палаточек старого советского образца: хозяйственная, она же кухня; для обработки материала и ведения запи-

сей – со складными стульями и столом; и трёх жилых, в которых спали по 2-3 человека (водители обычно предпочитали спать в свих машинах). Поставлены они были близко друг от друга – так что при случае можно было переговариваться, не выходя из соседних палаток. Помню, как наутро после коллективного празднования 1 Мая Нина Васильевна Ляшенко, которая, как и Ю.Г. Афанасьев, была старше остальных по возрасту, за завтраком сказала мне: «Где Вы берёте таких ребят? Я много лет езжу по экспедициям и знаю, о чём обычно говорят мужики в палатках. Но эти двое (имелись в виду Левин и Белялов) всю ночь проговорили только о птицах! Это просто удивительно!». А мне было так приятно это слышать, как будто речь шла обо мне…

Первая экскурсия, в праздничный день, была по западному склону Байгоры от подножья до верхушки этой невысокой горы, где мы нашли гнездо степного орла с кладкой. Странно и непривычно было видеть прямо под ногами орлиное гнездо, зажатое меж двух крупных камней. А на следующий день мы съездили на северо-восточную сторону Байгоры, где встретили первого джека. По пути нередко встречались саджи.

Здесь мне удалось наблюдать волка на относительно близком расстоянии, а главное – довольно долго. Рано утром мы с Олегом Беляловым пошли вдоль подножья Байгоры наблюдать птиц, взяв с собой только бинокли; ни фотоаппарата, ни ружья у нас с собой в этот раз не было. И вот вдали на равнине мы заметили точку, которая как будто двигалась. В бинокль рассмотрели, что это волк! Шёл он, не спеша и прямо на нас, а лёгкий западный ветерок дул от него, что не позволяло ему учуять наш запах. Сев поудобнее, мы стали наблюдать за ним. Зверь не торопился, но уверенно шёл в одном направлении, никуда не сворачивая; фигура его постепенно вырастала в поле зрения бинокля. Вот уже хорошо видны его глаза, зорко следящие за малейшим движением по пути следования. Затаив дыхание, не шелохнувшись, мы ждали – чем же всё это кончится, когда он рано или поздно нас увидит. Очень жалели, что нет фотоаппарата. Не дойдя до нас метров 100-150, волк остановился, вытащил из-под кустика боялыча что-то похожее на тряпку и стал об это тереться боками головы (щеками), потом боками тела и даже спиной. Занимался этим долго, сосредоточенно и, похоже, с явным удовольствием. Закончив эту процедуру, он развернулся и ушёл. Подождав, когда он отошёл на большое расстояние, мы пошли на это место. И увидели, что это были остатки барана с довольно сильным неприятным запахом – видимо, пролежали не один день. Значит, волк просто готовился к охоте, стараясь запахом жертвы отбить свой собственный…

А утром 3 мая случилось ЧП. Водитель УАЗ'ика Сергей внезапно уехал в Алма-Ату. Его напарник Николай долго не мог ничего объяснить толком, а потом признался, что ночью Сергею приснилось, будто жена ему изменяет (он недавно женился), и, едва дождавшись утра, он завёл свою машину и умчался! Несмотря на то, что отъезд его нарушил наши ближайшие планы, мы поначалу даже сочувствовали парню. Но когда он не появился и на третий день, и на четвёртый, мы не на шутку забеспокоились. Хорошо хоть, что погода не очень располагала к поездкам: всё время было пасмурно и почти каждый день шли

дожди. И только 8 мая приехал другой Сергей на другой машине, и мы на следующий день перебазировались вглубь пустыни, в район горы Курманчите, куда нас проводил приехавший специально для этого А.Д. Лапин.

Поездка в низовья Таласа (май 1983)

Здесь мне пришлось оставить экспедицию, так как предстояла двухнедельная поездка в низовья Таласа, о чём мы ещё зимой договорились с Иваном Моисеевичем Панасенко (Институт водного хозяйства). А.Д. Лапин отвёз нас с Ермеком в Фурмановку, откуда мы автобусом отбыли в Алма-Ату. Здесь меня ожидала приехавшая из Чокпака киевлянка Валерия Антоновна Мельничук, с которой мы ещё в августе, во время XVIII орнитологического конгресса, договорились, что она приедет поработать на водоёмах Южного Казахстана и на Чокпакском стационаре. Поездом мы выехали в Джамбул (ныне Тараз), где находится КазНИИВХ, и на УАЗ-452 отправились в низовья Таласа. Третьим зоологом с нами поехал знаток этих мест, сотрудник областного краеведческого музея Владимир Геннадиевич Колбинцев – прекрасный герпетолог, закончивший Томский государственный университет и уже хорошо знакомый мне по встречам в Алма-Ате. Эта поездка стала для него *знаковой*, так как именно здесь он заинтересовался птицами, очень увлёкся ими и к концу 90-х гг., после нескольких лет работы в заповеднике Аксу-Джабаглы, стал профессиональным гидом для бёрдвотчерских групп, которые водит по Казахстану уже более 10 лет. Водников было также трое (в том числе Таня Зеленцова и маленькая девушка по имени Павлинка), и мы составили хороший, дружный коллектив.

За две недели, с 12 по 27 мая, мы посетили озёра Акколь и Ащеколь (на которых я бывал в 1959 г.), охотхозяйство Володи Чувашова в низовьях самого Таласа (там впервые я увидел белобрюхих рябков – *Pterocles alchata*) и оригинальное озеро Кызылколь, уже в восточных предгорьях Каратау, на котором в последние десятилетия орнитологи бывают практически ежегодно. Особенно запомнилось посещение озера Акколь, которое совсем высохло, а по дну его на многие километры выросла «щетина» молодого тамариска! Не менее сильное впечатление осталось от посещения озёр Казоты, где в 1962 году утонул один из любимых учеников И.А. Долгушина Дмитрий Иванович Чекменёв. Мы долго искали эти озёра, пока не поняли, что ездим по их бывшему дну, уже давно заросшему редким кустарником! Трудно было себе представить, что на этой пыльной равнине всего 20 лет назад было озеро, в котором можно было утонуть…

В этой части маршрута мы нашли три гнезда белого аиста (*Ciconia ciconia*), хорошо знакомой мне с детства птицы, гнёзда которой на Украине украшали едва ли не каждую соломенную крышу сельских хат. Но здесь белый аист изолированного среднеазиатского подвида в последние годы стал большой редкостью и уже 5 лет как занесен в Красную книгу Казахстана; численность его в нашей республике исчисляется считанными парами. Найденные нами гнёзда располагались также на крышах: одно – на старой кошаре и два – на муллушках среди кладбища, причём до одного можно было даже дотянуться рукой… Долго

и безуспешно искали мы также второго представителя Красной книги – журавля-красавку (*Anthropoides virgo*), который должен был гнездиться по степным участкам восточных предгорий Каратау и котловины озера Бийликоль: ещё весной 1970 года на Чокпаке я сам видел как от пролётных журавлиных стай отделялись пары и, призывно курлыкая, как бы прощаясь со стаей, опускались в этих местах, явно прилетев домой.

Как-то погожим майским вечером, завершив обследование низовьев реки Талас и окружающих ее пустынных пространств, мы возвращались в город Джамбул. Когда до города оставалось всего километров двадцать, я вспомнил, что где-то поблизости должно быть озеро Сингербай, на берегах которого, как мне рассказывали, гнездятся журавли-красавки. Проверить это было очень заманчиво. Поэтому, несмотря на позднее время и общую усталость, я обратился к руководителю экспедиции с просьбой свернуть к озеру.

К моему удивлению, Иван Моисеевич сразу же согласился, и вот после получаса петляний по разбитым проселочным дорогам и расспросов то в одном селе, то в другом наш видавший виды запыленный УАЗ'ик остановился, наконец, на зеленой лужайке у крохотного, но живописного озерка. Берега его густо поросли тростником, на противоположном виден был дом отдыха, а прямо перед нами расстилался широкий открытый плёс. Рядом тарахтел трактор, а по дороге то и дело проезжали машины.

Несмотря на такую близость цивилизации, озерко жило своей жизнью. На открытом плёсе плавали утки и лысухи, в дальнем углу держался выводок большой поганки, или чомги. Из тростниковых крепей доносились крики камышниц, а скрипучие голоса дроздовидных камышевок состязались с дружным хором озерных лягушек. По берегам кормилось несколько черноголовых трясогузок и прилетевшие из поселка удод и пара скворцов, в воздухе стремительно носились, спускаясь до самой воды, деревенские и береговые ласточки. Журавлей вокруг не было видно, и только вдали, на фоне заходящего солнца, высоко в небе медленно проплывали два характерных величавых силуэта, но кто это был – серые журавли или красавки – так и осталось неизвестным.

Повисшее над горизонтом солнце осветило озерко косыми лучами, и на воду легли длинные тени от стеблей тростника. Пора было ехать обратно. Но когда я, подойдя к машине, бросил последний взгляд на озеро, то заметил, что поверхность его, бывшая еще минуту назад зеркальной, оказалась прочерченной какой-то линией, которая, всё удлинялась, образуя впереди себя расходящиеся круги. По озеру кто-то плыл.

Каково же было мое удивление, когда, посмотрев в бинокль, я обнаружил, что это была ... ласточка! Обыкновенная светло-бурая береговушка (*Riparia riparia*), намокшее оперение которой казалось сейчас почти черным. Странно было видеть эту властительницу воздуха в столь необычной для неё обстановке. Узкие, серповидно изогнутые крылья ее, так восхищающие нас легкостью и грациозностью своих движений в воздухе, сейчас намокли и беспомощно обвисли, напоминая скорее ходули или костыли, которыми птичка с видимым усилием опиралась о воду, занося их далеко вперед и рывком приподнимая тело

над водой. После нескольких таких рывков, отдаленно напоминающих плавание стилем баттерфляй, ласточка подолгу отдыхала, распластав на воде крылья, а потревоженная её продвижением вода светилась за ней шлейфом из пузырьков воздуха. Затаив дыхание, следили мы за этим поединком маленькой птички с чужой для неё стихией. Путь её лежал к тростнику, взобравшись на наклонные стебли которого, ласточка могла бы просушить крылья и улететь. Вот уже до спасительных стеблей остаётся метров двадцать, затем десять, пять и, наконец, птичка скрылась в густых тростниковых зарослях. Расстояние в тридцать метров она преодолела за три минуты, тогда как летящей для этого понадобилось бы не более нескольких секунд...

Трясясь по ухабам разбитой дороги в наступающих сумерках, мы долго обсуждали только что виденное. Как ласточка попала в воду? Видимо, во время питья налету она не рассчитала то ли угол наклона, то ли скорость – вот и зачерпнула лишку воды. Как она сумела так долго продержаться на воде? В этом нет ничего удивительного. Ведь удельный вес птиц очень мал, и не только за счет пневматичности скелета и расположенных в полости тела воздушных мешков. Сам перьевой покров удерживает очень много воздуха и служит как бы спасательным кругом. Поэтому любая птица может держаться на воде, пока перо её окончательно не намокнет. Известны случаи вынужденной посадки на воду в море даже таких сухопутных птиц, как перепел. Вся загвоздка в том – как взлететь? Ведь сухопутная птица не может разбежаться по воде и оттолкнуться от её поверхности при помощи перепонки на пальцах ног, как это делают, например, утки. Но наша ласточка нашла выход, добравшись до спасительного тростника…

Поскольку Володя Колбинцев к тому времени был нашим заочным аспирантом по теме «Редкие и исчезающие позвоночные животные Малого Каратау» (его научными руководителями были мы с Зоей Карповной Брушко), то помимо пустынь мы посетили и два близлежащих ущелья Малого Каратау – одно с красивым названием Арбатас, второе – Беркара, знаменитое тем, что только здесь произрастал эндемичный беркаринский тополь (*Populus berkarensis*), описанный Петром Петровичем Поляковым и сохранившийся в виде крошечной рощицы из нескольких деревьев. Дорога к нему по дну этого закрытого ущелья в жаркий полдень оказалась длинной и утомительной, а когда в конце маршрута Володя показал нам эту крохотную рощицу, растущую в верхней части крутого склона, покрытого крупнообломочными осыпями, у меня появилось предательское искушение – ограничиться осмотром издалека в бинокль. Устыдившись этой мысли, я нашёл крепкий обломанный стволик ивы, и опираясь на него, как на посох, всё же поднялся к рощице. Две небольшие веточки этого редкого тополя (заказанные мне ботаниками) долго ещё напоминали мне об этом памятном дне. А памятный он был ещё и тем, что здесь мы вволю насмотрелись райских мухоловок (*Terpsiphone paradisi*), которых здесь действительно много: в этом году Володя нашёл здесь 20 жилых гнёзд, на следующий год – 22, а ещё через год – 25! Кроме того, очень интересно было встретить соловья-белошейку (*Irania gutturalis*), который в Аксу-Джа-

баглы в годы моей работы отсутствовал, появившись только в 1966 году, и я успел найти в Чуулдаке лишь одно-единственное его гнездо.

В соседнем ущелье Володя показал нам гнездо сокола-балобана (*Falco cherrug*), который, хотя и был занесён в Красную книгу, но ещё не являлся таким объектом ажиотажа, каким он стал десятилетие спустя, когда в Казахстане появились арабские эмиссары и пышным цветом расцвела соколиная торговля, практически поставившая здесь этот вид на грань исчезновения. Гнездо находилось на выступе скалы узкого, как колодец, ущельица, и забравшийся на неё наш водитель Виктор сообщил, что оно пустое.

После одного дня в городе, понадобившегося для дозаправки машины и закупки продуктов, мы в укороченном составе (только зоологи) выехали на несколько дней вверх по реке Талас: меня давно занимала горная часть долины этой реки, давшей название всему горному хребту, в западной оконечности которого я проработал семь лет. Крутой подъём по серпантину вывел нас к плотине Кировского водохранилища, практически на границе Казахстана и Киргизии. Восточнее его острыми вершинками поднимались сухие каменистые горы Ичкиле-тоо, а южнее продолжалась довольно широкая долина Таласа, в которой среди изумрудно-зелёных влажных лугов были и участки настоящего леса. Этого я не ожидал, поскольку чуть западнее, на территории Аксу-Джабаглы, никаких широких речных долин и в помине не было! Направляясь в объезд водохранилища к устью впадавшего в него Таласа, я непроизвольно подумал о том, что стоит киргизам по какой-либо причине перекрыть шлюзы – и расположенные внизу казахские территории, где большие площади заняты под огородные культуры, останутся без воды. Утешало лишь то, что в едином государстве с его плановым хозяйством такое представить себе невозможно. Мне и в голову не могло прийти, что всего через 8 лет не станет единого государства, Казахстан и Киргизия станут суверенными, и появится проблема трансграничных вод, которая раньше существовала только между СССР и Китаем.

Несколько дней, проведенные в пойменном лиственном лесу долины Таласа, напомнили мне пребывание в лиственных лесах европейской части страны, даже птицы почти те же – вплоть до вальдшнепа (*Scolopax rusticola*). По реке мы поднялись до города Талас и, миновав его, вышли в узкую долинку типично высокогорного вида, с низкорослыми лугами субальп. В самом конце пути, когда казалось, что долина уже замыкается, Володя Колбинцев показал мне место, где дорога, петляя, поднимается на перевал. Посмотрев с завистью на это место, мы с сожалением повернули обратно: шли дожди и о том, чтобы подниматься на крутой склон в таких условиях, нечего было и думать. Да и время наше заканчивалось. Откуда я мог знать, что через 15 лет я проеду этой дорогой в обратном направлении…

Экспедиция по Западной Бетпак-Дале (май-июнь 1983)

К 19 мая наша бетпак-далинская экспедиция перебазировалась из восточной части Бетпак-Далы в западную, в район Чулакэспе, где обосновалась на

убойном пункте сайги, в котором в это внеурочное время жила только одна семья – начальника пункта. Оставив людей в надёжном месте, обе машины ушли на время в Алма-Ату; из них ГАЗ-66 вернулся 3 июня, а УАЗ – только 13 июня. Прежде, чем я догнал их здесь, мне пришлось еще съездить в город Уральск, на выездное заседание академического Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана», проходившее 3-4 июня 1983 г. в тамошнем пединституте. Там как раз были дни массового лёта мошки, и я вкусил его в полной мере. Сначала, когда мне в самолёте сосед сказал, что там сейчас мошка, я удивился – эка невидаль! Но уже в самом аэропорту начал понимать, что это такое, когда рот, нос и уши буквально залепляет масса этих безобидных с виду (не кусающихся!) мелких насекомых. Глядя с окон гостиницы на то, как разговаривающие на улице люди машут руками, можно было бы подумать об их избыточном темпераменте, но посмотрев в бинокль, видно было, что они обмахивают друг друга небольшими веточками с листьями. Та же картина – в магазинах, на остановках и в других общественных местах. У большинства прохожих за воротник рубашки были заткнуты обычные носовые платки, что также частично уберегало голые участки шеи и уши от объедания их мошкой. Мы (Е.В. Гвоздев, Э.И. Гаврилов, Р.Б. Асанова, В.Я. Панин) старались без особой нужды не выходить на улицу, а декан биофака пединститута Петр Васильевич Дебело (бывший аспирант Гаврилова, хорошо знакомый нам по трём годам его обучения в Алма-Ате) проводил свободное от заседаний время также в нашей гостинице…

Приехав в Чулакэспе 13 июня на УАЗ'ике вместе с Ермеком, я был поражён, как можно преобразовать пусть небольшой клочок безводной пустыни. Это место называлось ещё «Английская скважина». Здесь действительно с помощью англичан в 1913 году была пробурена первая в Бетпак-Дале скважина, наполнившая вокруг себя два небольших озерка. За прошедшие годы вокруг этой постоянной воды вырос бордюр из тростника, который местами создавал уже довольно широкие заросли. В них водились птицы, в том числе зеленоногая камышница (*Gallinula chloropus*), выводком которой мы не раз любовались. Крупные камышевки трещали без умолку, а когда Толя и Олег поставили паутинную сеть, то в неё попались оба вида-близнеца – дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) и туркестанская (*Acrocephalus stentoreus*), которые жили здесь бок о бок. Кроме них немало было и мелких камышевок – тростниковой (*Acrocephalus scirpaceus*) и индийской (*Acrocephalus agricola*). А в день моего приезда на более крупном из озёр (площадью 200х100 м) величественно плавали 4 лебедя-шипуна (*Cygnus olor*)! Люди, построившие здесь несколько глинобитных (саманных) домов и пристроек, разбили рядом небольшой яблоневый сад, и на ветках невысоких, почти карликовых деревьев можно было видеть поспевающие яблоки. Как в популярной тогда песне: «И в пустыне будут яблони цвести». А в довершение ко всему в этот сад залетела райская мухоловка (*Terpsiphone paradisi*)! Чем не рай на земле…

На Чулакэспе мы жили в гостеприимной многодетной семье Валико Кавтарадзе – заслуженного строителя Грузинской ССР, который приехал в казахс-

танскую пустыню, чтобы заработать деньги на машину. Когда мы обменивались адресами при расставании, он сказал: «А мой адрес очень простой. Спроси в Тбилиси любого: где живёт Валико, у которого нет машины? Сразу покажут». Этот весёлый, остроумный человек был очень деятельным и гостеприимным. Нас он угощал прекрасным грузинским вином, которое неизвестно откуда оказалось в его подвале. И когда он посылал туда за новой порцией рабочего-бомжа и того долго не было, Валико добродушно говорил: «Наверное, допивает вторую кружку». Бомжа он нашёл в Джезказгане и, пообещав за хорошую работу выписать ему паспорт, привёз сюда, в Чулакэспе. А работы здесь было много. Надворные строения были запущены. В длинном, как ангар, амбаре с потолка свисали мощные крюки: на них в сезон заготовок подвешивали туши сайги. К некоторым из них, как и к свисающим рядом электрическим лампочкам, были прикреплены оригинальные висячие гнёзда деревенских ласточек (*Hirundo rustica*), в некоторых из них сидели птенцы и родители носили им корм. Стены этого сооружения местами нуждались в починке. Закончив двухместный дощатый туалет, Валико попросил моих ребят как-то оригинально оформить входные двери, и Олег нарисовал на них головы сайгаков: на одной – голову самца с рогами, на другой – самки. Валико остался очень доволен.

Через день после моего приезда, 15 июня, Юрий Георгиевич Афанасьев вместе с Ермеком на УАЗ'ике отбыли в Алма-Ату, остались одни орнитологи. Первые дни мы выезжали на соседние артезианские скважины, где проводили учёт рябков на водопоях, но 17 июня сломалась машина и ремонт занял 4 дня – до 20 июня. Только 21 июня покинули мы гостеприимный Чулакэспе и направились на север, вглубь пустыни. Маршрут пролегал через 27-ю партию и колодец Табан. В 5 км южнее этого колодца, проехав 110 км от Чулакэспе, мы стали лагерем у так называемого Тухлого артезиана, стоящего на окраине небольших песочков Сасыкченель («сасык» в переводе с казахского – вонючий). Здесь мы два дня проводили учёты рябков, прилетающих на водопой. Зная из литературы и рассказов знатоков, что основной водопой у этих птиц утром, я решил выяснить, какова активность прилетающих рябков в другое время суток. Это было тем более просто сделать, что водопой находился рядом с нашим лагерем. Применив старый испытанный метод смен через каждые 4 часа, мы 21 июня провели непрерывные наблюдения за водопоем в течение всего светлого времени суток, с 6 до 22 час (день был ясный и жаркий).

При этом выяснились интересные вещи. За весь день (16 час) к водопою прилетели 4047 рябков, в том числе 540 (13%) чернобрюхих, 2408 (59%) белобрюхих и 1099 (27%) садж. Это была совсем иная картина, чем намного южнее, в окрестностях Чулакэспе, где за месяц, с 20 мая по 20 июня, насчитали 1012 (70%) садж, 404 (28%) чернорбюхих рябков и всего 32 (2%) белобрюхих. Но ещё более интересными оказались данные о суточной активности. При хорошо выраженном у всех трёх видов утреннем пике активности, когда к водопою прилетело около 60% общего числа птиц за день (причём у чернобрюхого и белобрюхого рябков пик приходился на 8-10 час, а у саджи – на 7-9 час), небольшое количество рябков прилетало к водопою в течение ***всего*** дня. Наблюдался также небольшой

вечерний пик активности, с 17 до 21 час, особенно у белобрюхого рябка, у которого активность лёта на водопой в эти часы увеличилась в 5-10 раз по сравнению с дневной и достигала 25% (у саджи – 18%, у чернобрюхого рябка – 15%) от общего числа прилётов за весь день. Ради таких интересных результатов стоило потерпеть жару в течение 4 часов (а на мою долю выпало два раза по 4 часа)…

Попутно удалось наблюдать и за поведением других птиц у водопоя. Например, крупные хищники – степные орлы (*Aquila nipalensis*) и курганники (*Buteo rufinus*) – также прилетали к разливу артезиана, но не всегда для водопоя: некоторые, посидев недалеко от воды полчаса – час, улетали дальше по своим делам, а другие часами сидели здесь, в более влажной атмосфере. Такие же скопления пернатых хищников встречали мы и у разливов артезиана близ Чулакэспе, где однажды, в полдень 15 июня, сидело 45 степных орлов и два могильника! Часто прилетали к воде мелкие жаворонки рода *Calandrella* и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), но ни разу – пустынные славки (*Sylvia nana*), которые встречались по кустам в соседних песках.

Дальнейший наш путь пролегал через урочище Джидели в песочки Катынкум, уже недалеко от реки Сарысу, где мы также проводили учёты. На обратном пути, заночевав снова у Тухлого артезиана, мы объехали песочки Сасыкченель и к вечеру достигли такого желанного Чулакэспе! Весь день 29 июня снова ушёл на ремонт ГАЗ-66, а утром 30-го мы выехали в обратный путь на Алма-Ату. Ехали весь день, остановившись на ночёвку в долине Мерке (на притоке её – р. Культоган).

Вот характерная черта того времени: на автотрассе Чимкент – Алматы во всех автозаправках заправляли только те машины, которые были внесены в списки, утверждённые райисполкомами (начиналась уборочная и горючего не хватало). И вот в родной Ванновке, где у нас почти закончился бензин, нас отказались заправлять, а была уже ночь, и разыскивать местных чиновников не было никакой возможности. Чуть ли не со слезами пришлось мне доказывать, что я свой, ванновский («качать права», ссылаясь на то, что это научная экспедиция Академии наук, было бесполезно!). Посмотрев на мою заросшую седой бородой физиономию, заправщик вздохнул и сказал: «Ну ладно, отец, только из уважения к твоей старости». И заправил полный бак, которого нам хватило до Алма-Аты. Однако неудачи с мотором преследовали нас всю дорогу, и даже на объездной дороге вокруг города Фрунзе (ныне Бишкек), нам пришлось в очередной раз запрокидывать кабину и копаться в моторе. Последнюю такую процедуру проделали уже под самой Алма-Атой, напротив Узунагача. К сожалению, угробить можно и ГАЗ-66…

Горно-Алтайск и Телецкое озеро (сентябрь 1983)

В сентябре в городе Горно-Алтайск (Алтайский край) состоялась вторая Сибирская орнитологическая конференция, на которой от Казахстана присутствовали мы с Валерием Васильевичем Хроковым. До Барнаула мы добирались поездом, а последний отрезок пути – самолётом ЯК-40. Я впервые летел этим маленьким самолётом и запомнил этот полёт тем, что проходил он на относи-

тельно небольшой высоте, что позволяло любоваться ещё незнакомыми ландшафтами Алтая. В Горно-Алтайском пединституте Алексей Петрович Кучин оказал нам очень радушный приём (как и проводы – каждый увёз бутылку великолепного алтайского бальзама!). Из старых знакомых приятно было пообщаться с Сергеем Степановичем Москвитиным, Николаем Николаевичем Даниловым и Татьяной Николаевной Гагиной, с которой мы во время экскурсии по Телецкому озеру просто-таки подружились: она рассказала мне практически всю историю иркутской кафедры охотоведения…

Жили мы в одном номере с москвичом В.К. Рахилиным и Р.Н. Ворониным из Сыктывкара. Меня поразил рассказ Рудислава Николаевича о его близком «знакомстве» с медведем в берлоге, после объятий которого он еле выжил. А Валентин Рахилин оказался непревзойдённым анекдотчиком – смешные истории лились из него непрерывно, как из рога изобилия. Эту весёлую атмосферу омрачила внезапная болезнь Н.Н. Данилова, которого увезли посередине конференции с острой пневмонией …

Городок, прижатый к горам (верхние улицы граничили прямо с лесом) почему-то напомнил мне Пятигорск, хотя на этой близости к горам их сходство и заканчивалось. Благодаря хорошей ясной погоде вечерами мы небольшой группой прогуливались по городу, поднимаясь и к лесу, откуда был хорошо виден город. Иногда образовывалась крупная компания. Мне было интересно познакомиться с сибирскими орнитологами: местным жителем Николаем Петровичем Малковым (и его братом териологом), Александром Алексеевичем Барановым из Красноярска, Борисом Александровичем Вороновым из Хабаровска, Михаилом Иосифовичем Брауде из Свердловска. Кулуарные разговоры значительно дополняли то, что мы слышали днём на заседаниях. Запомнился великолепный голос Воронова и мастерское исполнение им старинных русских романсов.

После окончания конференции состоялась незабываемая экскурсия в заповедник, на Телецкое озеро. Прибыв в Золотоборск автобусами, мы пересели на катер «Пионер Алтая» – настоящий небольшой пароход, который несколько раз причаливал к наиболее интересным местам заповедника, начиная с центральной усадьбы и кончая великолепным фруктовым садом, выращенным местным энтузиастом-мичуринцем в суровых условиях Центрального Алтая. Хозяин (жаль, что я забыл его фамилию!) прочитал нам целую лекцию о том, как это всё начиналось, и при помощи каких приёмов удалось вырастить это чудо среди алтайской тайги. Впечатление этот сад произвёл довольно сильное.

Но мне особенно врезались в память красавцы-кедры, возвышавшиеся на целую «голову» (крону) выше сплошного леса по склонам гор. Тогда мне в голову пришло неожиданное сравнение их с людьми: вот так и отдельные столетние старцы живут среди остальных людей, которые моложе их на 20-30-50 лет. И до сих пор, когда я сталкиваюсь с редкими случаями настоящего долгожительства (как например, крупнейший гляциолог Леонид Дмитриевич Долгушин или не менее крупный почвовед Мария Альфредовна Глазовская, перешагнувшие столетний рубеж в добром здравии и рабочем состоянии), я вспоминаю те исполинские золотоборские кедры…

В Алтайском заповеднике мы провели два дня, переночевав на базе центральной усадьбы. Запомнились беседы с герпетологом заповедника, тогда еще совсем молодым Владимиром Александровичем Яковлевым, и его рассказы о чёрных гадюках заповедника. Познакомились мы ближе и с Натальей Петровной Каверкиной, с которой до этого мельком встречались в Самарканде в 1979 году, когда она была аспиранткой Людмилы Вениаминовны Фирсовой (ЗИН АН СССР) и изучала крачек на Командорских островах. Рассказы ее о работе на этих островах а также в заповеднике «Семь островов» были очень интересны, только трудно было поверить, что такая молоденькая и хрупкая девушка могла работать в трудных условиях Севера. Словно уловив эту тень сомнения, Наташа вдруг сказала, что хотела бы поработать с чегравой в Казахстане и могла бы в следующем году приехать на Алаколь или Капчагай, где живут эти птицы. Посоветовавшись зимой с Эрнаром Ауэзовым, я послал ей в ЗИН положительный ответ. Весной следующего года она приехала в Алма-Ату и весь сезон самостоятельно работала на Капчагае. К сожалению и стыду, ни я, ни Эрнар так и не выбрали времени, чтобы съездить туда к ней. И когда через семь лет в Казани горьковские (нижегородские) орнитологи сообщили о тяжёлой болезни Наташи, я отказывался в это верить. К сожалению, её давно уже нет с нами…

На обратном пути нам с В.В. Хроковым пришлось ночевать в одной из гостиниц Барнаула. И тут нам повезло – в городе демонстрировалась передвижная выставка картин отца и сына Рерихов! И хотя год назад я смотрел её в Алма-Ате, я с огромным интересом постоял и около волшебных пейзажей вечерних Гималаев Николая Константиновича, и у филигранных, удивительно выписанных портретов Джавахарлала Неру и Индиры Ганди кисти Святослава Николаевича Рериха. Это был очень щедрый подарок на прощанье…

*****

Завершили 1983 год зимние аэровизуальные учёты джейрана (*Gazella subgutturosa*) в низовьях реки Или. С 25 ноября по 7 декабря группа учётчиков (Д.А. Бланк, Б.М. Губин, А.Ж. Жатканбаев, А.Ф. Ковшарь, Р.А. Кубыкин, Р.Г. Пфеффер, Р.В. Ященко) с аэродрома города Баканас совершила несколько вылетов, «прочесав» галсами шириной в 10 км пески Таукум и пустыню Сарыишикотрау. В результате в Таукумах на авиамаршруте 890 км (площадь 7 500 км^2) мы насчитали 220, а в пустыне Сарыишикотрау (маршрут 1386 км, площадь 20 235 км^2) – 100 джейранов. Данные эти подтвердили большое значение песков Таукум как места зимовки джейрана, где в перерасчёте на всю территорию зимовало более 1600 голов. Здесь же, кстати, проводит зиму и немалое количество домашних овец, отары их мы также часто видели с вертолёта МИ-8.

В самом конце года в издательстве «Кайнар» увидела свет научно-популярная книжка «Певчие птицы» (Ковшарь, 1983), на подготовку которой я потратил несколько зимних сезонов.

Поездка в Северные Кызылкумы (апрель 1984)

Весной этого года исполнилась ещё одна давнишняя мечта – побывать в пустыне Кызылкум. Помогло в этом, как это ни странно, преподавание спецкурса «Орнитология» в Казахском госуниверситете (КазГУ им. С.М. Кирова, ныне КазНУ им. Аль-Фараби), куда меня чуть ли не силой заманил еще в 1976 году Валерий Петрович Митрофанов, бывший тогда заведующим кафедрой *зоологии* и *ихтиологии* (у нас бывает и такое!) биофака этого университета. Больше всего меня пугало моё косноязычие (в детстве я сильно заикался и после этого остался страх перед публичными выступлениями[40]) – я с ужасом представлял себе, что будет со студентами, когда вдруг заикание возобновится. Но как бы то ни было, я решился и читал этот спецкурс 16 лет, до 1992 года, за что до сих пор благодарен *В.П.*

Во-первых, это дало мне возможность реанимировать старые конспекты лекций И.Б. Волчанецкого, в которых было много ценного и интересного; во-вторых, постоянный живой контакт со студентами позволял выбирать среди них тех, кто по-настоящему интересуется птицами; они пополняли ряды практикантов на Большом Алматинском озере (некоторые потом становились сотрудниками лаборатории). И в-третьих, некоторые из выпускников сохраняли добрые воспоминания и, работая в разных местах Казахстана, звали к себе в гости. Так было с Серёжей Бурделовым, младшим из знаменитой «противочумной» династии, состоящей из его отца, Анатолия Семёновича Бурделова, и старших братьев – Леонида и Владимира. Отца и брата Володи, к сожалению, уже давно нет, а Леонид Анатольевич сейчас доктор биологических наук, профессор. Сергей после окончания университета также пошёл в противочумную систему и пригласил меня приехать к нему в Кзыл-Ординское отделение известной Араломорской противочумной станции, обещая транспорт. Это было очень кстати, и я дал согласие. Вся зима ушла на переписку с ГУКИ (Главное управление карантинных инфекций, Москва), но к апрелю все документы были готовы, я получил допуск, и начальство станции было уведомлено о моём прибытии (в этой системе с этим было строго!).

Поскольку ехать предстояло поездом, а в Кзыл-Орде Сергей обещал встретить, я собрал всё свое полевое снаряжение и 17 апреля 1984 г. отбыл московским поездом. На следующий день в полдень Сергей встретил меня на вокзале и с ходу, с видом заправского гида, стал знакомить меня с достопримечательностями города. Указывая на огромное сооружение заводского типа, он сказал: «А это ошибка молодости Хрущёва». И пояснил, что, посетив в годы своего властвования Кзыл-Орду, Никита Сергеевич воскликнул: как можно не использовать такой массовый материал, как целое море тростника? Повелел тут же создать целлюлозно-бумажный комбинат. Послушные отцы города согласились, и уже вскоре был воздвигнут этот «памятник». Однако тростника хватило всего на пару месяцев, а потом стали завозить древесину из Сибири. Промаявшись так какое-то время, комбинат остановили, а с уходом Хрущёва и вовсе о нём забыли…

---

[40] Интересно, что такая же история была у Эдика Гаврилова, который рассказывал мне, что на защите кандидатской диссертации он так испугался, что даже перестал заикаться! – *Прим. авт.*

Сергей поселил меня у себя дома, сказав, что через день мы всё равно уедем в пески. Жили они вдвоём с женой Любой и дочерью – очень дружная жизнерадостная пара. Даже рассказали мне свой фамильный анекдот, родившийся прямо в этой комнате. Листая том энциклопедии, Сергей удивлённо сказал жене, готовившей обед: «Любча, а Маркс-то, оказывается, еврей!». На что Люба не менее удивлённо ответила: «А я думала – кореец!». Причём *оба были правы*: Люба имела в виду их знакомого корейца по имени Маркс!.. Знакомя меня с сотрудниками противочумного отделения (их неожиданно оказалось довольно много), Сергей приготовил мне сюрприз: «А этого узнаёте?» и представил мне своего однокурсника Амира Акмолдаева, который тоже работал здесь зоологом.

Наконец, 18 апреля мы на непременном ГАЗ-66 выехали из Кзыл-Орды, направляясь на юг и юго-запад. Понимаю, что злоупотребляю временем и местом, но не могу отказать себе в удовольствии привести здесь весь маршрут целиком, хотя бы «петитом»: Кзыл-Орда - Тартугайский паром - с. Жувантобе - с. Кызылкаин (**20 апреля**) - Таштоп-2 - свх. Каргалы - скважина Батырбек - колодец Бахтияр - скваж. Джингельдыхак - зимовка Мурзахмет (**21 апреля**) - ур. Баймет - скваж. Апанкак - Абдулкудук - крепость Кумуян - кол. Шибык - кол. Байтеке - скваж. Уялы (**22 апреля**) - кол. Сауле - кол. Шельдер - Байтеке - свх. Келентюбе - г. Узгент (**23 апреля**) - ст. Узгент - могила Корасан-ата - Таштоп - Кызылкаин - г. Кзыл-Орда (**24 апреля**) - плотина Тасбугет - свх. Айдарлы - крепость Асанас - скваж. № 89, или Чушкаульген (**25 апреля**) - скваж. № 90 - урочище Бадык - скваж. Жалгиз-Мортук - скваж. Нурзульда - ур. Каскырбулак - скваж. № 89 (**26 апреля**) - там же (**27 апреля**) - скваж. Асанас - Кзыл-Орда. Перелет на АН-2 в поселок Акколка на Жанадарье (**28 апреля**) - пешеходные экскурсии в окр. Акколки (**до 5 мая**) - скваж. Мынтай, Карашаш и Жетпысбай (**6 мая**). Перелет на АН-2 в Кзыл-Орду через развалины крепости Кумкала и Акколку (**7 мая**).

Для меня многие из этих мест звучат, как музыка, а кроме того, после промчавшейся бури («цунами!») переименований многие из этих названий уже исчезли, а мне очень хочется, чтобы в этом тексте они всё-таки присутствовали. В целом поездкой был охвачен район от посёлка Яныкурган на юге (43°45’ с.ш. и 60°30’ в.д.) до сухого русла Жанадарья (44°20’ с.ш. и 63°30’ в.д.), а протяжённость автомобильного маршрута составила 1076 км.

Местность, в которой мы работали, представляла собой чередование глинистой и песчаной пустыни, а в пойме Сырдарьи близ с. Кызылкаин – густейшие заросли чингила (*Halimodendron halodendron*). Заросли саксаула (*Haloxylon aphylla*) занимали около 30% территории и только у каналов и стариц – до 70%, причем местами хорошо видны следы его заготовок (местность ряд лет сдавалась в аренду соседнему Узбекистану). Методика этих заготовок поистине варварская: используя слабую закреплённость корневой системы саксаула в песчаной почве, пускают параллельно два мощных трактора С-100, между которыми натянут стальной канат; после такого «прохода» на месте росшего час назад саксаула лежит вал вывороченных с корнями деревьев и кустов – чем не следы урагана?.. Особенно видны следы массовых заготовок саксаула с борта самолёта АН-2, в районе крепости Кумкала. Трудно сказать – сколько времени понадобится для возобновления здесь саксаульников, а тем более – для достижения ими зрелого возраста.

За время нашей поездки удалось отметить птиц 128 видов, среди которых многие – пролётные, поскольку был разгар миграции позднепролётных видов. Редкие и уязвимые виды птиц встречены единично: змееяд (*Circaetus gallicus*) – дважды около пустого гнезда; степной орёл (*Aquila nipalensis*) и беркут (*Aquila chrysaëtus*) – только по одному разу; джек, или дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*) – три одиночки в разных местах; даже журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) – всего две небольшие стаи, хотя в других местах в это время идёт их интенсивный пролёт. Только рябки встречались более или менее регулярно: чернобрюхий (*Pterocles orientalis*) – на всех маршрутах общим числом 170 птиц, белобрюхих (*Pterocles alchata*) было вдвое меньше (насчитали 60 особей). Зато садж (*Syrrhaptes paradoxus*) не видели ни одной! Интересно ведут себя чернобрюхие рябки ночью в свете автомобильных фар: они свечкой уходят ввысь, делая очень частые взмахи крыльями – как насекомые (чего днём никогда не делают). Зато днём пары рябков часто встречались на тырлах, где они клюют засолённую овечьей мочой почву.

Из других птиц, не относящихся к редким и исчезающим, наиболее интересной для меня была встреча с черношейной каменкой (*Oenanthe finschii*), которую я видел впервые; 26 апреля самец и самка носили корм пятерым птенцам в гнездо, расположенное в норке глубиной 58 см на склоне небольшого бархана, поросшего молодым саксаулом. В новинку были и два гнезда авдотки (*Burhinus oedicnemus*), в обоих случаях два яйца лежали прямо на земле, без всякой выстилки, и были обнаружены только по убегающей от гнезда птице. В этой поездке я впервые увидел серого варана (*Varanus griseus*). Небольшой, чуть более полуметра, молодой экземпляр был пойман (и отпущен) нами недалеко от могилы Корасан-ата, близ северной границы ареала этого вида в Казахстане.

В посёлок Акколка в северной части маршрута меня забросили из Кзыл-Орды на самолёте АН-2, который в народе метко окрестили «кукурузником» и который был рабочей лошадкой, палочкой-выручалочкой в противочумной системе, когда надо было в любую малодоступную точку пустыни забросить людей (и вывезти их оттуда). Здесь я неделю, с 28 апреля по 5 мая, был предоставлен сам себя и вволю налюбовался широким разливом Жанадарьи, на берегах которой вёл наблюдения за белохвостыми пигалицами (*Vanellochettusia leucura*), которые тогда тоже были занесены в Красную книгу (во втором издании этот вид из неё вывели). На пришедшей 6 мая машине мы перебазировались через скважины Мынтай и Карашаш в ур. Жетпысбай, откуда я на АН-2 вернулся в Кзыл-Орду.

Очень памятным оказалось само возвращение. Прилетевший за мной в последнюю точку маршрута пилот по имени Борис (фамилии он просил не называть) оказался очень энергичным и весёлым человеком, и я не преминул спросить его – встречал ли он здесь джеков *(Chlamydotis undulata)*. Эта птица тогда для нас была загадкой и казалась на грани исчезновения, так как встречи её были очень редки. В самолёте, выруливающем на взлёт, нас было только двое. Обернувшись ко мне, он так же беззаботно сказал, что эта птица здесь встречается нередко, особенно когда идёшь на бреющем полёте. Помня о том, как

нам трудно было уговорить пилотов вертолёта спускаться ниже положенного минимума в 100 м, я спросил – а какая это высота? На его недоуменно-снисходительный взгляд (так смотрят на детей, задавших неуместный вопрос), я уточнил: «Ну, допустим 70 или 50 метров?». На это он с ехидцей ответил: «А 10 не хочешь?». Я решил, что он меня разыгрывает, и не стал больше приставать.

Но вот, набрав положенные 100 или 200 метров, самолёт вдруг буквально упал до верхушек кустов саксаула и на этой высоте понёсся над пустыней! Скорость на такой высоте кажется невероятной – все кусты проносятся назад очень быстро. Ухватившись за спинку его кресла, я привстал и жадно всматривался вперёд, испытывая смешанное чувство страха и азарта. Джеков увидеть не удалось, а вот проносящиеся мимо нас кусты и древние могилы, как и улепётывающие во-всю зайцы, оставили неизгладимое впечатление. Страх прошёл, но азарт остался – хотелось лететь так бесконечно… Однако, пролетев так километров 20-30, Борис поднял свою машину на нормальную, положенную для дальнего полёта высоту – и самолёт, казалось, остановился в воздухе, сразу сбавив скорость. Обернувшись ко мне, Борис подмигнул и спросил, понял ли я, что такое бреющий полёт? А через минуту, сразу посерьёзнев, попросил никому об этом не рассказывать, потому что его снимут с полётов.

Потом всю дорогу он рассказывал мне разные забавные случаи из своей лётной биографии. Из них мне запомнился один. Прилетая за своими людьми в пустыню, обычно он делал приветственный круг, возвещая о своём появлении. Если никто не реагировал, он делал над палаткой круг пониже. И вот однажды, когда ожидавшие его зоологи сидели в соседней чабанской юрте, он во втором круге не рассчитал и зацепил шасси за верхушку юрты, которая тут же перевернулась, как тюбетейка. «Представляешь, а они сидят и вот так пиалы с чаем держат!» – смеялся он. Словом, парень мне понравился и я спросил его, согласится ли он полетать осенью с моими ребятами на учёте джека. Получив согласие, я записал его фамилию и, когда из Алматы заказывал в Кзыл-Орде самолёт для учётов, то настаивал, чтобы пилотом был только он. На другом конце провода удивились: «А почему именно он? У нас есть пилоты и получше». Но мне не надо было получше, нужен был он.

И вот осенью, вернувшись с этих учётов, Борис Губин рассказал мне, как они с этим пилотом застали в одном месте браконьеров, загружавших в УАЗ-452 убитых сайгаков. Пилот Борис N. решил припугнуть их и спикировал прямо на машину, что повергло этих браконьеров в ужас: машина рванула с места, оставив на дороге одного из своих, который пытался бежать за ней. «Но это ещё не всё» – сказал Губин. Оказывается, вечером по местному радио они слышали, что на трассе в этом месте перевернулся УАЗ, гружённый сайгаками. Тут уже и нашим стало не до веселья, хотя зло и было наказано…

Не знаю, летает ли ещё этот бесшабашный Борис (ведь прошло 30 лет!), но если он жив, то пусть знает, что слово своё я сдержал и фамилию его никому не раскрыл.

Вторая комплексная экспедиция в Центральную Бетпак-Далу (1984)

Вторая комплексная экспедиция СОПС АН КазССР, на сей раз в центральные районы Бетпак-Далы, состоялась с 28 мая по 30 июня 1984 г. по маршруту: Алма-Ата – Фурмановка – Джамбулгора – ГМС Тюкен – урочище Барсакельмес – колодец Коктал – кол. Такумтыкан – ГМС Когашик – Жидели – кол. Чекменказган – Чиганак – с. Уланбель – Карабугут – 102-я партия – Фурмановка – Алма-Ата. Из орнитологов (и вообще зоологов) я был здесь один: Левин с Губиным в это время вояжировали по скважинам Арыскумской впадины в междуречье Сарысу и Сырдарьи, Белялов тоже был где-то занят. Афанасьев также в этой экспедиции не участвовал. Вот состав экспедиции: ботаники Лященко Нина Васильевна и Жапарова Назира Киркеевна, их лаборант Мейрманов Ермек и водители – Ходоровский Валентин Николаевич (ГАЗ-66 № 08-73 АТЯ) и Козюльский Сергей Васильевич (УАЗ-452 № 97-67 АТУ).

Начало было многообещающим: уже на заправке в городе дал течь левый бак одной их машин, потом потекла 150-литровая бочка, которую взяли с собой на запас. Пришлось возвращаться в автобазу и пол-дня потратить на устранение этих неполадок… В результате мы покинули черту города только в 15 час, и первую ночёвку пришлось делать сразу же за с. Успеновка.

Весна была довольно поздней – 28 мая все поля перед Курдаем полыхали цветущими маками (обычно к этому времени массовое цветение их идёт на спад), а на Курдайском перевале местами цвела ферула (*Ferula tenuisecta*). Из птиц наиболее интересной встречей в пути были две группы журавлей-красавок, которые утром следующего дня попались нам около русла Чу между сёлами Успеновка и Благовещенка. Это наверняка были местные гнездящиеся птицы – 4 пары. Эта встреча приободряла.

В течение месяца на этих двух машинах мы прошли практически через всю восточную и центральную части этой пустыни и забрались в её северную часть, где пустыня местами уже переходила в ковыльную степь, украшенную кустами цветущего таволгоцвета (*Spiraeanthus schrenkianus*) – занесенного в Красную книгу Казахстана эндемика этих мест и соседнего хребта Каратау. Но нас больше интересовал другой эндемик пустынь Казахстана – селевиния, или боялычная соня (*Selevinia betpakdalensis*), с открытием которой в 1938 г. в системе млекопитающих, в отряде грызунов, появилось целое новое семейство. С тех пор в руках зоологов побывало не более 50 зверьков этого вида, поэтому понятно, с каким рвением мы её искали. Но тщетно – не принесли результата даже ночные поиски в боялычниках самой центральной части пустыни, где её чаще всего встречали. Так и не удалось мне её увидеть.

В пойме реки Чу мы только заночевали на кордоне «свх. Джамбула», но даже очень кратковременная утренняя экскурсия принесла неожиданный результат – гнездо серого журавля (*Grus grus*) с двумя яйцами, располагавшееся на обширном осоковом болоте на высокой кочке из сухой осоки. Показавший его мне чабан сказал, что яйца в этом гнезде были уже две недели назад, а недалеко от этого места гнездится ещё одна пара журавлей. Это гнездо – одно из самых южных в равнинном Казахстане гнёзд данного вида. Егеря Серекбай и Жетпысбай рассказали, что в марте в этой части Бетпак-Далы они встречали несколько трупов самцов джейрана (*Gazella subgutturosa*), погибших от холода и голода.

Первый лагерь экспедиции мы разбили у западного подножия Джамбулгоры, лишь немного выше кордона Андасайского заказника – второго после Капчагая места выпуска барсакельмесских куланов. Весь подгорный шлейф в этом месте был равномерно занят тёмно-зелёными боялычниками (*Salsola laricifolia*) и резко контрастирующими с ними по окраске почти белыми участками кейреука (*Salsola rigida*). Здесь доминировали типично пустынные мелки птицы: малые жаворонки (*Calandrella brachydactyla*), пустынные славки (*Sylvia nana*) и каменки плясуньи (*Oenanthe isabellina*), нередко пролетали пары и одиночки садж; вообще птиц было негусто. На каменистых склонах горы распевали каменки-плешанки (*Oenanthe pleschanka*) и скальные овсянки (*Emberiza buchanani*), реже встречались пёстрые каменные дрозды (*Monticola saxatilis*). Из хищных птиц встречались степные орлы и однажды – балобан, недоступное гнездо которого помещалось на высокой отвесной скале (в гнезде явно была кладка, так как вылетевшая самка долго чистилась на скале в 30 м). А однажды мы встретили даже самку архара с ягнёнком (*Ovis ammon collium*) – редких диких баранов, занесённых в Красную книгу Казахстана. Эта встреча оказалась самой южной в сохранившейся части ареала этого степного подвида.

Наши ботаники встретили в саксаульнике группу из 10 сайгаков (*Saiga tatarica*). О зимовке этого зверя, ради охраны которого и был создан Андасайский заказник, очень интересно рассказал нам егерь этого кордона Стас. По его словам, первые стада на зимовку появляются здесь в октябре, а в эту зиму сайгаков зимовало особенно много – сотни тысяч! – их стадами была забита вся долина, до самих гор. По его наблюдениям, более молодые проводят зиму южнее взрослых; весной на север первым уходит молодняк, сопровождаемый несколькими старыми самцами. В этом году последние ушли 5 мая, осталась только группа из 10 особей, которую мы сегодня и видели.

Странно было вечером 2 июня наблюдать у южной оконечности Джамбулгоры клин журавлей-красавок из 32 птиц, пролетевших без единого крика на восток на высоте около 100 м; перед горами строй сломался, но птицы не сели, а набрав высоту, ушли далее на восток. Очень светлые, в лучах заходящего солнца они казались белыми с чёрными концами крыльев (ни дать, ни взять – стерхи!). Через день нам пришлось съездить в Фурмановку на заправку, и здесь я убедился, как много в этой глинисто-щебенистой солянковой пустыне зуйков – большеклювых (*Charadrius leschenaultii*) и азиатских, или каспийских (*Charadrius asiaticus*), даже трудно сказать – каких же здесь больше. Зато учёт с автомашины показал, что в редких саксаульниках на глинах (Саксаулдала) над всеми остальными птицами явно преобладала каменка плясунья (*Oenanthe isabellina*): на 80 км пути мы насчитали 445 каменок этого вида, чаще всего группами по 3-6 особей, явно выводками, – в это время у каменок как раз шёл массовый вылет молодняка.

Не задерживаясь на Байгоре, мы проехали на метеостанцию Тюкен, от которой шла прямая дорога к центру Бетпак-Далы – знаменитому колодцу Когашик; дорога эта среди военных (а это был военный полигон) носила название «директриса». Кстати, именно они, военные, в лице начальника охраны боевых

полей майора Анатолия Евгеньевича Добрынина (знакомого мне по 1982 году, когда он привёз Лапину на 102-ю партию несколько ружей, отобранных у браконьеров!), задержали нас на два дня на Тюкене, поскольку впереди как раз проходили стрельбы: сбивали учебные ракеты, выпускаемые со стороны Балхаша. В этот раз ракету не сбили, и офицеры, употребляя самые крепкие выражения, поехали искать её в безбрежных просторах Центральной Бетпак-Далы.

За день вынужденного «простоя» 8 июня мы с утра осмотрели колонию розовых скворцов (*Pastor roseus*) в 14 км восточнее Тюкена, на столбообразном гранитном останце высотой около 50 м, с большим количеством обломочного материала у основания. Здесь гнездилось несколько сотен пар скворцов, в большинстве гнёзд шло насиживание яиц.

В тот же день после обеда мы посетили урочище Барсакельмес в 27 км западнее Тюкена. Среди сопок-холмов, покрытых боялычем, в зелёном понижении – сухое русло какой-то речки с отдельными бочагами солёной воды, берега поросли тростничком, тамариском и саксаулом. Всё это разнообразят небольшие скальные выходы (до 30 м высотой), небольшая туранговая роща и старое тырло с остатками загородки для овец. Настоящий оазис среди однообразной равнины!

Здесь мы нашли гнездо малой бормотушки (*Hippolais caligata*) с 4 свежими яйцами, гнездо туркестанского сорокопута (*Lanius phoenicuroides*) с 5 свежими яйцами и гнездо скальной овсянки (*Emberiza buchanani*) со слётками. На турангах – 6 старых гнёзд змееяда (*Circaëtus gallicus*), причём взрослая птица летала над рощей. Также запомнились плавающие в сверхсолёной луже шесть пуховых птенцов огаря (*Tadorna ferruginea*) с чирка величиной, пара буланых вьюрков (*Rhodospiza obsoleta*), две обыкновенные горлицы (*Streptopelia turtur*) и даже ни-весть откуда взявшаяся среди пустыни деревенская ласточка (*Hirundo rustica*)!!! Действительно, – настоящий оазис в пустыне.

На следующий день открыли дорогу, и мы отправились дальше. Директриса оказалась хорошо заметной и практически прямой дорогой, ведущей на северо-запад, в центр пустыни. Приятной неожиданностью среди равнинного однообразия пустыни оказался известный колодец Коктал с его туранговой рощей и обширным сором, залитым водой. У самого родника близ рощи образовалась небольшая (3х2 м) лужица, к которой постоянно прилетали на водопой жаворонки (малый, двупятнистый, рогатый), желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), монгольские вьюрки (*Bucanetes mongolicus*), индийские воробьи (*Passer indicus*) и даже один самец испанского воробья (*Passer hispaniolensis*) и деревенская ласточка. В самом роднике меня поразила крупная, наверное, ложноконская пиявка (*Hirudo* sp.) – вот уж чего я никак не ожидал увидеть среди пустыни! Только потом у Л.А. Зенкевича я прочитал, что некоторые водные пиявки, не теряя жизнеспособности, могут переносить длительное пребывание на воздухе.

На обширном соре-озере, в 7 км от родника, мы встретили уток-пеганок (*Tadorna tadorna*), круглоносых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*) и даже одного черноголового хохотуна (*Larus ichthyaëtus*); а на его берегах – нескольких ходулочников (*Himantopus himantopus*), шилоклювок (*Recurvirostra avosetta*), мор-

ских зуйков (*Charadrius alexandrinus*) и большеклювого зуйка (*Charadrius leshenaultii*) с двумя пуховыми птенцами. Здесь же мы встретили одиночного джека (*Chlamydotis undulata*). Также одиночками отмечены малочисленные здесь белобрюхие рябки, тогда как саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) была самой обычной из рябков во время поездки по центральным районам пустыни: на маршруте «Коктал – Когашик – Джидели – Б. Камкалы» мы отметили 1330 особей. Всё это описано в нашей совместной статье (Ковшарь, Левин, Белялов, 2004), написанной в основном по результатам экспедиций 1983 и 1984 гг.

В следующем на нашем пути урочище Такумтыкан красиво горело тырло: из плотно слежавшегося, как будто окаменевшего, толстого слоя овечьего навоза широкой полосой полого вверх уходил густой светло-сизый дым; зрелище было действительно красивым. Видно было, что горит здесь уже давно и что будет гореть ещё не один день… Недалеко от этого места на голом такыре валялся большой обломок ракетного двигателя, в котором предприимчивый индийский воробей (*Passer indicus*) свил себе гнездо и сейчас носил в него корм для птенцов. Лучшего места для жилья не сыскать, особенно здесь, на такыре. На следующий день, 10 июня, начался массовый лёт каких-то крупных цикад (видимо, рода *Cicadatra*), набивавшихся в кабину сотнями, как это бывает со слепнями. Мириады их были и на следующий день и еще, по крайней мере, несколько дней.

Колодец Когашик (в некоторых источниках – Кокашик) – единственный колодец с пресной водой по крайней мере на 100 км в округе. Поэтому это единственное жилое место в Центральной Бетпак-Дале: здесь много лет существует гидрометеостанция того же названия. Помещается она в добротном саманном доме, дающем прохладу даже в самый жаркий летний день, что мы ощутили сразу же по прибытии. А когда нам разрешили поселиться в нём, то это был верх блаженства – хоть не уезжай никуда! Место это является узлом дорог – директрисы и пересекающих пустыню с севера на юг. Последние – это скотопрогонные трассы, которых в Бетпак-Дале насчитывается 8, из них самая главная проходит через Когашик, а одна также крупная – через кол. Такумтыкан. По ним два раза в год гонят овец из летних пастбищ на зимние из Сарыарки в пески Муюнкум и обратно. Сама же Бетпак-Дала для постоянного обитания здесь скота непригодна. И стоящий на пересечении дорог колодец со срубом и видным издалека старым корявым деревцем – вожделенная мечта путника.

Воспользовавшись приглашением, мы поселились на метеостанции и отсюда делали выезды на машине на север и северо-восток. Самый дальний из них – в урочище Джидели, где абсолютная равнина постепенно переходит в слегка холмистую местность, а пустыня обогащается злаками и кустарником – в основном знаменитым таволгоцветом. В самом урочище Джидели (нам удалось добраться до 46°30’ с.ш.) – уже настоящая ковыльная полустепь с высоким травостоем и большими кустами таволгоцвета. В моей записной книжке появилась даже такая восторженная запись: «Ковыльная лесостепь с колками из *Spiraeanthus schrenkiana* – красота!!!». Особенно ликовали наши ботаники: им удалось в одном месте найти густые заросли редчайшего растения *Stroganovia*

trautfetteri – до 539 растений на 100 м²! Это было в районе богатых боялычников и кокпечников. А в песочках-супесях в небольшой долинке нашли даже *Concreniella kraschenninnikovi*! Мне удалось найти гнездо буланого вьюрка (*Rhodospiza obsoleta*) – самая северная встреча в этой части ареала вида. Здесь уже двупятнистый жаворонок (*Melanocorypha bimaculata*) численно преобладает над малым (*Calandrella brachydactyla*), а за 30 лет до нашего посещения, 26 июня 1954 г. в этом урочище добыли даже белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*), экземпляр этот хранится в коллекции Института зоологии. Здесь же не редкость оба вида живущих в пустынях Казахстана сорокопутов – пустынный (*Lanius pallidirostris*) и туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*). А по дороге к этим местам мы нашли два гнезда с птенцами балобана (*Falco cherrug*), устроенные на триангуляционных вышках посреди абсолютно ровной пустыни, без леса и скал… Птенцов этих удалось окольцевать.

У колодца в 35 км к северо-востоку от Когашика мы неожиданно встретили майну (*Acridotheres tristis*), которая вот уже 20 лет завоёвывала Казахстан, появившись у его южных границ, близ Чимкента, в 1961 г. На юге Бетпак-Далы, у 102-й партии, по словам А.Д. Лапина, она впервые появилась в 1980 г., в западных районах пустыни год назад мы встречали её даже в посёлке 27-й партии. На востоке, в предгорьях Байгоры, они впервые посетили наш лагерь 9 мая 1983 г., а на метеостанции Тюкен 6-8 июня 1984 г. пара кормила птенцов в скворечнике без крышки!!! Но здесь, в абсолютно голой пустыне в самом центре Бетпак-Далы, встреча майны не вписывалась ни в какие рамки. И даже сама птица как будто понимала это: вместо обычной напористости и крикливости она сидела у сруба колодца с широко раскрытым клювом и молча испуганно таращила глаза…

Много интересного рассказал нам метеоролог Алексей Мотрошилов, который здесь работает с 1977 года, интересуясь не только метеорологией, но и окружающей природой. Так, по его словам, до 1980 года в окрестностях метеостанции постоянно встречались 7 джейранов (*Gazella subgutturosa*), но уже 4-й год их нет. А в песках Муюнкум, напротив Б. Камкалов, за день ещё можно встретить до 50 штук. В середине декабря 1982 г. у двух чабанов он сам видел по 10 убитых джейранов, которых они заготавливают на зиму. Джеков (*Chlamydotis undulata*) до сих пор немало в ковыльной степи северо-западнее Когашика. Он дважды встречал выводки джека из 5-6 очень разновозрастных птенцов. Подтвердил он и рассказы А.Д. Лапина об очень высокой численности волка (*Canis lupus*): только в зиму 1982/83 г. три бригады волчатников (Исаенко, Гапоненко, Попов) добыли в районе Когашика 520 волков! Кстати, Попов здесь же и погиб…

Водители в этот раз нам попались неплохие. Но даже они пару раз доставили хлопот – просто из-за халатности. Однажды в самом Когашике в жаркий полдень наши ботаники перекладывали и просушивали свой гербарий, делая это в кузове, где тент хоть немного создавал тень. Заднюю часть свисающего тента они закинули на крышу, а когда ветерок дважды сбросил конец тента вниз, они придавили его на крыше спальным мешком. В это время водитель занимался своим делом – профилактикой мотора, чтобы завтра он работал, как часы.

Мне всегда нравились такие ответственные водители, которые в любых условиях стремятся содержать машину в полном порядке. Закончив работу и поставив всё на место, водитель сел на своё место, включил мотор – и машина понеслась во весь опор! Сидевшие в кузове ботаники метались от борта к борту, пытаясь спасти свой гербарий, листы которого вылетали из машины один за другим, а последним свалился спальный мешок, и девочек поглотила темнота. Шофёр, наконец, услышал их крики, остановил машину и удивлённый вышел из кабины. Часть гербария найти так и не удалось…

Второй случай имел место далеко от Когашика, в месте, куда мы выехали на одной машине всего на пол-дня. Местность была холмистая, и машина вдруг быстро покатилась, увеличивая скорость, а к подножию холма она неслась уже во-всю. Мотор взревел и заглох. Пока водитель разбирался, что же случилось, я отошёл в сторону и в бинокль стал осматривать местность в надежде увидеть джека. Когда через полчаса водитель сказал, что можно ехать, вот только ключ зажигания он не может найти, мы стали помогать ему искать. Он сказал, что в кабине он всё обыскал и, наверное, ключ выпал по дороге, когда машина неслась вниз. Вчетвером мы стали обыскивать покрытую камешками дорогу – до самого верха, откуда машина покатилась. Ключей нигде не было. Солнце пекло так, что при напряжённом рассматривании пёстрой картины камешков на дороге перед глазами начинали плыть круги. Прошли тот же путь обратно – безрезультатно! Уже не было сил утюжить эту дорогу в третий и четвёртый раз, жара допекла так, что хотелось одного: лечь в тени и закрыть глаза. Но где она, эта тень? Через час поисков я стал думать, что проще было бы уйти в Когашик пешком – если бы не расстояние в несколько десятков километров, которое нам, перегревшимся на солнце, просто не преодолеть. И когда уже казалось, что выхода нет, водитель нашёл ключи… под ковриком в кабине! На память об этом дне я взял с дороги покрытый солнечным загаром камень, и он по сей день лежит у меня на рабочем столе, иногда служит в качестве пресс-папье… Через 10 лет я привёз из джунгарских пустынь Западного Китая точно такой же камень, и они лежат теперь рядом.

Как ни уютно было нам жить у гостеприимных метеорологов, пришло время уезжать домой. Распрощавшись и обменявшись адресами, мы направились прямо на юг по широко набитой дороге скотопрогона. Надо сказать, что когда отару гонят по скотопрогону, то по самой дороге идут только машины, а овцы занимают полосы до 200 м справа и слева от дороги. К тому же сама дорога состоит из нескольких параллельных, созданных самими машинами в весеннюю распутицу, когда приходится параллельно прокладывать новую колею. Поэтому, в конечном счёте, скотопрогон напоминает собой след развёрнутой танковой атаки, где растительный покров содран в полосе шириной с полкилометра…

Примерно в 70 км к югу от Когашика мы разбили лагерь у колодца Чекменказган, где рядом уже была первая небольшая саксауловая роща. Прибыв в полдень, мы все бросились к колодцу, в надежде на холодную воду в его глубине. Она действительно была холодной, но в первом же ведре оказались полуразложившиеся трупы птенцов воробьёв, выпавших из гнёзд в стенках колодца,

а также какого-то грызуна. Пришлось несколько вёдер вылить. Из первого же ведра, в котором уже не было «добавок», утолили жажду все – холодная вода казалась удивительно вкусной! Но уже через полчаса жажда началась в другом месте. Вода оказалась сульфатной, и все побежали в спасительную рощу. Жжение во рту и на выходе не прекращалось и после этих побегов, так что мы не раз пожалели о своей неосторожности. Даже в виде чая, эта вода оказывала своё воздействие…

Свои впечатления от экскурсий в этом месте и у соседнего колодца Тесбулак, куда мы выезжали на машине, я когда-то изложил в рассказе «Островитяне пустыни», который привожу полностью, так как написан он по свежим впечатлениям от этой экспедиции.

«Обширная глинистая пустыня Бетпак-Дала славится своей засушливостью. Только весной, в апреле и мае, большинство мало-мальски пониженных мест залито тонким слоем талых и дождевых вод, а берега этих временных водоемов зеленеют свежей травкой. Обширные красные и желтые поляны образуют цветущие маки и гусиные луки. Все в пустыне спешит максимально использовать недолговечную весеннюю влагу. Но уже в июне мелководные разливы высыхают, и растительность увядает, придавая всему ландшафту характерную желтовато-серую окраску. Найти в это время воду, особенно в центральных частях пустыни, почти невозможно. Лишь кое-где в местах изолированных выходов скал среди безбрежной глинисто-щебенистой равнины попадаются крохотные источники горько-солёной воды.

Один такой источник имеется в урочище Тесбулак, расположенном примерно в пятидесяти километрах к югу от знаменитого Когашика — геометрического центра Бетпак-Далы. Здесь из небольшой трещины в наклонно выступающих из земли красноцветных горных породах сочится слабая струйка, наполняющая небольшую лужицу, к которой регулярно летают саджи и даже очень редкие здесь белобрюхие рябки.

В середине июня, когда мы посетили это место, струйка уже практически иссякла, и лужица находилась на одной из стадий высыхания: вместо воды здесь была жидкая грязь, занимавшая площадь всего в несколько квадратных метров. И грязь эта... шевелилась! Присмотревшись внимательно, мы увидели, что поверхность ее усеяна тысячами малюсеньких жаб. Будучи не более двух сантиметров в длину, они, видимо, только что лишились хвостов и готовы были мигрировать из родной лужи, в которой вывелись. Но куда? Вокруг такая сушь, которой просто не вынести влажной, незащищенной коже этих амфибий. А вокруг на десятки километров – ни одного водоема. Вот уж, поистине, остров на суше... Здесь же, рядом со скалами и как бы под их защитой, располагался другой «островок» — участок мягкой супесчаной почвы, поросший редкими кустами саксаула. Площадь его была несколько сотен квадратных метров. Такие «оазисы» встречаются среди заросшей боялычем равнины центральной Бетпак-Далы почти так же редко, как водные источники, и расстояния между ними равны десяткам километров. Ближайший от этого места «островок» саксаульника видели мы в урочище Чекменказган, примерно в тридцати километрах отсюда. В каждом из этих островков – своя растительность, непохожая на окружающую. И свой животный мир. Здесь вьют гнезда туркестанские и серые сорокопуты, которых не встретишь на боялычевой равнине.

Но что удивило меня больше всего – так это встреча со среднеазиатской черепахой (*Testudo horsfieldi*). Принято считать, что в Бетпак-Дале черепахи нет. И действительно, на огромных равнинных пространствах западной и центральной частей этой пустыни, где плотные глинистые почвы чередуются с голой щебенкой, это животное отсутствует. Видимо, такая почва не очень-то подходит для рытья черепахой убежищ. Но в островках

саксаульников на мягкой почве черепаха живет. Об этом красноречиво свидетельствовали не только старые панцири от погибших животных, но и свежеразрытые кладки с остатками яиц – мы нашли их более десятка. А вот, наконец, и живая черепаха, запрятавшаяся у основания куста саксаула! Судя по всему, эти рептилии живут здесь давно, да и численность их не такая уж маленькая, если можно сделать столько находок за какие-нибудь два часа экскурсии. Как же проникла сюда черепаха через большие пространства, неподходящие для ее обитания? А, может, она вовсе и не преодолевала их, а сохранилась вместе с островками, которые и сами некогда занимали гораздо большие площади и, возможно, даже смыкались друг с другом? Вопросов возникает много, и ответы на них надо искать там, в пустыне…» (Ковшарь, 1988).

Из птиц в этом районе мы встретили занесенного в Красную книгу змееяда (*Circaëtus gallicus*) – пара птиц 20 июня держалась близ гнезда, устроенного на металлическом тригопункте недалеко от островка саксаула. Этот орёл оказался редким в Бетпак-Дале: за всю поездку по центральным районам пустыни мы видели его до этого только раз – 8 июня в урочище Барсакельмес (30 км западнее Байгоры).

Выйдя на обратном пути к селу Чиганак, мы на озере Большие Камкалы застали редкую по своей красоте картину – около тысячи сидящих на воде розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*). Это было прощальным приветом заканчивающейся экспедиции…

Западный Копетдаг, Сюнт-Хасардаг (сентябрь 1984)

В сентябре 1984 года в Сюнт-Хасардагском заповеднике (пос. Кара-Кала, Западный Копетдаг, ю-з Туркмения) состоялось Всесоюзное совещание по заповедному делу, на которое мне заранее прислала приглашение Татьяна Михайловна Корнеева – заместитель председателя Всесоюзной комиссии по заповедникам, членом которой я был. Там мне предстояло сделать наш общий с Н.Х. Кармышевой и Л.Я. Курочкиной доклад на тему «Состояние и перспективы ботанических и зоологических исследований в заповедниках Казахстана». Из Ашхабада, куда я прилетел самолётом, мы в ГАЗ'ике начальника отдела заповедников В.Г. Германа вместе с его заместителем Михаилом Ароновичем Бляхером и учёным секретарём Института пустынь АН ТССР Гулистан Таимовой, заехав за академиком АН ТССР Ниной Трофимовной Нечаевой, направились на запад. Володя Герман сам вёл машину. Погода была ясная, солнечная, но изнурительной туркменской жары уже не было.

Нина Трофимовна оказалась очень интересным собеседником, а узнав от меня, что я учился в Харькове у Сергея Ивановича Медведева, очень оживилась и сказала, что они вместе в 20-х гг. работали под руководством В.В. Станчинского в Аскания-Нова. Общие воспоминания заняли значительную часть дороги, в частности ту, которая была наименее интересной. Остановившись в каком-то из населённых пунктов на обед, мы встретили там Овеза Сопыева с москвичами, среди которых были мой хороший знакомый В.Е. Флинт и герпетолог из ВНИИ-Природы Викторий Михайлович Макеев, приветствовавшие нас пивными кружками. Атмосфера была очень непринуждённая и какая-то праздничная.

Западный Копетдаг, находящийся уже в зоне сухих субтропиков или, по крайней мере, на границе с ними (низовья Атрека, Гасанкули – это уже субтропики), показался мне чем-то похожим на Аксу-Джабаглы, только ещё более аридным и ксерофитным. Ущелья его обильно поросли кустарниками, в основном плодово-ягодными, что выгодно отличало его от тех бедлендов, которые мы проезжали по дороге. Не случайно именно в Кара-Кале уже много десятилетий существовала опытная станция ВИР (Всесоюзный институт растениеводства), основанная ещё самим Николаем Ивановичем Вавиловым! Кстати, нам устроили на неё экскурсию, и все мы были очарованы обилием винограда и его сортов, а также различными технологиями приготовления изюма, кураги. И, конечно же, представленным в музее великолепным экземпляром эндемичной мандрагоры туркменской (*Mandragora turcomanica*), который нам показывала сама Ольга Фёдоровна Мизгирёва, проработавшая директором этой станции 40 лет! Вот что вкратце написано об этом растении в Советском энциклопедическом словаре: «Род многолетних трав сем. паслёновых. Корни иногда напоминают по форме человеческую фигуру, в связи с чем, по-видимому, мандрагоре приписывали магическую силу. 5-6 видов в Средиземноморье, Передн. и Средн.Азии; в СССР – 1 вид в Зап.Копетдаге» (1979, с.765). Обстоятельный рассказ О.Ф. Мизгирёвой был посвящён истории открытия этого растения и его удивительной биологии (например, цветёт мандрагора только зимой).

С достижениями Сюнт Хасардагского заповедника в деле охраны и изучения природы Западного Копетдага нас знакомили Миша Бляхер и Свет Забелин, работавший заместителем директора по научной части. Мне очень понравилась их основная идея, что заповедник должен быть центром охраны природы данного региона, репрезентативным для которого он является. А охраняемые территории более низкого ранга – заказники, памятники природы, национальные парки (тогда этих категорий было немного) – должны быть ему подведомственны в плане выполнения общих природоохранных задач. Позже, как известно, перебравшийся в Москву Святослав Игоревич Забелин стал организатором Социально-Экологического Союза (об этом речь впереди) и вообще крупным идеологом в области экологии и охраны природы. А Миша Бляхер, который вскоре впал в немилость у республиканского начальства, после непродолжительного пребывания в качестве безработного (о чём он писал мне из Белоруссии, где отсиживался у родных, – я даже предлагал ему перебраться в Казахстан) оказался в Израиле, откуда писал мне, что там он занимается тем же, чем и в Туркмении, – проектирует новые заповедники…

Очень интересным для меня было знакомство с крупным советским ботаником Михаилом Ефимовичем Родиным, который, несмотря на преклонный возраст, был бодр (особенно в источнике «Пархай», который гарантировал всем искупавшимся в нём полное исцеление от всех недугов, поэтому мы усердно плавали в нём, чтобы побольше получить обещанных благ). Он очень много знал и делился с нами воспоминаниями – как жаль, что не хватило ума всё это записать по свежей памяти!.. Совершенно полной неожиданностью стала для меня встреча с Борисом Даниловичем Абатуровым – тем самым Борей, с которым в начале 60-х гг. работал в Кургальджино Игорь Кривицкий, а я в это

время – с его однокурсником Севой Утехиным трудился в Аксу-Джабаглы. С Борисом мы с тех пор не виделись более 20 лет, и я поразился тому, что он почти не изменился – всё такой же спортивный, подтянутый, со свежим румянцем на щеках. И женщины смотрели на него с большим интересом – явно не только как на крупного учёного…

Памятным стало посещение кара-калинского змеепитомника, в котором участникам конференции показывал разных змей и артистично демонстрировал взятие яда известный туркменский змеелов Владимир Михайлович Бабаш. Мускулистый, загорелый, как будто сошедший с экрана голливудского боевика, он небрежно-панибратски обращался и с коброй (*Naja naja*) и с гюрзой (*Vipera lebetina*), и только к песчаной эфе (*Echis carinatus*) относился более уважительно. Помню его слова: «Когда меня в шестой раз укусила кобра, я решил, что пришла пора жениться – иначе я могу не оставить после себя потомства». Как рассказывал потом Пётр Дмитриевич Гунин, с которым мы познакомились здесь, в Каракале, столь же бесшабашно вёл себя Бабаш и на демонстрации в честь 7 ноября перед трибуной, демонстрируя на движущейся открытой платформе перед правительственной трибуной взятие яда у кобры; пока он улыбался высокому начальству, кобра его тут же и укусила… Удивительный смельчак!

Вообще эта поездка в Кара-Калу дала мне очень много полезной информации и новых знакомств. Так, П.Д. Гунин оказался хорошим знакомым моего однокашника Жени Понировского, коренного жителя Ашхабада и, когда мы встречались уже в городе, Пётр вдруг предложил мне поехать поработать в составе советско-монгольской экспедиции (той самой, в которой в своё время работали и Саша Кищинский, и Лео Степанян). Как мне потом рассказывала работавшая там Екатерина Ивановна Рачковская, он сказал ей, что на следующее лето к ним приедет Ковшарь (?!), но… не случилось. Приехал Эльдар Рустамов. Во время кара-калинской поездки очень сдружились члены всесоюзной комиссии по заповедникам, мы ближе познакомились с Татьяной Михайловной Корнеевой, которая хорошо знала Сашу Кищинского, семью Зубаровских и была женой В.К. Рахилина. Вот уж действительно – мир тесен. А переписка наша с ней и с Гулистан Азимовой из Ашхабада продолжалась ещё не один год.

Поездка в Новосибирск (10-14 декабря 1984)

Закончился 1984 год командировкой 10-14 декабря в Новосибирск, о которой я упоминал в очерке, посвящённом Е.В. Гвоздеву, объяснив цели и результаты этой поездки. Здесь же я хочу вкратце поделиться впечатлениями о встречах с некоторыми людьми. Знакомство с новосибирским академгородком произошло при температуре -43°, которую я попробовал впервые! Ощущение такое, что моё толстое и плотное пальто куда-то вдруг исчезло, и я стою на заснеженной улице просто в костюме. Интересно, что такое же ощущение было и у моего спутника Владимира Владимировича Иссыка. Позже, встретив немало людей с обмороженными щеками, мы узнали, что таких морозов и они давно уже не видели.

Пригласивший нас директор Института цитологии и генетики академик Д.К. Беляев был человеком чрезвычайно занятым (а, как вскоре выяснилось, ещё и очень больным). Но он сделал всё для нашей успешной работы, поручив нас заботам своего заместителя Юрия Алексеевича Киселёва. Это был удивительно собранный, обязательный человек, на котором, как мы поняли, практически держалась вся работа института. Про таких в народе говорят, что на них Земля держится. Он организовал нам всё – кроме погоды, из-за которой мы так и не смогли попасть в Чергу, путь к которой составлял более 500 км.

В силу специфики нашего задания, когда надо было «перелопатить» огромное количество разного рода документов, у меня не было времени пообщаться с братьями-зоологами, в том числе и орнитологами. За одним исключением, которым стал крупный специалист по куньим профессор Дмитрий Владимирович Терновский, который работал на территории того же института, в котором проводили всё свое время мы. Показ своей живой коллекции куньих они с супругой проводили часа два, с удовольствием демонстрируя нам своих россомах (почти ручных!), соболей и различных гибридов, в том числе и знаменитых «ханориков». А коллекция собольих шкурок и огромного количества разновидностей чернобурых и серебристых лисиц, выведенных в этом институте, просто поразила наше воображение – даже у В.В. Иссыка, работавшего в казахском Институте экспериментальной биологии и знавшего толк в такого рода делах. Кстати, Д.В. Терновский объяснил мне, что напрасно мы пишем в Красной книге Казахстана об обитании у нас европейской норки (*Mustela lutreola*) – она давно уже исчезла. Её поглотила американская норка. По его словам, ни одной достоверной встречи настоящей европейской норки давно уже нет ни в Казахстане, ни в большинстве областей России, прилегающих к Казахстану.

Экспедиция на Алаколь и Зайсан (июнь 1985)

На 1985 год мы запланировали большую экспедицию на восток – в Алакольскую и Зайсанскую котловины, где опять собирались поработать комплексно: орнитологи, териологи и герпетологи. К сожалению, по ряду причин рано выехать не удалось. Прежде всего – из-за состоявшегося 3-5 июня в Усть-Каменогорске выездного заседания Научного Совета «Животный мир Казахстана». Правда, как говорится – нет худа без добра. На этом заседании я познакомился с талантливым студентом последнего курса пединститута Сергеем Стариковым, который сделал хороший доклад о биологии сороки (*Pica pica*) в городе Усть-Каменогорске и его окрестностях. Поговорив с ним, я узнал, что он родом из села Маканчи (Алакольская котловина), и мы договорились, что он примет участие в нашей экспедиции, тем более, что он хорошо знает Алакольскую котловину.

Вторая причина, задержавшая мой личный выезд, – защита чьей-то диссертации, на которой я обязан был присутствовать как член Совета. Это был уже второй случай, когда заседания Совета мешали проведению полевых исследований. Первый был в мае 1983 г., когда меня на оз. Кызылколь (Джамбулская обл.) разыскал специально туда посланный сотрудник Института водного хозяйства

и передал телефонное распоряжение нашего директора немедленно вернуться в Алма-Ату, чтобы присутствовать на защите какого-то паразитолога: он-де наш аспирант из Кубы и дело это политическое, потому что касается валюты, которую то ли нам платят за него, то ли мы платим. Тогда я просто не поехал, чтобы не жертвовать последними днями экспедиции. Но сейчас я ещё не выехал, и меня просто *не пустили*, не подписав приказ о командировке. Было сказано: пусть Губин выезжает с отрядом, а ты их потом догонишь. Так и сделали.

Экспедиционная машина ГАЗ-66 с Б.М. Губиным, В.Н. Мурзовым и лаборантом А.В. Коваленко выехала из Алма-Аты в начале июня, а мы с лаборанткой Е.Э. Анохиной рано утром 16 июня приехали поездом на станцию Актогай у юго-восточной оконечности озера Балхаш, где они нас и встретили. Первые два дня мы провели в песках Каракум, где экспедиция стояла уже несколько дней, за которые энергичный Борис Михайлович Губин успел найти здесь немало интересного. Прежде всего – гнездовая пара журавля-красавки на щебенистых склонах небольших холмов плато Арганаты, затем – гнёзда пустынной славки (*Sylvia nana*) и пустынной каменки (*Oenanthe deserti*), птиц еще мало изученных.

Свернув 19 июня лагерь, мы направились на восток, огибая с севера оз. Сасыкколь. На лугах севернее озера, ещё до выхода на основную трассу, мы несколько раз встречали семьи журавлей-красавок, двух больших птенцов даже окольцевали, а не доезжая Таскескена, к моему удивлению, наткнулись на их сборище в 77 голов – слишком раннее для предлинных скоплений. Дальнейший путь экспедиции пролегал через реку Егинсу к селу Маканчи, где к нам присоединился С.В. Стариков. Оттуда 20 июня мы выехали на р. Хатынсу и в пески Бармаккум, где работали по 23 июня, а с 23 по 26 июня обследовали пески левобережья р. Эмель у впадения в неё р. Шагантогай. На этом отрезке маршрута, в пределах Алакольской котловины, наиболее обычным из числа наших объектов (редкие виды птиц) оказался чернобрюхий рябок (до 30 птиц за 2 часа наблюдений утром); саджа встречалась реже его в песках Бармаккум, но чаще – в песках по левобережью реки Эмель. Другие встречены единично: серый журавль (*Grus grus*) – только одна пара в пойме р. Эмель, балобан (*Falco cherrug*) – одиночка на проводах близ с. Маканчи, степной орёл (*Aquila nipalensis*) – 6 одиночек на столбах ЛЭП вдоль трассы Эмель – Маканчи; орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) – две одиночки на реках Эмель и Шантогай; скопа (*Pandion haliaetus*) – одна в Шагантогае. Из числа обычных птиц самым многочисленным оказался степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*) – за два часа утренних учётов (с 6 до 8 час) в разных местах Бармаккумов насчитывали их от 68 до 130 особей, большая часть – поющие самцы. Обыкновенный ремез (*Remiz pendulinus*) оказался нередким на гнездовании в зарослях лоха узколистного («джиды») в поймах речек Хатынсу, Эмель и Шагантогай.

Своеобразную тёплую струю в нашу жизнь внесло семейство пегих путораков (*Diplomesodon pulchellum*). Беременная самка этого крошечного красивого зверька была отловлена Володей Мурзовым в живоловку и посажена в тёмный ящик. Там она вскоре разродилась пятью очаровательными малышами, сразу же принявшимися её сосать. Так как никто ещё не наблюдал интимную жизнь этого

Капчагай, Маркаколь, Зайсан (1980-1985)

88

89

90

91

92

93

88 – участники заседания научного совета «Животный мир СССР…» на Капчагайском вдхр. май 1980;

89 – оз. Маркаколь и с. Урунхайка – центральная усадьба Маркакольского заповедника (Южный Алтай), август 1980 г.;

90 - с И.А.Абдусалямовым на Капчагайском вдхр., май 1980 г.;

91 – в Зайсанской котловине с Б.М.Губиным (стоит), Холодное 17 июля 1985 г.;

92 – с Ю.В.Шибаевым и М.А.Есилевской на XVIII Международном орнитологическом конгрессе. Москва, август 1982 г.;

93 – состав лаборатории охраны диких животных, 1987. Слева направо: Е.Э.Анохина, Р.Бекбосынова, Е.Ташибаев, Н.Березовиков, Д.Бланк, А.Ковшарь, В.Ковшарь, Т.Матвеева (Дуйсебаева), В.Мищенко, Е.Куценко (вскоре - Скляренко), З.К.Брушко, И.Корниенко,А. Левин, А.Гаврилов.

Копа, Караганда, Украина (1987-1989)

94

95

96

97

98

99

100

94 – орнитологический стационар («храм науки») в долине р. Копа, 1987-1988 гг. На крыше с подзорной трубой – Н.Н.Березовиков;

95 – О.В.Белялов и Н.Н.Березовиков на Копе, май 1988 г.;

96 – А.Ф.Ковшарь там же, май 1987 г. Самая первая подзорная труба отечественного производства (для школ);

97 – участники 6-го совещания Рабочей группы по журавлям СССР, Караганда, август 1988. Слева направо – В.Г.Колбинцев, В.А.Андронов, Р.И.Андронова, А.П.Кучин, Н.Н.Березовиков, Е.И.Сотникова (потом - Ильяшенко), две преподавательницы КарГУ, С.В.Стариков, С.М.Успенский, А.Ф.Ковшарь, А.С.Климов; крайняя справа – Т.А.Кашенцева;

98 – на самодельных костылях, Павлодарское Заиртышье, июнь 1989 г.;

99 – с мамой и сестрой Симой в Полтаве, осень 1987 г.;

100 – встреча одноклассников, 10-в класса 1954 года. Украина, Решетиловка, июль 1989 г. Рядом со мной, второй слева во втором ряду – Виктор Новохатка. Четыре наших преподавателя (в первом ряду) уже неотличимы по возрасту от своих учеников.

зверька вблизи, я посоветовал Володе создать ей в этом ящике нормальные условия и возить в машине, а по ночам с фонариком вести наблюдения за этим ночным животным, что он и сделал. Иногда мне самому было очень интересно часок-другой понаблюдать за этой идиллической картиной (рис. 71)…

13 июня 1985 (пер. 2)
Путорак (путор-ш ешк):
Перегонки ♂♂: 9 15, 9 15, 9 15, 9 16, 9 16, 9 18, 9 19, 9 20, 9 20, 9 24, 9 25, 9 25, 9 27, 9 30, 9 31 (и т. д.).
9 13 ♀ сбегала пописать (2 сек) и вернулась.
Сила легла спать, поедём дм.
9 21 ♀ убежала – обследует норы, гнёзда. Потрогала усами курица, но есть не стала.
9 42 ♀ легла в снопу, боком к дм.
9 29 Кормление (1 дм =
(9 37 – встал дм = 9 35 ещё 2 дм =
9 32 не Scuiptd).
10 15 ♀ убежала, отдыхала (пукнула).
Вернулась, легла спать, но 1 дм всё не поймал задний сосок и сосёт мёртвого на спине!
10 25 ещё 1 пукнула; ещё 1 дм!
К 10 10 к пищу добавлено: 1 сарделька 4 1/4 грамма вес 7,2 г
10 30 ♀ пукнула, поднялась, убежала. Но тут же вернулась, легла на дм спинкой и тихонько (сытая – отпущенные сразу вытягивается около 4 мин. – до 10 см (Красивая, плавная вытягивается на 10–15 мм!! ♀ её облизывает очень тщательно!!).
9 02
9 12
9 28
9 42

Рис. 71. Запись моих наблюдений за пегим путораком (фрагмент)

Обследование котловины мы закончили 26 июня в Урджаре. Дальнейший путь экспедиции пролегал в Зайсан. Автомобильная трасса в Восточный Казахстан проходит по равнине вблизи подножий, а сам хребет Тарбагатай остаётся справа. В этот раз мы решили проехать через горы, тем более что нам сказали, будто дорога на джайляу вполне сносна и ГАЗ-66 пройдёт без проблем. Поэтому вскоре за Некрасовкой, расспросив у местных жителей, как ехать, мы свернули с трассы на просёлочную дорогу, ведущую в горы. После затяжного подъема, петляний и ухабов, дорога вышла на «высокогорные» луга и пошла вдоль верхней границы леса, оказавшейся чуть ниже нас слева. А справа всего на несколько сотен метров возвышался крутой склон самого хребта, покрытый изумрудной зеленью субальпийских лугов вперемежку с более тёмными пятнами зарослей кустарника – по всей вероятности, арчи. Никаких каменистых обнажений, лишь только сам гребень хребта на фоне неба выделялся в виде зубчатых скал. Всё это создавало у меня впечатление, что это горы в миниатюре – красивые, почти игрушечные. Ведь высшая точка Тарбагатая, гора Таста, имеет высоту 2992 м, а мы ехали на высоте около 2000 м.

Слегка всхолмленную поверхность луговой террасы, по которой проходила дорога, местами прорезали стекающие с крутого склона речки и ручьи, у каждого из них стояла юрта. Многие переезды через воду были оборудованы хилыми мостиками. Проезжая по одному из таких мостиков, водитель резко дал газу, машина рванулась на крутой подъем и тут же раздался крик: «Губина потеряли!». Остановились, оглянулись: действительно, Борис идёт по дороге. Подойдя, сказал, что он сам спрыгнул на сильном ухабе…

Птиц на этом участке маршрута мы видели очень мало. Только у самого гребня хребта иногда парили силуэты крупных хищников, которые почти всегда оказывались беркутами (*Aquila chrysaetus*), реже – грифами (*Aegypius monachus*). На лугах изредка попадались черноголовые чеканы (*Saxicola torquata*) или вылетевшие из соседнего леса на кормёжку дрозды-дерябы (*Turdus viscivorus*). И

всё же эта дорога была захватывающе-интересной хотя бы тем, что обстановка вокруг было совсем не похожа на привычные нам горы Тянь-Шаня, а миниатюрные вершины гор были по-своему красивы.

Миновав высшую точку хребта, мы начали затяжной спуск в Зайсанскую котловину, которая была вся перед нами, как на ладони. Несколько раз казалось, что мы уже на равнине, но потом опять начинался пологий спуск. В одном из таких мест мы встретили сапсана (*Falco peregrinus*) – впервые за три года странствий в поисках редких видов птиц. Вскоре показался посёлок Аксуат, расположенный уже в самой котловине, но от него мы ещё долго ехали по равнине до села Белая школа, за которым проходит основная автотрасса на город Зайсан. Это непривычное название «Белая школа», корни которого уходят, видимо, к временам установления здесь советской власти и началу кампании по ликвидации безграмотности, знакомо каждому, кто посещал южную часть Зайсанской котловины. Дальнейший наш путь проходил по маршруту: с. Белая школа – Тополев мыс – Приозёрное – предгорья хр. Монрак – с. Каратал – пески Айгыркум – р. Черный Иртыш – с. Буран – гора Карабирюк – с. Манукой на северном берегу озера близ дельты Черного Иртыша – город Зайсан. Из Зайсана я улетел в Алма-Ату самолетом ЯК-40.

Очень оригинальными оказались пески Айгыркум, протянувшиеся вдоль границы Казахстана от Саура до Чёрного Иртыша. Эти высокие и крутосклонные бугры поросли не только кустарником, но и деревьями, чего раньше мне видеть не приходилось. Так, если островные песочки у села Белая школа поросли полынью-эстрагоном (*Artemisia dracunculus*) и колосняком гигантским (*Elymus giganteus*), то в Айгуркумах мы наткнулись на целые рощи из серебристого тополя (*Populus alba*), ив (*Salix* sp.) и берёз (*Betula* sp.). Соответственно и состав птичьего населения здесь необычен для песков. Так, в числе доминантов вместо преобладающих в других песках жаворонков (серые, двупятнистые, хохлатые) здесь на первом месте оказалась славка-завирушка (*Sylvia curruca*), составившая почти половину (47.8%) отмеченных в наших учётах птиц; на втором – полевой конёк (*Anthus campestris*) – соответственно 23%. Только на третьем месте, и то с большим разрывом (2%) оказались жаворонки рода *Calandrella*. Для примера могу сказать, что в песках юго-восточного Прибалхашья жаворонки этого рода составили 65.5% всех учтённых птиц; в песках Алакольской котловины больше половины (55.2%) птиц пришлось на степных жаворонков (*Melanocorypha calandra*), а в песках у Белой школы 41.7% всех птиц представлены малыми жаворонками рода *Calandrella* и 35% - чёрными жаворонками (*Melanocorypha yeltoniensis*). Кстати, на восточной оконечности песков Айгыркум, которые мы проехали вдоль, уже на левом берегу Чёрного Иртыша, оказалась довольно многочисленной саджа, составившая 35% всех встреченных птиц.

В селе Буран мы взяли «на борт» Константина Павловича Прокопова – доцента Усть-Каменогорского пединститута, гостившего здесь у родителей. Будучи специалистом в основном по мелким млекопитающим, он как разносторонний зоолог попутно уделял внимание всем наземным позвоночным. Так, например, именно он встретил как-то близ сопки Ашутас монгольскую саксаульную сой-

ку (*Podoces hendersoni*). И первое, о чём я его попросил, – вывезти нас на это место. Ашутас оказался совсем недалеко от села на правом берегу Чёрного Иртыша. Место мне откровенно не понравилось тем, что здесь в немалой степени присутствовал антропоген – какие-то карьеры, разработки, трактора и машины. Кроме того, даже изначально местность вряд ли могла быть пригодной для жизни этого вида. Поэтому, скорее всего, это была просто ошибка в определении птицы, если только не какой-нибудь одноразовый сногсшибательный залёт, во что я мало верю.

Став проводником нашей команды, Константин Павлович провёл нашу машину по правому берегу Чёрного Иртыша до села Манукой, откуда хорошо было видно всё устье этой реки с прилегающей акваторией озера Зайсан, на которой было довольно много уток, лебедей и пеликанов. Лагерь мы решили разбить в роскошной пойме Чёрного Иртыша, но как только на закате мы спустились в неё, то подверглись такой атаке гнуса, что смогли выдержать не более трёх минут и, не сговариваясь, повернули назад и выбрались наверх. Даже заядлый рыбак Губин забыл на время о своей страсти и торопил нашего водителя Виктора Капитоныча поскорее (и подальше) отъехать от злополучной поймы. Наконец-то мы остановились на какой-то пустынной равнине без каких бы то ни было кустов. Наш гид объявил, что это очень интересный песчаный массив, который для себя он окрестил «Прокоповские песочки», так как не раз занимался здесь грызунами. Стало быть, здесь должны быть интересующие нас карликовые тушканчики (*Salpingotus crassicauda*), пегие путораки (*Diplomesodon pulchellum*) и другие редкие виды Micromammalia.

Трудно было поверить, что это пески, – ни одного холмика, ни одного кустика. Но стоило копнуть носком, как видно, что это песок, только очень ровный, горизонтальный. Слухи о богатстве этого места живностью оказались несколько преувеличенными, зато по количеству комаров оно могло заткнуть за пояс многие другие пески! Уже на второй день мы переименовали этот песчаный массив в «Комаркумы». Спасала нас только погода. Мало было того, что небо было чёрное и периодически проливалось дождём. Температура понизилась настолько, что мы в прямом смысле этого слова ***мёрзли*** в середине июля! Это хорошо видно по фотографии, где мы сидим за столом в стёганых телогрейках и шапках. Другого такого холодного лета в пустыне я не припомню за все годы странствий по ним.

Но всё же несколько карликовых тушканчиков мы отловили. Двух из них я привёз живыми в Алма-Ату и полгода содержал у себя дома, ведя за ними наблюдения. Зверьки содержались в небольшом застеклённом ящике размером 40x20x25 см, разделённом на два одинаковых отсека. На дно ящика насыпали слой просеянного песка толщиной 5-6 см, в каждом отсеке имелся картонный домик-укрытие размером 7x4x5 см. С июля по ноябрь тушканчики содержались на так называемой смеси для попугаев (овсянка, конопля, рапс, семечки подсолнуха, канареечное семя, просо, щирица – *Amarantus* sp.) с добавлением манной крупы и зелёных листьев лебеды, птичьего горца и латука. Зверьки хорошо поедали коноплю, канареечное семя, просо и подсолнух, совершенно не притра-

гиваясь к семенам рапса и щирицы. О поедании манной крупы судить трудно, так как, смешиваясь с песком, она становилась недоступной для животных и к концу срока наблюдений составляла почти половину субстрата. С 29 ноября по 29 марта следующего года мы с дочерью Ириной (тогда ещё школьницей) проводили *нормированное* кормление тушканчиков и учёт поедаемости ими того или иного корма. Всё это подробно описано в заметке «О рационе трёхпалого карликового тушканчика в условиях неволи», которая была опубликована в очередном выпуске трудов Алматинского зоопарка «Содержание и разведение диких животных» (1986), посвящённом 50-летию Алматинского зоопарка.

Совещание по заповедникам СССР (Львов, 18-19 декабря 1985)

Последней в 1985 г. была поездка во Львов на второе совещание по заповедникам, которое проводила там 18-19 декабря Татьяна Михайловна Корнеева от имени всесоюзной комиссии по заповедникам. Здесь я оказался в одном номере гостиницы со знаменитым герпетологом и ветераном заповедного дела Туркмении Юрием Константиновичем Гореловым, о котором раньше много слышал, но встречаться как-то не приходилось. Зато здесь за несколько дней почти непрерывного общения мы с ним сошлись довольно близко по основному предмету – заповедники и охрана природы. Мне импонировала его контактность и в то же время ироничность, граничащая с острой ядовитостью выражений, что было характерно и для его полемических выступлений в печати на тему охраны природы. Под конец у нас установилось даже нечто вроде соревнования – кто в этом деле преуспеет больше. Попутно при этом я узнавал от него очень много интересного и полезного даже в той области, в которой и сам уже знал немало – например, в практике заповедного дела. Он рассказывал мне историю борьбы за сохранение Бадхызского заповедника, в котором сам проработал много лет, и с которым остался связан и после переезда в Москву, а я делился с ним тем же самым о заповеднике Аксу-Джабаглы. О змеях же он мог рассказать практически всё – вплоть до ощущений после укуса той или иной змеи; я и раньше слышал, что его кусали все наши самые ядовитые змеи.

Два других собеседника, с которыми мы проводили много времени – Миша Бляхер, прославившийся ещё студентом, когда, будучи активным членом дружины по охране природы (знаменитые ДОП), поймал на браконьерстве ректора собственного вуза; и Лида Шеремет – выпускница кафедры ботаники Харьковского университета, некоторое время работавшая в Кургальджинском заповеднике, но вернувшаяся на Украину после рождения сына (как бы повторив тем самым путь своего учителя Игоря Кривицкого). Теперь Лида Григорьевна стала важной дамой: она приехала на совещание как директор одного из степных заповедников Украины; Мишу Бляхера, по старой дружбе, она снисходительно-любовно похлопывала по плечу и называла «бляхер-мухер». Несколько дней совещания пролетели очень быстро и жаль было расставаться и с красавцем Львовом, и с хорошими людьми, с которыми успел за это короткое время сдружиться.

Поездка в юго-восточные Кызылкумы (май 1986)

Каждому, кто привык занимать активную жизненную позицию – будь то активист-школьник или умудрённый жизненным опытом политик – хорошо знакомо это ощущение будто ты попал в какой-то водоворот и уже не распоряжаешься своим временем, тебя как будто несёт «по воле волн». До сих пор не могу понять, как мог в таком положении оказаться я, не отличавшийся особой активностью в школе (кроме хорошей учёбы) и даже все школьные годы противившийся вступлению в комсомол. От вступления в партию я уворачивался ещё первые годы жизни в Казахстане, когда сверху вдруг приходила разнарядка принять туда кого-нибудь одного из «учёных». Видимо, виноват заповедник, работая в котором нельзя было пройти мимо борьбы за его сохранение и целостность. Так постепенно я стал активистом охраны природы и заповедного дела: непременным членом Центрального Совета Казахского общества охраны природы, а затем – председателем секции охраны животного мира, позже – секции охраняемых территорий и т.д., и т.п.

К середине 80-х гг. я стал замечать, что добрая половина моей активности уходит на общественную работу, оставляя для занятия наукой всё меньше и меньше времени. Даже продолжительность экспедиций (самой интересной части нашей работы!) сократилась до отдельных кратковременных выездов. Особенно показателен в этом плане 1986 год, когда мне удалось совершить только две коротких поездки в поле.

В мае я кое-как улучил недельку для поездки в юго-восточные Кызылкумы, где близ скважины Баймахан с апреля стационарно работали, изучая джека (*Chlamydotis undulata*), Б.М. Губин и С.Л. Скляренко, а с ними – герпетолог Р.А. Кубыкин и лаборантка Лена Куценко[41]. Интересно было посмотреть на эту пустыню в более южной её части. Надо сказать, что Борис и Сергей развернули здесь очень интересные наблюдения по биологии этой мало изученной в то время птицы; полученные ими обширные материалы по биологии и поведении этого вида опубликованы (Губин, Скляренко, 1990а).

Наблюдая по утрам с ребятами за уже известными им токующими самцами, я никак не мог представить себе, что вот эту птицу (скорее прямую, как палка, шею с небольшим крючком-клювом на конце) можно заметить с быстро идущей машины. Ведь когда джек застынет, увидеть его невозможно. Даже жаворонок однажды на моих глазах сел на клюв джека и тот брезгливо стряхнул его. Проведенные за этими наблюдениями два утра дали мне гораздо больше в понимании того, что такое джек, чем три года поисков его с машины. Только благодаря этому я смог потом показывать эту птицу бёрдвотчерам.

Хотя лагерь был разбит недалеко от горячей скважины Баймахан, которая была очень хороша для купания, но питьевую воду ребятам привозил из соседнего совхоза водовоз Аман, с которым они с первых же дней установили дружеские отношения. Его-то и попросил Борис свозить меня в пески – попутно

[41] Работа здесь продолжалась и в 1987-1988 гг., в ней участвовала также З.К. Брушко. – *Прим. авт.*

с развозкой воды по отарам. По утрам он заезжал в наш лагерь, сажал меня в кабинку, и мы целый день ездили от одной отары к другой, попутно наблюдая за птицами. Аман, крупный мужчина средних лет, был очень контактным, разговорчивым (видимо, сказывалось и то, что обычно он целыми днями ездил по пескам в одиночку) интересовался окружающим миром и охотно показывал мне гнёзда крупных хищных птиц, в которые очень удобно было заглядывать с высоты его цистерны. Рассказывал о встречах с птицами. А когда я спросил его о дрофе-красотке, он весело рассмеялся и рассказал мне случай из собственной практики: «До армии я тоже шоферил в этих песках. Возил геологов, а они имели при себе ружья и всё высматривали эту дрофу. Однажды я заметил, как она стоит среди редкого саксаула, но геологи о чём-то говорили между собой и не видели её. А я ещё плохо знал русский язык и не мог вспомнить, как эту птицу зовут по-русски. И кричу им: стреляйте, вот она, проститутка». И добавил, смеясь: «тогда я ещё не понимал разницы между этими словами».

Около скважины Баймахан, в которой мы с удовольствием купались каждый вечер, располагалась большая колония зелёных щурок (*Merops superciliosus*), наблюдать за которыми и фотографировать их было высшим наслаждением. Борис и Сергей и здесь не упустили случая провести интересные наблюдения, результаты которых впоследствии опубликовали в специальной статье (Губин, Скляренко, 1990б).

Очень интересно было снова встретиться с вараном. Один экземпляр небольших размеров поймали как раз в дни моего пребывания в лагере, и мы устроили настоящую фотосессию, выпустив варана среди редкого саксаульника в стороне от лагеря. Одним из отрицательных моментов в судьбе этого животного является бытующее среди местного населения поверье: если он пробежит между ног у мужчины, тот становится бесплодным; даже казахское название варана переводится как «болезнь». По этому поводу во время нашей фотосессии было немало шуток, особенно в адрес Сергея, который вот-вот должен был жениться. Однако всё обошлось: у Сергея с Леной сейчас – две прекрасные, уже взрослые дочери, так что народное поверье в данном случае дало осечку...

Поездка в Джунгарские ворота (июнь 1986)

Второй выезд удалось мне сделать в Джунгарские ворота, где за 5 дней (20-26 июня) Борис Павлович Анненков на своей «Ниве» провёз меня по маршруту: Учарал – Горький ключ на оз. Алаколь (20/21) – Учарал (21-23) – горы Кайканы – р. Жаманты – с. Коктума – застава Чиндала (23/24) – выезд за систему – возвращение – Джунгарские ворота – р. Тахты – (24/25) – подъем в горы – р. Оленты – Испул – гора Сандыктас – застава Сарыбухтер (1740 м над ур.м.) – предгорья у Тополевой щели на полпути между 19 разъездом и оз. Джаланашколь (25/26) – озеро Джаланашколь – Учарал. В виду краткости срока, я прилетел в Учарал и улетел обратно самолётом ЯК-40.

Поездка в сами ворота была запоминающейся. На заставе Чиндала, где Бориса все офицеры хорошо знали, нас покормили, определили на ночь в комнату отдыха, а утром даже пропустили с машиной за систему (!), предупредив, что к обеду мы должны вернуться обратно. Первое ощущение, когда мы оказались

за колючей проволокой, было особенным – каким-то тревожным. Но вскоре я привык, и за пол-дня больше ни разу об этом не вспомнил. Гораздо больше меня занимало другое: в низких сухих горках, которые мы пересекали, чтобы выйти на равнину, росли отдельные, но довольно высокие кусты саксаула и весь склон между ними был буквально изрешечен норами большой песчанки (*Rhombomys opimus*). Я впервые видел этих представителей пустынной флоры и фауны в горных условиях! Кроме того, сама дорога ранним утром между сглаженными холмами, которые в лучах восходящего солнца казались светящимися каким-то ореолом, была очень впечатляющей и запоминающейся. Много лет спустя я не раз испытывал подобное ощущение, проезжая в такое же время суток по низкогорью Богутов или Турайгыра…

Когда из очередной долинки мы выехали на открытый равнинный простор, Борис сказал: «Ну, вот перед нами Китай: если сейчас дать газку, то через полкилометра мы уже будем на их территории». Вдали узкой полоской блестело озеро Эби-Нур, но посмотреть на него в бинокль Боря мне не дал, сказав, что из любого ДОТа могут сделать выстрел на отблеск стекла бинокля. В указанном им направлении я увидел только бугорки ДОТов. Взлетевшая перед нашей машиной пара чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) улетела прямо в том направлении – на юг. Глядя ей вслед Боря, сказал, что сейчас эти *наши* рябки приземлятся уже в Китае. И я вспомнил, как мы при обсуждении Закона Казахской ССР об охране животного мира ещё в 1981 г. спорили по поводу первой его фразы: «Животный мир в Казахстане является *исключительной* собственностью государства». Видимо, эта пара рябков не читала нашего Закона…

Мы выдержали отведенное нам время и ровно в 13^{-00} пересекли КСП в обратном направлении, при этом я неожиданно для самого себя испытал облегчение – значит, где-то глубоко тревога всё-таки сидела, хотя казалось, что я избавился от неё ещё утром. Тут же, перекусив солдатской каши, мы поехали в Джунгарские ворота уже с нашей стороны. Не могу сказать, чтобы они произвели на меня какое-то особое впечатление: голая щебнистая равнина с редким полукустарничком солянок и чуть более высокими кустиками вдоль сухих русел временных весенних водотоков. А в самом пониженном её месте – какая-то железнодорожная станция, в районе которой видны движущиеся автомашины. Почти то же, что Чокпакские ворота, только там больше жизни. Кстати, насчёт жизни. Сколько мы ни старались, но джека так и не увидели. Парочка пустынных славок (*Sylvia nana*) и пустынных каменок (*Oenanthe deserti*) – вот и всё пернатое население «ворот».

Переночевав на р. Тахты, мы 25 мая поднялись в горы, на заставу Сарыбухтёр, где Борис сумел заправить машину, так как здесь его тоже все знали. Отсюда хорошо была видна величественная гора Сандыктас, а в верховьях р. Оленты мы наткнулись на пиршество около трупа коровы крупных пернатых хищников: снежно-белый взрослый кумай (*Gyps himalayensis*), черный гриф (*Aegypius monachus*), молодой бородач (*Gypaëtus barbatus*) и несколько чёрных коршунов (*Milvus migrans*). Ещё один бородач парил высоко над горой Сандыктас. Борис рассказал, как несколько лет назад в горах около самих Дунгарских ворот насчитали больше двадцати одиночных бородачей, тянув-

ших один за другим в одном и том же направлении. Вечером того же дня мы переночевали между 19-м разъездом и озером Джаланашколь, а 26 июня, посетив это озеро, на котором из-за сильно разыгравшегося ветра никаких птиц не было видно, вернулись в Учарал.

Кустанай и Одесса-мама (июнь 1986)

В июне (самый разгар полевого сезона!) в Кустанайском пединституте состоялось очередное выездное заседание сразу двух академических Научных Советов – нашего, зоологического (под руководством Е.В. Гвоздева) и ботанического (акад. И.О. Байтулин). Это была целая мини-конференция, на которой присутствовали сотрудники Наурзумского заповедника, заказников и охотхозяйств области. Как всегда при открытии заседания и его закрытии были активно задействованы представители областных властей, в частности – заместитель председателя облисполкома, очень энергичная женщина средних лет.

Здесь я близко познакомился с учёным секретарём Института ботаники Ириной Каменецкой, которую до этого знал только как дочь директора нашего издательства «Наука» Иосиф Исеровича Маляра и члена нашего Казахстанского отделения МОИП (когда вручал ей членский билет), и ближе узнал самого директора этого института Ису Омаровича Байтулина, с которым в дальнейшем мы не раз сотрудничали.

Вскоре после возвращения из Кустаная я взял (в кои-то веки!) летний отпуск, чтобы побывать в городе, о котором давно мечтал и в котором почти уже был двадцать лет назад (в 1966 г., когда была запланирована поездка на зоогеографическую конференцию), но из-за корректуры книги вынужден был от поездки отказаться. Теперь у меня появился реальный шанс посетить этот легендарный город у Чёрного моря – друзья обещали и встретить, и разместить. Так и получилось. Жил я на заброшенной даче какого-то академика один, дача находилась в черте города (!), всего в 200 м от Болгарского посольства и в 500 м от морского пляжа. Несколько раз посещал биофак Одесского университета, но большую часть времени был предоставлен сам себе и мог пропадать хоть на пляже, хоть на знаменитом Привозе. А однажды на пригородном автобусе совершил поездку в устье Днестра – и как будто попал в далёкое детство, так почему-то напомнило мне это место далёкие 40-е годы, Проскуров (Хмельницкий) и тамошние леса…

Одно только жаль – я так и не смог попасть в знаменитый одесский Оперный театр: сколько ни пробовал, билетов достать так и не смог! Оказывается, там всё продаётся заранее вперёд, и надо быть одесситом (или очень богатым), чтобы найти выход из этого положения. А так как я ни тем, ни другим не был, то пришлось отказаться от оперы, зато Дерибасовскую можно было посещать бесплатно хоть каждый день, как и знаменитую Потёмкинскую лестницу, и Французский бульвар со знаменитым памятником Дюку Ришелье, и даже воспетое Ильфом и Петровым кафе «Гамбринус», что я периодически и делал. Никогда не думал, что может быть так интересно целыми днями бесцельно бродить по го-

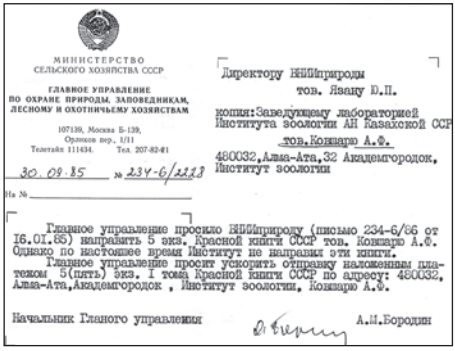
роду. И долго не мог понять, откуда у меня это непреходящее ощущение, что всё это я уже видел где-то в другой жизни? Появилось оно, это дежавю, при первом же выходе на берег моря. Обворожительный запах акации, безбрежная морская даль с кораблями на горизонте и парусами, белеющими то там, то здесь… И лишь потом до меня дошло: всё это очень ярко описал Валентин Катаев в своей книге «Белеет парус одинокий», которую я в детстве так часто перечитывал, что отдельные места выучил наизусть…

В это же время моя жена и дочь Ира отдыхали на Байкале, куда нас настойчиво звал мой аспирант Толя Фёдоров. В письмах (тогда ведь не было сотовых телефонов) они тоже с восторгом описывали красоты тех мест, и временами я даже сожалел, что невозможно быть одновременно в двух местах. А однажды, возвращаясь вечером с пляжа, я прочитал на соседней даче табличку: «переулок Байкал»! Надо же быть такому совпадению: я был одновременно и на Чёрном море, и в то же время – на Байкале!.. Из Одессы я поездом проехал через всю Украину к родителям в Решетиловку и Полтаву, завершив посещением многочисленной полтавской родни столь редкий при моей профессии летний отпуск.

ВНИИПриродa (Москва) – **Ессентуки** (октябрь-ноябрь 1986)

С 22 по 26 октября 1986 года в Москве, на ВДНХ, проходил очередной Семинар по Красной книге, организованный ВНИИПриродa (так после некоторых раздумий стали сокращать Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела). Здесь я снова встречался с В.Е. Флинтом и Ю.П. Язаном и впервые познакомился со спецификой идеологии охраны *беспозвоночных* животных, которую на семинаре во всех деталях доложила Н.И. Кочетова. Юрий Порфирьевич Язан был явно недоволен моей перепиской с начальником Главного Управления МСХ СССР по охране природы А.М. Бородиным, заставившим его выслать мне 5 экзепмляров Красной книги СССР (см. рис. 72), но виду не подавал, а главное – книги всё-таки выслал.

В кулуарах мы с В.Е. Флинтом и Адиком Винокуровым вспоминали те давние времена, когда директором этого института был еще С.А. Крывда, а его заместителем – некто Висящев. Острословы института тогда лихо обыграли эти фамилии в сочинённой ими поговорке: «От висящего до стоящего, как от правды до крывды», намекая на значение слова «крывда» как антонима слова «правда». Вообще в перечне руководителей этого ведомства было немало интересных фамилий, в том числе некто Пешков – потомок Максима Горького (кажется, правнук). Злые



МИНИСТЕРСТВО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ, ЗАПОВЕДНИКАМ,
ЛЕСНОМУ И ОХОТНИЧЬЕМУ ХОЗЯЙСТВАМ

107139, Москва Б-139,
Орликов пер., 1/11
Телетайп 111434. Тел. 207-82-81

30.09.85 № 234-6/2223

На №

Директору НИИПрироды
тов. Язану Ю.П.

копия: Заведующему лабораторией
Института зоологии АН Казахской ССР
тов. Коляго А.Ф.

480032, Алма-Ата, 32 Академгородок,
Институт зоологии

Главное управление просило НИИПриродy (письмо 234-6/86 от 16.01.86) направить 5 экз. Красной книги СССР тов. Коляго А.Ф. Однако по настоящее время Институт не направил эти книги.
Главное управление просит ускорить отправку наложенным платежом 5(пять) экз. I тома Красной книги СССР по адресу: 480032, Алма-Ата, Академгородок, Институт зоологии, Коляго А.Ф.

Начальник Главного управления А.М.Бородин

Рис. 72. Письмо А.М. Бородина, 1985 г.

языки утверждали, что он, к тому же, внук… Берии! Жаль, что услышал я это только после того, как побывал у него на приёме, а то хотя бы присмотрелся к нему поближе. Хотя директором он был, кажется неплохим.

В ноябре пришлось, наконец, серьёзно взяться за лечение обостряющихся гастрита и холецистита и поехать на лечение в Ессентуки, в недавно открывшийся там санаторий «Казахстан». Ещё в 1964 году в Пятигорске я убедился в чудодейственной силе Кавказских минеральных вод, а в 1975 и 1976 гг. частным образом полечился в Ессентуках – и каждый раз я ощущал результаты этого лечения. А врачи не уставали предупреждать, что сюда надо приезжать несколько лет подряд. Вот я и решился. А чтобы не было скучно, взял с собой пять томов «Птицы Казахстана» – я давно уже задумал написать для школ популярный очерк о птицах. Хотел взять и портативную пишущую машинку, но дочь во-время отговорила – как оказалось, в санаториях такие вещи отбирают до конца лечения… Проживая в двухместной палате, я старался не докучать своему соседу и для работы отводил два послеобеденных часа – те самые, когда он отдыхал по требованиям «мёртвого часа». Надо сказать, что руководство предусмотрело появление «трудоголиков», и по этой причине в палате вообще не было стола! Однако мне его вполне заменил широкий подоконник. Лечение прошло спокойно и плодотворно: к отъезду у меня были заполнены убористым почерком пять школьных тетрадок – в самом прямом смысле *рукопись* будущей книги «Мир птиц Казахстана» (1988).

IX Всесоюзная орнитологическая конференция (Ленинград, декабрь 1986)

Завершился 1986 г. проведением в Ленинграде IX Всесоюзной орнитологической конференции, которая проходила с 16 по 20 декабря в Зоологическом институте АН СССР; с ней было совмещено проведение первого съезда Всесоюзного орнитологического общества, созданного в Москве в 1983 году.

Впервые на всесоюзную конференцию я поехал с дочерью Викторией, которой уже исполнилось 25 лет. Она была дипломированным орнитологом, занимаясь изучением птиц Главного ботанического сада и вообще зелёных зон города Алма-Ата. Прилетев в Ленинград на денёк раньше, мы совершенно случайно попали на концерт Демиса Руссоса, который он давал в огромном ледовом олимпийском дворце. Впечатление было очень сильное. На второй день мы посетили гостеприимный дом Юдиных. Прощаясь, Людмила Гавриловна сказала мне, что у меня прекрасная дочь и она очень похожа на меня. Сама же *Л.Г.* очень понравилась Вике. Уходя, я никак не мог отделаться от мысли, что эта встреча может быть последней – очень уж редко стал я бывать в этом городе. Так оно и оказалось…

Самым запомнившимся событием этой конференции стало сообщение академика А.К. Рустамова, что Отделение Общей биологии Академии наук СССР, утвердило постановление об издании ряда региональных фаунистических монографий, в т.ч. и сводки «Птицы Средней Азии». В перерывах между заседаниями он даже собирал всех нас, «азиатов», для обсуждения первостепенных организационных вопросов.

Как всегда, во время проведения таких больших научных форумов их участники настолько заняты происходящим и увлечены возможностью общения, что практически выпадают из привычных связей с прессой и телевидением – не до того! Так случилось и в этот раз: только в аэропорту Пулково в ожидании рейса на Алма-Ату, регистрация на который почему-то затягивалась, мы услышали в телевизионных новостях фразу: «Обстановка в Алма-Ате постепенно нормализуется». Первая мысль была о землетрясении – ведь у нас всё-таки сейсмичная зона. Узнав причину – выступления молодёжи в связи с назначением вместо Д.А. Кунаева первым секретарём компартии Казахстана Г.В. Колбина – я вздохнул с облегчением: это всё-таки не землетрясение. И только прилетев в Алма-Ату, где в аэропорту нас встретил на не шутку испуганный зять, рассказавший, как они стояли в оцеплении и какие беспорядки происходили на Новой площади, я понял, что положение серьёзное и успокаиваться рано. Рассказ Романа подтверждали необычно пустые в такое поздне-утреннее время улицы Алма-Аты. Отвезя нас домой, он просил сегодня и завтра из дому не выходить и умчался на какое-то очередное дежурство. Было 21 декабря 1986 г…

Пленум ЦС ВОО в Пущино (февраль 1987)

Первыми событиями наступившего года для меня стали проходившие подряд в феврале заседание комиссии по лошади Пржевальского в Москве и пленум Центрального Совета Всесоюзного орнитологического общества в Пущино. На обоих я как член комиссии и ЦС ВОО присутствовал (кстати, в первом составе ЦС ВОО состояли также Эдик Гаврилов от Казахстана и Юра Шибаев от Дальнего Востока). Заседание комиссии проходило под председательством академика В.Е. Соколова в здании ИЭМЭЖ (теперь это ИПЭЭ). Его заместитель В.Е. Флинт также присутствовал, и было заметно расхождение этих двух авторитетных двойных тёзок по ряду стратегических вопросов, хотя на словах оно почти не выражалось – всё было предельно дипломатично – но были интонации…

Прямо после заседания комиссии мы с Флинтом и Владимиром Михайловичем Галушиным, который только недавно вернулся из-за границы, поехали на его машине в Пущино, где на базе Института биофизики начинался Пленум Центрального Совета ВОО. Помню, как значительную часть пути они обсуждали какие-то тонкости то ли хранения, то ли провоза валюты за рубеж и обратно – меня это тогда совершенно не касалось, поэтому детали и не запомнились. В Пущино я ещё не был, и мне всё там было интересно. Днём удалось немого познакомиться с занесенным снегом морозным Пущино, впечатление от этого городка осталось двоякое – то ли город, то ли посёлок. Но зато вид на лежащую вдали долину, поросшую густым лесом, был очень привлекателен – это была территория Приокско-Террасного заповедника. Летом в этом лесу, наверное, очень красиво!..

Журавлиный стационар в долине Копы (март-июнь 1987)

С 22 марта мы с недавно перешедшим в нашу лабораторию из Маркакольского заповедника аспирантом Колей Берёзовиковым начали двухлетний цикл по изучению журавля-красавки (*Anthropoides virgo*) в долине реки Копа, известной хорошим весенним пролётом этого вида и тем, что какая-то часть журавлей остаётся здесь на гнездование. Я очень надеялся, что удастся, наконец, захватить весь срок весеннего пролёта и провести полный количественный учёт пролетающих журавлей – поэтому и выехали так рано. Меня особенно радовало, что наконец-то наша лабораторная тематика совпала с планами Рабочей группы по журавлям, и мы начинаем конкретное изучение журавля-красавки.

Местность, где с 22 марта по 29 июня 1987 г. и с 23 марта по 5 июля 1988 г. велись наши стационарные исследования, представляет собой солонцеватую полынно-злаковую долину реки Копа, лежащую между предгорьями Заилийского Алатау и Чу-Илийскими горами в 120 км к западу от Алма-Аты. Ограничивающие её с севера и юга холмисто-увалистые предгорья распаханы под посевы ячменя, кормовых трав и кукурузы, а более крутые склоны и вершины холмов используются под пастбища. Сама полупустынная долина, шириной всего 6-8 км, пересечена высоковольтной ЛЭП и сетью полевых дорог. Весной, пока долина ещё зелёная, она интенсивно используется как пастбище: на площади около 13х6 км в районе нашего стационара выпасалось до 3-5 тысяч овец. Однако к июню вся скудная растительность выгорает и долина приобретает белый цвет – от покрывающей её пухлой солончаковой пыли, которая при ветре образует что-то вроде позёмки…

Поселились мы в маленькой пустующей глиняной мазанке (так называемый пункт для искусственного осеменения овец), расположенной у южного края долины, всего в 200-300 метрах от распаханных участков. В 100 м от мазанки была небольшая скважина для водопоя скота, а ещё через 100 м, уже за шоссе «Дегерес – Копа» – ещё одна. Обе они служили водопоем и для птиц, особенно чернобрюхих рябков, а в местах крошечных разливов, где выросла зелёная травка, гнездились даже длинноногие кулики ходулочники (*Himantopus himantopus*), сюда же, к дальнему артезиану, прилетали и журавли.

Сама мазанка, которой мы сразу же дали гордое имя «Храм науки» (не подозревая, что так 20 лет спустя назовут здание бывшей Академии наук Казахской ССР), размером была не более 4х6 м и разделена на две половины с дверным проёмом между ними. Первая половинка служила кухней и столовой, а во второй едва помещались две наших раскладушки. В обеих комнатках было по одному окошку, выходящему на юг. С восточной стороны домика был огороженный проволокой «скотный двор», сильно унавоженный своими сезонными постояльцами, а избытки навоза образовали довольно внушительную кучу за пределами оградки; с этого бугра можно было обозревать окрестности. Однако гораздо лучший обзор был с плоской глиняной крыши мазанки, где как будто специально для этого были сложенные несколько тюков сена, на которых можно было сидеть.

Прямо у двора стоял один из деревянных столбов ЛЭП, проходящей вдоль долины с востока на запад, вдоль этой линии через 1-2 км располагались соору-

жения, подобные нашему. На столбе был прикреплён небольшой трансформатор, дававший возможность пользоваться здесь различным инструментарием при осеменении или стрижке овец. Мы электричеством не пользовались, а как та бабка из «вороньей слободки» Ильфа и Петрова, доверялись свечке. Вокруг всей этой «усадьбы», благодаря удобрению и влаге, разрослись довольно высокие сорняки – лебеда, дурнишники и пр. Все описанные детали делали наш «Храм науки» местом, привлекательным для птиц, особенно пролетающих долиной.

Основная наша работа в течение марта и большей части апреля заключалась в почти непрерывных учётах пролетающих журавлей (поскольку лететь они могли в любое время суток). Обычно наблюдатели сменялись через 2-4 часа. Иногда в учётах нам помогали гости – чаще других Давид Бланк и Ерлан Ташибаев, приезжавшие из Алма-Аты. Кстати, в силу удаления от города, посетителей здесь у нас бывало гораздо меньше, чем на высокогорном стационаре «Большое Алматинское озеро». Прямого транспорта до «Храма науки» просто не существовало, а знакомые с собственными машинами в те годы были большой редкостью. От автотрассы «Алма-Ата – Бишкек» до нас было 26 км, а от железнодорожной станции Копа – всего 6 км, поэтому в город мы ездили поездом. Беда была лишь в том, что на этой маленькой станции пассажирские поезда не останавливались, а только один почтово-багажный «Ташкент-Новосибирск». Ходил он не каждый день, поэтому для поездок за продуктами или по другим срочным делам нам приходилось приспосабливаться к определённым дням. Это значительно осложняло задачу для гостей, но, тем не менее, иногда на выходные они к нам приезжали. Чаще других бывал у нас Олег Белялов, а однажды, на День Победы 9 мая приехали мои дочери – Вика и Ириша, заставшие самое красивое время, когда долина полыхала распустившимися маками, а мы ещё смогли показать им токующих стрепетов (*Otis tetrax*), которых обнаружили сами за несколько дней до этого на степных увалах в 5 км от лагеря.

Пролетающих журавлей считали при помощи обычного 8-кратного бинокля. В стаях до 50 птиц их пересчитывали поштучно, а в более крупных – либо пятёрками (иногда – по 10), либо экстраполировали на всю площадь стаи данные, полученные при точном пересчёте её части (обычно не менее 1/4). Многократная проверка самих себя показала, что оба мы при таком способе учёта немного *занижаем* истинную численность птиц. А если учесть, что некоторые очень высоко пролетающие стаи могли быть нами упущены, то можно считать, что полученные нами данные – минимальные. Кстати, при записи каждой пролетевшей стаи отмечалось не только число птиц, но и направление и высота полёта. При окончательном подсчёте обратно летящие стаи (бывало и такое!) из общей сумы изымались. Это исключало возможность повторного учёта тех же птиц.

Первого журавля-красавку в 1987 г. мы увидели через три дня после приезда, а на следующий день на восток пролетело уже 320 птиц. Последние пролётные стаи отмечены 17 мая. За эти 53 дня через наш пункт в восточном северо-восточном направлении пролетело более 40 тысяч журавлей-красавок (точная цифра – 40 427). Такие большие, а главное – достоверные цифры по этой птице в Казахстане получены впервые.

Получены интересные сведения о суточной активности пролёта. Рано утром, до 10 час (именно в это время велись ежедневные учёты на Чокпаке!), пролёт отсутствовал – всего 3% журавлей отмечено в это время; с 10 до 15 час пролетели 22 % из 40 тысяч, остальные 75% журавлей летели после 15 часов. Поскольку в период массовой миграции крики пролётных стай слышны и в полной темноте (в 22-23 часа), я пробовал учитывать пролетающих журавлей и ночью, устроившись спать на тюках сена. Особых результатов такие ночные учёты не дали, кроме одного неожиданного – меня буквально заедали иксодовые клещи, которых оказалось очень много в тюках сена!...

В период пролёта мы наблюдали не только летящие транзитом стаи. Многие из них останавливались на кормёжку на всходах ячменя, образуя здесь сотенные, а то и тысячные кормовые скопления. Ещё год назад, с 3 по 29 апреля 1986 г., здесь держалось скопление около 1000 журавлей. Первые суточные наблюдения за ними мы провели вдвоём с Алтаем Жатканбаевым 16 и 17 апреля. Ночь и середину дня журавли провели плотной стаей у водопоя (близ разливов артезиана), а утром, с 7 до 11 час, и вечером, с 16 до 20 час, они врассыпную кормились на всходах ячменя, где оказалось много незаделанных в почву семян ячменя (до 185 зёрен на один квадратный метр; а в среднем, по 10 измерениям, – 86). Вечером мы наблюдали лёт журавлей на ночёвку, а утром – с мест ночёвки на поля.

На лето в окрестностях нашего стационара осталось 6 пар журавлей, построивших гнёзда в 2-5 км одна от другой. В середине апреля они пытались строить гнёзда по окраинам целины, но везде были потревожены отарами овец, и 4 пары в конченом счёте загнездились на полях, где овцы их не тревожили. Наблюдения за этими парами и их гнёздами мы проводили также с крыши своего дома, но уже в 20-кратную подзорную трубу, что давало гарантию, что птицы ведут себя естественно, поскольку мы их совсем не тревожили. Так мы пронаблюдали и за «постройкой» гнёзд (хотя этот степной журавль часто откладывает яйца прямо на голую почву), и за насиживанием кладки обеими птицами по очереди (самка сидит на гнезде 57% светлого времени, а самец – 43%), и за вождением выводка в первые дни после вылупления. Подробно обо всём этом мы написали в двух совместных статьях, посвящённых гнездованию журавля-красавки и его весеннему пролёту (Березовиков, Ковшарь, 1991; Ковшарь, Березовиков, 1991).

Для подробного хронометрирования деятельности пары журавлей у гнезда, чтобы потом можно было рассчитать бюджет времени, затрачиваемого птицами на разные виды деятельности, надо было подробно записывать смену этих видов деятельности по часам. Записывать всё это словами невозможно: такая запись занимает много времени, которое необходимо, чтобы следить за птицей. Пришлось разработать систему значков, каждый из которых обозначает тот или иной род деятельности. Попутно для описания погодного фона я использовал значки, заимствованные у метеорологов. Получилась оригинальная система, которую нагляднее всего представить в виде таблицы (рис. 73). Запись многочасовых наблюдений за птицами при использовании таких значков выглядела как чередование самого значка и точного промежутка времени.

О поведении журавлей-красавок у гнезда и о взаимоотношения их с живущими по соседству хищниками я написал тогда же, по горячим следам, небольшой рассказ, часть которого хотел бы привести здесь. «Наблюдая за парой красавок в бинокль, я заметил, что журавли каждый раз садятся примерно в одном месте, около километра от водопоя и столько же – от меня. Приземлившись, птицы какое-то расстояние идут вместе, а затем одна из них остается, а вторая отходит и начинает кормиться или чиститься в 50-100 метрах. Наведя на оставшуюся птицу 60-кратную подзорную трубу, я убедился, что она сидит на гнезде.

Это была большая удача: в первый же день и без всякого видимого труда найти гнездо такой редкой, осторожной, а главное — очень нужной нам птицы! Пронаблюдав за насиживающей красавкой около трёх часов, в течение которых птицы один раз сменились и один раз слетали на водопой, я как будто хорошо запомнил место расположения гнезда среди унылой однообразной равнины, поросшей скудной травкой. Однако по опыту я знал, что вблизи местность будет выглядеть иначе, а тщательно выбранные ориентиры потеряют свой первоначальный облик. Поэтому, отправляясь к гнезду, я показал эти ориентиры товарищу и договорился, что он знаками будет показывать мне, в какую сторону я уклонился. Проделав всё это, я вышел в путь со спокойной совестью человека, который все предусмотрел. Полпути я прошел, время от времени проверяя в бинокль, сидит ли на гнезде журавль. Всё шло хорошо: птица и не думала реагировать на человека, идущего на столь большом расстоянии – более полукилометра. Но вот между мной и гнездом невесть откуда появился небольшой зверек и со всех ног пустился наутек от меня, причём бежал он прямо на гнездо.

Рассмотрев в бинокль зверька, я похолодел. Это был корсак (*Vulpes corsac*) – небольшая пустынная лисичка. Выходит, я сам направил его на гнездо несчастных журавлей. Сейчас он вспугнет самку и полакомится птенцами или яйцами. И ничем помочь птицам я не могу, так как в руках у меня только бинокль и фотоаппарат, да и не успею я добежать – ведь до гнезда еще несколько сотен метров.

Но не успел корсак приблизиться к гнезду и на двести метров, как навстречу ему вылетели один за другим оба журавля. Первый налетел на него и сильно ударил клювом, почти опрокинув, второй проделал то же, стараясь ударить еще и крыльями. После этого обе птицы сели в десяти-пятнадцати метрах от зверька, по разные стороны от него. Корсак, поджав хвост, кинулся в сторону и тут же получил удар от одной из птиц. Но он уже вырвался из их окружения и что есть духу мчался в сторону от гнезда. Журавли преследовали его ещё метров двести и только потом обратили внимание на меня. Отлетев на полкилометра, они стали кормиться, как будто ничего не произошло.

Очнувшись после столь впечатляющего зрелища, я попытался вернуться к поискам гнезда, но не тут-то было! Ориентиры, которыми служили, как

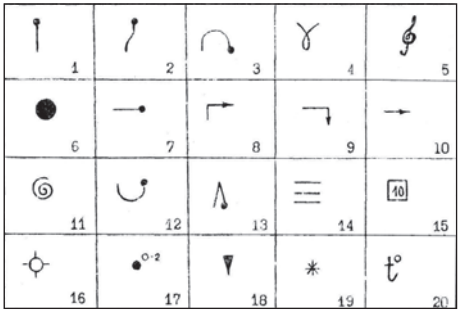


Рис. 73. Значки для обозначения деятельности птиц и описания погодных явлений:
1 – журавль насторожился; 2 – спокойно стоит; 3 – кормится; 4 – танцует; 5 – вокализация; 6 – чистка оперения; 7 – идёт; 8 – взлёт; 9 – посадка; 10 – летит; 11 – набор высоты кругами; 12 – сидит в гнезде; 13 – стоя переворачивает яйца; 14 – туман; 15 – облачность по 10-балльной шкале; 16 – солнце; 17 – дождь (цифрами обозначена интенсивность по 3-балльной шкале); 18 – ливневой дождь; 19 – снегопад; 20 - температура

мне казалось, пучки травы определенной формы, вблизи оказались целыми травянистыми полянками, и были они, как две капли воды, похожи одна на другую. Вдали, где-то у самого горизонта, товарищ делал мне какие-то знаки, но смысл их был непонятен даже при рассматривании в бинокль. Потоптавшись около часа, я понял, что гнезда мне сегодня уже не найти, и, чтобы не мешать больше птицам, убрался восвояси.

Пока я дошел до лагеря, спустились сумерки, и даже в подзорную трубу нельзя было рассмотреть, вернулись ли журавли к гнезду. Проклиная себя за то, что так долго попусту тревожил птиц, я дал себе слово, что завтра поеду искать это гнездо на машине.

Утром чуть свет я уже настроил трубу, но освещение было ещё очень слабое, чтобы в неё можно было что-нибудь увидеть. Только через час удалось убедиться, что птица, как ни в чем не бывало, сидит на гнезде. Решил понаблюдать за ней до полудня, а потом попробовать подъехать на автомашине.

И вот мощный ГАЗ-66 медленно направился в сторону гнезда. Водитель Виктор Капитоныч также изучил ориентиры и по дороге рассказывал мне, как легко мы теперь найдем это гнездо. Однако на полпути вчерашняя история повторилась. Снова из того места выскочил корсак и снова оба журавля гнали его… Гнездо я обнаружил только через час, после того, как отправил машину, а сам, устроившись в скрадке в 1.5 км от гнезда, пронаблюдал за очередным возвращением журавлей к нему. И все это время я не переставал удивляться, какими грозными для корсака оказались эти мирные птицы».

Однако не одними журавлями занимались мы на этом стационаре. Под «прицел» наших биноклей и подзорной трубы были взяты и другие обитавшие здесь птицы. Одной из самых интересных среди них оказалась авдотка (*Burhinus oedicnemus*). Стационарные наблюдения за двумя парами в окрестностях нашего лагеря показали, что представление о том, что у неё сугубо ночная активность, не совсем верно. Нам удалось пронаблюдать их смены около гнезда с кладкой, поведение маленьких птенцов и др., подробности об этом мы опубликовали в статье «Дневная жизнь авдотки в репродуктивный период», опубликованной в журнале «Бюллетень МОИП» (Ковшарь, Березовиков, 1992). Здесь же я впервые наблюдал токование стрепета (*Otis tetrax*), которого считал почти исчезнувшим, по крайней мере, в южной половине Казахстана. Очень интересные наблюдения удалось провести за гнездованием индийского жаворонка (*Alauda gulgula*), несколько гнёзд которого нашли мы прямо около стационара, среди более мезофильной растительности.

Ещё зимой, во время подготовки к этим длительным полевым работам, в которых нам придётся обходиться без транспорта, знающие люди посоветовали мне приобрести маленький мопед под названием «Мокик», который потребляет очень мало бензина, для езды на нём не нужны права, а вот за продуктами первой необходимости в соседнее село или на железнодорожную станцию на нём всегда можно съездить. Да и стоил он совсем недорого – наших командировочных с лихвой хватило для его приобретения. Напарник мой Коля встретил эту новость в штыки: «Зачем он нужен? Столько денег потратили!». Однако первый освоил эту машину и проводил на ней большую часть свободного времени – то вдоль трассы почти каждое утро ездил собирать сбитых проходящими машинами птиц (впоследствии даже написал на этом материале статью!), то при всяком удобном случае уезжал на колхозные пруды за 4-5 км, где наблюдал за всякой околоводной птицей, до которой оказался большим охотником. О первой своей реакции он забыл начисто…

В середине июня, когда птенцы журавля уже значительно подросли и разбрелись от места гнездования, наши стационарные работы фактически завершились, и появилась возможность сделать маршрут в поисках журавлей в прилегающих местах. На пришедшей из города машине ГАЗ-53 (водитель Андрей Крупа) мы 23 июня выехали на север, в горушки Серектас, где на северной их оконечности стационарно работали наши товарищи – Анатолий Левин, изучавший рябков (*Pterocles oeientalis*), и Ральф Пфеффер, изучавший сокола-балобана (*Falco cherrug*). За 7 дней мы сделали маршрут через горки (проезжая их в основном по долинкам), побывали у своих коллег (но задержались здесь всего на часок) и вышли на равнину Жусандала между горами и расположенным севернее песчаным массивом Таукум. Именно здесь мы надеялись встретить журавлей-красавок, а если повезёт – то и дрофу-красотку, или джека (*Chlamydotis undulata*). Однако вместо этого мы попали в целый лабиринт огороженных пастбищ (тогда как раз какой-то умник привёз эту моду, кажется, из Австралии!). Кое-как выбравшись из этого лабиринта, мы направились на восток и вышли к Курттинскому водохранилищу, на высоком берегу которого и заночевали. Место это оказалось очень живописным, а главное – здесь мы встретили и журавлей. Всего две или три пары. Потом, замыкая круг, проехали на юг к речке Джирен-Айгыр, от неё – на Копу и вышли к своей мазанке, на которой и переночевали последний раз. По пути мы ещё в двух местах видели журавлей, а главное – эта поездка дала нам общее представление и о характере местности, и о распределении журавля-красавки на гнездовании в этом полупустынном районе.

Поездка в Семипалатинскую область (июль 1987)

Второй полевой выезд, также в поисках журавля-красавки, состоялся в июне этого года в Семипалатинскую область. Ему предшествовало очередное выездное заседание Научного Совета «Животный мир Казахстана…», состоявшееся в Семипалатинске 1-3 июля. На нём я познакомился с начальником областной госохотинспекции Василием Павловичем Новиковым и договорился, что он обеспечит нас транспортом для поездки по территории области и проведения учётов журавля-красавки. На основании этой нашей договорённости мы с Колей Березовиковым 19 июля поездом прибыли в Семипалатинск, где В.П. Новиков поселил нас у себя на Красном кордоне. Буквально за пол-дня была готова к выезду машина с водителем-охотинспектором; с нами выехали также охотовед В.А. Шведов и преподаватель пединститута Виктор Хромов, когда-то заканчивавший кафедру зоологии КазГУ и посещавший мой спецкурс по орнитологии. Это был уже третий случай встречи на территории Казахстана со своим бывшим студентом (первый был в Кургальджинском заповеднике в 1980 году, когда Володя Тарантул давал мне свои сухие сапоги после нашей «мокрой» поездки по Тенгизу на колонию фламинго).

Маршрут экспедиции по Семипалатинской области был следующим: Семипалатинск – Чапаевское оз. – село Репинка – р. Мукур (21/22.07, комары!!) – мимо гор Семейтау – с. Крупское в пойме Иртыша – Семипалатинск, Красный кордон (22/23) – с. Булак – р. Чар – с. Климентьевка – оз. Кызылчилик – хоз-во УМР (23/24) – ст. и оз. Дель-

бегетей (объезд вокруг) – Почтовые озера – с. Жайма – оз. Ащиколь – оз Жамбас (Кезенсуйское приписное ГОХ) – с. Бурли – оз. Канай – оз. Травяное – оз. Каскабулак – р. Ащису – оз. Ирсайколь (24/25) – с. Репинка – Семипалатинск (25/26 июля).

Всего на маршруте 667 км (при ширине учётной полосы по 200 м с каждой стороны дороги мы покрыли площадь около 267 км^2) насчитано 109 журавлей-красавок, в среднем – одна пара на 5 км^2, что не так уж мало для вида, занесенного в Красную книгу! Кроме того, мы отметили птиц ещё 67 видов и среди них – 20 степных орлов (*Aquila nipalensis*). В целом поездка была очень познавательной: я впервые близко познакомился с чудной кустарниковой степью среди грядовых возвышенностей Дельбегетей и Семейтау – родиной Абая; посетил такие памятники казахской старины как Енлик-Кебек…

60-летний юбилей заповедника Аксу-Джабаглы (август 1987)

Вскоре после Семипалатинской поездки, в августе, я вместе с дочерью, зятем и внучкой съездил на Украину к родным, где всё ещё свежи были годичной давности воспоминания о разразившейся в 1986 г. Чернобыльской катастрофе. И хотя расстояние от Решетиловки до Чернобыля было порядка 400 км, мы видели последствия этого экологического бедствия, выразившиеся в гигантизме грибов в родном «Гарячківському лісі», где никогда ничего подобного не бывало: грибы были буквально с человеческую голову размером…

Уже в конце августа мы все втроём были в Аксу-Джабаглы на праздновании 60-летнего юбилея заповедника. Людей на этот праздник собралось довольно много, в том числе и те, кого я не видел много лет и уже не чаял увидать. Особенно приятной была встреча с Василием Матвеевичем Жируевым, нашим славным «дядей Васей», столько лет служившем на кордоне Джабаглы. Вместе с ним всё время держался пожилой коренастый усатый мужчина. В нём я не сразу признал Ивана Косенко, с которым познакомился, когда он ещё был скотником в каньоне Аксу и всё просился к нам на работу, а потом много лет верой и правдой служил на Топшаке – самом восточном кордоне джабаглинской части заповедника. Это он когда-то на учёте копытных в Топшак-сазе издалека сигналил мне, что надо мной по скале ходит снежный барс! Это он добывал на кордоне и привозил мешками ястребов-перепелятников (*Accipiter nisus*), когда за них выплачивали премиальное вознаграждение. Значительная часть

Рис.74. На 60-летнем юбилее заповедника с дочерью, внучкой, дядей Васей Жируевым и Иваном Косенко. Аксу-Джабаглы, 1987 г.

добытых им птиц пополнила коллекцию кафедры биогеографии МГУ, которую создавали профессора В.Ф. Ларионов и А.М. Чельцов-Бебутов. И дядя Вася, и Иван видели мою дочь Викторию ещё ребёнком, а сейчас она с гордостью показывала им уже свою дочь Элину…

Все эти явные признаки быстротечного времени напомнили мне и о том, как весной этого года в Институте зоологии отметили мой 50 летний юбилей (я оказался всего на 10 лет моложе заповедника). Невольные сравнения и сопоставления вызывали картины и давнего прошлого, и совсем недавнего. Всего полгода назад сослуживцы в своём адресе вкратце подвели итоги 20 лет моей работы в институте, скрепив это своими многочисленными подписями, большинство из которых были мне хорошо знакомы…

А здесь, в заповеднике, мы вспоминали ещё более давнее время, и это было приятно по-своему. Особенно неизгладимое впечатление осталось от пеших экскурсий по родному заповеднику вместе с внучкой, которой шёл всего пятый год. Помимо общего похода по арчевникам Кши-Каинды, которые за прошедшие годы стали явно гуще, и подъёма втроём на перевал Кши-Каинды (далеко не каждый может похвастать, что в 5-летнем возрасте поднимался на 3100 м!) мы втроём поехали на кордон Каралма – тот, который почти напротив Чокпака. Наблюдатель Андрей Канахин показал нам своих великолепных лошадей, которых он разводил в этом укромном уголке, а рано утром мы вместе с малышкой потихоньку поднялись пешком на Койлыбайжайлау. По этой тропе я сам шёл в первый раз и очень переживал – как осилит подъем ребёнок. Она выдержала весь путь, но там, наверху, видно было, как она устала. Пришлось уложить её поспать прямо около кустика стелющейся арчи – благо погода была ясная и тихая, а солнце светило хоть и ярко, но по-сентябрьски мягко и ласково. Мы же, взрослые, во время этого детского «тихого часа» не могли налюбоваться панорамой северного склона Таласского Алатау…

Закончился для меня этот год в Ессентуках, куда я уехал в декабре на очередной курс лечения минеральными водами. Там же пришлось встретить и новый 1988-й год.

Очередной Пленум ЦС ВОО в Пущино (март 1988)

В этом году вихри природоохранной общественной деятельности ещё дальше унесли меня от *изучения* птиц, с которыми приходилось встречаться урывками, и то в основном на различного рода заседаниях, а продолжительность полевых исследований сократилась, как шагреневая кожа, – всего до полутора месяцев! В самом начале марта, снова в Пущино, состоялся очередной Пленум Центрального Совета Всесоюзного Орнитологического общества, на котором я встретился со старыми знакомыми орнитологами: В.Е. Флинт, В.М. Галушин, С.Г. Приклонский, В.Д. Ильичев, В.И. Торопова, Я.А. Виксне, А.В. Михеев, В.М. Константинов, В.А. Зубакин и др.

Вопросов на этом Пленуме поднималось много: и о пропаганде научных знаний (А.В. Михеев), и о списке русских названий птиц, окончательно так и не

созданном (Янис Арвидович Виксне, В.Е. Флинт), и об учреждении архивной комиссии. Президент ВОО В.Д. Ильичёв поставил на обсуждение вопрос: нужны ли любители? Очень интересную информацию на эту тему дали представители из Свердловска, где Отделение ВОО внедрилось в Клуб любителей птиц, имеющий годовой доход 6 тыс. рублей (в основном за счёт выставок), причём правила очень жёсткие: если член клуба не участвует в выставке, его исключают из клуба! Шла также речь о том, что членам ВОО необходимо участвовать в подготовке различных рекомендаций, которые утверждает Госкосприрода, и как отрицательный пример приводилась рекомендация по врановым птицам, составленная одними чиновниками, без орнитологов (В.Е. Флинт тоже подтвердил, что он эту рекомендацию *не видел*!).

Шла речь о необходимости Фаунистической комиссии (арбитража) и как пример приводились псевдонаходки новых видов птиц, в основном залётных, на западе Украины. Янис Виксне сообщил, что такая комиссия уже работает в Латвии и Эстонии, без неё ни одна новая находка не признаётся. Шла речь о Трудах ВОО и В.Д. Ильичёв попросил освободить его от обязанностей главного редактора, поручив их Е.Н. Курочкину. Он же доложил о ходе подготовки к грядущему в этом году 90-летнему юбилею Г.П. Дементьева. В.М. Константинов сообщил, что в Каунасе создана группа по урбанизации птиц и намечается совещание на эту тему в Минске. В.А. Зубакин сообщил о появлении двух новых региональных отделений ВОО – северо-кавказского (Б.А. Казаков) и кировского (В.И. Литун), о кооптировании в состав ЦС ВОО новых членов и т.д.

Помню, как вечером В.Е. Флинт в ресторане познакомил меня со своим аспирантом В.И. Литуном, которому я уже дважды писал отзывы на автореферат по куропаткам, так как первый раз по каким-то каверзным причинам (сколько же их бывает!) защита у него сорвалась. Но вот теперь она прошла благополучно и мы втроём не просто ужинали, а «обмывали» её. Честно говоря, я изрядно устал от этого застолья и непомерного количества коньяка, тем более, что у меня была уже назначена встреча с киргизскими коллегами, однако от Владимира Евгеньевича не так-то просто было вырваться. Так что весь этот вечер пришлось отдать традиции, которая временами начинала меня тяготить – неужели нельзя без пития?.. Со временем я стал всё чаще уклоняться от этой повинности.

На второй день, 3 марта 1988 г., состоялось заседание Национальной секции СИПО (Международный союз охраны птиц). Президент В.Д. Ильичёв доложил о результатах поездки его и В.Э. Якоби в Венгрию на заседание континентальной секции СИПО и сообщил, что на следующий год в Чехословакии состоится Международное совещание по прикладной орнитологии. Генеральный директор СИПО Ин Баден предложил ВОО взять на себя три проекта: по охраняемым территориям (В.А. Зубакин), по морским и колониальным птицам (Л.С. Богословская) и по тонкоклювому кроншнепу (А.К. Юрлов). Национальную секцию СИПО (председатель В.Д. Ильичёв, заместители Ю.А. Исаков и В.М. Галушин, секретарь С.А. Полозов) предложено создать в количестве 24 человек с представительством от всех республик (от Казахстана – Э.И. Гаврилов и А.Ф. Ковшарь).

В выступлении В.Е. Флинта много внимания было уделено разработке концепции охраны птиц и созданию общей национальной стратегии охраны птиц. Здесь Флинт высказал своё возражение против аксиомы: «Не сохранив биоценоза, невозможно сохранить вид». Назвав это положение неверным и вредным, он предложил взамен направленное конструирование новых экосистем. Если нет степи, вид надо сохранять в лесостепи или полупустыне, где есть такие возможности (здесь явно видно было, что к мысли этой он пришёл, начав работать с лошадью Пржевальского именно в пустыне Узбекистана, а не в степи, которую мы всё никак не могли найти). Завершило заседание обсуждение места и времени проведения 10-й Всесоюзной орнитологической конференции, которая планировалась в 1991 году на базе Витебского пединститута (Белоруссия). По сообщению Юрия Афанасьевича Вязовича уровень радиации в пищевых продуктах в Белоруссии уже понизился на один порядок. В то же время Анатолий Максимович Дорофеев договорился в обкоме партии о бронировании мест в гостиницах и общежитиях на 600 участников, а также об экскурсии в Березинский заповедник и в Беловежскую пущу (по выбору). Все проголосовали за проведение конференции и съезда ВОО в Витебске.

Поездка в Асканию-Нова (май 1988)

Стационарные работы на р. Копа в 1988 г. начались 23 марта и продолжались до июля, но для меня они закончились уже 12 мая, когда Институт зоологии срочно направил меня в командировку в заповедник Аскания-Нова (здесь же и УНИИЖ, т.е. Украинский научно-исследовательский институт животноводства) с целью осмотра лошадей Пржевальского и переговоров с дирекцией Аскания-Нова об их приобретении для Казахстана. Первоначально Е.В. Гвоздев планировал эту поездку втроём (включая нашего специалиста по копытным Давида Александровича Бланка), однако в последнее время обязанности вице-президента не позволили ему этого сделать, а Давид внезапно заболел, и Гвоздев велел мне лететь одному. Прилетев самолётом в Симферополь, я пересел на автобус, идущий в Херсон. За тридцать прошедших лет (мы были здесь в экспедиции как раз в 1957 году) степной Крым несколько изменился. Выросли мощные лесополосы, а в них обращало на себя внимание огромное количество сорок (*Pica pica*) и их гнёзд – я даже пробовал вести учёт их на 1 км маршрута – и получались десятки гнёзд (сколько из них жилых – неизвестно).

В Аскания-Нова тоже заметны были изменения, особенно в строительстве новых служебных и жилых помещений. Но главное осталось прежним: и забор вокруг старого парка, и проём в нём прямо у водонапорной башни, покрывшейся зелёным мхом, и сам парк, так поразивший нас среди голой степи тогда, в 1957-м. В том же виде сохранился и грот, и пруды с утками и расставленными на островках домиками для них. Неожиданно новым для меня оказалось большое количество павлинов, разгуливающих по аллеям парка или распускающим свои великолепные «хвосты». Как рассказал мне один из зоологов заповедника, павлины устраивают гнёзда и откладывают в них яйца здесь же, в зарослях

декоративных кустарников, и уже появились «охотники» за ними из соседних деревень, желающие развести павлинов у себя дома (а некоторые – и на продажу). Служителям приходится находить эти гнёзда раньше и подменять в них яйца на гусиные – только этот приём, в конечном счёте, отвадил от заповедника «охотников за жар-птицей».

Вместе с уже знакомым мне по прошлогодней встрече на заседании комиссии по лошади Пржевальского Василием Васильевичем Климовым мы проникли на заповедную территорию и на лёгких дрожках, которыми правил сам Василий, подъехали относительно близко к небольшому стаду лошадей Пржевальского. Однако стороживший в стороне жеребец-вожак вскоре начал проявлять признаки недовольства, и Климов предпочёл отъехать подальше. Он рассказал, какими злыми бывают эти самцы, и в доказательство показал шрам на бедре, полученный от укуса такого вожака совсем недавно.

Проехав на своей двуколочке несколько километров по Чапельскому поду, мы в нескольких местах встретили группы антилоп, куланов и даже сайгаков, что напоминало скорее путешествие где-нибудь в Африке. Но больше всего поражала сама степь – ничего общего с казахстанской. Мало того, что покрытие везде 100-процентное (рассмотреть саму поверхность почвы невозможно!), но и высота травостоя скорее напоминала луг, чем степь. Хорошо видна было так называемая «подушка», т.е. сухая прошлогодняя трава, сквозь которую выросла новая. Нога утопала в этой траве, как в моховой подушке. Ничего подобного нигде в Казахстане я не видел, хотя у ботаников наших читал о «подушке», которая может образоваться в заповедной степи, если на ней не выпасать скот (!).

Предварительные переговоры с руководством заповедника показали, что они готовы передать Казахстану небольшое стадо лошадей безвозмездно, поскольку, во-первых, они поддерживают такого рода программы по репатриации выращенных у них животных, а во-вторых, в самой Аскании-Нова явно наблюдалось перенаселение среди копытных, в том числе среди диких лошадей. С такими результатами я и вернулся в Алма-Ату.

Зайсанская котловина, Манрак и Чиликтинская долина (июнь 1988)

На Копу, где работали ребята, мне удалось выбраться только на пару дней, так как буквально через несколько дней в Алма-Ату прилетели члены комиссии по лошади Пржевальского Наталья Владимировна Паклина и Мария Кирилловна Позднякова, обе сотрудницы ИЭМЭЖ и специалисты по лошадям. Вместе с ними и выздоровевшим Давидом Бланком 21 мая мы выехали в поездку по среднему течению р. Или в поисках мест, подходящих для выпуска лошади Пржевальского. Маршрут этой 5-дневной поездки: Алма-Ата – Капчагай – Чингильды – кордон Кзылаус – Поющий бархан – урочище «Динозаврики» – Жапалаккум – Борохудзир – Чунджа – Чарын – Богуты. Весь подгорный шлейф каменистой пустыни между кордонами Тайгак и Кызылаус был ярко-жёлтым от цветущего мелкоплодника (*Meniocus* sp.), полностью закрывшего собой основной растительный покров из солянок (*Nanophyton*, *Arthrophyton*). Уже перед Кызылаусом,

мы встретили две группы куланов (*Equus hemionus*) – из 28 голов (в том числе 7 жеребят) и 20 (двое жеребят) и несколько десятков джейранов (*Gazella subgutturosa*), а за Кызылаусом утром следующего дня – группу из 48 сайгаков (*Saiga tatarica*). Непривычно было видеть в большом количестве фазанов (*Phasianus colchicus*) вдоль щебнистого шлейфа южных предгорий Больших Калкан; егерь Виктор Никитин объяснил нам, что их вытеснила из поймы вода, поднявшаяся на полтора метра и затопившая их гнёзда с кладками!..

Сравнив условия разных пустынь: песчаной (Жапалаккум), щебенистой, или гамады (равнина на северном побережье Капчагая), глинистой («Динозаврики» восточнее Поющего бархана) и др., более или менее подходящие *степные* участки со столь необходимыми для существования лошадей злаками удалось обнаружить только в одной из седловин между холмистыми вершинами гор Богуты. Здесь поднятая на значительную высоту над щебенистой пустыней перемычка между Большими и Малыми Богутами представляла собой полынную степь (вся долинка белая от сизой полыни) с проективным покрытием около 90% и очень редкими кустиками боялыча. Однако этот изолированный участок так мал по площади, что рассматривать его как место возможного выпуска лошади несерьёзно. Поэтому сразу же после окончания этого кольцевого маршрута 26 мая мы в том же составе и с той же целью отправились в Зайсанскую котловину и Манрак.

Прибыв в Усть-Каменогорск, мы обратились в областную госохотинспекцию, которую тогда возглавлял наш зоолог и писатель Борис Васильевич Щербаков. При его помощи арендовали принадлежащий охотинспекции УАЗ-452 с водителем-инспектором и вместе с самим Б.В. Щербаковым и С.В. Стариковым в течение недели совершили 1200-километровый маршрут: Усть-Каменогорск – Кулуджунский заказник (Буконьские пески) – Казнаковская переправа – с. Курчум – гора Киин-Кириш – гора Карабирюк – урочище Чакельмес – р. Чёрный Иртыш – с. Буран – урочище Май-Капчагай – город Зайсан – Дунькина дыра – горы Монрак – Чиликтинская долина (реки Чаганобо – Кандысу) – с. Чиликты – с. Акжар. Должен сказать, что орнитологические наблюдения в этой поездке велись только попутно. Из них наиболее интересным для меня лично было нахождение гнезда центральноазиатского канюка (*Buteo hemilasius*) на горе Карабирюк, там же – гнёзд монгольских пустынных снегирей (*Bucanetes mongolicus*); встреча краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*) в Манраке и сокола-балобана (*Falco cherrug*) в Чиликтинской долине. Очень запомнилась первая встреча со степным коньком (*Anthus richardi*), которого показал мне Боря Щербаков в долине речки близ Курчума, и я битый час пытался запомнить не только его внешний вид, но и песню, позывку и др. сигналы. Конечно, незабываемое впечатление произвели пестроцветные ландшафты Киин-Кириша – особенно вечером, на закате, и во время ночёвки в этом фантастическом месте.

В степи между Киин-Киришем и горой Кара-Бирюк, где основу растительности составляет полынь с терескеном (*Eurotia ceratoides*) и редким старым ковылём (*Stipa* sp.), помимо вездесущих малых жаворонков (*Calandrella brachydactyla*) нам часто попадались чёрные (*Melanocorypha yeltoniensis*), а однажды

– белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*). Часто встречались пары садж (*Syrrhaptes paradoxus*): за час пути мы насчитали с машины 23 пары, а в одном месте прямо на дороге поймали двух пуховичков весом 26 и 29 грамм. За посёлком Аманат (Манукой) мы поднялись в урочище Чакельмес, белые накипные обрывы которого напоминают соляные горы (хотя в действительности это пестроцветные глины ашутасской свиты), и на горе над Бакланьим мысом заночевали. Ночью был дождик, и в женскую палатку пришёл емуранчик (*Stylodipus telum*), который здесь переночевал, а утром спокойно ушёл – зверёк оказался почти ручным!

В последующие дни нас преследовала плохая погода и, когда в ночь на 1 июня мы остановились на высокой террасе прямо над заставой Май-Капчагай (за ней хорошо была видна китайская застава Зимунай), всё небо было забито грозными чёрными тучами, а холодный западный ветер не сулил ничего хорошего. Даже экскурсировать в такую погоду было бесполезно – разве что для ознакомления с заброшенными ДОТами и ДЗОТами, рядом с которыми мы остановились. Что же касается основной цели нашей поездки, то и эти места никак нельзя было считать подходящими для выпуска лошадей Пржевальского (нераспаханной здесь была только полоса шириной 6-7 км). Вернувшись в город Зайсан, мы познакомились с его главной достопримечательностью – краеведческим музеем и стоящим рядом «домом Хахлова», где неоднократно останавливались русские путешественники, исследователи Центральной Азии. Именно отец Виталия Андреевича Хахлова помогал им всем снаряжаться в дальнейший нелёгкий путь. Об этом мне не раз говорил когда-то И.А. Долгушин, а сейчас подробно рассказала экскурсовод музея Ольга Фёдоровна Зайцева и кое-что добавил от себя знаток этого края Боря Щербаков.

В тот же день мы отправились через Манрак в Чиликтинскую долину и к вечеру достигли межгорной степной долинки, которую местные чабаны называли «Алтыбайдын-ой» (яма Алтыбая). Здесь мы заночевали и пол-дня 2 июня знакомились с её флорой и фауной – как с первым на нашем маршруте более или менее подходящим местом для выпуска лошади Пржевальского. Эта холмистая ковыльная степь, практически без каменистых обнажений, имела всего два недостатка: относительно небольшая площадь (но гораздо большая, чем в Богутах) и то, что здесь уже выпасают домашних лошадей. Кстати, на трупе лошади в полдень здесь собралось 9 белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), часть из которых могли быть молодыми кумаями (*Gyps himalayensis*), 16 черных грифов (*Aegypius monachus*) и 12 воронов (*Corvus corax tibetanus)*.

Спустившись в широкое (20-30 м) галечниковое русло многоводной речки Чаган-обо мы вдоль неё вышли в место слияния её с рекой Керегетас, после чего она называется уже Кандысу – главная река Чиликтинской долины. Она очень полноводна: перед нами в ней утонул бензовоз. Дальше вниз мы ехали под сплошным дождём, который перестал только в Акжаре, где мы остановились на ночёвку у старожила этих мест Дмитрия Фёдоровича Горбушкина – давнего знакомого Бориса Щербакова. Дмитрий Фёдорович рассказал нам много интересного. Так, по его словам, ещё в прошлом году около 20 дроф (*Otis tarda*) жило

за системой против совхоза Комсомол (т.е. там же, где мы видели их в 1980 году), но их сильно потравили гербицидами: знакомый прапорщик рассказывал, что за последние 3-5 лет нередко находил их трупы. Губительны гербициды и для журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), но за последние три года численность их в заказнике увеличилась с 10-15 пар до 50, причём много их стало в Чиликтинской долине вдоль Кандысу – как на целинных участках, так и на полях. Кстати, мы и сегодня встретили пару под дождём. По словам Горбушкина, уларов (*Tetraogallus himalayensis*) здесь ловят волосяными петлями на искусственных солонцах (точно так же отлавливали их наши паразитологи на Большом Алматинском озере!), а архары (*Ovis ammon*), которых здесь около полусотни, а к осени – под сотню, переходят из Манрака через Чиликтинскую долину в Тарбагатай и обратно.

На следующий день, 3 июня, мы проехали машиной от Акжара до пристани посёлка Приозёрное на Зайсане, а оттуда на «Метеоре» через весь Зайсан и Бухтарминское вдхр. – до Аблакетки (Усть-Каменогорск) и уже в 19 час были на станции юннатов. Вечером того же дня, в 21*час* 45 *мин*, рейсом № 7274 улетели в Алма-Ату.

Наблюдения за гнездом серпоклюва на Медео (июнь-август 1988)

Вернувшись из зайсанской поездки, я узнал, что кто-то видел серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*) в Малом Алматинском ущелье, за плотиной Медео! Причём якобы там его встречают уже не первый год. Такая новость, конечно же, не могла оставить меня равнодушным. При первой же возможности, 12 июня, я поехал туда городским автобусом – и почти сразу же обнаружил гнездо! Оно располагалось на крошечном галечнике, образовавшемся после постройки на реке противоселевой плотины ещё в 1968 г. После селя 1973 г. эта плотина была наращена, и галечник на дне обширного котлована ещё увеличился а терраса старой плотины была укреплена посадками тополя (рис. 75).

Найденное 12 июня гнездо располагалось в верхней, свободной от травы части галечника; в нём была полная кладка из 4 яиц, которые по очереди насиживали самец и самка. С 13 июня по 12 августа мы с дочерьми Викой и Ирой в выходные дни провели цикл наблюдений за этим гнездом. Наблюдения велись с террасы правого берега речки, в 5-7 м над поверхностью галечника и в 35 м от самого гнезда; обычно в первой половине выходного дня (субботы или воскресенья), пока ещё не появились отдыхающие; а

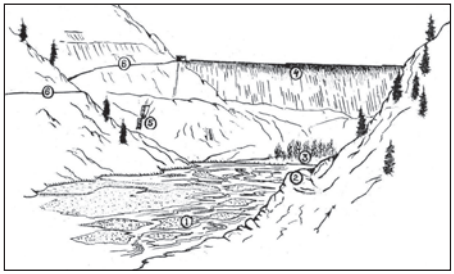


Рис. 75. Место гнездования серпоклюва в урочище Медео: 1 – гнездо на галечнике; 2 – место, с которого велись наблюдения; 3 – посадки тополя, где находились птенцы после селя; 4 – противоселевая плотина; 5 – штольня для пропуска воды через тело плотины; 6 – автомобильная дорога на Чимбулак *(рис. Ф.Ф. Карпова).*

иногда – с утра до вечера. Однажды часть времени наблюдений мне помогали «девочки Флинта» – Ольга Переладова и Марина Мирутенко, которые видели серпоклюва впервые и были им очарованы. Во время наблюдений в течение дня удавалось получить сведения о реакции серпоклюва на человека: отдыхающие иногда проходили всего в нескольких метрах!

Птенцы вылупились 16 июня, и с этого дня взрослые птицы стали атаковать наблюдателя, которого раньше «не замечали»! Через 10 дней, 26 июня оба родителя опекали (но уже не грели) двух птенцов в 30 м от гнезда, а в конце этого дня и ночью прошёл небольшой селевой поток, смывший место гнезда и принёсший с собой ещё слой гальки и различных наносов. Особенно заметно это было с нашего наблюдательного пункта, который вдруг стал ниже на 2 м! А серпоклювы успели увести птенцов в посадки тополя у подножия плотины (см. рис. 75) и до конца июля птенцы держались в несвойственной им обстановке – у небольшой лужи среди молодых посадок тополя. На наблюдателя, сидящего совершенно открыто в 40 м от лужи, взрослые серпоклювы уже через полчаса (после нескольких атак) переставали обращать внимание. Последний раз взрослых серпоклювов я видел 31 июля – видимо, они перебрались выше по реке, птенцы же встречались у подножия плотины по крайней мере до 22 августа.

В перерывах между наблюдениями за гнездом серпоклюва мне пришлось съездить в Целиноград, где 23-26 июня состоялось очередное выездное заседание Научного Совета «Животный мир Казахстана…», на котором впервые была представлена значительная часть Центрального Совета Казахского общества охраны природы: Александр Николаевич Войцеховский, Карима Жаббаровна Мухамедгалиева, Айя Хакимовна и др. Никаких впечатлений от этой поездки у меня не сохранилось, кроме одного: посещения вместе с Евгением Васильевичем Гвоздевым дачи одного из его бывших аспирантов. Немец по национальности (фамилию я не запомнил), он создал здесь, в голой казахской степи, образцово-показательную дачу – с трубами для полива, проложенными по всем правилам, с асфальтированными дорожками между грядками, всё чистенько и аккуратно – ни дать, ни взять настоящая маленькая Германия. Нечто подобное, но в гораздо больших масштабах, увидел я через год в павлодарском совхозе знаменитого в Казахстане Геринга – руководителя совхоза-миллионера, депутата Верховного совета Казахской ССР, Героя социалистического труда. Вернувшись из Целинограда и переболев гриппом, я снова заторопился в Медео, где меня ожидали такие интересные наблюдения за серпоклювом…

Шестое Совещание Рабочей группы по журавлям (Караганда, август 1988)

Очень памятным для меня было проведение 16-20 августа в Караганде, на базе Карагандинского университета, совещания Рабочей группы по журавлям СССР, на подготовку которого у нас с Колей Березовиковым ушёл не один месяц переписок, согласований и т.д. В Караганде подготовкой помещений, оборудования и прочего занимались Вадим Иванович Капитонов, заведовавший тогда кафедрой зоологии молодого ещё Карагандинского университета, и бывший сту-

дент этого университета Рашид Капанов. Ценные руководящие указания из далёкого Ленинграда получали мы от Ирены Анатольевны Нейфельдт, из Москвы – от Владимира Евгеньевича Флинта.

Рис. 76. Эмблема РГЖ-6

Трудности в организации этого мероприятия были не только в том, что готовить его пришлось в другом городе, причём далеко не столичном, не избалованном подобного рода научными собраниями, но и в специфике тематики. Впервые темой совещания был один вид журавлей – красавка (*Anthropoides virgo*), материалов по которому было раз-два и обчёлся. Даже в Казахстане, который был избран местом проведения совещания, работы по изучению красавки мы начали всего лишь два года назад. Правда, полученные за эти годы результаты были многообещающими. Очень интересные исследования этого вида уже были развёрнуты на Украине и начинались в Забайкалье, а в Калмыкии провели аэровизуальные учёты – словом, материал для обсуждения накопился интересный.

На этом небольшом совещании (не более 50 участников) присутствовали в основном люди, занимающиеся журавлём-красавкой, хотя были и представители Дальнего Востока (супруги Андроновы), специализирующиеся на японском, даурском и других восточных видах журавлей. От руководства РГЖ присутствовал Сергей Михайлович Смиренский. Большинство докладов были посвящены результатам изучения распространения и численности журавля-красавки в разных регионах СССР.

Очень интересный доклад о результатах авиаучётов красавки в Калмыкии сделала от имени группы соавторов молодой орнитолог Лена Сотникова (ныне – Елена Ивановна Ильяшенко, исполнительный директор РГЖЕ – Рабочей группы по журавлям Евразии). В конце апреля этого же года они провели учёт с двух самолётов АН-2 с применением привязанных к закрылкам нижних крыльев лент, ограничивающих полосу учёта, и оценили популяцию красавки в Калмыкии в 12.8 тыс. особей. Сделано это было впервые.

В Нижнем Поволжье (Саратовская и Волгоградская области) в том же году при помощи наземных учётов насчитали 1207 особей (В.Н. Мосейкин). В докладе А.С. Климова, Е.Г. Самарина и Ф.А. Сараева «Распространение и места обитания журавля-красавки в Гурьевской области» приведены очень интересные результаты наблюдений противочумных зоогрупп на обширной территории Северного Прикаспия; общая численность гнездящихся красавок оценена в 500 пар. Как всегда, очень обстоятельный доклад о красавке в Актюбинско-Мугоджарском районе и Северном Приаралье представили Сергей Николаевич и Б.С. Варшавские совместно с В.Г. Гарбузовым. Данные конкретных учётов этих журавлей содержал доклад В.И. Капитонова «Численность журавля-красавки в Карагандинской области». Общий обзор современного распространения красавки в Алтайском крае сделали Э.А. Ирисов и Н.Л. Ирисова, на юге Красноярского края – В.И. Емельянов и А.П. Савченко, в южных районах Тувы

– А.А. Баранов с соавторами; в восточном аймаке Монгольской народной республики – С.М. Смиренский с монгольскими соавторами (Д. Сумьяа и Ц. Болдбаатор); о распределении и численности красавки в послегнездовой период в степной зоне Монгольской народной республики представил сообщение Д.А. Банин.

Рис. 77. Обложка сборника, 1991 г.

Биология журавля-красавки хорошо освещена в докладе С.В. Винтера «Журавль-красавки на Украине: состояние, экология, перспективы»; Л.И. Тараненко «О гнездовании журавля-красавки в Донецкой области»; А.Н. Хохлова «Журавль-красавка в антропогенных ландшафтах Ставрополья», а также в нашем с Н.Н. Березовиковым совместном докладе по результатам исследований 1987-1988 гг. на Копе и в докладе Е.А. Брагина «Журавль-красавка в Наурзумских степях (Северный Казахстан)». Также интересные материалы содержались в докладах А.К. Кыдыралиева и А.Н. Остащенко «Журавль-красавка в Киргизии» и А.П. Кучина «Журавль-красавка в Кулундинской степи». К сожалению, один из самых интересных заявленных докладов М.А. Осиповой и М.И. Головушкина «Журавль-красавка в юго-восточном Забайкалье» не был зачитан на самом совещании, но он полностью вошёл в опубликованный через три года сборник «Журавль-красавка в СССР» (1991) – последний, в названии которого фигурировала эта аббревиатура (в этом году распался СССР и начался парад суверенитетов).

Заседание Комиссии по лошади Пржевальского (Алма-Ата, октябрь 1988)

Последним событием уходящего 1988 года стало проведение в Алма-Ате во второй половине октября выездного заседания Комиссии по лошади Пржевальского. Это было как раз то заседание, о котором я упоминал в очерке о В.Е. Флинте и которое едва не поссорило нас с ним. Оно явилось прямым результатом нашего летнего путешествия с «девочками Соколова» и их соответственного доклада своему руководителю. Уже одно то, что вместо председателя комиссии прибыл Леонид Миронович Баскин, настораживало. А сам доклад москвичек на заседании, проходившем в зале заседаний Президиума Академии наук Казахстана, совсем не оставил сомнений, что там, в Москве, всё уже было решено: не только территория Капчагайского ГОЗХ, но и остальные места, осмотренные нами в полупустыне, отклонены и единственным местом остаётся выбранный нами клочок степи в Восточном Казахстане – седловина между Манраком и Чиликтинской долиной. Об этом якобы даже поставили в известность владельцев

лошадей – супругов Боуманов в Голландии, и те изъявили желание приехать и посмотреть эти места. Поэтому на данном заседании многие выступавшие, особенно «иэмэжевцы» и В.В. Климов, говорили в основном о том, как бы поскорее взять под охрану выбранную территорию.

После завершения официальной части заседания 22-23 октября был предпринят выезд в Капчагайское ГОЗХ с его участниками (В.Е. Флинт, Л.М. Баскин, Д.А. Бланк, Н.В. Паклина, М.К. Позднякова, В.В. Климов, М.Ю. Треус, М.И. Головушкин, Б.М.Губин, В.Н. Мурзов, В.Л. Сотников) – в основном, по традиции, для ознакомления с этим интересным местом. Здесь я по поведению Баскина понял, что вопрос этот и для него ещё не совсем решён – видны были следы какой-то внутренней борьбы. Но дело сделано…

Энциклопедия «Казахская ССР» и первые выборы директоров

Для меня лично окончание 1988 года ознаменовалось ещё двумя интересными публикациями: выход в свет коллективной монографии «Позвоночные животные Алма-Аты», на организацию и проведение учётных работ по которой я потратил три последних года; а также научно-популярной книги для учителей и школьников «Мир птиц Казахстана», которая так и осталась в моей памяти связанной с прекрасным местом – Ессентуками, где я работал над ней с таким удовлетворением, совмещая работу и лечение.

Есть ещё одно издание, к которому я имел самое непосредственное отношение, и оно также увидело свет в 1988 г. Речь идёт о 4-томной краткой энциклопедии «Казахская ССР» (1985-1991), второй том которой, посвящённый природе, вышел в 1988 г. Это издание стало выходить сразу же после окончания 13-томной Казахской энциклопедии, изданной на казахском языке. Поскольку содержание её было недоступно половине населения республики, не владеющей этим языком, было принято решение об издании в сокращённом виде тематической энциклопедии в 4 томах. Заведующим биологической редакцией КСЭ до июня 1987 г. был кандидат биологических наук Ж.Б. Бердимуратов – человек, которому в основном мы обязаны высоким качеством 2-го тома. Инвалид Великой Отечественной войны он, несмотря на свои костыли, был очень энергичным, контактным и думающим человеком. Пригласив меня в редакцию, он начал именно с того, с чего и следовало начинать: с согласования «сл**о**вника» (ударение он ставил на первом слоге), благодаря чему удалось добавить к первоначальному его списку целый ряд названий и терминов, упущенных при формальном чиновничьем подходе. Так же внимательно и бережно относился он и к самим текстам статей. В результате за два года нашего сотрудничества я написал для этого тома 43 очерка – о доброй половине казахстанских заповедников и заказников, а также о многих видах птиц; остальные виды были распределены между сотрудниками двух наших орнитологических лабораторий.

С тех пор вот уже 24 года 2-й том Краткой энциклопедии «Казахская ССР» служит верой и правдой во всех случаях, когда надо получить первичную справку за пределами своей узкой специальности – например, по растениям, насеко-

мым или млекопитающим. Выход в свет нового русскоязычного издания «Казахстан. Национальная энциклопедия» в 5 томах (2004-2006) никак не заменяет упомянутый том 1988 года, ибо словник терминов и названий животных и растений в нём значительно урезан (многих просто нет), а оставшиеся написаны более сжато и менее профессионально, что и не удивительно – я не знаю ни одного зоолога и ботаника, который бы участвовал в этом издании (редакция обошлась без специалистов).

Ещё к одному событию, больше напоминавшему фарс, был причастен я на исходе 1988 года. В самый разгар так называемой «перестройки» появилось модное нововведение – директоров институтов не назначать, как было всегда, а *избирать* согласно принципам демократии. А так как второй принцип гласил о ликвидации совмещения руководящих должностей, то наш директор академик Евгений Васильевич Гвоздев, одновременно бывший уже много лет первым вице-президентом Академии наук, должен был лишиться одного из своих постов. Естественно – директорского. Таким образом, у нас предстояли выборы директора института. Каждый, кто знает, какое болото представляют из себя наши старые научные учреждения, может представить, что тут началось!.. Конечно, на конкурс в первую очередь подал заместитель директора Анатолий Михайлович Дубицкий – доктор, профессор, бывший ряд лет в Швейцарии представителем во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и т.д., и т.п. Человек стремительного карьерного роста, очень честолюбивый, он отпугивал людей своей жесткостью и непримиримостью. Вторым кандидатом был зав кафедрой зоологии и ихтиологии КазГУ, тоже профессор, Валерий Петрович Митрофанов – также очень активный и известный авторитарностью. Обе перспективы очень сильно встревожили весь коллектив института, привыкший за долгие годы к мягкому, интеллигентному правлению Евгения Васильевича.

И вот ко мне стали приходить целые делегации наших сотрудников и просить – «идти княжить», как когда-то было принято на Руси. Сначала я принимал это за шутку, потом не на шутку встревожился. Но, как говорится, «капля камень долбит». Доводы доброхотов становились всё более убедительными – дескать, можно многое изменить, оказать науке большую услугу и т.д. К моему удивлению, поддержал эти идеи и сам Е.В. Гвоздев, сказав мне, что раз испугался пойти заместителем, то стоит пойти директором – попробовать. И при этом добавил, что если не будет конкурентов, то выборы вообще не состоятся.

Одним словом – уговорили. Все эти выдвижения, обсуждения, подготовка кучи документов, прошли, как кошмарный сон (ощущение водоворота – тебя несёт течением, а ты не в силах сопротивляться: будь что будет!). И когда, наконец, выборы состоялись и был избран А.М. Дубицкий, я был на седьмом небе от счастья: ощущение такое, как будто тебе удалили, наконец, давно беспокоивший тебя зуб! Дочери мои, переживавшие за меня дома, истолковали мой ликующий вид превратно и кинулись меня поздравлять – это ещё прибавило мне веселья! Для меня это действительно был настоящий праздник – избавление от грозившего мне бремени.

Поездка на Дубунскую переправу (апрель 1989)

Сокращение времени экспедиционных исследований прогрессировало на глазах: в этом году мне удалось только дважды побывать в поле, в общей сложности около месяца. На копинский стационар я приехал только 15 апреля да и то всего на один день, который потратил на наблюдения за гнездом журавля-красавки. В это время наблюдения здесь проводили в основном Сергей Шимов и Рашид Капанов, а Н. Березовиков и А. Гисцов уже неделю как объезжали на нашей прошлогодней машине с водителем Андреем Крупой среднее течение реки Или в поисках мест массового пролёта красавки.

Я выехал к ним 18 апреля на присланной ими экспедиционной машине в самый разгар похолодания: с утра шёл дождь, который днём перешёл в снегопад. Хорошо помню, какая настоящая метель разыгралась в Сюгатинской долине, когда мы проезжали по бетонированной дороге перед Чарынским каньоном! Настоящая зима в апреле. Хребет Кетмень покрылся снегом до самых подножий. В Чундже снегопад закончился, но сильный и холодный западный ветер преследовал нас по пути на Кольжат практически до самой Дубунской переправы, где Гисцов и Березовиков обосновались в какой-то заброшенной зимовке без окон. Они рассказали, что пролёта журавлей здесь нет.

А на следующее утро 19 апреля – ясное солнце и штиль! Журавлей не видели и не слышали до полудня. После осмотра на туранге гнезда беркута (*Aquila chrysaëtus*) встретили одного серого журавля (*Grus grus*) на разливах в долине реки Или. На наши расспросы местные жители отвечали, что пролёта журавлей вдоль реки Или нет – ни в сторону Китая, ни в обратную. Лишь один старик сказал, что прилетают из Китая и живут здесь парами. После полудня выехали из лагеря обратно – к подножию Кетменя. К вечеру стали лагерем в 10 км ниже села Сункар, в высоких северных предгорьях Кетменя, и под моросящим дождём поставили палатку в какой-то пустой избушке из камыша!..

Место ночёвки – глинисто-щебенистый покатый подгорный шлейф с очень редкой полынью, объеденной скотом до самой земли, местами – отдельные кустики таволги. В такой обстановке и нашёл я после двух часов упорных наблюдений за парой гнездо журавля-красавки (*Anthropoides virgo*) с двумя яйцами. На следующее утро в районе шоссе мы видели, наконец, первую и единственную стаю журавлей из 80 птиц, пролетевших высоко на восток-северо-восток после долгого набора дополнительной высоты – от 300 до 800-900 м. Направляясь обратно, на Чарын, мы перед свёртком на Чунджу наткнулись на соблазнительный горячий артезиан: прямо у трассы из широкой трубы сильным напором шла вода с температурой +38°. Не выдержали и, несмотря на прохладную погоду, с удовольствием поплавали в образовавшемся здесь довольно глубоком бассейне до 16 час. На абсолютно ясном голубом небе хорошо видна каждая точка, но журавлей не было… Преодолев каньон Чарына по трассе, стали на ночь чуть западнее его и выше трассы.

Проведенные утром 22 апреля учёты-пятиминутки показали, что основу не густого птичьего населения этих глинисто-щебенистых склонов с редкими кустами саксаула составляют три вида каменок (обыкновенная, пустынная и

плешанка) и рюм, или рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris*); а саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) и чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) в равной степени немногочисленны. Хотя одно гнездо рябка с двумя яйцами мне всё-таки удалось найти. Встретил я здесь и двух самцов джейранов (*Gazella subgutturosa*), которые уже почти исчезли, хотя раньше были многочисленны в Сюгатинке.

На следующий день мы попутно обследовали Сюгатинскую долину и Кокпекское ущелье, а вечером стали на ночёвку близ села Куликовка в низовьях реки Чилик, где, по словам местных жителей, бывают большие скопления журавлей. Эта солончаковая низина пронизана каналами с водой, местами имеется луговая растительность, местами куртины тростника, чингила (*Halimodendron halodendron*) и чия (*Lasiagrostis splendens*). Значительные площади заняты клеверниками, а в одном месте – обширное старое кукурузное поле с высокой стернёй и всходами тростника по ней. Отсюда-то и слышны были утром крики журавлей-красавок, а иногда видны были и небольшие группы.

А ближе к полудню журавли появились в большом числе, стаями от 30-50 до 100-300 особей; всего встречено 52 стаи общей численностью 4300 птиц. Большинство из них летели на восток, устремляясь между рекой Или и горами Богуты, однако многие сворачивали к северо-востоку и летели вдоль берега Капчагайского вдхр. По словам егерей Кызыл-Джигидинского охотхозяйства, хорошо выраженный пролёт их идёт уже более двух недель, причём некоторые стаи летят над морем, пересекая его в северо-восточном направлении восточнее устья реки Чилик. Несколько раз мы видели, как пролётные стаи появляются не с запада, а почти с юга – из-за заснеженных вершин Тянь-Шаня. Вполне возможно, что они попадают сюда из Иссык-Кульской котловины, в восточной части которой красавки, по наблюдениям наших киргизских коллег, летят в трёх основных направлениях – северо-восточном, северном и северо-западном. Вот какие интересные результаты может дать даже кратковременная поездка.

Симпозиум по горным птицам (Бишкек – Иссык-Куль, май 1989)

С 24 по 25 мая 1989 г. в столице Киргизии городе Фрунзе (ныне – Бишкек) проходил симпозиум на тему «Экологические аспекты изучения, практического использования и охраны птиц в горных экосистемах», организованный Институтом биологии АН КиргССР и Всесоюзным орнитологическим обществом вместе с его киргизским отделением. Меня даже включили в состав редколлегии тезисов, хотя узнал я об этом только на симпозиуме (к какому курьёзу это привело, я ещё расскажу). Из Казахстана доклады на симпозиум послали Н.Н. Березовиков, А.Г. Гисцов, Б.М. Губин, А.Д. Джаныспаев, А.Ж. Жатканбаев, В.Г. Колбинцев, Р.Г. Пфеффер и П.В. Пфандер, С.Л. Скляренко, Е.С. Чаликова и Б.В. Щербаков. Однако присутствовали лишь Колбинцев, Скляренко и Чаликова, а из Алма-Аты на этот симпозиум приехали только мы с Сергеем Скляренко.

До этого времени я не раз бывал во Фрунзе проездом – по пути на Чокпак и обратно. Но самого города так и не видел, лишь помнил, как И.А. Долгушин, бывавший там довольно часто, восхищался шириной его проспектов. Тематика

была мне близка, а предстоящая встреча с коллегами-«горняками» ещё более подогревала интерес. Всего 4 часа в автобусе по знакомым, но от этого не менее красивым местам, к тому же по хорошей ясной погоде и в непрерывном сопровождении песен в исполнении ансамбля «Мираж» с Таней Овсиенко запомнились как настоящий праздник после серых будней.

Разместили нас в хорошей гостинице в верхней части города, прямо под горами, близ территории ВДНХ. Тогда в каждом солидном городе (а тем более в столице республики) были эти выставки достижений народного хозяйства. На заседания симпозиума, который проходил в здании Института биологии АН КиргССР, нас возили в большом солидном автобусе. Словом, всё было организовано первоклассно.

Когда при регистрации мне вручили сборничек тезисов (на титуле которого перечислен состав редколлегии) и я стал знакомиться с его содержанием, то не поверил своим глазам, прочитав следующее название доклада: «*Дурнев Ю.А., Ковшарь А.Ф., Морошенко Н.В.* Экология и охрана горного и гольцового коньков на Хамар-Дабане (Южное Прибайкалье)». Это какой-то бред: я никогда не бывал на Хамар-Дабане и не видел в глаза гольцового конька!!! Хорошо, что хоть на стр. 31, где были напечатаны эти тезисы, фамилия написана несколько иначе: «А.Ф. Ковшаров». Уже позже я узнал у Юры Дурнева и Толи Фёдорова, что на станции Зима в Забайкалье живет такой зоолог Анатолий Фёдорович Ковшаров, причём, как объяснил мне Фёдоров, родители его родом из села Ковшаровка Харьковской области!!! Игорь Кривицкий подтвердил, что есть такое село и он в нём даже бывал. Так может предки моего отца оттуда родом?...

Кроме этой опечатки я нашёл в тезисах и другие несуразицы, которые бросали тень в том числе и на меня как члена редколлегии. Так, два тезиса Бориса Губина «Дополнения к орнитофауне заповедника Аксу-Джабаглы» и «О новых и редко гнездящихся птицах в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)» были явно разделением единого текста из-за превышения им объема. Но разделены довольно безграмотно, механически: в первые тезисы попали виды, которые *не являются дополнением* к орнитофауне заповедника! Вот уже поистине медвежья услуга – и автору, и ничего не знавшему члену редколлегии…

Но за исключением этой досадной оплошности, всё остальное на симпозиуме было прекрасно. Несмотря на сравнительно небольшое количество участников (человек 50), здесь собралось много авторитетных орнитологов, начиная от академиков А.К. Рустамова и И.А. Абдусалямова, профессоров А.К. Сагитова, Е.Н. Курочкина, Г.Н. Симкина и т.д. Алтай представляли Эдуард Андреевич Ирисов и Николай Петрович Малков, Копетдаг – Николай Николаевич Ефименко и Сергей Александрович Полозов, горы Кавказа – Анатолий Иванович Кукиш и Александр Николаевич Хохлов; Тянь-Шань – целая рота киргизских и казахских орнитологов. Было много интересных докладов, но по старой советской привычке переставлять их во времени (обычно из-за неприезда того или иного докладчика) никакая программа не выдерживалась, как и регламент. К тому же, как это у нас принято, постоянное стремление к сокращению и экономии време-

ни привело к тому, что например оба мои доклада – о майне и серпоклюве – пришлось объединить в один. Хотя, несмотря на нелогичность такого объединения, в целом доклад вызвал интерес…

Самое интересное происходило после завершения официальной части. Экскурсия в Иссык-Кульскую котловину (где я также ещё не был) оставила неизгладимое впечатление. Основной контингент участников ехал автобусом, а нас, оргкомитет с гостями, повезли на более комфортабельном микроавтобусе. В Токмаке к нам подсел Абдулла Киямович Сагитов, что вызвало большое оживление: сначала все следили в окна, чтобы не пропустить его на трассе, а после того как он со своей лучезарной улыбкой, зашёл в салон микроавтобуса, посыпались всякие реплики и вопросы об аспирантке, у которой он якобы нас поджидал. Эту благодатную тему развивали почти до самого Боамского ущелья, где все переключились на созерцание красот за окном. Совсем недавно я вспомнил об этом, когда в одном из современных фильмов виноватый отец говорит взрослому сыну: «Ты понимаешь, сын, в жизни каждого мужчины бывает немало испытаний и самое трудное из них называется *аспирантка*»… Тогда я и не предполагал, что это всеобщая проблема!

Первую остановку сделали мы около памятника П.П. Семенову-Тянь-Шаньскому перед посёлком Рыбачий – в месте, где 133 года назад, перевалив хребет Кунгей Алатау, Пётр Петрович вышел к Иссык-Кулю. В дальнейшем устроители планировали полный объезд озера Иссык-Куль – сначала по северному, а потом – по южному берегу. Это меня как новичка особенно привлекало. Остановились на ночь на Биостанции института или соседнего с ней пансионата (уже точно не помню), где ночевали в уютных летних домиках – хотя «ночевали» далеко не все, большинство после ужина пошли бродить по «взморью» при луне и в ночёвке как таковой особенно не нуждалось (я тоже

Рис. 78. Г.Н.Симкин, И.А.Абдусалямов, А.К.Рустамов, А.К.Сагитов, Э.Д.Шукуров, А.К.Кыдыралиев, А.Ф.Ковшарь и Е.Н.Курочкин у подножия памятника П.П.Семенову-Тянь-Шаньскому. Иссык-Куль, 1989 г. *Фото В.И. Тороповой.*

не был исключением). На следующее утро посетили территорию биостанции, где нам что-то рассказывали и показывали, но больше всего мне запомнился сине-голубой Иссык-Куль, обрамлённый с южной стороны зубчатыми вершинами Терскей-Алатау. Следующая остановка была в Ананьево, где на центральной усадьбе Иссык-Кульского заповедника нам тоже что-то показывали и рассказывали, хотя большинство из нас были заняты своими разговорами. Хорошо запомнилась только группа полуручных горных гусей (*Eulabeia indica*), которых здесь пытались разводить для дальнейшего выпуска в природу – численность этого гуся в Тянь-Шане в последние десятилетия сократилась до угрожающих размеров.

Около полудня мы достигли города Пржевальска (ныне – Каракол) на восточном берегу озера, осмотрели мемориальный музей и могилу великого путешественника. И вот здесь наши старики-академики «забастовали»: дескать, устали и вокруг озера не поедем, надо возвращаться обратно. Убеждать их было бесполезно, хотя путь вперёд был всего на пару часов дольше, чем обратный – уже знакомый и тем самым менее интересный. Пришлось поворачивать обратно. Не только памятник Семёнову-Тянь-Шаньскому, но и Боамское ущелье проехали засветло; темнота застала нас лишь на равнине, у Токмака…

Экспедиция в Павлодарское Заиртышье (июнь 1989)

В июне нам с Валерием Васильевичем Хроковым, вернувшимся в институт после неудачного старта на чиновничьем поприще (несколько месяцев он проработал начальником отдела заповедников в Госкомприроде КазССР), предстояла экспедиционная поездка по хоздоговорной теме «Мероприятия по охране и воспроизводству животного мира Павлодар-Экибастузского территориально-промышленного комплекса». Проще говоря, надо было провести фаунистическую рекогносцировку района, где орнитологи работали очень давно – полвека назад здесь экскурсировал И.А. Долгушин с Н.И. Грачёвым, но даже их наблюдения ещё не были опубликованы (мы сделали это только 15 лет спустя).

Нам предстояло как-то добраться до Павлодара, где заказчики должны были дать нам автотранспорт для проведения экспедиции. По логике вещей это казалось даже более удобным: местная машина (нет проблем с заправкой!), местный водитель, хорошо знающий дороги. Всё это мы восприняли с энтузиазмом. В.В. Хроков прилетел в Павлодар самолётом почти на два дня раньше нас. А мы с Рашидом Капановым и двумя студентками КазПИ им. Абая (Милана Левина и Юля Янушевская) 1 июня выехали из Алма-Аты поездом и на второй день в полдень были уже в Целинограде (ныне – Астана). Здесь наш вагон почему-то отцепили и только через 4 часа прицепили к поезду «Днепропетровск-Барнаул», поэтому в Павлодар мы прибыли лишь 3 июня. И тут начались наши хождения по инстанциям.

Начали с облисполкома, где первым нас принял Владимир Павлович Пожинайло. Принял хорошо, всё пообещал, и направил в областную Госкомприроду, к закоренелому бюрократу Николаю Михайловичу Хлыстуну; тот отфутболил к

своему зам'у Такболату Канышевичу Искакову; тот – к «биологу» Болату Зейнатуловичу Кусаинову; тот – к инспектору отдела охраняемых территорий Неониле Игнатьевне Жоландз (прямо как у Ильфа и Петрова!). Этот перечень занял у нас два дня – 4 и 5 июня. Хорошо, что хоть удалось поселиться в гостинице. По вечерам, когда инстанции закрывались, мы водили своих студенток в кино: 3 июня посмотрели фильм «Любят только раз», 4 июня – «Штаны» (с прекрасной игрой Юрия Яковлева), 5-го – «Аэлита, не приставай к мужчинам» (дуэт: В. Гафт – Н. Гундарева). Вот такая канитель продолжалась и 6-го, и 7-го, и 8-го июня. Менялись только названия инстанций (днём) и фильмов (вечером). Теперь мы обивали пороги более конкретных учреждений – треста «Агропромтранс», какого-то АТП-4 и т.д. Менялись и фамилии: А.Ф. Лещенко, В.К. Негрудский – всех и не упомнишь…По вечерам – «Папаши», «Степь» (по А.П. Чехову – замечательный фильм!). Сначала нервничали, а потом успокоились…

Только утром 9 июня пришла к нам, наконец, долгожданная машина – бортовой УАЗ-452, и в 14 часов мы покинули границы гостеприимного города. Однако перед этим пришлось испытать «развлечение» совсем иного типа. Когда мы в день отъезда пришли на железнодорожный вокзал за своими экспедиционными вещами, которые оставили в автоматических камерах хранения, то оказалось, что одна ячейка не открывается – на неё наложила арест дорожная милиция, которая вскрыла мой чемодан, из которого шёл очень подозрительный запах! Пришлось писать заявление и объяснение: «Жена приготовила мне в дорогу самодельную копчёную буженину, завёрнутую в полиэтилен, который надо было снять через сутки. А поскольку вещи пролежали в камере хранения целых 8 дней, то отсюда – тот невыносимый, почти трупный запах». Инцидент был исчерпан, но пакет нам вернули, сказав, чтобы мы унесли его подальше… Мы закопали его в сосновом бору.

Дальнейший наш маршрут проходил по правому берегу Иртыша: сёла Ямышево, Лебяжье, Тузагаш – оз. Шошкалы (9-11.06) – сёла Казантай, Майкарагай – Чекинский бор (11/12) – сёла Шалдай, Щербакты, разъезд 128 (12/13) – сёла Малиновка, Арбигень – Шалдайский бор (13/14) – сёла Щербакты, Сосновка, Красиловка, Таволжан (14/15) – сёла Равнополь, Константиновка (заказник, 15/16.06) – сёла Успенка, Ильичёвка, Ковалёвка, Лозовое (16/17) – оз. Б. Ажбулат (17/18) – с. Маяк (18/19) – с. Лозовое – берёзовые колки (19/20.06) – сёла Богатырь, Каратай, М. Березняки, Берёзовка, Трофимовка, Жолтаптык, Мынколь, Михайловка, Благодатное (20/21) – с. Петропавловка, Искара, Новокузьминка – оз. Белое (заказник «Утичье», 21-23.06) – сёла Новокузьминка, Озёрное, Новокузьминка – Екишок – Алаколь – Валиханово – Обозное – Кузьмино – Башмачное – берег Иртыша (23/24) – сёла Железинка, Качиры – озеро Карасук – снова Качиры – сёла Воскресенка, Ивановка, Львовка, Фрументьевка – оз. Жамантуз (24/25) – с. Тимирязево – оз. Светлица (25/26) – сёла Тимирязево, Наташино, Борисовка, Карашилик – болотце близ артезиана – с. Пресновка – город Павлодар (27.06).

В этой поездке я впервые познакомился с природой северной половины Казахстана. Основой ландшафта Павлодарского Заиртышья, как я для себя назвал правобережную часть области, служит чередование настоящей ковыльной степи с островными сосновыми лесами. Это сочетание, которое я увидел в первый же день, совершенно очаровательно! Конечно, дальше пошли и участки сухой

степи (как на юге) и даже солонцы, но не они составляют лицо этого края. Основных слагаемых всё-таки два – ковыль и сосна!..

В первый же день близ села Щербакты мы столкнулись с удручающей картиной: мириады личинок саранчи на опушке соснового бора, растущего на песке. Все плешины жёлтого песка были серыми от ползущей по нему сплошным потоком саранчи!!! Очень сильное, пугающее впечатление производили эти несметные полчища насекомых…

На ночёвку мы остановились в сосново-берёзовом лесу у озера Шошкалы, в лагере гидробиологов нашего института, работающих здесь с начала лета. Основная часть их отряда за день до нашего прибытия уехала на время в Алма-Ату, а в лагере остались только дежурные – Ира и Миша. Старый сосновый лес рос здесь на песке, задернованном ковылём и тимофеевкой; отдельные поляны размером до 100х100 м были чисто ковыльные, а открытые участки в понижениях заняты зарослями таволги, рябины и ивы.

В течение двух дней мы провели здесь учёты птиц типичного лесного сообщества, без особых фаунистических находок. Самым интересным оказалось гнездо сокола-балобана (*Falco cherrug*), расположенное у самой верхушки мощной 25-метровой сосны, которое показал нам гидробиолог Миша Шишченко. Мастерски забравшись в гнездо, Миша крикнул нам, что в нём 5 разновозрастных птенцов, и спустил в мешочке на верёвке двух из них – самого старшего и самого младшего, которых мы измерили и взвесили. Взрослая птица вела себя точно так же, как и в Бетпак-Дале: прилетев на крик птенцов, молча сделала один круг на высоте 70-100 м и так же молча исчезла. Больше она не появлялась до нашего ухода. Птенцы же всё время сипло и слитно орали «кикикикики».

Утром 11 июня мы оставили это гостеприимное (если не считать полчищ комаров) место и через село Тузагаш отправились в соседний Чекинский бор, где остановились на ночь. В ковыльной степи преобладали полевые жаворонки (*Alauda arvensis*), нередко встречались белокрылые (*Melanocorypha leucoptera*), а иногда – большие кроншнепы (*Numenius arquata*) с их замечательным заунывным свистом-песней. В сосновом бору был обычный набор лесных птиц: зяблик (*Fringilla coelebs*), горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*), скворец (*Sturnus vulgaris*), иволга (*Oriolus oriolus*), синица-гаичка (*Parus montanus*), обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*), большой пёстрый дятел (*Dendrocopos major*), козодой (*Caprimulgus europaeus*). Непривычным было большое количество чёрных стрижей (*Apus apus*). А в одном месте меня поразила славка-завирушка (*Sylvia curruca*) – и своим необычным пением и манерой держаться в верхней части кроны дерева, что вообще для славок не свойственно.

Но самое памятное для меня событие произошло 17 июня в берёзовых колках близ села Лозовое. Увидев неожиданно для себя зелёную пеночку (*Phylloscopus trochiloides*), залетевшую в крону берёзы, я бросился за ней через высокотравную поляну и тут же упал, почувствовав, что моя левая нога (опять она!) попала в какой-то капкан. Им оказался обычный старый обруч от бочки: правой ногой я наступил на него, а левой с размаху попал в петлю. Скорость была приличная и, падая, я сломал себе малую берцовую кость левой ноги. Идти не мог,

но к счастью, наши люди были недалеко и довели-донесли меня до машины. Пришлось ехать в ближайшее село, искать медпункт. Нашли в селе Лозовом, в небольшой комнате сельской хаты. Пожилой врач Иван Иванович зафиксировал ногу лангетой, сделал укол и уложил меня, приговорив к полному покою хотя бы на несколько дней. А ребята уехали работать на озеро Ажбулат. Лёжа на кровати с панцирной сеткой, я пытался расспрашивать Ивана Ивановича о птицах и узнал немало интересного. Так, журавли-красавки (*Anthropoides virgo*) гнездятся здесь на посевах зерновых и, когда пашут, у них уже яйца. Иногда трактористы, заметив кладку, опахивают её вокруг – тогда яйца уцелевают. Когда же яйца переносят в другое место, то идущие за трактором вороны расклёвывают яйца. Бывает, что яйца раздавливает сеялка (когда около них не поставлен «тычок» – воткнутая в землю палка). Яиц у журавля всегда два, а птенец чаще один. Ещё он рассказывал о лосях (*Alces alces*), которые здесь обычны в колках, а одна лосиха даже ходила с коровами. Потом я сам убедился, что лоси здесь – не редкость.

С трудом я выдержал в этом «госпитале» двое суток. Когда 19 июня ребята заехали проведать меня, я попросил забрать меня отсюда, и к вечеру распрощался с больницей и добрым Иваном Ивановичем.

Было это в самый разгар экспедиции – и по времени, и по намеченному маршруту. А с другой стороны – оставалось всего-то 8-9 дней! И я решил, что ничего со мной не случится, если я с гипсом поезжу недельку по таким замечательным местам. Териолог Виктор Иванович Шубин (тоже мой бывший студент), присоединившийся к нашей экспедиции ещё 12 июня в с. Щербакты, сумел сделать для меня самодельные костыли – один берёзовый, с удобной естественной развилкой, а второй – сосновый, к которому пришлось прибить перекладину. Это были настоящие произведения искусства (я до сих пор храню их среди старых экспедиционных вещей), и я привык к ним уже в первый день. Правда, гипс и костыли заметно усложнили и без того непростые для современного горожанина условия полевой жизни, но, как выяснилось, – ко всему можно привыкнуть, даже если для этого придётся сделать унитаз из раскладного стульчика…

Следующий наш лагерь, у села Благодатное, подарил мне несколько интересных орнитологических встреч. На обширном солёном озере с голыми берегами держались группой в 15 особей шилоклювки (*Recurvirostra avosetta*), около 60 сизых чаек (*Larus canus*), 11 малых чаек (*Larus minutus*), несколько пеганок (*Tadorna tadorna*) и чаек-хохотуний (*Larus cachinnans*). Но самое интересное для меня – 7 морских голубков (*Larus genei*), которых я видел впервые. При общем сходстве с озёрной чайкой (*Larus ridibundus*) они всё же достаточно хорошо отличаются своей острокрылостью, лёгким полётом, напоминающим полёт крачек, и даже голосом – более мягким и односложным.

Очень приятно было встретить пару настоящих кобчиков (*Falco vespertinus*), хорошо знакомых мне с детства, но которых, работая постоянно на юге, я давно уже не видел (там в народе кобчиками зовут всех мелких соколков, включая пустельгу и дербника). На противоположном берегу озера, недалеко от наполовину высохшего колка, долго паслась лосиха с двумя лосятами. И над всем этим – непрерывная песня полевого жаворонка (*Alauda arvensis*)…

На озере Белое (Константиновский заказник) 21 июня при обычном видовом наборе уток, куликов и чаек мы наблюдали скопление из 300 больших веретенников (*Limosa limosa*), а местные охотники И.М. Лихаченко и В.Ф. Прищепа рассказали, что осенью здесь скапливается до 3 тысяч серых гусей (*Anser anser*). По их словам, серый журавль (*Grus grus*) здесь гнездится, но редко, а журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) в июле-августе образует линные скопления до 300 птиц. На этом озере мне удалось понаблюдать за гнёздами шилоклювок (*Recurvirostra avosetta*), устроенными близко друг от друга. Здесь же я испытал чувство зависти, когда ребята купались в теплой скважине (первой встреченной на всём маршруте!), а я со своими костылями мог только фотографировать.

Первые степные тиркушки (*Glareola nordmanni*) также попались нам здесь, на озере Белое, 23 июня. И в тот же день, у северной точки маршрута, впервые встречена овсянка-дубровник (*Emberiza aureola*): яркий самец распевал на берёзке, растущей у небольшого болотца среди зарослей ивы. Недалеко от этого места пел также самец белошапочной овсянки (*Emberiza leucocephalus*). Это было в 8 км от села Валиханово, у колхоза с очень оригинальным названием – «Память Кирова». Вечером того же дня мы достигли поймы Иртыша у села Башмачное, где остановились на ночёвку на самом берегу реки.

Пойма Иртыша здесь представлена разреженным старым ивово-тополевым лесом в болотистой низине и выглядит очень красиво, как и сама полноводная река. Всё было бы прекрасно, если бы не полчища мошки и комаров. Спать можно было только под марлевыми пологами (по казахски «масахан»), а вне их спасали такие же марлевые маски на обручах, напоминавшие оборудование пчеловода (мы их предусмотрительно взяли с собой, но только здесь использовали в полную меру!). Приём пищи при этом представлял собой нечто цирковое: ложку с кашей надо было быстро просунуть под маску, а потом так же быстро извлечь оттуда пустую; подобным же образом приходилось изворачиваться и с чаем. Мы даже сфотографировались в таком наряде – на память…

Утро 24 июня выдалось пасмурным и душным, а мошка и комары донимали, как и вечером. Поэтому мы спешно покинули эту красивую, но негостеприимную пойму и поскорее выскочили на трассу, где на большой скорости машины гнус не так нас донимал. В жаркий полдень проехали село Качиры, к 17-18 час оказались в типчаковой степи с небольшой примесью полынки и ковыля севернее озера Жамантуз, а в 19 час стали на ночёвку в этой степи недалеко от озера. Прошёл дождь, и после его окончания вокруг лагеря стоял мощный хор полевых жаворонков (*Alauda arvensis*). Утренняя экскурсия 25 июня подтвердила абсолютное преобладание здесь полевых жаворонков, а степь при более близком знакомстве оказалась типчаково-разнотравной, с примесью не только полыни и ковыля, но и зопника (*Phlomys* sp.), цветущего чабреца (*Thymus* sp.), с почти 100%-ной задернованностью и массой *Parmelia* sp. на прогалинах. К полудню озеро приобрело красивый розоватый оттенок, и со степи к нему прилетели 11 красавцев-кроншнепов (*Numenius arquatus*); зрелище, достойное кисти художника… Но именно в это время мы покинули озеро и направились на юг, в сторону Павлодара.

К вечеру мы проехали с. Тимирязево и остановились на ночёвку на берегу солёного озера с красивым названием Светлица. На голых берегах его видны следы соледобычи. Окрестности его представляли собой бывшую типчаково-полынную степь после скотобоя – осталась только «подстриженная» полынка высотой не более 5 см. Зато на закате, уже в светлых сумерках, мы сподобились наблюдать незабываемую картину – пролёт низко над водой большой плотной, овально вытянутой стаи кроншнепов (*Numenius arquatus*): не менее 200 крупных птиц с длинными изогнутыми книзу клювами летели молча, сосредоточенно, в сторону заката. Через 7 минут (22^{-37}) следом за ними так же пролетели ещё 80 кроншнепов. И сразу же за ними, как будто по команде, в том же направлении, но уже с криками, небольшими группами стали лететь сизые чайки (*Larus canus*); всего их пролетело более 500. Ясно было, что и те и другие летели куда-то на ночёвку.

Утром 26 июня, после сильной ночной грозы с дождём и ветром, мы отправились дальше в сторону Тимирязево (на заправку), а оттуда – на юг. Здесь уже всё распахано – везде хлеба и люцерна с сурепкой. Но именно здесь мы увидели первого самца чёрного жаворонка (*Melanocorypha yeltoniensis*), которого я давно тщетно высматривал. А вскоре, также среди хлебов, встретили и белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*). Около следующего села Наташино встретили ещё нескольких чёрных жаворонков, но белокрылые больше не попадались.

Последняя ночёвка была у артезианской скважины за селом Карачилик, на участке угнетённой типчаково-полынной степи между шоссе и небольшим болотцем. Рано утром 27 июня здесь наряду с полевыми пели и чёрные жаворонки, а около полудня более тысячи скворцов (*Sturnus vulgaris*) вереницей летели к артезиану, у которого оседали по спирали, образуя подобие крупной воронки. Это было последнее яркое впечатление под занавес экспедиции, так как вечером этого дня мы уже уехали поездом домой.

Первый аэровизуальный учёт серпоклюва из вертолёта (июль 1989)

Через пару недель после возвращения из Павлодарской области я задумал такое оригинальное мероприятие как аэровизуальный учёт серпоклюва (*Ibidorhynchha struthersii*) из вертолёта. Тогда аэровизуальные методы учёта животных всё больше входили в практику охотоведов и зоологов, но учитывали в основном промысловых млекопитающих и водоплавающих птиц, а из редких видов в Казахстане проводили учёты джейрана (*Gazella subgutturosa*) и джека (*Chlamydotis undulata*). Сейчас даже поверить трудно, что государство отпускало средства на авиаучёты редких животных. Но это было. К более мелким птицам этот метод не применяли, считая, что рассмотреть их с воздуха невозможно и это будет только пустая трата денег. Так заявил мне и один из моих сотрудников – Борис Губин, даже когда мы уже садились в вертолёт. Но я верил, что получится, потому что биотоп этой птицы ленточный – узкой полоской вдоль реки или берега озера и, если только удастся снизиться так, чтобы можно было узнать птицу, то можно пересчитать их всех – не надо даже никакой экстраполяции (вернее – интерполяции).

После оформления всех необходимых документов 18 июля 1989 г. мы впятером (я, Олег Белялов, Борис Губин, Виктория Ковшарь и Ральф Пфеффер) поднялись на вертолёте МИ-8 из Бурундайского аэропорта на окраине Алма-Аты и через Каскеленское ущелье пролетели в широкую галечниковую долину Чонкемина, по которой проходит граница Казахстана и Киргизии; здесь этих птиц в немалом числе встречал ещё в 60-х гг. Владимир Александрович Грачёв (1965). Большая ширина галечников, достигающих здесь местами 800 м, создавала своего рода препятствие: при низкой высоте полёта удавалось охватить учётом только часть её – по 100 м с каждой стороны, а с большой высоты был риск не рассмотреть самих птиц (ещё большей была вероятность их затаивания!). Пролёт по второму разу в обратном направлении был чреват опасностью учёта одних и тех же особей. Поэтому на первых минутах мы ничего не видели (вот тут-то и раздалась фраза о том, что мы зря сжигаем деньги). Однако, подобрав правильную высоту – 15-20 м – мы вскоре выпугнули первого серпоклюва, в определении которого невозможно было сомневаться (кстати, с такой высоты хорошо определяются даже оляпки и трясогузки!).

После этого начался настоящий учёт: двое с правого борта, двое с левого и я впереди – так мы пролетели над всей долиной Чонкемина, насчитав за 16 минут полёта 26 серпоклювов. Сопоставление расстояний, на которых встречены птицы, позволило предположить здесь гнездование как минимум 15-20 пар, причём некоторые из них встречались всего в 100-200 м от юрт чабанов. На следующий день мы так же «прочесали» долину реки Каркара, в горной части которой насчитали 31 серпоклюва (видимо, здесь гнездится 18-20 пар), а на равнинной – не менее 5 пар. Всего в обследованном районе, с учётом северных склонов Заилийского Алатау обитает около 50 пар серпоклювов. Это были первые реальные цифры на фоне общепринятых представлений о том, что серпоклюв почти исчез.

Поездка на Украину: 35-летие школьного выпуска (июль 1989)

В июле этого года на Украине, в родной Решетиловке, проходила встреча моих одноклассников – 35 лет выпуска! Только благодаря павлодарской аварии я смог позволить себе в разгар лета поехать туда. Некоторым препятствием были костыли, которые я всё ещё не мог оставить (лишь сменил в городе самодельные павлодарские на прекрасный подарок В.Н. Скалона, который уже однажды меня выручил). В кабинке вертолёта, на учёте серпоклюва, костыли мне не мешали. Но лететь на них за тридевять земель, да ещё с пересадками, было страшновато. Выручила дочь Ира, у которой были школьные каникулы, – она согласилась сопровождать меня в этой поездке. Благодаря ей я смог предстать пред светлые очи своих учителей и одноклассников, да ещё в таком виде. Встреча оказалась очень приятной: скрытое очень глубоко и, казалось, забытое школьное братство заявило о себе в полную силу. Седовласые, лысые, располневшие друзья детства внешне уже мало отличались от своих учителей (что меня больше всего поразило!), но при встрече у многих проснулась прежняя живость и даже ребячество.

Рассказов и просто воспоминаний было очень много. Так, одна одноклассница Лида (моя первая школьная любовь), рассказывая о своих взрослых детях, вдруг сообщила, что её мама (тётя Катя Василенко – я её так хорошо помнил!) в молодости была безнадёжно влюблена… в моего отца! А вторая Лида, работающая прокурором в Донбассе, пожаловалась, что до сих пор не замужем, и я не смог удержаться от восклицания, что мужики её просто боятся! Она и сама это грустно подтвердила, но как с этим бороться, я тоже не знал…

Встретились мы и с Витей Новохаткой, который когда-то так благотворно повлиял на моё решение в выборе профессии. Виктор Гордеевич, с пышной седой шевелюрой, был такой же энергичный и полон планов по части выведения и сохранения новых сортов пшеницы в знаменитом своём Мироновском институте селекции. Кто же знал, что эта наша встреча последняя…

Здесь, на встрече с одноклассниками выяснилось, что в Кременчуге (всего 107 км от Решетиловки) живёт наш любимый учитель русской литературы Иван Антонович Маценко, который по состоянию здоровья не смог приехать на встречу. А именно в этот город надумала поступать в педагогическое училище моя племянница Наташа. Само собой созрело решение съездить проведать любимого учителя. К нам с Ирой и Наташей присоединилась моя одноклассница Лида. Пока девчонки сдавали документы в училище, мы с Лидой погостили у Ивана Антоновича. Грустно было видеть его таким постаревшим. Ведь когда мы учились в 8-9 классах, это был энергичный 40-летний мужчина, державший класс на уроке в состоянии непрерывного внимания. Кто кроме него мог громогласно продекламировать на уроке словесности известные стихи Маяковского: «Оглушить бы их трёхпалым свистом, в бабушку и в Бога душу мать!». А мы, притихшие, смотрели на него влюблёнными глазами и ждали – что будет дальше. Это от него, вопреки школьной программе, мы узнали о поэте Сергее Есенине, который тогда был запрещён; это благодаря ему я со школьных лет знал, что в русской литературе было не два, а три Толстых – кроме Льва и Алексея Николаевичей также Алексей Константинович, который написал «Князь Серебрянный», ряд замечательных стихов и поэм, а также вместе с братьями Жемчужниковыми «родил» Козьму Пруткова… Теперь нас угощал чаем старый больной человек, но по его заблестевшим глазам видно было, как он рад нашему приезду! Особенно его умиляли мои костыли, он даже сказал что-то по этому поводу насчёт того, что и в детстве мне было свойственно принимать неординарные решения… А для меня это была ещё одна встреча с далёким детством и прощание с ним.

Симпозиум «Журавли Палеарктики» (Таллинн, сентябрь 1989)

В середине сентября в Таллинне (Эстония) состоялся Международный симпозиум «Журавли Палеарктики». С 19 по 25 сентября снова встретились почти все члены нашей Рабочей группы по журавлям СССР, в том числе и большая группа из Дальнего востока и в их числе Юра Шибаев. Снова доклады, сообщения, обмен информацией и результатами работ. А главное – человеческое

общение. В этот раз меня поселили вместе с Алексеем Александровичем Естафьевым (Сыктывкар) и Акматом Кыдыралиевым (Киргизия), с которыми я был уже давно и хорошо знаком. Вместе с нами оказался и Сергей Михайлович Прокофьев из Хакассии, с которым мы здесь познакомились впервые. Очень много о журавле-красавке и особенностях жизни его в тех местах поведал он нам. А по окончании симпозиума была организована экскурсия в Лахемааский национальный парк, большая часть которого представлена лесными болотами. Я впервые увидел, что и в нашей стране можно сделать всё по уму, как это до сих пор видел только в зарубежных фильмах: проложенные по лесу и болоту дорожки с деревянными настилами и такие же деревянные вышки для обзора местности и наблюдений за птицами. Кстати, в Таллинн я приехал уже с тросточкой (костыли оставил в Алма-Ате), но распорядок работы симпозиума был так насыщен, что я и не заметил, как забыл о тросточке. И уехал, так и не вспомнив о ней. Потом Сергей Прокофьев написал мне, что он перед отъездом заметил её и взял с собой на память – в надежде когда-нибудь отдать при встрече. Но, к сожалению, этому не суждено было случиться: Сергей Михайлович Прокофьев прожил очень мало, он скоропостижно скончался всего через несколько лет после этого…

Первая поездка в Ашхабад по рукописи «Птицы Средней Азии» (октябрь 1989)

В октябре 1989 года академик А.К. Рустамов пригласил нас с Олегом Митропольским в Ашхабад для обсуждения ряда вопросов по готовящемуся первому тому сводки «Птицы Средней Азии». Для меня это было уже 4-е посещение Ашхабада – города, к которому я уже успел привязаться. В купейном вагоне поезда «Ташкент – Ашхабад» мы с Олегом оказались одни и тут же приступили к оживлённому обсуждению предстоящих переговоров и обмену новостями. Вошёл проводник и, увидев двух почти одинаковых седовласых носатых мужчин, вдруг оживился и, потирая руки, сказал: «О, кавказские люди едут! Давайте рассчитаемся!» (уж не помню – только ли за бельё или билеты мы тоже должны были у него брать). Олег, только что получивший зарплату мелкими купюрами, вынул из кармана запечатанную пачку узбекских сумов и протянул ему. Тот крепко схватил её, глаза у него заблестели и он, видимо, уже предвкушал достойный истинного кавказца ответ: «Сдачи не надо!». Но Олег крепко держал пачку с другого конца и фокус проводника не удался: пришлось отсчитывать нужную сумму, а остальное возвращать в виде сдачи. Долго мы веселились по этому поводу и сейчас ещё при встрече нередко вспоминаем этот случай.

В Ашхабаде среди обсуждения многих организационных вопросов Анвер Кеюшевич вдруг положил перед нами увесистую папку с текстами и сказал, что получил её из Душанбе – это тексты всех очерков по хищным птицам для первого тома! Попросил нас познакомиться с ними и высказать своё мнение – пойдёт ли это как первый том «Птиц Средней Азии». Даже при беглом просмотре видно было, что это перепечатка раздела по хищным птицам из трёхтомника «Фауна Таджикской ССР». Пришлось так прямолинейно и сказать.

К чести Анвера Кеюшевича он не стал защищать автора, которого знал много лет, и согласился, что этот текст нуждается в коренной переработке с позиций анализа материалов *по всем республикам* региона. Мы пришли также к соглашению, что начинать сводку надо с начала, а не с середины – чтобы отряды были расположены в правильной систематической последовательности (к сожалению, комплектование отдельных томов таких фаунистических сводок по принципу «степени готовности» материала постоянно вело к нарушению именно этой последовательности отрядов). В Институте зоологии Туркменистана я познакомился с Гаро Асцатуровичем Бабаянцем – не только зоологом, изучавшим мелких ядовитых беспозвоночных, но и прекрасным художником – пейзажистом и анималистом.

В очередной раз я с особенным удовольствием гостил у своего друга Евгения Николаевича Понировского – коренного ашхабадца, хотя и учившегося в Харькове, на одной кафедре со мной. Это он в каждый мой приезд вывозил меня на своей машине за город – то в низкогорья Копетдага, то в пески Каракум. Он не так давно женился второй раз – на своей первой жене Татьяне (хороший способ прервать «хождения по мукам»), и теперь у них появилась дочь Злата, в которой оба души не чаяли. Жили они в собственном доме (вернее, в его половине, так как во второй жила вдова отца) недалеко от Туркменского СХИ, где много лет проработал профессором отец Жени. На границе этих двух половин дома росла могучая эльдарская сосна, а во дворе чего только не было: гранаты с плодами, потрескавшимися от избытка сока; лимонарий с массой ярко-жёлтых плодов (я помогал Жене укрывать его плёнкой на предстоящую зиму), ряд не знакомых мне экзотических южан; а перед самым порогом рос молодой банан! В таком райском уголке можно было всегда отдохнуть от любых рабочих перегрузок.

Учредительная конференция Экологического союза (Москва, ноябрь 1989)

Поздней осенью, уже в ноябре, в Москве должна была состояться учредительная конференция Всесоюзного экологического союза, подготовка к созданию которого велась уже давно. Я участвовал в переписке по этому вопросу и не очень удивился, когда вдруг получил аж два приглашения на участие в этой конференции, пришедшие из двух разных адресов. Прибыв в Москву по указанному адресу, я застал все признаки раскола: Николай Фёдорович Реймерс и Святослав Игоревич Забелин создавали, по-сути, два общества. Первое было ближе к научному толкованию понятия «экология», второе содержало значительную политико-общественную составляющую. Поговорив с обоими лидерами, я выбрал забелинский «Социально-экологический союз», позиции которого показались мне более активными в общественном плане. Значительную роль в этом сыграла активность Всеволода Степаницкого, руководившего тогда заповедниками Российской федерации. Тема заповедников по-прежнему была мне очень близка: как раз в это время вышла в свет составленная мной популярная книжечка для школ «Заповедники Казахстана».

Экспедиция на Устюрт через Узбекистан (апрель-май 1990)

В длинной череде событий этого года самым главным из них для меня была экспедиция на Устюрт и Мангышлак, о которой я мечтал с первого дня создания лаборатории, но как самую дальнюю и сложную непроизвольно откладывал каждый год. Теперь пришло время осуществить эту мечту, тем более, что на работу в нашу лабораторию перешёл Костя Плахов, который ряд лет проработал в Устюртском заповеднике после окончания КазГУ (я хорошо помнил его ещё студентом на занятиях по спецкурсу «орнитология»). Вторым участником нашего коллектива стал Рудольф Кубыкин. Таким «тройным» составом – орнитолог, териолог, герпетолог – и выехали мы 18 апреля из Алма-Аты, на автобазовской ГАЗ-66 № 60-73 АТП с новым водителем – молодым парнем по имени Беказат. И, как у любимого мною Джерома К. Джерома, четвёртой в нашей команде была собака – любимчик Кости по имени Снаб. Нам предстояла грандиозная поездка – через Узбекистан и Каракалпакию на Устюрт и Мангышлак, а затем вокруг северного берега Аральского моря и вдоль Сырдарьи. Правда, обратный путь мне был уже недоступен: директор института А.М. Дубицкий категорически не согласился отпустить меня на весь двухмесячний срок, сказав: «Месяц – и ни одного дня больше. Ты мне нужен здесь». Это единственное, что омрачало поездку, но я успокаивал себя тем, что месяц – это тоже не так уж мало, тем более, что Устюрт и Мангышлак я всё же увижу. Пришлось по телефону попросить мангышлакского облохотинспектора Виктора Георгиевича Ракитина взять мне обратный билет на самолёт из города Шевченко (ныне – Актау) на 19 мая. Только тогда я получил долгожданное командировочное удостоверение и смог ехать.

В Алма-Ате 18 апреля с ночи и весь день лил дождь, под которым мы только в 16 часов выехали из города. Дождь сопровождал нас до самого Курдайского перевала, лишь на Актереке на короткое время выглянуло солнышко. На ночь стали в лесополосе на окраине Георгиевки (ныне – с. Кордай), где дождь поливал нас и всю ночь, Странно было слышать под дождём голоса журавлей, летящих в полной темноте в половине десятого! От этого места оставалось всего 27 км до города Фрунзе, где я был несколько дней назад (12-14 апреля) и так захотелось в тепло, к людям, где меня так хорошо принимали! Однако надо было на ближайший месяц отвыкать от цивилизации – впереди Устюрт.

Рано утром мы свернули на р. Чу и дальше дорога шла полупустыней. Светило яркое солнце после дождя, и на восток большими стаями летели журавли-красавки: 300, 100, 100 – всего около полутора тысяч. По пути до Аспары встретили ещё 10 журавлиных стай. Шёл массовый пролёт журавлей. Поздно вечером остановились на ночь у Евгения Михайловича Белоусова в Новониколаевке (заповедник Аксу-Джабаглы). Утром увидели, что все горы занесены снегом – до подножий. Но сверху сияло ясное весеннее солнце, и мы отправились в свой дальний путь. Следующая ночь застала нас перед Самаркандом, где мы под проливным дождём никак не могли найти места для ночёвки, а спать надо было обязательно хотя бы водителю, который находился бессменно за рулём уже более 10 часов подряд. Мои надежды дотянуть до Зеравшанского заповедника пошли прахом: посёлок Джамбай мы проехали в полночь. Поэтому

свернули на первую же просёлочную дорогу, которая увела нас на полкилометра в гору от трассы и уткнулась в какое-то селение. Не доезжая до него метров 100, мы остановились и решили поспать прямо в машине.

Но не тут-то было! Едва только я перелез из кабины в кузов, где все уже дрыхли, включая собаку (а Беказат стал разворачивать свой гамак – очень удобное приспособление в кабине ГАЗ-66!), как услышал гул приближающихся голосов. Из-под тента смутно видна была какая-то толпа, окружавшая нашу машину. Голоса нарастали и, наконец, кто-то оттуда крикнул по-русски: «Кто такие? Почему здесь стали?». Беказат стал говорить, что мы экспедиция из Алма-Аты, едем на Устюрт и остановились на ночёвку. В ответ послышалось угрожающее: «Что ты нам зубы заговариваешь – где Алма-Ата, а где Самарканд? Признавайся, зачем приехал в наше село?!». Испуганный Беказат закричал: «Правда, из Алма-Аты, мамой клянусь!» и заговорил по-казахски. Ему ответили: «Ты маму оставь в покое» и стали зажигать спички, чтобы рассмотреть на борту номер машины. А у нас в кузове к заднему борту была привязана полная бочка с бензином. Спички только и не хватало! Пришлось подавать голос из кузова. Сразу переспросили: «А сколько вас там? Оружие есть?». Про экспедицию снова не поверили и, наконец, выложили причину своего переполоха: «Вы, наверное, турки-месхетинцы – хотите сжечь наше село. Днями к соседнему селу на такой же машине приехали месхетинцы и сожгли несколько домов[42]».

Дело явно принимало скверный оборот: страсти толпы накалялись, и от угроз она могла перейти к действию. Пришлось заявить, что под дождём ночью мы никуда не поедем, а если они нам не верят – пусть вызывают милицию! Гул толпы начал потихоньку стихать – может, действительно, пошли за милицией. Постепенно усталость взяла верх, и в ожидании милиции я уснул, как убитый. Разбудил меня Беказат, который уже свернул свой гамак и предлагал, пока ещё не совсем рассвело, убираться отсюда. Стоило мне перелезть в кабину, как он тут же дал газ. Уже через несколько минут мы вышли на трассу и на предельной скорости понеслись на запад. Спящий Самарканд проскочили без остановки. Рассвело, погода улучшилась и после 9 час даже стало припекать солнце. А вскоре раздался стук в заднее стекло кабины и высунувшаяся из-под переднего тента небритая физиономия Рудольфа зло спросила: «А жрать мы будем? Или так и будем мчаться по дороге?». Это привело нас в себя, и около первой же придорожной чайханы мы остановились, привели себя в порядок и позавтракали. Здесь же в маленьком соседнем магазинчике я увидел продающиеся тюбетейки и одну купил – чтобы быть, как узбек!.. На первых порах это действительно помогало, но через пару дней, когда мы уже начали подъем на южный чинк Устюрта, водитель встречной машины, которую мы остановили, чтобы уточнить дорогу, сказал мне: «А ты, дед, сними тюбетейку – здесь узбеков не любят». Оказывается, мы въехали в зону проживания кочевников – казахов и туркмен…

Густонаселённая трасса за Самаркандом пестрела непривычными названиями населённых пунктов: Мирбазар, Голаба, Иттифок, Пулатчи, Зиадин, Сулув,

---

[42] Тогда в Узбекистане как раз начались межэтнические разборки. – *Прим. авт.*

Джалаир; а за городом Навои – Дурмен, Хазара, Гиждуван, Гаждумак, Лабируд, Вобкент, Шафиркан. Последний был мне знаком по прошлой поездке 10 лет назад в Джейраний питомник. В бесчисленных лавчонках у трассы чего только не продают. И при этом, как будто наслушавшись шуток Михаила Задорнова, продавцы изощряются в названиях товара. Так, «басанечка» и «бостоношок» написаны крупными корявыми буквами около босоножек.

Птицы по пути встречались самые обычные – чаще всего майны, реже – щурки, грачи, галки. Лишь на месте ночёвки в зарослях тамариска за Бухарой удалось увидеть высоко в небе какого-то орла. Но за городом Газли 22 апреля мы вышли к Амударье и дорога пошла вдоль песков с редким саксаулом; здесь стали встречать саксаульных соек (*Podoces panderi*), которые были хорошо видны как на верхушках кустов саксаула, так и бегущими по песку. На протяжении 90 км мы насчитали с автомобиля 8 соек.

Вечером 22 апреля, миновав города Урткуль и Беруни, мы стали на ночь в небольших горушках Султан-Увайс. Это пологие холмы из пестроцветных глин, покрытые галечниковым плащом и редкой полынью. Здесь токовали полевые коньки (*Anthus campestris*) и пели пустынные каменки (*Oenanthe deserti*). В полдень следующего дня миновали территорию заповедника Бадай-тугай и через час были в Нукусе – столице Каракалпакии. К вечеру приехали в Кунград, где отправили почту, заправились питьевой водой и поднялись на южный чинк Устюрта. Здесь у железнодорожной станции Акшолак асфальт закончился – дальше пошла грунтовая дорога (глина, местами со щебёнкой). На ночь стали на полынной равнине, мокрой после дождя. И здесь перевели часы на 2 часа назад – с зимнего на **летнее декретное время**. Мы ещё не успели привыкнуть к этому модному нововведению – менять часы, как перчатки – а к тому же в нашей работе это было и небезболезненно: любое научное исследование, связанное с суточной активностью животных, ставилось под удар, так как невозможно было установить, по какому из режимов проводил свои исследования ваш коллега (или, что ещё хуже, – информаторы, сообщавшие очень интересные сведения для сопоставления с вашими… Здесь в моей книжке записано: «Лёт термитов (более ½ бескрылые)», но более подробных записей, как и впечатлений, не сохранилось…

Утром 24 апреля солнце, взошедшее в 6 час 10 мин по новому *летнему* времени, возвестило, что пора начинать работу на Устюрте! Вокруг расстилалась голая равнина: растрескавшаяся глина с очень редкими маленькими камешками на поверхности поросла на 40-50% кустиками какой-то полыни, караганы и курчавки; карагана уже покрылась листьями, а курчавка только начала цвести. Первой нас приветствовала перевязка (*Vormela peregusna*). Этот изумительно ярко раскрашенный хорёк, прячась за кустиками полыни и трижды ставая столбиком, подбежал прямо ко мне и минут 10 рассматривал с расстояния всего 12-13 м! Я счёл это хорошим знаком – значит, звери здесь непуганные. Из птиц в этом месте и при движении на запад встречались в основном серые жаворонки (*Calandrella pispoletta*; сейчас – *rufescens*) и чернобоюхие рябки (*Pterocles orientalis*); реже – каспийские, или азиатские зуйки (*Charadrius asiaticus*), пустынные каменки (*Oenanthe deserti*) и пустынные славки (*Sylvia nana*). И только по одному разу

встретили мы саджу (*Syrrhaptes paradoxus*) и джека (*Chlamydotis undulata*), а в одном месте вспугнули с земли даже чирка-трескунка (*Anas querquedula*), явно отставшего от пролётной стаи. К вечеру на пути стали попадаться небольшие микро-чинки. Это был увал Карабаур, где мы остановились на ночёвку. Ночь была очень ясной и, я бы сказал, сверхзвёздной – давно уже я не видел, чтобы был таким чётким Млечный путь.

Утро 25 апреля выдалось ясным, тихим и с обильной росой (температура была где-то около нуля). Экскурсия по биюргунникам с редкими кустами саксаула, оказалась для меня очень интересной: помимо вчерашних видов я встретил вертлявую славку, или скотоцерку (*Scotocerca inquieta*), которую видел впервые! Появились пернатые хищники – курганник (*Buteo rufinus*) и степной орёл (*Aquila nipalensis*). А на кусте тамариска в западинке сидел очень светлый, почти белый домовый сыч пустынного подвида (*Athene noctua bactriana*). Только в 16 час оставили это интересное место и направились на северо-запад. К вечеру кое-как, после нескольких расспросов у чабанов, разыскали колодец Байшагыр и стали на ночь в полукилометре от него, на обширном заросшем такыре с кустиками саксаула.

В полдень 26 апреля выехали из Байшагыра почему-то на юго-запад. На громадном Байментакыре мне запомнилась одиночная каравайка (*Plegadis falcinellus*), летящая не выше 10 м над растрескавшейся сухой землёй. Оказалось, что невдалеке сохранилось полувысохшее озерко, на котором мы увидели различных уток (кряква, широконоска, пеганка, огарь, чирок-свистунок), куликов (ходулочник, малый и морской зуйки, травник, чернозобик). Здесь же встретились три группы сайгаков (*Saiga tatarica*) – всего 59 особей. В 20 час остановились на ночёвку на полынно-биюргуновой равнине между колодцами Самамбет и Тулеп, в окружении 6 табунов лошадей – разбросанных по горизонту.

Утром 27 апреля встретили первую стаю серых журавлей, штук 30-40, летевших на запад на высоте полукилометра. Вообще пролёт птиц через пустыню был в разгаре, мы встречали здесь явно пролетных горихвосток-лысушек (*Phoenicurus phoenicurus*), пеночек-весничек (*Phylloscopus trochilus*), а в посёлке Тулеп нашли труп самца кваквы (*Nycticorax nycticorax*) – по рассказам местных жителей, её привезли неделю назад с буровой вышки ещё живой. Этот посёлок геофизиков существует с осени 1989 года. Здесь же мы обнаружили трупы разбившихся о провода малого погоныша (*Porzana parva*) и ушастой совы (*Asio otus*). Из местных птиц интересно было встретить группу из 4-х джеков и каменных воробьёв (*Petronia petronia*), которые носили корм птенцам под крышу металлического вагончика; ещё одно гнездо этого воробья с пуховыми птенцами нашли мы в колодце Узын.

К вечеру равнина перешла в холмистую подчинковую полосу, где растительность гуще и выше, больше эфемеров и местами попадаются куртины цветущей караганы. В наступающих сумерках мы подъехали к самому чинку, дорога какое-то время шла вдоль него, потом свернула на крутой каменистый спуск и вывела нас к трём капитальным домикам – стоянке скотоводов в урочище Кендерли. Была пятница – все люди уехали.

В урочище Кендерли мы простояли три дня – до 1 мая. Эта почти параллельная основному чинку долина шириной от 400-500 до 1000 м, имеет высоту бортов (своего рода чинков) от 50 м в своей верхней части до 100-150 м в нижней. Левый отрог долины, по которому я эксурсировал на всём протяжении, имеет ширину днища 100-150 м и занят редким молодым саксаульником с полынью; вверху он сужается и превращается в ущелье (днище 10 м, высота склонов 20-30 м), которое замыкается «каменным мешком» высотой 8-10 м. В долине есть немало привлекательных для птиц биотопов: кроме щебнистых подчинковых участков здесь имеются небольшие саксаульники, маленькое озерко и заросли тамариска около него. Очень разнообразно птичье население. Здесь не редкость крупные пернатые хищники – беркут (*Aquila chrysaëtus*), курганник (*Buteo rufinus*), чёрный гриф (*Aegypius monachus*), стервятник (*Neophron percnopterus*). Нередок филин (*Bubo bubo*), два гнезда которого с птенцами осмотрели мы в нишах конгломератовых чинков. В одном из гнёзд и в нише рядом с ним Костя собрал остатки пищи птенцов (в основном кости) и по ним определил животных, которые стали дертвами филина. Ими оказались: корсак (*Vulpes corsac* – 1), заяц-толай (*Lepus tolai* – 3), ушастый ёж (*Hemiechinus auritus* – 40), большая песчанка (*Rhombomys opimus* – 21), краснохвостая песчанка (*Meriones lybicus* – 24), малый тушканчик (*Allactaga elater* – 21), тушканчик Северцова (*Allactaga severtzovii* – 1), серый хомячок (*Cricetulus migratorius* – 11), жёлтый суслик (*Citellus fulvus* – 7), слепушонка (*Ellobius talpinus* – 6).

Здесь же мне удалось поближе познакомиться с вертлявой славкой (*Scotocerca inquieta*) и найти два её гнезда с птенцами. На чинках много кекликов (*Alectoris chukar*), чёрных стрижей (*Apus apus*), розовых скворцов (*Pastor roseus*), каменок-плешанок (*Oenanthe pleschanka*), дважды встречена белогорлая форма – *Oenanthe pleschanka vittata*. Вообще с каменками этой группы разобраться очень сложно. Мне дважды попадались пары типичных черношейных каменок (*Oenanthe finschii*), а у некоторых самцов, определённых как плешанка, на спине была только маленькая чёрная перемычка; песня у таких белоспинных самцов показалась мне сочнее и звонче, а окраска самой птицы – ярче, контрастнее: голова белая, а не пепельная, как это бывает у плешанки. Так как я никогда не видел испанской каменки (*Oenanthe hispanica*), то не исключаю, что это была она.

Утром 29 апреля на кустиках пытались петь только что появившиеся самцы желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), а встреченная на чинке пара рогатых жаворонков (*Eremophila alpestris*) имела полностью окруженное чёрным белое горло – точь в точь как обитающие в Тянь-Шане представители подвида *E.a. albigula*! Кроме обычных здесь чёрных стрижей около чинков мы встретили несколько крупных белобрюхих (*Apus melba*). И здесь же несколько раз попадались группы уриалов, или устюртских муфлонов (*Ovis orientalis arcal*) – диких баранов, занесенных в Красную книгу Казахстана.

Празднование дня Международной солидарности трудящихся 1 мая (тогда это был действительно народный, а не только официальный праздник!) состоялось на краю Западного чинка Устюрта в 5 км от урочища Кендерли, где мы остановились на ночь. Праздник открылся в 21 час песнями под домбру, ко-

торые исполнил наш Беказат. Это тоже была для нас новинка – водитель с домброй, к тому же хороший певец. Выступление его, кроме нас, приветствовали 56 устюртских муфлонов (35+9+6+4+2), поднявшихся с мест дневного отдыха под чинками, а также роскошный филин, вылетевший на охоту и пролетевший прямо над нашим праздничным столом. Утром 2 мая, кроме яркого солнца, нас встретил сильный юго-западный ветер. Птиц на верху, на равнине, не было видно совсем. Учёты на чинке дали также не очень богатый «улов»: полевой конёк (*Anthus campestris*), два вида стрижей (*Apus apus, Apus melba*), два вида каменок (*Oenanthe pleschanka, Oenanthe finschii*), рогатый и серый жаворонки (*Eremophila alpestris*, *Calandrella pispoletta*), а также несколько пустельг (*Falco tinnunculus, Falco naumanni*) и степной орёл (*Aquila nipalensis*).

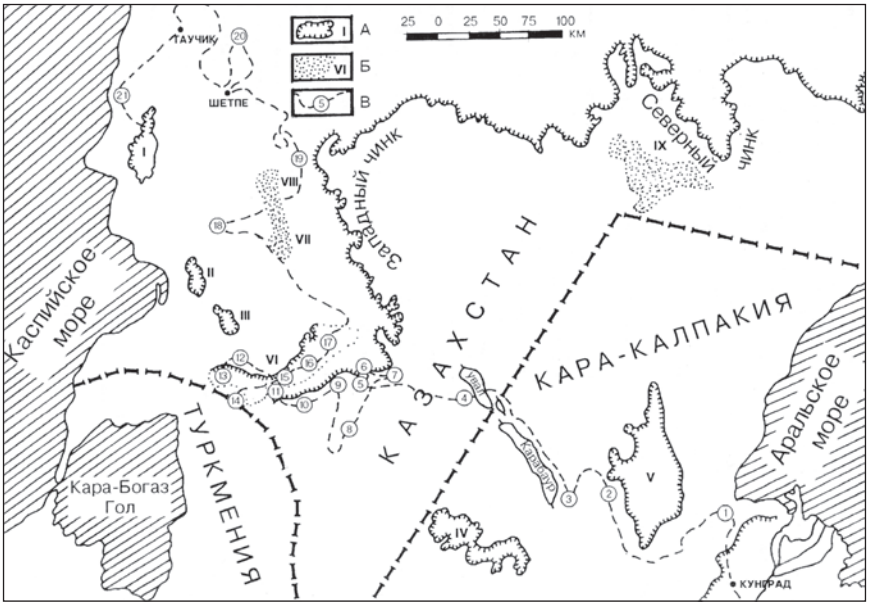


Рис. 79. Маршрут экспедиции по Устюрту и Мангышлаку (23 апреля – 19 мая 1990 г.)
А – впадины: I – Карагие, II – Каунды, III – Жазгурлы, IV – Ассаке-Аудан, V – Барсакельмес; Б – пески: VI – Карынжарык, VII – Тюесу (близ пос. Сенек), VIII – Бостанкум, IX – Сам; В – маршрут. Номера в кружках – места стоянок: 1 – близ станции Акшолак (23/24 апреля); 2 – увал Карабаур (24/25 апреля); 3 – кол. Байшагыр (25/26 апреля); 4 - между кол. Сомменбет и с. Тулеп (26/27 апреля); 5 – ур. Кендерли (27 апреля – 1 мая); 6 – чинк 15 км севернее (1/2 мая); 7 – кол. Кугусем (2-5 мая); 8 – Аксаксаул и Бельсаксаул (5/6 мая); 9 – кол. Сарыбулак (6/7 мая); 10 – кол. Ельшибек (7/8 мая); 11 - долина Унэре (8/9 мая); 12 – кол. Уткунды на чинке Каясанирек (9/10 мая); 13 – пески Карынжарык (10/11 мая); 14 – Шагаласор, родник Тущи-Шагала (11/12 мая); 15 – пески Карынжарык в 8 км от Унэре (12/13 мая); 16 – пески Карынжарык 40 км СВ от предыдущей стоянки (13/14 мая); 17 – пески Карынжарык у меловых гор Акшуймак, 40 км СВ от предыдущей стоянки (14/15 мая); 18 – Новый Узень (15/16 мая); 19 – горы Каратау. ЮВ оконечность (16/17 мая); 20 – горы актау близ Жаман-Айракты и Шоркала (17/18 мая); 21 – город Шевченко (18/19 мая). Утром 19 мая – впадина Карагие и озеро Караколь; вечером того же дня – самолёт на Алма-Ату (по: Ковшарь, 1995, с. 56-57).

Экспедиция на Устюрт (1990)

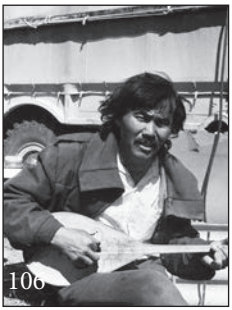
101

102

103

104

105


106

107

101 – западный чинк Устюрта, 5 мая 1990 г.;
102 - Кендерлисор, вид с Ельшибека, 5 мая 1990 г.;
103 – застряли на Устюрте, 13 мая 1990 г.;
104 – К.Н.Плахов и В.Г.Ракитин, 6 мая 1990 г.;
105 – ферула вонючая *(Ferula assa-foetida)*;
106 – водитель Беказат играет на домбре, 5 мая 1990 г.;
107 – знаменитый колодец Кугусем у западного чинка;
108 – прощание в урочище Унэре. Слева направо: Беказат, егерь Серик, К.Н.Плахов, В.Г.Ракитин, А.Ф.Ковшарь, Р.А.Кубыкин. 8 мая 1990 г.

108

Би-би-Си, вертолёт, Байконур, Бухара (1990)

109

110

111

112

113

114

115

116

109 – лаборатория охраны животных, 1990 г. Слева направо: А.Ж.Жатканбаев, Р.Б.Бекбосынова, В.В.Хроков, Н.Н.Березовиков, Р.А.Кубыкин, К.Н.Плахов, А.Ф.Ковшарь, А.П.Гисцов, С.Л.Скляренко, Б.М.Губин;

110 – В.А.Белялов (в центре) с киногруппой Би-Би-Си по дороге на Медео. Справа от него – продюсер Джон Спаркс и режиссёр Пелхам Олдридж. Март 1990 г.; 111 – Пелхам Олдридж и А.Ф.Ковшарь там же;

112-114 – учёт серпоклюва *(Ibidorhyncha struthersii)* с вертолёта, июль 1990 г.: 112 – вид из вертолёта на русло р.Каркара; 114 – то же – на долину Чарына; 113 – О.Белялов и В.Ковшарь ведут учёт из кабины МИ-8;

115 – на Гагаринском старте в составе комиссии Академии наук. Космодром Байконур, сентябрь 1990;

116 – Э.И.Гаврилов, А.Н.Пославский, А.Ф.Ковшарь, А.К.Рустамов и О.В.Митропольский на региональной конференции по птицам Средней Азии. Узбекистан, Бухара, октябрь 1990 г.

К вечеру 2 мая мы достигли знаменитого колодца Кугусем, где простояли по 5 мая. Это место столь же нарезрывно связано с понятем «Устюрт», как колодец Когашик – с понятием «Центральная Бетпак-Дала». Большинство наблюдений натуралистов сделано именно здесь. Секрет популярности этого места прост – здесь имеется единственный на всю округу пресный источник воды, причём высокого качества. К тому же с этой точки хорошо доступны как безбрежные просторы самого плато, так и чинк со всем подчинковым пространством – здесь имеется хороший спуск до самого его подножия. Большинство красивых фотографий Устюрта как «лунного ландшафта» также сделаны здесь, потому что Западный чинк Устюрта достигает здесь наибольшей высоты (300 м) и отсюда открывается великолепный вид на обширный Кендерлисор с его останцами.

Верхний участок, пограничный между чинком и собственно равнинным плато, представляет собой глинисто-щебенистые всхолмления с частыми выходами плоских коренных пород, из которых сложен чинк. Рядом начинаются обрывы дальних окончаний глубоких врезок чинка (типа фиордов). Растительность – низкорослая полынь (*Artemisia terrae albae*) 15-20 см высотой, немного – биюргун (*Anabasis salsa*), изредка – ярутка (*Thlaspi arvense*), бурачок (*Alyssum gmelini*), луки (*Allium* sp.). В западинках – злаки и кустарник высотой до 30-40 см. Здесь – царство жаворонков: серого (*Calandrella pispoletta*), двупятнистого (*Melanocorypha bimaculata*) и в меньшей степени – рогатого (*Eremophila alpestris*). Так, на 9 км мы учли с автомобиля 28 малых, 15 двупятнистых и 6 рогатых жаворонков. В другом месте на 15 км автомаршрута это соотношение было 46:36:4. В гораздо меньшем числе встречались здесь хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*), черношейные каменки (*Oenanthe finshi*) и каменные воробьи (*Petronia petronia*). Около самого колодца гнездилась пара воронов, но это был не пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), столь характерный для казахстанских пустынь, а какая-то неизвестная мне разновидность обыкновенного ворона (*Corvus corax*) – хоть и небольших размеров, но чисто чёрной окраски, без коричневого налёта на перьях мантии и передней части спины.

Днём 5 мая приехали облохотинспектор Виктор Георгиевич Ракитин и егерь Серик, а в 17 час мы свернули лагерь и покинули гостеприимный Кугусем, направившись через Кендерли в Ак-Саксаул. На первых 33 км пути соотношение двупятнистых и малых жаворонков было 46:100, причём среди последних встречались оба вида (*Calandrella pispoletta, Calandrella cinerea*). Встречен, наконец, первый балобан (*Falco cherrug*), а на кране заброшенной буровой обнаружено гнездо ворона (*Corvus corax*) с 5 яйцами, самец и самка беспокоились рядом. Здесь же – группа индийских воробьёв (*Passer indicus*).

Утром 6 мая проехали брошенный посёлок Ак-Саксаул, за которым остановились у колодца для текущего ремонта машины (благодаря В.Г. Ракитину ремонт прошёл быстро и без потерь) и около полудня достигли пещеры Бель-Саксаул, у которой пробыли до 18 час. Спуск в пещеру, длиной около 300 м и глубиной до 70 м, оставил неприятные воспоминания. Я понял, что спелеолога из меня не получится: в узких и низких, круто спускающихся вниз каменистых ходах я испытывал нечто вроде клаустрофобии, хотелось поскорее выбраться

наверх, к солнцу и воздуху. Даже залы высотой 6-7 м и небольшой подземный водоём в конце пути не изменили этого впечатления.

Ночевали на краю чинка в урочище Сарыбулак, где к утру разыгрался сильный восточный ветер. Утренний учёт птиц мало что прибавил к уже виденному за эти дни, за исключением нескольких пролётных птиц (серая мухоловка, пеночка-весничка, горихвостка-лысушка, чечевица и др.). Чинк здесь сложен в основном из глины, камни встречаются редко. В одном из таких мест мимо меня молча и без единого взмаха крыльев спланировали вниз две каких-то куропатки с дерябу величиной и с однотонно-серой спиной. Искать их там, внизу, за поворотами чинка, было бесполезно. Но мне и до сих пор кажется, что это были пустынные куропатки (*Ammoperdix griseogularis*), которых я ещё ни разу в природе не встречал. Больше ничего подобного в эту поездку я не видел.

Следующую ночёвку и днёвку провели мы у пос. Кансу, в урочище Елшибек. Здесь нам удалось заправить три фляги питьевой водой, а в нише чинка обнаружить гнездо ворона с тремя оперёнными птенцами. В 16 час 8 мая выехали в сторону родника Унэрэ. Вокруг небольших разливов этого родника, расположенного среди полынно-биюргуновой пустыни, островками росли тамариск и тростник; здесь мы впервые встретили тугайного соловья (*Cercotrichas galactotes*) и целый ряд пролётных птиц. О весеннем пролёте птиц через Устюрт я позже опубликовал отдельную статью (Ковшарь, 1995), причём многие из этих видов встречены именно в долине Унэре, где заросли тамариска и других кустарников давали мелким птицам приют после длительного перелёта над сухой пустыней. Из них упомяну только самых неожиданных для меня – малую мухоловку (*Siphia parva*), пеночку-трещётку (*Phylloscopus sibilatrix*) и зелёную пересмешку (*Hippolais icterina*), которых я не видел уже лет 30. Здесь 9 мая, ради Дня победы, наш Беказат, кроме игры на домбре, порадовал нас великолепными баурсаками (тесто к ним готовил Костя). К вечеру того же дня мы выехали на юго-запад. По пути среди солянковой равнины попадались участки слабо всхолмленных песочков с островками саксаула, цветущей ярко-жёлтыми цветами ферулой и большим количеством черепах (*Agrionemys horfieldi*).

На ночёвку остановились у самого края чинка Каясанирек, близ кол. Уткунды. Под нами внизу, к югу и востоку, простирались обширные просторы впадины Карынжарык. А в небольшой нише чинка, наверху которого мы стояли, расположилось гнездо беркута (*Aquila chrysaëtus*) с двумя пуховыми птенцами, начавшими покрываться тёмным пером. Утром 10 мая, когда я проводил учёты птиц на верхней террасе чинка, близ родника, от подножья чинка к роднику стала подниматься волчица (*Canis lupus*). Появилась она совершенно неслышно – как тень, хотя и шла по осыпи! Поскольку я сидел неподвижно в тени, да ещё против солнца, она не могла меня видеть и подошла метров на 90. Долго всматривалась в мою сторону и, видимо, уловив моё движение, повернула назад и медленно стала уходить, останавливаясь и оборачиваясь через каждые 20-30 м. А отойдя на 300 м, она вообще легла на открытом месте, явно ожидая, когда я уйду от родника. Это была старая худая самка с отвисающими сосками, за счёт худобы казавшаяся очень высокой на ногах. Окраска в целом светлая, но вся

передняя часть морды и бока конечностей – красно-рыжие; тёмный цвет имелся на крестце и перед самым концом узкого хвоста, свисающего чуть ниже скакательного сустава. Она явно линяла. Когда я стал открыто расхаживать, волчица поднялась и медленно затрусила по равнине.

Вечером мы спустились во впадину и стали на ночь в песках Карынжарык, поросших саксаулом и ферулой вонючей (*Ferula assa-foetida*), листья которой уже начали *желтеть* (самое большое впечатление произвела именно эта ранняя *осень* в мае!). Второе для меня откровение – большое количество в песках кекликов (*Alectoris chukar*), этих «каменных куропаток», так хорошо знакомых мне по Тянь-Шаню. Вообще песочки эти оказались довольно богаты жизнью. Кроме трёх видов жаворонков (хохлатый, двупятнистый и серый), здесь было немало желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), пустынных серых сорокопутов (*Lanius excubitor pallidirostris*), жуланов (*Lanius phoenicuroides*), малых бормотушек (*Hippolais caligata*), пустынных славок (*Sylvia nana*); встречались и пролётные птицы. Здесь была также масса саранчи, черепах и зайцев-толаев.

На следующий день, 11 мая, мы выехали на юг, в урочище Шагаласор, и переночевали на его южной окраине, у родника Тущи-Шагала. Местность вокруг довольно безрадостная – голая глинистая равнина, местами между всхолмлениями – сухие русла, по которым весной, видимо, идёт вода, но сейчас всё сухо. Сам родник изливается из трубы в металлическую купалку для скота, которого сейчас здесь нет. Рядом – старые развалины домов, а большое количество труб и битого стекла явно свидетельствует о том, что здесь работали геологи. Около родника – заросли тамариска и тростничка. А ещё в окрестностях видны «чукалаки» – до 1 м высотой бугорки, на которых пучками растут кустики саксаула или тамариска. Птичье население столь же скудное: мелкие жаворонки (*Calandrella* sp.), полевой конёк (*Anthus campestris*), пустынная славка (*Sylvia nana*) и скотоцерка (*Scotocerca inquieta*). И совершенно не вяжется с этой местностью пролётная зелёная пересмешка (*Hippolais icterina*), изумительно звонко распевающая целую серию нежных дрожащих трелей вперемежку с «фить»-каньем. А кроме неё в той же густой куртине тамариска, размером всего 30х50 м, кричит, поёт и перепархивает ещё с десяток мелких пролётных птичек: зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*), серая славка (*Sylvia communis*), какие-то мелкие камышевки (*Acrocephalus* sp.). Совершенно неожиданной была встреча в сухой глинистой долинке с одиночной рыжей цаплей (*Ardea purpurea*).

Вечером 12 мая мы вернулись в пески Карынжарык, переночевали в 8 км от Унэрэ в брошенной зимовке и следующие пол-дня провели здесь учёты птиц в саксаульнике на песках. Здесь впервые я встретил большую бормотушку (*Hippolais languidae*) и долго наблюдал как пара их строила гнездо в развилке саксаула. Здесь же, недалеко от кошары, нашел гнездо авдотки (*Burhinus oedicnemus*) с двумя яйцами, а в саксаульнике впервые за последние дни встретил зелёных щурок (*Merops superciliosus*) и обыкновенных горлиц (*Streptopelia turtur*). Под вечер 13 мая отправились дальше по пескам на северо-восток и к 20 час прошли центральную часть песков Карынжарык – высокие барханы, а за ними как бы выровненная часть холмистых песков, заросшая злаками (!) – и выйдя к восточ-

ной кромке песков, остановились на ночь у добротной пустой зимовки. Пески здесь слабо бугристые и поросли редким саксаулом, вонючей ферулов, полынью и даже живокостью (*Delphinium* sp.). Утром к своему удивлению я увидел на крыше нашей зимовки яркого самца плешанки (*Oenanthe pleschanka*), которой не место в песках. Непривычно было встретить здесь и чеглока (*Falco subbuteo*). Остальные птицы на учётах были те же, что и на предыдущих стоянках – жаворонки трёх видов, сорокопуты, желчные овсянки. На мокром песке впервые обнаружили свежий след джейрана (*Gazella subgutturosa*).

Надо сказать, что погода в эти дни нам не очень благоприятствовала: пасмурно, как осенью, холодный ветер, частые дожди (тепла, а тем более жары мы ещё не видели). И, как сказал мне В.Г. Ракитин, здесь вообще не бывает тепла: до 20 мая холодно, а с 21 мая – жарко. Вот и здесь: ночью прошёл хороший дождь, и стоило нам отправиться дальше уже по такыру, как мы засели в залитой водой колее!

А ГАЗ-66 это не легковая машина, которую можно было бы вынести на руках. Пришлось поработать лопатой, наносить веток саксаула, и через 40 минут мы выбрались. Однако впереди была такая же дорога и единственным выходом было – ехать непрерывно на одной и той же небольшой скорости. Любая остановка могла грозить повторением только что пройденного буксования. Как же мне было обидно, когда я из кабины увидел сидящего на гнезде у дороги каспийского зуйка (*Charadrius asiaticus*), а останавливаться Беказат отказался. Да я и сам не стал настаивать, прекрасно осознавая, чем может закончиться такая остановка. Лишь отметил, что в гнезде три яйца, когда наседка взлетела уже перед самой машиной.

Очередная ночёвка, с 14 на 15 мая, – в 40 км от предыдущей. Здесь зимовка была не просто пустая, а заколочена досками, хотя во дворе бегала брошенная хозяевами собачонка, сразу же ставшая дружить с нашим Снабом. А внутри зимовки оказалась гармошка, на которой наш Беказат также сумел сыграть несколько песен. Утро 15 мая выдалось ясным и тихим, на мокром песке вокруг зимовки – много следов джейранов, а в стае индийских воробьев оказался один яркий самец испанского (*Passer hispaniolensis*). Мне удалось провести три часа учётов птиц в саксаульниках на песке, а Рудольф провёл за это же время герпетологическую экскурсию. Около полудня мы выехали на Новый Узень.

Выйдя на дорогу Аккудук – Сенек, мы встретили первую за последние полмесяца машину! Тоже своего рода событие. Но гораздо интереснее было, что среди всхолмленных песков перед Сенеком нам всё время попадались рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*) – тоже отнюдь не псаммофилы! И малые жаворонки здесь были настолько светлые, что вполне могли быть солончаковыми (*Calandrella leucophaea*). Но самое удивительное для меня здесь – это развеваемые пески в окрестностях посёлка Сенек. Они явно антропогенного происхождения (перевыпас!), потому что уже в 5-6 км от Сенека пески хоть немного заросли кустарником. А здесь они просто развеваемые!

К окончанию рабочего дня мы добрались до центральной усадьбы Устюртского заповедника в городе Новый Узень. Здесь нас встретил директор заповед-

ника Хасен Едыгеев и его заместитель – герпетолог. Сразу же позвонили в город Шевченко (ныне - Актау) В.Г. Ракитину и узнали, что заказанный на 19 мая в Алма-Ату для меня билет уже выкуплен, а завтра сюда приедет сам Ракитин и мы с ним вдвоём продолжим путешествие по Мангышлаку. Закончился этот нелёгкий день товарищеским ужином в заповеднике, где Батыр угощал нас рыбой, икрой – деликатесами, особенно бесподобными после нашей однообразной пищи в пустыне… Из птиц в Новом Узене мне запомнилась только кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*), распевающая на деревьях в центральной усадьбе заповедника.

Здесь закончилась устюртская часть моего путешествия, и я расстался со своими спутниками. Утром 16 мая экспедиция вернулась на Устюрт, а мы с В.Г. Ракитиным на его УАЗ-469 направились на север. Проехав через пески Бостанкумы, мы к полудню вышли на каменисто-глинистую степную равнину с редкой полынью. По дороге встречались всё те же жаворонки (малый, серый, двупятнистый, рогатый и хохлатый) а также каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), которой здесь оказалось немало. Лишь в песках попалась группа из 5 зелёных щурок (*Merops superciliosus=persicus*) да одиночный чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*). На первой же короткой остановке в степи близ с. Сазды бросились в глаза термитники – до 1 м высотой земляные «столбики». На одном из них грелась на солнце крупная степная агама (*Agama sanguinolenta*). Полная экзотика!

Из скважины Аусары, около которой мы остановились пообедать, вытекала целая река, залившая водой огромный сор, длиной около километра. На берегах и на воде этого временного водоёма за час, потраченный на обед, мы видели довольно много птиц: две пары морских зуйков (*Charadrius alexandrinus*), по паре ходулочников (*Himantopus himantopus*) и огарей (*Tadorna ferruginea*), группу из 6 круглоносых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*), а также несколько грязовиков (*Limicola falcinellus*) и краснозобиков (*Calidris ferruginea*). Над водой кормилась пара береговых ласточек (*Riparia riparia*), а к берегу на водопой прилетел чернобрюхий рябок. Здесь же запела жаба (*Bufo viridis*)!

Миновав покрытую боялычем (*Salsola arbuscula*) равнину и небольшие песочки, мы вышли к скважине перед белым чинком, который назывался Каскыржол (волчья дорога); по пути встретили только одного джейрана (*Gazella subgutturosa*) и такого же одиночного самца сайгака (*Saiga tatarica*). Зато в юго-восточных подножьях Каратау, где мы в 18 час сделали короткую остановку, мы видели двух одиночных самок джейрана, маячивших на пологих склонах – явно стороживших своих запрятанных «чебышат», а в отдалении три джейранихи паслись даже среди верблюдов. Здесь пологий каменистый предгорный шлейф зарос кустиками боялыча и курчавки (*Atraphaxis* sp.), наполовину занесенными песком и с верхушками, объеденными скотом. Из птиц здесь преобладали серые и двупятнистые жаворонки в соотношении 17:24, нередки были плешанки, плясуньи и желчные овсянки. Высоко в небе летал молодой беркут (*Aquila chrysaëtus*). Интересную информацию об орлах сообщил мне здесь В.Г. Ракитин. Кроме беркута, по словам чабанов, здесь обитает и могильник, или каракус (*Aquila*

heliaca), которого они называют «екінші бұркіт» (второстепенный беркут). В отличие от настоящего беркута он не годится как ловчая птица, и они его отстреливают (!). Зачем – Ракитин не знал.

Стали на ночь мы в 20 час среди камней у самой вершины пологого хребта. Здесь допоздна пели двупятнистые жаворонки – среди голых камней и полыни (!), меньше было рогатых жаворонков, которым здесь – самое место. На кустиках пели желчные овсянки.

Горы здесь сглаженные, автомобильная дорога проходит по понижениям самого хребта, петляя между крупными каменными обнажениями. Щебенистая поверхность поросла довольно высокими, до полуметра, темнозелёными кустами боялыча, не менее густыми, чем на Байгоре или Джамбулгоре. Выше боялыч уступает место низкорослой полыни, растущей отдельными кустиками. На дне долинки в месте нашей ночёвки – полоса чия (*Lasiagrostis splendens*) и какие-то кусты высотой до 2 м. Камни на склоне на 100% обросли лишайниками, придающими всему склону серый вид. Везде – следы перевыпаса, масса помёта, да и самого скота предостаточно: лошади, коровы, верблюды. Однако, несмотря на это, здесь немало муфлонов (*Ovis orientalis*) – за утро насчитали 15 самцов и 9 самок; внизу по подножью – джейран (*Gazella subgutturosa*), а рано утром в одном месте меня долго облаивала лиса (*Vulpes vulpes*) – видимо, рядом было логово.

Население птиц уже отличалось от предыдущих мест: много кекликов (*Alectoris chukar*), розовые скворцы (*Pastor roseus*), плешанки (*Oenanthe pleschanka*), каменные воробьи (*Petronia petronia*), славки-завирушки (*Sylvia curruca*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*); но и жаворонков немало, особенно двупятнистых (*Melanocorypha bimaculata*) и рогатых (*Eremophilla alpestris*).

Около полудня 17 мая мы направились дальше на запад-северо-запад и через полчаса спустились с гор на центральную усадьбу совхоза «Комсомольский» (пос. Онды), расположенную на пухляке, заросшем солянками. Среди этой явной пустыни меня поразил старый абрикосовый сад с небольшим прудом (диаметром менее 100 м), на берегу которого стояла одинокая большая белая цапля (*Egretta alba*), а в воздухе летали чёрные и белобрюхие стрижи (*Apus apus, Apus melba*). Через 10 км, за селом Жармыш, снова начался подъем в горы, а наверху оказался лагерь талдыкурганских геологов, добытчиков горного хрусталя: пять фанерных кибиток, машина УАЗ-469 и гора высохших панцирей черепах (*Agrionemys horsfieldi*). Ракитин тут же приступил к исполнению своих инспекторских обязанностей и составил акт, а я по его просьбе сфотографировал это безобразие. Однако гораздо хуже, чем добыча черепах, был сам способ добычи хрусталя – методом взрывов, превращающих эту красоту в мелкие осколки. Один из таких осколков я взял на память, он и сейчас лежит в моём кабинете вместе с камнями из Бетпак-Далы и Джунгарии.

После длительных объяснений с геологами мы направились дальше по верху, по щебнистым всхолмлениям с редкой полынкой и хилым боялычем. Везде преобладали жаворонки – двупятнистый и малые (*Calandrella cinerea* + *Calandrella pispoletta*). После обеда у подножия гор мы вышли на трассу и, мино-

вав сёла Аулсары и Шетпе, приблизились к горе Айракты и Жаман Айракты, здесь же слева – гора Ширкала. Миновав сор Ир, мы вышли на край гор Актау и здесь, на перемычке между Актау и Каратау, мы остались на ночь, устроив засидку на браконьеров, преследующих здесь джейранов на сорах. Эти ночные бдения были насыщены разговорами, но браконьеров мы не видели. Вспоминая прошедший день, я старался записать хотя бы самое интересное из виденного: например, как пустельга (*Falco tinnunculus*) лакомилась раздавленной на шоссе черепахой, то и дело взлетая от проходящих автомашин; или как уже после заката совершал брачный полёт чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*), издающий при этом особый крик «коу».

Утром 18 мая у подножья горы Айракты встретили одного джейрана и летающего беркута. Место очень живописное: косо поставленные пласты скал, повороты узкого ущелья временами напоминают каменный мешок. Дорога долго идёт по дну ущелья шириной 20-30 м, затем оно сужается до 1-2 м и занято полоской цветущего боярышника (*Crataegus* sp.) высотой 5-6 м, издающего дурманящий запах. Здесь же – несколько старых деревьев ивы высотой более 15 м! Здесь Ракитин остановился для текущего ремонта машины, а я использовал эту остановку для экскурсии по ущелью. Оказалось, что по дну ущелья протекает скрытый кустами ручеёк и местами имеются куртины тростника.

Трёхчасовая экскурсия по ущелью показала, что население птиц здесь такое же, как и в других местах, разве что гораздо чаще встречались малые бормотушки (*Hippolais caligata*), распевающие почти на каждом кустике. Через Шетпе мы прошли без остановки, а за р. Акэспе свернули с асфальта к егерю Актау-Бузачинского заказника Аманжолову Шыргышпаю. Здесь же был старший егерь Меделбай Адыров.

По их рассказам, джейрана здесь немало. Так, 8 июля 1989 г. на побережье моря за Турлепом они видели на солонце около тысячи (!) джейранов; были там и сайгаки, но немного и маленькими группами. Джеков (*Chlamydotis undulata*) в заказнике не менее 20 пар, а больших дроф, дудаков (*Otis tarda*), видели только на пролёте около Керегемолла (северо-восточнее Кияктов) в мае 1989 года; местность там – помесь песков с солонцами, поросшими редкой полынью с ковылём. Кеклики (*Alectoris chukar*) живут в песках повсеместно, особенно в районе Красный Долгинец (там был рыбачий посёлок того же названия ещё до революции!). Рядом – море и пресная вода. Сейчас пески эти окружены морем, а посередине их есть пресная вода – всего полметра от поверхности. А в заливе Актумсык, севернее Красного Долгинца, большие скопления фламинго (*Phoenicopterus roseus*). По словам Аманжолова, есть они там и сейчас. В феврале 1990 г. они насчитали в заказнике в разных местах 146 муфлонов и 45 джейранов. А ещё меня заинтересовали их слова о том, что беркута (*Aquila chrysaëtus*) здесь мало, а вот могильника (*Aquila heliaca*) много – иногда даже невозможно сосчитать в полёте; гнездятся они на скалах.

Оба егеря в один голос утверждали, что главный враг дичи в их условиях – мотоциклист! А ещё необходимо убрать пустующие зимовки, дающие приют браконьерам. Но главное – надо преобразовать Актау-Бузачинский заказник в

заповедник! И это говорили егеря, а не какие-то городские зоологи, которых можно было бы обвинить в теоретизировании… Тут я вспомнил рассказы Володи Мурзова о том, как в этом заказнике во-всю отстреливали куланов сразу же после их выпуска. Стыдно и больно было слышать, как оба егеря просили передать в Алма-Ату «привет» большому начальнику Савинову, который при американских туристах-охотниках обещался построить здесь два жилых дома, но егерь Аманжолов с большой семьёй и маленькими детьми до сих пор живёт в землянке… При этом я чувствовал себя причастным к тем столичным штучкам-обещателям, которые тут же забывают о своих обещаниях. Привет от Аманжолова я передал по адресу, но не думаю, что это возымело хоть какое-то действие и имело свои последствия…

Проделав 15-км маршрут по территории заказника от кордона к морю, мы убедились в том, что рассказы егерей о богатстве зверем – не вымысел: в предвечернее время на этом расстоянии мы насчитали 29 муфлонов и 9 джейранов. Пеший маршрут по «речке», от которой остались только отдельные бочаги, подарил мне встречу с ходулочниками (*Himantopus himantopus*), парой малых зуйков (*Charadrius dubius*) и даже серой цаплей (*Ardea cinerea*). Здесь же были кеклики, пустельги и жаворонки. Около 20 час проехали мы удивительно загаженный посёлок Таучик и к полуночи приехали в город Шевченко.

В последний день, 19 мая, с утра мы съездили во впадину Карагие и на озеро Караколь. Во впадине (глубина – 132 м ниже уровня моря) было много каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*), немного меньше – каменных воробьёв (*Petronia petronia*), а по километровым столбикам вдоль шоссе гнездились индийские воробьи (*Passer indicus*). Встретили мы здесь также трёх чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) и одного курганника (*Buteo rufinus*). На искусственном водоёме Караколь, образовавшемся от термальных вод атомного опреснителя, видели большую колонию речных крачек (*Sterna hirundo*), около 25 лебедей-шипунов (*Cygnus olor*) и 8 больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*). Зимой тут фауна намного богаче – кроме большого числа уток и лебедей, здесь проводят часть зимы фламинго (*Phoenicopterus roseus*). Даже султанку (*Porphyrio porphyrio*) здесь добыл В.Г. Ракитин именно в зимнее время.

К обеду мы вернулись в город, познакомились в госохотинспекции с её начальником Онгарбаем Шандыгереевичем Кадановым, побеседовали на темы охраны и учёта фауны. А вечером я улетел в Алма-Ату. Провожали меня своим «хохотом» египетские и кольчатые горлицы (*Streptopelia senegalensis, Streptopelia decaocto*), которые, по словам Ракитина, жили здесь всегда…

Всего за 26 дней экспедиции на автомарщруте 1870 км мне посчастливилось наблюдать более ста видов птиц, среди которых были и такие, которых ни до того, ни после этого мне встречать больше не приходилось. А что касается красот Устюрта, его «лунных» ландшафтов, то они остались в памяти навсегда.

Вот на этой высокой ноте и хотелось бы мне закончить рассказ об устюртской экспедиции, если бы не одно «но» – та самая ложка дёгтя, которая так часто всё портит. Прилетев в Алма-Ату, я пришёл на работу в институт, чтобы доложиться начальству, что я прибыл во-время, как было велено. Но секретарь, отмечавшая

мне командировочное удостоверение, сказала, что Анатолия Михайловича Дубицкого, нашего директора, сейчас в Казахстане нет – он где-то за границей… Это была даже не ложка, а целая бочка, и не дёгтя, а чего-то явно похуже! Значит, мой досрочный приезд никому не нужен, и я мог бы сейчас спокойно продолжать путь по Северному Устюрту и вокруг Аральского моря!!! Эта неоправданная перестраховка трусливого начальства испортила всё настроение…

Сериал Би-Би-Си «В гостях у русского медведя» (1989-1990)

Весной 1990 года в Казахстане начались съемки 6-серийного фильма о природе и животном мире Советского Союза под рабочим названием «Дикая Россия» (потом его заменили на окончательное – «В гостях у русского медведя»). Этому предшествовал приезд в Алма-Ату осенью 1989 г. двух представителей компании Би-Би-Си – продюссера Джона Спаркса и режиссёра Пелхама Олдриджа, известных своими съемками фильмов знаменитого Дэвида Эттенборо о природе разных континентов. Приехав в Алма-Ату, они пригласили в гостиницу нас с Эдуардом Гавриловым – познакомиться и обсудить сценарий будущего фильма о природе гор. Показали нам первый план сценария, где фигурировал в основном Кавказ (!). Пришлось долго убеждать их, что Тянь-Шань и Памир лучше, что они более точно отражают природу азиатских гор, и что именно здесь находится наибольшее число уникальных животных.

После первой встречи Эдик больше не появился – то ли его это по-настоящему не заинтересовало, то ли у него были дела поважнее. Как бы то ни было, проект плана сценария на вторую встречу принёс я – и у нас начались конкретно-деловые беседы на эту тему, вплоть до того, в каких хребтах и ущельях проводить съемки, в какие месяцы и т.д. Конечно же, я предложил Аксу-Джабаглы как эталон природы Западного Тянь-Шаня и Заилийский Азатау (Большое Алматинское ущелье) как эталон природы Северного Тянь-Шаня. Здесь же состоялось их знакомство со Славой Беляловым, автором целого ряда фильмов о горах Казахстана и владельцем уже готовых уникальных сюжетов о редких и малоизученных птицах и млекопитающих. Чтобы обеспечить съемки Памира и птиц, обитающих только там (горный гусь, тибетская саджа, буроголовая чайка и др.), я дал им некоторые таджикские адреса, а для съёмок Копетдага – адреса ашхабадских зоологов. Одним словом, дело было запущено и даже составлен и подписан контракт на консультирование фильма. При этом, благодаря совету Славы и Олега Беляловых, я предложил включить в него расчёт не деньгами (с валютой тогда были большие проблемы), а фотоаппаратурой, в частности, – фотоаппаратом «Canon» и объективами к нему, на что они охотно согласились.

В апреле 1990 г. Джон и Пелхам приехали уже со своими помощниками, а главное – с лендровером, на котором будут разъезжать по местам съемки фильма. Новенький с виду (но уже после капитального ремонта) лендровер всем нам понравился и первый выезд на нём решили сделать в Малое Алматинское ущелье – на Медео и Чимбулак. Помимо хозяев поехали мы со Славой Беляловым. Каково же было наше удивление (если говорить начистоту, то разочарова-

ние), когда на полпути до Медео мотор машины закипел! Слава сразу же вслух усомнился в пригодности этой машины и, пока мы останавливались на полчаса, чтобы дать мотору остыть, на эту темы было сказано немало. Однако, как выяснилось, конфуз этот был связан с тем, что машина ещё не прошла обкатку после ремонта, а в дальнейшем она вела себя безотказно. Первым местом для съёмок был выбран Аксу-Джабаглы. Там они были начаты в мае, во время моего пребывания на Устюрте, о чём мне сообщил письмом Володя Колбинцев, уже работавший в заповеднике.

Поэтому, вернувшись из экспедиции, я постарался в ближайшее время оказаться на месте съемок и 29 мая выехал в заповедник. В Новониколаевке мне рассказали, что съёмочная группа первоначально базировалась в домике Тризны в Кши-Каинды, где им повезло со съёмками медведей (*Ursus arctos isabelinus*), а потом планировала перебраться дальше вглубь территории – на Кызольгенколь, Каскабулак и Айнаколь. Полюбовавшись в селе на кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*), которых при мне здесь ещё не было, и съездив с Евгением Михайловичем Белоусовым (в то время уже директором заповедника) в Чимкент за материалами для создаваемого им в заповеднике Музея природы, я только утром 1 июня вместе с Леной Чаликовой отправился в горы к съёмочной группе.

Добравшись на машине до кордона Джабаглы, мы пешком пришли в Кши-Каинды (все лошади заповедника были в горах). В Кши-Каинды мы застали только лендровер и оператора Фергуса с молодой женой Алекс. Остальные, в том числе В.Г. Колбинцев и егерь Андрей Канахин, верхом на лошадях перебрались на озеро Кызольгенколь. Пришлось пешком идти в Улькен-Каинды, где стояла лесоустроительная партия. Там на новой полевой базе (построенной уже после меня директором заповедника А. Одинцовым, трагически погибшим здесь) мы познакомились с почвоведом Маратом Шайдуловичем Ишанкуловым и ботаником Николаем Ивановичем Мосейченко – участниками экспедиционного отряда Казгипрозема, проводившими очередное лесоустройство территории заповедника. Они поведали, что Канахин с англичанами два дня назад ушли на озеро Айнаколь, после чего собирались дальше – в верховья Джабаглы. До Айнаколя можно было добраться верхом за 2-3 часа – и мы с Леной Чаликовой, не мешкая, верхом отправились туда. За коновода с нами отправился молодой парень-казах по имени Бахыт, который оказался сыном моего старого знакомого Джолчубека! Был уже полдень, когда мы приехали на старую знакомую площадку в Кызольгенколе, где 30 лет назад нашу с Иваном и Абдуллой палатку разорил медведь, но нашли здесь только следы пребывания людей и лошадей. Такое в мои планы не входило – у нас с Леной не было палатки, одни только спальные мешки (у Бахыта вообще ничего не было), а вести поиски на Каскабулаке или ещё дальше светлого времени суток оставалось уже в обрез. Тем не менее, пришлось ехать дальше, надеясь до темноты застать их хоть на Айнаколе.

Странное, какое-то ликующее настроение вызвала у меня эта гонка за призрачной киногруппой. Здесь было всё: и радость возвращения в любимые места, и давно забытая верховая езда (впервые после поломки 1968 года!), и само великолепие гор после почти месячной поездки по пустыням Устюрта, и пред-

стоящая захватывающая работа с «киношниками». Поражало очень большое количество снега: все мало-мальски вогнутые участки рельефа (особенно долинки стекающих с крутых склонов ручейков) были занесены плотным снегом, в котором лошади через шаг проваливались, что замедляло и усложняло наше передвижение. Но и это не могло повлиять на прекрасное настроение.

Однако когда мы с последнего перевальчика не увидели палаток на берегах крошечного озерка Айнаколь, я начал трезветь: ведь до верховьев Джабаглы еще не менее 2-3 часов, а где они могли там остановиться – одному Богу известно! Более того, Андрей Канахин, натура чрезвычайно деятельная (я не мог смотреть без содрогания, как он ходит в горах босиком по камням!), мог изменить свое первоначальное решение и утащить своих спутников дальше – на Топшаксаз или даже в Аксай (в погоне за архарами). Ясно было, что мы проиграли и группу нам не догнать. Однако скорее из упрямства, чем по велению здравого смысла, я решил проехать ещё немного вперёд – до Саркрамы: авось они поставили палатки на полянке среди зарослей стелющейся арчи у солонца?! Но и там было пусто, а когда мы подъехали к спуску в глубокое ущельице, на дне которого бесновалась белая от пены Саркрама (в переводе – шумная), то решение оставалось одно – повернуть назад и поскорее ехать в сторону солнца, уже клонившегося к закату. Дорогой встретили трёх архаров, кабана и двух волков. Темнота застала нас на Кызольгенколе, и последний час до Улькен-Каинды мы ехали, доверившись лошадям, т.е. бросив поводья…

На второй день в Кши-Каинды, где Фергус уже закончил свои съёмки и к обеду вернулся из Новониколаевки, мы сели в лендровер и, не останавливаясь в Новониколаевке (!) и даже в каньоне Аксу (!), через два с половиной часа были уже на кордоне Дарбаза!!! Если бы мне кто-то сказал лет двадцать назад, что такое возможно, я бы не поверил. Даже на грузовой машине пришлось бы заночевать – если не на кордоне Аксу, то хотя бы в селе Советское на том берегу каньона. Лендровер, свершивший такое чудо, теперь вызывал у меня очень глубокое уважение. Фантастика!.. Помню, как на пыльной дороге перед Раевкой нас пытался обогнать старый УАЗ'ик. Кивнув в его сторону, Фергус улыбнулся, сказал: «Рашен лендровер – дудудуду» и, добавив газу, мягко обошёл его за пять минут. Оказалось, что в Дарбазе река Большой Балдабрек вышла из берегов и залила всю дорогу в самих «воротах» и перед ними. Пришлось разворачиваться и ехать в Чуулдак.

В Чуулдаке всё было по-прежнему, только некоторые деревья арчи стояли с необычно побуревшими кронами – последствия разовых аварийных химических выбросов Чимкентского фосфорного завода. И тюльпаны Грейга цвели чрезвычайно поздно – ещё в первых числах июня! Обычно время их цветения – с конца апреля до середины мая. Очень приятно было снова встретиться с рыжешейной синицей (*Parus rufonuchalis*) и соловьём-белошейкой (*Irania gutturalis*), для съёмок которых и приехали мы сюда с англичанами. Экскурсия по арчевникам 3 июня показала, что основу их птичьего населения сейчас составляют два вида овсянок – желчная (*Emberiza bruniceps*) и горная (*Emberiza cia*), а бывшая 20 лет назад многочисленной певчая славка (*Sylvia hortensis*) стала

редкой: первого поющего самца я встретил лишь после трёх часов экскурсии! Немногочисленной была и горная славка (*Sylvia althaea*). Зато сорок (*Pica pica*) и чёрных ворон (*Corvus corone orientalis*) стало гораздо больше, чем раньше, в 60-е гг.

В тот же день, оставив в Чуулдакке около найденных гнёзд Лену Чаликову, мы уехали в Новониколаевку, до которой тоже добрались всего за 2 часа 15 мин ($12^{-30} – 14^{-45}$)! Здесь уже была основная съёмочная группа, которую мы так безуспешно догоняли два дня назад: первый оператор Джеф Гудман, администратор Сергей и переводчица Таня. Прояснили ближайшие планы группы: сегодня-завтра они снимают кабанов; 5 июня выезжают в Аксу снимать медведицу с медвежонком, а оттуда направляются в Чуулдак для съёмки рыжешейной синицы и соловья-белошейки. Всё это надо успеть сделать до отъезда Джефа – 21 июня. А 6 июня здесь будет Пелхам Олдридж.

*****

С 6 по 10 июля мы повторили аэровизуальный учет серпоклюва, на сей раз – в хребтах Кетмень, Джунгарский Алатау и отрогах Терскей-Алатау. В учёте, кроме меня, участвовали: Борис Губин, Федя Карпов, Рудольф Кубыкин и Виктория Ковшарь. В этот раз мы обнаружили хорошую популяцию этого кулика в истоках реки Чулкудысу между хребтами Кетмень и Каратау (больше 20 пар) и не обнаружили его в западной части Джунгарского Алатау. Этот полёт дался мне с большим трудом: впервые в вертолёте МИ-8 меня так укачало, что я вынужден был пару часов отлёживаться в аэропорту города Талды-Курган. На обратном пути над Сюгатинской долиной я обратил внимание на то, как интенсивно изрыта она норами краснохвостой песчанки (*Meriones libycus*).

Учёт сурка Мензбира в горах Каржантау (июль 1990)

Уже через две недели, 25 июля, мы с Костей Плаховым и его любимым Снабом выехали на учёт сурка Мензбира (*Marmota menzbieri*) в хребет Каржантау (Западный Тянь-Шань). С нами поехала моя младшая дочь Ира, у которой как раз были летние каникулы после 10 класса и сдачи вступительных экзаменов на биофак КазГУ. В этот раз мы выехали поездом до Тюлькубаса, а в заповеднике Аксу-Джабаглы арендовали автомашину ГАЗ-66 с водителем Виктором Вайсбеккером, там же к нам присоединились Володя Колбинцев, инженер охраны заповедника Иван Олонцев, егерь Андрей Канахин с кавказской овчаркой и энтомолог заповедника Юра Бескокотов, который ехал только до Ленгера. Вот такой компанией выехали мы 27 июля из заповедника через с. Советское и посёлок горняков Ленгер к северным подножьям Каржантау. Я давно мечтал увидеть этого сурка – узкого эндемика Западного Тянь-Шаня. Остатки его ареала сохранились только в этом углу Западного Тянь-Шаня – на границе трёх республик Средней Азии. Но если в двух соседних его всё-таки охраняли (в Узбекистане – в Чаткальском заповеднике; в Киргизии – в Бешаральском), то у нас эти сур-

ки обитали за пределами заповедной территории. Ещё в 1943 году зоолог заповедника Павел Алексеевич Янушко сделал попытку переселения небольшой группы зверьков на северную, джабаглинскую, половину заповедника, однако они там не прижились, и мы в 60-х гг. напрасно искали их среди живущих здесь длиннохвостых, или красных сурков (*Marmota caudata*).

Миновав после Ленгера сёла Первомаевка и Кызыл-Аскер, мы только к 16 часам (ГАЗ-66 – не лендровер!) достигли турбазы «Южная» и на берегу р. Бадам остановились делать тормоза. Наверх поднялись только в 20 часов и стали искать место для ночёвки среди сплошного антропогена: посевы, стерня, чабаны… Единственная интересная встреча – змееяд (*Circaëtus gallicus*), летящий со змеёй в лапах. Дальше дороги для машины нет, поэтому решили, что утром Витя с Андреем поедут искать лошадей, которых можно арендовать, а мы устроим обширную пешую экскурсию.

Утром 28 июля на экскурсии к Улачурту при ясной погоде опять встретили змееяда, а также курганника (*Buteo rufinus*), стервятника (*Neophron percnopterus*) и бородача (*Gypaetus barbatus*). Здесь же, на каменисто-щебенистых участках степи, было немало выводков обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*) и выводок из 4 птенцов ворона (*Corvus corax*), рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris albigula*) с кормом для птенцов; а на высоте 2400 м удалось поймать небольшого щитомордника (*Agkistrodon halys*). Сурков за пол-дня так и не встретили, натыкались только на старые, нежилые норы. После обеда у юрты в урочище Кумгезён продолжили поиски и в 15 час услышали первый крик сурка Мензбира с противоположного склона крутого сая, где оказались три небольшие колонии – 7, 6 и 8 нор.

Этот каменистый склон порос кузинией, зверобоем (*Hypericun scabrum*) и звездчаткой (*Stellaria* sp.), а на дне сая – небольшие роднички с зарослями бузульника (*Ligularia macrophylla*). Из птиц здесь я снова встретил стервятника, только на этот раз молодого, с пёстрым брюхом; высоко в небе – трёх бородачей (один рыжий и два тёмных – видимо, молодые), а также 5 чёрных грифов (*Aegypius monachus*) и 4 белоголовых сипа (*Gyps fulvus*). Такое количество пернатых падальщиков – первый признак большого количества скота (богатой кормовой базы). В лагерь вернулись только к закату, Виктора с Андреем ещё не было. Только ночью вернулся Виктор без лошадей и без Андрея!..

Утро 29 июля «порадовало» нас сплошным туманом над всей низиной, начавшимся ещё вчера вечером. Зато у нас, наверху, абсолютно ясная штилевая погода, а в 9 часов – уже жарко. Я после вчерашнего дневного похода был полностью разбит и вынужден был отлёживаться до 12 часов: впервые за все годы работы в высокогорье я почувствовал, что у меня есть сердце! Это было настолько непривычно, что я совсем скис и не мог себе представить, как буду работать здесь дальше. Ребята всячески успокаивали меня и в один голос требовали лежать, пока они занимаются организационными вопросами.

А вопрос был серьёзный: как нам дальше работать без транспорта?.. Иван Олонцев договорился с соседним чабаном Джаныспеком на хитрый «товарообмен»: мы ему даём свою машину на два часа для поездки в село Угам, а он

отвезёт наш груз на двух лошадях в Уличур. Для этого пришлось жестко рассортировать наш груз, предназначавшийся для машины. С собой надо было взять только самое необходимое, а всё прочее оставить в машине, которая будет здесь дожидаться нашего возвращения. Положение осложнилось ещё тем, что пока мы сортировали своё имущество, две лошади превратились в трёх ишаков! Выбора у нас не было – пришлось согласиться. Все эти сборы длились 4 часа, и всё это время я лежал бревном с высокой температурой и предельной слабостью. Володя Колбинцев за это время успел увидеть около нашей стоянки скалистого поползня (*Sitta* tephronota), славку-завирушку (*Sylvia curruca*) и соловья белошейку (*Irania gutturalis*), а также первую стаю из 34 золотистых щурок (*Merops apiaster*) – явного предвестника осени в наших горах.

Выступили мы только в 18 час и расстояние в 10 км до урочища Мечитас (0.5 км от Кши-Журта) преодолели за 4 часа, прибыв туда уже в сумерках, причём большую часть пути я ехал на ишаке. Тем не менее, температура и слабость оставались прежними, и я сразу же завалился спать – даже ужинать был не в состоянии. Утро 30 июня принесло не только ясную штилевую погоду, но для меня лично – и выздоровление. Стараясь не вспоминать о вчерашнем, я рьяно взялся за поиски колоний сурков.

Место нашей стоянки представляло собой доволно глубокую и широкую котловину, склоны её в основном травянистые, с выходами камней и фирновыми (снежными) пятнами, среди которых попадались и довольно обширные снежные поля. Растительность – сплошной ковёр, выгрызенный скотом под корень (высота оставшихся растений 1-2 см); основа её – остролодочник (*Oxytropis* sp.), лапчатка (*Potentilla* sp.), первоцвет (*Primula* sp.), цветущий бесстебельный одуванчик (*Taraxacum* sp.). В такой обстановке на участке склона западной экспозиции, крутизной 35-40°, я за первый же час наблюдений насчитал 40 нор, которые постарался подробно описать и нанести схематически на бумагу (рис. 80). Работа эта увлекательная, и вскоре я нашёл и описал вторую такую же площадку, затем третью, четвёртую… и так 6 площадок за день. Костя в это время проводил маршрутный учёт нор и самих сурков, используя своего друга Снаба для распознавания – жилая или нежилая нора, а также для выяснения – к одной или разным семьям принадлежат встреченные им сурки. Через год результаты этих учётов мы опубликовали в совместной статье (Плахов, Ковшарь, 1991), где основной вывод выглядит следующим образом: «На участке площадью 16 км^2 (урочища Кумгезен, Мечитас, Кшижурт и Улыжурт) численность сурка Мензбира определена в 1300-1500 зверьков. Средняя плотность населения сурков на этом участке составила 81.3-93.8 особи на 1 км^2, достигая на северном и северо-западном склонах Улыжурта (0.7 км^2) 450 и даже 1600 зверьков на 1 км^2. Средний размер семьи (по наблюдениям на учётных площадках) 4-5, в среднем 4.5 сурков (n=31). Среди достоверно отличимых нор на 532 жилых – 977 нежилых…» (Плахов, Ковшарь, 1991, с. 314). Далее на этой же странице мы дали оценку степени антропогенного воздействия на сурка Мензбира в обследованном нами районе:

«Места обитания сурка Мензбира находятся под мощным антропогенным прессом (в основном это выпас домашнего скота). На исследованном участке площадью 16 км^2 в конце июля 1990 г. выпасалось 16 укрупненных овечьих отар, что вместе с козами,

Рис. 80. Странички из полевого дневника. Каржантау, июль 1990 г.
Учёт сурка Мензбира (чёрным обозначены пятна снега).

коровами, лошадьми и овцами, принадлежащими чабанам, составляет около 20 тыс. голов. Столь массированный выпас приводит к почти полному стравливанию пастбищной растительности (высота травостоя здесь не превышает 3 см). Не менее 50 чабанских собак на этот же район являются другим значительным фактором сокращения численности сурков. Не улучшает состояние популяции и уничтожение зверьков человеком – отлов их капканами, петлями, заострёнными стержнями, выливание водой с помощью канавок, прокладываемых от расположенных выше снежников, отстрел (все 4 дня работ мы слышали ежедневно по 2-6 выстрелов в различных участках района, а у нор часто находили стреляные гильзы 12-16-го калибров). С окончанием линьки, перед залеганием сурков в спячку, здесь появляются еще и браконьеры-промысловики, изымающие основную массу сурков. Так, например, весной 1988 г. инженер по охране заповедника Аксу-Джабаглы И. Олонцев только на одном склоне ур. Мечитас снял с нор сурков 300 проволочных петель, поставленных браконьером» (Плахов, Ковшарь, 1991, с. 314).

Один из таких браконьеров-промысловиков, хорошо известный в этих местах Игорь Сенченко, житель села Первомайка, последние 20 лет проводит здесь, в горах, и за это время «обработал» не одну тысячу сурков. По его словам, главный враг сурка Мензбира – овцы, отары которых увеличились в последние годы до тысячи голов в одной. Заняв Колбинцеву и Вайсбеккеру свой бензиновый «шмель», чтобы вскипятили чайку (с дровами здесь действительно плохо), Игорь спокойно рассказывал о своём видении проблемы сурка: «Главная опасность от сурка для овец – аскариды, круглые длинные глисты, которые встречаются в кишечнике каждого третьего сурка; поэтому попадаются активно бегающие по снегу сурки даже в октябре, хотя нормально сурок залегает в спячку к сентябрю. Выходит из линьки сурок к 5 августа. К этому времени чабаны в основном уже уходят, и на смену им приходят настоящие профессионалы-промысловики» (вроде него, Игоря Сенченко). Этот рассказ я записал 30 июля в Мечитасе, когда ночевали под открытым небом, не ставя палаток в виду хорошей сухой погоды.

За птицами в эту поездку мне приходилось наблюдать *попутно* (!), поскольку главной целью был учёт сурка. Богатство птицами-падальщиками мы наблюда-

ли все 4 дня пребывания здесь. Не раз мне приходилось видеть, как несколько сипов или грифов всё время кружат высоко в небе над местами, где кормятся отары. В Улыжурте наличие скал сопровождалось разнообразием высокогорных петрофилов. Так, однажды мы встретили стаю альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*), в другом месте пара клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) носила корм в гнездо, расположенное в трещине скалы; в третьем, также в трещине скалы, но в полуметре от земли, Ира обнаружила гнездо горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*) с одним мёртвым птенцом в пеньках. Были здесь два вида каменок – обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*) и плясунья (*Oenanthe isabellina*), гималайский вьюрок (*Leucosticte nemoricola*) и каменный воробей (*Petronia petronia*), пролетали королевский вьюрок (*Serinus pusillus*) и коноплянка (*Acanthis cannabina*). Но самой интересной для меня была встреча с тонкоклювым жаворонокм (*Calandrella acutirostris*): самец пел на каменистом северном склоне, песенка короткая и мелодичная, а позывка – «чирли» – как у *Calandrella cinerea*. Встреча эта в Улыжурте в полдень 1 августа была последней, так как через час мы покинули эти благословенные места и в половине двенадцатого ночи были уже в Новониколаевке. Несмотря на усталость, до двух часов ночи была жаркая банька у Вани и Ани Олонцевых, и только после неё – мертвецкий сон во дворе под виноградом...

На второй день мы всё-таки поднялись в Кши-Каинды, где переночевали в домике Тризны. Ира с Аней Олонцевой с утра «сбегали» на перевал (3100 м), где у Ани была фенологическая площадка, и попутно видели там трёх медведей. Я же наслаждался давно не виденными каиндинскими арчевниками и отдыхал душой и телом. Только вечером 3-го августа мы поездом уехали в Алма-Ату. Так закончилась эта короткая, но яркая поездка.

Первая поездка на Космодром Байконур (сентябрь 1990)

В начале сентября, как только в Правительстве Казахстана стал обсуждаться вопрос о космодроме Байконур – в плане экологической обстановки вокруг него – Академия наук республики тут же создала специальную научную комиссию по проверке деятельности этого знаменитого полигона. Комиссия состояла из 6 человек: член-корр. АН КазССР известный врач-педиатр Ормантаев Камал Серуарович (председатель), профессор Рахимбаев Избасар Рахимбаевич (директор Главного ботанического сада АН КазССР), профессор-альголог Таубаев Туркменбай Таубаевич (Институт ботаники), доктор биол. наук А.Ф. Ковшарь (Институт зоологии), кандидат физико-математических наук Мухамедгалиев Арыстан Фазылович (Институт математики), кандидат географических наук Жамалбеков Есбол Усіпбекович (Институт почвоведения). Не вводя особо в курс целей и задач, нас срочно 11 сентября отправили поездом в город Ленинск (станция Тюратам на Сырдарье), сказав, что все объяснения мы получим на месте от председателя комиссии. Каково же было моё удивление, когда на «вводной» в Ленинске стало ясно, что от нас ждут в основном негатив – и чем больше, тем лучше! От руководства космодромом в состав комиссии включили двух пол-

ковников – Копинос Евгений Федорович и Петров Константин Павлович. При въезде в Ленинск я обратил внимание на строгость проверки документов, в том числе и специальных пропусков, в которых ***кроме дат*** были указаны даже часы пребывания каждого из нас в этом городе!

Сам городок произвёл очень хорошее впечатление: небольшой, спланированный хорошо, продуманно, опрятный и спокойный (при таком строгом режиме невозможно было никакое хулиганство). Приученные к условиям постоянного дефицита – и продуктов и промтоваров – члены комиссии первым делом кинулись по магазинам; мы с Арыстаном не стали исключением. Кстати, будучи сыном двух академиков-секретарей Отделения биологических наук АН КазССР – Фазыла Мухамедгалиевича Мухамедгалиева (директора Института экспериментальной биологии) и Нейли Уразгуловны Базановой (директора Института физиологии), Арыстан оказался очень контактным, простым и дружелюбным; мы быстро нашли с ним общий язык. Узнав, что мне дома наказали купить себе в Ленинске костюм, он вызвался помочь и оказался знающим консультантом – благодаря ему, я приобрёл, помимо костюма, ещё и демисезонное пальто-куртку, которая стала любимой сезонной одеждой на целых 20 лет!..

Работа в городе Ленинск, в штабе части, заставила меня по-новому взглянуть на высших офицеров Советской армии. В большинстве своём они оказались очень грамотными и высоко интеллигентными людьми, а оба наших полковника сразу завоевали мои симпатии – настолько не вязались они с укоренившимся представлением об офицерах-солдафонах. Чувствовалось, что для работы в **этой** части отбираются лучшие кадры. Конечно, ясно было и то, что все они не просто строевые офицеры, а специалисты в одной из областей технических наук. Очень хорошее впечатление произвёл и сам командир части генерал-лейтенант Крышко, принявший нас в своём удивительно скромном (как по размеру, так и по отсутствию лишней мебели) кабинете и предельно кратко и ясно определивший цели и задачи нашей предстоящей работы, несмотря на то, что она ему вряд ли была приятной.

По его распоряжению нам показали практически всё – от знаменитого Гагаринского старта, домика Гагарина и домика Королёва до огромных ангаров, где производится сборка знаменитой «Энергии» и других космических аппаратов, которые здесь скромно называют «изделие». И в каждом месте мы получали исчерпывающую информацию – сначала в виде обзорной лекции, а потом – ответов на вопросы. Видно было, что люди прекрасно знают своё дело, не имеют и тени сомнения в его важности и полезности и уверены в полном соблюдении экологической безопасности, а поэтому ничего не собираются скрывать от приехавшей комиссии. Попутные мои наблюдения за встреченными птицами не показывали разницы в составе авифауны космических объектов и соседних естественных ландшафтов между ними; не считая того, что в первых она была даже богаче за счёт птиц-синантропов, которых нет в окружающих степях.

Незабываемым стал ночной запуск ракеты, на котором мы присутствовали. По распоряжению генерала мне разрешили даже взять с собой фотоаппарат (жаль только, что он не научил меня, как ночью сделать качественный снимок!).

Наблюдали мы с какой-то крытой то ли веранды, то ли трибуны (забыл, как она у них называется), оборудованной специально для гостей – потом я не раз видел такие в фильмах о космонавтах. Словом, это недельное пребывание на космодроме дало мне массу впечатлений и убедило в том, что не всегда мы, так называемые «зелёные», правы, рассуждая о вредности запусков ракет.

Итогом нашего пребывания на Байконуре стал заключительный документ, основной смысл которого состоял в том, что необходимо тщательно и комплексно исследовать экологическую обстановку в регионе, включая сам город Ленинск и долину Сырдарьи на значительном протяжении нижнего течения реки. В последнем имелись в виду тотальное медицинское обследования населения (особенно детей), качества питьевой воды, зелёной зоны города и её сохранения (здесь много постарались К.С. Ормантаев и И.Р. Рахимбаев). Относительно естественных ландшафтов, прилегающих к территории космодрома, мы предложили программу их комплексного обследования почвоведами, ботаниками и зоологами на предмет выявления степени антропогенного влияния и выработки мер по его минимизации. Генерал Крышко, ознакомившись с этим документом, отнёсся к нему положительно, а относительно составленной нами предварительной сметы прямо заявил, что она занижена как минимум вдвое-втрое (ведь биологи привыкли всегда и на всём экономить!). Решено было представить это в надлежащие инстанции, начиная с Президиума Академии наук, и добиваться претворения этой программы в жизнь.

Однако, поскольку Е.В. Гвоздева на посту первого вице-президента Академии наук сменил академик Султангазин Умирзак Махмутович (глава казахстанских математиков и директор Института математики), в дальнейшем вся экологическая тематика отошла в ведение математиков – даже экологические семинары в Академии проводил лично сам У.М. Султангазин, ставший после смерти Мурата Абеновича Айтхожина президентом Академии. Он был искренне уверен, что только математическое моделирование может по-настоящему решить все экологические проблемы. Поэтому в обширной программе космических исследований, куда входили и работы по космодрому, нам, зоологам, места не нашлось – за исключением возможности дистанционного учёта из космоса сайгаков и других крупных млекопитающих. И только полтора десятилетия спустя, уже в XXI веке, к тематике по обследованию экологической обстановки в районе космодрома были допущены зоологи, в том числе орнитологи (от нас ездил Андрей Коваленко).

Всесоюзная конференция по заповедникам (Новгород, сентябрь 1990)

В сентябре того же года мне посчастливилось побывать в древнем Новгороде, где на базе местного пединститута проходила Вторая Всесоюзная конференция по заповедникам СССР. Как-то и в голову не могли прийти, что всего через год-два этой аббревиатуры уже не станет. Конференция была очень представительной – со всех концов огромной страны съехались представители заповедников – ботаники, географы, зоологи, директора и руководители научных

отделов. Тематика докладов была очень разнообразной, что видно и по тезисам конференции, изданным тремя книгами объемом свыше 970 страниц. Среди сотен этих докладов большинство было и чисто конкретных, типа кратких заметок по флоре, фауне или биологии отдельных видов растений и животных.

Меня после двух предыдущих конференций (Кара-Кала, 1984; Львов, 1989) всё больше занимали общие вопросы научных исследований в заповедниках. Поэтому я рискнул назвать свой доклад «Сочетание централизованного и регионального подходов в научной работе заповедников». Чтобы ясно было, о чём идёт речь, приведу тезисы своего доклада, которые опубликованы в первой книге трудов конференции.

«При всем разнообразии подходов к организации научной работы в заповедниках преобладают два основных: централизованный и региональный. Первый, уходящий своими корнями в охотоведческие традиции, исходит из представлений о заповеднике как частице единой системы природных территорий, охраняющих какой-то определенный ресурс – белку, соболя, лося и т. д. Отсюда – заманчивое стремление подчинить научную работу во всех заповедниках (по крайней мере на первых этапах) биологической съемке, проведенной по единой методике и направленной на тотальный учет того или иного ресурса в масштабах всей страны. С появлением современной вычислительной техники такой подход в крайнем своем выражении ведет к ориентации научных коллективов заповедников в основном на сбор первичного материала с последующей обработкой его в центральных научных учреждениях. Такая же тенденция прослеживается и в требованиях ограничить научную деятельность заповедников системными наблюдениями мониторингового характера по программе «Летописи природы». Такой подход в итоге ведёт к превращению научных сотрудников заповедников в сборщиков полевого материала, даже при гарантии их авторского права на данные.

Второй подход, последовательно разрабатываемый в последнее десятилетие в заповедниках Туркмении, имеет девиз: «Регион – для заповедника, заповедник – для региона». По мнению сторонников этого подхода, коль скоро каждый заповедник репрезентативен для определенного географического региона и служит его эталоном, то главной (в крайнем выражении – единственной) задачей его научной деятельности должно быть решение вопросов рационального природопользования *данного региона* – вплоть до провозглашения заповедника научным отделом районного агропромышленного объединения, как было в Сюнт-Хасардагском заповеднике в Западном Копетдаге. Настойчиво и плодотворно проводят в жизнь региональный принцип также сотрудники Капланкырского заповедника, добившиеся в этом направлении значительных успехов. Необходимость решения региональных проблем охраны природы совершенно очевидна. Роль здесь заповедников, располагающих научными кадрами (зачастую единственными в регионе), также не вызывает сомнений. Однако ограничивать научную деятельность заповедника выполнением *только* региональных задач принципиально неверно. Это, в конечном счете, ведет к мелкотемью, общему снижению уровня научной работы, выклиниванию её из общей системы научных исследований в заповедниках страны и превращению заповедника в простого исполнителя заказов *местных органов*.

Единственно верным, на мой взгляд, является разумное сочетание централизованного и регионального подходов. Организационно оно выражается в наличии двух разновидностей научной работы в заповеднике: научной тематики и научных мероприятий. Первое – это традиционные темы научной работы, имеющие определенный срок разработки, в течение которого должен быть решен тот или иной конкретный вопрос (естественно, в случае необходимости срок этот может быть продлен, но не бесконечно). Второе – это

постоянные наблюдения прежде всего по программе летописи природы, которые не могут иметь никакого срока окончания; даже с уходом с работы исполнителя того или иного раздела они не должны прекращаться, а должны переходить к другому исполнителю, ведущему близкий раздел. Вся ценность этих мониторинговых наблюдений – в их непрерывности. Из сказанного нетрудно видеть, что научное мероприятие «Летопись природы» по значимости не только не уступает научной тематике, но даже превосходит ее, находясь на первом месте в силу своего постоянства и обязательности выполнения. С течением времени, по мере накопления многолетних данных, летопись природы все больше способствует и успешному выполнению конкретных научных тем, являясь фундаментом для решения всех научных и практических вопросов охраны природы и рационального природопользования».

Перечитывая этот текст спустя 20 лет, я нахожу его актуальным и сейчас, в новых экономических и общественных условиях развивающегося в наших странах капитализма.

По традиции, как и всякая другая конференция, новгородская завершилась общей экскурсией. Но поскольку погода не позволяла выехать куда-нибудь на Валдайскую возвышенность, то ограничились поездкой в древний Псков, где все мы ощутили дыхание старины. Особенно впечатляли деревянные соборы и церкви, совсем не похожие на то, к чему мы привыкли на юге России и в Украине. А во время обеда, который состоялся в ресторане русской кухни, все с интересом отведали знаменитого сбитня и кулебяки. И, конечно же, каждый привёз домой хотя бы по одному валдайскому колокольчику с его удивительно чистым серебряным (малиновым) звоном.

«Редкие и малоизученные птицы Средней Азии» (Бухара, октябрь 1990)

Почти сразу же по возвращении из Новгорода я оказался в ещё более древней Бухаре – там проходила орнитологическая конференция под названием «Редкие и малоизученные птицы Средней Азии». После хмурого осеннего Новгорода, где дожди превратили все поля в сплошную акваторию (никогда не забуду реакцию на эти «моря» сотрудников Капланкырского заповедника: «Боже, сколько воды зря пропадает!..»), солнечная Бухара показалась чуть ли не раем, тем более, что изнурительной летней жары в октябре не было. Меня давно манил этот город, но до сих пор не было возможности познакомиться с ним. Кратковременное посещение в мае 1979 года по пути в Варданзинский заповедник было мимолётным, второе транзитное посещение в мае 1990 г. по дороге на Устюрт – тоже не в счёт. Теперь же, с третьей попытки, я имел возможность познакомиться с этим древним городом. И знакомство это оставило неизгладимое впечатление – особенно старый город и его крепость, в которой сейчас находится историко-краеведческий музей. На одном из куполов древней мечети и сейчас ещё сохранилось жилое гнездо белого аиста (*Ciconia ciconia asiatica*). По старым советским традициям на здании пединститута, где проходила конференция, были вывешены транспаранты, на красных полотнищах которых было написано на узбекском языке: «Привет участникам III-й Республиканской конференции». Позже нигде ничего подобного мне видеть не приходилось – пришли другие времена…

Тема конференции была мне очень близка. Особенно интересно было встретиться с коллегами, работающими по этой же тематике в других местах региона. Открывающий конференцию соавторский доклад «Редкие и исчезающие птицы Средней Азии: некоторые итоги, проблемы и перспективы изучения и охраны» (Рустамов, Абдусалямов, Ковшарь, Сагитов, Шукуров) содержал общий обзор республиканских Красных книг и состояния научных исследований этой группы птиц в регионе. Попутно отмечу, что порядок фамилий соавторов не случаен – он отражал личную оценку каждого из нас со стороны академика А.К. Рустамова. Интересные общие соображения были высказаны в докладе Даниила Кашкарова «Стратегия и тактика охраны редких и исчезающих видов птиц Средней Азии». Остальные были посвящены либо обзору редких видов птиц какой-либо небольшой территории, либо экологическим сведениям об отдельном виде. Среди последних наиболее интересные материалы содержались в целой серии докладов о белом аисте (Сагитов, Третьяков, Лановенко), а также по следующим редким видам птиц: пустынный воробей (*Passer simplex* – Г.П. Третьяков), стервятник (*Neophron percnopterus* – Р.Г. Пфеффер), скотоцерка (*Scotocerca inquieta* – Б.М. Губин; о трёх циклах размножения), буланый козодой (*Caprimulgus aegyptius* – С.Б. Бакаев).

Но самое интересное, как всегда, происходило в кулуарах конференции. Сюда, в Бухару, съехалось очень много старых знакомых, и нам было о чём поговорить. Коротких перерывов между заседаниями явно не хватало, поэтому все вечера были заняты неформальным общением. Много времени уделили мы обсуждению готовящегося первого тома четырёхтомной (как тогда планировали) сводки «Птицы Средней Азии», обменивались новыми сведениями о птицах и т.д. А после окончания официальной части состоялась экскурсия в Бухарский джейраний питомник, где я был с Савриддином Бакаевым 11 лет назад. Теперь набралась довольно большая компания, и сотрудникам питомника Елене Мухиной и Наталье Солдатовой пришлось взять на себя роль лекторов-экскурсоводов. Совершенно новым и непривычным для меня было то, что сюда помимо лошадей Пржевальского уже завезли гепардов (*Acynonyx jubatus*), которые содержались, правда, в огороженных загонах – достаточно обширных по площади. Много интересных птиц можно было увидеть на сохранившихся небольших пустынных озёрах, около которых для этого была построена специальная вышка для наблюдений. Особенно это было интересно для орнитологической молодёжи, среди которой была и моя старшая дочь Виктория, впервые попавшая и в Бухару и в джейраний питомник. А по возвращению из экскурсии мы сделали так, чтобы в Самарканде, откуда мы улетали самолётом, можно было хоть немного побродить по городу и посмотреть величественные памятники…

В эту поездку я впервые после нескольких лет встретился со старым товарищем и тёзкой – Толей Пославским, который тогда уже после долгих и дальних своих странствий осел в Чарджоу, в Туркменистане, защитил докторскую диссертацию и, работая в местном пединституте, готовил орнитологические кадры и занимался учётами водоплавающих птиц. Нездоровая полнота его и непривычно пассивное поведение явно указывали на болезнь, но мне и в голову

не приходило, что эта наша встреча последняя и что через 4 года мне придётся писать о нём некролог... Но эта неординарная личность, безусловно, заслуживает более обстоятельного очерка, тем более, что мы были друзьями, несмотря на постоянное расхождение наших путей в пространстве и во времени.

Анатолий Никифорович Пославский (1937-1994)

Под свежим впечатлением полученного известия о гибели друга я написал некролог, опубликованный в первом номере за 1995 год зоологического журнала «Selevinia»:

«10 октября 1994 года на 58-м году ушел из жизни известный орнитолог, доктор биологических наук, профессор Анатолий Никифорович Пославский. Судьба этого незаурядного и, безусловно, очень одаренного человека трагична. Весь его жизненный путь более всего сравним с траекторией шаровой молнии, о чем свидетельствует простой перечень мест его работы: Северный Прикаспий – Алма-Ата – Чимкент – Гурьев – Липецк – Красноводск – Армения – Уссурийск – Калмыкия – Новокузнецк – Аральск – Чарджоу. Подстать этой географии и смена рода деятельности. Появившись в 1959 году, после окончания Горьковского (ныне Нижний Новгород) государственного университета на Гурьевской противочумной станции, *А.Н.* в течение трёх лет плодотворно обследовал авифауну Северного Прикаспия от Ганюшкино до устья Урала. После кратковременного пребывания в Казахском институте защиты растений он возвращается в противочумную систему – сначала в Чимкент, потом в Гурьев, а в 1967 г. переходит на работу в Липецкий пединститут. В конце 60-х гг. он работает в Красноводском заповеднике, затем снова в противочумной системе – в Армении и на Дальнем Востоке, затем – Калмыкская противочумная станция, откуда уходит на педагогическую работу в Новокузнецк. Проработав здесь несколько лет, *А.Н.* пробует силы на поприще изучения рыбоядных птиц в Казахском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства в городе Аральске. Последние годы жизни он заведовал кафедрой зоологии в Чарджоуском педагогическом институте в Туркменистане.

Как-то на вопрос одного из моих друзей[43] о причинах столь частых перемещений *А.Н.* в полушутливом тоне ответил: «зато буду знать весь мир», и в этом была доля правды. К сожалению, вторая часть правды заключалась в прогрессирующем развитии пагубной страсти, сгубившей немало светлых творческих личностей в самом расцвете их сил и таланта. Будучи от природы человеком щедрым, с широкой открытой душой, *А.Н.* и не пытался бороться с искушением, даже когда начало сдавать сердце, не переносившее таких перегрузок, которые случались в любое непредсказуемое время: в условиях экспедиции, городской жизни и даже во время работы научных конференций...

В минуты просветления *А.Н.* проявлял потрясающую работоспособность: писал статьи, в больших количествах реферировал научные работы (он на протяжении почти 30 лет был штатным референтом «Реферативного журнала»). К сожалению, иногда светлые и темные периоды накладывались друг на друга и тогда в статьях, написанных в такой период, могли появляться столь досадные неточности как ничем неоправданная экстраполяция данных количественных учетов или точные цифры самцов и самок каменки-плясуньи, наблюдавшихся им с автомашины. Это были издержки азарта и вина.

[43] Моего однокурсника Василия Григорьевича Беляева, работавшего тогда в Уссурийске, куда приехал Пославский. Как рассказывал мне Вася, к ответу Толи он добавил: «И обратное – весь мир будет знать Пославского». И был недалёк от истины – Пославского знали зоологи всего Советского Союза. – *Прим. авт.*

Анатолий Никифорович опубликовал несколько десятков статей по фауне и биологии птиц казахстанско-среднеазиатского региона. Среди них целая серия работ в немецком журнале «Дер Фальке» – о биологии джека, степного орла, пролёте и летовке куликов и линьке кроншнепов в Северном Прикаспии (1965, 1967, 1968, 1969, 1977); ряд исследований о путях адаптаций птиц к обитанию в условиях северных пустынь среднеазиатского региона (Известия АН ТССР.1978, № 6; журнал «Экология», 1979, № 1; журнал «Вестник зоологии», 1979, № 2, 1979, № 3; тезисы докладов ряда конференций): о пролете и зимовке птиц на Северном Прикаспии и многое другое.

В последние годы, после защиты докторской диссертации (1987) Анатолий Никифорович много внимания уделял организации орнитологических исследований на юго-востоке Туркмении, включая учеты водоплавающих птиц, проведение конференций по экологии региона, заключение соглашений о научном сотрудничестве с зарубежными учеными и фондами. Он сделал немало. Но потенциальные возможности его были гораздо выше, так как от природы он был наделен завидной работоспособностью, светлой головой, быстрой реакцией и многими другими достоинствами. И все это он растрачивал щедро, не задумываясь, и не всегда на пользу делу, которому он посвятил всю свою жизнь...

О таких людях принято говорить «сгорел». Я бы сказал, что *А.Н.* сжёг себя сам, как бы бросая вызов природе, ища предел перегрузкам. На подаренном мне автореферате докторской диссертации он написал: «Дорогому тёзке в подтверждение дружбы, связывающей нас как в годы далёкой молодости так и суровой зрелости, уже более четверти века» Но даже «суровая зрелость» не смогла отвлечь его бунтарскую натуру (наш учитель Игорь Александрович Долгушин называл его не иначе как «янычар») от привычек буйной молодости, дать отдых переработавшему сердцу. И оно не выдержало…

Трагическая судьба Анатолия Никифоровича Пославского – яркое свидетельство того, как уязвим талант и как нельзя им разбрасываться. Вместе с болью утраты осталось какое-то ощущение вины за то, что не смог помочь, предотвратить неизбежное... *А.Ф. Ковшарь, Selevinia, 1995, том 1, вып. 1. С. 42*».

Познакомились мы, как я уже упоминал, на львовской орнитологической конференции в сентябре 1962 г. Несмотря на то, что мы сразу же сошлись на почве общих интересов, я практически ничего не знал о его жизни до нашей встречи – он никогда не говорил на эту тему. О том, что отец его был военный – то ли полковник, то ли генерал – я узнал случайно, когда присутствовал при разговоре Толи с отцом нашего товарища, который также жил в другой семье, давно разойдясь с его матерью. Меня поразило, как жестко и нелицеприятно говорил Толя с человеком, годившимся ему в отцы; вот тогда он и сказал, что его отец также бросил их, когда он был маленький. Это был единственный мимолётный экскурс в прошлую жизнь. Среднего роста и среднего телосложения, он был очень энергичный и крепкий с виду, а глубокие залысины вместе с чёрными усами и блестящими чёрными глазами делали его лицо похожим на лицо молодого Н.И. Вавилова. Обращал на себя внимание его острый взгляд, иногда казалось, что он просто сверлит тебя. Взгляд этот вполне соответствовал его напористому характеру. Уверенный в себе до самоуверенности, он был начисто лишён каких бы то ни было комплексов и добивался всего без тени сомнения. Растерянным я видел его только один раз за всё время.

Как-то в ноябре 1964 года, когда я был в командировке в Алма-Ате, Эдик Гаврилов сказал, что сегодня будет предварительная защита Пославского

(д'Артаньяна) в Противочумном институте, и мы поехали вдвоём туда – как тогда казалось, почти на край света, аж около аэропорта! Приехал из института и Мстислав Николаевич Корелов. Дело в том, что в тот день было две предзащиты: перед нашим другом докладывал свою работу Анатолий Семёнович Бурделов – всем известный зоолог Противочумного института, по какой-то непонятной причине затянувший с оформлением степени на добрых 15-20лет! После такого маститого «диссертанта», который начал свои научные исследования в год, когда только родился наш друг, трудно было выступать по результатам всего 4-5 летней работы, поэтому поддержка наша хотя бы своим присутствием была очень кстати.

Однако наш друг не выказывал никаких сомнений, не говоря уже о страхе, вполне естественном в таком положении. Он был уверен в себе, весел, шутил. Когда Эдик спросил его, где текст его выступления (чтобы бегло просмотреть его и хоть что-то посоветовать), он сказал, что никакого текста нет – он будет говорить без бумажки! Правда, карта и какие-то таблицы у него были, и мы помогли ему развесить всё это хозяйство в перерыве после предзащиты А.С. Бурделова (которая прошла блестяще!).

Тема диссертации Пославского «Птицы Северного Прикаспия» была посвящена анализу авифауны интересного и малоизученного региона, в котором к тому же была выигрышной многолетняя динамика фауны. Толя говорил уверенно, держа левую руку в кармане, а правой показывая на развешенные на стенах иллюстрации. Основное время он потратил на геологическую историю региона, речь его изобиловала терминами, среди них особенно часто повторялась «Хвалынская трансгрессия». Поскольку для птиц места не осталось, то суть самой работы пришлось выяснять в виде вопросов, на которые Толя отвечал так же уверенно, но далеко не всегда по существу. А когда на вопрос М.Н. Корелова о том, как диссертант понимает типы фауны по Штегману (вопрос был наводящий – чтобы он мог показать, наконец, свою орнитологическую эрудицию), наш друг, не вынимая рук из карманов, ответил: «Это вопрос сложный, Мстислав Николаевич, – я Вам в кулуарах объясню», зал просто загудел от возмущения. Результат не заставил себя ждать: почти все выступавшие авторитетные зоологи и паразитологи резко критиковали и само содержание доклада и манеру поведения докладчика. Особенно свирепствовал крупный специалист-чумолог по фамилии Шмуттер (имя и отчество я не запомнил), который прямо сказал, что такое поведение просто возмутительно и надо учиться, как вести себя на научных диспутах. Попытки М.Н. Корелова и Э.И. Гаврилова хоть как-то спасти положение, потонули в общей массе критических выступлений.

Я впервые видел Пославского таким подавленным и растерянным…Сначала мы с Эдиком принялись его ругать за то, что не подготовился как следует, не написал текста и не выучил его наизусть (чтобы уложиться в положенное время и всё успеть сказать), но увидев его состояние, стали пытаться хоть как-то успокоить. А он, стоя в автобусе, всё ещё повторял одну и ту же фразу: «Ну что, братцы, мне теперь повеситься?». Пришлось срочно спасать парня. Эдик сказал, что сейчас, чтобы расслабиться, ему надо выпить водки. Вышли в цент-

ре города, купили бутылку, и Эдик повёл нас к Сергею Поле, с которым я тогда ещё не был знаком (сейчас Сергей Борисович Поле – авторитетный казахстанский зоолог, заведует лабораторией в противочумном институте). Помню, что в квартире был только хозяин – худощавый брюнет нашего возраста – с огромной породистой собакой. Поскольку бутылки на четверых явно не хватило, пошли ко мне в гостиницу «Спорт» на стадионе. Только там наш Толя стал потихоньку отходить, а когда к моему соседу по номеру пришли спортсменки, он совсем повеселел и стал рассказывать им спортивные анекдоты (особенно удачный – про члена общества «Буревестник»). Только в полночь проводил я их с Эдиком на остановку автобуса, где мы ещё около часа прощались – инцидент с предзащитой был начисто забыт…

Позже, в процессе нашей переписки, которая была особенно интенсивной в 1965-1971 гг. (за эти годы у меня сохранилось 22 его письма!) я понял, что за внешней бравадой скрывалась довольно уязвимая, мятущаяся натура. Начав с интенсивного сбора полевого материала, он очень торопился поскорее сделать и защитить диссертацию (в одном из писем он прямо пишет о том, насколько это важно). Так, в конце 1963 года, когда я только входил во вкус накопления материалов по горным птицам и ни о какой диссертации не помышлял, Толя уже написал саму диссертацию и дал её на просмотр И.А. Долгушину. В одном из первых своих писем он пишет об этом: «У меня пока всё идет почти хорошо. Готовлю диссертацию для показания *И.А*., основательно трухаю, но может быть и напрасно, чёрт его знает… В Алма-Ату я приеду в начале февраля, в первых числах, и буду там февраль и пол-марта, а может и весь март, всё зависит от того, как *И.А.* прореагирует на диссертацию. Сам понимаешь, сам понимаешь. Было бы исключительно хорошо, если бы ты в феврале появился в А-Ате, давай, приезжай обязательно, только не надолго, *чтобы И.А. не отвлекать от диссертации*» (рис. 81). В этих словах – весь Пославский, его напористость, неудержимое стремление к цели.

После ухода из Ганюшкино и вообще из противочумной системы наш друг, которого Эдик приютил было в Институте защиты растений в Алма-Ате, вдруг снова оказывается в Чимкентской противочумной станции, откуда присылает мне новогоднюю открытку следующего бодрого содержания: «Толь! Нечего баловать тебя письмами, ты всё-таки теперь рядом и, может быть, как-нибудь прискочишь сюда, а? Как-нибудь эдак в феврале? Как провёл Новый год? Наверное, обиделся, что я не приехал? Но ведь снежище, не пройти, не проехать, сам знаешь, тем более к тебе. Здесь работает Вовка Путятин, потомок дворян Путятиных. Парень нештяк. Он (и ты его) знает тебя. У меня неплохо. Дали квартиру, по-

Дорогой Толька!
Я получил твое „творение", большое спасибо конечно и рад. Книжка оформлена очень хорошо, жаль что она так целенаправлена т.е сделана для экскурсий. Было бы очень хорошо, если бы эта книжка была сделана не так и „описания" заменены (с дюрой, с дюрой, дорогой, дорогими для тебя птицами) ну и конечно в неё бы можно было втиснуть и все маршруты которые помелаешь. Видимо это так тобой и было задумано, судя по тому, что ты умолчишь о „методике". Если это так, то жаль что не получилось.
У меня пока все идет почти хорошо. Готовлю диссертацию для показания И.А, основательно трухаю, но может быть и напрасно, чорт его знает.
О планах. В А-Ату я приеду в начале февраля, в первых числах и буду там февраль и пол-марта, а может и весь март, все зависит от того как И.А. прореагирует на диссертацию. Сам понимаешь, сам понимаешь.
Ну вот пока, пока все.
Было бы исключительно хорошо, если бы ты в феврале появился в А-Ате, давай приезжай обязательно, только не надолго, чтобы И.А не отвлекать от диссертации.
Ну вот пока до встречи
у нашего Эдика на заседании.

Рис.81. Одно из первых писем А.Н. Пославского, 1963 г.

ложили «оклад жалования» 189 рублей. Получил от Игоря К. письмишко. А в остальном – жизнь серая. *Отправил к защите диссертацию*. Твой тёзка».

Рис. 82. Письмо-загадка от Пославского, 10 марта 1965 г.

Получив мой ответ о невозможности приехать именно в данный момент, он шлёт мне целый перспективный план срочных его (и моих!) действий на ближайшее время:

«Тёзка, салют! Получил твоё послание, которым открылась междугородняя связь (Васюки тоже могли бы быть городом, как и Новониколаевка). Жаль, что ты не можешь выбраться в Чимкент. Жаль. Личные контакты всегда лучше, чем дипломатическая переписка. Итак, коль скоро у тебя уже всё оформлено вчерне, то хотелось бы тебя немного поэксплуатировать. Наверняка у тебя есть даже список литературы, а если он есть, то значит ты имеешь представление и о смежных местах. Следовательно:

1. Список литературы по Муюнкумам, долине Чу, хребту Каратау. – Жду.

2. Список птиц, которые могут встретиться мне по хребту Каратау (на всякий случай), в Муюнкумах, и что из этих видов – terra incognita. Потом всё это (имеется в виду последнее) неплохо было бы сравнить, слить и скомпоновать (это вперёд). А сейчас пока – список литературы и список птиц и что наиболее интересно. Ибо рыться в литературе у меня нет ни времени, ни желания, тем более, что у тебя всё это уже сделано. Обмен, так сказать, опытом и преемственность и экономия времени. Итак, жду…

… 1 апреля уеду в эпидотряд в Муюнкумы, так что списки ты обязательно (если можешь) сделай мне до 1 апреля, чтобы я поехал туда с уже известными взглядами и с ожиданием ожидаемого. Сам сильно не перегружайся, это вредно. Меняй работу одно на другое, писание с печатанием, печатанье с правкой, правку – с разбором желудков, разбор желудков – с их наполнением пищей, вином и другими безалкогольными напитками. Иначе опротивеет всё, и мозг будет, как кусок сухого теста. Это из личного опыта. Может воспользуешься. У меня пока всё по-старому. Потерял всякий интерес ко всему, ко всякой науке, к птицам, грызунам и людям. С неделю, наверное, **пил запоем**, потом перестал. Сейчас закончил 3 статьи, подготовил 2 доклада, отослал корректуру Штефану в ГДР. Так и тянется жизнь чёртова – тягучая, как резинка. Ну, салют. Жду списков и поручений.

Твой Толька 9 февраля 1965 г., г. Чимкент».

Однако дела его обернулись так, что уже в следующем письме от 10 марта он писал: «Тёзка, салют! Только что вернулся из Алма-Аты и нахожусь в страшном гриппе и в страшном трансе. События развиваются столь стремительно, как ком снега, который катится с горы. Пока не буду тебя ни о чём информировать. Всё равно слухом земля полнится, всё равно узнаешь когда-нибудь. От гриппа думаю оклематься через день и 12-го посылают в командировку по северному склону Каратау до его самого конца, потом немного на север и назад, наверное, тем же маршрутом. Вряд ли я выберу возможность выбраться к тебе перед отъездом в поле, так как вернусь числа 22-го, а уже 1 апреля уеду

в Муюнкумы. Эх, тёзка-тёзка! Ну, и влетел я здесь в историю, если бы ты только знал! Дичайший ужас! Сейчас стоял, курил в коридоре – слышу за спиной шепот: «Стоит – курит!». Начинаю даже любить людей за то, что они могут быть по-настоящему идиотами и чёрт его знает чем. Эх, собраться бы сейчас нам всей доброй компанией да основательно обговорить всё-всё полностью. Ну, так вот, дорогой тёзка. Салют. До будущих встреч! Твой тёзка 10/III – 1965.».

Разгадка всех этих историй-загадок пришла неожиданно – от И.А. Долгушина. Как-то в конце зимы 1965/66 г., будучи в Алма-Ате, я услышал от Игоря Александровича: «А у тёзки твоего серьёзные проблемы. Днями получил письмо от Шварца[44] из Свердловска, в котором он пишет, что получил уже две «телеги» на твоего друга. Одна – от зоолога Уральской противочумной станции, у которого он взял материалы полевых наблюдений, а потом то ли переврал их, то ли не сослался на автора[45]. Но это ещё пол-дела – двух зоологов всегда можно помирить. А вторая телега – от жены или тёщи, которые жалуются на его аморальное поведение, уход из семьи и т.д. Шварц пишет, что можно было бы положить эту вторую жалобу под сукно, но писали опытные жалобщики – копию они направили в партком института, а это – дохлый номер!». С.С. Шварц давал добрый совет: поскольку диссертант имеет право снять свою работу с защиты на любом этапе, Пославскому лучше всего забрать работу и тихонько отсидеться где-нибудь в глуши, пока о нём забудут. После этого можно будет, не поднимая большого шума, защититься в другом месте. Этот испытанный приём был хорошо известен всем соискателям, кому не повезло в первый раз. Говоря об этом, Игорь Александрович добавил: «Так бы и сделал любой нормальный человек. Но ведь этому янычару нужна защита именно сейчас, без проволочек! Я даже не знаю, как ему всё это объяснить». А Толя всё решил по-своему. Оставив в спешном порядке негостеприимный Чимкент, он уже в августе 1965 г. писал мне из Гурьевской (ныне Атырауской) области:

«Дорогой тёзка, салют! Как влекутся твои дни жизни? Чем ты собственно занимаешься? Как делишки насчёт птиц Аксу-Джабаглы? Будет или не будет выпущена? Вот тебе целая куча вопросов. Я теперь от тебя на другом конце Казахстана, в 30 км от его границы, в юго-восточной части дельты Волги. Чимкентская противочумная станция както не произвела на меня должного впечатления, да и я на неё – тоже. И вот вернулся в родные пенаты, на Гурьевскую ПЧС. Так то мне казалось лучше. Всю весну и лето провёл на Мангышлаке, охотился, спал, пил спирт в эпидотряде, искал чуму. После этого занялся беготнёй насчёт печатания автореферата. Сейчас автореферат в типографии, скоро родится на свет божий. Как он только родится, сразу же тебе пришлю: сообрази там более или менее веский отзыв. Вещи эти нужные, когда-то и мне придётся писать тебе то же самое, так что не ленись и высылай отзыв своевременно. Очень жаль, что на конференцию не поеду. Недурно было бы учинить небольшой шумок со всей компанией по типу львовского. Но надо будет готовиться к защите, да и в командировку сползать, чтобы подработать деньжат для защиты. Здесь вплотную займусь летними миграциями птиц, преимущественно куликов, уток и тому подобных (в смысле – водяных). Ну вот, тёзка, пока и всё. Же-

---

[44] Академик Станислав Семёнович Шварц был тогда директором Института экологии и одновременно председателем Учёного совета, принявшего к защите диссертацию Пославского. – *Прим. авт.*

[45] Как выяснилось впоследствии, Толя отказался показать автору – как он их использовал. – *Прим. авт.*

лаю всяческих успехов. Пиши мне: Гурьевская обл., Денгизский р-н, пос. Ганюшкино, Противочумное отделение. Ещё раз салют! Твой Толька 26/VIII-1965 г.»

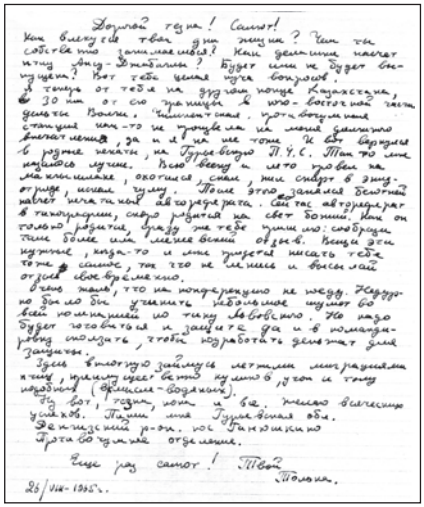


Рис. 83. Письмо Пославского от 26.08.1965

Совершенно другого характера письмо от 11 октября, когда у него уже начались серьёзные неприятности с защитой. В частности, там есть такие слова: «Я не обладаю достоинством привлекать к себе людей – от этого я много страдаю в жизни. От этого же и нелепые ситуации. Заниматься ничем не хочу, просто устал и не хочу. «Не стоит овчинка выделки», зачем столько переживать из-за всяких нелепостей. Хотя и не в моей натуре искать лёгких путей и лёгкой жизни, но приходится. В общем, всё это до чёртиков надоело. Зарплату я получаю и так 200 руб да в командировке +137, так что хватает пока, а престиж – хрена с него, с престижа, что его зимой наденешь на себя, что ли? Написал я в Свердловск, чтобы отложили защиту до марта. Отложат – отложат. И вообще мне теперь всё безразлично. Таскаюсь на охоту, на рыбалку, даже дневники перестал вести. Может быть, по весне займусь куликами или ещё чем-либо…. Твой тёзка. 11/X – 1965».

Всю зиму 1965/66 г. приступы ипохондрии у него сменялись появлявшимися надеждами, и тут же рождались оптимистические планы, как в письме от 18 декабря, где после сообщения о том, что начальник Чимкентской ПЧС вдогонку первому, отрицательному письму прислал в Учёный Совет прямо противоположное, Толя пишет о планах: «Толич! Я писал тебе, что буду шуровать две книжки – «Птицы западной части Казахстана» по моим материалам и Эдика и К° и «Зимовки птиц в Каспийском бассейне» - совместно с Г.А. Кривоносовым. Недавно летал в Астрахань, договаривались насчёт последней книги. В общем к концу года сделаю по крайней мере 1.5 из двух. Энергии хватит… Сейчас всё время в поле. Интересного – навалом! В том смысле, что здесь необычно затяжная и тёплая осень – масса всяких отклонений от нормы, масса всяких интересных аномалий в миграциях птиц. Всю зиму буду в поле, буду дополнять материалы по зимовкам – потом дописывать». Но уже письмо от 26 февраля 1966 г. состоит только из подробнейшего описания его препирательств со своим «оппонентом», накатавшем телегу. В конечном счёте, в марте разразился скандал, оборвавший нашу переписку на полгода, а сама защита диссертации автоматически отложилась на три года!

Только в середине сентября получил я от него следующее письмо, где он пишет:

«Дорогой тёзка! Салют! Как поживаешь, дружище? По каким нехоженным дебрям бродишь? Какие дожди тебя обмывают? Я тебе не писал, наверное, полгода, если мне не изменяет память. Был я, братец, здорово болен. Болел с перерывами 3 месяца. Сердце, давление, психика и вообще хрен знает что. Нервное истощение, одним словом. Сейчас поправился можно сказать окончательно и начал постепенно приходить в себя. Уже загнали меня в поле, в командировку. Брожу по пескам, ищу чуму и проклинаю всё и вся

от скуки. Так надоело уже торчать здесь в захолустье. Ведь где-то идёт и проходит жизнь, шумят большие города, играет музыка, смеются люди. А здесь единственная отрада – транзистор. Вот и гоняешь его с утра до вечера без отдыху. Да ведь и тебе тоже не сладко, чёрт возьми, если не хуже, чем мне. Ты тоже ведь бродишь, чёрт знает где, и тоже вдали от шумных городов. Меня ужасно потрясла кончина Игоря Александровича. Я не могу себе представить реальности этого факта. Как мне жаль, что вы мне во-время не сообщили[46]. Я всё-таки постарался бы приехать. Горе, какое всё-таки это горе. Вот она и жизнь, в лицо прямо плещет. Сколько бестолковых идиотов бродит по земле до 100 лет, а золото тонет. Это ведь тоже закон подлости. Ещё раз проклятие… Как, тёзка, твоя книга? Скоро ли она появится в печати и на какой стадии она находится. Скорее бы уже. Ну бывай здоров, удачных дней тебе. Твой тёзка, 18/IX- 1966 г., пос. Ганюшкино».

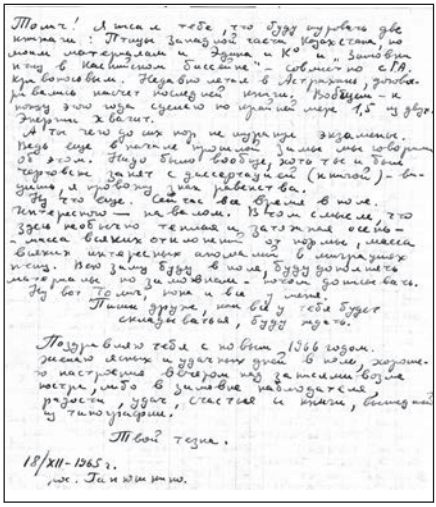


Рис. 84. Окончание письма А.Н. Пославского, 18.12.1965

Известие о моём переходе в Алма-Ату он принял с воодушевлением, однако в своём письме от 6 октября 1966 г. уделил много места описанию тех трудностей, которые меня ожидают (главное – маленькая зарплата и безденежье). Оставаясь верным себе, он добавил, что если мне будет туго, то я всегда могу рассчитывать на его помощь. Здесь же он сообщил, что Игорь Кривицкий договаривается с проф. И.Б. Волчанецким о защите в Харьковском университете (что, в конце концов, и произошло, но спустя почти два года). На моё предложение о Ташкенте, откуда я только что забрал свои документы, он ответил: «В Ташкент я, конечно, не поеду, даже если бы прошёл по конкурсу. Был бы у меня кандидатский диплом, я бы поехал, не задумываясь, хрен с ним, пусть трясёт[47], всё не вытрясет. Да и вообще жизненные условия там хорошие. А так на 98 руб киселя хлебать – нет уж. Один раз попробовал, хватит. Да и не смогу я на них жить, избалован высокой зарплатой. Всё-таки я сейчас получаю 220 руб оклад, да ещё в поле 137 руб. Всё-таки лучше жить с деньгами в дыре, чем без денег в городе».

Лето 1967 года два семейства – Кривицкие и Пославские – провели на отдыхе в Лазаревской близ Сочи, где жила мама Толи. По рассказам обоих друзей и по присланным ими фотографиям ясно было, что отдохнули они очень хорошо – даже клады какие-то искали. Всё это описал мне Толя в письме, в котором он упоминает и о нашей находке гнезда красного вьюрка (*Pyrrhospiza punicea*): «Эдик мне писал, что вы там единственное в мире гнездо нашли. Молодцы!!! Ты Эдика

---

[46] Он «забыл», что исчез на полгода, не оставив никому адреса, и мы только из журнала «Der Falke» узнали, что он это время подпольно проживал в Липецке. – *Прим. авт.*

[47] В апреле 1966 года состоялось сильное землетрясение в Ташкенте. – *Прим. авт.*

поддерживай, ибо ему сейчас туго между Кореловым и институтским начальством. Очень я рад за твои успехи в области степени. У меня тоже вроде всё готово, обещают где-то осенью. Надоело до того, что просто и ехать не хочется». В этих искренних словах – ни тени зависти, что не так уж часто встречается. Ещё лучше это видно из письма от 17 ноября, в котором он поздравляет меня с защитой:

Рис. 85. Письмо А.Н. Пославского, 17 ноября 1967 г.

«Дорогой тёзка! Как я рад, что все твои мытарства закончились! Прими мои самые, самые сердечные поздравления, дружеские объятия и поцелуи и всё самое доброе. Молодец, дружище! Поздравляю. Теперь общий счёт у нас 2-2, т.е. два кандидата и два (Игорь и я) неучи, а кандидаты – Эдик и ты[48]. С Богом и друзьями в сердце – дальше!

О своих делах писать горько и противно. Дикие неудачи преследуют меня. Как ты знаешь, потребовалось обновить отзыв, и диссертацию послали в Киев на отзыв, в университет, Кистяковскому[49]. Это было в мае. И вот в октябре, через полгода, когда я вот-вот уже ожидал защиты, наконец, выяснилось, что диссертацию в Киеве… и не получали!.. Потом кое-как разыскали в университете в учебной части 2-й том, а первый так и не нашли. Из Харькова в Киев вновь выслали первый том и теперь ожидания, от которых уже тошно, начались сначала. Вот так я и живу. Свяжись с хохлами – сам дураком будешь! Знаешь, тёзка, как мне муторно, если бы ты только знал. Жить не хочется. Просто до того это всё надоело, что я не верю, что я когда-нибудь закончу эту трагикомедию. И ведь хрен с ним, была бы диссертация плохая, а по отзывам всё просто блестяще, и вот такая обидная дрянь со всем этим. Сколько я ещё буду мучиться?! Жизнь собачья. Ну а в остальном дела вроде идут. Жду 3-ю статью из Falke, да в ФРГ отослал одному Д-г, который неожиданно почтил меня письмами. Вот пока и все успехи. Ну, бывай. Твой Толя, 17/XI - 1967».

Действительно надо было обладать нечеловеческим терпением, чтобы вот так, из года в год, стучаться в одну и ту же дверь, то теряя надежду, то вновь её обретая. Далеко не каждый мог бы выдержать такое!... Толя выдержал, но здоровье и нервы потерял. Даже долгожданная защита не принесла Анатолию настоящего облегчения. Вот как описывает он это в письме от 28 февраля 1968 года:

«Дорогой тезка!

Ну, вот вроде бы и все. Пока только. Счёт, общий счёт, начинает склоняться в сторону 3:1 в нашу общую пользу. Всё вроде бы прошло хорошо, присутствовало 19, за го-

[48] Толя явно ведёт счёт со Львова (1962), когда кандидатов среди нашей четвёрки ещё не было. – *Прим. авт.*

[49] Александр Богданович Кистяковский – ведущий украинский орнитолог, профессор. – *Прим. авт.* -

лосовало 19. Были и аплодисменты. Была и водка и прочие приложения. В общем, всё теперь позади. В душе сплошное опустошение, даже нет чувства радости и удовлетворения. Какая-то муть и прочая дрянь. Может быть это пройдёт, но я что-то потерял вкус к жизни. Наверное, нервишки поистрепались в этой дыре. Обещают после защиты мне место старшего научного сотрудника на станции, не знаю, выгорит или нет. Если не выгорит, то после утверждения буду подыскивать себе место где-нибудь вне системы. Весной снова в поле. Работы до хрена, буду «искать чуму на научной основе». Всякая муть, всё выдумывают какого-то хрена, а как чума, так хватаются за голову – откуда де она! Как у тебя делишки? Игорь мне говорил, что у тебя вроде всё идет здорово, и ты вскоре будешь доктором. Давай! Буду искренне рад. Вскоре – это года через три-четыре. Как с хатой? Много ли долгов? Куда весною? Я писал Эдику, что у нас здесь на взморье колоссальные пролёты уток. Может быть, кто из вас подскочит сюда, посмотрит, что и как, да поставить бы ловушку. Приезжать надо в апреле или в октябре. Самое время для пролета. Летят утки сотнями тысяч. В общем, пиши, Толя, а то мне здесь скучно, аж жуть! Всегда твой Толька. 28/II-1968 г, пос. Ганюшкино».

Через два месяца, 22 апреля, он пишет из Волго-Уральских песков: «Я сижу в песках. Какая-то, мой друже, напала на меня дикая апатия. Равнодушие ко всему на свете. К жизни, к людям, к работе. Из рук всё валится, всё противно, ничего не хочется делать. Шалят нервы, шалит сердце. Может быть, нужен отдых? Забыться, всё бросить… Хрен его знает. Временами возвращается былой запал, а потом опять апатия. Наверное, надо бежать из чумы, иначе я здесь погибну, сойду на-нет. Обстановка не способствует дальнейшему росту, росту научного кругозора. Получу диплом, буду подыскивать место. Здесь уже дальше никак нельзя. Всегда твой Толька. 22/IV – 1968. В.-Ур. пески». И совершенно неожиданный постскриптум: «P.S. Я вступил в КПСС». Вот уж чего я от него никак не ожидал!!! Поистине человек соткан из противоречий…

Те же настроения и в письме от 8 ноября 1968 года – уже из Дагестана: «В конце мая вконец разругался со своим начальством в Гурьеве… В общем, плюнул я и уехал на Кавказ, тоже в противочумную систему, только в Дагестан. Ну, и опять такая же дыра. Как и все дыры, где я провёл уже целые 10 лет. Осень болтался в Предкавказье, в Ногайских степях и в Терских песках, был на Тереке, Куме и Куре. Интересно, но всё уже весьма скучно. Надоело, брат, страшно надоело… Пиши, тёзка, о всех новостях, мне здесь скучно в этом полупьяном поселке. Махмуд, 8/XI.68». Перед ноябрьскими праздниками он, наконец, получил кандидатский диплом и решил: «всё-таки думаю рвать с системой».

Так и пошли его дальние и неожиданные вояжи – от Кавказа до Уссурийска. Все их описать невозможно, да и стоит ли?.. Первые годы он по привычке ещё часто писал мне. Вот как по-своему оригинально сочувствовал он мне по поводу моего перелома ноги: «Дорогой мой тёзка! Получил твое послание. Ей-ей, утешитель из меня хреновый (водку жрать я лучше умею), но знаешь, когда я зимой 1966 года за ручку здоровался с последней невестой человечества, то ей богу ни хрена не боялся ничего, было просто обидно, что мало отпущено годов. Тебе же, мне представляется, вообще не надо обращать особого внимания на всё это. Судя по твоему снисходительному тону, ты всё это очень тяжело переживаешь, а ты плюнь, плюнь слюной, как плевали до исторического материализма. Почаще вспоминай незабвенного Остапа Бендера, у того не было безвыходных положений [далее следует пол-страницы цитат из «Золотого телёнка» – АК]. Во всём этом есть и своя хорошая сторона. По крайней мере, ряд глав в IV-м томе будет написан дельно и обстоятельно, чуешь. А с лошадьми ты теперь борись принципиально, то-есть изничтожай их путем поедания: в Алма Ате иногда продают шикарную

копчёную конину. И хотя мне доподлинно известно, что ты страшно брезгливый человек и жрешь плохо и разборчиво (вишь, как я осведомлён[50]), ты сейчас уйми свою брезгливость и пожирай, во-первых побольше кальция (не стенки только) и пусть супруга купит тебе гематоген (как это ни смешно) и ты его пей или ешь – это для кроветворения. Для укрепления нервной системы полезно на ночь выпивать грамм 200 водки, если есть деньги. Есть еще много рецептов для укрепления нервной системы… 18/II-1969 г. Махмуд». И спустя три месяца: «Ах ты, чёртов сын, что это тебе так понравилось по госпиталям шляться? Ай хорошие медсёстры там? Иль там кормят лучше, чем дома? Пора бы уже образумиться, птички ай как поют в пустыне красиво, да и воздух здесь лучше. Потряси хорошенько этих коновалов, что уж они не могут за раз всё сделать, что ли? Сердца пришивают, а тут – эка невидаль! А может быть они для развлечения всё это делают?». И дальше – о своих делах, что и объясняет игривость тона всего его письма: «Слух сюды! Я тут получил уже кучу приглашений. Наиболее приемлемо для меня – из Алма-Аты, к Ёлкину-Палкину (уже послал документы). Эдик тебе, наверное, говорил. Но нет там квартиры. Дальше. Затребовали мои документы в Институт зоологии в Ташкент. Пока без обещаний. Дальше. Предлагают ст.науч.сотр. или директором (на выбор) в заповедник Гасан-Кули, контору которого переводят в г. Красноводск и расширяют территорию – практически весь вост. берег Каспия. Сколько грошей платят ст.н.сотр. в заповеднике со степенью? Или директору? И вообще: что это за работа у директора? Ты ведь работал, знаешь. Опиши по быстрому. А? И вообще твоё мнение насчёт этих мест…. Напиши о заповедной работе (смысл, объём, деньги), жду. Ведь везде в принципе она одинакова. Да поправляйся, скоро будем пить в Ашхабаде[51]. Твой Толька, 21-V-69».

Конечно, я посоветовал заповедник.

В этих письмах – вся натура Толи Пославского. Не только лексикон, но и азарт, с которым он взялся за поиски мест для работы, свято памятуя о том, что «рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Именно об этом он и спрашивает прямым текстом. Эта охота к перемене мест увлекла его по-настоящему, поэтому он так легко бросал старые места и перебирался на новые, которые издалека казались лучше, чем прежние. Но потом выяснялось, что это совсем не так – и снова поиски, снова разочарования. И с каждым новым разочарованием – всё меньше надежды и оптимизма. Одним словом, как сейчас принято грустно шутить: «Вечная история – Банк Империал». Для Пославского всё это было очень болезненно, хотя временами он и хорохорился. Вот характерное письмо, которое я получил осенью 1971 года (он печатал его на машинке и даже дату не поставил):

«Дорогой тезка! Салют!

Как поживаешь, сучья лапа! Я по вас по всех скучаю, давно уже не виделись, черт возьми. Пора бы как-нибудь да и встретиться, но когда? Где – то я знаю, на перевале, но все никак не могу вырваться отсюда, все нет свободного времени. Жизнь пошла какая-то дерганнная и скучная в то же время, нет никаких стимулов и желаний – старость, что-ли. Ты по этому поводу можешь не ухмыляться, что Пославский о старости заговорил! Так оно и есть. 14 декабря, когда ты, наверное, если будешь дома, получишь мое письмо, мне уже стукнет 34 года, а когда они прошли, так и не заметил, всё в каком то пьяном угаре, в спешке, в торопливости, в войне мышей и лягушек. Вам-то там легче, вы все вместе, а меня здесь одного скукотва заедает порой. Всё пишу Птиц Прикаспийских пустынь,

[50] Это последствия близкого общения с семейством Кривицких. – *Прим. авт.*

[51] Имеется в виду очередная Всесоюзная орнитологическая конференция. – *Прим. авт.*

медленно и нудно, да так нудно, что хоть в пору бросить, а бросать не надо, сам понимаю. Самое главное, что сию дрянь поставили в план издательства на 1973 год по МСХ. Значит надо. Не знаю, тёзка, получится или нет, частенько заглядываю в твой опус по Ала-Тау и черпаю силы и вдохновение – ведь вот тоже страдал человек в свое время, дострадался даже до болезни сердца, а всё-таки сделал свое дело, значит и я не хуже. Не так ли? А может хуже, может мозги стали суше, непроворотные? Да вроде бы и не совсем так, ещё крутятся. В эту осень наконец-то добрался я до зимовок фламинго. Трудности были неимоверные, таскание лодки по топям и мелякам, купания в рапе, но зато успех – ваши 12000 одной стаей зимуют здесь у меня в таком месте, что их ни один браконьер тронуть не может. Кроме того, в конце ноября провёл авиаучет зимующих птиц (следующий авиаучет в середине января), всего насчитал 15700 фламинго, это все запасы, так как на севере до Карабогазгола их больше нет, а далее и тем более , да и пролёта больше нет. Может быть, еще будут поступления откуда-либо, посмотрим. Где там болтается Петя Дебело, в Москве, что-ли? Я получил от него свой том диссертации, но недавно мне пришлось реферировать для РЖ его статью по пролёту птиц в тех моих местах, однако оттиска он скот так и не прислал. Как бы это ему напомнить? Адресочек бы, а? Ну пиши, твой Толька!»

Это письмо, судя по описанию зимовок фламинго, было явно из Красноводского заповедника, что подтверждает и следующее письмо, полученное оттуда же:

«Тезка, салют, дорогой! Начну сходу в карьер, т.е. смысл в том, что я обращаюсь к тебе за помощью. Эдику писать не хочу, так как он опять будет ржать и ехидно улыбаться, да и ругаться в добавок. Одним словом, заповедник этот стал для меня абсолютно невыносим, пойми меня правильно, нет уже никаких сил моих здесь работать. Я расскандалил с директором и хочу уйти отсюда, пойми меня правильно, директор как раз не против меня, он даже старательно подыскивает для меня место, названивая своим друзьям в Москву и прочее, ему меня жаль и он меня любит, но я не хочу здесь работать. Беспрерывные пьянки, неразбериха, всякая показуха и липа и вообще черти что. Жена меня уже заела – ищи другую работу, хоть на завод иди, но бросай свою птичкину контору, так как там можно только спиться и тогда я тебя брошу. А оно так и есть. А куда мотать? Написал в чуму, но пока ответов нет и не уверен – будут ли. Дело это почти безнадежное, да и стаж у меня потерян. Может, ты знаешь где-либо, что-либо подходящее для меня? Может можно прорваться во Фрунзе, в Ташкент или еще куда. Рустамову, который надо мной курирует, я писал, он ответил, что пока в Ашхабаде обойма, да ведь ты знаешь, что он не в ладах с Ташлиевым. Что делать, просто не придумаю. Может у Вас там филиал есть или что, собирались же открывать на Урал-реке. Толя, подумай на досуге, узнай у Эдика осторожно (ржать будет, а не поможет, скажет – один раз обжёгся) и срочно черкни мне о всех возможностях. Квартира у меня здесь в городе шикарная двухкомнатная, так что я при случае могу и поменяться. Итак, с нетерпением жду от тебя ответа. Твой тёзка. 2I- II-7I г. [Красноводск].

После почти годового молчания он пишет уже из Уссурийска: «Тёзка! Салют! Не надеюсь застать тебя дома, но всё-таки писать надо, чтобы ты на меня не обижался. Значит, мечет меня судьба туда-сюда, ну да я уже привык. Дело не в этом. Забрался я сюда с единственным желанием – поработать в МНР. В Армении было очень хорошо работать, не знаю, писал ли я тебе, что я был и там, но понимаешь, там нет русских и для детей нет русской школы. Тут подвернулся Вася Беляев (видишь, как мир тесен), мы с ним были вместе на курсах в Алма-Ате в 1959-1960 гг. Было у них место на станции с тем, чтобы ездить в МНР и заниматься чумой. Ну, вот я собрался со всем выводком и махнул сюды. Дали мне здесь небольшую квартиру, оплатили подъёмные, так что я ничего не потерял, в сущности. Работа в МНР будет с 1 июня по 1 сентября на территории, прилегающей к

Горно-Алтайской автономной области и северо-восточному углу Казахстана. Так вот, мне надо бы вот что. Не написал ли бы ты мне, ареалы каких интересных птичек уходят туда вглубь МНР с той стороны и что бы с ними там надо было бы сделать. Я крайне плохо представляю себе птичью фауну С-В Казахстана. Поэтому мне трудно ориентироваться в отношении того, что меня там встретит. Так что будь добр, исходя из знания с-в птиц, напиши мне, что было бы наиболее интересным покопать в том углу МНР для того, чтобы у меня был основополагающий стержень заранее. И ещё у меня, тёзка, к тебе большая просьба: вышли мне наложенным платежом Птицы Казахстана, том 3 – одну, и том 4 – две (одну – с авторскими подписями). Итак, пиши. Привет всем нашим. Эдику напишу отдельно. Мой адрес: 692512, г. Уссурийск, Дзержинского, 46. Противочумная станция, мне. 4-Х-72 г. г. Уссурийск. P.S. Книжки жду обязательно. Мне надо».

Это последнее из сохранившихся у меня писем Пославского, полученное всего лишь на половине пути его странствования. Дальнейший всё ускоряющийся вихрь жизни как-то разбросал нас, тем более, что уследить за его перемещениями было невозможно – только по рождающимися вслед за ним легендами. Кстати о легендах. Большинство из них возникали на конференциях и других встречах зоологов, где Толя любил эпатировать окружающих своими неординарными поступками и количеством выпитого спиртного.

Идущая далеко впереди него молва сделала имя Пославского известным большинству советских орнитологов, но известность эта была односторонняя, обычно со скандальным оттенком. Большинство молодых (да и многие из сверстников, к сожалению) смотрели на него, как на героя многочисленных приключений. Помню, с каким обожанием относился к нему наш Эрнар Ауэзов, с готовностью носивший его портфель на конференциях, несмотря на все наши реплики, отпускаемые по этому поводу. И никому не было дела до того, что это за человек и что с ним происходит. А для многих он был просто источником веселья. Помню, как на кишинёвской конференции в 1981 году мы гадали, почему нет Пославского и приедет ли он вообще, пока кто-то не сказал нам, что он здесь – просто третий день лежит у себя в номере гостиницы. Не поверив сказанному, мы с Эдиком Гавриловым пошли в указанный номер и действительно нашли нашего друга лежащим на кровати. Эдик, как всегда в таких случаях, закатился смехом, а Толька, протягивая ему руку, несколько раз повторил: «Ну, чего ты ржёшь? Ты пульс потрогай, посчитай!». У него действительно оказалось очень высокое давление, спровоцированное алкоголем…

Осенью того же 1981 года Толя вдруг появился в кафе на банкете, посвящённом присуждению нашим териологам Государственной премии Казахстана за сайгака! Это было просто непостижимо: откуда он появился и как узнал об этом событии? Объяснять ему было некогда – он опаздывал на поезд. Выпив наспех несколько рюмок и закусив, он попросил меня помочь ему найти такси на железнодорожный вокзал. И там, на улице, объяснил, что он едет на новое место работы в Аральск, поезд отходит через час, а у него ещё вещи в камере хранения на вокзале. На вопрос, с какого вокзала отходит поезд (Алма-Ата 1 или Алма-Ата 2), он ответить не мог. Как ни пытался я его растормошить, пока он ещё не окончательно опьянел, так и не удалось выяснить – на каком же вокзале его вещи. Так он и уехал – просто на вокзал…

К середине 80-х гг. Толя основательно взялся за оформление накопившихся за ряд лет данных по птицам пустынь. На кафедре зоологии Новокузнецкого пединститута он завершил докторскую диссертацию на тему: «Пути приспособления птиц к условиям существования в северных пустынях Евразии», которую блестяще защитил в декабре 1987 года в МГУ им. М.В. Ломоносова. Как рассказывал мне профессор Михаил Анатольевич Воинственский, который в Киеве написал внешний отзыв на эту работу, она ему очень понравилась, но несколько смутило поведение автора, пришедшего за отзывом. «Было это у меня в саду, мы сидели на лавочке и я задал ему вопрос, почему в такой-то главе написано вот так-то. Он дружески похлопал меня по колену и сказал: «Так надо!». На второй вопрос ответ был тот же, но при этом он ближе наклонился ко мне, и по запаху я понял, *почему* именно так надо» – со свойственным ему юмором рассказывал Михаил Анатольевич. А потом уже серьёзным тоном спросил: «Он что – пьёт?». А когда я как-то замялся, прежде чем ответить, он добавил: «Очень жаль! Талантливый человек».

В последние годы (1988-1993), работая после защиты докторской диссертации заведующим кафедрой Чарджоуского пединститута (Туркменистан), А.Н. Пославский много внимания уделял организации орнитологических исследований водоплавающих птиц на юго-востоке Туркмении, проводил количественные учёты птиц, включая аэровизуальные; организовывал и проводил конференции по экологии региона, заключал договора и соглашения о научном сотрудничестве с зарубежными фондами и учёными – как будто торопился все успеть. И многое успел.

Переписка наша (как и вообще эпистолярный жанр в 80-х гг.) постепенно угасла и в последние годы ограничивалась короткими записками и надписями-посвящениями на оттисках научных работ или на авторефератах своих учеников. Один из последних таких письменных приветов от друга Толи я получил вместе с авторефератом его последнего аспиранта Реджепа Ширекова. На обороте обложки автореферата хорошо знакомым мне почерком было начертано: «Тёзка! Не напишешь отзыв – убью!». И я живо представил себе, в каком состоянии он это писал. Дача Реджепа стала последним пристанищем Анатолия Никифоровича Пославского: здесь он жил в одиночестве, набирая порядочный запас водки, здесь и умер – наедине с этим любимым напитком…

Учредительная конференция Общества защиты животных

(Москва, декабрь 1990)

Возвращаясь к 1990 году, могу сказать, что завершился он прошедшей в Москве 15 декабря Учредительной конференцией Общества защиты животных, которой предшествовала кратковременная (2-5 ноября) поездка с туристами Республиканского клуба юных туристов в заповедник Аксу-Джабаглы. Эта ноябрьская поездка была не только выполнением моих давних обещаний ребятам после республиканского слёта 1983 года, но и следствием нараставшей ностальгии по этим родным местам. И три дня, проведенные в ущелье

Талдыбулак и в арчевниках Кши-Каинды, где мы встретили кабанов, косуль и много пернатых хищников, была для меня как бальзам.

Проходившая в Москве Учредительная конференция была возрождением давно забытой, но 100 лет назад весьма активной в России организации, прекратившей своё существование в эпоху революционных потрясений. Инициаторами и участниками этой конференции стали лучшие представители интеллигенции Москвы, в том числе – очень известные писатели, актёры, музыканты и художники. Председателем Общества защиты животных единодушно был избран доктор юридических наук профессор Олег Степанович Колбасов, которому в 1981 году мы представляли на суд проект первого казахстанского Закона об охране и использовании животного мира. Новое общество брало под свою защиту и опеку не только диких, но и домашних животных. Бурными аплодисментами встретили мы народного артиста СССР Иннокентия Смоктуновского, вынесшего на сцену на руках своего любимого кокер-спаниэля. Для участников конференции была организована хорошая культурная программа, в том числе спектакль «Чайка» на сцене МХАТ; а небольшую группу представителей союзных республик принял в своём кабинете Министр культуры СССР актёр Юрий Соломин, хорошо знакомый нам по киноролям. На вопрос участницы нашей делегации, как он, бывший «Адъютант Его Превосходительства» чувствует себя в роли Его Превосходительства, Юрий Михайлович просто, без всякого пафоса, ответил: «Не моё это дело. Я актёр, и моё место в театре», что и подтвердил вскоре на деле, оставив этот высокий пост.

В самом конце уходящего 1990 года вышла в свет долгожданная коллективная монография «Редкие животные пустынь». И в этом же году появилось очень интересное издание, к которому я имел самое непосредственное отношение и о котором стоит рассказать. Речь идёт о 10-томной иллюстрированной серии «Заповедники Советского Союза» под ред. акад В.Е. Соколова и Е.Е. Сыроечковского. После выхода превосходного первого тома «Заповедники Дальнего Востока» (1985) появились два тома, посвященных заповедникам Европейской части РСФСР, том «Заповедники Украины и Молдавии», том «Заповедники Прибалтики и Белоруссии» и, наконец, настала очередь Средней Азии и Казахстана. К участию в составлении этого тома пригласили меня уже упоминавшийся здесь Пётр Дмитриевич Гунин и Юна Владимировна Дроздова, которая оказалась дочерью Жирмундской, бывшей в годы войны директором заповедника Аксу-Джабаглы! Вот уж поистине мир тесен. Как рассказывала мне Юна Владимировна, она ещё ребёнком успела полюбить эти прекрасные места и мечтает увидеть их ещё хоть раз. Сотрудничество наше началось с первых шагов планирования тома и подбора авторского коллектива, причём по казахстанским заповедникам она полностью доверила работу мне – от подбора авторов до написания очерков по тем заповедникам, по которым я могу это сделать сам. Естественно, я оставил себе любимый Аксу-Джабаглы, взяв в соавторы Анну Андреевну Иващенко, а в нагрузку достался ещё Устюртский заповедник. Затем были взаимные обмены текстами рукописей, иллюстрациями – и вот, наконец, после двух лет постоянной переписки появи-

лась эта книга, которая до сих пор меня греет, в том числе и тем, что я попал в хорошую компанию – кроме названных лиц в состав редколлегии вошли: Агаджан Гельдыевич Бабаев (тогда – президент АН ТССР), Роман Исаевич Злотин, Рудольф Викторович Камелин и академик АН ТССР Нина Трофимовна Нечаева…

Вторая поездка по сводке «Птицы Средней Азии» (Ташкент, январь 1991)

Год начался с поездки 20 января в Ташкент, где мы вместе с Д.Ю. Кашкаровым, О.В. Митропольским, Р.Н. Мекленбурцевым и В.И. Тороповой обсуждали вопросы подготовки первого тома сводки «Птицы Средней Азии». Здесь я впервые познакомился с Ташкентской противочумной станцией, на территории которой поселил нас Олег Вильевич Митропольский. Он же познакомил меня с сотрудниками станции Геннадием Петровичем Третьяковым и Юрием Залмановичем Ривкусом. Здесь, на улице Хувайдо (бывшая Урожайная), было очень уютно, а за высоким забором станции – и безопасно.

Полевые работы в районе Нурлы (долина Или, апрель-май 1991)

С 18 апреля начались полевые работы у с. Нурлы на левобережье р. Или – в 140 км восточнее Алма-Аты. Здесь физики Института физики высоких энергий Академии наук Казахстана запланировали создание современного полигона «ШАЛ-1000» для изучения космических частиц, поступающих из атмосферы на землю без ведома человека или его участия. Планировалось на площади около 1-2 км^2 поставить определённое количество высокоточных приборов, заключённых в бетонированные тумбы (предохраняющие от разрушения пасущимся скотом, да и любопытным человеком тоже). Полученные этими приборами данные подлежали дальнейшей камеральной обработке уже в лаборатории. Казалось бы, ничего непонятного – обычные научные исследования, проводимые при помощи высокоточной техники. Однако слово «полигон», очень быстро подхваченное «зелёной» прессой, сослужило науке плохую службу. Его восприняли чуть ли не как атомный реактор – и пошли выступления в духе «нам не нужны дети-калеки», причём среди противников этой работы особой активностью выделялся профессор Павел Иустинович Мариковский, авторитет которого как учёного и писателя-натуралиста был очень высок. Поэтому на заседаниях Президиума Академии наук было принято решение провести комплексное биолого-почвенное обследование данной территории и дать своё заключение о возможных рисках для биоты планируемых физиками исследований.

Первый рекогносцировочный выезд на место предполагаемых работ совершили мы с Сергеем Скляренко и водителем Виктором на машине УАЗ-469 18-20 апреля. В первый день мы проехали к с. Нурлы, оттуда через с Бурандысу – к реке Или напротив Поющего бархана. Экскурсия по редкому саксаульнику с сарсазанником на солончаковой почве показала бедность авифауны, но, тем не менее, мы видели одну саджу и трёх журавлей-красавок, а приехавшие в Нурлы

вечером Е.И. Рачковская и Ю.Г. Евстифеев рассказали, что в 19 час видели стаю из 60 красавок, пролетевших вдоль реки Чилик к Капчагаю. На следующий день в районе Бурандысу мы наблюдали интенсивный пролёт журавлей: за 2 часа, с 10 до 12, насчитали 25 стай общей численностью более 2300 птиц, пролетевших в направлении восток-северо-восток; всё это были красавки (*Anthropoides virgo*). Утренние учёты в саксаульнике показали, что хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*) преобладает над малыми (*Calandrella* sp.), а чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) – над саджей (*Syrrhaptes paradoxus*). Пустынная каменка (*Oenanthe deserti*), пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*) и пустынная славка (*Sylvia nana*) встречены единично.

Средств на работу зоологов было отпущено очень мало – всего лишь на оплату командировочных расходов 3-4 человекам, и то на короткий срок. Поэтому после рекогносцировки 18-20 апреля мы попали в эти места только 21 мая и поработали 10 дней – до 1 июня. Втроём (я, С.Л. Скляренко и Р.А. Кубыкин) добрались мы автобусом до села Чилик, а там нас «подобрали» соседи-почвоведы, которые работали на двух больших экспедиционных машинах. Спасителями этими оказались Юрий Григорьевич Евстифеев и Константин Михайлович Пачикин, с которым мне через несколько лет предстояло познакомиться очень близко. Привезя нас в посёлок Нурлы (нам выделили здесь двухэтажный коттедж!), они сказали, что остаются здесь на несколько дней. Пришлось остаться и нам, хотя делать в этом посёлке зоологу нечего – мы рассчитывали разбить свой маленький лагерь где-нибудь среди саксаульников. Однако коттедж, как основной базовый лагерь был очень кстати, отсюда можно было делать кратковременные выезды хоть на попутном транспорте. Вывезя свой скарб в Нурлы, мы совершили небольшую экскурсию по окрестностям, познакомились с местом, где уже были поставлены пробные бетонные тумбы физиков. Здесь необходимо пояснить, что представляли собой Нурлы.

Левобережье реки Или сразу за Чиликом – полого понижающаяся от гор Богуты к самой реке глинистая равнина с редкой пустынной растительностью. Саксаульники более или менее развиты восточнее села Бурандысу и в них везде – следы «лесопосадок» в виде распаханных полос из голой глины, долго не зарастающей вообще ничем. Единственная польза от этих распашек – защита для джейранов, которые могли теперь не бояться ночных браконьеров на машинах с фарами – ездить по этим ухабам невозможно.

Среди этой безжизненной глинистой пустыни посёлок Нурлы представлял собой оазис: здесь пробурили несколько десятков самоизливающихся скважин, около каждой из которых образовались лужи с зелёной растительностью. Сам посёлок напоминал городок из типовых двухэтажных коттеджей, центральная улица была асфальтирована, а вокруг возвышавшихся в центре клуба и огромного универмага были разбиты клумбы – всё это с большой претензией на цивилизованность. При коттеджах имелись надворные постройки для скота, но зелени пока ещё не было – её ожидали от высаженных недавно хилых прутиков, которые берегли и регулярно поливали. Всё это очень напоминало те давние «потёмкинские деревни», которые были созданы с той же агитационной це-

лью. В данном случае цель была очень высокой: смотрите, как человек делает из безжизненной пустыни цветущий сад! Такая благородная цель оправдывала, по мнению руководства, те масштабные денежные затраты, которые шли на содержание этого посёлка. Тем более, что это были целевые средства, направлявшиеся из Москвы (для агитации ничего не жаль). И никто не мог себе даже предположить, что жить этой прелести оставалось меньше года…

Только в полдень 22 мая на пришедшей из Алма-Аты машине ГАЗ-53 ботаников (во главе с Борей Гельдыевым, поскольку Н.П. Огарь и Е.И. Рачковская были где-то далеко) мы выехали из Нурлов и стали лагерем в 7-8 км от Бурандысу среди редкого саксаульника со сведой (*Sveda physophora*) и низкорослыми солянками. Отсюда совершали экскурсии с учётами в радиусе до 5 км. В дополнение к апрельским наблюдениям в наших учётах появились позднеприлётные птицы – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*), южная бормотушка (*Hippolais rama*), желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*), розовый скворец (*Pastor roseus*), сизоворонка (*Coracias garrulus*), обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*) и другие. По-прежнему саджа значительно уступала в численности чернобрюхому рябку. Через два дня переместили лагерь ближе к реке Или, став на границе песков. Отсюда легче было совершать экскурсии в долину реки, где напротив Поющего бархана была прекрасная туранговая роща. Здесь мы имели удовольствие наблюдать таких замечательных птиц как серая синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*), белокрылый дятел (*Dendrocopus leucopterus*), бурый голубь (*Columba eversmanni*) и даже орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), гнездо которого с двумя пуховыми птенцами нашли на верхушке одной из старых туранг. Здесь же, в долине реки, мы встречали таких не свойственных для пустыни птиц как фазан (*Phasianus colchicus*) и серый журавль (*Grus grus*), а на берегах реки и на воде – многих куликов, чаек, крачек, уток. Третий лагерь, воспользовавшись приехавшей за нами машиной ГАЗ-66 (водитель Дмитрий Фёдорович Попандопуло), разбили мы уже за два дня до отъезда восточнее двух предыдущих – среди саксаульника с большими полянами, поросшими тасбиюргуном (*Nanophyton erinaceum*). Здесь мы надеялись найти побольше садж, но они и здесь были редки, изредка встречаясь отдельными парами. Зато зайцев-толаев было довольно много, а кроме того, всё было испещрено свежими следами джейранов. Из птиц самая интересная встреча – тугайный соловей (*Erythropygia galactotes*), певший в зарослях тамариска.

Между этими двумя выездами в Нурлы я с 20 апреля периодически участвовал в мониторинге гнезда серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*) в Малом Алматинском ущелье, который мы продолжали вести с дочерями Викторией и Ириной по 24 июля. А с 29 апреля по 6 мая мы вместе с ними и внучкой Элиной провели неделю в своём любимом Аксу-Джабаглы, посетив до боли знакомые места – Талдыбулак, Джабаглы, Кши-Каинды. Это период массового цветения тюльпанов, особенно таких красавцев как *Tulipa greigii* и *Tulipa kaufmaniana*, когда заповедные места особенно красивы и незабываемы.

Поиски гнёзд белого аиста в Чимкентской области (июнь-июль 1991)

С 25 июня по 4 июля мы с С.Л. Скляренко выезжали в Чимкент для поисков гнезд белого аиста (*Ciconia ciconia asiatica*) – краснокнижного вида, по которому свежих данных за последние два десятилетия практически не было. Кое-что удалось нам собрать по разосланным анкетам и вот теперь предстояло посетить эти места и убедиться в достоверности известий корреспондентов. Кроме того, надо было посетить места, где ещё в 1982 году С.Л. Скляренко и В.А. Морозов осмотрели 5 жилых гнёзд этого вида.

Выехали поездом 25 июня вместе с Костей Плаховым и Ерланом Ташибаевым, которые ехали на учёт сурка Мензбира, прихватив с собой двух фоксов – уже знакомого Снаба и его сына. Поскольку ехали в купейном вагоне и посторонних людей в нашем купе не было, то собак легко разместили в багажных ларях под нижним полками. До Чимкента добрались без приключений. Там в областной госохотинспекции (охотоведы Кравченко Сергей Александрович и Шпилькин Александр Иванович) наши териологи отделились и на машине инспекции уехали в Каржантау. Разделились и мы с Сергеем, договорившись, кто какие районы будет обследовать. И он направился в сторону курорта Сарыагач, а я собирался поработать по Бадаму. Надеяться на аренду машин в охотинспекции не приходилось, поэтому я вспомнил, что здесь, в Чимкенте, живёт мой старый товарищ по Аксу-Джабаглы Иван Васильевич Жируев. Он работал в каких-то автомастерских и мог оказать содействие с транспортом. Этот путь оказался очень сложным и хлопотным – в итоге я чуть ли не в каждое село ездил на другой машине, меняя их «как перчатки» – от частной легковушки до автобуса «Кубань». Очень приятно было встретить старых друзей (жена Ивана Мария работала в 60-х гг. учительницей в новониколаевской школе), которые устроили меня на жительство у себя на даче под Чимкентом, откуда я и совершал свои выезды.

Первый выезд, на Тамерлановку, состоялся 27 июня. Здесь в с. Коктобе, в долине Бугуни, мы осмотрели два жилых гнезда аиста на столбах ЛЭП – с 4 и 5 птенцами; в одном птицы гнездятся 6 лет, в другом – три года. До прошлого года было ещё одно гнездо на дереве – прямо над крышей сельского магазина. Упало вместе с деревом. Еще в одном аисты гнездились недавно, а в апреле этого года приезжие из машины стреляли здесь аиста. Ещё в одном гнезде одного аиста в 1990 г. убило током, а вторая птица долго держалась рядом с гнездом; другое гнездо, расположенное также на столбе, сбросили электрики, чтобы не было замыкания. В соседнем селе Заречном в гнезде было 5 больших птенцов, величиной почти со взрослого, от которого они отличались только цветом клюва – у них он был черный, а у взрослого – красный. По словам живущего рядом хозяина, этому гнезду уже много лет. Новое гнездо, постройки этого года, видели мы в старой ивовой роще в 0.5 км от села Нижний Боролдай; располагалось оно у верхушки на высоте около 20 м, поэтому содержимое его осталось для нас неизвестным. По словам местных ребят, которые знают всё на свете, в этом гнезде в этот день было 5 маленьких птенцов.

В ночь на 28 июня мы переехали в окрестности с. Чаян, но, несмотря на объезд многих сёл, аистов здесь не оказалось. Утром 29 июня в старом русле

р. Бугунь Иван Жируев и его друг Володя Новиков наловили рыбы – змееголовов, сазанов, сомов. Уже в сумерках на столбе за Бадамом осмотрели издалека гнездо аиста на столбе; по словам Новикова, аисты гнездятся здесь уже более 10 лет. В гнезде было 2 птенца. Инспекторы Анвар Атауов и Валерий Павлов сообщили интересные сведения о сурке Мензбира. По их мнению, из-за постоянного выпаса скота сурок не успевает набрать жир на зиму, поэтому зимовка проходит не совсем благополучно, и весной у сурка не хватает сил пробить трёхметровый слой снега. Кроме того, ему не дают нормально вылинять. А на третьем месте среди причин – глисты, общие с овцами.

В с. Чаян познакомились с писателем Еркинбеком Турусовым, который ещё в 1961 году сопровождал Мухтара Ауэзова в поездке по этим местам. Он местный житель, знает хорошо природу, даже 4 года держал архара, которого вырастил из ягнёнка, однако белого аиста в этих местах ни разу не видел. Осмотрев ещё с десяток сёл, мы 2 июля достигли города Туркестан и остановились на ночь в 19 км, на берегу канала. На следующий день посетили знаменитый мавзолей Хаджи Ахмеда Яссави и покинули Туркестан. Во всех посещённых на обратном пути сёлах местные жители отрицали наличие здесь аистов или же начинали рассказывать о том гнезде в 7 км от Бадама, которое знают все. И мы на обратном пути снова посетили его, полюбовавшись двумя стоящими в гнезде большими птенцами, которым родители носили корм, не обращая внимания на проходящие машины.

И снова серпоклюв (Большое Алматинское озеро, июль 1991)

Большую часть июля 1991 г. я провёл на большом Алматинском озере, наблюдая за поведением единственного здесь выводка серпоклювов. При помощи студентки Карагандинского университета Татьяны Кочетовой мне удалось с 11 по 26 июля провести хронометраж деятельности птенцов и их родителей, наблюдая за выводком по несколько часов подряд. Оказалось, что в отличие от родителей, которые большую часть времени караулят птенцов, стоя на одном месте, сами птенцы находятся в непрерывном движении – до 79% светлого времени суток, из них 70% тратят на поиски корма. Отдыхают (стоя или лёжа) они не более нескольких минут кряду. Кормятся птенцы в основном на земле, разыскивая насекомых среди камней, тогда как взрослые – почти всегда в горном потоке. Также и результативность поиска корма у птенцов в несколько раз ниже, чем у взрослых. Об этом я опубликовал специальное сообщение «О бюджете времени у выводка серпоклювов» (Selevinia, 1998-1999).

Поездка на месторождение бурого угля Ой-Карагай (Центральный Тянь-Шань)

Как-то в конце лета 1991 г. ко мне как председателю Казахстанского отделения МОИП обратились представители фирмы, занимающейся разработкой проекта по добыванию бурого угля в одном из районов Центрального Тянь-Шаня. Попросили дать заключение о возможных последствиях предполагаемой угле-

добычи на животный мир этого района. Это была самая первая ласточка новых производственных отношений, зарождающихся в недрах старой социалистической системы: за экспертной оценкой обращались уже не в государственные научные организации (какой была Академия наук Казахстана), а к одной из общественных организаций. Для нашего филиала это был первый заказ, суливший хоть и мизерные, но всё-таки впервые *заработанные* деньги.

Заключив с этой фирмой (уже не помню даже её названия!) договор, мы вдвоём с териологом нашего института Людмилой Васильевной Спиваковой 9 сентября выехали на машине фирмы на Ой-Карагайское месторождение бурого угля в хребте Каратау по маршруту: Алма-Ата – Кегень – Сарыджаз – Куркульдек (р. Сумбэ) – Ой-Карагай. По пути я заехал в Чиликский табаксовхоз, где на сельхозработах от КазГУ была моя дочь Ира, в надежде «отпросить» её у преподавателей на три дня и взять с собой полюбоваться Центральным Тянь-Шанем. Однако она сама не согласилась, посчитав это неудобным перед своими товарищами, которые в это время будут убирать табак. Когда мы только въехали в Кокпекское ущелье, меня поразили масштабы прошедшего здесь недавно дождевого селя: дорога во многих местах была размыта, асфальт уничтожен на значительном протяжении, а по всему ущелью работала техника – мощные бульдозеры, экскаваторы, тягачи. Около двух часов понадобилось, чтобы проехать через это ущелье (сейчас на это уходит не более 5 минут).

Угольный разрез «Ой-Карагай» располагался на высоте 2700 м над уровнем моря, как раз на верхней границе лесного пояса. Это была типичная «арчель», как мы в Заилийском Алатау привыкли называть зону смешения арчи и ели. А внешне местность очень напоминала окрестности нашего стационара на Большом Алматинском озере. И, соответственно – тот же набор птиц. Из наиболее интересных видов упомяну кедровку (*Nucifraga caryocatactes*) и дербника (*Falco columbarius*), а также скальную овсянку (*Emberiza buchanani*) которая могла быть и пролётной – так же, как монгольский вьюрок (*Bucanetes mongolicus*), курганник (*Buteo rufinus*) и чернозобый дрозд (*Turdus atrogularis*). Место это оказалось на самой границе с Китаем, и стекавшие ручьи уходили туда, поэтому и все экологические последствия были не для нас…

Последняя Всесоюзная орнитологическая конференция (Витебск, 1991)

Меньше чем через неделю я уже был в городе Витебске (Белоруссия), где с 17 по 20 сентября проходила очередная 10-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Так как Советский Союз доживал свои последние дни, все понимали, что это последняя такая, именно ***Всесоюзная*** конференция, а как будет дальше – не знал никто. Организовал её Витебский педагогический институт (тогда их ещё не успели превратить поголовно в университеты), а точнее – его проректор Анатолий Максимович Дорофеев, хороший и давний мой знакомый, очень энергичный человек. А помогал ему, будучи заместителем председателя оргкомитета, доцент Минского университета, мой давний приятель Леонид Павлович Шкляров. Основополагающий пленарный доклад В.Д. Ильичёва был посвящён проблеме: «Оптимизация

взаимоотношений человека с птицами», а два других – В.Е. Флинта и А.К. Рустамова – задачам орнитологов в изучении и сохранении биологического разнообразия. Материалы конференции были опубликованы в трёх книгах объёмом 834 с.

Рис. 86. В Березинском заповеднике с А.К.Рустамовым и В.В.Бианки. Белоруссия, сентябрь 1991 г.

После окончания конференции состоялась экскурсия в Березинский биосферный заповедник, хорошо сохранившиеся леса которого оставили хорошее впечатление. Здесь мы больше всего общались с А.К. Рустамовым, В.И. Тороповой, Т.Б. Ардамацкой и В.В. Бианки. На прощальном банкете запомнились беседы с Алексеем Васильевичем Михеевым, который был уже весьма слаб и с трудом переносил всеобщее веселье, тогда как разгулявшейся молодёжи, включая и очень лихо отплясывавшего организатора Толю Дорофеева, было совсем не до старика. Почему-то именно этот момент запомнился наиболее остро. Пришлось несколько раз отвлекать тёзку от понравившегося занятия, пока не был найден транспорт, который отвёз моего дорогого оппонента в гостиницу. Глядя на него, я не мог отвязаться от мысли, что встреча эта – последняя… Вообще, для меня на этой конференции преобладали почему-то грустные нотки.

Из Витебска я вместе с Лёней Шкляровым поехал в Минск – так было договорено заранее, когда он в письмах предупреждал, что я обязательно должен побывать у него в гостях. Так и сделали. Он даже пригласил к себе Галину Александровну Галковскую, которая когда-то (кажется, в 1973 году) была у меня на высокогорном стационаре и тоже хотела увидеться. Она к этому времени уже защитила докторскую диссертацию, и мне показалось, что именно этот новый сан помешал ей быть более искренней при встрече. Но всё-же Валерку Лопатина, который тогда спровоцировал её на суп с фрикадельками, мы вспомнили (уезжая тогда, она говорила, что хотела бы видеть своего сына таким, как он). Город мне понравился, но поскольку для знакомства с ним у меня был только один вечер, в памяти почти ничего не осталось. Главное – я повидался с Лёней (вскоре его не стало). Впрочем, и Толю Дорофеева я видел тогда в последний раз. Как-то быстро они ушли, один за другим, и поневоле приходит мысль – не «помог» ли им в этом Чернобыль…

Байконур – Ессентуки (октябрь-ноябрь 1991)

С 10 октября я опять несколько дней провёл на космодроме Байконур (от этой поездки остались в памяти только подаренные нам старыми знакомыми

полковниками «Афоризмы офицеров Советской Армии» – свидетельство высокой степени самоиронии) и в том же месяце уехал на лечение в свои любимые Ессентуки. Тогда ещё только строился санаторий «Казахстан», поэтому пришлось устроиться на частную квартиру, но хозяева Юра и Люда были так гостеприимны, что от этих трёх недель остались самые тёплые воспоминания. Мы даже ездили вместе на скачки на знаменитый Пятигорский ипподром. А по возвращении – последний «полевой» выезд на Курдай 18 ноября…

Переиздание Красной книги Казахстана (1991)

В 1991 году в печати появились весьма ощутимые результаты деятельности нашей лаборатории охраны диких животных. К концу года в издательстве «Гылым» увидел свет второй сборник научных материалов ко второму изданию Красной книги под названием «Редкие птицы и звери Казахстана», на титуле которого рядом с названием Госкомитета КазССР по экологии и природопользованию стояло: «Казахское отделение Московского общества испытателей природы», а ниже – эмблема нашей лаборатории в виде головы джейрана, обрамлённой гибкой шеей фламинго (рис. 87). Первый сборник под названием «Редкие животные Казахстана» мы издали ещё в 1986 году. С выходом второго мы подготовили и сам текст нового издания Красной книги, которая должна была, как сказано в Положении о ней, переиздаваться не реже одного раза в 10 лет. А прошло уже 13 лет, и я во всех инстанциях не уставал повторять, что Красную книгу надо переиздать. Больше года понадобилось, чтобы подготовить очерки не только позвоночных животных (они нуждались лишь в доработке), но и беспозвоночных, по которым они готовились впервые! Здесь огромную помощь мне как заместителю главного редактора оказал Иван Дмитриевич Митяев, который организовал весь коллектив возглавляемой им лаборатории энтомологии на написание 105 очерков по беспозвоночным животным: 96 из них были посвящены насекомым, 6 – моллюскам, 2 – червям и один – ракообразным.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КАЗАХСКОЙ ССР
ПО ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ

КАЗАХСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

РЕДКИЕ
ПТИЦЫ И ЗВЕРИ
КАЗАХСТАНА

(МАТЕРИАЛЫ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ
КРАСНОЙ КНИГИ КАЗАХСКОЙ ССР)

АЛМА-АТА
«Гылым»
1991

Рис. 87. Титул последнего сборника лаборатории с эмблемой и автографами авторов

Так впервые была написана вторая часть тома «Животные» – Беспозвоночные. Но мало было написать, надо было издать. Обстановка в стране мало способствовала этому. Долгие наши споры сводились к од-

ному: либо ждать неизвестно, сколько времени, когда появятся средства на оплату рисунков, хорошей бумаги и полиграфической базы, или же издать книгу небольшим тиражом без рисунков – по сути, для служебного пользования. С большим трудом удалось настоять на втором варианте, и книжка под названием «Красная книга Казахской ССР. Том 1. Животные», объёмом 559 страниц, вышла на серой бумаге, без рисунков (только чёрно-белые картосхемы распространения животных), к тому же очень маленьким тиражом – всего 600 экз., тогда как первое издание в 1978 г. вышло тиражом 10 тысяч экземпляров! Кстати, в нашем коллективном решении о втором издании была маленькая, но существенная оговорка: при первой же возможности повторить это издание с рисунками и в приличном полиграфическом исполнении. Эта оговорка сыграла свою роль в осуществлении третьего выпуска Красной книги Казахстана, последовавшего всего через 5 лет.

Перестройка и провозглашение суверенитета в Казахстане

А в это время по всей нашей огромной стране бушевали политические страсти. Не миновали они и Казахстана, как бы ни прятали голову в песок такие аполитичные люди, как я. Ведь не случайно даже профессию свою – орнитологию – я выбрал очень далёкую от политики. И много лет успешно уклонялся от вступления в партию, изобретая любые предлоги – лишь бы меня оставили в покое. Зато вскоре я убедился в своих преимуществах: мне не пришлось демонстративно рвать или сжигать партбилет, как это делали некоторые мои знакомые, так рвавшиеся в своё время в партию…

Хочу сделать здесь маленькое отступление и вспомнить, как в самый разгар перестройки меня чуть было не вынесло на орбиту политической деятельности. Как-то в середине 80-х гг. мне позвонили из Верховного Совета Казахской ССР и оказали высокую честь, предложив баллотироваться в депутаты Верховного Совета. Человек, назвавшийся Фёдоровым, сказал, что меня рекомендовали из Президиума Академии наук как знающего эколога и природоохранного деятеля (я сразу понял, что это дело рук Е.В. Гвоздева). Когда я начал отказываться, товарищ Фёдоров посоветовал мне не спешить и хорошенько подумать: неужели я не хочу, чтобы наши реки были чистыми и т.д., и т.п. Опять же, в Верховном Совете очень нужны грамотные экологи – доколь экологическими комиссиями там будут руководить депутаты – вчерашние слесари или токари? Это подкупало, и я даже начал что-то мямлить. И тут он неожиданно спросил: «Вы бывали в городе Балхаше?», а услышав отрицательный ответ, оживился и сказал тоном, не допускающим возражений: «Вот и прекрасно – там будете баллотироваться. Вас там никто не знает – и всё пройдёт как нельзя лучше». Краска стыда залила мне лицо, и я радовался тому, что он меня не видит. Так вот, оказывается, как надо избираться! Как будто они заранее уверены в моей подмоченной репутации и предлагают мне беспроигрышный вариант. Спасибо ему за эту опрометчивую фразу – я сразу понял, куда меня втягивают. И хотя он просил подумать, я так и не позвонил по оставленному мне номеру телефона…

Но вернёмся в 1991 год. Хотя в Казахстане, слава Богу и мудрым взвешенным руководителям, не стреляли, но и здесь события развивались в одну сторону и достаточно стремительно: 1 декабря был избран первый президент страны Нурсултан Абишевич Назарбаев. Через неделю, 8 декабря собравшиеся в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали совместный документ о ликвидации Соглашения 1922 г. об образовании СССР и создании содружества трёх независимых государств. Через 5 дней руководители среднеазиатских республик и Казахстана, собравшись в Ашхабаде, объявили о поддержке Беловежских соглашений; 10 декабря Казахскую ССР переименовали в Республику Казахстан, 16 декабря провозглашён суверенитет Казахстана, а 21 декабря в Алма-Ате руководители 11 бывших союзных республик подписали Соглашение о создании Союза Независимых Государств (СНГ). Как сказано в Национальной энциклопедии «Казахстан»: «С этого времени Казахстан вступил на путь независимого государственного развития. Были определены единое казахстанское гражданство, независимая экономическая система и т.д. 4 июня 1992 г. утверждены государственные символы – флаг и герб, а 11 декабря – гимн Казахстана. 29 марта 1992 года Казахстан принят в члены ООН».

Произошедшие изменения оказались глубже, чем просто размежевание бывших союзных республик единой огромной страны. Началась самая настоящая реставрация капитализма, поначалу стыдливо прикрываемая фразами о «социализме с человеческим лицом». Прежняя советская жизнь закончилась, начиналась новая, совершенно для нас незнакомая. И вместе со свободой, о которой так много говорилось в последние годы, пришли и многие отрицательные явления – такие как безработица, неустроенность, резкое расслоение на богатых и бедных, откровенное выставление на показ своего богатства. Одним словом, никуда не уехав, мы стали жить в *другой* стране – с другими приоритетами и правилами. Но прежде чем закрыть эту страницу (означающую для меня лично 55 лет моей жизни), я хочу вспомнить о людях, с которыми я работал в *той* стране. Это, прежде всего – сотрудники Института зоологии и в первую очередь – лаборатории охраны диких животных, с которыми пришлось не один пуд соли съесть в экспедициях…

Наши герпетологи

Основоположника казахстанской герпетологии Константина Петровича Параскива я не застал – он умер в год моего приезда в Казахстан, оставив после себя монографию «Пресмыкающиеся Казахстана» (1956), ряд других публикаций, научную коллекцию, а главное – хорошую память в сердцах наших старших товарищей, с которыми он работал. После его ухода в лаборатории осталась только батрахолог Каден Искаковна Искакова, о которой я уже упоминал в самом начале – при описании сотрудников лаборатории, в которую я попал после заповедника. К сказанному там я мало что могу добавить, поскольку эта тихая скромная женщина при мне уже не занималась зоологией и вскоре так же незаметно ушла на пенсию. Только в 1967 г. появился Рудольф Александрович

Кубыкин – сначала в скромной должности монтёра-электрика института, потом – лаборанта в лаборатории орнитологии, где он смог заняться сбором полевого материала.

Рудольф Александрович Кубыкин (1937-2001). Вся творческая жизнь его была связана с Институтом зоологии АН КазССР. Родился он 16 августа 1937 г. в с. Котуркуль Кокчетавской области Щучинского района. После службы в рядах Советской Армии переехал в Алма-Ату и с 1969 г. работал в лаборатории орнитологии, где, помимо лаборантских обязанностей, собирал материал по распространению и экологии амфибий и рептилий. В 1971 г. окончил вечернее отделение биологического факультета Казахского государственного университета. Дальнейший путь чётко обозначен в кратком некрологе, написанном Зоей Карповной Брушко, проработавшей с ним около 30 лет:

«С 1972 г. *Р.А.* уже в качестве герпетолога участвует в выполнении ряда плановых и хоздоговорных тематик. Будучи увлеченным полевиком, он побывал в многочисленных экспедициях... Результатом обследования Мангышлака, Кызылкумов, Муюнкумов, Семиречья и Зайсанской котловины явились ценные материалы по фауне, экологии и этологии амфибий и рептилий. Самые оригинальные и новые сведения отражены более чем в 60 статьях, опубликованных в отечественных и зарубежных журналах. Его находка в Казахстане центральноазиатской ящурки пополнила состав герпетофауны бывшего СССР новым видом. Излюбленными объектами изучения были среднеазиатская черепаха и ящерицы-круглоголовки, которых Рудольф Александрович знал особенно хорошо. Большое внимание он уделял численности, состоянию популяции и охране среднеазиатской черепахи, разработав биологическое основание рационального использования этого вида. В последние годы он тесно и успешно сотрудничал с зарубежными герпетологами, являлся стипендиатом фонда Дж. Сороса 1983-1994 гг. Рудольф Александрович неизменный участник всех всесоюзных герпетологических конференций (1969-1989). Много усилий вложил он в создание герпетологической коллекции Института зоологии. Вместе с тем круг его интересов не ограничивался герпетологической тематикой. Он расширял познания редких видов млекопитающих – селевинии, карликового тушканчика и желтой пеструшки. Под его руководством ряд студентов успешно защитил курсовые и дипломные работы» (Брушко, 2001, с.222).

Человек он был очень основательный и делал капитально всё, за что ни брался. Эта основательность граничила с медлительностью (особенно в обработке материала или написании текста), которая вполне окупалась качеством сделанного. Лаборантская его должность давала возможность лишь попутного сбора материала, но он пользовался этим в полную меру, выезжая в поле то с орнитологами, то с териологами; особенно любил он ездить с Вадимом Ивановичем Капитоновым, которого безмерно уважал за его обширные и глубокие знания. А с появлением Зои Карповны они уже создали группу, получили свою тематику и работали в полную силу, привлекая к работе студентов и лаборантов.

Основным объектом изучения Рудольфа стала среднеазиатская черепаха (*Agrionemys horsfieldi*). Ей он посвятил около 20 лет, исследуя не только её численность и распространение, что было в первую очередь необходимо для этого промыслового вида, но и особенности биологии и фенологии. Он метил их, де-

лая насечки на панцире, а для поиска особей, ушедших на зимовку, привязывал им длинные «поводки», по которым затем находил закопавшихся черепах и даже определял глубину их залегания.

Обо всём этом он увлекательно написал в своих научно-популярных очерках. Об этой стороне деятельности Р.А. Кубыкина стоит сказать отдельно. Благодаря тому, что супруга Рудольфа Элла Алексеевна Бычкова, прекрасный редактор, заведовала редакцией в одном из казахстанских издательств, он вместе с ней осуществил, как бы сейчас сказали, два замечательных проекта – научно-популярные книги «Живые сокровища Казахстана» (1979) и «Тропинки в загадочный мир» (1988). Помимо собственных очерков (Сорбулакские этюды, Знакомьтесь – черепаха и др.) он привлёк к участию в этих сборниках всех сотрудников лаборатории, а также других зоологов института. Получились настолько интересные книги, что обе они были удостоены дипломов Всесоюзного общества «Знание». Кроме того, Рудольф сотрудничал со знаменитым казахстанским кинооператором Вячеславом Беляловым и был консультантом его прекрасного фильма «Семиреченский тритон». Надо сказать, что популяризация занимала его очень сильно.

Может быть, отчасти и от этого, но в основном из-за свей скрупулёзности, он очень затянул с подготовкой диссертации. Экзамены кандидатского минимума он сдал ещё в середине 70-х гг., но вплоть до 90-х вопрос о его диссертации не раз обсуждался на всех уровнях в институте. Он упирался, доказывал, что мало ещё территории покрыто учётами, хотя для экстраполяции этих данных на всю площадь ареала в Казахстане объёма работ, проведенных им, было более чем достаточно. В конце концов, закончился «срок годности» сданных 20 лет назад экзаменов, и вопрос о защите диссертации отпал как-то сам собой.

В 90-х гг. Рудольф увлёкся изучением семиреченского лягушкозуба (*Ranodon sibiricus*). А поскольку средств на автотранспорт для экспедиций в эти трудные годы уже практически не выделяли, то ему пришлось использовать любую оказию для того, чтобы попасть в высокогорье Джунгарского Алатау, где обитает тритон. А уж там приходилось передвигаться пешком, с грузом за плечами. Постоянным его спутником в этих походах стал молодой длинноногий энтомолог Александр Борисович Жданко, проводивший почти ежегодно много времени в поисках бабочек в высокогорье Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау. Помню их восторженные рассказы о своих пеших переходах и никак не могу отделаться от мысли, что именно они загнали сердце Рудика. Потому что по его образу жизни в городе он, можно сказать, был «запрограммирован» на долголетие: не пил, не курил, даже чай пил без сахара, а в последние годы – и без заварки (когда выяснил, что всё это вредно). Постоянно ходил пешком на работу (мы с ним не раз ходили вместе, так как его дом находился как раз на полпути между моим домом и институтом), и при этом всегда переходил на южную сторону проспекта аль-Фараби, которую считал менее загазованной транспортом! А в последний год ездил на работу на велосипеде, также дважды переходя с ним через проспект аль-Фараби, так как жил на той же стороне проспекта, что и институт.

Поэтому то, что произошло 1 августа 2001 года, потрясло весь институт: в этот день он уехал с работы в обед, а перед вечером какая-то женщина с собачкой нашла его мёртвым, лежащим на траве в скверике близ горнолыжного трамплина; рядом стоял прислонённый к дереву велосипед. Врачи констатировали сердечную недостаточность…

Зоя Карповна Брушко – ведущий герпетолог Казахстана. Родилась она (девичья фамилия Козлова) 25 марта 1931 г. в г. Старый Оскол Воронежской области (Россия), но уже с 1933 года проживала с родителями в Узбекистане. В 1953 г. закончила кафедру зоологии Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета и в течение 10 лет работала старшим лаборантом на этой же кафедре. Затем – 3 года работы в лаборатории токсикологии и 5 лет – в лаборатории экологии ядовитых змей Института зоологии и паразитологии, где Зоя Карповна выросла от младшего научного сотрудника до исполняющего обязанности заведующего лабораторией, кандидата биологических наук, защитив в 1970 г. диссертацию на тему «Строение и функционирование половых желез ядовитых змей семейства гадюк в природе и при содержании в питомнике». Казалось бы, дорога *З.К.* определилась: токсикология, морфология и экология ядовитых змей, особенно в условиях неволи. Но судьба уготовила Зое Карповне иной путь.

Ей, уже сформировавшемуся специалисту, пришлось в 1972 г. в связи с переводом мужа переехать в Алма-Ату, где всё начинать с нуля: старшим лаборантом в КазНИВИ, лаборантом в Институте зоологии, где поначалу заниматься изучением экологии узкопалого рака. Однако большие знания, эрудиция и завидная энергия позволили *З.К.* быстро преодолеть эти временные трудности. Уже через 3 года, в 1975 г., она переходит в лабораторию орнитологии и сразу становится во главе герпетологического направления, утраченного институтом со смертью К.П. Параскива в 1959 г. Последовали напряженные экспедиционные исследования и как результат их – герпетологические публикации.

С первых дней создания в институте лаборатории охраны диких животных (1980) *З.К.* – в ее составе и занимается всеми направлениями герпетологической науки: фауна, экология, изучение редких видов. Она непременный автор очерков о редких и исчезающих земноводных и пресмыкающихся во всех трех изданиях Красной книги Казахстана (1978, 1991, 1996), автор герпетологического раздела Книги генетического фонда Казахстана (1989), важных разделов в коллективных монографиях «Позвоночные животные Алма-Аты» (1988) и «Редкие животные пустынь» (1990). Её публикации (числом более 80) увенчала монография «Ящерицы пустынь Казахстана» (1992), подытожившая результаты многолетних исследований этой группы рептилий. Все это по праву определило Зое Карповне место ведущего герпетолога нашей республики.

Наряду с научной работой *З.К.* всегда уделяла достаточное внимание популяризации науки и воспитанию молодежи в духе любви к природе и особенно животному миру: постоянно руководила полевой практикой, курсовыми и дипломными работами студентов-биологов Казахского и Карагандинского университетов; много занималась с юннатами республиканского и городского дворцов пионеров; очень ответственно относились к работе с подшефными школами, на-

ходя их не только в Алма-Ате, но даже в далекой Кустанайской области. Многие годы Зоя Карповна была активистом общества «Знание». С большим интересом и ответственностью всегда относилась *З.К.* к научно-популярным публикациям – например, в книжках «Живые сокровища Казахстана», «Тропинки в загадочный мир», в периодической печати. Кроме всего этого *З.К.* постоянно вела еще общественную работу в самом прямом и неблагодарном смысле этих слов – от секретаря зооресурсной комиссии и секретаря методического семинара «Вопросы взаимодействия природы и общества» до заместителя председателя Товарищеского суда в Институте зоологии… При этом она всегда оставались и остаётся уравновешенной, доброжелательной, внимательной к людям, справедливой в суждениях и поступках, наделённой неисчерпаемым запасом оптимизма и прекрасной долей чувства юмора. Будучи в коллективе лаборатории старшей по возрасту, *З.К.* всегда умела держаться так, что этого никто никогда не замечал, чувствуя себя с ней на равных.

А начиналось всё не так уж безоблачно. Помню, как Зоя Карповна с Рудольфом восприняли весть о создании лаборатории охраны диких животных. Встретив меня у входа в лабораторию, они неожиданно задали мне вопрос: «А нас кто-нибудь спросил – хотим ли мы в новую лабораторию?», видимо, посчитав это моей инициативой, раз уж я назначен заведующим новой лабораторией. Пришлось объяснять, что меня тоже никто не спрашивал, но сама логика подсказывала, что место герпетологов – именно в этом новом смешанном коллективе из специалистов наземных позвоночных животных, а не в прежней лаборатории орнитологии, которая полностью перешла на изучение миграций птиц… При этом я невольно подумал, как трудно будет мне заведовать этой разношерстной группой.

Однако первый же год существования новой лаборатории показал, что опасения мои были напрасны – именно с герпетологами мы сработались лучше всего. Гораздо труднее было с териологами, но об этом речь будет ниже. Зоя Карповна оказалась не только знающим специалистом, но и хорошим руководителем герпетологической группы: вскоре у них с Рудольфом появились интересующиеся герпетологией студенты, из числа которых Лена Анохина проработала лаборанткой несколько лет. Затем был Игорь Кириенко и ещё ряд студентов КазГУ и Карагандинского университета. Со всеми Зоя Карповна находила общий язык, обучала их, воспитывала, наставляла. Особенной удачей можно считать двух «воспитанников»: Владимира Геннадиевича Колбинцева и Татьяну Николаевну Матвееву (Дуйсебаеву), оба они стали настоящими специалистами-герпетологами высокого класса. За более чем 30-летний период совместной работы мы с Зоей Карповной по-настоящему подружились, более надёжного помощника во всех лабораторных делах у меня не было. А воспитанная ею герпетологическая молодёжь по праву считает её своей «научной мамой» и относится к ней не только с уважением, но и с любовью. Даже после ухода *З.К.* на пенсию связь её с лабораторией остаётся прочной: все праздники мы проводим вместе, а если по какой-либо причине она отсутствует, то обязательно домой к ней идёт делегация, и праздник продолжается в уютной

домашней обстановке. Мы очень тепло отметили 70, 75 и 80-летний юбилеи Зои Карповны и готовы отметить и 90, и 100-летие.

Татьяна Николаевна Дуйсебаева (род. 1964). Ещё в 80-х гг. (как сейчас многие любят говорить – прошлого столетия), читая спецкурс «орнитология» очередной группе студентов КазГУ, я обратил внимание на стройную (явно гимнастка!) студентку, не проявлявшую никакого особого интереса к птицам, но показывавшую очень глубокие знания, в том числе и по этому предмету. Ответы её всегда отличались обстоятельностью, и даже при краткости их угадывалось, что знает она гораздо больше. Это была Таня Матвеева, действительно мастер спорта по гимнастике, впоследствии ставшая крупным специалистом-герпетологом по фамилии Дуйсебаева. Главным её учителем был доцент КазГУ Марат Эльтокович Дильмухамедов, очень неординарный человек, талантливо продолжавший эволюционно-морфологическое направление, основы которого в этом университете заложил его учитель академик Бронислав Александрович Домбровский. Вот она – преемственность поколений! А ведь Домбровский начинал как орнитолог, вместе с украинским орнитологом Н.В. Шарлеманем они были членами Кесслеровского зоологического общества в Киеве, о чём с гордостью (нас осталось только двое!) поведал мне сам Бронислав Александрович в 1967 г. – в день, когда я защитил кандидатскую диссертацию.

Так вот Марат воспитал из Татьяны прекрасного, грамотного морфолога, а на долю Зои Карповны пришлась «шлифовка» её как фауниста. Третьим слагаемым стали ведущие герпетологи ЗИН РАН в Ленинграде, с которыми Татьяна встречалась со студенческих лет. Общение с ведущим герпетологом СССР Ильёй Сергеевичем Даревским, а также его учениками и продолжателями Львом Яковлевичем Боркиным и Натальей Борисовной Ананьевой дали Татьяне Николаевне не меньше, чем все годы обучения в университете. В итоге, поработав после окончания КазГУ несколько лет в alma mater, она перешла в нашу лабораторию, где в конце 1994 года защитила кандидатскую диссертацию по морфологии пресмыкающихся и стала вторым дипломированным герпетологом Казахстана.

Перейдя к полевым эколого-фаунистическим исследованиям, она достаточно быстро освоила премудрости экспедиционной работы и стала специалистом высокого класса и в этой области. Кстати, вслед за ней в лаборатории вскоре появились её бывшие студентки-дипломницы, быстро «разбавившие» чисто мужской коллектив орнитологов. Первой среди них стала Марина Александровна Чирикова, которую Татьяна настоятельно рекомендовала в очную аспирантуру, уговорив меня быть первым руководителем (как всегда, нужен был доктор) и оставаясь соруководителем; при этом она многократно повторяла: «Вот увидите, Анатолий Фёдорович, – Вы не пожалеете». Прошло семь лет, и я могу подтвердить правоту её слов. За это время Марина сделала и защитила диссертацию по ящерицам Казахстана и сейчас трудится Учёным секретарём нашего института, успев перед этим побывать заведующей лабораторией да ещё родить двоих детей… Вообще с лёгкой руки Зои Карповны, а затем – и Татьяны, у нас образовалась чисто женская герпетологическая группа: кроме названных, это

ещё Ирина Арифуллова и Юлия Зима. Успешно сочетая научную деятельность с рождением и воспитанием детей, все они представляют собой ближайшее будущее казахстанской герпетологии.

Владимир Геннадьевич Колбинцев. Этот талантливый человек появился на нашем горизонте в начале 80-х гг. Закончив биологический факультет Томского университета, он стал работать заведующим отделом природы Джамбулского (ныне – Тараз) областного краеведческого музея. Он сам разыскал нас с Зоей Карповной и произвёл очень хорошее впечатление – как грамотный и очень интересующийся зоолог-герпетолог. В мае 1983 года я имел возможность убедиться в этом, поработав с ним в поле на Таласе, о чём уже писал в соответствующем очерке. Очень скоро мы с Зоей Карповной предложили ему место в заочной аспирантуре (с тем же двойным руководством), а тему он сам попросил дать более широкую – «Редкие и исчезающие позвоночные животные Малого Каратау». Этот район был хорошо знаком ему уже не один год и доступен в любое время года; по многим видам птиц, зверей и гадов он уже успел собрать значительный материал. Первый же годовой отчёт показал, насколько тщательно он может обрабатывать материал и грамотно излагать результаты его обработки. Вскоре пошли интересные публикации. Я не раз предлагал ему переходить в нашу лабораторию, но он отказывался. Но однажды, в основном по семейным обстоятельствам, он вдруг перешёл научным сотрудником в заповедник Аксу-Джабаглы, который, по его словам, давно манил его. И проработал там около 10 лет! Здесь он увлёкся птицами и, в конечном счёте, переквалифицировался в гида орнитологических туров – развитие этого вида туризма поставил там на широкую ногу бывший директор заповедника Евгений Михайлович Белоусов, создавший там целую инфраструктуру в виде гостиниц со всеми удобствами, наёмных гидов и транспорта. И сейчас Владимир Геннадьевич водит группы бёрдвочеров со всех стран – и по всему Казахстану, от Алтая до Западного Тянь-Шаня; мы не раз встречались на этих тропах. Но герпетологию он не оставил совсем – в нашем ежегоднике «Selevinia» периодически появляются его не только орнитологические, но и герпетологические заметки.

Наши териологи

Создавая нашу лабораторию, Е.В. Гвоздев наряду с орнитологами и герпетологами (взятыми из лаборатории орнитологии) перевёл в неё из лаборатории млекопитающих (так она тогда называлась) ещё четырёх териологов: Е.И. Страутмана, К.П. Ушакова, В.Н. Мазина и В.Н. Мурзова. Почти сразу же я взял закончившего КазГУ Д.А. Бланка. Позднее млекопитающими в нашей лаборатории занимался Костя Плахов, а некоторое время – также Алтын Джаныспаев, Ерлан Ташибаев и Слава Мищенко.

Евгений Иоганнович Страутман (1913-1995). Известный казахстанский зоолог и охотовед, кандидат биологических наук Евгений Иоганович Страутман родился в декабре 1913 г. Пройдя в 1935-1940 гг. серьезную зоологическую школу в Томском университете и основательно проштудировав основы охотоведения, *Е.И.* в 1940-1943 гг. ра-

ботал охотоведом в Красноярском крае. В период Великой Отечественной войны он – в рядах Советской Армии. После демобилизации в ноябре 1945 г. Евгений Иоганович приезжает в Алма-Ату и с этого времени вся его трудовая деятельность связана с Институтом зоологии АН Казахстана, где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной части. В 1946-1959 гг. с целью изучения экологии ондатры и результатов ее акклиматизации *Е.И.* обследует Сырдарью, Чу, Или, Аксу, Лепсы, Черный Иртыш, озера Зайсан, Алаколь и Сасыкколь, водоемы Северного и Западного Казахстана. Изданная в результате этих работ монография «Ондатра в Казахстане» (1963) позволила ее автору стать в ряд ведущих специалистов, занимающихся этим животным. Следует особо подчеркнуть, что по этой книге студенты-охотоведы до сих пор изучают основы ондатроводства. Исследования в 1947-1949 гг. фауны млекопитающих Южного Алтая завершились в 1950 г. защитой кандидатской диссертации и описанием нового для науки вида – алтайской серой мышовки, которую в 80-х гг. стали называть мышовкой Страутмана (Соколов и др., 1980; Павлинов, Россолимо, 1989). Будучи отличным полевиком, *Е.И.* вплоть до 80-х гг. участвовал в научных экспедициях. Собранный в них научный материал, а также огромная эрудиция позволили ему участвовать в написании таких капитальных монографий как «Звери Казахстана» (1953) и «Млекопитающие Казахстана» (1969-1985). Особенно много сил и времени отдал Евгений Иоганович последнему многотомному изданию, став после смерти А.А. Слудского его редактором. Существенный вклад внес *Е.И.* в разработку биологических основ рационального использования и акклиматизации важнейших охотпромысловых видов животных. Разработанная им методика учёта ондатры используется охотоведами Казахстана и за его пределами до настоящего времени.

Как и его брат, орнитолог Фёдор Иванович Страутман, Евгений Иоганович был крупным мужчиной большой физической силы, несмотря на рыхловатое сложение. Помню, как в самом начале моей работы в заповеднике Аксу-Джабаглы он поразил тамошних работников своим пешим переходом из каньона Аксу в Кши-Каинды и обратно: забыл в домике Тризны бинокль, вот и «сбегал». Наше знакомство с ним тогда в заповеднике было очень мимолётным, но он успел сфотографировать меня с Реджиком Полосухиным и Петей Хвостиковым и тут же забыть эту плёнку, которую случайно обнаружил в одном из шкафов Евгений Ишков спустя более 20 лет! Такой длительный срок хранения непроявленной черно-белой плёнки – своего рода рекорд, но, несмотря на плохое качество изображения, узнать нас всех троих вполне можно.

Вторая наша встреча состоялась там же, в Аксу-Джабаглы, когда Евгений Иоганович с Вадимом Капитоновым и 14-летним сыном Слудского Аликом приехал на кордон Дарбаза в тот августовский день 1962 года, когда мы группой выезжали на Шунгульдук. Тогда я, уже сидя в седле, сделал фотографию их троих и при этом уронил крышку от фотоаппарата. Достать её с земли, не вставая с лошади, было делом престижа – ведь я уже три года работал в заповеднике и имел все основания считать себя опытным наездником, да и конь Орлик слушался меня беспрекословно. Когда я с первой попытки не смог дотянуться до лежащей на земле крышечки, Евгений Иоганнович начал подзадоривать меня, а когда я с третьей попытки всё-таки достал её, то он не поскупился на похвалы. Вообще он был по натуре добрый человек. И то, что он через пару лет написал отрицательный отзыв на мою рукопись о мышах (см. выше, в разделе о заповеднике), было, скорее всего, делом рук Слудского.

Третий раз мы встретились в Алма-Ате в 1964 году, когда я приходил к нему домой на улицу Дехканскую (впоследствии – Байзакова) просить быть редактором сборника Трудов заповедника. Он тогда был в отпуске, а дело у меня было срочное. Тогда Евгений Иоганнович поразил меня своей дисциплинированностью. Он сказал, что в принципе не против, но должен спросить разрешения у своего заведующего А.А. Слудского! Когда тот не дал ему разрешения («Своих дел хватает!»), Евгений Иоганнович отказался. Хороший пример для более молодых сотрудников, которые в обход своих заведующих чем только не занимаются – вплоть до того, что на основную работу времени уже не остаётся…

Когда я пришёл в институт, Евгений Иоганнович был уже заместителем директора по науке, но оставался всё таким же простым и мягким в обращении с людьми. К нам, ученикам И.А. Долгушина, которого он очень уважал и любил, он относился особенно по-свойски. Он очень любил пошутить и просто обожал Ярослава Гашека. А узнав однажды, что у меня есть издание «Бравого солдата Швейка» на украинском языке (более близком к чешскому), он взял почитать и потом каждый день, приходя на работу, цитировал те или иные места. То же самое было и с украинским изданием «Энеиды» Котляревского.

Когда он ушёл с поста замдиректора, Е.В. Гвоздев сразу же определил его во вновь созданную лабораторию охраны диких животных, поскольку вопросы охраны природы всегда были близки *Е.И.*, он принимал активное участие в подготовке первого издания Красной книги Казахстана и даже по моей просьбе написал к ней введение. В лаборатории все любили *Е.И.* за его покладистый характер и постоянно создаваемую им дружелюбную атмосферу. Он был прекрасным рассказчиком, вот только с анекдотами ему часто не везло – следуя принципу «из песни слова не выкинуть», он не раз попадал впросак, в том числе и при дамах. За это мы, молодёжь, особенно его любили. А на праздничных застольях в институте Евгений Иоганнович разрывался между двумя лабораториями – своей прежней, териологии, и новой, в которой сейчас работал, – охраны животных.

Когда пришло время проводить его на пенсию, все мы сожалели об этом – настолько привыкли к постоянному присутствию Евгения Иоганновича как старшего по возрасту и незаменимого в компании человека. Зная, как он любит смотреть футбол, мы единогласно решили подарить ему от нашей лаборатории небольшой телевизор, чтобы он не зависел от своих женщин (жены и дочери), когда у них будет параллельно идти какой-нибудь сериал. Помню, как мы вдвоём с Толей Левиным выбрались для покупки этого телевизора в обеденный перерыв рабочего дня, рискуя попасть под бушевавшие тогда по всей стране с лёгкой руки Ю.В. Андропова рейды по вылову прогульщиков, нарушителей трудовой дисциплины (особенно опасно было оказаться днём в магазине, кинотеатре или в бане!).

Последнее, что мне запомнилось, – случай с книгами. Как-то, будучи уже несколько лет на пенсии, Евгений Иоганнович позвонил мне и сказал, что продаёт свою библиотеку. Зная, что у него немало орнитологической литературы, я приехал и купил кое-что из старых капитальных изданий. На второй день – сно-

ва звонок. Встревоженный голос Евгения Иоганновича: «Анатолий Фёдорович, я, кажется, допустил смертный грех: продал *подаренную* мне книгу! Вы посмотрите, пожалуйста, такой-то том – есть ли там авторский автограф?». Автограф был, и Евгений Иоганнович, зная, что я не приеду за деньгами, на второй же день передал мне их с кем-то. Этот случай заставил меня призадуматься: а всегда ли я бываю столь же щепетилен в подобного рода этических вопросах?...

Кирилл Павлович Ушаков (1921-1983). Прожил нелёгкую жизнь. Родился 25 февраля 1921 г. в с. Заборье Брянской области (Россия) в семье врача. С 1932 по 1936 г. проживал в Алтайском крае, а в 1936-1939 гг. – в интернате Турксиба на станции Алма-Ата 1. В мае 1942 г. с третьего курса рабфака при медицинском институте был призван в армию и 25 декабря того же года под Сталинградом был тяжело ранен. Пробыв несколько месяцев в госпиталях, в мае 1943 г. *К.П.* был уволен в запас. Вернувшись инвалидом 3-й группы, поступил в Алматинский зооветеринарный институт, который закончил в 1947 г., получив специальность ветврача. В 1947-1948 гг. работал главным ветеринарным врачем Большенарымского района на Алтае, в 1948-1950 гг. – младшим научным сотрудником бруцеллёзной лаборатории КазНИВИ (Алма-Ата), в 1950-1953 гг. – в Бетпак-Далинской опытной станции животноводства ВАСХНИЛ (с. Уланбель, Джамбулской области).

Без малого 10 лет (1953-1963) работал ветврачом Алматинского зоопарка, после чего перешёл на работу в Институт зоологии, где работал старшим лаборантом, младшим научным сотрудником, заведующим экспериментальной базой. Уже в 1964 г. Кирилл Павлович приступил к разработке методов иммобилизации (обездвиживания) лабораторных и диких животных с помощью курареподобных и снотворно-наркотических препаратов. В конечном счёте, он сконструировал «Устройство для инъекции животным». Это изобретение 29 октября 1972 г. получило авторское свидетельство № 352649, и Кирилл Павлович начал готовится к защите кандидатской степени. Сдав экзамены кандидатского минимума, он в 1974 г. закончил диссертацию, которая 23 февраля 1975 г. была принята к защите Объединённым Учёным советом Институтов зоологии и экспериментальной биологии (тем самым, в котором я защищался в 1967 году). Были уже назначены официальные оппоненты, но защититься *К.П.* не успел – Совет закрыли! Не желая сдаваться, Кирилл Павлович подал диссертацию на защиту в Спецсовет Д.120.30.06 в Балашихе-8 (Московская область), где она 14 марта 1977 г. была принята к защите, выпущен автореферат, а диссертант 26 мая 1977 г. был вызван на защиту. Но она по вине Совета не состоялась! Сколько же нервов это стоило уже немолодому и не очень здоровому Кириллу Павловичу! Но, несмотря на это, он оставался таким же добродушным, открытым к людям человеком, каким был всегда. В нашей лаборатории, куда он был определён с первых же дней, он нашёл настоящее применение своему детищу, испытывая его на куланах на острове Барсакельмес. И хотя основной отлов вёлся при помощи пули Комарова и сетей, так называемый «шприц», изобретенный Кириллом Павловичем, также сыграл свою роль.

Помню, как 25 февраля 1981 г. мы в лаборатории отмечали 60-летний юбилей *К.П.* Так уж совпало, что в этот же день исполнилось 30 лет нашей хозла-

борантке Рабиге Бекбосыновой. Поэтому, объединив эти два праздника в один, мы отмечали суммарное 90-летие обоих юбиляров. Это был первый праздник в новой лаборатории и прошёл он особенно тепло и сердечно в значительной степени благодаря покладистому характеру Кирилла Павловича. К сожалению, последствия войны давали себя знать, и очень скоро Кирилла Павловича не стало. А мы так успели за эти годы подружиться и с ним и с его супругой Галиной Васильевной Ушаковой (Кошечкиной) – крупным акарологом нашего института…

Владимир Николаевич Мазин (1941-1999). К сожалению, воспоминания об этом зоологе приходится начинать с некролога, который я написал вскоре после его гибели:

«В ночь с 3 на 4 июня 1999 г. на 59 году трагически оборвалась жизнь известного казахстанского зоолога, лучшего знатока среднеазиатских тушканчиков, ведущего научного сотрудника лаборатории териологии Института зоологии Национальной Академии наук Казахстана, кандидата биологических наук Владимира Николаевича Мазина. Родился он 16 марта 1941 г. в Алма-Ате. Обучаясь с 6 лет в средней школе, *В.Н.* параллельно окончил три года (1948-1950) музыкальной школы при Алма-Атинской консерватории и отделение Казахского республиканского Аэроклуба, где получил звание пилота-планериста. Проработав после окончания школы один год на производстве, в 1958 г. *В.Н.* поступил на факультет защиты растений Казахского сельскохозяйственного института, который закончил в 1963 г. После окончания вуза получил направление в Казахский институт защиты растений, закончил здесь аспирантуру и в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию по экологии тушканчиков. В конце 1974 г. *В.Н.* переходит на работу в Институт зоологии, где проработал 25 лет, в основном в лаборатории млекопитающих, с уходом на два года в лабораторию охраны диких животных. Все эти годы основной темой научных исследований *В.Н.* были тушканчики, в знании биологии и поведения которых ему не было равных не только в Казахстане. Для изучения этих ночных зверьков *В.Н.* постоянно совершенствовал методики их наблюдений, учётов и отловов, а при работе в поле был совершенно неутомим. Работать с ним в пустыне было интересно, но очень нелегко, так как он не щадил ни себя, ни окружающих.

Помимо изучения тушканчиков *В.Н.* выполнял и многие другие работы: участвовал в авиаучетах сайгаков с В.А. Фадеевым; дорабатывал материалы по кабану; с июня 1986 г. назначен руководителем группы по пустынным млекопитающим в теме «Оптимальная структура и плотность популяций животных»; участвовал в совместных исследованиях с паразитологами и радиобиологами; был соисполнителем темы по загрязнению среды «Персистентные пестициды в экологии водных и наземных животных». Но особенно много сил и времени отдал Владимир Николаевич разработке Аральской проблемы, к работе над которой он подключился одним из первых – ещё в 1976 г. Но и спустя десятилетие он был также одним из исполнителей двухлетнего задания Академии наук по Аральской проблеме (1989-1990 гг.). *В.Н.* опубликовал более 80 научных и 15 научно-популярных работ. Он был автором ряда очерков о тушканчиках в монографии «Млекопитающие Казахстана», а также в двух изданиях Красной книги Казахстана. Кроме того, он был научным консультантом четырех научно-популярных фильмов, получивших высокую оценку и дипломы на конкурсах. В расцвете сил и таланта ушел из жизни ученый, крупный специалист в области экологии пустынных млекопитающих, прекрасный полевик, талантливый популяризатор науки». *А.Ф. Ковшарь. Selevinia, 2000, с.234*.

В.Н. Мазин проработал в нашей лаборатории всего два года, после чего всё-таки вернулся в лабораторию териологии. От его мощной фигуры всегда веяло

силой и какой-то уверенностью в правильности всего, что он делает. Это сочеталось с крестьянской смекалкой и расчётливостью, про таких обычно говорят, что они «себе на уме». Изучая биологию и поведение тушканчиков, он предпочитал пользоваться собственными методическими приёмами и целые ночи проводил в наблюдениях за этими зверьками, зато и знал их превосходно. Точно так же и обработку данных он проводил всегда сам, являясь ярким примером индивидуалиста, не склонного к объединению данных в «общий котёл».

Владимир Николаевич Мурзов (1955-2005). «4 октября 2005 г. на 51-м году жизни трагически погиб на охоте в горах младший научный сотрудник лаборатории териологии Института зоологии МОН РК Владимир Николаевич Мурзов, вся сознательная жизнь которого была связана с изучением млекопитающих. Владимир Николаевич родился 20 июля 1955 г. в г. Алма-Ате в семье полевиков (отец геолог, мать – геодезист) и, как он сам писал в своей первой автобиографии, подписанной 23 октября 1972 г., в период учебы в школе, на каникулах, неоднократно выезжал в экспедиции. С 8-го класса школы он посещал лабораторию териологии Института зоологии, где получил первые навыки камеральной обработки полевого материала по сборам мелких млекопитающих. После окончания школы в 1972 г. он поступает в эту лабораторию на должность лаборанта и одновременно учится на заочном отделении естественно-географического факультета КазПИ им. Абая (ныне – Алматинский госпедуниверситет), который окончил в 1978 г., после чего был переведен на должность младшего научного сотрудника в группу по изучению грызунов, в т.ч. и особенно любимых им тушканчиков. Здесь наставником его стал один из лучших знатоков тушканчиков В.Н. Мазин.

В 1981 г. В.Н. переведен на работу в только что созданную лабораторию охраны диких животных, где вместе с В.Н. Мазиным продолжил изучение тушканчиков и других редких видов грызунов. Надо было видеть, сколько труда и энтузиазма вкладывали оба Владимира Николаевича в проведение ночных учетов грызунов, работая в совместной с орнитологами и герпетологами экспедиции 1982 г. в пустыне Сарыишикотрау (Южное Прибалхашье); как он модернизировал методы живоотлова пегих путораков летом 1985 г. в песках Бармаккум (Алакольская котловина) или в песках Айгыркум (Зайсанская котловина)! Как писал В.Н. Мурзов в своем отчете в апреле 1986 г.: «В настоящее время работаю над диссертацией по тушканчикам-псаммофилам Балхашской и Алакольской котловин; работа начата в 1982 г., собрано 50% полевого материала, обработано около 20%». В следующие три года (1987-1989) *В.Н.* много работал в поле – на стационарах в Кызылкумах, Южном Прибалхашье и Зайсанской котловине; в маршрутной экспедиции по Джунгарскому Алатау; проводил учет куланов на острове Барсакельмес в Аральском море, а также авиаучет сайги и кулана в Андасайском заказнике (Бетпак-Дала); работал на Тенгизском нефтегазовом месторождении в Гурьевской области и на Карачаганакском газоконденсатном месторождении в Западно-Казахстанской области. Стали появляться первые научные публикации – об авиаучете копытных, о численности желтой пеструшки, об экологии тушканчика Лихтенштейна, о численности карликового тушканчика и путорака в Южном Прибалхашье и песках Муюнкум.

В смутное перестроечное время *В.Н.* ушел из Института зоологии, в котором проработал 20 лет, и за 10 лет (1993-2003) сменил около 10 мест работы – от специалиста первой категории в Казглавживохране (Алматы) и ведущего эколога в ОАО «Уралнефть» (Россия), до брокера в ТОО «Крона», охранника или штукатура-маляра в различного рода фирмах. В 2003 г. он вернулся в родной институт, в лабораторию, с которой начинал свою научную деятельность, и принялся за обработку своих же материалов, накопленных в 80-х гг. Всё вернулось на круги своя, товарищи и близкие не могли нарадоваться,

видя, как усердно занят он работой, по которой истосковался за потерянное десятилетие. Нелепая случайность оборвала эту едва нашедшую своё русло жизнь…Это был чистой души человек, оставшийся верным своей юношеской влюбленности в природу, в охоту и охотничьих собак. А еще он был хорошим товарищем». *А.Ф. Ковшарь. Selevinia, 2005, с.209.*

К сказанному можно добавить, что Володя был статный высокий парень, а когда отпустил курчавую окладистую бороду, то стал просто красавцем. Спокойный, с покладистым характером, он и в поле и в лаборатории казался флегматичным, делал всё неспешно и обстоятельно. Не расставался со своей трубкой, особенно в экспедиции, где основным рабочим временем для него была ночь (учёты тушканчиков), а день уходил на отдых, обработку материала и ожидание той самой рабочей ночи за кружкой чаю, который он пил почти непрерывно (говорил, что это необходимо для его больных почек). Единственным его слабым для териолога местом было то, что он, как рассказывал В.Н. Мазин, совершенно не переносил полётов на самолёте, которые тогда широко использовались для аэровизуальных учётов крупных млекопитающих.

Давид Александрович Бланк (род. 1958). Выпускник кафедры зоологии КазГУ им. С.М. Кирова, привлёкший моё внимание ещё студентом, на занятиях по орнитологии. Уже тогда он был всецело поглощён млекопитающими, особенно интересовало его поведение копытных. Тема его дипломной работы – «Экология и поведение сибирского козла (*Capra sibirica*) в Тянь-Шане» (руководитель Александр Кириллович Федосенко). После защиты в 1980 г. диплома я сразу же пригласил Давида в нашу лабораторию – лучшей кандидатуры на изучение джейрана (*Gazella subgutturosa*) я не видел. И 10 лет (1981-1991) Давид Бланк проработал у нас, изучив за эти годы джейрана так, как никто до него не знал этого животного.

К сожалению, преобразования в нашем обществе коснулись его одним их первых: в 1992 году он вместе с родителями эмигрировал в Израиль, увозя с собой практически готовую диссертацию по джейрану. Там ему пришлось перевести её на английский язык и пройти ещё ряд дополнительных процедур. В частности, в 1992 г. он прошёл курс по повышению квалификации «Экология и охрана природы в Израиле» в научном центре Рамон (Негев, Израиль). Работая с 1993 по 2005 г. зоологом в государственном заповеднике Хайбар, Давид в 1993-1996 гг. прошёл докторантуру (PhD degree) в Тель-Альвивском Университете и защитил диссертацию на тему: «Размножение и социальное поведение джейранов (*Gazella subgutturosa*)». В 2005-2007 гг. он – учёный-специалист по охране биоразнообразия по программе ООН в Китае [Проект UNDP/GEF «Охрана биоразнообразия в районах рек и болот Китая. Болота Роугая, провинция Сычуань, Китай»]; в 2008-2009 – зоолог-консультант и ответственный за отдел копытных в Хай-Парке города Кирьят-Моцкин, Израиль; а с 2010 г. по настоящее время - приглашенный профессор в Синьцзянском Институте Экологии и Географии [Китайская Академия Наук]. Является членом группы экспертов по изучению антилоп и диких лошадей (Antelope and Equid Specialist Groups, IUCN). Автор 40 публикаций по экологии и поведению копытных.

В нашей лаборатории Давид пользовался всеобщей любовью, так как в дополнение к своим талантам учёного обладал ещё одним очень важным – умением ладить с людьми. Все, кто с ним работал, прежде всего, помощники по наблюдению за джейранами, отмечали в первую очередь это его качество. Он прекрасно сработался с Алтыном Джаныспаевым, а также с Максимом Зверевым (внуком Максима Дмитриевича), хотя ни тот ни другой особого интереса к объекту исследования не имели (Алтын, в конечном счёте, ушёл в Алматинский заповедник заниматься орнитологией, а Максим перебрался в Калининград и сменил профессию). В работе Давида всегда поражает его дотошность: изучая поведение джейранов, он с утра до вечера хронометрировал все их действия по минутам и секундам, не признавая мелочей и не считая что-либо второстепенным.

В науке он не признаёт никаких компромиссов. Показательна в этом плане история с лошадью Пржевальского. Поработав на территории Капчагайского охотхозяйства с иэмежевскими специалистами Натальей Паклиной и Марией Поздняковой, он убедился в недостаточности для этой лошади кормовой базы и безоговорочно стал на их позиции. Это привело к конфликту со специалистами ВНИИПрироды, в том числе с В.Е. Флинтом, и часть этого конфликта коснулась краем и меня, на время пошатнув нашу с *В.Е.* дружбу. Завершился конфликт тем, что Давид опубликовал в «Казахстанской правде» критическую статью на эту тему, в которой допустил резкие высказывания в адрес В.Е. Флинта. Такой смелости я от него не ожидал, хотя по большому счёту он был прав. Одновременно с гневом Флинта эта статья породила ещё большее уважение к Давиду со стороны коллег, а упомянутые «девочки Соколова» вместе с В.В. Климовым просто души в нём не чаяли.

За 20 лет жизни за рубежом Давид не забыл ни Казахстан, ни своих алматинских коллег. Он всегда на связи, с радушием принимал в Израиле своих соотечественников, а работая на Тибете, а теперь – в Синьцзяне, ведёт постоянную переписку. Результатом такой нашей переписки стало не только появление интересных статей Давида в нашей «Selevinia», но и подписанный в апреле 2012 г. между Союзом охраны птиц Казахстана и Синьцзянским институтом экологии и географии Договор о совместном издании этого зоологического журнала, который теперь становится «Зоологическим ежегодником Казахстана и Центральной Азии». Надеюсь, что сотрудничество это будет долговременным.

Константин Николаевич Плахов (род. 1962). Также выпускник кафедры зоологии КазГУ им. С.М. Кирова, причём перед поступлением один год (1979-1980) проработал лаборантом в лаборатории териологии Института зоологии, где получил хорошие навыки работы с млекопитающими. После окончания университета с 1985 по 1989 год изучал млекопитающих в Устюртском заповеднике, где собрал значительный материал. Уйдя из заповедника, поступил в заочную аспирантуру при Институте зоологии и одновременно стал работать в нашей лаборатории охраны диких животных, где проработал по 1995 г., а в 1996 г., в связи с реорганизацией этой лаборатории, перешёл в лабораторию териологии и проработал в неё до 2003 года. Он был нашим гидом по Устюрту в экспедиции 1990 г., а осенью того же года мы проводили совместный учёт сурка Мензбира

в Каржантау. Грамотный зоолог-териолог, Костя заменил в лаборатории Давида Бланка, уехавшего в 1992 г. в Израиль. Главная черта характера – стремление к самостоятельности – очень скоро привела его к руководящим постам: в 1995-1996 гг. он, оставаясь в Институте зоологии, исполняет обязанности заместителя директора по науке Алтын-Эмельского национального парка; в 1999-2002 гг., также по контракту, – директор Республиканского клуба кровного охотничьего собаководства Казохотрыболовсоюза; в 2003 г. – снова председатель правления вновь созданного клуба кровного охотничьего собаководства; в 2002-2003 гг. он – преподаватель кафедры охотоведения Казахского национального аграрного университета (бывший СХИ).

Сам он определяет свою квалификацию очень широко: териология, орнитология, паразитология, зоогеография, заповедное дело, охрана природы и мониторинг фаунистических комплексов; охотоведение, кинология (экстерьер, собаководство, ветеринария, сохранение и восстановление аборигенных пород собак Центральной Азии). Познакомившись близко с одним из первых казахстанских миллионеров Сергеем Степанченко (валютная охота и экологический туризм), Плахов при его поддержке создаёт частный зоологический институт и уходит из Института зоологии (бывшего академического, а к 2003 г. значительно потерявшего позиции и ставшего дочерним предприятием недавно созданного Центра биологических исследований). Но вскоре Степанченко трагически погибает, и затея эта «засыхает» на корню. Достоверно не известно, существует ли новоиспеченный «институт» как юридическое лицо (каковых в последние годы появилось много, в том числе и в ранге «института фауны»).

Несмотря на окончание ещё в 1992 г. заочной аспирантуры, кандидатской диссертации К.Н. Плахов не защитил и, похоже, что основную свою деятельность в последние годы сместил в русло кинологии. По крайней мере, в первое десятилетие XXI ст. он не раз выдвигал проекты по сохранению аборигенных пород собак Центральной Азии. Среди 70 наименований его публикаций, помимо цикла очерков для Красной книги, мне известны лишь две крупные: «Состояние популяции устюртского горного барана в Казахстане» (Selevinia,1994) и «Antelopes of Kazakhstan» (Antelopes, 2001; в соавторстве с А.Б. Бекеновым, Д.А. Бланком, Ю.А. Грачёвым). Остаётся надеяться, что со временем он опубликует свои богатые устюртские материалы.

*****

Помимо работавших в лаборатории охраны диких животных в Институте зоологии было довольно много специалистов по млекопитающим, составлявших специальную и столь же «древнюю», как орнитологическая, лабораторию Млекопитающих (в 70-х гг. её вдруг стали называть лабораторией Маммологии, а через несколько лет, спохватившись, переименовали в лабораторию Териологии). Создал её в 30-х гг. и несколько лет возглавлял Александр Васильевич Афанасьев, автор первой монографии «Зоогеография Казахстана» (Афанасьев, 1960). К сожалению, он рано скончался от сердечного приступа после одного

из особенно бурных заседаний Учёного совета (ещё одно из «узких мест» для учёного люда…). После него заведовать лабораторией стал Аркадий Александрович Слудский, который быстро поставил её на рельсы промысловой зоологии. Во времена его заведования лаборатория стала одной из самых крупных в институте: в 60-х гг. в ней работало до 35 сотрудников (за счёт хоздоговоров).

Много хороших специалистов выросло в этом коллективе. Из старшего поколения, кроме упомянутых, здесь работали Евгений Иоганнович Страутман, Пётр Михайлович Бутовский (главный специалист по рукокрылым), Муса Исаевич Исмагилов (впоследствии много лет заведовал кафедрой зоологии в Алматинском пединституте им. Абая), Иван Георгиевич Шубин (лучший знаток териофауны Центрального Казахстана). Из териологов моего поколения мне хочется особо выделить двух, которых я знал достаточно хорошо и которые внесли наибольший вклад в казахстанскую териологию.

Александр Кириллович Федосенко (1930-2005). Кандидат биол. наук, СНС ЦНИЛ Минсельхозприроды РФ (Москва). Известный казахстанский териолог, большую часть жизни (1956-1982) проработавший в Казахстане: в 1956-1959 – в противочумной системе (Уральская область); в 1959-1960 гг. – в Илийском госохотхозяйстве; в 1960-1982 гг. – в лаборатории териологии Института зоологии АН КазССР, где изучал сначала мышевидных грызунов (кандидатская диссертация защищена по теме «Экология мышевидных грызунов Заилийского Алатау», 1965 г.), а затем – экологию и поведение крупных копытных, преимущественно в горах. Автор монографий «Марал» (1980), один из авторов многотомной сводки «Млекопитающие Казахстана» (1969-1985). Птицами занимался попутно. Имеет ряд орнитологических публикаций: по зимнему питанию семиреченского фазана (1966); о питании ушастой совы в Заилийском Алатау (1968); об экологии тетерева в Джунгарском Алатау (1978); о зимнем питании сороки в предгорьях Заилийского Алатау (1969, соавт. Орлов Г.И.). Такую краткую аннотацию об *АК* написал я в книге «Орнитологи Казахстана и Средней Азии» (2003). С переездом в Москву география исследований АК значительно расширяется. Он организует экспедиционные выезда на Таймыр, в Саяны, Алтай, Памир и по-прежнему в горы Казахстана. В эти годы, занимаясь копытными и хищными, он особое внимание уделяет горным баранам и в результате публикует обстоятельную монографию «Архар в России и сопредельных странах» (2000), которая явилась вершиной его исследований в этой области. Всего им опубликовано более 200 научных и научно-популярных работ *(Selevinia, 2000, с. 231)*.

Впервые я услышал об Александре Кирилловиче зимой 1961 года, когда в письме Толи Ганюшина, сына бывшего директора заповедника Аксу-Джабаглы, переехавшего в Лепсинское охотничье хозяйство (Джунгарский Алатау) прочитал, что у них работает молодой ещё охотовед, но очень знающий и грамотный – у него даже есть книжка «Из жизни птиц» Хейнрота! Этот охотовед продолжил начатое мною обучение пятиклассника Толи таксидермическому мастерству и научил его ещё многим другим полезным вещам, связанным с полевой зоологией и охотоведением. Так заочно у меня сложилось вполне положительное мнение об этом необычном охотоведе, который меня заинтересовал.

Как-то в один из приездов из заповедника в Алма-Ату я попал на очередное застолье в 7-й микрорайон к Эдику Гаврилову, где оказалось несколько незнакомых мне людей. Один из них на мои слова о том, что пить я сегодня не буду, иронически заметил: «Как же это Вы могли не научиться пить, работая с Евге-

нием Алексеевичем Ганюшиным?». Этот высокий красавец-брюнет оказался тем самым загадочным охотоведом из Лепсинска!!! Оказалось, что три года они с Гавриловым работали вместе в противочумной системе в Уральской области, где помимо песчанки собирали материалы и по птицам (общая их коллективная фаунистическая статья увидела свет только несколько лет спустя). Первая же эта встреча расположила меня к Саше, который казался мне ровесником, – тогда мы как-то не замечали разницы в несколько лет (а Толя Ганюшин называл его на «ты» даже годясь ему в сыновья!). Когда же я переехал в Алма-Ату, Саша уже работал в лаборатории у Слудского – буквально за дощатой перегородкой, через которую мы слышали все их разговоры (а они, естественно, – наши). Однако в отличие от такого «громкоговорителя» как Вадим Капитонов, Федосенко говорил довольно тихо, и слова его до нас не долетали. Вообще этот самый красивый мужчина Института зоологии был удивительно скромен, спокоен и как будто старался не выделяться, хотя последнее было просто невозможно: все женщины института смотрели на него восхищёнными глазами… В то же время, наряду со скромностью ему была свойственна высокая доля ироничности, которая иногда очень даже давала о себе знать, особенно когда он беседовал с каким-нибудь выскочкой.

Запомнилось, как они с Лобачёвым приезжали за мной, поломанным, на Кульсай в июле 1968 года. Это он высказал предположение, что я держусь в седле в основном за счёт содержимого фляжки, которую они с Юрой у меня углядели (в действительности это была фляжка с холодной речной водой). А потом, во время знаменитой рыбной ловли в Чарыне Саша пытался рассказывать мне всякие смешные истории, чтобы время не тянулось так долго. Интересно, что потом мы с ним так ни разу об этом и не вспомнили…

Ранний отъезд его из Казахстана (в 1982 г., вскоре после Капитонова) был очень и очень ощутим для лаборатории териологии. Думаю, что именно это послужило началом заката этой некогда очень сильной лаборатории – ведь до этого из неё ушли Слудский и Страутман (он перешёл в нашу лабораторию). Виделись мы после этого редко и накоротке – когда он во время полевых работ приезжал в Казахстан. Последняя встреча состоялась в ноябре 2003 года, когда проездом в Германию я встретился с ним во ВНИИПрироде, и он подарил мне свою монографию по архару. Было заметно, как он сдал, постарел, но всё так же был приветлив, расспрашивал о Казахстане, о нашем институте и общих знакомых…

Умер Александр Кириллович Федосенко в феврале 2005 года. Как рассказывала его жена, он вышел на утреннюю прогулку, сел на скамейку около небольшого озерка неподалеку от дома и умер. Такая лёгкая смерть (если такое бывает) даруется только праведникам.

Вадим Иванович Капитонов (род. 1929). «Кандидат биологических наук, доцент Карагандинского университета. Один из ведущих териологов Казахстана и лучший знаток сурков Палеарктики. После окончания в 1954 г. Московского пушно-мехового института, прошел аспирантуру в Институте сельского хозяйства Крайнего Севера. В результате защитил диссертацию по теме: «Биология черношапочного сурка в Верхоянском хребте» (Якутия) и после непродолжительной работы в ЗИН АНСССР (Ленинград)

и Коми филиале АН СССР (Сыктывкар), по приглашению А.А. Слудского переехал в Казахстан. С 1960 по 1981 г. работал в лаборатории млекопитающих Института зоологии Академии наук Казахстана (Алма-Ата). С 1981 г. работает в Карагандинском университете, ряд лет был заведующим кафедрой зоологии. Птицы всегда привлекали *В.И.* – из 106 его публикаций птицам посвящены 19» (Орнитологи Казахстана и Средней Азии, 2003). Так писал я о нём с позиций *орнитологического* справочника.

В действительности же *В.И.* – крупнейший казахстанский териолог, давно достигший докторского уровня, но, как это свойственно многим настоящим учёным, не гнавшийся за учёными регалиями, за что был часто бит на заседаниях Учёного совета Института зоологии, где ему не раз утверждали «последние сроки» для защиты уже давно готовой докторской диссертации. Я несколько раз присутствовал на таких заседаниях, и всегда было обидно за Вадима, который давно был достоин этой степени, а вместо этого вынужден был выслушивать незаслуженные упрёки. В конце концов, он бросил это дело и докторскую диссертацию защищать не стал. Я глубоко уверен, что это тот случай, когда докторскую степень надо было присвоить без защиты диссертации – настолько очевидной была *высшая* квалификация этого учёного…

Познакомился я с Вадимом Ивановичем зимой 1960/61 г. в Алма-Ате. Представил нас друг другу в лучших традициях XIX века Виктор Васильевич Шевченко, сказавший, что Вадим Иванович после многих лет работы в Якутии перешёл на работу в наш институт и будет заниматься изучением сурка Мензбира. А поскольку этот сурок обитает в Казахстане только у границ заповедника Аксу-Джабаглы, то знакомство со мной Вадиму было просто необходимо. Он засыпал меня кучей вопросов практического характера, а на прощанье, обменявшись адресами, сказал, что остальные вопросы задаст в письмах.

Так завязалось наше многолетнее знакомство. После длительной переписки весной 1962 года Вадим (отчества мы отбросили сразу же) приехал в Новониколаевку прямо ко мне и всех моих знакомых и близких поразил своей непосредственностью, граничащей порою с чудачеством (с точки зрения простого обывателя). Первое, что он достал из своего рюкзака, был высотомер, который он выменял у какого-то лётчика (вертолётчика?) на бутылку спирта. Он тут же задал мне сакраментальный вопрос: как установить его на ноль? Поскольку ответа я не знал, так как видел этот хитроумный прибор впервые, то Вадим спросил, где здесь находится школа. По его глубокому убеждению, школьный учитель физики просто *обязан* знать ответ на этот вопрос. Попытки моей жены, которая работала в этой школе и пыталась объяснить, что физику у них преподаёт вчерашний десятиклассник, Вадим игнорировал и направил свои стопы на другой конец села, где располагалась школа. По пути он зашёл в магазин, купил конфет и направился к школе. О дальнейшем рассказывали мне знакомые учительницы, немало удивлённые его приходом.

Надо сказать, что в свои 32 года невысокий и сухощавый, подвижный не по возрасту Вадим Капитонов производил впечатление мальчишки, всецело поглощённого какими-то своими мыслями, – но никак не учёного, кандидата наук. Таким его и восприняли в школе, где он, демонстративно жуя конфеты одну за

другой, показал им свой прибор и спросил, как его обнулить… Пришлось мне объяснять учительницам, что у учёных свои причуды. За обедом у нас дома, глядя, как привычно и споро идёт работа по подготовке обеда, Вадим вдруг огорошил мою жену вопросом, который она вспоминает до сих пор: «Тамара, посоветуйте, как мне найти *удобную* жену?». Сказано это было вполне серьёзно и нисколько не походило на шутку. Впоследствии, когда он, наконец, женился, меня не раз подмывало напомнить ему о том его вопросе. Однако брак казался настолько удачным и счастливым, несмотря на различие в интересах (жена была художницей), что никакие подобные вопросы были не нужны. К сожалению, через 15-16 лет брак распался, и это послужило причиной отъезда Вадима Ивановича из Алма-Аты в Караганду, куда он прошёл по конкурсу на заведование кафедрой недавно открытого университета. От брака осталась дочь Лина, очень похожая на отца и тоже ставшая зоологом (пройдя в нашем полевом отряде практику и стажировку, она уехала в Россию и сейчас трудится в одном из заповедников Еврейской автономной области на Дальнем Востоке. Она до сих пор изредка пишет мне письма, расспрашивая об Алма-Ате и общих знакомых).

В лаборатории териологии Вадим Иванович Капитонов был одной из самых светлых голов, к тому же «пахарем», каких свет не видывал. Легенды о его чудачествах возникали именно в силу его беспредельной преданности науке и отказа от прочих земных радостей и удовольствий – как у знаменитого Паганеля Жюль Верна (только внешность у него была иная). Привычка говорить громко в поле сохранялась у него и в городе. Особенно это ощущалось в моей комнате, за тонкой заколоченной филёнчатой дверью которой сидел Вадим и аспирант А.А. Слудского из Таджикистана Додарбек, которым фактически руководил Вадим, поскольку темой диссертации был красный, или длиннохвостый сурок (*Marmota caudata*). Без привычки можно было подумать, что они ругаются, а они просто обсуждали программу или план её выполнения. Иногда к ним присоединялся более мягкий голос Юрия Александровича Смирнова, который в тысячный раз описывал все перипетии своей защиты (он был юрист по образованию, а защищался по книге «Влияние охоты на промысловую фауну Казахстана», которую написал по материалам Казглавохоты).

Совершенно неожиданным был итог дискуссий Вадима с Додарбеком. Однажды на Большом Алматинском озере ко мне подошёл сосед-лавинник Жора Грачёв и заговорщически спросил – не нужна ди мне готовая диссертация по сурку? Зная его, как изрядного шутника, я не поверил его словам. Однако он принёс и показал мне увесистый том – это была диссертация Додарбека!!! На вопрос, где он её взял, лавинник охотно ответил: «в кафе!!!» И я представил себе, как Вадим и Додарбек продолжают свои дискуссии в кафе и в запале оставляют саму диссертацию на столике. К счастью, на этот раз всё обошлось. Додарбек защитился и уехал в свой Таджикистан, вот только прожил он недолго. Причины его скоропостижной кончины я не знаю, но, кажется, что не выдержало сердце…

Вспоминается и просто комический случай. Вадим держал дома сурков, за которыми вёл наблюдения. Представляю, сколько неудобств испытывала его

жена! Однако так как сурки – дело святое (увидев у Икара попугаев, Вадим воскликнул: «Да это же сурки среди птиц!»), то приходилось терпеть. Тогда ещё не было проспекта аль-Фараби, и все мы ходили на автобус на проспект Гагарина (так называемый Геологострой). Дорога шла по прекрасному яблоневому саду с густыми высокотравными полянами, и Вадим каждый раз набивал свой огромный жёлтый портфель свежей травой для своих любимцев. Однажды выйдя на безлюдную остановку автобуса поздним вечером, он оказался один на один с несколькими подозрительными подростками, которые попытались отнять у него портфель и при этом несколько раз ударили. К счастью, подоспела наша доблестная милиция, и негодяев скрутили, привели в участок. Дальнейшее – в милицейском протоколе, где было чёрным по белому записано: «Злоумышленники не только избили учёного, но и глумились над ним, натолкав ему полный портфель травы». Надо полагать, что за последнее изощрённое издевательство им добавили наказание…

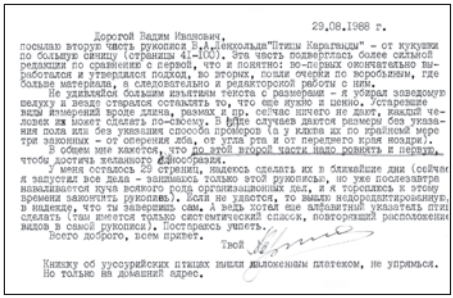
Очень хорошо и точно написал о нём к 70-летию со дня рождения его близкий коллега, проработавший с ним годы бок-о-бок, в т.ч. в экспедиционных условиях, – Юрий Серафимович Лобачёв:

«И уж если что-то привлекало его внимание, глубина изучения этого объекта становилась неотъемлемой частью последующих исследований. Благодаря обширным знаниям в области биологии разнообразных животных и растений и умению в простой беседе раскрывать эти знания, с ним никогда не было скучно. Автору этих строк посчастливилось провести с *В.И.* вдвоем два экспедиционных выезда в горы Каржантау (Западный Тянь-Шань), общим сроком около 8 месяцев – на высоте 2700 м над уровнем моря в местах, где кроме нас двоих, да редких чабанов, по 1.5-2 месяца пасущих овец на джайляу, никого ближе, чем за 30 км, не было. Пейзаж представлял редкую, низкорослую травянистую растительность и груды камней – места обитания сурка Мензбира, причем постоянные ветры, дожди были частым явлением как весной, так и ранним летом. Тут я могу честно признаться, не будь рядом *В.И.*, можно было «взвыть волком», а с ним, с его увлекательными рассказами о животных, вообще о природе, все экспедиционные трудности отодвигались на второй план. *В.И.* много поездил по бывшему Советскому Союзу, объездил почти все центральные области России, Якутию, Дальний Восток, включая Камчатку и, обладая прекрасной памятью, хорошо зная географию, многое мог рассказать о любом регионе, любого материка, а рассказчик он удивительный.

В.И. это человек высокой культуры, в высшей степени честный и справедливый, деликатный. Я ни разу не слышал от него грубого слова, не ощутил вызывающего какое-либо негативное восприятие поступка. Да и не только я, уверен, что ко мне присоединятся все, кто его знает. Буквально все, кто бы к нему ни обращался за помощью, советом, разъяснением (а таковых было достаточно много, как бы он ни был занят), всегда получали исчерпывающую информацию. И ещё особую благодарность следует выразить ему за редактирование научных работ, особенно молодых ученых, за исправление погрешностей в них, причем делал он это настолько деликатно, что порой казалось, что это сделал бы сам автор» (Лобачёв Ю.С., Selevinia-2000, с.230).

О Капитонове-редакторе надо сказать особо. После смерти А.А. Слудского на его плечи лёг тяжкий труд редактирования едва начатого многотомника «Млекопитающие Казахстана». И хотя в разных выпусках ответственными редакторами были также Е.И. Страутман и Е.В. Гвоздев, однако основная тяжесть

научного редактирования этой сводки досталась Вадиму Ивановичу Капитонову. Мне пришлось быть свидетелем, как редактировал Вадим Иванович научно-популярные сборники «Живые сокровища Казахстана» и «Тропинки в загадочный мир», которые явились его детищами не в меньшей степени, чем составителей – Р.А. Кубыкина и Э.А. Бычковой, которые абсолютно доверялись знаниям Капитонова.



29.08.1988 г.

Дорогой Вадим Иванович,
посылаю вторую часть рукописи В.А.Ленхольда"Птицы Караганды" - от кукушки по большую синицу (страницы 41-100). Эта часть подверглась более сильной редакции по сравнению с первой, что и понятно: во-первых окончательно выработался и утвердился подход, во вторых, пошли очерки по воробьиным, где больше материала, а следовательно и редакторской работы с ним.

Не удивляйся большим изъятиям текста с размерами - я убирал заведомую шелуху и везде старался оставлять то, что еще нужно и ценно. Устаревшие виды измерений вроде длина, размах и пр. сейчас ничего не дают, каждый человек их может сделать по-своему. В виде случаев даются размеры без указания пола или без указания способа промеров (а у клюва их по крайней мере три законных - от оперения лба, от угла рта и от переднего края ноздри).

В общем мне кажется, что по этой второй части надо ровнять и первую, чтобы достичь желанного единообразия.

У меня осталось 29 страниц, надеюсь сделать их в ближайшие дни (сейчас я запустил все дела - занимаюсь только этой рукописью, но уже послезавтра наваливается куча всякого рода организационных дел, и я тороплюсь к этому времени закончить рукопись). Если не удастся, то вышлю недоредактированную, в надежде, что ты завершишь сам. А ведь хотел еще алфавитный указатель птиц сделать (там имеется только систематический список, повторяющий расположение видов в самой рукописи). Постараюсь успеть.

Всего доброго, всем привет.

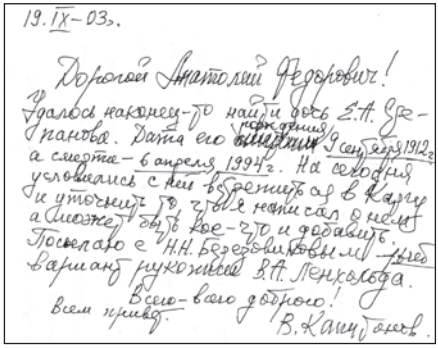
Твой

Книжку об уссурийских птицах вышли наложенным платежом, не упрямься. Но только на домашний адрес.

Рис. 88. Моё сопроводительное письмо к рукописи Ленхольда.

Мне пришлось совместно с Вадимом Ивановичем редактировать орнитологическую рукопись В.А. Ленхольда – удивительного самородка, наблюдавшего за птицами в городе Караганде (где он работал учителем) в течение более 20 лет и написавшего объёмистую рукопись о птицах этого города. Данные этой рукописи по инициативе И.А. Долгушина использовались в томах «Птицы Казахстана», отдельные заметки печатались в Трудах Института зоологии. Но очень хотелось издать эту рукопись отдельной книгой, особенно после того, как я познакомился с Виктором Александровичем лично через студентку Карагандинского университета Светлану Мальцеву (она была близкой и самой верной его ученицей). Ленхольду тогда уже было за 80, и мы спешили с публикацией книги. Все мои попытки напечатать её в Алма-Ате через Центральный Совет Казахского общества охраны природы не увенчались успехом. Тогда решили попробовать издать в Карагандинском университете, где тогда уже работал Вадим Иванович. Договорившись с ним о разделении наших редакторских функций, я стал высылать ему рукопись по частям – по мере готовности текста (рис. 88). Эпопея эта растянулась на 15 лет! Сначала медлил сам Вадим, загруженный своей педнагрузкой в университете, но, тем не менее, делавший всё очень тщательно, не спеша, начиная от сверки местных географических названий вплоть до собственноручного составления списка литературы. Но после того, как вся эта кропотливая работа была сделана, оказалось, что денег на издание нет ни у КарГУ, ни у карагандинского областного отделения ЦС КООП. Много лет эта рукопись пролежала у Вадима Ивановича, и только в 2003 году он вернул её мне (рис. 89). К великому сожалению, только через 10 лет, в 2013 г. я в очередной раз сократил её и, заново отредактировав, поместил в виде обширной статьи во второй выпуск нашего «Орнитологического вестника Казахстана и Средней Азии», который увидел свет в феврале 2014 г.

В том же 1988 г., когда мы с Вадимом начали работать над рукописью Ленхольда, в Караганде проходила последняя конференция РГЖ, посвящённая журавлю-красавке. Вадим Иванович принял активное участие в её подготовке и проведении, будучи связующим звеном между нами, приезжими, и ректором университета. Уже тогда он жил не в самом городе, а за его пределами – в районе Майкудука. Его вторая жена, Элеонора Людвиговна Бауэр, зоолог по профессии,


19.IX-03г.

Дорогой Анатолий Федорович!

Удалось наконец-то найти весь Е.А. Цер-
ванёву. Дата его рождения 9 сентября 1912г.
а смерти – 6 апреля 1994г. На сегодня
условились с ней встретиться в Казгу
и уточнить то, что я написал в нем
а может быть что-то и добавить.
Посылаю с Н.Н. Березовиковым хлеб
Вариант рукописи В.А. Ленхольда.
Всего-всего доброго!
Всем привет.
В. Капитонов.

Рис. 89. Сопроводительная записка В.И. Капитонова к рукописи Ленхольдла, 2003 г.

но давно работающая в областном обществе охотников, очень энергичная и решительная женщина, прекрасно дополняла мягкого, всецело поглощённого наукой мужа, создавая ему условия заниматься наукой. А как может отвлекаться от всего окружающего мира Вадим, свидетельствует такой случай. Когда в сентябре 1978 года, после Всесоюзной конференции по миграциям птиц, я повёл на бесконечную кольцевую экскурсию своего друга Юру Шибаева (об этом подробнее сказано выше), то в домике нашего высокогорного стационара оставался В.И. Капитонов. Возвратившись после полуночи (уходили в 10 час утра), мы застали в домике Вадима, увлечённо читающего какую-то книгу. Подняв глаза на вошедших (скорее ввалившихся в комнату) едва державшихся на ногах от усталости людей, Вадим каким-то отсутствующим голосом спросил: «А вы что, куда-то ходили?»…

Большую помощь оказал мне Вадим Иванович и при составлении справочника «Орнитологи Казахстана и Средней Азии» (2003), написав для него несколько очерков, а также помогая в розыске данных о тех или иных зоологах. Вообще можно сказать, что помогать людям для него так же естественно, как и всё остальное. Делал он это спокойно, не выставляя напоказ, и очень ответственно – сделанное им никогда не нуждалось в перепроверке. В нём всегда жила эта ЗИНовская закваска – «качество превыше всего». Не зря его очень ценили и ценят в этом центральном зоологическом учреждении.

Переписывались мы редко и только по делу, но в письмах часто касались и обычных житейских тем. В одном из писем 90-х гг., например, он написал: «А физически чувствую себя прекрасно: позвоночник такой же гибкий, как у 14-летнего мальчика». И это писал человек, которому было уже за 60. Нелёгкая экспедиционная жизнь закалила его так, что и сейчас, в свои 85 лет, он ещё вполне работоспособен.

Институт зоологии Академии наук Казахской ССР

Кроме орнитологов, герпетологов и териологов в Институте зоологии Академии наук Казахской ССР в 60-80-х гг. работали специалисты самых разных направлений зоологической науки, а также очень близкой к ней – паразитологии. В годы расцвета, в начале 80-х гг., в структуре института было 14 научных лабораторий: млекопитающих, орнитологии, проблем охраны диких животных, энтомологии, водных животных, палеобиологии, функциональной морфологии беспозвоночных животных, биоконтроля вредных беспозвоночных, экологиче-

ской паразитологии, паразитических членистоногих, гельминтологии, протозоологии, тканевых простейших, радиобиологии. В них работало 312 человек (55 старших и 108 младших научных сотрудников), в том числе 12 докторов и 85 кандидатов наук[52] (Институт зоологии, 1982). Со многими из них, особенно с руководителями лабораторий и членами Учёного Совета, мне приходилось общаться. Для краткой характеристики каждого пришлось бы написать отдельную книгу. Поэтому здесь я упомяну только некоторых из них, остановившись подробнее на тех, с которыми мне довелось работать более или менее продолжительно, и общение это оставило какой-то след.

Так, основателя лаборатории млекопитающих Александра Васильевича Афанасьева (1905-1965) я видел всего пару раз, как и основателя лаборатории палеобиологии Валерьяна Семёновича Бажанова, перебравшегося в 1966 г. в Усть-Каменогорск (встретились мы потом только через 22 года, незадолго перед его смертью, когда он сам позвал меня через Балдырган Сералиевну, чтобы рассказать, где на Устюрте надо искать селевинию). Зато с его преемницей на посту заведующей лабораторией Балдырган Сералиевной Кожамкуловой (дочерью знаменитого казахского артиста Сералы Кожамкулова) я знаком достаточно хорошо, как и со многими сотрудниками этой лаборатории: Элеонорой Рейнгольдовной Орловской, Галиной Сергеевной Раюшкиной, Петром Владимировичем Шилиным, Валентином Васильевичем Кузнецовым, Пирузой Аблаевной Тлеубердиной, Булатом Уапповичем Байшашовым, Любовью Анатольевной Тютьковой и др. В начале 60-х гг., ещё до переезда в Академгородок, эта лаборатория находилась в одном флигеле с лабораторией орнитологии во дворе главного здания Академии наук (Шевченко, 28) и разделяла их лишь тоненькая фанерная перегородка, через которую можно было свободно переговариваться; а в обеденное время все дружно играли во дворе в волейбол.

Среди паразитологов мы чаще всего общались с сотрудниками гвоздевской лаборатории, которая раньше называлась «Лаборатория паразитов птиц и рыб», а потом стала именоваться «Лаборатория экологической паразитологии». Здесь я знал всех, в том числе Евгения Григорьевича Сидорова, Ольгу Владимировну Доброхотову, Александру Павловну Максимову, Хадичу Илюсизовну Егизбаеву, Джылдыгиз Миркасимовну Жатканбаеву, Тамару Николаевну Соболеву, Юлию Васильевну Белякову, Ларису Львовну Осиповскую; но наиболее близко сошёлся и подружился с Виктором Яковлевичем Паниным, о котором далее хочу рассказать более подробно.

Лаборатория гельминтологии, возглавляемая тогда академиком АН КазССР Сергеем Николаевичем Боевым, исследовала гельминтов млекопитающих, в основном – копытных и хищных. В ней плодотворно трудились два доктора: Варвара Ивановна Бондарева, приезжавшая со своими аспирантами (в частности, с Блоком Шайкеновым) ко мне в заповедник Аксу-Джабаглы, где им удалось обнаружить трихинеллёз у белокоготного медведя (*Ursus arctos leuconyx*)

[52] Для сравнения: в ноябре 2012 г. в оставшихся 6 лабораториях института работало 70 научных сотрудников, в т.ч. 9 докторов и 21 кандидат наук; в июне того же года – всего 59, а в феврале – даже 43 научных сотрудника. – *Прим. авт.*

и Эдуард Иванович Прядко, заведовавший лабораторией после ухода на пенсию С.Н. Боева. С 1960 года в этой лаборатории были развёрнуты исследования по фитогельминтологии, и почти одновременно (1961-1980) – по малакологии (изучение моллюсков). На последней тематике даже вырос доктор наук – Калымбубу Кадыровна Увалиева, работавшая в институте до начала 2005 года.

Созданной в 1946 году А.А. Целищевым лабораторией протозоологии руководили доктора Расим Низамиевич Аппасов (1951-1956), а затем – Серикхан Кумарьянович Сванбаев (1963-1981). Старейшим сотрудником в ней был Михаил Павлович Якунин, часто приезжавший на Чокпак изучать кровепаразитов птиц. Из других неплохо знал я Павла Петровича Осипова, Владислава Александровича Дзержинского (которого мы и по сей день зовём Вадим), Надю Рахматуллину и других. Близкая к ней по направлению лаборатория тканевых простейших организована в 1963 г. как лаборатория токсоплазмоза академиком Иллирионом Григорьевичем Галузо, который руководил ею до конца жизни. С 1977 г. ею стал руководить его ученик Семён Михайлович Пак, который изучал трихомонад крупного рогатого скота. Несколько лет в 80-х гг. помимо Института зоологии мы с Семёном Михайловичем ежедневно встречались по утрам на стадионе СХИ, где он поражал своей пунктуальностью и методичностью в исполнении комплекса утренней гимнастики. Только ради этого стоило приходить туда, чтобы получить заряд бодрости на весь день.

В лаборатории энтомологии, которая также в разные годы то делилась на несколько более мелких, то снова объединялась, работало достаточно много энтомологов высокой квалификации, с которыми мне доводилось общаться. Помимо уже упоминавшегося Виктора Васильевича Шевченко это профессор Павел Иустинович Мариковский, Иван Дмитриевич Митяев, Владимир Лонгинович Казенас (каждый из них в разное время заведовал этой лабораторией), Роза Балтабековна Асанова, Хазыр Айбасов, Клара Куленова и многие другие – перечислить всех невозможно.

В заключение своих воспоминаний о том золотом времени хочу остановиться подробнее на трёх неординарных личностях, с которыми судьба свела меня достаточно близко и на долгое время.

Павел Иустинович Мариковский (1912-2008)

Богатая биография этого крупного ученого и писателя лучше всего изложена в некрологе, написанном его учениками разных лет (Митяев, Казенас, Федотова, 2008). Я позволю себе привести её полностью, прежде чем перейду к собственным воспоминаниям об этом необычайно интересном человеке.

«Павел Иустинович Мариковский родился 29 июля 1912 г. на станции Вяземская Хабаровского края в семье учителя. Богатая природа Уссурийского края с детства увлекла его, и он на всю жизнь остался ее горячим любителем. Трудовая и писательская деятельность Мариковского началась очень рано. После окончания в 1928 г. Хабаровской средней школы, *П.И.* начал работать учителем в с. Александровка Приморского края. Но еще перед этим несколько месяцев проработал лаборантом в экспедиции профессора К.И. Скрябина, посетившего Дальний Восток. После года работы учителем, в 1919 г. его

пригласили работать лаборантом в Институт защиты растений, в отдел позвоночных животных. Здесь в возрасте 17 лет он написал свою первую научно-популярную брошюру «Полезные птицы Дальневосточного края» (опубликована в Хабаровске в 1932 г.).

В 1932 г. *П.И.* поступил в Дальневосточный государственный медицинский институт – первое высшее учебное заведение Хабаровска. В течение 4 лет учебы Павел Иустинович одновременно работал лаборантом на кафедре общей биологии. Последний год учебы он был младшим научным сотрудником и вел занятия со студентами. Здесь началось его увлечение энтомологией, которое определило последующие интересы и специальность будущего ученого. Еще студентом он совмещал учебу с работой энтомолога в Дальневосточном краевом противочумном институте, занимаясь изучением систематики и биологии блох – переносчиков чумы. После окончания мединститута *П.И.* был направлен на работу в г. Благовещенск на противочумный пункт. В 1937 г. его пригласили снова в медицинский институт, на кафедру общей биологии. Здесь Павел Иустинович проработал два года – сначала ассистентом, а затем исполняющим обязанности заведующего кафедрой общей биологии. Однако тяга к природе и интерес к жизни различных животных, заставила его покинуть кафедру и перейти в зоологический сектор Дальневосточного филиала АН СССР.

Однако вскоре филиал был ликвидирован, и *П.И.* переехал в Ташкент. Здесь он занялся изучением ядовитых животных. С сентября 1939 по июнь 1941 г. *П.И.* работал в Узбекском институте микробиологии и эпидемиологии в должности научного сотрудника паразитологического отдела. За этот период он подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ядовитый паук каракурт». В первые дни Великой Отечественной войны *П.И.* был призван в ряды Красной Армии. В войсках Дальневосточного фронта Павел Иустинович не прекращал научной работы в области медицинской и ветеринарной арахноэнтомологии. Результаты его исследований того времени имеют и поныне практическое значение. Через год после окончания войны в чине майора медицинской службы он был демобилизован.

В ноябре 1946 г. П.И. Мариковский был приглашен на работу в Институт зоологии АН КазССР – сначала на должность заведующего лабораторией ядовитых животных, а затем – лаборатории энтомологии. Этот период его деятельности был особенно напряженным и богатым творческими успехами. За три года Павел Иустинович подготовил и затем защитил в Ленинграде докторскую диссертацию о ядовитых пауках. В ней он продемонстрировал широту своих интересов, досконально изучив систематику, морфологию, биологию, а также клинику отравления ядом пауков.

Много времени в послевоенное время и позднее отдавал *П.И.* организации широких энтомологических исследований в Казахстане. В 1953 г. он организовал отделение Всесоюзного энтомологического общества в Казахстане. Сам вел большую работу по изучению биологии насекомых-вредителей саксаула, фауны и систематики мелких своеобразных растительноядных двукрылых – галлиц. По существу, ему впервые удалось разобраться в их запутанной системе и не менее сложной биологии. Им было описано 25 новых родов и более 80 новых для науки видов галлиц. Кроме того, он попутно начал вести биологические наблюдения над муравьями и другими насекомыми и паукообразными. Он открыл явление сопряженной диапаузы у наездников, нашел педогенез у чешуекрылых, обнаружил сложный язык жестов у муравьев, установил различные формы общественной жизни этих насекомых и сделал немало других научных открытий. Много путешествуя по Казахстану, он изучал древние наскальные рисунки и впервые дал их оценку как ученый-зоолог. Впервые он попутно открыл астрономическое значение некоторых древнейших курганов.

В 1954 г. П.И. Мариковский был приглашен на должность заведующего лабораторией энтомологии Киргизской Академии наук. Здесь он отдал много сил организации энто-

мологических исследований в республике. В 1956 г. он перешел на должность заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных Томского университета и там всецело посвятил себя изучению муравьев. Однако долгая сибирская зима и скудное теплом дождливое лето ему не понравились, так как не позволяли большую часть года проводить полевые исследования насекомых, поэтому в 1961 г. он снова возвратился в Казахстан – на должность зав. лабораторией энтомологии Института зоологии.

Увлеченно занимаясь теоретическими вопросами энтомологии, П.И. Мариковский одновременно вел работы и сугубо прикладного характера. Им предложены методы профилактики отравления от укуса каракурта, способ извлечения присосавшихся к коже человека клещей – переносчиков энцефалита, метод поиска грунтовых вод в пустыне по гнездам муравьев-жнецов. В 70-е годы он увлекся биологическим методом борьбы с насекомыми и впервые в Казахстане начал заниматься биологическим методом борьбы с сорными растениями. *П.И.* на протяжение многих лет вел большую работу по охране природы и борьбе с браконьерством На эту тему им опубликовано более 350 газетных и журнальных статей. Он один из лучших популяризаторов науки, опубликовал около 80 научно-популярных и научно-художественных книг, в которых он описывает природу Казахстана, работу натуралиста и свои многочисленные открытия из жизни животных. Он получил широкое признание как писатель и был принят в Союз писателей СССР.

Уйдя на пенсию, Павел Иустинович занялся подготовкой рукописей и публикацией книг, среди которых одна двухтомная (сборник очерков о жизни насекомых), другая трехтомная — «Жизнь насекомых»; книги о Центральном Казахстане, о наскальных рисунках, о следах животных. Он опубликовал также книгу о диком снежном человеке. Впервые в Казахстане он поднял проблему прогнозирования землетрясений по поведению животных и опубликовал книгу на эту тему. Несколько лет назад он опубликовал социально острую философскую книгу о природе человека под названием «Во власти инстинктов». Глубоко разбираясь в законах природы, П.И. Мариковский пришел к выводу, что человеческий разум пришел в острое, сильное и опасное противоречие с инстинктами и что необходимы радикальные социальные меры для предотвращения опасных последствий этого противоречия для судьбы всей нашей планеты. К сожалению, многие рукописи из-за финансовых трудностей до сих пор остаются неопубликованными.

Почти все книги Павел Иустинович иллюстрировал собственными фотографиями и рисунками. Он получил известность и как художник. Многие красочные уголки природы Семиречья сейчас можно увидеть сохраненными только на его ярких и живых полотнах.

Много времени отдавал *П.И.* подготовке научных кадров. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации более 20 человек. Научные работники, аспиранты, студенты и школьники широко пользовались консультациями ученого, который щедро делился своим многолетним опытом и разносторонними знаниями…» *И.Д. Митяев, В.Л. Казенас, З.А. Федотова* (Selevinia, 2008, с. 283-284).

Эту подробную биографию хорошо дополняют мемуары его отца – Иустина Евменовича Мариковского (1873-1946), опубликованные через год после смерти сына (И. Мариковский, 2009). Рукопись воспоминаний Иустина Евменовича хранится в Архиве Президента Республики Казахстан. Опубликована только первая её часть, посвящённая детству, прошедшему в Западной Украине, на берегах того самого Буга, где прошла и часть моего детства. В предисловии к этой публикации составитель сборника «Казахстан – Украина» Елена Михайловна Грибанова приводит сведения о том, как Иустин Евменович в 1905 году покинул Украину и переселился на Дальний Восток, а в 1933 году перебрался в Узбекистан, где в декабре 1939 года ему было присвоено звание «Заслуженный учи-

тель Узбекистана». И далее составитель пишет уже о его сыне, приводя очень интересные сведения: «Рукопись была сохранена сыном Иустина Евменовича Павлом (1912-2008), человеком широко известным в Казахстане, доктором биологических наук, профессором, писателем-энтомологом, автором многочисленных изданий о природе Казахстана, последние годы увлекавшимся изучением наскальных рисунков древних людей, живших некогда в Семиречье. Павел Иустинович перепечатал текст воспоминаний на машинке, внеся незначительные редакторские правки. К сожалению, после этого он уничтожил автограф. Под впечатлением работы отца Павел написал автобиографическую книгу, действие в которой разворачивается на Дальнем Востоке, Сибири, в Маньчжурии, Узбекистане, Казахстане между 1915-1922 гг. Обе рукописи не опубликованы, хранятся в Архиве Президента Республики Казахстан» (Казахстан-Украина, с. 21).

О Павле Иустиновиче Мариковском я знал задолго до личного знакомства с ним. Книги его о природе Казахстана в 60-х гг. были нарасхват, и я сам покупал их при первой же возможности, когда начал работать в заповеднике Аксу-Джабаглы. Они выгодно отличались от других произведений на тему природы тем, что были написаны зоологом и практически не содержали фактических ошибок, которыми страдало большинство опусов доморощенных писателей-натуралистов, не очень-то гнавшихся за достоверностью сообщаемых (зачастую – выдуманных) ими фактов из жизни животных. Особенно было интересно читать его книги о пауках или муравьях, которыми он занимался специально и дотошно. Кроме того, при мне в заповеднике работала энтомолог Римма Николаевна Фисечко, которая училась у Павла Иустиновича в Томском университете и, приехав на работу в заповедник, тотчас поступила к нему в заочную аспирантуру. От неё-то я и узнал о том, что Мариковский живёт уже в Алма-Ате. Его частые смены мест жительства тогда были приточей во языцех. Помню, как осенью 1963 года при встрече в Ташкенте Сергей Иванович Медведев рассказал мне, как он попал впросак, когда спросил у приехавшей в ЗИН из Алма-Аты Галины Ивановны Савойской: «Вы наверняка знаете Мариковского? Скажите, а почему он так часто переезжает с места на место – у него что, неуживчивый характер?». На что получил неожиданный и ошеломляющий ответ: «А Вам не кажется, что об этом неудобно спрашивать у его жены?». Бедный дядя Серёжа!...

Когда я стал работать в Институте зоологии, то в маленьком двухэтажном здании (так и хочется сказать – особнячке) моя комната находилась на первом этаже, а кабинет заведующего лабораторией энтомологии профессора П.И. Мариковского – на втором. Тогда это ещё был мужчина средних лет, всегда безупречно одетый, с тонкими (в XIX веке обязательно добавили бы «нервическими») чертами лица, всегда гладко выбритый, худощавый, подвижный и энергичный. Он как-то быстро проникся ко мне симпатией и вскоре стал время от времени заходить, задавая то один, то другой вопрос о птице, которую он только что видел. Непривычно было, что этот весьма уважаемый и тогда уже знаменитый учёный и писатель вот так, без комплексов, мог расспрашивать молодого орнитолога, годящегося ему в сыновья, ничуть не боясь показать своего незнания. Кроме того, что это льстило моему самолюбию, это не могло не вызывать глубокого уважения – человек стремился к точности и правдивости того, что он буквально завтра напишет!..

Кроме института мы ещё часто встречались в Казахском обществе охраны природы – на заседаниях секции охраны животного мира, а чуть позже – и секции охраняемых природных территорий. Павел Иустинович был эмоциональным борцом за охрану природы и не стеснялся в выражениях, клеймя её врагов. Его выступления на заседаниях секций или Центрального Совета всегда были остро полемическими. Вообще в силу своей крайней эмоциональности он был человек конфликтный: по любому поводу мог тут же вспыхнуть и наговорить кучу неприятных слов. Однажды пришлось испытать такую его вспышку и мне. Как-то на заседании секции охраняемых территорий, которое я вёл, Павел Иустинович, говоря об одном из первых планируемых в Казахстане национальных парков (кажется, Каркаралинском), поочерёдно называл его то национальным парком, то заповедником. И дёрнул же меня чёрт за язык поправить его! Он тут же взвился и понеслось: «Не Вам, молодой человек, меня учить! Вы ещё пешком под стол ходили, когда я…» и далее в том же духе. Но уже на второй день он разговаривал со мной, как ни в чём не бывало.

Меня всегда занимала их дружба с Максимом Дмитриевичем Зверевым, характер которого был очень спокойным и покладистым (однажды на вопрос корреспондента, как ему удалось дожить до 90, *М.Д.* ответил: «Я всегда в самые острые моменты говорил себе – могло быть хуже»). Они всегда отстаивали общую точку зрения, поддерживали друг друга – каждый в свойственной ему манере. И глядя на этот дуэт, я не мог отделаться от мысли, что если *М.Д.* проживёт не менее 100 лет, то уж Павлу Иустиновичу с его взрывным, эмоциональным характером, вряд ли дотянуть и до 70. Поэтому был несказанно удивлён, когда Павел Иустинович прожил 96 лет, «уступив» Максиму Дмитриевичу всего 3 года.

Павел Иустинович вдоль и поперёк исколесил всё Семиречье на своём видавшим виды «Газике» и просто не мыслил себе работу натуралиста без собственного транспорта. Он даже опубликовал в издательстве «Кайнар» небольшой, карманного формата Справочник автолюбителя, но подписался не полной фамилией, а сокращенной: П.Марик. Мне он не раз говорил: «Покупайте автомобиль – у вас будет совершенно другая жизнь», а я, соглашаясь с ним, думал о том, как бы мне поскорее освободиться от долгов за купленную квартиру, которые висели на мне почти до середины 70-х гг. Кроме того, на собственном плачевном опыте вождения мотоцикла М-72 в заповеднике Аксу-Джабаглы я убедился в своей полной профессиональной непригодности для вождения транспортного средства – после того, как чудом затормозил всего в трёх метрах от мчавшегося тепловоза на 115-м разъезде, на полпути между Ванновкой и Новониколаевкой. Помню только, как я судорожно вцепился обеими руками в руль, выжав одновременно и газ и сцепление, а ногой нажав на тормоз, а высунувшийся из тепловоза голый по пояс машинист грозил мне кулаком; и лишь потом донеслись до меня вопли моих пассажирок, которых я вёз на учительскую конференцию в райцентр: «Идиот, ты что, не видел поезда?»…

Жили Павел Иустинович с Галиной Ивановной Савойской и дочерью Татьяной буквально через дорогу от меня, на углу улиц Курмангазы и Пушкина (в этом же доме жил Б.А. Быков), и мы периодически встречались, особенно в почтовом

отделении, которое располагалось в моём доме. Галина Ивановна – крупный специалист по кокцинеллидам, работала в Институте защиты растений, а после защиты докторской нередко выступала оппонентом по энтомологическим защитам на заседаниях нашего Спецсовета. Татьяна, закончив КазГУ, поступила в аспирантуру в ЗИН АН СССР (Ленинград), после окончания которой пришла работать в наш институт и в 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию. Внешне похожая на отца, она унаследовала от него скрупулёзность в наблюдениях за жизнью насекомых, но в отличие от него не распылялась на другие увлечения, а занималась только одной группой насекомых, которую знала досконально. Она изучала фауну, систематику, распространение, экологию и биологию пчелиных Казахстана, одной из экологически и практически важных групп насекомых-опылителей, являясь крупным и единственным в республике специалистом по этой группе. Первой в стране она занялась искусственным размножением диких пчелиных, внедряя полученные при этом результаты в сельскохозяйственную практику. Проработав в нашем институте 30 лет – всю свою творческую жизнь – она внезапно скончалась 8 декабря 2001 года, в возрасте всего 55 лет, оставив малолетнюю дочь и незаконченную монографию по пчёлам-антофоринам Казахстана. Всего она успела опубликовать около 70 научных работ…

Не последнюю роль сыграла, по-видимому, и разыгравшаяся семейная трагедия: в середине 80-х гг., в возрасте 72 лет Павел Иустинович вдруг ушёл из семьи, родив одного за другим четырёх детей – трёх дочерей и сына. Некоторое время он жил на улице Джамбула около Оперного театра (мне даже пришлось как-то с ним там встречаться, чтобы взять рукопись), а потом перебрался в один из микрорайонов и перестал бывать в институте, выйдя на пенсию. Так оборвались практически и наши с ним связи, лишь изредка он звонил мне по телефону по срочным природоохранным делам, касающимся того или иного заповедника. Фактически с ним поддерживали связь лишь некоторые его ученики разных возрастных категорий: Иван Дмитриевич Митяев, Владимир Лонгинович Казенас, Александр Борисович Жданко. Они бывали у него дома, помогали с рукописями, осуществляя связь с издательствами (у *П.И.*, как он часто жаловался, постоянно в разных издательствах лежало от 10 до 15 рукописей книг, публикации которых он ждал с нетерпением). Со временем уехала в Россию его вторая жена, захватив с собой детей, и П.И. остался один. Но он не сдавался и не прекращал писательского труда.

Запомнилась мне наша последняя встреча. Как-то среди лета 2006 г. мне позвонил Павел Иустинович и попросил прийти к нему! Это было что-то новенькое и неожиданное – обычно он звонил сугубо по делу и долго не разговаривал. Здесь же он даже сказал свой адрес и подробно объяснил, как его найти. Когда я позвонил в дверь, он мне её только приоткрыл менее чем наполовину – дальше открыться ей помешала какая-то домашняя утварь и лежащие на полу книги. В нос ударил тяжёлый спёртый воздух запущенного жилья. Но самое потрясающее впечатление произвёл хозяин! Это был не тот гладко выбритый, весь как бы лощёный, в очках и с полуулыбкой, приоткрывавшей золотые зубы, Павел Иустинович, которого я хорошо знал, а самый настоящий патриарх!!! Густая

и длинная, как у Льва Толстого, борода закрывала всё лицо, на котором трудно было без привычки уловить хоть какие-то знакомые черты…

В комнате он был не один: Второй такой же бородач, только помоложе, сидел на заваленном книгами диване – мой приход явно прервал их разговор. «Неужели Павел Иустинович мог удариться в религию или сектантство?» – подумалось мне. И сладкая, хорошо поставленная речь пришельца подтвердила мои опасения. Но их вскоре развеял сам Павел Иустинович. Поспешив завершить разговор с гостем и проводив его до двери, он со свойственным ему скептицизмом объяснил мне, что эти верующие люди чего-то добиваются от него, но вряд ли они получал то, чего добиваются. Он оставался прежним!

Описать комнатку, в которой мы находились, я не сумею. Теснота и запустение так и бросались в глаза, и это давило морально. Книг не было только на потолке, зато на полу не было места, куда можно поставить ногу. Книгами же был завален и старый диванчик, на который он меня усадил, а сам сел на стул около старенького компьютера, который стоял то ли на крошечном столике, то ли вовсе на табуретке. Так мы и беседовали, причём на протяжении всего разговора я был не в своей тарелке, так как не мог никак отделаться от мысли о том, как же ему невыносимо трудно жить одному в этом бедламе. Тогда я ещё не знал, какие страдания доставляла ему фактическая утрата четырёх детей, от которых его отлучила их мать, не только увёзшая их в Тамбов, но и настроившая их против отца…

После обычной беседы о жизни и воспоминаний о том, как много вредили ему когда-то почти все наши зоологи (досталось и Галузо, и Долгушину, и Слудскому, и Корелову, и даже Гвоздеву – каждому за своё!), Павел Иустинович перешёл к главной цели нашей беседы. Он рассказал, что когда-то ещё в 50-х гг. под Ашхабадом он нашёл гнездо совы с птенцами, причём птенцы были настолько необычны, что он не удержался и зарисовал их прямо в гнезде. И показал мне этот рисунок. На нём были изображены типичные, едва начавшие оперяться птенцы ушастой совы, с их характерными тёмными дисками вокруг глаз. Когда я ему об этом сказал, он тут же категорично отверг мои слова, сказав, что ушастую сову-то он хорошо знает, а эти ведь совсем на неё не похожи. Стал убеждать меня, что наверняка это новый вид и его надо описать хотя бы сейчас, через столько лет. Не желая его разочаровывать, я стал искать, как бы помягче отказаться от этого рискованного задания. Промямлил что-то вроде того, что всё это хорошо, но лучше бы иметь натуральные экземпляры – либо тушки, либо живых птиц, а ещё лучше – если бы они были взрослыми, ибо по рисункам птенцов описать новый вид я просто не берусь. Испросив у него разрешения сфотографировать его и этот рисунок с совятами, я так поспешно ретировался, что забыл на вешалке в коридорчике свою штормовку и напомнил мне о ней только начинающийся дождик, когда я опрометью выскочил на улицу. Пришлось возвращаться, ещё раз звонить и ещё раз прощаться…

Вскоре разнёсся слух, что Павел Иустинович переехал за город и поселился в селе Тургень, причём не просто переехал, а его чуть ли не выкрала какая-то женщина, которая обещала за ним ухаживать и даже не пускает к нему посетителей. Об этом мне сказали несколько женщин, работавших раньше в Казахском

обществе охраны природы. Они были настроены очень воинственно, вплоть до того, что надо жаловаться на эту хищницу и постараться отбить у неё Павла Иустиновича, ставшего её жертвой. Однако, как мне рассказывал В.Л. Казенас, эта женщина ухаживала за *П.И.* по линии Собеса ещё в той комнатке в микрорайоне, где я был у него в 2006 г. А.Б. Жданко, посетивший его на новом месте жительства, считал, что женщина эта действительно ухаживает за 95-летним *П.И.*, которому одному уже никак не управиться, а кроме того, жизнь на свежем воздухе, среди природы, для него гораздо полезнее, чем в городских трущобах (за это стоило отдать ей ту душную комнатку в микрорайоне). И ограждала его она в основном от надоедливых посетителей, которые приходят поглазеть на него, как на известного учёного и писателя, своего рода достопримечательность или даже экспонат, не давая ему отдохнуть…

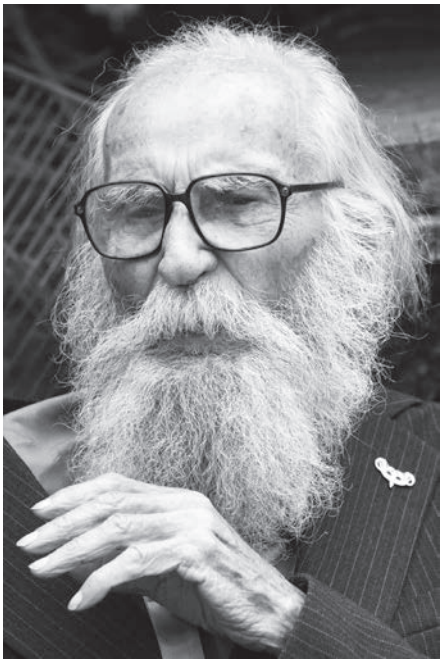


Рис.90. Последняя фотография П.И. Мариковского, 2008 г. *Фото А.Б.Жданко*

Так, в сельском уединении, и завершилась 9 ноября 2008 г. долгая жизнь этого удивительного, неординарного и, несомненно, очень талантливого человека, сделавшего так много для популяризации науки и воспитания у людей любви к природе…Он оставил после себя, помимо большого количества книг, также огромную рукопись под названием «Занимательная энтомология», объемом около 700 страниц, которую отдал своему ученику Владимиру Лонгиновичу Казенасу с просьбой отредактировать и при возможности опубликовать. Для последнего шага нужен какой-нибудь меценат… Кроме названной рукописи Павел Иустинович передал В.Л. Казенасу неоконченные рукописи своих воспоминаний, в надежде, что они когда-нибудь будут обнародованы[53]. В одной из них он вспоминает, что рукопись «Воспоминания» подготовлена к печати, но где этот текст – так и осталось неизвестным. Одна из трёх переданных В.Л. Казенасу рукописей имеет название «Продолжение рукописи «Воспоминания»» и авторские подзаголовки: «Сотые годы жизни», или «Будни старости», или «Невзгоды старости». Наряду с такими разделами как «С «Караваном» на поиски Дикого человека», в котором описывается поездка в горы Киргизии, эта рукопись пестрит заголовка-

[53] Часть из них недавно опубликована в книге «Истоки жизни». Документы из фондов Центрального государственного архива научно-технической документации (Отв. редактор Г.С. Сарсенова).- Алматы. 2012. 412 с.

ми типа: «Меня обкрадывают», «Охота на квартиры прекращена» и «Тайные за мной наблюдатели». Надо сказать, что возникшее не на пустом месте недоверие к людям с возрастом переросло у *П.И.* в манию преследования, о чём свидетельствует глава о «наблюдателях», в которой он перечислил 15 человек, в том числе и тех, кто по-настоящему был с ним дружен и не мог желать ему зла. Много в этих текстах обид на вторую жену Ольгу Малинину, разлучившую его с детьми, описание ссор, семейных сцен и т.п. Но одна небольшая глава, названная «Моё долголетие», содержит интересные автобиографические данные и заслуживает, чтобы привести её полностью[54]:

«Меня часто спрашивают, чем я объясняю свое долголетие. Обычно я говорю: это долгий разговор и трудный. Во-первых, мы все очень сильно изменчивы. Изменчивы и в продолжительности жизни. Во-вторых, жизнь существует на противоречиях, их уравновешенности. Они – условие эволюции.

Говорят, что долголетие основано на наследственности. Еще существует шутка: если хотите долго жить, выбирайте себе долгоживущих родителей. Это так и не так. Мои родители жили отец.... года, мать..... Они были из более жизнеспособной среды крестьян, не успели отравиться средой, ныне насыщенной недостатками современной цивилизации. И, может быть, просуществовали еще больше, если бы не тягости перенесенной нашей многострадальной страной. Мой старший брат Николай, родной по матери, прожил девяносто лет, несмотря на тяжело сложившуюся жизнь. Быть может, во мне сказалось долголетие родителей. Но моя младшая сестра Галина погибла от инфаркта, не дожив до пенсионного возраста.

В детстве я отличался энергичностью, непоседливостью, вечной занятостью чем-либо интересным. Так что в общем конечно долгожительство зависит и от наследственности, но она далеко не обязательно должна был у родителей. Гены долгожительства могут дремать в угнетенном состоянии и случайно встретиться от матери и отца. Это из премудростей генетики, не всегда понятных непосвященным.

Долгожительство, конечно, зависит от обстановки жизни, в которой оказался человек. Поэтому одно из правил жизни гласит: «Чтобы долго жить, важно жизнь не укорачивать, то есть не совершать того, что вредит здоровью». Тут я обязан сказать, что моя жизнь была насыщена многим тем, что укорачивает жизнь. Лет пяти я очень сильно болел брюшным тифом и хорошо помню свой страшный бред и слова сказанные матери: «Мама, я, наверное, умру». Но заботливая фельдшерица, по-видимому, вытащила меня из болезни. Будучи студентом, я, как и многие мои сокурсники, стал курить для того, чтобы есть не хотелось. В студенческие годы мне не посчастливилось: заболел сыпным тифом и в палате, в которой лежал, немало пациентов распростились с жизнью. Этой болезни способствует голодная жизнь, стрессы и недоедания. Курил я семнадцать лет. Курил очень много и сильно, трубку не выпускал изо рта. Курил махорку и самосад, о хороших сигаретах тогда не было и речи. Но когда кончилась война, поняв цену жизни, собрав все силы, бросил курить. И тем спас свою жизнь. Выпивал, особенно во время войны, в армии. Но никогда не пьянел, только тело тяжелело. Пьяным не напивался, разума не терял, до скотского состояния не доходил. В армии выпивали всякую дрянь, даже денатурат, неочищенный этиловый, обычно окрашиваемый в розовый цвет.

Жизнь сложилась так, что работал нещадно много, не жалея эксплуатировал свое трудолюбие. Пять лет учения в нелюбимом медицинском институте, работал одновременно на кафедре биологии, не получая стипендии. И еще увлекался катаньем на конь-

[54] Сохранена орфография и пунктуация оригинала. – *Прим. авт.*

ках. Перед войной оказавшись в Ташкенте, сильно, если не сказать страшно, работал над кандидатской диссертацией, за год ее закончил и защитил. Торопился, пахло порохом. Каждую неделю все лето ездил на велосипеде с багажом за 50 км по грунтовой дороге в кишлак, где изучал ядовитого паука каракурта.

Очень много работал и возвратившись из Армии в зоологоический институт, чувствуя, что иначе съедят. Тем не менее, став доктором и профессором, всюду из-за своего трудолюбия был белой вороной и подвергался преследованию, особенно теми, кто носил партийный билет в кармане.

И все же почему я стал долгожителем? От ранней смерти меня спасла медицина, хотя и неласково отнеслась ко мне как пациенту: врач анастезилог, может быть, даже не без умысла сожгла мне зрение в правом глазу. Думаю, мое долгожительство объяснялось бесконечной любовью с раннего детства к природе, преданностью ей. Она меня лечила от всяческих недугов, она же пожаловала мне самостоятельный, независимый, конечно, относительно, от всех творческий путь. Творчество – поклонение высшему инстинкту. Оно – плодотворный труд ради рода, государства и, если хотите, – человечества. Творчество избавило меня от одного из злых недугов; я не знал чувства зависти, чувства страшного, калечащего собственную жизнь и жизнь окружающих. Еще, быть может, я сохранял в себе доверчивость к людям, очень часто приносившим разочарование и предательство.

Прежде, при так называемом насильственном коммунизме, не существовало никаких разговоров о том, чтобы беречь здоровье. Человек считался маленьким винтиком, существующим только для государства. А правда оказалась посредине: Человек существует ради семьи, родины и государства, а государство существует ради человека.

Я еще жив, вопреки крайне тяжкой обстановке жизни. Жена увезла от меня детей, воспользовавшись перестройкой. И подло, невыразимо гадко восстановила их против меня. Я фактически стал одинок, а это тяжелое состояние. И отлично понимаю, что нахожусь в таком возрасте, когда сопротивляемость невзгодам понижена. Невзгоды с семьей, случайное отравление и гибель собаки, с которой провел 14 лет, грабеж у меня денег подкосили меня. Ноги плохо работают, почти не выхожу из дома.

Вот кратко и все. Не укорачивайте свою жизнь, но и не ставьте себя в положение того, кто только и занят тем, как бы сохранить себя и подольше жить. Ищите творческую работу. И если её потеряли, не огорчайтесь, ищите другую. Не забывайте слова Экклезиаста «Всё суета сует», их следует понимать в смысле: ищите в жизни главное, не отдавайте себя во власть бесполезной суете, отличайте главное от второстепенного. И еще – сохраняйте достоинство и честь, будьте правдивы и неравнодушны как к добру, так и ко злу».

И ещё рукопись пестрит письмами к детям, которых *П.И.* очень любил и никак не мог смириться с тем, что их потерял. Приведу лишь часть одного из нескольких десятков писем *П.И.* к детям. Может быть, повзрослевшие дети смогут, наконец, понять, сколько горя причинили они отцу.

«Мое последнее письмо к детям «Маше, Лене, Наташе, Мирюше».

Дети! Вы выросли при мне, много лет я фактически работал, не жалея сил, ради вашего благополучия, и думалось, что мы сможем, несмотря на трудности жизни, будем счастливы. Но всё разрушилось и повернулось в обратную сторону. О своих мучениях, о постоянных оскорблениях, унижающих достоинство, не говорю, я один, да и жить мне осталось немного. Мне жаль Вас. Очень жаль, что ваше детство оказалось омраченным и ваши чистые детские души изменились. Давно, по заранее задуманному плану вас отстранили от меня чудовищной ложью. Теперь вы со мною не разговариваете, не слушаете то, что иногда пытаюсь вам сказать, и обрекли меня на унизительное одиночество. И вот предполагается ваш отъезд, чего много лет тайно от меня добивались ваша мать и тетка.

Судьи, прежде чем вынести приговор, даже самому заклятому преступнику разрешают высказаться в свою защиту. Я, ни в чем не виновный, лишен и этой возможности. В нашей семье вы, дети, стали смотреть на меня беспричинно, как на какого-то преступника, я стал для вас будто прокаженным. Впрочем, прокаженных избегают, но жалеют. Ко мне и жалости у вас нет. Все это возникло и укрепилось систематическим внушением матерью в ваши головы всяческой беспредельно-гнусной клеветы. И мне, повторяю, жаль вас, ставших по неразумной молодости соучастниками подлости, не имея на это никакого ни морального, ни формального права.

Я решительно ничем не заслужил такого к себе отношения, и могу сказать без всякого преувеличения, что всю жизнь с вами и все свои силы и время, не жалея своего здоровья, щедро тратил на то, чтобы заработать на жизнь и на ваше будущее. Я всегда был беззаветным тружеником и поэтому смог сделать много хорошего. Моя трудовая книжка испещрена благодарностями, ксерокопию ее могу вам оставить на память. Не моя вина в том, что сейчас мы находимся в трудном материальном положении, к тому же фактически оказались на чужбине. Вина в этом страны и ее политических передряг. Как труженика меня всегда всюду уважали, чтили. Лишь негодяи и чёрные завистники плели пакости, но, как всегда, не открыто, а за моей спиной. И вот самое большое злое и нежданное негодяйство оказалось в семье!

Мне тяжело, тем более в конце своей жизни, находиться в семье в обстановке организованного, тоже за моей спиной, презрения и неуважения. Все мои попытки объясниться неизменно приводили к скандалу. За всю жизнь с вами, с матерью не было ни одного разговора о делах, ну хотя бы в течение нескольких минут. Ни одного! Всякое начало разговора неизменно обрывалось несуразнейшей оскорбительной фразой, которая меня выводила из себя. И этот мой непривычный выход из себя был рассчитан, специально провоцирован и доставлял радость матери.

Но беда не только в моем тяжелом положении незаслуженно презираемого, а в том, что незаметно для себя тяжелый характер матери переливается к вам и вы постепенно становитесь черствыми, эгоистами, жестокими, нелюдимыми. Меня беспокоит, как вы с такими чертами характера будете жить. У вас не будет друзей, и никто к вам не станет относиться по-дружески. Быть тягостным для себя и для окружающих – тяжелое состояние…» (1999 год).

Это, конечно, величайшая несправедливость, когда дети забывают родителей. Какими бы недостатками характера не оказался наделён родитель, мы, его дети, *не имеем морального права* судить его так, как постороннего. Как тут не вспомнить слова великого нашего поэта А.С. Пушкина: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности». Мне искренне жаль тех, кто не знает этой аксиомы и не следует ей – он обкрадывает сам себя и готовит себе плохую старость…

Максим Дмитриевич Зверев (1896-1996)

Этот широко известный во многих странах писатель-натуралист, книги которого общим тиражом несколько миллионов экземпляров опубликованы на многих европейских языках, никогда не работал в Институте зоологии, но он был тесно связан со многими зоологами, особенно, как я уже упоминал, с Павлом Иустиновичем Мариковским, с которым они были коллегами и по Союзу писателей. Этот институт много лет возглавлял академик Е.В. Гвоздев – самый

любимый юннат *М.Д.*, которого он считал почти своим сыном; было даже время, когда юный Гвоздев жил в семье Зверевых. Их любовь была взаимной, очень дружили также их дочери – Таня Зверева и Мила Гвоздева. Поэтому, несмотря на то, что об *М.Д.* сказано в печати довольно много, самый подробный очерк его жизни, написанный с большой любовью и знанием предмета, опубликовал в нашем журнале «Selevinia» именно Евгений Васильевич Гвоздев. Ниже привожу почти полный текст этого очерка, лишь с очень небольшими сокращениями.

«…Максим Дмитриевич Зверев родился 29 ноября 1986 г. в Барнауле. Родители его были образованными людьми: отец закончил Петербургский университет, мать – Бестужевские курсы, получив медицинское образование. Отец, будучи экономистом по образованию, занимался статистикой, работал в Бюро статистики в Барнауле. Семья была близка с известными учеными, писателями, общественными деятелями – Г.Н. Потаниным, И.А. Буниным, В.Г. Короленко, Г.И. Успенским. Все это, безусловно, отложило свой отпечаток на будущего зоолога и писателя.

В начале 20-х гг. *М.Д.* закончил биологический факультет Томского университета, где слушал лекции таких известных ученых как проф. В.В. Сапожников, Г.Э. Иоганзен и др. В 20-х гг. *М.Д.* был единственным зоологом в Сибири, изучавшим не только жизнь зверей и птиц, но и их значение для сельского хозяйства. Особенно важно то, что он разрабатывал практические меры борьбы с вредными грызунами и птицами. В то время *М.Д.* часто ездил в Ленинград и Москву, где общался с такими крупными учеными как акад. П.П. Сушкин, профессора С.И. Огнев, С.А. Бутурлин, П.А. Мантейфель, А.Н. Формозов, Б.К. Штегман, Б.С. Виноградов, С.И. Оболенский.

В то же время под руководством самого *М.Д.* проходили практику в экспедициях студенты Томского университета, будущие известные зоологи И.А. Долгушин, В.Н. Скалон, А.А. Слудский, трудившиеся впоследствии в Казахстане. В те годы Максим Дмитриевич возглавлял многие зоологические экспедиции в неизведанные и малоизученные уголки Сибири. Они приносили массу новых, неизвестных ранее сведений о богатой фауне таежных и степных просторов Сибири. В результате появлялись ценные наблюдения, публиковались оригинальные статьи в научных журналах. Но это не всегда удовлетворяло кипучую натуру *М.Д.* Как он сам вспоминает в автобиографической повести "Заимка в бору", ему постоянно чего-то нехватало, чувствовалась какая-то неудовлетворенность. Много интересного, подмеченного в природе, не вмещалось в рамки служебных отчетов и научных трудов.

Более 30 лет своей жизни *М.Д.* отдал науке. В Новосибирске он возглавлял отдел позвоночных в Сибирском институте защиты растений, помог открыть его филиалы в Иркутске и Красноярске. Организовал Новосибирский зоологический сад, первую в Сибири юннатскую станцию. Его деятельность в то время была высоко оценена научной общественностью, признавшей его основоположником сибирской сельскохозяйственной зоологии. Работы *М.Д.* тех лет, связанные с изучением животных, цитируются и сейчас.

Приехав в 1937 г. в Казахстан, *М.Д.* стал одним из организаторов Алматинского зоопарка, несколько лет заведовал его научной частью, а позже – научной частью Алматинского заповедника. Но и эта работа оказалась не по душе – М.Д. снова чего-то нехватало. Наблюдательность натуралиста и природолюба находила выход в публикации огромного количества "заметок натуралиста", печатавшихся постоянно во многих газетах республики. В какой-то период деятельности *М.Д.* стало понятно, что "виной" его неудовлетворенности как ученого-зоолога была заложенная с детства способность художественно излагать свои мысли на бумаге. В этом он был оригинален и во многом, как теперь это видно, преуспел.

Первый рассказ Максима Дмитриевича был напечатан в декабре 1917 г., а первая научная статья – в 1922 г. К началу Великой Отечественной войны им было опубликовано более десятка художественных книжек, обративших на себя внимание читателей и критики. В 1944 г. *М.Д.* был принят в члены Союза писателей, а в 1952 г. оставил работу в научных учреждениях и всецело отдался творческой работе писателя. Но он не прерывал связи и с научными учреждениями, участвовал в экспедициях, продолжал изучать богатейшую казахстанскую природу. Часто выезжал в полюбившиеся ему места на "Москвиче" а потом – на незаменимом для таких поездок "газике". Проехав тысячи километров по степям, пустыням, горам и наблюдая разнообразнейший животный мир Казахстана, *М.Д.* познакомил с ним миллионы читателей. Его книги о природе Казахстана известны школьникам и учителям, любителям-краеведам – всем, кому не безразлична судьба "братьев наших меньших". Всего *М.Д.* опубликовал более 160 книг о природе, многие из них изданы за рубежом и высоко оценены крупнейшими писателями.

Нельзя не сказать и о большой общественной деятельности Максима Дмитриевича. Он был членом бюро совета старейшин и активным членом правления Союза писателей Казахстана, бессменным руководителем советов по детской литературе и охране природы. Ему удалось в свое время наладить выпуск альманахов "Лик земли", посвященных актуальнейшей теме века – охране природы. Авторы рассказов и очерков, включенных в эти сборники, – в основном начинающие литераторы, ученики и последователи творчества Максима Дмитриевича.

М.Д. был членом нескольких обществ и Научного совета по проблеме охраны природы и рационального использования ее ресурсов при Президиуме Академии наук Казахстана. Правительство высоко оценило труд *М.Д.*, наградив его за литературную деятельность тремя орденами и дважды – государственными премиями имени Абая.

Популярность Зверева-писателя давно перешагнула за пределы нашей страны. Его произведения печатались во многих странах, на многих языках. В 1976 г. он получил премию "Бестлисте" за лучшую книгу года в ФРГ. К своему столетию Максим Дмитриевич подходил с полным сохранением творческой активности и завидной работоспособностью. Это не раз отмечалось в газетах и специальной литературе как редкое явление для писателя. Он пережил своих учителей и многих учеников.

Случилось так, что в конце его жизни я был чуть ли не единственным человеком, на глазах которого прошла большая часть трудовой деятельности *М.Д.* как ученого, писателя и общественного деятеля. Больше того – он был моим первым учителем, наставником в наблюдениях за животными в юннатских кружках и руководителем в изучении птиц и зверей в студенческие годы. Много раз мне приходилось бывать с ним на тетеревиных токах и тяге вальдшнепов, тропить зверей, забираться в таежные крепи. Все это и дало мне право сказать своё слово об этом удивительном, интересном человеке, отдавшем всего себя воспитанию подрастающего поколения в любви к природе и высоко-гражданскому отношению ко всему, что нас окружает с детства, – травам и лесам, насекомым и зверям, птицам и рептилиям, амфибиям и рыбам… *Е.В. Гвоздев, академик АН РК* (Selevinia 1996/1997, с. 267-268)».

Мне довелось довольно часто общаться с Максимом Дмитриевичем в последние 30 лет его жизни, хотя книги его о природе я знал и раньше. Наше заочное знакомство с ним состоялось в 1961 году, когда он прислал в заповедник Аксу-Джабаглы рукопись своей очередной книги, в которой шла речь и о нашем заповеднике, и попросил дать наши замечания по тексту. Вместе с ботаником заповедника Севой Утехиным мы нашли в этом тексте довольно много неточностей и со всем запалом молодости обрушились с критикой на именитого писате-

ля. Критиковать было что: *М.Д.* писал о заповеднике явно с чужих слов (сам он в заповеднике до того времени не бывал) и все домыслы рассказчика, которому он полностью доверился, принимал за чистую монету. Так, из текста явствовало – зим в заповеднике почти не бывает, «куры ночуют на жердочке во дворе» и т.д. Просто Африка, да и только, на худой конец – южная Туркмения. Нам, уже дважды зимовавшим здесь, хорошо помнились многоснежные заносы, когда ни на каких санях невозможно было *неделями* выбраться в райцентр за зарплатой и продуктами… Конечно, сейчас я бы только посмеялся, а тогда нас очень задело такое несоответствие текста действительности.

Получив довольно сухой ответ на нашу «рецензию», я понял, что мы обидели писателя, и не знал, как загладить свою вину. Однако при первой же встрече в Алма-Ате, когда и состоялось наше очное знакомство в издательстве «Наука» Казахской ССР, Максим Дмитриевич был очень приветлив и живо интересовался заповедником и его новостями. В этом плане его профессиональное чутье писателя и натуралиста всегда брало верх над любыми сиюминутными обидами. К счастью, это был единственный случай, когда мне пришлось испытывать неловкость в разговоре с Максимом Дмитриевичем. Правда, вскоре возникла ещё одна конфликтная ситуация, когда в том же издательстве вышел мой первый путеводитель по заповеднику (на который были потрачены две зимы!) и в нём оказалось масса ляпсусов, которые в моём тексте отсутствовали! А на обороте титульного листа стояло: «Ответственный редактор М.Д. Зверев». И только при личной встрече Максим Дмитриевич объяснил мне, что *ни одной буквы* в тексте он не менял! Тогда для меня это была ошеломляющая новость – оказывается, ответственный редактор может совсем не принимать участия в редактировании книги! Позже я убедился в том, что в большинстве случаев именно так и бывает: редактирует текст редактор издательства, а ответственный редактор (а ещё более – «главный редактор») просто играет роль свадебного генерала…

С первых же дней 1967 года, когда я перебрался в Алма-Ату, мы стали часто встречаться с Максимом Дмитриевичем в двух местах: Центральный Совет Казахского общества охраны природы и Алматинский зоопарк. Максим Дмитриевич был активистом тех же двух секций, что и я – «охраны животного мира» и «заповедников и заказников». Здесь они с Павлом Иустиновичем хорошо дополняли друг друга своей разницей в темпераментах, и нам удавалось обычно достигать консенсуса по любому из поставленных вопросов. Эти два старших товарища пользовались большим авторитетом у заповедного начальства (Казглавохота) и первыми стали издавать труды заповедников Казахстана. Правда, они не придали им вид специальной серии (тогда это было почему-то очень трудно!), но два сборника именно этой направленности они выпустили. Первый – «Животный и растительный мир Алма-Атинского государственного заповедника» (1970) содержал также статьи Г.Д. Петерсона «Грязекаменные потоки в бассейне реки Талгар» и «Талгарские тёплые источники». Второй – «Растительный и животный мир заповедников Казахстана» (1973), содержал статьи по флоре и фауне нескольких заповедников – Алма-Атинского, Аксу-Джабаглы,

Барсакельмес. Оба вышли под редакцией П.И. Мариковского и М.Д. Зверева. В то время это был настоящий прорыв для работников заповедников, постоянно испытывавших трудности в публикации своих работ!

В 1981 г., когда при Казглавохоте был создан Научный Совет и мне пришлось стать заместителем председателя совета (А.Ж. Жумадилова), мне очень помогла поддержка М.Д. Зверева и П.И. Мариковского в утверждении 5-летнего плана издания серии «Труды заповедников Казахстана» – ежегодно по одному выпуску объемом до 10 п.л. (сейчас это жесткое ограничение объёма кажется смешным, а тогда оно держало всех нас за горло!). Разошлись мы только в подходе к содержанию этих выпусков: я предлагал, чтобы каждый заповедник представил одну крупную работу по итогам многолетних исследований (такие работы, представляющие наибольшую ценность, опубликовать тогда было невозможно), а *М.Д.* и *П.И.* настаивали на том, чтобы в этих выпусках печатать мелкие статьи и заметки – для наиболее полной широты охвата авторов. Дискуссия завершилась утверждением моего варианта, и в результате увидели свет такие монографические заповедные исследования как: «Джейран острова Барсакельмес» (Жевнеров, 1984), «Птицы Кургальджинского заповедника» (Кривицкий и др., 1985), «Эфемероиды заповедника Аксу-Джабаглы (семейство лилейные)» (Иващенко, 1987) и «Птицы Маркакольской котловины» (Березовиков, 1989). Кстати, и здесь нам не разрешили сделать официально серию «Труды заповедников Казахстана» (!) и пришлось отражать это в эмблеме (рис. 91), которая относилась уже к художественному оформлению...

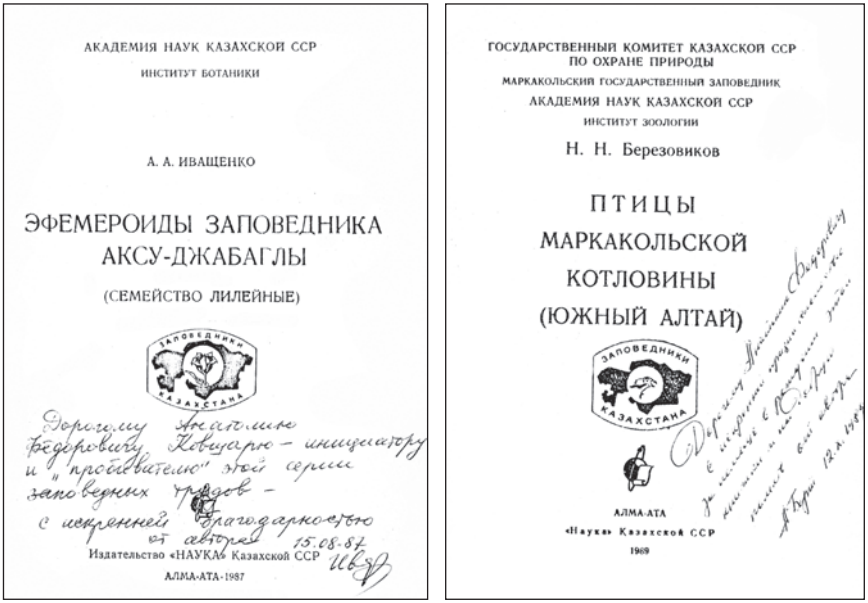


Рис. 91. Титульные листы двух выпусков Трудов заповедников с «эмблемой» и автографами авторов

Для того, чтобы печатать труды заповедников пришлось добиться специального Постановления Совета Министров, но и после этого «палки в колёса» нам ставили на каждом шагу. У меня сохранилась копия моего письма председателю РИСО АН КазССР по поводу издания первого выпуска этих трудов:

«Председателю Редакционно-Издательского
Совета Академии наук Казахской ССР,
26.01.1983 г. члену-корреспонденту
АН СССР Б.А.Тулепбаеву

Глубокоуважаемый Байдабек Ахмедович!

Совет Министров Казахсткой ССР постановлением № 445 от 2 августа 1972 г. обязал издательство «Наука» Казахской ССР ежегодно включать в свои планы издание научных трудов заповедников. Президиум Академии наук Казахской ССР постановлением № 135 от 8.09.1976 г. установил ежегодный объём листажа для трудов заповедников в размере 10 п.л. Этот же вопрос поднимался на заседании Постоянной Комиссии по охране природы Верховного Совета Казахской ССР от 31 июля 1981 г. В приложении к постановлению этой Комиссии (пункт 4) Редакционно-Издательскому Совету АН КазССР рекомендовано включать, начиная с 1983 г., в планы издательства «Наука» Каз ССР труды государственных заповедников, а Казглавохоте и Минлесхозу Казахской ССР представить в РИСО АН КазССР перспективный план издания научных трудов заповедников. Такой план был составлен и в 1981 г. представлен в РИСО АН. План этот предполагает издание в течение 1982-1986 гг. пяти обобщающих работ монографического характера, подводящих итоги многолетних научных исследований в заповедниках.

Первой такой работой явилась монография «Джейран в заповеднике Барсакельмес» В.В.Жевнерова, изучавшего этого зверя в течение 12 лет. Работа рекомендована к печати Учёным Советом Института зоологии АН КазССР и в январе 1982 г. представлена со всеми сопроводительными документами в РИСО. Однако по непонятным причинам в декабре 1982 г. рукопись возвращена автору.

Прошу вас устранить это недоразумение и принять меры к выполнению Постановления Совмина КазССР № 445 от 2 августа 1972 г., тем более, что уже подготовлена рукопись второй монографии из перспективного плана - «Птицы Кургальджинского заповедника» (коллектив авторов) объёмом 10. п.л.

Заместитель председателя комиссии
«Научные основы заповедного дела в Казахстане»
при Научном Совете «Охрана природы
и рациональное использование её ресурсов»
доктор биологических наук
А.Ф. Ковшарь»

Второе место, объединявшее нас с Максимом Дмитриевичем – Алматинский зоопарк – тот самый, в создании которого он принимал участие, а затем стал первым заместителем директора по научной работе. Он всегда чувствовал себя причастным к этому детищу и принимал живое участие во всех его делах. Когда мы только познакомились, директором зоопарка был Ставро Савельевич Константиниди – рослый красавец-грек с крупными и выразительными чертами лица. Максима Дмитриевича он, по-моему, просто обожал, а вместе с ним стал хорошо относиться и ко мне. Вскоре он создал при зоопарке Научный совет, в который помимо М.Д. Зверева и Е.В. Гвоздева включил также меня и Зою Карповну Брушко (от зоологов), а также ряд профессоров Алматинского

зооветинститута и др. Сам он готовил, а впоследствии и защитил, диссертацию на степень кандидата юридических наук по тематике охраны животного мира Казахстана. К сожалению, Ставро Савельевич слишком рано умер.

Помимо регулярных заседаний Научного Совета, на которых рассматривались все вопросы не только научной, но и производственной деятельности этого учреждения, в том числе – его реконструкция и планирование освоения новой территории, выделенной ему Правительством Казахстана, мы с Максимом Дмитриевичем и с помощью обожавших его Тамары Дмитриевны Ширяевой (зам. директора по науке) и Раисы Анатольевны Балахновой (методист по работе с юннатами) ежегодно в апреле проводили в зоопарке праздник «День птиц», который традиционно проводится здесь до сих пор. На празднике, ориентированном в основном на школьников, проводились не только доклады о пользе птиц и необходимости их охраны, но и различного рода викторины, игры, выставки детского рисунка и многое другое, которое с большой изобретательностью готовила Раиса Анатольевна вместе с учителями школ.

Со временем я стал всё чаще бывать у Максима Дмитриевича дома, на Грушовой, 50 (ныне – улица Максима Зверева). Жил он с сыном Володей, практически моим ровесником, снохой Галей и внуками – Максимом и Наташей; дочь Татьяна с семьёй жила в городской квартире в центре города. Часть города по правобережью реки Малой Алматинки, где помимо Грушовой были улицы того же типа названия (Вишнёвая, Абрикосовая, Яблочная и пр.), до сих пор носит у горожан название «Компот». Дом Зверевых, двухэтажный особнячок на углу улицы и одноименного переулка, хорошо выделялся роскошной берёзой, растущей посреди двора, прямо перед входом. В вольере, устроенном между домом и чем-то вроде сарайчика, сидел ручной ворон Яшка, проживший здесь около 20 лет. Кабинет Максима Дмитриевича, маленькая комната на первом этаже, сразу же справа от входа, был уставлен книгами и разного рода достопримечательностями в виде рогов и охотничьих медальонов на стенах; на старинном добротном письменном столе – телефон со столь же старинной трубкой и миниатюрные фигурки животных.

Это было место, где воплощались в жизнь замыслы новых книг. Именно здесь работалось ему в полную силу. И когда с возрастом ему пришлось перебраться в благоустроенную квартиру дочери Татьяны (угол Советской и Тулебаева, ниже кинотеатра «Алатау»), то работать Максим Дмитриевич ежедневно ходил к Володе, на Грушовую, 50. Как говорил он мне, этим ему удавалось убить

Рис. 92. С.С. Константиниди, А.Ф. Ковшарь и М.Д. Зверев. Алматинский зоопарк, 1977 г. *Фото С.А. Пасечникова*

двух зайцев: с одной стороны, ему лучше работалось на Грушовой, с другой стороны, – двойная прогулка общим расстоянием около 3 км была очень полезной в качестве ежедневного утреннего и вечернего моциона. Ходил он даже после 80 лет достаточно быстро: увидев его знакомую широкую спину метров за 50-60, надо было приложить немало усилий, чтобы пешком, не прибегая к перебежкам, догнать его. Каждый раз, догнав, я говорил ему об этом, а он только довольно посмеивался.

Запомнился мне 90-летний юбилей Максима Дмитриевича, проходивший в Доме Писателей (проспект Коммунистический чуть выше «Детского Мира»), особенно банкет в ресторане этого заведения. Обилие речей и провозглашенных здравиц свидетельствовало о популярности юбиляра. А он был такой же, как всегда, и время от времени знакомил меня с очень интересными людьми. Здесь я впервые увидел Мухтара Шаханова, тогда ещё довольно молодого человека, и запомнил его оригинальный тост, сводившийся к тому, что степень цивилизованности народа определяется не количеством мыла, потребляемого в год на душу населения (были когда-то и такие показатели!), а отношением сильного пола к женщине. Как он после этого вступления вырулил на юбиляра, я уже не помню (всё-таки прошло более 25 лет), но оригинальность «запевки» тоста была налицо.

Через 10 лет в известной книге Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова «Плач охотника над пропастью», представляющей собой диалог этих знаменитых писателей, я нашёл упоминание и об орнитологии, и о себе. Вспоминая о своей жизни в Чимкенте, М. Шаханов говорит: «Тулеген[55] поздравил меня с днём рождения и подарил две книги. Как сейчас помню, одна – «Птицы Заилийского Алатау» Ковшаря [видимо имелась в виду «Птицы Таласского Алатау», 1966 – *А.К.*], другая – «Виды черепах». При этом на удивлённый вопрос Шаханова, не перепутал ли тот его со студентом *ветеринарного* института, Тулеген ответил: «Чтобы стать настоящим поэтом, нужно знать многое в окружающем нас мире. А иначе успеха не добиться» (Айтматов, Шаханов, 1996, с. 347).

Здесь же *М.Д.* познакомил меня с Александром Сергеевичем Даниловым – удивительным человеком, задумавшим колоссальный многотомный труд под названием «Люди голубой планеты». По замыслу автора, проработавшего много лет шахтёром (а родители его были биологи!), в этом энциклопедического характера справочнике должны быть перечислены все без исключения люди, написавшие за свою жизнь хотя бы одну книгу! При знакомстве со мной он так обрадовался, как будто встретил старого доброго знакомого, и тут же выпалил названия нескольких моих книг! Оказалось, что картотека его насчитывает около 75 тысяч карточек и занимает практически всю его небольшую квартиру. И Максим Дмитриевич добивался через Союз писателей Казахстана, чтобы ему выделили большую по размерам благоустроенную квартиру. Кстати, хлопоты увенчались успехом, и я был у Александра Сергеевича в этой его новой квартире, где всё место на полу занимали каталожные ящики. К сожале-

[55] Тулеген Айбергенов – выдающийся казахский поэт, умер в возрасте 29 лет – *Прим. авт.*

нию, к этому моменту здоровье Александра Сергеевича уже было подорвано, и вскоре его не стало. Судьбу картотеки я не знаю…

На этом же юбилее Максим Дмитриевич приготовил мне сюрприз. Об этом он мне сказал здесь же, в ресторане, но прийти за сюрпризом велел домой, на Грушовую, 50. Когда я в назначенный день пришёл по знакомому адресу, Максим Дмитриевич вынул из шкафа и отдал мне миниатюрное, как будто игрушечное, ружьишко. Когда-то это было ружьё для стрельбы пулями, но *М.Д.* приспособил его для стрельбы мелкой дробью и полвека назад добывал из него мелких птичек. Тут же он достал из стола десятка полтора металлических гильз диаметром чуть толще карандаша. Он сказал, что давно хотел подарить это ружьё мне и вот решил осуществить это желание в день своего 90-летия. А я вспомнил почему-то, как присутствовал на подобной церемонии, когда другой юбиляр, академик Е.Н. Павловский в день своих проводов на пенсию подарил своё ружьё ЗИН'у. Правда, присутствовавший при этом Володя Зверев добавил свою «ложку дёгтя», сказав мне, что ружьишко не зарегистрировано и теперь это станет моей заботой. Тем не менее, я был очень благодарен Максиму Дмитриевичу и следующей же весной 1987 г. взял это ружьё на Копу, где мы с Колей Березовиковым пристреливали его по жаворонкам… А спустя 20 лет я подарил это ружьё Центральному музею Казахстана, указав, что это личное ружьё Максима Дмитриевича Зверева. В марте-апреле 2008 г. оно было экспонатом выставки, посвящённой 100-летию Игоря Александровича Долгушина.

Здесь самое место упомянуть об отношениях этих двух людей. Общеизвестно, что в юности Долгушин работал в экспедиции М.Д. Зверева, а затем вместе с ним выезжал на кольцевание уток. Но когда в 1983 году, задумав книгу о Долгушине, я попросил *М.Д.* написать свои воспоминания о нём, он долго отнекивался, ссылаясь на то, что в дальнейшем пути их разошлись, и Долгушин, как и другие зоологи, укорял его за уход из науки в занятия литературой. Однако после нескольких настойчивых просьб Максим Дмитриевич все же написал коротенькие воспоминания об их совместном кольцевании уток в Барабинской степи в 1929 году; очерк этот под названием «На заре кольцевания в Казахстане» опубликован в книге «Игорь Александрович Долгушин» (2008). В нём *М.Д.* в частности пишет: «Дело в том, что он был на 12 лет моложе меня и поэтому, когда я вёл исследования в Барабинской степи летом 1929 года, он был тогда практикантом, студентом Томского университета у меня в экспедиции. Еще в 1924 году чисто случайно я получил небольшое количество колец от Дергунова Николая Ивановича, незадолго до его смерти. И он мне советовал заняться кольцеванием птиц. Ну и вот, когда мы с Игорем Александровичем остановились в одном из селений Барабинского округа, там наткнулись на удивительный способ истребления уток в массовых масштабах. Оказалось, что местные люди взяли за правило, начиная ещё с царского времени, устраивать загоны на линных уток с целью использования их на мясо. У нас с Игорем Александровичем сразу возникла идея: использовать одну из этих артелей для того, чтобы они отловили нам уток для кольцевания. Правда, это не входило в задачи нашей экспедиции: мы должны были изучать сусликов и разрабатывать меры борьбы с ними (потом за это мне лично попало!), но, во всяком случае, мы очень успешно использовали одну из этих артелей». Описав да-

лее подробно, как это происходило, Максим Дмитриевич вспоминает также о совместной поездке в Москву, когда они за опоздание к началу учебного года оба были отчислены из состава преподавателей КазГУ, где *М.Д.* читал акклиматизацию, а *И.А.* – орнитологию. И заканчивает свои воспоминания словами: «Ну, потом, конечно, Игорь Александрович всегда страшно меня корил за то, что вот я занялся литературной работой. Просто, как говорится, поедом ел меня на эту тему…». Написано это было 3 марта 1983.

Уйдя с 1952 года с головой в литературное творчество, Максим Дмитриевич ни на миг не забывал о своём зоологическом прошлом и всегда рад был любым новостям из экспедиционных будней зоологов. Особенно интересовали его приезжающие в Алма-Ату работники заповедников, которых он всегда дотошно расспрашивал об их работе и часто здесь же делал записи в своей записной книжке. Он всегда был готов откликнуться на просьбы заповедников и защищать их интересы в верхних инстанциях – благо у руководства заповедниками всегда пользовался высоким авторитетом – что у Валентина Александровича Степанова, что у сменившего его на посту начальника Казглавохоты Алексея Сергеевича Красникова, что у его преемника Амиргазы Жумадилова. Каждая зоологическая конференция была для *М.Д.* праздником. Надо было видеть его среди маститых зоологов нашей страны, большинство из которых были гораздо моложе его и относились к нему с должным пиететом. Достаточно взглянуть на фото, где удалось запечатлеть его с А.Г. Банниковым и Д.И. Бибиковым: и позы и взгляды говорят сами за себя (рис.93). Максим Дмитриевич просто молодел на таких встречах (что мне особенно понятно сейчас, спустя несколько десятилетий).

Однажды в перерыве одной из таких конференций, проходивших в здании Академии наук (тогда ещё не было принято у нас в каждом перерыве устраивать кофе-брейк), я предложил Максиму Дмитриевичу пройти через дорогу ко мне домой и попить чаю. Он охотно согласился. По дороге зашёл разговор о его ежедневных маршрутах от Тани к Володе и полезности этих моционов. Максим Дмитриевич, который уже около 10 лет был под наблюдением геронтологов и привык к расспросам на эту тему, стал более подробно рассказывать о своём режиме здоровой жизни: «А ещё я каждый день по 40 раз отжимаюсь от табурета» сказал он уже в моей квартире и, оглянувшись, спросил: «У вас есть табурет?». Не на шутку перепугавшись, я кое-как уговорил его не демонстрировать сейчас эти упражнения. Сам внешний вид, подвижность и

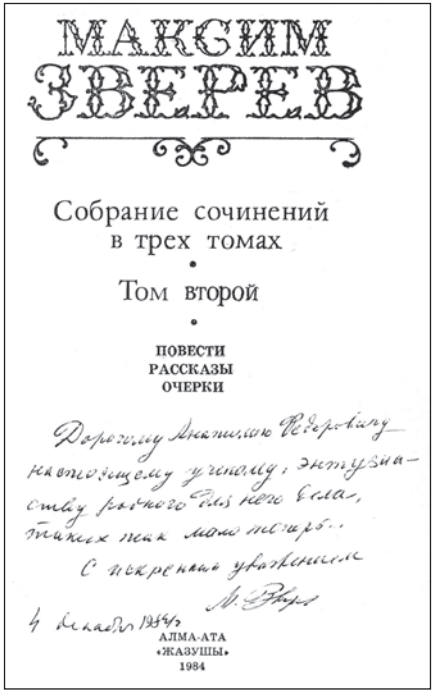
Рис.93. А.Г.Банников, М.Д.Зверев и Д.И.Бибиков. Алма-Ата, май 1980 г. *Фото А.Ф.Ковшаря*

живая речь были лучшим доказательством его прекрасной формы. Когда мы после чаю пошли назад, я попросил дочь сфотографировать нас вдвоём. Получив эту фотографию через нашего общего знакомого, Максим Дмитриевич в тот же вечер позвонил мне домой и поблагодарил, в голосе его слышались весёлые нотки, когда он спросил меня: «А знаете, что я заметил? Ведь на этой фотографии я выгляжу моложе Вас!». Пришлось в тон ему ответить: «Так у нас же разница всего в 40 лет».

Он всегда понимал и ценил шутку. А мне нет-нет да и приходило в голову сопоставление: Сергей Есенин – Никита Хрущёв – Илья Борисович Волчанецкий – Максим Дмитриевич Зверев. Трудно было представить себе, что все они ровесники (Максим Дмитриевич был всего на год моложе остальных).

Подписывая свою книгу, Максим Дмитриевич не делал это формально, а стремился сказать что-то своему адресату. Так на втором томе своих сочинений он сочинил мне целый панегирик (см. рис. 94), на первом написал: «Дорогому… от очевидца старины глубокой», а на автобиографической повести «Заимка в бору» (на мой взгляд – лучшем из своих произведений) начертал: «… от осколка прошлого века». Сейчас, в самом начале нового столетия, когда каждый норовит вставить в свои слова или писания слова «прошлый век», ими никого не удивишь, а тогда, в 80-х гг., это впечатляло…

В начале 90-х гг., задумав создать первый зоологический журнал в Казахстане и решив дать ему имя эндемика нашей фауны – «Selevinia», я заинтересовался биографией Виктора Алексеевича Селевина, в честь которого этот удивительный грызун был описан. Естественно, что я обратился с вопросами к Максиму Дмитриевичу, который много писал в своих художественных книгах о самом Селевине и его экспедициях. Но точных дат его жизни он тоже не знал и, загадочно улыбаясь, сказал мне: «А Вы спросите у его невесты». И назвал её имя и адрес: Зоя Петровна Якушева, проживает на улице Курмангазы угол проспекта Ленина, т.е. практически напротив моего дома. Так Максим Дмитриевич подарил мне знакомство с очень интересной семьёй, поскольку муж Зои Петровны Григорий Васильевич Нечитайло, как и она сама, оказался удивительным человеком (об этом – отдельный рассказ дальше).


МАКСИМ
ЗВЕРЕВ

Собрание сочинений
в трех томах

Том второй

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ

Дорогому Анатолию Федоровичу
неповторимому ученому, энтузиасту
отцу рыжего Тиля него и сла,
таких теля мало теперь...
С искренним уважением
М. Зверев
4 декабря 1984 г.

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1984

Рис. 94. Автограф М.Д. Зверева

Кстати, для первого, пилотного номера нового журнала Максим Дмитриевич написал короткое предисловие об открытии этого зверька В.А. Селевиным. А спустя 10 лет в том же журнале «Selevinia» мы опубликовали воспоминания уже покойного М.Д. Зверева об истории создания сибирского орнитологического журнала «Uragus». Привожу эти воспоминания полностью вместе с примечанием, объясняющим их происхождение:

«В это воскресное утро я увидел плотную кучку взрослых и ребят на одной из улиц Иркутска. Это был птичий базар. Голоса чечеток, клестов вдруг перекрыл призывный писк длиннохвостого снегиря. Я не мог пройти мимо этого призыва, протиснулся через толпу голубятников – и вот они, серебристо-розовые красавцы в клетках вдоль забора!

Я стоял и смотрел, и виделась далекая юность, когда более 40 лет назад мы совершали свои первые шаги по изучению птиц в окрестностях Томска. Мы, первокурсники, ловили этих замечательных снегирей, с тихой песенкой жаворонка, в кустах на берегу Оби под Лагерным садом. С этих нежно-розовых птиц началось целое поколение орнитологов, которое, увы, по воле лет стало теперь самым старшим. Профессора университета, сначала Г.Э. Иоганзен, потом В.А. Хахлов и знаменитый на всю Западную Сибирь чудопрепаратор Шастовский были нашими первыми учителями.

И вот тогда же возникла в юных сердцах дерзкая мысль издать свой, сибирский орнитологический журнал, подобный «Орнитологическому вестнику», выходившему в России до революции. Студенты Вася Скалон, Вяча Ларионов, Борис Белышев и много других, давно уже умерших, горячо, с энтузиазмом взялись за дело под руководством профессора Хахлова. Мы долго думали, как назвать первый советский орнитологический журнал? И назвали в честь птички, которая является символом Сибири с её серебристыми снегами, по которым нежным розовым налетом скользит заря – «Uragus»!

Быстро промелькнули студенческие годы, разъехались один за другим основатели и продолжатели журнала, и он закрылся. С тех пор не было в Советском Союзе орнитологического журнала. А почему? Ведь сейчас наша страна стала неизмеримо богаче, чем в начале 20-х гг. Почему бы не возродить журнал здесь, в Восточной Сибири?

Так, глядя на снегирей в клетках, я с тихой грустью думал, что смертельно быстро приближаюсь к семидесяти годам. Куда уж нам-то, дедам! Но ведь выросла армия молодых орнитологов. Давайте поговорим, товарищи, на нашей конференции о создании сибирского орнитологического журнала, в котором можно было бы оперативно печатать все новое, что мы узнаем на каждом шагу о птицах, как это делал забытый всеми Uragus!»

«*Рукописный текст этих воспоминаний, написанный для стенгазеты, вышедшей в дни, когда проходила орнитологическая конференция в г. Иркутске (середина 60-х гг.), обнаружил в архивах М.Д. Зверева (1896-1996) его сын В.М. Зверев и передал мне для публикации в журнале. Устный рассказ об этом событии в те же годы, когда написана эта заметка, приходилось мне слышать от Игоря Александровича Долгушина. Он рассказал, как группа молодых сибирских орнитологов, для того, чтобы найти деньги для издания журнала, собрала коллекцию птиц и продала ее в Германию. Об этом же поведали издатели журнала в статье, открывающей первый его выпуск, под названием «Сибирское орнитологическое общество», где в частности сказано: «В настоящее время уже выяснилось, что О-во имеет возможность установить реализацию своих сборов за границей в Америке, Англии и Германии, и первая партия уже отправлена… В части создания нового запаса шкурок для усиления средств О-ва некоторые члены выразили готовность пожертвовать часть своих сборов» (Uragus, 1926, кн. 1, № 1, с. 4). И далее перечисляются эти жертвователи: проф. В.А. Хахлов (71 шкурка), В.Ф. Ларионов (60), А.П. и Г.А. Велижанины (50), Г.Х. Иогансен (50). К сожалению, журнал просуществовал всего три года, причиной

его закрытия стало отсутствие финансов. Следующий, «Русский орнитологический журнал», стал издаваться в Ленинграде (Петербург) только через 60 лет! За год до появления первого номера этого журнала (1992), в Барнауле была предпринята попытка возродить сибирский орнитологический журнал «Uragus», но дальше первого номера, сделанного почти вручную и увидевшего свет в конце 1991 года, дело не пошло.

Максим Дмитриевич Зверев, так остро чувствовавший в 1966 г. приближение своего 70-летия, прожил после этого еще 30 лет – долгую, творчески насыщенную жизнь, и оказался пусть уже не участником, но свидетелем и этих событий, а в 1993 году написал вводную заметку-воспоминание о *Selevinia betpakdalensis* в самый первый номер нашего журнала. *А.Ф. Ковшарь* (Selevinia, 2003, с. 255)».

Многое вспоминается при имени Максим Дмитриевич Зверев. И то, как поотечески поддерживал он молодых казахстанских графоманов, как добивался принятия их в Союз писателей Казахстана. И то, как отмечали мы на Грушовой, 50 его 95-летний, а вскоре – и 99-летний юбилей. Особенно запомнился последний, на котором в узком кругу близких друзей в домашней обстановке каждый второй высказывался за предстоящий 100-летний праздник. И как будто сглазили: менее чем через два месяца, 23 января 1996 года его не стало. Я в этот день только прилетел из Оммана, где проходила конференция по дрофе-красотке, и едва успел на похороны. Запомнилась пышная гражданская панихида, которая состоялась в Оперном театре имени Абая, как в первый почётный караул стало всё Правительство Республики Казахстан во главе с самим Нурсултаном Назарбаевым и как он, пожимая руки членам семьи, сказал Володе: «Будут трудности – обращайтесь». Похоронили Максима Дмитриевича близ входа в нижнюю часть центрального кладбища (на Рыскулова), рядом с могилами А.А. Слудского и В.В. Шевченко. А через несколько лет увенчались хлопоты по переименованию улицы Грушовой в улицу Максима Зверева. Я был на этом митинге, устроенном прямо у двора Максима Дмитриевича, где собралось человек 20 во главе с неизменным академиком Евгением Васильевичем Гвоздевым. Сейчас уже молодёжь и не помнит старое название улицы Максима Зверева…

Последний юбилей – 110-летие со дня рождения *М.Д.* – отмечали мы в небольшом кафе на проспекте Ленина (ныне – пр. Достык) 29 ноября 2006 года. Тогда как раз только что вышел первый том Школьной энциклопедии «Птицы», и я подарил его Тане Зверевой. А спустя 5 лет, в 2011 году, в городском мемориальном музее торжественно открылась постоянная экспозиция – кабинет Максима Дмитриевича Зверева. На открытии её было много школьников и учителей, которым мы с представителями Союза писателей Казахстана и Алматинского зоопарка в очередной раз рассказывали о многогранном творчестве этого учёного, писателя, популяризатора науки и охраны природы.

Виктор Яковлевич Панин (1929-2005)

Лучшую характеристику личности этого учёного дал в некрологе, опубликованном в Selevinia (2005) его научный руководитель – академик Евгений Васильевич Гвоздев:

«Зоологическая и паразитологическая наука понесла тяжелую утрату: 22 октября 2005 г. на 76-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся ученый-паразитолог,

много лет возглавлявший паразитологические лаборатории (в 70-80-х гг. – морфологии и ультраструктуры беспозвоночных, в 90-х – экологической, затем – общей паразитологии) в Институте зоологии, доктор биологических наук, профессор Виктор Яковлевич Панин.

В.Я. Панин родился 20 октября 1929 г. в семье крестьянина в деревне Ново-Бородинка Красноярского края (Россия), но в самый канун Великой Отечественной войны семья переехала на постоянное место жительства в г. Актюбинск (Западный Казахстан). Отец его погиб на фронте Великой Отечественной войны. С мальчишеских лет *В.Я.* познал и голод, и труд, и послевоенную разруху. Среднюю школу он окончил в 1948 г. в Актюбинске и сразу же поступил на биофак КазГУ (Алма-Ата). Будучи студентом, участвовал в зоологической экспедиции, работавшей в Прикаспийской низменности.

Проявив склонность к паразитологическим исследованиям, *В.Я.*, окончив в 1953 г. университет с отличием, поступил в аспирантуру при Институте зоологии Академии Наук Казахской ССР, где его научным руководителем на многие годы стал Е.В. Гвоздев. Кандидатская диссертация *В.Я.* была связана с изучением биологии трематод-простогонимусов, паразитирующих у птиц, в частности, у домашних кур и уток. Исследования он проводил на озере Зайсан и в пойме Иртыша. Уже тогда *В.Я.* зарекомендовал себя умелым экспериментатором, упорным в достижении поставленной цели аспирантом, способным к самостоятельной научной работе. Мысли свои выражал ясно, выводы формулировал четко. Подготовленные им статьи не нуждались в серьезной правке. Исследуя проблему природной очаговости болезней животных, аспирант Панин убедительно показал, что этот феномен присущ и домашним птицам. Об этом он доложил на совещании по паразитологическим проблемам, проходившем в г. Ленинграде.

Защитив в 1953 г. кандидатскую диссертацию, *В.Я.* не замкнулся на тематике, близкой к изучению простогонимид. Наоборот, он с каждым годом расширял свои научные интересы. *В.Я.* участвует в создании фундаментальной сводки «Гельминты копытных животных Казахстана» (1962, 1963), проявив при этом завидную усидчивость, склонность к глубокому анализу фаунистических материалов. В 60-х гг. *В.Я.* провел интереснейшие и оригинальные исследования, связанные с изучением цикла развития нематоды *Elaphostrongylus panticola* пантовых оленей и роли наземных моллюсков в ее распространении. Вместе с коллегами *В.Я.* изучал биологию трематоды кровеносных сосудов копытных животных и подробнейшим образом описал эпизоотологию вызываемого ею заболевания – орнитобильхарциоза.

Несколько позже *В.Я.* увлекся изучением обширного семейства трематод-дикроцелиид. Описал более десятка новых видов, впервые расшифровал жизненный цикл корригии (*Corrigia corrigia*), поражающей поджелудочную железу куриных птиц, установил промежуточного хозяина эуритремы и выяснил очаги заражения ею сельскохозяйственных копытных, описал типы жизненных циклов дикроцелиид. Как результат этих работ он обосновал новый подотряд Dicroceliata Panin. Все это вошло в его докторскую диссертацию «Трематоды семейства Dicroceliidae», которую В.Я. Панин успешно защитил в 1971 г.

Проявив большую заинтересованность к продолжению исследований морфологических адаптаций беспозвоночных, в частности гельминтов, на разных фазах их развития, а также к познанию ультраструктуры и функций отдельных органов паразитов, *В.Я.* в 1973 г. создал лабораторию морфологии и устраструктуры беспозвоночных. В целях развития этого направления *В.Я.* успешно сотрудничает с коллегами Паразитологического института Чехословацкой Академии наук – З. Ждярской, Д. Гулинской и др. С организацией специальной лаборатории научная деятельность *В.Я.*, равно как и его сотрудников, была ориентирована на исследования микроморфологии, ультраструктуры и гистологии личинок и отдельных органов трематод и простейших, паразитирующих у диких и домашних животных. В этой области он также весьма преуспел, опубликовав ряд крупных

статей в научных журналах «Helmithologia», «Folia parasitological», «Паразитология» и др. Имя его как фаунисте, морфолога и систематика, давно известно мировой научной общественности.

За полувековой период научной деятельности *В.Я.* опубликовал около 100 научных работ, в т.ч. 4 монографии, среди которых - двухтомная монография «Гельминты копытных животных Казахстана» (1962, 1963, в соавторстве с С.Н. Боевым и И.Б. Соколовой), совместная с чешскими паразитологами «Функциональная морфология личинок трематод и цестод» (Алматы, 1986), и совместная с болгарскими учеными коллективная монография «Трематоды птиц Причерноморских и Прикаспийских районов» (М., 1983). Его капитальный труд «Трематоды дикроцелииды мировой фауны» (1984) вошел в золотой фонд гельминтологической литературы.

Несмотря на большую загруженность научной работой, Виктор Яковлевич не только не отказывался от общественных нагрузок, но всегда имел их в избытке. Каких только обязанностей он не выполнял: и ученый секретарь Института зоологии, и многолетний парторг института, и член Ученого совета и Специализированного совета по защитам докторских и кандидатских диссертаций. Он был блестящим официальным оппонентом, умевшим четко отделить суть работы от второстепенного. Под его руководством защищены 4 кандидатских и одна докторская диссертация, но он по праву причастен и к другим диссертациям. Его помощью и консультациями всегда широко пользовались при подготовке своих диссертаций многие сотрудники института, и всем, кто к нему обращался, он непременно оказывал бескорыстную помощь. Виктору Яковлевичу была свойственна безграничная доброта и любовь к людям, он всегда был внимателен к интересам сотрудников, поддерживал проявляемую ими инициативу в исследованиях. Отлично владея пером, он как блестящий редактор оказывал неоценимую помощь в подготовке научных статей к печати. Простота и отзывчивость в общении, широкая эрудиция снискали Виктории Яковлевичу большое уважение всех, кто его знал. В институте его все любили и высоко ценили. И еще долго нам всем будет не хватать его спокойной рассудительности и неизменной доброжелательности»… *Е.В. Гвоздев, 2005, с.205-206.*

Познакомились мы с Виктором Яковлевичем очень оригинально. В начале 60-х гг. я приехал из заповедника утвердить себе тему научной работы. С научным руководителем Игорем Александровичем Долгушиным всё было обговорено, но мне надо было получить подпись директора Института зоологии на титульном листе программы и заверить её печатью. Без этого невозможно было получить аналогичную подпись с печатью в Главном управлении заповедников. А только при наличии этих двух подписей и печатей программа становилась официальным документом, по которому мне предстояло работать пять лет. Тогда Институт зоологии был ещё в главном корпусе Академии наук, на Шевченко, 28. И я робел в этих гулких корилорах с высокими потолками и ковровыми дорожками.

Когда я пришёл в приёмную директора Института академика И.Г. Галузо, то выяснилось, что его сейчас нет и завтра тоже не будет. А мне уже вечером надо было уезжать в заповедник, так как билет на поезд был взят заранее, да и срок командировки закончился. Вот и стоял я в приёмной, не зная, что мне делать. Мимо сновали занятые, озабоченные учёные, а я стоял как пень, не зная, что предпринять Секретарша посоветовала мне обратиться к учёному секретарю. В это время в приёмную быстрым шагом вошёл худощавый мужчина среднего роста. Увидев меня, растерянного (скорее – потерянного), он

быстро спросил: «У Вас что?». Я показал ему свою программу и добавил, что вот пора уезжать, а директора нет. Слушая впол-уха, он пролистал программу, увидел под ней подпись научного руководителя и, поставив перед словом «директор» косую линию, тут же расписался. Отдал мне документ, сказал, где мне поставят печать, и так же быстро удалился. Это было как волшебство – в долю секунды весь вопрос был исчерпан! Уже в поезде я спохватился, что даже не узнал ни фамилии, ни имени и отчества моего благодетеля. В последующие свои приезды я пытался найти этого человека, но так ни разу и не увидел – на месте учёного секретаря сидела какая-то женщина, а моего случайного знакомца не было видно.

Когда я уже перешёл на работу в институт и, наконец, увидел его, я спросил у Эдика Гаврилова – кто это? Он ответил: «Виктор Панин». Вскоре мы познакомились поближе, так как Виктор Яковлевич тогда часто бывал на Большом Алматинском озере, где его очень интересовали улары как хозяева гельминтов. Помню, как он просил Валентина Родионова помочь ему правильно поставить капканы на солонце выше границы леса, а затем ежедневно в бинокль проверял – не попался ли улар (одного он так и поймал).

А уж когда мы с Эдиком нашли гнездо красного вьюрка и устроили празднование этого события, то здесь, за столом, познакомились накоротке. О том, как он изводил Гвоздева своими придирками к качеству цветных слайдов, я уже писал. Вообще Виктор оказался очень контактным человеком, мы довольно быстро подружились и перешли на «ты». Мне, как и большинству в институте, очень нравилась простота и открытость этого человека, не говоря уже о его светлом уме и быстрой реакции.

Вот так же быстро, как и при первой нашей встрече, он решал и многие сложные проблемы – смело, решительно, без излишней волокиты. Так же он играл и в шахматы, которые в то время были у нас в почёте, и ни один обеденный перерыв без них не обходился. Волейбол его, к сожалению, не привлекал. Острый на слово, он любил шутку, хороший анекдот, и в своей компании был не прочь и выпить, и подурачиться. А поскольку мне всегда были по душе люди такого склада, то мы ещё больше сблизились.

Вспоминается такой случай. Праздничная демонстрация 7 ноября 1967 г., первая моя демонстрация в Алма-Ате. Институтская колонна очень медленно продвигается от главного корпуса Академии наук по проспекту Ленина, затем вокруг парка 28 героев панфиловцев и по улицам Гоголя и Фурманова сворачивает направо на Комсомольскую (ныне Толе-би) и выходит на площадь перед Домом Правительства. Маршрут этот, с частыми и длительными остановками, занимал не менее 2-3 часов. Снежного покрова ещё нет, но прохладно и большинство из демонстрантов – в плащах или демисезонных пальто. Самые запасливые во внутренних карманах имеют плоские фляжечки со спиртным и угощают своих соседей. Помню, как вдоль нашей колонны ходил высокий худой Алтар Вениаминович Левит и, отвернув борт, спрашивал: «Не желаете?». Виктор желал, и уже после двух-трёх таких заходов был изрядно навеселе. Когда спиртное закончилось и анекдоты иссякли, стали искать другие развлечения.

Начали устраивать пари – неважно, на какую тему, лишь бы заключить (конечно же – на бутылку!). И вот подвыпивший Виктор предлагает мне: спорим? Спрашиваю: о чём? Отвечает, не задумываясь: «А что ты не доживёшь до следующей ноябрьской демонстрации». Показалось очень смешным, и мы поспорили. Скоро обо всём этом забыли, только разнимавший нас Гаврилов время от времени напоминал нам об этом пари. А когда в июле следующего года я попал с переломом в госпиталь, Виктор пришёл к Гаврилову и сказал: «Это нечестно, Ковшарь специально лёг *на сохранение*, чтобы выиграть бутылку». Но проспоренную бутылку принёс. Так вот мы и веселились…

Во всех выездных заседаниях нашего Научного совета «Животный мир Казахстана» Виктор Яковлевич всегда поддерживал всем настроение, умея разрядить какую-нибудь слишком серьёзную обстановку и внести оживление. Помню, как в Уральске он задал весёлый тон банкету, вдруг запев частушку: «Я на горку шла, я Егорке дала, не подумайте плохого – я махорки дала». И после этого банкет пошёл, как по маслу. Стеснявшийся до этого высоких гостей проректор пединститута вдруг раскрепостился и оказался прекрасным тамадой, к тому же настоящим кладезем анекдотов, шуток и прибауток…

Виктор Яковлевич всегда неукоснительно следовал пословице «делу – время, потехе – час». Когда надо было в короткое время сделать большой объём работы, он был весь подобран, сосредоточен и стопроцентно использовал все свои способности аналитика, организатора, редактора и т.д. Заканчивалась работа, наступал праздник, и Виктор Яковлевич мог себе позволить… К сожалению, временами он начинал позволять себе чаще и больше, чем следовало бы. Тогда его научный руководитель начинал принимать меры. В одном таком случае он просто определил своего любимого ученика… секретарём парткома института! И тут Вите воленс-ноленс приходилось держаться.

Однажды мы очень хорошо встретили в институте очередной новый год. Уходили все по темноте и большой весёлой гурьбой шли через Ботанический сад. Казалось бы, на свежем морозном воздухе хмель должен быстро пройти. Но, оказывается, бывает и наоборот – к концу пути Виктор совсем «расписался» и буквально повис на мне. А когда мы вышли из Ботсада на улицу Тимирязева, все бросились врассыпную к своим видам транспорта и только кто-то крикнул мне на ходу: «Ты не оставляй его одного!».

На мои вопросы, куда ему ехать, Виктор невнятно отвечал, что он сам знает, и всё тянул меня перейти через улицу Тимирязева. Через какое-то время выяснилось, что он идёт не домой, а в гости – в один из тех домов, что перед нами. Адреса он не назвал, твердя, что он знает. Когда мы обошли несколько подъездов, я уже поверил, что ночевать придётся на улице. И вот в очередном подъезде на наш звонок открылась дверь, и мы услышали радостный возглас: «Виктор Яковлевич!». В эту минуту я был самым счастливым человеком на свете! И сейчас я вспоминаю с улыбкой не только этот случай, но и множество других…

*****

Вот с такой немного грустной улыбкой и хотелось бы мне закончить свои воспоминания о том полувековом периоде жизни в единой огромной стране с гордой аббревиатурой «СССР», которой все мы гордились как 1/6 частью земной суши, на которой впервые в истории был построен социализм. О том, что слово это плохое, мы тогда не знали и не думали. Так же, как не знали, что мы плохо живём. Воспитанные на лозунгах «свобода – равенство – братство» и «человек человеку – друг», не видя другой жизни, кроме той, что окружала нас (ведь никто из нас не бывал за границей), мы были счастливы – особенно те, кому удалось заниматься своим любимым делом и быть в стороне от политики. И даже разменяв шестой десяток, я был далёк от той части интеллигенции, которая всё более ощущала на себе растущее влияние диссидентов. Вот поэтому финал начатой Горбачёвым «перестройки» оказался для меня как гром среди ясного неба. Но это уже тема других воспоминаний – о времени социальных потрясений в период реставрации капитализма.

Группа участников 3-й Всесоюзной орнитологической конференции. Львов 1962. Сидят слева направо: Л.Ф. Назаренко, В.П. Теплов, И.И. Пузанов, Ф.И. Страутман, И.Б. Волчанецкий, Т.Б. Ардамацкая, А.Б. Кистяковский, В.С. Петров, В.В. Стаховский и Н.М. Литвиненко.

Литература

Авданин В. Профессор Флинт. Вспоминая о старшем друге//Сайт передачи «В мире животных» http://old.worldofanimals.ru/stLmenu/18/st4.shtml; а также сайт НП «Птицы и люди» http://birder.ru.

Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью (исповедь на исходе века). Алматы, Рауан, 1996. 375 с.

Аксу-Джабаглы. Путеводитель по заповеднику (А.Ф. Ковшарь). Алма-Ата, 1963.

Аксу-Джабаглы (сост. Иващенко А.А., Книстаутас А.Ю.). Фотоальбом. Алма-Ата: Кайнар, 1988. 192 с.

Аракелянц В.С. К биологии илийской саксаульной сойки//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1974, т. 79, вып. 4. С. 27-33.

Ауэзов Э.М. О находке колонии реликтовой чайки *Larus relictus*//Вестник АН КазССР. 1970. № 1. С. 59-60.

Ауэзов Э.М. Таксономическая оценка и систематическое положение реликтовой чайки *(Larus relictus* Lönnb.)//Зоол. журн., 1971. Т. 50. № 2. С. 235-242.

Ауэзов Э.М. Алакольский сюрприз//Живые сокровища Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 106-116.

Ауэзов Э.М. Биология реликтовой чайки и мероприятия по ее охране. Автореф. канд. дис. М., 1980. 18 с.

Ауэзов Э.М. Чайка. Алматы, 2003.

Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф. Гнездование журавля-красавки в агроценозах юго-восточного Казахстана//Журавль-красавка в СССР. Алма-Ата, 1991. С. 84-95.

Березовиков Н.Н., Ковшарь В.А. [составители]. Анатолий Фёдорович Ковшарь. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. Алматы, 2008. 81 с.

Бланк Д.А., Тарасов А.Ф. Наблюдения над формированием новой популяции кулана в Казахстане//Редкие животные Казахстана (Мат-лы ко второму изданию Красной книги Казахской ССР). Алма-Ата, 1986. С. 10-14.

Бондарев Л.Г., Горбунова И.А., Северский Э.В. Горбунов Алдар Петрович [Учёные-мерзлотоведы]. Якутск, 2000. 50 с.

Борейко В. Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М., «Логата», 1998. 288 с.

Борейко В. Жизнь и смерть эколога Станчинского//Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М., «Логата», 1998. С. 223-239.

Боровая Н.А. Блестящий пример Зарудного//Журнал «Ветер странствий». Алматы, 2012, № 6 (37). С. 62-63.

Боровая Н.А. Орнитолог-«целинник» в горах Тянь-Шаня [А.Ф.Ковшарь]//Журнал «Ветер странствий». Алматы, 2013, № 1 (38). С. 56-63.

Бородихин И.Ф. К экологии синей птицы//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, т. 13. Алма-Ата, 1960. С. 181-184.

Бородихин И.Ф. Птицы Алма-Аты. Алма-Ата, 1968. 120 с.

Бородихин И.Ф., Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф. Из опыта работы Чокпакского орнитологического стационара (Зап. Тянь-Шань)//Сообщ. Прибалт. комис. по изуч. мигр. Птиц. (1974, № 8). Тарту, 1975. С. 81-97.

Брушко З.К. Рудольф Александрович Кубыкин (1937-2001)//Selevinia- 2001. С. 222.

Быков Б.А. Экологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1983. 216 с.
Варшавский Б.С., Ковшарь А.Ф. Сергей Николаевич Варшавский (29.09.1909-20.05.1995) //Selevinia-2009. С. 251-253.
Винокуров А.А. Заметки об осеннем пролете птиц в юго-восточной части пустыни Бетпак-Дала//Миграции животных. Вып.3. М., 1962. С. 135-141.
Воробьев К.А. Записки орнитолога. М., 1973. 176 с.
Гаврилов Э.И. К истории открытия реликтовой чайки на озере Алаколь//Труды Алакольского заповедника. Том 1. Алматы: «Мектеп», 2004. С. 8-15.
Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф. Гнездовая биология расписной синички в Заилийском Алатау//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 32-40.
Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф. Первое нахождение гнезда красного вьюрка//Вестник Академии наук КазССР, 1967, № 9 (269). С. 70-71.
Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф. О биологии скальной чечевицы (*Pyrrhospiza punicea* Hodgs.)//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол., 1968, т. 29. С. 41-49.
Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф. О двукратном гнездовании птиц в высокогорье Тянь-Шаня// Мат-лы 1-й конф. молод. ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968. С. 306-307.
Гвоздев Е.В. Максим Дмитриевич Зверев (29 ноября 1896 - 23 января 1996)// Selevinia, 1996/1997. С. 267-268.
Гвоздев Е.В. Виктор Яковлевич Панин (20 октября 1929 – 22 октября 2005)// Selevinia, 2005. С. 205-206.
Горбунов А.П. Природа Казахстана: история познания. Алматы, 2011. 229 с.
Горбунов А.П. Центрально-Азиатская экспедиция: штрихи к жизни семьи Рерихов в Урге в 1926-1927 гг.//Новая Россия на пути к единству человечества [2-я Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»]. СПб – Вышний Волочёк. «Ирида-прос.», 2005. С. 98-100.
Грачев Ю.Н. Кеклик (биология, использование и охрана). Алма-Ата, 1983. 147 с.
Губин Б.М., Ковшарь А.Ф., Левин А.С. Биология размножения илийской саксаульной сойки//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1986, вып. 1. С. 58-63.
Губин Б.М., Скляренко С.Л. Джек - *Chlamydotis undulata* Jacquin, 1784//Редкие животные пустынь. Алма-Ата, 1990а. С. 113-135.
Губин Б.М., Скляренко С.Л. Зеленая щурка в Кызылкумах//Бюлл.МОИП, отд. биол., 1990б, т. 95, вып.1. С. 70-75.
Долгушин И.А. Об изученности экологии птиц СССР//Современные проблемы орнитологии. Четвертая Всесоюзная орнитологическая конференция. Фрунзе, 1965. С. 209-222.
Есилевская М.А., Кривицкий И.А. Илья Борисович Волчанецкий//Орнитологи Украины. Биобиблиографический справочник. Вып. 1. Харьков, 1999. С. 144-148.
Журавль-красавка в СССР (под ред. А.Ф. Ковшаря и И.А. Нейфельдт). Алма-Ата: «Ғылым», 1991. 160 с.
Заповедники и национальные парки Казахстана (сост. А.А. Иващенко). Фотоальбом. Алматы: ТОО Алматыкітап, 2006. 284 с.
Заповедное дело в Казахстане (ред. Б.А.Быков, А.Ф.Ковшарь). Алма-Ата,1982. 214 с.
Зверев М.Д. Воспоминания об истории создания журнала «Uragus»//Selevinia, 2003. С. 255.
Зубакин В.А. Семейство Чайковые//Птицы СССР. Чайковые. М., 1988. С. 51-370.
Зубакин В.А. Строков Вячеслав Всеволодович//Московские орнитологи. М., 1999. С. 458-470.
Иващенко А.А. Растительный мир Казахстана. Алматыкітап. Алматы, 2004. 176 с.
Иващенко А.А. Сокровища растительного мира Казахстана. По страницам Красной книги. Алматы: ТОО Алматыкітап, 2005. 128 с.

Иващенко А.А., Ковшарь А.Ф. Гнездостроение у желчной овсянки//Орнитология в СССР, кн.2. Ашхабад, 1969. С. 252-256.
Иващенко А.А., Ковшарь А.Ф. Новое нахождение гнезд краснокрылого чечевичника // Орнитология, вып. 10. М., 1972. С. 333-334.
Игорь Александрович Долгушин (1908-1966). Мат-лы к биографии. Воспоминания современников. Переписка. Публикации. Фотографии. Алматы, 2008. 220 с.: илл.
Институт зоологии АН КазССР (*история образования, структура, итоги научной деятельности*). Алма-Ата, изд. «Наука» Казахской ССР. 1982. 134 с.
Казахская ССР. Краткая энциклопедия, том 3. Алма-Ата, 1989. 598 с.
Казахстан. Национальная энциклопедия (в 5 томах). Том 1. Алматы, 2004. 558 с.
Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. 318 с.: илл.
Кармышева Н.Х. Материалы по растительному питанию белокоготного медведя в заповеднике Аксу-Джабаглы//Труды Ин-та зоологии АН КазССР, т. 20. Алма-Ата, 1963.
Кармышева Н.Х. Памяти лучших наблюдателей заповедника Аксу-Джабаглы// Заповеднику Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата, «Наука», 1976. С. 34-40.
Кашкаров Д.Ю. Мекленбурцев Роман Николаевич//Selevinia, 1995, № 2. С. 97-98.
Ковшарь А.Ф. Птицы Таласского Алатау. Алма-Ата: «Кайнар», 1966. 437 с.
Ковшарь А.Ф. Дополнение ко 2-му тому: Реликтовая чайка - *Larus relictus* Lönnb.// Птицы Казахстана. Алма-Ата, 1974. Т. 5. С. 407-411.
Ковшарь А.Ф. История становления первого заповедника Казахстана//Заповеднику Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата, «Наука», 1976. С. 16-33.
Ковшарь А.Ф. Индивидуальное цветное мечение как перспективный метод изучения биологии птиц//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 227-232.
Ковшарь А.Ф. Летне-осеннее гнездование клестов на Тянь-Шане как пример приспособления вида-стенофага к условиям существования//Экология, 1976, № 3. С. 94-97
Ковшарь А.Ф. Реликтовая чайка: заповедник или заказник?//Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, 1977. С. 193-195.
Ковшарь А.Ф. Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня (очерки летней жизни фоновых видов). Алма-Ата, 1979, 194 с.: илл.
Ковшарь А.Ф. Там, за облаками//Живые сокровища Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 90-106.
Ковшарь А.Ф. В гостях у синей птицы//Заповедник Аксу-Джабаглы [А.Ф. Ковшарь, А.А. Иващенко]. Алма-Ата, «Кайнар», 1982. С. 41-110.
Ковшарь А.Ф. Певчие птицы. Алма-Ата, «Кайнар», 1983. 278 с.
Ковшарь А.Ф. В чужой стихии. Воинственный дрозд. Островитяне пустыни. Грозные соседи//Тропинки в загадочный мир. Алма-Ата, 1988. С. 272-278.
Ковшарь А.Ф. Доминанты авифаунистического населения пустынь Казахстана//Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конфер. Ч. 1. Минск, 1991. С. 85-86.
Ковшарь А.Ф. Орнитологические комплексы пустыни Бетпак-Дала//Selevinia. 1993, т. 1. № 1. С. 37-49.
Ковшарь А.Ф. К биологии майны в высокогорье Тянь-Шаня//Selevinia, 1994. № 3. С. 68-74.
Ковшарь А.Ф. Пролёт птиц через Устюрт и Мангышлак весной 1990 г.//Selevinia, 1995, № 1. С. 56-62.
Ковшарь А.Ф. О бюджете времени у выводка серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii* Vigors)//Selevinia, 1998-1999. С. 205-207.
Ковшарь А.Ф. Вторичное открытие реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) и предыстория создания заповедника на Алаколе//Труды Алакольского заповедника. Том 1. Алматы: «Мектеп», 2004. С. 15-30.
Ковшарь А.Ф. К юбилею И.А. Нейфельдт//Орнитология, вып. 31. М., 2004. С. 279-281.

Ковшарь А.Ф. Владимир Евгеньевич Флинт (1924-2004)//Журавли Евразии – 2 [Сборник трудов международной конференции «Журавли на рубеже тысячелетий», Украина, Аскания-Нова, 7-11 октября 2003]. Москва, 2005. С. 7-9.

Ковшарь А.Ф. Воспоминания и размышления об Учителе//И.А. Долгушин. Материалы к биографии. Воспоминания. Переписка. Алматы, 2008. С. 99-111.

Ковшарь А.Ф. Жизнь, отданная изучению птиц Казахстана, к 100-летию со дня рождения Марии Алексеевны Кузьминой (1910-1986)//Selevinia-2010. С. 196-203.

Ковшарь А.Ф. К 100-летию Мстислава Николаевича Корелова//Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии, выпуск 1. Алматы, 2012. С. 4-10.

Ковшарь А.Ф. Штрихи к портрету [воспоминания о М.Н. Корелове]//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, выпуск 1. Алматы, 2012. С. 211-215.

Ковшарь А.Ф. Аркадий Александрович Слудский – крестный отец Красной книги Казахстана//Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах [Мат-лы конференции 1-2 марта 2012]. Алматы, 2012. С. 28-30.

Ковшарь А.Ф. Человек кипучей энергии (воспоминания об А.А. Слудском)// Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах [Мат-лы конференции 1-2 марта 2012]. Алматы, 2012. С. 396-399.

Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н. Весенние скопления и перемещения журавля-красавки в долине р. Копа (Алма-Атинская обл.)//Журавль-красавка в СССР. С. 130-135.

Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н. Дневная жизнь авдотки в репродуктивный период// Бюлл. МОИП, отд. биол. 1992, т.97, № 3. С. 13-32.

Ковшарь А.Ф., Иващенко А.А. Заповедник Аксу-Джабаглы. Алма-Ата, «Кайнар», 1982. 158 с.

Ковшарь А.Ф., Каргаполов А.Д. Перспекивы разведения в неволе и создание природных популяций кулана в Казахстане//Разведение и создание новых популяций редких и ценных видов животных. Ашхабад, 1982. С. 147-149.

Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Белялов О.В. Птицы пустыни Бетпак-Дала//Труды Института зоологии, том 48. Орнитология. Алматы, 2004. С. 85-125.

Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Губин Б.М. Нахождение гнезд жемчужного вьюрка на Тянь-Шане//Вестник зоологии, 1982, № 5. С. 42-46.

Ковшарь А.Ф., Скляренко С.Л., Губин Б.М. Расписная синичка в Заилийском Алатау: численность и некоторые вопросы гнездовой биологии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1982, т. 87, вып. 6. С. 74-85.

Красная книга Казахской ССР. Часть 1. Позвоночные животные. Алма-Ата, 1978. 204 с.

Кривицкий И.А. Илья Борисович Волчанецкий (1895-1980)//Selevinia, 1995, № 4. С. 86-87.

Кривицкий И.А. О Долгушине//Игорь Александрович Долгушин. Материалы к биографии. Воспоминания. Переписка. Алматы, 2008. С. 111-125.

Кузякин А.П. Первые итоги исследований по ландшафтной орнитогеографии СССР// Современные проблемы орнитологии. Четвертая Всесоюзная орнитол. конференция. Фрунзе, 1965. С. 223-231.

Ларионов В.Ф., Чельцов-Бебутов А.М. Находка реликтовой чайки на Торейских озерах (Забайкалье)//Орнитология. М., 1972. Вып. 10. С. 277-279.

Леонтьев А.Н. Гнездовая колония чаек и бакланов на Торейских озерах//Известия Забайкальского филиала Географического общества СССР. 1968. № 6. С. 79-80.

Лобачёв Ю.С. Вадим Иванович Капитонов (к 70-летию)//Selevinia-2000. С. 229-230.

Мариковский И.Е. Я…заурядный учитель//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 20-63.

Марьяшев А. Альпинизм довоенной поры//Ветер странствий, 2012, № 1 (32): 54-56.

Мекленбурцев Р.Н. О вмешательстве в расселение майны (*Acridotheres tristis* L.)//Зоол. журнал, 1965, т. 44, № 3. С. 463-464.
Мекленбурцев Р.Н. Ошибки в некоторых работах по орнитологии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол., 1981, т. 80, вып. 2. С. 48-50.
Мекленбурцев Р.Н. Экспедиции 1926 и 1933 гг. в заповеднике Аксу-Джабаглы// Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 7. Алма-Ата, 1996, с. 7-11.
Митропольский О.В. Воспоминания о Сергее Николаевиче Варшавском: человеке и зоологе *(к столетию со дня рождения)*//Selevinia-2009. С. 253-256.
Митяев И.Д., Казенас В.Л., Федотова З.А. Павел Иустинович Мариковский **(**1912 - 2008**)//** Selevinia-2008. С. 283-284.
Нелина Н.В., Абдулина С.А. Фрагменты истории лаборатории флоры высших растений Института ботаники и фитоинтродукции//Исследования растительного мира Казахстана [Сборник трудов III-й международной конференции, посвященной памяти выдающихся ботаников Казахстана (13-15 апреля 2006 г.)]. Алматы, 2006. С. 11-16.
Нечитайло Г.В. Дорогой испытаний и надежд. Алматы, «Адилет», 1998. 106 с.
Нечитайло Г. Дорогой испытаний и надежд//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 82-98.
Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. Биобиблиографический справочник [составитель А.Ф. Ковшарь]. Алматы, 2003. 247 с.: илл.
Орнитологи Украины. Биобиблиографический справочник. [Сост. Т.А. Атемасова и И.А. Кривицкий]. Вып. 1. Харьков, 1999. 286 с.
Плахов К.Н., Ковшарь А.Ф. О численности сурка Мензбира в верховьях реки Бадам и мерах по его охране//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991.С. 313-316.
Потапов Р.Л. Неведомый Памир. М., Мысль, 1970. 190 с.
Потапов Р.Л. Находка на Торейских озерах//Природа, 1971. № 5.
Соколов В.Е. О прошлых ареалах копытных Казахстана по наскальным изображениям// Бюлл. МОИП, отд. биол., 1964, т. 69, вып. 1.
Тризна Б. Всегда и всюду стремиться к разрешению великой задачи воплощения правды и справедливости в человеческих отношениях//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 13-19.
Флинт В.Е. Операция “Стерх”. М., 1981. 152 с.: илл.
Шапошников Ф.Д. Горные бараны Западного Тянь-Шаня//Природа, 1956, № 1.
Шульпин Л.М. Материалы по млекопитающим и гадам Таласского Алатау//Изв. АН КазССР, серия зоол., вып. 7. Алма-Ата, 1948.
Шульпин Л.М. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1953, т. 2. С. 53-79; 1956, т. 6. С. 158-193; 1961, т. 15. С. 147-160; Тр. запов. Аксу-Джабаглы, вып. 2, 1965. С. 160-200.
Шульпин Л.М. О фаунистических особенностях северо-западного Тянь-Шаня//Докл. АН СССР, 1936. Нов. серия, т. 3 (12), № 9 (104). С. 449-451.
Шульпин Л.М. Орнитология. Л., 1940. 556 с.
Шульпин Л.М. Экологический очерк птиц Алма-Атинского государственного заповедника (По наблюдениям в августе-сентябре 1932 г. и в мае 1933 г.)//Тр. Алматин. заповедн., 1939, вып. 1. С. 1-150.
Gavrilov E.I., Kowschar A.F. Zur Biologie des Blutfinken//Der Falke, Berlin, 1969, Heft 11. S. 364-369.
Gavrilov E.I., Stephan B. Zwitter von *Passer indicus* und *Passer hispaniolensis* aus Kasachstan//Mitt. Zool. Mus. Berlin, Bd. 56, Suppl.: Ann. Orn. 1980. 4. S. 29-31.
Kovschar A.F. Zur Brutbiologie des Ibisschnabels, *Ibidorhyncha struthersii* Vig., 1832//Mitteilungen Zool. Museum Berlin. 1980, Band 56. Annalen fur Ornithol., 4. S. 33-40.

Kovshar A.F. The Ibis-Bill//Birding, Vol. XXVIII, № 4. August 1996. P. 321-323.
Kowschar A.F. Der Rotflügelige Karminginpel//Der Falke, 1966, Heft 2. S. 48-53.
Kowschar A.F., Zhujko B.P. Biologische Daten zur Verstadterung der Amsel (*Turdus merula*) in Alma-Ata, Kazakhstan, UdSSR//Mitt. Zool. Mus. Berlin. Bd. 60, 1984. S. 97-105.
Lönnberg E. A remarkable gull from the Gobi Desert//Auk. 1931. Bd. 23. N 2. S. 1-5.
Neufeldt I.A. Das Buschhähnchen//Der Falke, 1970, Heft 5.
Selevinia [Казахстанский зоологический журнал]. 1993-2002. Алма-Ата.
Selevinia [Казахстанский зоологический ежегодник]. 2003-2013. Алматы.
Stubbe M., Bold A. Mowen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // Mitt. Zool. Mus. Berlin. 1971. Bd. 47. N 1. S. 51-62.
Vaurie Ch. The Status of *Larus relictus* and of other hooded gulls from Central Asia//Auk, 1962. Vol. 79. N 3. P. 303-309.

Указатель названий птиц

авдотка (*Burhinus oedicnemus*) 494
аист белый (*Ciconia ciconia asiatica*) 200, 401, 452, 550, 551, 570, 571, 630
аист чёрный (*Ciconia nigra*) 180, 392, 401, 406

баклан большой (*Phalacrocorax carbo*) 247, 378, 538
балобан (*Falco cherrug*) 146, 392, 406, 455, 466, 469, 476, 501, 515, 531
бекас-отшельник (*Capella solitaria*) 280
белоножка, или водяной дрозд (*Microcichla scouleri*) 188
береговушка (*Riparia riparia*) 247, 453, 535
беркут (*Aquila chrysaetus*) 96-98, 111, 112, 290, 291, 377, 381, 382, 463, 479, 509, 527, 532, 535-537
бормотушка большая (*Hippolais languidae*) 533
бормотушка малая (*Hippolais caligata*) 467
бородач (*Gypaetus barbatus*) 96-98, 103, 211, 354, 355, 400, 485, 543, 605, 627
буревестник пёстролицый (*Calonectris leucomelas*) 28, 29

вальдшнеп (*Scolopax rusticola*) 204, 286, 287, 455, 611, 628
варакушка (*Luscinia svecica*) 90
воробей индийский (*Passer indicus*) 468
воробей испанский (*Passer hispaniolensis*) 200
воробей каменный (*Petronia petronia*) 546
воробей саксаульный (*Passer ammodendri*) 569
ворон пустынный (*Corvus ruficollis*) 146,531
ворон обыкновенный (*Corvus corax*) 181, 502, 531, 532, 615
ворона чёрная (*Corvus corone orientalis*) 542
вьюрок буланый (*Rhodospiza obsoleta*) 100
вьюрок гималайский (*Leucosticte nemoricola*) 98, 546
вьюрок жемчужный (*Leucosticte brandti*) 267, 385
вьюрок красношапочный (*Serinus pusillus*) 546
вьюрок красный (*Pyrrhospiza punicea*) 202, 216, 417
вьюрок монгольский (*Bucanetes mongolicus*) 572
вьюрок сибирский (*Leucosticte arctoa*) 344

гагара чернозобая (*Gavia arctica*) 65
гаичка джунгарская (*Parus songarus*) 177, 278
галка альпийская (*Pyrrhocorax graculus*) 43, 546
глухарь (*Tetrao urogallus*) 361
голубь бурый (*Columba eversmanni*) 569
горихвостка краснобрюхая (*Phoenicurus erythrogaster*) 77, 267, 385
горихвостка красноспинная (*Phoenicurus erythronotus*) 151, 234, 269, 274, 355
горихвостка седоголовая (*Phoenicurus coeruleocephalus*) 151, 278
горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*) 274, 276, 285, 292, 515, 532
горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*) 164, 546

горлица египетская (*Streptopelia senegalensis*) 206
горлица кольчатая (*Streptopelia decaocto*) 290, 535, 538, 540
горлица обыкновенная (*Streptopelia turtur*)467, 569
грач (*Corvus frugilegus*) 149, 233, 450, 525
гриф черный (*Aegypius monachus*) 103, 406, 437, 479, 485, 502, 527, 543, 546
грязовик (*Limicola falcinellus*) 535
гусь горный (*Eulabeia indica*) 513, 539
гусь серый (*Anser anser*)517

дербник (*Falco columbarius*) 285, 299, 516, 572
джек, или дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*) 378, 402, 463, 464, 468-470, 483, 484, 495, 518, 526, 537, 553
дрозд земляной, или золотистый (*Zootera dauma*) 28
дрозд каменный пёстрый (*Monticola saxatilis*) 206, 254, 421, 466
дрозд каменный синий (*Monticola solitarius*) 188
дрозд певчий (*Turdus philomelos*) 38
дрозд чернозобый (*Turdus atrogularis*) 77, 572
дрозд черный (*Turdus merula*) 85, 100, 394
дрозд-деряба (*Turdus viscivorus*) 84, 89, 100, 111, 176, 479
дрофа (*Otis tarda*) 147, 415
дубонос арчовый (*Mycerobas carnipes*) 100, 102, 177, 200, 269, 271, 272, 274, 275, 276, 327, 355, 380
дятел белокрылый (*Dendrocopus leucopterus*) 569
дятел большой пёстрый (*Dendrocopos major*), 515

жаворонок белокрылый (*Melanocorypha leucoptera*) 502
жаворонок двупятнистый (*Melanocorypha bimaculata*) 469, 535, 536
жаворонок малый (*Calandrella brachydactyla*) 402, 458, 466, 480, 533, 535
жаворонок полевой (*Alauda arvensis*) 515
жаворонок рогатый (*Eremophila alpestris albigula*) 510, 534, 543
жаворонок серый *Calandrella pispoletta*, или *rufescens*) 402, 480, 525, 528, 533, 535
жаворонок степной (*Melanocorypha calandra*) 476
жаворонок тонкоклювый (*Calandrella acutirostris*) 546
жаворонок хохлатый (*Galerida cristata*) 531, 468
жулан туркестанский (*Lanius phoenicuroides*) 437, 469, 533, 569
журавль белый, или стерх (*Grus leucogeranus*) 414, 415, 421, 424, 466
журавль серый (*Grus grus*) 400, 453, 465, 476, 517, 526
журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) 246, 253, 337, 352, 400, 402, 453, 463, 465, 476, 490-493, 495, 496, 503,505, 506, 517,521

завирушка альпийская (*Prunella collaris*) 178, 227
завирушка бледная (*Prunella fulvescens*)102, 269, 270, 272, 273, 275
завирушка черногорлая (*Prunella atrogularis*) 177, 200, 214, 269, 286
зарянка (*Erithacus rubecula*) 38
зеленоногая камышница (*Gallinula chloropus*) 456
зеленушка (*Chloris chloris*) 100
змееяд (*Circaetus gallicus*) 98, 463, 467, 472, 543
зуёк азиатский, или каспийский (*Charadrius asiaticus*) 525
зуёк малый (*Charadrius dubius*) 97
зуёк морской (*Charadrius alexandrinus*) 526
зяблик (*Fringilla coelebs*) 38, 445

иволга (*Oriolus oriolus*) 254, 515

каменка обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*) 543
каменка плясунья (*Oenanthe isabellina*) 437,466,535,538,546
каменка пустынная (*Oenanthe deserti*) 401,436,476,525
каменка черношейная (*Oenanthe finschi*) 463,531
каменка-плешанка (*Oehanthe pleschanka)* 254,466
камышевка дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) 453,456
камышевка индийская (*Acrocephalus agricola*) 456
камышевка тростниковая (*Acrocephalus scirpaceus*) 255,456
камышевка туркестанская (*Acrocephalus stentoreus*) 456
канюк (*Buteo buteo*) 369,370
канюк мохноногий центральноазиатский (*Buteo hemilasius*) 392,501
каравайка (*Plegadis falcinellus*) 526
кваква (*Nycticorax nycticorax*) 372,526
кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) 572
кеклик (*Alectoris chukar*) 77, 90-95, 98, 136, 146, 195, 213, 406, 527, 533, 536-538, 627
клест-еловик (*Loxia curvirostra*) 261, 272, 278, 279, 327, 328, 620, 628
клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) 43, 77, 290, 291, 292, 299, 546
кобчик (*Falco vespertinus*) 516
козодой (*Caprimulgus europaeus*) 19, 97, 418, 515
козодой буланый (*Caprimulgus aegyptius*) 551
конёк лесной (*Anthus trivialis*) 19, 98
конёк полевой (*Anthus campestris*) 480, 525, 528, 533
коноплянка (*Acanthis cannabina*) 546
коршун чёрный (*Milvus migrans*) 233, 485
крапивник (*Troglodytes troglodytes tianschanicus*) 176, 177, 203, 204, 216, 227, 269, 273, 354
красный вьюрок (*Pyrrhospiza punicea*) 202, 216, 417
краснозобик (*Calidris ferruginea*) 535
красношейка черногрудая (*Luscinia pectoralis*) 28, 81, 82, 98, 177, 178, 200, 218, 234, 269, 275, 276, 343, 417
крачка чайконосая (*Gelochelidon nilotica*) 247
кречетка (*Chettusia gregaria*) 418
кроншнеп большой (*Numenius arquatus*) 515, 517, 518, 553
кроншнеп тонкоклювый (*Numenius tenuirostris*) 498
кряква (*Anas platyrhynchus*) 526
кукушка (*Cuculus canorus*)329 ,347, 385
кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*) 418
кумай (*Gyps himalayensis*) 96, 485
курганник (*Buteo rufinus*) 98, 233 ,458, 526, 527, 538, 543, 572
куропатка белая (*Lagopus lagopus*) 93
куропатка пустынная (*Ammoperdix griseogularis*) 532
куропатка серая (*Perdix perdix*) 97

ласточка городская, или воронок (*Delichon urbica*) 99
ласточка деревенская (*Hirundo rustica*) 99,247,457,467
ласточка рыжепоясничная (*Hirundo daurica*) 66
ласточка скалистая (*Ptyonoprogne rupestris*) 99
лебедь-шипун (*Cygnus olor*) 456, 538
лысуха (*Fulica atra*) 212, 453

мандаринка (*Aix galericulata*) 28
могильник, или каракус (*Aquila heliaca*) 437, 450, 458, 535, 537
монгольская саксаульная сойка (*Podoces hendersoni*) 481
монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*) 254, 467, 501, 572
морской голубок (*Larus genei*) 516
московка (*Parus ater*) 277, 292
мухоловка райская (*Terpsiphone paradisi*) 80, 81, 101, 178, 333, 456
мухоловка серая (*Muscicapa striata*) 101, 532
мухоловка синяя (*Cyanoptila cyanomelana*) 335

овсянка белошапочная (*Emberiza leucocephala*) 517
овсянка горная (*Emberiza cia*) 98
овсянка желчная (*Emberiza bruniceps*) 101, 213, 458, 467, 534, 535, 536, 579
овсянка красноухая (*Emberiza cioides*) 255
овсянка обыкновенная (*Emberiza citrinella*) 515
овсянка садовая (*Emberiza hortulana*) 46
овсянка скальная (*Emberiza buchanani*) 98, 254, 466, 467, 572
овсянка Стюарта (*Emberiza stewarti*) 98
овсянка-дубровник (*Emberiza aureola*) 517
огарь (*Tadorna ferruginea*) 98, 526
оляпка белобрюхая (*Cinclus cinclus*) 98, 99, 187, 355
оляпка бурая (*Cinclus pallasii*) 98, 292
орёл степной (*Aquila nipalensis*) 463, 472, 526, 528
орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) 476, 569
осоед (*Pernis apivorus*) 338, 365
осоед хохлатый (*Pernis ptilorhynchus*) 338

пеганка (*Tadorna tadorna*) 526
пеликан розовый (*Pelecanus onocrotalus*) 472
пеночка-зарничка (*Phylloscopus humei*) 226, 276
пеночка бурая (*Phylloscopus fuscatus*) 28
пеночка зеленая (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) 227, 277, 351, 515, 533
пеночка индийская (*Phylloscopus griseolus*) 28, 101, 254
пеночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*) 526
пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybitus*) 275
пеночка толстоклювая (*Herbivocula schwarzi*) 28
пеночка-трещотка (*Phylloscopus sibilatrix*) 532
перевозчик (*Actitis hypoleucos*) 97, 298
перепел (*Coturnix coturnix*) 97, 168, 330, 454
пигалица белохвостая (*Vanelochettusia leucura*) 373, 463
плавунчик круглоносый (*Phalaropus lobatus*) 255, 467, 535
погоныш малый (*Porzana parva*) 526
поползень большой скалистый (*Sitta tephronota*) 100, 355
просянка (*Emberiza calandra*) 38
пустельга обыкновенная (*Falco tinnunculus*) 98, 537
пустельга степная (*Falco naumanni*) 254
пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*) 254, 467, 501, 572

расписная синичка (*Leptopoecile sophiae*) 225, 226, 233, 275, 341, 384
ремез (*Remiz pendulinus*) 476
ремез черноголовый (*Remiz coronatus*) 101

ржанка золотистая (*Pluvialis apricaria*),
рябок чернобрюхий (*Pterocles orientalis*) 476,510,535,537

саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) 402,432,468,476,480,510,569
саксаульная сойка (*Podoces panderi ilensis*) 224,428,431,525
серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*) 287,292,293,294,295,296,298,355,519,571
синица большая (*Parus major*) 206, 255
синица желтогрудая (*Parus flavipectus*) 102
синица хохлатая (*Parus cristatus*) 275
синица-московка (*Parus ater*) 274
синяя птица (*Myophonus caeruleus*) 85
сип белоголовый (*Gyps fulvus*) 103
скворец (*Sturnus vulgaris*) 215
скворец розовый (*Pastor roseus*) 569
скопа (*Pandion haliaëtus*) 476
скотоцерка (*Scotocerca inquieta*) 533
славка горная (*Sylvia althaea*) 101, 542
славка певчая (*Sylvia hortensis*) 101, 103, 541
славка пустынная (*Sylvia nana*) 351, 401, 432, 436, 458, 466, 476, 485, 525, 538
славка серая (*Sylvia communis*) 101,533
славка ястребиная (*Sylvia nisoria*) 101
славка-завирушка (*Sylvia curruca*) 480, 515, 536, 544
сова ушастая (*Asio otus*) 17, 526
совка-сплюшка (*Otus scops*) 285
сокол-балобан (*Falco cherrug*) 392, 466, 476, 531
сокол-шахин (*Falco pelegrinoides*) 355
соловей восточный (*Luscinia luscinia*) 19
соловей тугайный (*Erythropygia galactotes*) 372, 569
соловей-белошейка (*Irania gutturalis*) 183, 454, 541, 544
соловей-красношейка (*Luscinia calliope*) 23, 178, 343
сорока (*Pica pica*) 381
сорокопут пустынный (*Lanius pallidirostris*) 437, 469, 533, 568
сорокопут туркестанский (*Lanius phoenicuroides*) 437, 467, 469, 533, 569
сплюшка (*Otus scops*) 285
стенолаз краснокрылый (*Tichodroma muraria*) 351
стервятник (*Neophron percnopterus*) 401, 527, 543, 551,
стерх (*Grus leucogeranus*) 415, 421, 424
стрепет (*Otis tetrax*) 147, 378
стриж белобрюхий (*Apus melba*) 38, 527, 528, 536
стриж чёрный (*Apus apus*) 515, 527, 528, 536
султанка (*Porphyrio poliocephalus*) 538
сыч домовый (*Athene noctua bactriana*) 526

тетерев (*Lyrurus tetrix*) 445
травник (*Tringa totanus*) 526
трясогузка горная (*Motacilla cinerea*) 292
трясогузка маскированная (*Motacilla personata*) 277, 292
тугайный соловей (*Cercotrichas galactotes*) 372, 532

улар темнобрюхий (*Tetraogallus himalayensis*) 624
усатая синица (*Panurus biarmicus*) 255

утка серая (*Anas strepera*), 247

фазан (*Phasianus colchicus*) 76, 178, 569
филин (*Bubo bubo*) 211, 527, 528
фламинго (*Phoenicopterus roseus*) 255, 256, 308, 378, 387, 388, 495, 537, 538, 563, 574

ходулочник (*Himantopus himantopus*) 418, 526
хохотун черноголовый (*Larus ichthyaetus*) 245
хохотунья (*Larus cachinnans*) 255

цапля большая белая (*Egretta alba*) 536
цапля рыжая (*Ardea purpurea*) 533
цапля серая (*Ardea cinerea*) 538

чайка буроголовая (*Larus brunneicaphalus*) 539
чайка реликтовая (*Larus relictus*) 210, 241, 248
чекан черноголовый (*Saxicola torquata*) 275, 285, 479
чернозобик (*Calidris alpina*) 526
чёрный гриф (*Aegypius monachus*) 103, 437, 485, 527
чечевица большая (*Carpodacus rubicilla*) 146
чечевица обыкновенная (*Carpodacus erythrinus*) 101, 146
чечевичник краснокрылый (*Rhodopechys sanguinea*) 82, 169, 417
чибис (*Vanellus vanellus*) 418
чирок-свистунок (*Anas crecca*) 526

шахин (*Falco pelegrinoides*) 355
шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*) 418
широконоска (*Anas clypeata*) 526

щегол обыкновенный (*Carduelis carduelis*) 445
щегол седоголовый (*Carduelis caniceps*)
щурка зелёная (*Merops persicus*) 484, 533, 535
щурка золотистая (*Merops apiaster*) 17, 544

ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) 178, 352, 496

Указатель географических названий

Ажбулат, озеро 514, 516
Айгыркум, пески 480, 587
Ай-Петри, вершина 36,39, 40
Акбакай, рудник (Бетпак-Дала) 437
Акбастау, филиал заповедника Аксу-Джабаглы 56
Акмолинск 53, 389
Аксуат, село 480
Аксу-Джабаглы, заповедник 3, 22, 23, 30, 42, 50-57, 60-69, 71, 72, 80, 97, 104, 106, 113, 115 116, 117, 124, 136, 137, 145, 146, 151, 152, 158, 160, 162, 170, 180, 188, 193, 206, 213, 255, 257, 304, 317, 324, 333, 357
Алакольская котловина 210, 241, 249, 250, 251, 475, 484, 583
Алмарасан (Проходное ущелье) 30
Алтайский край 458
Ананьево, село 513
Английская скважина (Чулакэспе) 455, 456, 457, 458
Андасайский зоологический заказник 435
Аральск, город 165, 552, 564
Арбатас, ущелье Малого Каратау 454
Арбигень, село 514
Арысь, река, станция 6, 106, 146, 251
Асанас, крепость, скважина 462,
Аскания-Нова, заповедник 30, 32, 44, 311, 414, 472, 499,
Ассаке-Аудан, впадина 528
Астана (б. Акмолинск, Целиноград) 513
Астрахань 558
Ашутас, сопка 480, 481
Ашхабад, город 23, 51, 210, 234, 235, 356, 415, 521
Ащеколь, озеро 452
Аяккалкан, урочище 224

Багир, город 239
Байгора 430
Баймахан, скважина 483, 484
Байтал, село 436, 439
Байшагыр, колодец 526, 528
Баканас, город 429, 460
Балдыбрек, речка 115
Балхаш, озеро 476
Бармаккум, пески 476, 587
Барнаул, город 513
Барсакельмес, остров и заповедник 380, 401, 404, 406, 415, 585, 587, 614
Барсакельмес, урочище (Бетпак-Дала) 465, 467, 472

Бахчисарай, город 36, 42
Белогорск (бывший Бахсан), город 36
Бельсаксаул, пещера 528
Беркара, ущелье Малого Каратау 454
Бес-шатыр, урочище 407
Бетпак-Дала 3, 176, 404, 430, 436, 468, 471, 531, 587
Бийликоль, озеро 453
Богуты, горы 500, 510, 568
Большое Алматинское озеро 30, 149, 173, 176, 225, 261, 286, 376, 491, 571
Большой Крымский каньон 36
Боролдай, река и село 570
Боролдайтау, горы 72
Борохудзир, переправа 500
Бугунь, поселок 571
Буконьские пески 501
Буран, село 480, 501
Бурандысу, село 569
Бурное, станция 170, 253
Бухара, город 530, 550,
Бухарский джейраний питомник 415, 551
Бухтарминское вдхр. 503

Валиханово, село 514, 517
Ванновка, село 67, 148
Варданзи, заповедник 372
Витебск, город 572
Владивосток, город 31, 53, 131, 262, 300
Вознесеновка, село 67
Войтово, село (Донецкая обл.) 6
Волжско-Уральское междуречье 47
Высокое (Шакпак-ата), село 67, 106, 148, 152

Гавриловское, село (ныне город Талдыкурган) 368
Гайдары, биостанция 17
Ганюшкино, село 552, 555, 558, 559, 561
Гасанкули, заповедник 473
Геленджик, курорт 34
Георгиевка (ЮКО), село 401
Гойтх, перевал (Кавказ) 34, 42
Голубиный утёс (Маркаколь) 392
гора Индюк 34, 42
гора Облачная 28
гора Фишт 52
Горно-Алтайск, город 458,

Дальний Восток 14, 22, 262, 285, 358, 601
Дарбаза, кордон АДЗ 84, 129, 541. 583
Джабаглинские горы 72
Джабаглы, речка 94
Джаланашколь, озеро 484, 486
Джаманорус (Новониколаевка) 79

Джамбул (ныне Тараз), город 135, 170, 452, 453,
Джамбулгора 466,
Джидели, урочище (Бетпак-Дала) 458, 468.
Джубга, ущелье (западный Кавказ) 42
Джунгарские ворота
Джунгарский Алатау 484
Днестра устье 486
Домбайская поляна 180
Донбасс, регион 6
Донузлав, озеро 22
Драбово, село, Черкасская обл. 7

Ессентуки, курорт 285, 487, 488, 573, 574,

Жанадарья, сухое русло 462
Жапалаккум пески 411, 500, 501
Жарбулак, село 245, 254
Жартытобе, село 401
Железинка, село 514
Жувантобе, село 402, 462

Зайсан, озеро, город 392, 475, 477, 479, 480, 481, 501-503, 583, 622
Зайсанская котловина 500
Западный Кавказ 31, 34, 42, 49, 627
Западный Тянь-Шань 206, 360, 511, 542, 595
Западный чинк Устюрта 529, 531
заповедник «Кедровая Падь» 28
Звенигово село (Марийская АССР) 6
Зеравшанский заповедник 372

Иртыш, река 388, 480, 501, 583
Иссык-Куль, озеро 30, 153, 279, 301, 355, 510, 512, 513
Ичкиле-тоо, горы 455

Казнаковская переправа 501
Казоты, озёра 452
Калбинский Алтай, горы 194
Калининград, город 589
Кальджир, речка 392
Каменный, остров 210
Камкалы, озеро 437, 438, 468, 472
Кандысу, река 501, 502, 503
Каневский заповедник 290
Капчагайское ГОЗХ 404, 407, 410, 415, 507
Карабастау, филиал заповедника Аксу-Джабаглы 56
Карабаур, увал 526, 528
Карабирюк, гора 480, 501,
Караби-яйла (Крым) 36
Караганда, город 388, 478, 504,
Карагие, впадина 528, 538
Карадаг, гора (Крым) 33, 36
Карадон, урочище 431
Кара-Кала (юго-западный Туркменистан), город 472, 549

Каракум, пески 63, 236, 476
Карамзин, остров (залив Петра Великого) 28, 262
Каратал, река и село 480
Каратау, горы 55, 72, 105, 106, 108, 149, 195, 206, 291, 401, 443, 452, 454, 465, 528, 535, 537, 542, 556, 572, 582
Карачингиль, урочище в устье р. Тургень 211, 422
Каргалинка, посёлок 163, 199
Каржантау, хребет 126, 127, 542, 545, 570, 590, 595
Каркара, река 519, 530
Карой, посёлок 428, 429
Карпаты, горы 21, 23, 26
Карынжарык, пески 528, 532, 533
Каскабулак, гора 69, 105, 156, 496, 540
Катутау, горы 411
Катынкум, песочки 458
Каунды, впадина 528
Качиры, село 514, 517
Каясанирек, чинк (уступ) 528, 532
Кегень, речка, посёлок 290, 291, 572
Кендерли, урочище в Мангистау 527, 528, 531
Кендерлик, река на Зайсане 392
Кендерлисор на Устюрте 529, 531
Кетмень, хребет 290, 291, 382, 509, 542
Кзылаус, ущелье 411, 423, 500
Кзыл-Орда, город 462
Киев, город 156, 258, 280, 376, 410, 560,
Киин-Кириш, урочище 501
Киргизский Алатау, хребет 195, 206
Ковшаровка, село (Харьковская обл.) 5, 511
Когашик, метеостанция (Бетпак-Дала) 430, 465, 468, 470, 531
Кодры, заповедник (Молдавия) 410, 422
Койлыбайжайлау, урочище 497
Кокпекское ущелье 572
Коктума, село 484
Колкудук, урочище 402
Кольжайлау, урочище 88
Кольжат, село 509
Копа, речка 478, 490, 491, 499
Копал, город 152
Копетдаг, горы 23, 210, 396, 472, 473, 511
Корасан-ата, могила 462, 463
Корумтор, ледник и перевал 128
Красноводск (Туркменбаши), город 3, 6, 552, 562, 563
Краснодар, город 6, 42
Красный каньон Чарына 509
Кугусем, колодец 528, 529, 531,
Кулуджунский заказник 501
Кульсай, озеро и ущелье 213, 225, 226, 592
Кумкала, крепость 462

Кумусбастау, аул 67
Кумуян, крепость 462
Кунгей Алатау, хребет 210, 224, 225, 512
Кунград, город 525
Курманчите, гора 437, 438, 452
Курменты,село 225, 226, 229
Курчум, посёлок 501
Кустанай, город 308, 486
Куюк, перевал 106, 233
Кши-Аксу, речка (Аксу-Джабаглы) 70, 81, 95, 104, 114, 120, 178
Кши-Каинды, перевал (3100 м) 70, 72, 82, 96, 112, 114
Кызольгенколь, урочище 540
Кызылкаин, село 462
Кызылколь, озеро 452, 475
Кызылкум, пустыня 445, 461

Лебяжье, село 514
ледник Алибек (Кавказ) 180
Ленинград, город 20, 134, 164, 213, 242, 243. 301, 312, 318, 324. 330, 332. 338. 341. 345. 350, 399, 412, 488, 592, 604. 610
Ленинск, город 546, 547
Лозовое, село 514, 515
Львов, город 22, 134, 163, 165, 167, 179, 197, 482, 549,
Львов, село (Херсонская обл.) 32

Майдантал, река 128, 180
Май-Капчагай, урочище 501, 502
Маканчи, село 475
Малайсары, перевал 195, 434
Мангышлак 523
Манрак, хребет 500, 501, 502
Манукой, село 480, 481, 502
Марийская АССР 5, 6
Мариновка, село (Запорожская обл.) 22, 32
Маркаколь, озеро 149, 183, 392, 430, 477, 490
Маркотх, хребет (Зап. Кавказ) 34, 42, 45
Матабай, село 392
Машат, речка и каньон 401
Мерефа, посёлок 51
Мечитас, урочище (Каржантау) 544, 545
Минск, город 573
Михайловка (Караколь), село 514
Мукачево, город 170, 171
Муюнкум, пески 450,
Мынбулак, урочище 407, 411

Навои, город 74, 133
Нарынкол, город 290, 369
Наташино, село 514, 518
Наурзумский заповедник 161, 283, 284
Новгород, город 548, 552

Новокузнецк, город 552
Новониколаевка (Жабагылы), село 67, 69, 75, 125, 181, 556
Новосибирск, город 474, 491
Новотроицкое, село 450
Нурлы, село 567, 568, 569
Одесса, город 486
Ой-Карагай, угольный разрез 571
Остёрские лагеря 45
Павлодар, город 308, 434, 513, 514
Памир, нагорье 153, 168, 355, 360, 539, 591
Памиро-Алай 318
Петергоф, город 165
Плоска, село (Полтавская обл.) 5
Полтава, город 376
Приэльбрусье 262, 285
Проскуров (Хмельницкий), город 7, 9, 486
Псков, город 550
Пушкин (б. Царское Село), город 165, 321, 322
Пущино, город 489, 497
Пятигорск, город 459
Равнополь, село 514
Раевка, село 67
Раскол, урочище Джунгарского Алатау 373
Репинка, село 495, 496
Решетиловка, пгт (Украина) 5, 9, 10, 478
Ровно, город 5, 6, 165, 243, 315
Сайкан, хребет 246
Саксаулдала, древнее русло Чу 438, 466
Самамбет, колодец 526
Самарканд, город 165, 333, 373, 397, 524
Сандыктас, гора 484, 485
Саркрама, речка 541
Сарыбухтер, застава 484
Сарыишикотрау, пустыня 428, 460, 587
Сасыкченель, песочки 457, 458
Саты, село 230
Светлица, озеро 514, 518
Северский Донец 445
Семипалатинск, город 308, 495, 496
Сенек, посёлок (Мангышлак) 528, 534
Сиваш, или «гнилое море» 35
Симферополь, город 17, 499
Сингербай, озеро 453
Таволжан, село (Павлодарское Заиртышье) 514
Таджикистан, страна 312, 594
Талас, река 67, 178, 430, 453, 455
Таласский Алатау, хребет 106, 114
Талды-Курган, город 368, 542

Таллинн, город 520, 521
Тарбагатай, хребет 410, 479
Тартугайский паром (Сырдарья) 462
Таукум, пески 401, 460, 495
Таучик, посёлок 538
Тахты, речка 484, 485
Ташкент, город 6, 51, 62, 71, 72, 74, 79, 80, 132, 149, 150, 153, 155, 179, 180, 183, 185, 410, 491, 521, 559, 562, 563, 567, 600
Тбилиси, город 257, 457
Текес, речка 290
Телецкое озеро (Алтай) 458
Тенгиз, озеро 387
Тепе-Кермен, пещерный монастырь (Крым) 42
Терсек, бор 284
Терскей Алатау, хребет 354, 355, 385, 513, 542
Тибетское нагорье 312
Тимирязево, село 514, 518
Токмак, город 439
Тополев мыс (Зайсан)
Тополевка, село 225, 373, 392
Топшак, урочище (Аксу-Джабаглы) 73, 104, 170, 381, 496
Туапсе, город 32, 42
Тулеп, колодец 526, 528
Туркестан, город 571
Тюкен, метеостанция (Бетпак-Дала) 465, 466, 469
Тюлькубас, станция 53, 56, 117, 158
Тюратам, станция 546

Уланбель, село 465, 585
Унэре, колодец (Мангышлак) 528, 529, 532
Урунхайка, село 392, 477
Уссури, река 28, 31, 285
Усть-Каменогорск, город 308, 391, 501, 503, 598
Устюрт, плато 523, 524, 529, 531, 532, 534, 535, 550,
Устюртский заповедник 566
Уткунды, колодец 528
Ушарал, село 254

Фирюза, город 172
Фрунзе, город (ныне Бишкек) 51, 115, 135, 144, 165, 252, 257, 458, 510, 523, 563
Фурмановка, село 465

Хан-Тенгри, пик (7000 м) 385
Харбин, город (Китай) 264
Харьков, город 18, 20, 22, 31, 40, 42, 43, 45, 51, 53, 122, 482
Хатынсу, река 476

Целиноград (Акмолинск, Астана), город 308, 504
Центральный Тянь-Шань 571

Чаган, село 502
Чаган-обо, река 502
Чапли, село (Херсонская обл.) 32

Чарын, река 291, 500, 509
Чегет, урочище (Кавказ) 262, 285
Чекинский бор (Прииртышье) 514, 515
Чекменказган, колодец (Бетпак-Дала) 465, 471
Черга (Центральный Алтай) 308
Черкассы, город 290
Чернобыль 573
Чёрный Иртыш, река 480, 501
Чиликтинская долина 500
Чиликты, село 501
Чимкент, город 3, 53, 132, 170, 449, 458, 540, 552, 556, 557
Чиндала, застава 484
Чокпак, станция и перевал 178, 201, 202, 209, 215, 222, 223, 224, 234, 251, 252, 510, 599
Чу, река 201, 213, 214, 251, 309, 402, 436, 437, 438, 450, 465, 493, 523
Чу-Илийские горы 104, 195, 490
Чулаккурган, село 401
Чулакэспе, урочище 455, 456, 457, 458
Чули (предгорья Копетдага) 441
Чулкудысу, речка 290, 291, 292, 542
Чунджа, село 500

Шагаласор (Вост. Прикаспий) 528, 533
Шагантогай, река 476
Шалдайский бор 514
Шевченко (Актау), город 523, 538
Шунгульдук, ледник 127, 179, 583

Эмель, река 476
Эчкидаг, гора (Крым) 36

Ялта, город 36, 40
Ямышево, село 514

Именной указатель

Абатуров Борис Данилович 473
Абдусалямов Ислом Абдурахманович 173, 320, 356, 375, 512, 551
Абикявичус Пятрас, кинооператор 384
Абросимов Юра, водитель 429, 431
Авданин Вадим 424
Аверин Юрий Викторович 174
Айбасов Хазыр 599
Айзин Борис Михайлович 252
Айтматов Чингиз 616
Аитов Абдулла Ахметханович 67, 69, 71, 125, 130
Акаев Карим Акаевич 402
Акрам, водитель Янушевича 252, 253
Андрусенко Николай Николаевич 387
Анненков Борис Павлович, охотовед 390, 484
Анненков Павел Борисович 390
Анненкова Светлана Юрьевна, турлидер 390
Анохина Елена Эдуардовна, таксидермист 205, 375, 398, 399, 477, 580
Аракелянц Валерий Сократович 224, 428
Ардамацкая Татьяна Борисовна 361
Арендт Гера (Германия) 291
Арчибальд Джордж (МФОЖ) 415, 423
Асанова Роза Балтабековна 456, 599
Ауэзов Эрнар Мухтарович 161, 222, 241, 245, 249, 250, 260, 342, 397, 564
Афанасьев Александр Васильевич 590
Афанасьев Юрий Георгиевич 451, 457, 465

Бабаев Агаджан Гельдыевич 567
Бабаш Владимир Михайлович, змеелов 474
Багдасарова Анна Аршаковна (Самарканд) 373
Багдасарова Виктория Ашотовна 372
Баденко Аскольд Сергеевич, энтомолог 212
Базиев Джабраил Харунович 240
Байдельдинова Галина Константиновна 192
Байсалов Сагиндык Байсалович 402
Байтулин Иса Омарович 446, 486
Бакаев Савриддин Бакаевич 372, 397, 551
Балабушко Михаил Иванович 260
Балахнова Раиса Анатольевна 192, 309
Банин Дмитрий Алексеевич 372, 506
Банников Андрей Григорьевич 353, 375, 393, 422, 423, 425, 618
Барабаш-Никифоров Илья Ильич 199

Баранов Александр Алексеевич 506
Баскин Леонид Миронович 506
Бекбосынова Рабига 398, 399, 477, 530
Белецкий Евгений Николаевич 42
Белопольский Лев Осипович 408
Белоусов Евгений Михайлович 50, 582
Белоусова Людмила Сергеевна 367
Беляев Василий Григорьевич 262, 563
Беляев Дмитрий Константинович 475
Белякова Татьяна 427
Белялов Вячеслав Алиевич (Слава) 297, 376, 383, 385, 539,
Белялов Олег Вячеславович 265, 375, 398, 399, 429, 431, 449, 451, 468, 478, 491, 519, 530
Бёме Ирина Рюриковна 360, 372
Бёме Лев Борисович 358, 414
Беме Рюрик Львович 220, 358, 373, 375, 376, 397, 415, 416
Бердимуратов Ж.Б. 507
Береговой Володя 165
Берёзовиков Николай Николаевич 389, 477, 478, 492, 494, 509, 530, 613
Березовский Владимир Григорьевич 222, 369, 397
Бианки Виталий Витальевич 174, 573
Бибиков Дмитрий Иванович 174, 618
Бикбулатов Марат Нигматович 212
Бичер Стоу Гарриэт, писательница 8
Благосклонов Константин Николаевич 174
Бланк Давид Александрович 398, 399, 411, 422, 426, 429, 460, 477, 490, 507, 588
Блюменталь Татьяна Ильинишна 400
Бляхер Михаил Аронович 473, 482
Божко Мария Павловна 18, 40
Болд А. (Монголия) 231
Большаков Владимир Николаевич, академик 375
Бондарева Варвара Ивановна 598
Борейко Владимир Евгеньевич 44
Бородихин Икар Фёдорович 164, 187, 188, 192, 198, 201, 205, 207, 208, 209, 212, 222, 397,
Бородихина Ксения Федоровна 206
Брауде Михаил Иосифович 459
Бродский Абрам Львович 54
Брушко Зоя Карповна 309, 375, 397, 398, 399, 401, 410, 429, 432, 454, 477, 483, 577, 579, 614
Будрис Римантас (Литва) 372
Буланкин Иван Николаевич, академик 12, 16, 122
Бунин Иван Алексеевич, Нобелевский лауреат 259
Бурхард Штефан (Берлин) 165
Бурыбаев Темирали, наблюдатель 59, 69, 127
Бутовский Петр Михайлович 186, 591
Быков Борис Александрович, академик 442, 444, 603, 629
Бычкова Элла Алексеевна, редактор 578

Варшавский Сергей Николаевич 165, 174, 412, 414,
Вердин Георгий Васильевич 257
Веремеенко Вера Степановна 135, 179
Виксне Янис Арвидович 497, 498

Виноградова Наташа 300
Винокуров Ардалион Алексеевич (Адик) 171, 176, 356, 361, 362, 366, 385, 438, 629
Винтер Сергей Владимирович 350
Вовк Шура, ботаник (Харьков) 20
Воинственский Михаил Анатольевич 565
Войцеховский Александр Николаевич 504
Волков Евгений Николаевич 256, 387
Воловик Михаил Петрович 122
Волчанецкий Илья Борисович 11, 16, 20, 32, 47, 49, 50, 174
Вори Чарлз (США) 173, 242, 396
Воробьев Константин Александрович 220
Воронцов Евгений Михайлович 122
Второв Пётр Петрович 173, 174
Вырыпаев Виталий Александрович 135, 176, 440
Высоцкий Владимир Семёнович, поэт 391

Гаврилов Виктор Терентьевич 78
Гаврилов Эдуард Иванович (Эдик) 123, 163, 164, 177, 184. 185, 187, 197, 200, 209, 210, 212, 214, 222, 224, 231, 232, 235, 241, 235, 251, 252, 254, 260, 269, 285, 306, 345, 350, 355, 357, 365, 368, 369, 385, 387, 397, 439, 456, 477, 489, 498, 530, 553, 625, 628
Гаврин Василий Федорович 137, 174, 189
Галковская (Полетаева) Галина Александровна 161
Галузо Илларион Григорьевич, академик 142, 186, 196, 213, 223, 230. 305, 599, 605, 623
Галушин Владимир Михайлович 202, 355, 357, 497, 498
Ган Володя, егерь Андасая 436, 440
Ганюшин Анатолий Евгеньевич (Толя) 592
Ганюшин Евгений Алексеевич 68, 70, 75, 76. 132
Гвоздев Евгений Васильевич, академик 219, 220, 260, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 426, 446, 456, 499, 508, 582, 584, 595, 609, 610, 611, 621, 622, 623, 628
Герасимов Иннокентий Петрович, академик 160
Герман Владимир Георгиевич (Ашхабад) 472
Гильманов Диаз, телеоператор (Акмолинск) 250, 258, 379
Гисцов Анатолий Петрович 50, 397, 509, 510, 530
Гладков Николай Алексеевич 163, 167, 174, 236, 320, 334
Глазовская Мария Альфредовна 459
Голованова Эмилия Николаевна 200
Головушкин Михаил Игоревич 507
Голодов Юрий Фёдорович, альпинист 218
Горбунов Алдар Петрович 162, 264, 315
Гордиенко Надежда Сергеевна 284
Гранин Даниил, писатель 140, 412
Гранитов Ипполит Иванович, ботаник 156
Грачев Владимир Александрович 241, 519
Грачёв Жора 594
Грачев Николай Ильич 193
Грачев Юрий Николаевич 210, 212, 213, 224, 397, 406,
Гребнев Лёня, метеоролог 263
Гржимек Бернгард, писатель 286, 415, 424
Гржимек Христиан (внук) 286
Григоренко Анатолий Кириллович (Толя) 280, 410

Громыко Андрей Андреевич, министр 79
Губин Борис Михайлович 93, 375, 385, 389, 390, 397, 398, 399, 429, 432, 460, 464, 476, 481, 483, 484, 507, 510, 518, 519, 530, 542, 551
Гудман Джеф, оператор 542
Гузеев Игорь, кинооператор 384
Гунин Пётр Дмитриевич, географ 474, 566

Дадонов Анатолий («фантомас») 265
Данилов Николай Николаевич (Свердловск) 174
Даревский Илья Сергеевич (ЗИН РАН) 375
Даррелл Джеральд, писатель 415
Дебело Петр Васильевич 456, 563
Делямурэ, профессор (Симферополь) 35
Дементьев Георгий Петрович 137, 163, 167, 174, 236, 241, 320, 334, 361
Дементьев Дмитрий Петрович 96
Демченко Людмила Андреевна 142, 187, 445
Джангалиев Аймак Джангалиевич 222
Джаныспаев Алтын 295, 399, 510, 582
Джон Спаркс, продюссер Би-Би-Си 530
Дильмухамедов Марат Эльтокович 581
Дильмухамедова Эльза Эльтоковна 250
Димурина Елизавета Ивановна 377
Добрынин Анатолий Евгеньевич, майор 467
Довнар-Запольский Дмитрий Павлович 161
Догель Валентин Александрович 303
Долгушин Игорь Александрович 22, 64, 65, 66, 83, 123, 136, 137, 142, 143, 146, 151, 164, 165, 170, 174, 177, 189, 190, 194, 198, 199, 200, 204, 212, 216, 235, 236, 237, 281, 286, 325, 335, 362, 364, 393, 441, 502, 510, 513, 553, 610, 617, 627
Долгушин Леонид Дмитриевич, географ 459
Дольник Виктор Рафаэльевич 300, 301, 371
Домбровский Бронислав Александрович 581
Дроздов Николай Николаевич 409
Дроздова Юна Владимировна 566
Дубицкий Анатолий Михайлович 306, 508, 523
Дуйсебаева (Матвеева) Татьяна Николаевна 477, 581,
Дуплякин Андрей Григорьевич, гидролог 279
Дурнев Юрий Анатольевич 511
Дымович Петр Лаврентьевич 59

Евстифеев Юрий Григорьевич 568
Едыгеев Хасен (Устюрт) 535
Ермолин Евгений 264
Ерохов Сергей Николаевич 397
Есалиев Альжан 69, 128, 184
Есилевская Майя Абрамовна 47, 176
Ефименко Николай Николаевич 551

Жамалбеков Есбол Усіпбекович 546
Жапарова Назира Киркеевна 449, 465
Жаркенов Майдан Искендерович 403
Жатканбаев Алтай Жумаканович 385, 460, 510, 530

Жатканбаева Джылдыгиз Миркасимовна 598
Жданко Александр Борисович, энтомолог 578, 604, 606
Жевнеров Владимир Васильевич 50, 613
Железняков Дмитрий Федорович 154
Жирмундская (б. директор Аксу-Джабаглы) 566
Жируев Василий Матвеевич (дядя Вася) 76, 127
Жируев Иван Васильевич 71, 108, 132, 570, 571
Жуйко Ангелина Николаевна 186
Жуйко Борис Петрович (Боря) 192, 205, 260, 265, 373, 394

Забелин Святослав Игоревич (Свет) 473, 522
Зайнутдинов Руфим Имамович 422
Зарудный Николай Алексеевич 25, 55, 83, 85, 86
Заславский Михаил Абрамович 342
Захаропуло Панайот Естафьевич, лесник 373
Захидов Тиша Захидович, академик АН УзбССР 155
Зверев Владимир Максимович (Володя) 404, 435, 436, 617
Зверев Максим Дмитриевич 286, 303, 309, 404, 436, 609, 610, 612, 615, 617, 618, 619, 620, 621
Згуриди Александр Михайлович 378, 384,
Зеленцова Таня (Джамбул) 452
Зимин Виктор 163
Зимина Лена Викторовна 162
Зимина Нина Викторовна 163
Зимина Римма Петровна 164
Зинченко Татьяна (Ташкент) 372
Зинченко Юрий Константинович (Юра) 392
Злотин Роман Исаевич 567
Зубакин Виктор Анатольевич 173, 241, 497, 498
Зубаровский Виталий Михайлович 280
Зубков Анатолий Михайлович 263

Иванов Александр Иванович 137, 167, 236, 318, 319, 320, 334,
Иванов Николай, альпинист 234, 251
Ивановский Андрей Алексеевич 69
Ивасенко Анатолий Матвеевич (Толя) 111, 135, 179
Иващенко Анна Андреевна (Галя) 134, 135, 184, 213, 221, 233, 566, 613
Иксанов Алексей (Алеша), почвовед 127
Илизаров Гавриил Абрамович, хирург 197, 230
Ильенков Эдуард Трофимович (Харьков) 24
Ильина Таня (Биостанция ЗИН) 300
Ильичев Валерий Дмитриевич 174, 301, 497, 498
Ильяшенко Валентин Юрьевич (Валя) 192, 368, 369, 426,
Ильяшенко Елена Ивановна 478, 505
Ильяшенко Людмила Васильевна 231
Иогансен Ганс Христианович (Дания) 174, 620
Ирисов Эдуард Андреевич 505, 511
Ирисова Надежда Леонидовна 505
Исаков Юрий Андреевич 214, 498
Искакова Каден Искаковна, батрахолог 209, 211, 576
Исмагилов Муса Исаевич, териолог 591
Иссык Владимир Владимирович 308

Ишков Евгений Васильевич 583
Каверкина Наталья Петровна 397, 430
Кавтарадзе Валико (Чулакэспе) 456, 457
Казаков Геннадий Стефанович 20, 21, 22, 35
Казаков Борис Александрович 498
Казенас Владимир Лонгинович 599, 601, 604
Калабухов Николай Иванович 19
Калиненко Виктор (Аксу-Джабаглы) 69, 79
Камелин Рудольф Викторович 567
Каменецкая Ирина Иосифовна 486
Канахин Андрей, егерь 497, 540, 541, 542
Капанов Рашид Талгатбекович 505, 509
Капитонов Вадим Иванович 30, 232, 254. 504, 592, 593, 594, 597
Карамышев Александр, рыбинспектор 393
Кармышева Джамалия Халиловна 187
Кармышева Нурания Халиловна 69, 71, 117, 124, 125, 126, 187
Карпов Фёдор Фёдорович 542
Кашицын Володя, альпинист 218, 219
Кашкаров (Кошкарёв) Евгений 136
Кашкаров Даниил Николаевич 54
Кашкаров Даниил Юрьевич (Даня) 154, 184, 252, 371
Кеннеди Джон, президент США 206
Кержнер Изъяслав Моисеевич 156
Керимов Анвар 372
Кириенко Игорь, лаборант-герпетолог 580
Киселев Юрий Алексеевич (Новосибирск) 309
Кистяковский Александр Богданович 65, 174, 560
Кищинский Александр Александрович (Саша) 166, 167, 214, 242, 424, 474
Климов Александр Сергеевич 478
Климов Василий Васильевич 500, 507
Кнорринг Ирина, поэтесса 259
Коваленко Андрей Валерьевич 476, 548
Ковшаров Анатолий Фёдорович (ст. Зима) 511
Ковшарь Виктория Анатольевна 477, 519, 530, 542
Ковшарь Серафима Фёдоровна 5,
Ковшарь Фёдор Фёдорович 5
Ковшарь Юрий Фёдорович 5,
Кожамкулова Балдырган Сералиевна 598
Козлов Петр Кузьмич 162, 315, 341
Козлова (Пушкарёва) Елизавета Владимировна 83, 167, 194, 311, 315, 318, 324, 334, 336, 579, 628
Козюльский Сергей Васильевич, водитель 465
Колбасов Олег Степанович, профессор, юрист 566
Колбинцев Владимир Геннадиевич, герпетолог 542, 454, 455, 478, 510, 540, 542, 544, 582
Колесникова Лидия Кузьминишна, фельдшер 75
Колоднов Илья Григорьевич, метеоролог 178
Комник Вадим Рейнгольдович, хирург 231
Коновалов Леонид Константинович 78, 179
Константиниди Ставро Савельевич 309, 614, 615

Константинов Владимир Михайлович 497, 498
Копинос Евгений Федорович, полковник 547
Корелов Мстислав Николаевич 174, 184, 187, 189, 190, 196, 201, 210, 224, 231, 369, 554
Корнеева Татьяна Михайловна 472, 482
Коробкин Борис Степанович 212
Коровин Алексей Петрович 68, 114
Коровин Евгений Петрович 54, 62, 445
Коротков Анатолий Петрович 426
Косенко Иван Дмитриевич 104, 496,
Костин Юлий Витальевич 353, 359, 424
Косыгин Геннадий, аквалангист 262
Котс Александр Фёдорович 137
Крапивный Алексей Павлович 408, 409
Кривицкий Игорь Александрович 18, 19, 20, 21, 23, 24, 30, 33, 47, 48, 50, 52, 133, 138, 143, 149, 150, 172, 183, 198, 300, 317, 473, 511, 559
Крупа Андрей, водитель 495
Крывда Сергей Александрович 487
Крышко, генерал 547, 548
Крюков Алексей Петрович 262
Кубыкин Рудольф Александрович (Рудик) 375, 382, 397, 398, 399, 429, 432, 460, 483, 523, 529, 530, 542, 568, 577,
Кудерин Сарым, альпинист 377
Кузнецов Александр Александрович 220, 359, 360
Кузнецов Гвардий Васильевич, однокурсник 20, 52
Кузнецов Герман Васильевич (Гера), 114, 156, 158
Кузнецов Сергей, водитель 449
Кузьмина Мария Алексеевна 63, 64, 186, 189, 192, 209, 212, 231, 232, 406, 628
Кузякин Александр Петрович 174, 175, 176, 443
Кукиш Анатолий Иванович 511
Культиасов М.В., профессор ботаники (Ташкент) 54
Кумари Эрик Вольдемарович 174, 317
Куниченко Андрей (отец) 13, 20, 21, 34, 37, 38, 40
Курбатов Виктор Павлович 154
Курочкин Евгений Николаевич 512
Курочкина Лидия Яковлевна 444, 511
Кустанович Семен Давыдович 280, 437
Кучин Алексей Петрович (Горно-Алтайск) 459, 478
Кушурбай, охотник (Нарынкол) 291
Кыдыралиев Акмат (Киргизия) 149, 165m 512

Лановенко Евгения Николаевна 372, 551
Лапин Александр Дмитриевич 435, 436, 438, 449, 452, 469
Лапина Мария Ильинишна 435,
Лаптев Михаил Константинович 236
Ларионов Вячеслав Федорович 165, 241, 243, 497, 620,
Лаханов Джаббар Лаханович 371, 397
Лебедева Лия Алексеевна 173, 176, 210, 397
Лебедева Маргарита Ивановна 173
Левин Анатолий Сергеевич (Толик) 222, 260, 265, 282, 375, 385, 395, 397, 398, 399, 429, 432

Левит Алтар Вениаминович, паразитолог 624
Ледин Игорь, кинооператор 384
Ленхольд Виктор Александрович 596
Леонович Владимир Владимирович 421, 422
Леонтьев А.Н. (Забайкалье) 241, 243
Лесников Всеволод (Волик) 16
Линчевский И.А., ботаник 64
Лисецкий Александр Сергеевич 12, 13, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 26, 32, 33, 37, 50, 51, 53, 162, 199, 280, 445, 627
Лисицына (Бородина) Галина Александровна 449
Литвиненко Наталья Михайловна 24, 27, 50, 81, 131, 132, 164, 171, 179, 262, 337, 352
Литовченко Ганна Ивановна (мама) 5
Литовченко Иван Павлович (дед) 5
Литовченко Кылына (Акулина) Павловна (бабушка) 5
Литун Владимир Иванович 498
Лихачев Геннадий Николаевич 174
Лишин О. (студент МГУ) 361
Лобачев Юрий Серафимович 230, 595
Лопатин Александр Владимирович (Саша) 374
Лопатин Валерий Владимирович («Женемон») 265, 398
Луцкая Софья Владимировна (Зоомузей МГУ) 354
Ляшенко Нина Васильевна (Ботсад, Алма-Ата) 449, 451

Мазин Владимир Николаевич, териолог 375, 398, 399, 401, 428, 432, 586, 587, 588
Макеев Викторий Михайлович, герпетолог 472
Максимова Александра Павловна, паразитолог 256
Малиновская Александра Сергеевна, гидробиолог 306
Малков Николай Петрович (Горно-Алтайск) 511
Мальцева Светлана Михайловна (Караганда) 265
Мальчевский Алексей Сергеевич 168, 301, 325, 329, 332, 333, 351, 628
Маляр Иосиф Исерович (издательство «Наука») 486
Маньковский Боря, студент (Харьков) 42
Маран Рейн, кинооператор 384
Мариковский Павел Иустинович, писатель, профессор 292, 407, 442, 567, 599, 600, 601, 602, 630
Марк Твен, писатель 282
Маркевич Александр Прокофьевич, академик 263
Маркин Юрий Михайлович (Окский заповедник) ОГЗ 400
Марко Поло, путешественник и писатель 107
Масальский Александр Петрович 61
Матюшкин Евгений Николаевич (Женя) 114, 156, 158
Мауэрсбергер (Германия) 395
Мац Владислав Иванович (Кустанай) 284
Медведев Сергей Иванович, энтомолог 32, 35, 36, 602
Мекленбурцев Роман Николаевич (Ташкент) 64, 151, 152, 153, 154, 174, 626
Мельничук Валерия Антоновна 301, 409
Мензбир Михаил Александрович, академик 91, 167, 175, 334
Метерлинк, писатель 85
Мечников Илья Ильич 11, 16
Мизгирёва Ольга Фёдоровна 473
Мирутенко Марина Вадимовна 425, 504

Митропольский Олег Вильевич 155, 202, 213, 530, 567
Митрофанов Валерий Петрович 461, 508
Митюшников Евгений Степанович 390
Митяев Иван Дмитриевич, энтомолог 574, 599, 604
Михайлов Валерий, писатель 391
Михайловская (Зубаровская) Вера Ивановна, художница 280
Михеев Алексей Васильевич (МГПИ, Москва) 376, 497
Михельсон Харий Арнольдович (Латвия) 410
Мищенко Вячеслав Павлович (Слава) 399, 477, 582
Морозов Владимир Александрович 399, 570
Мосейченко Николай Иванович 540
Москалев Анатолий (Кургальджино) 379
Москвитин Сергей Степанович (Томск) 30, 173, 202, 210, 239, 300, 430
Мосолов Виктор Владимирович 192
Мотрошилов Алексей (Когашик) 469
Мочалов Вячеслав (Слава), гидрогеолог 289
Мурзов Владимир Николаевич 375, 398, 399, 401, 429, 432, 507, 587
Мухамедгалиев Арыстан Фазылович 546
Мухамедгалиева Карима Жаббаровна 504
Мухин Измаил Алексеевич 281
Мынказ, проводник (оз. Кульсай) 226

Назарбаев Нурсултан Абишевич, президент РК 576
Назаренко Александр Александрович (Владивосток) 28, 31, 165
Назаров Юрий Николаевич (Владивосток) 300
Нейфельдт Ирена Анатольевна 167, 168, 169, 174, 225, 244, 245, 322, 342, 332, 333, 334, 336, 337, 340, 341, 350, 358, 385, 400, 505, 627
Некрасов Борис Владимирович (Боря) 167, 169, 225, 244, 324, 329
Нестеров Алексей Петрович (Лёша) 209, 213, 222, 251
Нечаева Нина Трофимовна, академик (Ашхабад) 44, 445, 472, 567
Нечитайло Григорий Васильевич 619
Никитин Владимир Николаевич (Харьков) 12
Никольский Александр Михайлович 11, 48
Нинбург Борис Яковлевич (директор издательства) 191
Новиков Георгий Александрович (ЛГУ) 168, 193, 214, 215
Новохатка Виктор Гордеевич (одноклассник) 8, 9, 478

Обидина Вера Александровна 257
Огарь Наталья Петровна, геоботаник 444, 449, 569
Огнев Осип Иванович, журналист 220
Оленченко Михаил Никифорович, лаборант 212
Олонцев Иван Юрьевич, егерь 542, 543, 545
Орлов Виталий Иванович (МГПИ) 66
Орлов Николай Тихонович, метеоролог 263
Орловская Элеонора Рейнгольдовна, палеоботаник 598
Ормантаев Камал Серуарович, педиатр 546, 548
Осипов Павел Петрович, паразитолог 599
Осиповская Лариса Львовна, паразитолог 598
Остапенко Майя Михайловна (Ташкент) 410
Островский Аркадий, композитор 89, 182

Павленко Татьяна Александровна (Ташкент) 154
Павлинка (КазНИИВХ, Джамбул) 452
Павлов Николай Васильевич, академик-ботаник 445
Павловский Евгений Никанорович, академик, генерал 160, 352, 617
Паевский Владимир Александрович (Петербург), 300
Пак Семён Михайлович, паразитолог 599
Паклина Наталья Владимировна, териолог (ИПЭЭ) 426, 500, 507
Палий Валентин Феодосиевич, энтомолог 160
Паляничка Иван Степанович 51
Панасенко Иван Моисеевич (КазНИИВХ, Джамбул) 452
Панин Виктор Яковлевич, паразитолог 219, 220, 456, 621, 622, 624, 629
Панченко Витя, лаборант 251
Пачикин Константин Михайлович (Костя) 568
Пелхам Олдридж, кинорежиссёр Би-Би-Си 530, 572
Переладова Ольга Борисовна 425, 504
Перепелица Люда, студентка (ХГУ) 42, 46
Петренко Антон (дядя) 165
Петров Борис Михайлович, териолог 128, 154
Петров Владимир Степанович (Ростов) 46
Петров Олег Константинович, лаборант 251
Пивоваров Александр Тагирович (Астана) 388
Питер Скотт, сэр 415, 424
Поддубная Нина Ивановна (Чимкент, ОСЮТУР) 449
Позднякова Мария Кирилловна (ИПЭЭ) 426, 500, 507
Поле Сергей Борисович (СредАзПЧИ) 555
Полосухин Реджинальд Викторович (Рэджик) 70, 122, 130, 131
Поляков Павел Степанович (лесничий АДЗ) 62
Поляков Петр Петрович, ботаник (Алма-Ата) 146, 445, 454
Полякова Алла Дмитриевна (Окский заповедник) 240
Понировский Евгений Николаевич (Женя) 240, 441
Попандопуло Дмитрий Фёдорович, водитель 569
Попов Виктор Алексеевич (Казань) 325
Попов Михаил Григорьевич, профессор-ботаник 54
Портенко Леонид Александрович (ЗИН АН СССР) 137, 150, 163, 167, 173, 174, 236, 244, 316, 317, 318, 320, 324, 334, 345, 370, 628
Пославский Анатолий Никифорович 164, 198, 364, 365, 530, 552, 555, 562, 565, 629
Потапов Роальд Леонидович (Алик) 167, 168, 249, 320, 342, 385
Пржевальский Николай Михайлович, великий путешественник 107
Приклонский Святослав Георгиевич (Окский заповедник) 497
Прокопов Константин Павлович (Усть-Каменогорск) 480
Прокофьев Сергей Михайлович (Хакассия) 521
Прокудин Юрий Николаевич, профессор-ботаник (Харьков) 35, 36
Прыгунов Георгий Григорьевич, учитель 203, 205
Прядко Эдуард Иванович, гельминтолог 435, 599
Птушенко Евгений Семенович (Зоомузей МГУ) 167, 320, 334, 361
Пузанов Иван Иванович, зоолог, географ, писатель (Одесса) 42, 48, 174
Пукинский Юрий Болеславович (СПб) 301
Пучков Василий Георгиевич, энтомолог (Киев) 156
Пфандер Павел Владимирович (Паша) 373, 389, 510

Пфеффер Ральф Гейнцевич (Германия) 260, 265, 373, 389, 399, 429, 460, 495, 510, 519, 551
Пэк Людмила Владимировна, энтомолог (Фрунзе) 161

Райнер Гюнтер (Германия) 395, 396
Ракитин Виктор Георгиевич (Мангышлак) 529, 531, 534, 535, 536, 537, 538
Рахилин Валентин Константинович 459
Рахимбаев Избасар Рахимбаевич 546, 548
Рачковская Екатерина Ивановна, геоботаник 447, 474, 568, 569, 629
Рева Павел Петрович (Черкассы) 20, 21, 35,
Реймерс Николай Фёдорович 522
Рерих Николай Константинович, художник и философ 460
Рерих Святослав Николаевич, художник 460
Родин Леонид Ефимович, ботаник (СПб) 445, 473
Родионов Эвальд Федорович (Валентин) 142, 177, 187, 188, 201, 203, 204, 209, 212, 216, 222, 224, 273, 335, 429, 628
Романюта Вася, водитель 390, 391
Ружинский Николай Яковлевич, таксидермист 131
Рукина Алина Кузьминишна (Харьков) 162
Рустамов Анвер Кеюшевич, академик 174, 235, 236, 237, 238, 375, 440, 474, 512, 521, 530, 551, 628
Рыдзевский, редактор журнала «The Ring» (Польша) 363

Сабиневский Борис Вадимович 299
Савойская Галина Ивановна, энтомолог 602, 603
Савченко Александр Петрович (Красноярск) 505
Савченко Федор Григорьевич, Аксу-Джабаглы 257
Сагитов Абдулла Киямович (Самарканд) 165, 371, 397, 512, 551
Салим Али (Индия) 234
Салимов Холик Вахабович (Бухара) 372, 397
Сальников Анатолий, дежурный каскада ГЭС 264
Сванбаев Серикхан Кумарьянович, паразитолог 599
Северцов Николай Алексеевич 103
Северцов Сергей Александрович 94
Селевин Виктор Алексеевич 436
Сема Анатолий Максимович 217, 235, 249, 242, 251, 254, 367, 397, 410
Семаго Леонид Леонидович 199, 210, 240
Семенов-Тянь-Шанский Олег Измайлович 193
Серебряков Валентин Валентинович (Киев) 30, 300
Серкебаев Ермек, казахский певец 403
Сидоров Евгений Григорьевич, паразитолог 598
Сидоров Иван Савельевич 387
Симкин Геннадий Николаевич 301, 371, 372, 376, 397, 512
Скалон Василий Николаевич, профессор 174, 231, 610, 620
Скалон Николай Николаевич 225
Скляренко Сергей Львович 385, 398, 400, 477, 483, 484, 510, 530, 567, 568, 570
Скударнова Людмила Тимофеевна, метеоролог 263
Слудский Александр Аркадьевич (Алик)
Слудский Аркадий Александрович, териолог и охотовед 137, 221, 222, 241, 306, 340, 344. 442, 591, 592, 610
Сметана Наталья Михайловна, орнитолог 278, 284,
Сметана Николай Григорьевич, почвовед 284

Смиренский Сергей Михайлович 505, 506
Смирнов Илья Константинович, телеоператор 379
Смирнов Юрий Александрович 141, 442
Смолин Василий, барсолов 379
Соболев Леонид Николаевич, геоботаник 158
Соболева Тамара Николаевна, паразитолог 219, 260
Соколов Владимир Евгеньевич, академик 156, 158, 307, 375, 376, 425, 583
Соколовский Володя 433
Солдатова Наташа, териолог 372
Сопыев Овез Сопыевич (Ашхабад) 173, 239
Сорокин Александр Григорьевич 424
Сосновская Лариса Валериановна 251
Сотников Виталий Лаврентьевич 426, 507
Сотникова Лена (Елена Ивановна Ильяшенко) 478, 505
Софиев (Бек-Софиев) Игорь Юрьевич, эмигрант 258, 259
Софиев (Бек-Софиев) Юрий Борисович, эмигрант 258, 259
Спангенберг Евгений Павлович 102, 352, 361
Спаркс Джон, продюссер Би-Би-Си 530
Спивакова Людмила Васильевна, териолог 291
Станчинский Владимир Владимирович 11, 44, 48, 121
Стариков Сергей Васильевич 476, 478
Степанов Валентин Александрович 24, 51, 141,
Степанов Виктор Андреевич, дежурный каскада ГЭС 220, 264, 266
Степанян Елена Николаевна 356
Степанян Лео Суренович 242, 301, 352, 354, 355, 356, 357, 365, 474, 628
Страутман Евгений Иоганнович 137, 156, 165, 174, 375, 398, 399, 582, 583, 591, 592, 595,
Страхов Тимофей Данилович, профессор-фитопатолог 12
Строков Вячеслав Всеволодович 170, 174, 628
Судиловская Ангелина Михайловна (Зоомузей МГУ) 174, 236, 320, 352, 361
Сукачев Владимир Николаевич 160
Султангазин Умирзак Махмутович 548
Сухинин Александр Николаевич (Бадхыз) 174
Сушкин Петр Петрович, академик 11, 48, 167, 194, 311, 334, 376, 610
Сызганов Александр Николаевич, академик 230

Таимова Гулистан (Институт пустынь, Ашхабад) 472
Тамара Ханум, народная артистка Узбекистана 150
Тарасов Александр Филиппович (Капчагайское ГОЗХ) 404, 405, 406, 407, 411, 423, 429
Тасанбаев Керим Избасарович, директор Аксу-Джабаглы 69, 77, 78
Таубаев Туркменбай Таубаевич, альголог 546
Ташибаев Ерлан, териолог 399, 477, 491, 582
Ташлиев Ата Овезович (Ашхабад) 174
Терновский Дмитрий Владимирович 475
Тимофеев-Ресовский В.Н. 412, 413
Тимченко Георгий (Жора) 49
Ткаченко Всеволод Иванович (Теберда) 180
Толганбаев Серик Амирханович (Алаколь) 250
Толстой Алексей Константинович 139
Толстой Лев Николаевич 139
Торопова Валентина Исмаиловна 410, 497, 512, 567, 573

Торсуков Сергей Николаевич 20, 21
Тризна Борис Петрович, директор Аксу-Джабаглы 55, 56, 58, 59, 60, 61, 124. 627
Трощенко Борис Васильевич 50
Тугаринов Аркадий Яковлевич 167, 318, 334
Туранская Ирина Константиновна 14
Туров Сергей Сергеевич 174

Уваисов Дамир Ташгалиевич, лаборант 207, 209, 212
Увалиева Калымбубу Кадыровна, малаколог 599
Умрихина Гера Сергеевна (Бишкек) 200, 350
Устименко Евтихий Иванович, егерь АДЗ 59, 94, 127, 129
Устименко Петр Демьянович, декан ЕГФ КазПИ 162
Утехин Всеволод Донатович (Сева) 70, 134
Ушаков Кирилл Павлович 375, 399, 400, 582, 585

Фёдоров Анатолий Владимирович (Толя) 487, 511
Федосенко Александр Кириллович, териолог 199, 230, 232, 588, 591, 592
Филатов Владислав, лаборант-зоолог 251
Филимонов Саша, лаборант, егерь 251
Фирсова Людмила Вениаминовна (СПб) 329, 460
Флинт Владимир Евгеньевич 171, 242, 299, 350, 351, 359, 360, 374, 376, 400, 403, 414, 415, 416, 418, 420, 422, 423, 425, 426, 440, 472, 489, 497, 498, 499, 507, 629
Формозов Александр Николаевич 175, 279. 610
Фундукчиев Семён Энверович 372

Хахлов Виталий Андреевич 620
Хвостиков Петр Фомич (Аксу-Джабаглы) 54, 70, 126, 127
Хейнрот Оскар 68
Ходоровский Валентин Николаевич, водитель 465
Хоментовский А.С., председатель ДВО СО РАН 178, 180
Хроков Валерий Васильевич, «Ремез» 397, 513, 530
Хромов Виктор Анатольевич, герпетолог (Семипалатинск) 495
Хрущев Никита Сергеевич, генсек КПСС 31. 157, 619

Цалкин В.И., териолог 108
Цееб Яков Яковлевич, гидробиолог (Киев) 42

Часников Иван Яковлевич, директор ИЯФ 286
Чебанов Виктор, таксидермист 257
Чебранов Женя, водитель (Харьков) 33, 40, 42
Чекменев Дмитрий Иванович 198, 452
Чельцов-Бебутов Александр Михайлович 241, 242, 243, 497
Чемоданов Пётр Михайлович 212
Черкасова (Шипунова) Мария Валентиновна 344
Черников Женя, альпинист 219
Чернов Юрий Иванович (Москва) 365
Чехов Антон Павлович, писатель 232, 514
Чирикова Марина Александровна, герпетолог 581
Чувашов Володя, егерь охотхозяйства (Талас) 452
Чунихин Станислав Петрович 164

Шайкенов Блок Шайкенович, гельминтолог 598
Шаповал Анатолий (ЗИН РАН) 300
Шапошников Фёдор Дмитриевич (Тюмень) 42, 94, 105, 169

Шаргаев Матвей Александрович (Улан-Удэ) 161
Шаханов Мухтар, казахский поэт 616
Шварц Станислав Семенович, академик (Свердловск) 174, 339, 364, 557,
Шеварева Татьяна Павловна (Бюро кольцевания) 173
Шевченко Валентин Леонидович (Ганновер) 15, 50, 199,
Шевченко Виктор Васильевич, энтомолог 50, 81, 94, 102, 121, 123, 137, 145, 223, 599, 621, 627
Шевченко Нина Николаевна (Харьков) 16
Шевченко Тарас Григорьевич, поэт и художник 5, 12, 290
Шеремет Лидия Григорьевна, ботаник 482
Шибаев Юрий Викторович (Владивосток) 17, 18, 19, 21, 22, 24, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 50, 262, 299, 300, 301, 352, 399, 400, 430, 477, 489, 520, 597, 627
Шилин Петр Владимирович, палеоботаник 598
Шимов Сергей Владимирович 209, 397, 399, 509
Шишченко Миша, гидробиолог 515
Шкляров Леонид Павлович (Минск) 572, 573
Шкорбатов Леонид Александрович (Харьков) 12
Шмальгаузен Иван Иванович (Киев) 324
Шнитников Владимир Николаевич 68, 94, 177, 286,
Шостин Александр Иванович, управделами АН КазССР 260
Штегман Борис Карлович (ЗИН РАН) 141, 163, 167, 168, 194, 244, 318, 320, 324, 385, 554, 610
Штефан Бурхард (Берлин) 165, 393, 556
Штреземанн Эрвин (Германия) 317
Штуббе М. (Германия) 241, 244
Шубин Виктор Иванович, териолог 516
Шубин Иван Георгиевич, териолог 591
Шукуров Эмиль Джапарович (Бишкек) 173, 202, 370, 440, 512, 551
Шульпин Леонид Михайлович 60, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 80, 81, 82, 94, 95, 114, 122, 126, 145, 146, 152, 169, 173, 183, 188, 193, 335, 336, 627
Шумаков Марк Евгеньевич 300

Щадилов Юрий 424
Щербаков Борис Васильевич (Усть-Каменогорск) 192, 389, 391, 392, 430, 501, 502, 510

Элтон Чарлз, эколог (Англия) 124
Эттенборо Дэвид, писатель и сценарист (Англия) 539

Юдин Константин Алексеевич (ЗИН АН СССР) 167, 168, 194, 243, 244, 250, 311, 313, 314, 317, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 341, 342, 343, 348, 350, 354
Юдина Людмила Гавриловна (Ленинград) 488
Юрлов Константин Тимофеевич (Новосибирск) 173, 252, 253

Язан Юрий Порфирьевич (ВНИИ Природа, Москва) 403
Якунин Михаил Павлович, паразитолог 251, 599
Янушевич Александр Иванович 144, 174, 201, 209, 252, 253, 257, 279, 410
Янушко Николай Алексеевич 130, 132, 134, 178
Янушко Павел Алексеевич 66, 71, 106, 130, 543
Ярошенко Татьяна Владимировна (Харьков) 16
Ященко Роман Васильевич, энтомолог 460

Оглавление

Вместо предисловия..... 3

Путь к птицам (история детских привязанностей)..... 5

На пути ученичества (студенческие годы в Харькове)..... 11
Александр Сергеевич Лисецкий (1919-1991)..... 12
Игорь Александрович Кривицкий (1935-2008)..... 20
Юрий Викторович Шибаев (27 июня 1937)..... 26
Первые экспедиции: Крымские горы (1957) и Западный Кавказ (1958)..... 31
Илья Борисович Волчанецкий (1895-1980)..... 47
Прощай, alma mater!..... 50

Становление орнитолога (работа в заповеднике Аксу-Джабаглы)..... 54
Заповедник Аксу-Джабаглы и его основатель Б.П. Тризна..... 54
Довоенные орнитологи заповедника (1926-1941)..... 62
Леонид Михайлович Шульпин (1905-1942)..... 63
Первые шаги в заповеднике. Новониколаевка и её обитатели..... 67
Находки орнитолога..... 80
Синяя птица *(Myophonus caeruleus)*..... 85
Кеклик *(Alectoris chukar)*..... 90
Бородач *(Gypaëtus barbatus)*..... 95
Пернатые строители..... 97
Архары *(Ovis ammon karelini)*..... 103
Сибирский горный козел *(Capra sibirica)*..... 108
Снежный барс, или ирбис *(Uncia uncia)*..... 113
Медвежий рай..... 116
Виктор Васильевич Шевченко (1913-1984)..... 121
Нурания Халиловна Кармышева (1913-1985)..... 124
Научный отдел заповедника и его обитатели..... 130
Игорь Александрович Долгушин (1908-1966)..... 136
Определение подвидов птиц в САГУ (Ташкент, 1961)..... 149
Роман Николаевич Мекленбурцев (1905-2002)..... 151
Участники научных экспедиций в заповеднике (1961)..... 156
Борьба за целостность заповедника (1961-1965)..... 159
Студенческие практики в заповеднике (60-е гг)..... 161
Львовская конференция и знакомство с ЗИН АН СССР..... 163
IV Всесоюзная орнитологическая конференция (Алма-Ата, 1965)..... 170

Вячеслав Всеволодович Строков (1909-1984) 170
Прощальный взгляд на семь заповедных лет 177

Алма-Ата – Северный Тянь-Шань: от предгорий до высокогорий 185
Мстислав Николаевич Корелов (1911-1995) 187
Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986) 192
Эдуард Иванович Гаврилов (1933-2011) 197
Эвальд Федорович Родионов (1926-1992) 203
Икар Федорович Бородихин (10 сентября 1936) 205
Другие сотрудники долгушинской лаборатории (1967) 211
История с красным вьюрком (1967) 216
Первые бёрдвотчеры в Казахстане (1967) 221
«Весёлая» защита диссертации (1967) 222
Памятная экспедиция в Кунгей-Алатау (1968) 224
Госпиталь и начало работы над 4-м томом «Птицы Казахстана» 230
Поездка на конференцию в Ашхабад (1969) 234
Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005) 236
Вторичное открытие реликтовой чайки *(Larus relictus.)* 240
Чокпакский симпозиум (весна 1970) 251
Первая экспедиция в Кургальджино (июнь 1970) 253
Последний сезон на Чокпаке (осень 1970) 257
Удивительная связь времён – Юрий Борисович и Игорь Софиевы 258

Стационар в субвысокогорье Заилийского Алатау (1971-1980) 259
Там, за облаками... 266
Летне-осеннее гнездование тянь-шаньских клестов 278
Гости высокогорного стационара и поездки за его пределы (70-е гг.) 279
Первое гнездо вальдшнепа и Бернгард Гржимек 286
Сель 1977 года в Б. Алматинском ущелье 287
Поездка со Славой Беляловым в Нарынкол и Кетмень 290
Отшельник высокогорных галечников – серпоклюв 292
Гости стационара – участники конференции по миграциям птиц (1978) 299
Ответный визит в Ленинград (1978) 301
Евгений Васильевич Гвоздев (1918-2012) 302
И снова ЗИН – цитадель зоологической науки 310
Елизавета Владимировна Козлова (1892-1975) 311
Леонид Александрович Портенко (1896-1972) 316
Александр Иванович Иванов (1902-1987) 318
Константин Алексеевич Юдин (1912-1980) 322
Алексей Сергеевич Мальчевский (1915-1985) 329
Ирена Анатольевна Нейфельдт (г.р. 1929) 334
Встречи на знаменитых «хорах» Зоомузея МГУ 352
Лео Суренович Степанян (1931-2002) 354
Рюрик Львович Беме (1927-2000) 358
Ардалион Алексеевич Винокуров (1931-2012) 361

Знакомство с Самаркандом и Бухарой (май 1979) 370
Поездка в Джунгарский Алатау и предзащитные хлопоты (1979)..... 373
Создание лаборатории охраны диких животных (1980)..... 375
Вячеслав Алиевич Белялов (1936-2004)..... 376
Прощание с высокогорьем: первое гнездо жемчужного вьюрка… 384
Вторая поездка в Кургальджино и на Тенгиз (1980)..... 387
Экспедиция на Южный Алтай (август 1980)..... 389
О наших международных связях в 70-х гг. 393

Лаборатория охраны диких животных (1981-1991).....399
Второе совещание РГЖ: Ленинград (январь 1981)..... 399
Первая поездка в Бетпак-Далу (1981)..... 400
Защита первого Закона об охране животного мира (Москва, 1981)..... 402
Первая поездка в Капчагайское ГОЗХ (А.Ф. Тарасов, В.М. Зверев)..... 404
Знакомство с Молдавией (VIII орнитологическая конференция)..... 408
Поющий бархан и первый аэровизуальный учёт джейрана (1981) 410
Сергей Николаевич Варшавский (1909-1995)..... 412
Владимир Евгеньевич Флинт (1924-2004) 414
Комплексная экспедиция в Сарыишикотрау (1982) 428
Поездка в Павлодар (июнь 1982) 434
Поездка в Восточную Бетпак-Далу (Андасай) (июль 1982)..... 435
XVIII Международный орнитологический конгресс: Москва (август 1982)....440
Совещание по редким видам в Ашхабаде (сентябрь 1982)..... 440
Борис Александрович Быков (1910-1990)..... 442
Лидия Яковлевна Курочкина (г.р. 1928) 444
Екатерина Ивановна Рачковская (г.р. 1927) 447
Экспедиция в Восточную Бетпак-Далу (апрель-май 1983)..... 449
Поездка в низовья Таласа (май 1983) 452
Экспедиция по Западной Бетпак-Дале (май-июнь 1983)..... 455
Горно-Алтайск и Телецкое озеро (сентябрь 1983) 458
Поездка в Северные Кызылкумы (апрель 1984)..... 461
Вторая комплексная экспедиция в Центральную Бетпак-Далу (1984)... 465
Западный Копетдаг, Сюнт-Хасардаг (сентябрь 1984)..... 472
Поездка в Новосибирск (10-14 декабря 1984) 474
Экспедиция на Алаколь и Зайсан (июнь 1985)..... 475
Совещание по заповедникам СССР (Львов, 18-19 декабря 1985) 482
Поездка в юго-восточные Кызылкумы (май 1986)..... 483
Прездка в Джунгарские ворота (июнь 1986) 484
Кустанай и Одесса-мама (июнь 1986) 486
ВНИИПрирода (Москва) – Ессентуки (октябрь-ноябрь 1986).....487
IX Всесоюзная орнитологическая конференция (Ленинград, декабрь 1986) 488
Пленум ЦС ВОО в Пущино (февраль 1987)..... 489
Журавлиный стационар в долине Копы (март-июнь 1987) 490
Поездка в Семипалатинскую область (июнь 1987)..... 495

60-летний юбилей заповедника Аксу-Джабаглы (август 1987) 496
Очередной Пленум ЦС ВОО в Пущино (март 1988) 497
Поездка в Асканию-Нова (май 1988)..... 499
Зайсанская котловина, Манрак и Чиликтинская долина (июнь 1988).... 500
Наблюдения за гнездом серпоклюва на Медео (июнь-август 1988)..... 503
6-е Совещание Рабочей группы по журавлям (Караганда, август 1988).....504
Заседание Комиссии по лошади Пржевальского (Алма-Ата, октябрь 1988).....506
Энциклопедия «Казахская ССР» и первые выборы директоров 507
Поездка на Дубунскую переправу (апрель 1989) 509
Симпозиум по горным птицам (Бишкек – Иссык-Куль, май 1989) 510
Экспедиция в Павлодарское Заиртышье (июнь 1989) 513
Первый аэровизуальный учёт серпоклюва из вертолёта (июль 1989) ... 518
Поездка на Украину: 35-летие школьного выпуска (июль 1989)..... 519
Симпозиум «Журавли Палеарктики» (Таллинн, сентябрь 1989)..... 520
Первая поездка в Ашхабад по рукописи «Птицы Средней Азии».....521
Учредительная конференция Экологического союза (Москва, 1989).....522
Экспедиция на Устюрт через Узбекистан (апрель-май 1990)..... 523
Сериал Би-Би-Си «В гостях у русского медведя» (1989-1990) 539
Учёт сурка Мензбира в горах Каржантау (июль 1990) 542
Первая поездка на Космодром Байконур (сентябрь 1990)..... 546
Всесоюзная конференция по заповедникам (Новгород, сентябрь 1990).....548
«Редкие и малоизученные птицы Средней Азии» (Бухара, октябрь 1990)..... 550
Анатолий Никифорович Пославский (1937-1994) 552
Учредительная конференция Общества защиты животных (Москва, 1990)..... 565
Вторая поездка по сводке «Птицы Средней Азии» (Ташкент, январь 1991) 567
Полевые работы в районе Нурлы (долина Или, апрель-май 1991)..... 567
Поиски гнёзд белого аиста в Чимкентской области (июнь-июль 1991) 570
И снова серпоклюв (Большое Алматинское озеро, июль 1991)..... 571
Поездка на месторождение бурого угля Ой-Карагай (Центр. Тянь-Шань)..571
Последняя Всесоюзная орнитологическая конференция (Витебск, 1991) ..572
Байконур – Ессентуки (октябрь-ноябрь 1991) 573
Переиздание Красной книги Казахстана (1991)..... 574
Перестройка и провозглашение суверенитета в Казахстане 575
Наши герпетологи 576
Наши териологи..... 582
Институт зоологии Академии наук Казахской ССР..... 597
Павел Иустинович Мариковский (1912-2008)..... 599
Максим Дмитриевич Зверев (1896-1996)..... 609
Виктор Яковлевич Панин (1929-2005). 621
Литература 627
Указатель названий птиц..... 633
Указатель географических названий 639
Именной указатель 647